

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

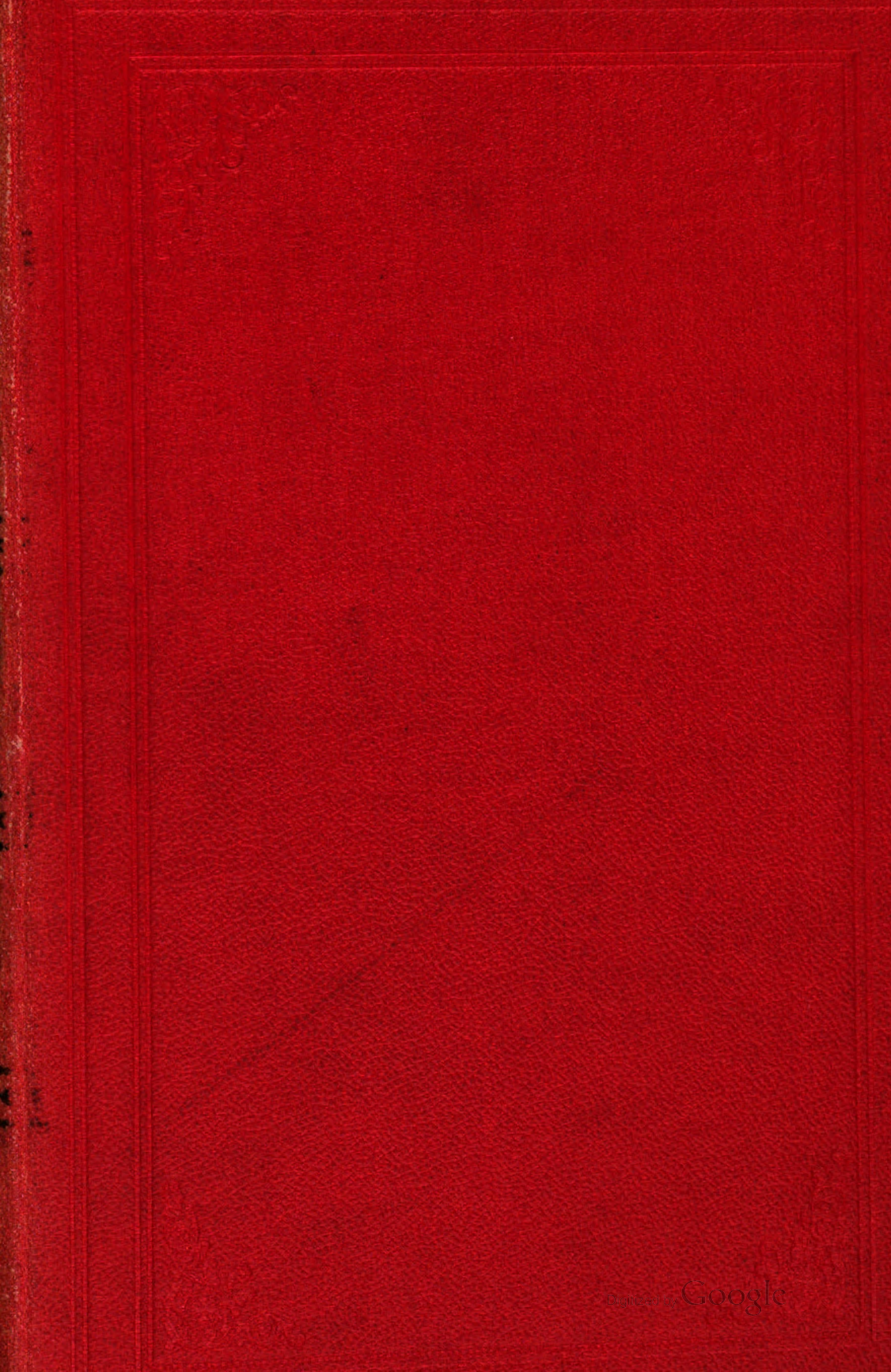
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

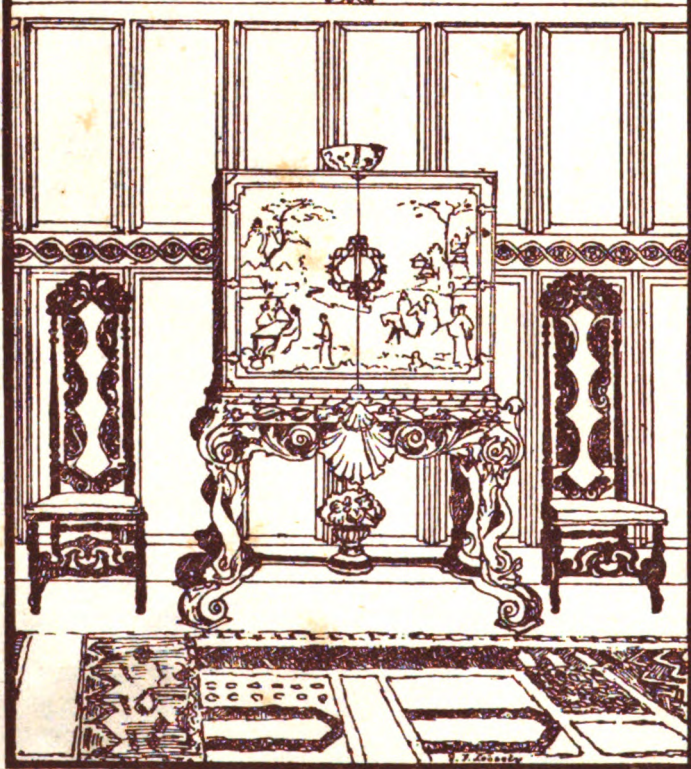
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Exc Libris

WED. Allen

Russkaja starina.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. СЕМЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1890 Г.

ЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1890.

1911年
12月
10日

ノ一四一七

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ,

ИСТОРИОГРАФЪ, СЕНАТОРЪ.

† 1790 г.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА КИРЬЕВА.

Род. 1789 г., † 1865 г.

Помѣщаемыя далѣ Записки принадлежать дворянину Симбирской губерніи, Ставропольскаго уѣзда, бывшему воспитаннику Дворянскаго полка—первѣйшихъ по времени наборовъ волонтеровъ изъ дворянъ въ этотъ полкъ—1808-го или 1809-го года. Въ сентябрѣ 1811 года Михаилъ Николаевичъ Кирѣевъ выпущенъ изъ Дворянскаго полка подпоручикомъ въ учебный баталіонъ.

Впослѣдствіи времени М. Н. Кирѣевъ былъ предводителемъ дворянства въ Ставропольскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, именно въ 1841 году. Скончался онъ въ 1865 году.

Для многочисленныхъ питомцевъ Дворянскаго полка и Константиновскихъ кадетскаго корпуса и военнаго училища эти записки особенно любопытны, такъ какъ заключаютъ въ себѣ довольно много подробностей о древнѣйшей исторіи Дворянскаго полка, объ этомъ отрядѣ волонтеровъ, основанномъ, какъ извѣстно, въ 1807 году, именно о времени, о которомъ такъ мало въ печати извѣстно.

Записки М. Н. Кирѣева весьма обязательно сообщены на стран. «Русской Старинѣ» ея сотрудникомъ Александромъ Александровичемъ Кирѣевымъ, племянникомъ ихъ составителя. Приносимъ Александру Александровичу глубочайшую нашу благодарность за это вполне интересное сообщеніе ¹⁾.

Ред.

¹⁾ Разсказъ М. Н. Кирѣева едва ли ни единственный, который относится къ эпохѣ основанія Дворянскаго полка. Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., томъ XXVIII, были помѣщены воспоминанія Ефима Ив. Толчѣва о томъ же полкѣ, но за время болѣе позднее, именно 1815—1820 гг.

Ред.

Нѣсколько разъ приходила мнѣ мысль описать всѣ обстоятельства моей жизни съ самой юности. Нѣсколько разъ принимался писать, но все выходило нескладнымъ и я бросалъ написанное. Много этихъ отрывковъ валялось въ моемъ столѣ и я потерялъ уже надежду исполнить когда нибудь мое желаніе.

Разъ, пересматривая старыя книги, я нашелъ переплетенную въ пергаментъ, оказалось—апостоль, изданный для того времени довольно изящно, съ довольно хорошими гравюрами евангелистовъ и картиною изъ апокалипсиса. Разсматривая книгу со вниманіемъ, я нацѣль на ней надпись, что она подарена покойному моему дѣду—М. М. Кирѣеву, убитому пугачевцами, о чемъ значится въ „Исторіи Пугачевского бунта“, А. С. Пушкина,—подарена придворнымъ протоіереемъ Іоанномъ; въ ней рукою моего дѣда записаны время рожденія и смерти его дѣтей. На другой страницѣ рукою покойной матери моей—день ея свадьбы, время рожденія старшей сестры, мое и брата меньшаго моего, и отдѣльно: тогда-то взять учитель; тогда-то отданъ въ пансіонъ Вильфингу, опредѣленъ въ гимназію, поѣхалъ въ корпусъ, выпущенъ въ офицеры, пріѣхалъ въ Казань поручикомъ. Читая эти строки, явилась у меня мысль воспользоваться ими и взять ихъ какъ канву для разсказа о моей жизни. Я началъ писать эту тетрадь. Что-то выйдетъ? Но, что бы ни вышло, для васъ, мои милыя дѣти, будетъ это интересно и, конечно, вы не будете строгими для меня критиками, а можетъ быть тетрадь эта принесетъ вамъ пользу. Въ ней вы будете видѣть всю жизнь мою, какъ въ зеркалѣ; увидите, какъ развивался характеръ мой, какое вліяніе на него имѣло воспитаніе, мнѣ данное, семейное положеніе,—и тогда поймете, какъ много значитъ для человѣка впечатлѣніе, которое получаетъ онъ въ молодости, какъ они измѣняютъ его характеръ, и это предостережетъ васъ отъ ошибокъ при воспитаніи дѣтей вашихъ.

Мих. Ник. Кирѣевъ.

I.

Мой дѣдъ Михаилъ Михайловичъ Кирѣевъ.

Эпизодъ изъ пугачевского бунта.

Рассказъ, помѣщаемый здѣсь о моемъ дѣдушкѣ Михаилѣ Михайловичѣ, записанъ мной въ 1820-хъ годахъ со словъ очевидца его гибели отъ рукъ пугачевцевъ.

М. Н. Кирѣевъ.

Не желаніе прослыть авторомъ заставили писать вашего отца! желаніе передать памяти вашей геройской подвигъ вашего прадѣда, его самоотверженіе, любовь къ Богу и преданность къ престолу. Пусть примѣръ его будетъ неизгладимо запечатлѣнъ въ сердцахъ вашихъ, вы встрѣтите неустрашимо смерть: какъ умеръ прадѣдъ, скажите вы, такъ умремъ и мы!

Не запятнаемъ постыдною трусостью родъ праведника, коего никакія страданія не въ силахъ были поколебать въ вѣрности къ долгу.

Во время страшнаго бунта злодѣя Пугачева, прадѣдъ вашъ жилъ въ Пензенской губерніи, въ имѣніи своемъ, въ с. Родникахъ. Онъ былъ богатырь и по сложенію и по характеру; къ 12-ти вершковому росту и неимоверной ширинѣ плечъ, явно выказывавшей чрезмѣрную силу, онъ присоединялъ необычайную ловкость. Онъ леталъ на конѣ соволомъ, какъ рассказывалъ мнѣ покойный мой дядька, бывший еще мальчикомъ у него въ стремянныхъ; билъ изъ винтовки любого гуся на пруду. Семейство любило его до обожанія. Богатые сосѣди уважали и боялись: насмѣшка острая дѣлала ихъ осторожными въ обращеніи съ нимъ. Бѣдные—имѣли въ немъ судью хотя строгаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегдашняго покровителя; дворня и крестьяне видѣли въ немъ отца: всѣ нужды ихъ онъ зналъ самъ, никто не имѣлъ власти взыскивать съ нихъ, кромѣ его,—мудрено ли, что они любили его.

За долговременную службу въ лейбъ-кампаніи онъ получилъ чинъ вахмистра, былъ извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ и въ этомъ же чинѣ оставилъ службу.

Вамъ удивительно, друзья мои, что таковой ничтожный чинъ могъ выслужить прадѣдъ вашъ, но я уничтожу ваше недоразумѣніе: чинъ вахмистра лейбъ-кампаніи равнялся секундъ-маіору арміи, и многіе добивались этого чина, какъ особенной милости императрицы. Лейбъ-кампанскій корпусъ, коего капитаномъ была сама государыня, сформированный изъ дворянъ старинныхъ фамилій, огромнаго роста красавцевъ, былъ цвѣтъ дворянства русскаго ¹⁾. Будучи лично извѣстны Великой Екатеринѣ, многіе занимали впоследствии высшія должности въ государствахъ.

Когда дошелъ слухъ о приближеніи бунтовщика, дѣдъ рѣшился удалить жену и малолѣтнихъ дѣтей въ другую деревню, но ни слезы беременной жены, ни вопли уже взрослыхъ дочерей, не могли убѣдить его уѣхать съ ними; онъ остался со старшимъ сыномъ, только что пріѣхавшимъ въ отпускъ, по производствѣ въ офицеры. На всѣ убѣжденія близкихъ, онъ отвѣчалъ: „Мнѣ нельзя уѣхать, я—дворянинъ, скажутъ, что я испугался, струсилъ вора: нѣтъ, умру, а не уѣду, матушка царица васъ не оставитъ!“

— Отпусти, по крайней мѣрѣ, со мною сына, упрашивала его жена.

— Нѣтъ, возьми меньшихъ, а этотъ пусть умретъ, онъ будетъ драться съ ворами.

Горькія слезы семейства не поколебали рѣшимости его, онъ отеръ наворачивающую слезу, благословилъ ихъ, сѣлъ въ линейку и поскакалъ къ сосѣдямъ убѣждать ихъ собраться съ дворовыми людьми, болѣе надежными, къ нему въ домъ. Домъ этотъ былъ каменный, съ подвалами, желѣзными дверьми и рѣшетками. Въ нижнемъ этажѣ въ подвалахъ заготовлено было провизіи и воды недѣли на двѣ. По убѣжденію его, помѣстились въ немъ двѣнадцать человѣкъ дворянъ, старый священникъ и до сорока человѣкъ съ оружіемъ и лучшимъ имуществомъ.

Нѣсколько дней партіи не являлись въ окрестностяхъ, нако-

¹⁾ Необходимо объяснить, что лейбъ-кампанія учреждена была въ декабрѣ 1741 г. императрицею Елисаветою и состояла далеко не изъ старинныхъ дворянъ: большинство только тогда въ дворянство и возведены; Петръ III распустилъ лейбъ-кампанцевъ, но Екатерина II большую часть ихъ вновь собрала и составила изъ нихъ корпусъ кавалергардовъ. М. М. Кирѣевъ, вѣроятно, былъ въ числѣ кавалергардовъ.

нець узнали, что человекѣ двѣсти сволочи, подѣ командою казавовѣ, грабятъ въ десяти верстахъ домѣ помѣщика.

— Смѣются что-ли они, воры, надѣ нами, подѣ носомѣ озорничаютъ, я ихѣ уйму, лошадей! закричалѣ запальчиво старикѣ. Охотники бросились исполнять приказаніе его, подѣ надзоромѣ сына и нѣкоторыхѣ дворянѣ.

— А что, Миша, спросилѣ его Вака, шутѣ-любимецѣ, не лучше-ли не дразнить шмелей?

— Развѣ ты струсилѣ, подлець?

— Мнѣ что трусить, Миша, я не баринѣ, за себя, ты знаешь, я постоять умѣю, кистень изѣ рукѣ не вывалится.

Вака былѣ не дуракѣ, а балагурѣ, силачѣ, лихой наѣздникѣ и охотникѣ, а потому былѣ любимцемѣ прадѣда вашего. Вака щегольски разыгрывалѣ роль шута, былѣ въ славѣ въ околodeѣ, люди боялись его языка, а волки—кистень, которымѣ онѣ на всемѣ скаку билѣ ихѣ безѣ промаха.

— Я съ тобою, Миша, сказалѣ шутѣ задумавшемуся барину.

Лошадей осѣдлали. Вака на пѣгомѣ жеребцѣ, грива котораго почти волочилась по землѣ, балагурилѣ съ охотниками, нѣсколько оробѣвшими. Вышелѣ прадѣдѣ вашѣ съ сыномѣ и большею частью дворянѣ, старецѣ священникѣ благословилѣ ихѣ.

Прадѣдѣ вашѣ былѣ въ оберѣ-рокѣ, поверхѣ котораго была надѣта тяжелая лейбѣ-кампанская кираса. На толстой серебряной цѣпи висѣлъ огромный палашѣ, голова была покрыта шпакомѣ; цѣлою головою онѣ былѣ выше прочихѣ. Сынѣ его, Киприянѣ Михайловичѣ, былѣ видный молодой драгунскій офицерѣ въ формѣ своего полка.

— Съ Богомѣ! сказалѣ прадѣдѣ вашѣ своимѣ спутникамѣ.

Осенній день вечерѣлъ; знакомые съ мѣстностью охотники, пройдѣвавѣ рощею, спустились въ оврагѣ, которымѣ можно было подѣхатѣ незамѣтно къ саду дома, гдѣ были злодѣи.

Дождѣвшись ночи, Вака съ четырьмя человекѣми, по приказанію барина, прокрался къ дому, товарищи его залегли въ кустахѣ, онѣ сбросилѣ армякѣ, прикрывавшій его шутовской нарядѣ, и безстрашно пошелѣ къ пирующимѣ.

— Богѣ на помощь! сказалѣ онѣ войдя.

— Кого тебѣ надобно? спросилѣ его мертвецки пьяный казакѣ, котораго прочіе называли полковникомѣ.

— Того, кто потчиваетъ виномъ, отвѣчалъ, принявъ на себя пштовскую рожу, Вака.

— Видно охотникъ, шельма, смертный, отвѣчалъ Вака и залпомъ выпилъ стоявшій на столѣ полуштофъ.

— Славно, связалъ казакъ.

Вака началъ врать прибаутки, припѣвая и приплясывая, какъ бы не нарочно бралъ ружья и пистолеты, сыпалъ потихоньку порохъ съ полокъ.

Пьяная ватага не могла замѣтить его продѣлки. Наконецъ, притворившись мертвецки пьянымъ, онъ вдвоемъ съ однимъ изъ казаковъ отправился показывать по секрету зарытыя деньги въ садъ. Подошедъ къ концу сада, Вака схватилъ товарища за горло; куда тотъ старался выбиться изъ желѣзныхъ рукъ Вака, изъ кустовъ вышли товарищи послѣдняго и безъ шума связали казака, а чтобы тотъ не кричалъ, вложили въ зубы кляпъ и сѣли на лошадей. Вака помѣстилъ на сѣдлѣ своего молчаливаго по неволѣ товарища и пѣгой, какъ бы не чувствуя двойной тяжести, крупною рысью полетѣлъ за товарищами.

По приѣздѣ, Вака донесъ, что вся ватага мертвецки пьяна, пируетъ въ барскомъ домѣ.

— Зажечь домъ со всѣхъ четырехъ угловъ, связалъ старикъ Вака, а мы поспѣемъ.

Черезъ короткое время пламя вспыхнуло и всѣ подъ предводительствомъ прадѣда вашего бросились на барскій домъ. Безчувственно пьяные казаки схватили оружіе, бросились изъ дома. Стѣснясь въ сѣняхъ, мѣшали другъ другу выйти.

— Ну-ка, Купріяша, плюнь имъ въ глаза, сказалъ Вака молодому барину, видишь, съ просонья не протрутъ глаза.

Раздался выстрѣлъ изъ мушкетантъ, какъ дождемъ обдало картечью толпившихся въ сѣняхъ, всѣ бросились назадъ.

„Заражай, Купріянь“, сказалъ прадѣдъ вашъ, и въ свою очередь выстрѣлилъ изъ мушкетанта, висѣвшаго у него близъ сѣдла, тягостью и огромностью калибра сподручнаго только силачамъ того времени.

За оглушительнымъ трескомъ слышались стоны раненыхъ; проворный и смѣтливый Вака для защиты осаждающихъ велѣлъ подвезти воза награбленнаго имущества, приготовленнаго злодѣями для отправки къ главному отряду.

Въ окнахъ показалось нѣсколько человѣкъ съ оружіемъ. Но недолго злодѣи могли держаться въ домѣ, огонь проникъ во внутрь комнатъ и они бросились опростеку въ сѣнямъ. Опять раздались выстрѣлы мушкетантовъ, но отчаяніе взяло верхъ, нѣсколько удѣлѣвшихъ отъ ранъ выскочили изъ дверей.

„Вотъ и моему дураку работа“, сказалъ Вака, и тяжелый кистень завизжалъ въ рукѣ его; многіе охотники имѣли для волчей охоты также кистени и управлялись ими ловко. Всѣ выпрыгнувшіе легли подъ ударами ихъ. Домъ пылалъ; убитые, раненые и мертвецки пьяные злодѣи горѣли вмѣстѣ съ нимъ.

На другой день староста прадѣда пришелъ доложить ему, что молодой священникъ читалъ какую-то бумагу отъ царя Петра III, что ни онъ, ни мужики ничего не поняли; что попъ былъ пьянъ и уговаривалъ ихъ идти съ покорною головою къ царю, который находился верстахъ въ пятнадцати; „но крестьяне безъ твоего спроса, батюшка, нейдутъ“.

Попъ разругалъ ихъ и поѣхалъ одинъ съ какимъ-то кривымъ мѣщаниномъ.

Ночью караульные разбудили прадѣда вашего; багровое зарево видѣлось надъ деревней, въ которой были истреблены бунтовщики; вслѣдъ за нимъ вспыхнуло ближайшее село, и менѣе чѣмъ въ часъ всѣ окрестныя деревни пылали. На дворѣ въ осеннюю ночь было свѣтло, какъ днемъ. Спустя не много времени, приближалъ крестьянинъ и объявилъ, что Пугачевъ съ огромной партией остановился верстахъ въ пяти и утромъ, по убѣжденію попа и доноса цѣловальника объ истребленіи партіи бунтовщиковъ, явится въ Родники. Прадѣдъ вашъ собралъ людей, объявилъ имъ объ опасности и дозволилъ тѣмъ, которые боятся умереть, выйти изъ дому. Всѣ бросились на колѣни.

— „Жили съ вами, отцы наши, и умремъ съ вами!“ закричали они въ одинъ голосъ.

Старый священникъ осѣнилъ ихъ крестомъ, всѣ бросились цѣловать крестъ, произнося клятву быть вѣрными.

Почти съ разсвѣтомъ явился казакъ и передалъ черезъ мужава указъ Пугачева, называвшагося Петромъ III, чтобъ прадѣдъ вашъ съ дворянами шелъ къ батюшкѣ-царю безъ опаски что онъ за прежнюю его службу пожалуетъ и что онъ, не узнавъ его партіи, разбилъ и ее, въ вину ему не поставитъ, потому что

та партія, безъ вѣдома царя, озорничала. Желалъ-ли самъ выманить дѣда хитрый Пугачевъ, или, узнавъ о храбрости и уваженіи къ Мих. Ник. Кирѣеву всего околodka, желалъ привлечь его на свою сторону обольщеніями,—не извѣстно.

Прадѣдъ вашъ прочиталъ письмо всѣмъ, но никто не согласился купить жизнь безчестно. Онъ написалъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

— „Петра III я видѣлъ мертваго, былъ при его погребеніи, присягнулъ императрицѣ Екатеринѣ. Знаю, что называющій себя царемъ—Емелька Пугачевъ, воръ и разбойникъ“.

Не прошло часу, по дорогѣ показались приближавшіеся бунтовщики. Огромная партія казаковъ, мѣщанъ, дворовыхъ людей и крестьянъ окружила домъ; нѣкоторые были вооружены и большая часть съ пиками, топорами, косами и желѣзными вилами. Вдали виднѣлся кружокъ лучше вооруженныхъ и одѣтыхъ; то была свита приближенныхъ къ Пугачеву, въ ней былъ кривой цѣловальникъ и пощъ съ крестомъ въ рукахъ; нѣсколько человекъ казаковъ, отдѣляясь отъ свиты съ попомъ, подѣхали къ мужикамъ и о чемъ-то жарко разговаривали; видно было, что послѣдніе сопротивляются; человекъ до двадцати изъ свиты Пугачева вновь подѣхали къ толпѣ, подвезли бочку съ виномъ, чернь бросилась пить, кто чѣмъ попало... Наконецъ, вся толпа бросилась къ дверямъ подъ предводительствомъ казаковъ; нѣкоторые тащили бревна, вѣроятно, чтобъ выбивать рѣшетки нижняго этажа или двери.

Раздался залпъ винтовокъ и ружей; рѣдая пуля миновала свою цѣль; человекъ двадцать казаковъ слетѣли съ лошадей; вся толпа бросилась назадъ. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, толпа; предводительствуемая казаками, съ ужаснымъ ревомъ вновь бросилась выбивать двери. Опять посыпался градъ пуль.

Разбѣшенныя неудачей, злодѣи, боясь подходить близко, подвезли пушку; долго уставляли, наконецъ раздался выстрѣлъ, ядро задѣло карнизъ и часть крыши, не панеся никакого вреда. Сдѣлали еще нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ и хотя одинъ попалъ въ окно, но также не сдѣлалъ никакого вреда. Одинъ изъ людей, глядѣвшій изъ слуховаго окна, прибѣжалъ къ прадѣду и доложилъ, что значительная толпа народа скопилась въ саду. Старикъ послалъ сына и Ваку посмотрѣть куда клонится умы-

сель злодѣевъ. Вака сбѣжалъ внизъ и разсказалъ старому барину свои догадки. Лучшіе стрѣлки съ винтовками и старый Ефимъ явились къ слуховымъ окнамъ. Прадѣдъ не могъ взойти по крутой лѣстницѣ и остался внизу охранять наружную часть дома. Ефимъ пустил нѣсколько пуль и каждая свалила съ коня казака, но работа не прекращалась: видно было, что казаки били нагайками крестьянъ, не охотно исполнявшихъ ихъ приказанія. Наконецъ, телѣгъ пятьдесятъ съ сѣномъ, соломой и дровами начали подѣзжать къ дому; казаки прятались за деревьями и возами, били крестьянъ, если тѣ останавливались. Казаки зажгли солому и сѣно. Пожаръ началъ распространяться; дымъ валилъ прямо въ слуховыя окна, стрѣлять было невозможно.

Дядя вашъ донесъ отцу объ угрожающей опасности, тотъ собралъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ домѣ и объявилъ, что болѣе нѣтъ спасенія. Большая часть предалась отчаянію, но старикъ не потерялъ присутствія духа, подозвалъ къ себѣ бывшихъ съ нимъ дворянъ и сказалъ:

— „Я съ сыномъ умру, но не признаю злодѣя царемъ, а вы, братцы?“

„Умремъ съ тобою, Михайло Михайловичъ!“

Тутъ прадѣдъ подозвалъ священника, всѣ встали на колѣна и приобщились Святыхъ Таинъ запасными дарами, которые имѣлъ съ собою старецъ священникъ.

Торжественна была эта минута: ни стоновъ, ни рыданія не было слышно, только однѣ молитвы, шопотомъ произносимыя. Старецъ, какъ бы вдохновенный, сказалъ: „благословляю васъ, вѣрные Богу и престолу на страданіе. Да подкрѣпятъ васъ Всевышній къ принятію вѣнца мученическаго“.

Всѣ начали прощаться другъ съ другомъ, дворовые цѣловали руки и ноги господъ своихъ и обливали ихъ горькими слезами.

Дымъ началъ врываться въ зало, гдѣ происходила эта ужасная сцена; медлить было невозможно. Прадѣдъ вашъ подозвалъ къ себѣ сына, чтобъ благословить его, тотъ всталъ на колѣна и принялъ благословеніе отца, давъ клятву не признавать царемъ Пугача.

Отворили двери въ сѣняхъ; сперва вышли дворовые, за ними вашъ прадѣдъ въ полномъ вооруженіи лейбъ-кампанца. Толпа злодѣевъ кинулась на него съ пиками, но они, какъ тростинки

перелетѣли отъ удара его палаша. Бой завязался, справа возлѣ дѣда вашего визжалъ кистень Ваки, слѣва Ефимъ кроилъ огромнымъ топоромъ желавшихъ нанести ударъ его отцу-барину. Наконецъ, палъ этотъ вѣрный слуга, прострѣленный на вылетъ пулею. Раздался еще выстрѣлъ, прадедъ вашъ запнулся, упалъ на колѣна, пистолетная пуля раздробила его ногу ниже колѣна. Толпа бросилась было убить его саблями, уже нанесли нѣсколько ударовъ, но они не въ силахъ были прорубить его шпашекъ и латы, какъ вдругъ раздалось слово: „не бейте стараго пса, ведите къ царю“. Послѣ многихъ усилій, удалось злодѣямъ выбить палашъ изъ ослабѣвшихъ рукъ старца, и его повели къ Пугачеву, который сидѣлъ верхомъ на башкирскомъ иноходцѣ.

Костюмъ его была смѣсь казацкаго и прежняго боярскаго; на груди навѣшаны разные ордена, надѣтые вовсе не правильно. Его окружали казаки и каторжники, на звѣрскихъ лицахъ коихъ видны были слѣды клеймъ. Прадедъ вашъ не могъ стоять, его посадили на землю.

— Что бѣсишься, старый чортъ? спросилъ его Пугачевъ, неужели не узналъ своего царя?

— Развѣ ты царь? спросилъ старецъ.

— Что, видно, старый слуга узнавать меня сталъ?

— Нѣтъ, ты не царь, а злодѣй-бунтовщикъ Емелья Пугачевъ; православные, не вѣрьте этому извергу, схватите его, васъ наградить матушка-цацари!

— А, такъ ты до меня добираешься, увидимъ, не заговоришь ли другое; Власъ, сказалъ Пугачевъ одному изъ каторжниковъ, расправь ему косточки, да смотри умненько.

— Не привыкать, царь-батюшко, отвѣчалъ злодѣй.

Нѣсколько человекъ бросились на прадеда вашего, сорвали съ него кирасу и платье, привязали руки къ пушкѣ, а ноги къ лафетному станку. Извергъ, исполнявшій должность палача, началъ бить его нагайкой; кровь обливала страдальца, но онъ читалъ молитвы; взбѣшенный злодѣй усилилъ удары, но не вырвалъ ни одного стона у праведника.

— Стой, закричалъ Пугачевъ, подведите къ нему сына; страдалецъ приподнялъ голову и увидалъ сына, скованнаго по рукамъ и ногамъ.

— Повинись, сказалъ ему Пугачевъ, я помилю тебя и

твоего сына, не повинисья—велю его повѣсить предъ твоими глазами.

— Не жалѣй меня, отецъ, я не опозорю тебя и съумѣю умереть, прервалъ Кипріянь Михайловичъ.

— Богъ благословитъ тебя, сынъ мой, теперъ я умру покойно.

— На ворота щенка! закричалъ Пугачевъ, и дядю вашего повѣсили на ворота предъ глазами отца.

Пугачевъ замѣтилъ, что твердость старца тронула самихъ изверговъ его спутниковъ и нѣкоторые изъ казаковъ начали роптать на звѣрство его. Онъ, обернувшись къ палачу, сказалъ:

— Покончи, Власть! Раздались еще нѣсколько ужасныхъ ударовъ и молитва замолкла въ устахъ праведника, онъ скончался.

— Псамъ на кормъ, заревѣлъ Пугачевъ. Никто не смѣй хоронить!

Въ это время съ рыданіемъ бросился на трупъ своего барина Вака, обнялъ ноги его своими руками; ударъ кистенемъ раздробилъ ему черепъ.

Партія Пугачева, перевѣшавъ дворянъ и ограбля имущество, собранное въ домѣ, ушла, а по уходѣ ихъ старецъ священникъ похоронилъ тѣла убіенныхъ въ другомъ селѣ, потому что товарищъ его не допустилъ похоронить въ с. Родникахъ, Мокшанскаго уѣзда, Пензенской губерніи.

Прадѣда нашего положили въ одной могилѣ съ вѣрнымъ Вакой, руки котораго закостенѣли, обнявъ ноги его, и ихъ не могли рознять.

Примѣчаніе. Разсказъ о смерти Михаила Михайловича Кирѣева (онъ значится въ спискахъ убитыхъ Пугачевымъ въ «Исторіи Пугачевского бунта» А. С. Пушкина, изд. 1855 г., т. VI, стр. 254; при чемъ тамъ отмѣчено, что онъ убитъ съ дочерью), записанъ, какъ уже сказано выше, со словъ очевидца, пнукомъ убитаго—Михаиломъ Николаевичемъ Кирѣевымъ, въ 1820-хъ годахъ.

А. А. Кирѣевъ.

II.

Родители. — Мое дѣтство.

Я родился въ Симбирской губерніи, въ селѣ Озеркахъ, въ имѣніи тетки моей, гдѣ постоянно жила мать моя по смерти родителей. Тетка моя, А. И., лѣтъ 14-ти была отдана замужъ за старика лѣтъ 60-ти, строгаго, капризнаго, прожила съ нимъ безвыѣздно въ деревнѣ лѣтъ двѣнадцать... Приученная къ аккуратности и порядку, она привыкла также считать строгость и холодность въ обращеніи съ людьми необходимостью, и, бывъ отъ природы надѣленною характеромъ твердымъ, настойчивымъ, соединеннымъ съ умомъ необыкновеннымъ, поставила мать мою въ такую зависимость, что та считала всякое слово ея закономъ, не позволяла себѣ никакихъ возраженій противъ приказаній сестры, облеченныхъ въ форму совѣтовъ, и безусловно повиновалась ей волѣ.

Мать моя имѣла другую сестру, Н. И., выданную замужъ въ Саратовскую губернію, мужъ которой задолжалъ значительную сумму и потомъ вынужденъ былъ продать имѣніе жены въ Оренбургской губерніи. Имѣніе это еще не было раздѣлено и потому имъ управляла, какъ старшая сестра, тетка моя А. И. Н. И. пріѣхала въ Озерки, чтобъ условиться въ раздѣлѣ съ ними; пріѣхалъ и покупатель имѣнія, впоследствии отецъ мой. Онъ былъ мужчина лѣтъ 26, прекрасной наружности, служилъ нѣсколько времени въ гвардіи офицеромъ и за тяжкія раны въ грудь пулею, полученною при штурмѣ Измаила, оставилъ службу. Перваго свиданія достаточно было, чтобы мать моя и отецъ полюбили другъ друга. Любовь ихъ не скрылась отъ прозорливости старшей сестры; чтобы не дать укорениться этой привязанности, она придумала средство, не оскорбляя отца моего, удалить его изъ Озерковъ; завела споръ о наслѣдствѣ, Н. И. наговорила дерзости ея мужу, человѣку простому, и этимъ принудила ихъ уѣхать немедленно изъ ея дома; съ ними уѣхалъ и отецъ мой, объяснясь прежде съ матерью моею и прося ее передать сестрѣ его предложеніе. Мать, по робости характера, не смѣла сказать старшей сестрѣ о предложеніи, ей сдѣланномъ, и

о своей привязанности. Тетка видѣла ея грусть, понимала причину, но молчала. При случаѣ, когда начинала бранить Н. И. или ея мужа, прилетала и отца моего, рассказывая, что она слышала отъ вѣрныхъ людей, что онъ картежникъ, мотъ, собачникъ и буянъ; подобные отзывы пугали мать мою, но не могли истребить впечатлѣнія, сдѣланнаго на нее отцемъ моимъ. Прошло мѣсяца два. Отецъ, не получая никакихъ извѣстій, написалъ къ теткѣ письмо, въ коемъ просилъ руки моей матери. Тетка изорвала письмо и не сказала ни слова объ этомъ матери. Выведенная изъ терпѣнія, Н. И. подала просьбу, что она продала права на полученіе своей части моему отцу, а отъ него поступила просьба о выдѣлѣ купленной имъ части. Судъ сдѣлалъ распоряженіе составить опись имѣнію и отдать въ опеку. Испуганная этимъ распоряженіемъ тетка написала къ отцу моему, что она желала бы переговорить съ нимъ о раздѣлѣ лично; онъ не замѣшкываясь прїѣздомъ, согласился взять самую дурную часть и, по окончаніи раздѣла, сдѣлалъ вновь предложеніе моей матери. Тетка, желая какъ-нибудь отдѣлаться отъ него, потребовала, чтобъ онъ остался жить въ ея домѣ, продалъ свое саратовское имѣніе, думая, что онъ на это не согласится; къ крайней ея досадѣ, онъ безпрекословно принялъ всѣ условія, которыя она предложила; препятствія не оставалось, она согласилась на предложеніе его, но отложила свадьбу на полгода, чтобы успѣть сдѣлать приданое, все еще имѣвъ надежду разстроить эту свадьбу, и можетъ быть успѣла бы въ этомъ, если бы не случилось новаго обстоятельства по оренбургскому имѣнію: огромная дача была куплена у башкирцевъ и по ней назначено межеванье. Это рѣшило тетку ускорить свадьбой.

Отецъ мой имѣлъ характеръ кроткій и терпѣливо сносилъ капризы тетки, но не подчинялся ея властолюбію; дѣлая молча, что хотѣлъ и избѣгая объясненій, онъ избѣгалъ большую часть непріятностей. За то мать моя должна была выслушивать укорины сестры. Болѣе всего бѣсили тетку пристрастія отца къ псовой охотѣ и лошадямъ, которыя дѣйствительно вредили его здоровью.

Къ году родилась старшая моя сестра и, по фамильному сходству съ материнской родней, сдѣлалась любимицей тетки. За ней родился я, но бывъ точнымъ портретомъ отца, со дня рожденія

сдѣлался предметомъ ненависти тетки: „кирѣвская татарская образина“, говорила она: „пути въ немъ не будетъ“. Изъ мести мѣняли часто кормилицъ, начинавшихъ меня кормить; нѣкоторыя перемѣнены были за недостаткомъ молока, нѣкоторыя по капризу тетки, и отецъ, огорченный этимъ, приказалъ воспитывать рожкомъ; я былъ помѣщенъ въ кабинетъ отца, который приставилъ ко мнѣ, вмѣсто няньки, бывшего своего ловчаго, Фёдора Егорова, атлета по силѣ и росту (въ немъ было не менѣе двѣнадцати вершковъ), и эта няня пѣла басомъ „баюшки-баю“, таская меня безпрестанно по двору, на псарню, на конюшню.

III.

Дворянскій полкъ.

Третья, помѣщаемая вслѣдъ за симъ, глава — посвящена воспоминаніямъ о Дворянскомъ полку, за время съ 1808 или 1809 года по сентябрь 1811 годъ. Для того, чтобы уяснить себѣ какое значеніе имѣетъ эта глава по отношенію къ исторіи Дворянскаго полка, считаемъ необходимымъ привести здѣсь выписку изъ интересной книги генераль-маіора М. Г. Гольмдорфа: «Матеріалы для исторіи бывшаго Дворянскаго полка» Спб. 1882 г. Вотъ эта выписка:

— Въ началѣ текущаго столѣтія, обильнаго войнами, веденными Россією въ Европѣ и Азіи, составъ нашей арміи былъ увеличенъ, и съ переходомъ значительной части войскъ за предѣлы государства ощущался большой недостатокъ въ офицерахъ, какъ въ пополненія убыли въ полкахъ дѣйствующей арміи, такъ и для формированія новыхъ полковъ; съ другой стороны, признано было необходимымъ въ наискорѣйшее время ввести въ нашу армію правила тогдашняго французскаго воинскаго устава (взаимъ прусскаго).

«Потребовалось расширить подготовительныя заведенія для образованія офицеровъ, тѣмъ болѣе, что дворяне, поступавшіе до того времени въ ближайшіе къ мѣсту жительства ихъ полки, неохотно шли въ военную службу, имѣя въ виду немедленное отправленіе въ походъ.

«При такихъ обстоятельствахъ, императоръ Александръ Павловичъ, рескриптомъ отъ 14-го марта 1807 года на имя графа Кочубея, тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, повелѣлъ: молодымъ дворянъ отъ 16 и болѣе лѣтъ, желающихъ вступить въ военную службу, вмѣсто опредѣленія прямо въ полки унтеръ-офицерами, присылать въ петербургскіе кадетскіе корпуса, выдавая имъ прогонныя деньги для двухъ на три лошади. Принятыхъ такимъ образомъ дворянъ оставлять въ корпусахъ самое короткое время, для ознакомленія съ порядкомъ службы, обученія стрѣльбѣ въ цѣль и приобрѣтенія познаній, соответствующихъ назначенію, а затѣмъ представлять для производства въ офицеры и выпускать въ полки прапорщиками и корнетами.

Сборнымъ пунктомъ для всѣхъ прибывающихъ съ этой цѣлью дворянъ

Государю угодно было назначить 2-й кадетскій корпусъ, директоромъ котораго въ то время состоялъ генераль-майоръ Клейнмихель; на него и возложили обязанность готовить молодыхъ дворянъ къ офицерскому званію, обучая ихъ фронту и порядку службъ.

Бесма естественно, что большинство недостаточныхъ дворянъ, извѣщенныхъ чрезъ губернаторовъ и предводителей дворянства о дарованномъ имъ правѣ отдавать сыновей своихъ на казенное содержаніе, спѣшили воспользоваться этимъ правомъ, и дворяне стекались въ столицу партіями, иногда, человекъ въ 20. Многіе изъ числа прибывшихъ, несмотря на свою возмужалость, не знали русской граматки, или же оказывались вовсе неспособными къ военной службѣ. Такъ, пріѣхало много болѣзненныхъ и даже нашелся одинъ нѣмой.

Годные были приняты и, вмѣстѣ съ присланными юнкерами изъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ, послужили кадромъ для образованія новаго военно-учебнаго заведенія, получившаго названіе Волонтернаго корпуса.

Учрежденіемъ этимъ предполагалось удовлетворить только случайно увеличившейся потребности въ офицерахъ, и потому открытіе его, какъ заведенія временнаго, совершилось очень поспѣшно, безъ самыхъ необходимыхъ приготовленій. Несмотря на это, а равно и на совершенное отсутствіе учебно-воспитательнаго начала, Волонтерный корпусъ, переименованный въ слѣдующемъ 1808 году въ Дворянскій полкъ, къ началу того года выпустилъ уже 289 офицеровъ, изъ которыхъ 77—въ артиллерію.

Такое переименованіе состоялось, какъ можно полагать, при воспоминаніи объ имѣвшемся въ Россіи, въ царствованіе императора Павла, Дворянскомъ полку, но совершенно въ иномъ видѣ и на иныхъ началахъ. Тотъ полкъ находился подъ начальствомъ принца Конде (изъ французскихъ эмигрантовъ) и принадлежалъ къ составу существовавшаго въ то царствованіе въ русской службѣ корпуса принца Конде.

Число прибывающихъ для изученія службы дворянъ продолжало увеличиваться; отводимыя для нихъ помѣщенія становились столь неудобны и тѣсны, что Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, управлявшій еще съ февраля 1806 года всѣми военно-учебными заведеніями, принявъ мѣры къ ограниченію пріема, предписавъ директору 1-го кадетскаго корпуса, генераль-майору Клингеру (увольненъ въ 1820 г.), принимать и разсматривать всѣ просьбы объ опредѣленіи дворянъ и представлять ихъ его высочеству только по причинамъ, особенно уважительнымъ.

Вслѣдствіи, когда война съ Наполеономъ вновь потребовала чрезвычайныхъ вооруженій и когда встрѣчалась необходимость въ большемъ числѣ офицеровъ, въ особенности кавалерійскихъ, при Дворянскомъ полку сформировавъ, въ 1811 году, кавалерійскій эскадронъ изъ 110 дворянъ, для обученія которыхъ назначены способнѣйшіе кавалерійскіе офицеры, а содержаніе эскадрона и его обмундированіе возложено на 2-й кадетскій корпусъ.

Несмотря на строгія взысканія и суровость тогдашней дисциплины, шалости дворянъ были довольно часты, чему способствовало большое стеченіе молодыхъ взрослыхъ дворянъ изъ разныхъ краевъ съ различными началами домашняго воспитанія, иногда даже безграматныхъ, съ разнообразными характерами и образомъ мыслей, и нравственностью не у всѣхъ безукоризненною.

Строевыя занятія для дворянъ составляли, попрежнему, главный предметъ ихъ обученія; граматой и счетомъ занимались только самые слабые по познаніямъ, и то—при исключительной помощи ихъ же товарищей; все вниманіе

было обращено на строевую подготовку будущих офицеровъ, производимыхъ только изъ гренадеръ и унтеръ-офицеровъ прочихъ ротъ.

Однако, нѣкоторые дворяне, получившіе уже дома начальное образованіе, по желанію, прикомандировывались ко 2-му кадетскому корпусу, для окончанія наукъ, и тогда они жили и ходили въ классы вмѣстѣ съ кадетами, и по окончаніи курса выпускались въ офицеры артиллеріи. Иногда число такихъ простиралось до 40 человекъ.

Дворянскій полкъ выпускалъ своихъ воспитанниковъ въ офицеры, конечно, безъ строгаго разбора, даже по два раза въ годъ, до 500 человекъ въ каждый выпускъ. Приѣмъ въ Дворянскій полкъ не былъ ограниченъ комплектомъ; принимали въ него безъ экзамена и безъ строгаго разбора дворянства, основывались лишь на выданныхъ въ губерніи документахъ. Для поступленія въ полкъ являлись иногда сынъ вмѣстѣ съ отцомъ; послѣдній, получивъ отказъ въ приѣмѣ за старостью лѣтъ, возвращался въ губернію, иногда пѣшкомъ, имѣя за спиною тючекъ съ вещами. Весьма вѣроятно, что это обстоятельство и послужило поводомъ для кадетъ къ названію воспитанниковъ Дворянскаго полка тюками, подобно тому какъ воспитанниковъ 2-го корпуса прозывали деревяшками, а 1-го мясниками....»

(М. Г. Гольмдорфъ, стр. 7—11).

Далѣе мы послушаемъ разсказъ М. Н. Кирѣева о поступленіи имъ въ 1808 или 1809 году въ Дворянскій полкъ, о нахожденіи его тамъ и о выпускѣ изъ него въ офицеры въ сентябрѣ 1811 года (рукопись, глава III). Ред.

Въ Казань пріѣхалъ мой крестный отецъ В. А. Б. проѣздомъ въ Петербургъ. Я началъ проситься ѣхать съ нимъ, чтобы опредѣлиться въ корпусъ, и не встрѣтилъ сопротивленія. Меня отпустили, давъ человекъ изъ бабушкиныхъ людей, добраго, но глупаго. Я желалъ выѣхать съ дядькой, но на бѣду мою онъ былъ боленъ лихорадкою. Вояжъ нашъ былъ чрезмѣрно длиненъ: то заѣзжали по деревнямъ моего крестнаго отца, то по роднымъ. Долго мы прожили въ имѣніи родственника батюшки, Давыдова, старика почтеннѣйшаго, у котораго было три дочери; они ласкали меня, какъ ребенка, по росту я казался моложе настоящихъ своихъ лѣтъ.

По пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, крестный мой отецъ, человекъ нерѣшительный, все розмывалъ, гдѣ лучше меня опредѣлить, а время уходило. У меня было письмо отъ казанскаго коменданта къ адъютанту великаго князя Константина Павловича Н. Д. Олсуфьеву.

Я отправился въ Мраморный дворецъ. Это было часу въ десятомъ. Лакей, котораго я спросилъ, гдѣ найти мнѣ Олсуфьева, указалъ пріемную залу. Когда я вошелъ (цесаревичу) представлялись ординарцы. Его высочество, пересмотря ихъ, обратился ко мнѣ и спросилъ.

— „Что тебѣ надобно?“

— „Отдать письмо Николаю Димитріевичу Олсуфьеву“, отвѣчалъ я, вовсе не понимая съ кѣмъ говорю. Вел. кн. улыбнулся и, обратясь къ высокому, красивому адъютанту, сказалъ: „Николай, къ тебѣ письмо“. Онъ взялъ отъ меня письмо и хотѣлъ положить въ карманъ, но вел. кн., вновь улыбнувшись, сказалъ: „Читай, можетъ быть нужно“. Олсуфьевъ прочиталъ письмо и доложилъ, что оно отъ казанскаго коменданта, который нѣкогда былъ также адъютантомъ вел. кн., и что онъ просить объ опредѣленіи меня въ какой либо корпусъ, какъ сироту. Вел. кн., выслушавъ, спросилъ меня, потрепавъ благосклонно по плечу: „Здоровъ Димитрій?“ Я отвѣчалъ: „Здоровъ, ваше высочество“. — „Куда же ты хочешь опредѣлиться?“ — „Куда угодно вашему высочеству“. — „А чему ты учился?“ Я подалъ ему мой гимназическій аттестатъ; онъ пробѣжалъ его глазами и сказалъ: „Если половину знаетъ, и то славный малый“, и обратившись къ Олсуфьеву, приказалъ написать къ Андрею Андреевичу Клейнмихелю, чтобъ меня опредѣлили въ Дворянскій полкъ съ правомъ окончить курсъ наукъ при второмъ кадетскомъ корпусѣ. Всѣ откланялись вел. князю, и Николай Димитріевичъ приказалъ мнѣ идти за собой; онъ написалъ письмо Клейнмихелю и прочелъ его мнѣ. Оно было слѣдующаго содержанія: „По приказанію его высочества имѣю честь препроводить къ вамъ молодаго дворянина Кирѣева, въ которомъ его высочество принимаетъ участіе и желаетъ, чтобы онъ былъ опредѣленъ въ Дворянскій полкъ съ правомъ окончить воспитаніе въ классахъ втораго кадетскаго корпуса. Передавая вашему превосходительству волю его высочества, имѣю честь съ глубочайшимъ почтеніемъ быть“... и прочее. Письмо это, какъ послѣ увидите, могло проложить мнѣ блестящую карьеру. По прочтеніи письма, Николай Димитріевичъ накормилъ меня завтракомъ и отпуская, приказалъ, въ случаѣ надобности, обращаться къ нему.

Когда я явился въ квартиру и передалъ обо всемъ моему крестному отцу, онъ побранилъ меня, увѣряя, что опредѣлилъ бы въ гораздо лучшее заведеніе; но дѣлать было нечего, я долженъ былъ отправиться съ письмомъ. По пріѣздѣ моемъ, камердинеръ генерала доложилъ, что я пріѣхалъ съ письмомъ отъ Олсуфьева, и мнѣ немедленно приказано было идти въ кабинетъ. Высокій ростъ

и строгое лицо генерала нѣсколько сконфузили меня, но когда онъ прочиталъ письмо, то привѣтливо погладилъ по головѣ и сказалъ: „Хорошо, мы тебя опредѣлимъ“. „Ординарца!“ вскрикнулъ онъ, отворяя нѣсколько дверь кабинета. Ординарецъ явился вытянутый въ струнку. Генералъ обглядѣвъ его съ ногъ до головы, сказалъ: „Сейчасъ позвать ко мнѣ Дюшена и Бородина!“ И взявъ меня за руку, сказалъ: „Пойдемъ позавтракать“. Я отвѣчалъ, что завтракалъ уже. Онъ опять погладилъ меня по головѣ, приговаривая: „Славный малый, ходи ко мнѣ“. Въ гостинной никого не было кромѣ лакея. „Генеральша и барышни развѣ не будутъ завтракать?“ спросилъ онъ лакея.— „Никакъ нѣтъ, в. пр., онѣ только изволили встать“. — „Вѣрно вчера проплясали долго“, проворчалъ генералъ и принялся уписывать завтракъ, состоявшій изъ картофеля и чухонскаго масла. Немного уже оставалось на блюдѣ, какъ ординарецъ доложилъ, что требуемые офицеры пришли. Генералъ вышелъ въ зало вмѣстѣ со мной.

— „Напишите сейчасъ просьбу этому молодцу объ опредѣленіи въ Дворянскій полкъ“, сказалъ онъ Дюшену, а вы, капитанъ, возьмите его въ взводную роту съ зачисленіемъ въ гренадерскую, и обратите особое вниманіе; онъ подъ покровительствомъ его высочества!“ — „Слушаю, в. пр.!“ было отвѣтомъ Бородина, и Дюшень пригласилъ меня идти съ собою.

Квартира его была очень близко отъ генеральской. По приходѣ къ нему, онъ отобралъ отъ меня нужныя бумаги, приказалъ писарю написать просьбу и отпустилъ, приказавъ явиться завтра.

На другой день крестный мой отецъ повезъ меня къ Дюшену и по его совѣту заказалъ для меня экипировку, которая должна была быть готова черезъ два дня. И дѣйствительно, мнѣ принесли все, что только было нужно. Портной взялся найти для меня киверъ и портупею. Крестный отецъ мой захотѣлъ отвезти меня въ корпусъ самъ. Капитанъ Бородинъ принялъ насъ обязательно, самъ вызвался отвезти меня въ роту. По приѣздѣ въ корпусъ, меня отдали въ камеру къ унтеръ-офицеру Колю, курляндцу, получившему прекрасное воспитаніе въ дерптскомъ университетѣ и оставившему его вслѣдствіе неудовольствія съ ректоромъ, сына котораго онъ окрестилъ порядкомъ эспантономъ

на дуэли. Всѣ кадеты были въ лагерѣ, кромѣ новичковъ и выпи- савшихся изъ лазарета, и составляли сводную роту.

Сначала нечистота въ помѣщеніи и дурная пища мнѣ очень не понравились, также и раннія вставанія; но въ чему не привыкнетъ мальчикъ въ пятнадцать лѣтъ! Добрый Людвигъ Карловичъ, какъ звали Коля, началъ учить меня стойкѣ, маршировкѣ; мнѣ дали ружье, онъ показалъ ружейные приемы и я почти не выпускалъ его изъ рукъ. Бывъ довольно строенъ и крѣпокъ, и по привычкѣ къ гимнастическимъ упражненіямъ, я скоро перещеголялъ не только моихъ товарищей по поступленію въ корпусъ и лѣтамъ, но даже и старшихъ. Коля, самъ былъ педантъ по службѣ, а потому вос- хищался моими успѣхами, убѣдилъ списывать самому, а не учить по печатной книжкѣ рекрутское ученіе. Имѣя прекрасную па- мять, я вскорѣ выучилъ его наизусть и, дѣлая ружьемъ, по со- вѣту Коля повторялъ параграфы каждаго приема. Это самая луч- шая манера, чтобы дѣлать ружьемъ совершенно правильно. Между занятіями по службѣ, въ особенности вечеромъ, вся рота выбѣ- гала на дворъ; тутъ начинались разныя игры, какъ-то: чижъ, лапта. Я не зналъ ихъ и сперва поплачивался довольно чув- ствительно.

Наступилъ августъ, а въ сентябрѣ кадеты должны выступить изъ лагеря. Но такъ какъ между нами оказалось много боль- ныхъ, то вел. кн. пріѣхалъ самъ въ корпусъ. Сводную нашу роту вывели на плацъ. Поздоровавшись съ ротую, в. кн. обратился къ командиру роты и спросилъ: „Что, Саша, есть у тебя молодцы для лагеря?“ В. кн. любимыхъ офицеровъ называлъ полуименами, это было верхомъ расположенія его къ офицерамъ и немногіе пользовались этой честью. — „Какъ не быть, в. выс.! человекъ 30 старыхъ кадетъ, выписавшихся изъ госпиталя, да человекъ 40 изъ новичковъ“, отвѣчалъ Бородинъ. — „Выеликни ихъ впе- редь!“ — Перваго Бородинъ вызвалъ впередъ меня. „Хорошъ?“ спросилъ вел. кн. Бородина, положивъ благосклонно мнѣ руку на плечо. — „Молодецъ по фронту“, отвѣчалъ Бородинъ: „хоть сейчасъ на ординарцы къ в. в. — „Ай, да знакомый!“ сказалъ в. кн., потрепавъ по плечу: „для поощренія произвести его въ унтеръ-офицеры“.

Походъ нашъ былъ самый пріятный; насъ велъ прапорщикъ Ловицъ, котораго мы вовсе не слушались. Если попадался намъ

наймистъ, мы, завладѣвъ его „коляской“, садились въ двухколесную его колесницу, человекѣ по-три, и погоняли, несмотря на его крикъ и приказанія Ловица, лошаденку, пока она имѣла силы везти насъ, и когда она останавливалась отъ усталости, мы вылѣзали изъ колесницы и тутъ, дожидаясь прочихъ, собирали ягоды. Подходя къ Стрѣльнѣ, гдѣ обыкновенно жилъ вел. князь, мы остановились, оправились и пошли порядкомъ. Не доходя до дворца, одинъ изъ отчаянныхъ старыхъ унтеръ-офицеровъ предложилъ пробѣжать мимо дворца рѣзвымъ шагомъ. „Это понравится вел. Кн.“, увѣрялъ онъ. Предложеніе Б., вопреки просьбамъ Ловица, было принято всѣми единодушно. „Рѣзвымъ шагомъ, маршъ!“ скомандовалъ Б., и маленькая наша колонна стройно пробѣжала, побрякивая ружьями на перевѣсѣ. Вел. кн., увидѣвъ насъ изъ окна, выслалъ ординарца остановить насъ. Мы остановились у самаго дворца. Великій князь вышелъ. „Куда васъ нелегкая несетъ, пострѣлята?“ спросилъ онъ насъ, улыбаясь. — „Въ лагерь на службу, в. в!...“ —

— „А для чего бѣжите?“ — „Изъ усердія!“ закричалъ Б. — „Изъ усердія!“ гаркнулъ хоръ остальныхъ.

— „Велите дать имъ молока и бѣлаго хлѣба, смотрите, какъ повѣсы умаались!“ Потомъ, обратясь къ Ловицу, спросилъ: „Что, видно, плохо слушаютъ, прапорщикъ?“ — „Ничего, в. в.“, отвѣчалъ бѣдный переконфуженный Ловиць. „Самъ ты ничего“, сказалъ вел. кн., и оборотясь къ намъ: „Шалили, дѣти, дорогой?“ — „Не безъ грѣха“, отвѣчало нѣсколько голосовъ. — „Въ лагерь попадете, тамъ уймутъ!“ Между тѣмъ принесли нѣсколько горшковъ молока.

По окончаніи полдника, мы вновь выстроились и пустились въ путь и вскорѣ пришли въ лагерь. Батальонный командиръ размѣстилъ насъ по ротамъ и, взглянувъ на меня, удивился, вида новичка въ унтеръ-офицерскомъ мундирѣ, спросилъ о причинѣ Ловица и, узнавъ отъ него, что я произведенъ лично в. кн. приказалъ помѣстить въ первую гренадерскую роту. По росту я попалъ въ стрѣлковый взводъ. Ротой нашей командовалъ К. И. В. Мы явились къ нему. Это былъ лучшій капитанъ Дворянскаго полка, любимецъ его высочества, боготворимый ротою за справедливость и терпѣніе, съ какимъ училъ роту. Его боялись и любили. Собою онъ былъ красавецъ, удивлялъ гвардейцевъ какъ

знаніемъ службы, такъ и необыкновенной силой голоса, которому не было равнаго въ цѣломъ Петербургѣ. Онъ принялъ насъ ласково и каждому сказалъ по нѣсколько словъ; очередь дошла до меня. „Видно, баричъ, любезный“? спросилъ онъ меня и, не дожидаясь отвѣта, сказалъ: „У меня, братъ, протекціей недалеко уйдешь, надобно служить; завтра посмотримъ, что ты за хватъ!“ На другой день онъ пересмотрѣлъ насъ по одиночкѣ; очередь дошла и до меня. Я сдѣлалъ отъ ноги. Онъ ободрилъ меня, назвалъ молодцомъ и, кончивъ мое испытаніе, потрепавъ по плечу, сказалъ: „Не даромъ получилъ галуны, стѣишь“, подозвалъ фельдфебеля Х. и поручилъ ему меня, приказавъ приготовить на ординарцы. Я пошелъ въ палатку вмѣстѣ съ Х. Въ этой палаткѣ насъ было 10 человекъ и сначала я не могъ понять, какъ мы помѣстимся спать. Но по русской пословицѣ „нужда научить: какъ калачи ѣсть“ и я привыкъ ложиться головой къ древцу и умѣщаться, не безпокая товарищей. Человекъ мой также прибылъ, нанялъ въ слободѣ квартиру. Въ нашей палаткѣ былъ народъ отборный, все лихачи молодцы по службѣ, но темные озорники и, потому, помѣщены для большаго надзора въ палатку фельдфебеля. Но не смотря на присмотръ, этотъ десятокъ болѣе дѣлалъ проказъ, чѣмъ цѣлый взводъ...

Рота стояла выстроившись, ожидая команды „по котламъ“. чтобы приняться за обѣдъ, но вмѣсто этой обычной команды, громкій басъ капитана скомандовалъ: „Драчуны впередъ“. Противники вышли.— „Я васъ, дѣти, оставилъ безъ одного кушанья, но такъ какъ нынче праздникъ и ваши любимые пироги, то прошу ихъ ѣсть стоя“. — „Ура!“ закричали повѣсы, ободренные шуткой капитана. „По котламъ!“ скомандовалъ капитанъ. Вмигъ началась работа надъ кашницей. Кадеты кушаютъ въ лагерѣ по походному, то есть лежа на лѣвомъ боку и опершись на лѣвый локоть, работая съ удивительнымъ проворствомъ правой рукой, вооруженной деревянной ложкой. Котлы съ кашницей, безукоризненно чистенькіе, сняли; повара подали пироги. Виновные, исполняя приказаніе капитана, ѣли ихъ стоя. Обѣдъ кончился и все было забыто. Капитанъ самъ воспитывался въ корпусѣ и понималъ кадетъ. Онъ часто прощаль проказы, а если и наказывалъ, то гораздо снисходительнѣе прочихъ. Но бѣда попасться ему какому либо ротозѣю, плохому по фронту; бѣда тому, кто по-

пробуетъ солгать, тутъ розогъ не миновать и сверхъ того навсегда остаться у него на дурномъ счету...

Его высочеству угодно было ввести егерское ученіе по новой методѣ; для исполненія этого былъ назначенъ капитанъ. Собрана сводная команда, въ которую поступила бѣльшая часть кадетъ стрѣлковыхъ взводовъ и способнѣйшіе изъ мушкетерскихъ ротъ; изъ этой команды составленъ стрѣлковый дивизионъ. Прикомандировали изъ учебнаго полка барабанищиковъ и начали учить всѣхъ кадетъ этого дивизиона, а предпочтительно унтеръ-офицеровъ бить егерскіе бои на барабанѣ. Въ самомъ скоромъ времени большая часть кадетъ били на барабанахъ всѣ бои не хуже учителей. Великій князь самъ заставлялъ бить на барабанѣ поочередно кадетъ и унтеръ-офицеровъ и былъ въ восхищеніи отъ ихъ успѣховъ. Начались егерскія ученія и послѣ трехъ репетицій Великій князь, смотря дивизионъ, не вѣрилъ глазамъ своимъ, разцѣловалъ ротнаго командира и приказомъ по корпусу отдалъ благодарность прикомандированнымъ офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и всему дивизиону приказано цѣлюю недѣлю давать по лишнему праздничному кушанью.

Приближался праздникъ въ Петергофѣ, при коемъ долженъ былъ быть фейерверкъ, балъ и ужинъ во дворцѣ. Стрѣлковый дивизионъ былъ наряженъ въ дворцовый караулъ. По утру былъ смотръ Государя обоимъ нашимъ батальонамъ, а затѣмъ егерское ученіе нашему дивизиону. Государь былъ чрезмѣрно доволенъ, въ особенности стрѣлками, которые быстро и вѣрно исполняли всѣ егерскія эволюціи. Множество заслуженныхъ генераловъ любовались нами и нѣкоторые, не смотря на присутствіе Государя, кричали: „молодцы стрѣлки!“ Послѣ окончанія ученія его высочество вызвалъ фельдфебелей, знаменщиковъ и старшихъ унтеръ-офицеровъ: Арбузова ¹⁾, Толмачева, Черкашенинова, Ермолаева, остальныхъ не упомяну, и Государь поздравилъ ихъ офицерами, большею частью въ лейбъ-егеря, которые

¹⁾ Арбузовъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ, изъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, былъ въ 1825 г. переведенъ въ л.-гв. Павловскій полкъ, на постъ командира полка, 14-го декабря 1825 г. назначенъ флигель-адъютантомъ; въ 1826 г. произведенъ въ генералъ-маіора и оставался во главѣ полка до 1835 г. Скончался 14-го апрѣля 1861 г. въ званіи генералъ-адъютанта и въ чинѣ генер. отъ инфантеріи.

считались молодою гвардіей. Великій князь былъ ихъ шефомъ, а полковникъ Бистромъ—полковымъ командиромъ.

По выходѣ Толмачева изъ знаменщиковъ, для замѣны его представлены изъ нашего батальона четыре унтеръ-офицера. Великій князь заставлялъ каждаго маршировать съ значкомъ тихимъ и скорымъ шагомъ, салютовать, какъ салютуютъ знаменіемъ. Въ числѣ выбранныхъ былъ я и Грибоѣдовъ; я былъ меньше ростомъ, но маршировка моя болѣе понравилась великому князю.

— „Шагъ вѣренъ, качки нѣтъ, знаменщикъ былъ бы славный, но врядь-ли сладить съ знаменемъ“, сказалъ онъ, обращаясь къ ротному командиру.

„Онъ крѣпко сложенъ, в. в., и ловокъ“.

— „Попробуй и представь, если годенъ“.

Какъ только уѣхалъ великій князь, ротный командиръ приказалъ мнѣ взять настоящее знамя и, удостовѣрившись, что я могу съ нимъ сладить и показавъ приемы салютованія во время вѣтра, увѣрилъ меня, что я буду представленъ въ портупей-юнкера. Я поблагодарилъ и съ восторгомъ бросился въ лагерь рассказать мою радость задушевнымъ (товарищамъ).

Наконецъ, наступилъ день праздника. Множество каретъ, колясокъ, дрожекъ проскакало мимо нашего лагеря. Къ пяти часамъ послѣ обѣда мы были уже одѣты въ полную форму. Стрѣлковый дивизионъ долженъ былъ занять дворцовый караулъ, а кадеты двухъ баталіоновъ Дворянскаго полка и сводный баталіонъ кадетъ другихъ корпусовъ, цѣпь вокругъ фейерверка и иллюминаціи. Въ 6 часовъ мы были по мѣстамъ. Насъ поставили въ главной залѣ. Отдано приказаніе становиться въ ружье, только когда будетъ проходить государь или царская фамилія и чтобъ часовые не отдавали болѣе никому чести. Великій князь самъ осмотрѣлъ насъ и приказалъ, чтобъ дивизионъ раздѣленъ былъ на взводы и черезъ два часа смѣнялся, а для отдыха другаго взвода приказалъ въ боковой комнатѣ поставить стулья, чтобы свободные отъ службы могли отдыхать. Подозвалъ двухъ лакеевъ и сказалъ:

— „Если дѣти захотятъ пить, приносите имъ меду и оршаду, да смотрите не зѣвайте, а то они, озорники, пожалуй приколотятъ“.

Приказаніе исполнялось въ точности; кромѣ этого намъ при-

носили огромные подносы фруктовъ и конфетъ; старшіе наблюдали за безобиднымъ раздѣломъ и не дозволяли шумѣть малышамъ; провинившимся давали горячихъ, т. е. щелчковъ, и порядокъ не нарушался. Часовъ въ восемь начался прїѣздъ. Появилось множество генераловъ, увѣшанныхъ орденами съ лентами различныхъ цвѣтовъ, флигель-адъютантовъ, гвардейскихъ офицеровъ, наконецъ множество разряженныхъ дамъ, изъ коихъ замѣтили очень мало хорошенькихъ. Вскорѣ вошелъ въ залу государь Александръ Павловичъ, ведя подъ руку вдовствующую государыню Марію Ѳедоровну, великій князь Константинъ Павловичъ съ императрицею Елизаветой Алексѣевной. Что это за ангельское лицо! Когда она проходила мимо насъ, великій князь довольно громко сказалъ ей:

— „Вотъ мои молодцы!“

Государыня сдѣлала намъ благосклонный поклонъ. Музыка заиграла польскій и начались танцы. Мы шопотомъ дѣлали свои замѣчанія. Послѣ польскаго составилось нѣсколько кадрилией. Это было интереснѣе, потому что въ нихъ принимали участіе только молодые. Но особенно замѣчательной красоты дамъ и дѣвицъ было очень мало. Часа черезъ полтора государь повелъ супругу свою на балконъ залы; всѣ бывшіе въ залѣ столпились въ дверяхъ балкона; намъ, къ сожалѣнію, нельзя было видѣть, какъ императрица зажгла голубя, который долженъ былъ зажечь весь фейерверкъ. Народъ, увидѣвъ государя и государыню, закричалъ „ура“ и кличъ этотъ повторился нѣсколько разъ. Я уже началъ было жалѣть, что, попавъ въ караулъ, не увижу фейерверка, какъ поручикъ Карповичъ, подошедъ ко мнѣ, спросилъ: „Хочешь идти со мной патрулемъ?— „Возьмите, поручикъ“, отвѣчалъ я. Онъ выбралъ еще кадетъ шесть человекъ и мы по парадной лѣстницѣ сошли въ верхній садъ. Не могу объяснить вамъ, какъ поразилъ меня видъ этого громаднаго количества ракетъ, фонтановъ, бураковъ; при взрывѣ ихъ было свѣтло, какъ днемъ. Я стоялъ какъ каменный, и если-бы одинъ изъ товарищей не окрикнулъ меня, навѣрное отсталъ бы отъ патруля. Мы обошли верхній садъ, не найдя никакихъ безпорядковъ: цѣпь наша исполняла свое дѣло исправно; не пропуская чернь и часто угощая ее прикладами, она доставляла возможность публикѣ, а въ особенности дамамъ видѣть фейерверкъ. Это впоследствии

сдѣлалось извѣстно великому князю и кромѣ благодарности кадеты усвоили навсегда право занимать караулъ и цѣпъ во время праздника. Иллюминація нижняго сада, фонтаны, каскады можно было считать волшебствомъ. Но такъ какъ мы должны были спѣшить къ своему посту, то не могли хорошенько посмотрѣть на эти дивныя картины. Во дворецъ мы вошли боковой лѣстницей и лишь только появились въ залѣ, какъ в. к. Константинъ Павловичъ подошелъ къ поручику и спросилъ: „Все ли въ порядкѣ?“ Тотъ отрапортовалъ ему по формѣ.

— „Я увѣренъ былъ, что молодцы исполнять свое дѣло лучше, чѣмъ гвардейскіе б...ны“, сказалъ великій князь и пошелъ опять внутрь зала.

Въ ней уже танцовали мазурку, въ которой отличался особенною ловкостью и богатствомъ своего гусарскаго мундира венгерскій графъ Эстергази; у него на мундирѣ было множество брилліантовъ.

Часовъ въ двѣнадцать царская фамилія отправилась въ другіе залы, а за ней послѣдовали и прочіе бывшіе на балу. Начали накрывать столъ. Мы отъ бездѣлья сочли куверты, ихъ было 230. Когда столъ былъ накрытъ, музыка заиграла маршъ и изъ смежныхъ залъ потянулись пары. Впереди шелъ в. кн. Константинъ Павловичъ съ императрицею Елизаветой, какой-то германскій князь велъ вдовствующую государыню, великія княжны со стариками генералами, а великіе князья Николай Павловичъ и Михайлъ Павловичъ вели какихъ-то старухъ, разряженныхъ въ пухъ и прахъ, набѣленныхъ и нарумяненныхъ. Государь и в. кн. Константинъ Павловичъ не сѣли за столъ. Намъ не было слышно изъ разговоровъ ни одного слова, потому что надъ нами были хоры, гдѣ игралъ огромный оркестръ музыки. Къ концу ужина намъ принесли корзину фруктовъ и корзину конфектъ, но чтобъ въ дѣлѣ не произошло безпорядковъ, корзины начальникъ караула велѣлъ отдать подъ часы.

Послѣ праздника намъ данъ былъ роздыхъ на цѣлую недѣлю: не было никакихъ ученій. Въ это время случилось довольно забавное происшествіе. Кадеты нашей роты отправились купаться на взморье. Насъ было человѣкъ до 50-ти. Вскорѣ мы услышали лай собакъ и врикъ охотниковъ, которые прямо неслись на насъ; впереди летѣлъ довольно большой олень, дѣлая

страшные скачки. Въ глазахъ нашихъ онъ перепрыгнулъ довольно большой ручей и запутался рогами въ кустахъ можжевельника. Одинъ кадетъ, лѣтъ 16-ти, бросился къ нему и прежде нежели олень успѣлъ справиться, вскочилъ на него и схватилъ за рога. Въ эту минуту подскочили другіе кадеты, набросили шинель на голову бѣдному, измученному гоньбой животному, вцѣпились въ него кто во что могъ: кто повисъ на шеѣ, кто схватилъ за ногу, и не смотря на усилія его вырваться, растянули не хуже гончихъ. Поддѣхавшіе охотники хотѣли взять у насъ оленя, но не на такихъ напали; имъ на отрѣзъ сказали, что не дадутъ, а если они будутъ усиливаться взять, то и поколотятъ. Это сдѣлать было весьма легко, потому что вѣсть о нашей охотѣ дошла до лагеря и гренадеры прибѣжали помогать намъ. Гренадеры Дворянскаго полка не побоялись бы схватиться съ охотниками, хотя ихъ было-бы и въ четверо болѣе; флангъ нашихъ гренадеровъ начинался отъ 12-ти вершковъ и самый меньшій въ этомъ взводѣ былъ не меньше 6-ти вершковъ.

Наконецъ, поддѣхалъ хозяинъ охоты князь Голицынъ, кавалергардскій ротмистръ; онъ сперва довольно строгимъ тономъ приказалъ намъ оставить оленя. Ему отвѣчали, что олень достанется в. кн. Константину Павловичу. Послѣ бесполезныхъ увѣщаній и устраиваній охотники съ своимъ бариномъ отправились какъ бы не солоно хлѣбали, а мы съ триумфомъ повлекли оленя въ лагерь. Мигомъ вбили толстый воль у стрѣлковой ружейной пирамиды и поставили двухъ часовыхъ. По утру прѣхалъ великій князь, долго хохоталъ надъ нашими рассказами о ловлѣ и перебранкѣ съ охотниками и приказалъ отвести оленя въ Петергофскій дворецъ, а намъ, т. е. стрѣлкамъ, на его счетъ давать цѣлую недѣлю по стакану сбитня съ булкой и порцію жаркого. Для бѣльшей части кадетъ это была самая лучшая награда, потому что лагерная пища была спартанская.

Перваго сентября назначены были маневры и я въ первый разъ взялъ знамя въ руки. Тяжеленько было съ непривычки, но когда я взглядывалъ на офицерскій темлякъ, я забывалъ и тяжесть знамени и усталость.

Маневры кончились и мы прямо съ нихъ отправились въ Петербургъ. Такъ какъ я состоялъ въ первомъ батальонѣ, который помѣщался во второмъ кадетскомъ корпусѣ, то по

приходѣ первая гренадерская рота помѣщена была въ верхнемъ этажѣ со стороны манежа. Помѣщеніе самое незавидное: съ одной стороны глухая стѣна манежа, съ другой нештукатуренныя казармы, гдѣ помѣщался 2-й баталіонъ, котораго мы звали камчаткой, въ довершеніе—страшная темнота. Въ камерѣ помѣщалось до 40 человѣкъ. Я попалъ въ стрѣлковую артиллерійскую камеру Н., славнаго унтеръ-офицера, хорошаго товарища. Въ числѣ кадетъ лучшіе и даровитѣйшіе были курляндцы: Д. Б., хохоль Кандиба, сибирякъ Б., всѣ они впоследствии служили отлично, были генералами, кромѣ Б., который можетъ быть опередилъ бы ихъ всѣхъ, если бы не былъ увлеченъ, уже въ чинѣ полковника, въ исторію 14-го декабря 1825 г. и тѣмъ не подвергъ себя строгому наказанію. Прочіе были такъ себѣ, болѣею частью долбняки, но, къ удивленію, нѣкоторые изъ нихъ также дослужились до генеральскихъ чиновъ.

На другой день по прибытіи въ корпусъ, такъ какъ я объявилъ желаніе продолжать математическія науки въ корпусѣ, я долженъ былъ держать экзамень. Къ чести гг. офицеровъ 2-го кадетскаго корпуса должно сказать, что они не только не сбивали на экзаменахъ, но старались ободрить оробѣвшаго. Экзаменаторъ мой, поручикъ Родштейнъ, доложилъ инспектору классовъ, что я, по предметамъ математики, могу поступить въ выпускной классъ, но слабо знаю артиллерію и фортификацію. Услыхавъ этотъ отзывъ, я безъ робости доложилъ инспектору, которымъ въ то время былъ генераль-маіоръ Беберъ, что готовъ брать въ этихъ предметахъ частныя уроки.

Въ два съ половиною мѣсяца я сталъ однимъ изъ лучшихъ по этимъ предметамъ и полковникъ Ефимовъ, который читалъ ихъ въ корпусныхъ классахъ, говаривалъ: „Ну, память! если будешь заниматься, артиллеристъ будешь, ну, да артиллеристъ не по одному мундиру, а дѣльный артиллеристъ“. Передъ выходомъ въ лагерь, ходившіе въ артиллерійскіе классы должны были держать экзамень. Я получилъ (балы) для выпуска въ артиллерію. Начались сборы, намъ роздали шинели, которыхъ кромѣ лагерь кадеты не имѣли.

Въ 6 часовъ 5-го мая мы на кадетскомъ плацу. День былъ довольно холодный и вѣтеръ чуть не вырвалъ у меня знамя. Раздалась команда: „Смирно! отъ ноги, слушай, на караулъ!“

Великій князь со свитой своихъ адъютантовъ прискагалъ. „Здорово, дѣти!“ закричалъ онъ, подѣзжая къ гренадерамъ. — „Здравія желаемъ, в. в!“ отеликнулся баталіонъ. „Здорово, дѣти!“ повторилъ онъ, подѣхавъ къ стрѣльцамъ. — „Здравія желаемъ, отецъ нашъ!“ отвѣчали неугомонные малыши; в. вн. улыбнулся и, оборотясь къ К. Р. Курутѣ, сказалъ: „Мош—ки! за словомъ въ карманъ не полѣзутъ“, и поскакалъ ко 2-му баталіону. Нашъ баталіонъ сдѣлалъ на-плечо въ ожиданіи дальнѣйшей команды. Наконецъ, раздалась его команда: „Въ колонну справа по первому дивизиону!“ Команда исполнена. „Молодецки, славно!“ ободряетъ в. вн. и едва новый откликъ: „Рады стараться, в. в!“ смолкъ, — „Вся колонна церемоніальнымъ шагомъ на взводную дистанцію тихимъ шагомъ маршъ!“ и колонна тронулась мимо его. „Молодцы гренадеры, 2-й дивизионъ хорошо, отлично, чудно, стрѣлки!“ кричалъ великій князь когда ровнялись съ нимъ дивизионы; опять команда: „Парадъ, стой, во фронтъ, маршъ!“ — „Спасибо, дѣтки!“ сказалъ в. вн.: „прощайте, до свиданія!“ — „Ура! ура! ура! нашъ отецъ“, раздалось въ рядахъ. — „Баталіонъ направо вольнымъ шагомъ маршъ!“ скомандовалъ Клейнмихель, числившійся нашимъ полковымъ командиромъ: „въ отдѣленія стройся!“ и мы пошли въ походъ.

Дойдя до Петергофской заставы, намъ дали роздыхъ. Лотки калашниковъ, корзинки булочниковъ, баклаги сбитеньщиковъ мигомъ сдѣлались пусты. Фронтъ выстроился. Раздалась команда: „Направо, вольнымъ шагомъ маршъ, въ отдѣленія стройся!“ Въ Стрѣльнѣ намъ роздали по два пирожка, но они такъ были дурны, что, не смотря на то, что мы сдѣлали порядочный переходъ, я не сталъ ѣсть. Кадеты ругали лакеевъ и поваровъ, но бѣльшая часть уписывала пироги за обѣ щеки. Причиною дурнаго завтрака было то, что великаго князя въ Стрѣльнѣ не было; онъ остался въ Петербургѣ. Часамъ къ двумъ мы пришли въ Петергофъ. Лагерь для насъ уже былъ устроенъ близъ англійскаго дворца, палатки поставлены и мы, состава ружья, принялись за нашъ кадетскій обѣдъ.

На ученіе, обыкновенно, даже цѣлаго баталіона, знамена не брали, а вмѣсто ихъ алебарды и въ это время за знаменщиковъ ходили младшіе унтеръ-офицеры, чтобы приучиться ходить подъ знаменами. Назначено было ученіе съ пальбой; я сталъ

на правомъ флангѣ стрѣлевого взвода. Совсѣмъ неожиданно пріѣхалъ великій князь. Началась пальба. Дивизіонами и баталіонами в. кн. былъ доволенъ, но пальба батальнымъ огнемъ ему не понравилась. „Скверно!“ закричалъ онъ: „отбой!“ Барабаны грянули и пальба прекратилась. „Г.—! у тебя половина ружей не стрѣляетъ“.—„Вѣроятно обились кремни, в. в.“.

— „Вели вернуть новые!“ Приказаніе исполнено, но есть новый кремень другой (не разобрано).

На бѣду мою случилось это съ кадетомъ 7-го взвода, стоявшимъ возлѣ меня: онъ, видя бѣду, натеръ обитый кремень кускомъ сѣры, а равно и избитую полку. Только лишь началась вновь батальная пальба, какъ у стоявшаго въ передней шеренгѣ возлѣ меня кадета П. взорвало сумку, въ нее, когда онъ открывалъ, попало, вѣроятно, горѣвшей сѣры. Со взрывомъ, онъ упалъ безъ чувствъ, а мнѣ опалило правую руку, переломило третій палецъ и ноготь втораго сорвало. Кровь изъ руки шла ручьемъ; я взялъ ружье въ правую руку. Въ это время загремѣлъ опять отбой и подсказалъ вел. князь.

— „Что случилось?“ спросилъ онъ меня.

— „Его убило“, сказала я, показывая на лежавшаго кадета,—„а у меня оторвало руку“, тутъ я приподнялъ окровавленную руку.

— „Перевязать скорѣй и отвезти въ моей коляскѣ въ Ораніенбаумъ“.

Батальонный командиръ и взводный Карповичъ обязали своими носовыми платками мою руку. Подѣхала коляска в. кн. Сперва положили П., потомъ посадили меня; прибѣжавшій фельдшеръ также сѣлъ съ нами и мы посказали. П. нѣсколько разъ открывалъ глаза, но не могъ произнести ни одного слова, стоялъ и дышалъ ужасно тяжело. Мнѣ также раза два дѣлалось дурно. Наконецъ, насъ привезли къ госпиталю. Я, при помощи фельдшера, вылѣзъ изъ коляски, товарища моего понесли на рукахъ. Дежурный лѣкарь, взглянувъ на П. и пощупавъ пульсъ, сказалъ: „ему поможетъ Богъ“. Къ вечеру явился главный докторъ, нѣмецъ; пощупавъ пульсъ у П., махнулъ рукой и что-то пробормоталъ по латыни. Дошла очередь до меня. Осмотрѣвъ мою руку, онъ опять заговорилъ съ лѣкаремъ по латыни, но тотъ отвѣчалъ по русски:

— „Не нужно, Иванъ Ивановичъ: отрѣзать я всегда могу, а приставить не въ силахъ. Онъ молодъ, дѣло и безъ операціи обойдется, я надѣюсь вылѣчить и безъ нея“.

„Вѣрнo мнѣ отрѣжутъ руку?“ спросилъ я лѣкаря.

— „Не думаю“, отвѣчалъ мнѣ лѣкарь.

Боль и опасеніе, что мнѣ отрѣжутъ руку, чрезмѣрно меня встревожило: я велѣлъ сторожу позвать къ себѣ старшаго фельдшера. Когда онъ пришелъ, я обѣщалъ ему денегъ и упрасивалъ сказать, нужно ли мнѣ будетъ рѣзать руку?

— „Развѣ только пальчикъ. в. б., отвѣчалъ онъ:—это, вѣдь, Адольфъ Карловичъ въ секунду сдѣлаетъ, и не услышите“.

Я прилегъ, думая, что засну. Боль въ рукѣ начала нѣсколько утихать, но хриплый стонъ моего товарища раздиралъ мою душу.

Наступила ночь, свѣтилъ мѣсяцъ и въ палаткѣ было свѣтло, какъ днемъ. Замѣтя, что онъ началъ метаться, я всталъ на колѣни у своей постели и началъ молиться. Стоны его сдѣлались менѣ слышны, наконецъ совсѣмъ затихли. Я обернулся къ нему: онъ уже скончался. Я разбудилъ сторожа и усопшаго вынесли.

По утру на пятый день моего пребыванія, въ госпиталѣ началась страшная бѣготня. Всѣ отъ главнаго доктора до сторожа суетились. Причина этому, что ждали в. кн.; и дѣйствительно, онъ пріѣхалъ часу въ 11-мъ утра; съ нимъ былъ Вилье. Онъ вошелъ въ нашу палату и, такъ какъ кровать моя была ближайшая ко входу и я стоялъ съ подвязанной рукой, подошелъ ко мнѣ. „Что рука?“ спросилъ онъ меня.—„Заживаетъ, в. в.“—„Молодецъ!“ И оборотаясь къ Вилье, сказалъ ему что-то по нѣмецки. Тотъ подошелъ ко мнѣ, приказалъ развязать руку и, осмотрѣвъ ее внимательно, спросилъ: „Адольфъ Карловичъ, развѣ былъ переломъ пальца?“ — „Въ двухъ мѣстахъ, в. п.“ — „А давно?“ — „Шестой день“.—„Благодарю, это мастерское лѣченіе. Гдѣ вы воспитывались?“ — „Въ Дерптѣ, в. п.“—„Я такъ и думалъ. Благодарю“, повторилъ онъ и пошелъ за в. княземъ. Когда в. кн. обошелъ всѣхъ больныхъ и спросилъ, довольны-ли они, я первый закричалъ, что довольны, а въ особенности нашимъ ординаторомъ. В. кн. обернулся къ нему, ущипнулъ его за щеку, прибавя:

„Молодецъ, жди награды!“

Въ ночь прибывшіе больные рассказали, что въ скоромъ вре-

мени назначенъ экзаменъ выпускнымъ и его будетъ дѣлать самъ в. кн. Кадеты, надѣявшіеся на выпускъ, въ томъ числѣ и я, стали просить выписать ихъ изъ госпиталя. Рука моя поджила совсѣмъ, но я слабо дѣйствовалъ переломленнымъ пальцемъ, однакоже, снисходя къ моей просьбѣ, меня также выписали.

Я простился съ добрымъ Адольфомъ Карловичемъ со слезами, какъ бы предчувствуя, что больше не встрѣчу его въ семь мѣрѣ. Онъ убитъ въ 1812 году ядромъ, при перевязкѣ кого-то изъ раненыхъ. Миръ праху твоему, добрѣйшій изъ людей; въ цвѣтѣ лѣтъ ты палъ, какъ усердный сынъ отечества!

Рано по утру мы вышли изъ Ораніенбаума и къ обѣду были въ своемъ лагерѣ. Я явился къ своему ротному командиру. „Что съ рукой?“ спросилъ онъ меня. — „Надѣюсь, капитанъ“, отвѣчалъ я: „отправить дюжину непріятелей на тотъ свѣтъ“. — „Помиришь на подюжинѣ“, сказалъ онъ, размѣявшись. „Послѣ завтра смотри, подъ знамя встанешь или съ ружьемъ?“ — „Позвольте быть съ ружьемъ: мнѣ довче его держать“. — „Хорошо, но будь на правомъ флангѣ, будешь держать ногу, а то ворлоганы гренадеры вѣчно лѣзутъ впередъ“.

Я отправился въ свою палатку. Товарищи встрѣтили меня привѣтливо, уступили лучшее мѣсто въ палаткѣ, запретили шулунамъ рѣзвиться, чтобъ не разбередить мнѣ руки. Эти знаки вниманія остались вѣчно памятными мнѣ.

Выпускной экзаменъ былъ 18-го сентября (1811 г.), отдано въ приказѣ по баталіону, и все засуетилось: кто чиститъ ружье, полируетъ стволъ иголками, бѣлитъ портупею и перевязь, примѣриваетъ ранецъ, кто въ потѣ лица работаетъ ружьемъ, чтобы привыкнуть дѣлать какой либо пріемъ, который у него выходитъ не такъ отчетливо, какъ бы ему хотѣлось. У каждаго дрожитъ сердце, каждый боится, чтобъ не срѣзаться завтрашній день и не остаться еще на годъ на купоросныхъ щахъ.

18-го сентября, въ 8 часовъ, всѣ выпускные на дворцовомъ плацу. „Смирно!“ раздается команда баталіоннаго командира. Рота становится въ ружье, излишніе отъ расчета унтеръ-офицеры на правомъ флангѣ. Коляска в. кн. летитъ во весь опоръ. „Отъ ноги! слушай! на караулъ!“ Какъ молнія блеснуло нѣсколько разъ ружье и каждый темпъ прозвучалъ отрывисто. В. кн. подошелъ ко фронту. „Здорово, дѣтки!“ — „Здравія желаемъ, в. выс.“

грянула рота. „Съ плеча!“ скомандоваль в. кн.: „унтеръ-офицеры впередъ!“ Стройно выдвинулись человекъ 50 унтеръ-офицеровъ, въ числѣ коихъ былъ и я. По порядку онъ началъ вызывать насъ изъ фронта, заставляя дѣлать ружьемъ, маршировать, спрашивая изъ рекрутской школы ротнаго ученія. Наконецъ, дошла очередь до меня. „Что рука?“ спросилъ в. кн. — „Зажила, в. в.“ — „Врешь, разбередить, съ плеча!“ скомандоваль в. кн. Я исполнилъ команду, онъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, приказалъ пройтъ нѣсколько нумеровъ егерскихъ боевъ и, потрепавъ по плечу, сказалъ:

— „Молодецъ, въ свое мѣсто маршъ!“ Я бросилъ ружье на плечо; на смотровомъ ученіи унтеръ-офицеры не держатъ ружья по унтеръ-офицерски. „Разбередить руку, щ—къ!“ закричалъ в. кн. „Баталіонъ!“ сказалъ в. кн. стоявшему возлѣ него ротному командиру. Лаконизмъ в. кн. только и понимали наши офицеры. Приказаніе в. кн. состояло въ томъ, чтобъ при экзаменѣ въ командованіи я командовалъ баталіономъ. Честь командовать баталіономъ на выпускномъ экзаменѣ доставалась не многимъ и тотъ, кто выдержитъ испытаніе, оставался въ памяти в. кн. долго. В. кн. перебиралъ остальныхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ изъ представленныхъ ему для выпуска. Двое враговъ моихъ не понравились е. в.: одинъ получилъ горячаго киселя, другой добрый подзатыльникъ и хотя выпущены въ офицеры вмѣстѣ со мной, но съ большими хлопотами баталіоннаго командира. Насъ распустили въ лагерь обѣдать, а въ 7 часовъ послѣ обѣда мы были опять на плацу. Я командовалъ въ первой очереди и, благодаря Бога, не сдѣлалъ ни одного промаха. Когда в. кн. велѣлъ перемѣнить нашу смѣну и поздравилъ насъ офицерами, мы не помнили себя отъ радости, окружили его и бросились цѣловать его руки. „Тише!“ кричалъ онъ: „пострѣлы, вы меня сшибете съ ногъ. Ступайте въ свои мѣста!“ Второй и третьей смѣной в. кн. былъ также доволенъ, а четвертой сказалъ: „Слабѣе прочихъ, этихъ поучите, пока надѣнутъ офицерскіе мундиры“. Первымъ тремъ смѣнамъ дозволено надѣть офицерскіе темляки. Раздалась команда: „Вольно, по палаткамъ!“ и всѣ бросились, слома голову, въ лагерь. Изъ всѣхъ удостоенныхъ въ офицеры, которыхъ было до 150 человекъ, составили выпускной взводъ при гренадерской ротѣ, а такъ какъ изъ нея посту-

пило много въ выпускъ лучшихъ кадетъ, изъ мушкетерскихъ ротъ перевели въ гренадерскую; произвели, взамѣнъ выходящихъ въ офицеры унтеръ-офицеровъ, новыхъ.

Нашъ полковникъ прочиталъ намъ длинную рацею, чтобы мы вели себя примѣрно, дозволилъ ходить намъ на квартиры, которыя имѣли многіе, но чтобъ къ зарѣ являлись всѣ и ночевали въ лагерѣ. Одна четвертая смѣна изрѣдка училась..... ученіемъ, а мы были вольными казаками. Перфилка, главный поваръ, угощалъ насъ на славу, боясь хорошей потасовки, которою попочивали его выпускные прошлаго года.

Недѣли черезъ полторы намъ сказанъ былъ походъ обратно въ Петербургъ.

При возвращеніи нашемъ, въ Стрѣльнѣ для выпускныхъ былъ приготовленъ во дворцѣ обѣдъ, а кадеты угощены по прежнему булками, пирогами. Великаго князя въ Стрѣльнѣ не было, угощеніемъ занимался Н. Д. Олсуфьевъ, который, узнавъ меня, поздравилъ съ производствомъ и спросилъ, куда я желаю быть произведеннымъ? Я просилъ его, чтобъ меня назначили въ конную артиллерію, и онъ далъ слово ходатайствовать объ этомъ у великаго князя.

По приходѣ въ Петербургъ, насъ, т. е. выпускныхъ, помѣстили въ правомъ флигелѣ, гдѣ прежде стоялъ второй баталіонъ, въ верхнемъ этажѣ, а нижній занималъ кавалерійскій эскадронъ. Глупѣе распорядиться было нельзя. Кавалерійскій эскадронъ былъ сформированъ (въ 1811 году) изъ юнкеровъ всѣхъ армейскихъ полковъ: гусаръ, уланъ, драгунъ набалованныхъ до невѣроятія и, несмотря на то, что у нихъ былъ строгій начальникъ, они кутили на пропалую, играли въ карты, что какъ разъ переняли и выпускные, сдружившіеся съ ними. Одни старались перещеголять другихъ проказами. Офицеры Дворянскаго полка не смѣли ходить по ночамъ камерами выпускныхъ.

Какъ-то ночью поручикъ кавалерійскаго эскадрона В., который былъ навеселѣ, зашелъ ошибкой въ камеры выпускныхъ и, увидавъ, что М. П. читаетъ со свѣчей какую-то книгу, что было строго запрещено, велѣлъ затушить свѣчу. П. не послушался. Пьяный В. началъ дерзко ругать его, а тотъ, надѣясь на страшную силу свою, схватилъ В. въ охапку, вынесъ въ корридоръ и сбросилъ съ лѣстницы. Разбитаго В. подняли юп-

кера и отправили домой. Жалобы не было, потому что избитый боялся самъ разбирательства великаго князя.

Давно добирались выпускные до поручика Г. и разъ ночью четыре человекъ, въ числѣ коихъ былъ П., атлеты вершковъ по 10-ти, подкараулили, когда онъ ночью проходилъ корридоромъ и, окутанные простынями, бросились на него, начали вальсировать по одиночѣ съ нимъ вдоль корридора и, завертѣвъ его до дурноты, бросили.

По утру Вилькенъ, лишь только вошелъ въ фланговую камеру, заревѣлъ своимъ страшнымъ басомъ:

— „Дурно, скверно ведете себя выпускные! Я не ждалъ отъ васъ этого! Чортъ съ вами! я не хочу быть вашимъ командиромъ, мнѣ гадео смотрѣть на васъ“.

— „Капитанъ, простите! Мы не будемъ васъ огорчать!“ закричали столпившіеся выпускные.

— „Надуете, негодяи!“

— „Честное слово, капитанъ, не будемъ“.

— „Ну, такъ и быть прощаю, но за первую шалость всѣ останетесь отъ (безъ) выпуска. По камерамъ!“

Всѣ разошлись и, дѣйствительно, послѣ этого не было ни одной провазы. Вотъ какъ любили дворяне этого достойнаго начальника!

Для того, чтобы знать каждый свою форму, какъ обмундироваться, прислали списки, кто куда назначенъ и, къ удивленію моему, я увидѣлъ, что назначаюсь въ учебный баталіонъ, но въ сравненіи съ сверстниками, выпускаемыми въ артиллерію, съ производствомъ въ подпоручики.

4-го октября намъ объявленъ приказъ о производствѣ, а 5-го мы должны были присягнуть при знаменахъ нашего полка. Я упросилъ Вилькена дозволить мнѣ взять знамя, которое я носилъ болѣе года, и держалъ его во время церемоніи. Когда наступила очередь моя прикладываться ко кресту, я опустилъ знамя и, поцѣловавъ его, отдалъ новому подпрапорщику.

Прямо отъ присяги повели насъ къ его высочеству благодарить за производство. Онъ вышелъ въ полной формѣ, въ георгиевской лентѣ и сказалъ:

— „Очень радъ, видя васъ офицерами, старайтесь быть достойными этого званія, не марайте мундировъ вашихъ и не стыдите этимъ меня!“

— „Будемъ стараться, отецъ нашъ, быть достойными твоихъ милостей!“ былъ единодушный отвѣликъ выпускныхъ.

— „Спасибо, дѣти, я на васъ надѣюсь“, сказалъ великій князь со слезами на глазахъ. Тутъ пошелъ онъ по фронту, чтобъ осмотрѣть экипировку. Старше меня по производству Б. Б., я стоялъ третьимъ. В. кн., подойдя ко мнѣ и положила руку на мое плечо, сказала:

— „Кто любитъ свое знамя, будетъ всегда отличнымъ офицеромъ. Много-ли тебѣ прислали на обмундировку?“

— „500 руб., в. в.“.

— „Тысячу“, сказалъ онъ вполголоса стоявшему за нимъ Олсуфьеву.

Я почти не разслышалъ его словъ. Тутъ онъ отошелъ къ слѣдующему, это былъ Безобразовъ. „Хочешь въ лейбъ-егеря?“ спросилъ в. кн.—„Благодарю за милость, в. в.“, отвѣчалъ Безобразовъ. „Поймалъ на словъ, м—въ!“; засмѣявшись, сказалъ в. кн., „перевести его, Олсуфьевъ“.

Далѣе мнѣ уже было не слышно, чтó говорилъ в. кн. съ другими.

Кончивъ осмотръ, в. кн. простился съ выпускными и отправился изъ зала. Намъ велѣно идти въ корпусъ. Я пошелъ вмѣстѣ съ прочими, но Н. Д. Олсуфьевъ приказалъ мнѣ идти за нимъ.

Онъ жилъ въ верхнемъ этажѣ Мраморнаго дворца. Когда мы пришли, онъ велѣлъ подать кофею, а самъ отправился въ другую комнату. Возвратясь оттуда, подалъ мнѣ тысячу рублей, сказавъ: „Это подарокъ в. кн.“. Я спросилъ его, могу-ли благодарить в. кн. „Нѣтъ“, отвѣчалъ Олсуфьевъ, „онъ этого не любитъ. Передалъ желаніе ваше служить въ конной артиллеріи в. князю, но онъ сказалъ:

— „Вздоръ, тутъ онъ мнѣ нужнѣе: мнѣ надоѣли эти грибы, прикомандированные капитаны; надобно, чтобъ учебный полкъ имѣлъ своихъ офицеровъ“.

Я началъ прощаться. „Погодите, я васъ отрекомендую вашему новому начальнику“, и принялся писать письмо. Написавъ—онъ прочелъ его мнѣ и вотъ его, приблизительно, содержаніе, „Павель Степановичъ! Великому князю угодно было, дабы въ учебный полкъ выпустить лучшихъ дворянъ большею частью фельдфебелей и старшихъ унтеръ-офицеровъ, которые знаютъ фронтъ отлично. Изъ нихъ податель сей записки лучшей какъ по знанію

службы, такъ и образованію: онъ выдержалъ экзаменъ въ артиллерію и лично извѣстенъ великому князю. Прошу обратить на него особое вниманіе“.

Я началъ благодарить Олсуфьева за распоряженіе и пошелъ домой вполне счастливый. На другой день, я явился къ новому моему начальнику П. С. Карцеву. Онъ принялъ меня ласково, и когда прочиталъ письмо, спросилъ: „Гдѣ вы думаете квартировать?“...

IV.

Въ учебномъ баталіонѣ.

Начали поговаривать о войнѣ съ Франціей. Изъ баталіона нашего сдѣлана большая выборка въ унтеръ-офицеры и фельдфебеля арміи. Въ баталіонъ нашъ прислали, взамѣнъ выбывшихъ, кантонистовъ. Ученія опять начались каждый день, но такъ какъ опытныхъ офицеровъ было уже много, то ученія не были обременительны; въ караулъ мы также ходили не часто.

8-го ноября 1811 года я отпраздновалъ весело свои именины. Полковникъ, котораго я звалъ также на пирогъ, прощаясь, приказалъ мнѣ на другой день явиться къ себѣ. Когда я явился, объявилъ мнѣ, что онъ желалъ бы, чтобъ я поступилъ къ нему въ адъютанты, а Ш. дѣлаетъ ротнымъ командиромъ. Я поступилъ на эту новую должность. Ш. довелъ канцелярію до такого совершенства, что мнѣ не было никакого труда. Писаря знали отлично свое дѣло; если случалось много письма, то брали изъ ротъ писцовъ. Всѣ солдаты учебныхъ баталіоновъ были изъ кантонистовъ и знали грамоту, а нѣкоторые хорошо знали грамматику, ариѳметику, рисовали и чертили отлично, и потому въ писцахъ недостатка не было. При томъ Ш. держалъ канцелярію въ рукахъ; за малѣйшую ошибку не было спуска: за первый разъ хлѣбъ и вода, а за второй розги, и воспитанники его были такъ аккуратны, что требовать лучшаго нельзя. Титовъ, старшій писарь, трезвый и умный малый, самъ теребилъ младшихъ за всякую вину и когда я вступался за нихъ, говаривалъ: «умнѣе будутъ, ваше высокоблагородіе: за битаго двухъ небитыхъ даютъ; дай Богъ

добраго здоровья бывшему адъютанту, онъ меня изъ болвана человѣкомъ сдѣлалъ. Подпишите бумаги, ваше высокоблагородіе другой день готовы». И я принимался молча подписывать, а когда уходилъ изъ канцеляріи, Титовъ опять начиналъ ворчать и теревить «щенковъ», какъ онъ величалъ младшихъ.

Полковникъ любилъ меня какъ отецъ; вмѣстѣ съ должностію адъютанта поручилъ, впослѣдствіи, музыкантскую роту, которая состояла изъ трехъ хоровъ музыкантовъ, по 50 человѣкъ въ каждомъ отдѣленіи. Барабанщиковъ и флейтчиковъ изъ нихъ, по требованію полковъ, выпускали, кромѣ перваго хора, но только обязаны были платить деньги за обученіе и инструменты, съ коими они уже и отправлялись. Первый хоръ не уступалъ лучшимъ гвардейскимъ.

Главнымъ капельмейстеромъ былъ г. Дельфитъ, умный и добрый человѣкъ, которому обязана русская армія превосходной музыкой. Для перваго хора не щадили денегъ, инструменты покупались лучшіе, даже выписывались изъ заграницы. По распоряженію г. Дельфита, учителя иностранцы замѣнены унтеръ-офицерами изъ хора; имъ положено жалованья отъ 150 до 300 рублей ассигнаціи. Это такъ поощрило даровитыхъ, что хоръ часъ отъ часу улучшался. Я съ Дельфитомъ вскорѣ сошелся, строгость обращенія съ нижними чинами роты уничтожена, а шалостей вовсе не было. Содержаніе роты также улучшено, что весьма легко было сдѣлать, вычитая по немногу изъ денегъ, которые получали музыканты за игру въ частныхъ домахъ и на гуляньяхъ.

... Ушелъ къ полковнику, отъ котораго узналъ, что объявлена война съ Франціей и гвардія должна на-дняхъ выступить въ походъ, оставя кадры, къ которымъ добавятъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, съ производствомъ первыхъ фельдфебелями, а послѣднихъ унтеръ-офицерами. Полковникъ поручилъ мнѣ составить предварительные списки съ поданныхъ отъ ротныхъ командировъ; въ Преображенскій и Семеновскій отобрать лучшихъ, но не по наружной красотѣ, а по поведенію и знанію службы. Впослѣдствіи я узналъ причину этого приказанія. Полковникъ былъ назначенъ командиромъ этихъ резервныхъ баталіоновъ, а баталіонные командиры Дворянскаго полка: Энгельгардъ—Измайловскаго и лейбъ-егерскаго, Гольдъ, Е. Р.,

....и Фивляндскаго. Цѣлый день я работалъ въ канцеляріи и едва часовъ въ 8 вечера вырвался на минутку съѣздить къ К. Р. М. Она была грустна, спрашивала, кто изъ офицеровъ нашихъ назначенъ въ резервы; я увѣрилъ ее, что назначенія еще нѣтъ...

На другой день, когда я былъ у полковника, прискакалъ ординарецъ великаго князя, уланъ, съ приказаніемъ, чтобъ полковникъ немедленно явился къ великому князю. Полковникъ мигомъ собрался и ускакалъ, я остался ожидать его. Часа черезъ два онъ явился. — «Что новенькаго, полковникъ?» — «Приказаніе формировать резервы и назначить изъ нашихъ офицеровъ въ Преображенскій и Семеновскій полки по моему избранію. Я назначилъ было перваго тебя, но великій князь сказалъ, что ты молодъ и успѣешь подраться, когда подросешь, и я, не смѣя ему противорѣчить, назначилъ Щ., Х. и двухъ Б.» — «За что-жь вамъ не угодно было взять Пономарева?» — «И радъ бы взять, да не велать, любезный! В. кн. отказалъ, потому что онъ былъ разжалованъ». Видя мою грустную мину, полковникъ, потрепавъ меня по плечу, сказалъ: «Не тужи, мой милый, что остался: изъ словъ в. кн. я замѣтилъ, что онъ не желаетъ тебя пустить на убой»...

Часовъ въ 9 я одѣлся въ должную форму, отправился къ полковнику и, испросивъ позволеніе, полетѣлъ въ Мраморный дворецъ. Когда я вошелъ въ пріемную, дежурный адъютантъ спросилъ меня, — кто я и въ чемъ состоитъ моя просьба? Я передалъ ему. Черезъ четверть часа онъ вышелъ и велѣлъ мнѣ ожидать в. кн., который одѣвался, чтобъ ѣхать во дворецъ. Наконецъ, великій князь вышелъ.

— «Какъ смѣлъ ты, мальчишка», вскричалъ онъ всплывчиво, «безпокоить меня глупыми просьбами!»

— «В. в. приказали сами!» отвѣчалъ я безъ робости.

— «Приказалъ я? врешь! Когда я приказалъ?»

— «При выпускѣ изъ корпуса, в. в.»

— «Ну, ты врешь, м.....къ, я не приказывалъ проситься, куда не посылають». Тутъ онъ ущипнулъ меня больно за щеку, что было знакомъ его благоволенія, и, обернувшись къ адъютанту, сказалъ: «вотъ мои бимъ-баши: чорту въ ротъ полѣзуть!»

«Только позвольте, в. в.»

— «Погоди, время не уйдетъ, каша заваривается, скоро не расхлебашь, и тебѣ достанется похлебать».

«До тѣхъ поръ, в. в., со скуки умрешь».

— «На гауптвахтѣ еще скучнѣе. Налѣво кругомъ», командовалъ в. кн., — «скорымъ шагомъ маршъ!» Я исполнилъ машинально команду, но, дойдя до дверей, остановился. В. кн. захохоталъ и, обратясь къ адъютанту, не переставая смѣяться, сказалъ: «хочется мошеннику, чтобъ я командовалъ налѣво кругомъ, да врать: пусть стоитъ хоть до завтра, я не командую и въ резервы не переведу; постоять, да и уйдетъ». Съ этими словами онъ ушелъ опять въ кабинетъ.

Я повернулся къ адъютанту, спросилъ его: «что мнѣ дѣлать?»

— «Уйти», отвѣчалъ мнѣ онъ, «и сказать: слава Богу, что дешево отдѣлался».

«Сдѣлайте одолженіе, скажите: дома-ли Н. Д. Олсуфьевъ?»

— «Дома, онъ сейчасъ ушелъ отсюда. Онъ заваленъ работой».

Раскланявшись съ адъютантомъ, я отправился къ Олсуфьеву. Когда я вошелъ въ зало, два писаря писали подъ диктовку Олсуфьева различные приказы отъ имени в. кн., который былъ шефомъ многихъ полковъ. Онъ, обернувшись ко мнѣ, взялъ меня за руку и продолжалъ диктовать. Окончивъ, повелъ къ себѣ въ кабинетъ. «Очень радъ васъ видѣть». — «Извините», отвѣчалъ я, «мнѣ кажется, вовсе не во-время беспокою васъ, вы заняты». — «Это правда, но теперь я нѣсколько поотдѣлался и могу удѣлить вамъ полчаса».

«Я приходилъ къ в. кн. просить его о переводѣ въ резервы, но онъ мнѣ отказалъ. Не исходатайствуете-ли вы мнѣ этой милости?»

— «Не берусь и не совѣтую вамъ его впередъ беспокоить. Онъ васъ считаетъ очень молодымъ и отказъ его вы должны принимать, какъ милостивое вниманіе. Вы будете переведены въ лейбъ-егеря, но по окончаніи кампаніи. Въ этомъ вамъ ручаюсь».

По выступленіи гвардіи, для занятія карауловъ въ первомъ отдѣленіи, т. е. въ дворцовый караулъ, поочередно занимали

учебные и гвардейскій гарнизоны, а такъ какъ офицеровъ у насъ осталось мало, то на ординарцевъ къ военному министру и визитирь-рундомъ начали наряжать адъютантовъ баталіонныхъ. Для меня это было еще сносно, потому что, имѣя свою верховую лошадь, я не рисковалъ сломать себѣ шею на разбитомъ одрѣ съ конюшни военного министра, а товарищъ мой И., слетѣвъ разъ съ подобнаго пострѣла, рѣшился лучше бѣгать собачьей рысью—пѣшкомъ, чѣмъ рисковать сломать себѣ ребра.

Разъ я былъ наряженъ на ординарца къ князю Горчакову, который исправлялъ должность военного министра, и дожидался выхода его въ пріемной. Вошелъ видный мужчина въ мундирѣ петербургской полиціи, съ Владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ. «Князь еще не выходилъ?» спросилъ онъ меня довольно развязно. — «Нѣтъ еще», отвѣчалъ я. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «давно выпущены изъ корпуса?» — «Около года». — «Чѣмъ служите?» — «Поручикомъ». — «Какъ, въ годъ поручикомъ?» — «Я выпущенъ изъ корпуса подпоручикомъ». — «Фамилія ваша?» — «Кирѣевъ». — «А откуда уроженцы?» — «Симбирской губерніи, Ставропольскаго уѣзда». — «Ба, такъ мы земляки! Я капитанъ Ив. Никитичъ Скобелевъ. Вотъ чортъ дернулъ идти въ проклятыя алгвазилы; хочу просить князя, у котораго былъ всю шведскую кампанію адъютантомъ, опять во фронтъ: хочется подраться съ французами, а здѣсь бить ихъ, поганцевъ, не велятъ. Надняхъ одному отпустилъ нагайку на гуляньи и за это просидѣлъ три дня подъ арестомъ».

Вышелъ адъютантъ и предварилъ, что князь сейчасъ выйдетъ. Мы встали и черезъ нѣсколько минутъ вошелъ князь. Лишь я явился къ нему, какъ онъ обратился къ Скобелеву и спросилъ: «Ты что, Иванъ?» — «Пришелъ проситься въ дѣйствующую, сердце не терпитъ: хочется подраться, ваше сіятельство».

— И дѣльно, Иванъ, я и самъ не остался бы, если бы не проклятыя шведскія пули. Ступай въ канцелярію и пиши просьбу, а я похлопочу пристроить тебя хорошенько: такіе офицеры, какъ ты, теперь нужны. Прощайте», сказалъ князь и пошелъ обратно въ кабинетъ.

Мы съ Скобелевымъ отправились въ канцелярію—онъ писать просьбу, а я узнать, пошлютъ ли меня куда или отпустить. Въ нѣсколько минутъ у Скобелева поспѣла просьба и онъ,

отдавъ ее адъютанту, просилъ отнести къ князю. Адъютантъ извинился, что теперъ ему некогда. «Когда я былъ адъютантомъ князя, я не смѣлъ отказать офицеру въ такой бездѣльной просьбѣ», рѣзко сказалъ Скобелевъ.

— «Вы были адъютантомъ князя?» спросилъ сконфуженный адъютантъ.

— «Развѣ я хуже васъ, почему же мнѣ и не быть?»

— «Извините, я сейчасъ отнесу вашу просьбу».

— «Что, видно спѣсь-то спала? Охъ вы, молодятина! Ну, прощай, землякъ», сказалъ Скобелевъ, протянувъ мнѣ руку, «гора съ горой не сходятся, а люди часто встрѣчаются». Впослѣдствіи я, дѣйствительно, нѣсколько разъ встрѣчался съ нимъ, но объ этомъ напишу въ свое время.

Жизнь моя текла обычнымъ порядкомъ: служба, театръ, а остальное время все было посвящено... Изрѣдка я бывалъ въ знакомыхъ домахъ... Я игралъ на домашнемъ театрѣ, и такъ какъ всякій изъ играющихъ имѣлъ право пригласить двухъ дамъ, то я взялъ билетъ... Я игралъ роль Цедейштрема, она шла превосходно, меня осыпали похвалами. Ив. Ив. Сосницкій былъ нашимъ режиссеромъ, и чтобы молодость моя не противорѣчила моей роли, приклеилъ мнѣ бакенбарды, которые, дѣйствительно, дѣлали меня старше. Послѣ спектакля танцовали. Я какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ Сосницкаго, танцовалъ съ дочерью хозяина мазурку...

Война разгоралась. Извѣстіе о взятіи Смоленска поразило всѣхъ: всѣ ходили съ поникшими головами, шепотомъ передавали другъ другу новые успѣхи непріятеля. Вышелъ манифестъ объ ополченіи. Его начали формировать, а вмѣстѣ съ этимъ и новые резервы. Опять взяли у насъ нѣсколько людей и офицеровъ. На родинѣ моей, въ Казани, началъ формироваться баталіонъ нашего полка.....

Видя, что мнѣ нельзя остаться съ М***, она бросилась къ женѣ Клейнмихеля, чрезъ котораго выхлопотала, что меня назначили въ третій баталіонъ. Я ничего не зналъ, какъ звали меня къ полковнику. «Вы назначены въ 3-й учебный баталіонъ», сказалъ онъ, «и черезъ недѣлю отправитесь съ унтеръ-офицерами и фельдфебелями. Сдайте вашу должность». Какъ оглушенный громомъ, я вышелъ отъ него. Мысль, что это

убысть несчастную, терзала меня, но надобно было отправиться. На другой день я сдалъ должность подпоручику Б., зашелъ проститься съ писарями, поблагодарилъ за ихъ усердіе, далъ 25 рублевую бумажку старшему писарю. «В. бл., возьмите на память», сказалъ Титовъ, подавая мнѣ большую тетрадь, «двѣ ночи писалъ, узнавъ, что мы должны съ вами скоро разстаться». Тетрадь эта заключала рекрутскій уставъ, ротныя и баталіонныя ученія, переписанныя прекраснымъ четкимъ почеркомъ, съ отличными чертежами построений и плановъ лагерной стоянки. Подарокъ этотъ для меня былъ истиннымъ сокровищемъ: въ печати устава еще не было, переписанные—большею частью были съ грубыми ошибками, а въ этомъ нельзя было найти ни малѣйшей ошибки. Я хотѣлъ особо подарить Титова, но онъ не взялъ, говоря, что работалъ для того, чтобы подарить мнѣ, а не продавать свои труды. Экземпляръ этотъ былъ предметомъ зависти всѣхъ моихъ товарищей.

Недѣля проходила. Я явился къ полковнику, но онъ сказалъ, что, по приказанію Клейнмихеля, унтеръ-офицеры отправляются съ подпоручикомъ Донскимъ, «а васъ приказалъ генералъ оставить впредь до приказанія; навѣдывайтесь объ отправленіи вашемъ въ канцелярію».

Меркуловъ повелъ въ дѣйствующую армію одинъ изъ резервныхъ баталіоновъ, кажется лейбъ-егерскій. Пономарева я почти не видалъ; онъ, кромѣ занятій своей роты, имѣлъ кучу порученій отъ полковника и хотя не былъ причисленъ къ резервамъ, но изъ преданности къ нему трудился при сформированіи резервовъ болѣе всѣхъ: онъ былъ и адъютантъ, и казначей, не занимая ни одной изъ этихъ должностей. Только его не человеческой силѣ и здоровью возможно было переносить подобные труды.

Наконецъ, страшная вѣсть о занятіи Москвы поразила всѣхъ. Реляція Бородинской битвы ясно высказывала страшную потерю въ рядахъ отважныхъ защитниковъ Руси православной. Я бросился въ канцелярію военнаго министерства и, пробѣжавъ списки убитыхъ, насчиталъ болѣе 50 человекъ товарищей почти одного выпуска со мною. Меркуловъ, только что приведшій резервный баталіонъ, бросился на французскій редутъ, взялъ его, но, получивъ четыре раны, умеръ отъ нихъ на взятомъ имъ бастионѣ.

Изъ тысячнаго баталіона осталось только во фронтѣ 400 человекъ. Извѣстія эти мнѣ передалъ товарищъ по корпусу Сухотинъ, который былъ раненъ въ этомъ дѣлѣ въ икру пулею и отпущенъ для излѣченія въ Петербургъ, гдѣ имѣлъ родителей.

Всѣмъ остальнымъ резервамъ велѣно немедленно выступить. Наконецъ, потребовали меня въ канцелярію. Полковникъ сказалъ:

— «Завтра вы должны отправиться къ генералу въ Ярославль; придите часовъ въ 10 за бумагами и подорожной, да зайдите къ генеральшѣ, можетъ быть, она будетъ писать съ вами».

Я отправился къ генеральшѣ и она обласкавъ меня, отдала приготовленное письмо. Отъ нея я зашелъ проститься съ Пономаревымъ и, къ счастью, нашелъ его дома.

— «Что, братъ, я слышалъ и тебя отправляютъ?» — «Да, Егоръ, я пришелъ къ тебѣ проститься». — «А какъ ты думаешь воротиться опять сюда?» — «Скоро, надѣюсь». — «Напрасно». — «Почему-же?» — «А вотъ почему: кто-нибудь о тебѣ хлопочетъ, чтобы ты не попалъ въ дѣйствующую, и тебя генераль, вѣрно, пошлетъ въ Казань. Ну, да это твое дѣло». — «Мнѣ-то почему не позволяютъ умереть какъ-бы хотѣлось, — чортъ-бы ихъ дралъ; что имъ жаль, что-ли, меня? Ходилъ просить министра, чтобы, если я недостойнъ быть въ гвардейскихъ резервахъ, то перевели-бы въ какой угодно армейскій полкъ дѣйствующей арміи».

— «Нельзя: вы нужны въ учебномъ баталіонѣ, какъ опытный офицеръ».

Потому что я лучше другихъ знаю службу, я долженъ киснуть въ учебномъ баталіонѣ. Вотъ тебѣ и правосудіе, а будь я матушкинъ сыночекъ; былъ-бы и въ гвардіи, и адъютантомъ. Ну, господа, держите ухо востро: по вашей милости я прослужилъ три года солдатомъ, а теперь не попаду въ дѣйствующую! Ну, однакожъ, я задержалъ тебя своей проповѣдью. Прощай и не забудь, что одного тебя я могъ любить изъ всего поганнаго человечества!» Онъ обнялъ меня, перекрестилъ, слезы засверкали на его суровомъ лицѣ, онъ вытолкнулъ меня за дверь и закричалъ еще: «Прощай, съ горя нарѣжусь какъ с. . . .»

V.

Въ отъѣздѣ по службѣ

1812 г.

... Я не отвѣчаю за ея жизнь. Я вышелъ въ другую комнату, упалъ безъ чувствъ. Меня вынесли челоуѣкъ мой съ помощью Петра и положили въ повозку. Лошади полетѣли. У заставы я долженъ былъ выйти, чтобъ прописать мою подорожную. Когда я вошелъ, то караульный офицеръ изъ петербургскаго гарнизона спросилъ меня: «Что съ вами, вы вѣрно больны?» Я, не отвѣчая ему, подаль подорожную и... опустился на диванъ». «Выпейте водки или воды стаканъ. Вѣстовой!» крикнулъ онъ. Воды принесли, я выпилъ съ полстакана. «Ну, а водки?», спросилъ меня офицеръ, «хотите?» — «Благодарю, я не пью водки». — «Вотъ отъ этого, сударь, и дурноты-то дѣлаются!» Подорожная прописана. Я опять сѣлъ въ кибитку. Раздалась команда унтеръ-офицера: «подвысь!» Шлагбаумъ поднять; лошади полетѣли. Гробовая тоска стѣснила мнѣ грудь и я какъ оцѣпенѣлый, не чувствуя ужаснаго мороза, сидѣлъ въ кибиткѣ. Ямщикъ, понуждаемый моимъ Никаноромъ, неся во весь духъ, и мы мигомъ очутились на слѣдующей станціи.

Не доѣзжая до Ярославля станціи три, дорога пошла зимникомъ, то есть Волгой. Мнѣ досталось проѣзжать часу въ первомъ ночи. Вдругъ ямщикъ мой сдержалъ лошадей и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «В. б., вы не спите?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ я. «Поглядите, какъ волки хранцузовъ ѣдятъ». Я выглянулъ изъ кибитки. Ночь была лунная и морозная, шагахъ въ 70-ти штукъ до 20-ти волковъ что-то рвали. Я велѣлъ ямщику ѣхать еще тише, вылѣзъ изъ повозки, вынулъ двухствольный карабинъ, заряженный картечью, челоуѣку велѣлъ вынуть двухствольные пистолеты, заряженные пулями, и ямщику ѣхать нога за ногу; самъ же пошелъ возлѣ кибитки. Подойдя шаговъ на 40 и замѣтя, что волки начали озираться, я выстрѣлилъ изъ карабина. Одинъ упалъ, другіе бросились бѣжать; я пустилъ другой выстрѣлъ — и еще одинъ волкъ упалъ. Я схватилъ пистолеты у челоуѣка и отправился къ оставшемуся на мѣстѣ. Волкъ приподнялся и, таща задъ, пошелъ за убѣжавшими; я

выстрѣлилъ изъ пистолета—промахъ, я бросился догонять и, догнавъ подстрѣленного волка, шагахъ въ 5-ти, выстрѣлилъ другой разъ. Волкъ упалъ, но другіе волки остановились и подняли страшный концертъ. Я вскричалъ человѣка, чтобы шелъ скорѣе съ карабиномъ. При приближеніи его, волки опять бросились бѣжать. Я подошелъ къ волку: онъ не могъ двинуться съ мѣста, но былъ еще живъ; выхвата у человѣка карабинъ, я отложилъ штыкъ, который былъ къ нему придѣланъ, и приколѣлъ волка. Онъ былъ огромной величины; человѣкъ долго не рѣшался тащить его къ повозкѣ, но я прикрикнулъ и онъ взялъ его и потащилъ. Другой убитый мною волкъ, когда я подошелъ, былъ уже мертвъ; возлѣ него лежали до половины съѣденныя трупы французовъ.

Когда я усѣлся, то началъ спрашивать ямщика, какъ попали тутъ французы.

— «Помилюте, в. бл., да ихъ видимо-невидимо! Гонять плѣнныхъ, замучили подводами; который на дорогѣ околѣетъ, то и бросать съ саней, а коли тяжело покажется вести—и живаго бросать. Днемъ, в. б., вчера я ѣхалъ, такъ и не сочелъ, сколько ихъ набросано. Да по дѣломъ вору и мука: кой-чортъ ихъ несъ къ намъ! Какъ, говорятъ, озорничали, каторжники; матушку-то Москву выжгли, церкви ограбили, а теперь на утекъ, слышь, пошли. Вотъ и начали ихъ полонить тысячами, въ Сибирь все, на каторгу видно; ни-что разбойникамъ».

Мы пріѣхали на станцію. Оставалось до Ярославля не болѣе 40 верстъ и, по скорости ѣзды, я долженъ былъ пріѣхать очень рано, а потому я рѣшился напиться чаю и отдохнуть часа два. Съ непривычки къ ѣздѣ, меня порядочно разбило. Словоохотливый станціонный началъ рассказывать, что отъ проѣзжающаго курьера онъ слышалъ, что французы бросились было на калужскую дорогу, но свѣтлѣйшій (кн. Кутузовъ), предвидя этотъ маневръ, заслонилъ ее и, послѣ кровопролитныхъ попытокъ, французы пошли по разоренной ими же смоленской дорогѣ и терпятъ голодъ, и, не имѣя теплой одежды, гибнутъ отъ стужи; что Витгенштейнъ взялъ Полоцкъ штурмомъ.

Часовъ въ 8-мь я пріѣхалъ въ Ярославль. Всѣ трактиры и даже постоялыя двory были заняты офицерами. Я одѣлся въ полную форму и отправился къ генералу. Подъѣзжая къ квар-

тирѣ генерала, я увидѣлъ молоденькаго гусарскаго офицера, который шелъ спотыкаясь и пошатываясь. Я удивился, зная строгость генерала, какъ рѣшаются офицеры въ полномъ видѣ ходить по городу. Приѣхавши къ генералу, я прошелъ въ канцелярію. Деньщикъ генерала, котораго я зналъ еще кадетомъ, войдя, сказалъ: «Приѣхавшаго офицера требуетъ генераль». Я отправился въ кабинетъ. Генераль сидѣлъ въ шлафрокѣ въ вольтеровскихъ креслахъ; одна нога его, окутанная во что-то, лежала на табуреткѣ. «Здорово, батенька», сказалъ онъ ласково. Я подалъ ему нѣсколько пакетовъ. «Дмитріева!» вскричалъ генераль, и когда тотъ вошелъ: «Гдѣ патаетесь, сударь?» спросилъ онъ его. — «Въ канцеляріи былъ, в. п., отправлялъ почту». — «Читай!» сказалъ генераль, подавая ему пакеты. Дмитріевъ началъ читать донесеніе полковаго командира нашего полка. Тотъ требовалъ многихъ разрѣшеній. «Дуракъ! самъ не догадается, что дѣлать», ворчалъ генераль. Вторая бумага была обо мнѣ. «Ну, хочешь здѣсь остаться?» — «Я желалъ бы остаться въ Петербургѣ, в. п.». — «Вздоръ, нельзя. Или здѣсь, или въ Казань». Напуганный Дмитріевымъ, я сталъ просить генерала дозволить мнѣ отправиться въ Казань, гдѣ проживаетъ все наше семейство. «Подумаю, батенька», отвѣчалъ онъ и, обратясь къ Дмитріеву, сказалъ: «Ступайте заниматься своимъ дѣломъ».

Когда тотъ вышелъ, генераль приказалъ мнѣ сѣсть и началъ говорить: «Я напишу къ Троскину и буду тебя рекомендовать какъ отличнаго офицера». Я поблагодарилъ генерала и хотѣлъ идти. «Подожди», сказалъ онъ, указывая опять на стулъ. Я сѣлъ, проклиная его въ душѣ. «Кампанія должна скоро кончиться: французы, куда ни кинутся, вездѣ разбиты; ихъ даже бьютъ мужики; я думаю, ты обогналъ множество плѣнныхъ?» — «Точно такъ, в. п., даже видѣлъ, какъ ихъ кушаютъ волки». — «Эхъ, братецъ мой, чтобы тебѣ убить хоть одного мнѣ для лѣкарства!» — «Я убилъ двухъ, в. п. Не угодно ли взять обоихъ?» — «Спасибо, возьму. Эй, кто тамъ?» закричалъ генераль. Вошелъ деньщикъ. «Поѣзжай на квартиру къ этому офицеру, возьми тамъ волковъ и привези сюда». — «Позвольте, в. п., распорядиться мнѣ самому». — «Ну, хорошо, да приѣзжай самъ; форму долой, позволяю въ сюртукѣ, только эплеты и шпагу, понимаешь?»

Мы пошли въ залу. Гусарскій офицеръ, показавшійся мнѣ пьянымъ, былъ тутъ. Дмитріевъ подошелъ къ нему, началъ разговаривать, спросилъ, какъ его здоровье. «Плохо», отвѣчалъ грустно офицеръ: «обмороки прошли, но вижу попрежнему плохо; а очень непріятно, въ 19 лѣтъ, ослѣпнуть!» — «Богъ милостивъ, поправитесь. Мишель, рекомендую тебѣ корнета Дурова». Этотъ молодой офицеръ, какъ я узналъ, подъ Бородиною былъ контуженъ въ голову и нѣсколько часовъ лежалъ безъ признаковъ жизни; когда стали убирать тѣла, то его хотѣли хоронить, но случившійся тутъ фельдшеръ замѣтилъ слабое движеніе сердца, пустилъ ему кровь и тѣмъ спасъ ему жизнь. Пригласили его завтракать съ нами. Наконецъ, завтракъ подали и, дѣйствительно, прекрасный: заплатили 40 руб. ассигнаціями; благодаря Бога, тогда еще не считали на серебро. Дмитріевъ поскакалъ въ канцелярію, а я на квартиру. Волковъ взвалили на другаго извозчика, я переодѣлся, какъ приказалъ генераль, и поѣхалъ къ нему. Приѣхавши, узналъ, что нѣсколько разъ уже спрашивалъ меня и велѣлъ деньщику тащить волковъ въ залу. Генераль чуть не заплясалъ отъ радости: «Ну, братецъ мой, спасибо; лѣкарства на долго будетъ». Я узналъ послѣ, что кто-то увѣрилъ генерала, что отъ подагры нѣтъ лучше лѣкарства, какъ волчій жиръ втирать въ ноги и завертывать ихъ волчьей шкурой. Я доложилъ генералу, что подорожная моя только до Ярославля. «Ну, такъ ступай въ канцелярію и вели принести къ моей подписи». Я отправился въ канцелярію, передалъ Дмитріеву приказаніе о подорожной и спросилъ, что значитъ подорожная съ перышкомъ.

— «Это подорожная, мой другъ, съ которой ты не встрѣтишь нигдѣ остановки и можешь безъотвѣтно душить почтовыхъ лошадей, сколько душѣ твоей угодно; она дается только тѣмъ, которыхъ посылаютъ съ важными и скорыми порученіями».

Когда я вышелъ садиться, ямщикъ подошелъ ко мнѣ и, кланяясь низко, подаль цѣлковый: «Примите, в. б.», сказалъ онъ, повторяя поклонъ. — «Что тебѣ надобно?» спросилъ я. «Примите, в. б.» — «Да какого чорта я возьму съ тебя деньги?» — «Пожалуйте лошадушекъ!» — «Ну, садись!» закричалъ я. «Эхъ-ма,

худо!» бормоталъ ямщикъ, влѣзая на козлы, перекрестился и понесся сломя голову, не подвязывая колокольчика. «Да развѣ можно ѣздить по городу съ колокольчикомъ?», спросилъ я ямщика. — «Да вѣдь вы ѣдете съ перышкомъ», отвѣчалъ онъ.

Мы спустились на Волгу, ямщикъ продолжалъ гнать лошадей. Мнѣ стало жалко бѣдныхъ коней и я велѣлъ ѣхать рысью. Проѣхавши версты двѣ, ямщикъ спросилъ меня: «Пускать что-ли, в. б?» — «Какъ хочешь; и эта ѣзда хороша». — «Дай Богъ вамъ добраго здоровья, я думалъ, что вы хотите задушить моихъ лошадокъ!» — «Да почему же это ты думалъ?» — «Не взяли цѣлковаго, а больше у меня не прилучилось». — «Развѣ съ васъ берутъ деньги?» — «Какъ же, в. б., курьеръ—полтинникъ, фельдъегерь—цѣлковый, а съ перышкомъ—полтора, а о прогонахъ не говори. А не далъ, такъ и съ тройкой простись, домой и одной не приведешь».

Не доѣзжая до станціи версты за три, ямщикъ пустилъ тройку во весь карьеръ, покрикивая: «Ну, соколики, потѣшите барина за то, что васъ помиловалъ», и, оборотаясь ко мнѣ, спросилъ: «Какъ, баринъ, тебя звать-то?» — «А на что тебѣ?» — «Какъ, баринъ, на что? Богу за тебя вѣкъ буду молиться: тройка-то, баринъ, больно хороша, жалко бы было, кабы твоя милость задушила ее». Разговоръ нашъ прервался; мы были на станціи; я почти насильно втеръ въ руки ямщику прогоны.

VI.

Много лѣтъ спустя.—Полковникъ Ситниковъ.

Мнѣ необходимо было быть въ Пензѣ по дѣлу дяди. Приѣхавъ въ Пензу, я познакомился съ побочнымъ сыномъ дяди Дмитрія Михайловича Кирѣева, штабсъ-капитаномъ свиты, Ситниковымъ, человѣкомъ гениальнымъ, котораго личность считаю нужнымъ описать.

Алексѣй Семеновичъ Ситниковъ родился отъ горничной дѣвки; лѣтъ до 7-ми бѣгалъ по двору босикомъ. Разъ приѣхалъ къ дядѣ изъ Саратова пріятель его, губернской землемѣръ Ситниковъ, и, увидавъ красиваго мальчика, спросилъ дядю, почему онъ не возьметъ его въ горницу? Дядя отвѣчалъ, что ребенокъ этотъ ему сынъ и онъ не хочетъ его взять въ горницу,

чтобъ не оскорблять жену. Ситниковъ уговорилъ его дать отпускную матери и мальчику, давъ слово пецись о немъ. И дѣйствительно, исполнилъ это: онъ сначала училъ его самъ и, приготовивъ, отдалъ учиться въ гимназію. Мальчикъ, имѣлъ блестящее дарованіе и прилежаніе, сдѣлался лучшимъ ученикомъ. Не имѣя дѣтей, Ситниковъ испросилъ позволеніе у государя усыновить Алексѣя Семеновича, и этимъ передалъ ему права дворянства.

Въ 1812 году А. Е. Ситниковъ кончилъ курсъ въ гимназіи и поступилъ юнкеромъ въ Саратовское конное ополченіе. Во время его караула при знаменахъ, сбунтовалась одна изъ дружинъ Саратовскаго ополченія. 17-ти лѣтній Ситниковъ не выдалъ, по требованію бунтовщиковъ, знаменъ, заперъ двери дома и караулу отдалъ приказаніе стрѣлять въ бунтовщиковъ, которые рѣшались выламывать двери. Угроза подѣйствовала, бунтовщики отошли и вскорѣ были усмирены; но отважность молодого юнкера награждена была чиномъ корнета. При выходѣ ополченія за границу, Ситникова перевели въ конные егеря, потомъ, за недостаткомъ офицеровъ, въ конную артиллерію, въ роту храбраго Кандибы. Тутъ Ситниковъ получилъ чинъ поручика и «саблю за храбрость». Подъ Монмартромъ батарея Кандибы оказалась чудеса храбрости и почти вся была истреблена. Ситниковъ, раненый въ ногу пулею, не оставлялъ батареи; всѣ прочіе офицеры были переранены или убиты. Наконецъ, французы ворвались на батарею. Ситниковъ рубилъ ихъ саблею, сидя на лафетѣ, потому что не могъ стоять на прострѣленной ногѣ; двѣ штыковыя раны уложили его за смертью возлѣ защищаемаго имъ орудія. Французы были вновь отбиты нашими егерями.

Благородный Кандиба приписалъ отчаянную защиту батареи, въ донесеніи своемъ, Ситникову и представилъ его къ Георгіевскому кресту. По взятіи Парижа, Ситниковъ перевезенъ туда. Искусство французскихъ врачей, молодость и крѣпкое сложеніе спасли Ситникова отъ смерти, но выздоровленіе его было медленно. Какъ только получилъ онъ достаточно силъ, не захотѣлъ терять время, началъ ходить въ политехническую школу слушать высшія математическія и военныя науки. Для профессоромъ было чрезмѣрно пріятно видѣть въ аудиторіяхъ своихъ обвѣшаннаго орденами русскаго офицера; сейчѣсь появились

статьи въ журналахъ, гдѣ расхваливали способности Ситникова до-нельзя. Отзвѣы эти дошли до свѣдѣнія государя Александра Павловича и по возвращеніи Ситникова въ Петербургъ, онъ былъ представленъ ему и принятъ милостиво. Государь спросилъ его, какую награду онъ желаетъ получить? Ситниковъ сталъ просить перевода въ свиту. Государь позволилъ ему держать экзаменъ и наградилъ чиномъ штабсъ-капитана. Когда явился онъ на экзаменъ, то всѣ экзаменаторы единодушно согласились, довѣря свидѣтельствамъ французскихъ профессоровъ, удостоить Ситникова къ принятію въ свиту. Онъ принятъ и назначенъ для съемки Пензенской губерніи.

Во время этой съемки назначены были маневры генераломъ Сакеномъ. Оберъ-квартирмейстеръ, которому было поручено составленіе плана маневровъ, заболѣлъ; дивизионный командиръ Эмме донесъ корпусному командиру о болѣзни его и убѣдилъ Ситникова заняться этой работой. Ситниковъ зналъ мѣстность окрестностей Пензы, потому что ихъ подробно снималъ, составилъ планъ, но за нѣсколько дней прислали офицера для этого дѣла, какого-то подполковника свиты. Онъ наскоро составилъ планъ, которымъ Сакенъ остался весьма недоволенъ. Эмме доложилъ, что есть другой планъ, составленный Ситниковымъ, и представилъ его Сакену. Черезъ короткое время Сакенъ потребовалъ Ситникова, долго съ нимъ толковалъ о маневрахъ и, отпуская, сказалъ, что очень доволенъ его планомъ: «вы, штабсъ-капитанъ, имѣете прекрасную голову и свѣдѣнія не по лѣтамъ. Служите, старайтесь; вы далеко пойдете».

Въ предположеніи маневровъ была атака города, и нападеніе должно было быть сдѣлано съ публичнаго сада, что нынѣ скверъ около собора. Губернаторъ приставилъ караулъ и частнаго пристава, поруча ему просить, чтобъ не водили колонны черезъ садъ, который можетъ быть этимъ испорченъ. Ситниковъ зналъ это и въ минуту, когда колонны подходили къ саду, явился самъ; не слушая частнаго пристава, онъ егерямъ велѣлъ разломать загородку. Колонна пошла по главной аллеѣ, прокатила рота конной артиллеріи. О препятствіи колоннамъ и своемъ распоряженіи Ситниковъ доложилъ Сакену; взбѣшенный старикъ приказалъ Ситникову арестовать частнаго и посадить подъ арестъ на гауптвахту, маневрами же остался чрезмѣрно дово-

лень. На другой день явился къ корпусному командиру губернаторъ съ жалобой на Ситникова, что тотъ нарочно расположилъ маневры такъ, чтобъ сдѣлать непріятность лично ему и обывателямъ города, перепортя единственное мѣсто гулянья лучшаго общества, и просилъ освобожденія частнаго пристава.

— «Нѣтъ, пусть посидитъ; жаль, что я васъ не могу посадить, чтобы вы не мѣшали маневрамъ, но о поступкѣ вашемъ донесу государю».

Встревоженный Лубяновскій началъ умолять его, увѣряя, что, не зная военныхъ правилъ, полагалъ себя въ правѣ защищать собственность города. Сакенъ слушать не хотѣлъ и Лубяновскій отправился къ Эмме, сталъ просить его посредничества.

— «Я знаю корпуснаго командира», отвѣчалъ Эмме, «потому что служилъ при немъ 8 лѣтъ адъютантомъ; кто не проси его, онъ не послушаетъ; одно средство: хлопотать черезъ Ситникова».

Лубяновскій, несмотря на гордость, согласился просить лично Ситникова, послалъ за нимъ и, когда тотъ явился, Лубяновскій обратился къ нему съ просьбой. Ситниковъ взялся, но съ условіемъ, чтобы губернаторъ не тревожилъ корпуснаго командира мелочными жалобами на войска, о конхъ онъ хотѣлъ подать докладную записку, обѣщая, сверхъ освобожденія частнаго, выхлопотать уплату за всѣ убытки жителямъ, которые платились только тогда казной, когда превосходили извѣстную сумму, въ противномъ случаѣ должны были быть уплачены изъ земскихъ сборовъ губерніи. Лубяновскій чуть не разцѣловалъ его. Ситниковъ явился къ Сакену, сталъ просить его, представляя на видъ, что онъ не желаетъ, чтобъ непріятность губернатору могла быть приписана ему, и эта ссора лишить общество возможность видѣть на балѣ у себя его высокопревосходительство. Сакенъ согласился оставить это дѣло. Ситниковъ передалъ объ этомъ Лубяновскому; сейчасъ занялись къ приготовленію бала въ вокзалѣ сада, который нисколько не пострадалъ отъ того, что черезъ него прошли нѣсколько ротъ стрѣлковъ. Адъютантъ и прочіе штабные просили Ситникова познакомить ихъ съ дамами. Ситниковъ отказался, подъ предлогомъ, что раненая нога его разболѣлась и что онъ не можетъ иначе ходить, какъ въ бархатномъ полусапожкѣ, что и теперь-бы сдѣлалъ, если-бы

осмѣлился быть въ такомъ костюмѣ у корпуснаго командира. Аdjutantъ доложилъ объ этомъ генералу и Ситниковъ получилъ позволеніе быть на балѣ въ этомъ полусапожкѣ. Когда съѣхались на балъ, то нѣкоторые обратили вниманіе на костюмъ Ситникова и отставной полковникъ С. взялся замѣтить Ситникову неприличіе его костюма. Когда онъ подошелъ съ объясненіемъ, то Ситниковъ, не говоря о позволеніи, извинялся болѣзною ноги. С. началъ горячиться, требовать, чтобъ онъ вышелъ. Ситниковъ отказался исполнить его требованіе до пріѣзда корпуснаго командира. Пріѣхалъ Сакенъ; С. имѣлъ глупость подлетѣть къ нему съ жалобой. Сакенъ отвѣчалъ, что, не находя это неприличнымъ, самъ позволилъ Ситникову быть въ этомъ костюмѣ. — «Но дамы этимъ обижаются, ваше высокопревосходительство!» — «Я попрошу у нихъ извиненіе», сказалъ старикъ и, подойдя къ губернаторшѣ, просилъ ее извинить его за позволеніе раненому и отличному офицеру этой свободы. Не получа отъ этой гордой бабы никакого отвѣта, приказалъ подать карету и уѣхалъ, несмотря на убѣжденіе Лубяновскаго. «Ваши дамы—не патріотки, они не любятъ насъ военныхъ. Прощайте», отвѣчалъ сухо генераль. Штабъ и всѣ офицеры разѣѣхались, дамы также, съ большой досадой на С...

По утру явился С. къ Ситникову съ вызовомъ на дуэль. Ситниковъ согласился, но съ условіемъ стрѣляться въ трехъ шагахъ, по жребію. С. отказался отъ подобныхъ условій и уѣхалъ хвалиться, что онъ запугалъ Ситникова. Объ этомъ начали толковать и толки дошли до Ситникова; онъ уговорилъ ѣхать съ собой выздоровѣвшаго оберъ-квартирмейстера, старшаго адъютанта Эмме и полковаго командира одного егерскаго полка, и съ ними отправился къ С., у котораго застали гостей. Ситниковъ объяснилъ свое предложеніе. С. утверждалъ, что когда подобная дуэль есть чистое смертоубійство. Тогда адъютантъ Эмме—Кади, извѣстный стрѣлокъ, предложилъ ему стрѣляться въ 75 шагахъ, но изъ кухенрейтерскихъ пистолетовъ. «За что-жъ я съ вами буду стрѣляться?» спросилъ его С. — «За то, что вы громко говорите вздоръ; это привычка дурная», отвѣчалъ хладнокровно нѣмецъ; «надобно отъ нея отвыкнуть». — «Я не знаю, чѣмъ должны мы это кончить?» — «Стрѣляться въ 3-хъ шагахъ», сказалъ Ситниковъ. — «Или въ 75-ти шагахъ», прервалъ Кади. —

«Или извиниться», добавилъ полковой командирь.—«Да, извиниться, что вы говорили громко и вздоръ», продолжалъ Кади.—«Я могу извиниться только въ томъ», возразилъ С., «что, не зная о позволеніи генерала, завелъ объясненіе съ г. Ситниковымъ».—«И говорили громко вздоръ», настаивалъ упрямый нѣмецъ.—«Итакъ, г. Ситниковъ, угодно вамъ принять извиненіе мое въ томъ видѣ, какъ я предложилъ?»—«Я не брестеръ, въ храбрости моей сомнѣніе разрѣшаетъ этотъ орденъ, и потому готовъ принять ваше извиненіе». Миръ былъ заключенъ; выпили нѣсколько бокаловъ шампанскаго, но репутація С. была жестоко скомпрометирована, онъ даже сталъ говорить тише.

Въ проѣздъ государя Александра Павловича Ситниковъ былъ командированъ въ Симбирскъ снять окрестность Симбирска на двухъ верстномъ разстояніи и составить краткій очеркъ первоначальнаго основанія и развитія этого города. Тутъ я въ первый разъ познакомился съ нимъ; онъ около недѣли прожилъ у меня въ домѣ; меня удивляли умъ и свѣдѣнія этого человѣка, а въ особенности его дѣятельность: онъ минуты не терялъ безпользы. По требованію его, ему доставлены были свѣдѣнія отъ полиціи и магистрата. Безъ всякаго труда, онъ опредѣлялъ въ которой вѣдомости написанъ вздоръ, и по справкѣ—догадка его оказывалась справедливой.....

Впослѣдствіи Ситникова прикомандировали къ корпусу генерала Рота. У русскихъ (въ 1828 году) началась война съ турками. Послѣ одного неудачнаго сраженія, Ситниковъ донесъ главнокомандующему Дибичу, что генераль Ротъ, не послушавши его совѣтовъ, потерялъ значительное количество людей и орудій безъ всякой нужды и пользы. Дибичъ, не отвѣчая ему, распорядился перевести его въ Москву, поруча тамъ заняться съемкой. Обиженный этимъ, Ситниковъ, который уже былъ подполковникомъ, подалъ доносъ свой государю и, по высочайшему повелѣнію, безъ суда, переведень, за дерзость противъ начальства, въ армейскій полкъ, подъ команду младшаго. Убитый этою несправедливостью, онъ началъ пить.

Загорѣлась, въ 1831 году война съ поляками. Ситниковъ письмомъ умолялъ государя дозволить ему умереть на штурмѣ Варшавы, командуя охотниками. Это ему дозволено, и онъ,

съ горстью храбрецовъ, бросился на штурмъ. Ни ядра, ни картечь, ни градъ пуль не въ силахъ были остановить безстрашныхъ, предводимыхъ Ситниковымъ, который, несмотря на нѣсколько ранъ, первый ворвался въ укрѣпленіе. Въ рукопашномъ бою онъ получилъ двѣ раны саблею въ голову и безъ чувствъ отнесенъ въ лазаретъ.

Государь простилъ его, произвелъ въ полковники и опять назначилъ въ свиту.

Не имѣя никакого порученія, Ситниковъ, почти всегда полупьяный, началъ ругать всѣхъ начальниковъ, укорять въ пристрастіи государя къ иностранцамъ. Это было донесено государю, и Ситникова посадили въ крѣпость. Вл. Фед. Адлербергъ былъ при арестованіи Ситникова и, бывши съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, поѣхалъ сейчасъ къ государю, и передалъ ему, какъ понималъ Ситникова. «Государь!» сказалъ онъ: «Ситниковъ—изувѣченный ветеранъ, раны сдѣлали его раздражительнымъ, но онъ патриотъ въ душѣ, онъ первый готовъ броситься въ огонь и въ воду за васъ, какъ помазанника Божія, никто болѣе его не желаетъ блага Россіи. Неужели вы рѣшитесь мстить человѣку, котораго раны сдѣлали полусумасшедшимъ?»

— «Но согласись, что сужденія его вредны: ими могутъ увлечься другіе».

«Удалите его изъ столицы и обезпечьте его жизнь, Государь».

— «Согласенъ; пусть онъ получаетъ полный пенсіонъ и изъ кабинета по 1000 руб. сер. и, по болѣзни, живетъ гдѣ либо въ губернскомъ городѣ, но запрещаю въѣздъ въ столицы. Поѣзжай, выпусти его изъ крѣпости и уговори уѣхать какъ можно скорѣе».

Воля государя Николая Павловича была исполнена. Ситниковъ уѣхалъ въ Саратовъ. Болѣзни отъ раны и нетрезвость, которой онъ предался, вскорѣ свели его въ могилу.

VII.

Пріѣздъ въ деревню.

Долго я не дѣлалъ никакихъ знакомствъ, наконецъ рѣшился сдѣлать визитъ ближайшимъ сосѣдямъ. Когда я пріѣхалъ, въ передней меня встрѣтила босоногая дѣвка, въ полосатой юбкѣ. «Кого вамъ надо?» спросила она меня.— «Твоихъ господъ».— «А вы засѣдатель что-ли?» — «Нѣтъ, дружокъ, я сосѣдъ изъ Ружевки».— «Изъ Ружевки? ну такъ я барынѣ скажу», и съ этимъ юркнула въ корридоръ.

Я вошелъ въ залу и чуть ни на первомъ шагу не ушибъ себѣ ногу объ выпятившуюся половицу; полъ весь былъ искоробленъ; на подбѣленныхъ, но не штукатуренныхъ стѣнахъ были повѣшены каррикатурные портреты: кавалеры въ губернскихъ мундирахъ, дамы въ огромныхъ чепцахъ, а нѣкоторыя—повязанныя платочкомъ, Ермакъ Тимофеевичъ глядѣлъ, вытараща глаза, на какого-то архіерея. Живописецъ, кажется, не богатъ былъ красками: сурикъ, вохра, сажа и бѣлилы у него замѣняли все прочее; о правильности рисунка и говорить нечего.

Вышедшая хозяйка застала меня созерцающимъ эти каррикутуры. Я отрекомендовался. «Прошу садиться», сказала она: «вотъ садьте, батюшка, на диванчикъ». Я, замѣтивъ, что, когда она садилась, то изъ дивана вылетѣла цѣлая куча перьевъ, уклонился отъ приглашенія и сѣлъ на стулъ; но и тутъ бѣда: онъ подо мной затрепалъ.

— «А мы думали», заговорила хозяйка: «что вы спѣсивитесь, батюшка, не хотите съ нами, мелкотравчатыми, знакомиться?»

«Извините, я нашелъ имѣніе въ такомъ безпорядкѣ, что долженъ былъ по неволѣ сидѣть дома, чтобъ какънибудь поправить».

— «Что вы, батюшка, а Егорычъ? Ну, какъ у него быть безпорядкамъ: строгій такой, да знающій; вотъ и мой старикъ его слушаетъ; испиваетъ немного, но ужъ молодецъ, крестьянамъ потачки не даетъ».

Въ дверь выглянулъ глазокъ: «шалите сестрица, что тол-

каетесь», слышно было за дверью: «я маменькѣ пожелаюсь». «Хи, хи, хи!» раздалось довольно громко, такъ что и маменька услышала. «Это мои проказницы шалать», сказала она: «шесть, батюшка,—трехъ хоть подь вѣнецъ; извините, я схожу выговю ихъ сюда, а мнѣ похозяйничать нужно».

Хозяйка ушла, за дверьми начался шепотъ: «ступай, сударыня, развѣ съѣдятъ тебя?»

«Нѣтъ, маменька, Катю пошлите».

— «Какъ же, ты старшая—ну, такъ вылетай».

Дѣйствительно, румяная, полная дѣвица вылетѣла изъ-за двери, вытолкнутая, вѣроятно, маменькой. Зардѣвшаяся, какъ пѣионъ, переконфуженная, она сдѣлала какой-то неловкій реверансъ. Я подошелъ рекомендоваться; она молча протянула мнѣ пухленькую, хотя загорѣлую, но довольно красивую ручку, я поцѣловалъ. Не зная и самъ какъ начать разговоръ, я спросилъ ее: весело-ли ей жить въ деревнѣ? Лаконическое: «Да-съ» было отвѣтомъ. «Въ деревнѣ еще весной нескучно?» — Опять: «Да-съ». «Но неужели вы и зимой живете въ деревнѣ?» — «Да-съ». — «Это должно быть скучно?» — «Да-съ». — «Что-жъ вы дѣлали зимой?» — «Вязали чулки». А, слава Богу, ужъ не «да», подумалъ я. «Вѣроятно читаете книги?» — «Да-съ». Опять проклятое «да-съ», но, такъ и быть, подумалъ я: добьюсь же и другаго отвѣта. — «Какія же книги вамъ больше нравятся?» — «Ратклифъ-съ». — «Откуда же вы получаете книги?» — «У разнощиковъ-съ». Вышла другая сестра. «Это Душа», сказала старшая. Я сдѣлалъ поклонъ. Вошла третья. «Это Параша», повторила опять старшая. Нить разговора прервалась, надобно было начинать снова. «Есть у васъ садъ?» спросилъ я. — «Нѣтъ», отвѣчала средняя. — «Роща есть», прервала третья: «и грибовъ въ ней много». — «Вы вѣрно ихъ собираете?» — «Да-съ», отвѣчали всѣ три вразъ. Я не утерпѣлъ, вскочилъ со стула и кстатѣ: въ дверь вылѣзла фигура отца семейства: визенькій, полненькій, краснолицый и красноносый старичекъ, въ казакинѣ изъ дома тканого мухояра, и бросился цѣловать меня, приговаривая: «вотъ удружили, что пожаловали! Съ покойнымъ батюшкою вашимъ дружень былъ; тетеревей вмѣстѣ стрѣляли. Что-жъ ты, Параша, сидишь? скажи матери, чтобъ водки подали. Ну, живѣ!» — и Параша улетѣла.

«А мы ждали васъ и не ждали; думали, поѣдете вы къ бѣднякамъ». — «Да кажется у васъ порядочное имѣніе, душъ сто?» — «Сто тридцать, благодѣтель; да чортъ-ли въ нихъ? На-половину безлошадныхъ, да двори половъ домъ, управителя нѣтъ, староста мошенникъ». — «Я думаю, вы сами занимаетесь хозяйствомъ?» — «Гдѣ, батюшка, самому вездѣ углѣдѣть? Попадутся — потеребишь одного, другаго, а десятеро тащутъ и не увидишь. Вотъ у Егорыча жнется 1,500, а у меня 1000, молотится 8 пудовъ, а у меня 5 пудовъ; что станешь дѣлать съ шельмецами? Станешь колотить, — отговорки: та дескать новая земля и черноземъ, а у насъ старая, да съ галькой, — плюнешь, да и пойдешь».

«О чемъ вы толкуете?» спросила вошедшая хозяйка. — «Мы говорили съ Д. И. о хозяйствѣ». — «Нашли кому доказывать! если бы не я, давно бы по міру дѣтей пустили». — «Ну, вотъ и не правда, голубушка: хозяинъ я хоть и плохой, а не мотъ; прежде въ картишки зашибался, а теперь и то бросилъ». — «Какъ уже нечего стало проигрывать, батюшка; полноте, стыдно: дочери невѣсты». — «Ахъ, ты Господи, да развѣ я ихъ проигрываю?»

Я пошелъ съ барышнями въ рощу. Душа была лучше всѣхъ собою и не такъ застѣнчива; во время прогулки разболталась со мной и на возвратномъ пути предложила мнѣ догонять себя. Я согласился, но съ условіемъ, что если догоню, то поцѣлую ее. «А если не догоните?» — «Куплю вамъ конфектъ». — «Только, смотрите, не мармеладу; я терпѣть его не могу!» — «Согласенъ», отвѣчалъ я. «Ну, такъ догоняйте», и полетѣла. Я догналъ рѣзвуху, она хотѣла увернуться, но я хватилъ ее за талію и хотѣлъ, по уговору, поцѣловать. «Не цѣлуйте, ради Бога, меня теперь: сестры увидятъ и мнѣ достанется отъ маменьки; я васъ послѣ два раза поцѣлую!»

VIII.

Дядька Федоръ Егоровъ.

Какъ теперь гляжу я на этого старика великана, съ зачесанными назадъ сѣдыми волосами, съ огромными бакенбардами и полисонами, накрахмаленными также, какъ и каленкоровая его косынка; помню его кувинскій красный жилетъ и долгополый синій сюртукъ, вяжущаго въ уголкѣ колпакъ, когда мы учили уроки.

— «Поучи еще, не твердо, того-воно», говаривалъ онъ, когда я или братъ закрывалъ книгу:— «я, того-воно, учителя спрошу, зналъ-ли ты урокъ, и матушкѣ скажу», и мы опять принимались зубрить вокабулы или спряженіе глаголовъ, и урокъ выучень твердо.

«Дядька, скажи намъ сказку, только не страшную!»—говорилъ братъ.

— «Трусъ, того-воно; не отцовская кровь, а материнская—польская!»

«Да чтожь дѣлать, дядька, когда я боюсь», возражалъ братъ.

— «Что дѣлать? Кабы ты выросъ не у Дарьи Григорьевны, дуры, подъ шушунномъ, такъ бы, того-воно, не боялся. Вотъ погляди на брата, а отъ чего? Букой не пугали, вздору ему не говорили, вотъ и будетъ молодець—военный, а ты—штатская крыса!»

Братъ принимался плакать.

— «Ну что разрюмился, того-воно? Я скажу веселенькую сказку».

Тутъ начиналъ присказки.

«Да ты сказку-то сказывай!» перебивалъ братъ.

— «Сказку? Да развѣ сказка, того-воно, безъ присказки бываетъ, безтолочъ ты эдакая? Ну, это будетъ, что корова безъ роговъ и безъ хвоста!»

«Я видѣлъ, дядька, корову безъ роговъ?» говорилъ я.

— «Ну, чтожь? Это уродъ, и сказка безъ присказки уродъ. Ну, слушайте, я коротенькую присказку скажу», и начнется присказка снова. Тутъ явятся на сцену и Илья Муромецъ, и

Соловей разбойникъ или Ерусланъ Лазаревичъ съ Кощеємъ безсмертнымъ. Дядка говорилъ складно и мы всегда слушали его со вниманіемъ, останавливая иногда вопросами, въ родѣ слѣдующихъ:

«Какъ же, дядка, одинъ человекъ могъ перебить тысячу?»

— «Богу молился хорошо, за то Богъ ему и помогаль; онъ вѣдь, того-воно, богатырь былъ».

Вотъ сказка досказана. Позовутъ насъ изъ флигеля въ большой домъ, гдѣ помѣщалась матушка. ужинать; если погода хороша, мы добѣжимъ сами, а сыро, послѣ дождя, онъ возьметъ — одного посадить на руку, другаго на другую, да и донесетъ до дому.

«Дядка, тебѣ тяжело», скажетъ который-нибудь изъ насъ.

— «Вотъ вздоръ какой, того-воно, тяжело! Много-ль въ васъ вѣсу? Какъ въ цыплятахъ!»

Послѣ ужина мы отправляемся во флигель тѣмъ же порядкомъ. Тутъ онъ заставитъ насъ прочитать «Отче нашъ», «Богородицу», «Вѣрую», помолиться за здравіе и упокой родныхъ, раздѣнетъ и уложитъ, но долго слышимъ: «Господи помилуй! Господи, прости!» и часа два старикъ молится, стоя на колѣнкахъ.

По утру дядка никогда не давалъ намъ чаю, пока не помолились, а если замѣчалъ, что молились неохотно и разсѣянно, то говаривалъ:

— «Смотри, того-воно, ты дурно молился, урокъ позабудешь, въ углу стоять будешь; дворянскій сынъ: стыдно, товарищи надъ тобой будутъ смѣяться», и этотъ укоръ заставлялъ вновь прочитать молитвы. Когда мы напьемся чаю, онъ насъ отводитъ поздороваться съ матерью, послѣ чего возилъ на старомъ Чалкѣ въ гимназію; до окончанія классовъ, онъ, сидя въ залѣ на окнѣ, вязалъ колпаки или перчатки.

По выходѣ изъ классовъ, освѣдомлялся у учителей, хорошо ли мы знали уроки, цѣлую дорогу ворчалъ, въ случаѣ недобренія учителя, и возилъ кататься по городу, если учились хорошо. Иногда, во время вязанья его въ гимназіи, кто-либо изъ бѣгающихъ повѣсь-гимназистовъ скажетъ ему: «Здравствуй, дядка-Симбалда!», онъ флегматически отвѣчалъ:

— «Симбалда, да не твой; проваливай, того-воно, а то въ классъ за ухо отведу».

Угрозу эту онъ, при повтореніи глупой шутки, нерѣдко приводилъ въ дѣйствіе, и учителя не только не сердились на него, но сказывали «спасибо».

За обѣдомъ онъ всегда становился за моимъ стуломъ и если тетка А. И. начинала бранить меня, дядька вступался:

— «Чѣмъ онъ хуже, того-воно, вашего любимца? Не грѣшите, сударыня: не узнали, отъ котораго больше почета будетъ!»

«Молчи, долгоносый дуракъ. Туда-же разсуждать пустился. Я вотъ Ильѣ Сидоровичу скажу, такъ въ полиціи и выдерутъ!»

— «Что-же, того-воно, выдерутъ, такъ выдерутъ, а въ обиду дитя не дамъ; мнѣ покойный баринъ его поручилъ на послѣднихъ часикахъ своей жизни, дай Богъ ему царствіе небесное!»

«Зналь, кому поручить: прежде щенковъ выкармливалъ, а тутъ сына!»

— «Что вы кости-то его трогаете? Грѣхъ, того-воно; онъ праведная душа былъ».

«Молчи, дурацкая рожа, не разсуждай».

— «Рожа, того-воно, какую Богъ далъ, а въ обиду дитя не дамъ, дойду до высшаго начальства: кто-нибудь сироту защититъ».

«Перестань, дядька, ради Бога», говорила матушка сквозь слезы.

— «Перестану, матушка-барыня, я, того-воно, не болванъ какой, вижу, что это васъ огорчаетъ, да утериѣть не могу: жалко—ваше-же дитя!»

— «Жалостливый какой дуракъ: что ни проказничай его любимецъ, слова не говори! Хорошо выйдесть!»

— «Сестрица, да оставьте этотъ разговоръ! Егорычъ по любви къ нему за него заступается, развѣ можно его винить за это?»

— «По любви», утирая слезы кулакомъ, говорилъ Егорычъ:— «по любви, да и и душу за него отдать готовъ! Дуракъ я по вашему, а мнѣ, не вашимъ умницамъ, поручилъ его покойный старый баринъ; не вступайся я, такъ совсѣмъ ребенка замуштрують и дура Дарья Григорьевна пинковъ на-даетъ, а дуракъ-то, Егорычъ, въ оба глядитъ, сударыня!»

Подобные споры бывали нерѣдко, но А. И., зная рѣшительный характеръ дядки и что онъ при первомъ наказаніи меня непременно пойдетъ жаловаться губернатору или губернскому предводителю, ограничивала свои нападки бранью.

Я окончилъ гимназическій курсъ.

Пріѣхалъ въ Казань мой крестный отецъ и, по просьбѣ моей, взялся отвезти меня въ Петербургъ; дядка почти къ самому моему отъѣзду заболѣлъ горячкой и я, прощаясь съ нимъ, горько плакалъ. Никаноръ Васильевъ, котораго со мной послали, далеко не замѣнялъ мнѣ Егорыча; онъ былъ чловѣкъ пустой, беззаботный, хлопоталъ болѣе о своемъ удобствѣ, чѣмъ о моемъ. Въ письмахъ моихъ къ матери я всегда приписывалъ поклонъ Егорычу и когда матушка объявляла ему это, онъ набожно крестился и со слезами на глазахъ говорилъ:

— «Добрая душа, отцовская, помнить меня старика; дай, Господи, дожить только до того времени, когда увижу моего молодца!»

Изрѣдка я писалъ къ нему особо, онъ бѣгалъ съ письмомъ моимъ по всей дворнѣ: «Унтеромъ, того-воно, сдѣлали моего-то! Что, говорилъ я, молодецъ будетъ!» А когда я извѣстилъ его о производствѣ въ офицеры, онъ побѣждалъ въ церковь служить молебенъ, рассказывалъ встрѣчному и поперечному о производствѣ моемъ:

— «Моему-то молодцу два чина вразъ дали, молодецъ, Кирѣевская, кровь отважная!»

Черезъ четыре года по отъѣздѣ моемъ изъ Казани, я пріѣхалъ въ нее поручикомъ; мнѣ было 18 лѣтъ. Дядка, узнавъ о пріѣздѣ моемъ, прибѣжалъ въ комнаты матушки, бросился обнимать меня; слезы градомъ катились у него изъ глазъ, онъ не могъ нѣсколько времени выговорить ни слова, потомъ кинулся передъ образомъ, и сказалъ:

— «Господи милосердный! благодарю Тебя: увидалъ я своего красавца, услышалъ Ты мою грѣшную молитву! Что, матушка», сказалъ онъ, обращаясь къ моей матери:— «вотъ какое сокровище тебѣ выростилъ!» и вновь бросился цѣловать меня.

«Поцѣлуй меня, дядка», сказала матушка:— за то, что выростилъ мнѣ сына молодца».

— «Матушка, стою ли я этого? Пожалуй ручку, я и то за милость почту». Но матушка поцѣловала старика.

Когда онъ получилъ привезенные мною подарки, тонкое синее сукно на сюртукъ, шейный шелковый платокъ и жилетъ, онъ, какъ дитя, обрадовался и побѣждалъ показывать подарки всей дворнѣ. Съ моего приѣзда, старикъ помѣстился въ томъ же флигелѣ, въ которомъ помѣщался я. Никакъ не могъ я уговорить его, чтобы онъ не чистилъ моего платья и сапогъ и не дожидался, когда я засижусь въ гостяхъ.

— «Вотъ выдумалъ! того-воно, тяжело мнѣ дожидаться тебя, а этого не знаешь, что я, не поцѣловавъ тебя и не перекрестя, всю ночь не усну».

Года черезъ полтора, онъ вдругъ началъ хилѣть, но ни одной минуты не лежалъ; дня за три до смерти, онъ сказалъ мнѣ:— «Тяжело, я пойду въ людскую», но я не согласился отпустить его и убѣдилъ его лечь; онъ не чувствовалъ никакой боли, а только одну слабость. Наканунѣ смерти исповѣдался и приобщился, и умеръ, какъ заснулъ, безъ страданій, на моихъ рукахъ. Послѣднія слова его были:

— «Я не увижу уже тебя, баринъ. Прощай, видно, конецъ мой приходитъ; помяни меня; я любилъ тебя больше всего на свѣтѣ».

Я поцѣловалъ его, взявъ его холодѣющую руку, онъ сжалъ ее и долго рука мертвеца держала мою руку; когда я удостоившись въ его смерти, я рыдалъ, какъ женщина.

Миръ праху твоему, добрый старикъ! Всѣмъ, что есть во мнѣ добраго, я обязанъ тебѣ; ты свято исполнилъ свой обѣтъ отцу моему, ты пекся обо мнѣ съ младенчества, ты первый ввухилъ мнѣ вѣру въ Бога и любовь къ ближнему. Упокой, Господи, душу твою въ селеніи праведныхъ!

Мих. Ник. Кирѣевъ.

Сообщ. Александръ Александровичъ Кирѣевъ.

Конецъ.

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА ¹⁾

1789—1848.

Приступая, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, именно въ 1874 году, къ печатанію «Записокъ генерала Жиркевича», состоящихъ изъ четырехъ объемистыхъ фоліантовъ, мы предположили помѣщать ихъ на страницахъ «Русской Старины» постепенно, даже не изъ года въ годъ, дабы не утомлять вниманія читателей, отдавая любопытнѣйшій отдѣлъ изданія автобіографіи исключительно одного лица въ ущербъ другимъ историческимъ матеріаламъ. Нынѣ, приступая къ продолженію печатанія «Записокъ И. С. Жиркевича», считаемъ необходимымъ, въ краткихъ чертахъ, ознакомить читателей какъ съ личностью автора, такъ и съ содержаніемъ доннынъ помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» (1874—1878 гг.) двадцати четырехъ главъ его записокъ.

И. С. Жиркевичъ — воспитанникъ 1-го кадетскаго корпуса, честный, прямодушный служака царствованій императоровъ Александра I и Николая Павловича, начавъ боевую службу гвардейскимъ офицеромъ на поляхъ Аустерлица (1805), впоследствии занималъ довольно видный постъ по артиллерійскому вѣдомству; затѣмъ былъ губернаторомъ Симбирскимъ, потомъ Витебскимъ, но по неумѣнью ладить съ людьми не всегда добросовѣстными — вышелъ въ отставку и скончался въ городѣ Полоцкѣ, весьма небогатымъ человѣкомъ.

¹⁾ См. «Русская Старина», изд. 1874 г., томъ IX, стр. 207—244; томъ X, стр. 633—666; томъ XI, стр. 411—450, 642—664; изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 554—580; изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 627—648; томъ XVII, стр. 127—144, 251—266, 771—786; изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 401—422; томъ XXIII, стр. 33—54. См. также упоминанія объ Ив. Степ. Жиркевичѣ въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 73, 171, 173 и 74—80.

Высоко цѣнимый императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который многократно являлъ къ Жиркевичу несомнѣнные знаки благорасположенія, уважаемый тогдашними министрами внутреннихъ дѣлъ графомъ Д. Н. Блудовымъ—Ив. Степ. Жиркевичъ не ладилъ съ мѣстною провинціальною бюрократіею. Онъ не придерживался бюрократическихъ пословицъ того времени: «съ волками жить—по волчьей вѣть» и «рука руку моетъ». Онъ преслѣдовалъ волковъ; не имѣлъ надобности мыть чужихъ рукъ, будучи всегда самъ чистъ на руку, а потому въ сферахъ чиновничества былъ признанъ безпокойнымъ, строптивымъ, на службѣ малополезнымъ человѣкомъ.

Записки свои Иванъ Степановичъ началъ писать за семь лѣтъ до кончины, именно около 1841-го года; писалъ, конечно, не помышляя о томъ, что когда нибудь настанетъ время и онъ появится въ печати. Во многихъ своихъ разсказахъ «страха ради іудейска» онъ самъ же былъ себѣ цензоромъ—вычеркивая цѣлыя строки, замѣняя фамиліи заглавными буквами и проч. Между тѣмъ, припоминая свое время, боевое поприще и государственныхъ дѣятелей двухъ царствованій, Жиркевичъ, «не мудрствуя лукаво», занесъ въ свои записки множество живыхъ картинъ, портретовъ и вполне правдивыхъ характеристическихъ очерковъ.

Родился И. С. Жиркевичъ въ царствованіе Екатерины II, въ 1789 году, 9-го мая, въ день торжественнаго вѣзда въ Смоленскъ тогда всемогущаго князя Потемкина; воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ (Сухопутномъ Шляхетномъ) подъ надзоромъ графа Ангальта. Его ласкалъ герой отечественной войны—Милорадовичъ; будучи отрокомъ, онъ удостоивался вниманія императора Павла и великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Прямо изъ корпуса—семнадцатилѣтній Жиркевичъ, офицеръ гвардейской артиллеріи, отправился въ походъ и былъ участникомъ Аустерлицкаго боя.

Затѣмъ, вотъ перечень событій и лицъ, о которыхъ разсказывалъ И. С. Жиркевичъ въ напечатанныхъ до сихъ поръ «Русской Старинѣ» (1874—1878 гг.) двадцати четырехъ главахъ его записокъ:

Пребываніе нашихъ войскъ въ Польшѣ; главнокомандующій И. Н. Михельсонъ; Аракчеевъ; Эйлеръ; походъ 1807 г.; пребываніе въ Петербургѣ прусскаго короля съ супругою; кампанія 1809 года; Барклай де Толли; А. П. Ермоловъ; отечественная война 1812 г.; партизанъ Фигнеръ; Тарутино; кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ; истребленіе французской арміи

въ предѣлахъ Россіи; переходъ нашихъ войскъ черезъ границу и кампанія 1813—1815 гг.; вступленіе нашихъ войскъ въ Германію; кн. П. Х. Витгенштейнъ; кончина кн. Кутузова-Смоленскаго въ Бунцлау; сраженіе при Бауценѣ; В. Г. Костенецкій; гр. Остерманъ-Толстой; трехсуточная битва подъ Лейпцигомъ; вступленіе союзныхъ войскъ въ предѣлы Франціи; вступленіе въ Парижъ 19-го марта 1814 года; представленіе оперы «Весталка» на парадномъ спектаклѣ 20-го марта; жизнь въ Парижѣ и тамошніе нравы; торжественный въездъ въ Парижъ короля Людовика XVIII и графа д'Артуа; молебствіе; панихида по Людовикѣ XVI и парадъ на площади Согласія; сверженіе статуи Наполеона съ Вандомской колонны.—Возвращеніе въ Россію; бытъ гвардейскихъ офицеровъ въ 1815 году.—Пробываніе въ Орлѣ; графъ С. М. Каменскій и его домашній театръ съ крѣпостною труппою; начало военныхъ поселеній; семейство графа Чернышева; примѣрный бытъ доброй помѣщичьей семьи.—Служба въ полевой артиллеріи; сдача роты съ приплатою денегъ; московская гадальщица; артиллерійскій департаментъ (1824 г.); генераль Гогель; сослуживцы по департаменту; столкновеніе съ начальствомъ.—Дѣвичъ и морской министръ Миллеръ; кончина Александра I; письмо къ великому князю Михаилу Павловичу; объясненіе съ Переномъ; великій князь Михаилъ Павловичъ; дѣло о перевозкѣ орудій; Игвензонъ; сѣна Гогеля; отъездъ въ Москву; просьба объ отдачѣ подъ судъ; командировка на Шостенскій заводъ; полное оправданіе Жиркевича; вторичное поступленіе въ артиллерійскій департаментъ; императоръ Николай I; покупка военныхъ запасовъ; Одесса; разбирательство дѣла Желтухина и Арнольди въ Кіевѣ; семейство графини Чернышевой; Никита Муравьевъ. 14 е декабря 1825 г.—Тульскій оружейный заводъ (1829); генераль-майоръ Философовъ; отставка; Штаденъ; пожаръ тульского оружейнаго завода. Петербургъ; князь А. С. Меншиковъ; графъ Д. Н. Блудовъ; сенатъ. Назначеніе губернаторомъ въ Симбирскъ.—Жмакинъ; представленіе министрамъ; графъ Строгановъ; Жемчужниковъ; гр. Перовскій; Гоноропуло; представленіе императору Николаю I; распри Загряжскаго съ кн. Баратаевымъ; отзывъ государя о полякахъ; Тяпѣвъ; графъ Бенкендорфъ; Дашковъ; кн. П. М. Волконскій. Симбирскъ; ревизія губерніи; бунтъ крестьянъ на мызѣ; майоръ Э. И. Стоговъ; отношеніе жандармовъ къ губернаторамъ; «секретная инструкція»; кн. Баратаевъ и богоугодныя заведенія; гр. Строгановъ; Бенардаки; подряды; бурлаки и вопросъ о паспортахъ.

Таково содержаніе двадцати четырех главъ «Записокъ Жиркевича», напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» съ 1874 по 1878 гг. и на время прерванныхъ нами на описаніи его губернаторской дѣятельности въ 1834 году. Перерывъ произошелъ исключительно въ виду наплыва множества записокъ, воспоминаній, очерковъ и матеріаловъ, которые, занявъ страницы «Русской Старины», отодвинули записки честнаго, правдолюбиваго губернатора-служаки И. С. Жиркевича—этого представителя лучшихъ губернаторовъ Николаевского времени.

Такимъ образомъ, питомецъ 1-го кадетскаго корпуса, затѣмъ офицеръ гвардейской артиллеріи, участникъ великой отечественной войны 1812-го года, прошедшій въ рядахъ побѣдоносной арміи Россіи всю Европу до Парижа, потомъ начальникъ артиллерійской батареи, начальникъ особой части на Тульскомъ оружейномъ заводѣ, наконецъ губернаторъ Сибирскій, прямодушный, рыцарски благородный, но, въ то же время, непреклонный до упрямства, рѣзкій на слова и дѣйствія, Иванъ Степановичъ Жиркевичъ оставилъ въ обширныхъ своихъ запискахъ рассказы о всей своей жизни, разсѣявъ въ нихъ множество интересныхъ чертъ для обрисовки прошлаго быта русскаго общества вообще и военно-служащаго дворянства въ особенности. Двадцать четыре главы этихъ записокъ извѣстны уже читателямъ «Русской Старины».

Нынѣ предъ нами XXV-я и послѣдующія главы его труда. Онъ даетъ въ нихъ интересный отчетъ читателямъ въ управленіи имъ губерніями сначала Сибирской, потомъ Витебской... Здѣсь много мелочныхъ подробностей, но мы не сочли себя въ правѣ ихъ опускать, такъ какъ во всей полнотѣ ихъ, они живописуютъ внутреннее по губерніямъ управленіе и общественную провинціальную жизнь въ 1834—1840-хъ гг., столь, повидимому, недавняго времени, но, по существу, въ высшей степени рѣзко отличающагося отъ быта нынѣшняго времени, и не мудрено: между тѣмъ и другимъ временемъ поднимаются реформы всего внутренняго строя Россіи — Царя-Освободителя истинно незабвеннаго Александра II.

Настоящая XXV-я глава интересна еще и потому, что она повѣствуетъ о тѣхъ же событіяхъ, о которыхъ такъ живо и увлекательно разсказалъ Э. И. Стоговъ, одновременно служившій съ Жиркевичемъ въ Сибирскѣ (см. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXIII).

Ред.

XXV ¹⁾.

Ревизія Симбирской губерніи сенаторомъ гр. Перовскимъ.—Острогъ.—Памятникъ Н. М. Карамзину.—Безпорядки по канцеляріи.—Моя ревизія губерніи.—Награды.—Отношенія мои къ служащимъ и помѣщикамъ.—Дѣло о виноторговцѣ въ Алатырскомъ судѣ.—Жалоба крестьянъ Сызранскаго уѣзда.—Недоразумѣніе съ Б—вымъ.—Выговоръ, полученный отъ Жмакина.—Объясненіе съ Д. Н. Блудовымъ.—Раздача акцій страхового общества.—Съѣздъ дворянъ въ Симбирскѣ.—Распоряженія по удѣльному вѣдомству.

Въ маѣ мѣсяцѣ (1835 г?) прибылъ въ Симбирскъ Перовскій и остановился въ домѣ тещи управляющаго удѣльною конторою. Сдѣлавъ приличныя распоряженія къ приему его, я былъ принять имъ самъ съ видимымъ ко мнѣ уваженіемъ и вниманіемъ.. Странно мнѣ показалось одно, что въ разговорахъ со мной Перовскаго, не взирая на предварительно въ Петербургѣ дѣланныя мнѣ наставленія, касательно совершившагося перехода казенныхъ крестьянъ въ удѣль, онъ ни одного раза не коснулся до сего предмета, да и вообще о дѣлахъ говорилъ со мною весьма кратко и неопредѣленно. Приступая къ ревизіи губерніи, онъ въ первый день просидѣлъ въ губернскомъ правленіи отъ 8-ми час. утра до 4-хъ час. пополудни, и, сколько я могъ замѣтить по настольному реестру, болѣе обращалъ вниманія на дѣлаемыя удѣльною конторою требованія, на числа поступленія ихъ и на время удовлетворенія. Съ совѣтниками губернскаго правленія не вступалъ даже въ разговоръ. Потомъ ѣздилъ со мною въ тюремный замокъ и въ заведенія приказа общественнаго призрѣнія, вездѣ замѣчанія свои дѣлалъ тихомолкомъ. По губернскому правленію прислалъ нѣсколько предложеній, однако же не по замѣткамъ своимъ, но по поданнымъ къ нему прошеніямъ или по особенно дошедшимъ до него свѣдѣніямъ (т. е. по докладамъ жандармовъ). По тюремному замку не похвалилъ и не сдѣлалъ осужденія, но въ больничныхъ заведеніяхъ указалъ, что имъ замѣчено: «что всѣ хозяйственныя закупки и поставки дѣлались подъ личнымъ распоряженіемъ члена приказа общественнаго призрѣнія Смоленскаго, а не подрядомъ, что предложилъ немедленно отстранить, и если нѣтъ въ виду подрядчиковъ къ поставкамъ, то возложить сіе хотя на смотрителя больницы».

Я и самъ, по прибытіи моемъ, въ послѣднихъ числахъ марта, въ Симбирскѣ, замѣтилъ сію неправильную мѣру моихъ предмѣстниковъ,

¹⁾ Эта и послѣдующія главы XXVI и XXVII писаны авторомъ, какъ видно изъ его помѣты, въ августѣ и сентябрѣ 1844 года.

но, не торопясь, старался узнать прежде причину этого, а потомъ уже отыскать удобнѣйшее средство уладить; оказалось, что членъ приказа общественнаго призрѣнія, давно уже занимавшій сіе мѣсто, разными натяжками и уловками, такъ настраивалъ поставщиковъ, что уже нѣсколько лѣтъ къ торгамъ никто не являлся. Больничныя заведенія опущены были совершенно. Каменное огромное зданіе, оконченное въ истекшемъ году и стоившее казнѣ до 280 тыс. рублей, по случаю ожиданія пріѣзда государя, въ томъ году однако же не состоявшася, было оштукатурено и обѣлено въ сыромъ состояніи—единственно для вида. Всѣ положенныя для больныхъ вещи устроены были на скорую руку и только $\frac{1}{3}$ для наличныхъ больныхъ, при томъ дорогою цѣною, съ предположеніемъ на остальныхъ усилить экономію, но съ моимъ прибытіемъ оговорено невозможностью.

Я же, по новости моей въ званіи начальника губерніи, опасался устранять себя отъ формъ и дѣйствовать въ денежныхъ расчетахъ рѣшительно съ личною моею отвѣтственностью. Смотритель больницы, офицеръ, изъ заслуженныхъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ, человѣкъ честный, безкорыстный, былъ выбранъ самимъ членомъ приказа общественнаго призрѣнія и, при всей своей старательности, видимо былъ неспособенъ къ быстрому дѣйствию и къ промышленности въ закупкахъ, а потому, хотя я и старался убѣждать городского голову и другихъ купцовъ принять участіе въ заготовленіяхъ, но они всѣ рѣшительно отъ сего отказывались, а я все еще былъ въ ожиданіи, пока губернія со мною болѣе ознакомится и обыватели будутъ имѣть ко мнѣ довѣріе, чтобы мнѣ помогать въ моихъ дѣйствіяхъ...

Получа предложенія Перовскаго въ половинѣ мая, я былъ вынужденъ, въ тотъ же день, оное привести въ исполненіе и, пока Перовскій былъ въ Симбирскѣ, дѣло сіе не подалось ни на волосъ. На неоднократные вызовы къ торгамъ—никто не являлся; смотритель забиралъ припасы и матеріалы тамъ же, гдѣ бралъ ихъ и Смоленскій; но лишь только Перовскій выѣхалъ, каждый день по присутствію приказа я былъ затрудняемъ разными мелочными донесеніями и докладами такъ, что для закупки двухъ ночныхъ горшковъ пять разъ составлялись докладные журналы, а за превышеніемъ 5-ти коп. запрашиваемыхъ цѣнъ противъ справки, дѣло это еще осталось неразрѣшеннымъ и по отбытіи моемъ изъ Симбирска.

Въ зданіи открылась сырость и копоть до такой степени, что во всѣхъ палатахъ должны были устанавливать желѣзныя печи, но и это мало помогало, хотя немного и очистило воздухъ. Пола разошлись совершенно и требовали общей переборки. Старая ограда развалилась, комплектъ вещей не дополнялся, а все шли да шли безъ-

успѣшно лишь форменные вызовы къ торгамъ. Это заставило меня войдти съ представленіемъ къ министру и просить о перемѣнѣ члена приказа общественнаго призрѣнія. Въ донесеніи моемъ я все представлялъ откровенно. Должно думать, что г. Смоленскій имѣлъ особыя покровителей и ходатаевъ за себя при министрѣ, ибо и графъ А. Г. Строгановъ, въ первый день своего пріѣзда въ Симбирскъ, спрашивалъ моего мнѣнія объ этомъ чиновникѣ, намекая, что онъ весьма замѣчательное лицо. Братъ Перовскій изъ архива два или три дѣла по приказу къ себѣ, но оныя возвратилъ безъ объясненій о томъ, что его тамъ могло интересовать.

Дѣло это кончилось тѣмъ, что я вдругъ получилъ предписаніе отъ министра, что Смоленскій, по прошенію его (которое онъ, вѣроятно, хотя и подалъ, но помимо меня), уволенъ, для перемѣщенія къ другимъ дѣламъ, а въ Симбирскъ назначенъ другой чиновникъ, бывший въ то время членомъ же приказа общественнаго призрѣнія въ Воронежѣ и уволенный оттуда по неудовольствію начальника губерніи. Этотъ господинъ съ перваго дня своего пріѣзда оказался горькимъ пьяницей и былъ такъ разслабленъ, что трясся всѣмъ тѣломъ. Это было поводомъ, что я сталъ просить Д. Н. Блудова, частнымъ письмомъ, меня уволить тоже, но благосклонный и любезный отзывъ моего начальника-благодѣтеля меня удержалъ.

Личное мое знакомство съ Перовскимъ много потерпѣло отъ двухъ случаевъ: когда пріѣхала моя жена въ Симбирскъ, я предварилъ ее, что она знакома съ вотчимомъ Перовскаго—ген.-м. Денисьевымъ. Всѣмъ извѣстно, что мать Перовскаго была крѣпостная дѣвушка графа Разумовскаго и, по прижитіи имъ дѣтей, съ большимъ приданымъ была выдана за Денисьева. Когда Перовскій пріѣхалъ къ женѣ моей съ визитомъ, она имѣла неосторожность сказать ему, что она знакома съ его вотчимомъ. Кто зналъ Перовскаго, тотъ можетъ посудить, какъ его это кольнуло! А другое: на третій день его пріѣзда въ Симбирскъ, возвратясь отъ него, гдѣ я видѣлъ (управляющаго удѣльною конторою) Б***, я получилъ пригласительный билетъ къ обѣду, который онъ предполагалъ дать на другой день Перовскому. Оскорбившись тѣмъ, что онъ не хотѣлъ лично ни предварить, ни просить меня, я тотчасъ же билетъ этотъ отправилъ Б*** обратно, съ цѣлью дать ему почувствовать неприличіе его поступка. Это случилось въ среду, обѣдъ назначенъ въ четвергъ. Б***, дабы оправдаться въ глазахъ Перовскаго, съ тѣмъ же посланнымъ, съ которымъ я возвратилъ ему билетъ, прислалъ мнѣ письмо, не въ извинительномъ тонѣ, а какъ будто бы билетъ былъ вложенъ въ это же письмо. Презрѣвъ такой маневръ, въ четвергъ на обѣдъ я не поѣхалъ.

Въ четыре часа, разбудивъ меня послѣ моего обѣда, доложили мнѣ, что пріѣхалъ удѣльный чиновникъ, который просить позволенія со мною видѣться. Поставивъ себѣ за правило никого не заставлять дожидаться аудіенціи, я вышелъ и нашелъ чиновника, который мнѣ объявилъ, «что у Б*** всѣ гости къ обѣду съѣхались и Перовскій съ часъ уже тамъ и что только меня одного ожидаютъ». Я приказалъ поблагодарить г. Б*** за приглашеніе, объявивъ, что я уже отобѣдалъ и завячь дѣломъ. На другой день я пріѣхалъ, по обыкновенію моему, поутру въ восемь часовъ къ Перовскому онъ меня принималъ, какъ всегда, немедленно, но я замѣтилъ, что онъ въ большомъ волненіи. Когда же я сталъ просить у него извиненія, что наканунѣ, быть можетъ, неволью причинилъ ему неудовольствіе, заставивъ ждать меня къ обѣду, но что я вовсе не имѣлъ даже намѣренія быть у Б***, онъ отвѣчалъ, что «вовсе нѣтъ!» но тутъ же прибавилъ, что «ему однако-жь больно, что я огорчилъ его довѣреннаго чиновника такимъ обиднымъ образомъ». На объясненіе же мое, что и я точно также могъ бы считать себя обиженнымъ невѣжливостью г. Б***, по переносу сіе равнодушно, онъ замолчалъ, обративъ разговоръ къ другому предмету и потомъ, провожая меня до снѣней, чрезъ залу, гдѣ было много чиновниковъ, въ томъ числѣ Б*** и Флиге (жандармскій штабъ-офицеръ), остановилъ меня между ними, повторивъ мнѣ сдѣланное еще въ гостинной приглашеніе обѣдать у него, и спросилъ меня, въ которомъ часу я самъ обыкновенно обѣдаю, чтобы такъ и себя приготовить къ этому. На отвѣтъ же мой, что не ему, а мнѣ должно соображаться съ его привычками, онъ добавилъ: «Я о васъ аккуратно все спрашиваю! Знаю, что вы когда одни дома, всегда обѣдаете въ два часа, а же привыкъ обѣдать въ четыре, но, пока буду въ Симбирскѣ, подѣлимте наше время и станемъ обѣдать ровно въ три часа, этимъ мы уладимъ все къ общему согласію». Потомъ проводилъ меня даже до экипажа, повторилъ опять, что ждетъ меня ровно въ три часа. За четверть часа до сего срока, пріѣхалъ ко мнѣ Б***, просилъ въ буквальномъ смыслѣ у меня прошенія, сознаваясь въ своей неосмотрительности и извинялся только множествомъ порученій, налагаемыхъ на него Перовскимъ. Разумѣется, что извиненіе сіе я принялъ съ признательностью какъ къ подчиненному, такъ и къ начальнику, и спрося Б*** не обѣдаетъ ли и онъ у Перовскаго и получивъ утвердительный отвѣтъ, просилъ взять меня въ его экипажъ и, примиренные съ виду, явились вмѣстѣ къ обѣду, что, повидимому, понравилось хозяину. За обѣдомъ, гдѣ былъ и Флиге, ни слова не было сказано о семъ обстоятельстве, ни о дѣлахъ. Но за то, лишь только я пріѣхалъ къ Перовскому на другой день по дѣлу, съ перваго слова началось объясненіе.

— «Покорнѣйше прошу садиться, в. п., сказалъ Перовскій, простите великодушно, я на минуту выйду», (возвратясь съ томомъ Свода Законовъ). «Вотъ, в. пр—во, законъ, который въ буквальномъ смыслѣ ясно выражаетъ: ни удѣльная контора, ни управляющій оною, не состоятъ по распоряженіямъ своимъ ни у какого губернскаго начальства, но во всемъ относятся въ удѣльный департаментъ, въ вѣдомствѣ котораго непосредственно состоятъ, и только отъ него одного получаютъ свои предписанія». (Я повторяю слова Перовскаго, а не передаю буквально мысль, изложенную въ Сводѣ).

«Я знаю этотъ законъ, ваше с—во, и понимаю его такъ, какъ и о другихъ предсѣдателяхъ и начальникахъ, каждаго по своей части. Въ своихъ дѣйствіяхъ, каждый обязанъ слѣдовать формамъ и порядку, указаннымъ въ законѣ, но тѣмъ не менѣе они всѣ подчиняются начальнику губерніи!»

— «Нѣтъ, ваше пр—во, вы не такъ толкуете законъ и напрасно требуете отъ управляющаго удѣльною конторою, чтобы онъ въ отношеніи къ вамъ былъ въ подчиненности и хотите, чтобы онъ даже всегда являлся къ вамъ въ мундирѣ».

«Я никогда не требовалъ, ваше с—ство, чтобы г. Б*** являлся ко мнѣ въ мундирѣ, но, слыша настоящее указаніе, могу прямо сказать, что съ г. Б*** во фракѣ я не хочу имѣть ни дѣла, ни знакомства, ибо послѣднимъ я его не удостоиваю!» Онъ съ перваго шагу поступилъ со мной неблагородно: давъ мнѣ слово о бывшей между нами размовкѣ молчать, онъ съ первою почтою писалъ о томъ къ вамъ»...

— «Напрасно вы это заключаете. Отъ Б*** я ничего не знаю, а если что и знаю, такъ отъ другихъ»...

«Черезъ Флиге?» спросилъ я.

— «Можетъ быть!»

«При отправленіи меня въ Симбирскъ, продолжалъ я, государь лично удостоилъ меня указаніемъ важности занимаемаго мною поста, да и самое названіе, которое я ношу—«начальника губерніи», имѣетъ уже вѣсъ въ глазахъ моихъ! «Всякій, кто находится въ кругу вѣренной мнѣ губерніи, начиная съ васъ, ваше с—во, если бы вы не были снабжены полномочіемъ разсмотрѣнія моихъ дѣйствій, я считаю подчиненнымъ моему управленію».

— «О! Какъ вы много думаете объ этомъ».

«Я думаю то, что приказалъ мнѣ государь думать».

— «Лучше всего, для разъясненія, испросить вамъ на сіе мнѣнія прямого начальника вашего, министра внутр. дѣлъ—вы увидите, что онъ согласится со мною».

«Короче, ваше сіятельство, донесите государю, что у него есть губернаторъ, который не понимаетъ закона».

— «Ваше пр—во! вскричалъ съ горячностью Перовскій, я знаю что доносить и писать къ государю, и не буду на это спрашиваться вашихъ совѣтовъ!»

«Позвольте же и мнѣ, ваше сіятельство, сказалъ я вставая и съ видимымъ намѣреніемъ казаться спокойнымъ, не руководствоваться ни чьими совѣтами. Знаю, ваше пр—во, что вы имѣете средства и возможность написать обо мнѣ государю все, что вамъ угодно, и ваше мнѣніе обо мнѣ, конечно, будетъ имѣть вѣсъ. Вы видите, ваше пр—во, какъ я говорю спокойно и хладнокровно—это отъ того, что я знаю съ кѣмъ имѣю дѣло. Я говорю съ Перовскимъ»...

— «Садитесь, ваше пр—во, сказалъ онъ, спустивъ тонъ, будемъ оба говорить объ этомъ хладнокровно».

«Стоя предъ вами, я имѣю въ виду сенатора и отвѣчаю какъ губернаторъ. Если же я сяду—буду говорить тоже громко, а потому позвольте уже продолжать по прежнему».

— «Non! сказалъ Перовскій, взявъ меня за руку и насильно усаживая въ кресло, *asseyez-vous, je vous en prie! Avouons, entre nous, que vous êtes beaucoup, même trop susceptible!*»

«Мнѣ кажется сказалъ я сѣвши, въ этомъ случаѣ «слѣпой кривому глазъ колетъ». Всегда не только можно, но и должно быть щекотливымъ, если дѣйствуешь прямо и откровенно по совѣсти. Такъ и вашу щекотливость я уважаю и съ полною довѣренностью примѣняю къ себѣ.

— «Ну, перестанемте говорить объ этомъ; а между тѣмъ я скажу вамъ откровенно, что я имѣлъ у себя въ рукахъ вашу переписку съ жандармами, изъ которой я вывелъ то же самое, что и теперь происходить».

«Не постигаю, ваше пр—во, какъ г. Фриге могъ дозволить себѣ показывать другимъ то, что должно оставаться въ секретѣ между имъ и мной».

— «Я не отъ него это знаю! Но признаться вамъ, что то, что было писано съ вѣжливостью и въ указанныхъ формахъ, вы тоже горячо приняли за нарушение приличія. Но что-же дѣлать! Мы и всѣ такъ иногда смотримъ».

Затѣмъ Перовскій просилъ меня опять обѣдать къ себѣ, и, провозжая черезъ залу, при своихъ чиновникахъ, еще болѣе усилилъ ко мнѣ свое вниманіе.

На другой день получилъ я отъ Д. Н. Блудова первое конфиденціальное письмо на счетъ переписки Флиге—и это открыло мнѣ глаза, что, вѣроятно, эта переписка, для соображенія и мнѣнія, была въ рукахъ Перовскаго, ибо и въ письмѣ Блудова помѣщены были буквально послѣднія слова Перовскаго.

Въ день Пасхи, вскорѣ по моемъ прїѣздѣ въ Симбирскъ, я изъ любопытства спросилъ у полицеймейстера: «Имѣеть-ли обыкновеніе здѣшнее купечество, по христіанскому милосердію, въ святые дни, помышлять о заключенныхъ?» Онъ мнѣ отвѣчалъ, что и очень—и дѣйствительно въ этотъ день пожертвовано 6 полуимперьяловъ и до 5 пуд. пшеничныхъ калачей, за что я и поручилъ благодарить благотворителей. Перовскій, проживъ съ нами уже недѣли три, въ одно утро пригласилъ меня сѣсть къ себѣ въ экипажъ и приказалъ прямо ѣхать въ острогъ. Зная, что тамъ всегда порядокъ и чистота, я ни мало о томъ не озаботился. На порогѣ острога Перовскій спросилъ смотрителя: гдѣ вапа контора? Тотъ повелъ туда—и тамъ такой-же порядокъ. «Книга ваша!» Смотритель подаль, Перовскій перевернулъ нѣсколько листовъ, взглянулъ въ одинъ, въ другой и третій, приказалъ принести шнуръ, свѣчку, сургучъ, велѣлъ сложить при себѣ всѣ книги, числомъ 11, вмѣстѣ, связалъ шнуркомъ, вынулъ изъ кармана часы, самъ приложилъ печать къ шнуру, отдалъ приказаніе отнести книги въ экипажъ, а самъ пошелъ по камерамъ. Вездѣ чисто, опратно, тепло. Осмотрѣвъ, поѣхали въ городъ и онъ довезъ меня до дому.

Для черезъ четыре получаю отъ него предложеніе и книги съ указаніемъ, что при подробномъ оныхъ разсмотрѣніи онъ нашелъ большія упущенія: въ графахъ подчистки, въ итогахъ невѣрности и пропуски, такъ что не досчитано выдачи до 28 руб. съ копѣйками, а потому онъ спрашиваетъ моего мнѣнія: «кого я признаю въ этомъ виновнаго? Разсмотрѣвъ книги, сверхъ замѣчаній, я самъ нашелъ, что въ книгу не записаны и тѣ деньги, которыя были поданы арестантамъ въ день Пасхи. Соблюдая форму, я далъ и отъ себя предписанія полицеймейстеру, тюремному смотрителю и уѣздному казначею, по закону связанными (?) въ своихъ дѣйствіяхъ и повѣркѣ суммъ по тюремному замку. Объясненія заключались въ неумышленныхъ ошибкахъ и забывчивости. «Сообразивъ все сіе, я и донесъ сенатору, излагая просто мое мнѣніе, что я всѣхъ трехъ признаю виновными, а между тѣмъ, пользуясь вниманіемъ Перовскаго, я осмѣлился спросить его: какъ ему пришла мысль заняться такою мелочною подробностью—вѣроятно ему донесли что-либо жандармы?» Онъ улыбнулся и сказалъ: «можетъ быть!» На замѣчаніе мое: но почему же жандармы, прежде чѣмъ ему, не сказали мнѣ объ этомъ? Кажется, я бы могъ тоже все повѣрить и исправить», онъ отвѣчалъ: «Справедливо!»—и на другой день далъ предложеніе губернскому правленію, прописавъ обширно и въ подробности самыя малѣйшія мелочи—отрѣшить смотрителя и предать суду; что же касается до казначея и полицеймейстера, то о нихъ будетъ

сдѣлано особое распоряженіе. Тюремный смотритель, получающій жалованье 200 р. асс., безвыходно, такъ сказать, заключенный съ колодниками, содержавшій въ тюрьмѣ такой образцовый порядокъ и чистоту, что гр. А. Г. Строгановъ и др. посѣтители весьма справедливо замѣчали: «хорошо-ли это, что такъ хорошо», не взирая на долготѣнную службу свою и большое семейство—за 28 р. асс. отрѣшенъ отъ должности, оставленъ безъ куска хлѣба и преданъ суду!... Въ продолженіе года на мѣсто его не являлось желающихъ и должность его исправляли, по очереди, квартальные надзиратели, изъ коихъ не всѣ отличались трезвостью, поэтому, само собою разумѣется, что порядокъ въ тюрьмѣ не перемѣнился къ лучшему. Правительствующій сенатъ, по жалобѣ, принесенной смотрителемъ, дѣло предоставилъ своему рассмотрѣнію и, по прошествіи 6-ти мѣсяцевъ, признавъ дѣло не заслуживающимъ столь строгаго взыскація, приказалъ за все время суда удовлетворить его жалованьемъ, не внося бытность его подъ судомъ въ формуляръ, и допустить опять къ исправленію должности. Но онъ отъ этого отказался. О казначей писано было къ министру финансовъ, и что тамъ ему сдѣлано за сіе—мнѣ неизвѣстно. Что же касается до полицеймейстера, то чрезъ 3 мѣсяца, послѣ видимо настоятельной переписки между Перовскимъ и Блудовымъ, я получилъ отъ послѣдняго предложеніе, что полицеймейстеръ, находясь подъ покровительствомъ комитета о раненыхъ, не можетъ быть, безъ суда, отрѣшенъ отъ должности, а потому (онъ) переводить (его) только въ уѣздный городъ Сингилѣй, но министръ предоставляетъ мнѣ право, буде я признаю нужнымъ, предать его сужденію....

Когда я прибылъ въ Симбирскъ, съ перваго дня всѣ получаемые на мое имя пакеты я сталъ вскрывать самъ. Между прочими бумагами, безпрестанно стали попадаться мнѣ запросы отъ лицъ и мѣстъ, отъ коихъ высылались деньги на устройство, въ Симбирскѣ, памятника историографу Карамзину—получены-ли высланныя суммы, гдѣ и когда записаны на приходъ. На другой день секретарь приносилъ мнѣ подписывать отзывы, что деньги точно получены и вмѣстѣ съ этимъ подложилъ предписаніе казначею о запискѣ оныхъ на приходъ. На вопросъ же мой отчего это прежде не было сдѣлано, ибо нѣкоторыя деньги около года и болѣе уже получены, онъ отвѣчалъ, что иногда денежные пакеты оставались у 3—го и деньги онъ до времени задерживалъ всѣ у себя, а потомъ и самыхъ пакетовъ не отыскивалось, и откуда высланы деньги—канцелярія не знала, а потому не остается болѣе ничего дѣлать какъ выждать послѣдующихъ запросовъ, такъ какъ много-ли такихъ суммъ не записано еще въ приходъ—точно опредѣлить нельзя.

Сообразивъ, что это лишь одна увертка секретаря, я прямо изъ кабинета своего послалъ требованіе въ почтовую контору сообщить мнѣ выписку изъ книгъ, со времени открытія подписки на сооруженіе памятника, болѣе чѣмъ за два года, какія и откуда высылались суммы на имя губернатора или въ комитетъ, составленный на сей предметъ изъ симбирскихъ дворянъ. Получивъ чрезъ недѣлю подробную вѣдомость, я приказалъ секретарю Раеву сдѣлать противъ каждой статьи выpravку и отмѣтку и, такимъ образомъ, нашелъ до 28 тыс. руб. высланныхъ, но еще не записанныхъ, изъ коихъ болѣе чѣмъ на 5 тыс. руб. и бумагъ не оказалось. Все сіе сдѣлалъ я тайно и безъ малѣйшей огласки. Казначей комитета, помѣщикъ Языковъ, понявъ всю важность и деликатность сего дѣла, въ подробности объяснилъ мнѣ начало и поводъ сооруженія памятника, коему основаніе было положено въ домѣ Д. Н. Блудова, при содѣйствіи И. И. Дмитріева и Д. В. Дашкова, которые съ другими лицами подписались на 3,500 руб.; но что страннѣе всего было, что и эта сумма не была еще выслана въ комитетъ. Въ числѣ прочихъ жертвователей за полтора года находился фельдмаршалъ Сакенъ на 500 р. и эти деньги не были еще записаны и не дано въ полученіи ихъ отвѣта. Разузнавъ и устроивъ все это, я распорядился по первоначальной подписѣ деньги немедленно прислать съ оговоркою, что сіе упущено канцеляріей. Капиталъ дошелъ при мнѣ за 70 тыс. руб. и комитетъ просилъ меня принять на себя званіе предсѣдателя, на что я съ разрѣшенія министра съ удовольствіемъ согласился. Я предложилъ было о сдѣланныхъ пожертвованіяхъ и о продолженіи подписки опубликовать въ вѣдомостяхъ, но объ этомъ замолчали. Съ этого времени дѣло это приняло правильный ходъ и установилась полная отчетность.

Я нашелъ по канцеляріи не утвержденныхъ дѣлъ, представленныхъ изъ уголовной палаты, до 200 и изъ уѣздныхъ судовъ болѣе 350. Между тѣмъ текуція дѣла требовали неупустительнаго исполненія и я поставилъ себѣ за постоянное правило, чтобы текущихъ бумагъ и дѣлъ отнюдь не задерживать и всѣ резолюціи власть собственноручно. Никто и никогда не видалъ въ моемъ кабинетѣ валяющихся бумагъ, какъ это я видѣлъ почти у всѣхъ губернаторовъ, съ коими имѣлъ вѣчныя сношенія. Дѣла же запущенныя при (моемъ предмѣстникѣ) Загрязскомъ разрѣшилъ или утвердилъ всѣ въ продолженіе мѣсяца, посвящая для сего ежедневно 4 часа. Но къ удивленію моему, въ послѣднихъ числахъ іюля, я получилъ отъ Перовскаго предложеніе объ одномъ уголовномъ дѣлѣ, которое болѣе года было представлено палатою предмѣстнику моему съ выпискою, для внесенія въ сенатъ, но куда поступило отъ него—палата не имѣла свѣдѣній. Дѣло

сіе отыскалось въ канцеляріи, въ кипѣ другихъ запущенныхъ бумагъ, и, утвердя оное, сейчасъ же представилъ въ сенатъ. Я спросилъ секретаря—нѣтъ-ли у него еще подобныхъ дѣлъ въ канцеляріи, онъ началъ увѣрять, что такихъ болѣе нѣтъ и что «это дѣло Богъ знаетъ по какому случаю завалылось», тѣмъ не менѣе я и тутъ поступилъ какъ съ деньгами—секретно спросилъ палату, и оказалось еще 28 дѣлъ, по году и по два лежащихъ безъ движенія, конхъ слѣдовало, съ мнѣніемъ губернатора, внести въ сенатъ. Опасаясь доставить Загряжскому неприятели, я рѣшился сіи дѣла представлять по три въ недѣлю. Все шло благополучно и я полагаю, что по письму Раева, Загряжскій вѣроятно хлопоталъ въ сенатѣ, чтобы не дѣлали запросовъ о такомъ промедленіи.

Безпечность простиралась до такой степени, что объѣзжая во время ревизіи уѣздные города, въ одномъ острогѣ я нашелъ арестанта, содержавшагося за членовредительство болѣе полутора года. А рѣшеніе его дѣла зависѣло непосредственно отъ губернатора, съ личною его отвѣтственностью за малѣйшее промедленіе.

Разсчитывая, что жена моя должна пріѣхать въ іюнь мѣсяцѣ, я пожелалъ ее встрѣтить на пути, на границѣ Симбирской губ., и какъ я не ревизовалъ еще уѣздовъ, гдѣ ей слѣдовало ѣхать, то я, предвара о семъ Перовскаго, испрашивалъ согласія его на мою отлучку. Тутъ онъ объявилъ мнѣ, что онъ въ свою поѣздку, по удѣльнымъ имѣніямъ, былъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда я собираюсь, и душевно сожалѣетъ обо мнѣ. Познакомившись съ моимъ характеромъ, онъ воображаетъ, что я буду долженъ перенести въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ отъ тѣхъ безпорядковъ, кои вкоренились въ нихъ и на которые не достаетъ терпѣнія смотрѣть равнодушно и трудно изыскать средства къ устраненію оныхъ. Причемъ добавилъ, что въ донесеніи моемъ государю о пріемѣ губерніи я, вѣроятно, опишу все это въ подробности и, конечно, Загряжскій не получитъ похвалы за свое управленіе. Я замѣтилъ Перовскому, что его замѣчаніе съ одной стороны весьма справедливо, но касательно ссылки на Загряжскаго я опасаясь, чтобы этимъ не навлечь на себя упрека, ибо вообще составъ служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ обѣденъ какъ въ отношеніи количества, такъ и качества лицъ, и отъ этого дѣлъ вездѣ накапливается множество. Но Загряжскій все-таки болѣе моего имѣлъ средствъ къ управленію, ибо послѣ его отъѣзда изъ Симбирской губ. образовалось новое удѣльное управленіе, которое болѣе выгоднымъ содержаніемъ переманило и до сихъ поръ переманиваетъ къ себѣ лучшихъ по губерніи чиновниковъ и дѣльцовъ.

Получивъ дозволеніе отправиться на ревизію, я поѣхалъ въ Ар-

датовъ, Алатырь и Кармышь, въ уѣздѣ коего я встрѣтилъ жену съ дѣтьми, и въ Симбирскѣ возвратился уже вмѣстѣ съ ними.

При ревизіи присутственныхъ мѣстъ въ первомъ и послѣднемъ городѣ я нашелъ то же самое, что въ Буинскѣ и Корсунѣ, т. е. огромное накопленіе дѣлъ, упущеніе въ формахъ дѣлопроизводства и бѣдное устройство и содержаніе помѣщеній. Но, при внимательномъ разсмотрѣніи регистровъ о дѣлахъ, не нашелъ ни одного важнаго уголовнаго дѣла, которое замедлилось-бы ходомъ отъ мѣстнаго изслѣдованія и сужденія. Въ Алатырь-же, какъ въ земскомъ, такъ равно и въ уѣздномъ судахъ, нашелъ не только порядокъ, но даже утонченность онаго. Комнаты опрятны, воздухъ чистъ; мебель не роскошная, но чистая и крѣпкая; журналы, описи, архивы—какъ слѣдуетъ. Въ уѣздномъ судѣ, всѣ сданныя дѣла въ архивъ, съ форменными описями, связанныя желто-чернымъ шнуромъ, и на лицо всего 4 дѣла не оконченныхъ, за неполученіемъ отзывовъ. Сии два суда Перовскій ревизовалъ не задолго до меня.

Возвратясь въ Симбирскѣ и явившись къ Перовскому, я объявилъ, что онъ доставилъ мнѣ пріятный сюрпризъ, обманувъ меня указаніемъ на ужасъ безпорядковъ. Полагая, что я шучу, онъ не возражалъ мнѣ, а только улыбнулся, но когда я сталъ ему рассказывать все, что я нашелъ въ Алатырскомъ уѣздномъ судѣ, онъ тотчасъ-же припомнилъ — что все сказанное мной справедливо и сознался, что и этотъ судъ, по всей вѣроятности, есть единственный въ Россіи! Но увы! Какъ часто сужденія наши бываютъ поверхностны и опрометчивы. Желая поощрить чиновниковъ, я поспѣшилъ представленіемъ къ министрамъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ о томъ, что нашелъ въ Алатырь, и просилъ достойнымъ награды, найдя удобнымъ сослаться и на слова Перовскаго. Мѣсяца черезъ три судья получилъ орденъ, исправникъ и засѣдатели подарки, а секретари денежное поощреніе, но нѣсколько дней до полученія извѣстія о сихъ наградахъ я былъ вынужденъ дѣйствія Алатырскаго уѣзднаго и земскаго судовъ представить строгому разсмотрѣнію уголовной палаты.

Здѣсь мѣсто объяснить принятый мною и постоянно соблюдаемый порядокъ въ отправленіи мною дѣлъ какъ въ Симбирскѣ, такъ въ послѣдствіи и въ Витебскѣ.

Со вступленіемъ моемъ въ должность губернатора, я вставалъ утромъ обыкновенно въ 5 часовъ, но если предвидѣлъ болѣе обыкновеннаго занятій, то въ 4, а иногда даже и равнѣе. Это соображеніе дѣлалось всегда наканунѣ вечеромъ. Часу въ девятомъ я входилъ въ кабинетъ суда; къ этому времени вносились всѣ полученныя въ теченіи дня бумаги и дѣла, подлежащія моему разсмотрѣнію или

къ подписи. Взглядъ или предчувствіе на предстоящую мнѣ работу дѣйствовали на меня такъ сильно, что какъ бы и поздно ни легъ спать, что случалось иногда только за полночь, я всегда просыпался самъ, въ предназначенное мною время, иногда проспавъ не болѣе двухъ часовъ. Не тревожа никого въ домѣ, зажегши изъ лампы свѣчу, отправлялся въ кабинетъ и тамъ, засвѣтя стоявшія на столѣ свѣчи, немедленно приступалъ къ работѣ. Первоначально вскрывалъ я всѣ пакеты и, прочитывая всѣ бумаги вполнѣ, на не требующихъ особыхъ выправокъ тогда же излагалъ резолюцію, а на протчихъ—перомъ означая число и мѣсяць, карандашемъ отвѣчалъ: «доложить». На важнѣйшихъ перомъ прибавлялъ: «нужное», «весьма нужное»; у послѣднихъ всегда загибалъ уголь и откладывалъ особо, оставляя дѣла и журналы въ конецъ. Потомъ подписывалъ изготовленныя бѣловыя бумаги, къ коимъ, при обыкновенной данной резолюціи, приобщались оригиналомъ и тѣ бумаги, на коихъ дѣлались отвѣты или давались разрѣшенія,—а въ случаѣ бывшихъ справокъ, влагали и самое дѣло, заложенное въ томъ мѣстѣ, которое указывало требуемую справку. Потомъ разсматривались и подписывались мною журналы губернскаго правленія, указы общественнаго призрѣнія и строительной комиссіи. Если изложенія журнала не затрудняли меня въ точномъ смыслѣ сужденія, или не казались мнѣ сомнительными—я оныя утверждалъ тутъ же. Но если встрѣчалъ сомнѣніе или неясность, я загибалъ на полулистѣ, гдѣ остановился, уголь; карандашемъ подчеркивалъ то, что останавливало меня въ утвержденіи и когда входилъ ко мнѣ экзекуторъ съ рапортомъ, то, принявъ отъ секретаря журналы, онъ передавалъ ихъ по принадлежности въ тѣ мѣста, откуда поступали оныя ко мнѣ, а тамъ уже, ко времени моего прибытія, совѣтники или тотъ, кто завѣдывалъ отдѣленіемъ, приготавливалъ все дѣло, для взгляда моего, въ случаѣ, еслибы я того потребовалъ. За журналами я разсматривалъ слѣдственныя дѣла, поступавшіе изъ уѣздныхъ судовъ, коихъ заключеніе почти всегда оканчивалось словами: «предать волѣ Божіей». Но здѣсь я неупустительно наблюдалъ за формами какъ приговора, такъ и первоначальнаго изслѣдованія и малѣйшее отступление всегда дополнялось мною со всею изысканностью. Въ концѣ же я разсматривалъ дѣла, представленныя изъ уголовной палаты и совѣстнаго суда. Первоначально прочитывалъ отъ перваго до послѣдняго слова выписку, а затѣмъ и самый приговоръ. Потомъ въ каждомъ дѣлѣ перелистывалъ слѣдствіе; дополненія и важнѣйшія статьи опять перечитывалъ и если ничто не казалось мнѣ сомнительнымъ или темнымъ, на приложенномъ донесеніи надписывалъ: утверждаю, мѣсяць и число. И, такимъ образомъ, какъ сихъ, такъ и уѣздныхъ

судовъ утвержденныя дѣла на другой день сходили при заготовленныхъ бланкахъ. Если дѣло приносили на третій день, я непременно журилъ секретаря, ибо я вовсе не требовалъ, чтобы онъ сія дѣла вторично пересматривалъ; на тѣ дѣла, которыя по личному обзору моему требовали дополненія, я непременно, тутъ же чернилами, писалъ мои замѣтки, и по онимъ дѣлалось исполненіе, на что срока я назначалъ не болѣе трехъ дней. На тѣхъ же дѣлахъ уголовной палаты и совѣстнаго суда, которыя я хотя и находилъ полными, но въ мнѣніи моемъ, съ ихъ рѣшеніями, не соглашался—я тутъ-же излагалъ со всею подробностью мое заключеніе, подчеркивая строки, на кои желалъ вывода изъ закона и, подписывая, требовалъ выписку, и только одни эти дѣла я требовалъ, чтобы секретарь вторично рассматривалъ самъ и мнѣ докладывалъ; тогда же, когда приносилось къ подпису моему предложеніе уголовной палатѣ о доставленіи выписки (то я всегда спрашивалъ его), не сдѣлаетъ-ли онъ отъ себя какихъ-либо еще замѣчаній или, если не согласенъ со мною, то чтобы объяснилъ мнѣ откровенно свою мысль.

Въ пять лѣтъ моего губернаторства ни одного разу не случилось мнѣ слышать возраженія. Когда дѣло поступало ко мнѣ вновь съ выпискою, я надписывалъ: «представить въ Правительствующій сенатъ съ прежнею резолюціею». На сіе тоже давалось три дня срока и когда вносили ко мнѣ для подписи въ сенатъ донесеніе съ выпискою, то всегда прилагалось и первое донесеніе. Я неотмѣнно прочитывалъ въ подробности выписку, заглядывалъ въ сводъ законовъ, который, съ дѣломъ вмѣстѣ, всегда тоже вносился, и закладывались листы приводимыхъ статей, и въ четыре года, представя въ сенатъ болѣе 50 дѣлъ, по обѣимъ губерніямъ, въ особенности при началѣ управленія моего каждою, ибо когда примѣнялись ко мнѣ, то дѣйствовали съ большею осторожностью, мнѣ не пришлось ни одного раза, чтобы сенатъ не утвердилъ моего мнѣнія или сдѣлалъ бы какоенибудь замѣчаніе.

Сія утренняя работа продолжалась обыкновенно до 8 часовъ утра, къ которому часу оставались не оконченными иногда только одни уголовныя дѣла, а иногда захватывало и нѣкоторое количество дѣлъ уѣздныхъ судовъ. Въ 8 часовъ извѣщали меня, что жена встала и я шелъ къ ней пить кофе. Въ это время секретарь входилъ ко мнѣ въ кабинетъ, собиралъ разсмотрѣнныя бумаги, и то, что уже подписано; пробѣгалъ тѣ, у коихъ были загнуты углы и всегда подчеркинуты карандашемъ, ваковыхъ бумагъ бывало по двѣ, по три, но не помню, чтобы доходило до пяти. А когда я входилъ въ кабинетъ для одѣванья, тогда онъ спрашивалъ о моихъ замѣчаніяхъ на

загнутыя или докладывалъ то, о чемъ ему нужно было особое отъ меня разрѣшеніе. Одѣвшись, принималъ я рапорты полиціймейстера, экзекутора, тюремнаго и больничнаго смотрителей, и затѣмъ мой кабинетъ былъ открытъ уже для каждаго нуждающагося въ объясненіи со мной. Ждать въ передней или въ пріемной никогда и никого не заставлялъ; если докладывали мнѣ о лицѣ, заслуживающемъ личнаго вниманія, въ ту же минуту я приглашалъ его въ кабинетъ. Къ незначительнымъ просителямъ я выходилъ тоже тотчасъ, для чего строго отъ меня было приказано, чтобы и самый простой проситель никогда не стоялъ бы на крыльцѣ, а немедленно вводимъ былъ въ покои. Со всѣми просителями я объяснялся пріятливо и ласково. Прошеній на простой бумагѣ не принималъ ни отъ кого, кромѣ тѣхъ, кои, объясняя мнѣ замедленія своего дѣла въ губернскомъ правленіи, просили моего особаго на то вниманія; отъ такихъ я бралъ записки и на простой бумагѣ. Поданное просителемъ прошеніе я лично и при немъ всегда прочитывалъ до конца. Случалось читать по 4 листа мелкаго почерка и вдругъ я находилъ, что проситель до меня не обращался еще къ нижнимъ полицейскимъ управленіямъ, въ такомъ случаѣ я всегда отказывалъ первоначально на словахъ, возвращая тутъ же и прошеніе; но при малѣйшемъ настояніи, дѣлалъ помѣтку на просьбѣ «передать въ губернское правленіе» и тамъ неупустительно приказывалъ возвращать прошенія, со взысканіемъ за гербовую бумагу. Этимъ способомъ я избѣгалъ излишней назойливости просителей, что замѣчательно въ особенности по Витебской губерніи, гдѣ евреи, при малѣйшей потачкѣ, не дадутъ начальнику вовсе покоя. Если въ числѣ пакетовъ попадалось мнѣ безъимянное письмо или доносъ, какъ бы важенъ онъ ни былъ, прямаго хода никогда не давалъ, а надписывалъ всегда оставить безъ вниманія. Но подъ рукою на дѣло обращалъ особое вниманіе и по оному, буде нужно, дѣйствовалъ.

Въ губернское правленіе я ходилъ непременно каждый день въ 12 часовъ и не позже перваго часа, а въ другія отдѣленія управленія губерніи оттуда уже и только тогда, когда предстояла въ томъ особая нужда. По прибытіи моемъ туда, передъ моимъ стуломъ, лежали уже не пропущенные мною журналы и по замѣткамъ моимъ я обращался съ распросами къ тому лицу, которое занималось этимъ дѣломъ. Большею частью вопросы заканчивались простымъ поясненіемъ и журналъ подписывался тутъ же. Иногда, но весьма рѣдко, не соглашаясь съ мнѣніемъ того совѣтника, который велъ дѣло, я требовалъ мнѣніе другихъ его сотоварищей и слушалъ, при разногласіи, ихъ диспутъ. Если производитель дѣла настаивалъ на своемъ мнѣніи,

я тутъ же бралъ дѣло, перечитывалъ спорныя статьи, соображалъ законы и, или соглашался съ мнѣніемъ дѣлопроизводителя, тогда спрашиваемаго, не хочетъ ли протестовать подписывалъ, или въ противномъ случаѣ предлагалъ, занесенную уже по журналу резолюцію—уничтожить, а записать мое личное предложеніе къ исполненію, предоставляя, безъ сердца, на волю каждаго, протестовать противъ моего предложенія. Замѣчу здѣсь, что мнѣ въ четыре года одинъ разъ случилось видѣть протестъ противъ себя исправляющаго должность Витебскаго прокурора, но я протестъ его оставилъ безъ вниманія, а онъ не осмѣлился его повести далѣе, какъ бы это надлежало по закону. По тѣмъ дѣламъ, по коимъ подавались мнѣ записки для напаматованія, я въ тотъ же день неупустительно требовалъ дѣло, пробѣгалъ его по листамъ въ присутствіи, убѣждалъ совѣтника къ ускоренію и дѣло велось осмотнительнѣе.

Въ частномъ обращеніи моемъ, какъ губернаторъ, я не позволялъ себѣ ни съ кѣмъ и никакой фамильярности. Изъ составленныхъ мною знакомствъ въ Симбирскѣ и въ Витебскѣ я назову—въ первомъ только генераль-маіора Ивашева и князя Баратаева, у которыхъ въ домѣ я бывалъ иногда безъ предварительнаго приглашенія, а въ послѣднемъ т. е. въ Витебскѣ, рѣшительно ни у кого. Всякаго помѣщика и чиновника, дѣлавшаго мнѣ честь предвареніемъ въ знакомствѣ, я удовлетворялъ тотчасъ же контръ-визитомъ и приглашалъ, одинъ разъ навсегда, посѣщать меня, когда угодно, но въ особенности въ объявленный день, который постоянно, на недѣлѣ, назначенъ для вечернихъ у меня собраній. Значительнымъ людямъ дѣлалъ особые визиты въ день ихъ семейныхъ праздниковъ, а другимъ только въ праздники Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенья. Въ эти праздники, я не обходилъ уже ни одного лица, никогда не разбирая визитныхъ карточекъ или записокъ о пріѣзжавшихъ ко мнѣ въ первый день. На другой день, по порядку домовъ, объѣзжалъ всѣхъ и тѣхъ, которые были и не были у меня. Объ дѣлахъ и объ начальникахъ моихъ никогда и ни съ кѣмъ не разговаривалъ, кромѣ тѣхъ лицъ, до которыхъ тѣ дѣла относились. Если встрѣчалъ кого либо изъ молодыхъ людей, по легкомыслію начинавшихъ иногда знакомство (выражусь откровенно): «нахальствомъ», останавливалъ на первомъ шагу холодностью и сухимъ пріемомъ, а въ случаѣ настойчивости рѣзко и даже повелительно останавливалъ, не взирая ни на родъ, ни на состояніе.

Въ перепискѣ моей никогда не начиналъ никакой ссоры и первую непріятность, мнѣ нанесенную, всегда относилъ къ неумышленности, возражалъ съ вѣжливостью, показывая даже, что оную не замѣчаю. Но за повтореніемъ (увы! къ несчастію!), платилъ утонченною

взаимностью, а сіе надѣлало мнѣ множество недоброжелателей между лицами, занимавшими важныя посты въ государствѣ. Разбирая всегда лично переписку, при довольно свѣжей памяти и привычкѣ къ дѣлопроизводству, я весьма скоро ознакомился со служащими въ обѣихъ губерніяхъ и даже съ почеркомъ cadaго изъ нихъ и это иногда давало поводъ къ необыкновенному направленію дѣла. Сему примѣръ поставлю случай по Алатырю.

Выше сказалъ я, что я сдѣлалъ представленіе о наградахъ членовъ обонхъ судовъ уѣзднаго и земскаго, какъ недѣли четыре послѣ того, получаю слѣдственное дѣло изъ уѣзднаго суда, о пропажѣ безъ вѣсти въ селѣ Астрамедовкѣ, имѣніе генерала Бибикова, во время бывшей тамъ ярмарки, одного винопродавца. Дѣло сіе, какъ можно было видѣть по числамъ, поступило изъ Земскаго Суда въ Уѣздный на разсмотрѣніе дня за три или за четыре до ревизіи сихъ мѣстъ Перовскимъ. По слѣдствію привлеченъ былъ къ оному одинъ изъ обывателей Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, и по этому поводу, въ тотъ же день, когда пріѣхалъ Перовскій въ Алатырь, дѣло выслано на дополненіе въ Макарьевскій Уѣздный Судъ. Такъ и отмѣчено въ регистрѣ, такъ было видно и въ мою бытность на мѣстѣ. Но потомъ опять оно возвратилось, какъ не подлежащее разсмотрѣнію въ Макарьевѣ, въ Алатырь, и Уѣздный Судъ, какъ видите, рѣшилъ: «Проншество сіе за неясностью предать суду и волю Божіей».

Первое, что мнѣ кинулось въ глаза, при разсмотрѣніи сего дѣла, основной рапортъ сотскаго о происшествіи. Я замѣтилъ, что онъ былъ писанъ рукою писца исправника, потомъ числа отсутствія дѣла, недостатокъ нѣкоторыхъ бумагъ, а главное что при слѣдствіи не отысканъ одинъ изъ обвиненныхъ, проживавшій въ то время въ Алатырѣ, повѣренный откупа, съ отзываетъ, что будто такового лица и при откупѣ никогда не находилось, тогда какъ я, дней за пять предъ тѣмъ, имѣлъ отъ того же лица бумагу по откупному дѣлу, только по другому уѣзду.

Сообразивъ все сіе, я сдѣлалъ числомъ девять замѣтокъ. Экстренно, ночью, отправилъ на мѣсто уголовныхъ дѣлъ стряпчаго, поручивъ ему, немедленно, по замѣткамъ моимъ, сдѣлать на мѣстѣ справки, начать дослѣдованіе и каждую недѣлю два раза доносить мнѣ что откроется и за чѣмъ остановилось дѣло. Съ перваго шагу, стряпчій открылъ, что виноторговецъ не просто пропалъ безъ вѣсти, но въ дракѣ съ повѣреннымъ, котораго будто бы не было никогда при откупѣ, получилъ сильный ударъ штофомъ въ голову. Но чтѣ съ нимъ сдѣлано послѣ этого, онъ, по множеству прикосновенныхъ лицъ, не могъ обстоя-

тельно еще дознать. Сотскій рапорта въ земскій судъ вовсе никакого не подавалъ, а писанъ онъ въ полиціи, подъ диктовку исправника; лице, прикосновенное къ дѣлу, изъ Макарьевского уѣзда, вовсе не подавало причины дѣло сіе сдавать въ тамошній уѣздный судъ; переписка Алатырскаго уѣзднаго суда съ Макарьевскимъ вся изъ дѣла вынута, какъ будто и вовсе никогда не существовала; повѣреннаго отыскали—однимъ словомъ дѣло завязалось важное. Наконецъ, стороной, узналъ я, что со стороны откупа начались хлопоты. Уголовныхъ дѣлъ страпчій подпалъ сильному искушенію; родственники пропавшаго сами стали заминать дѣло и оно вновь запуталось до такой степени, что по приведеніи онаго къ окончательному слѣдствію, мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ передать дѣло и всѣхъ прикосновенныхъ къ оному разсмотрѣнію уголовной палаты, ибо сильное настояніе съ моей стороны, по случаю успокоенія родственниковъ убитаго, конечно было бы принято, съ неблагопріятной стороны, за утѣсненіе. Впослѣдствіи частно писалъ мнѣ объ этомъ Бибииковъ, и черезъ него я получилъ подтвержденіе дошедшихъ до меня слуховъ, но дѣло уже находилось въ Палатѣ и рѣшено послѣ меня. Самъ содержатель откупа секретно объяснилъ мнѣ, что виноторговецъ умеръ отъ побоевъ, но родные то скрыли, и удовлетворены денежною суммою, что драка произошла въ пьяномъ видѣ, зачинщикомъ былъ покойный; онъ былъ холостякъ, а повѣренный—человѣкъ съ огромнымъ семействомъ. Тайна сія, переданная мнѣ какъ на исповѣди, не могла уже быть принята къ свѣдѣнію, да и не было повода къ раскрытію новаго слѣдствія.

Въ доказательство того, что весьма часто начальникъ губерніи, при самыхъ чистыхъ и благонамѣренныхъ распоряженіяхъ, можетъ навлечь и имѣть для себя непріятности, приведу здѣсь еще одинъ случай. Выше сказалъ я уже, что въ годъ, въ который я прибылъ въ Симбирскъ, все лѣто продолжались непрерывные дожди, наконецъ, въ послѣднихъ числахъ августа, проведрило. Въ одинъ день, въ передней, я нахожу около 30-ти человѣкъ мужиковъ, явившихся ко мнѣ изъ Сызранскаго уѣзда, верстъ за 300 отъ Симбирска, съ жалобою на своего помѣщика (не упомяну фамиліи), что онъ съ ними жестоко обращается и что послѣ стоявшей непогоды, когда стала ясная погода, онъ не дозволяетъ имъ убирать собственныхъ полей, а употребляетъ ихъ, общимъ сгономъ, лишь для уборки своего хлѣба, въ домахъ не позволяетъ оставаться даже больнымъ женщинамъ, а что у одной, отъ вынужденной работы, отъ усиленныхъ трудовъ и наказаній, умеръ уже грудной младенецъ. Всѣ явившіеся мужики, какъ на подборъ, годились въ рекруты. Принявъ въ соображеніе отлучку ихъ

въ удобное время изъ-за такого дальняго разстоянiя, ихъ свѣжій видъ, чистоту и опрятность одежды, я не могъ вывести инаго заключенiя, что тутъ кроется какой нибудь умыселъ. Спрося каждаго изъ нихъ отдѣльно, когда, сколько и какимъ образомъ помѣщикъ его наказывалъ и, получивъ утвердительное показанiе отъ одного, я спросилъ: давно-ли?

— «Дней пять назадъ».

«А больно?»

— «Очень жестоко!»

«Раздѣвайся» — на тѣлѣ не было и слѣда отъ недавняго наказанiя.

Призвавъ полицеймейстера, я приказалъ показанiе крестьянъ записать въ подробности, а объявившаго себя наказаннымъ, немедленно, при полициѣ, въ присутствiи прочихъ, наказать розгами и въ тотъ-же день отправить ихъ къ помѣщику, съ двумя жандармами, рассчитавъ переходы по 25 верстъ въ сутки, безъ растаговъ. А какъ ими былъ сдѣланъ извѣтъ въ уголовномъ происшествiи, то хотя оному я и не могъ дать вѣры, но почелъ себя обязаннымъ дѣло сiе изслѣдовать въ форменномъ порядкѣ. Справившись съ законами и съ предшествовавшими примѣрами, я почелъ не только возможнымъ, но даже должнымъ, возложить заботу сiю на уѣзднаго предводителя Сызранскаго уѣзда Б—ва, и въ самыхъ приличныхъ и вѣжливыхъ выраженiяхъ поручилъ ему это дѣло, оговоривши произвести оное «при уѣздномъ стряпчемъ», вовсе не предполагая, чтобы выраженiе сiе могло бы служить поводомъ или мыслью къ личному оскорбленiю Б—ва. Но къ удивленiю моему, въ тотъ-же день, прiѣхавъ ко мнѣ, онъ объявилъ, что считаетъ себя оскорбленнымъ подобнымъ выраженiемъ въ бумагахъ и если я хочу предоставить ему сiе дѣло, то чтобы я уволилъ его отъ участiя съ нимъ стряпчаго. Сколько я ни старался успокоить его, доказывая, что и цѣли я не могъ имѣть къ огорченiю его, онъ упорно стоялъ на своемъ. Впослѣдствiи я узналъ, что у него были какiя-то личности со стряпчимъ, чего онъ не хотѣлъ мнѣ открыть. Стараясь сблизиться съ Б—мъ въ понятiи моемъ о его и моихъ обязанностяхъ, я счелъ нужнымъ обратиться къ посредничеству губернскаго предводителя дворянства, генераль-маiору Григорiю Васильевичу Б*** (брату управляющаго удѣльною конторою). Но какъ я былъ пораженъ его отзывомъ, что и онъ находитъ выраженiе «при уѣздномъ стряпчемъ» для предводителя неприличнымъ, основываясь на томъ, что онъ очень хорошо и самъ понимаетъ значенiе сего слова, ибо на службѣ состоялъ при дивизионномъ начальникѣ. Какъ я ни увѣрялъ г. Б***, что я, какъ начальникъ гу-

берни, всё мои распоряженія произвожу при прокурорѣ, подлежу его контролю и не только не считаю этого оскорбительнымъ, но, напротивъ, спасительнымъ какъ для себя, такъ и для тѣхъ, къ кому относятся мои дѣйствія, но все было тщетно. Б*** и Б—овъ стояли на своемъ, чтобы уничтожить слово «при» и замѣнить его приличнымъ съ.

На другой день Б—въ отозвался, что онъ не можетъ принять на себя даннаго порученія, ибо въ законѣ ясно сказано, что не слѣдуетъ возлагать на предводителя другихъ дѣлъ, кромѣ тѣхъ, которыя буквально тамъ поименованы. Хотя въ одной статьѣ сказано, «что дѣло, касающееся собственно защиты дворянина, можетъ быть возложено на предводителя», но дѣлать было нечего съ упрямымъ! Я предложилъ губернскому правленію возложить сіе дѣло на одного изъ состоящихъ при мнѣ чиновниковъ для особыхъ порученій, а поступокъ Сызранскаго предводителя дворянства, чрезъ посредство мое, передать на распоряженіе г. министру внутреннихъ дѣлъ и все сіе было сдѣлано безъ украсовъ, скромно, въ самыхъ вѣжливыхъ и благонамѣренныхъ выраженіяхъ. Сдѣлавъ сіе распоряженіе, я долженъ былъ ѣхать на ревизію въ Заволжскіе уѣзды. Въ Ставрополѣ получаю вдругъ съ нарочнымъ письмо отъ губернскаго предводителя, въ которомъ онъ пишетъ ко мнѣ, что крестьяне, (указывая чьи именно), сосѣди тѣхъ, которые приходили ко мнѣ жаловаться, вида безнаказанности ихъ поступка, начинаютъ волноваться, а потому онъ проситъ меня то порученіе, которое я хотѣлъ возложить на Б—ва, поручить ему, тѣмъ болѣе сіе удобно, что онъ на дняхъ уѣзжаетъ въ свое имѣніе, лежащее въ тѣхъ-же мѣстахъ.

Такъ какъ распоряженіе мною уже было сдѣлано и проволочка произошла, какъ видно, не отъ моей вины, а отъ г. Б—ва, то я не нашелъ нужнымъ передѣлывать то, что уже было мною сдѣлано, а съ тѣмъ вмѣстѣ, желая удостовѣриться полицейскимъ донесеніемъ, какъ велико въ справедливости опасеніе губернскаго предводителя, я отправилъ отъ себя тоже нарочнаго къ исправнику, который чрезъ день представилъ мнѣ подписки и того помѣщика, на котораго заносили мнѣ жалобу, такъ и отъ того, на котораго указывалъ Б***, что слѣдствіе уже начато и идетъ весьма покойно; первые крестьяне образумились и сожалеютъ о своемъ проступкѣ, во всемъ уѣздѣ все покойно; казалось-бы — и дѣлу конецъ! Какъ вдругъ, возвратясь въ Симбирскъ, я застаю предложеніе министра по департаменту исполнительной полиціи, подписанное вмѣстѣ съ министромъ директоромъ Жмакинымъ, бывшимъ до Загряжскаго въ Симбирскѣ губернаторомъ, упрекающее меня, что я поступилъ неправильно въ отношеніи Сызранскаго предводителя.

Чистый въ чувствахъ моихъ, со вниманіемъ вникая въ смыслъ закона, я сильно огорчился такою, по мнѣнію моему, несправедливостію ко мнѣ. Въ оправданіе свое я выписалъ буквально статью закона, дополнивъ послѣдующимъ отношеніемъ ко мнѣ Б*** и донесеніемъ исправниковъ, прежде бывшихъ при губернаторѣ Жмакинѣ, по подобнаго рода дѣламъ; выписавши два предложенія о производствѣ дознанія предводителями при стряпчихъ—указалъ, что Жмакинъ, подписавшій вмѣстѣ съ нимъ мнѣ выговоръ, прежде былъ одного со мною мнѣнія о статьяхъ закона, но дѣйствовалъ только грубѣе и рѣзче моего, а потому прошу его разрѣшить мое недоумѣніе. Въ отвѣтъ на мое донесеніе, министръ усумнился утвердительно согласиться на мое разъясненіе закона, но деликатно повторилъ, что онъ остается при мнѣніи, что удобнѣе было возложить слѣдствіе, мимо предводителя, на другое лицо, но вмѣстѣ съ тѣмъ приложилъ въ копіи отношеніе свое къ губернскому предводителю, въ которомъ просить онъ сообщить г. Б—ву, что, оставаясь недовольнымъ отказомъ г. Б—ва, мнѣ сдѣланнымъ, онъ утвердительно можетъ удостовѣрить его, что если онъ дорожитъ репутаціею своею по службѣ, то чтобы всячески старался-бы сблизиться съ тѣмъ справедливымъ начальникомъ, какого теперь имѣетъ Симбирская губернія, чѣмъ, конечно, заслужитъ онъ и его, Блудова, личное уваженіе.

Въ томъ же самомъ году составилось въ Петербургѣ 2-е страховое отъ огня общество. Въ каждую губернію были посланы губернаторамъ по 400 акцій, для раздачи желающимъ, съ ограниченіемъ выдачи на одно лицо не болѣе 50-ти оныхъ. Въ тотъ же самый день, когда принесли мнѣ съ почты акціи, поступило ко мнѣ болѣе 20-ти требованій отъ желающихъ, изъ коихъ каждый просилъ ровно 50 для него. Вмѣстѣ съ оними, я получилъ чрезъ почту письма отъ министра юстиціи Дашкова, отъ статсъ-секретаря Танѣева, отъ директора департамента исполнительной полиціи Жмакина и еще отъ четырехъ значительныхъ лицъ изъ Петербурга, выслать имъ непременно по 50 акцій, съ предвареніемъ меня, что я окажу имъ этимъ очень важную услугу. Видя невозможность удовлетворить всѣхъ и каждого изъ нихъ, я прехладнокровно распорядился извѣстить чрезъ полицію письменными отзывами, что раздачу акцій я назначаю произвести ровно чрезъ два мѣсяца и въ опредѣленное время, опредѣлилъ уравнительное число на каждого, отъ кого получится до того времени требованіе, и просилъ, если кто желаетъ взять акціи, то чтобы распорядился къ назначенному времени выслать деньги на то число, которое придется для него. По общему соображенію требованій, приходилось на каждого не болѣе четырехъ акцій, а потому тѣмъ,

кто просилъ менѣе, я выдавалъ столько, сколько просилъ, а прочимъ никому болѣе четырехъ. На шестнадцать акцій по росписанію не выслались деньги и я бы имѣлъ полное право всѣхъ ихъ оставить за собою, но, опасаясь укоризны, я еще далъ сроку двѣ недѣли для разобранія и сихъ шестнадцати. Распоряженіе сіе я предварительно представлялъ Блудову, и мнѣ пріятно было видѣть, что, по возникшему отъ нѣкоторыхъ губернаторовъ вопросу о затрудненіи въ равной степени удовлетворить требованія, мое распоряженіе, хотя безъ указанія на меня, было поставлено въ примѣръ прочимъ.

Губернскій предводитель Б*** просилъ моего распоряженія о необыкновенномъ созывѣ, для дворянскихъ дѣлъ, дворянства. По праву, указанному для меня въ законѣ, я удовлетворилъ его желанію. Сѣздъ былъ назначенъ въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Когда сѣхались дворяне, то Б*** предложилъ мнѣ, чтобы дворянство, первоначально собравшись въ своемъ домѣ, предварительно отправилось въ церковь для молебствія и потомъ, чтобы я прибылъ въ домъ дворянства, для открытія собранія, но я твердо объявилъ ему, чтобы безъ малѣйшаго измѣненія былъ бы соблюденъ порядокъ, указанный въ законѣ для обыкновенныхъ трехгодичныхъ собраний. Это, кажется, не совсѣмъ понравилось Б***, не ему лично, а нѣкоторымъ изъ окружавшихъ его довѣренныхъ, которые находили въ этомъ личный мой капризъ.

Но я настоялъ на своемъ. Въ назначенный для собранія день, прибыли ко мнѣ въ домъ депутатами два предводителя и два депутата для приглашенія. У дверей залы встрѣтили меня губернскій и остальные уѣздные предводители, и я церемоніально былъ введенъ въ залу. Ставъ у портрета государя императора, я прочелъ предложеніе мое дворянству о причинѣ созванія онаго и открылъ засѣданіе собранія. Сіе предложеніе заключало въ себѣ въ краткости поводъ и мнѣніе мое, что каждый по сердцу своему чувствуетъ важность своего призыва, и въ заключеніе, что я почитаю себя счастливымъ, что государь предоставилъ мнѣ право въ сей торжественный день для дворянства непосредственно явиться въ кругу онаго и вмѣстѣ съ ними принести въ храмъ Господнемъ моленіе за благодѣтеля нашего и отца! При сильномъ вниманіи, когда я читалъ рѣчь, я нѣсколько оробѣлъ, но когда кончилъ, прибавилъ: «Прошу простить, гг.! Я оробѣлъ! Но это случилось впервые въ жизни моей. Вините ваше ко мнѣ вниманіе!»

Выходка эта, видимо, всѣмъ понравилась. Сей же часъ посланіе мое пошло переходить изъ рукъ въ руки и, послѣ молебна и обѣдни, всѣ присутствовавшіе дворяне удостоили прибытіемъ ко мнѣ въ домъ

съ благодареніемъ. Тутъ я познакомился болѣе нежели съ 150 дворянами, которыхъ я прежде вовсе не зналъ, иначе какъ по запискѣ Жѣмакина, но отгѣнялъ мое вниманіе къ каждому, показывая, что я заочно знаю каждаго! Въ сей день я чувствовалъ себя до глубины души растроганнымъ, подобно тому, какъ буду имѣть случай говорить о послѣднемъ свиданіи съ симбирскимъ дворянствомъ.

Здѣсь еще упомяну одно лично лестное для меня обстоятельство, о которомъ рассказывалъ мнѣ Жемчужниковъ, бывшій тогда с.-петербургскимъ губернаторомъ, когда я былъ переведенъ въ Витебскъ. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Ив. Ив. Дмитріевъ, извѣстный поэтъ, бывшій министръ юстиціи, симбирскій помѣщикъ, котораго Блудовъ иначе не называлъ, какъ своимъ покровителемъ и образователемъ, при Жемчужниковѣ сказалъ Блудову:

— «Скажи, пожалуйста, Дм. Ник., что вы съ нами дѣлаете? Давно въ Симбирскѣ не было губернатора, наконецъ Богъ послалъ намъ одного въ Жиркевичѣ, а вы распорядились и этого опять у насъ отняли!»

НВ. Въ залѣ симбирскаго дворянскаго собранія, съ высочайшаго соизволенія, находятся портреты Дмитріева и Карамзина.

XXVI.

Ревизія присутственныхъ мѣстъ въ уѣздахъ. — Попытка къ введенію общественной запашки у лашманъ. — Приѣздъ князя Лобанова-Ростовскаго. — Моя поѣздка къ лашманамъ. — Поворность татаръ. — Запашка. — Запросъ кн. Волконскаго. — Наказаніе виновныхъ. — Приѣздъ статсъ-секретаря Ник. Мих. Лонгинова. — Княжна Тамара. — Приготовленія къ приему императора Николая. — Назначеніе меня губернаторомъ въ Витебскъ.

Ревизуя уѣздныя присутственныя мѣста по Симбирской губерніи, я находилъ вездѣ большое скопленіе дѣлъ, бѣдность въ устройствѣ наружнаго, а еще важнѣе, бѣдность въ составѣ и качествѣ служащихъ по выборамъ и по набору, на малыхъ окладахъ жалованья. По Симбирской губерніи такъ мало было желающихъ служить по выборамъ, что на подобныя должности всегда являлись лишь «особые желатели» изъ личныхъ видовъ и имъ-то однимъ доставалась въ удѣлъ сія часть. Въ примѣръ поставлю симбирскій земскій судъ. Я ревизовалъ оный чрезъ мѣсяцъ послѣ выхода Перовскаго. Прибывъ туда по утру въ 8 часовъ, я потребовалъ регистръ слѣдственныхъ дѣлъ по уголовной части (по гражданскимъ искамъ много не бываетъ дѣлъ). Мнѣ подали тетрадь дестей въ восемь бумаги. Здѣсь заключались дѣла: о пропавшей овцѣ и объ клочкѣ вырванной бороды,

объ насилии и объ зажигательствѣ. Число дѣлъ простиралось вообще до 3,800, съ помѣтками въ началѣ и въ концѣ: писано туда-то такого-то числа, повторено еще такого-то и такого-то, но сія статья записки никогда не доходила до послѣдней отмѣтки, а заключалась всегда: «передать для изслѣдованія такому-то засѣдателю». Регистръ сей читаль я отъ начала до конца, ровно до 4-хъ часовъ пополудни. Между тѣмъ, какъ я занимался уже болѣе восьми мѣсяцевъ, лично, разсмотрѣніемъ накопившихся до меня дѣлъ, а равно и при мнѣ постунившихъ, то не мудрено, что я тотчасъ замѣтилъ, что въ семъ регистрѣ множество записано такихъ дѣлъ, о которыхъ не только слѣдствія, но даже и рѣшенія совершенно покончены, а другія, по лѣности къ разсмотрѣнію регистра или по неопытности, только при повременныхъ повтореніяхъ начальствомъ о скорѣйшемъ окончаніи, вносились по нѣсколько разъ подъ другими номерами, такъ что одно дѣло попало мнѣ записаннымъ шестнадцать разъ! Указавъ все это на мѣстѣ исправнику и засѣдателямъ, какъ настоящимъ, такъ и отрѣшеннымъ по волѣ Перовскаго, я приказаль секретарю весь регистръ повѣрить, отъ перваго до послѣдняго номера, и переписать въ новый регистръ тѣ дѣла, которыя, дѣйствительно, еще не окончены. Сроку я на сіе не назначилъ, ибо и опредѣлить было нельзя, но я потребоваль, чтобы секретарь аккуратно каждую субботу въ 9 часовъ являлся ко мнѣ съ новымъ регистромъ для моего усмотрѣнія. Въ первую субботу я нашель, что изъ 300 дѣлъ или болѣе, вписанныхъ и числившихся по старому регистру, неоконченными оказалось всего девять, на второй недѣлѣ изъ 600 — съ небольшимъ 20, и такъ пошло до конца, разумѣется, чѣмъ ближе по времени къ настоящему, тѣмъ число нерѣшенныхъ дѣлъ прибавлялось. Но, кажется, секретарю работа эта показалась тягостною или лишнею. На четвертой недѣлѣ, въ числѣ записанныхъ имъ въ регистръ вновь дѣлъ, я усмотрѣль два, только что мною рѣшенныя. Показавъ ему на нихъ, я просто схватилъ изъ угла трость и, поднявъ къ ужасу сего господина, медленно сказалъ:

— «Губернаторъ приняль на себя обязанность повѣтчика, а секретарь и тутъ не захотѣль быть только настоящимъ ему помощникомъ».

Но дѣло обошлось одною лишь угрозою. Регистръ нашъ сократился съ небольшимъ до 800 номеровъ. Призвавъ обоехъ гг. исправниковъ, спросилъ я стараго:

«За что отрѣшенъ Перовскимъ?»

— «За большое накопленіе дѣлъ».

«Но вы видите, что теперь мной открыто дѣлъ не такъ много, почему же вы не приняли мѣръ?»

— «Что дѣлать, ваше превосходительство! Наше дѣло заключается чтобы ѣхать въ уѣздъ съ Флиге (жандармомъ), съ Бестужевымъ или исправлять дороги! А повѣрять секретаря не имѣлъ самъ ни одной свободной минуты!»

И то справедливо...

Милостивые государи! Дайте средства, устраните личности и тогда уже судите, отрѣшайте и взыскивайте! Я не спорю, что есть злоупотребленія и что они велики. Но требовать, чтобы вовсе злоупотребленій не было, рѣшительно невозможно! Смотрите всегда справедливымъ взглядомъ; если преемникъ лучше предшественника, благодарите искренно его за это и безвременно опасайтесь упрекать и взыскивать, но старайтесь поощрять. Это одно только можетъ хотя нѣсколько исправить старое, а уничтожить рѣшительно невозможно. Я держался правила, при вторичной и послѣдующихъ ревизіяхъ присутственныхъ мѣстъ, пожуривши за упущенія, всегда спрашивать начальствующихъ: «Я васъ теперь бранилъ за то, что нашель, но, быть можетъ, я не видалъ того, что вы улучшили въ этотъ промежутокъ времени. Укажите». И если мнѣ указывали, всегда взвѣшивалъ улучшеніе противъ запущенія и старался поощрять видимо старавшихся служить правдою. Тамъ, гдѣ находилъ я архивы вовсе не существующими, я не требовалъ, чтобы къ будущему моему пріѣзду они были совершенно образованы, но настаивалъ, чтобы положено было начало разбору старыхъ дѣлъ и чтобы новыя складывались уже въ совершенномъ порядкѣ,—и въ послѣдствіи находилъ оныя если не вполне совершенными, то, по крайней мѣрѣ, имѣющими хотя нѣсколько пристойный видъ. Производители дѣлъ, хвастая мнѣ симъ, сами уже охотнѣе занимались симъ дѣломъ и впередъ само по себѣ все подвигалось къ улучшенію.

Удѣльное начальство сдѣлало большую ошибку, принявъ казенныхъ крестьянъ подъ свое вѣдомство. Оно распорядилось немедленно привести въ извѣстность ихъ земли чрезъ служащихъ землемѣровъ и въ томъ же году завело общественную запашку, принесшую важнѣйшую пользу для управленія. Если бы это было сдѣлано тогда и въ отношеніи лашманъ, оно конечно бы принесло такую же пользу, при всей предполагаемой неудобности къ оному, по случаю принадлежавшихъ, на правахъ собственности, лашманамъ земель. Но департаментъ, приведенный въ сомнѣніе, донесеніемъ Б***, о первомъ неповиновеніи лашманъ, первоначально думалъ, въ этихъ селеніяхъ, общественной запашки не вводить. Когда же Перовскій усмотрѣлъ, что и съ лашманами, по упомянутому происшествію, справился безъ особыхъ усилій, онъ предложилъ Б*** попытаться нельзя-ли и ихъ земли

также привести въ извѣстность, въ общей сложности, при каждомъ селеніи, неупотребляя къ тому казенныхъ землемѣровъ, а только посредствомъ сельскихъ властей и употребляя къ сему не межевыя цѣпи, а просто веревку. Предположеніе сіе началось приводиться въ исполненіе въ концѣ лѣта, передъ самымъ отъѣздомъ Перовскаго изъ Симбирска. Лашмане согласились на сіе безъ сопротивленія, но между ними начались уже различные толки: «отчего въ удѣльныхъ деревняхъ мѣряютъ землю чиновники, а у нихъ старосты, сотскіе и десятскіе?» Слухи о семъ дошли и до Перовскаго, а онъ, уѣзжая, сказалъ Б***: «Это я предоставляю вашему личному благоразумію; но предвараю васъ, что если вы устроите мнѣ запашку и у лашманъ, то нѣтъ награды, на которую вы не имѣли-бы права въ глазахъ моихъ и князя Волконскаго, и я общаю вамъ все, что вы сами себѣ пожелаете!

Обмѣненіе лашманскихъ земель производилось цѣлую осень, а въ декабрѣ Перовскій, пріѣхавъ въ Казань, вызвалъ туда, къ себѣ, Б***, который объявилъ, что дѣло идетъ успѣшно и далъ слово, что весною у лашманъ будетъ введена запашка. Перовскій приказалъ ему войти съ представленіемъ о семъ предположеніи и Б***, въ послѣднихъ числахъ декабря, представилъ о семъ въ департаментъ, а сей послѣдній, разрѣшая положительно множество другихъ статей, вошедшихъ въ то же представленіе, относительно введенія запашки, отвѣчалъ: «на предположеніе ваше ввести весною и у лашманъ общественную запашку, если не предвидится особаго затрудненія, департаментъ изъявляетъ свое согласіе».

По губерніи уже пошелъ слухъ, что лашмане объ этомъ толкуютъ. Мнѣ не оставалось ничего болѣе какъ выжидать, не смыкая глазъ, и быть вообще наготовѣ. Въ первыхъ числахъ апрѣля я узналъ, что въ одномъ лашманскомъ селеніи, когда стали нарѣзывать землю для запашки, одинъ удѣльный чиновникъ едва успѣлъ уѣхать отъ происшедшаго при томъ волненія и Б*** самъ отправился на мѣсто.

21-го апрѣля является ко мнѣ самъ Б*** и объявляетъ, что за 95 верстъ отъ Симбирска, въ одной лашманской волости, произошло возмущеніе: департаментъ предписалъ ему учредить общественную запашку, крестьяне не повинуются, прогнали его помощника, да и онъ лично не могъ успѣть ихъ образумить, а потому проситъ меня, въ настоящемъ случаѣ, оказать ему содѣйствіе, давъ, сколь можно, сильнѣйшую военную команду въ его личное распоряженіе. Выслушавъ Б***, я замѣтилъ, что онъ все еще что-то отъ меня скрываетъ, я просилъ его войти ко мнѣ отношеніемъ на бумагѣ. Онъ тутъ-же вынулъ отношеніе и передалъ его мнѣ. Бумага начиналась слѣдующими словами:

«Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія о введеніи въ лашманскихъ селеніяхъ общественной запашки»..... и заключа-лась требованіемъ о командированіи на мѣсто двухъ ротъ гарнизоннаго баталіона и 25 конныхъ жандармовъ. Объяви, что я сдѣлаю мое распоряженіе, въ ту же минуту приступилъ къ предварительному приготовленію, но, образумясь, что лашманскія земли, какъ ихъ собственность, не подлежатъ прямому вѣдѣнію конторы, я рѣшился истребовать отъ Б*** копию съ того предписанія къ нему его начальства, въ которомъ указано «высочайшее повелѣніе». Бумагу сію, изъ предосторожности, я велѣлъ приготовить у себя въ кабинетѣ и отправилъ подъ большимъ секретомъ къ Б***. На откомандировку команды всѣ бумаги были уже готовы, но я ожидалъ его отвѣта. Прошелъ день—я сдѣлалъ повтореніе моего требованія—отвѣта опять нѣтъ! Повторилъ другой разъ. Получаю отзывъ отъ помощника управляющаго удѣльной конторою, съ приложеніемъ выписки нѣкоторыхъ статей представленія Б***ва, сдѣланнаго имъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, и списокъ съ отзыва послѣдняго, гдѣ, какъ я выше сказалъ, разрѣшеніе о запашкѣ сдѣлано условное. Видимо, что «о высочайшемъ повелѣніи» нигдѣ не упоминалось. Въ заключеніе же своего отношенія помощникъ управляющаго писалъ, «что самъ управляющій выѣхалъ для обзора удѣльныхъ имѣній по уѣздамъ, но куда—ему неизвѣстно». Признаюсь, обстоятельство сіе сильно меня встревожило и привело въ недоразумѣніе. Черезъ часъ дошли до меня слухи, что Б*** ускакалъ въ Петербургъ, но я этому никакъ не могъ дать вѣры. Пригласивъ къ себѣ штабъ-офицера корпуса жандармовъ, Стогова, я просилъ его немедленно отправиться на мѣсто, въ ту волость, гдѣ произошло неповиновеніе, давъ строжайшее предписаніе Буинскому исправнику, по сему предмету, поступить въ непосредственное сношеніе и подъ начальство Стогова, а самъ рѣшился ожидать отъ нихъ обоихъ донесеній¹⁾. Между тѣмъ отнесся настоятельно, чтобы меня извѣстили гдѣ находится Б***, ибо я имѣю необходимость въ личныхъ своихъ съ нимъ сообщеніяхъ, на что помощникъ повторилъ отзывъ о своемъ невѣдѣніи куда дѣвался его начальникъ, и другою бумагою извѣщаль меня, что до свѣдѣнія конторы доходятъ слухи и даже получено донесеніе изъ одной волости, собственно удѣльной, по секрету, что и тамъ начинается волненіе, ибо удѣльные крестьяне, видя потворство губернскаго начальства лашманамъ, тоже думаютъ сами отказаться

¹⁾ См. Записки покойнаго Эразма Ивановича Стогова, между прочимъ, объ этихъ событіяхъ—въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., т. XXIII, стр. 658—680.

отъ своей запашки; а изъ лашманскихъ селеній, куда были командированы удѣльные чиновники, управляющій конторою призываетъ онихъ выѣхать.

Въ тотъ-же день я получилъ новое увѣдомленіе изъ конторы, что оною получены донесенія изъ уѣздовъ Ардатовскаго, Алатырскаго (по тракту на Петербургъ, куда, можно было, по слухамъ, считать, отправился Б***, хотя сіе казалось и невѣроятнымъ), а главное изъ Курмышевскаго, что и тамъ лашмане оказываютъ сопротивленіе и между удѣльными крестьянами начинается волненіе.

Къ вечеру пришли донесенія отъ Стогова и отъ Буинскаго исправника; оба они, въ особенности первый, съ большою подробностью писали ко мнѣ, что, по прибытіи на мѣсто, нашли большое сборище лашманъ при волостномъ правленіи, толкующихъ о послѣднихъ распоряженіяхъ удѣльнаго начальства, но безъ шума и безъ особеннаго волненія. Когда Стоговъ спросилъ ихъ, для чего они собрались и о чемъ толкуютъ, старѣйшіе изъ нихъ согласно объявили, что въ волостное правленіе былъ полученъ сначала приказъ изъ конторы, что государь велѣлъ, чтобы у лашманъ была, у всѣхъ, общественная запашка, потомъ приказъ этотъ взять обратно, а прислали другой, гдѣ уже не сказано, что государь велѣлъ, а сказано что отъ начальства приказано, чтобы въ нѣкоторыхъ только деревняхъ произвести запашку, а о другихъ сказано, что какъ у нихъ земли собственныя, то представлено о томъ опять начальству. Что они этого распоряженія не понимаютъ! Если у лашманъ должна быть запашка, то почему не во всѣхъ деревняхъ вообще, а только въ нѣкоторыхъ, и поставляли въ примѣръ, что въ той деревнѣ, гдѣ волостное правленіе, запашка приказана, а та деревня, въ которой голова, начальникъ волостной избы, запашки дѣлать не будутъ. Къ нимъ пріѣзжалъ сперва какой-то удѣльный чиновникъ, и хотя они просили его растолковать имъ это дѣло, но онъ требовалъ, чтобы они только повиновались, началъ ихъ бить и страшать!» Само собой разумѣется, что тутъ произошелъ ропотъ, вѣдь не всякаго удержишь, особенно кого бьютъ безвинно. Глупые стали дѣлать угрозы и тотъ чиновникъ уѣхалъ. Пріѣхалъ самъ Б***, котораго иные и въ глаза не знали и вѣрить не хотѣли, чтобы это былъ ихъ начальникъ; онъ пріѣхалъ въ какомъ-то красномъ кафтанѣ и ермоклѣ, закричалъ на крестьянъ, приказалъ принести розогъ—всѣ разбѣжались и ему даже грубости было дѣлать некому. Если-же государю угодно, чтобы у нихъ была запашка, они всѣ покорны волѣ государевой, но пусть имъ объявить это г. губернаторъ и они готовы снести свои дома и на мѣстахъ жилищъ будутъ пахать, если это будетъ приказано!

Сверхъ сего Стоговъ и исправникъ писали, что какъ по всему замѣтно это, видимо, одно только недоразумѣніе, а не умышенное волненіе и что, по мнѣнію ихъ, для усмиренія крестьянъ войска не для чего посылать, но если пришлютъ, хотя небольшую команду, то ни за что не могутъ ручаться и въ такомъ случаѣ просятъ меня, лично, прибыть на мѣсто. Сверхъ того Стоговъ приложилъ двѣ записки, копіи съ обоихъ приказовъ удѣльной конторы, изъ которыхъ одну записку подаль ему какой-то крестьянинъ, а другую онъ приказалъ списать въ волостной избѣ.

«Видя, съ одной стороны, ошибочность распоряженій удѣльнаго начальства, а съ другой — явный злой умыселъ Б*** все сіе происшествіе, такъ сказать, взвалить на мою голову и на земскую полицію, я немедленно, въ подробностяхъ, донесъ съ нарочною эстафетою министру, приложивъ въ подлинникахъ всѣ присланныя ко мнѣ требованія и свѣдѣнія, списки съ моихъ отзывовъ и предписаній, принявъ, изъ осторожности, за правило, на первыхъ бумагахъ помѣчать число и часъ полученія, а на послѣднихъ, подобнымъ образомъ, означать время отправленія; это самое, безъ опущенія, означалось и на копіяхъ. Я приложилъ также основное отношеніе Б***, что земли лашманъ не подчиняются его направленію. Въ заключеніе просилъ меня снабдить высочайшимъ повелѣніемъ, чтобы общественную у лашманъ запашку ввести во всѣхъ селеніяхъ, безъ исключенія, и ручался головою моею за исполненіе. А между тѣмъ, зная уже по опыту, что, при подобныхъ обстоятельствахъ, посылка на первыхъ порахъ малой команды не только бесполезна, но даже можетъ быть вредна, я рѣшился чрезъ губернское правленіе указами предписать исправникамъ дѣйствовать съ осторожностью, и это было поводомъ хотя къ самому деликатному, но все таки замѣчанію, которое я получилъ въ частномъ письмѣ отъ министра внутреннихъ дѣлъ вмѣстѣ съ окончательнымъ по закону разрѣшеніемъ, которое находится въ бумагахъ моихъ. При подобныхъ обстоятельствахъ всегда бывають различныя толки въ народѣ и въ публикѣ, такъ было и тутъ. Но вообще все дворянство и чиновники удивлялись моему молчанію и спокойному виду. Нарочные скакали изъ одного конца въ другой безпрестанно; переписка моя шла прямо изъ кабинета и въ большой тайнѣ. Между прочимъ, одинъ изъ значительныхъ помѣщиковъ объявилъ мнѣ, что узналъ навѣрное, что Б*** отправилъ въ Оренбургъ эстафету къ тамошнему военному губернатору Перовскому, требуя войск!» Я улыбнулся, почитая сіе равно, какъ и побѣгъ Б***, выдумкой; каково же было мое удивленіе, когда недѣлю спустя отъ начала всей передрыги, мнѣ привезли «Московскія Вѣдомости», гдѣ напечатано, что Б*** пріѣхалъ въ

Петербургъ (воспользовавшись подорожнымъ бланкомъ)— и чрезъ 10 дней явился ко мнѣ адъютантъ генерала Перовскаго, пріѣхавшій изъ Оренбурга, адресуясь ко мнѣ словесно — на который пунктъ слѣдуетъ направить войска, требованна управляющимъ удѣльною конторою и который генераль его распорядился уже выслать? Безъ преувеличенія, озадаченный такимъ вопросомъ, я спросилъ адъютанта, имѣеть-ли онъ съ собою высочайшее повелѣніе, что Симбирская губернія подчинена генералу Перовскому?» И получилъ отвѣтъ, что онъ ко мнѣ никакихъ бумагъ не имѣеть. Я отвѣчалъ ему, чтобы онъ донесъ своему генералу, что въ его войскахъ ни мало надобности не вижу, а если они нужны Б***, то чтобы онъ самъ отыскалъ его гдѣ хочетъ. Потомъ я ласково пригласилъ его въ кабинетъ и подробно рассказалъ ему все, что слѣдовало ему сообщить генералу Перовскому. Донесъ объ этомъ Блудову, но тутъ-же спохватился, что если я напишу, что Перовскій уже распорядился высылкою войска, то они или мнѣ не повѣрятъ въ такой безразсудности, или послѣ откажутся отъ словъ, а потому я рѣшился написать просто, что Б*** требовалъ войско, а я сказалъ, что оно не нужно! Мѣра эта впослѣдствіи оправдала мою осторожность.

Б***, до высылки ко мнѣ копій съ разрѣшенія департамента на счетъ запашки, прислалъ бумагу, въ которой написалъ, что не видя съ моей стороны немедленнаго удовлетворенія его требованія о присылкѣ на «мѣсто возмущенія» военной команды, онъ настоятельно требуетъ моего содѣйствія, чтобы силою власти заставить упорствующихъ повиноваться и, между прочимъ, приложилъ при семъ списокъ 27-ми возмутителямъ, прося распорядиться задержаніемъ оныхъ впредь до разрѣшенія его начальства. Этотъ списокъ я отправилъ къ буинскому исправнику, который, объявивъ оный обвиненнымъ, убѣдилъ ихъ отправиться ко мнѣ, что они безъ малѣйшаго возраженія исполнили. Когда же они прибыли въ Симбирскъ, я обнадежилъ ихъ моей защитой, но добавилъ, «что до государева рѣшенія я долженъ ихъ задержать», и они всѣ преспокойно отправились въ полицію, гдѣ имъ отвели два покоя и приставили, для надзора за ними, десятскаго. Разумѣется, что и это все вошло въ мои донесенія.

Ровно чрезъ двѣ недѣли, по утру, въ 9-ть часовъ, получаю и чрезъ эстафету отъ министра внутреннихъ дѣлъ предписаніе, въ которомъ сказано: «что кн. Волхонскій объявилъ ему монаршую волю: первое: у лашманъ, безъ изыятія, ввести запашку; второе—по требованію управляющаго удѣльною конторою задержать тѣхъ бунтовщиковъ, которыхъ онъ укажетъ и, наконецъ, третье—предоставить въ распоряженіе Б*** воинскую команду, которую онъ требовалъ;

вмѣстѣ съ симъ пришло и то письмо ко мнѣ отъ Д. Н. Блудова, о которомъ сказано выше. Само собою разумѣется, что я тотчасъ же приступилъ къ выполнению того, что было приказано. Въ 10 часовъ полицеймейстеръ донесъ мнѣ, что Б*** вернулся, но самъ онъ ко мнѣ не являлся, а вечеромъ, въ 10 часовъ, когда я уже легъ спать, меня разбудили и доложили, что изъ С.-Петербурга пріѣхалъ генералъ-адъютантъ кн. Лобановъ-Ростовскій и остановился въ гостиницѣ. Я освѣдомился, не спрашивалъ-ли онъ меня къ себѣ; когда сказали нѣтъ—преспойно уснулъ и всталъ, по обыкновенію, по утру въ 5 часовъ.

Прежде всего я занялся отправленіемъ, чрезъ нарочныхъ, наканунѣ приготовленныхъ бумагъ, а въ 7^{1/2} часовъ отправился на квартиру къ кн. Лобанову-Ростовскому, но когда подѣхалъ къ воротамъ гостиницы, на встрѣчу выбѣжалъ лакей и объявилъ, что князя нѣтъ дома, онъ очень рано вышелъ куда-то со двора. Это было однако же несправедливо, князь былъ дома, но не принялъ меня изъ деликатности, повидимому, чтобы меня предупредить собственнымъ его визитомъ, ибо едва я возвратился домой, какъ мнѣ доложили, что князь пришелъ, и вотъ какой послѣдовалъ между нами разговоръ:

Князь. Простите меня великодушно, ваше превосходительство, что я такъ рано беспокою васъ. Вы сами меня предупредили, но я не смѣлъ васъ принять, не бывши еще самъ у васъ.

Жиркев. Ваше сіятельство! Извините меня, что я еще вчерашняго числа не былъ у васъ; ибо когда вы пріѣхали, я получилъ о томъ свѣдѣніе, но не считалъ себя въ правѣ, безъ особаго вашего зова, и опасаясь четверть часа оторвать отъ васъ нужнаго покоя послѣ столь долгаго пути.

Кн. Вамъ, конечно, извѣстна причина пріѣзда моего сюда?

Ж. Точно — нѣтъ еще, но догадываюсь. Вѣроятно, по дѣламъ удѣльнымъ?

Кн. Точно такъ. Меня государь отправилъ внезапно и приказалъ нспѣшать какъ можно скорѣе. Я пріѣхалъ сюда на пять дней. Б*** кажется уже возвратился?

Ж. Слышалъ я, что онъ вчера пріѣхалъ, но не видѣлъ его.

Кн. Государь хотѣлъ было отправить его къ вамъ съ фельдъегеремъ, но кн. Волконскій упросилъ оставить эту мѣру.. Теперь приступимъ къ общему нашему дѣлу. Скажите мнѣ, ваше пр—ство, что у васъ было? и на какой точкѣ оно теперь остановилось?

Тутъ я началъ, что называется, отъ самаго начала, не пропуская ни одной мелочи, но не упоминая ничего о задержанныхъ татарахъ. Князь слушалъ внимательно, и когда я окончилъ, сказалъ: «Все, что

ваше пр—ство изволили объяснить теперь, находится въ вашихъ бумагахъ къ министру и онѣ всѣ со мной; но когда вы получили высочайшее повелѣніе объявить общественную записку и дать команду Б***?

Ж. Вчера утромъ, въ 9 часовъ.

Кн. Слѣдовательно, распоряженіе объ этомъ еще не состоялось?

Ж. Напротивъ, князь! Сегодня въ 6 часовъ утра во всѣ концы поскакали нарочные.

Кн. Вы знали еще вчера съ вечера, что я здѣсь, то отчего же вы не обождали объясненія со мной?

Ж. Высочайшую волю я привыкъ исполнять мгновенно! Хотя я и предполагалъ причину вашего сюда прїѣзда, но не считалъ, чтобы это могло остановить меня въ моихъ личныхъ распоряженіяхъ, на которыя, признаюсь, я никогда не спрашивалъ ни чьихъ совѣтовъ.

Кн. И справедливо поступаете! Я это различаю изъ дѣйствій и донесеній вашихъ къ министру. Теперь позвольте спросить, какъ вы думаете приступить къ исполненію третьей статьи высочайшаго повелѣнія—задержать возмутителей?

Ж. Эта статья давно уже исполнена! На другой день требованія Б***. Всѣ показанныя имъ лица находятся въ домѣ противъ гостиницы, гдѣ ваше сіятельство остановились.

Кн. Какъ это? а почему же не въ острогѣ?

Ж. Потому что не заслужили этого?..

Здѣсь опять я долженъ былъ подробно рассказать, что касалось до сихъ несчастныхъ, и князь, пожимая плечами, сказалъ: «странный бунтъ, когда главные лица содержатся, болѣе 20-ти человекъ, подъ карауломъ одного десятскаго?»

Кн. Позвольте мнѣ теперь, ваше пр—ство, поговорить съ вами по порученію кн. Волконскаго. Какъ бы вы предполагали устроить лучше удѣльное управленіе и согласить оное съ губервскимъ?

Ж. Я не предвижу другаго—какъ управляющаго удѣльною конторою уполномочить управлять губерніею, а губернатора подчинить ему!

Кн. Вы, ваше пр—ство, говорите шутя, когда я имѣю порученіе отъ государя говорить серьезно!

Ж. Такъ какъ есть въ предметѣ вообще всѣ поволжскія казенныя имѣнія обратить въ удѣль, то назначить въ двѣ или три губерніи генераль-губернатора, который соединялъ бы въ своемъ лицѣ власть и надъ губерніями и надъ удѣльнымъ управленіемъ. Другаго средства и быть не можетъ.

Кн. Эта мысль была первая, которая пришла государю, но князь

Волконскій при мнѣ возразилъ: Государь, у генераль-губернатора у всякаго есть правитель канцеляріи—будутъ вмѣшиваться въ «наше» управленіе и пойдетъ все по старому! Если у васъ губернаторами вездѣ будутъ Жиркевичи, тогда можно и губернаторамъ довѣрить то, что вы предполагаете для генераль-губернаторовъ, но укажите, ваше величество, мнѣ другаго такого губернатора, а тогда совершенно буду согласенъ съ вами.

НВ. Собственныя слова кн. Лобанова. Я не виноватъ, если они сошли здѣсь съ пера моего.

Ж. Очень лестно, но еще болѣе грустно! Если вѣрять мнѣ, то какже въ одно время вѣрять Б***? Кажется, между нами нѣтъ и не можетъ быть симпатіи.

Кн. Что дѣлать! Такъ сталъ свѣтъ! И такъ вообще идутъ дѣла въ немъ! Теперь позвольте присовокупить, что государь приказывалъ мнѣ непременно лично быть на мѣстѣ, гдѣ началось возмущеніе, и тамъ все разузнать подробно и успокоить, если можно. Угодно будетъ вашему пр—ству со мной туда отправиться или нѣтъ?

Ж. Если ваше сіятельство объявляете мнѣ монаршую волю, чтобы я это исполнилъ, я готовъ на все, что вамъ будетъ угодно приказывать!

Кн. Нѣтъ! Въ переписку съ вами я не буду входить безъ нужды и бумаги вамъ теперь не дамъ никакой, а очень желалъ бы знать причину настоящихъ словъ вашихъ?

Ж. Званіе губернатора такъ высоко, что не слѣдуетъ унижать его ни въ какомъ случаѣ, въ особенности еще передъ простолюдинами, которые въ одномъ губернаторѣ видятъ своего защитника. Если я поѣду при васъ, я буду уже второстепенное лицо и ничего болѣе, какъ обыцновенный чиновникъ, исполнитель вашихъ приказаній. Какъ губернаторъ, я долженъ дѣйствовать всегда самостоятельно и все принимать на свою личную отвѣтственность.

Кн. Совершенная правда ваша! Но по крайней мѣрѣ вы позвольте взять съ собою Б***?

Ж. Я не начальникъ ему и даже оффиціально не знаю, здѣсь ли онъ.

Кн. Мнѣ бы очень лестно было представиться ея пр—ству, но теперь еще такъ рано, что я не смѣю объ этомъ утруждать васъ моею просьбою.

Ж. Дѣйствительно, еще очень рано, но если бы ваше сіятельство удостоили меня сегодня у насъ откушать, я бы эту честь принялъ съ особою благодарностью.

Кн. Готовъ, но съ однимъ условіемъ: чтобы не было никого лишняго и въ особенности много приглашенныхъ.

Ж. Человѣка четыре или пять, которыхъ я желалъ бы лично представить вашему сѣятельству, не болѣе. Б*** не будетъ.

Кн. Напротивъ! Я бы очень желалъ, чтобы и онъ былъ приглашенъ.

Ж. По душѣ и чувствамъ не могу этого сдѣлать!

Кн. Ваша воля!

Князь пріѣхалъ къ обѣду. Приглашены были: кн. Баратаевъ, губернской предводитель Бестужевъ, Ивашевъ, Шулигъ, начальникъ симбирскаго комиссаріата, Столыпинъ, почетный попечитель губернской гимназіи и Бенардаки. За столомъ былъ разговоръ о хлѣбной торговлѣ и о томъ, какъ бы уравнять курсъ монеты повсемѣстно—предметъ, выполненный чрезъ три года послѣ этого.

Въ этотъ же день, до обѣда, князь былъ у «возмутителей», говорилъ съ каждымъ по одиночкѣ изъ нихъ и теперь просилъ меня отпустить ихъ домой. Но я отвѣчалъ, что я имѣю другое намѣреніе—содержать ихъ заложниками, до окончанія дѣла, и если ему будетъ это нуженъ изъ нихъ на мѣстѣ, куда онъ поѣдетъ, то чтобы приказалъ, я отправлю его съ нарочнымъ. На другой день мнѣ объявили, что кн. Лобановъ и Б*** выѣхали по утру въ 4 часа.

На слѣдующее утро, когда я занимался еще въ кабинетѣ дѣлами, въ 9-ть часовъ доложили мнѣ, что отъ кн. Лобанова присланъ удѣльный чиновникъ. Когда я приказалъ допустить его къ себѣ, по торжествующей минѣ его я заключилъ, что встрѣтилось что-то необыкновенное, клонящееся не въ мою пользу! На вопросъ мой: «что новаго?» онъ объяснилъ мнѣ, что кн. Лобановъ отправился не прямо въ Буинскій уѣздъ, гдѣ началось волненіе, а въ другую волость Симбирскаго уѣзда, по той причинѣ, чтобы дать время въ первую прибыть военной командѣ, сегодня только еще выступившей. Волость, въ которую поѣхалъ князь, отстояла отъ Симбирска на 65 верстѣ. Онъ пріѣхалъ туда въ воскресенье утромъ часовъ въ восемь и нашелъ тамъ симбирскаго исправника и удѣльнаго чиновника, объявлявшихъ крестьянамъ указъ губернскаго правленія о послѣдовавшемъ высочайшемъ повелѣніи, чтобы у нихъ была запашка. Когда князь пріѣхалъ, народу было мало, но и тѣ стали расходиться, говоря, что многихъ нѣтъ, что старѣйшіе изъ нихъ уѣхали въ городъ, на базаръ, и что они, безъ нихъ оставшіеся, ничего порѣшить не могутъ. Князь и Б*** стали увѣщевать ихъ къ немедленному повиновенію и наконецъ, частью убѣжденіями, а частью и угрозами заставили сдѣлать нарѣзку земли для общественной запашки, обязавъ ихъ подпискою, что запашку они сдѣлаютъ, когда возвратятся съ торгу остальные и, распорядясь такимъ образомъ, отправились

далѣ, въ ту волость, куда была направлена команда. Но едва они туда прибыли, какъ сей же часъ, вслѣдъ за ними, отъ симбирскаго исправника прибылъ нарочный и привезъ съ собою настоящій рапортъ..... Тутъ удѣльный чиновникъ съ улыбкою подалъ мнѣ бумагу. Это былъ точно рапортъ исправника къ Лобанову, въ которомъ онъ писалъ: «что по отбытіи его, князя, изъ волости, народу набралось до 1000 душъ. Съ шумомъ и съ крикомъ началось между ними сильное волненіе. Одни говорили—надо исполнять, мы дали слово губернатору, другіе кричали — чему вы вѣрите! это подложный указъ и васъ обманываютъ! Наконецъ, иные стали утверждать, что съ Б*** пріѣзжалъ какой-то родственникъ его, котораго и прежде у него видали, и все это обманъ!» Когда исправникъ хотѣлъ властью своею ихъ успокоить и привести къ повиновенію, то всѣ рѣшительно закричали: «Пусть будетъ—что будетъ! А мы запашки не хотимъ и не дадимъ собственной земли нашей». Въ концѣ исправникъ прибавлялъ, что онъ долженъ былъ немедленно выѣхать въ ближайшее селеніе и тамъ ждалъ приказаній.

— Что же приказалъ князь сказать мнѣ? спросилъ я чиновника.

«Ничего болѣе, какъ изволилъ сказать: сей же часъ поѣзжайте къ вашему губернатору и отдайте ему эту бумагу. А на дорогѣ, если встрѣтите воинскую команду и жандармовъ, прикажите поспѣшать на подводахъ».

— Гдѣ же вы встрѣтили команду?

— «На первомъ назначенномъ ночлегѣ. Но я приказалъ имъ только отдохнуть и пообѣдать, а потомъ, взявъ подводы, поспѣшить далѣе и сегодня къ вечеру, или завтра утромъ, они должны быть уже на мѣстѣ».

Вида, что и кн. Лобановъ недоволенъ мною, я приказалъ чиновнику чрезъ часъ явиться за отвѣтомъ, самъ же немедленно далъ предложеніе губернскому правленію, что выѣзжаю въ удѣльныя имѣнія; Лобанову донесъ—что часу въ третьемъ буду тамъ, откуда онъ получилъ рапортъ симбирскаго исправника, написалъ форменное донесеніе, въ обыкновенно принятомъ мною порядкѣ, министру, ибо на другой день отходила почта и, отслуживъ св. угоднику Митрофанію молебень, въ 10¹/₂ час. поспекалъ куда назначилъ. Со мной былъ одинъ чиновникъ для письма, жандармъ и камердинеръ. Въ означенную волость я пріѣхалъ ровно въ 3 часа пополудни.

Подъѣзжая къ деревнѣ, я увидѣлъ кучу народа, идущую ко мнѣ на встрѣчу, и, оглянувшись назадъ, нашелъ, что за коляской моею стоитъ татаринъ, который на вопросъ мой—что ему надо? отвѣчалъ: «я здѣшній,—вотъ идутъ наши!» «Сдѣлали вы запашку?» «Нѣтъ еще!

Мы ждали собственно тебя сюда». «А почему же знали, что я буду?» «Какъ не знать! И у насъ есть нарочные!» Видя такое прекрасное распоряженіе, и со стороны настоящихъ противниковъ уже моихъ лично, я остановилъ экипажъ, вышелъ изъ него, приказавъ ему слѣдовать поодаль, а самъ отправился къ толпѣ.—Какъ скоро увидали татары, что я иду—они остановились. Нѣкоторые стали на колѣни, но всѣ вообще сняли шапки, по голосу въ толпѣ: «снимай шапки! Губернаторъ!» За этимъ водворилась совершенная тишина. «Ступайте всѣ къ волостной избѣ, здѣсь я не хочу говорить съ вами». Всѣ двинулись молча. На вопросъ мой: «Мулла здѣсь?» отвѣчали: «въ деревнѣ». «Немедленно призвать его ко мнѣ! У входа въ деревню, встрѣтилъ меня голова, изъ казенныхъ русскихъ, съ печальнымъ видомъ.

На вопросъ мой: «Что это у васъ дѣлается?»—«Одинъ Богъ знаетъ, ваше пр—во, какъ все это кончится», отвѣчалъ онъ. Когда я вошелъ въ волостную избу, явился мулла. Оставшись съ нимъ наединѣ, я сталъ его спрашивать и упрекать—почему онъ не употребилъ своего духовнаго вліянія на народъ къ устройству дѣла. Онъ возразилъ мнѣ, что его вліяніе на другихъ гораздо слабѣе, нежели тѣхъ, которые бунтуютъ нарочно... Я приказалъ, чтобы онъ назвалъ мнѣ поименно тѣхъ, которые волнуютъ другихъ и, по мнѣнію его, сильнѣе его вліяніемъ. Онъ не хотѣлъ отвѣчать. «Ну такъ я примусь за тебя и тебя перваго на дерево!».. Испугавшись, онъ сказалъ: «я вамъ назову стариковъ, которыхъ татары болѣе другихъ уважаютъ и слушаютъ. Но не скажу, что они бунтуютъ другихъ, ибо это было бы несправедливо!» Мнѣ этого и хотѣлось—и по его указанію, я записалъ семь именъ, на лоскуткѣ бумаги; затѣмъ приказалъ муллѣ выйти въ другую комнату, смежную съ той, гдѣ я былъ, чтобы онъ прежде меня не могъ выйти къ народу, позвалъ голову, съ которымъ повелъ разговоръ въ подобномъ же тонѣ, домогаясь, чтобы онъ указалъ мнѣ на зачинщиковъ или на тѣхъ, которые имѣютъ вѣсь на мнѣніе общее. Онъ мнѣ указалъ многихъ, и между ними находились всѣ семеро, записанные мною, по указанію муллы. Тогда я вызвалъ муллу изъ комнаты, приказалъ ему объявить народу, что я хочу говорить съ нимъ, а семерыхъ, записанныхъ мною, вызвать изъ толпы и приказать имъ стать ближе ко мнѣ, впереди другихъ. Затѣмъ умывши лице, я пошелъ къ народу, но въ сѣняхъ, рядомъ съ головою, увидѣлъ стоявшаго человѣка въ синемъ сюртукѣ. «Писарь головы?» спросилъ я.—Нѣтъ! удѣльный чиновникъ.—«Зачѣмъ безъ мундира?»—У насъ не положено, чтобы мы были въ мундирахъ при исполненіи дѣлъ нашихъ, по имѣніямъ.—«Вонъ отсюда, вскричалъ я, если не имѣете мундира!...» Замѣтя, что записка моя осталась на

столѣ, я вернулся въ комнату и взялъ ее; на все это потребовалось не болѣе пяти минутъ времени; выйдя же опять на улицу, первое лицо, которое я встрѣтилъ, былъ тотъ же чиновникъ, но уже въ мундирѣ! Не обращаясь еще къ народу, я рѣзко обратился къ нему съ выговоромъ и съ сердцемъ закричалъ: «Не это бунтовщики! А тотъ кто не уважаетъ начальство, служа самъ государю!» Тебя первого надо повѣсить на воротахъ, въ примѣръ имъ! А съ ними я управляюсь немедленно!»

Народъ весь подался ближе ко мнѣ и нѣкоторые оставались въ шапкахъ; я выеликнулъ по запискѣ. «Я хочу говорить съ вами, отъ имени государя! Всѣ шапки долой и на колѣни!» Немедленно исполнено. Затѣмъ я продолжалъ: «вамъ было объявлено начальниками, что у васъ слѣдуетъ завести общественную запашку, для вашей же пользы, какъ и у удѣльныхъ крестьянъ? Нѣкоторые изъ васъ тому воспротивились, утверждая, что на это нѣтъ воли государя!» Я всѣхъ васъ и виноватыхъ и невинныхъ взялъ подъ мою защиту и просилъ прямо государя объявить, чрезъ меня, его волю. Вамъ вчера объявленъ указъ государевъ, но вы себя оказали ослушниками и теперь всѣ вы преступники! И, на бѣду, я васъ защищать уже не могу. Вы сдѣлали меня самого передъ государемъ обманщикомъ! Я ручался за всѣхъ васъ! Государь послалъ отъ себя довѣреннаго вельможу повѣрить слова мои. Вы и его ослушались, и теперь уже гнѣвъ государя со всею справедливостью падаетъ и на меня и на всѣхъ васъ! Вы думаете укрыть виновныхъ, прикрываясь не понимающими русскаго языка, но противъ этого у меня есть мѣра; тутъ я провозгласилъ семь именъ по запискѣ—продолжая: «вотъ у меня уже есть семь виноватыхъ, а изъ остальныхъ будетъ отвѣчать десятый! Хотите-ли вы повиноваться или нѣтъ? Будетъ-ли у васъ общая запашка?»—Нѣсколько голосовъ, въ томъ числѣ два или три изъ числа семерныхъ, отвѣтили: «будемъ дѣлать—что прикажешь». «Хорошо,—отвѣчалъ я, я немедленно это узнаю, и тутъ, взойдя въ середину толпы, я взялъ за воротъ одного молодого татарина и, выведя его впередъ, сказалъ: «я хочу наказать одного, чтобы показать, какъ я поступлю съ другими ослушниками», и, обратясь къ головѣ, приказалъ подать розогъ. Видно удѣльное начальство часто употребляло эту мѣру, ибо розги мигомъ явились на сцену! Стали раздѣвать избраннаго мною, который, съ блѣднымъ лицомъ, ожидалъ жестокаго наказанія. Но я, видя безусловную покорность, остановилъ исполнителей. «Довольно! сказалъ я. Я хотѣлъ только видѣть, какъ вы исполните мое приказаніе! Вотъ одинъ, котораго я прощаю именемъ государя! За него я беру отвѣтъ на себя лично. Но вы прочіе—всѣ преступники, за васъ я и просить

не берусь!...» Тутъ раздался общій крикъ: «Проси за насъ! Проси за насъ, губернаторъ! Мы всё будемъ тебя слушать! Прикажи! дома снимемъ и будемъ пахать на мѣстахъ ихъ». Молчать и слушать! крикнулъ я. «Я знаю все! У васъ уже у многихъ приготовлены подводы и уложено имущество, чтобы бѣжать, когда придетъ команда. Для этого я и команды не взылъ съ собой, а приѣхалъ одинъ. Вотъ видите—я посреди васъ. Любой можетъ пырнуть ножомъ въ меня! Но я вѣрный слуга государя—и не боюсь этого! на мѣсто мое назначать другаго. Будутъ отыскивать и отыщутъ виноватаго! Бѣжавши, земель своихъ не увезете съ собою; поймаютъ на другомъ концѣ Россіи, потянутъ къ допросу, накажутъ, а землю уже не возвратятъ и вмѣсто временнаго занятія участка подъ общую запашку, земля ваша навсегда останется казенною. Въ Симбирской губерніи жителей много, а земель мало, найдутъ кѣмъ разрабатывать. Что же касается меня, пока я живъ, я столь строгій и точный исполнитель воли моего государя, что если бы онъ приказалъ мнѣ виновныхъ всѣхъ перевѣшать на собственной моей кожѣ, я бы это исполнялъ до той минуты, пока послѣдній вздохъ былъ въ тѣлѣ моемъ.—Будете-ли вы пахать?»—«Сей же часъ будемъ и вотъ увидишь самъ какъ это сдѣлаемъ!»—«Посмотрю».—Тутъ я приказалъ всѣмъ отправиться къ дѣлу, оставя при себѣ лишь молодаго татарина, котораго хотѣлъ наказывать и котораго, послѣ прощенія, отецъ принуждалъ лизать пыль съ моихъ сапогъ, до чего, разумѣется, я не допустилъ его; я сказалъ ему, чтобы когда все будетъ готово, то чтобы онъ проводилъ меня туда, гдѣ будутъ пахать. Войдя въ комнату, нашелъ, что еще не было и 4-хъ часовъ пополудни, такъ мало потребовалось времени къ обороту дѣла. Черезъ четверть часа явился мой провожатый и я пошелъ съ нимъ черезъ все селеніе, раскинутое, какъ вообще всѣ татарскія селенія, на большомъ пространствѣ. Моему чиновнику, жандарму и исправнику (который въ это время прибылъ) я приказалъ остаться въ волостной избѣ. Проходя селеніе, я замѣтилъ, что изъ-за плетней выглядываютъ головы. На вопросъ мой—кто это? проводникъ отвѣчалъ: «бабы наши!»—Съ бородами? спросилъ я. (Я видѣлъ много мужицкихъ головъ). «А это ваши каштаны! т. е. удалые, которыхъ у насъ такъ называютъ». «Скликать ихъ ко мнѣ, зачѣмъ нейдутъ?»—«Боятся». «Скажи имъ—напрасно. Я другъ всѣмъ тѣмъ, кто меня слушаетъ!» Пока дошли мы до конца селенія, отъ котораго нарѣзаемая земля еще была верстахъ въ двухъ, каштановъ собралось около меня человѣкъ до сорока и я съ ними дружески пустился въ разговоры и, между прочимъ, спросилъ у нихъ, сколько деревень приписано къ этой волости; узнавши, что 10, приказалъ имъ, чтобы сейчасъ изъ нихъ «удалыхъ» 9 человѣкъ

поѣхали бы въ каждую деревню и выслали бы стариковъ ко мнѣ. Все это было мгновенно исполнено.

Придя на мѣсто запашки, я нашелъ, что оную уже начали. Крестьяне плугами живо бороздили изъ одного конца въ другой, съ пѣснями и веселыми лицами. Потомъ пошли бороны и начался засѣвъ, такъ что чрезъ полтора часа, 12 десят. земли вспахано, взборонено и засѣяно, какъ ни въ чемъ не бывало! Рабочіе, окружавшіе меня, постоянно твердили: «проси, чтобы государь простилъ ихъ всѣхъ!» Для меня же были приготовлены: арба, укладенная вся пуховиками и устланная большимъ ковромъ, и верховой конь, съ богатымъ татарскимъ уборомъ, съ просьбой ѣхать на чемъ мнѣ будетъ угодно. Тутъ же я нашелъ и своихъ чиновниковъ.

На возвратномъ пути, при входѣ въ селеніе, я встрѣтилъ посланцевъ изъ ближайшихъ деревень, всѣхъ на колѣняхъ, умоляющихъ меня о прощеніи, съ увѣреніемъ и съ просьбой провѣрить лично, что и у нихъ точно также и охотно производится запашка. Поблагодаривъ ихъ за успокоеніе меня своимъ повиновеніемъ, я сказалъ: «что теперь буду просить за нихъ государя, но за усѣхъ ручаться не могу, ибо чрезъ нихъ я уже утратилъ къ себѣ довѣренность!» Затѣмъ спросилъ голову, приготовлена-ли мнѣ квартира? Онъ отвѣчалъ, что въ волостной избѣ—мы всѣ были въ это время посреди селенія, а та изба была у противнаго конца. «Далеко, сказалъ я, нѣтъ-ли тутъ поближе дома? Это чей домъ?» Явился хозяинъ. «Пусти меня ночевать къ себѣ». Онъ бросился къ ногамъ моимъ. «Осчастливъ меня, губернаторъ, этимъ!» и я направился къ дому. Немедленно написалъ къ Лобанову обо всемъ, какъ было; спрашивалъ его нужно-ли, чтобы я прибылъ какъ губернаторъ туда, гдѣ онъ дѣйствуетъ, и донесеніе это отправилъ съ жандармомъ. Жандармъ вернулся ко мнѣ съ отвѣтомъ Лобанова въ 3-мъ часу ночи и привезъ мнѣ два номера. Въ первомъ, въ 6 часовъ пополудни, Лобановъ писалъ, что, прибывъ въ волость, онъ нашелъ упрямое сопротивление лашманъ и ожидаетъ только команды, которая прибудетъ часа черезъ два. Во второмъ-же, въ 10 часовъ вечера, онъ писалъ: «по прибытіи команды, когда были приняты мѣры наказать главныхъ ослушниковъ, татары, въ большомъ количествѣ, высыпали даже изъ окрестныхъ селеній съ топорами, косами и колыями. Нѣкоторые тутъ же были схвачены и крѣпко наказаны. Но часовъ около 9-ти волненіе стало утихать и когда пріѣхалъ отъ меня жандармъ, всѣ уже разошлись по домамъ, съ обѣщаніемъ на завтра повиноваться безпрекословно... Розыскивая причину, онъ узналъ, что прежде жандарма, пріѣхали отъ той волости, гдѣ я былъ, два татарина и, узнавъ отъ нихъ, что ихъ сельчане по-

винуются мнѣ—порѣшили и имъ тоже слушать!». Князь благодарилъ за мое распоряженіе и присовокупилъ, что теперь нѣтъ никакой надобности мнѣ затруднять себя лишнимъ проѣздомъ къ нему. Объ удѣльномъ чиновникѣ, о которомъ я тоже откровенно писалъ ему, онъ распорядился посадить его подъ арестъ на двѣ недѣли на хлѣбъ и воду.

Возвратясь въ Симбирскъ по утру, къ 9-ти часамъ, во вторникъ, еще до ухода почты, я успѣлъ обо всемъ написать новое донесеніе министру, не взявъ старыхъ донесеній моихъ съ почты, ибо я всѣ подробности передавалъ съ помѣткою числа и часа, слѣдовательно, они все-таки должны были отправленными.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Симбирскъ и кн. Лобановъ-Ростовскій, который между тѣмъ объѣхалъ и другія лашманскія волости, тоже и въ Курмышевскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ находилъ небольшое волненіе и колебательство, но вездѣ оканчивалось покорностью и, не болѣе какъ въ 10 дней, у лашманъ запашка устроилась. Теперь оставалось дѣло въ окончательномъ объясненіи со мной.

Кн. П. М. Волконскій требовалъ, чтобы Лобановъ спросилъ у меня, отчего я не поѣхалъ лично, при самомъ началѣ возмущенія, на мѣсто, гдѣ оно возникло? Лобановъ деликатничалъ дать мнѣ письменный запросъ объ этомъ, но я сказалъ ему, что я вовсе не вижу ничего тутъ необыкновеннаго, я готовъ отвѣтить на все, но только мнѣ не понятно одно: какъ такая близкая особа въ государю можетъ объяснить его волю своимъ подчиненнымъ—сегодня такъ, а завтра иначе! Лобановъ ничего не сказалъ на мое замѣчаніе, но двѣ недѣли я не получалъ отъ него запроса. Видно было, что онъ писалъ о разговорѣ со мною къ кн. Волконскому, но потомъ прислалъ бумагу, заключающую въ себѣ: «что я, для рѣшительнаго окончанія возмущенія, былъ лично въ одной волости и тѣмъ тотчасъ прекратилъ волненіе, то почему не рѣшился я, при самомъ началѣ, употребить сію мѣру въ другомъ мѣстѣ?» Я отвѣчалъ рѣзко и рѣшительно: выставляя въ началѣ статьи закона о полицейской власти, потомъ первое сообщеніе мнѣ о лашманскихъ земляхъ, какъ ихъ собственности, наконецъ, оставя весь ходъ происшествія, присовокупилъ: «что Б*** въ первомъ своемъ отношеніи ко мнѣ, прописавъ о высочайшей волѣ, чтобы у лашманъ была общественная запашка, обманулъ меня! Прежде онъ сообщилъ мнѣ, что его начальство объяснило ему, какъ слѣдуетъ взирать на подчиненіе ему лашманъ, что противорѣчило съ послѣднимъ его требованіемъ. Я привыкъ высочайшее имя произносить только въ важныхъ дѣлахъ и всегда съ подобающимъ къ оному уваженіемъ, какъ

къ святинѣ, а лапманамъ объявить высочайшую волю по обманному отношенію Б*** мнѣ было невозможно, ибо выполненіе онаго могло довести до пролитія крови, тогда меня же бы обвинили за легковѣріе, недоразумѣніе и жестокости. Да я даже и мыслить не смѣлъ, чтобы въ Россіи нашлось лицо, которое государеву волю подчиненному рѣшилось толковать сегодня такъ, а завтра другимъ образомъ». Это послѣднее выраженіе, какъ послѣ узналъ я, вооружило противъ меня совершенно кн. Волхонскаго и онъ даже просилъ государя отрѣшнить меня отъ должности и судить.

Отвѣтъ мой на запросъ, Лобановъ обѣщаль лично вручить государю, прибавивъ: «что у него на сердцѣ легче, ибо на словахъ передавать то, что я ему говорилъ, изъ опасенія возстановить противъ себя Волхонскаго—онъ не рѣшился бы.

Слѣды сего дѣла однако же все еще оставались въ рапортѣ симбирскаго исправника, гдѣ было поименовано нѣсколько лицъ въ явномъ ослушаніи, да и кн. Лобановъ въ первомъ письмѣ назвалъ нѣсколькихъ, болѣе упорствовавшихъ. О нихъ, чрезъ губернское правленіе, поручено было совѣтнику онаго, произвести слѣдствіе и предложено дѣлу дать ходъ по формѣ. Кн. Лобановъ, конечно, послалъ отъ себя донесеніе, а самъ еще оставался для объѣзда и осмотра корабельныхъ лѣсовъ въ Курмышскомъ уѣздѣ, по особому отъ государя порученію. Всего прожилъ онъ въ Симбирской губерніи недѣль шесть. По отъѣздѣ его, я получилъ отъ министра извѣщеніе, что государь предоставилъ окончателъную расправу съ обвиненными произвести самому удѣльному начальству, по его усмотрѣнію. Форменное судопроизводство о семъ дѣлѣ прекратить. Потомъ, чрезъ нѣсколько дней, вторично извѣстилъ меня, что по представленію управляющаго удѣльною конторою, чтобы 10 человекъ лапманъ сдать въ рекруты, одного сослать въ Сибирь, а около 60-ти человекъ, наказавъ розгами, оставить на мѣстѣ жительства; по докладу кн. Волхонскаго, государь изъявить изволилъ на первыя двѣ статьи свое соизволеніе, но прочихъ приказалъ не наказывать тѣлесно, а объявить имъ присужденное наказаніе и выдержать ихъ въ тюрьмѣ мѣсяць. Впослѣдствіи тѣ, которые содержались въ Симбирскѣ, просидѣвъ въ острогѣ около 5 дней, прощены были лично государемъ, во время посѣщенія имъ острога.

Когда я уже былъ перемѣщенъ въ Витебскъ, одинъ изъ симбирскихъ помѣщиковъ показывалъ мнѣ два письма начальника штаба корпуса жандармовъ Дубельта и одно отвѣтное свое. Въ первомъ Дубельтъ писалъ, что «правительство очень неспокойно на счетъ свѣдѣній, доходящихъ изъ Симбирска о возмущеніи лапманъ, тѣмъ

болѣе, что управляющій удѣльною конторою утверждаетъ, что они бунтуютъ, а губернаторъ говоритъ противное — просилъ увѣдомить откровенно, которое показаніе справедливо». Тотъ отвѣчалъ: «Мы и сами рѣшительно въ такомъ же недоумѣніи, какъ и вы въ Петербургѣ! Слышимъ и думаемъ, что все готово вспыхнуть. Точно какъ сидимъ надъ бочкою пороха, съ зажженнымъ фитилемъ. Но смотря на почтеннаго начальника нашего, спокойно занимающагося своимъ дѣломъ, и мы пока покойны! А что будетъ впередъ—Богу извѣстно». На сіе письмо Дубельтъ извѣстилъ, что оно чрезъ $\frac{1}{4}$ часа по полученіи онаго, чрезъ гр. Бенкендорфа оно было уже въ рукахъ государя императора и прибавлялъ: «Вы, почтенный родной, а равно и достойный вашъ губернаторъ, конечно, не посѣтуете на меня за сей поступокъ».... Изъ этого можно заключить, какъ обстоятельство сіе занимало правительство!

Въ томъ-же году, на масляной недѣлѣ, случилось со мной необыкновенное происшествіе. Въ Симбирскѣ жилъ нѣкто генералъ-майоръ графъ Толстой. Кн. Баратаевъ, наконецъ, устроилъ свадьбу своей дочери съ кн. Дадьяномъ, (о немъ говорено по случаю смѣны Загряжскаго). У кн. Дадьяна въ качествѣ посаженнаго отца былъ я, а шаферомъ графъ Толстой. Чрезъ день послѣ свадьбы, я пригласилъ молодыхъ обѣдать къ себѣ. За столомъ всего находилось до 15-ти человекъ, изъ близкихъ Баратаеву и Дадьяну лицъ. Какъ-то случилось, что разговоръ коснулся до храбрости. Я, разсуждая о семъ предметѣ, сказалъ между прочимъ: «я не знаю, какой родъ храбрости предпочтительнѣе: пылкій или холодный. Мнѣ случилось видѣть въ сраженіи два лица, оба извѣстныя у насъ въ Россіи своимъ мужествомъ: кн. Яшвиль и Ермоловъ. Первый, въ пылу сраженія, какъ истинный азіатецъ, бросается на штыки и пушки и его ничто не удержитъ. Но за то уже въ эту минуту никто и не подступай къ нему съ вопросами! Отъ него другаго отвѣта, кромѣ ругательствъ, не услышишь. Ермоловъ—совершенно напротивъ. Лицо блѣдное, длинное. Глаза точно въ горячкѣ. Богъ знаетъ, что у него на душѣ! А если кто въ это время приблизится къ нему по дѣлу—онъ, кажется, готовъ съѣсть взоромъ. Но выслушавъ, отвѣчаетъ рѣзко и такъ положительно, что никакихъ дополнительныхъ поясненій уже не требуется».

На другой день, поутру, приносятъ мнѣ письмо съ докладомъ: отъ гр. Толстаго. Читаю: «М. г., вамъ извѣстно, что я служилъ адъютантомъ при генералѣ Ермоловѣ. Вчерашняго числа, за обѣдомъ, при множествѣ постороннихъ, въ обидныхъ выраженіяхъ коснулись вы до сего почтеннѣйшаго моего начальника, а потому я считаю обязанностью просить объясненія вашего: по какому поводу вамъ угодно

было ему и мнѣ нанести оскорбленіе?» Я не повѣрилъ своимъ глазамъ и прочелъ въ другой разъ. Тутъ я вспомнилъ, что слышалъ когда-то разныя исторіи о рубаѣ Толстомъ, бывшемъ при Ермоловѣ—и вышло, что я, вовсе не взначай, наткнулся на него. Имѣя у себя множество писемъ Ермолова, писанныхъ имъ ко мнѣ, во время его отставки, когда я служилъ въ Тулѣ—и гдѣ во всякомъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, выражалъ ко мнѣ свое личное уваженіе, я взялъ изъ нихъ одно и отвѣчалъ Толстому: «М. г. мой! Я не постигаю, что могло подать поводъ письму вашему ко мнѣ! Объ Ермоловѣ я не думалъ да и не могъ никогда не выгодно отзываться. Лучшимъ доказательствомъ къ тому можетъ служить влагаемое здѣсь письмо, взятое безъ выбора изъ многихъ мнѣ принадлежащихъ. Одно высокое уваженіе къ Алексѣю Петровичу вынудило меня отвѣчать на ваше посланіе, а иначе я бы оставилъ оное безъ малѣйшаго вниманія. Прилагаемое же письмо прошу возвратить мнѣ. Вашъ покорный слуга». Послѣ этого, на другой день вечеромъ, на балѣ у помѣщика Родіонова, встрѣтился я еще разъ въ жизни съ этимъ графомъ. Я показалъ видъ, что его не замѣчаю, но онъ привѣтствовалъ меня самымъ уважительнѣйшимъ поклономъ, а письмо Ермолова доставилъ ко мнѣ обратно кн. Дадьянъ.

Послѣ отъѣзда кн. Лобанова, въ скорости прибылъ въ Симбирскъ завѣдывающій дѣлами государыни императрицы по богоугоднымъ заведеніямъ, статсъ-секретарь Николай Михайловичъ Лонгиновъ. Я встрѣтился и познакомился съ нимъ въ Корсунѣ, во время бытности моей тамъ для ревизіи. Онъ пробылъ между нами трое сутокъ; у меня обѣдалъ и провелъ два вечера. Само по себѣ разумѣется, что главная цѣль его была осмотръ дома Трудолюбія, чѣмъ онъ не могъ быть недоволенъ, ибо еще по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя прежде того доходили о семъ заведеніи до С.-Петербурга, онъ привезъ кн. Баратаеву лестный рескриптъ императрицы съ брилліантовымъ перстнемъ. Наканунѣ выѣзда своего изъ Симбирска, онъ убѣдительно просилъ меня дать ему какое-либо порученіе въ Петербургъ. Долго я отказывался за неимѣніемъ какихъ либо порученій, но онъ все настаивалъ на своихъ словахъ. Наконецъ, я ему сказалъ: Ну вотъ, ваше пр—во! Вы сами напрашиваетесь, а если я васъ стану просить—вы готовы будете отступить отъ своего слова.

— Попробуйте! Я увѣряю васъ, что нѣтъ!

Здѣсь въ Симбирскѣ есть нѣкто княжна Тамара, фрейлина ея императ. вел—ва, сосланная сюда изъ Грузіи на жительство, лѣтъ 6 тому назадъ, по поводу открытаго въ Тифлисѣ заговора грузинскихъ князей. Я ничего не буду говорить объ образѣ жизни сей

несчастной страдальцы! Ваше пр—во, изъ разговоровъ нашихъ знаете, что въ Симбирскѣ, какъ и во всякомъ губернскомъ городѣ, есть различныя партіи. Не уважу вамъ ни на одно лицо, но изъ всѣхъ партій спросите, по вашему выбору, любое: какого онъ мнѣнія о княжнѣ Тамарѣ? а потомъ взвѣсьте мою просьбу. Она писала по нѣскольку разъ къ гр. Бенкендорфу, къ барону Розену, ко всѣмъ. Отъ всѣхъ одинъ отвѣтъ: «Не могу принять на себя доклада о васъ государю». Побывайте у нея и рѣшите сами, что можно для нея сдѣлать.

— «Поѣдьте вмѣстѣ туда сейчасъ, сказалъ Н. М. Лонгиновъ, но я отказался, отозвавшись, что я начальникъ губерніи, у котораго она подѣ наблюдениемъ и, можетъ быть, имѣетъ поводъ къ жалобѣ на мои распоряженія. Лонгиновъ поѣхалъ.

Послѣдствіями этого было письмо Лонгинова ко мнѣ изъ Москвы, а послѣ проѣзда государя—дозволеніе возвратиться въ домъ свой.

Княжну Тамару я лично не видалъ, но, за три дня до выѣзда моего, она пріѣзжала благодарить мою жену и привезла двѣ крупныя жемчужины, въ видѣ серегъ, и золотую цѣпь «на память для моей дочери». Жена моя имѣла неосторожность принять подарокъ, но въ тотъ же день должна была отвезти оныя обратно.

XXVII.

Пріѣздъ въ Симбирскъ императора Николая Павловича.—Разговоръ государя со мною.—Представленіе дворянства и чиновниковъ.—Гр. А. Х. Бенкендорфъ.—Посѣщеніе государемъ больницы.—Осмотръ острога.—Осмотръ города.—Домъ трудолюбія.—Посѣщеніе казармъ кантонистовъ.—Маленькій еврей.—Проектъ государя относительно набережной.—Опасный подъемъ на гору.—Вѣрность глаза и необыкновенная память государя.—Обѣдъ въ кабинетѣ государя.—Мнѣніе государя о корабельныхъ лѣсахъ.—Отъѣздъ государя.—В. Ѳ. Адлербергъ.—Случай подѣ Чембарами.—Мой отъѣздъ изъ Симбирска.

Въ половинѣ іюля мѣсяца (1836 г.) получено было мной официальное извѣстіе, что государь изволитъ быть, проѣздомъ, въ Симбирскѣ 25-го августа, но съ тѣмъ вмѣстѣ, по его волѣ, дано знать, чтобы къ приему его никакихъ приготовленій не дѣлалось. Извѣстивъ о семъ бумагою губернскаго предводителя, я слышалъ отъ него, что нельзя же вовсе ничего не сдѣлать для такого высокаго и необыкновеннаго гостя, и положили, чтобы онъ частными письмами извѣстилъ о семъ предстоявшемъ событіи уѣздныхъ предводителей, съ тѣмъ, чтобы живущіе въ губерніи дворяне оповѣщены были, хотя подѣ рукой, объ этомъ. Съ своей же стороны, я долженъ былъ распорядиться на счетъ приготовленія лошадей подѣ экипажъ и свиту

государя. Для сего единственнаго предмета, я пригласилъ къ себѣ губернскаго предводителя Б***, управляющаго удѣльною конторою Б*** (который самъ не прибылъ, а прислалъ своего помощника) и губернскаго почтмейстера. Когда началось совѣщаніе, я предоставилъ каждому изъ нихъ изложить свое мнѣніе прежде меня, и въ заключеніе уже, согласивъ общія каждаго изъ нихъ указанія, объявилъ свою мысль. Всѣ трое, единогласно, оную одобрили. Составили журналъ, подписали и въ ту-же минуту приказали напечатать наше постановленіе и изготовить предписанія кому слѣдовало о приведеніи всего въ исполненіе.

Вдругъ, на другой день, являются ко мнѣ губ. предводитель Б*** и губ. почтмейстеръ, и первый изъ нихъ, извиняясь, что онъ поспѣшилъ своимъ мнѣніемъ, а теперь, раздумавши хорошепъко, предлагаетъ мнѣ другой планъ свой, съ которымъ согласенъ и губернской почтмейстеръ. Я отвѣчалъ, что сдѣланное постановленіе уже приводится въ исполненіе и бумаги по оному отправлены. Г. Б*** сталъ говорить, что есть еще время перемѣнить и можно послать другія предложенія, но я объявилъ, что я уже не согласенъ, да и управляющій удѣльною конторою тоже можетъ не согласиться, ибо его довѣреннымъ постановленіе тоже подписано вмѣстѣ съ нами. Б*** сталъ видимо горячиться; я хладнокровно возразилъ: «Всю отвѣтственность за сдѣланное я беру лично на себя»,—и онъ уѣхалъ отъ меня, огорчившись. Губернскій же почтмейстеръ объявилъ мнѣ, что онъ самъ вовсе не подумалъ бы объ измѣненіи прежняго изложенія, но что губ. предводитель присылалъ за нимъ и что онъ засталъ у него нѣкоторыхъ дворянъ, которыхъ назвалъ по именамъ (всѣ партіи Андреа Б***), которые съ крикомъ настаивали, чтобы губернской предводитель далъ другое направленіе наряду лошадей къ чему и его убѣждали, и такимъ образомъ, оба они вынуждены были, такъ сказать, ѣхать ко мнѣ съ новымъ предложеніемъ.

Въ первыхъ числахъ августа, стали сѣзжаться въ Симбирскѣ дворяне. Я говорилъ выше, что, по окончаніи лашманской исторіи, я повторилъ къ министру просьбу объ увольненіи меня изъ губернаторской должности и въ письмѣ именно сказалъ, что не хочу быть въ отвѣтъ за Б***, не имѣя вліянія на его личныя разсужденія. 12-го августа, вечеромъ, я получилъ частное письмо отъ Д. Н. Блудова, что государь, безъ всякаго со стороны его доклада, назначилъ меня губернаторомъ въ Витебскѣ, съ чѣмъ поздравлялъ меня, объясняя, что это сдѣлано какъ знакъ особой довѣренности, ибо тамъ нужно было для управленія довѣренное лицо. При чемъ, излагая мнѣніе, что онъ находитъ неудобнымъ въ такомъ случаѣ представ-

лать о желаніи моемъ вовсе не быть губернаторомъ, спрашиваетъ, хочу ли я настаивать на моей просьбѣ? На другой день я отвѣчалъ, что готовъ выполнить волю и новое назначеніе государя. Письмо это я содержалъ въ тайнѣ, тѣмъ болѣе, что оглаской его боялся помѣшать рѣшительнымъ мѣрамъ полицейскаго приуготовленія для проѣзда государя. Но слухъ о моемъ перемѣщеніи въ тотъ же день началъ распространяться въ высшемъ кругу дворянства. Андрей Б*** съ эстафетою получилъ это извѣстіе изъ Петербурга и сталъ говорить своимъ, по секрету, что это сдѣлано чрезъ кн. Волконскаго, по его, Б***, настояніямъ за лапманское дѣло.

15-го августа, прокуроръ Ренкевичъ, прибывшій къ своему мѣсту не болѣе 2-хъ недѣль, человѣкъ благородныхъ правилъ и образованный, посѣтивъ меня, спросилъ, знаю-ли я, что дворянство располагаетъ моимъ домомъ для принятія государя и что назначаетъ въ немъ хозяиномъ Андрея Б***? Я отвѣчалъ, что рѣшительно ничего не слыхалъ, да и вѣрить тому не хочу, но Ренкевичъ присовокупилъ, что хотя онъ самъ и не былъ въ дворянскомъ собраніи, но слышалъ навѣрное, что тамъ готовится постановленіе почти въ томъ смыслѣ, какъ онъ мнѣ сказываетъ.

16-го августа получаю бумагу отъ губернскаго предводителя, въ которой онъ пишетъ, что симбирское дворянство, желая достойно принять августѣйшаго путешественника, предположило устроить для успокоенія его домъ, занимаемый губернаторомъ. Для чего избрало изъ круга своего с. сов. Андрея Б***, какъ хозяина въ распоряженіяхъ, съ присвоеніемъ ему званія маршала, на что и просить моего согласія. Възбѣшенный, въ полномъ смыслѣ слова, такою выходкою, я сію же минуту послалъ запросъ г. губ. предводителю—получилъ-ли онъ увѣдомленіе мое, что государю не угодно никакихъ приготовленій къ его приему и кто въ нарушеніи буквальнаго смысла закона разрѣшилъ собраніе дворянства? Отвѣта я требовалъ немедленно для отправленія о томъ на встрѣчу государя моего донесенія.

Предводитель Бестужевъ перепугался и 17-го числа, не смотря на лихорадку, нѣсколько дней его мучившую, пріѣзжаетъ ко мнѣ, и у насъ завязался слѣдующій разговоръ:

Б. Ваше пр—во прислали мнѣ бумагу, на которую я вовсе не знаю, что мнѣ отвѣчать.

Ж. Ваше пр—во сами потребовали отъ меня такой бумаги!

Б. Вы видите, ваше пр—во, что я человѣкъ больной и теперь меня трясетъ лихорадка, я, быть можетъ, и сдѣлалъ ошибку, но вы хотите погубить меня!

Ж. Ни мало не думаю! Я, какъ начальникъ губерніи, долженъ

знать причину поступка вашего и дворянства, которое я всегда въ душѣ своей уважалъ и которымъ не подалъ повода меня шокировать!

Б. Шокировать васъ никто и никогда не думалъ! Но вы знаете сами, ваше пр—во, что къ вамъ доступъ весьма труденъ. Заговори съ вами о дѣлѣ несогласно съ вашимъ мнѣніемъ, вы тотчасъ распѣтушитесь!

Ж. Г. губернский предводитель дворянства! Вы проговорили!.. Я позволяю вамъ ваше слово взять назадъ — или не угодно-ли вамъ будетъ повторить его.

Б. (оробѣвъ). Я виноватъ, ваше пр—во! Простите моему болѣзненному состоянію. Я точно виноватъ и признаюсь въ этомъ.

Ж. Григорій Васильевичъ! Вы лучший свидѣтель, какъ я много и искренно уважаю симбирское дворянство. Я ничего не стану говорить въ укоризну за настоящій поступокъ, но признайтесь сами, что большаго неудовольствія и непріятности мнѣ нельзя было нанести! Всѣмъ извѣстна моя исторія съ вашимъ братомъ; онъ рассказываетъ въ слухъ, что смѣнилъ меня; я точно смѣненъ, но не по его настоянію. Знаю, что всегда найдутся легкомысленные и готовые потворствовать случайности, но въ настоящемъ дѣлѣ весьма ошибутся! На бумагу мою отвѣчайте: «ошибкою». Я все беру на себя и устрою. Но скажу вамъ откровенно, что это сдѣлаю при большомъ затрудненіи. Не я, жандармы донесутъ о происшествіи и государь, конечно, спроситъ меня объ этомъ,—что я долженъ отвѣчать? Я симбирскимъ дворянствомъ доволенъ, но семья не безъ уroda, и если онъ самъ спроситъ, чтобы я назвалъ ихъ, смѣло и откровенно назову двухъ или трехъ, которыхъ понимаю таковыми.

Съ этимъ я отпустилъ Б***.

Но едва онъ вышелъ отъ меня, какъ входитъ въ гостинную безъ доклада А. Б*** и привѣтствуетъ меня словами: «По выбору дворянства я назначенъ маршаломъ въ губернаторскій домъ, для приема государя! Почель долгомъ моимъ въ семъ званіи представиться вашему пр—ву.»

«Напрасно беспокоились, г. Б***!» отвѣчалъ я. Самозванцевъ я не признаю никакихъ. Во всякое другое время, я бы васъ, въ этомъ покоѣ, попросилъ бы садиться, а теперь, по русскому обычаю—скажу вамъ: «вотъ Богъ—а вотъ порогъ!»... Сконфуженный, не сказавъ ни слова, онъ въ ту же минуту вышелъ.

Григорій Б*** прислалъ бумагу, гдѣ называлъ собраніе дворянъ, «частнымъ собраніемъ» и прибавлялъ: «что на предложеніе дворянства, онъ хотѣлъ лично просить моего совѣта и согласія, но по случаю своей болѣзни, усилившейся еще внезапно до высшей степени, когда

объяснял сіе дѣло своему письмоводителю, тотъ, принявши оное за приказаніе, приготовилъ бумагу и далъ ему подписать, а потому просить у меня въ таковой ошибкѣ извиненія. Я отвѣчалъ ему, что хотя и состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы не дѣлалось нивакихъ приготовленій къ встрѣчѣ его величества, и желая оное буквально выполнить, я предполагалъ воспользоваться счастьемъ принять государя въ квартирѣ моей, при собственныхъ слабыхъ моихъ средствахъ; но какъ я получилъ частное извѣщеніе отъ министра вн. дѣлъ, что я перемѣщенъ уже въ другую губернію, и съ слѣдующей почтой ожидаю о томъ указа—то я съ благодарностью принимаю вниманіе симбирскихъ дворянъ устроить покой для государя въ губернаторскомъ домѣ, на свои средства. Желая оказать самъ сильный знакъ моего уваженія къ симбирскому дворянству, я соглашаюсь даже и на то, чтобы с. сов. Б*** замѣнилъ меня въ домѣ, какъ хозяинъ, но признать за нимъ, по сему предмету, какое либо званіе, я не считаю себя въ правѣ. Тѣмъ дѣло пока и кончилось.

19-го августа я получилъ указъ о моемъ перемѣщеніи и сдалъ начальство вице-губернатору. Того-же числа получилъ чрезъ Ивашева письмо отъ Н. М. Лонгинова изъ Москвы, вложенное въ пакетъ къ Ивашеву, не запечатаннымъ, въ которомъ Лонгиновъ отъ 9-го августа писалъ, что о перемѣщеніи моемъ онъ узналъ отъ государя лично, который выразился на мой счетъ при этомъ, что онъ знаетъ меня, какъ хорошаго человѣка и губернатора, и далъ мнѣ самую северную губернію, чтобы я оную исправилъ! О княжнѣ Тамарѣ поручилъ мнѣ, въ проѣздъ государя чрезъ Симбирскъ, напомнить ему чрезъ В. Ѳ. Адлерберга.

20-го августа пріѣхалъ ко мнѣ Симбирскій помѣщикъ отставной генераль-маіоръ фонъ-Блюмъ и въ разговорѣ со мной на счетъ сумятицы, происшедшей по случаю назначенія Андрея Б*** маршаломъ, спросилъ меня:

— «Правда-ли, что вы губернскому предводителю сказали: что вы назовете, если государь у васъ спроситъ, двухъ или трехъ уродовъ изъ симбирскаго дворянства?»

«Правда! отвѣчалъ я. Но какъ неостороженъ Б***, что то, что говорилось между нами, онъ распускаетъ въ обществѣ!»

— «Вчера вечеромъ, продолжалъ фонъ-Блюмъ, были толки объ этомъ въ собраніи и всѣ хотѣли, пріѣхавши къ вамъ, просить, чтобы вы этихъ уродовъ выставили бы лучше дворянству».

«Что-же положили окончательнаго?» спросилъ я.

— «Не знаю! Кажется, все осталось въ прежнемъ предположеніи».

«Я бы не совѣтывалъ имъ этого, сказалъ я. Пока я былъ сим-

бирскимъ губернаторомъ, я бы далъ отвѣтъ положительный. Теперь же, какъ частное лице, я не буду ничего отвѣчать обществу. А каждому отдѣльно готовъ отвѣчать мою личность!»

21-го августа прошло для меня безъ тревоги, но въ этотъ день пришло свѣдѣніе, что государь еще до Казани ускорилъ свой маршрутъ и что вмѣсто 25-го его должно ожидать 22-го или 23-го августа. Дворянство готовило для государя балъ на 25-е число. 21-го ничего еще не было готово, даже полы въ домѣ дворянства не были вымыты. Въ ночь съ 21-го на 22-е пронесся слухъ, что пріѣхалъ передовой фельдъегерь. Меня разбудили—но оказалось, что фельдъегерь проѣхалъ съ послѣдней станціи, предъ Симбирскомъ отъ Казани, косвеннымъ путемъ на первую-же станцію за Симбирскъ, къ Петербургу, и говорилъ на станціи, что государь пріѣдетъ къ намъ непремѣнно 22-го числа, поутру; вслѣдствіе чего, вставши въ 8 часовъ, я одѣлся такъ, чтобы на случай тревоги, мнѣ оставалось бы лишь накинуть одинъ мундиръ на плечи.

22-го августа, по утру около 7 часовъ, по случаю прекрасной погоды, я сталъ открывать окно въ гостиной — вдругъ вижу подъѣхала коляска Б***, въ которой сидѣли онъ и Блюмъ, оба въ мундирахъ. Заглянувъ еще въ окно, вижу цѣлую вереницу экипажей по улицѣ. Первая мысль: «объясненіе на счетъ уродовъ!» Бѣгу въ переднюю, чтобы отказать этотъ ранній визитъ, нахожу уже человѣкъ съ десять генералитета, въ мундирахъ и въ лентахъ. Служителей моихъ ни одного. Прошу извиненія, приглашаю въ гостинную, а самъ бѣгу надѣть мундиръ—и въ полной формѣ спѣшу встрѣтить. Въ залѣ и въ гостиной собралось болѣе 100 дворянъ. Обратившись къ Б***, я попросилъ его объяснить мнѣ, что за причина такого необыкновеннаго съѣзда ко мнѣ? Онъ едва могъ проговорить: «дворянство желаетъ, ваше пр—во, объясниться по случаю болѣзни моей, чрезъ г. сенатора Поливанова, а равно и мои чувства вмѣстѣ съ прочими».

Поливановъ началъ: «Симбирское дворянство, въ полномъ составѣ своемъ, которыхъ вы видите здѣсь, вмѣстѣ съ своимъ губернскимъ предводителемъ, возложило на меня быть ихъ общимъ отголоскомъ. Примите, ваше пр—во, благодарность за всѣ попеченія ваши о Симбирской губерніи и, въ особенности, за то вниманіе, которымъ не переставали ваше пр—во ни на минуту всѣхъ насъ удостоивать. Пусть эта благодарность будетъ самымъ искреннимъ пожеланіемъ при нашемъ съ вами разставаніи, и пусть она выразитъ, какъ мы сильно чувствуемъ утрату такого благороднаго и почтеннаго начальника, котораго мы теряемъ въ особѣ вашей!»

Возлѣ Поливанова стояли два помѣщика, на коихъ именно мѣтили

мои слова, сказанныя по огорченіи Б***, оба они въ одинъ голосъ прибавили: «Вѣрьте, ваше пр—во, что это чувство общее всѣхъ насъ и здѣсь нѣтъ ни одного неблагодарнаго, который бы думалъ иначе!»

Можно себѣ представить сколь сильно поразилъ меня поступокъ дворянъ и слова представителя онаго, въ особенности, когда я ожидалъ непріятнаго для себя объясненія. Слезы ручьемъ полились изъ глазъ моихъ и съ минуту я не могъ проговорить ни слова—наконецъ, сказалъ: «что я долженъ благодарностью дворянству, а не оно мнѣ за наши общія, одного съ другимъ, сношенія. Настоящее посѣщеніе есть лучшая для меня награда и еще сильнѣе даетъ мнѣ чувствовать, что разставаясь съ Симбирскомъ, я опять сиротѣю, какъ и поступая въ Симбирскъ, не имѣлъ тамъ никого знакомыхъ, кромѣ кн. Баратаева, и что только особое благорасположеніе дворянства, въ такое короткое время, могло оцѣнить усердіе мое къ пользамъ губерніи и къ дѣламъ, собственно до дворянъ относящимся.

Всѣ разѣхались и я, кромѣ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, тотчасъ-же сдѣлалъ благодарственные визиты генералитету: Ивашеву, кн. Баратаеву, Давыдову, Поливанову, Блюму, кн. Урусову, Тургеневу и нѣкоторымъ другимъ извѣстнымъ лицамъ. У обѣдни, въ этотъ день, никто изъ дворянъ не хотѣлъ идти впередъ приложиться къ Св. Кресту—и архіерей долженъ былъ пройти съ нимъ весь храмъ, такъ какъ я стоялъ въ концѣ онаго.

Государь пріѣхалъ въ Симбирскъ въ тотъ-же день, въ три часа пополудни. На мосту, чрезъ который онъ проѣзжалъ весьма скоро, два обывателя бросились подъ экипажъ, со словами: «Дави! Да дай себя увидѣть, отецъ нашъ!» Государь приказалъ уносить лошадей, шагомъ доѣхалъ до крыльца приуготовленнаго для него губернаторскаго дома. Я квартировалъ въ смежной улицѣ, дома чрезъ два, и, услыхавъ нескончаемое «ура», отправился заднимъ ходомъ въ покой. Тутъ я встрѣтилъ гр. Бенкендорфа, вышедшаго изъ кабинета государя и идущаго на свою половину. Когда я явился и назвалъ себя, графъ сказалъ: «Ахъ! слава Богу, что вы еще здѣсь и не уѣхали! Вы намъ можете много пособить. Преемникъ вашъ успѣлъ уже на подвѣздѣ напутать. Сдѣлайте милость, займитесь вы нами. Государь въ три часа изволитъ ѣхать въ соборъ; распорядитесь, чтобы во время выхода представить ему дворянство и чиновниковъ. Я и о васъ доложу въ то-же время».

Сойдя съ парадной лѣстницы, я нашелъ въ сѣняхъ вице-губернатора, губ. предводителя, жандармскаго штабъ-офицера, человѣкъ съ 20 дворянъ, толкующихъ о представленіи. Объявивъ то, что я слышалъ отъ гр. Бенкендорфа, обратился я къ вице-губернатору и

пригласилъ его собрать немедленно желающихъ представляться дворянъ и чиновниковъ въ залу, но тутъ начались возраженія—громче всѣхъ разсуждалъ и распорядился жандармъ! Желая прекратить шумъ и распри, я твердо объявилъ, что, выполняя личное приказаніе гр. Бенкендорфа, я прошу всѣхъ, кто будетъ представляться, пожаловать въ залу. На меня посмотрѣли косо, но стали собираться вверхъ. Черезъ полчаса, деликатнѣйшимъ образомъ устроилъ порядокъ, предложивъ дворянству занять мѣста противъ выхода, а чиновниковъ поставивъ лицомъ къ той стѣнѣ, откуда предполагался выходъ государя.

Гр. Бенкендорфъ не замедилъ пройти черезъ залу въ обыкновенномъ, обще армейскомъ мундирѣ, причѣмъ взялъ меня за руку и сказалъ: «благодарю васъ! Вотъ такъ прекрасно будетъ». Но едва онъ успѣлъ войти къ государю, какъ бѣгомъ возвратился назадъ и, проходя мимо, пробормоталъ: «Сегодня, 22-го августа, коронація, а я въ простомъ мундирѣ—досталось!» Черезъ 5 минутъ вернулся вновь въ залу, въ полномъ мундирѣ и въ лентѣ и, взявъ меня опять за руку, объявилъ намъ, чтобы мы прошли во внутреннія комнаты и что онъ о насъ сейчасъ доложитъ, а самъ пошелъ къ государю, гдѣ пробылъ не болѣе минуты времени; потомъ, возвратясь, прежде всего спросилъ у вице-губернатора: «Вы давно сюда прибыли?»—«5 мѣсяцевъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ тотъ. «Какъ 5 мѣсяцевъ! вскричалъ графъ. Такъ вы не настоящій губ—ръ?»—«Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, я вице-губернаторъ и управляю губерніей только третій день». «Опять напуталъ! сказалъ Бенкендорфъ. Ну, такъ вы ступайте въ залу, съ прочими чиновниками, а вы уже одни здѣсь дожидаетесь», прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ, и опять пошелъ къ государю. Оттуда вышелъ вмѣстѣ съ камердинеромъ и отправился въ залу, а камердинеръ объявилъ мнѣ, что государь проситъ пожаловать.

Г. Здравствуй! Ты сердился на меня, Жиркевичъ, что я перевелъ тебя въ Витебскъ?

Ж. Никакъ нѣтъ, государь! Я вездѣ готовъ служить, куда бы ни угодно было вамъ меня назначить.

Г. Ты мнѣ тамъ нуженъ. Ну что, каково здѣсь идутъ твои дѣла по Симбирской губерніи?

Ж. Благодаря Бога все благополучно и покойно, государь! Даже между вашими удѣльными.

Г. (улыбнувшись). Знаю! Спокойствіемъ въ здѣшней губерніи я одному тебѣ обязанъ.

Ж. Государь! Я беру смѣлость удостовѣрить васъ, что въ Симбирской губерніи спокойствіе при мнѣ никогда не нарушалось.

Г. Мерзавецъ В*** взволновалъ лашманъ, а ты ихъ успокоилъ.

Ж. Позвольте же мнѣ, государь, вступить за этого чиновника. Я бы желалъ имѣть у себя подъ рукою такого усерднаго исполнителя моихъ распоряженій, какъ онъ дѣйствуетъ по указаніямъ своего начальства! Если онъ виноватъ, такъ не столько, какъ кажется. Ошибки воспослѣдовали свыше.

Г. И это знаю. И Б*** знаю хорошо! Умный, но хитрый и проницательный чиновникъ; въ настоящемъ дѣлѣ онъ поступилъ какъ! Самъ же онъ донесъ, что бунтъ, возмущеніе! Ему надлежало первому умереть на мѣстѣ, если это было нужно, а онъ бѣжалъ и даже послалъ къ оренбургскому Перовскому требовать войска! Что если бы тотъ его послушалъ, въ какихъ бы онъ былъ дуракахъ! Я хотѣлъ его къ тебѣ отправить, но меня упросилъ Волхонскій.

Ж. Бунта и возмущенія, государь, никогда не было.

Г. Врешь! Б*** сдѣлалъ бунтъ и ты немедленно поѣхалъ когда уже бунтъ дѣйствительно былъ. Я тебя знаю. Ты во всякое бы время поѣхалъ, какъ и теперь было.

Ж. Я еще повторяю, государь, что бунта вовсе не было, а просто недоразумѣніе и глупость лашманъ.

Г. Ну, теперь оставимъ это дѣло. Мы распорядились съ Волхонскимъ, вмѣсто одной удѣльной конторы по Симбирской губерніи, учредить четыре. Это распоряженіе основано на томъ расчетѣ, что и до этого времени были конторы, управлявшія 50 тыс. душъ, а теперь по Симбирской губерніи будетъ четыре, изъ которыхъ нѣкоторыя дойдутъ до 62 тыс. душъ. Это не многимъ болѣе прежняго. Ну, какъ ты думаешь, пойдетъ у насъ дѣло лучше и согласнѣе?

Ж. Не думаю этого, государь! Вы къ одному противнику противъ губернатора прибавляете еще трехъ!

Г. И мнѣ это приходило въ голову. Но что-жъ дѣлать. Волхонскій упрямъ. Надобно потѣшить старика. Посмотримъ, что будетъ далѣе. (Улыбнувшись). Но теперь уже ни одинъ управляющій не станетъ мечтать, что онъ равносильнъ губернатору по числу душъ. Скажи, какъ ведутъ себя въ твоей губерніи безсрочно-отпускные?

Ж. По сіе время не имѣю противъ нихъ ни одной жалобы.

Г. Радъ и пріятно мнѣ это слышать. Безсрочно-отпускные — моя собственная мысль! Благодарю тебя и за то, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, гдѣ я проѣзжалъ, меня отпускные, какъ старшины, встрѣчали съ хлѣбомъ и солью. Это я желалъ-бы вездѣ видѣть. Кто служилъ, тотъ больше разумѣетъ порядокъ. Скажи, доволенъ-ли ты симбирскимъ дворянствомъ?

Ж. Совершенно доволенъ, государь.

Г. А губернскимъ предводителемъ?

Ж. Совершенно доволенъ, государь. Онъ во все время моего управленія былъ самымъ лучшимъ и искреннимъ моимъ помощникомъ.

Г. Говори правду! Здѣсь насъ двое и ты можешь и долженъ высказать все, что есть у тебя на душѣ.

Ж. Государь! Вамъ не смѣю говорить неправду.

Г. Фамилія Бестужевыхъ мнѣ знакома только по 14-му декабрю, а другихъ свѣдѣній о ней не знаю; хотя я и многое знаю и о многомъ доходить до меня вѣсти. Знаю, даже, и объ обѣдѣ. Да, кстати! Здѣсь есть еще одно семейство, причастное 14-му декабря — живы оба Ивашевы старики?

Ж. Оба живы, государь.

Г. Что они? Какъ переносятъ семейное несчастіе?

Ж. Какъ истинные христіане! Занимаются благотворительностью и все упованіе ихъ на Бога и на в. и. величество! Старуха учредила здѣсь «Общество христіанскаго милосердія» и устроила прекрасное женское воспитательное заведеніе подъ именемъ: «Дома трудолюбія».

Г. Мнѣ Лонгиновъ говорилъ, что тамъ все твои любимицы! Прощу не погнѣваться, ты свезешь меня къ нимъ, но не бойся—ревновать не къ чему! Я бы и самъ опасался тамъ быть, да жена приказала тамъ быть непременно. Теперь, ваше пр—ство, извольте идти представлять мнѣ вашу губернію.

Ж. Я губернію уже сдалъ, какъ скоро получилъ указъ в. и. величества и теперь здѣсь самъ состою лишь гостемъ.

Г. Вздоръ. Пока я здѣсь, ты у меня одинъ за нее и за все отвѣчаешь! Изволь-ка идти впередъ.

Аудиенція сія происходила, такъ сказать, на глазахъ всего Симбирска. Губернаторскій домъ не высокъ—окна были открыты на площадь. Государь стоялъ посреди комнаты, противъ самаго окна, опершись на столъ, а я напротивъ его. Площадь была усыпана народомъ и я полагаю, что даже нѣкоторыя слова, произнесенныя громко государемъ, могли быть слышаны народомъ, но вообще всѣ видѣли ту благосклонность на лицѣ монарха, до которой онъ осчастливилъ меня на стоящую своею бесѣдою.

Изъ кабинета, вслѣдъ за мной, вышелъ государь, а за нимъ выбѣжала его собака, которая не слушалась его голоса и не возвращалась обратно въ покой и государь вернулся назадъ, чтобы ее туда выпроводить. Этотъ промежутокъ времени далъ мнѣ возможность нѣсколько собраться съ духомъ и предварить собравшихся о скоромъ прибытіи государя.

Когда его величество вошелъ, то совершенно измѣнилъ видъ лица;

со мною говорилъ онъ съ веселою и пріятною улыбкою, а здѣсь принялъ строгій видъ. Обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ:

— «Познакомьте меня, ваше пр—ство, съ симбирскимъ дворянствомъ».

Подойдя, я представилъ губернскаго предводителя, у котораго въ рукахъ былъ списокъ дворянъ, и самъ отошелъ на средину залы. Государь вступилъ въ разговоръ съ нимъ, спрашивая о прежней его службѣ, но столь сухо, что Б*** видимо трясся, дѣлая отвѣты, и когда сказавъ только нѣсколько словъ, государь расположился идти далѣе, онъ не пошелъ за государемъ, какъ бы слѣдовало, для представленія другихъ дворянъ. Государь замѣтилъ оторопѣлость его, обратился въ мою сторону и улыбкою какъ бы указалъ, чтобы я занялся представленіемъ. Не ожидая сего, безъ малѣйшаго приготовленія, безъ списка, я сталъ представлять по порядку. Сперва уѣздныхъ предводителей, за ними депутатовъ, но при одномъ изъ сихъ послѣднихъ, оторопѣвши также отъ скорости представленія, пріостановился произношеніемъ фамилій.

— «Безъ списка?» изволилъ замѣтить государь.

«Дойду государь до послѣдняго», и сталъ продолжать представленіе.

Противъ каждаго изъ генералитета, государь, останавливаясь, произносилъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ или вопросовъ; но когда сталъ подходить къ концу, гдѣ, въ сліаніи дворянъ съ чиновниками, стоялъ съ своими удѣльными чиновниками А. Б., государь повернулся и пошелъ къ головѣ губернскихъ чиновниковъ, а потомъ опять, не доходя до конца сихъ послѣднихъ, т. е. не доходя до Андрея Б***, откланялся и отбылъ въ соборъ.

Въ этотъ день я государя болѣе не видалъ. Послѣ обѣда заходилъ къ гр. Бенкендорфу за приказаніями на слѣдующій день. Я нашелъ, что у него въ кабинетѣ въ это время находился Григорій Б*** и съ часъ времени онъ говорилъ съ нимъ. Со мною ожидалъ его выхода А. Б*** съ планами для представленія.

Когда графъ вышелъ, то обратясь къ А. Б***, сказалъ: «чертежи остаьте здѣсь; я доложу ихъ государю или губернатору, кому онъ прикажетъ», а потомъ, взявъ меня за руку, продолжалъ: «васъ благодарю за моего жандармскаго шт.-офицера ¹⁾, вы употребили его какъ

¹⁾ Эразмъ Ивановичъ Стоговъ, род. 1797 г., ум. въ 1880 г. Обширные и весьма интересныя очерки и рассказы изъ воспоминаній этого весьма умнаго и находчиваго челоуѣка напечатаны въ «Русской Старинѣ», см. по «Росписи содержанія «Русской Старины», изд. 1870—1884 гг., №№ 153—158, 618. Первое

слѣдуетъ и это доставило мнѣ большое удовольствіе. Признаюсь вамъ, что насъ всѣхъ происшествія ваши очень озадачили! Сперва я и самъ понять не могъ, почему вы не поѣхали на мѣсто, чтобы унять возмущившихся, но послѣ мы нашли всему развязку и государь вашими распоряженіями былъ очень доволенъ! Завтра по утру, послѣ обѣдни, государь поѣдетъ осматривать городъ и заведенія—приготовьте записку, куда надо ѣхать. Относительно церкви, гдѣ государь будетъ слушать обѣдню, нельзя-ли намъ предоставить какую нибудь, ежели есть въ казенномъ заведеніи, гдѣ бы было не много народу, или бы вовсе его не было».

Записку о заведеніяхъ я послалъ чрезъ жандармскаго шт.-офицера, а церковь назначилъ возлѣ дома губернатора, мало посѣщаемую.

23-го августа государь изволилъ быть у обѣдни, а какъ въ церкви не было никого, кромѣ свиты и старшихъ по управленію губерніи лицъ, то, выходя изъ церкви, гр. Бенкендорфъ сказалъ мнѣ:

— «Вы насъ сдѣлали на цѣлый день довольными тѣмъ, что въ церкви не было народа. Теперь поѣзжайте къ разводѣ; государь будетъ смотрѣть гарнизонный баталіонъ, а послѣ спроситъ васъ и вы повезете насъ осматривать заведенія».

Еще наканунѣ познакомился я съ статсъ-секр. Позеномъ, который просилъ самъ меня чрезъ Бенардаки. Въ это же утро, въ 6 часовъ, явился ко мнѣ фельдъегерь и подаль записку о тѣхъ, кто приглашается къ обѣденному столу, ровно въ три часа пополудни. Въ этомъ спискѣ помѣщены были, безъ исключенія, всѣ тѣ лица, которыя приглашались, и моя фамилія поставлена была во главѣ списка. За мной слѣдовалъ прусскій полковникъ Раухъ, ѣздившій всюду съ государемъ и ведшій журналъ его вояжа, для передачи прусскому королю. (Со стороны Россіи было такое-же довѣренное лицо при прусскомъ королѣ—ген.-адъют. Мансуровъ). За Раухомъ были написаны гр. Бенкендорфъ, Адлербергъ и пр. Въ концѣ всѣхъ губернскій предводитель, Бестужевъ, далѣе одинъ изъ симбирскихъ жителей, слѣдовательно явно было, что мнѣ предоставленъ былъ почетъ. Когда же я зашелъ еще до обѣдни съ визитомъ къ Позену, онъ намекнулъ, что мнѣ назначена въ награду лента (но вышло не такъ). Я совѣтывался съ нимъ, что мнѣ хотѣлось-бы просить у государя милости одному служившему при мнѣ чиновнику, нѣкогда разжалованному изъ 7-го класса, а теперь въ первомъ офицерскомъ чинѣ.

добавл. къ Росписи содерж. «Русской Старины» 1835—1837 гг., №№ 2652 и 3129. Э. И. Стоговъ скончался 17-го сентября 1880 г., на 83 году отъ рожденія. Портретъ его помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1896 г., томъ LII, при стр. 129. Ред.

— «Я не совѣтую вамъ этого дѣлать», сказалъ онъ мнѣ; «откровенно скажу, что вамъ это здѣсь не удастся, а вы лучше возьмите его съ собою въ Витебскъ и тамъ приищите первый удобный случай представить его къ награждѣ чрезъ ген.-губ. Дьякова, честнаго и благороднаго человѣка, который не откажетъ вамъ помочь въ этомъ. Тогда напишите мнѣ въ С.-Петербургъ и предоставьте мнѣ уже дѣйствовать. Я надѣюсь, что вы удостоите меня вашими порученіями и тѣмъ подадите случай доказать вамъ мое самое искреннее уваженіе!»

Отъ Позена я пошелъ къ В. Θ. Адлербергу, чтобы передать ему писанное Лонгиновымъ. Приемъ его удивилъ меня. Онъ квартировалъ въ канцеляріи и когда я вошелъ къ нему, по докладу обо мнѣ, онъ писалъ.

Привставъ со стула и согнувшись въ дугу, онъ спросилъ меня, имѣю ли я до него надобность? Я отвѣчалъ: «Просто съ моимъ почтеніемъ!» Поблагодаривъ меня, онъ не только не пригласилъ меня садиться, но самъ минутъ съ пять, т. е. все то время, что я простоялъ у него, стоялъ предъ столомъ, согнувшись на подобіе Z, и со мной не промолвилъ ни слова.

Послѣ обѣдни государь отправился къ разводу. Тамъ, осматривая батальонъ, внезапно потребовалъ меня къ себѣ, и когда я подбѣжалъ, онъ мнѣ сказалъ:

— «Бьюсь объ закладъ съ тобой, Жиркевичъ, что это солдатъ изъ твоей теперешней губерніи?» Потомъ, обратясь къ солдату, спросилъ: «Какой губерніи?» — «Витебской, ваше имп. вел.—во». — «Видишь: не ошибся! Кровь съ молокомъ! Каковъ молодецъ!» И точно, рядовой сей былъ не выше 2 арш. 5 вершк., но строенъ и бѣлъ лицомъ до красоты.

Это замѣчаніе государя указало мнѣ на достоинство бѣлоруссовъ въ черномъ народѣ, преимущественно въ Витебской губерніи. Тамъ я много находилъ красавцевъ и красавицъ въ средѣ народа.

По окончаніи смотра, весьма неудачно со стороны войска, но со всѣмъ тѣмъ государь не перемѣнилъ выраженія лица своего, а приказалъ мнѣ идти предъ собою до экипажа. Полиціи вовсе не было видно и несмѣтная толпа народа стремилась видѣть своего отцановелителя, но я, идучи впередъ, тихимъ голосомъ просилъ дать государю дорогу и такъ дошли до кабриолета, при всей тѣснотѣ, безъ малѣйшаго затрудненія. Государь сказалъ мнѣ: «садись впередъ» — и самъ сталъ надѣвать шинель на себя. Онъ въ этотъ день былъ въ вицъ-мундирѣ л.-гв. коннаго полка. Входи въ экипажъ, продолжалъ:

— «Сказывалъ тебѣ Адлербергъ? я надѣлъ сегодня на тебя военный мундиръ; статскій тебѣ не къ лицу. Военный тебѣ приго-

дится въ Витебскѣ. Губернія скверная, большіе безпорядки. Я назначилъ туда генераль-губернаторомъ Дьякова, прекраснаго и честнаго человѣка, но въ дѣлахъ опытности не имѣеть и я тебя назначилъ ему въ помощники. Вы оба меня любите и истребите безпорядки. Теперь куда ты меня повезешь?»

«Куда прикажете, государь?»

— «Это твое дѣло, распоряджайся!»

Я сказалъ кучеру: «въ городскую больницу!» Народъ толпою бѣжалъ около экипажа, а государь продолжалъ благосклонно разговаривать со мной, спрашивая о строеніяхъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, и о нѣкоторыхъ лицахъ, имъ замѣченныхъ по пути.

Здѣсь я долженъ нѣсколько пріостановиться, чтобы дать понятіе о томъ, что послѣдуетъ.

Я уже говорилъ, что больница два года тому назадъ была только что выстроена и въ сыромъ видѣ занята подъ жилье. Въ предшествующую настоящему вояжу государя зиму, она просушивалась усиленными мѣрами, полы еще не были выкрашены, но внутренній порядокъ мной доведенъ былъ до приличнаго устройства, такъ что посѣщавшіе больницу при мнѣ: гр. А. Г. Строгановъ, Перовскій, кн. Лобановъ-Ростовскій, Н. М. Лонгиновъ, однимъ словомъ, всѣ отдавали мнѣ должную справедливость. Наканунѣ сего дня, лейбъ-медикъ Арендъ, прибывшій въ больницу прямо изъ Казани, во время ужина у государя, на вопросъ его: «гдѣ былъ?» отвѣчалъ: «Въ городской больницѣ». — «Что тамъ нашель?» — Отвѣчалъ: «Вы, государь, въ Казани видѣли роскошь; здѣсь изволите найти всегдашній порядокъ!» Казалось, послѣ этого трудно было ожидать непріятнаго. Губернію я уже сдалъ три дня до прибытія государя, слѣдовательно, въ эти дни я не посѣщалъ уже никакихъ заведеній. Теперь же, когда государь проходилъ по палатамъ, я видѣлъ, что Адлербергъ, при каждахъ дверяхъ изъ одного покоя въ другой, поспуля палецъ, стиралъ черноту отъ пота около замковъ и дверей такъ, чтобы государь это замѣтилъ, а государь, проходя въ дверяхъ, незамѣтнымъ образомъ, указалъ мнѣ перстомъ и взглядомъ на сію неисправность, когда же мы изъ палатъ вышли на подъѣздъ, то оказалось огромное пятно на новомъ полу, отъ упавшаго и разбивагося наканунѣ фонаря и пролитаго масла. Государь нѣсколько сухо, но тихо изволилъ произнести:

— «Меня ждали, а не успѣли замыть грязи».

Въ другихъ отдѣленіяхъ больничнаго заведенія, ветхихъ по наружности, но вездѣ чисто содержимыхъ, государь не изволилъ ничего мнѣ поставить на видъ.

Сѣвъ обратно въ экипажъ, государь спросилъ:

— «Теперь куда?»

«Въ городской острогъ, если угодно приказать».

— «Пошелъ!» приказалъ онъ кучеру, потомъ, обратясь ко мнѣ, въ самомъ ласковомъ тонѣ, сказалъ: «Я думалъ заведенія твои найти лучше, нежели видѣлъ!»

Защемило у меня сердце, но я, скрѣпясь, отвѣчалъ:

«Государь! Знаю очень, что они далеко не достигаютъ того вида, въ которомъ вамъ угодно ихъ видѣть. Но совѣсть моя покойна: я сдѣлалъ все, что только могъ успѣть и былъ въ правѣ лично устроить до вашего сюда прибытія!»

— «Знаю и слышалъ отъ другихъ»,—сказалъ государь,—«что ты исправилъ. Но, признаюсь, я отъ Жиркевича болѣе, нежели отъ другого требую! То, что я тебѣ указалъ, я другому бы вовсе не замѣтилъ. Кто у тебя управляетъ заведеніями?»

«Членъ пр. общественнаго призрѣнія».

— «Давно онъ въ Симбирскѣ?»

«Всего двѣ недѣли».

— «А кто у тебя въ приказѣ дворянскій засѣдатель?»

Я назвалъ его по фамилии.

— «Этотъ давно-ли тутъ?»

«Мѣсяца съ два, не болѣе».

— «Ну, на этотъ разъ не брани ихъ за то, что я нашелъ, а только укажи какъ я показывалъ тебѣ, и предвари ихъ, что чрезъ 6 недѣль я пришлю къ нимъ кое-кого взглянуть, что они сдѣлаютъ послѣ моего замѣчанія; только чтобы не прогнѣвались, если найдутъ ихъ въ безпорядкѣ!»

Въ острогѣ государь изволилъ замѣтить въ одномъ углу сырость. Арестантовъ ему именовалъ по разрядамъ прокуроръ Ренкевичъ. Въ одномъ покоѣ, видя рослаго арестанта, изволилъ его спросить:

— «За что?»

«Бродяга», отвѣчалъ тотъ.

— «Не наказывая его на тѣлѣ, забреть ему лобъ», сказалъ государь, обратясь ко мнѣ.—«Но не выпускать сейчасъ, а учить пріемамъ въ острогѣ, пока совсѣмъ не будетъ готовъ».

Потомъ въ одной камерѣ, человекъ до 20 крестьянъ, при входѣ государя, стояло на колѣняхъ.

— «Это что за люди?» спросилъ меня государь.

«Мои арестанты, в. и. вел.—во, а ваши—удѣльные».

— «Встаньте, глупцы!» сказалъ государь. «Ступайте по домамъ, но впередъ у меня не шалить, а не то плохо вамъ будетъ,—и другимъ передайте, что сказалъ вамъ государь вашъ».

Проѣзжая по городу, государь приказывалъ мнѣ называть ему казенныя зданія, и нашелъ домъ дворянскаго собранія безобразнымъ до такой степени, что выразился: «Стыдно симбирскому дворянству имѣть такое помѣщеніе!» Про городскую думу сказалъ, что «и эта не годится». Изволилъ найти, что строящійся дворянствомъ новый соборъ исказилъ совершенно правильность площади передъ губернаторскимъ домомъ. Древній соборъ въ Симбирскѣ былъ совершенно въ центрѣ оной, а новый строился саженьяхъ въ 20-ти отъ стараго, а потому государь приказалъ: эту площадь до половины занять публичнымъ садомъ, для гулянья, разбивъ такимъ образомъ, чтобы старый соборъ былъ бы совершенно въ саду и одинъ боковой подъѣздъ его выходилъ бы наружу, а въ замѣнъ того, приказалъ немедленно устроить новую площадь съ того фасада губернаторскаго дома, который былъ обращенъ на маленькій садикъ, сломавъ всѣ смежныя съ онымъ строенія, изъ коихъ одинъ обгорѣлый домъ, принадлежавшій частному лицу, приказалъ мнѣ приторговать въ тотъ же день, спросивъ, давно ли этотъ домъ принадлежитъ настоящему владѣльцу.

Когда я отвѣчалъ, что онъ весьма незадолго купилъ его за 8,000 р., то государь изволилъ вымолвить:

— «Предложи ему 10,000 и скажи, что я знаю, сколько имъ было заплачено прежнему владѣльцу, и напиши ко мнѣ отвѣтъ въ Пензу». Затѣмъ приказалъ городской домъ даже просто сломать, добавивъ:

— «Купцы могутъ и должны выстроить себѣ лучше! Я имъ построилъ даромъ гостинный дворъ!»

Губернаторскій домъ приказалъ распросстранить, не взирая и на теперешнее обширное помѣщеніе его. Государю угодно было, чтобы та церковь, въ которой онъ слушалъ обѣдню, вошла всѣмъ составомъ своимъ въ домъ губернатора, причемъ приказалъ, чтобы у церкви одна наружность измѣнилась, а внутри чтобы точно было въ томъ же видѣ, какъ и теперь, и чтобы навсегда оставалась приходскою-же церковью.

Войдя въ новый соборъ, едва окинулъ взоромъ, нашелъ, что архитекторъ сдѣлалъ ошибку въ разбитіи карниза и указалъ, что на одной сторонѣ карнизъ вершка на два ниже, нежели въ противоположной сторонѣ.

Потомъ изволилъ посѣтить домъ Трудолюбія. Здѣсь генеральша Ивашева лично представляла государю всѣхъ членовъ «Общества христіанскаго милосердія» и всѣхъ завѣдывающихъ маленькимъ ея заведеніемъ. Любуясь на здоровый и веселый видъ воспитанницъ, изъ коихъ съ нѣкоторыми изволилъ разговаривать, его величество, со

всею внимательностію и подробностію разспрашивалъ какъ объ устройствѣ, такъ и о средствахъ онаго. Обойдя всё покои, спросилъ:

— «Гдѣ же вашъ лазаретъ?»

«У насъ нѣтъ лазарета», отвѣчала Ивашева.

— «Гдѣ же вы помѣщаете и лѣчите вашихъ больныхъ?»

«Въ 16 лѣтъ, государь, мы были такъ счастливы, что вовсе не нуждались въ лазаретѣ! Во все это время у насъ не случилось ни одной серьезной больной, а съ небольшими недугами нездоровую дѣвицу влассная дама помѣщаетъ съ собою.

— «Адлербергъ!» сказалъ государь, обратясь къ сему послѣдному, «пожалуйста, напиши своей матушкѣ, что я нашелъ такое дурное заведеніе, гдѣ въ 16 лѣтъ о больныхъ не слышали!»

Тутъ государь пробылъ около часу времени и самымъ веселымъ и пріятнымъ тономъ бесѣдовалъ съ окружавшими. Потомъ, когда сталъ уходить, Ивашева сказала:

— «В. и. в.! Вы были такъ милостивы, что удостоили вашимъ взоромъ каждый уголокъ въ домѣ. Довершите оную взглянуть и на садикъ нашъ, или то, что мы называемъ садомъ».

Входя въ садъ, государь взглядомъ указалъ мнѣ, чтобы я не впускалъ туда никого, а самъ изволилъ пройти съ Ивашевой и съ инспектриссою дома, полковницею Кошкиною. Очень было замѣтно, что государь ожидалъ со стороны Ивашевой какого-то объясненія. Мать несчастнаго (декабриста), сосланнаго на каторжную работу, не могла собраться съ духомъ начать рѣчь о сынѣ, хотя я предупредилъ ее, что государь меня спрашивалъ о ней и объ ея мужѣ. Во время разговора, она уронила платокъ, Государь поднялъ оный и, отдавая, поцѣловалъ у нея руку. Вдругъ г-жа Кошкина начинаетъ рѣчь съ государемъ; послѣ отъ Ивашевой узналъ я, что она удивила и ее и государя просьбою о томъ, что мужъ ея служить 16 лѣтъ полковникомъ, просила о производствѣ его въ генералы.

— «Когда заслужить этого, будетъ произведенъ въ свое время», отвѣчалъ государь, и тутъ же съ чувствомъ обратился къ Ивашевой, вторично поцѣловалъ у нея руку и вышелъ.

Сѣвши въ экипажъ, сказалъ мнѣ:

— «Почтеннѣйшая женщина! Ну, не удивляюсь, что ты такъ любишь это заведеніе: ничего лучше онаго я не нашелъ».

Затѣмъ приказалъ везти себя въ казармы кантонистовъ, надъ коими бригаднымъ командиромъ былъ Кошкинъ. Тамъ онъ нашелъ тоже большой порядокъ. Но зная, что въ Сибирскѣ кантонистовъ болѣе 1,200 чел., а здѣсь всего помѣщалось не болѣе 300, спросилъ: гдѣ-же расположены прочіе?

— «Большую частью», отвѣчалъ Кошкинъ, — «по обывательскимъ квартирамъ. Здѣсь же мы преимущественно помѣщаемъ евреевъ, чтобы они не имѣли сообщеній съ евреями, живущими въ городѣ».

— «Жиркевичъ!» закричалъ государь сердитымъ голосомъ, — «у тебя евреи живутъ въ городѣ?»

— «Есть четыре человѣка, имѣющихъ позволеніе отъ министра, на основаніи вашего высочайшаго повелѣнія», отвѣчалъ я безъ робости.

Замѣтно было, что государь былъ недоволенъ самъ, что сдѣлалъ мнѣ строго вопросъ свой. Потомъ онъ изволилъ спросить: «гдѣ тутъ еврей, что вчера приходилъ ко мнѣ съ просьбой?» Вызвали впередъ мальчика лѣтъ 9-ти или 10-ти.

Спросивши батальоннаго командира, какъ еврей этотъ ведетъ себя и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, онъ обратился нему:

— «Ну такъ ты одинъ сынъ у матери?»

«Точно такъ, в. имп. в.!»

— «Бенвендорфъ! Разузнать это, и если это справедливо—немедленно возвратить. А если солгалъ, то...» тутъ государь показавъ жестомъ обрядъ наказанія, которому надлежало подвергнуть обманщика.

Здѣсь я имѣлъ случай указать государю необыкновенное положеніе двухъ рѣкъ въ Симбирскѣ: въ небольшомъ пространствѣ одна отъ другой, саженахъ не болѣе какъ во 100—Волга и Свіяга, текуція совсѣмъ въ противоположныя стороны, хотя и параллельныя одна другой,—и въ городѣ на Свіягѣ устроена даже мельница; она течетъ вверхъ по Волгѣ и за 250 верстъ впадаетъ въ оную, начиная быть судоходною верстахъ въ сорока отъ Симбирска.

Отъ кантонистовъ я хотѣлъ везти государя въ комиссію заготовленія суконъ, но онъ изволилъ сказать «не надо».

— «Еще куда?» спросилъ онъ меня.

«Я бы желалъ, государь, показать вамъ здѣшнюю пристань, которая, впрочемъ, весьма мало приноситъ пользы городу, по случаю затруднительнаго къ ней проѣзда. Всѣ мы, губернаторы, ежегодно тратимъ по 15 и 20 тысячъ на поддержку сообщенія съ оною, но совершенно бесполезно. Еслибы вы, государь, были столь милостивы, чтобы разрѣшили однимъ разомъ отпустить отъ 150 т. до 200 т. р., тогда бы Симбирскъ принялъ совсѣмъ другой видъ».

— «Вези! только, за шумомъ и крикомъ народа, я едва слышу что ты мнѣ говоришь».

«По дорогѣ мы будемъ проѣзжать дефиле, и если в. и. в. изволите приказать, то, при помощи квартальнаго, можно будетъ задерживать тамъ толпу».

— «Распорядись!»

Подѣхавъ къ спуску горы, которая здѣсь образовала узкую улицу, я приказалъ полицейскому офицеру никого не пропускать внизъ, а государю предложилъ изъ кабриолета пересѣсть въ тарантасъ.

— «Тарантасъ? Такъ ты это называлъ? Что это такое?»

«Вотъ вы изволите видѣть, государь, сей экипажъ!» (который тутъ же стоялъ въ готовности). Взглянувъ, государь удивился точно также какъ и я при первой встрѣчѣ, тѣмъ не менѣе изволилъ согласиться пересѣсть въ оный. Когда мы стали спускаться съ горы, на первомъ изломѣ оной я объяснилъ государю мое предположеніе, но на второмъ онъ привсталъ въ экипажѣ и сказалъ мнѣ: «Теперь не ты, а я стану говорить», и, окидывая взоромъ своимъ все мѣстоположеніе, государь удивился, какъ по сіе время не воспользовались онымъ не только для пользы города и губерніи, но даже и для украшенія мѣста. Сравнивая сію мѣстность съ нижегородскою, онъ изволилъ замѣтить, что тамъ надлежало вездѣ срывать, перерывать и укрѣплять землю—а здѣсь онъ находитъ натуральные контръ-форсы, на коихъ только слѣдуетъ расчистить и провести спуски и учредить улицы». Указавъ, что можно устроить 3-хъ ярусную набережную къ берегу до самой пристани и соединить одну съ другою прекрасными отлогими спусками. Предположеніе свое государь сталъ излагать въ столь обширныхъ размѣрахъ, что я осмѣлился сказать:

«Государь! я у васъ просилъ не болѣе 200 т. р., а вы изволите исчислять уже милліоны!»

— «Не твое дѣло», отвѣтилъ онъ: «мы найдемъ суммы. Но много будетъ зависѣть отъ твоего преемника и губернскаго предводителя; надобно, чтобы дворянство и помѣщики мнѣ пособили въ этомъ дѣлѣ. Я не потребую отъ нихъ никакихъ особенныхъ пожертвованій, но я вижу, что вся гора усѣяна лачугами и обывательскими помѣщеніями низшаго разряда народа. Пусть дворянство воспользуется мѣстностью и, не стѣсняя низшихъ классовъ, скушится у нихъ эти дорогія мѣста: черезъ шесть лѣтъ мы не узнаемъ Симбирска, а пошлю тебя взглянуть на оный».

Потомъ, спускаясь еще съ горы далѣе, государь спросилъ меня:

— «Нѣтъ-ли здѣсь инженера, который-бы понялъ и перенесъ на бумагу мою мысль?»

«Здѣсь, государь, всего три инженерныхъ офицера, которымъ я приказалъ быть на пристани, на случай, если-бы встрѣтилась надобность въ нихъ,—но люди все молодые».

— «Какъ зовутъ ихъ?»

«Старшій—поручикъ Варенцовъ».

— «Имя знакомое!» Въ это время мы съѣхали съ горы.

— «Поручикъ Варенновъ! пожалуйста сюда. Да и лицо знакомое. Не дѣлали-ли вы намъ особыхъ большихъ проектов?»

«Я имѣлъ счастье, государь, представить вамъ проектъ Дмитріевскаго водопровода» (въ крѣпости св. Дмитрія), отвѣчалъ инженеръ.

— «Ну, вотъ видишь!» сказалъ государь, обратившись ко мнѣ, «онъ знаетъ свое дѣло и пойметъ меня!» потомъ приказалъ ему сѣсть съ нами въ тарантасъ и велѣлъ ѣхать дальше.

Проѣхавъ еще нѣсколько саженой, я сказалъ государю, что далѣе его везти не осмѣливаюсь, ибо и здѣсь я опасался подпасть подъ гнѣвъ его, за неисправность дороги—а тамъ уже неминуемо подвергну себя замѣчанію.

— «Но можно-ли кругомъ хотя по тычкамъ объѣхать?» спросилъ государь.

«Объѣздная гора», сказалъ я, «такъ крута, что я видалъ смѣльчаконъ, которые съ нею спускались, но чтобы кто подымался въ эки, пажѣ, того не случалось мнѣ встрѣчать. Впрочемъ, если прикажете-государь,—станемъ взбираться».

— «Съ Богомъ!» сказалъ государь. Тутъ формально поѣхали мы, какъ выразился государь, по «тычкамъ» и, наконецъ, стали подыматься въ гору. «Ну!» сказалъ государь, если уже тутъ насъ не вывалили, то это «неопрровергаемый» экипажъ! Какъ ты его назвалъ?»

— «Тарантасъ, в. и. в.!»

При всемъ томъ, въ одномъ мѣстѣ мы сошли съ экипажа и государь остановился на небольшой площадкѣ и любовался видомъ на Волгу и вообще всею мѣстностью. Въ это самое время одинъ обыватель, спустившись съ горы и не предвидя подобной встрѣчи, подлѣ самаго того мѣста, гдѣ мы стояли, сталъ сваливать поземь. Гр. Бенкендорфъ, который слѣдовалъ за нами въ особомъ экипажѣ съ Адлербергомъ, сказалъ вслухъ сему послѣднему:

— «Ну, видно, что государь сегодня веселъ, если все это такъ легко сходить съ рукъ губернатору!»

Когда же мы совсѣмъ поднялись на гору и подлѣзжали къ дому вице-губернатора, государь спросилъ: «Что за домъ?»

Получивъ отвѣтъ, онъ продолжалъ: «вотъ мѣсто для губернаторскаго дома, а не тамъ, гдѣ онъ теперь. Здѣсь вся Волга и весь городъ, по новому моему предположенію, въ виду, и потому запиши, чтобы здѣсь быть губернаторскому помѣщенію. Но этотъ проектъ тогда составить, когда распланируется верхняя набережная, а до того времени теперешній домъ губернатора непременно устроить какъ я сказывалъ, а потомъ онъ можетъ перейти къ вице-губернатору, гдѣ онъ удобно расположится тогда съ казенною палатою и со своими чинов-

никами». Объявляя далѣе, я замѣтилъ, что государь примѣтно становился веселѣе, смѣялся и шутилъ со мною; встрѣчая хотя нѣсколько замѣчательное лице, всегда спрашивалъ меня: «кто это?» и на одномъ балконѣ, замѣтя красивую даму, на вопросъ: «кто?» получивъ отвѣтъ: «не знаю», улыбнувшись мнѣ, сказалъ:

— «Твой шашни».

«Почему вы это полагаете?» спросилъ я.

— «Ты сегодня мнѣ наизусть сосчиталъ болѣе сотни помѣщиковъ и чиновниковъ, то какже тебѣ не знать здѣсь всѣхъ хорошенькихъ!»

«Государь!» замѣтилъ я,—«съ дворянами и чиновниками я всякій день имѣю дѣло, а хорошенькія появились въ Симбирскѣ вовсе не для меня!» и подобно этому государь очень много говорилъ со мной.

На квартиру возвратились мы въ четверть четвертаго. Отпустивъ всѣхъ, мнѣ и инженерному офицеру приказалъ слѣдовать за собой и въ залѣ, взявъ лоскутокъ бумаги и карандашъ, изволилъ на планѣ обозначить собственноручно все то, что указывалъ на мѣстахъ. Быстрота взгляда и память его простирались до такой степени, что, видѣвши одинъ разъ мѣстность, на планѣ сейчасъ усмотрѣлъ нѣсколько ошибокъ и исправилъ ихъ съ математическою точностью. Потомъ написалъ 12 пунктовъ для проектовъ, записку сію отдалъ Варенцову, а мнѣ сказалъ: «тебѣ же ничего! Пиши ко всѣмъ и все о чемъ мы съ тобою говорили въ пути!»

Я побѣжалъ домой умыться и очистить пыль, которую былъ усыпанъ, въ буквальномъ смыслѣ, съ головы до ногъ. Но едва успѣлъ это сдѣлать, какъ явился фельдъегерь съ докладомъ, что ждутъ обѣдать. Въ то время какъ я вошелъ въ пріемную комнату, я слышалъ какъ Адлербергъ громко сказалъ Позену: «Заставляютъ государя дожидаться!» Стоявшій у дверей камердинеръ въ ту же минуту пошелъ доложить и мы приглашены были слѣдовать къ столу. Гр. Бенкендорфъ, взявъ меня за руку, громко и ласково сказалъ, какъ будто въ опроверженіе словъ Адлерберга: «хорошо другимъ, а намъ съ вами и умыться не дали время! Государь приказываетъ вамъ, чтобы вы за столомъ сѣли возлѣ него».

Столъ былъ накрытъ въ кабинетѣ. Государь былъ въ сюртукѣ безъ эпалетъ, и когда мы вошли, привѣтствовалъ насъ: «прошу не прогнѣваться, господа! Хозяинъ принимаетъ васъ въ неглиже, безъ церемоній! Признаюсь, усталъ немного».

За столомъ сидѣли: въ верхнемъ концѣ—прусскій полковникъ Раухъ, съ правой руки его—государь, возлѣ него я; съ лѣвой руки Рауха—гр. Бенкендорфъ, возлѣ него В. О. Адлербергъ и всѣ прочіе, по старшинству чиновъ.

Во время обѣда государь преимущественно изволилъ заниматься разговоромъ со мною, и вотъ два, обращенныя ко мнѣ, замѣчанія:

— «У тебя огромное здѣсь помѣщеніе, настоящій дворецъ, но не можетъ похвалиться чистотою. Мебель эта твоя, или другаго кого?»

«Помѣщика Кроткова, в. и. в.»

— «Славная и роскошная. Мнѣ тебя жаль, Жиркевичъ! ты со-
скупчишься въ Витебскѣ».

«Отчего?» сказалъ В. О. Адлербергъ, вмѣшавшись въ разговоръ.
«Я знаю витебское общество: оно небольшое, но весьма согласное и
пріятное!»

«Я не боюсь скуки, государь», сказалъ я въ свою очередь; «я найду
средство ее прогнать».

— «Чтоже ты будешь дѣлать?»

«Болѣе заниматься дѣломъ».

— «Съ ума сойдешь!» возразилъ государь. За обѣдомъ, какъ будто
стараясь ободрить Аренда, который, во время разѣзда нашего, былъ у
жены моей съ визитомъ и тамъ говорилъ: «ну, не пройдетъ мнѣ сего-
дня, что я похвалилъ заведенія больницы—а онъ (его величество) былъ
недоволенъ ими»,— когда подали стерлядь, государь спросилъ у меня:

— «Часто у тебя попадають такіе уроды?»

«Довольно часто, государь, это мѣстный продуктъ».

— «Вчера Миллеръ потрошилъ ее, а Николай Федоровичъ засу-
чиваетъ рукава и жалѣетъ, что не ему, а другому пришлось дѣлать
операцію», и милостиво взглянулъ на Аренда, который до этого времени
сидѣлъ пригорюнившись, а тутъ тотчасъ повеселѣлъ.

Когда встали изъ-за стола и мы вышли уже въ другой покой,
государь приказалъ мнѣ вернуться и, разсуждая о корабельныхъ лѣсахъ,
которые, по мѣстнымъ донесеніямъ, показывались пришедшими въ
негодность, приказалъ принести одинъ дубовый кряжъ и, указывая
мнѣ, сказалъ:

— «Посмотри! вотъ что доставилъ мнѣ Лобановъ и что они на-
зываютъ никуда негоднымъ! Такого лѣса бездна валяется, чтобы онъ
сгнилъ, или подъ рукою продается. Сегодня же напиши къ кн. Вол-
конскому, что я видѣлъ этотъ кряжъ и чтобы онъ распорядился не-
премѣнно разобрать и отобрать все подобное и что окажется, чтобы
доложилъ мнѣ. Ну, ступай теперь съ Богомъ!»

Когда я выходилъ, гр. Бенкендорфъ, остававшійся тутъ же, за-
мѣтилъ мнѣ: «Вотъ вы думали, что со всѣмъ распрощались съ удѣль-
ными— а пришлось еще переписываться съ кн. Волконскимъ!»

«Губ. предводитель просилъ государя о балѣ, продолжалъ графъ,
но какъ мы чрезъ часъ уѣзжаемъ, то это рѣшительно невозможно.

Извините насъ тоже и вы предъ дворянствомъ». Потомъ, проходя пріемный покой, гдѣ ожидалъ его Андрей Б***: «Я не могу безпокоить государя на счетъ вашего желанія представиться: онъ васъ видѣлъ уже. Но если вы еще непремѣнно этого желаете, то чрезъ часъ, когда государь будетъ уѣзжать, будьте здѣсь и, если я найду случай, я доложу».

Въ 6 часовъ, въ пріемной комнатѣ, противъ дверей кабинета, стояли: я, Андр. Б*** и городской голова. Государь изволилъ выйти въ фуражкѣ на головѣ; взглянувъ на насъ, повернулся назадъ въ кабинетъ, и раздавшееся чрезъ минуту громкое «ура» возвѣстило, что экипажъ тронулся съ мѣста и государь выѣхалъ.

Я полагаю, что и теперъ появленіе Андр. Б*** было для него неприятно и онъ чрезъ задніе покои и чрезъ крыльцо изволилъ пройти къ своему экипажу.

Я отправился къ Адлербергу спросить, не оставлено-ли какого приказанія? Онъ опять принялъ меня сухо и, помолчавъ немного, сказалъ:

— «Государь васъ переименовываетъ въ генераль-маіоры».

«Знаю это», отвѣчалъ я.

— «Отъ кого?» спросилъ удивленно Адлербергъ.

«Отъ самого государя!»

— «Когда и какъ вамъ объявилъ онъ это?»

Я объяснился.

— «Государю угодно было», сказалъ Адлербергъ, «сегодня же отдать приказъ объ этомъ. Но какъ съ переименованіемъ въ военный чинъ васъ дѣлаютъ также военнымъ губернаторомъ въ г. Витебскѣ, на что надобно изготовить указъ, то мы не успѣли этого здѣсь сдѣлать, а на первомъ ночлегѣ все устроимъ. Прощайте. Желаю вамъ счастливо оставаться!»....

Чрезъ три дня государь выѣхалъ изъ Пензы. Передъ Чембарами, по случаю опрокинутія экипажа, переломилъ плечевую ключицу и въ Чембарахъ провелъ нѣсколько недѣль ¹⁾, 16-го сентября возвратился въ С.-Петербургъ, а 17-го сентября (1836 г.) состоялся обо мнѣ высочайшій приказъ.

Я выѣхалъ изъ Симбирска 2-го сентября. Все время, проведенное мною еще тамъ, прошло въ прощальныхъ обѣдахъ и вечерахъ; такъ, я и мое семейство были на обѣдѣ, данномъ для меня губернскимъ

¹⁾ См. объ этомъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., т. XXXVI, стран. 523—534; изд. 1883 г., т. XXXVI, стр. 497, 729—730; изд. 1890 г., т. LXVI, стр. 149—157.

предводителемъ дворянства. При провозглашеніи тоста за мое здорověе, онъ, вставъ съ своего мѣста и цѣлуя меня въ плечо, сказалъ:

— «Господа! Я имѣю порученіе гр. Бенкендорфа, по высочайшей волѣ передать вамъ, что бывшій нашъ почтенный губернаторъ Иванъ Степановичъ о симбирскомъ дворянствѣ отозвался съ такою похвалою, что государю пріятно это было слышать изъ устъ его, и что мы всѣ обязаны ему особенною благодарностью, въ чемъ и собственныя чувства наши, кажется, насъ удостовѣряютъ!»

Всѣ присутствовавшіе съ замѣтнымъ удовольствіемъ приняли сей тостъ.

И. С. Жиркевичъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1856 г. ¹⁾.

Январь 3. Новый годъ встрѣтилъ у Авраама Сергѣевича Норова. Скучно. Слухи о мирѣ.

16. Въ массахъ сильно недовольны согласіемъ на миръ и принятіемъ въ немъ четырехъ пунктовъ. «Драться надо, говорятъ отчаянные патріоты, драться до послѣдней капли крови, до послѣдняго человѣка». Нѣкоторые, дѣйствительно, такъ думаютъ и чувствуютъ какъ говорятъ. Это люди благородные, хотя и недалководные. Но большинство крикуновъ состоитъ изъ лицемѣровъ, которые хотятъ своимъ крикомъ выказать патріотизмъ. Есть и такіе, которые жалѣютъ о войнѣ, какъ о мутной водѣ, гдѣ можно рыбу ловить и гдѣ они дѣйствительно и ловили ее усердно. Правительство очень умно—слышитъ эти толки, но не слушается ихъ. Государь своею уступчивостью и своимъ согласіемъ на четыре пункта доказалъ, мнѣ кажется, не только благородство характера и свое нежеланіе бесполезнаго кровопролитія, но и умный тонкій расчетъ. Онъ считаетъ нужнымъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653; т. XLVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—297; июнь, стр. 611—638.

начать съ того, чтобы примириться съ общественнымъ мнѣніемъ Европы и, видя, какъ это тамъ хорошо принято, нельзя не согласиться, что онъ достигъ своей цѣли. Онъ не долженъ, подобно отцу своему, возстановлять противъ себя и Россіи силу, которая, по выраженію Талейрана, умнѣе и сильнѣе даже его и Наполеона—общественное мнѣніе. Николай не взвѣсилъ всѣхъ послѣдствій своихъ, враждебныхъ Европѣ, видовъ — и заплатилъ за это жизнью, когда, наконецъ, послѣдствія эти открылись ему во всемъ своемъ ужасѣ. Нѣтъ возможности идти дальше этимъ путемъ и нести на своихъ плечахъ коалицію всей Европы. Это все равно привело бы къ миру, но уже окончательно безславному и пагубному. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Хвала и благодареніе Александру II, который имѣлъ высокое мужество отказаться отъ голоса самолюбія, въ пользу истинныхъ выгодъ и истинной славы. Мы видѣли каковы наши военные успѣхи. Хорошо кричать тѣмъ, у кого нѣтъ отвѣтственности, а Александръ II отвѣчаетъ не только за настоящее, но и за будущее.

20. Познакомился на вечерѣ у министра съ однимъ изъ коноводовъ московскихъ славянофиловъ, А. С. Хомяковымъ. Онъ явился въ зало министра въ армякѣ, безъ галстука, въ красной рубашкѣ съ косымъ воротникомъ и съ шапкой-мурмулкой подъ мышкой. Говорилъ неумолчно и большею частью по французски—какъ и слѣдуетъ представителю русской народности. Встрѣча его со мной была нѣсколько натянута, ибо онъ, не безъ основанія, подозрѣваетъ во мнѣ западника. Но я успѣшилъ бросить себѣ и ему подъ ноги доску, на которой мы могли легко сойтись. Онъ пріѣхалъ сюда хлопотать о разрѣшеніи ему издавать славянофильскій журналъ, и я обратился прямо къ этому предмету, сказавъ, что ничего не можетъ быть желательнѣе, какъ чтобы каждый имѣлъ возможность высказывать свои убѣжденія. Это тотчасъ развязало намъ языки, и мы пустились разсуждать, не опасаясь гдѣ-нибудь столкнуться лбами. Онъ уменъ, но, кажется, не безъ того, что называется—себѣ на умѣ.

31. Въ сегодняшнемъ номерѣ «Санктъ - Петербургскихъ Вѣдомостей» напечатано, что я утвержденъ въ званіи редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» на мѣсто К. С. Сербиновича (приказъ 24-го января).

Февраль 5. Великій князь Константинъ Николаевичъ повелѣлъ нашей комиссіи осмотрѣть кронштадтское штурманское училище. Сегодня мы всѣ отправляемся въ Кронштадтъ.

9. Возвратился изъ Кронштадта. Мы осматривали училище очень усердно. Оно въ довольно хорошемъ состояніи; матеріальная часть даже весьма хороша. Въ ученіи общіе недочеты, происходящіе то отъ неправильнаго смѣшенія общаго образованія съ спеціальнымъ, то отъ дурно организованной цѣлой системы, а наконецъ отъ невозможности имѣть, вдали отъ Петербурга, порядочныхъ преподавателей. Русскій языкъ особенно плохъ.

Въ Кронштадтѣ былъ у адмирала Новосильскаго, одного изъ героевъ Севастополя. Онъ уменъ, обходителенъ, простъ. Говорили объ укрѣпленіяхъ Кронштадта, то есть, о сваяхъ, которыми обносятъ Кронштадтъ на довольно большомъ разстояніи въ морѣ. Адмиралъ полагаетъ это сильнымъ препятствіемъ для непріятеля. Но, тѣмъ не менѣе, то, что послѣдній въ прошедшіе два года не сжегъ Кронштадта и не дошелъ до Петербурга (сѣвернымъ фарватеромъ), это адмиралъ приписываетъ особенной милости Божьей и неспособности или недостатку рѣшимости англійскихъ адмираловъ.

Я указалъ ему изъ окошка на нашъ флотъ, занимающій всю гавань, и замѣтилъ его многочисленность.

— «Это ничего не значить», сказалъ Новосильскій: — «все-таки у насъ флота нѣтъ. Эти корабли не годятся для дѣла, потому что они не винтовые».

Объ осадѣ Севастополя адмиралъ говорилъ, что тамъ совершались адскія дѣла. Уже недѣли за полторы до сдачи было очевидно, что мы тамъ не удержимся, и оттуда, тогда же, начали вывозить пушки и сваряды. Севастополь могъ считаться потеряннымъ уже со времени Чернорѣченскаго сраженія; гавань Севастопольская отнынѣ не годится къ употребленію, ибо завалена потопленными кораблями и развалинами крѣпости; замѣны ей надо будетъ искать въ Феодосіи, и т. д.

Потомъ мы были на большомъ обѣдѣ въ клубѣ, а вечеромъ, на другой день, на балѣ. Мнѣ показалось, что между морскими офицерами болѣе образованныхъ, чѣмъ между сухопутными. Общество ихъ пріятнѣе, особенно старыхъ моряковъ.

26. Докладывалъ министру программу будущихъ дѣйствій главнаго правленія училищъ, которую онъ долженъ лично представить государю. Авраамъ Сергѣевичъ былъ особенно нѣженъ и горячо выразилъ мнѣ свою благодарность, — «Что бы я дѣлалъ безъ васъ въ подобныхъ случаяхъ?» прибавилъ онъ. Вообще онъ былъ въ томъ прекрасномъ настроеніи духа, въ которомъ, обыкновенно, видитъ вещи ясно.

Между прочимъ, онъ выразилъ свое огорченіе по поводу статьи во французскомъ «Дебатѣ», гдѣ о немъ говорятъ, какъ о либеральномъ министрѣ.

— «Когда-бы это не была медвѣжья услуга!» замѣтилъ онъ.

Я старался его успокоить тѣмъ, что въ публикѣ не слышно никакихъ двусмысленныхъ толковъ по этому поводу.

Во «Франкфуртской газетѣ», говорятъ, и обо мнѣ отзываются съ похвалою. Надо прочесть—чтѣ такое?

29. Сегодня Плетневъ сказалъ мнѣ слѣдующую утѣшительную вещь. На прошедшей недѣлѣ государь былъ на домашнемъ спектаклѣ у великой княгини Маріи Николаевны. Давали, между прочимъ, пьесу графа Сологуба: «Чиновникъ». Въ ней сказано очень много смѣлыхъ вещей о безнравственности, то есть о воровствѣ нашихъ властей.

По окончаніи спектакля, государь, встрѣтивъ Плетнева, сказалъ ему:—«Не правда-ли, пьеса очень хороша?»

— «Она не только хороша, ваше величество», отвѣчалъ Плетневъ, — «но составляетъ эру въ нашей литературѣ. Въ ней говорится о состояніи нашихъ общественныхъ нравовъ, то, чего прежде нельзя было и подумать, не только сказать во всеуслышаніе».

— «Давно-бы пора говорить это», замѣтилъ государь.

Воровство, поверхностность, ложь и неуваженіе законности—вотъ наши главные общественныя раны.

На дняхъ былъ на двухъ литературныхъ чтеніяхъ: у князя Вяземскаго, гдѣ читалъ свое произведеніе графъ Левъ Толстой, и у Тургенева, гдѣ читалъ Островскій сперва небольшую пьесу «Семейная картина», а потомъ драму, тоже заимствованную изъ русскихъ нравовъ и быта.

Островскій, бесспорно, даровитѣйшій изъ нашихъ современныхъ писателей, которые строятъ свои созданія на народномъ

или, лучше сказать, престопадномъ элементѣ. Жаль только, что онъ одностороненъ—вращается все въ сферѣ нашего купечества. Оттого онъ повторяется, часто воспроизводитъ одни и тѣ же характеры, поетъ съ однихъ и тѣхъ же мотивовъ. Но онъ знаетъ купеческій бытъ въ совершенствѣ, и онъ не даетъ однихъ дагеротипныхъ изображеній. У него есть комизмъ, юморъ, есть характеры, которые выдвигаются сами собой изъ массы искусно расположеннаго матеріала. Самъ А. Н. Островскій совсѣмъ не то, что о немъ разглашала одна литературная партія. Онъ держитъ себя скромно, прилично; вовсе не похожъ на пьяницу, какимъ его разглашаютъ, и даже очень пріятенъ въ обращеніи. Читаетъ онъ свои пьесы превосходно.

Мартъ 5. Вечеромъ большой рауть у графа Блудова. Кого, кого тамъ не было! Болѣе всѣхъ я говорилъ съ Д. о дѣлахъ, съ Хрущевымъ также о дѣлахъ, съ какимъ-то тайнымъ совѣтникомъ все о дѣлахъ, съ графомъ—еще и еще о дѣлахъ, и, наконецъ, съ графинею, дочерью Дмитрія Николаевича, о дѣлѣ.

Вымышленная опасность всегда болѣе пугаетъ, чѣмъ дѣйствительная.

Министръ былъ у государя съ докладомъ. Программа наша утверждена. Тутъ было шесть пунктовъ большой важности.

8. Государь изъявилъ свое согласіе на опредѣленіе меня членомъ главнаго правленія училищъ. Это объявилъ мнѣ самъ министръ. Но тутъ же выразилъ что-то въ родѣ какого-то колебанія въ вопросѣ: не лучше-ли мнѣ быть членомъ ученаго комитета? Я на это возразилъ, съ чѣмъ онъ опять согласился. Удивительный человѣкъ Авраамъ Сергѣевичъ! Тяжело имѣть дѣло съ такимъ шаткимъ человѣкомъ. Но тутъ видно вліяніе моихъ департаментскихъ благопріятелей. Но я рѣшился не поддаваться.

Вечеромъ до полуночи занимался съ министромъ.

10. Опять тревоги по милости жалкой безхарактерности министра. Нѣтъ возможности идти съ нимъ путемъ ровнымъ, прямымъ и открытымъ, а между тѣмъ онъ самъ хорошій человѣкъ. Но вотъ что значить не имѣть ума твердаго и воли,

способной рѣшать самой безъ чужихъ подпорокъ. При этомъ боязнь, чтобы его не уличили въ зависимости отъ кого-нибудь.

Недѣли двѣ тому назадъ, онъ пригласилъ меня въ засѣданіе главнаго правленія училищъ, какъ будущаго члена, о чемъ и объявилъ во всеуслышаніе. А теперь желаетъ сдѣлать меня членомъ ученаго комитета, все время повторяя, что государь изъявилъ согласіе сдѣлать меня членомъ не комитета, а правленія. Когда же я не согласился на его желаніе, онъ встревожился и сталъ увѣрять, что сдѣлаетъ меня не только членомъ правленія, но и предсѣдателемъ комитета, что я необходимъ, что и думать нельзя о томъ, чтобы мнѣ не быть членомъ правленія. Ахъ, Авраамъ Сергѣевичъ! Жалко смотрѣть, какъ онъ въ такихъ случаяхъ изворачивается.

12. Еще одна нравственная болѣзнь нашего, такъ называемаго, мыслящаго поколѣнія—это бѣлая лось мысли. Мы не идемъ по пути мысли твердымъ логическимъ шагомъ, а бѣжимъ, сломя голову, и притомъ безъ всякой опредѣленной цѣли, часто влекомые однимъ только желаніемъ отличиться и обратить на себя вниманіе. На этомъ бѣгу мы схватываемъ кое-какія идеи, познанія, кое-какія убѣжденія, безъ основательности, безъ глубины, безъ опоры доблестнаго и трезваго труда. И вотъ мы великіе люди, гении въ собственныхъ своихъ глазахъ, произносимъ рѣшительные приговоры о западѣ и сѣверѣ, о югѣ и востокѣ, о наукѣ и литературѣ и прочее и прочее.

Многіе ожидаютъ отъ войны спасительныхъ послѣдствій, то есть вразумленія въ томъ, чего намъ не достаетъ и, слѣдовательно, въ томъ, что мы должны дѣлать. Это, можетъ быть, и такъ. Да гдѣ намъ взять рѣшимости и послѣдовательнаго труда, чтобы выполнить то, что сами признаемъ за полезное и должное? Гдѣ намъ взять честности, чтобы выполнять это не какънибудь, а вполнѣ сознательно, безъ лжи и фальши.

Мы одарены многими прекрасными способностями, кромѣ одной—способности дѣлать что-нибудь изъ своихъ способностей.

Великій характеръ состоитъ въ томъ, чтобы наполнять собой всякую сферу, въ которой ему суждено пребывать и дѣйствовать.

13. Все складывается такъ, чтобы, въ концѣ концовъ,

заставить меня удалиться отъ дѣлъ, возлагаемыхъ на меня министерствомъ. Нечестно было бы, если бы я это сдѣлалъ, не желая бороться и превозмогать препятствій, неразлучныхъ со всякою полезною дѣятельностью. Но здѣсь не то. Судьба свела меня съ человѣкомъ, у котораго хорошія намѣренія, доброе сердце, искры ума, но нѣтъ способности управлять ходомъ дѣлъ, нѣтъ твердости ни въ умѣ, ни въ волѣ. Это солома, иногда воспламеняющаяся сама собой, но чаще отъ соприкосновенія съ огнемъ и гаснущая въ одно мгновеніе. Съ одной стороны, онъ боится зависимости, съ другой,—готовъ каждую минуту попасть въ руки какого-нибудь подьячаго, въ родѣ К., который испугаетъ его формою. Онъ одна изъ печальныхъ жертвъ несчастнаго канцеляризма, который у насъ такъ часто замѣняетъ правительственный разумъ. И странное дѣло: эти слабые характеры, которые боятся зависимости, всегда попадаютъ въ руки плутовъ и никогда не въ состояніи прочно сойтись съ честными людьми. Имъ непременно надо быть обманутыми.

Подняться на интригу, на хитрости, прикрывая это видами общественной пользы? Если бы у меня на это и хватило ловкости, то этому рѣшительно противятся гордость и чувство человѣческаго достоинства, которые наполняютъ душу мою презрѣніемъ ко всѣмъ этимъ пошлымъ маневрамъ. Да и стоитъ ли игра свѣчь? Подлость останется подлостью, а добро выйдетъ очень сомнительное.

Мой честный образъ дѣйствій не понять—остается одно: уйти.

19. Не желая опять самъ лично объясняться съ министромъ, я прибѣгъ къ посредничеству П. П. Татарина. Изложивъ ему подробно всѣ обстоятельства моихъ отношеній къ министру—которыя, впрочемъ, ему и безъ того хорошо извѣстны, потому что онъ намъ обоемъ близкій человѣкъ—я въ заключеніе сказалъ, что если такая шаткость будетъ продолжаться, то я, несмотря на всю мою любовь къ Аврааму Сергѣевичу, принужденъ буду оставить всѣ дѣла по министерству.

П. П. взялся объяснить съ нимъ вмѣсто меня. Это было часовъ въ одиннадцать утра, а въ два часа П. П. былъ уже снова у меня. Онъ исполнилъ мое порученіе. Министръ,

говорить онъ, глубоко огорчился, показалъ ему бумагу, въ которой ходатайствуетъ объ опредѣленіи меня въ члены правленія училищъ, и прибавилъ, что, такимъ образомъ, я впередъ буду въ состояніи уже самъ за себя стоять. Въ заключеніе онъ просилъ его съѣздить ко мнѣ и передать мнѣ все это. Вечеромъ мнѣ сообщили еще, что онъ сильно сердился, то есть не какъ министръ, а какъ другъ (выражаясь самъ этимъ словомъ), и просилъ меня завтра обѣдать къ нему.

20. Обѣдалъ у Авраама Сергѣевича. Я очень неохотно къ нему отправился, ожидая длинныхъ объясненій. Но дѣло обошлось короче и проще: мы опять примирились! Бумага обо мнѣ, говоритъ министръ, уже послана къ Танѣеву.

22. Избранъ членомъ комиссіи отъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ для пересмотра ея постановленій. Мнѣ очень хотѣлось отъ этого уклониться. Тутъ непремѣнно наткнешься на ссору съ нѣкоторыми членами, которые во имя, такъ называемаго, русскаго элемента, хотятъ воевать съ нѣмцами. Я, разумѣется, буду ни за русскихъ, ни за нѣмцовъ, а за то, что буду считать справедливымъ. Да и что это за русская партія? Д. со своими личными замыслами, С. со своими юсами. Развѣ кто мѣшаетъ русскимъ отличатся въ Академіи нравственнымъ достоинствомъ и учеными подвигами? Но въ томъ-то и дѣло, что это труднѣе, чѣмъ кричать: «вотъ нѣмцы, все нѣмцы!»

28. Читалъ министру написанное мною заключеніе къ годичному отчету. Объятія.

Отчего даже очень умные и такъ называемые образованные люди часто служатъ самымъ мелкимъ страстямъ? Оттого, что вообще и умный человекъ ничто, когда ему недостаетъ возвышенныхъ стремленій, которыя одни способны внушить глубокое презрѣніе къ тому, что занимаетъ мелкихъ людей.

Встрѣтилъ недавно Т. бывшаго нѣкогда литераторомъ, но уже давно не появлявшагося въ печати. Я не видѣлъ его лѣтъ пятнадцать и насилу могъ узнать. Лицо его, нѣкогда довольно пріятное, теперь точно опухло и заплыло жиромъ. Онъ женился, разбогатѣлъ, взявъ за женой огромное имѣніе, не служить, отъѣздается и отпивается то въ своихъ деревняхъ, то въ Москвѣ. Это былъ большой писака! Писаніе у него было

родъ какого-то животнаго процесса, какъ бы совершавшагося безъ его вѣдома и воли. Онъ мало учился и мало думалъ. Какъ подъ мельничными жерновами, у него въ мозгу все превращалось въ стихи, и стихи выходили гладкіе, иногда даже въ нихъ присутствовала мысль—но все-таки, кажется, безъ вѣдома автора. Журналы наполнены были его стихами. Онъ издалъ три тома своихъ сочиненій съ портретомъ — и вдругъ замолчалъ и скрылся куда-то. Но вотъ теперь выплылъ съ семьей, съ деньгами и съ брюхомъ—уже безъ стиховъ. Впрочемъ, виновать, стихи есть. У него со временемъ развилось странное направленіе: онъ писалъ и пряталъ все написанное. У него полны ящики исписанной бумаги, которые онъ мнѣ разъ показывалъ.— «Что же вы не печатаете?» спросилъ я его. — «Да такъ, отвѣчалъ онъ: — Вѣдь я пишу, по тому что пишется». Несмотря на это, онъ однако любитъ кому-нибудь читать свои произведенія.

30. Былъ на дняхъ у московской барыни С. Н. К., которая пріѣхала сюда на нѣсколько дней. Боже мой! Что за сорочья болтовня! Что за крохотныя чувствованія! Что за важничанье и умничанье! И все это безъ малѣйшей граціи. Вездѣ натяжка, фальшь, поддѣлка, усиліе казаться, а не быть. И какой рѣшительный приговоръ надъ всѣми: политики, литераторы, ученые, государственные люди, всѣ такъ и заливаются мутными волнами этой болтовни; всѣ тонуть въ страшномъ хаосѣ словъ, лишенныхъ даже дѣтскаго простодушія. Въ гостиной было еще нѣсколько лицъ — всѣ подѣ-стать.

Когда насмотришься на этихъ людей и наслушаешься ихъ, то совершенно теряешь вѣру въ улучшение нашего нравственнаго и умственнаго быта.

Апрѣль 1. Диспутъ въ университетѣ, которому подвергся мой адъюнктъ М. И. Сухомлиновъ, ищущій степени доктора. Оппонентами были я и Касторскій. Авторъ защищалъ свою диссертацию: «О литературномъ характерѣ древней русской лѣтописи». Тутъ много фактовъ: это нынче въ ходу. Защищался авторъ хорошо.

Вчера съ Н. Г. Устряловымъ сдѣлался ударъ во время лекціи его въ Педагогическомъ институтѣ. Впрочемъ, онъ въ памяти. Его упрекають въ сильномъ потворствѣ своему чреву.

Онъ, дѣйствительно, большой ѣдунъ; не отказывается и отъ хорошаго вина; много спитъ, мало движется. Оттого онъ обрюзгъ, заплылъ какимъ-то желтоватымъ жиромъ и сдѣлался лакомымъ кускомъ для кондрашки. Впрочемъ, не всякій-ли долженъ ежечасно быть готовъ къ внезапному нападенію этого врага? Эти внезапныя нападенія часто повторяются въ послѣднее время.

4. Я чувствую сильную усталость отъ служебной и дѣловой сутолоки. Я едва успѣваю быть то тамъ, то здѣсь, дѣлать то или другое. Комитеты, комиссіи, лекціи, наблюденія за преподаваніемъ по разнымъ вѣдомствамъ, чтеніе журнальныхъ корректуръ, дѣла, поручаемыя мнѣ по министерству, мѣры обороны противъ департаментскихъ крысъ—все это и многое другое составляетъ такую мутную смѣсь житейскихъ волнъ, что я захлебываюсь ими и едва, какъ говорится, успѣваю перевести духъ. Здоровье надломлено. Пора бы отдохнуть нѣсколько мѣсяцевъ. Да какъ отдохнуть? Нужны деньги, деньги и деньги! А я ими не запасаю, не сумѣлъ ихъ приобрести, слѣдовательно не заслуживаю и отдыха. Увы! я много въ жизни дѣлалъ того, что не требуется жизнью, и не дѣлалъ того, что ею требуется.

12. Предположенія и опасенія, которыя вертѣлись у меня въ умѣ уже годъ тому назадъ, сбываются. Министерство Народнаго Просвѣщенія отдается въ опеку. Только я не предвидѣлъ, кто будетъ главнымъ опекуномъ. Дѣло въ томъ, что главное правленіе училищъ, по волѣ государя, получаетъ такое устройство, что оно составитъ родъ самостоятельной коллегіи, съ правомъ протестовать противъ рѣшеній министра—разумѣется въ важнѣйшихъ основныхъ вопросахъ образованія, воспитанія и управленія—а какъ членомъ правленія сдѣланъ Ростовцевъ, то понятно, кто тутъ будетъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Нельзя не согласиться, что этому перевороту много помогла дурная слава нашей министерской бюрократіи, съ знаменитымъ ея представителемъ Кисловскимъ. По городу много ходило слуховъ о зависимости отъ нея министра. Да и самое поведеніе Авраама Сергѣевича, чловѣка добраго и, какъ говорится, благонамѣреннаго, но вовсе не отличающагося ни тактомъ, ни самостоятельнымъ харак-

теромъ, не мало содѣйствовало этому ограниченію. Какъ бы то ни было, а мы наканунѣ важныхъ перемѣнъ по министерству. На дняхъ у меня былъ адъютантъ Ростовцева Косиковскій и рассказалъ мнѣ много любопытнаго. Яковъ Ивановичъ, между прочимъ, желаетъ меня видѣть.

13. Плетневъ утвержденъ членомъ главнаго правленія училищъ. Такъ какъ я вмѣстѣ съ нимъ назначался въ это званіе, то выходитъ, что меня отвергли. Значить вся эта процедура о назначеніи меня членомъ главнаго правленія училищъ была просто комедія. Но къ чему она? Зачѣмъ прибѣгъ къ ней Авраамъ Сергѣевичъ? Да и чѣмъ заслужилъ я это оскорбленіе?

Министръ только что объявилъ мнѣ, что государь не желаетъ утвердить меня членомъ главнаго правленія училищъ, подѣтъ предлогомъ, что я еще не старый дѣйствительный статскій совѣтникъ. Но вѣдь еще недавно Авраамъ Сергѣевичъ утверждалъ мнѣ, что государь уже изъявилъ свое согласіе на мое опредѣленіе. Что-то не ясно — а главное гадко.

15. День Пасхи. Къ крайнему моему сожалѣнію, не былъ у заутрени, которую я такъ люблю. Въ министерскую церковь я не хотѣлъ ѣхать, а другой (кромѣ приходскихъ) у меня въ виду не было.

Вчера былъ, вмѣстѣ съ другими четвероклассными особами, приглашенъ на балъ во дворецъ 17-го числа. Отказался по нездоровію.

21. Вчера былъ у Ростовцева. Онъ долго задержалъ меня у себя. Онъ рассказалъ мнѣ всѣ обстоятельства, какимъ образомъ устроилось нынѣшнее главное правленіе училищъ и какимъ образомъ учинена надъ министерствомъ опека. При этомъ онъ также передалъ мнѣ нѣсколько примѣровъ удивительной безхарактерности Авраама Сергѣевича. Бюрократическія козни и власть Кисловскаго надъ этимъ слабымъ чловѣкомъ ему извѣстны даже лучше, чѣмъ мнѣ; я услышалъ отъ него много новыхъ подробностей. Яковъ Ивановичъ говоритъ, что это невозможно, чтобы государь не утвердилъ меня членомъ главнаго правленія: Авраамъ Сергѣевичъ все это выдумалъ, чтобы какъ-нибудь вывернуться передо мною. Всего вѣрнѣе, что онъ, убоясь своей канцеляріи, вовсе не дѣлалъ

обо мнѣ представленія. Необдуманностью своихъ поступковъ онъ уже не разъ ставилъ себя въ такое положеніе, что не зналъ самъ какъ изъ него выйти и прибѣгалъ къ школьнымъ уловкамъ. Во всякомъ случаѣ, я теперь уже не дѣйствующее лицо: Авраама Сергѣевича связали по рукамъ, а онъ самъ уже окончательно оттолкнулъ меня отъ себя.

Затѣмъ съ Ростовцевымъ много было говорено о требованіяхъ нашего образованія, о гимназіяхъ, о необходимости дать имъ новое устройство. Я высказалъ ему мою давнишнюю мысль о прибавкѣ къ нынѣшнему курсу восьмага года.

27. Жизнь такъ ничтожна, что и скорби ея не стоятъ того, чтобы долго заниматься ими. Жалокъ тотъ, кто страданіями не умѣлъ купить себѣ нѣкоторой независимости духа и внутренняго успокоенія.

28. Вчера вечеромъ читалъ у меня Ф. . . свою фантастическую повѣсть въ стихахъ. Стихи хороши; есть картины, образы, но мысли никакой. Это поэты думаютъ, что можно писать безъ всякой опредѣленной идеи, что отыскать или привить эту идею къ сочиненію есть дѣло читателя, а не автора. Я высказалъ послѣднему то, что думалъ, а также и догадку, какую можно имѣть о томъ, что авторъ хотѣлъ сказать. Онъ удивился, что тутъ ищутъ мысли. И. И. Панаевъ былъ одного мнѣнія со мной.

Не отмѣтилъ еще важнаго для нашего университета событія: на первый день праздника попечитель Муссинъ-Пушкинъ уволенъ отъ этой должности, съ производствомъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Эта почетная отставка противъ его воли. Онъ не ожидалъ ея и сначала, говорятъ, сильно смутился. Теперь пошли обычные толки. Радуются почти всѣ, кто только слышалъ имя Муссина-Пушкина. Между тѣмъ онъ не изъ худшихъ администраторовъ прошлаго времени. Онъ, правда, человекъ не высокаго ума, однако же то, что называется человекъ съ практическимъ умомъ. Въ немъ было три достоинства, которыхъ лишены многіе, такъ называемые «добрые начальники». Первое: въ самое крутое время онъ не подкапывался сознательно подъ науку; не выслуживался, отыскивая въ ней что-нибудь вредное; не посягалъ на свободу преподаванія. Напротивъ, онъ, по-своему, оказывалъ ей ува-

женіе и признавалъ ея права. Второе его достоинство:—онъ умѣлъ цѣнить ученныя заслуги и горюю стоялъ за своихъ ученыхъ сослуживцевъ, защищая ихъ отъ всяческихъ козней. Я самъ тому свидѣтель. Когда въ смутное время 1849 года, легионы шпионовъ подсматривали за университетомъ и слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ, когда отбирали наши записки—въ томъ числѣ и мои—Муссинъ-Пушкинъ, какъ истый рыцарь, ополчился въ защиту нашей чести и безопасности и писалъ въ нашу пользу сильно, твердо и безбоязненно. Часто случилось, что онъ отказывалъ такимъ лицамъ, какъ графъ Орловъ, въ опредѣленіи кого-нибудь на мѣсто, на которое справедливость требовала назначить своего заслуженнаго ученаго или чиновника. Вообще у него не было ничего походяго на пресмыкательство передъ сильными, или на выслуживаніе. Что дѣлалъ онъ, худо-ли, хорошо-ли, то дѣлалъ по убѣжденію. Третье его достоинство—вѣрность своему слову. Но всѣ эти достоинства, къ сожалѣнію, были облечены въ такую кору, что многіе могли ихъ узнать настолько, чтобы какъ слѣдуетъ оцѣнить ихъ. Онъ со своими добрыми качествами ѣздилъ на бѣшен-ной лошади, которая, закусивъ удила, часто помимо его воли, мчала его въ грязь, въ пропасти, въ болота, куда ни попало, гдѣ онъ рисковалъ задавить кого-нибудь и сломить шею самому себѣ. Лошадь эта—его бурливый характеръ. Съ подчиненными своими и даже съ не подчиненными онъ разыгрывалъ самыя нелѣпыя сцены ругательства—и вотъ что создало ему скверную репутацію, которая и довела его, наконецъ, до паденія. Нынѣшній государь, съ его прекрасными человѣчными наклонностями, не могъ его выносить. Онъ и министру не разъ изъяслялъ свое неудовольствіе на Муссина-Пушкина. Самая слабая сторона послѣдняго была цензура. Въ цензурѣ онъ часто бывалъ просто нелѣпъ; да и сказать правду, съ такими цензорами, какіе были въ послѣднее время, нельзя было и дѣло дѣлать. Система эта, однако, была не его: она была установлена свыше. Впрочемъ, онъ и самъ не уважалъ литературы. Онъ не имѣлъ къ ней того, что называютъ симпатіей.

Май 2. Пахнуло чѣмъ-то похожимъ на весну. Странно, что громады льду плывутъ по Невѣ изъ Ладожскаго озера, а

между тѣмъ жарко. Голые прутья деревьевъ начинаютъ покрываться зеленымъ пушкомъ. Пора на дачу.

5. Бурное засѣданіе въ Академіи Наукъ. Выбирали въ ординарные академики греческой словесности Н., адъюкта въ берлинской гимназіи. Оно, пожалуй, можетъ быть и слишкомъ поспѣшно сдѣлать гимназическаго адъюкта прямо ординарнымъ академикомъ; но какъ уже дѣло было обсуждено въ прежнихъ засѣданіяхъ, а теперь только слѣдовало класть шары, то я не счелъ приличнымъ возражать противъ выбора филологическаго отдѣленія. Но не такъ разсудилъ С., одинъ изъ жаркихъ поборниковъ, такъ называемой, русской партіи. Сначала дѣло шло тихо. Баллотировали, и Н. не былъ выбранъ. Но вдругъ при счетѣ шаровъ оказалась какая-то ошибка; приступили къ перебаллотировкѣ. Тутъ-то возсталъ С. и, правду сказать, довольно грубо. Съ нимъ заспорили другіе и споръ началъ принимать личный характеръ. Между тѣмъ, перебаллотировка произведена, и Н. опять не выбранъ.

Министръ рѣшительно на меня гнѣвается. Онъ очень рѣзко, чтобъ не сказать грубо, выразился на мой счетъ одному изъ своихъ приближенныхъ. Ну, это право ужъ слишкомъ нелѣпо! Бѣдный Авраамъ Сергѣевичъ! Вотъ что значить бремя не по силамъ! Онъ просто добрый человѣкъ и министру въ немъ не умѣститься. Тутъ не чѣмъ помочь—тутъ радикальная неспособность къ дѣлу. Врядъ-ли онъ долго еще пробудетъ министромъ. Однако, какова должна быть слабость характера, чтобы увизиться до лжи!

7. Обѣдалъ у графа Блудова. Сообщилъ ему, что у меня готово предисловіе къ дополнительному изданію сочиненій Жуковскаго. Онъ назначилъ время, чтобы прочесть его вмѣстѣ

Ну, кажется, въ министрѣ я приобрѣлъ настоящаго врага. Вотъ новый подарокъ судьбы! Единственная моя вина—и конечно вина—это довѣріе, которое я питалъ къ его сердцу. За то, по мѣрѣ его отдаленія отъ меня, замѣтно скрѣпляется его союзъ съ Кисловскимъ: этотъ умнѣе его, насколько волкъ умнѣе овцы. Но не гнусно-ли все это? Если это принадлежить къ неизбѣжнымъ и обыкновеннымъ явленіямъ жизни, то что же, наконецъ, такое эта жизнь, наполненная только и только подобнымъ сбродомъ всякихъ мелочей, борьба съ которыми

даже не составляет достоинства? Ибо, есть-ли тутъ хоть капля чего-нибудь разумнаго, потому что вѣдь и зло можетъ имѣть свои разумныя основанія и свои разумныя послѣдствія.

Вчера былъ у князя, который упорно наводилъ рѣчь на мои новыя отношенія съ министромъ. Разумѣется, я осторожно и, по возможности, искусно уклонялся отъ его, болѣе или менѣе, нескромныхъ вопросовъ. Вотъ этотъ сановникъ, пожалуй, и хорошо понимаетъ вещи, но чортъ-ли въ этомъ пониманіи, когда и изъ него, какъ изъ сухаго песку, нельзя слѣпить никакой формы! Всѣ они таковы—эти правители русскихъ судебъ.

12. На дачѣ. Теперь занимаюсь сочиненіемъ о воспитаніи, которое я, въ качествѣ члена морской комиссіи долженъ представить великому князю Константину Николаевичу. Дѣло это замедлилось по причинѣ множества занятій, которыми я былъ обремененъ.

20. Воскресенье. Четвергъ, пятницу и субботу провелъ въ городѣ: присутствовалъ въ академическихъ засѣданіяхъ, былъ въ Аудиторскомъ училищѣ и въ римско-католической академіи. Въ субботу обѣдалъ у гр. Блудова. Это почтенный старецъ. Отраднo видѣть въ немъ живучесть человѣческой природы. Въ семьдесятъ четыре года онъ сохранилъ изумительную свѣжесть ума, памяти и воображенія. Онъ славится охотой поговорить. Но разговоръ его пріятенъ и поучителенъ. Мало того, что онъ говоритъ умно, но и всегда полонъ одушевленія и сочувствія ко всему человѣчному, къ искусству, къ наукѣ. Давыдовъ справедливо замѣчаетъ, что это плоды гуманитарнаго образованія. Между тѣмъ, обширная европейская начитанность и любовь къ общечеловѣческому образованію ни мало не мѣшаетъ ему горячо любить свое отечество, свою литературу, исторію, преданія своей старины и т. п.

Блудовъ, въ своихъ разсказахъ, передаетъ много любопытнаго изъ воспоминаній о прошломъ времени. Онъ многого былъ свидѣтелемъ; во многомъ былъ участникомъ и дѣятелемъ.

Недавно Норовъ говорилъ одному изъ моихъ близкихъ пріятелей, что онъ меня не представилъ къ званію члена главнаго правленія училищъ (а мнѣ еще недавно утверждалъ, что государь отказалъ ему, несмотря на его жаркое ходатайство!), что онъ меня не представилъ потому, что, будто бы, я вездѣ

хвастаюсь моимъ вліяніемъ на него; что онъ де это слышалъ изъ вѣрнаго и преданнаго ему источника. Каково! Вѣдь это ужъ просто отвратительно и сильно смахиваетъ на лакейскія сплетни. По чести могу сказать, что я всегда и вездѣ ревниво охранялъ его достоинство, какъ министра и какъ человѣка, близкаго моему сердцу. Но кто-же виновать въ томъ, что, вотъ теперь, въ публикѣ всѣ единодушно говорятъ, что онъ находится въ рукахъ своего вице-директора и что министерствомъ управляетъ не министръ, а подьячій? Правду сказалъ Яковъ Ивановичъ, что онъ (Норовъ) все лжетъ и лгалъ, когда передавалъ мнѣ слова государя.

Въ пятницу, вечеромъ, пріѣзжалъ ко мнѣ прощаться Николай Романовичъ Ребиндеръ, назначенный попечителемъ въ Кіевъ. Мы оба были тронуты. Вотъ уже восемнадцать лѣтъ, какъ мы понимаемъ, уважаемъ и любимъ другъ друга.

24-го мая. Вчера былъ въ городѣ. Вечеръ провелъ у Кавелина, гдѣ были также Милютинъ, Дмитрій Алексѣевичъ, встрѣча съ которымъ, кстати сказать, всегда меня радуетъ, и два молодые профессора, одинъ изъ Казани, Ешевскій, другой изъ Москвы, Капустинъ. Читано было дополненіе Кавелина къ его весьма умной статьѣ объ освобожденіи крестьянъ, которая ходитъ въ рукописи и которую онъ мнѣ недавно давалъ для прочтенія. Главныхъ два положенія: 1) произвести освобожденіе посредствомъ выкупа и 2) выкупить крестьянъ не иначе, какъ съ землей.

26. Экзаменъ IV курса въ университетѣ. Въ словесности бываетъ такъ, что у кого нѣтъ природной способности къ нѣскольکو возвышенному образу мыслей, тотъ мало дѣльнаго можетъ тутъ сказать. Голые факты литературы, безъ умнаго и обстоятельнаго анализа, ничего не значать. Нѣкоторые изъ студентовъ оказались хорошо мыслящими; но, по крайней мѣрѣ, половина ихъ кое-какъ плелась за высшими понятіями, путалась и спотыкалась.

Послѣ экзамена поѣхалъ къ Муссину-Пушкину съ прощальнымъ визитомъ. Ну, право же, онъ лучше, чѣмъ о немъ думаютъ, особенно въ сравненіи съ другими.

27. Воскресенье. Вотъ главное, что я старался проводить и всѣми силами поддерживать во время моихъ трехлѣт-

нихъ сношеній съ министромъ: 1) не дѣйствовать вспышками по минутнымъ соображеніямъ, а опредѣлять виды министерства ясно и отчетливо, и затѣмъ уже систематически, неуклонно дѣйствовать въ духѣ ихъ.

2) Устроить гимназіи.

3) Открыть главное правленіе училищъ (это прежде всего).

4) Университеты наши на краю пропасти, вслѣдствіе недостатка способныхъ, хорошихъ профессоровъ, потому немедленно заняться подготовленіемъ ихъ: а) обявавъ университеты готовить способныхъ молодыхъ людей, со спеціальною цѣлью замѣщать ими профессорскія каведры; б) обезпечивъ будущность профессоровъ такъ, чтобы способные люди могли свободно и безраздѣльно отдавать свои силы университету.

5) Дать разумное и сообразное съ требованіями просвѣщенія направленіе цензурѣ. Для этого: а) замѣнить неспособныхъ цензоровъ болѣе способными; б) дать имъ въ дополненіе къ уставу наказъ, который, предлагая имъ, по возможности, опредѣленные руководящія правила, обуздывалъ бы ихъ произволъ и давалъ бы больше простора литературѣ.

Разумѣется, почти все это и многое другое было гласомъ вопіющаго въ пустынь. Канцелярія, точно крючками, оттягивала осуществленіе всякой изъ этихъ идей и повергала ее въ тьму кромѣшную, идѣже пребываютъ всякія пакости и ниче-соже нѣтъ благаго и рациональнаго. А министръ довольствовался тѣмъ, что поговорить со мной о высшихъ предметахъ—и довольно.

31-го мая. Къ величайшему моему неудовольствію, столкнулся на поѣздѣ желѣзной дороги съ Норовымъ. Онъ вошелъ въ то-же отдѣленіе, гдѣ и я находился, и сѣлъ возлѣ меня. Министръ распространился насчетъ своихъ благихъ намѣреній относительно „Журнала Мин—ства Нар. Просвѣщенія“, порученнаго моею редакціи. Наученный горькимъ опытомъ, я, признаюсь, слушалъ его безучастно, повторяя, что для поднятія журнала необходимы деньги и деньги.

— „Да, вѣдь, журналъ улучшается-же“, сказалъ онъ. „Журналъ не достигъ еще той степени, на которой долженъ стоять министерскій журналъ, но, надѣюсь, въ вашихъ рукахъ скоро достигнетъ.“

— „Да“, отвѣчалъ я,— журналъ улучшается, благодаря моимъ личнымъ отношеніямъ и дружбѣ ко мнѣ нашихъ ученыхъ, которые снабдили меня на первый разъ своими статьями, по моей просьбѣ. Но я не могу употреблять во зло ихъ личную дружбу и, наконецъ, долженъ обѣщать имъ вознагражденіе, соотвѣтственное ихъ трудамъ и требованіямъ времени. Что же касается того, что журналъ еще не достигъ степени совершенства, на которой долженъ находиться, то такіа вещи не творятся въ четыре мѣсяца, да еще безъ денегъ!“

Министръ ссылался на патріотизмъ, который долженъ воодушевлять ученыхъ, а я возражалъ, что и патріотизму нуженъ хлѣбъ насущный. Наконецъ, онъ обѣщалъ мнѣ возвратитъ журналу тѣ три тысячи рублей пособія, которые были у него отняты во время управленія министерствомъ князя Шихматова. Къ сожалѣнію, я слишкомъ хорошо знаю цѣну этимъ обѣщаніямъ. Я имѣлъ слабость огорчиться этой встрѣчей съ человѣкомъ, къ которому я потерялъ всякое довѣріе и съ которымъ потому не желалъ бы встрѣчаться.

Іюнь 3. Воскресенье. Теперь только пріѣхалъ изъ города. Пропасть было дѣла, то по академіи, то по университету, гдѣ на меня временно возложена должность декана. Вечеромъ въ субботу, приглашалъ меня къ себѣ графъ Блудовъ, вмѣстѣ съ барономъ Клодтомъ, княземъ Вяземскимъ и Тютчевымъ, для обсуждения проекта памятника, который собираются воздвигнуть на могилѣ Жуковскаго.

Нѣкоторые литераторы меня недавно упрекали въ томъ, что я не примыкаю ни къ какой литературной партіи въ особености и не ратую ни за одну изъ нихъ исключительно.—

— «Мой девизъ», отвѣчалъ я, — «независимость моихъ собственныхъ мнѣній и уваженіе къ мнѣніямъ другихъ. Всѣмъ извѣстно, что я всегда такъ думалъ и поступалъ, и я нахожу, что мнѣ и впередъ не слѣдуетъ измѣнять моего образа мыслей и дѣйствій».

10. Сегодня поутру, къ моему удивленію, посѣтилъ меня Авраамъ Сергѣевичъ. Онъ жаловался на Блудова, который что-то сильно его атакуетъ. Чѣмъ и какъ?

11. Стремленіе, посредствомъ литературы, ввести образованный классъ въ интересы низшаго и тѣмъ открыть путь обра-

зованію въ среду послѣдняго—мысль прекрасная. Но не надо, однако, невѣжество, грубость и предрасудки этого класса выставлять какъ нѣчто поэтическое и способное вызывать одно умиленіе. И въ этомъ классѣ не менѣе, чѣмъ въ другихъ, недостатковъ и пошлостей; нужды нѣтъ, что они въ немъ не заимствованы и естественны—все-таки это пошлости, и дагерротипные снимки съ нихъ ничего не говорятъ въ пользу того, что есть, и ни мало не пролагаютъ дороги къ тому, что должно быть. Литература, исключительно направленная къ этимъ предметамъ и исключительно усвоившая себѣ эту манеру, доказываетъ недостатокъ творчества и стремленія къ усовершенствованію. Вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, легче списывать грубую натуру, со всѣми ея неприглядными подробностями, чѣмъ мыслить и создавать.

Августъ 22. Среда. Вотъ и августъ приближается къ концу. Лѣто давно прошло или, лучше сказать, оно и не начиналось. Май, іюнь, іюль промелькнули среди холода, вѣтра, дождя. Такого гнуснаго лѣта я не запомню даже въ Петербургѣ. Но и помимо погоды я провелъ лѣто дурно безъ отдыха, въ постоянной суетлогодъ и дѣловыхъ дрязгахъ.

Изъ внѣшнихъ обстоятельствъ стоить отмѣтить развѣ только доносъ на меня и Давыдова министру—что мы его ругаемъ и собираемся составить противъ него настоящій заговоръ съ помощью Ростовцева. Такъ какъ доносъ, главнымъ образомъ, касался Давыдова, то я и совѣтовалъ ему объясниться съ Ростовцевымъ—что онъ и сдѣлалъ.—«Старый младенецъ, старый младенецъ!» повторилъ нѣсколько разъ Ростовцевъ о Норовѣ. А въ министерствѣ тѣмъ временемъ творятся такіа дѣла, что о нихъ грустно говорить и думать. Вездѣ на первомъ планѣ Кисловскій.

Сентябрь 18. Московскіе остряки сложили на нашего министра острогу:—«Онъ безъ памяти любитъ просвѣщеніе». А въ Петербургѣ къ этому прибавляютъ еще: «Онъ безъ ума отъ своего министерства». Ахъ, Авраамъ Сергѣевичъ, въ какую тину вы залѣзли!

Недавно, между прочимъ, произошелъ слѣдующій скандалъ. Совѣтъ московскаго университета избралъ на кафедре исторіи отличнаго молодого ученаго Ешевскаго, котораго я рекомен-

доваль министру еще во время юбилея московскаго университета. Авраамъ Сергѣевичъ съ нимъ лично познакомился, выслушалъ его пробную лекцію, пришелъ въ восторгъ и благодарилъ меня за него. Попечитель одобрилъ избраніе совѣта и представилъ Ешевскаго на утвержденіе министру. Но Кисловскій рѣшилъ иначе.... (Однако) попечитель Ковалевскій твердо и рѣшительно заявилъ ему, что скорѣе подастъ въ отставку, чѣмъ позволить Кисловскому вмѣшиваться въ дѣла московскаго университета. Кисловскій, говорятъ, отъ этого заболѣлъ, а министръ долженъ былъ утвердить Ешевскаго—не безъ гнѣва однако на попечителя, столь благородно и рѣшительно отстаивающаго свое и университетское право. Событіе это разнеслось по Москвѣ, дошло и сюда, гдѣ произвело весьма грустное впечатлѣніе.

Я выбранъ въ члены Театральнаго комитета, для разсмотрѣнія пьесъ, написанныхъ къ столѣтнему юбилею театра. Комитетъ собирался разъ шесть, прочиталъ двадцать четыре пьесы—одну другой слабѣе, и, наконецъ, остановился на одной, которую и одобрилъ. По вскрытіи пакета, въ которомъ она заключалась, оказалось, что пьеса эта графа Сологуба. Къ этому прибавили еще прологъ Зотова.

Говорятъ, что нашъ комитетъ сдѣляется постояннымъ. Меня уже спрашивали отъ имени министра императорскаго двора: согласенъ-ли я и впередъ быть членомъ?

Октябрь 2. Торжественный въѣздъ государя императора въ Петербургъ. Процессія прошла мимо оконъ моей квартиры въ половинѣ втораго. Отъ насъ все было видно отлично. Процессія пышная, какъ всѣ процессіи подобнаго рода. Несмѣтныя толпы народа.

6. Получилъ отъ министра императорскаго двора графа Адлерберга уже официальное приглашеніе быть членомъ комитета при дирекціи театровъ, на который возлагается разсмотрѣніе вновь поступающихъ на сцену пьесъ.

9. Обѣдалъ у графа Блудова въ первый разъ по возвращеніи его изъ Москвы. Разговоръ шелъ о литературѣ. Графиня-дочь прочитала мнѣ стихи какой-то тульской стихотворицы. Графиня, какъ извѣстно, большая патріотка и радуется появленію всякаго, такъ называемаго, отечественнаго таланта.

Плетневъ пишетъ изъ Парижа, что его всего больше поражаетъ во французахъ единство національнаго чувства. При-

чину тому онъ полагаетъ въ ихъ вѣрѣ въ свое національное превосходство.

— «Отчего у насъ», спрашиваетъ онъ,— «нѣтъ такихъ великихъ результатовъ народности, какъ у нихъ?» и отвѣчаетъ:— «отъ недостатка вѣры въ наши моральныя качества!» А я думаю—отъ неразвитости самихъ моральныхъ качествъ у насъ. Способностей у насъ много, но, увы! не меньше и безнравственности.

25. Всякая отрасль науки заслуживаетъ уваженія; но не заслуживаютъ уваженія претензіи ученыхъ, изъ которыхъ каждый хотѣлъ-бы, чтобы его отрасль была признана за цѣлое дерево, причѣмъ другимъ деревьямъ и расти не нужно.

Русское слово и словесность такъ дороги намъ, что мы должны ихъ подвергать самому тщательному и всестороннему изслѣдованію. Надо разсматривать ихъ: критически, исторически, эстетически. Тутъ нужно нѣсколько специалистовъ.

Борьба въ академіи съ Срезневскимъ Ему хочется, чтобы все Русское отдѣленіе состояло изъ славянства: славянскихъ древностей, славянской филологіи, славянской литературы. Каеэдру русской словесности онъ хотѣлъ-бы превратить въ каеэдру славяно-русской, такъ чтобы собственно русская словесность утонула въ потоки славянщины. Я противъ этого сильно возсталъ. Меня на этотъ разъ слабо поддерживалъ Иванъ Ивановичъ (Давыдовъ). Тѣмъ не менѣе, Срезневскій въ заключеніе сдался.

Ноябрь 11. Былъ у попечителя московскаго университета [Евграфа Петровича] Ковалевскаго. Онъ дивныя вещи поразказалъ мнѣ о Норовѣ, какъ напримѣръ: онъ скажетъ да, а Кисловскій нѣтъ, и дѣло дѣлается или, лучше сказать, не дѣлается по рѣшенію послѣдняго. Какой вредъ для хода дѣлъ! Представленія попечителей о самыхъ важныхъ нуждахъ подвергаются страшнымъ задержкамъ, крючкотворствамъ, искаженіямъ; не говоря уже о вышихъ вопросахъ воспитанія и образованія, на которые не обращается никакого вниманія. Многія представленія по годамъ не разрѣшаются. Канцелярскій произволъ надъ всѣмъ властвуетъ. Всякая мысль, касающаяся воспитанія и образованія, всякое ученое лицо, всякая книга находятъ себѣ враждебное противодѣйствіе въ департаментскихъ чиновникахъ. Министръ ничего не знаетъ, ничего не видитъ, а только слушаетъ своего наперстника Кисловскаго и под-

писываетъ бумаги, которыхъ содержаніе часто не знаетъ, или черезъ нѣсколько минутъ забываетъ, такъ что о дѣлѣ, о которомъ ему вчера было говорено, сегодня надо вновь говорить, а на слѣдующій за тѣмъ день оно непременно будетъ сдѣлано не такъ, какъ онъ его понималъ, какъ общалъ и даже какъ положилъ письменную резолюцію.

12-го ноября. Сегодня П. П. Татариновъ прїѣзжалъ ко мнѣ отъ министра просить меня по прежнему бывать у него по средамъ. Я уклонился.

20. Обѣдалъ сегодня у графа Д. Н. Блудова. Послѣ обѣда мы съ нимъ остались одни. Предметомъ нашего разговора были дѣла по министерству народнаго просвѣщенія. Графъ сильно негодуетъ на то, что тамъ творится. Онъ мнѣ рассказывалъ любопытныя подробности о поведеніи Норова въ государственномъ совѣтѣ вчера и сегодня, по случаю преній о производствѣ въ чины молодыхъ людей, кончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній. Это нынѣ составляетъ важный законодательный вопросъ по нашему министерству. Вопросъ этотъ обсуждался еще при покойномъ государѣ въ комитетѣ, состоявшемъ, подъ предсѣдательствомъ графа Блудова, изъ Ростовцева, барона М. Корфа, Протасова и Анненкова. Тамъ было положено отмѣнить производство въ чины воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній по, такъ называемымъ, сокращеннымъ срокамъ. Въ нынѣшнее царствованіе, когда комитетъ былъ уже наканунѣ закрытія, дѣло это, вмѣстѣ съ другими вопросами, касающимися преобразованій учебныхъ заведеній, передано было Норову, а тотъ возложилъ на меня рассмотреть ихъ и составить о нихъ записку съ указаніемъ, что изъ идей комитета можетъ быть принято, что должно быть измѣнено, дополнено и прочее. Я занялся этимъ усердно и тогда же нашелъ, что планъ преобразованія университетовъ былъ очень неудовлетворителенъ. Впрочемъ, я узналъ впоследствии, что комитетъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ стратегически: университеты были на краю гибели; они подвергались опасности закрытія (въ 1849—1850 годахъ) и комитетъ стремился только къ одному—во что бы то ни стало спасти ихъ. Но многія идеи комитета о низшемъ и среднемъ образованіи были весьма хороши и могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ при полезныхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ по этой части. Обо всемъ этомъ мы тогда много

толковали съ Норовымъ и, между прочимъ, я совѣтывалъ ему принять и мысль комитета относительно производства въ чины; это онъ, какъ и все другое, совершенно одобрилъ; въ этомъ же духѣ объяснялся съ графомъ Блудовымъ и даже подписалъ формальную о томъ бумагу. По разрывѣ моей связи съ нимъ, онъ вдругъ перемѣнилъ намѣреніе,—конечно, подъ вліяніемъ Кисловскаго, который, очевидно, задался задачей вырывать все, что было посѣяно мной. Въ государственномъ совѣтѣ сильно удивились перемѣнѣ норовскаго мнѣнія и еще больше удивились, когда выслушали его записку объ этомъ предметѣ—и по содержанію и по изложенію вовсе не государственную. И вотъ, въ эти два послѣднія засѣданія, совѣтъ, какъ говорится, приперъ его. Норовъ не сумѣлъ дѣльно и логически защищать свое мнѣніе; онъ растерялся, вышелъ изъ себя и почти бранился. Наконецъ, поставленный втупикъ возраженіями членовъ, онъ обратился къ предсѣдателю съ просьбою призвать присутствующихъ къ порядку.

— «Если кого либо надо призвать къ порядку», возразилъ графъ А. Ѳ. Орловъ,—«такъ это васъ».

Когда Норовъ началъ было ссылаться на свою записку, одинъ изъ членовъ замѣтилъ ему, что подобныхъ записокъ не представляютъ въ государственный совѣтъ; что его записка памфлетъ, а не выраженіе мыслей и соображеній министра. Все это мнѣ говорилъ графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ. Ахъ, Авраамъ Сергѣевичъ!

Графъ, между прочимъ, рассказывалъ много интереснаго изъ своихъ воспоминаній о прошлѣмъ времени. Рѣчь какъ-то коснулась Булгарина и Греча. Графу положительно извѣстно, что Булгаринъ участвовалъ въ службѣ по тайной полиціи во время Бенкендорфа. Между прочимъ рассказалъ онъ мнѣ и слѣдующій случай изъ исторіи тайныхъ дѣлъ.

— «Не помню въ которомъ году», говорилъ графъ, «покойный государь долго отсутствовалъ изъ Петербурга. При немъ находились графъ Бенкендорфъ и Дашковъ, бывшій министръ юстиціи. Они были между собой дружны. Однажды Бенкендорфъ сказалъ Дашкову:—«Не хотите ли полюбопытствовать прочесть доставленный мнѣ изъ третьяго отдѣленія—разумѣется секретный—отчетъ о состояніи умовъ въ Петербургѣ. Я еще не читалъ его, но васъ онъ, вѣроятно, займетъ».

Дашковъ взялъ отчетъ и къ изумленію своему— что же нашелъ въ немъ? Обвиненіе въ крайнемъ либерализмѣ князя Вяземскаго, графа Блудова, многихъ другихъ такихъ же лицъ и въ заключеніе самого себя. Онъ тутъ же сдѣлалъ свои замѣчанія на поляхъ и на слѣдующій день, отдавая бумагу Бенкендорфу, сказалъ:

— «Я прочелъ этотъ интересный документъ и требую отъ васъ, графъ, честнаго слова, что если вы представите его государю, то не иначе, какъ вмѣстѣ съ моими замѣчаніями».

— «Я сдѣлаю лучше, отвѣчалъ графъ, — я ничего не представлю».

Такъ и было сдѣлано.

21. Былъ у нашего попечителя. Разговоръ о нашихъ ученыхъ, учебныхъ и цензурныхъ дѣлахъ. Тѣ-же жалобы, то-же негодованіе на безтолковое управленіе по министерству, благодаря которому нѣтъ возможности предпринять и сдѣлать что-либо полезное.

23. Пятница. Вечеръ у князя Щербатова. Тамъ были нѣкоторые изъ нашихъ профессоровъ, литераторовъ и одинъ цензоръ. Былъ, между прочимъ, и В. П. Титовъ, бывший нашъ посланникъ въ Константинополь. Мы долго говорили. Онъ человекъ умный и живой. Говорятъ, его назначаютъ въ наставники къ Наслѣднику. Этотъ выборъ, кажется, не дуренъ. В. П. Титовъ, повидимому, любитъ науку и просвѣщеніе.

25. Послѣ девяти или десяти лѣтъ увидѣлся съ Позеномъ. Онъ мало измѣнился физически и умственно. Это человекъ съ большимъ практическимъ умомъ. Говорили, будто его вызываютъ сюда, чтобы употребить въ дѣло. Это было-бы хорошо. Но врядъ ли — по крайней мѣрѣ, я такъ заключилъ изъ его собственныхъ словъ.

26. Понедѣльникъ. Читалъ въ собраніи членовъ факультета (собирались у Фишера) записку о необходимости преподаванія философіи въ университетахъ; записка была очень одобрена и собраніе положило дать ей дальнѣйшій ходъ по начальству.

Второе отдѣленіе академіи и университетъ возложили на меня написать отчеты къ акту, на 29 декабря и 8 февраля. На это уйдетъ не мало времени.

Мелочныя, невольныя влеченія чувствъ, желанія, привычки

и т. п. иногда сильно надоѣдаютъ. Обращайся съ ними, какъ и съ людьми подобнаго рода, то есть, будь съ ними учтивъ, слушай, когда нельзя избѣжать, даже ихъ болтовню, не показывая ни нетерпѣнія, ни досады, а думай и поступай по своему.

Декабрь 4. Обѣдалъ у графа Дмитрій Николаевичъ Блудова. Никого не было. Разговоръ о литературѣ. Графъ разсказалъ мнѣ нѣсколько старинныхъ преданій двора. Онъ когда-то хотѣлъ писать исторію дома Романовыхъ.

6-го декабря. Поутру видѣлъ (Алексѣя Ив.) Войцеховича и долго съ нимъ говорилъ. Онъ разсказалъ мнѣ прелюбопытныя вещи о раскольникахъ, дѣлами которыхъ, года три тому назадъ, занимался по порученію правительства. По словамъ Войцеховича, они составляютъ огромную силу въ государствѣ. Ихъ около десяти милліоновъ. Они имѣютъ сношенія съ Австріей, гдѣ находится одно изъ ихъ центральныхъ управленій. Иныя изъ ихъ вѣрованій очень грубы, другія въ высшей степени раціональны. Нѣкоторыя секты отличаются безнравственностью. Есть, напримѣръ, такія, гдѣ жены считаются общими и принято убивать дѣтей. Войцеховичъ увѣрялъ меня, что въ одномъ раскольничьемъ селеніи становой приставъ, по его распоряженію, вытащилъ изъ пруда болѣе сорока труповъ младенцевъ!

Вечеромъ былъ въ театрѣ: праздновался столѣтній юбилей существованія русскаго театра. Сперва была сыграна увертюра, составленная изъ старинныхъ мотивовъ, потомъ былъ данъ прологъ В. Р. Зотова, много пострадавшій отъ выпущенныхъ цензурою стиховъ. При воспоминаніи о Гривоѣдовѣ и Гоголѣ раздались рукоплесканія. Потомъ шла, одобренная нашимъ комитетомъ, пьеса графа Сологуба, нѣсколько растянутая, но въ общемъ не лишенная интереса. Розыграна пьеса была хорошо, только Самойловъ и Сосницкій (Сумароковъ и Пушкинъ) не твердо знали свои роли. Затѣмъ послѣдовалъ балетъ. Спектакль кончился въ 12 часовъ. Театръ былъ полонъ. Присутствовала и императорская фамилія. Видъ театральной залы былъ великолѣпный.

Говорятъ, баронъ Корфъ назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ. Авраама Сергѣевича, очевидно, вяжутъ по рукамъ и ногамъ: тамъ Ростовцевъ, здѣсь Корфъ. Но, странное дѣло, говорятъ, государь его ласкаетъ.

Печальна судьба русскаго просвѣщенія. Не разъ страдало оно въ тяжкомъ плѣну: то былъ плѣнъ татарь, обскурантовъ и т. д., а нынѣ оно томится въ плѣну подьячихъ.

7. На С. поданъ отъ кого-то доносъ (безыменный) президенту академіи. Въ немъ говорится, что С. дурно издаетъ академическія извѣстія, наполняетъ ихъ дурными статьями, преимущественно своими; что не смотритъ за корректурой, не дѣлаетъ ничего основательнаго для филологін и только обманываетъ довѣріе къ нему втораго отдѣленія и т. д., и т. д. Графъ Блудовъ отдалъ доносъ И. И. Давыдову, сказавъ, что рѣшительно не вѣритъ доносчику. С. сильно огорчился. Мы выслушали довольно длинную защиту его и выразили ему свое участіе, какъ товарищу. Иванъ Ивановичъ, въ продолженіе года, самъ безпрестанно уязвляемый безыменными доносами, болѣе всѣхъ сочувствовалъ С. Много плодовъ соберутъ со всего этого наука и общество.

9-го декабря. Былъ на похоронахъ вдовы Жуковскаго, которая умерла въ Москвѣ и привезена сюда, чтобы быть положенною рядомъ съ мужемъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Тутъ были графъ Блудовъ съ дочерью, князь Вяземскій, Титовъ, Норовъ и прочіе. Послѣдній, увидѣвъ меня, подошелъ ко мнѣ, любезно сожалѣлъ, что давно меня не видалъ, и приглашалъ къ себѣ. Видя мое нежеланіе принять его приглашеніе, онъ, наконецъ, именемъ редакціи «Журнала», вынудилъ у меня обѣщаніе быть у него по дѣламъ ея. Отъ этого оффиціального приглашенія я уже не могъ отказаться. Это, конечно, ничего бы, еслибъ я могъ надѣяться чего либо добиться для редакціи. А то, вѣдь, изъ этого ничего не выйдетъ. Онъ примется бесплоднѣйшимъ образомъ толковать о дѣлахъ министерства, требовать моего мнѣнія и, что всего хуже, объясняться.

10-го декабря. Вечеръ у князя Щербатова. Тутъ и ученые и литераторы, и цензора. Князь очень радушно и любезно всѣхъ принимаетъ. Но не люблю я всѣхъ этихъ собраній. Въ нихъ ничего искреннаго, а только каждый старается казаться, въ глазахъ другихъ, значительнѣе, чѣмъ онъ есть. Невольно и самъ становишься на ходули, чтобы не попасть подъ ноги другимъ.

12-го декабря. Читалъ князю записку свою о необходимости преподаванія философіи въ университетахъ.

Сдѣлалъ непростительную ошибку въ разговорѣ съ княземъ. когда тотъ говорилъ о Б. и К., которыхъ онъ не хочетъ оставить въ университетѣ, не смотря на то, что совѣтъ избираетъ ихъ на продолженіе службы послѣ двадцатипятилѣтія. Я былъ застигнутъ врасплохъ и не возразилъ такъ, какъ слѣдовало. К. и Б. не гении, но и не такія-же бездарности, чтобы не могли быть еще полезными, тѣмъ болѣе, что въ настоящую минуту ихъ не къмъ и замѣнить. Мое заступничество—даже и болѣе энергическое—вѣроятно ни къ чему не повело-бы, но я, по крайней мѣрѣ, исполнилъ-бы свой долгъ.

16-го декабря. Былъ у Норова. Какъ я и ожидалъ, произошли объясненія и цѣлованія. Но изъ этого опять-таки ничего не вышло. Онъ былъ такъ разсѣянъ, что ему нельзя было вложить ни одной мысли въ голову.

22. Засѣданіе въ академіи. Читалъ отчетъ, назначенный къ публичному акту 29 декабря.

23-го декабря. Былъ у Позена. Чрезвычайно любопытная бесѣда. Онъ передалъ мнѣ, какъ говорить, слово въ слово, свой разговоръ съ государемъ на дняхъ. Позень привезъ съ собой проектъ освобожденія крестьянъ и по этому случаю былъ приглашенъ къ государю. Его величество, какъ нельзя благосклоннѣе, выслушалъ пояснительныя замѣчанія Позена и общалъ прочесть проектъ съ полнымъ вниманіемъ. Позень, между прочимъ, предупредилъ государя, что у него много враговъ.

— «О, и сколько!» подтвердилъ государь.

«Потому неудивительно», прибавилъ Позень, — «если идеи мои будутъ многими отвергнуты».

— «Вашъ проектъ не подписанъ»? спросилъ государь.

«Нѣтъ, ваше величество», отвѣчалъ Позень.

— «Ну, это и хорошо», замѣтилъ государь.

Между тѣмъ, дня черезъ три послѣ того, къ Позену пріѣхалъ князь Долгорукій для объясненій по приказанію государя.

Позень хотѣлъ мнѣ прочесть весь свой проектъ, но онъ собирався на юбилейный обѣдъ къ Ростовцеву, и потому прочелъ мнѣ только нѣкоторыя мѣста. Я зналъ, что Позень уменъ и владѣетъ перомъ, но такихъ идей, такого свѣтлаго взгляда на вещи, такого правдиваго и благороднаго голоса въ пользу

человѣческаго достоинства и правъ его, наконецъ, такой силы краснорѣчія, простаго, сжатаго и твердаго—правду сказать, я отъ него не ожидалъ. Жаль, если его не употребятъ въ дѣло! Его многіе не любятъ и боятся.

29-го декабря. Актъ въ академіи наукъ. Я читалъ отчетъ по русскому отдѣленію. Отчетъ и чтеніе заслужили одобреніе. Я выслушалъ много похвалъ и поздравленій.

Вечеромъ былъ раутъ у президента, на которомъ присутствовали всѣ академики. Я, между прочимъ, разговаривалъ съ Сакеномъ, сражавшимся подъ Севастополемъ, съ Титовымъ, бывшимъ посланникомъ въ Константинополь, съ Ростовцевымъ. Еще на актѣ Норовъ сказалъ мнѣ, что ему очень нужно о чемъ-то переговорить со мной и настоятельно приглашалъ къ себѣ. Кажется, надо будетъ къ нему отправиться, хотя мнѣ этого крайне не хочется. Постараюсь, по крайней мѣрѣ, извлечь изъ этого пользу и опять попробую высказать ему то, что мнѣ не удалось высказать въ мое послѣднее свиданіе съ нимъ.

30. Только что возвратился домой съ одного вечера съ глубокимъ отвращеніемъ ко всему мною видѣнному и слышанному. Тамъ было то, что называется цвѣтомъ общества и дѣйствительно многіе умные люди, но всѣ они отдаются потоку событій, ни о чемъ не думаютъ, кромѣ своихъ выгодъ, своего мелкаго честолюбія, тщеславія и т. д. Таковъ духъ времени, и мало кто считаетъ нужнымъ ему противостоять и противодействовать. Да и на что? Все должно «идти къ концу, какъ угодно Творцу», по выраженію Шекспира. Эгоизмъ съ жадностью хватается за это убѣжденіе, чтобы освободиться даже отъ желанія что-нибудь дѣлать въ пользу общую.

31. Вотъ и еще года какъ не бывало! Еще годъ грустной опытности. Что приобрѣтено для внутренняго мира, для успѣховъ самоусовершенствованія, для блага общаго и для собственнаго? Ничего, ничего, ничего!

Конецъ 1856-му году.

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ДЕНА.

[Окончаніе].

XV ¹⁾.

Поѣздка за границу.

Сватовство и женитьба.—Отъѣздъ за границу.—Остановка въ Вѣнѣ.—Представленіе австрійскому императору.—Вѣнское общество.—Каммер-балъ.—Встрѣча съ старыми знакомыми.—Русское посольство.—Отъѣздъ изъ Вѣны.—Венеція, Миланъ, Генуа.

1857—1859.

Въ этихъ запискахъ я еще ни разу не упоминалъ о томъ, что я страстно былъ влюбленъ въ Анну Александровну Вонлярлярскую. Еще въ 1854 г., предъ отъѣздомъ своимъ въ Молдавію, съ трепетнымъ сердцемъ сознался я въ своихъ чувствахъ почтеннѣйшей и добрѣйшей Вѣрѣ Дмитріевнѣ Вонлярлярской, которая съ радостью приняла мое предложеніе; Александръ Александровичъ Вонлярлярскій, уже давно хорошо ко мнѣ расположенный, также ничего не имѣлъ противъ моего желанія назваться его зятемъ, но все, конечно, зависѣло отъ самой Анны, нерѣшительности которой предстояло усложнить и затруднить вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависѣло не только мое счастье, но и вся будущность, судьба.

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 55—90, февраль, 551—574, мартъ, 655—680; г. LXVI, апрѣль, стр. 49—71, май, стр. 299—324, іюнь, стр. 577—638.

Въ 1854 г., оставляя Петербургъ, послѣ сдѣланнаго мной предложенія, я не получилъ никакого рѣшительнаго согласія, тѣмъ не менѣе я считалъ себя, не безъ основанія, женихомъ, а потому, послѣ посѣщенія мною семейства Вонлярлярскихъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я не только былъ огорченъ, но озадаченъ и крайне удивленъ сопротивленіемъ, встрѣченнымъ мной въ самой Аннѣ... О родителяхъ я и не говорю, они были ко мнѣ чрезвычайно расположены и дали не только свое согласіе, но и дѣйствовали дружно въ мою пользу. Въ Вонларовѣ я пробылъ нѣсколько дней, но безуспѣшно возобновлялъ свои предложенія и, наконецъ, уѣхалъ въ Варшаву, съ намѣреніемъ, повидавшись съ отцомъ въ Козеницахъ, на продолжительное время отправиться за границу. Въ Варшавѣ я неожиданно встрѣтилъ своего стараго учителя Sandoz'a, которому чрезвычайно обрадовался, а по возвращеніи изъ Козеницъ, къ моему неописанному удовольствію и радости, получилъ эстафету изъ Смоленска; досадно мнѣ, что у меня не сохранилась эта депеша, подписанная А. А. Лярскимъ. Она меня увѣдомляла, что Анна согласна быть моею женою и что всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ моего прибытія въ Вонларово. Сообщивъ отцу о происшедшей неожиданной перемѣнѣ въ моихъ намѣреніяхъ, я поскакалъ опять въ Смоленскую губернію.

16-го октября 1857 г., я обвѣнчался съ Анною Александровною Вонлярлярскою, а нѣсколько дней спустя, съ женою мы ѣхали за границу, на Варшаву, Вѣну—въ Италію. Въ Вѣнѣ насъ задержала болѣзнь жены, и потому, «*faisant bonne mine à mauvais jeu*», мнѣ пришлось возобновить мое знакомство съ этимъ городомъ.

Пользуясь любезностью нашего военнаго агента, генерала Торнау, я ѣздилъ въ казармы, вновь построенныя для пѣхотнаго полка, подъ названіемъ «*Franz-Joseph Kasernen*», и въ другія, въ которыхъ стоялъ полкъ «*Prinz Eugen Dragoner*». Первымъ командовалъ полковникъ баронъ Лебцельтернъ, вторымъ графъ Галленбергъ. Эти оба командира врядъ-ли сохранили пріятное воспоминаніе моего знакомства и посѣщенія расположеній ихъ полковъ. У бар. Лебцельтерна, командира пѣхотнаго короля бельгійскаго полка, мнѣ показали на кухнѣ, въ чемъ заключается обѣдъ австрійскаго солдата, а именно: въ маленькой

оловянной кострюль жиденъкій супъ, съ тяжелою, грязнаго цвѣта клецкой; попробовавъ не безъ отвращенія этой прѣсной похлебки, я обратился въ бар. Лебцельтерну съ вопросомъ:

— «А что-же даютъ солдатамъ послѣ этого супа?»

Этотъ вопросъ, не смотря на его наивность, видимо сконфузилъ и огорчилъ полевого командира; онъ лихорадочно сталъ мѣшать ложкою похлебку и сказалъ:

— «Aber um Gottes Willen, sehen Sie doch, da ist ja ein Kindeldrin». (Да взгляните-же, ради Бога, въ немъ есть клецка), и показалъ мнѣ кусокъ слизистаго грязнаго тѣста.

Съ графомъ Голленбергомъ мнѣ пришлось поступить еще менѣе деликатно; когда мы обошли всю казарму и всѣ конюшни и выходили на обширный дворъ, трубачи заиграли «Боже, царя храни», и мнѣ пришлось съ особеннымъ чувствомъ раскланиваться и благодарить. Но возвратившись въ квартиру полевого командира, Галленбергъ, убѣжденный, вѣроятно, что я восхищенъ всѣмъ мною видѣннымъ, просилъ меня сказать ему откровенно мое мнѣнiе. Я попробовалъ уволиться отъ прямаго отвѣта, но онъ настаивалъ, упрашивая указать, что именно мнѣ понравилось или заслужило порицанiе.

Выведенный изъ терпѣнiя настойчивымъ требованiемъ похвалы, я ему сказалъ:

— «Меня въ особенности порадовало то, что у насъ въ Россiи нельзя найти ни одной такой плохой казармы».

Это былъ ударъ неожиданный и ужасный... Мы холодно разстались и болѣе не встрѣчались; годъ спустя, какъ я узналъ случайно, онъ скончался.

Когда я прiѣхалъ въ Вѣну, я думалъ пробыть тамъ лишь необходимое время для отдыха жены, но она занемогла довольно серьезно, и мнѣ пришлось знакомиться съ г. Опользеромъ, знаменитымъ эскулапомъ того времени. Будучи въ модѣ, онъ не могъ часто посѣщать мою больную, и потому откомандировалъ для ежедневнаго посѣщенiя своего адъютанта—Завишица, кажется,—сербо-французскiй разговоръ котораго смѣшилъ и развлекалъ Анну, не смотря на ея болѣзненное состоянiе. Между прочими его оригинальными выходками, помнится мнѣ его совѣтъ положить горчишникъ на грудь, выраженный слѣдующими словами: «Madame, il faut mettre un moutard sur la poitrine».

Опользера я вспоминаю съ удовольствіемъ какъ очень умнаго и образованнаго человѣка; онъ предложилъ показать мнѣ вѣнскій, весьма значительный, анатомическій кабинетъ—и самъ былъ моимъ сісегопе. Объясняя мнѣ, совершенному профану, разныя восковыя фигуры, представляющія вѣрныя изображенія различныхъ частей человѣческаго организма, онъ указалъ мнѣ на почку и сказалъ при этомъ нѣсколько словъ, сильно меня поразившихъ, а именно:

— «Въ настоящее время вамъ безпрестанно приходится слышать, такой-то господинъ страдалъ почкою, доктора опредѣлили, что болѣзнь такого-то происходитъ или имѣетъ свое начало отъ почки или въ почкѣ. Die Aerzte, die so sprechen, sind verwegene Narren! (Врачи, говорящіе это, набитые дураки!). По сіе время медицина еще положительно не опредѣлила, въ чемъ заключается роль почки въ человѣческомъ организмѣ, слѣдовательно приписываніе почкѣ разныхъ страданій есть нелѣпость. Вы можете смѣло ссылаться на мое мнѣніе—если вамъ придется слышать глубокомысленныя опредѣленія причинъ болѣзни, отъ почки происходящей, дѣлаемыя неучами или шарлатанами». Это чисто-сердечное сознаніе въ невѣдѣніи со стороны умнаго человѣка и весьма извѣстнаго врача меня чрезвычайно поразило, и я тогда же записалъ его слова.

Первоначально я думалъ нигдѣ не показываться въ вѣнскомъ beau-mond'ѣ, но вышло иначе. Престарѣлый австрійскій и русскій фельдмаршалъ Радецкій скончался въ Миланѣ и, для отданія ему послѣдней почести, государю угодно было приказать отправить изъ Варшавы цѣлую депутацію. Она состояла изъ генераль-лейтенанта С. П. Бутурлина, флиг.-адъют. полковника Гербеля, въ то время командовавшаго лейбъ-курляндскимъ уланскимъ е. в. полкомъ, командира Могилевскаго пѣхотнаго полка, полковника Вознесенскаго, инженеръ-подполковника Спиридонова, командира 7-го стрѣлковаго баталіона (не припомню фамиліи) и адъютанта генерала Бутурлина, поручика бар. Деллингстаузена, впоследствии моего адъютанта.

Когда я узналъ о предстоявшемъ торжественномъ погребеніи гр. Радецкаго и прибытіи русской военной депутаціи, мнѣ казалось приличнымъ принять участіе въ этой церемоніи, а потому я выразилъ желаніе нашему послу при вѣнскомъ дворѣ, бар. Буд-

бергу, представиться австрійскому императору. Русская депутація, прїѣхавши въ Вѣну, въ этомъ городѣ только переночевала и на другой день, въ шесть часовъ утра, спѣшила отправиться въ Миланъ, такъ что я только мелькомъ успѣлъ повидаться со своими старыми знакомыми, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея возвращенія въ Вѣну, гдѣ предполагалась торжественная погребальная процессія отъ Триестской станціи желѣзной дороги—до сѣверной. Тѣло покойнаго австрійскаго и русскаго генераль-фельд-маршала предполагалось везти въ его имѣніе.

Черезъ два дня бар. Будбергъ сообщилъ мнѣ императорское приглашеніе къ столу—какъ въ Вѣнѣ выражаются—*«ich werde zur Kaiserlichen Tafel—gezogen, bestellt oder befohlen»*, эти три послѣднія выраженія употребляются смотря по степени вѣрно-подданническаго усердія; вообще въ придворныхъ сферахъ я замѣтилъ много подобострастія, даже лакейскихъ замашекъ, о которыхъ я при дворѣ Николая Павловича и понятія не имѣлъ. Въстѣ съ приглашеніемъ, бар. Будбергъ запискою увѣдомлялъ меня, что передъ обѣдомъ гр. Грюнне, которому я уже сдѣлалъ визитъ, преставитъ меня императору.

Гр. Грюнне игралъ въ то время весьма важную роль, онъ былъ первымъ генераль-адъютантомъ, завѣдывалъ центральною военной канцеляріею, т. е. былъ начальникомъ главнаго штаба и оберъ-шталмейстеромъ двора. Его въ арміи неавидѣли и приписывали его карьеру и почести, которыми онъ пользовался, только благосклонности эрцъ-герцогини Софьи, матери императора.

Въ назначенный день и часъ я отправился, разумѣется въ мундирѣ, во дворецъ, т. е. Hofburg. При входѣ, одинъ изъ придворныхъ лакеевъ вручилъ мнѣ карточку, на которой было означено возлѣ кого мнѣ сидѣть: *zur rechten* такого-то, *zur linken* такого. Гр. Грюнне представилъ меня немедленно гр. Нобиле, оберъ-гофмейстеру императрицы, который объявилъ мнѣ, что онъ представитъ меня императрицѣ *«nach der Tafel»* (послѣ обѣда). Въ числѣ приглашенныхъ, кромѣ меня, я замѣтилъ еще нѣсколькихъ военныхъ, прїѣхавшихъ отъ мелкихъ германскихъ дворовъ, по случаю похоронъ гр. Радецака; тутъ же было нѣсколько австрійскихъ офицеровъ, флигель-адъютантовъ и военныхъ съ камергерскими ключами надъ фалдами мундировъ.

При входѣ въ залу императорской четы, Францъ-Іосифъ оста-

виль императрицу и немедленно подошелъ ко мнѣ; теперь я не въ состояніи передать слово въ слово все имъ мнѣ сказанное, помню только, что онъ спѣшилъ выразить свое удовольствіе за присылку государемъ цѣлой депутаціи на похороны гр. Радецкаго. «Der Kaiser ist so gütig — er hat uns viel Officiere geschickt» (государь такъ добръ—онъ прислалъ къ намъ столько офицеровъ); это сохранилось въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что бар. Будбергъ мнѣ пояснялъ впослѣдствіи, что съ давняго времени это былъ первый признакъ кордіальныхъ отношеній со стороны русскаго двора.

Во время разговора съ императоромъ, конечно не представлявшаго ни малѣйшаго интереса, я былъ непріятно пораженъ стараніемъ е. в—ва избѣгать встрѣчи моихъ взоровъ. Казалось, что форма и видъ моей обуви его особенно заинтересовали, потому что онъ упорно ее осматривалъ во время всего нашего разговора, и тѣмъ напоминалъ мнѣ, что, можетъ быть, онъ самъ сознаетъ въ душѣ свою неправоту относительно Россіи. Гр. Грюне былъ моимъ любезнымъ сосѣдомъ за столомъ, предлагалъ свои услуги и обѣщалъ показать арсеналь, военныя мастерскія, офицерскую кавалерійскую и артиллерійскую школы, а равно и императорскую конюшню. Всѣмъ этимъ я воспользовался впослѣдствіи вмѣстѣ съ членами нашей русской депутаціи.

Послѣ обѣда, согласно программѣ, гр. Нобиле представилъ меня императрицѣ, привѣтливость и любезность которой еще увеличивали пріятное впечатлѣніе, производимое ея блистательною красотою. Туалетъ ея былъ до того изященъ, что я его разсмотрѣлъ въ подробности до того, что могъ вечеромъ передать женѣ всѣ подробности ея туалета. Къ сожалѣнію, не могу припомнить кто были дамы, которыя съ нами обѣдали; гофмейстерина императрицы—пожилая, но живая и веселая женщина, объявившая мнѣ при первомъ словѣ о своей искренней симпатіи къ русскимъ, и двѣ фрейлины, изъ которыхъ одна, кажется, графиня Ламбахъ или Бергъ, отецъ которой былъ растерзанъ чернью въ 1848 году, кажется въ Пештѣ. Еще долженъ сказать, что меня тутъ же представили кн. Карлу Лихтенштейну, генералу отъ кавалеріи, оберъ-камергеру, Андреевскому кавалеру, кажется оберъ-гофмаршалу, однимъ словомъ первому чину двора. Это была личность уже въ то время исключительная въ Вѣнѣ, веселый, постоянно

праздный, интересующійся исключительно мелочами, не прими- рившійся съ преобразованіями, вынужденными событіями 1848 года, истинетивно преданный Россіи—въ предположеніи, что ея не могутъ коснуться либеральныя нововведенія, по его словамъ столь много повредившія Австрійской имперіи. Этого оригинала, настоящаго образчика вѣнскаго «*bon vieux temps*», я впоследствіи часто встрѣчалъ и постоянно удивлялся его веселости, придаванію значенія пустякамъ и непониманію, что кромѣ императорскаго двора есть въ мірѣ и еще что нибудь, хотя бы балетъ, къ которому, о! противорѣчіе, онъ былъ очень неравнодушенъ.

Вообще вѣнское высшее общество отличалось тѣмъ, что французы называютъ «*ruérité*».... Для примѣра расскажу здѣсь случай, давшій въ то время въ Вѣнѣ поводъ къ нескончаемымъ толкамъ и разсужденіямъ. Молодые и очень пожилые люди въ клубахъ, встрѣчаясь на улицахъ, при дамахъ, спрашивали другъ друга—«*haben Sie das Wunder geschaut?*» *Ich habe es gesehen, s'ist gar schön*,—отвѣчалъ другой, и т. п. Эти постоянные разговоры, безъ сомнѣнія, сильно бы меня заинтересовали, еслибы я случайно не былъ изъ первыхъ посвященъ въ эту, всѣхъ столь сильно занимавшую, тайну. У гр. Голленберга была гнѣдая кобыла, у которой неожиданно вдругъ побѣлѣли хвостъ и грива. Въ теченіи двухъ недѣль вся вѣнская fashion ѣздила въ казармы *Grinz Eugen-Drägoner*, чтобы любоваться чудомъ.

Наконецъ, возвратилась наша депутація изъ Милана и всѣ эти гг. пріѣхали навѣститъ меня въ штатскомъ платьѣ, при чемъ необыкновенно худощавая фигура стараго моего товарища Данилы Карловича Гербеля заставила меня смѣяться отъ души. Для увеселенія всей съѣхавшейся иностранной публики — при дворѣ былъ назначенъ немногочисленный балъ «*Kammerball*» ¹⁾— на который и я получилъ приглашеніе.

На этомъ каммербалѣ меня представляли разнымъ престарѣлымъ военнымъ нотабилитетамъ, генераль-фельдмаршаламъ, графу Вальмодену, Вратиславу и генераль-фельдцейхмейстеру — фонъ Гессъ, приобрѣвшему громкую извѣстность въ должности начальника главнаго штаба гр. Радецаго во время славной итальянской кампаніи сего послѣдняго въ 1848 году. Генералу Гессъ

¹⁾ Почетная публика сидѣла за маленькими столами, на центральномъ предсѣдательствовалъ императоръ, на другихъ эрцъ-герцоги. В. Д.

я напомнилъ, что я уже имѣлъ честь быть ему представленнымъ въ С.-Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ на маневры, напомнилъ ему необыкновенныя милости, вниманіе и любезность, которыя такъ щедро оказывалъ ему незабвенный Николай Павловичъ, «а вы это очень скоро забыли, когда рѣшились принять командованіе надъ арміею, которую неблагодарное правительство ваше сосредоточивало въ 1854 году въ возставшей Галиціи, чтобы остановить военныя дѣйствія на Дунаѣ».

Эта довольно дерзкая съ моей стороны выходка мнѣ памятна по необыкновенному дѣйствию, ею произведенному: хитрый и умный старикъ совершенно смутился; оправившись немного, онъ мнѣ сказалъ мягкимъ ласкающимъ голосомъ: — «любезный полковникъ, вы забываете, что мы—военные, что мы должны исполнять приказаніе, какъ бы оно ни было тяжело нашему сердцу».

А я продолжалъ: «Къ счастью, Богу не угодно было благословить вашихъ предпріятій, вы помните, какъ вы потеряли отъ холеры около 30.000 человекъ, и съ какою поспѣшностью вамъ пришлось переводить остатки вашей арміи изъ восточной въ западную Галицію»...

Видя, что онъ имѣетъ дѣло съ какимъ-то завзятымъ русскимъ преданнымъ и восторженнымъ поклонникомъ императора Николая Павловича, не признающимъ необходимости никакой утайки, старый Гессъ¹⁾ поспѣшилъ меня оставить. О потеряхъ въ австрійской арміи въ Галиціи я получилъ предъ тѣмъ положительныя свѣдѣнія, какъ равно о злоупотребленіяхъ при перевозкѣ (мнимой) провіанта изъ окрестностей Львова въ западную часть Галиціи. Дѣло въ томъ, что чиновники интендантства, получившіе приказаніе и средства для перевозки огромныхъ запасовъ провіанта, рассчитали, хорошо зная мѣстныя условія хлѣбной торговли и цѣны въ извѣстную минуту, что имъ гораздо выгоднѣе продать весь провіантъ, заготовленный въ окрестностяхъ Львова, купить соответственное количество близъ Кракова по низшимъ цѣнамъ, а всѣ суммы, отпущенныя на перевозку, положить въ карманъ. Горько сознаться, но я былъ доволенъ, что не у насъ однихъ совершаются подобныя штуки. Но мнѣ

¹⁾ Нѣсколько недѣль послѣ моего разговора съ нимъ, генералъ Гессъ скончался въ Вѣнѣ. В. Д.

не было суждено долго радоваться, потому что я вскорѣ узналъ, какъ серьезно австрійское правительство относилось къ этимъ злоупотребленіямъ; 17 человекъ, служившихъ въ интендантствѣ, были уличены въ мошенничествѣ, лишены правъ и приговорены къ каторжной работѣ, послѣ конфискаціи всего ихъ состоянія. Это заставило меня призадуматься, внутренно сознавая, что если бы у насъ и открылось что-либо подобное, главные виновники, конечно, нашли бы возможность, если не оправдаться, то по крайней мѣрѣ, за недостаткомъ уликъ, остаться въ подозрѣніи, не отвѣчая своимъ имуществомъ за убытки, причиненные государству (1855 г.)...

Старикъ Вальмоденъ ¹⁾, уже извѣстный начальникъ отряда, дѣйствовавшій одновременно съ Тетенборномъ на сѣверѣ Германіи въ 1813 году, не смотря на преклонность лѣтъ, любилъ общество молодыхъ людей и былъ одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей извѣстной «Фанни Эльслеръ», у которой еженедѣльно собиралось много молодыхъ людей, и гдѣ, какъ мнѣ говорили, благодаря совершенной непринужденности, находили большое удовольствіе члены высшаго вѣнскаго общества. Однимъ изъ постояннѣйшихъ членовъ этого салона былъ также генералъ Гюлай, такъ плачевно окончившій свое военное поприще подъ Маджентою. Гюлай, котораго я также зналъ въ Петербургѣ, доказалъ, что онъ умѣлъ путешествовать съ пользою; онъ научился въ Петербургѣ пить водку предъ обѣдомъ и запоемъ играть въ ералашъ, а по возвращеніи на родину страстно предался прозелитизму, такъ что ералашъ былъ въ модѣ въ Вѣнѣ.

Изъ числа старыхъ моихъ знакомыхъ долженъ я еще упомянуть бригаднаго генерала гр. Феттера, который мнѣ такъ обрадовался, что угощалъ шампанскимъ ²⁾ въ гостинницѣ «Zur Stadt Frankfurt», гдѣ мы вмѣстѣ обѣдали. Чаще другихъ встрѣчалъ я въ Вѣнѣ, по хорошимъ его отношеніямъ къ членамъ нашего посольства, прусскаго военнаго агента маіора Кошке, получившаго въ послѣдствіи военную извѣстность, командуя дивизіею въ 1871 г., и вступившаго въ Парижъ по заключеніи мира

¹⁾ Графъ Walmoden-Gimborn, фельдмаршалъ-лейтенантъ, род. въ 1769 г.

²⁾ Со стороны вѣнца—это много.

Германіи съ Францією; это былъ пріятный и образованный молодой человѣкъ, котораго я навѣстилъ впоследствии, проѣзжая чрезъ Берлинъ въ 1858 году.

Затѣмъ мнѣ остается только съ благодарностью вспомнить о личномъ составѣ нашего вѣнскаго посольства.

Главой его былъ бар. Будбергъ, онъ былъ предметомъ за- висти всего нашего министерства иностранныхъ дѣлъ потому, что, имѣвъ случай сдѣлаться извѣстнымъ еще въ молодыхъ лѣ- тахъ государю Николаю Павловичу и снискать его расположе- ніе, онъ, будучи, кажется, только коллежскимъ совѣтникомъ, былъ назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ уже тайнымъ совѣтникомъ въ Вѣну; онъ и милая и любезная жена его, урожденная Убри, оказывали мнѣ много вниманія, любезности и хлѣбосольства. Совѣтникъ посольства, вн. А. Вол- конскій, мнѣ еще прежде былъ извѣстенъ въ Варшавѣ; женатый на нѣмкѣ, — баронессѣ Лиліенъ, онъ былъ въ Вѣнѣ какъ дома и, желая мнѣ быть полезнымъ, оказывалъ мнѣ всевозмож- ныя услуги съ самою утонченною предупредительностью. О воен- номъ агентѣ генералѣ Ѳедорѣ Ѳед. Торнау я уже вспоминалъ; это былъ добрѣйшій человѣкъ, но большой оригиналъ, ненавидѣлъ дипломатовъ и утверждалъ, что какъ у насъ, военныхъ, кампаніи заносятся въ формулярный списокъ, такъ у дипломатовъ — обѣды, которымъ они придаютъ такое огромное значеніе. Я съ нимъ познакомился еще въ 1854 году, въ Яссахъ и, кажется, по сво- имъ отличнымъ отношеніямъ къ бар. Д. Е. Сакену, имѣлъ слу- чай быть ему полезнымъ. Баронъ Торнау, бывшій долго, кажется два года, въ плѣну у разныхъ горскихъ обитателей западнаго непокорнаго намъ Кавказа, состарѣлся преждевременно и вынесъ изъ своего плѣна особаго рода мнительность и подозрительность; ему постоянно казалось, что всеобщее вниманіе обращено на его малѣйшія дѣйствія, что ему слѣдуетъ поэтому во всемъ соблю- дать строгую тайну и осторожность. Нѣсколько лѣтъ послѣ на- шихъ, почти ежедневныхъ, свиданій въ Вѣнѣ, имъ напечатана преинтересная статья, кажется въ «Русскомъ Вѣстникѣ», немед- ленно переведенная на нѣмецкій и французскій языки подъ за- главіемъ — «Воспоминанія моего плѣна у горцевъ Кавказа». Это небольшое сочиненіе, преисполненное интереса по содер- жанію, представляетъ еще особенную прелесть изящною формою изложенія.

Я никогда не забуду скуки, испытанной мною на этомъ балу¹⁾, въ особенности за ужиномъ,—мое званіе флигель-адъютанта и почетъ, вслѣдствіе того же мнѣ оказываемый, были тому причиной. Еще далеко до ужина, какой-то фурьеръ вручилъ мнѣ записку, въ которой значилось, что я долженъ сидѣть за ужиномъ за столомъ, на которомъ предсѣдателемъ будетъ эрцъ-герцогъ Францъ-Карлъ, между двумя престарѣлыми знатными особами, принадлежавшими, вѣроятно, въ началѣ столѣтія, къ прекрасному полу; je me sentais très mal à mon aise (мнѣ было не по себѣ), говорили по нѣмецки, мало и весьма неинтересно—и притомъ не всегда понятнымъ для иностранца вѣнскимъ языкомъ. Взглянуть направо или налево было опасно, потому что взоръ мой невольно встрѣчалъ съ одной стороны жирныя и красныя, съ другой худощавыя желтыя и морщинистыя плечи, одинаково разукрашенныя превосходными брилліантами, моихъ старухъ сосѣдокъ, которымъ, къ довершенію неловкости моего положенія, я не былъ представленъ и потому, еслибы я и владѣлъ вѣнскимъ нарѣчіемъ, не считалъ бы себя въ правѣ заводить разговора съ милыми, но ужъ чрезъ-чуръ древними, сосѣдками. Нѣсколько дней спустя, я заѣхалъ къ какому-то банкиру, фамиліи не помню, для полученія денегъ, высланныхъ изъ Россіи. Этотъ банкиръ былъ очень любезенъ, предлагалъ ложу въ театръ, и уговаривалъ не уѣзжать, потому что скоро будетъ при дворѣ блистательный балъ. Я ему на это отвѣчалъ, что я уже былъ на балу.

— «Ah», вскочивъ со стула, сказалъ банкиръ, «Sie sind auf dem Kammerball gewesen» (А, вы были на камербалѣ), и при этомъ отвѣсилъ мнѣ пренизкій поклонъ.

Эта выходка еще разъ доказывала мнѣ—уже прежде замѣченную мною слабость жителей Вѣны къ высшимъ сферамъ, не смотря на политическія права «Ergrungenschaften» 1848 года, когда такъ много было говорено о «Gleichberechtigung». Всякій житель Вѣны преклоняется передъ титуломъ; не имѣя на то права, охотно ставитъ предъ своей фамиліей «von», а если этого не дерзаетъ, то нарочно печатаетъ свои визитныя карточки по французски и тогда уже смѣло злоупотребляетъ партикулою «de».

¹⁾ Камербалъ.

Эти послѣдствія аристократическаго Hochmuth'a прежняго времени, особенно чувствительнаго не только въ Вѣнѣ, но и въ другихъ маленькихъ государствахъ великой Германіи, по немного сглаживаются и надо надѣяться, что въ будущемъ столѣтіи образчики неслыханныхъ преимуществъ одного сословія надъ другими будутъ передаваться отъ одного поколѣнія другому, какъ намъ теперь передаютъ историческія изслѣдованія, приводящія насъ въ содроганіе, примѣры жестокостей, порожденныхъ въ средневѣковыя времена нетерпимостью и непониманіемъ христіанскаго духа, не допускающаго отсутствія равноправія и истиннаго чело-вѣколюбія.

Наконецъ, кажется въ началѣ февраля здоровье жены позволило намъ продолжать предпринятое путешествіе, и мы отправились на Триестъ въ Италію; въ Триестѣ мы застали начало итальянскаго карнавала и впервые испытали удовольствіе бросанія такъ называемыхъ «Confetti».

Въ триестской гостинницѣ мы застали 6° тепла, вслѣдствіе чего я простудился и уже больной пріѣхалъ въ Венецію; вѣроятно, по этой причинѣ, а можетъ быть, и по случаю холодной, совсѣмъ не итальянской погоды, Венеція произвела на меня не только грустное, но даже тяжелое впечатлѣніе. *Par acquit de conscience* (для очистки совѣсти), я спѣшилъ осмотрѣть многочисленныя достопримѣчательности этого исключительнаго города, и, пробывъ въ немъ не болѣе недѣли, мы спѣшили его оставить, но всетаки опоздали въ Миланъ къ извѣстному «*Carnavalone*»¹⁾. Я спѣшилъ представиться принцу Александру Гессенскому, брату нашей императрицы, и былъ принятъ имъ чрезвычайно любезно, даже радушно; жена его, княгиня Баттенбергъ, бывшая гр-ня Гауве, просила меня привезти жену къ нимъ въ ложу въ тотъ же вечеръ въ «*La scala*». На другой день мы у нихъ обѣдали. Но все это переносило меня въ Петербургъ и Царское село, а мнѣ хотѣлось Италіи, и потому я спѣшилъ исполнить въ строгомъ смыслѣ долгъ туриста и покончить расчеты съ сѣвромъ, перебравшись за Апеннины.

¹⁾ Такъ называется въ Миланѣ первая недѣля Великаго поста, которую празднуютъ въ силу особенныхъ привилегій, данныхъ папою, какъ въ другихъ городахъ мясопустную, и потому со всѣхъ концовъ Италіи къ этому времени стекается туда многочисленная публика для забавы и развлечения. В. Д.

Всѣ улицы Милана и окрестности этого величественнаго, но скучнаго города были покрыты мокрымъ снѣгомъ, когда мы изъ него выѣзжали въ огромной наемной каретѣ; вечеромъ въ тотъ же день прибыли въ Наварру, а оттуда, уже въ потьмахъ, по желѣзной дорогѣ переѣхали горы и, кажется, въ 11 часовъ вечера прибыли въ Геную, гдѣ мнѣ показалось жарко, а на другой день видъ моря, совершенно весеннее солнце и цвѣтуція померанцовыя деревья привели меня въ совершенный восторгъ; наконецъ, я почувствовалъ себя дѣйствительно въ Италіи, пересталъ спѣшить и съ увлеченіемъ предался новымъ и пріятнымъ впечатлѣніямъ.

XVI.

Пробываніе въ Курскѣ. — Откупщикъ Логиновъ. — Нравы и обычаи курскихъ помѣщиковъ. — Н. Я. Стремоуховъ. — Баронъ Будбергъ. — Мнѣ предлагаютъ мѣсто курскаго губернатора. — Толки, предшествовавшіе 19-му февраля 1861 г.

1860 и 1861 гг.

Съ каждымъ годомъ число флигель-адъютантовъ увеличивалось, а значеніе ихъ соотвѣтственно падало. Командировки дѣлались рѣдко, дежурить приходилось одинъ разъ въ два мѣсяца, за исключеніемъ одного мѣсяца въ году, когда слишкомъ 30 человекъ разсылалось по Россіи для наблюденія за правильностью призыва отпускныхъ или рекрутскаго набора. Такъ, въ этомъ году, я былъ назначенъ контролировать сначала призывъ отпускныхъ въ Петербургской губерніи, а потомъ въ Курской. Жена моя проводила лѣто въ Воняровѣ и потому я поѣхалъ къ ней и уже вмѣстѣ отправились мы въ городъ и губернію, на пользу которыхъ мнѣ суждено было впоследствии безплодно посвятить лучшія мои силы, предприимчивость, энергію, причемъ разочароваться въ людяхъ и приобрести множество враговъ только строгимъ исполненіемъ своей обязанности.

Курскъ мы застали совершенно безлюднымъ; помѣщики, въ то время еще жившіе зимой въ своихъ домахъ въ городѣ, были въ деревняхъ, на лицо были лишь должностныя лица.

Губернаторъ ¹⁾, администраторъ стараго покроя, былъ чело-

¹⁾ Николай Петровичъ Бибииковъ, бывший шесть лѣтъ губернаторомъ въ Сибирскѣ и въ то время дослуживавшій 5-й годъ въ Курскѣ. В. Д.

вѣкъ смиренный, малограмотный, усердно старавшійся объ одномъ, чтобы всюду царствовали «тишь да гладь и Божья благодать», а другими словами, чтобы все было шито да крыто. Не смотря на эти отрицательныя качества, Николая Петровича не любили.

Предводитель (нынѣ покойный) Николай Яковлевичъ С—ъ, мой старый знакомый (онъ началъ службу въ л.-гв. Конно-піонерномъ дивизионѣ), съ губернаторомъ не ладилъ, а впоследствии эти господа разошлись до ненависти. Николай Яковлевичъ былъ человѣкъ лукавый, малообразованный, завистливый, и что всего хуже—въ крѣпостническихъ отношеніяхъ у своей супруги, . . . дѣдъ ея, нѣкто Логиновъ, былъ товарищемъ кутежей Григорія Александровича Потемкина, до его поступленія на службу. Во время силы или, какъ тогда выражались, случая, Потемкинъ вспомнилъ о своемъ компаньонѣ и послалъ его отыскивать въ Москву; его отыскали въ одной изъ харчевенъ пьянаго и оборваннаго, отвезли въ Петербургъ, но не посмѣли въ такомъ видѣ представить Потемкину, а потому сначала сводили въ баню, а потомъ прилично одѣли. Не смотря на то, что отъ зоркаго глаза Потемкина не могло укрыться, какъ низко упалъ бывшій товарищъ его разгульной жизни, онъ его принялъ милостиво и совѣтовалъ ему принять участіе въ винныхъ откупахъ. Получивъ отвѣтъ, что за неимѣніемъ средствъ въ жизни, а тѣмъ болѣе капиталовъ, необходимыхъ для залоговъ, это невозможно, Потемкинъ объявилъ, что это его забота, и дѣйствительно доставилъ ему собственноручное поручительство императрицы, съ которымъ Логиновъ былъ допущенъ сенатомъ къ торгамъ и получилъ откупа петербургскій и московскій, немедленно взялъ значительную сумму отступнаго за первый и отправился лично хозяйничать вторымъ въ Москву. Видно, дѣла пошли не дурно, потому что онъ оставилъ сыну нѣсколько тысячъ душъ. О всѣхъ этихъ происшествіяхъ съ бѣднымъ разночинцемъ Логиновымъ мнѣ передавалъ гораздо обстоятельнѣе и подробнѣе очень интересный и умный старикъ, игравшій въ свое время немаловажную роль въ Курскѣ—Викентій Семеновичъ Студзинскій. Я нарочно указываю на источникъ этихъ свѣдѣній, потому что нѣкоторыя изъ нихъ не согласуются съ тѣмъ, что намъ по сіе время извѣстно о молодости князя Таврическаго.

Къ сожалѣнію, не подозрѣвая, что мнѣ придется въ скоромъ

времени управлять Курскою губерніею, я не старался заводить знакомства и поближе узнать мѣстныхъ условій жизни. Все, что до меня доходило о нравахъ, обычаяхъ помѣщиковъ, чиновничества и даже мѣстнаго духовенства, возбуждало отвращеніе, даже ужасъ. У Николая Петровича Бибикова былъ камердинеръ, извѣстный цѣлой губерніи какъ человекъ нужный и вліятельный, черезъ котораго можно было обдѣлывать дѣлишки. Бывшій до Н. Н. губернскимъ предводителемъ Н. Я. С*, обѣдая у губернатора, не уѣзжалъ домой, когда Бибиковъ послѣ администраторскихъ трудовъ отходилъ ко сну, а ходилъ (къ сожалѣнію, я забылъ имя и отчество пресловутаго камердинера) въ случайному человеку, и тамъ закуривалъ сигару и, препровождая время въ пріятной и полезной бесѣдѣ, терпѣливо выжидалъ минуты пробужденія начальника губерніи, для составленія партіи е. пр-ва. Вредное вліяніе этого камердинера дошло, въ концѣ 1860 г., до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ и губернатору было приказано съ нимъ разстаться. Право, невольно беретъ недоумѣніе, чему во всемъ этомъ наиболѣе нужно удивляться!

Николай Алексѣевичъ С* былъ типъ мѣстнаго курскаго дворянина, хитрый по натурѣ, ловкій, уклончивый и совершенно необразованный. Къ сожалѣнію, у меня не сохранилось пространныхъ его замѣчаній на проектъ, такъ называвшійся въ то время, «улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ». Этими замѣчаніями крѣпостникъ-помѣщикъ пренаивно высказывалъ неодолимое отвращеніе къ проектированной законодательной реформѣ и старался застрашать правительство нелѣпѣйшими послѣдствіями, которыя ему представляли воображеніе, возбужденное малодушіемъ и весьма неспокойною совѣстью. Послѣ указа 19-го февраля 1861 года, Николай Алексѣевичъ пріѣзжалъ только разъ, и то не надолго, въ свое имѣніе «Фатежъ», Льговскаго уѣзда, а затѣмъ жилъ и умеръ нѣсколько лѣтъ спустя въ С.-Петербургѣ. Онъ былъ слишкомъ старъ, чтобы освоиться съ новыми ненавистными порядками, заставлявшими признавать человѣческія права людей, находившихся еще такъ недавно въ безконтрольномъ распоряженіи каприза, прихоти, а часто и непостижимой жестокости помѣщика.

Возвращаюсь къ семейству С*, чтобы дать понятіе о нравахъ четверть вѣка тому назадъ бывшихъ въ Курской губерніи.

Жена Николая Алексѣевича, рожденная Д*, считалась доброю и почтенною женщиной, но ея покровительствомъ пользовался Николай Гавриловичъ Д*, отличный исправникъ Льговскаго уѣзда. Я говорю «отличный» потому, что онъ былъ настолько уменъ, чтобы чутьемъ узнавать характеръ, взглядъ, требованія и направленія каждаго губернатора. Притомъ онъ былъ дѣльцомъ и настолько дѣятельнымъ, что успѣвалъ лучше другихъ управлять большимъ уѣздомъ, и притомъ завѣдывать имѣніями и дѣлами многихъ помѣщиковъ.

У четы С*** было два сына и одна дочь. Старшій изъ сыновей, Петръ Николаевичъ, воспитанный, какъ и младшій, Николай, въ императорскомъ лицей, былъ не глупъ; не смотря на это, ему въ началѣ не везло; поступивъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ много лѣтъ прозябалъ въ Рагузѣ консуломъ, и потому за нимъ въ Курскѣ долгое время сохранялось прозвище принца Рагузскаго. Впослѣдствіи ему была поручена въ Крыму канцелярія пришельцевъ изъ разныхъ губерній, тутъ онъ испыталъ крупную неудачу... Канцелярія эта не состоялась, не смотря на заботливость и предусмотрительность начальства. Новые колонисты какъ-то не во время прибыли въ Крымъ въ позднее время года, не было заготовлено ни матеріала для построекъ, ни продовольствія, большая часть перемерла, остальные разбѣжались.

Впослѣдствіи я уже засталъ Н. П. С* вице - директоромъ азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ ¹⁾ . . .

Возвращаясь къ дѣятельности своей того времени по призыву отпускныхъ нижнихъ чиновъ, не могу не упомянуть о подполковникѣ, командирѣ курскаго гарнизоннаго батальона, бар. Б***, шуринѣ генерала Л*, начальника всей внутренней кражи, какъ тогда говорили, и стражи официально. Впослѣдствіи мнѣ придется говорить подробно о существовавшихъ въ то время безпорядкахъ и ужасахъ этой фиктивной внутренней стражи. Теперь мнѣ приходится сказать только, что я ежедневно по утрамъ нѣсколько часовъ проводилъ въ казармахъ и тогда уже получилъ убѣжденіе, что этотъ бар. Б*, женатый на курской дворянкѣ М*,

¹⁾ Всѣ упоминаемые здѣсь лица—покойныя.

былъ скорѣе похожъ на нѣмецкаго лабазника, чѣмъ на командира русскаго батальона; что онъ, пользуясь протекціею корпуснаго командира, позволялъ себѣ всевозможныя злоупотребленія и довелъ батальонъ ему ввѣренный до отвратительнаго состоянія и до такого упадка дисциплины, что нижніе чины гораздо болѣе были похожи на бродягъ, чѣмъ на солдатъ. Къ счастью, я въ то время не имѣлъ порученія входить въ подробности хозяйственнаго и фронтоваго состоянія батальона и старался только по возможности скоро окончить призывъ, въ чемъ и успѣлъ съ помощью губернатора и исправниковъ.

Въ это мое пребываніе въ Курскѣ я часто видѣлся съ Николаемъ Яковлевичемъ С., мѣстнымъ цигровскимъ помѣщикомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства. Если я возвращаюсь къ этой личности, то это потому, что я впоследствии подозрѣвалъ его въ участіи не только отставки Бибикова, но и моего назначенія губернаторомъ. Должно быть я ему показался простачкомъ удоборуководимымъ и, вѣроятно, онъ указывалъ на меня графу Петру Андреевичу Шувалову, въ то время состоявшему директоромъ департамента общихъ дѣлъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Возвратившись въ Петербургъ, я, какъ обыкновенно, поѣхалъ представляться государю въ Царское село; пришлось долго ожидать приѣма вмѣстѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Сергѣемъ Степановичемъ Ланскимъ, который много распрашивалъ меня о Курскѣ и его дѣятеляхъ; я очень хорошо помню, что я сильно защищалъ Бибикова, говоря, что противъ него интригуютъ многіе, но что онъ человѣкъ спокойный и хотя и придерживается общихъ основаній тогдашней губернаторской службы, т. е. не гнушается откупнымъ содержаніемъ и не отличается гениальностью, но все-таки не похожъ на портреты, представляемые министру доброжелателями, которые, еслибы были назначены на его мѣсто, дѣлали бы то же самое, но, вѣроятно, въ большихъ размѣрахъ.

Я этому разговору не придавалъ никакого значенія, и вспомнилъ о немъ гораздо позже, а именно уже зимой, когда однажды заѣхалъ къ П. А. Шувалову; онъ меня встрѣтилъ словами: «какъ я радъ, что ты заѣхалъ, я только что приказалъ закладывать сани, чтобы ѣхать къ тебѣ по порученію Ланскаго. Министръ

тебѣ предлагаетъ должность курскаго губернатора и поручилъ мнѣ тебѣ сказать, что онъ очень желаетъ, чтобы ты принялъ это назначеніе и немедленно далъ утвердительный отвѣтъ.

Я былъ совершенно озадаченъ; никогда я не думалъ оставлять военную службу и не готовился къ такой роли въ администраціи и конечно отвѣчалъ, что подумаю и дамъ отвѣтъ. На вопросъ: что же съ Бибиковымъ? Шуваловъ показалъ мнѣ предлинное и совершенно безграмотное письмо, которымъ Николай Петровичъ просилъ министра исходатайствовать ему увольненіе отъ службы и о назначеніи пенсіи. Я вообще не любилъ совѣтоваться, но предложеніе, мнѣ сдѣланное, было до того неожиданно, что я счелъ долгомъ серьезно переговорить объ этомъ съ нѣкоторыми лицами, мнѣніемъ которыхъ дорожилъ; всѣ совѣтовали принять новое назначеніе¹⁾, кажется, не вдаваясь въ подробности значенія и важности губернаторской должности, въ то время, когда Положеніе, впоследствии извѣстное подъ названіемъ 19-го февраля 1861 года о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, уже было высочайше одобрено и когда съ часу на часъ ожидали манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Долго я колебался и не давалъ отвѣта, но мнѣ кажется, что конфиденціальныя сообщенія Герстенцвейга были главною побудительною причиною, наконецъ, выраженного мною согласія. Я очень хорошо понималъ, что мнѣ будетъ еще труднѣе отказываться отъ должности директора провіантскаго департамента военнаго министерства, а должность эта казалось мнѣ гораздо труднѣе и неблагодарнѣе—губернаторской.

Черезъ три дня послѣ посѣщенія мной С. С. Ланскаго для изъявленія ему согласія принять предложенную мнѣ должность, высочайшимъ приказомъ 19-го января 1861 года я былъ назначенъ курскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ и гражданскою частью.

На другой же день я представлялся государю, по случаю новаго назначенія, и былъ удивленъ тѣмъ, что государь въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ меня за принятіе мною должности губернатора.

¹⁾ Кромѣ покойнаго А. Д. Герстенцвейга, который давалъ понять, что меня имѣютъ въ виду для одного изъ хозяйственныхъ департаментовъ военнаго министерства.

Въ то время въ одномъ домѣ со мной жилъ сенаторъ, бывшій въ трехъ губерніяхъ гражданскимъ губернаторомъ (а именно въ Калужской, Черниговской и наконецъ Петербургской), Н. М. С., старый мнѣ знакомый по клубу. Онъ мнѣ предложилъ свои услуги, чтобы меня снабдить практическими указаніями чего избѣгать, на что настаивать, зачѣмъ особенно слѣдить, кому дѣлать визиты, кому послать карточки и т. п. Я только слушалъ и просилъ позволенія записать особенно важныя указанія. Эту записку я держалъ у себя въ Курскѣ на письменномъ столѣ и всякій разъ, какъ моя собственная практика указывала на полнѣйшую несостоятельность мнѣній Николая Михайловича, я, противъ отмѣтки, сдѣланной въ Петербургѣ со словъ Н. М., писалъ: «—ъ»; когда я приводилъ въ порядокъ бумаги предъ отъѣздомъ изъ Курска, въ концѣ 1863 года, эта бумага попалась мнѣ на глаза; на ней противъ 26 пунктовъ сочиненія Н. М. было 23 раза написано: «—ъ».

Любопытное это было время—когда всѣ знали, что государь остается непоколебимымъ и твердо рѣшился во чтобы ни стало, исполнить послѣднюю волю своего отца, и осуществить реформу, которой желали императоры Александръ I и Николай, но не могли или не успѣли привести въ исполненіе.

Здѣсь я могу привести записанныя мною слова императрицы Александры Федоровны, сказанныя мнѣ въ августѣ или сентябрѣ 1860 года, когда я къ ней являлся послѣ производства въ генералъ-майоры. Надо сказать, что вдовствовавшая государыня Александра Федоровна принадлежала къ числу невѣрующихъ въ возможность упраздненія крѣпостной зависимости крестьянъ.

— «Si feu mon mari, qui a toujours si ardemment désiré la libération des paysans, n'est pas parvenu à réaliser ses desirs, — comment cela pourrait-il réussir à mon fils?» (Если покойному мужу моему, такъ горячо желавшему освобожденія крестьянъ, не удалось осуществить своего желанія, — какимъ-же образомъ можетъ это удасться моему сыну?).

Большинство русской публики не раздѣляло этого мнѣнія императрицы; всѣ знали, что реформа неминуема; крѣпостники были взбѣшены, тѣмъ болѣе, что самое обыкновенное приличіе не позволяло явно выказывать неудовольствіе; но въ тѣсныхъ кружкахъ

между собой они не стѣснялись и съ запальчивостью, даже въ непринятыхъ выраженіяхъ, относились къ дѣйствіямъ правительства, къ намѣреніямъ и высказанной волѣ государя.

Значительные помѣщики высшаго круга, лучше воспитанные, не управлявшіе никогда сами своими вотчинами и даже мало вникавшіе въ настоящую суть вопроса, считали долгомъ (конечно, нѣкоторые кричатъ противъ нарушенія права собственности и не признавали ни справедливости, ни возможности «земельнаго надѣла».

Нѣкоторые шли далѣе и доказывали, что если государь хочетъ освободить крестьянъ на счетъ дворянъ, то справедливость требуетъ, чтобы и дворянамъ были гарантированы особенныя права конституціею, парламентомъ, т. е. народнымъ представительствомъ съ палатою господъ. Составленныя нѣкоторыми изъ помѣщиковъ beau-mond'a записки въ этомъ духѣ секретно передавались изъ рукъ въ руки, причемъ можно было наслушаться невѣроятныхъ, въ высшей степени непрактичныхъ и не своевременныхъ требованій и сужденій.

За два дня до опубликованія достопамятнаго манифеста 19-го февраля 1861 года, меня о томъ предупредилъ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ.

XVII.

Дѣятели 1840—1850 годовъ.

Списокъ флигель-адъютантовъ. — Характеристика разныхъ лицъ: Кн. М. Д. Горчаковъ.—Гр. Морни.—А. Л. Потаповъ и друг.—Двѣ эпохи въ царствованіе императора Александра II.

Списокъ флигель-адъютантовъ въ послѣдній годъ царствованія императора Николая Павловича.

Въ послѣдній годъ царствованія государя Николая Павловича былъ нижеслѣдующій списокъ флигель-адъютантовъ (привожу этотъ перечень съ особенными отмѣтками):

1. Гр. Николай Трофимовичъ Барановъ.
2. Гр. Ѳ. Д. Алопеусъ, командовалъ Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ.
3. Кн. Алексѣй Борисовичъ Куравинъ, командовалъ дивизиономъ въ Кавалергардскомъ полку.

4. Кн. М. Д. Волконскій, командовалъ Муромскимъ пѣхотнымъ полкомъ.
5. С. Е. Кушелевъ, командовалъ гренадерскимъ Баркляя де-Толли полкомъ.
6. Н. Н. Анненковъ, вице-директоръ инспекторскаго департамента военнаго министерства.
7. Бар. Э. Н. Мирбахъ (1).
8. Кн. В. Д. Голицинъ въ л.-гв. Уланскомъ полку, командовалъ дивизиономъ.
9. А. Д. Герстенцвейгъ (2).
10. Гр. Э. А. Гейденъ, начальникъ штаба 1 пѣх. корп.
11. Гр. Валеріанъ Егор. Канкринъ, командовалъ Кинбурнскимъ драгунскимъ полкомъ.
12. Кн. Ѳедоръ Ив. Паскевичъ (3).
13. Кн. В. Ил. Васильчиковъ, въ Валахіи при кн. М. Д. Горчаковѣ.
14. М. Л. Дубельтъ, командовалъ Бѣлорусскимъ гусарскимъ полкомъ.
15. А. Е. Тимашевъ, началн. штаба драгунскаго корпуса.
16. А. П. Ахматовъ (4).
17. Гр. Г. К. Крейцъ (5).
18. Кн. Гр. Гр. Гагаринъ, въ отсутствіи по рисованію въ Грузіи.
19. Кн. П. Р. Багратіонъ (6).
20. Бар. Л. П. Николаи, командовалъ полкомъ на Кавказѣ.
21. Н. Д. Чебышевъ (7), въ гренадерскомъ полку, юбилейный.
22. Гр. Н. А. Орловъ при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, на Дунаѣ.
23. Бар. Тетенборнъ (8).
24. Кн. А. В. Оболенскій.
25. Н. Г. Сколковъ, въ Крыму, при кн. Меншиковѣ.
26. Д. И. Скобелевъ, на Кавказѣ.
27. Кн. Эмиль Витгенштейнъ (9).
28. Н. А. Аркасъ, флотскій (10).
29. Бревернъ, сошелъ съума сейчасъ по назначеніи.
30. Кн. М. П. Голицынъ (11).
31. Н. С. Унковскій (12).

32. Кн. М. Б. Лобановъ (13), на Кавказѣ.

33. Н. П. Фредериксъ флотскій (14); на его дежурствѣ скончался государь Николай Павловичъ.

34. Б. А. Перовскій (15); не помню, чтобы кромѣ рекрутскихъ наборовъ получалъ порученія.

35. А. Н. Стюрлеръ (16).

36. Д. К. Гербель (17).

37. А. М. Дренякинъ, юбилейный, въ л.-гв. Измайловскомъ полку.

38. В. И. День (18).

39. Кн. А. Н. Крапоткинъ, въ Кирасирскомъ е. в. полку.

40. П. П. Альбединскій (19).

41. Кн. Д. А. Лобановъ (20).

42. А. П. Веймарнъ (21), при главной квартирѣ.

43. Гр. А. С. Строгановъ (22), только за рекрутами.

44. Гр. А. П. Шуваловъ (23).

45. П. А. Воейковъ, при кн. Паскевичѣ.

46. Гр. Ник. Васильев. Левашевъ (24).

47. Гр. Н. Чертковъ (25).

48. А. А. Чернышевъ.

Собственно въ прямой зависимости и распоряженіи государя Николая Павловича было—25.

За исключеніемъ флотскихъ—21.

А таковыхъ, которые получали порученія, кромѣ дежурства и набора, только—10.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ. Въ послѣднее время, т. е. въ концѣ 1880-го года, Записки Н. В. Берга, помѣщенные въ «Русской Старинѣ», заставили много говорить и спорить о князѣ Михаилѣ Дмитріевичѣ Горчаковѣ.

Эту благородную личность я зналъ со времени моего дѣтства и поневолѣ припоминаю нѣкоторыя его выходки и фразы, (впрочемъ, неудачныя).

Разъ у него на балѣ онъ опрометью подбѣжалъ къ г-жѣ В—й, рожденной княжнѣ В—й:

— «Vous avez failli me donner une indigestion, car j'ai voulu avaler ma fille pour les confusions, qu'elle a faites avec les invitations; ou a tardé à vous en envoyer une». (Вы чуть

не причинили мнѣ разстройства, такъ какъ я готовъ былъ съѣсть дочь за путаницу, которую она надѣлала съ приглашеніями; вамъ опоздали послать приглашеніе).

Этотъ вечеръ въ особенности сохранился въ моей памяти, потому что бѣдной В. въ этотъ день не везло и ей пришлось услышать не одну вышеприведенную любезность кн. Михаила Дмитриевича.

Графъ Морни. Графъ Морни, какъ извѣстно, сынъ Гортензіи Бонапарте и графа Флаго, былъ во время коронованія представителемъ еще наванунѣ враждебной намъ Франціи; его усиліямъ и домогательствамъ Россія была обязана тѣмъ, что ей навязана, и говорятъ секретною конвенціею, заключенною въ одно время съ миромъ, предписано принять съ благодарностью французскую компанію концессионеровъ на сооруженіе цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, подъ названіемъ: «La grande société des chemins de fers russes» (Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ), на условіяхъ, которыя въ настоящее время не только были бы отвергнуты, но и, конечно, возбудили бы негодованіе. Правами, дарованными этому soi-disant главному обществу желѣзныхъ дорогъ, другъ мой Александръ Лярскій лишился возможности получить концессию на сооруженіе Нижегородско-московской желѣзной дороги,—концессию, которая ему была обѣщана, а затраты и труды его по изысканіямъ по двумъ направленіямъ сдѣлались бесполезными. Впослѣдствіи онъ получилъ отъ французовъ ничтожное вознагражденіе за сдѣланныя имъ изысканія, но мечта и надежды многихъ лѣтъ—сооруженія самой выгодной, необходимѣйшей для внутренней торговли дороги—все это безвозвратно погибло.

А. Л. Потаповъ. Однажды, когда я представлялся императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, кажется по случаю производства въ генералъ-майору,—ея величество обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:—«правда-ли, что Потаповъ назначается оберъ-полиціймейстеромъ въ С.-Петербургъ?»

Я отвѣчалъ, что онъ предназначается на подобную должность въ Москву; Александра Федоровна (шутя) продолжала:—«C'est incroyable, je ne me ferai jamais à l'idée que le petit Potapoff pût être grand-maitre de police! Si j'étais un soldat ou un paysan, jamais Je n'aurais eu peur du petit Potapoff». (Это невѣроятно, я никогда

не освоюсь съ мыслию, что маленькій Потаповъ можетъ быть оберъ-полиціймейстеромъ! Если бы я была солдатъ или крестьянинъ, я никогда не боялась бы маленькаго Потапова).

Необыкновенно малый ростъ Александра Львовича Потапова уже прежде неоднократно давалъ поводъ къ шуткамъ и анекдотамъ; такъ, въ 1850 г., когда онъ еще былъ ротмистромъ и адъютантомъ при фельдмаршалѣ кн. И. Ѳ. Паскевичѣ, рассказывали въ Варшавѣ, что на смотру собранныхъ войскъ подъ Варшавою въ присутствіи государя Николая Павловича, а также императора австрійскаго и короля прусскаго, Потаповъ, будучи дежурнымъ, стоялъ ближе всѣхъ прочихъ лицъ свиты къ высочайшимъ особамъ, и что при этомъ подслушали разговоръ двухъ поляковъ, изъ которыхъ одинъ указывалъ другому, вѣроятно провинціалу, и называлъ государя него державныхъ гостей.

— «Widzisz, говорилъ онъ, to Najjasniejszy Pan, to cesarz Austriyaski, to król Pruski, a to dziesko, указывая на Потапова, to Następcą tronu».

Въ своемъ нарѣчій поляки, произнося въ нѣкоторыхъ случаяхъ «о» какъ «у», называли Потапова всегда Потапуфъ, что также смѣшило публику, и не мало раздражало маленькаго Потапова, въ которомъ таилось огромное самолюбіе и гигантское честолюбіе.

Нельзя мнѣ не поговорить о гр. Алексѣѣ Ѳеодоровичѣ Орловѣ, котораго покойный государь Николай Павловичъ часто называлъ: «братъ Алексѣй», и котораго такъ ошибочно (?) вся Россія считала другомъ (самымъ преданнымъ) государя. Объ Орловѣ, его богатствѣ, о томъ, какъ ему были даны 800,000 для покупки дома, какъ онъ купилъ таковой у Пашкова, на Литейной, какъ онъ никогда въ немъ не жилъ, а отдавалъ въ наймы, и, наконецъ, какъ онъ продалъ этотъ домъ въ Удѣльное вѣдомство.

Двѣ эпохи: 19-ое февраля 1861 года и отмѣна тѣлесныхъ наказаній по приговору суда 17-го апрѣля 1863 г.

Я никогда не забуду, что я обязанъ государю Александру Николаевичу двумя самыми счастливыми эпохами своей службы.

Послѣ назначенія моего курскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ и гражданскою частью, былъ объявленъ манифестъ, упразднявшій крѣпостное право.

Въ Курскъ я прибылъ въ тотъ самый день, когда въ соборѣ

былъ прочитанъ этотъ манифестъ; народъ еще не отдавалъ себѣ отчета въ своемъ счастьи; манифестъ ссылался на Положеніе, ему неизвѣстное, но мнѣ было легко на душѣ: я хорошо понималъ, что при крѣпостномъ правѣ, зорко слѣдя за помѣщиками, я бы вынужденъ былъ преслѣдовать бѣольшую часть изъ нихъ за злоупотребленія помѣщицъей власти. Злоупотребленія, сдѣлавшіяся нормальными по бездѣйствію губернскаго начальства, никого не поражали, и даже рѣдко вызывали протесты и жалобы, а народъ съ непостижимымъ терпѣніемъ переносилъ всевозможныя притѣсненія, несправедливости, мученія, истязанія.

Вотчинное право, упорно отстаивавшееся многими крупными землевладѣльцами, кануло въ вѣчность; впрочемъ, я не могу не сказать въ оправданіе его защитниковъ, что это были люди богатые, никогда близко и пристально не всматривавшіеся въ труженическую жизнь крѣпостнаго люда и въ нескончаемыхъ спорахъ объ этомъ предметѣ, безпрестанно возбуждавшихся во время дѣятельности крестьянской, такъ называемой Редакціонной, комиссіи, съ дѣтскою (?) наивностью приводили въ пользу вотчиннаго права исключительныя примѣры трогательныхъ патриархальныхъ помѣщиковъ съ принадлежавшими имъ крестьянами. Въ этихъ отчаянныхъ усиліяхъ оправдывать вотчинное право и даже доказывать его пользу проглядывали затаенныя надежды установленія въ Россіи англійскихъ порядковъ съ палатою лордовъ и т. д., но объ этомъ мнѣ еще придется говорить много и пространно.

Другой моментъ былъ тотъ, когда я получилъ по телеграфу увѣдомленіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ, что 30-го августа (это ошибка: 17-го апрѣля 1863 г.) государь окончательно приказалъ отмѣнить тѣлесныя наказанія по приговору суда. Какъ теперь помню, что у меня брызнули изъ глазъ слезы радости и что я отъ всей души поблагодарилъ Бога за то, что сподобилъ меня быть исполнителемъ такого высочайшаго повелѣнія. Я, тогда же, немедленно отправилъ гонцовъ во всѣ уѣзды, чтобы остановить исполненіе уже состоявшихся на прежнемъ основаніи судебныхъ приговоровъ. Я не помню, въ теченіе всей моей тридцатилѣтней службы, болѣе радостнаго дня, и если я и прежде искренно любилъ государя, то, конечно, съ этого времени сдѣлался преданнѣйшимъ и нѣжно любящимъ вѣрноподданнымъ.

Графъ П. А. Валуевъ. Зимой этого года я уже вторично прїѣзжалъ въ С.-Петербургъ по дѣламъ службы; кромѣ меня находилось въ столицѣ десять губернаторовъ, включая въ это число и мѣстнаго графа А. А. Бобринскаго. Не помню, котораго числа я получилъ приглашеніе прїѣхать въ министру внутреннихъ дѣлъ въ 8 часовъ вечера.

Войдя въ кабинетъ Петра Александровича, я тамъ уже засталъ многочисленную компанію, а именно: товарища министра внутр. дѣлъ Тройницкаго, Якова Александровича Соловьева, въ то время предсѣдателя Земскаго отдѣла, с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера И. В. Анненкова и губернаторовъ: тверскаго—кн. Багратіона, орловскаго—гр. Н. В. Левашева, тамбовскаго—К. К. Данзаса, пензенскаго—Александровскаго; всѣхъ не припомню. Насъ усадили кругомъ большаго овальнаго стола, такъ что въ срединѣ другъ противъ друга сидѣли министръ и его товарищъ; по правую сторону министра Я. А. Соловьевъ, потомъ Анненковъ, Бобринскій и такъ далѣе, мнѣ же пришлось сидѣть налѣво отъ министра, что оказалось очень удобнымъ, потому что я подавалъ мнѣніе свое послѣднимъ.

Съ большою важностью закрывъ глаза, П. А. Валуевъ обратился къ намъ приблизительно ¹⁾ съ слѣдующими словами:

— «Гг., я собралъ васъ сегодня, всѣхъ наличныхъ въ Петербургѣ губернаторовъ, чтобы обсудить съ вами два важныхъ вопроса и получить о нихъ ваши мнѣнія. Въ виду успѣшнаго введенія Положеній 19-го февраля 1861 года, и въ особенности того усерднаго содѣйствія, которое выказало повсемѣстно русское благородное дворянство правительству въ этомъ столь важномъ дѣлѣ, не было-ли бы желательнымъ и полезнымъ, чтобы государь императоръ выразилъ свое удовольствіе и признательность дворянству особымъ высочайшимъ манифестомъ?»

Послѣ непродолжительной паузы всѣ заговорили вдругъ, одобряя эту прекрасную мысль, но этимъ П. А. Валуевъ не удовольствовался и сталъ обращаться къ каждому лицу отдѣльно.

Первый подалъ одобрительное мнѣніе генералъ Анненковъ,

¹⁾ Я говорю приблизительно, потому что хотя я на другой день и записалъ «пространной рѣчи краткій смыслъ», но за форму не ручаюсь.

за нимъ NN... то же самое, только измѣняя выраженія, и другіе; когда очередь дошла до меня, я —

[высказалъ неодобреніе помянутой мысли, причемъ изложилъ и свои въ тому мотивы].

.

Не могу сказать, чтобы мои слова были приняты сочувственно аудиторію.

Второй предложенный вопросъ заключался въ томъ, что въ виду приближающагося срока окончательнаго избавленія отъ зависимости дворовыхъ, не признаемъ-ли мы полезнымъ принять предусмотрительныя и предупредительныя мѣры «противъ могущихъ возникнуть (textuel) беспорядковъ»?

Этотъ вопросъ былъ принятъ съ большимъ оживленіемъ и гг. губернаторы предлагали наперерывъ разныя предусмотрительныя и предупредительныя мѣры, а г. тамбовскій губернаторъ началъ даже горячиться, вѣроятно отъ избытка энергіи.

Когда немного поутихли и спросили меня, я отвѣчалъ:

— «Мнѣ не извѣстны обстоятельства другихъ губерній, а что касается Курской губерніи, то я ручаюсь, что примѣненіе челоуѣколюбиваго благодѣтельнаго закона никогда не возбудитъ ни малѣйшаго замѣшательства и тѣмъ паче беспорядковъ».

Вскорѣ затѣмъ начали раздѣжаться. Прощаясь съ гг. администраторами, П. А. Валуевъ объявилъ, что о всѣхъ мнѣніяхъ имъ будетъ доложено государю императору.

Я нарочно не уѣзжалъ, и когда мы остались втроемъ съ Я. А. Соловьевымъ, я сказалъ министру:

— «Хотя я остался въ меньшинствѣ, или одинъ съ своимъ мнѣніемъ, позвольте надѣяться, что вы и о немъ доложите государю».

На это Валуевъ отвѣчалъ съ непривычною ему живостью:

— Непремѣнно, тѣмъ болѣе, что я раздѣляю ваши мнѣнія.

«Такъ скажите, пожалуйста, спросилъ я, для чего же вы насъ собирали?»

— Ils auraient pût me convaincre (они могли бы убѣдить меня), отвѣчалъ величественно П. А. Валуевъ.

Никакого манифеста не было, ни одинъ дворовый не лишилъ себя жизни за то, что ихъ лишили господъ—«отцовъ родныхъ»...

Симбирскъ и Семень Романовичъ Ждановъ (1863 г.). Перехожу къ описанію моей командировки въ Симбирскъ для предсѣдательства въ высочайше установленной комиссіи смѣшаннаго суда, которому предстояло разъяснить въ чемъ именно могли обвиняться одиннадцать челоувѣкъ, четыре года содержавшихся подъ стражею, заподозрѣнныхъ и обвиненныхъ въ поджогахъ Ждановымъ, въ бумагахъ котораго, послѣ его смерти, не было найдено ни уважительныхъ причинъ къ арестованію разныхъ лицъ, еще томившихся въ заключеніи, ни уликъ, подкрѣплявшихъ предположенія Жданова въ ихъ виновности.

Послѣ первыхъ засѣданій комиссіи, я получилъ убѣжденіе, что Ждановъ, прибывшій въ Симбирскъ слишкомъ поздно, чтобы имѣть возможность захватить поджигателей, въ существованіи которыхъ никто и по сіе время (1872 г.) въ Симбирскѣ не сомнѣвается, и справедливо, тщетно дѣлая розыски въ теченіи двухъ лѣтъ, наконецъ рѣшилъ, для удовлетворенія своего самолюбія и для сдержанія легкомысленно даннаго слова жителямъ Симбирска—не покинуть развалины несчастнаго города, не обнаруживъ преступниковъ, создать таковыхъ посредствомъ наговоровъ, мнимыхъ обличеній и другихъ мнимо хитрыхъ дѣйствій частнаго пристава Розова и чиновниковъ М—ва и Постельникова.

Тутъ рождается вопросъ: можно ли повѣрить, что Ждановъ—высочайше облеченный огромною властію въ предѣлахъ восьми губерній—могъ рѣшиться изъ самолюбія и пустаго тщеславія на поступки, долженствовавшіе имѣть результатомъ обвиненіе одиннадцати невинныхъ жертвъ въ одномъ изъ ужаснѣйшихъ преступленій?

Прежде чѣмъ рѣшиться на отвѣтъ положительный или отрицательный, мнѣ кажется необходимымъ узнать подробно личность Жданова; по моему мнѣнію, ни чинъ, ни званіе покойнаго не даютъ никому права на слѣпое довѣріе, надо прослѣдить жизнь челоувѣка, всѣ подробности его служебной дѣятельности, чтобы дозволить себѣ сдѣлать заключеніе о его нравственныхъ качествахъ.

Къ несчастію, Ждановъ умеръ ¹⁾, многіе убѣждены, что онъ умеръ вслѣдствіе отравы, потому что слѣдствіе, которое онъ производилъ въ Приволжскомъ краѣ, сдѣлало его обладателемъ какихъ-то важныхъ тайнъ, раскрытіе которыхъ грозило опасностью какому-то высокопоставленному въ Петербургѣ лицамъ.

Все это слишкомъ нелѣпо, чтобы заслуживать довѣрія.

По моему мнѣнію, никто не былъ заинтересованъ въ жизни или смерти Жданова, который употребилъ во зло (?) высочайшее довѣріе и никогда на таковое по своему характеру и присвоеннымъ имъ приемамъ на служебномъ поприщѣ не имѣлъ право. Заинтересовавшись личностью Жданова, я не могъ не вспомнить всего, что о немъ въ разное время слышалъ, и сиѣшу сказать, что всѣ свѣдѣнія, въ разное время, нарочно или случайно, о немъ мною собранныя, подтвердили тѣ предположенія, которыя я дѣлалъ неохотно, съ опасеніемъ раздѣлать съ Ждановымъ отвѣтственность за неосновательное, хотя бы съ моей стороны неумышленное, обвиненіе невиннаго.

Въ то время, когда гр. Петръ Андреевичъ Шуваловъ былъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ мнѣ разсказалъ подробно обстоятельства, которыми г. Ждановъ былъ обязанъ своимъ неожиданнымъ возвышеніемъ по службѣ, т. е. на общеразговорномъ языкѣ—карьерою.

Родомъ изъ цыганъ Бессарабской области, благодаря какому-то случайно благопріятнымъ обстоятельствамъ, Ждановъ получилъ нѣкоторое образованіе въ уѣздномъ училищѣ, а послѣ опредѣленія на государственную службу, неизвѣстно благодаря какому-то обстоятельствамъ, былъ назначенъ писцомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ департаментъ полиціи исполнительной, въ департаментъ, котораго впослѣдствіи ему суждено было сдѣлаться директоромъ. Будучи еще писцомъ, онъ уже успѣлъ обратить на себя вниманіе своего начальника отдѣленія ловкостью, съ которою онъ обращался съ дѣлами для угожденія начальству.

Въ 1836-мъ году, особенный, совершенно неожиданный, случай былъ причиной возвышенія Семена Романовича Жданова и цѣлаго ряда отличій, которыми тогдашнее начальство

¹⁾ С. Р. Ждановъ внезапно скончался въ 1864 г., въ Нижне-ѣ-Новгородѣ, на возвратномъ пути въ Петербургъ.

считало своимъ долгомъ вознаградить молодого и до того неизвестнаго Жданова, за оказанную имъ этому начальству уважавшуюся успѣхомъ услугу. Въ 1836 мѣ году покойный государь Николай Павловичъ впервые посѣтилъ министерство внутреннихъ дѣлъ. Приѣздъ этотъ произвелъ потрясающее ощущеніе на всѣхъ чиновъ министерства, не исключая самого министра, котораго не было на лицо, но который извѣстился во-время о посѣщеніи и успѣлъ явиться до отъѣзда государя. Директоры департаментовъ: Жмакинъ, полиціи исполнительной, и Лексъ ¹⁾, общихъ дѣлъ, встрѣтили и сопровождали государя при обходѣ имъ огромныхъ залъ, наполненныхъ чиновнымъ людомъ. При крутомъ поворотѣ изъ одной залы въ другую, на государя наскочилъ какой-то торопившійся чиновникъ, оказавшійся одѣтымъ не по формѣ, а именно въ какихъ-то свѣтлыхъ панталонахъ, при форменномъ вицъ-мундирѣ. Государь это замѣтилъ, но удовлетворился объясненіемъ находчиваго Лекса, объясниваго, съ полнымъ презрѣніемъ къ истинѣ, что это—чиновникъ, наканунѣ поступившій въ департаментъ на испытаніе, не смотря на то, что это былъ старый столоначальникъ, прослужившій въ министерствѣ болѣе 20-ти лѣтъ, что было очень хорошо извѣстно господину Лексу.

Когда государь обходилъ палаты, подвѣдомственныя г. Жмакину, онъ вдругъ обратился къ директору съ вопросомъ:

— «А какое у васъ здѣсь—настаршее по производству дѣло?»

Жмакинъ, хотя и сильно озадаченный, имѣлъ возможность сказать правду, такъ какъ случайно наканунѣ просмотрѣлъ списки, а потому доложилъ государю правдиво и безъ затрудненія, что старшее дѣло, неоконченное производствомъ, относится къ 1802 году.

Получивъ этотъ отвѣтъ, случайно правдивый, государь привалялъ, чтобы это дѣло немедленно было рассмотрѣно, рѣшено и къ семи часамъ вечера доставлено ему, государю, въ собственныя руки, въ Зимній дворецъ, послѣ чего простился съ министромъ Д. Н. Блудовымъ и уѣхалъ.

Затѣмъ наступили тяжелыя минуты раздумья для г. министра и для гг. директоровъ.

¹⁾ О которомъ А. С. Пушкинъ сказалъ: «Михаилъ Ивановичъ Лексъ, право, славный человекъ—съ»; на чемъ великій поэтъ основалъ это мнѣніе—осталось по сіе время неразгаданнымъ.

Ждановъ, котораго я спрашивалъ при удобномъ случаѣ, въ англійскомъ клубѣ, послѣ обѣда, объ этомъ знаменательномъ для министра внутреннихъ дѣлъ эпизодѣ изъ царствованія Николая Павловича, подтвердилъ мнѣ всѣ вышеизложенныя подробности, говоря, «что ему никогда не случалось видѣть болѣе жалкихъ фізіономій, какъ въ то время озабоченные, недоумѣвающіе и безъ того некрасивые лики Блудова, Жмакина и Лекса».

Ждановъ продолжалъ: «эти господа перепугались; они воображали, что государь хочетъ испытать ихъ чиновничью честность, что если они представятъ, какъ было приказано, рѣшенное дѣло въ семи часамъ вечера, то послѣдуетъ высочайшій вопросъ слѣдующаго содержанія: «если вы, такіе-то господа¹⁾, могли рѣшить это дѣло, лежавшее у васъ нерѣшеннымъ съ 1802 г., въ нѣсколько часовъ, то ваторжной работы для васъ мало, и т. д., или вы его не рѣшили, а только меня морочите», и т. д.

Какъ видно дилемма чрезвычайно неутѣшительная и потому начальство чѣмъ болѣе думало, тѣмъ болѣе приходило въ отчаяніе. Время проходило, и, наконецъ, одинъ изъ начальниковъ отдѣленія предложилъ посоветоваться съ Ждановымъ о томъ, какъ поступить при этомъ необыкновенномъ затрудненіи. Жданова никто изъ главныхъ лицъ министерства не зналъ и потому предложеніе призвать его на совѣтъ было принято лишь вслѣдствіе овладѣвшаго всѣми паническаго страха.

Ждановъ, призванный на помощь, объявилъ довольно нагло начальству, сдѣлавшемуся отъ страха чрезвычайно снисходительнымъ, что онъ удивляется ихъ затрудненію, что это «плѣвое»²⁾ дѣло, и что если г. министръ позволитъ, то онъ возьмется исполнить требованіе и что дѣло будетъ представлено государю къ назначенному, увы, уже быстро приближавшемуся, времени.

Все дѣло было передано Жданову.

Какъ онъ его дополнилъ, чѣмъ онъ замѣнилъ недостававшія въ немъ, свѣдѣнія, составлявшія препятствіе къ его рѣшенію съ 1802 года, Ждановъ не объяснялъ; но со смѣхомъ говорилъ, что онъ сдержалъ слово и Блудовъ къ назначенному времени

¹⁾ Разсказъ Жданова былъ испещренъ признанными неудобными въ обществѣ выраженіями.

²⁾ Textuel (дословно).

послалъ все, уже рѣшенное, по высочайшему повелѣнію, дѣло—въ государю, съ подписью «въ собственныя руки».

Нѣсколько дней затѣмъ было еще замѣтно тревожное состояніе Блудова и Жмакина, наконецъ дѣло было возвращено государемъ безъ замѣчаній.

Это было начало быстраго возвышенія Жданова; помощникъ столоначальника, за то, что помогъ министру выйти изъ затрудненія, получилъ два чина и орденъ на шею.

Когда по возвращеніи изъ Симбирска мнѣ пришлось докладывать государю Александру Николаевичу о всѣхъ подробностяхъ симбирскихъ пожаровъ и о томъ, какъ были созданы Ждановымъ и его помощниками М—вымъ, Постельниковымъ и Розовымъ мнимые поджигатели, мнѣ нужно было пояснять, что я бы никогда, не смотря на очевидность, не повѣрилъ возможности столь возмутительныхъ продѣлокъ, еслибы мнѣ не было извѣстно, на чтѣ былъ способенъ покойный Ждановъ, и, получивъ позволеніе государя, рассказалъ ему въ подробности все вышеизложенное.

Государь внимательно и терпѣливо выслушалъ его исторію о рѣшеніи въ 4 часа времени дѣла, не рѣшавшагося съ 1802-го по 1836 годъ, въ царствованіе Николая Павловича, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ бытность министромъ Д. Н. Блудова.

Il est probable que j'ai encore une fois manqué une excellente occasion de me taire—cette narration ne pouvant pas être agréable. (Весьма вѣроятно, что я еще разъ упустилъ прекрасный случай промолчать, такъ какъ этотъ рассказъ не могъ быть приятенъ), но я считалъ долгомъ съ полною откровенностью передать государю, на чемъ я основывалъ свое убѣжденіе, а потому характеристика Жданова была неизбѣжно необходима.

Кромѣ этого, не могъ я утаить государю, что производствомъ предсѣдательствуемой мною комиссіи обнаружено, что двое лицъ, посланныя въ Симбирскъ еще прежде С. Р. Жданова, разстрѣляли тамъ, не смотря на протестъ аудитора, двухъ солдатъ, которые оказались совершенно невинными. Но еще болѣе рѣзко выставилъ я бездѣйствіе власти, слабость и малодушіе симбирскаго губернатора, д. ст. сов. Анисимова, которому я приписывалъ большую часть бѣдствій, постигшихъ несчастный городъ Симбирскъ.

На это государь сказалъ: «вѣдь его ужъ тамъ нѣтъ?»

Министру внутренних дѣлъ я тогда же особою запискою сообщилъ подробное описаніе жалкой роли г. Анисимова, въ такое время, когда было достаточно присутствія духа и энергіи одного начальника, чтобы если не предупредить, то остановить въ началѣ беспорядки и происходящія отъ нихъ бѣдствія. Министръ внутренних дѣлъ, соглашаясь съ моимъ мнѣніемъ, сказалъ мнѣ: «теперь столько времени прошло, что мнѣ кажется преданіе суду Анисимова неудобнымъ...»

Въ бытность мою въ Симбирскѣ я былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ зачисленіемъ по инженерному корпусу; я этого не желалъ, не просилъ и сожалѣлъ, что меня не оставили по армейской пѣхотѣ, въ которой я числился со времени назначенія меня полковымъ командиромъ.

.

Для памяти:

О разныхъ предметахъ, которые такъ и остались мною неразсказанными;
 о лобныхъ мѣстахъ;
 о поставкѣ мяса—Саллосомъ;
 о похоронахъ солдатъ;
 о мундирной одеждѣ;
 о невинныхъ продѣлкахъ;
 о моей любви къ солдату, которой я былъ обязанъ знакомствомъ съ отвратительными (старого времени) злоупотребленіями госпиталей; привести примѣръ осмотра Николаемъ Павловичемъ Уяздовскаго госпиталя (въ Варшавѣ), о спасеніи мной (?);

о ночныхъ осмотрахъ канцеляріи и о спящемъ часовомъ;

о вступленіи гвардіи въ походъ въ 1849 году, въ особенности л.-гв. Литовскаго полка, потерявшаго отсталыми, не доходя средней ротатки, 86 человекъ, и о причинахъ этого поражающаго явленія.

Въ 1858 году въ Парижѣ — гр. Сем. Мих. Воронцовъ... рассказалъ эпизодъ.....

О смотрѣ л.-гв. Піонернаго дивизіона; объ отправленіи меня на гауптвахту государемъ и о разговорѣ объ этомъ на слѣдующій день въ кабинетѣ Е. И. В-ва.

Примѣчаніе Анны Александровны Денъ. Оба раза Денъ, не смотря на то, что былъ молодымъ офицеромъ, даже еще не флигель-адъютантомъ, смѣло отвѣтилъ государю Николаю Павловичу, въ его кабинетѣ, въ 1-й разъ, что онъ, государь, ошибся, а во 2-й разъ, что онъ, Денъ, не былъ виноватъ.

Въ 1858 г. во время моего пребыванія въ Парижѣ князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ рассказывалъ мнѣ слѣдующій эпизодъ—могущій служить доказательствомъ, до чего доходила наглость обмана въ военномъ вѣдомствѣ,

не смотря на строгость, о которой такъ много говорили... въ царствованіе Николая Павловича ⁴⁾.

Разсказать объ упраздненіи пуговки, предлагаемой генераломъ Курдюмовымъ е. выс—ву Наслѣднику Александру Николаевичу.

О неудачномъ почетномъ караулѣ, въ Варшавѣ, по случаю приѣзда принца регента прусскаго и о рукопашной борьбѣ при этомъ кн. М. Д. Горчакова съ командиромъ Калужскаго пѣхотнаго полка.

О встрѣчѣ государемъ л.-гв. Сапернаго батальона, у заставы Петергофа, въ 1850 году, и о разговорѣ вслѣдствіе этого въ кабинетѣ государя на слѣдующій день.

О командировкѣ въ Тамбовъ и Саратовъ (октябрь, ноябрь, декабрь 1858).

О назначеніи меня въ Курскъ; пребываніе тамъ, отношенія и столкнове-
нія; первый опытъ познанія людей; новый взглядъ на разныя дѣла.

Описать происшествіе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ 1836 году, для характеристики С. Жданова, что необходимо для поясненія симбирскихъ происшествій 1863 года, до званій и слѣдствій, вынужденныхъ ими, и проч.

Описать командировку въ Тамбовъ и Саратовъ.

В. И. Денъ.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчиваются сообщенныя намъ, согласно желанію автора, его достоуважаемой вдовой, Анной Александровной, рожденной Вонлярлярской, въ маѣ мѣсяцѣ 1889 года, въ коши, Записки ея покойнаго супруга, сенатора генераль-лейтенанта Владиміра Ивановича Дена.

Ред.

Конецъ.

⁴⁾ Разсказа этого нѣтъ въ рукописи.

Ред.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

Письма къ нему А. О. Смирновой, рожд. Россетъ.

1844—1851 гг. ¹⁾).

Калуга, 14 января 1846 г.

Имѣю честь поздравить васъ съ новымъ годомъ. Въ губернскихъ городахъ это строго соблюдается, а потому не могу и я отступить отъ общаго правила. Имѣю тоже честь вамъ донести, что я на васъ очень сердита за ваше молчаніе; вы эгоистъ—требуете отъ меня родъ журнала, донесеніе о малѣйшихъ событіяхъ моей жизни для усмотрѣнія внутреннихъ движеній моей души, а сами даже не напишете о своемъ здоровьи ²⁾. Я живу подаянемъ отъ Плетнева, Вѣльгорскихъ, Аксакова, т. е. какими-то крупницами отъ стола богатыхъ. Извѣстно мнѣ, что вы прирѣлись у Софіи Петровны Апраксиной, чему очень радуюсь, потому что вамъ всегда нужно какое-нибудь семейство, гдѣ-бы вамъ было ловко и пріятно. Я ее только знаю почти съ вида и по самымъ отдаленнымъ свѣтскимъ сношеніямъ, она слыветъ очень гордою, какъ всѣ Толстые грузинской породы; но издали она мнѣ очень нравилась; теперь моя симпатія оправдывается, потому что вы другъ друга полюбили.

Я очень рада, что теперь Плетневъ взялся вамъ пересылать пенсіонъ, смотрите, будьте же аккуратны высылкою жизненныхъ сви-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, стр. 31—72; июнь, 597—610; т. LIX, июль, 49—62; т. LX, октябрь, 125—147, изд. 1890 г., т. LXVI, июнь, 639—656.

²⁾ См. соч. Гог. VI, 231. Гоголь все еще не открывалъ пока Смирновой цѣли своихъ разспросовъ.

дѣтельность и благодарны благородному казначейству за такую отеческую заботу о вашихъ драгоценныхъ дняхъ. Плетневъ пишетъ, что вы чувствуете безпрестанную зябкость; это все отъ прилива крови къ внутренности. Какъ счастливы, что вы теперь въ Итали. Я увѣрена, что чѣмъ южнѣе вы будете, тѣмъ лучше вы будете себя чувствовать, и что Иерусалимъ совершенно васъ излѣчитъ.

Что сказать мнѣ вамъ изъ Калуги, изъ сердцевины Россіи, доселѣ мнѣ извѣстной по предчувствію, по догадкамъ. Это не Петербургъ: отсюда такая бездна можетъ подняться наблюденій, размышленій, думъ печальныхъ и вмѣстѣ утѣшительныхъ, столько мною узнано, сознано, начувствовано, испытано въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, что я не знаю съ чего и начинать. Скажу вамъ сперва отъ Калуги или Россіи, что васъ всѣ знаютъ, всѣ читаютъ. Многие, что меня даже удивило, любятъ и всѣ ждутъ, ждутъ съ нетерпѣніемъ и съ любопытствомъ и недоброжелательнымъ и исполненнымъ какой-то тревожной надежды, всѣ ждутъ второй томъ, если не окончаніе «Мертвыхъ Душъ». Ждутъ ихъ и нѣкоторые русскіе въ Петербургѣ; но теперь, благодаря Viardot, вы сдѣлались извѣстны и не русскимъ петербургскимъ. Я читала «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ»; переводъ былъ почти невозможенъ и вышелъ очень плохъ. Потомъ попалась мнѣ статья Н. Виске на «Тараса Бульбу». Бульба, конечно, удачнѣе переведенъ мѣстами, потому что и интересъ его болѣе общій, а самъ романъ уже имъ доступнѣе. Что меня удивило и восхитило—это разборъ Н. Виске. Вѣрность его чувства убѣдила меня въ превосходствѣ его прежнихъ критикъ и разборовъ французскихъ, мнѣ неизвѣстныхъ, авторовъ или сочиненій. Для француза его статья очень замѣчательна,—такъ объ ней писалъ мнѣ (братъ) Аркадій и Самаринъ, также показалась она и мнѣ. Странно довольно, что онъ повстрѣчался мыслью съ Константиномъ Аксаковымъ въ сближеніи описанія съ Гомеровскими описаніями. Теперь замолчить вся Булгаринщина, Краевщина и проч., которая такъ сильно возстала противъ Аксакова и такъ смѣялась надъ нимъ.

Вѣдь для этихъ мнѣнія Запада авторитетъ и въ глазахъ Петербурга вы уже замѣчательное лицо, потому что: vous avez reçu le baptême de l'Occident. Ахъ Боже мой, Боже мой, до чего у насъ еще Но лучше мнѣ не выписывать то, что я прошлый годъ слыхала на вашъ счетъ. Статья Н. Виске въ «Revue des deux mondes» 1-го декабря.

Вотъ вамъ объ васъ же; но все не видать Калуги. Да вы ея и не увидите, потому что я не умѣю никогда сдѣлать очерка; въ моей головѣ не уживается ничего какъ-то въ цѣлости, а только отрыв-

ками, а пишу я всегда подъ вліаніемъ живаго впечатлѣнія, или въ отвѣтъ на запросы. А вы какъ-то требуете вѣдомости или подробнаго отчета. По прїѣздѣ моемъ сюда, первый мѣсяць я была очень озабочена приведеніемъ въ порядокъ моего жилья и домашнихъ счетовъ. Хотя я не обращаю особеннаго вниманія на внѣшній блескъ и нахожу его глупымъ, когда нѣтъ гармоніи во всѣхъ частяхъ домашняго быта, однако здѣсь надобно было дать порядочный видъ пріемнымъ комнатамъ, потому что принимать обязанъ всякій губернаторъ и принимать всѣхъ безъ разбору званія и чина, исключая только изъ списка находящагося подъ надзоромъ полиціи. Я же для себя отдѣлила канурочку вверху, гдѣ сижу въ сосѣдствѣ съ дѣтьми и княжной Циціановой. Кромѣ этихъ занятій, управленіе имѣніемъ поглощаетъ у меня много времени. Въ Калугѣ, какъ и во всѣхъ нашихъ губернскихъ городахъ, страсть къ общественной благотворительности дошла до совершенной глупости. Была здѣсь въ старину княгиня Оболенская, дочь Нелединскаго, которая здѣсь и скончалась. Всѣ сословія, начиная отъ нищихъ и до самыхъ богатыхъ, купцовъ и дворянъ, всѣ единодушно по ней плакали. Она умерла тому лѣтъ 15, но память ея такъ жива во всѣхъ сердцахъ, что безпрестанно я слышу что-нибудь новое на ея счетъ. Мужъ ея былъ губернаторомъ и очень посредственнаго ума; она ни во что не входила, но межъ тѣмъ имѣла на всѣхъ благотѣльное вліаніе. Она не завела ни одной школы, ни одного пріюта и не собирала податей для нищихъ, а всѣ повторяютъ въ больницахъ, богадѣльняхъ, тюремныхъ замкахъ и въ духовенствѣ: «нѣтъ, ужъ не будетъ болѣе второй княгини Оболенской!» Явилась сюда Жуковская, губернаторша, и завела всѣ эти филантропическіе дома, комитеты, переписки набѣло, сношенія съ чело-вѣколюбивыми обществами, получала похвальные листы за добродѣтель и проч. ¹⁾ Такимъ образомъ я нашла уже подготовленную мнѣ работу, но въ такомъ видѣ, что душа моя не лежитъ ко всему этому. Боже, Боже, какъ это все фальшиво и ложно и съ какими людьми я должна работать—и все это, чтобы получить названіе благотѣльницы и покровительницы вдовъ и сиротъ. Пока я еще дѣлаю это все машинально, потому что не успѣла обдумать, какъ дать этому оборотъ правильный и, вѣроятно, долго буду еще въ размолвкѣ съ моими помощниками. Въ первую минуту мнѣ хотѣлось отказаться отъ предсѣдательства, но мнѣ доказали, что это неприлично и покажется очень дурно въ Петербургѣ. Все уже находится въ зависимости

¹⁾ Отвѣтъ на это см. въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями». Соч. Гог., 3-е изданіе наследниковъ, IV, 667—681. (Что такое губернаторша?)

отъ центра и всякое наше распоряженіе, т. е. выдача всякаго фунта хлѣба, утверждается изъ Петербурга... Не мало было здѣсь споровъ, сплетень и очень гнусныхъ уликъ на казначея и секретарей общества, нѣкоторыя дамы отъ этого прекратили дружбу и знакомство, — словомъ, гадости невыразимыя. Подъ этимъ предлогомъ являлись ко мнѣ съ самыми скверными замыслами. Я все выслушивала, разузнавала, не съ малымъ любопытствомъ, потому что въ такой наготѣ еще не высказывалось нигдѣ сердце человѣческое, какъ здѣсь, и убѣдилась, что я живу въ пустынѣ, что исключая трехъ или четырехъ лицъ и то еще ограниченныхъ въ своихъ понятіяхъ, я ни съ кѣмъ не сойдуся. Пришли мнѣ на память ваши слова, другъ мой, что вся Калуга лазареть ¹⁾. Можетъ быть, способы лѣченія и въ моихъ рукахъ, какъ цѣлительныя травы въ рукахъ всякаго человѣка, но, увы, какъ трудно узнать, когда и какъ ихъ употреблять! На это надобна опытность или уясненіе взгляда, т. е. духовное просвѣтлѣніе, отъ котораго я еще такъ далека. Здѣсь есть одинъ очень умный, ученый и опытный священникъ, который учить дѣтей; онъ пріятель Ивана Михайловича Наумова, вамъ извѣстнаго; мы съ нимъ всякую пятницу послѣ урока бесѣдуемъ часа по три о всевозможныхъ предметахъ. Мы согласны во всѣхъ мнѣніяхъ нашихъ, но онъ отвергаетъ всякую возможность къ дѣятельности. На мои возраженія онъ съ грустью мнѣ отвѣчалъ: «мы здѣсь какъ рабы исключенные, еще въ высшемъ словѣ общества насъ прилично принимаютъ, а мѣщане равняютъ насъ съ батраками и потому я отдѣлился отъ всякаго общества».

Вы знаете, что Орловская и Калужская губерніи весьма обильны раскольниками ²⁾. Тайна, если не распространенія, то по крайней мѣрѣ неубавленія ихъ, вамъ извѣстна. Чего не выкупишь и не подкупишь золотомъ, а имъ этотъ способъ былъ знакомъ: сребролюбивые до крайности, тѣ знали, какъ дѣйствовать на подобныхъ имъ сребролюбцевъ. Здѣсь, и особенно въ Боровскѣ, нѣтъ почти ни одного купеческаго или мѣщанскаго семейства не зараженнаго. Эта зараза распространяется посредствомъ такъ называемыхъ молеельщицъ, т. е. самыхъ гнусныхъ старухъ. Въ одной Калугѣ ихъ числомъ 1½ тысячи. Каждая изъ нихъ владычествуетъ въ нѣсколькихъ домахъ и играетъ совершенно роль іезуитовъ, т. е. мирить и чаще всего ссорить семейства, играетъ свадьбы, входитъ во всѣ денежные дѣла и обороты и дѣлаетъ, однимъ словомъ, все, что хочетъ, все это подъ предлогомъ

¹⁾ См. соч. Гог. VI, 218.

²⁾ Это сообщеніе чрезвычайно заинтересовало Гоголя и онъ въ слѣдующемъ письмѣ просилъ передать подробности. (См. соч. Гог. VI, 240). В. П.

чистоты ея учений. Нельзя себѣ вообразить, до какой степени неприязнены между собой купцы здѣсь и немногіе православные, которые одни служатъ по выборамъ, ненавидятъ уже раскольниковъ за то, что тѣ не несутъ никакихъ службъ и жалуются на нихъ, какъ на самыхъ ненужныхъ членовъ общества. Со всѣмъ тѣмъ расколы слабѣютъ однако же лѣтъ съ 15 тому назадъ. То, что не могли сдѣлать ни угрозы правительства, (которое не всегда поддерживало исполнителей его повелѣній), ни убѣжденія, ни слова, ни проповѣди, ни даже покровительство единовѣрью, какъ болѣе схожему съ православіемъ, что не могли сдѣлать никакія усилія,—сдѣлала мода. Да, мода!—это смѣшно и какъ-то глупо; но это вѣрно. Ни одна молодая купчиха ни за что на свѣтѣ не рѣшится надѣть купеческаго платья и платка, всѣ непременно хотятъ танцовать и болтать по французски, а купцы—курить цыгарки и носить нѣмецкій фракъ и брить бороду, въ раскольниковую же церковь они не смѣютъ войти иначе, какъ въ платкѣ, а мужчины съ бородою, и не подчиняющіеся этому строгому требованію исключаются изъ списковъ. Проходятъ годы, что они ходятъ въ православную церковь, но не говѣютъ, наконецъ имъ дѣлаютъ запросъ и они вынуждены говѣть наконецъ. Вообразите же, какое у нихъ понятіе о религіи и до какой степени этотъ многочисленный классъ еще необразованъ! Замѣчательно однако это явленіе: вліяніе моды на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ общественности и благосостоянія народа. Одинъ очень извѣстный и умный раскольникъ въ Боровскѣ сказалъ архіерею: «что ты горячишься, преосвященный Николай, табачокъ безъ тебя уничтожить нашу настоящую вѣру!» и сказалъ это съ уныніемъ и въ укоризну своимъ. Но уничтоженіе раскольниковъ произведетъ-ли плодотворныхъ послѣдователей православія, или уменьшить только ихъ числомъ,—вотъ что мы современемъ узнаемъ. Есть много въ нашемъ обществѣ *des tièdes*, а это зло горше гонителей. Кромѣ этого священника, другихъ я не успѣла узнать, потому что случая не было съ ними говорить. Съ архіереемъ мы живемъ въ ладахъ; какъ видное гражданское лицо, я ему, какъ главному духовному лицу, оказываю много почтенія, что было здѣсь весьма нужно, потому что по разнымъ причинамъ себѣ позволяли съ нимъ даже неприличныя шутки.

Въ дѣвичьемъ монастырѣ есть здѣсь игуменья удивительная, родомъ изъ гречанокъ нѣжинскихъ и дворянка. Исторія ея очень интересна. Съ семилѣтняго возраста она и братъ ея пожелали воспитываться въ монастыряхъ; съ тѣхъ поръ и онъ и она разстались съ родными и Малороссіей. Въ теченіе сорока лѣтъ она видѣлась съ нимъ раза три на самое короткое время. Она живетъ 40 лѣтъ въ Калугѣ, не

имѣя никакого состоянія, жила почти служанкой у прежней игуменьи, исполняла самыя тяжкія и низкія работы, въ теченіе 21 года. Никто не подозрѣвалъ ея существованія. Когда умерла игуменья, весь монастырь единогласно выбралъ ее, архіерей подтвердилъ этотъ выборъ, потому что замѣтилъ и кротость и смиреніе. Теперь она правитъ монастыремъ 19 лѣтъ и онъ славится своимъ порядкомъ и строгостію своихъ правилъ. Къ ней присылаютъ со всѣхъ сторонъ женщинъ подъ начало и надобно видѣть вблизи, что это за подначалки, чтобы убѣдиться въ трудахъ ея; что такое весь нашъ свѣтскій ловкій умъ, вся наша образованность передъ высокою смиренностью этой женщины. Притомъ, не выходя за предѣлы своего монастыря, она все знаетъ, понимаетъ, ко всему сочувствуетъ и всегда можетъ дать полезный совѣтъ; но ничего не дѣлаетъ безъ молитвы и размышленія. Хотя очень грустно въ ея келійкѣ, но между тѣмъ душѣ хорошо и какъ-то примиряешься со всѣми свѣтскими горестями, потому что понимаешь, какъ человѣкъ можетъ стать выше всей этой дрязги съ помощью Божіей.

Скажу вамъ теперь о себѣ, что всякій, кто меня поверхностно знаетъ, думаетъ, что я умираю здѣсь со скуки; но вы легко повѣрите, что именно здѣсь я не могу скучать. Каждый шагъ мой есть исполненіе долга: визитъ, вечеръ, обѣдъ, иногда нарядъ, прогулка,— все это долгъ непреклонный, и что есть лучше покорности и повиновенія, что есть легче этого! Минуты отдохновенія именно тѣ, которыя въ Петербургѣ считались минутами труда и работы. Тамъ забыла о настоящей работѣ, и читать и писать не могло быть сладкимъ отдохновеньемъ, какъ здѣсь. Въ послѣднее время душа моя была отравлена такими мелочными неприятностями, что отсутствіе ихъ успокоиваетъ меня. Мнѣ грустно, очень грустно, потому что всякая жертва намъ стоитъ, а я пожертвовала одной драгоцѣнной радостью; чувствую однакоже, что иначе не могла дѣйствовать, потому что внутренній голосъ одобряетъ меня и убѣждаетъ, что ничѣмъ ложнымъ я не могу болѣе увлечься. А здѣсь, въ свѣтѣ, все ложно, кромѣ строгаго выполненія обязанностей, сколько бы суровы онѣ ни были. Иногда мнѣ даже нравится черствость моей жизни, и чѣмъ скучнѣе былъ день, тѣмъ отраднѣе проходитъ вечеръ въ безмолвномъ размышленіи и въ чтеніи. Мои домашніе подъ праздники всѣ разбрелись—братъ къ отцу, Аксаковъ въ Москву, княжна въ Троицу, Николай Михайловичъ ¹⁾ въ уѣзды для ревизіи, такъ что я почти три недѣли совершенно одна.

Съ Петербургомъ имѣю мало сношеній; мнѣ пишутъ только братья,

¹⁾ Смирновъ, губернаторъ.

иногда Самаринъ и Ханыковъ. Письма Самарина очень замѣчательны; онъ борется съ твердостью и, кажется, вознагражденъ за свою твердость новыми силами.... Сидя и размышляя, мнѣ иногда сдается, что я никогда болѣе не вернусь въ Петербургъ; не нахожу и надобности тамъ поселиться даже для дѣтей; но еслибъ даже и пришлось, какъ говорится, доставлять имъ свѣтскія удовольствія, то надѣюсь, что для меня это будетъ не на долго. Примираться съ своими данными я могу только въ виду переменъ совершенной лѣтъ черезъ десять. Если Богъ дозволить, доживу и я до того дня, что скажу въ слухъ: исполнила свой долгъ въ свѣтѣ, и удалюсь наконецъ отъ всей скорбной скуки свѣтской. Старуха въ чепцѣ, съ цвѣтами, за преферансомъ всегда была для меня отвратительное явленіе; зачѣмъ же я сама себя поставлю въ это положеніе вовсе ненужное; точно также смѣшна и несносна старуха, разсуждающая о политикѣ, журналистикѣ или разсказывающая про старину. А какая же въ свѣтѣ середина для пожилой женщины? Нѣтъ, ей въ свѣтѣ нечего дѣлать, когда дѣти ея пристроены.... Отвѣчайте мнѣ, я не знаю, получили ли вы мое письмо изъ Москвы и одно изъ Калуги? Не хорошо, что вы вдругъ замолкли.

Что дѣлаетъ графиня Ростопчина въ Римѣ, что Ивановъ? Съ кѣмъ вы еще изъ русскихъ видаетесь? У меня виситъ мой Гого Троицко. Съ Римомъ надѣюсь повидаться черезъ два года. Прощайте, любезный другъ мой, не забывайте меня нигдѣ, особенно въ Иерусалимѣ. Ваша отъ искренней души.

Калуга. 7-го февраля 1846 г.

Ваше письмо отъ не знаю какого числа, потому что оно не выставлено, я получила, любезный другъ, Николай Васильевичъ. Ваше молчаніе начинало было меня беспокоить; но, къ счастью, узнала, что вы писали Аксакову и Самарину хотя коротенькія письма.... Надежда Николаевна вошла и спрашиваетъ: — «велѣлъ ли Гоголь меня поцѣловать?» Я сказала:—«да».—«Такъ и я его цѣлую»—велѣла вамъ сказать. Она учится по русски читать буки, люди и проч. и знаетъ Отче нашъ и Богородицу, что не мѣшаетъ ей подъ часъ выводить изъ терпѣнія M-lle Overbeck.

Все это время я была больна; нервы такъ разстроились вслѣдствіе всего тягостнаго, что, наконецъ, все оборвалось. Находили на меня такіе страхи, мысли такъ мѣшались, воображеніе такъ пугало, что иногда не знала, куда дѣваться; спасалъ меня какой-то странный и почти безпрестанный сонъ и мысль была въ совершенной недѣятельности — писать и читать не могла. Теперь лучше — какія-то капли

мнѣ помогли; но болѣе святая вода, которую игуменья мнѣ давала. Эта вода изъ Иерусалима; можетъ быть, есть люди, которымъ это смѣшнымъ покажется, но вѣрно не вамъ. Игуменья удивительная женщина по своей простотѣ, смиренію и необыкновенной вѣрности наблюденій.... Ваше состояніе меня очень озабочиваетъ — неужели нѣтъ способовъ уменьшить эту зябкость? попробуйте-ка обратиться къ Омеоноту Вале; если бы вы были въ Россіи, то всего бы лучше съѣздить въ Воронежъ помолиться. И зачѣмъ не тотчасъ вамъ побывать въ Иерусалимѣ? Тамъ сошлетъ Господь много милостей въ изцѣленіяхъ. Тамъ есть русская игуменья, которая къ нашей прислала поклонъ черезъ монахиню и травъ цѣлительныхъ. Но пока туда не доберетесь, ради Бога, лѣчитесь; эта зябкость есть слѣдствіе пролива крови къ внутренности, ходьба васъ только нагрѣваетъ на минуту, это не есть средство радикальное; надобно принимать что-нибудь внутрь....

Нѣсколько дней не писала, потому что ко мнѣ съѣхались гости, а именно не безызвѣстная вамъ сестра ¹⁾ моя.... Подѣхалъ и братъ Клементій изъ Кіева, гдѣ онъ у ген.-губ. Бибикова по особымъ порученіямъ. Теперь съ утра у насъ сборы и толки. Братъ ѣдетъ къ Бибикову съ отчетами по новому введенію инвентарей, т. е. опредѣленію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Это впрочемъ вводится только въ западныхъ, т. е. польскихъ (?) губерніяхъ. Само собою разумѣется, инвентари причина новыхъ взятокъ, притѣсненій и переписокъ; хотя мысль, можетъ быть, и не дурная. Теперь всѣ генераль-губ. въ Петербургѣ и составляютъ тамъ какой-то комитетъ.

Вы меня приводите въ затрудненіе вашими запросами; чтобы отвѣчать отчетливо, надобно писать цѣлые томы уже потому, что невозможно опредѣлить общаго духа всѣхъ классовъ, о которыхъ вы спрашиваете. Едва-ли гдѣ нибудь столько противорѣчій, какъ у насъ, и менѣе связей между сословіями, не смотря на безпрестанное ихъ смѣшеніе по службѣ и черезъ супружество: петербургскіе не понимаютъ губернскихъ, дворяне — купцовъ и, наконецъ, крестьянъ никто не понимаетъ. Если дѣлается купцамъ выгода, то она уже непременно тяготитъ другое сословіе, и такимъ образомъ идетъ круговая порука отягощеній. Изъ этого всего извлекается одно всеобщее неудовольствіе, которое выражается разнымъ образомъ. Между дворянами есть уже довольно просвѣщенные, чтобы разсуждать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ хорошо, здраво, когда вещь прямо касается ихъ дѣлъ, по откупамъ, поставкѣ вина, ежечасно дѣлающейся притѣснительнѣй и многосложнѣй, но кромѣ критики или анализа нельзя

¹⁾ Ольга Ив. Арнольдн, сестра Льва Ив.—Александръ Ив. Арнольдн
demi frère по матерн. Ольга Смирнова.

желать отъ нихъ ничего. Самоотверженія и настоящей разумной любви къ своему достоинству и правамъ они не имѣютъ, что доказываетъ неохота ихъ служить по выборамъ. Почти всѣ предводители у насъ перебивали и всегда приглашаются обѣдать; между ними встрѣчались довольно образованные, достаточные и неглупые, но видно, что они съ понятіями ограниченными въ тѣсныхъ предѣлахъ личности и собственныхъ неудовольствій. Для богатыхъ помѣщиковъ, хотя и непріятно, но не раззорительно вліяніе становыхъ, земскихъ и прочихъ мелкихъ пашей, но бѣдное дворянство раззоряется и вопіетъ отъ нихъ. Здѣсь есть нѣкто Унковскій ¹⁾, который 40 лѣтъ живетъ въ Калугѣ, человѣкъ въ высокой степени благоразумный, христіанинъ, прекрасный отецъ семейства и всѣми здѣсь уважаемый. Я видаю его часто и съ нами онъ говорить откровенно. Теперь онъ почетный попечитель учебныхъ заведеній, не коронный; всѣ признаютъ, что выборъ прекрасный, всѣ его уважаютъ, а никто не любитъ и вліянія онъ никакого не имѣетъ. Онъ мнѣ говорилъ, что всегда предпочитаетъ предсѣдателей выбранныхъ дворянствомъ, что, какъ бы выборы ни были далеки отъ высокой цѣли ихъ учрежденія, все таки обыкновенно выбираются люди, по крайней мѣрѣ, не злонамѣренные, и что, какъ тамъ ни разбирай, а хуже чиновнаго класса ничего нѣтъ хуже въ Россіи. И это понятно: дворянинъ, какой бы онъ ни былъ, все таки останется въ тѣсной связи и зависимости отъ своей губерніи, и даетъ ей отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; послѣ своего трехлѣтія онъ подвергается баллотировкѣ и суду своихъ согражданъ; въ случаѣ неудовольствія и ему же приходится оставаться въ губерніи и положеніе его зависитъ отъ общаго мнѣнія. Ему некуда дѣваться, если онъ и переходитъ изъ службы въ частность, онъ не укрывается отъ своихъ; тогда какъ коронный во первыхъ сидитъ долго, во вторыхъ переводится за неудовольствіе въ другую губернію, иногда съ повышеніемъ, если поѣздка его удачна въ Петербургѣ и если онъ имѣетъ покровительство въ департаментахъ. Предсѣдатели же посылаются отъ короны, если губернаторъ здѣсь не утверждаетъ ихъ выборъ, и неосторожный или подлый губернаторъ всегда любитъ болѣе чиновную крысу. Вообще составъ всего дѣла обращенія самый многосложный у насъ, власть гражданскаго губерн. самая ограниченная, и странно довольно, что для зла нѣтъ этихъ границъ, а точно только для добра связанъ человѣкъ по рукамъ ²⁾.

¹⁾ Отецъ адмирала и генерала Унковскаго.

Ольга Смирнова.

²⁾ Въ извѣстномъ письмѣ къ Гоголю Вѣлинскій такъ отзывался о тогдашнихъ (1847—1848 гг.) служебныхъ порядкахъ: онъ называлъ Россію страной, гдѣ нѣтъ не только никакихъ ручательствъ для чести и собственности, но

21-го февраля (1846 г.).

Нервы мои такъ разстроены, любезный Николай Васильевичъ, что мнѣ невозможно писать къ вамъ много; даже то, что написано, безъ толку вышло и не передаетъ ясно моихъ наблюденій и мыслей. Запасъ у меня, впрочемъ, богатый во всѣхъ отношеніяхъ. Вчера, впрочемъ, было для меня явленіе утѣшительное. Обѣдалъ у насъ судья мещевскій, нѣкто Клементьевъ, человѣкъ лѣтъ 40, женатый и очень, очень небогатый. Прокуроръ нашъ его немного прижималъ и его выписалъ Николай Михайловичъ, чтобы сблизить ихъ, примирить и вмѣстѣ показать Клементьеву ¹⁾, что труды его, честность и благородство дають ему почетное мѣсто въ обществѣ, не смотря на его положеніе. Лицо у него спокойное, взглядъ ясный, хотя нѣсколько меланхолическій; одѣтъ онъ такъ, что въ Петербургѣ его не впустили бы въ переднюю къ Воронцову. За столомъ коснулись мы литературы; онъ спросилъ, мнѣ-ли Лермонтовъ писалъ стихи,—и тогда посыпалась съ его стороны тѣма вопросовъ на счетъ Лермонтова, Жуковского и вась; перечиталъ онъ бездну: всего Байрона и Шекспира по англійски, Шиллера и Гете по нѣмецки, знаетъ и французскую литературу; говорилъ удивительно просто, дѣлалъ замѣчанія самыя вѣрныя и мѣткія; какъ бы желая меня испробовать, спросилъ меня, кто изъ новѣйшихъ литераторовъ французскихъ мнѣ болѣе нравится; я, конечно, отвѣчала, что Зандъ; онъ пожалъ плечами и сказала: «какъ вы можете ея увлекаться, вы, которыя любите Диккенса и Гоголя». Потомъ коснулись судебной части, сравнивали наше образованіе судебной части съ англійской и французской формой; онъ и тутъ показалъ, хотя очень скромно, какъ слѣдуетъ передъ губернаторомъ, свое знаніе; говорили о врачебной управѣ и вообще о медицинѣ, онъ и тутъ говорилъ хорошо; особенно поразила меня его скромность, обстоятельность въ разговорѣ и ясность.

нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи различныхъ служебныхъ воровъ и грабителей». Цѣлый рядъ дальнѣйшихъ писемъ А. О. Смирновой знакомятъ насъ съ провинціальнымъ чиновничьимъ міромъ того времени и его мелочными интригами противъ людей, гнушавшихся, подобно Н. М. Смирнову, взятками и разными незаконными поборами.

В. III.

¹⁾ Отду моему за этого Клементьева были непріятности, онъ былъ честный человѣкъ и это ему не прощали.

Ольга Смирнова.

Гоголь отвѣчалъ на это: «Вашъ поступокъ, т. е. вашъ и вашего супруга, съ уѣзднымъ судьей Мещовскаго уѣзда, сдѣлалъ уже свое дѣло» и проч. См. Соч. Гоголя, 3-е изд., наслѣдн., т. III, стр. 673.

В. III.

Семь лѣтъ сидитъ Клементьевъ въ Мещовскѣ судьей, по выбору дворянства, родился въ губерніи, воспитывался въ Москвѣ, въ университетѣ, служилъ, по желанію отца, въ Ряжскомъ пѣхотномъ полку; послѣ смерти своего отца вышелъ въ отставку, женился на бѣдной дѣвушкѣ и жилъ въ деревушкѣ, откуда вызвало его дворянство на это скромное поприще. Послѣ обѣда я его зазвала къ себѣ наверхъ и выпрашивала о многомъ. Такъ какъ всякъ мѣрять на свой аршинъ, мнѣ казалось, что онъ долженъ страдать въ этой удушливой сферѣ маленькаго городка, но онъ сказалъ мнѣ, что очень доволенъ судьбой, что единственно тревожить его болѣзненное состояніе его жены, что есть люди честные и въ Мещовскѣ, что дурныхъ онъ не имѣетъ надобности видѣть внѣ службы, что образованныхъ, какъ онъ, нѣтъ, но что это и не всегда нужно, что ему достаточно читать одному съ женой, а что отъ самыхъ простыхъ людей можно учиться многому. Съ большимъ любопытствомъ, почти дѣтскимъ, смотрѣлъ на меня, какъ на явленіе почти книжное, и говорилъ мнѣ, что я баловень Петербурга и должна скучать здѣсь. Я ему дала книгъ, журналовъ и обѣщала посылать каждый мѣсяцъ новенькое и хочу ему писать. Такъ есть же зарытѣя жемчужины въ Россіи! Клементьевъ меня очень, очень порадовалъ. Особенно понравилась мнѣ его смиренная борьба противъ безпорядковъ и спокойная покорность общепринятому порядку дѣлъ. Лѣтомъ я съѣзжу на ярмарку въ Мещовскъ и онъ звалъ меня къ себѣ; онъ, впрочемъ, усталъ отъ дѣлъ и хочетъ отказаться, если его выберутъ опять въ судьи.

...Подѣхала моя княжна Циціанова изъ Троицы, вся упитанная Антоніемъ и Голубинскимъ: постничаетъ и читаетъ по цѣлымъ часамъ, стоя, каноны и проч. Ея пріѣздъ меня оживилъ, во-первыхъ, потому что она за меня ѣздитъ въ больницу, куда я уже давно не заглядывала. Моя боязнь такого рода, что я страждущихъ и больныхъ не могу видѣть: сейчасъ со мною дѣлаются страхи и обдаетъ меня холоднымъ потомъ. Однимъ словомъ я нахожусь въ самомъ гадчайшемъ состояніи, совершенно обезсилена физически и нравственно, терплю и вытерпливаю такія непріятности, что ужасъ. Дѣлать ничего не могу, потому что мысли темнѣются,—словомъ, гадко, не хорошо и страшно, но, видно, такъ Богу угодно. Затѣмъ, прощайте, душа моя, Христось съ вами. Аксаковъ Константинъ получилъ ваше письмо,—писалъ мнѣ—снялъ все, что не надобно, надѣлъ все, что надобно ¹⁾. Самаринъ очень радъ вашему письму; онъ камеръ-юнкеромъ

¹⁾ Аксаковъ снялъ русское платье и надѣлъ нѣмецкое. О. С.
См. мнѣніе Гоголя объ этомъ увлеченіи, VI т., стр. 267, и «Библиографъ».

сдѣланъ. Длинное письмо долженъ былъ онъ писать, но теперь вы сами предупредили его, написавъ Аксакову ¹⁾, чтобы онъ вздоръ не дѣлалъ. Прощайте, пишите, хотя коротко, но пишите.

Понимаю вполне, что вы говорите о графинѣ Нессельроде, тѣмъ уже довольна, что она вамъ понравилась; только и нужно было. Въ разсѣянности Додо ²⁾ не сомнѣваюсь; пусть ее до поры и времени. Иванову дружескій поклонъ. Что Иорданъ? Подвигается-ли? А мнѣ Ивановъ общалъ копію съ Іоанна Крестителя своего въ маленькомъ размѣрѣ. Я, пожалуй, куплю всю его маленькую эскизъ. Скажите это ему. Прощайте, добрый и прекрасный другъ, Господь да хранитъ васъ для насъ и сподобитъ окончить трудъ!

Москва, 14-го апрѣля 1846 г.

Письмо ваше послѣднее изъ Рима пришло въ Калугу, но уже болѣе меня не застало, любезный и добрый другъ мой. Съ генваря мѣсяца уже нервы мои разстроивались и въ мартѣ дошло до такой степени, что не знала, что со мною дѣлать; была не хандра уже, а просто разстройство въ головѣ, которое еще не обнаруживалось. Страхи, холодный потъ, отсутствіе аппетита, безпрестанное безпокойство и, вмѣсто сна, летаргія... Все воля Божія, я смиренно преклоняю голову передъ Его опредѣленіемъ, но тяжки болѣзни души, тяжки до невозможности и я не смѣю и подумать еще о томъ состояніи, въ которомъ была мѣсяць цѣлый безвыходно. Я не вынесла Калуги и этого столкновенія съ міромъ новымъ для меня, въ которомъ всѣ раны человѣческія наружу показываются. Всѣ эти же раны и вездѣ и въ Петербургѣ, но тамъ онѣ прикрыты, и притомъ есть возможность пріятнаго и полезнаго развлеченія, а тамъ, въ Калугѣ, я была безпрестанно погружена въ созерцаніе страданій и ничего не было для отдыха. Началось все чувствомъ сильной болѣзни и какого-то удущья ума и души... Но оставимъ это, мнѣ становится опять душно, Писать много не могу и не велѣно даже. Живу здѣсь въ трактирѣ Шевалье, купаюсь, хожу, пью воду, меня навѣщаютъ Скалонъ съ женою, Рябининъ, Мещерскій, дядя мужа моего, его двоюродная сестра

Записки» 1859 г., стр. 104, письмо къ NN (№ 11); по мнѣнію Пономарева, NN—К. С. Аксаковъ. См. «Изв. Нѣж. Ист. Фил. инст.» 1882, 7, 43. В. III.

¹⁾ Взглядъ Гоголя на славянофиловъ см. VI, 297 и «Споры» въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» (соч. Гоголя, третье изданіе, на слѣдниковъ, IV, 615). В. III.

²⁾ Додо—Евдокія Петровна Ростопчина.

Ольга Смирнова.

Голицына, Хилковы, изрѣдка Хомяковъ, Свербеева, Аксаковъ, княгиня Софья ¹⁾). Съ меня этого довольно, гуляю много, раскладываю patience, играю въ пикетъ, завела себѣ Каролину Ивановну ²⁾ и съ ней болтаю о всякомъ вздорѣ. Мнѣ нуженъ покой и особенно бездѣйствіе ума и души. Не знаю, что будетъ впередъ, какъ скоро лучше—ѣду въ Калугу, гдѣ дѣти и Н. М. одинъ въ этомъ омутѣ. Трудна моя жизнь, трудна болѣзнь и трудна во многихъ отношеніяхъ. Въ душѣ рождается сильное желаніе увидѣть еще Италию, наслаждаться еще, а силъ для наслажденія, для забвенія болѣе нѣтъ.

Аксаковъ былъ у меня въ нѣмецкомъ платьѣ; онъ очень мнѣ нравится; старикъ его боленъ. Онъ вамъ велѣлъ напомнить, что ваши 5 лѣтъ прошли. Какъ у васъ съ имѣніемъ устроено, чтобы не продали съ аукціона. Пока довольно, пишите о своемъ здоровьѣ. Меня несказанно обрадовало ваше послѣднее письмо, изъ котораго вижу, что вы пишете и что душа и умъ ваши здоровы, сильны и зрѣлы. Дай вамъ Богъ свое благословеніе на окончаніе труда ³⁾. Молюсь о васъ, сколько силъ есть, молюсь ежедневно, какъ о своихъ родныхъ братьяхъ, мужѣ и дѣтяхъ. Меня петербургскіе друзья обрадовали своимъ участіемъ: всѣ звали къ себѣ; Софья Михайловна чуть сюда не собралась; Самаринъ тоже. Жуковскаго поцѣлуйте.

Христосъ воскресел.. Въ безмолвіи у меня страхи и разыгрываются. Было и бываетъ еще ужасно. Прощайте, душа моя. Христосъ съ вами!

Москва, 8-го мая 1846 г.

Письмо это вамъ подастъ Михаилъ Андреевичъ Рябининъ ⁴⁾, добрый общій нашъ пріятель... Пріймите его очень хорошо, любезный другъ мой, какъ бы вы приняли одного изъ моихъ братьевъ. Ему не изъ пустаго любопытства хочется познакомиться съ вами, онъ съ собою возитъ все то, что вы написали; здѣсь у меня познакомился съ Щепкинымъ, Хомяковымъ и Аксаковыми; онъ вамъ многое расскажетъ о всемъ, что здѣсь дѣлается, кое что и о Самаринѣ, котораго вы не должны упускать изъ виду и которымъ Москва

¹⁾ Щербатова, мать кн. Григорія и Александра.

²⁾ Каролина Ивановна была въ домѣ бабушки княгини Цициановой съ дѣтства своего. Ольга Смирнова.

³⁾ А. О. Смирнова имѣетъ въ виду слова Гоголя о «Мертвыхъ Душахъ» въ VI, т. 239.

⁴⁾ О встрѣчѣ Гоголя съ Рябининимъ въ Карлсбадѣ см. т. VI, 251. В. III.

не довольна, которымъ довольна я, однако-же. Его положеніе самое трудное, самое тяжкое; онъ служить по желанію отца и служить съ ужаснымъ убѣжденіемъ, что ничего нельзя сдѣлать для Россіи. И оно, по несчастію, такъ: для Россіи служащій ничего не можетъ сдѣлать, я въ этомъ убѣдилась въ Калугѣ. Николай Михайловичъ, какъ честный человѣкъ, страдаетъ и уже со всѣмъ чиновнымъ людомъ въ ссорѣ, а министры потакаютъ (1846 г.) мошенникамъ.

Итакъ, прощайте, душа моя, обнимаю васъ. Христосъ съ вами и съ вами. Мое здоровье плохо, молюсь и терплю.

Москва. 14 мая 1846 г.

Давно я къ вамъ не писала, любезный другъ Николай Васильевичъ, давно и отъ васъ не получала писемъ. Наша переписка шла очень вяло нынѣшній годъ; неужели это знакъ, что наши души устали, что нѣтъ того сильнаго желанія знать, въ какомъ онѣ состояніи? Или разлука въ самомъ дѣлѣ такъ ужасна, что приучаетъ насъ жить безъ людей самыхъ близкихъ сердцу?... Много созрѣла я въ это время, примирилась со многими и многими и слишкомъ сильно почувствовала, какъ мы должны стать выше свѣта, его ложныхъ условий и понятій, потому что такая бездна горестей и радостей внѣ этого ложнаго свѣта.... Душа болѣла отъ борьбы съ самой и съ обществомъ, съ которымъ я теперь совсѣмъ разсталась безъ сожалѣній и негодованія. Можетъ быть, и это еще обманъ и, можетъ быть, одно отдаленіе меня такъ укрѣпило, но теперь чувство мое вѣрно. Однако мнѣ тяжело было оторваться отъ Петербурга; въ немъ заключалось тогда многое для меня; въ этой пустынѣ было одно существо, еще сильно меня привязывающее, но какъ нарочно всѣ лучшія минуты отравлялись неизъяснимой тоской, глупой неудовлетворительностью моего положенія, такъ что, какъ ни была тяжела разлука, душа отдыхала при мысли, что я удалюсь отъ мнимыхъ огорченій. Такъ чудесно помогъ мнѣ тогда Господь, такъ чудесно уберечь онъ меня отъ вреда и скорби истинной.

Первое время по пріѣздѣ въ Калугу, я сгоряча какъ бы не чувствовала болѣзни, поддерживала себя тревогами домашними, знакомилась съ новымъ міромъ и готовилась къ дѣятельности болѣе общественной. Но и тутъ ожидали меня впечатлѣнія самыя тяжкія и надъ вину ¹⁾ на меня какъ будто обрушилась вся жизнь прошлая, пустая.

¹⁾ Такъ читается это мѣсто въ собственноручномъ письмѣ А. О. Смирновой, хранящемся въ Пражскомъ музеѣ. В. III.

Я вдругъ почувствовала, какъ мало я способна жить, любить и дѣйствовать. Съ каждымъ днемъ все слабѣла и наконецъ была на краю гибели. Я и не помню, какъ меня усадили въ повозку и привезли въ Москву. И теперь не хочу вспоминать этого страданія. Въ Москвѣ развлекало меня самое леченіе, вся внѣшность для меня новая и общество мнѣ знакомыхъ людей. Въ первое время я ограничивалась обществомъ людей самыхъ глупыхъ и простыхъ, дѣлала patiente по цѣлымъ часамъ или шила молча по канвѣ. Хорошо было испытать это унижительное положеніе, но было и тяжело; мало по малу я начала уже видѣть и другихъ, хотя кругъ моихъ знакомыхъ весьма ограниченъ въ Москвѣ. Константинъ Сергѣевичъ (Аксаковъ) навѣщалъ меня когда прїѣзжалъ въ Москву, также Хомяковъ изрѣдка; я была у Свербеевой. Съ ... не сблизилась, я не нахожу въ ... простоты и всё притязанія на простоту женщины, живущей внѣ свѣта и его условій; впрочемъ, я, можетъ быть, ошибаюсь, но таково мое первое впечатлѣніе. Здѣсь и въ Петербургѣ, конечно, много сплетничали на мой счетъ, здѣсь удивлялись, что я живу одна безъ дѣтей и ни съ кѣмъ не знакома и не знакомлюсь. Петербургскіе звали въ столицу и даже ваша графиня Віельгорская говорила M-lle Overbeck. Тамъ, по крайней мѣрѣ, не церемонятся въ выборѣ словъ и все объясняютъ просто. Конечно, мнѣ было все равно, собственные страданія были такъ сильны, что не до нихъ было дѣло и не отъ извнѣ падающихъ стрѣлъ приходилось плакать. Вотъ вамъ предметъ описанія моей болѣзни и моего положенія; во всемъ воля Господня.

Сегодня Вознесеніе, я отслужила молебень у Иверской и надѣюсь вернуться въ Калугу 21 числа. Меня ожидаютъ дѣти съ нетерпѣніемъ, и есть дѣла кое-какія, которыя требуютъ моего присутствія. Въ отношеніи къ самой Калугѣ и къ дѣятельности болѣе общественной, мое присутствіе вовсе бесполезно. Хотя, конечно, каждый изъ насъ долженъ приносить свою лепту, есть однако случаи въ жизни, когда у чловѣка отнимается сила дѣятельная, а только требуется покорность безропотная. У меня въ семейномъ кругу столько заботъ, повидимому, мелочныхъ, что мнѣ не до чужихъ, да вдобавокъ есть еще и свои крестьяне подъ рукой.

Общество, о которомъ вы мнѣ писали, которое какъ бы препоручали мнѣ, до такой степени испорчено въ своемъ корнѣ, что нечего о немъ и думать. Остается молить Бога о терпѣніи, смиреніи и снисхожденіи къ брату. Благотворительность такъ тѣсно связана съ администраціей и со всѣмъ служебнымъ бытомъ, устроена на такихъ фальшивыхъ основаніяхъ, что мнѣ гадко входить во все это. Я машинально дѣлаю то, что дѣлали мои предшественницы. Однимъ словомъ.

я не могу и не хочу ничего дѣлать, я слаба и больна и долгомъ первымъ поставлю береженіе своихъ силъ физическихъ и душевныхъ. Грустно, даже горестно видѣть вблизи состояніе внутренности Россіи: но впрочемъ не слѣдуетъ объ этомъ говорить. Мы должны съ надеждою и свѣтлымъ взоромъ смотрѣть въ будущее, которое въ рукахъ милосерднаго Бога ¹⁾. Я усердно молю Его о вашемъ сохраненіи, о возвращеніи вамъ крѣпости дѣятельной, испрашивая окончанія вашего труда на пользу ближнему. Мнѣ хотѣлось вамъ кое-что сказать и дать, что называется, совѣты; но ежеднвно убѣждаюсь, что надобно оставить каждаго идти своимъ путемъ, если увѣренъ, что цѣль его святая. Только узнавши внутренняго человѣка, съ его больными и здоровыми сторонами, можно дать ему совѣтъ добрый; а этотъ внутренній человѣкъ только Богу извѣстенъ и молитва — лучший совѣтъ дать. Всякій день убѣждаюсь въ великолѣпіи разума евангелическихъ словъ: «не осуждай ближняго твоего». Не осуждай—значить виѣстѣ не давай ему совѣта и не думай его передѣлать, потому что не знаешь, чего требуетъ его внутренній человѣкъ. Потому и оставляю все за собою, продолжая молить Бога, да ниспошлетъ Онъ вамъ Свое благословеніе.

По моему, вы хорошо дѣлаете, что остаетесь въ чужихъ краяхъ; здѣсь всѣ на это ропщутъ и негодуютъ ²⁾, забывая, что посреди всеобщаго возмущенія мысли смущается спокойствіе души, потребное на окончаніе всякаго искренняго дѣла и на совершеніе полезнаго труда. Повторяйте часто: «да не смущается сердце ваше и не устрашается»; но по слабости человѣческой хорошо, что вы отделились отъ смущенія.

Аксаковы всѣ здѣсь, Сергѣй Тимоѣевичъ очень страдает и страдает со всѣмъ нетерпѣніемъ новичка; нетерпѣливъ, отрывистъ въ отвѣтахъ на семейные нѣжные вопросы; меня это болѣе огорчило, чѣмъ удивило, потому что, кажется, ему предстоитъ долгая болѣзнь и, можетъ быть, потеря зрѣнія. Впрочемъ, съ этой потерей онъ болѣе примиряется, чѣмъ съ болью нервической. Константинъ Сергѣевичъ добръ и простъ какъ дитя; его нельзя не полюбить, не задумавшись

¹⁾ Эти строки приведены Гоголемъ въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями». (Соч. Гог., 3-е изд., наследниковъ, IV, 680).

²⁾ Къ числу лицъ, не одобрявшихъ продолжительнаго отсутствія Гоголя изъ Россіи, принадлежалъ и В. Г. Бѣлинскій, говорившій Гоголю въ своемъ знаменитомъ письмѣ: «Вы привыкли смотрѣть на Россію изъ вашего прекраснаго далека, а вѣдь извѣстно, что нѣтъ ничего легче, какъ издали видѣть предметы такими, какими ихъ хочется видѣть».

о его будущности. Шевыревъ не высказывается съ перваго раза, но Погодинъ сухъ и черствъ, даже издали. Хомяковъ такъ уменъ, что о душѣ его ничего нельзя сказать; можно однако увѣрительно сказать, что его сердце доброе.

Здѣсь затѣяли подписку для Иванова, по просьбѣ Чижова ¹⁾; не худо бы собрать тысячь 6, это его обезпечить на два года; все это сдѣлается между людьми, его любящими, какъ русскаго художника. Тутъ были запросы умные—обидится-ли онъ или нѣтъ? Миѣ кажется, что общество никогда не можетъ обидѣть личность, а скорѣе лицо можетъ обидѣть другое лицо. Меня удивило, что Государь, восхищаясь его картиной, не имѣлъ мысли ему помочь; вѣроятно, онъ забылъ его въ хлопотахъ путешествія и никто о немъ не напомнилъ. Зачѣмъ у меня нѣтъ денегъ? Я такъ люблю Иванова и такъ дорожу его картиной.

Пожалуйста, другъ мой добрый и любезный, извѣщайте меня, гдѣ вы обрѣтаетесь и куда адресовать письма, а пока я буду писать къ Жуку, котораго поцѣлуйте крѣпко въ лобъ, изъ котораго выльзаетъ Одиссея. Я ему писала еще до болѣзни изъ Калуги и не имѣю отвѣта. Если вамъ много писать нельзя, то напишите намъ всеѣмъ циркуляръ о здоровьи только, и этого будетъ достаточно. Хорошо такъ сдѣлать петербургскимъ одинъ bulletin черезъ Софью Михайловну, а другой москвичамъ черезъ Аксакова.

Межъ нами будь сказано, я, живши въ Павлинѣ, разлюбила вашу... Онъ обѣ заражены бароновскою спѣсью и А. очень и очень увлекается польками и всеѣмъ свѣтскимъ блескомъ. Добродѣтель ихъ какаят-то католическая, гордая и сухая. Софья и Аполлина и оба графы Вельгорскіе—вотъ мои любезные.

Благодарю васъ за письмо къ Самарину; оно его обрадовало и подкрѣпило, онъ находится въ самой затруднительной борьбѣ съ отцемъ ²⁾, который связываетъ каждое его свободное движеніе. А отсюда на него отъ друзей нападки за отторженіе. Миѣ кажется, что, слѣдуя движенію сыновней благодарности и не возмущая семейнаго спокойствія, онъ уже правъ и чистъ передъ Богомъ и обществомъ. Онъ уменъ, чистъ и добръ, любить все прекрасное не какъ отвлеченное, но какъ способъ къ украшенію души, къ улучшенію общества

¹⁾ Чижовъ, Федоръ Васильевичъ, пріятель Н. В. Гоголя, принимавшій участіе, послѣ его смерти, въ изданіи его сочиненій, бывший профессоръ Спб. университета.

²⁾ Обѣ этой борьбѣ см. письма Самарина къ Гоголю въ «Русской Старинѣ», изд. 1890 г., т. LXXIII, 163—176. В. III.

посредствомъ прекрасныхъ личностей. Изрѣдка напишите ему, потому что онъ страдаетъ отъ своего фальшиваго положенія. Пановъ одинъ его укрѣпляетъ теперь, но едва-ли и Пановъ ¹⁾ доволенъ тѣмъ, что дѣлаетъ по необходимости.

Я безпрестанно ѣзжу за городъ, была у Рогожскихъ и Преображенскихъ раскольниковъ съ Лужинымъ, оберъ-полицмейстеромъ. Преображенскіе очень безнравственны, не смотря на стройность и чинность ихъ быта. Рогожскіе лучше, хотя наружной свободы болѣе. Впрочемъ, это понятно: первые безъ священниковъ и таинствъ. Ихъ церковь наводитъ грусть: иконостасъ безъ алтаря, они ждутъ церкви; вторые принимаютъ нашихъ разстригъ—благословенные же получаютъ священниковъ отъ насъ. Все это спутано, перемѣшано и ежедневно являются новые гнуснѣйшіе расколы. Лужинъ удивительный полицмейстеръ; Москва отдыхаетъ послѣ Цынскаго. Лужинъ такъ добръ и благороденъ, вмѣстѣ и строгъ и нравствененъ во всѣхъ отношеніяхъ; но что можетъ отдѣльное лицо? Дай Богъ ему силы надолго, но и онъ при всей силѣ тѣлесной и при всемъ спокойствіи душевномъ устааетъ и страдаетъ. А бѣдный Кавелинъ ²⁾ погибъ—не перенесъ, ибо гнѣвался. А какъ было и не гнѣваться въ его положеніи? Онъ былъ не на своемъ мѣстѣ! Говорятъ, что духовно онъ теперь высокъ и благодарить Бога въ свѣтлыя минуты.

... Я читаю очень мало и то недѣли съ три. По утрамъ одну главу Евангелія, а потомъ письма Плинія младшаго; древность классическая проста, правильна и не переноситъ за границы невозможностей въ добродѣтели... Прощайте, другъ мой, да сохранить васъ Богъ и вести васъ путемъ избраннымъ къ цѣли избранной. Да хранить Онъ васъ въ морѣ далече и на всѣхъ путяхъ. Одинъ совѣтъ — не смущайтесь, и если трудъ не дастся, забудьте о немъ, займитесь трудами рукъ, точите, ройтесь въ землѣ, займитесь ботаникой, будьте какъ дитя; это можно сдѣлать, и ежедневная молитва на это подкрѣпить. Я серьезно думаю, что движеніе рукъ очень полезно, что укрѣпляетъ нервы; я сама работаю руками, вошу столы и стулья ³⁾.

А. О. Смирнова.

Сообщ. В. И. Шенроуъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ О Пановѣ см. «Указатель къ письмамъ Гоголя», стр. 58. Въ изданіи Кулиша въ V т., стр. 424, напечатано письмо Панова о Гоголѣ къ С. Т. Аксакову.

В. III.

²⁾ Генераль-адъютантъ.

³⁾ Различныя физическія упражненія и въ особенности работа въ саду входили въ составъ леченія по методѣ Крейзера.

Сенатскій указъ о поступкѣ капитана кн. Долгорукова¹

26 августа 1824 г.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго изъ правительствующаго сената с.-петербургскому губернскому правленію. Правительствующій сенатъ слушалъ предложеніе г. генерала отъ инфантеріи министра юстиціи и кавалера князя Дмитрія Ивановича Лобанова-Ростовскаго сего августа отъ 18 числа за № 6601, въ которомъ написано: бывший директоръ департамента министерства юстиціи дѣйствительный статскій совѣтникъ Журавлевъ подалъ къ нему, г. министру юстиціи, въ іюль сего года, прошеніе, что отставной гвардіи капитанъ князь Долгоруковъ, 2-го того Іюня явясъ въ департаментъ министерства юстиціи для полученія, по его домогательству, письменнаго объявленія резолюціи его, г. министра, послѣдовавшей на поданное имъ, 26-го мая сего же года, къ нему, г. министру, прошеніе по бывшему на консультаціи дѣлу о подмѣнѣ имъ, княземъ Долгоруковымъ, картинъ и по прочтеніи сего объявленія, произнесъ слова, какія только можетъ внушить наглость, коварство и злоба.

Князь Долгоруковъ угрожалъ подать жалобу Государю Императору, изъясняя, что на несправедливости министерства юстиціи всѣ вопіютъ, что по симъ несправедливостямъ не имѣющіе никакого состоянія (намекая на него, Журавлева) покупаютъ по 800 душъ, что всему злу причиною незаконныя его, Журавлева, дѣйствія, на кои имѣеть онъ у себя въ рукахъ письменныя доказательства, что одинъ онъ, Журавлевъ, управляетъ министерствомъ и непремѣнно будетъ второй томъ Анненскаго, за коего министръ юстиціи, а особенно онъ, Журавлевъ, мстятъ ему, князю Долгорукову, и протестъ с.-петербургскаго губернскаго прокурора по дѣлу о подмѣнѣ картинъ у Понафидина есть только орудіе къ тому, словомъ, онъ говорилъ выраженіями извѣстнаго пасквиля, прежде ему, Журавлеву, подкинутаго, о коемъ доводилъ онъ, г. министръ, до Высочайшаго свѣдѣнія. При чемъ Журавлевъ объяснилъ, что есть-ли

князь Долгоруковъ осмѣлился говорить ему въ глаза публично въ департаментѣ столь дерзкую ложь, то чего не разсѣваетъ онъ въ публикѣ. Такимъ образомъ составляется молва, которая не имѣетъ нигдѣ преграды и во всякомъ, до кого касается, невольнымъ образомъ, болѣе или менѣе оставляетъ впечатлѣнія. Таковое неистовство князя Долгорукова, какъ частный человекъ, Журавлевъ можетъ быть и презрѣль-бы, но какъ онъ въ лицѣ его оскорбилъ званіе директора департамента министерства юстиціи, то Журавлевъ счелъ бы себя недостойнымъ носить сіе званіе, естлибы не искалъ защиты и правосудія. Почему просилъ довести о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія и испросить повелѣніе принудить князя Долгорукова подать на письмѣ донесеніе о беззаконныхъ его, Журавлева, дѣяніяхъ и представить имѣющіяся, по его словамъ, въ рукахъ его доказательства, а онъ съ своей стороны подвергаетъ всѣ свои дѣйствія строжайшему по законамъ преслѣдованію, чувствуя, что ни противу совѣсти на счетъ ближняго онъ не только никогда ничего не сдѣлалъ, но во всю жизнь его никогда и на мысль ничего подобнаго не приходило; оставлять же дерзкую клевету безъ розысканія значило-бы давать ей торжествовать безнаказанно. При чемъ представленъ Журавлевымъ въ подлинникѣ и упоминаемый имъ пасквиль.

Онъ, г. министръ юстиціи, такое прошеніе д. с. с. Журавлева представлялъ на благоусмотрѣніе Государя Императора при всеподданнѣйшемъ его, г. министра, донесеніи, что князь Долгоруковъ оскорбилъ честь мѣста и лица, не токмо директора, но и министра.

Бумаги сіи, по Высочайшему повелѣнію, г. начальникомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества внесены были въ комитетъ гг. министровъ для разсмотрѣнія и поступленія по законамъ.

Комитетъ, считая, что наглый поступокъ отставнаго гвардіи капитана князя Долгорукова, учиненный въ департаментѣ министерства юстиціи, не долженъ быть оставленъ безъ надлежащаго преслѣдованія, полагае, для поступленія съ нимъ по всей строгости законовъ, предать его суду и, согласно съ просьбою д. с. с. Журавлева, понудить князя Долгорукова подать на письмѣ донесеніе о беззаконныхъ якобы его дѣйствіяхъ и представить имѣющіяся, по его словамъ, въ рукахъ его доказательства.

Въ засѣданіи 5 августа 1824 г. объявлено комитету, что Государь Императоръ, утверждая положеніе комитета министровъ, Высочайше соизволяетъ, дабы онъ, г. министръ юстиціи, имѣлъ наблюденіе, чтобы дѣло сіе о князѣ Долгоруковѣ было рѣшено безъ очереди и немедленно. Онъ, г. министръ юстиціи о такомъ положеніи комитета гг. министровъ и послѣдовавшемъ по оному Высочайшемъ повелѣніи пред-

ложилъ правительствующему сенату къ надлежащему исполненію,—увѣдомляя при томъ, что относительно Высочайше возложеннаго на него наблюденія, дабы дѣло сіе о князѣ Долгоруковѣ было рѣшено безъ очереди и немедленно, дано имъ, г. министромъ, надлежащее предписание с.-петербургскому губернскому прокурору, при такомъ предложеніи приложена и упомянутая пасквиль, слѣдующаго содержанія.

«Счастливъ ты, наглый злодѣй, что живешь въ такомъ государствѣ, въ которомъ нельзя еще купить кинжала для твоего жестокаго и подлаго сердца, и гдѣ искоренить гнуснаго злодѣя считается еще преступленіемъ. Но есть еще двѣ отрады несчастному и угнетенному, одна надежда на Бога, который рано или поздно отмститъ тебѣ,—а другая на Государя, которому довольно кортко уже извѣстны твои дѣянія и твоя безсовѣстная наглость, съ которою ты пользуешься довѣренностью кроткаго и доброжелательнаго своего министра для защиты твоихъ подлецовъ, тебѣ подобныхъ, и для прикрытія позорныхъ своихъ дѣяній; опомнись, злодѣй! близко, можетъ быть, часъ когда раздраженный Монархъ покажетъ надъ тобою примѣръ правосудія, жесточе, нежели надъ Анненскимъ».

Таковой пасквиль вложенъ былъ въ пакетъ, на которомъ учиненъ адресъ слѣдующаго содержанія: «Его Превосходительству! Милостивому Государю! Ивану Федоровичу Журавлеву, господину директору департамента министерства юстиціи». Приказали: С.-Петербургскому губернскому правленію предписать, чтобы оно, во исполненіе означеннаго Высочайше утвержденнаго положенія комитета гг. министровъ, отставнаго гвардіи капитана князя Долгорукова предало суду, для поступленія съ нимъ по всей строгости законовъ, повудя его, согласно съ просьбою д. с. с. Журавлева, подать на письмѣ донесеніе о незаконныхъ якобы Журавлева дѣянїяхъ и представить имѣющіяся, по его словамъ, въ рукахъ его, князя Долгорукова, доказательства, о чемъ въ оное послать указъ, препроводя при немъ доставленный при предложеніи г. министра юстиціи пасквиль, и пакетъ, въ которомъ она была вложена, которые при семъ и препровождаются. Августа 25 дня 1824 года. Оберъ-секретарь (подпись не разборчивая).

Примѣчаніе. Чѣмъ кончилось это интересное дѣло—намъ неизвѣстно; вѣрно только то, что всѣ упоминаемые въ этомъ, въ свое время республикованномъ указѣ, лица давно уже отошли въ вѣчность.

Г. С.

*
* *

Пора давно минувшихъ лѣтъ
 Является, какъ сновидѣнье!
 Мелькнетъ, какъ милое видѣнье,
 Напомнивъ то, чего ужъ нѣтъ!

*
* *

Чего ужъ нѣтъ... къ намъ не вернется.
 И какъ намъ прошлаго ни жаль,
 А время все уноситъ вдаль
 И часто памяти коснется!..

*
* *

Мы оба Павловской семьи,
 То пусть, какъ свѣжее преданье
 Хранится въ насъ воспоминанье
 О томъ, что годы унесли . . .

4 мая 1890 г.
 Царское Село.

М. А. П.

Петръ Владиміровичъ Алабинъ.

1890 г.

Имя этого уважаемаго общественнаго дѣятеля, городского головы въ Самарѣ, основателя историческаго музея тамъ-же въ память и имени Царя-Освободителя Александра II-го, почетнаго члена археологическаго института, Петра Владиміровича Алабина, напечатано съ искаженіями въ статьѣ «Болгарское ополченіе, 1876—1878 гг.» въ «Русской Старинѣ» изд. 1889 г., т. LXVI, май. А именно: на страницѣ 426, значитса Александръ Александровичъ, а на стран. 432 и 435 той же статьѣ названъ два раза Владиміромъ Александровичемъ, читай:—Петръ Владиміровичъ Алабинъ.

Р е д.

Аѳанасій Прокофьевичъ Шаповъ

1861 г.

Напечатанное ниже стихотвореніе покойнаго Аѳанасія Прокофьевича Шапова написано имъ въ апрѣлѣ 1861 г. и относится къ тому періоду его жизни, когда онъ выѣхалъ изъ Казани въ Петербургъ.

Подъ именемъ «города» въ стихотвореніи разумѣется Казань, гдѣ А. П. Шаповъ занималъ должность бакалавра русской исторіи въ духовной академіи и нѣсколько времени читалъ эту науку въ университетѣ, производя фуроръ въ слушателяхъ. Стихотвореніе печатается въ томъ видѣ, въ какомъ оно списано съ подлинника.

П. В.

18 декабря 1881 г.
Казань.

Городъ сплетенъ, городъ пыли,
Городъ разныхъ лихорадокъ,
Городъ, гдѣ меня судили,
Какъ змѣя, ты сталъ мнѣ гадокъ!
Восемь лѣтъ въ своихъ объятыхъ,
Городъ, ты меня душилъ;
То въ мученьяхъ, то въ проклятыхъ
Дни въ тебѣ я проводилъ.
Много слезъ въ тебѣ я пролилъ
За страданье мужичка;
Ты широкихъ думъ не понялъ
Сына бѣднаго дьячка.
Жалкій городъ! Ты потѣхи
Ждалъ съ каедръ отъ меня,
Думалъ ты, что я для смѣха
Выступаю предъ тебя?

Нѣтъ, не въ томъ мое призванье,
 Чтобъ потѣхою служить!
 Не хочу святое званье
 Я учителя срамить!
 Я открыто, прямо, ясно
 Все сказалъ тебѣ, что могъ,
 А теперь съ тебя я гласно
 Отряхну прахъ отъ ногъ,
 Спи же, городъ, сномъ глубокимъ.

 Ты не внялъ рѣчамъ широкимъ
 Сына бѣднаго дьячка!

А. П. Щаповъ.

Сообщ. въ 1881 г. П. Васильевъ (†).

Надгробная курьезная надпись.

На казанскомъ кладбищѣ, называемомъ Куртино, въ самомъ отдаленномъ мѣстѣ, закрытомъ богатою растительностью, я отыскалъ одну старую могилу съ вросшимъ въ землю надгробнымъ бутовымъ камнемъ, на которомъ можно разобрать слѣдующую надгробную надпись, сочиненную, вѣроятно, какимъ нибудь шутникомъ: «Мимо идущіе людие, братіе мои! Помолитесь Вседержителю Богу о моей грѣшной и окаянной душѣ, ибо она, пребывая въ моемъ тучномъ тѣлѣ, зѣло жадна была до питія хмѣльнаго и ястія съѣдобнаго, а сіе привело мое тѣло къ боли (болѣзни) и напрасной (внезапной) смерти, хотя по тѣлу моему я чаялъ прожить еще годковъ двадцать».

Казань.

18 декабря 1881 г.

Сообщ. П. Васильевъ (†).

Описаніе устройства эшафота и поворнаго столба

около 1831 г. ¹⁾.

На землю кладутся четыре бруса 4 верш. толщиною, съ выпускными концами (фиг. 1 а, б). Изъ нихъ два длиною 3 саж. 12 верш., а другіе два 2 саж. 12 верш. (фиг. 2 а б, в г, д е, ж з). На углахъ, брусья врубаются одинъ въ другой. На брусья ставятся въ гнѣзда (фиг. 2 и) стойки (фиг. 3) съ шипами на концахъ (фиг. 3 а). Нижняя часть стойки обтесывается брусомъ съ двумя шпунтами для забирки щитами (фиг. о, фиг. 8 о) ниже помоста, а верхняя часть надъ помостомъ обтесывается кругло (фиг. 3 б). Стойки вверху связываются поручнемъ (фиг. 1 е), сдѣланнымъ изъ доски, толщиною въ 3 дюйма. Поручень надѣвается на круглые шипы (фиг. 3 в) и соединяется на углахъ, какъ показано въ фиг. 6. Подъ поручнемъ сквозь стойки продѣваются два каната. Канаты проходятъ сквозь среднія стойки съ боку прямо (фиг. 4 а) и сквозь угловыя діагонально (фиг. 4 б). На каждой стойкѣ съ внутренней стороны дѣлаются набойки (фиг. 3 г) съ выемкою (фиг. 3 д), въ которую вкладываются верхнія продольныя и поперечныя перекладки (фиг. 8 аа, бб, вв, гг, дд, ее, ее, жж, зз), служащія основаніемъ для помоста. Верхнія перекладки дѣлаются изъ досокъ, толщиною въ 3 дюйма. Для укрѣпленія продольныхъ перекладинъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ пересекаютъ поперечныя, дѣлаются изъ досокъ набойки (фиг. 8 и, фиг. 9 и). Для основанія столба и кобылки, въ среднѣ кладутся другія продольныя перекладки (фиг. 8 жж, зз, фиг. 9), поддерживаемыя снизу особою подставкою (фиг. 2 к, фиг. 8 к, фиг. 9 к).

Столбъ вышиною въ $4\frac{1}{2}$ аршина, дѣтается осмиугольный изъ досокъ, толщиною 1 дюймъ (фиг. 17), скрѣпленныхъ на концахъ двумя

¹⁾ Перепечатываемъ съ печатнаго листа, опубликованнаго губернскимъ правленіемъ въ одной изъ губерній для руководства. Чертежа, на который ссылается описаніе, при нашемъ экземплярѣ листа не сохранилось.

желѣзными обручами (фиг. 10); сверхъ того на вышинѣ 2 арш. 9 верш. насаживается третій обручъ съ крюкомъ (фиг. 10 а) для надѣванія цѣпи. Столбъ вставляется на осмиугольную втулку (фиг. 11), которая нижнимъ концомъ продѣвается сквозь подножіе столба (фиг. 1 в), состоящее изъ опрокинутаго ящика съ одною ступенью, и входитъ въ отверстіе между двумя средними продольными перекладинами (фиг. 8 л). Верхушка столба надѣвается на столбъ, какъ показано на фиг. 10 и 16. Цѣпь, надѣвающаяся на крюкъ (фиг. 12), имѣеть три конца (каждый въ 12 вершк. длины), изъ коихъ одинъ кладется на крюкъ, а на другихъ двухъ дѣлаются кольца съ шарнирами, которые разгибаются, накладываются преступнику на руки, выше локтя, и запираются заверткою. Кобылка для наказанія (фиг. 13) состоитъ изъ щита съ выемками: вверху для головы и рукъ (фиг. 13 а) и внизу для установленія и привязыванія ногъ (фиг. 13 б). Кобылка вращается на двухъ пятникахъ (фиг. 13 в. фиг. 9 а). Длина ея отъ пятниковъ до вырѣзокъ для головы составляетъ 2 арш. 4 вершка. Подъ нею дѣлаются двѣ желѣзныя подставки: короткая (фиг. 13 г, фиг. 14), въ разстояніи отъ пятника 1 арш. 13½ вершк., назначается поддерживать кобылку во время наказанія, такъ чтобы наклоненіе кобылки относительно помоста составляло уголъ въ 23 град., а длинная (фиг. 13 д, фиг. 15), въ разстояніи 1 арш. 12 вершк. отъ пятника, назначена поддерживать кобылку при наложеніи клейма, такъ чтобы наклоненіе угла относительно помоста было въ 45 град. Обѣ подставки нижними концами упираются въ двѣ пары шиповъ (фиг. 1 м, фиг. 8 м, фиг. 9 м), которыя сдѣланы на желѣзныхъ полосахъ, укрѣпленныхъ въ углубленіе (фиг. 1 н), куда укладывается кобылка. Разстояніе отъ пятниковъ до первой пары шиповъ, въ которую упирается короткая подставка, 1 арш. 12 вершк., а до второй пары 2 арш. 5 вершк. Вся платформа застилается досками, толщиною въ 2 дюйма, въ такихъ направленіяхъ, какъ показано въ фиг. 7 и на модели. Доски для помоста связываются щитами на шпонкахъ. Въ платформѣ дѣлаются сквозныя гнѣзда (фиг. 7 а), въ которыхъ утверждается подножіе столба (фиг. 1 в) посредствомъ шиповъ или брусковъ, прибывающихъ внутри подножія. Въ отверстіе же (фиг. 7 б) проходитъ нижній конецъ втулки (фиг. 11 а). Для входа на платформу дѣлается приставная лѣстница (фиг. 1 г) съ двумя желѣзными крюками (фиг. 1 д, фиг. 2 л), которые надѣваются на петли, укрѣпленныя въ стойкахъ.

Примѣчаніе. Прилагаемая при семъ модель эшафота съ позорнымъ столбомъ сдѣлана въ 16 долю натуральной величины, т. е. полагая каждый вершокъ за аршинъ.

Описаніе поворныхъ дорогъ.

На роспускахъ обыкновеннаго устройства ставятся дубовыя дуги (фиг. 1 а), показанныя въ разрѣзѣ по линіи А Б (фиг. 3 а), которыя обшиваются съ внутренней стороны тонкими досками. На дугахъ укрѣпляются два продольные бруска (фиг. 1 б, в, фиг. 3 б). Въ нихъ врубаются сквороднемъ поперечные бруски (фиг. 1 к, фиг. 3 в), служащіе основаніемъ помосту, скамейкѣ и двумъ желѣзнымъ стойкамъ (фиг. 1 в, г, фиг. 2 г, г). Преступникъ садится задомъ къ лошадамъ и привязывается къ желѣзнымъ стойкамъ. Укрѣпленіе стоекъ показано въ фиг. 4. На передкѣ дѣлается мѣсто для возчика (фиг. 1 д), а сзади ступеньки (фиг. 1 и 2 е, ж, з, и), изъ конхъ одна только нижняя (е) закидывается, какъ показано точками (фиг. 1). Дороги дѣлаются съ дышломъ, въ которое впрягаются двѣ лошади.

Вѣрно: за начальника отдѣленія А. Поповъ.

Юрій Александровичъ Головкинъ

1834 г.

Въ семейныхъ бумагахъ Липецкаго уѣзднаго предводителя дворянства Мих. Ив. Бартевева нашлось письмо къ его отцу, а моему дѣду, по матери Ивану Осиповичу Бартевеву, отъ послѣдняго въ родѣ Головкина—графа Юрія Александровича (род. 1749, † 1846 г.), извѣстнаго своимъ пышнымъ, многочленнымъ, но неудачнымъ посольствомъ въ Китай, въ 1806 году. Посольство это такъ изумило кочевыхъ инородцевъ, что они, до сихъ поръ, вспоминая о какомъ-нибудь обстоятельстве, современномъ посольству графа Головкина, говорятъ обыкновенно: это было тогда, во время большаго многочлества ¹⁾. Громадная свита посла озадачивала и китайцевъ. Ф. Ф. Вигель, участвовавшій въ посольствѣ въ качествѣ дворянина онаго, рассказываетъ ²⁾, что подозрительныхъ, трусливыхъ азіатцевъ болѣе всего пугали 40 драгунъ съ капитаномъ и 20 казаковъ съ сотникомъ, данныхъ послу въ видѣ тѣлохранителей. Дѣйствительно, народъ въ этой командѣ былъ подобранъ все рослый, усастый; каски на драгунахъ въ аршинъ вышиною, а лошади подъ ними какъ слоны. Упомянутый капитанъ, начальствовавшій отрядомъ драгунъ посольства, было именно то лицо, къ которому послано нижепомѣщаемое собственноручное письмо графа Головкина—Иванъ Осиповичъ Бартевевъ (род. 1776, † 1834 г.), доблестный участникъ славной отечественной войны 1812 года, въ продолженіе которой онъ два раза собственноручно отнималъ знамя у непріятеля (при штурмѣ города Борисова и при селѣ Погулянкѣ), а также походовъ нашихъ войскъ за границу, въ 1813 и 1814 гг. По окончаніи посольства въ Китай, И. О. Бартевевъ получилъ въ подарокъ отъ императора Александра I-го золотыя часы, «за сбереженіе людей и лошадей, съ коими проходилъ около 12,000 верстъ». Обойдя, такимъ образомъ, почти всю Европу, побывавъ въ Китаѣ,

¹⁾ Чтенія въ Императ. Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1875 г., кн. 2, смѣсь, стр. 144.

²⁾ Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, М. 1864, ч. 2, стр. 175 и слѣд.

Бартеневъ вышелъ въ отставку, въ 1818 году, съ чиномъ подполковника, и тогда только обратился къ мирной сельской жизни, проживая или въ своемъ Тамбовскомъ помѣстьѣ, столь извѣстномъ нынѣ селѣ Грязи, или въ г. Липецкѣ, въ собственномъ домѣ, на живописной горѣ, куда, въ 1834 году, и прислано было письмо отъ бывшаго начальника его, тогда уже 85-ти лѣтняго старца. Письмо это мы печатаемъ, конечно, безъ всякихъ исправленій. Читатели увидятъ что авторъ его, внукъ петровскаго канцлера графа Гаврила Иван. Головкина, подъ конецъ жизни нѣсколько освоился съ русскимъ языкомъ, вовсе неизвѣстнымъ ему въ дѣтствѣ и юности, которыя онъ провелъ или на своей родинѣ въ Голландіи, или въ Швейцаріи.

Александръ Барсуковъ.

С. П.-Бургъ 20-го февр. 1834 г.

Милостивый государь мой. Съ особымъ удовольствіемъ, и съ душевнымъ признаніемъ, получилъ я отношеніе вашего высокоблагородія (такъ), отъ декабря прошлаго года. Содержаніе онаго есть лѣстное для меня утверждѣніе тѣхъ чувствъ которые вы препоручили г-ну камергеру Сенявину, выразить мнѣ по свиданію вашему съ нимъ, пріятно мнѣ было узнать черезъ него, о нынѣшнемъ положеніи вашемъ, коимъ вы увѣдомляете меня быть совершенно довольнымъ.

Труды, и непріятныя воспоминанія Китайскаго похода нашего исчезли, остается теперь только удовольствіе о пріобретеніи привязаности спутниковъ моихъ, почитаемымъ мною всегда болѣе дѣтьми мойми нежели подчиненными, пріятно мнѣ почитать васъ, милостиваго государя моего въ числѣ ихъ заслуживающихъ совершенное мое удовольствіе и признаніе.

Извините меня что я опоздалъ отвѣтомъ, но чрезвычайныя занятія мои, и нездоровіе коимъ я несколько недѣлъ пострадалъ, сему единственною причиною.

Съ отличнымъ почитаніемъ, и съ истинною привязанностію, честь имѣю пребыть Милостивый государь мой, вашего высокоблагородія всепокорный слуга, графъ Головкинъ.

Примѣчаніе. Все письмо отъ начала до конца писано рукою графа на большомъ листѣ золотообрѣзанной бумаги.

На конвертѣ надпись писарскою рукою: Его высокоблагородію милостивому гасударю г-ну полковнику Бартеневу.

Въ г. Липецкѣ, Тамбовской губерніи.—Почтовый штампель: С.-Петербургъ, 22 февр. 1834.

Сообщ. 28-го окт. 1877 г. А. П. Барсуковъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

LX ¹⁾.

Тотъ жалокъ, кто подь молотомъ судьбы
 Поникъ — испуганный — безъ боя:
 Достойный мужъ выходитъ изъ борьбы
 Въ сяннѣ гордаго покоя,
 И вновь живеть — главы не преклоня —
 Исполненъ вдохновенной пищей;
 Такъ золото выходитъ изъ огня
 И полнобвенѣе и чище.

LXI.

Ночь туманная темна,
 Снѣгъ на стогахъ таетъ,
 Вкругъ нѣмая тишина
 Робость навѣваетъ.
 Не пугай зловѣщій мракъ!
 Безъ того — смущенья
 Не сгоню съ души никакъ.
 Ты, что волею своей
 Жизнь даешь въ отраду —
 Дай же миръ душѣ моей
 Если жить ужъ надо.

LXII.

Chorus mysticus.

Все проходящее
 Только сравненіе;
 Недостижимому
 Здѣсь выполненіе;
 Невыразимое
 Здѣсь совершается;
 А вѣчно-женственнымъ
 Душа плѣняется.

Н. П. Огаревъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1886 г., т. XLIX, стр. 465—482; изд. 1888 г., LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 336, 352, 354, 430, 524, 644; т. LXII, стр. 134, 160, 383, 682, 724; т. LXIII, стр. 110, 128, 162, 210, 300, 386, 448, 446, 518, 654; и изд. 1890 г., т. LXVI, стр. 199. Помѣщаемы нынѣ три стихотворенія талантливаго поэта Николая Платоновича Огарева († 1873 г.), суть послѣднія изъ имѣющагося у насъ собранія автографовъ его музы, конца 1830-хъ и начала 1840-хъ годовъ. Автографы эти найдены, въ Пензенской деревнѣ, вдовой покойнаго поэта, Н. А. Огаревой-Тучковой, и переданы намъ, по ея желанію, покойною Т. П. Пассекъ. Ред.

1. The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions and activities. It emphasizes that proper record-keeping is essential for ensuring transparency and accountability in financial reporting.

2. The second part of the document outlines the various methods and techniques used to collect and analyze data. It highlights the need for consistency and reliability in data collection to ensure that the results are valid and meaningful.

3. The third part of the document describes the various factors that can influence the results of a study. It discusses how external factors, such as changes in the environment or the behavior of the subjects, can affect the outcomes of the study.

4. The fourth part of the document discusses the various methods used to analyze the data. It highlights the importance of using appropriate statistical methods to ensure that the results are accurate and reliable.

5. The fifth part of the document discusses the various ways in which the results of a study can be used. It emphasizes that the results should be used to inform decision-making and to guide the development of policies and programs.

А. Н. ОЛЕНИНЪ.

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ¹⁾.

I ²⁾.

Выѣздъ изъ Симбирска.—Отзывъ императора Николая о ген.-губ. Дьяковѣ и о Витебской губ.—Встрѣча съ ген. Мердеромъ.—Первыя свѣдѣнія о Витебской губ.—Пріѣздъ въ Витебскъ.—Пріемъ чиновниковъ.—Осмотръ общественныхъ заведеній.—Столкновеніе съ инспекторомъ врачебной управы.—Визитъ супругѣ генераль-губернатора.—Семейство Вейссы.—Характеристика лицъ мѣстнаго общества.—Пріѣздъ Дьякова.—Представленіе ему.—Высочайшій приказъ.—Письмо фонъ-Дервиза.—Командантъ Соболевъ.—Бесѣда съ Дьяковымъ о губерніи.—Дурное состояніе почтъ.—Настроеніе умовъ въ губерніи.—Очеркъ, написанный Кульневымъ.—Отзывъ предводителя дворянства о губерніи.—Присоединеніе уніать.—Письмо архіерея Смарагда.

1836—1837 гг.

Не знаю, достанетъ-ли у меня силъ и терпѣнія описать тѣ несправедливости и непріятности, которыя я перенесъ и по сіе время (1844 г.) переносу здѣсь, въ Витебскѣ.

Я уже сказалъ, что въ бытность свою въ Симбирскѣ, государь лично изволилъ сказать мнѣ, что онъ назначаетъ меня губернаторомъ въ Витебскъ потому, что я ему нуженъ на этомъ мѣстѣ, «гдѣ буду служить вмѣстѣ съ генераломъ Дьяковымъ, человѣкомъ честнымъ и благороднымъ, но неопытнымъ въ дѣлахъ гражданскихъ», а какъ по

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 207—244; т. X, стр. 633—666; т. XI, стр. 411—450; изд. 1875 г., т. XIII, стр. 554—580; изд. 1876 г., т. XVI, стр. 627—648; т. XVII, стр. 127—144, 251—266, 771—786; изд. 1878 г., т. XXII, стр. 401—423; т. XXIII, стр. 33—54; изд. 1890 г., т. LXVI, июль, стр. 63—132.

²⁾ Эта глава и послѣдующія писаны въ 1844—1845 гг.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1890 г., ТОМЪ LXVII, АВГУСТЪ.

Витебской губерніи существуютъ большіе безпорядки, которые мы, вмѣстѣ съ Дьяковымъ, «любя его, будемъ умѣть истребить», и наконецъ, что онъ надѣлъ на меня военный мундиръ съ тою цѣлью, что онъ мнѣ въ Витебскѣ «пригодится».

Послѣднее выраженіе я повялъ, равно какъ и теперь не перестаю думать, относилось прямо на счетъ воинской строгости, необходимой для прекращенія большихъ безпорядковъ.

Изъ Симбирска я выѣхалъ 2-го сентября 1836 г., и 7-го или 8-го прибылъ въ Москву. Предполагая изъ словъ государя, что къ этому времени могъ уже состояться обо мнѣ высочайшій приказъ о переименованіи меня въ военный чинъ, я безпрестанно искалъ онаго въ приказахъ и газетахъ, но все тщетно.

Въ это время въ Москвѣ проживалъ, въ отпуску, генераль отъ инфантеріи, кн. Хованскій, носившій еще званіе генераль-губернатора трехъ губерній, въ томъ числѣ и Витебской, который, узнавъ въ англійскомъ клубѣ, отъ общаго нашего знакомаго и моего пріятеля, Озерова, о моемъ пребываніи въ Москвѣ, пожелалъ непременно меня видѣть, убѣдительно прося Озерова дать мнѣ о семъ знать. Принимая это сообщеніе за какое-то приказаніе, которое я не спѣшилъ исполнить, зная, что онъ уже не вернется къ старому своему мѣсту служенія, и кромѣ того, ожидая ежеминутно надѣть военный мундиръ, во время дороги я запустилъ усы, какъ принадлежность военной формы,—то и не хотѣлъ являться въ этомъ видѣ, чтобы не заслужить замѣчанія, и затѣмъ, проживъ въ Москвѣ дней пять и обмундировавшись совершенно, я выѣхалъ оттуда 12-го сентября. 21-го сентября 1836 года, по утру, я пріѣхалъ въ Витебскъ.

На пути, въ Дорогобужѣ, по случаю починки экипажа, будучи задержанъ нѣсколько часовъ на станціи, встрѣтилъ тамъ и познакомился съ ген.-майоромъ Мердеромъ, окружнымъ начальникомъ баталіоновъ внутренней стражи, въ числѣ которыхъ былъ и витебскій, моимъ совоспитанникомъ по 1-му корпусу, но поступившимъ туда гораздо позднее меня. Съ братомъ его, состоявшимъ при особѣ государя наслѣдника, я былъ хорошо знакомъ. Мердеръ просидѣлъ со мною довольно долго, и какъ до своего производства въ генералы былъ лѣтъ шесть или семь жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Витебскѣ, то, зная всю подноготную губерніи, желалъ отчасти познакомить меня съ тамошними порядками и въ особенности съ чиновниками, о которыхъ вообще отзывался съ большимъ одобреніемъ, но предостерегалъ меня на счетъ правителя канцеляріи Дьякова, ст. сов. Г—кова, какъ о большомъ фанатикѣ и съ весьма тяжелымъ характеромъ; о чиновникѣ особыхъ порученій при губернаторѣ, Я—вѣ, котораго вся губерніа не терпитъ,

за натяжки разнаго рода въ слѣдствіяхъ и въ особенности въ дѣлахъ, касающихся религіи, и на счетъ совѣтника губернскаго правленія, С—ко, котораго мнѣ описывалъ какъ человѣка умнаго, хитраго и весьма корыстолюбиваго (послѣдній отзывъ я выставляю здѣсь на видъ для того, чтобы въ послѣдующемъ разсказѣ показать, какъ могутъ быть различны сужденія даже людей безпристрастныхъ объ одномъ и томъ же лицѣ, не смотря на близкія къ нему отношенія).

Въ Смоленскѣ я слышалъ, что полоцкій архіерей держитъ себя такъ гордо и самостоятельно, что кн. Хованскій не смѣлъ ему ни въ чемъ противорѣчить, а предмѣстника моего, тайн. сов. Шрейдера, держалъ въ такомъ почтеніи и страхѣ, что когда бывало архіерей пріѣзжалъ къ Пасхѣ въ Витебскъ, то онъ его лично встрѣчалъ на берегу Двины, у парома, и провожалъ до церкви. Я не далъ особенной вѣры всѣмъ этимъ разсказамъ, но, увы! на мѣстѣ позналъ уже справедливость всѣхъ этихъ слуховъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Витебскъ, я былъ встрѣченъ, вмѣсто управляющаго губерніею, предсѣдателемъ уголовной палаты Милькевичемъ, такъ какъ вице-губернаторъ недѣли двѣ уже какъ находился въ Люценскомъ уѣздѣ, для приведенія къ послушанію волновавшихся тамъ крестьянъ. Дьякова въ городѣ тоже не было, уѣхалъ въ Динабургъ. Не желая показать себя пренебрежительнымъ къ формамъ одежды, я уничтожилъ свои усы, такъ какъ до того времени еще не появлялось обо мнѣ никакого высочайшаго приказа, и отакомъ промедленіи уже не зная что и думать.

На 22-е сентября я пригласилъ чиновниковъ познакомиться со мной и для сего назначилъ ровно въ 10 часовъ утра. Всѣ чиновники постороннихъ вѣдомствъ явились акуратно, но совѣтники губернскаго правленія и членъ общественнаго приказа, инспекторъ врачебной управы, какъ нарочно въ назначенное время не прибыли и я встрѣтилъ совѣтниковъ на подѣздѣ, когда садился въ экипажъ, ѣхать въ присутственныя мѣста. Это обстоятельство послужило поводомъ къ показанію перваго примѣра моей строгости на словахъ, сдѣлавъ имъ выговоръ за невниманіе и неуваженіе при встрѣчѣ новаго ихъ начальника.

Пріѣхавъ въ больницу приказа, я нашелъ тамъ инспектора врачебной управы, ст. сов. фонъ Гюбенталя, пользовавшагося, какъ я узналъ впоследствии, особымъ расположеніемъ Дьякова... Найдя больницу, по наружному виду, гораздо ниже той, за которую я въ Сибирскѣ получилъ замѣчаніе государя, я выразилъ свое мнѣніе въ этомъ смыслѣ, и съ приличною строгостью обратилъ мои замѣчанія къ смотрителю больницы, добавивъ при этомъ надежду видѣть ее

въ скоромъ времени въ болѣе приличномъ видѣ, чѣмъ въ какомъ я ее нашелъ.

Фонъ-Гюбенталь, привыкшій играть главную роль въ больницѣ и въ домѣ генераль-губернатора, взялъ на себя возражать, объясняя, что по сіе время онъ считалъ, что лучшаго порядка и быть не можетъ, ибо даже кн. Хованскій, извѣстный своею взыскательностью, всегда былъ доволенъ, посѣщая сіе заведеніе. Я вспыхнулъ, и суровымъ выговоромъ остановилъ потокъ краснорѣчія Гюбенталя, а смотрителя тутъ же арестовалъ, но при выходѣ изъ больницы, возвратилъ ему его шпагу.

Затѣмъ я отправился въ городскую тюрьму, гдѣ найдя большую нечистоту, сталъ выговаривать смотрителю и здѣсь, какъ на мою бѣду подвернулся прокуроръ Безкоровайный, тоже опоздавшій явиться ко мнѣ, а потому тоже назвавшійся самъ на непріятныя для него объясненія.

Слухъ о моихъ взысканіяхъ въ тотъ же день разнесся не только по городу, но какъ необыкновенный случай долетѣлъ до Могилева, за 150 верстъ отъ Витебска.

Окончивъ обзоръ присутственныхъ мѣстъ и другихъ заведеній, я счелъ долгомъ сдѣлать визитъ супругѣ генераль-губернатора, Екатерины Андреевны Дьяковой. Въ то время ей не было еще 40 лѣтъ. Небольшаго роста, съ миниатюрнымъ, острымъ личикомъ и сообразно тому стройною талією, она могла назваться если не красавицей, то весьма красивою женщиною, и въ такомъ смыслѣ она слыла у всѣхъ ея знакомыхъ. Но съ самаго перваго моего взгляда на нее, привыкшій смотрѣть на все съ хорошей и выгоднѣйшей для человѣка стороны, я почувствовалъ къ ней сильнѣйшую антипатію. Думаю, что и она мнѣ заплатила съ перваго взгляда тѣмъ же. Такъ какъ ея вліяніе было самымъ сильнымъ и основнымъ поводомъ къ послѣдующимъ и къ продолжающимся для меня до сего времени непріятностямъ, я хочу сказать нѣсколько словъ о ней.

Екатерина Андреевна Дьякова, дочь бывшаго въ Вильнѣ въ 1812 г. частнымъ приставомъ Вейсса, воспитывалась первоначально въ домѣ отца своего, который женился въ Дрезденѣ, на одной танцовщицѣ. Въ 1812 году, гвардія и покойный государь Александръ Павловичъ находились въ Вильнѣ, гдѣ въ то время старшая сестра Дьяковой, дѣвица Софья Вейссъ, слыла красавицей и блистала ловкостью своего обращенія на балахъ и въ другихъ общественныхъ собраніяхъ. Находившійся въ то время при особѣ государя ген.-ад. кн. Трубецкой, долгое время хлопотавшій о разводѣ со своею женою, рожденною принцессою Виронъ, успѣвшій, нако-

нецъ, въ своемъ желаніи, успѣшилъ доказать дѣйствіе развода, женись на Софѣ Вейссъ...

Не смотря на все свое увлеченіе, онъ видѣлъ недостаточность образованія въ своей женѣ, и тотчасъ началъ стараться усовершенствовать ее, а вмѣстѣ съ ней образовалась и младшая сестра, Екатерина, поселившаяся у нихъ, въ скорости приобрѣтя весь наружный блестящій свѣтскій лоскъ, а по быстротѣ ума своего и по красивой наружности, скоро обратившая на себя вниманіе общества.

Замужество старшей сестры доставило ходъ и сыновьямъ Вейсса, изъ которыхъ старшій, Андрей, попалъ въ адъютанты къ вел. кн. Константину Павловичу, женился впоследствии на извѣстной баронессѣ Фридрихсѣ (она же Александрова), но съ женою прожилъ недолго и овдовѣлъ.

Дьяковъ, по оканчаніи компаніи 1812 г., тоже попалъ въ адъютанты къ великому князю, и это общее служеніе, товарищество, весьма сблизило его съ Вейссами, гдѣ въ ту пору гостила Екатерина Андреевна. Красивая внѣшность, привычка и знаніе свѣта, блескъ природнаго ума—очаровали Дьякова, и онъ въ скорости женился на ней въ Варшавѣ, подчинясь съ того времени совершенно ей.

Дьяковъ возвратился изъ Динабурга дня черезъ четыре по прибытіи моемъ въ Витебскъ. По обязанности моей, я отправился къ нему представиться на другой день, въ 9 часовъ утра. Онъ привѣтствовалъ меня словами, что «онъ просилъ государя дать ему надлежащаго сотрудника и помощника и государь, по собственному выбору, изволилъ именно назначить меня и рекомендовать ему, обнадеживая, что онъ во всемъ и совершенно можетъ положиться на меня, и присовокупилъ, что я просилъ увольненія отъ званія губернаторскаго, но какъ это произошло отъ столкновенія моего съ кн. Волхонскимъ, то онъ нашелъ необходимымъ развести меня лишь съ нимъ, но потерять для службы не желаетъ».

Въ это время Дьяковъ сталъ вскрывать поданные ему съ почты пакеты и въ первомъ, гдѣ заключались высочайшіе приказы, въ самомъ заголовкѣ нашелъ и указалъ мнѣ мое имя, съ переименованіемъ въ генераль-майоры и съ присвоеніемъ званія военнаго губернатора г. Витебска. Приказъ обо мнѣ состоялся 17-го сентября, а 15-го сентября и онъ, Дьяковъ, утверждень генераль-губернаторомъ.

Поздравивъ меня съ искреннимъ радушіемъ, онъ обнадеживалъ меня на свое честное и безпристрастное расположеніе, и, сознаваясь самъ въ малоопытности своей, просилъ не оставлять его своими совѣтами и содѣйствіемъ.

Возвратясь домой, я нашелъ у себя письмо фонъ-Дервиза, при

которомъ тоже приложенъ былъ приказъ, и сверхъ того, онъ объяснялъ мнѣ причину замедленія, изъ которой я тотчасъ усмотрѣлъ недоброжелательство ко мнѣ и натяжку В. Ѳ. Адлерберга. До состоявшагося приказа онъ докладывалъ государю два раза обо мнѣ, и оба раза съ явнымъ желаніемъ мнѣ повредить. Въ первый, что я прослужилъ въ полковничьемъ чинѣ едва пять лѣтъ, и въ другой, какъ приказано будетъ зачислить меня, съ старшинствомъ или нѣтъ, ибо два губернатора, тульскій—Зуровъ и харьковскій—кв. Трубецкой, оба произведенные не по очереди изъ полковниковъ въ генералы, по се время считаются на линіи полковниковъ. Но государь приказалъ отстранить эти соображенія и считать меня въ чинѣ и въ линіи генераловъ со дня переименованія.

Черезъ два часа послѣ сего, я отправился, въ военномъ уже мундирѣ, благодарить главнаго начальника за мое преобразование; я встрѣтилъ его сходящимъ съ лѣстницы на прогулку, и онъ меня совершенно не узналъ, такъ перемѣнила меня новая форма.

Года за два до назначенія меня въ Витебскъ, опредѣленъ былъ туда же комендантомъ ген.-м. Соболевъ, слѣдовательно, по чину старше меня, но въ продолженіе двухъ лѣтъ нашего общаго сослуженія мы оба держали себя въ сношеніяхъ одинъ съ другимъ такъ, что это никогда не служило къ размолвкамъ между нами, и я началъ съ того, что отъ Дьякова прямо поѣхалъ къ Соболеву, чтобы предупредить его, какъ старшаго, моимъ визитомъ, чѣмъ уже много утѣшилъ и обратилъ къ собѣ старика и, кромѣ сего, впоследствии старался выказать ему всегда мое уваженіе, когда представлялся ему малѣйшій случай.

Дьяковъ же поступалъ съ нимъ совершенно иначе: меня всегда принималъ съ видимымъ вниманіемъ, не заставляя никогда себя ждать ни минуты, а Соболева держалъ по нѣсколько часовъ въ пріемной, не приглашая въ кабинетъ и не сажая его въ своемъ присутствіи, и все это дѣлалось единственно изъ угожденія своей супругѣ, которая съ самаго своего прибытія въ Витебскъ не возлюбила чету Соболевыхъ, въ особенности г-жу Соболеву, русскую, истинно русскую, почтенную старушку.

При вторичномъ моемъ свиданіи съ Дьяковымъ онъ объявилъ мнѣ, что замѣшательства и затрудненія, встрѣчаемые въ настоящее время по Витебской губерніи, происходятъ отъ предпринятой великой реформы, присоединенія униатъ къ православной церкви, на что должно быть обращено все вниманіе властей. Мѣра эта отчасти только религіозная, но главная цѣль есть политическая—составить одно тѣло и одну душу. За это взялись весьма старательно, но черезчуръ

горячо, такъ что до правительства начали непрестанно доходить жалобы на притѣсненія и угнетенія обывателей, а вн. Хованскій, Шрейдеръ и епископъ Смарагдъ поставили дѣло такъ, что государь былъ вынужденъ первыхъ двухъ смѣнить, а послѣдняго оставить до времени, дабы видѣть, какъ мы будемъ съ нимъ ладить, а въ противномъ случаѣ, онъ назначить на его мѣсто архіерея изъ Варшавы, Павла. Государь настоятельно желаетъ, чтобы обращеніе унѣтъ въ православіе не прекращалось бы и доведено было до конца.

Далѣе Дьяковъ коснулся того, что по губерніи существуетъ огромная недоимка въ уплатѣ податей, которыхъ вовсе не вносятъ, а недоимка ежегодно все возрастаетъ; затѣмъ онъ сталъ жаловаться на неисправность и дурное содержаніе почтъ по губерніи, и объявилъ, что по губерніи вообще почты такъ дурно содержимы, что не проходитъ недѣли, въ которую онъ, Дьяковъ, не получилъ бы жалобы на остановку въ лошадахъ для проѣзжающихъ или на другія неудобства по почтовому вѣдомству, и на другой день препроводилъ ко мнѣ письмо, на-дняхъ полученное имъ отъ ген.-ад. кн. Лобанова-Ростовскаго, вѣхавшаго по высочайшему повелѣнію въ Берлинъ, который въ г. Рѣжицѣ въ оба пути имѣлъ остановку на почтѣ и даже неприятели.

Касательно же общаго духа обывателей Витебской губ. Дьяковъ замѣтилъ, что поляки все еще въ лѣсъ смотрятъ, подобно волку, на котораго и кормъ въ селеніи не имѣетъ вліянія. Но со всѣмъ тѣмъ, однако-же, во время послѣдней польской революціи, помѣщики Витебской губ. не выказали ничего рѣзкаго, что бы можно было обратить имъ въ укоръ или въ желаніе уклониться отъ настоящаго ихъ къ правительству положенія.

Не прошло вѣскольکو дней, какъ я получилъ отъ Дьякова безимянную записку, собственно пасквиль на общій духъ, какъ помѣщиковъ, крестьянъ, такъ и всѣхъ вообще служащихъ чиновниковъ по губерніи, съ секретнымъ предвареніемъ меня, что записка эта составлена помѣщикомъ Кульневымъ, нашимъ русскимъ, проживающимъ около Рѣжицы, въ имѣніи Корфа, и Дьяковъ просилъ меня, при случаѣ, лично познакомиться «съ этимъ истиннымъ патриотомъ», и подробно поговорить съ нимъ о предметахъ, внесенныхъ въ его записку.

Въ это же время, Люцинскаго уѣзда, въ Яновольской волости, находившейся въ пожизненной арендѣ, по польскимъ еще правамъ, у гр. Борха, нынѣ уже умершаго, а черезъ то поступившей въ казенное управленіе, происходило между крестьянами волненіе. Когда умеръ гр. Борхъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, въ волость отправленъ былъ чиновникъ, для принятія имѣнія въ вѣдомство казенной палаты, и

съ первымъ приступомъ къ тому онъ приказалъ собрать домохозяевъ, чтобы тѣ, по учрежденному порядку, выбрали для себя старшинъ. Для этого необходимъ былъ обрядъ присяги. Крестьяне, по наущенію или по глупости, объявили, что старшинъ выбрать они готовы, но присягать не стануть, ибо «они теперь вольные, а когда присягнутъ, опять сдѣлаются помѣщичьими», и въ этомъ отношеніи упрямство между крестьянами дошло до такой степени, что ни вмѣшательство священника и полиціи, ни прибытіе на мѣсто высшихъ чиновниковъ казенной палаты, ни даже личное присутствіе бывшаго губернатора Шрейдера не могло прекратить его. Въ послѣднихъ числахъ іюля, Шрейдеръ уволенъ былъ въ отставку, но по его, однако-же, требованію, въ половинѣ августа, въ Яновомъ присланъ былъ баталіонъ пѣхоты полка прусскаго принца, а въ первыхъ числахъ сентября отправился туда же исправляющій губернаторскую должность вице-губернаторъ Домбровскій, съ тѣмъ, чтобы хотя сякою образомъ крестьянъ къ повиновенію.

Я пріѣхалъ въ Витебскъ 21-го сентября 1836 г., а 25-го числа Дьяковъ, черезъ правителя дѣлъ канцеляріи своей, Глушкова, прислалъ ко мнѣ только лишь полученное имъ отъ Домбровскаго донесеніе, что крестьяне не только что не повинуются убѣжденіямъ и приказаніямъ, но 18-го или 19-го числа (не помню точно), человекъ около трехсотъ бунтующихъ ворвались къ нему, Домбровскому, въ квартиру, и если бы не подоспѣла квартирующая въ самомъ Яновомъ рота солдатъ, то онъ едва ли бы избѣжалъ отъ угрожавшей ему опасности. Нѣсколько изъ бунтовщиковъ захвачено, 78 человекъ изъ нихъ содержатся подъ стражею и преданы уже военному суду, но, по мнѣнію его, Домбровскаго, придется отдать подъ судъ рѣшительно всю волость, ибо ни одинъ крестьянинъ повиноваться не намѣренъ. Это обстоятельство въ началѣ показалось мнѣ весьма важнымъ, но когда я просмотрѣлъ всю производившуюся съ февраля мѣсяца по канцеляріи генераль-губернатора и губернатора переписку, на что не потребовалось болѣе получаса времени, я тотъ же часъ отправился къ Дьякову и просилъ у него дозволенія самому мнѣ ѣхать немедленно въ Яновомъ; когда же Дьяковъ пожелалъ узнать, какія я приму мѣры къ восстановленію порядка, я отвѣчалъ ему:

— Во всемъ этомъ дѣлѣ важнымъ нахожу, что крестьяне въ толпѣ кричали: «не хотимъ присягать, пускай что хотятъ съ нами дѣлають, а мы присягать не будемъ». Я поставлю крестьянъ въ двѣ шеренги и буду каждого изъ нихъ спрашивать, по одиночкѣ, намѣреваются ли онъ присягнуть, или нѣтъ; желалъ бы очень знать, много-ли будетъ послушниковъ? Но какъ все-же такіе могутъ слу-

читься и их немедленно должно будет наказать, въ примѣръ другимъ, тѣлесно, то я присоединилъ вопросъ: сколько за одинъ разъ виновныхъ онъ, генераль-губернаторъ, считаетъ въ правѣ себя комфирмовать къ приговору къ тѣлесному наказанію?

По справкѣ съ законами, нашлось число 9, и я утвердительно завѣрилъ Дьякова, что болѣе виноватыхъ у меня не сыщется. На другой день я отправился въ Яноволь.

Послѣ знакомства съ генераль-губернаторомъ, я прибѣгнулъ къ разговору съ губернскимъ предводителемъ, коллежскимъ ассесоромъ Шадурскимъ, въ которомъ я нашелъ умнаго, образованнаго человека, по наружности весьма красиваго собою, а по первымъ его словамъ, обращеннымъ ко мнѣ, я почувствовалъ и личное къ нему расположеніе.

— «Ваше пр—во, какъ я слышалъ отъ чиновниковъ, имѣвшихъ честь представляться вамъ, сказалъ мнѣ Шадурскій, прибыли въ нашу губернію съ предубѣжденіемъ противъ насъ. Смѣло могу увѣрить васъ, что это предубѣжденіе неосновательное. Мы несчастливы тѣмъ, что Богъ наказалъ насъ, въ продолженіе многихъ годовъ сряду, неурожаями, и нѣсколько лѣтъ правительство вынуждалось намъ оказывать денежное пособіе. Великодушіе правительства всегда насъ душевно трогало и мы, съ чувствомъ живѣйшей признательности, принимали оное, но, по независящимъ вовсе отъ насъ обстоятельствамъ, дѣлались и по сіе время состоимъ дурными его плательщиками; со всѣмъ тѣмъ могу увѣрить васъ, что настоящія подати мы всегда платили исправно. Я прошу васъ убѣдительно, ваше пр—во, обратить на этотъ предметъ безпристрастно вниманіе ваше. Вы сами удостоверитесь, что на насъ почти нѣтъ собственно недоимочнаго долга. Недоимка же заключается наиболѣе въ двѣнадцати-процентномъ налогѣ на временно сдѣланныя намъ ссуды и на временно, иногда по крайности, образовавшуюся недоимку. Конечно, правительство много и прощало намъ, но все же мы не могли вполне очистить эту недоимку».

Когда я слегка коснулся предмета обращенія уніатовъ въ православіе, Шадурскій со скромностью выразился:

— «Витебскіе помѣщики большею частію католики, а крестьяне и другіе обыватели частью только принадлежать католической церкви, а наиболѣе уніатовъ. Я не буду утверждать, чтобы изъ числа католиковъ всѣ вообще помѣщики равнодушно смотрѣли на то, что подвластные имъ крестьяне уніатскаго исповѣданія присоединяются къ православной церкви, но скажу утвердительно, что когда образовалось точное понятіе, что правительство рѣшительно положило это въ своихъ

расчетахъ къ выполненію, тогда образованные и умѣйшіе изъ помѣщиковъ воздержались отъ малѣйшаго въ этомъ отношеніи вмѣшательства, а предоставили все это (дѣйствию) тѣхъ мѣръ, какія правительство само признаетъ нужнымъ указывать въ этомъ. Къ нашимъ помѣщикамъ, по сіе время, никто не обратился объ этомъ предметѣ своевременно; православное же духовенство вдругъ обратилось въ селенія нашихъ съ рѣзкимъ требованіемъ—не только уніатовъ заставить (?) обращаться съ духовными требованіями къ православнымъ священникамъ, но даже коснулось и католиковъ, объясняя, что многіе изъ сихъ послѣднихъ, по брачнымъ союзамъ съ уніатами, необходимо вмѣстѣ съ ними должны присоединяться къ православной церкви. Согласитесь сами, ваше пр—во, позволяеть-ли совѣсть чистымъ католикамъ быть строгими участниками въ подобнаго рода понужденіяхъ. Конечно, ежели бы намъ была объявлена прямо воля самого государя въ этомъ смыслѣ,—мы бы должны были и стали бы всё безпрекословно повиноваться. Но, вникнувъ въ дѣла здѣшней губерніи, ваше пр—во сами изволите удостовѣриться, что вообще этимъ жалобамъ православнаго духовенства, объ упорствѣ будто бы помѣщиковъ и о противодѣйствіи мѣрамъ правительства по этому важному предмету, начало всегда возникало (?) отъ православныхъ же священниковъ (?). Первый приступъ съ ихъ стороны всегда бываетъ одинаковъ; къ архіерею, обыкновенно, явится неожиданно человекъ изъ какого либо значительнаго селенія, съ просьбою о желаніи всёхъ будто бы обывателей онаго обратиться къ православной церкви. Не стану и не хочу даже разсуждать, что всё подобныя искатели всегда были къ сему подстрекаемы и что даже большею частію въ числѣ ихъ непременно есть люди, (по своему поведенію) не заслуживающіе уваженія. Епархіальное начальство такую просьбу всегда принимаетъ съ жаромъ, немедленно относится къ земскому начальству, извѣщаетъ оное объ отправленіи въ селеніе съ просителями особаго православнаго священника, требуетъ безъ малѣйшаго премедренія допустить православнаго священника въ приходскую уніатскую церковь и указываетъ полиціи принять немедленно подъ покровительство всёхъ обращающихся. Помѣщикъ, владѣтель имѣнія, иногда вовсе даже не знаетъ объ этихъ распоряженіяхъ, а православное духовное управленіе дополняетъ, что оно нисколько не имѣетъ нужды предварять объ этомъ помѣщика: церковь-де приходская, а не собственность помѣщика и не одни его крестьяне приписаны приходомъ къ церкви. Православный священникъ, не упуская минуты времени, пріѣзжаетъ въ селеніе, очень часто прежде даже прибытія туда чиновника земской полиціи, входитъ, обыкновенно, въ домъ помѣщика и, въ выраженіяхъ нерѣдко

далекихъ отъ приличія, объявляетъ ему причину своего наѣзда и отъ него требуетъ содѣйствія и настоянія къ открытію церкви. Вообще при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, униатскій священникъ скрывается, съ умысломъ или случайно,—этого рѣшительно нельзя вдругъ опредѣлить. Помѣщикъ иногда, испуганный внезапностью, и самъ желалъ бы тотъ-же часъ выполнить настояніе прибывшаго священника, но дворъ его уже наполненъ крестьянами, большею частію неимѣющими не только желанія къ присоединенію, но даже и понятія, чего отъ нихъ требуютъ. Конечно, при этомъ не можетъ быть совершеннаго спокойствія, иногда встрѣчается и сопротивленіе; тогда тотчасъ возникаютъ жалобы: крестьяне де бунтуютъ, помѣщикъ и униатскій священникъ не только подстрекаютъ бунтующихъ, но даже научаютъ ихъ противодействию. Чиновникъ земской полиціи, подѣхавшій къ этому случаю, всегда уже положительно обвиняется въ пристрастія и потворствѣ католикамъ и очень часто отрѣшается отъ должности, а иногда и предается суду. Судъ же всегда оканчивается совершеннымъ его оправданіемъ».

Касательно содержанія почтъ, предводитель Шадурскій объявилъ мнѣ, что по Витебской губерніи въ этомъ отношеніи существуетъ почти монополія; болѣе половины общаго числа почтовыхъ станцій свята въ содержаніе помѣщикомъ Подвинскимъ, человѣкомъ недостаточнаго состоянія, но вообще занимающимся подрядами безъ капитала, а по однимъ лишь спекуляціямъ, и что онъ болѣе служить контръ-агентомъ для евреевъ, неимѣющихъ права вступать въ подряды по содержанію въ селеніяхъ почтовой гоньбы, но что и Подвинскаго обвинять совершенно невозможно, ибо казна уплату денегъ за содержаніе почтъ производитъ весьма неаккуратно, на что всѣ почто-содержатели неоднократно приносили жалобы, но на это нисколько по сіе время не обращалось вниманія. О служащихъ, по выборамъ дворянства, чиновникахъ Шадурскій съ твердостью, приличною его званію, настоятельно мнѣ объявилъ свое одобреніе.

Черезъ два дня по моемъ пріѣздѣ въ Витебскъ, я получилъ письмо отъ архіепископа Смарагда; предупреждая меня своимъ привѣтствіемъ и рекомендуя себя къ знакомству, онъ писалъ ко мнѣ, что, по обстоятельствамъ здѣшняго края, онъ будетъ имѣть необходимость въ частыхъ со мною сношеніяхъ, что дѣла здѣсь бывають иногда такого рода, что оныя нельзя подводить подъ обыкновенныя установленныя формы и, наконецъ, добавилъ, что предметникъ мой съ нимъ былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ и что посредствомъ его, Смарагда, не одинъ разъ обращалъ на себя вниманіе и получалъ награды отъ правительства.

Признаюсь откровенно, что это посланіе меня совершенно поразило. Я отвѣчалъ въ тотъ же день его преосвященству, благодарилъ его за его упрежденіе, но вмѣстѣ предварилъ его, что я въ дѣйствіяхъ моихъ всегда и безотступно слѣдую буквальному смыслу законовъ; ежели встрѣчу въ чемъ либо сомнѣніе,—не премину прибѣгать къ его совѣту, но въ заключеніе прибавилъ, что одно мое правило твердо и положительно: вниманіе и щедрость правительства извлекать изъ единственнаго и прямого источника.

II.

Знакомство со служебною дѣятельностью должностныхъ лицъ. — Совѣтники правленія.—Скляренко.—Внутреннее устройство города.—Полиція. — Богоугодныя заведенія.—Полицейская прислуга.—Дороговизна продуктовъ.—Недоимочная вѣдомость.—Проекты объ улучшеніи сельскаго хозяйства.—Образцовый хуторъ.—Положеніе губерніи въ 1812 году. — Причина упадка. — Послѣдствія вывода евреевъ въ города.—Депутаты отъ духовенства.—Духовенство.

1836—1837 гг.

Изъ числа чиновниковъ, служившихъ въ то время по выборамъ, обратили на себя мое вниманіе въ особенности предсѣдатели палатъ: гражданской—Сипайло и уголовной—Милькевичъ. Послѣдній, во время приѣзда моего, за отсутствіемъ вице-губернатора, управлялъ губерніею. На мои вопросы, сообразные съ тѣми, которые я дѣлалъ Шадурскому, отвѣчали они съ видимою уклончивостью и робостью, но со всѣмъ тѣмъ подтверждали слышанное мною отъ послѣдняго. Впослѣдствіи удостовѣрился я, что эти оба чиновника, весьма благороднаго образа мыслей, справедливо пользовались довѣріемъ къ нимъ дворянскаго сословія.

По губерискому правленію, въ совѣтникахъ, я нашелъ себѣ сотрудниковъ, знающихъ свое дѣло: Соколова, скромнаго, тихаго, безкорыстнаго человѣка, Скляренко, скромнаго, но не застѣнчиваго характера, съ быстрымъ объемомъ въ сужденіи, но противъ котораго имѣлъ я нѣкоторое предубѣжденіе въ своевольномъ и не всегда чистомъ направленіи дѣлъ; предубѣжденіе сіе скоро во мнѣ рушилось, ибо всѣ его сужденія по дѣламъ, въ мое управленіе, совершенно согласовались съ моими; зато Рыжевичъ, о которомъ я прежде слышалъ похвалы, не приобрѣлъ къ себѣ моего довѣрія. Къ лучшему поясненію дѣйствій сихъ чиновниковъ, слѣдуетъ замѣтить, что прослужа уже по нѣсколько лѣтъ въ должности, всѣ трое они не блистали наружностью, ни въ роскоши, ни въ обращеніи, и даже ни одинъ изъ

нихъ не имѣлъ экипажа и всегда ходили пѣшкомъ, что если и не доказывало въ совершенствѣ ихъ безкорыстія, то, по крайней мѣрѣ, могло быть отводомъ и отъ мысли на лихоимство. Жалобы ко мнѣ на нихъ впослѣдствіи доходили иногда на одного только Рыжевича и нѣкоторыя оказывались довольно уважительными.

По городу я нашелъ на главнѣйшихъ улицахъ и площадяхъ замѣтную чистоту и опрятность, но за то въ боковыхъ улицахъ и переулкахъ заразительная вонь, гнилость, всюду сопровождающія скопление евреевъ. Полицеймейстеромъ былъ коллежскій совѣтникъ (скоро переименованный полковникомъ) Г—ка, старикъ расторопный, хитрый, но сомнительной честности; со всѣмъ тѣмъ, онъ пользовался расположеніемъ къ себѣ обывателей средняго и низшаго сословія, но чиновники и дворянство не всегда о немъ отзывались съ похвалою.

Неоднократно разсуждая съ прописанными мною выше лицами, слышалъ я общія замѣчанія, что бѣдность и тяжелое положеніе губерніи происходитъ главнѣйше отъ сокращенія торговли, отъ свода въ города евреевъ, неимѣющихъ для себя въ виду постоянныхъ занятій и занимающихся лишь факторствомъ и перекупою. Чиновники утверждали, что дозволеніе вольной продажи вина, развращая народъ, было самымъ сильнѣйшимъ зломъ и язвою, а помѣщики, напротивъ, упорно отстаивали оную, какъ необходимость, ибо, говорили они, отними у нихъ свободу винопродажи, по часто бываемымъ неурожаемъ въ губерніи, они рѣшительно не въ состояніи будутъ платить податей и еще болѣе запускать недоимку.

Богоугодныя заведенія и внутреннее полицейское устройство въ губернскомъ городѣ нашелъ я въ весьма жалкомъ положеніи. Особенно замѣчательна была въ этомъ отношеніи полицейская прислуга; все старики въ лохмотьяхъ, съ подогнутыми штанами, вѣчно небритые, въ помятыхъ, разодранныхъ, разнокалиберныхъ шапкахъ. И на вопросъ, Г—къ сдѣланный, что это за люди и откуда они набраны, я получилъ отвѣтъ, что часть изъ отставныхъ солдатъ, а часть изъ безсрочно отпускныхъ, что порядочныхъ людей для примѣра прискаать нѣтъ никакой возможности; жалованье назначено весьма скудное, но и то очень часто, за несборомъ въ свое время городскихъ доходовъ на содержаніе полиціи, доходить неаккуратно. Малѣйшее взысканіе за нерадѣніе или неопрятность непремѣнно влечетъ за собою отказъ нанимающихся въ служеніе, и очень часто хилаго и неуклюжаго старика, вмѣсто выговора, приходится еще упрашивать, чтобы онъ продолжалъ числиться по списку въ полиціи. Пожарный инструментъ не однообразенъ, ветхій; лошади—всѣ уже перешедшія далеко за десять лѣтъ и при малѣйшей тревогѣ едва-едва съ перваго

порыва дотаскиваюція пожарныя трубы до мѣста пожара, а очень часто, при отправленіи подѣ гору за водою, не возвращающіяся къ мѣсту своего назначенія.

Полицеймейстеру полагалось жалованья, изъ городскихъ доходовъ, всего 1200 р. ассигнаціями, безъ квартиры; изъ какихъ источниковъ, не имѣя собственнаго достоянія, могъ онъ не только безъ нужды содержать себя, но даже довольно часто предлагать обществу угощеніе?

Первая забота моя была составить отъ себя официальные обращенія, которыя могли бы или подтвердить или опровергнуть то, что я собралъ уже изъ рѣчей, мною слышанныхъ.

Я приказалъ немедленно въ губернскомъ правленіи составить мнѣ двѣ вѣдомости: одну о сложныхъ мѣсячныхъ цѣнахъ на хлѣбные продукты, по крайней мѣрѣ, за десять лѣтъ, а другую вѣдомость о недоимкахъ по уѣздамъ, съ оставленіемъ пробѣловъ для моихъ отмѣтокъ, объ успѣшности взысканія оныхъ, слѣдовательно и о дѣйствіяхъ въ этомъ отношеніи земской полиціи и градскихъ властей. Эти двѣ вѣдомости сдѣлались настольною принадлежностью моего кабинета и я, разсматривая ихъ ежедневно, скоро открылъ, что всякій разъ, когда гдѣ-либо въ уѣздномъ городѣ оказывалось повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, цѣна эта уже постоянно, до слѣдующаго урожая, не понижалась ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ, хотя въ губернскомъ городѣ, напротивъ, измѣненіе случалось часто и даже вдругъ съ значительнымъ уменьшеніемъ, смотря по дорожнымъ путямъ и подвозу хлѣба изъ другихъ мѣстъ. Подати срочныя, настоящаго времени, поступали хотя не вполнѣ, но нельзя назвать и безуспѣшно; недоплата въ податяхъ вся почти оставалась въ равной мѣрѣ, только лишь взысканія за гербовую бумагу и пени замѣтно нарастали. Это замѣчаніе заставило меня обратиться въ казенную палату къ истребованію списковъ, на какихъ именно владѣльцахъ и съ котораго времени образовалась начальная недоимка. Открылось, что неисправными плательщиками были наиболѣе помѣщики большедушныхъ имѣній, однако-же не съ близкихъ сроковъ, а уже съ давняго времени, и что эти неплательщики пользовались льготою, десятилѣтнею отсрочкою, которая должна была оплатиться къ 1838 году. Далѣе, нашелъ я неисправными казенныя имѣнія, находившіяся во временномъ арендномъ содержаніи, а часть недоимокъ оказалась уже совершенно неоплатною, ибо лежала на опекунской неисправности, о которой десятки лѣтъ безуспѣшно шла переписка, пени же накапливались и нарастали ежегодно. Арендныхъ содержателей стоило только постращать внимательнѣе и почти

всѣ пополнили свои взносы въ скорости. Помѣщики же, по личному моему съ ними сношенію, общали мнѣ съ окончаніемъ льготы уплатить что лежало на нихъ, и сдержали едва ли ни всѣ свое слово, такъ что въ 1838 г. губернія уплатила недоимки болѣе 600 тысячъ рублей, по крайней мѣрѣ, хоть часть общей суммы.

Не полагаясь, однако-же, и на сіи изысканія, дабы провѣрить слова губернскаго предводителя, что губернія всегда была платежемъ исправна, кромѣ случайно падавшихъ на нее бѣдствій, я истребовалъ изъ казенной палаты свѣдѣніе по возможности, сколько она себя открытъ могла за прошедшее время, сколько требовалось ежегодно съ губерніи денежнаго сбора и сколько внесла она такового.

Въ прежніе годы, т. е. въ началѣ царствованія Александра Павловича, предварительныхъ смѣтъ на трехлѣтіе о денежномъ сборѣ не составлялось, а встрѣтившаяся надобность въ теченіи года, по высочайшемъ утвержденіи, раздѣлялась въ томъ же году, или въ послѣдующемъ, на податныя сословія, для коихъ открылась необходимость въ издержкѣ, а потому палата, хотя и доставила мнѣ требуемое свѣдѣніе за 27 лѣтъ, но давнѣйшіе годы съ показаніемъ лишь только ихъ взносов, безъ предварительнаго опредѣленія оныхъ. Но за двадцать послѣднихъ лѣтъ раздѣлила свои графы, изъ коихъ въ первой оказалось—сколько слѣдовало внести каждый годъ, во второй—сколько дѣйствительно поступило суммы и въ третьей—сколько было недобора.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, палата представила мнѣ другую вѣдомость, сколько въ послѣднее время давалось губерніи денежнаго пособія и сколько онаго потомъ, по разнымъ милостивымъ манифестамъ, сложено. Эти свѣдѣнія открыли мнѣ два обстоятельства: первое, что губернія, которая въ послѣднія двадцать лѣтъ должна была внести съ чѣмъ-то 38 милліоновъ рублей, дѣйствительно уплатила болѣе 32-хъ,—а другое, что въ интервалѣ 11 послѣднихъ годовъ, губерніи восемь разъ оказываемо было отъ правительства вспоможеніе, слѣдовательно, положительно можно было видѣть, что только три года въ этотъ срокъ можно было назвать урожайными.

Я какъ будто предчувствовалъ надобность въ этихъ свѣдѣніяхъ; очень скоро я получилъ отъ генераль-губернатора, бывшіе уже на разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ, съ замѣчаніями министровъ, проекты князя Хованскаго и Шрейдера, объ улучшеніи губерніи, и Дьяковъ требовалъ моего на оныя мнѣнія. Могъ ли я въ скорости обнять вдругъ всѣ предметы касательно положенія и управленія

губернія? Мнѣ не было иной возможности объясниться, какъ ссылаясь на теорію или на то, что я уже успѣлъ собрать.

Теперь я не могу обстоятельно и въ точности припомнить всѣхъ подробностей этихъ проектовъ, но кажется, что кн. Хованскій былъ противъ вольной продажи вина въ уѣздахъ, а Шрейдеръ отстаивалъ вино. Шрейдеръ полагалъ по губерніи ввести казенную продажу соли, Хованскій—ограничить числительность прислуги у помѣщиковъ, сообразно количеству душъ каждаго, сократить въ большомъ объемѣ псовую охоту, устроить образцовые хутора для хозяйства (посредствомъ секцій),—на что примѣръ уже создалъ при Витебскѣ, собравъ сумму и поручивъ управленіе хуторомъ агроному фонъ-Гюбенталю; совѣтывалъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора, въ витебскомъ хуторѣ учредить особый хозяйственный комитетъ, члены котораго могли бы объѣзжать въ продолженіе года по всѣмъ, замѣчаемымъ въ дурномъ управленіи хозяйства, имѣніямъ и владѣльцевъ сихъ имѣній брать въ опеку. О евреяхъ въ городахъ была одна мысль—выводить ихъ въ другія мѣста, изобилующія землею, на хлѣбопашество.

Здѣсь скажу о бросившемся мнѣ въ глаза, при первомъ случаѣ, образцовомъ хуторѣ. Попечитель этого заведенія, инспекторъ врачебной управы, ст. сов. фонъ-Гюбенталь, казенный медикъ, неутомимый прожектёръ по всѣмъ предметамъ общественнаго устройства и хозяйства, обворожилъ кн. Хованскаго своими разсказами; но хуторъ имъ управляемый, въ продолженіе десяти или двѣнадцати лѣтъ, не только не принесъ никакой прибыли, но къ пріѣзду моему завелась объ ономъ переписка; акціонеры просили отчетности и преміи съ доходовъ, а Гюбенталь вознагражденія собственности его отъ понесенныхъ убытковъ, и когда Дьяковъ разрѣшилъ это своимъ мнѣніемъ, разобравъ акціи, то никто изъ акціонеровъ ничего не получилъ въ возвратъ, а хуторъ въ совершенномъ разстройствѣ, безъ скота, съ разрушенными строеніями, поступилъ въ казенное управленіе. Потомъ, уже лѣтъ черезъ пять, мѣстный архіерей, преосвященный Василій Лужинскій выпросилъ оный себѣ, для причисленія къ архіерейскому дому. Теперь (1845 г.) этотъ хуторъ, дѣйствительно, есть образцовое имѣніе, доказывающее, что при денежныхъ средствахъ хорошее хозяйство, дѣйствительно, можетъ и самое разстроенное имѣніе поставить на должную ногу.

Дьяковъ, предполагая въ декабрѣ или январѣ (1837 г.) отправиться въ Петербургъ, просилъ меня послѣдить моими замѣчаніями на проекты, ибо онъ хотѣлъ еще собрать, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, временный комитетъ изъ находившихся у него подъ рукою наиболѣе

уважаемыхъ помѣщиковъ. Я счелъ долгомъ отвѣчать, что въ короткое время обстоятельныхъ соображеній никакъ сдѣлать не могу, но, поддерживая мысли Шрейдера о вольной продажѣ вина и о продажѣ соли по однообразной цѣнѣ по всѣмъ уѣздамъ, я полагалъ весь барышъ или, приличнѣе, ту разность, которая по уѣздамъ противу имѣющихся цѣнъ на соль откроется, обратить къ составленію особаго губернскаго капитала, съ предположеніемъ, одну половину онаго въ запасъ, на пособіе, съ уменьшенными процентами или вовсе безъ процентовъ, случайно одержимымъ въ частности бѣдствіями помѣщикамъ, а другую половину къ общему зачету въ земскую повинность, по мѣрѣ того сколько тогда окажется прибыли, ибо, по соображеніи существовавшихъ иногда по губерніи цѣнъ вольной продажи соли, предположивъ на казенную соль незначительный барышъ, можно было полагать, что капиталъ долженъ въ скорости составиться значительный; прочія же предположенія кн. Хованскаго, именно—лишеніе правъ, вообще предоставленныхъ дворянству, я отвергалъ рѣшительно; а затѣмъ, изложивъ вѣдомости, представленныя ко мнѣ изъ казенной палаты, о которыхъ я сказалъ выше, я убѣдительно настаивалъ: состоявшую въ это время недоимку съ имѣній помѣщичьихъ, имѣющихъ менѣе 300 душъ—сложить всю, до 500 душъ—половину, а съ больше помѣстныхъ—четвертую часть. Приворавливая мое замѣчаніе, что погорѣвшему отъ воли Божией, ежели благотворитель желаетъ сдѣлать существенное пособіе и даетъ въ займы деньги, съ тѣмъ чтобы несчастный могъ извернуться,—конечно, онъ не станетъ уже требовать на эту сумму процентовъ, а удовольствуется лишь возвратомъ суммы, по истеченіи вѣсколькихъ лѣтъ. Но ежели, вслѣдъ затѣмъ, Богъ несчастнаго еще поразитъ новымъ ударомъ, то конечно и на предназначенный срокъ благодѣтель возврата своего пособія уже ожидать не можетъ, а по самой необходимости долженъ отложить свою претензію уже не на удвоенный, а по крайней мѣрѣ на утроенный срокъ. Коли же Богъ погорѣвшаго подвергнетъ за сямъ и на третій годъ подобному несчастію,—что съ него можно ожидать къ возвращенію? Витебская губернія въ интервалѣ одиннадцати лѣтъ восемь лѣтъ терпѣла неурожаи: не справедливо-ли будетъ, ежели правительство примѣнить эту губернію къ указываемому мною послѣднему разряду. Богатый помѣщикъ, въ случаѣ крайности, можетъ извернуться, продавъ часть своего имущества, а бѣдный не въ силахъ этого сдѣлать и уже лишень совершенно возможности поправиться. Это мнѣніе мое, поддерживаемое практикою, впослѣдствіи нашло себѣ поддержку въ государственномъ совѣтѣ, о чемъ объявилъ мнѣ генералъ П. Д. Киселевъ въ 1838 году, когда я былъ вызванъ въ С.-Петербургъ участвовать

въ разсмотрѣніи проектовъ объ управленіи государственными имуществами.

Комитетъ былъ собранъ; кромѣ Дьякова и меня, присутствовали въ ономъ вице-губернаторъ Домбровский, и председатели палаты Милькевичъ и Сипайло, правитель дѣлъ канцеляріи генералъ-губернатора ст. сов. Голушковъ, ст. сов. фонъ Гюбенталь, помѣщики Цехановецкій и Храповицкій. Комитетъ собирался два раза, говорили много, положительнаго—вовсе ничего; больше всего смѣялись и критиковали управленіе Гюбенталья надъ хуторомъ; помѣщики крѣпко отстаивали вольную продажу вина, а фонъ Гюбенталь горячился, шумѣлъ, что она одна причиною гибели этой губерніи и упрекалъ помѣщиковъ, что ежели онъ не успѣлъ на образцовомъ хуторѣ, то сами акціонеры тому виною, собравъ основной капиталъ въ недостаточномъ размѣрѣ, а послѣ на всё его предложенія не согласившись ему дать пособіе; какъ объ этомъ (т. е., заключеніяхъ комитета) представилъ Дьяковъ, я послѣ ни отъ него, ни отъ другаго кого-либо не слыхалъ.

Стараясь далѣе составить себѣ идею о существенномъ положеніи губерніи и о средствахъ къ ея улучшенію, я неоднократно и съ различными лицами вступалъ въ особыя объ этомъ предметѣ разгоры. Старики утверждали, да и самъ я, сколько могъ, вспоминалъ, что въ годахъ первыхъ войнъ императора Александра Павловича съ французами Витебская губернія не считалась въ числѣ худшихъ, что въ городахъ оной видно было живое движеніе промышленности и слѣды оной еще и по сіе время (1845 г.) видны. Въ Витебскѣ, Велижѣ, Полоцкѣ и въ нѣкоторыхъ даже мѣстечкахъ, видны еще остатки каменной мостовой; даже въ побочныхъ улицахъ, во многихъ мѣстахъ, по сіе время существуютъ хорошо построенныя каменные будки для караульщиковъ; рѣшительно во всѣхъ городахъ, гдѣ только были и есть католическіе костелы, изъ которыхъ многіе уже обращены въ православныя церкви, костелы выстроены прочно и замѣтны въ нихъ еще остатки бывшаго ихъ прежняго великолѣпія. По селеніямъ, хотя не видно было большихъ, значительныхъ дворцовъ или построекъ, но всюду замѣчалась опрятность, чистота, и даже самыя мелкопомѣстные помѣщики отличались своимъ хлѣбосолецствомъ (чему и теперь еще—1845 г.—сохранилась привычка). Въ селеніяхъ, а особенно въ большихъ мѣстечкахъ, на евреяхъ или, лучше сказать, на женскомъ полѣ этого поколѣнія, всегда блестѣли жемчужныя и золотыя украшенія; крестьянинъ по виду хотя казался глупымъ и простоватымъ, но былъ трудолюбивъ и работающъ, чему въ доказательство приведу, что лучшими въ Россіи землекопами въ то время

считались — крестьяне Смоленской и бѣлоруссы Витебской губерніи. Лошади крестьянскія, при маломъ ростѣ, отличались крѣпостью; это въ особенности можно было замѣтить намъ, военнотруженикамъ, когда, проходя эту губернію по нѣскольکو разъ вдоль и поперекъ, въ 1805, 1806, 1807 и 1808 годахъ, мы забирали въ оной, подъ свозъ нашихъ тягостей, подводы; изъ таковыхъ подводъ, при слѣдованіи до границы, насильственно достигали самаго рубежа оной, именно по той причинѣ, что лошадѣй Минской губерніи, а частію и Могилевской, мы находили тощими и худшими.

Куда же это все дѣвалось и отъ чего упало изобиліе?

Конечно, главною и важнѣйшею причиною было прекращеніе въ 1808 году торговли черезъ Ригу съ англичанами; торговля Витебской губерніи наиболѣе была переходящая, а не собственными произведеніями и издѣліями оной. Проводниками этой торговли искони были евреи, и вліяніе ихъ простиралось какъ на помѣщиковъ, такъ и на крестьянъ такъ далеко, что правительство рѣшилось положить предѣлъ оному и съ 1808 года еврей изъ селеній выведены всѣ на жительство въ города и мѣстечки. Помѣщики же чрезъ это лишились своихъ привычныхъ комиссіонеровъ; казалось бы, собственно быть поселенина долженъ былъ черезъ это улучшиться; вышло же совершенно противное тому; тутъ только стали помѣщики утверждать, что витебскій крестьянинъ въ своихъ понятіяхъ совершенно тутъ, лѣнивъ и ничѣмъ болѣе не занимается какъ пьянствомъ. Въ первомъ отношеніи замѣчаніе, можетъ быть, и справедливо, — крестьянинъ самъ никогда не занимался своею промышленностью, а дѣйствовалъ, какъ и помѣщикъ, всегда посредствомъ евреевъ. Могъ-ли же онъ вдругъ сдѣлать навывъ и изыскать тѣ извороты, которыми руководились еврей-факторы, и вотъ сельская промышленность по селеніямъ внезапно и совершенно прекратилась. Касательно же другаго упрека, отчего крестьянинъ могъ и стать пьянствовать болѣе прежняго — корчмы гдѣ были, тамъ и теперь существуютъ; вино, продаваемое въ оныхъ дешево, но тогда еще было дешевле, крестьянинъ часто за свои промыслы и произрастенія тогда еще не получалъ и не платилъ денегъ, а обыкновенно вино замѣняло ему уплату.

Я убѣдился совершенно, что выводъ евреевъ изъ селеній въ этомъ отношеніи тоже не пособилъ, не улучшилъ быта поселенина, ни благосостоянія городовъ, а наполнилъ города факторствомъ и мелочною промышленностью, которыя повели города къ упадку, крестьянина же, отвлекая чаще отъ мѣстожительства его чрезъ частыя изъ селенія отлучки, повлекъ къ сугубому разврату и бродяжничеству.

Всѣ прописанныя мною замѣчанія въ головѣ моей родились весьма

скоро, но въ бытность мою губернаторомъ я не имѣлъ времени сообразить и соединить нужныя средства къ отвращенію того, что тогда уже признавалъ за зло и вреднымъ.

Много мелочныхъ случаевъ, которые съ перваго взгляда могутъ показаться вздорными, въслѣдствіи были бы весьма полезнымъ примѣромъ для начальства губерніи, съ готовностью, а потому и съ чувствомъ не эгоистической любви смотрящаго на вѣренное управленію его общество,—встрѣчалъ я для моихъ замѣчаній, а потому и хочу продолжать то, что уже началъ до предполагаемаго мною заключенія.

Въ первые дни занятія моего по губерніи, разсматривая въ подробности уголовныя и слѣдственныя дѣла, мнѣ бросилась въ глаза необыкновенная числительность дѣлъ, возникшихъ собственно по извѣтамъ и по настоятельному требованію духовнаго начальства. Въ особенности замѣтилъ я, что не только при каждомъ слѣдствіи, но даже и въ судахъ присутствуютъ депутаты съ духовной стороны. Обращаясь къ смыслу закона, коимъ постановлено, что депутатъ отъ духовенства при разборѣ или при сужденіи дѣлъ долженъ присутствовать лишь тогда, когда къ дѣлу прикосновенно духовное лицо или имущество, чего тутъ рѣшительно не встрѣчалось, я потребовалъ свѣдѣній отъ правителя канцеляріи моей—не было-ли по сему предмету по Витебской губерніи какого либо особаго, высшаго указанія или постановленія, и, за отрицательнымъ отвѣтомъ, съ подобнымъ вопросомъ лично обратился къ предсѣдателю уголовной палаты; послѣдній объявилъ мнѣ, что назначеніе депутатовъ духовныхъ всегда дѣлается не иначе, какъ по настоятельному требованію съ духовной стороны, всегда и до сего времени поддерживаемому генералъ-губернаторомъ или начальникомъ губерніи. Замѣтилъ я, что не было ни одного дѣла, гдѣ бы при окончаніи суда въ палатѣ, вмѣстѣ съ членами присутствовавшими въ ней, не подписывалъ дѣло и духовный депутатъ, иногда съ сильнымъ противъ рѣшенія протестомъ, а въ другихъ случаяхъ просто съ дополненіемъ требованія конія съ окончательнаго рѣшенія, и я никакъ не преувеличу, сказавъ, что въ общемъ итогѣ разсмотрѣнныхъ мною дѣлъ — $\frac{9}{10}$ были указываемой мною формы.

III.

Поѣздка въ Яноволь. — Въ Полоцкѣ у епископа Смарагда. — Полоцкій кадетскій корпусъ. — Директоръ корпуса генералъ Хвощинскій. — Полковникъ Базилевскій. — Военно-уѣздные начальники. — Встрѣча съ городецкимъ предводителемъ Ульяновскимъ. — Поѣздка въ Себѣжъ. — Похороны Бениславскаго. — Усмиреніе крестьянъ Яновольской волости. — Выборъ старшинъ.

1836—1837.

Выше сказалъ я о предположеніи моемъ отправиться въ Яноволь, для приведенія крестьянъ этой волости къ повиновенію. Выѣхавъ туда 8-го или 9-го октября (1836 г.), при проѣздѣ моемъ черезъ Полоцкъ, я счелъ обязанностью прежде всего навѣстить преосвященнаго Смарагда. Не только красивый, но можно назвать прекрасный собою мужчина, свѣжихъ лѣтъ, болѣе похожій на воинственнаго черногорца, нежели на смиреннаго владыку, онъ меня встрѣтилъ и принялъ весьма радушно, но съ первыхъ словъ я замѣтилъ, что природный умъ его не получилъ ни маломальской полировки. Въ Витебскѣ я составилъ себѣ идею, что онъ долженъ быть религіозный фанатикъ, но тутъ открылъ, что и предписаннымъ церковнымъ правиламъ онъ подчинялся лишь наружно; два или три случая меня тотчасъ съ нимъ ознакомили.

По пріѣздѣ моемъ въ Полоцкъ, явился ко мнѣ, состоявшій при мнѣ по особымъ порученіямъ, чиновникъ Я***, еще до пріѣзда моего командированный по духовнымъ слѣдствіямъ въ Полоцкъ. Объ этомъ чиновникѣ я слышался много, не выѣзжая еще въ губернію, какъ о человѣкѣ придирчивомъ по дѣламъ и не безъ упрека въ корыстолюбіи. По нѣкоторымъ разсмотрѣннымъ дѣламъ встрѣчалъ я уже его подпись и вездѣ замѣчалъ натяжку. При первой встрѣчѣ со мною, онъ вручилъ мнѣ пакетъ съ надписью: по секрету. Не распечатывая онаго еще, я спросилъ: «Отъ кого?». — «Отъ меня собственно», отвѣчалъ онъ, «по дѣламъ, касающимся до православія».

Прочитавъ бумагу, я нашелъ, что безъ предписанія отъ прямаго своего начальства, но единственно по отношенію къ нему, прямо сдѣланному Смарагдомъ, онъ самовольно отправился въ одно имѣніе, помѣщика Клепоцкаго, и тамъ будто бы убѣдилъ къ присоединенію крестьянъ къ православной церкви. Странность такового дѣйствія, конечно, должна удивить всякаго, кто хоть немного имѣлъ понятія о дѣлахъ. Я спросилъ его, при комъ онъ служить: при губернаторѣ или при архіереевѣ?

Оторопѣвъ отъ сего вопроса, онъ тутъ же сталъ извиняться, что экстренность дѣла ему показалась столь важною, что не удовлетворить требованіе преосвященнаго онъ не осмѣлился. Я объявилъ ему, чтобы впредь онъ не дозволялъ себѣ подобнаго рода произвольности.

Смарагда первыя слова, обращенныя ко мнѣ, были:

— «Ваше превосходительство на меня гнѣваётся, и за меня страдальцемъ благородный Я—въ».

— «Нисколько, ваше преосвященство», отвѣчалъ я; «я на Я—ва не сердить, но, какъ его начальникъ, долженъ былъ указать ему путь его дѣйствія, а чтобы успокоить васъ, то предваряю, когда вы отнесетесь ко мнѣ о настоящемъ его поступкѣ, я, сославшись на ваше засвидѣтельствованіе, испрошу ему награду!», что впоследствии, дѣйствительно, выполнилъ. Потомъ начался у насъ разговоръ объ успѣхѣ присоединенія. Смарагдъ хвалился своею дѣятельностью и особыми рѣшительными своими поступками; о католикахъ, или, какъ онъ выражался, о полякахъ, онъ говорилъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ, и для заключенія мнѣ сказалъ:

— «Я удостоился такой чести и милости, которую государь не вѣзмъ архіереямъ оказывать; предъ отправленіемъ моимъ въ епархію, призвавъ меня, онъ приказалъ мнѣ дѣйствовать рѣшительно, объявивъ мнѣ на словахъ, что въ Полоцкѣ я буду совершенный господинъ и владыко; но, видите ли, ваше пр—ство, какъ люди умѣютъ мастерить и обманывать даже самого государя. Я пріѣхалъ въ Полоцкъ, и вмѣсто того, чтобы мнѣ дѣйствовать одному, здѣсь еще другой владыка—уніать, Василій Лужинской».

— Позвольте объяснить вамъ, преосвященнѣйшій владыка,—вставилъ я,—какъ вы говорите со мною: какъ съ частнымъ лицомъ или какъ съ начальникомъ губерніи? Я не смѣю предполагать, что съ перваго взгляда на меня, я смогъ пріобрѣсть столь сильную довѣренность, которая допустила бы подобное сужденіе. А какъ начальникъ губерніи, я обязываюсь доложить, что ежели государю угодно было назначить васъ сюда сперва одного, а потомъ онъ изволилъ признать нужнымъ, чтобы и уніатскій епископъ былъ здѣсь, то, конечно, это нужно и должно такъ быть, и я осуждать этого никогда не осмѣлюсь.

Это пріостановило нѣсколько словоохотливости преосвященнаго и рѣчь пошла о другомъ — о случаѣ, по которому я ѣхалъ на этотъ разъ черезъ Полоцкъ; рассказавъ вкратцѣ о происшествіи, я прибавилъ:

— Вотъ, ваше преосв—ство, мое правило: на этого рода дѣла я никогда не пускаюсь иначе, какъ испрося прежде помощи и благо-

словенія Божія, и на этотъ разъ, въ минуту выѣзда моего, я отслужилъ молебень угоднику Божію св. Митрофану, образъ котораго, присланный мнѣ въ Симбирскъ отъ преосвященнаго Антонія, я всегда вожу съ собою во всѣхъ моихъ странствованіяхъ.

— «А! Антоній и вамъ приелалъ образъ», отвѣчалъ Смарагдъ. «О, онъ очень хорошо свои дѣла обрабатываетъ, и явленіе мощей Митрофанія въ Воронежѣ много ему пособило!»

Объяснивъ хорошенько эти выраженія, можно ли было называть Смарагда искреннимъ и прямымъ раторборцемъ за вѣру?

Едва я возвратился на квартиру, доложили мнѣ о пріѣздѣ Смарагда; онъ явился ко мнѣ сопровождаемый всѣми членами полоцкой духовной консисторіи; просидѣлъ у меня съ полчаса и когда сталъ со мною прощаться, архимандритъ Паисій пошепталъ ему что-то на-ухо.

— «Да, вотъ, ваше пр—ство, у меня до васъ убѣдительнѣйшая просьба; поживя съ нами, вы увидите какъ здѣсь дѣйствуютъ католики-поляки. Здѣсь, въ острогѣ, содержится одинъ православный крестьянинъ, перешедшій изъ униатовъ. По злости на него взвели какую-то клевету, но только могу увѣрить васъ, единственно за то, что онъ присоединился къ православной церкви. Слѣдствіе о немъ производили католики, судили они же и теперь его приговорили къ наказанію публично плетями».

— Чего же вы желаете, преосвященнѣйшій, спросилъ я.

— «Ради Бога, приостановите это наказаніе и пересмотрите сами вновь дѣло, ваше пр—ство; увѣряю васъ совѣстью моею, что вы сами найдете, что онъ долженъ страдать безъ вины».

— Ваше преосв—ство смотрите на это не такъ, какъ челоуѣкъ свѣтскій, но мы имѣемъ строгія наказы и правила. Ежели приговоръ утверждень,—наказаніе должно быть выполнено скоро и безотлагательно.

— «Генераль-губернаторъ, однако же, имѣетъ право даже и послѣ наказанія пересмотрѣть дѣло».

— Все, что я могу сдѣлать, единственно изъ уваженія къ особѣ вашей, приказать полицеймейстеру на недѣлю приостановить наказаніе, и это дѣлаю я съ личною моею отвѣтственностью, и несогласно съ моими правами. Напишу сегодня или завтра къ Дьякову, пусть онъ побранитъ меня, но ежели несчастный невинень, охотно перенесу это, а самъ я дѣла пересматривать не могу.

— «Ну, я вижу, что и тутъ дѣлать нечего», отвѣчалъ Смарагдъ и вовсе не писалъ ничего по моему совѣту.

Въ этотъ же день я отдалъ визитъ директору Полоцкаго кадет-

скаго корпуса генераль-майору Хвощинскому, о дѣйствіяхъ котораго, по управленію корпусомъ, слышала слѣдующее сужденіе: «это не отецъ воспитанниковъ, а нѣжная мать имъ всѣмъ». Лѣтомъ, осмотря корпусъ, по приглашенію баталіоннаго командира Базилевскаго (Хвощинскій былъ въ отлучкѣ), я съ восхищеніемъ вышелъ изъ заведенія.

На другой день я ночевалъ въ Себѣжѣ. Ни Полоцка, ни Себѣжа, по части управленія, на этотъ разъ я осмотрѣть не имѣлъ времени, но въ Полоцкѣ еще познакомился съ однимъ полковникомъ, военно-уѣзднымъ начальникомъ, полковникомъ Агатоновымъ.

Что такое военно-уѣздный начальникъ? Званіе это черезъ три года по выходѣ моемъ въ отставку, какъ неприносящее пользы, по представленію виленскаго военнаго (генер.) губернатора О. Мирковича, повсюду упразднено.

Въ 1833 году, по окончаніи польской революціи, согласно съ предположеніемъ кн. Хованскаго, въ губерніяхъ виленскаго и витебскаго генераль-губернаторствъ учреждена эта должность собственно и прямо для наблюденія наиболѣе за помѣщиками этого края. Въ инструкціи, нарочно для нихъ составленной, сказано, что они никому другому не подчиняются, какъ мѣстному губернатору и только съ нимъ имѣютъ, какъ настоящіе его подручники, свои сношенія, но начальникъ губерніи имѣетъ право, однако же въ однихъ экстренныхъ случаяхъ, употреблять ихъ и для производства слѣдствія.

По Витебской губерніи я нашелъ четырехъ военно-уѣздныхъ начальниковъ. Въ Витебскѣ—полковника Левенштерна, который тамъ вовсе или почти вовсе ничего не дѣлалъ, ибо былъ подъ рукою; тоже почти можно сказать и о подполковникѣ Брыкнерѣ, пребывавшемъ въ Невелѣ; оба они лютеранскаго исповѣданія; но за то двое, жившіе въ Динабургѣ, полковникъ Макаровъ и въ Полоцкѣ—полковникъ Агатоновъ, дѣйствовали непрестанно, но только вовсе не по распоряженіямъ начальника губерніи, а они же поставили себѣ за правило миновать сего послѣдняго и переписку свою вели прямо съ генераль-губернаторомъ. Одинъ то и дѣло хлопоталъ о раскольникахъ, а другой—о присоединенныхъ въ православіе уніатахъ, и послѣдній очень часто и наиболѣе дѣлалъ это по прямымъ и личнымъ сношеніямъ со Смарагдомъ.

Я началъ съ того, что предписалъ всѣмъ четыремъ ничего безъ вѣдома моего не дѣлать, отъ постороннихъ лицъ требованій никакихъ не принимать, безъ предваренія меня, а ежели получать и отъ генераль-губернатора какое предписаніе и въ ономъ не будетъ сказано именно, чтобы миновать меня, то доносить мнѣ, также какъ и гене-

раль-губернатору, что кому предписано и какъ выполнено. Вотъ и тутъ по дѣламъ я уже былъ знакомъ съ Агатовымъ прежде, ибо его подпись рябила въ глазахъ моихъ, и я нашель его не только въ дѣйствіяхъ, но даже и лицомъ похожимъ на моего чиновника Я—ва; я увѣренъ, что онъ не влюбилъ меня по свиданіи, не смотря на то, что я принялъ его весьма привѣтливо и стараясь лично обласкать.

Во время проѣзда моего до Яновольской волости, я подробно осматривалъ почтовые станціи; почти вездѣ лошадей находилъ въ дурномъ видѣ и содержаніи, и на каждой станціи бранилъ смотрителей. Передъ Себѣжемъ, на станціи (?) у подъѣзда встрѣтилъ меня дворянинъ съ двумя крестами въ петлицѣ. Я спросилъ, кто онъ? Онъ отвѣчалъ:

— «Городецкій предводитель Ульяновскій»,—и просилъ извиненія, что, по печальной со мною встрѣчѣ, я вижу его безъ мундира.

— Зачѣмъ же вы здѣсь и какъ вы сюда попали? спросилъ я его.

— «За отсутствіемъ брата моего, помѣщика Себѣжскаго уѣзда, я завѣдываю его имѣніемъ Долосцы,—сказалъ Ульяновскій; крестьяне этого имѣнія, бывшіе униаты, присоединены къ православію; священникъ села, гдѣ домъ моего брата, донесъ архіерею, что крестьяне уклоняются отъ исповѣди у него. Полоцкая консисторія требовала поимянно нѣкоторыхъ выслать въ Себѣжъ къ благочинному, для увѣщанія; староста имѣнія доносилъ мнѣ нѣсколько разъ, что крестьяне были отправляемы, но или благочиннаго не заставляли дома или тотъ выгонялъ ихъ отъ себя, говоря, что онъ не имѣетъ предписанія о нихъ. Между тѣмъ, земская полиція то и дѣло требуетъ, съ подпискою, выслать крестьянъ. Вотъ я и рѣшилъ самъ ихъ отвести въ Себѣжъ.

— А далеко-ли вы живете? спросилъ я.

— «Я живу отсюда верстъ 250, а имѣніе брата отъ Себѣжа — верстъ 40».

Раскланявшись съ нимъ, я вошелъ въ почтовый домъ; ни смотрителя, ни старосты не нашель на станціи; ямщикъ кое-какъ и съ промедленіемъ меня выпроводилъ.

Въ Себѣжѣ я спросилъ почтмейстера; мнѣ отвѣчали: «Занять разборомъ почты». На вопросъ, когда отходить и приходитъ почта, я получилъ отзывъ, утвердительно опровергшій сдѣланный мнѣ насчетъ неоявленія почтмейстера отвѣтъ; дѣлать было нечего, я оставилъ это обстоятельство до своего возвратнаго проѣзда.

Въ самомъ Себѣжѣ, куда я прибылъ вечеромъ довольно поздно и куда меня вовсе не ожидали, я увидѣлъ казенное помѣщеніе присутственныхъ мѣстъ освѣщеннымъ и потому зашелъ въ оное, нашель

чиновниковъ при занятіи, вездѣ чистоту и опрятность, и это меня много порадовало. На другое утро, передъ выѣздомъ, я зашелъ въ острогъ, нашелъ оный тѣсно занятый арестантами, и вслѣдъ за этимъ обратился къ разсмотрѣнію подавнаго мнѣ о содержимыхъ списка. Каково же было мое удивленіе, когда я усмотрѣлъ, что двѣ трети содержащихся считались въ содержаніи за духовнымъ правленіемъ; я спросилъ городничаго, что это значитъ?

Тотъ отвѣчалъ мнѣ, что эти люди большею частью присылаются въ городъ къ благочинному, для увѣщеванія ихъ; но какъ онъ иногда, какъ и теперь случилось, находится въ отлучкѣ, то эти люди временно сажаются въ острогъ до его востребованія, а другіе содержатся тутъ какъ упрямые, за несоглашеніе идти къ исповѣди.

Я тутъ же, изъ Себѣжа, далъ предложеніе губернскому правленію сдѣлать немедленное распоряженіе, чтобы подобнаго рода арестантовъ не принимать, а содержащихся собственно по духовнымъ требованіямъ немедленно освободить и предписать городскимъ полиціямъ строжайше имѣть въ виду мое распоряженіе.

Приѣхавши въ Яноволь, я не засталъ тамъ вице-губернатора Домбровскаго, который въ этотъ день уѣхалъ въ Ягодичъ, на похороны умершаго уѣзднаго предводителя Бениславскаго. Не взирая, что на этихъ похоронахъ присутствовалъ лично управлявшій, пока по бумагамъ, губерніею начальникъ, что тутъ была и городская и земская полиція,—засѣдатель земскаго суда Динабургскаго уѣзда, по особому распоряженію кн. Хованскаго назначенный и опредѣленный проживать въ мѣстечкѣ Креславки, имѣннн гр. Платера, для ближайшаго наблюденія за помѣщикомъ и за его сосѣдами, донесъ генераль-губернатору Дьякову, что когда хоронили Бениславскаго, то по этому случаю нарочно были выписаны нѣсколько ксевдзовъ изъ Вильны; изъ нихъ одинъ говорилъ рѣчь, въ которой выхвалялъ покойника за службу въ 1812 году, въ рядахъ французскихъ войскъ; что на катафалкѣ въ церкви, надъ гробомъ, висѣлъ портретъ покойнаго въ мундирѣ польскихъ войскъ и съ крестомъ Почетнаго Легіона; ордена св. Анны, которымъ тоже былъ украшенъ предводитель, на портретѣ написано не было; добавлялъ, что во время шествія церемоніи черезъ городъ, гробъ сопровождается былъ нижними чинами инвалидной команды, хотя безъ ружей, но въ полной формѣ, и что все это дѣлалось будто бы съ умысломъ и при содѣйствіи къ тому начальника Люцинской инвалидной команды, поручика Михаловскаго—искренняго польскаго патріота.

Когда я возвратился въ Витебскъ, Дьяковъ предложилъ мнѣ все это строжайше обследовать, а я далъ въ такомъ же видѣ пред-

писаніе полковнику Макарову. Оказалось, изъ ксендзовъ одинъ только былъ вызванный изъ Вильны, старинный другъ покойнаго; онъ дѣйствительно въ рѣчи своей (которая вчернѣ приложена къ дѣлу), объясняя заслуги умершаго, просто и безъ малѣйшей прикраски упомянулъ, что онъ имѣлъ орденъ Легіона, а о наградахъ, полученныхъ имъ за службу отъ російскаго правительства, о каждой распространялся съ приличіемъ и съ жаромъ. Портретъ, висѣвшій на катафалкѣ, писанъ съ него въ Варшавѣ, когда онъ еще служилъ въ войскѣ; наконецъ, инвалидная команда дѣйствительно пла за гробомъ, но единственно по уваженію къ званію покойника, всѣми любимаго какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ.

Представя это, я не воображалъ ничего худаго о заключеніи, но Дьяковъ настоялъ, чтобы поручикъ Михаловскій былъ устраненъ отъ командованія, какъ неблагонадежный.

Въ это же время я познакомился съ ст. сов. Карницкимъ, при кн. Хованскомъ бывшемъ, нѣсколько трехлѣтій сряду, губернскимъ предводителемъ и въ этомъ званіи пріобрѣвшемъ себѣ особенное уваженіе дворянства и правительства. Въ разговорѣ со мною, онъ былъ замѣтно остороженъ и скромнень, и на этотъ разъ я тоже не имѣлъ случая попользоваться его сужденіями.

Кромѣ Домбровскаго, я нашелъ въ Яноволѣ большое сборище другихъ чиновниковъ; тамъ нѣсколько недѣль находились уже: чиновникъ генераль-губернатора кол. сов. Война-Куринской, совѣтникъ губернскаго правленія Соколовъ, ассесоръ казенной палаты Пальчевскій, нѣсколько лицъ люцинскихъ уѣздныхъ суда и земской полиціи, и все это было собрано съ цѣлью увѣщанія крестьянъ къ повиновенію. Меня тутъ вовсе не ожидали, и только передовой жандармъ предварилъ ихъ, что я буду черезъ четверть часа, вслѣдъ за нимъ. Я пріѣхалъ часу въ пятомъ пополудни.

На площади, передъ господскимъ домомъ, стояли въ козлахъ ружья двухъ ротъ солдатъ и расхаживали часовые; нѣсколько въ отдаленіи стояли двѣ группы: одна—состоявшая изъ крестьянокъ, а другая—изъ крестьянъ. На вопросъ мой, для чего они собраны, я получилъ отвѣтъ: «каждый день приводятъ по два раза для убѣжденія,—все тщетно».

Я прежде всего обратилъ мое вниманіе на то, что чиновники, встрѣтившіе меня у подѣзда, были всѣ не при формѣ, а нѣкоторые изъ нихъ только въ вицъ-мундирахъ. Я привѣтствовалъ ихъ тѣмъ, чтобы у кого нѣтъ мундира—не осмѣлился бы являться ко мнѣ. Тамъ, гдѣ идетъ дѣло о возмущеніи, каждый долженъ имѣть всю форму на себѣ, и первый помнить и выказывать, что онъ служитъ государю.

Незнакомые еще со мною, а нѣкоторые даже и незнавшіе, что я прибылъ въ губернію, чрезвычайно были озадачены моимъ прибытіемъ, и смятеніе ихъ перешло, нѣкоторымъ образомъ, и на крестьянъ. Пробывъ нѣсколько минутъ въ покояхъ, я вышелъ къ выстроеннымъ уже ротамъ и, принявъ приличную поступь, пошелъ къ толпѣ крестьянъ, но, проходя женскую толпу, спросилъ: «А для чего же сюда привели бабъ-то?»

Одна изъ нихъ, выйдя впередъ, обратилась ко мнѣ:

— Ну, милость ваша, у насъ уже такъ ведется: куда мужья — туда и бабы.

Признавъ выходку сію за дерзость, я приказалъ засѣдателю земскаго суда немедленно наказать розгами выскочку, и черезъ пять минутъ на площади не осталось ни одной женщины. Подойдя къ крестьянамъ, которые, числомъ около двухсотъ человекъ, всѣ стояли безъ шапокъ, я обратилъ къ нимъ, въ приличныхъ выраженіяхъ, мое предвареніе, что государь, по случаю безпорядковъ въ Витебской губерніи происходящихъ, назначилъ меня въ оную губернаторомъ. Званіе это налагаетъ на меня обязанность быть каждому селянину отцомъ, но для бунтующихъ я прежде всего каждому явлюсь грознымъ судьей, и они меня теперь видятъ въ одномъ послѣднемъ званіи. Я буду умѣть расправиться съ каждымъ въ свое время, а теперь чтобы они всѣ разошлись немедленно по домамъ. Едва я успѣлъ обратиться на другую сторону, одинъ изъ крестьянъ, вскинувъ шапку на бекрень, возгласилъ: «Ну, посмотримъ, братцы, пойдемъ домой!»

Замѣтивъ говорившаго, я вошелъ въ толпу и, взявши дерзкаго за воротъ, вывелъ впередъ, приказавъ немедленно подать плетей, и тутъ же велѣлъ наказывать его. Нѣсколько ударовъ онъ перенесъ съ твердостью, потомъ сталъ просить помилованія. Приостановивъ наказаніе, я спросилъ его: «намѣренъ-ли онъ впередъ въ шапкѣ стоять передъ начальникомъ?» Онъ не отвѣчалъ, и я приказалъ возобновить наказаніе; три раза дѣлалъ я ему одинъ и тотъ же вопросъ и онъ все упрямялся, но, видя, что и я тоже упрямя въ моемъ наказаніи, наконецъ, далъ обѣщаніе не только передъ начальникомъ, но даже при сотскомъ и при десятскомъ всегда ходить безъ шапки, и я повторилъ приказаніе, чтобы крестьяне шли по домамъ къ себѣ.

Эти два внезапно сдѣланные примѣра такъ сильно подѣйствовали, что когда, черезъ полчаса послѣ этого, пріѣхавшій изъ Люцина земскій исправникъ Михаловскій явился ко мнѣ, то объявилъ мнѣ, что онъ верстахъ въ двухъ встрѣтилъ крестьянъ и они въ голосъ ему кричали: «Нѣтъ, батюшка! сюда пріѣхалъ не такой, какъ прежніе. Поѣзжайте-ка туда: и вамъ достанется; нѣтъ, съ этимъ шалить забу-

дешь!» и Михаловскій прибавилъ: «Я увѣрю васъ, ваше пр—ство, что крестьяне это говорили нешуточно, и смѣло завѣрю васъ, что теперь уже неповиновенія не будетъ!»

Я пошелъ посѣтить арестантовъ; они, въ числѣ 78-ми, содержались въ двухъ огромныхъ сараяхъ, и около каждаго изъ нихъ поставлено было по 6-ти часовыхъ, съ заряженными ружьями. Вызвавъ ихъ всѣхъ наружу, я выкликнулъ пятерыхъ, поименованныхъ особенно Домбровскимъ, въ его рапортѣ къ Дьякову, какъ замѣченныхъ лично въ толпѣ врывавшихся въ его квартиру. Этыхъ приказалъ немедленно заковать и обрить имъ половину волосъ на головѣ и на бородѣ, а остальныхъ немедленно отпустить домой. За этимъ, я приказалъ исправнику, чтобы на другой день къ утру, въ 7 часовъ, изъ ближайшихъ деревень приведены были ко мнѣ одни только домохозяева; но пришлось объявить отъ меня строжайшее приказаніе, ежели я увижу хотя издали кого нетребованнаго, мужика или бабу, я велю непременно и больно наказывать розгами; вмѣстѣ съ симъ объявилъ я, чтобы къ этому же сроку прибыли въ Яноволь священники, для приведенія къ присягѣ, православнаго и католическаго исповѣданія. Къ вечеру въ Яноволь возвратился и Домбровскій изъ Люцина, и на разспросы мои утвердительно говорилъ:

— Сами вы удостовѣритесь, ваше пр—ство, что упорство крестьянъ неодолимо и что нѣтъ другихъ средствъ, какъ всю волость судить военнымъ судомъ и, по крайней мѣрѣ, десятаго наказать изъ нихъ.

Баталіонному командиру я отдалъ приказаніе при квартирѣ моей поставить караулъ изъ 12-ти человекъ, а часовыхъ имѣть днемъ одного, а ночью двухъ около дома. Прочихъ же солдатъ всѣхъ велѣлъ распустить по деревнямъ, но по приводѣ крестьянъ въ Яноволь, имѣть еще нѣсколько человекъ, безъ артиллеріи, и притомъ велѣлъ приготовить, на случай надобности, нѣсколько пучковъ розогъ.

По-утру, при моемъ выходѣ, я нашелъ въ залѣ уже чиновниковъ всѣхъ, кромѣ Война-Куринскаго, въ мундирахъ, двухъ священниковъ, изъ которыхъ я къ православному подошелъ, по обычаю, къ благословенію; но сколько поразило меня: отъ него, какъ отъ винной бочки, несло уже виномъ, такъ что я рѣшительно отскочилъ назадъ. Само по себѣ разумѣется, что я разразился въ моихъ о семъ предметѣ замѣчаніяхъ, и отъ католическаго священника тоже былъ слышенъ запахъ вина, но въ маломъ размѣрѣ. Исправникъ объявилъ мнѣ, что съ вечера отправленъ былъ нарочный чиновникъ, за 40 верстъ, въ Себѣжъ за благочиннымъ, и тамъ его нашелъ онъ уже въ нетрезвомъ видѣ, а потомъ, по приѣздѣ на мѣсто, на всю ночь онъ его оставилъ у ксендза и, вѣроятно, тамъ онъ еще, какъ называется по

русски, опохмѣлился. Ежели бы не настоящая надобность въ этомъ сановникѣ, я бы его тотъ же часъ отпразднѣлъ къ архіерею, съ приказаніемъ поддержать въ немъ хмѣль, — что при пьяномъ его положеніи было-бы вовсе не трудно, — а теперь крикомъ моимъ я его настолько отрезвилъ, что ко времени присяги онъ былъ уже довольно въ пристойномъ видѣ.

Когда исправникъ донесъ мнѣ, что домохозяевъ приведено 37-мъ человекъ, я велѣлъ имъ составить имянной списокъ и поставить ихъ въ двѣ шеренги, а около нихъ составить цѣпь изъ 6-ти рядовыхъ изъ караульных; сверхъ того, приказалъ арестантовъ, накануне закованныхъ, безъ шапокъ, провести мимо теперь собранныхъ крестьянъ и объявить при этомъ, что ихъ ведутъ къ суду и что участь ихъ сегодня же будетъ рѣшена окончательно. Затѣмъ, я самъ вышелъ изъ покоевъ, окруженный большою свитою; обратясь къ крестьянамъ, я сказалъ имъ:

— Васъ долго и много увѣщевали, и все безъ успѣха; я говорить много не люблю: слушайте мое приказаніе. При выборѣ старшинъ для себя, вы должны всѣ присягнуть; этого требуетъ отъ васъ Богъ и государь. Я буду спрашивать по одиночкѣ каждаго изъ васъ: на-мѣревы-ли онъ присягнуть или нѣтъ? Другаго отвѣта не надо: «да» или «нѣтъ». Кто скажетъ «да», тотъ сейчасъ же присягнетъ; кто скажетъ: «нѣтъ» — пальцемъ не трону: тотъ будетъ судимъ по закону; вы видѣли преступниковъ, — вотъ всѣмъ примѣръ.

Окончивъ рѣчь, я приказалъ исправнику по списку вызывать крестьянъ, по одиночкѣ, впередъ; первый вышедшій, на вопросъ мой: будетъ-ли онъ присягать? отвѣчалъ: «Отчего же не присягнуть? я не прочь, когда и другіе станутъ тоже присягать».

— Я отъ тебя не требую разказовъ, отвѣчай мнѣ словомъ: «да» или «нѣтъ», замѣтилъ я ему.

Онъ же опять повторилъ мнѣ то-же, т. е. что онъ тогда присягнетъ, когда будутъ присягать другіе. Я приказалъ подать розги и велѣлъ наказывать его просто за упрямство. Ударовъ съ пятьдесятъ выдержавъ, онъ сталъ просить о пощадѣ; приостановя наказаніе, я повторилъ, что требую короткихъ отвѣтовъ «да» или «нѣтъ». Ежели онъ скажетъ и «нѣтъ», я наказывать болѣе не стану, за этотъ отвѣтъ будутъ судить законы, но за упрямство возобновлю розги. Крестьянинъ опять сталъ ссылаться на согласіе другихъ, и я приказалъ снова сѣчь его за упрямство. Четыре раза начинали наказывать и, наконецъ, уже онъ просто отвѣчалъ: да. Тутъ одинъ изъ стоявшихъ во второй шеренгѣ закричалъ:

— «Плетями и розгами каждаго можно заставить дѣлать что хочешь!»

Я вызвалъ выскочку впередъ и тутъ же приказалъ сѣчь его. Ему не дали и десяти ударовъ, какъ онъ сталъ просить прощенія и кричалъ: «Я буду присягать безъ отговорки».

Я велѣлъ ему стать на свое мѣсто и объявилъ, что его наказывали за то, что онъ дозволилъ себѣ говорить, тогда какъ его еще не спрашивали; когда до него дойдетъ очередь, то и тогда онъ долженъ отвѣчать не болѣе да или нѣтъ. За лишнее слово я не премину снова высѣчь. Послѣ этого, до самаго этого же крестьянина, который былъ выскочкою, каждый отвѣчалъ уже мнѣ просто «да», но когда я обратился съ вопросомъ уже къ нему самому, онъ, пріосанясь, громко закричалъ:

— Кладите голову на плаху,—присягать не хочу и не стану!

Нисколько не возвышая голоса, я обратился къ исправнику:

— Прикажете заковать бунтовщика, обречь ему голову и сію же минуту отвести его къ суду, какъ отвели уже прежде семерыхъ.

Видя мое хладнокровіе и рѣшительность, сопротивникъ вдругъ упалъ на колѣни и сталъ умаливать о помилованіи. Я же, не обращая вниманія на него, сталъ продолжать далѣе допросы; другихъ сопротивниковъ не нашлось. Принесли налож, крестъ, евангеліе и священникъ приблизился, чтобы читать форму присяги; я просилъ его, чтобы онъ прежде объяснилъ крестьянамъ всю важность того священнодѣйствія, къ которому они теперь приступаютъ. Священникъ, едва еще опомнившійся отъ пьянства, смѣшался, оробѣлъ и я принялъ на себя то, что поручалъ ему. Когда же присяга была прочитана, то прежде нежели допустить присягавшихъ до креста и св. евангелія, я приказалъ самому священнику подать примѣръ троекратнаго поклоненія, а за нимъ послѣдовалъ я самъ и потомъ každого крестьянина заставлялъ дѣлать то-же; рѣшительно могу удостовѣрить, что эта формальность, которая можетъ показаться мелочнымъ дѣйствіемъ, сильно подѣйствовала на присягавшихъ; я видѣлъ какъ каждый изъ нихъ съ трепетомъ и замѣтнымъ волненіемъ выполнялъ приказаніе и, приложившись къ кресту и евангелію, опять успокоивался. Точно тотъ же порядокъ и постепенность, т. е. примѣръ священника и лично мой, я удержалъ при присягѣ католиковъ, которыхъ было около 10-ти человекъ. Когда присяга кончилась и я подошелъ опять къ крестьянамъ благодарить ихъ и поздравить, они мнѣ въ одинъ голосъ отвѣчали:

— «Ну, отецъ нашъ, мы, глупые, до этого времени не знали сами, что дѣлать, а теперь какъ будто съ души что-то спало; славу Богу, вотъ мы всё присягнули!»

На другой день я приказалъ привести остальныхъ домохозяевъ

всей волости, слишкомъ 240 человекъ; не встрѣтилъ ни одного отреченнаго: всѣ присягнули безъ пренія; я приказалъ поспѣшить окончаніемъ суда и, при строгости приговора, объявленнаго преступникамъ, написалъ частное письмо къ Дьякову, прося его какъ можно смягчить наказаніе при конфирмаціи; изъ восьми виновныхъ, моему сопротивнику я просилъ опредѣлить наказаніе шпицрутенами черезъ 1,000 человекъ, четырехъ еще черезъ 500 человекъ каждого, перваго и трехъ старичковъ, за лѣтами не подверженныхъ тѣлесному наказанію, сослать въ Сибирь на поселеніе. Дьяковъ уважилъ мое представленіе, и черезъ день у меня были уже развязаны совершенно руки къ моему возвращенію.

Когда приговоренныхъ вывели къ наказанію, исправникъ донесъ мнѣ, что изъ сосѣдней волости, Нерзы, гдѣ тоже поговаривали о возмущеніи, пришло человекъ шесть мужиковъ изъ любопытства, чтобы видѣть, какъ будутъ наказывать. Я приказалъ призвать ихъ ко мнѣ, и велѣлъ поставить ихъ за фронтомъ между домохозяевами, вызванными мною въ полномъ числѣ для присутствія при наказаніи; а потомъ приказалъ, чтобы наказанныхъ непремѣнно еще проводили мимо всѣхъ для устрашенія. Когда же наказаніе кончилось, нерзынецъ я приказалъ опять привести къ себѣ и, спрося ихъ мнѣние: больно ли были наказаны виновные? велѣлъ исправнику всѣхъ прибывшихъ безъ приказанія, а изъ любопытства одного, наказать больно розгами, чтобы впередъ мои приказанія слушали безъ разсужденія, ибо отъ меня приказано было, чтобы посторонніе, безъ вызова, въ Яноволь не являлись.

Тотчасъ послѣ этого я приказалъ баталіону выстроиться внѣ селенія, а домохозяевъ собрать передъ мою квартиру на площади; выйдя къ нимъ, я объявилъ, что теперь они должны сами, безъ всякаго участія чиновниковъ, выбрать четырехъ человекъ старшинъ, изъ которыхъ я тутъ же утвержу двоихъ въ этомъ званіи. Выборъ не продолжался и четверти часа; кандидаты мнѣ представлены на лицо. Пригласивъ ассесора казенной палаты, ибо это было его вѣдомство, я приказалъ ему избрать двухъ; черезъ двѣ минуты введенъ баталіонъ на площадь, избранные старшины подъ знаменемъ присягнули на вѣрность службы. Священникъ отслужилъ благодарственный молебень, съ колѣнопреклоненіемъ, и окропилъ всѣхъ святою водою, и все дѣло неповиновенія кончилось такъ, какъ я предварялъ Дьякова, т. е. поставя крестьянъ въ двѣ шеренги.

Въ присутствіи крестьянъ я объявилъ исправнику и администратору имѣнія строжайшее приказаніе: 1-го и 15-го числа каждого мѣсяца доносить мнѣ, что дѣлается въ волости, не скрывая ни одного

ослушанія, даже десятскому, съ обѣщаніемъ при первой оказіи опять пріѣхать лично для расправы. Во все время, пока я былъ губернаторомъ, это выполнялось въ точности, и въ дѣлахъ остались свидѣтельства, что все совершенно было успокоено и продолжалось пока я не выбылъ въ отставку, а потомъ, къ несчастью, болѣе сорока жертвъ положили животь по своей глупости тамъ, гдѣ теперь все такъ просто и благополучно кончилось.

ГЛАВА IV.

Расправа съ почтмейстеромъ.— Столкновенія. — Болѣзненность между рекрутами.— Недостатокъ медикаментовъ.— Слѣдствіе по жалобамъ на неисправность почты.— Предводители дворянства въ Полоцкѣ и въ Городецкѣ.— Дѣло суражскаго землемѣра.— Поѣздка генераль-губернатора Дьякова въ Петербургъ.— Выговоръ, полученный мною, и просьба объ отставкѣ.— Жалоба Смарагда графу Протасову.— Вопросъ о выводѣ евреевъ изъ Динабургской крѣпости.— Посѣщеніе динабургскаго коменданта.— Старообрадецъ Поторочинъ.— Адресъ, подписанный евреями.

1836—1837.

Возвращаясь чрезъ Себѣжъ, въ числѣ прочихъ чиновниковъ, являвшихся ко мнѣ, прибылъ и почтмейстеръ, и на сдѣланное ему отъ меня замѣчаніе, что онъ ослушался меня и не явился, когда я его требовалъ къ себѣ,—онъ мнѣ далъ такой неприличный и обманчивый отвѣтъ, что я разгорячился, притомъ, выговоря ему за это, сказалъ, что я не люблю шутить и что я, привязавъ его къ колесу моего экипажа, доведу его до Витебска, тамъ посажу на гауптвахту и предамъ суду. Само по себѣ разумѣется, что этой угрозы я не имѣлъ въ виду, да и не могъ исполнить. Но, недѣли черезъ двѣ, городничій города Себѣжа донесъ мнѣ рапортомъ, что какой-то чиновникъ почтоваго вѣдомства, по распоряженію окружнаго почт-инспектора, прибылъ въ Себѣжъ и требовалъ отъ него, городничаго, и отъ уѣзднаго предводителя Медунецкаго засвидѣтельствованія, что я ругалъ почтмейстера неприлично, и спрашивая меня, что ему слѣдуетъ отвѣчать.

Я приказалъ, разумѣется, чтобы онъ отвѣчалъ на это, что донесъ мнѣ объ этомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я представилъ самъ это обстоятельство подробно Дьякову. Важно замѣтить, что предводитель Медунецкій присланному чиновнику далъ отвѣтъ, соотвѣтственный показанію почтмейстера.

Не останавливаясь въ Полоцкѣ, я отправился въ Витебскъ и

когда я увидѣлся лично съ Дьяковымъ, онъ отъ души благодарилъ меня за окончаніе этого важнаго, по его мнѣнію, дѣла, и, между прочимъ, объявилъ, что всѣ вообще смотрять на начало моихъ дѣйствій съ восхищеніемъ. Выслушавъ тоже мою расправу съ почтмейстеромъ, онъ одобрилъ оную. Между тѣмъ, отъ ближайшихъ ко мнѣ чиновниковъ услышалъ я, что духовенство на меня уже начинаетъ роптать понемногу, утверждая, что я покровительствую католикамъ.

Въ скорости по приѣздѣ моемъ изъ Симбирска въ Витебскъ, по принятому мною обыкновенію, я отправился въ ближайшую къ губернаторскому дому церковь, чтобы отслушать тамъ молебень. Это пришло въ церкви Воскресенія Христова, гдѣ совершалась въ то время литургія. Замѣтивъ скудость убранства церковнаго, когда священникъ поднесъ мнѣ св. крестъ для лобызанія, я спросилъ, какъ великъ его приходъ и доволенъ-ли онъ своимъ мѣстомъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, по недавнему обращенію церкви изъ униатской въ православную, онъ недавно еще и самъ при оной, но приходъ его весь состоитъ изъ десятка двухъ дворовъ ближайшихъ къ Витебску деревень, въ городѣ же онъ прямыхъ для себя прихожанъ не имѣеть.

— Ну, такъ примите меня въ число прихожанъ вашихъ; я жду скоро къ себѣ старуху мать мою, женщину набожную, но лишенную зрѣнія; часто она не можетъ ѣздить въ храмъ Божій, а ей нужно бываетъ помолиться Богу въ домѣ у себя. Согласны-ли вы, батюшка, будете каждую субботу совершать у меня въ домѣ всенощную? Я за это опредѣлю вамъ въ годъ 200 руб. ассигнаціями. Праздничные дни не кладите въ счетъ; вы полюбите мою старуху—и она не будетъ вамъ неблагодарна.

Священникъ предложеніе мое принялъ, видимо, съ благодарностью. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего вояжа въ Яноволь, матушка моя приѣхала въ Витебскъ. Въ первую субботу, вечеромъ, я послалъ за священникомъ: онъ тотчасъ прибылъ на зовъ, но объявилъ мнѣ, что службы у меня въ домѣ совершать онъ не можетъ.

— Это почему? спросилъ я его съ удивленіемъ.

— «Ваше пр—во приходомъ причислены къ собору, а не къ моей церкви».

— Мнѣ кажется, что я вправѣ самъ себя приписать къ приходу, куда мнѣ заблагоразсудится,—возразилъ я.

— «Я не умѣю вамъ отвѣчать на это», продолжалъ священникъ. «Моя церковь пользуется церковною прислугою отъ собора и я послалъ туда за причетникомъ, но протоіерей отказалъ мнѣ въ ономъ, приказавъ сказать, что губернаторскій домъ принадлежитъ къ собору, а не къ церкви Воскресенія».

Сколько ни поразило меня это объясненіе, но я воздержался и послалъ жандарма въ соборъ просить къ себѣ оттуда священника, который указываетъ мнѣ для служенія въ домѣ. Жандармъ вернулся съ отвѣтомъ, что священникъ служить всюнощную, когда кончитъ, тогда придетъ на зовъ мой. Прождавъ около часа времени, увидѣлъ я прибывшаго священника и на вопросъ мой: благочинный онъ или просто священникъ, онъ мнѣ отвѣчалъ, что самый младшій изъ всѣхъ состоящихъ при соборѣ.

— Отчего же не явился ко мнѣ благочинный?

— «Не знаю; онъ, вѣроятно, занятъ чѣмъ нибудь».

— Скажите, ради Бога, что значить вашъ отказъ о причетникѣ?

— «Всѣ губернаторы требы свои совершали всегда въ соборѣ, и я полагаю, и ваше пр—во должны совершать тамъ-же».

— Ну, а ежели я хочу причастить себя въ другой церкви?

— «Это какъ угодно будетъ вашему пр—ву; я разрѣшить этого никакъ не могу».

— Ну, дѣлать нечего! Сегодня я желалъ-бы помолиться прилично Богу, но, видно, не могу, и потому сей же часъ пошлю нарочнаго къ архіерею просить, чтобы онъ разобралъ это обстоятельство.

Священникъ бухъ въ ноги.

— Что вы это дѣлаете, батюшка?—спросилъ я его.

— «Ради Бога, не посылайте съ жалобою на меня къ архіерею: я буду погибшій человекъ».

— Встаньте, батюшка, не срамитесь, валяясь по полу; мнѣ больше дѣлать нечего, какъ просить архіерея, чтобы онъ дозволилъ мнѣ тамъ молиться, гдѣ я хочу самъ, а не тамъ, гдѣ принуждаютъ меня другіе.

— «Мы не будемъ настаивать ни на чемъ, ваше пр—во, только, ради Бога, не жалуйтесь архіерею, я сей-же часъ вамъ пришлю и причетника, и все, что угодно будетъ вашему пр—ву».

— «Ну, съ Богомъ, отвѣчалъ я,—не безпокойтесь. Я къ архіерею не буду писать; впередъ не вздорьте со мною».

И причетникъ чрезъ четверть часа явился для всюнощной. Впоследствии слышалъ я, что соборный благочинный, протѣерей Ремезовъ, на другой же день послалъ донесеніе Смарагду, что я для служенія всюнощной у меня въ домѣ приказалъ священнику Воскресенской церкви взять въ домъ къ себѣ изъ соборной церкви большое евангеліе и крестъ; но когда соборный священникъ, служившій въ это время въ соборѣ всюнощную, отозвался, что эти предметы необходимы для настоящаго служенія, то я, въ азартѣ, отправилъ въ

церковь жандарма, чтобы онъ оттуда съ собою привелъ ко мнѣ священника, давшего этотъ отвѣтъ.

Вскорѣ встрѣтилось у меня одно обстоятельство по приказу общественаго призрѣнія. Въ числѣ прочихъ членовъ онаго положено быть и инспектору врачебной управы. Ст. сов. Гюбенталь, занимавшій эту должность, въ день прибытія моего въ Витебскъ получилъ отъ меня строгое замѣчаніе въ больницѣ приказа, за замѣченные мною беспорядки, и пожаловался уже на меня Дьяковымъ, мужу и женѣ, въ домѣ коихъ онъ пользовался особымъ довѣріемъ и привѣтливостью. Съ 1-го ноября по губерніи начался рекрутскій наборъ, и около половины этого мѣсяца я получилъ донесеніе изъ городовъ Динабурга, Рѣжицы и Люцина, что при значительномъ проходѣ черезъ эти мѣста рекрутскихъ партій, въ городахъ накапливается большое количество больныхъ горячкою, въ особенности въ Рѣжицѣ. Больница тамъ устроена всего на двѣнадцать человекъ больныхъ, а теперь даже и медикаментовъ вовсе не имѣется; больные рекруты лежатъ по квартирамъ и безпрестанно начальники инвалидныхъ командъ обращаются къ городничему о пособіи въ этомъ отношеніи.

Сдѣлавъ немедленно распоряженіе отправить какъ можно болѣе лекарствъ и одежды въ Рѣжицу, я сталъ разяснять причину недостатка лекарствъ и нашелъ, что требованіе о лекарствахъ въ запасную больницу въ Смоленскъ отъ врачебной управы было послано еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, но по настоящее время ни лекарствъ, ни отзыва не получено. Замѣтивъ гражданскому члену приказа упущеніе изъ виду этого важнаго обстоятельства, я предложилъ тотъ-же часъ отправить въ запасную аптеку эстафету, съ требованіемъ скорѣйшаго удовлетворенія. Лiorнъ спросилъ меня: На чей-же счетъ послать эстафету?—я отвѣчалъ: «На счетъ виновнаго, кто впоследствии окажется, ибо теперь дѣло не о слѣдствіи, а о самомъ необходимомъ удовлетвореніи надобности».

Тотъ-же часъ принесли ко мнѣ журналы и отношеніе въ аптеку; оныя подписаны были уже однимъ Лiorномъ. Я утвердилъ мою подписью, приказавъ ни минуты не медлить, и все тотъ-же часъ выполнилось. На другой день Лiorнъ пришелъ ко мнѣ съ нарочнымъ докладомъ, что журналъ подписалъ и губернскій предводитель безъ прекословія, но Гюбенталь сдѣлалъ надпись, что онъ подастъ отъ себя протестъ противъ этого распоряженія. Подумавши нѣсколько, я приказалъ выждать протестъ Гюбенталя, а черезъ два дня оный мнѣ доложить. Когда же прошелъ этотъ срокъ, я послалъ объ ономъ происшествіи обстоятельное донесеніе Дьякову, но тотъ въ отвѣтъ мнѣ не далъ никакого отзыва.

По первоначальному замѣчанію Дьякова о неисправности почтъ, когда онъ препроводилъ ко мнѣ письмо генераль-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго, я предписалъ чиновнику особыхъ порученій, капитану Ясинскому, въ Рѣжицѣ, произвести слѣдствіе при чиновникѣ почтоваго вѣдомства, со стороны губернской почтовой конторы. Ясинскій и наряженный чиновникъ отправлялись два раза на мѣсто, и первый представилъ мнѣ слѣдственное дѣло, гдѣ я тотъ-же часъ увидѣлъ натяжку слѣдователей: оправдать завѣдывателей почтъ. Со всѣмъ тѣмъ бросились мнѣ въ глаза два важные предмета; первый, что вся книга на почтовой станціи исписана жалобами проѣзжающихъ; во-вторыхъ, что въ послѣдній проѣздъ кн. Лобанова-Ростовскаго, фореиторъ, данный ему съ мѣста, на третьей верстѣ свалился съ лошади, по удостовѣренію князя—пьяный, а по свидѣтельству ямщиковъ, его товарищей, приложенному къ дѣлу и по увѣренію самого мѣстнаго почтмейстера,—якобы захворавшій въ пути уже, каковое засвидѣтельствованіе служители рѣзко выставляли по дѣлу. Сообразивши все это, я сдѣлалъ отъ себя строгое замѣчаніе Ясинскому, что онъ не уважилъ личное засвидѣтельствованіе государева генераль-адъютанта и что, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ былъ воздержаться отъ собственнаго личнаго опроверженія онаго. Я представилъ это дѣло Дьякову, присовокупивъ собственное мнѣніе мое, что новаго переслѣдованія не признаю нужнымъ, но что при всемъ слабомъ вниманіи слѣдователей ясно обнаружены главныя обстоятельства дѣла, а именно, что почта неисправна и что фореиторъ, данный князю, ежели не былъ и пьянъ, то уже вѣроятно былъ нездоровъ, и такового наряжать къ экипажу, слѣдующему еще на курьерскихъ лошадяхъ, вовсе не слѣдовало, а потому, сдѣлавъ отъ себя выговоръ Ясинскому, я полагаю справедливымъ испросить отъ почтоваго начальства выговоръ для почтмейстера, а смотрителя станціи даже слѣдуетъ, по мнѣнію моему, смѣнить, возложивъ издержку прогонновъ для слѣдователей на счетъ виновныхъ въ неисправности почтъ. Дьяковъ препроводилъ отъ себя такое же заключеніе.

Время, между тѣмъ, шло своимъ порядкомъ, и я ежедневно и усиленно старался очистить текущія дѣла. Я говорилъ уже, что большая часть судебныхъ дѣлъ относилась собственно къ присоединенію унатовъ. Въ особенности замѣтилъ я безпрестанное столкновение духовенства съ предводителями уѣздовъ: Полоцкаго—Бѣликовичемъ, и Городецкаго—Ульяновскимъ, изъ коихъ первый, вышедшій уже въ отставку, находился подъ особымъ, такъ сказать, надзоромъ военно-уѣзднаго начальника Агатонова, но лично былъ онъ тогда въ С.-Петербургѣ. Это побудило меня къ особенному объ этихъ двухъ

лицахъ наблюденію и къ распросамъ. О Ббликовичѣ я получилъ отзывъ, какъ о молодомъ, образованномъ и умномъ чиновникѣ, но весьма словоохотливомъ и ревностномъ къ католичеству; вообще, встрѣчались при этомъ намеки на сосѣдство имѣнія его съ монастыремъ полоцкимъ, гдѣ жилъ архіерей, ибо оно отдѣлялось только одною Двиною. Ульяновскаго же всѣ описывали очень кроткимъ, благороднѣйшаго права человѣкомъ. Да и встрѣча его со мною подѣ Себѣжемъ таковымъ лично мнѣ уже указала.

«За что-же на нго такъ сердится архіерей?» спрашивалъ я.

— «Ульяновскій взялъ на аренду по Невельскому и Городецкому уѣздамъ Езереиское староство; противники его, желавшіе староство удержать при торгахъ за собою, успѣли найти дорогу къ преосвященному»,—былъ мнѣ всеобщій отвѣтъ, и я впослѣдствіи въ этомъ совершенно удостовѣрился.

Еще по дѣламъ болѣе другихъ или чаще прочихъ встрѣчалось имѣніе Ушань, подѣ Лепелемъ, принадлежавшее графинѣ Платтеръ. и Доложъ, Себѣжскаго уѣзда, брата Ульяновскаго.

Въ числѣ прочихъ случаевъ бросилось мнѣ въ глаза по Суражскому уѣзду отрѣшеніе кн. Хованскимъ суражскаго уѣзднаго землемѣра, по случаю нарѣзки церковной земли отъ помѣщика. Архіерей жаловался на пристрастіе его, и въ доказательство представилъ даже копію съ перехваченнаго будто къ помѣщику письма; землемѣръ преданъ суду. Уголовная палата потребовала подлинное письмо къ дѣлу. Полоцкая духовная консисторія, долгое время оставляя палату безъ отвѣта, наконецъ, по настоянію уже кн. Хованскаго, отвѣчала, что письмо оказалось подложно составленнымъ священникомъ, но священникъ уже оштрафованъ за это по духовному вѣдомству, а потому и письмо посылать къ дѣлу не зачѣмъ.

Затѣмъ встрѣтилось мнѣ отношеніе Смарагда къ Шрейдеру, въ которомъ онъ, официально просилъ, по выборамъ, старшаго по балламъ въ засѣдатели обойти назначеніемъ, собственно по той причинѣ, что послѣдній будто благонадежнѣе къ содѣйствію въ присоединеніи увіать. По гражданской палатѣ, казалось, куда бы даже и слѣду не было духовенству, опять я встрѣтилъ въ дѣлахъ письмо Смарагда къ моему предмѣстнику, гдѣ онъ просилъ одного изъ посредствовавшихъ по дѣлу чиновниковъ удалить, какъ явнаго врага владѣтельницы имѣнія, о которомъ шло дѣло и (крестьяне котораго), будто-бы, по личному усердію владѣлицы, добровольно перешли въ православіе.

По казенной палатѣ жалобы на арендаторовъ, на завѣдывающихъ имѣніями, и въ особенности на брата Ульяновскаго, поступали едва-ли ни ежедневно, и все съ требованіями смѣны всѣхъ противодѣйство-

вателей. По уголовной палатѣ, въ подпискѣ духовныхъ депутатовъ встрѣчались такія замѣчанія, о которыхъ, если бы я не былъ личнымъ оныхъ наблюдателемъ, я бы точно другому не далъ вѣры; духовное лицо удесятерило приговоренное наказаніе преступнику, съ излишнею строгостію приговоренному даже палатою.

Между тѣмъ Дьяковъ около Рождества Христова собирался ѣхать въ С.-Петербургъ. Нѣсколько разъ я принимался на словахъ объясняться съ нимъ на счетъ сдѣланныхъ мною уже замѣтокъ, но я замѣтилъ очень скоро, что онъ не только остерегается, но даже избѣгаетъ говорить со мною обстоятельно и уже начинаетъ не довѣрять мнѣ. Зная, какими людьми окруженъ онъ и, въ особенности, зная фанатизмъ правителя дѣлъ бывшаго кн. Хованскаго, а теперь его, Дьякова, Глушкова и подручника сего послѣдняго Синицына,—я приостановился въ личномъ моемъ къ нему обращеніи, а состава въ кабинетѣ у себя особую обстоятельную записку обо всемъ, что я нашелъ въ отступленіи отъ законныхъ формъ управленія губерніею, лично вручилъ эту записку Дьякову. Не указывая опредѣлительно ни на одинъ случай, а говоря вездѣ въ общности, я въ нѣкоторомъ отношеніи оправдывалъ допущенныя уже отступленія; въ особенности я одобрялъ нахожденіе депутатовъ съ духовной стороны по всѣмъ вообще слѣдственнымъ дѣламъ, возникающимъ по требованію епархіальнаго начальства, а не только по тѣмъ, гдѣ замѣшано духовное лицо или имущество церкви, какъ было сказано въ законѣ, и въ заключеніе, просилъ даже подтвердить это отступленіе, хотя временнымъ разрѣшеніемъ, по обстоятельству, для губерніи. Но нахожденіе депутатовъ отъ духовенства въ судахъ, при разсмотрѣніи дѣлъ, я почиталъ совершенно неприличнымъ, какъ явное недовѣріе не только къ судебному мѣсту, но даже и къ тому начальству, куда подобныя дѣла неминуемо входятъ на разсмотрѣніе. Однимъ словомъ, откровенно и смѣло изложивъ мнѣ мое, я указывалъ даже на многіе другіе предметы, которые удобнѣе могли-бы споспѣшествовать присоединенію, и въ добавокъ всего, на словахъ просилъ Дьякова, записку мою, не выпуская изъ рукъ, прочесть кому онъ разсудитъ за благо: министру внутреннихъ дѣлъ, шефу жандармовъ или оберъ-прокурору св. синода, съ предвареніемъ, что ежели онъ записку передастъ кому-либо и дойдетъ она до синода, то синодъ не повѣритъ содержанію оной и потребуетъ подтвержденія фактами; за фактами у меня дѣло не станетъ, но этимъ Дьяковъ поставитъ меня въ противоположность и во вражду съ Смарагдомъ.

Чего я опасался, то и случилось.

Дьяковъ записку отдалъ графу Протасову, тотъ представилъ

синаду, и по резолюціи, тамъ состоявшейся, по прїѣздѣ Дьяковъ, требоваль отъ меня дополнительныхъ поясненій.

Скоро по прибытіи своемъ въ Петербургъ, Дьяковъ прислалъ ко мнѣ отзывъ къ нему отъ управляющаго почтовою частію, кн. А. Н. Голицына, по дѣлу себѣжскаго почтмейстера, о которомъ, давая знать, что онъ сдѣлалъ строжайшее замѣчаніе окружному почт-инспектору, за самовольное распоряженіе его о производствѣ слѣдствія, по жалобѣ, принесенной ко мнѣ отъ почтмейстера,—со всѣмъ тѣмъ, кн. Голицынъ не можетъ воздержаться замѣчаніемъ своимъ относительно тѣхъ неприличныхъ выраженій, которыя отъ меня были обращены къ почтмейстеру, что подтвердилъ и уѣздный предводитель Медунецкій, а потому и просилъ остановить меня отъ подобнаго обращенія съ чиновниками почтоваго вѣдомства. Сколь ни справедливо было со стороны кн. А. Н. Голицына это замѣчаніе, что я и самъ вполне чувствовалъ, но меня истинно тронуло, что Дьяковъ удовольствовался передачею мнѣ только онаго, а въ мою защиту отъ себя не далъ никакого новаго отзыва кн. Голицыну или, по крайней мѣрѣ, не увѣдомилъ меня объ этомъ.

Я съ первою же почтою отвѣчалъ Дьякову: «Государь назначилъ меня губернаторомъ въ Витебскъ и, надѣвъ на меня военный мундиръ, сказать изволилъ мнѣ: «Тамъ тебѣ этотъ мундиръ пригодится, безпорядки такъ велики, что ихъ непременно надо истребить». Я по сіе время полагалъ, что долженъ дѣйствовать съ особенною строгостію, остаюсь и теперь при той же мысли; можетъ быть, ошибаюсь и перешелъ за черту умѣренности, но никакъ постигнуть не могу. Я жаловался ему, Дьякову, на Гюбенталя, по приказу общественнаго призрѣнія, но не получилъ отвѣта; по безпорядкамъ на почтовыхъ станціяхъ, по собственному его, Дьякова, указанію, лично поступилъ строго,—получаю выговоръ, а потому и прошу его, если я дѣйствую ошибочно, по недостатку моего разумѣнія, то не признаетъ-ли онъ удобнымъ воспользоваться настоящимъ своимъ нахожденіемъ въ столицѣ и испросить себѣ болѣе надежнаго и умѣющаго его понимать помощника».

Дьяковъ съ первою же почтою отвѣчалъ мнѣ предлиннымъ официальнымъ письмомъ, что мое требованіе чрезвычайно удивило и огорчило его, тѣмъ болѣе, что государь спрашивалъ его уже два раза обо мнѣ, доволенъ-ли онъ назначеніемъ меня въ Витебскъ и онъ оба раза отвѣчалъ, что въ этомъ назначеніи онъ признаетъ особую высочайшую милость, ибо дѣйствительно нашелъ во мнѣ такого помощника, какого желалъ имѣть. Что на представленіе мое о Гюбенталѣ онъ не отвѣчалъ мнѣ по ошибкѣ канцеляріи его, но

Гюбенталю онъ тогда же сдѣлалъ выговоръ; что съ кн. Голицынымъ онъ лично объяснялся обо мнѣ и оправдалъ меня совершенно, и что затѣмъ онъ проситъ меня продолжать служить съ нимъ. Это письмо и теперь (1845 г.) должно быть въ дѣлахъ у губернатора.

Возвратясь въ январѣ въ Витебскъ, при первой встрѣчѣ со мною, Дьяковъ, принявъ на себя тонъ начальника, спросилъ меня:

— «Что это вамъ вздумалось проситься отсюда?»

Я съ улыбкою отвѣчалъ ему, что развѣ онъ не читалъ того, на что самъ писалъ мнѣ уже отвѣтъ свой.

Почувствовавъ неумѣстность сдѣланнаго вопроса, онъ уже съ лаской прибавилъ:

— «Повѣрьте мнѣ, благороднѣйшій Иванъ Степановичъ, въ Петербургѣ есть у васъ недоброжелатели, такіе еще, которые стоятъ очень высоко. Просясь отсюда, вы не удивите, но, напротивъ, обрадуете ихъ, и потому я просто беру смѣлость предупредить васъ объ этомъ».

Между разговоромъ Дьяковъ объявилъ мнѣ, что онъ читалъ у гр. Протасова письмо къ нему Смарагда, въ которомъ онъ жалуется, что я со священниками православной церкви обращаюсь какъ съ солдатами и говорю имъ разныя грубости, но со всѣмъ тѣмъ держу себя въ отношеніи церковныхъ обрядовъ такъ, что меня упрекнуть нѣ въ чемъ; но за то онъ сомнѣвается, что жена у меня должна быть тайная католичка, ибо она еще ни разу не была въ церкви съ пріѣзда своего въ Витебскъ.

Мы очень много смѣялись этому, но потомъ слышалъ я отъ Г—ва, что это письмо Смарагда секретно, но официально было переслано къ Дьякову на его обсужденіе.

— «Я хочу спросить вашего совѣта, сказалъ мнѣ Дьяковъ;—до отъѣзда моего въ Петербургъ, я узналъ, что въ Вобруйской крѣпости всѣ евреи выведены на форштадтъ, а въ послѣднюю мою бытность въ Динабургѣ меня поразили вонь и духота внутри крѣпости. Тутъ же въ годъ два или три проѣзжаетъ государь, и я теперь, въ бытность мою въ Петербургѣ, просилъ у государя дозволенія и въ Динабургѣ распорядиться по примѣру Вобруйска; государь согласился, но теперь мнѣ сказали, что тамъ много домовъ по контрактамъ на нѣсколько лѣтъ уже занято евреями, и это можетъ задержать выводъ ихъ совершенно. Государь же, узнавъ это, будетъ недоволенъ теперь послѣ моего представленія.

— «Знаютъ-ли объ этомъ динабургскіе евреи?» спросилъ я.

— «Развѣ какимъ-либо духомъ дошло это до нихъ; ибо, кромѣ меня, объ этомъ даже не только на бумагѣ, но и на словахъ, кромѣ Глушкова, никто не имѣетъ свѣдѣнія».

— «Я завтра-же ѣду въ Динабургъ и все устрою», отвѣчалъ я. Сказано-сдѣлано. Въ Динабургъ я пріѣхалъ на другой день, вечеромъ. Въ эту поѣздку замѣтилъ я, съ одной стороны, исправность и вниманіе чиновниковъ земской полиціи, а съ другой, напротивъ, безпечность городской. Первые служатъ по выборамъ отъ дворянства, а послѣдніе по назначенію правительства или просто по назначенію генералъ-губернатора. Въ Динабургѣ меня не встрѣтили ни городничій, ни военный уѣзда начальникъ; о послѣднемъ узналъ я, что онъ дѣйствительно боленъ, и какъ я полагаю, сдѣлался жертвою горячекъ, свирѣпствовавшихъ на рекрутахъ. Ему я поручалъ устройство больницы въ Рѣжицѣ, ибо тамъ городничій изъ военныхъ, Зброжинъ, казался больнымъ, просто отъ боязни заразы, а въ Динабургѣ городничій Винокуровъ, отставной подполковникъ, съ вечера отозвался болѣзнию, а по утру моему чиновнику объявилъ, что просто онъ былъ въ банѣ, но послѣ я узналъ, что онъ былъ не въ трезвомъ видѣ. И еще болѣе неисправности мнѣ доказано было, когда я внезапно сказалъ ему проводить меня въ квартирную комиссію; онъ при мнѣ, обернувшись къ частному приставу, спросилъ его: «Въ чьемъ домѣ квартирная комиссія?» И этотъ городничій находился въ такомъ пунктѣ, гдѣ государь въ годъ по два, по три, а иногда и болѣе разъ проѣзжаетъ!

Напротивъ, исправники: полоцкій, дрисенскій и динабургскій, безъ малѣйшаго отъ меня предваренія, что я ѣду, каждый встрѣтилъ меня на границѣ своего уѣзда, конечно, по передачѣ свѣдѣній между собою отъ одного къ другому. А еще болѣе видѣлъ я расторопность ихъ въ отвѣтахъ на всѣ мои вопросы касательно ихъ уѣздовъ, и мое ласковое слово они принимали, какъ нѣчто необыкновенное, и въ послѣдствіи не было ни одного предмета, мною имъ указаннаго, котораго они не стремились бы со всѣмъ усердіемъ постигнуть и выполнить.

По утру, въ Динабургѣ, въ 6 часовъ, я вышелъ изъ квартиры, чтобы ѣхать въ крѣпость, къ коменданту, ген.-м. Гельвиху, но не взирая на столь ранній часъ, онъ предупредилъ меня на своемъ крыльцѣ. Старикъ болѣе 60-ти лѣтъ отъ роду и съ которымъ я былъ знакомъ еще въ малолѣтствѣ моемъ, восхитилъ меня своею привѣтливостью и обхожденіемъ. Я ему при первой встрѣчѣ не объявилъ о причинѣ моего пріѣзда, но черезъ часъ, отправясь къ нему въ крѣпость, я взялъ съ собою городничаго, своего чиновника и тамъ уже, объясня мое намѣреніе, просилъ дать мнѣ одного плацъ-адъютанта съ тѣмъ, чтобы эти три чиновника сей-же часъ обошли всѣ дома въ крѣпости и отъ домохозяевъ отобрали контракты, которые заключены ими съ ихъ жильцами.

Какъ предполагалъ я, такъ и случилось. Контрактовъ было очень немного, всего два, а прочіе постояльцы всё жили на словѣ; думаю и полагаю даже навѣрное, ежели бы я далъ хоть часъ времени оглянуться или домохозяевамъ, или евреямъ, то контрактовъ явилось бы гораздо болѣе, а главное — что многіе бы уклонились на время отлучкою и приняли бы потомъ другія какія мѣры. Но тутъ вышло все по моему желанію.

Обѣдалъ я у Гельвиха, а передъ обѣдомъ онъ водилъ меня осматривать госпиталь и крѣпость. Порядокъ вездѣ и устройство приличные ежедневному ожиданію внезапнаго проѣзда государя. Старика Гельвиха много утѣшило, когда я, рассматривая разныя постройки въ крѣпости, въ двухъ мѣстахъ указалъ ему, что изображеніе нѣкоторыхъ вѣроятно принадлежитъ самому государю, и точно, когда мы возвратились въ квартиру коменданта, онъ мнѣ принесъ показать собственноручные два рисунка государя, присланные для отдѣлки тѣхъ частей построекъ, которыя мнѣ бросились въ глаза и на которыя я теперь показывалъ.

На другой день я приказалъ собрать къ себѣ всёхъ купцовъ, какъ христіанскаго, такъ и еврейскаго происхожденія. — Первые, болѣею частью изъ раскольниковъ или, какъ сами называются, изъ старообрядцевъ. Со многими я былъ уже знакомъ нѣсколько по преходящимъ у меня дѣламъ уголовной палаты, ибо болѣшая часть этого сорта купцовъ были, такъ сказать, оборотливыми выскочками; по подрядамъ при постройкѣ крѣпости, они, изъ самага бѣднаго или уже по крайности изъ средняго класса, сдѣлались коммерсантами; но почти всё были замѣшаны по дѣламъ отвлеченія отъ православія, или по пристанодержательству бѣглыхъ, что весьма обыкновенно между раскольниками. Въ особенности мнѣ встрѣчалось въ дѣлахъ имя Поторочина.

Прежде всего, я обратился къ евреямъ и объявилъ имъ, что воля государя есть непремѣнный ихъ выводъ на форштадтъ, но что это дѣлается съ самымъ благотворнымъ намѣреніемъ: улучшить собственно бытъ ихъ и дома, ими выстроенные при пособіи отъ казны. Государь, въ проѣзды свои черезъ городъ, не одинъ разъ изволилъ замѣчать, что многіе дома совершенно почти пустуютъ отъ недостатка постояльцевъ, а между тѣмъ на хозяевахъ числится неоплатная недоимка даваемой имъ ссуды для постройки этихъ домовъ; лавки городскія безъ товаровъ, въ совершенномъ разрушеніи, а, напротивъ, въ крѣпости, что шагъ, то замѣтна мелочная промышленность и вывѣски оной едва-ли не касаются чердаковъ. Слѣдовательно, если всё евреи безъ изыятія выведены будутъ на форштадтъ, никому

не будетъ это обидно, и торговля и постояльцы разойдутся по еврейскимъ-же домамъ.

Мнѣ возразили нѣкоторые старики, что тогда одни христіане будутъ торговцами Динабурга, ибо у нихъ останутся и даже размножатся лавки въ крѣпости, а оттуда никто не пойдетъ за покупками въ городъ, а главные и почти единственные покупатели—военные.

Въ ту-же минуту я сообразилъ, что это справедливо, и общалъ, что возьму на себя испросить отъ правительства разрѣшеніе, чтобы въ крѣпости не имѣть вовсе лавокъ и магазиновъ, а развѣ только одну мелочную для необходимыхъ ежедневныхъ потребностей живущимъ въ крѣпости офицерамъ.

Евреи тотчасъ убѣдились моими словами, и по приглашенію моему дали мнѣ тутъ же обѣщаніе составить благодарительный актъ отъ себя за это распоряженіе. Ясно видно было, что они завидовали христіанскимъ купцамъ, торгующимъ болѣе другихъ въ крѣпости; но тутъ вышелъ впередъ одинъ изъ послѣднихъ, украшенный медалью, и обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— «Чѣмъ-же мы виноваты, ваше пр—во, что насъ вызывали строиться въ крѣпости и обнадеживали разными выгодами, а теперь вдругъ насъ обираютъ? Между нами нѣтъ ни одного, который не былъ-бы долженъ въ казну по ссудѣ, на которую нарастаютъ проценты. Мы и теперь не можемъ исправно платить долга нашего, а за выводомъ нашихъ постояльцевъ должны вовсе обанкрутиться».

Я спросилъ, какъ зовутъ его.

— «Поторочинъ!» отвѣчалъ онъ.

— «Не всегда годится, братецъ, быть выскочкой. Ты вѣрно думалъ, что я еще не знакомъ съ тобою? Ты не тотъ-ли Поторочинъ, который обвиняется по пристанодержательству такихъ-то лицъ? Не твое-ли дѣло по подозрѣнію въ грабительствѣ такого-то дома?»—и далѣе я припомнилъ ему четыре или пять дѣлъ, совершенно свѣжихъ въ моей памяти, гдѣ замѣшанъ онъ, какъ главное лицо.

Это его чрезвычайно смѣшало, а другихъ присутствовавшихъ удивило.

Тутъ я прибавилъ еще, что дома въ крѣпости рѣшительно почти всѣ выстроены собственно на ссудную сумму. Ежели-бы оная своевременно была выплачена и долгу не составилось на заемщикахъ, то безпрекословно это была-бы ихъ собственности! Но теперь на всѣхъ домахъ числится недоимка, равняющаяся первоначально выданной ссудѣ, а на домѣ Поторочина даже превышаетъ оную, и ежели правительство разсудитъ за благо, за неисправность домъ обратить въ продажу или прямо взять въ казну—и это не будетъ несправедливостью.

Этимъ замѣчаніемъ я закрылъ ротъ недовольнымъ, но тутъ еще прибавилъ:

— «Тамъ, гдѣ объявляется желаніе государя, воля его для насъ всѣхъ должна быть равно священна; мы всѣ присягали жертвовать даже жизнью его пользамъ, а государь еще столько милостивъ, что при всѣхъ своихъ предположеніяхъ непрестанно заботится и о нашихъ выгодахъ и пользахъ, и теперь по выводѣ евреевъ онъ предполагаетъ въ крѣпости помѣстить комиссаріатъ переводомъ онаго изъ Вильны. Съ этимъ переводомъ дома почти всѣ займутся по добровольному согласію съ хозяевами и за выгоднѣйшую для нихъ цѣну. Изъ крѣпости вынесутся вонъ и зараза, и роптать рѣшительно никто не можетъ и не долженъ».

Послѣ этого я положилъ срокъ вывода черезъ шесть мѣсяцевъ, оставя два контракта до истеченія срока во всей силѣ. Отъ меня нѣкоторые купцы бросились къ коменданту, съ просьбою его покровительства на счетъ составленія записки по моему предположенію торговли въ оной. Комендантъ тотъ-же часъ пріѣхалъ ко мнѣ и сталъ меня просить прежде за четверыхъ, потомъ, спускаясь по одному, уже за двоихъ, но я рѣшительно отказалъ, ибо мое предложеніе я считалъ вполне справедливымъ, и въ крѣпости, не взирая на всѣ домогательства и жалобы, тогда по крайней мѣрѣ, разрѣшено было имѣть одну только мелочную лавку.

V.

Новыя непріятности со Смарагомъ. — Жалоба лепельскихъ мѣщанъ. — Сѣтованіе Смарагда на мнимое преобладаніе въ губернскомъ правленіи католиковъ. — Просьба объ отставкѣ. — Разговоръ съ Глушковымъ. — Объясненіе съ Дьяковымъ. — Дѣло объ убіеніи священника въ имѣніи Станиславова. — Отношеніе ко мнѣ духовенства въ Витебскѣ.

1837 г.

Я вернулся въ Витебскъ, и когда представилъ Дьякову благодарительный адресъ еврейскихъ купцовъ, онъ не хотѣлъ вѣрить такому скорому и положительному окончанію этого дѣла...

Между тѣмъ, у архіерея со мною открылись уже совершенно непріязненные дѣйствія; началось тѣмъ, что при самомъ настоятельномъ требованіи съ его стороны, или въ губернское правленіе отъ консисторіи, о производствѣ слѣдствія или судебного разсмотрѣнія, я всегда въ резолюціяхъ моихъ, при согласіи, включалъ статью закона,

и эта статья утвердительно отвергала депутата; далѣе затѣмъ, архіерей узналъ о запискѣ моей, и поясненіе оной фактами, что по запросамъ, къ нему посланнымъ изъ синода, его чрезвычайно озадачивало. Мои распоряженія онъ уже явно называлъ противодѣйствіемъ, въ первомъ своемъ отзывѣ въ синодъ оправдываясь, что до меня десятки тысячъ униатовъ перешли въ православіе, а при мнѣ, при всѣхъ усиліяхъ его, архіерея, онъ едва-едва успѣлъ убѣдить до 60 человекъ.

Я удерживалъ себя въ одномъ огражденіи: всякое отношеніе архіерея, всякое требованіе полочкой консисторіи удовлетворялъ немедленно, но съ буквальнымъ примѣненіемъ закона. Дьяковъ-же продолжалъ систему кн. Хованскаго, не разбирая, правильно или неправильно было требованіе Смарагда, лишь бы оное было ему послано. Такимъ образомъ, однажды я получилъ прошеніе изъ Лепеля нѣсколькихъ мѣщанъ, которые были посажены въ острогъ военно-уѣзднымъ начальникомъ, Агатоновымъ, по прямому извѣщенію Смарагда, что они, бывъ уже всѣ присоединены къ церкви, опять совратились въ унию. Мнѣ они жаловались, что когда архіерей при Шрейдерѣ пріѣзжалъ въ Лепель и тамъ, въ церкви, бывшимъ обывателямъ объявилъ свою волю, что они уже присоединены къ православію, ихъ даже въ Лепелѣ не было, а они находились въ отлучкѣ, что и просили разобрать строжайшимъ слѣдствіемъ.

Въ то-же самое время я получилъ отъ Дьякова предложеніе, на счетъ этихъ же просителей, отправить особаго слѣдователя и ихъ непремѣнно понудить къ восприсоединенію, отъ котораго они, по показанію архіерея, умышленно и въ соблазнъ другимъ отрекаются. Не было чиновниковъ, кромѣ Агатонова и Яганова, которые съ доброю охотою пускались на разбирательство подобнаго предложенія, ибо многіе лишились мѣста и даже находились подъ судомъ по обвиненію Смарагдомъ за пристрастіе. На этотъ разъ я положилъ самому себѣ отправиться на мѣсто и обстоятельно дознать всю правду.

Я слышалъ прежде о присоединеніи лепельскихъ мѣщанъ, что оно произошло въ слѣдующемъ порядкѣ.

Смарагдъ далъ знать предварительно о своемъ пріѣздѣ въ Лепель. Шрейдеръ предупредилъ его тамъ, съ тѣмъ, чтобы его встрѣтить, посредствомъ полиціи созвалъ всѣхъ живущихъ въ церковь, и когда архіерей прибылъ, сдѣлалъ ему торжественную встрѣчу. Смарагдъ, отслуживъ краткое молебствіе, благословилъ присутствовавшихъ крестомъ Спасителя нашего и, допустивъ каждаго по одиночкѣ къ лобзанію креста, по окончаніи, громкогласно объявилъ, что теперь всѣ, кто прикладывался ко кресту, присоединены къ православію и за отступленіе строго постраждутъ. Затѣмъ начались уже всѣ притязательства и натяжки.

Протоіерей лепельской церкви, Порошинскій, то и дѣло относился въ полицію, въ консисторію, къ архіерею, къ Агатову съ своими жалобами. Острогъ наполнялся отступниками, и не проходило дня безъ слѣдствій и передачи дѣлъ къ судебному разсмотрѣнію. Такъ и теперешніе просители попали въ бѣду! Испрашивая у Дьякова согласіе на мое предположеніе, я просилъ его разрѣшенія на одинъ случай, какъ привести мнѣ къ оправданію, если дѣйствительно окажется, что кто-либо изъ просившихъ не былъ тогда въ Лепелѣ, когда пріѣзжалъ туда Смарагдъ? Этотъ вопросъ озадачилъ Дьякова, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ въ Лепель отправить отъ себя чиновника. Чиновникъ этотъ, угрозою и убѣжденіями, убѣдилъ просителей на присоединеніе. Вотъ какъ осторожно и внимательно слѣдовало дѣйствовать! Я-бы на угрозы не рѣшился и архіерей, конечно, воспользовался бы случаемъ обвинить и меня самого.

Когда я лично разсуждалъ съ Дьяковымъ объ этомъ дѣлѣ, онъ мнѣ отвѣчалъ:

— «Чего же вы хотите? Желаютъ присоединенія, и мы правдою или неправдою, но должны выполнить это желаніе».

Заносчивость Смарагда простиралась до такой степени, что однажды Дьяковъ препроводилъ въ губернское правленіе оригинальное отношеніе къ нему Смарагда, оканчивавшееся слѣдующими словами: «Я предваряю ваше высокопр—во, что я начинаю уже выходить изъ терпѣнія». Дьяковъ едва-ли замѣтилъ это выраженіе, а иначе онъ, конечно, постыдился бы такого рода замѣчаніе передать своимъ подчиненнымъ. Въ другой разъ, ко мнѣ, архіерей, начавъ свое посланіе: «прежнее губернское начальство покровительствовало православію», требовалъ какого-то новаго слѣдствія и въ заключеніе дополнялъ: «не одинъ православный по злости католяковъ понесъ на себѣ тяжкое наказаніе, не одинъ уже въ отдаленіи отъ своего семейства за приверженность къ церкви томится въ Сибири».

Сдѣлавъ распоряженіе къ удовлетворенію въ законномъ порядкѣ требованія и немедленно, въ вѣжливыхъ, но холодныхъ выраженіяхъ, давъ отзывъ Смарагду, я счелъ необходимымъ представить въ оригиналѣ это отношеніе къ Дьякову и списокъ съ моего отвѣта. При этомъ я просилъ его обратить все вниманіе на слова обоихъ отношеній и вдобавокъ замѣтилъ: «Смарагдъ утверждаетъ, что прежнее губернское начальство пользовалось его довѣріемъ, слѣдовательно, окончательный упрекъ относится уже прямо ко мнѣ, а мною и къ нему, генераль-губернатору. По закону, онъ имѣетъ право даже рѣшенное дѣло истребовать къ своему пересмотру; не разсудить-ли онъ спросить Смарагда, чтобы тотъ указалъ ему хотя одно

дѣло, несправедливо мною конфирмованное». Но, во всякомъ случаѣ, просилъ я Дьякова устранить меня отъ подобныхъ колкостей.

Дьяковъ мое представленіе въ оригиналѣ отправилъ въ Смарагду, а его отвѣтъ, опять въ оригиналѣ-же, передалъ мнѣ, добавя только отъ себя замѣчаніе, что онъ отзывъ Смарагда находитъ уважительнымъ и просить меня, принявъ оный во вниманіе, согласоваться съ онымъ. Что же писалъ Смарагдъ?

Онъ началъ изрѣченіями изъ св. писанія (что именно и буквально воспрещается въ законѣ), приравливая текстъ къ гоненіямъ православной церкви; потомъ, сослался, что въ витебскомъ губернскомъ правленіи засѣдаютъ все почти одни католики, которые ненавидятъ нашу религію, а потому и дѣлаютъ всевозможныя натяжки, чтобы угнетать православныхъ и оправдывать своихъ единовѣрцевъ. Касательно же указанія дѣлъ отозвался, что ежели прямое надъ нимъ, Смарагдомъ, начальство потребуетъ отъ него такового, онъ не откажется и не остановится представить оному, и просилъ не только что Дьякова самого, но и меня убѣдить—съ большимъ вниманіемъ и преданностью къ церкви вникать въ утонченныя производства изслѣдованія.

Я отвѣчалъ Дьякову: «Не на предложеніе в. пр—ва, но на приложенную при ономъ бумагу отвѣчаю въ подробности». Указавъ затѣмъ, гдѣ воспрещены тексты св. писанія въ официальной перепискѣ, замѣтилъ, что изъ числа присутствующихъ въ губернскомъ правленіи, я и два совѣтника православныя, а одинъ только католикъ, и назначеніе этихъ лицъ не можетъ подходить подъ сужденіе архіерея, ибо есть прямая власть правительства; на счетъ дѣлъ объяснилъ, что Смарагдъ весьма ошибается и ни одного дѣла указать не можетъ, а наставленій его къ себѣ я примѣнять вовсе не имѣю нужды; вмѣстѣ съ этимъ я послалъ Дьякову просьбу по формѣ объ отставкѣ моей.

На другой день, по отправленіи моей просьбы, рано по утру, явился ко мнѣ правитель дѣлъ Дьякова, Глушковъ, и, подавая мнѣ прошеніе мое, говорить мнѣ:

— «Петръ Николаевичъ прислалъ меня просить в. пр—во, чтобы вы вашу просьбу взяли назадъ и повидались съ нимъ».

— «Мнѣ кажется, отвѣчалъ я,—что просьба моя форменная, и ежели генераль-губернаторъ считаетъ себя въ правѣ возвратить мнѣ оную, то на это есть тоже установленный порядокъ».

— «Дѣло не въ томъ, ваше пр—во, а Петръ Николаевичъ догадался, что огорчило васъ, и именно затѣмъ и послалъ меня лично, чтобы объясниться съ вами; въ посланномъ вамъ предложеніи болѣе всѣхъ виноватъ я, а никто другой. Когда полученъ былъ отзывъ архіе-

рея, Петръ Николаевичъ не зналъ, что дѣлать съ онымъ, и я ему присовѣтовалъ подлинникомъ передать оный вамъ; касательно же выраженія въ концѣ предложенія, то прошу ваше пр—во во истинно повѣрить мнѣ, что оное было включено безъ умысла, такъ сказать, безъ мысли, чтобы оно могло огорчить васъ, и я въ этомъ лично прошу вашего прощенья».

— «Что вы часто пишете безъ умысла, или просто безъ смысла, замѣтилъ я,—я это давно уже вижу, а на этотъ разъ, что я вѣрю словамъ вашимъ, лучшее доказательство есть то, что вы сидите у меня теперь. Если-бы я предполагалъ умыселъ, не ручаюсь, чтобы вы не были уже за окномъ. Отвезите мое прошеніе назадъ къ генералъ-губернатору...» и я ушелъ изъ кабинета.

Черезъ полчаса жена вошла ко мнѣ въ спальню, гдѣ я въ огорченіи лежалъ на диванѣ, и объявила мнѣ, что пріѣхалъ къ намъ Дьяковъ и проситъ видѣться со мною; сначала я колебался выйти, но потомъ согласился. Дьяковъ былъ въ сюртукѣ безъ эпюлетъ, видно было, что онъ торопился и былъ чрезвычайно сконфуженъ. Взявъ меня за руку, онъ сказалъ:

— «Послушайте, Иванъ Степановичъ, не сердитесь на меня; право, я не имѣлъ намѣренія огорчить васъ, и пріѣхалъ просить васъ, чтобы вы возвратили мнѣ мое предложеніе и взяли ваше прошеніе назадъ».

Я съ кротостью отвѣчалъ Дьякову, что вовсе не заслуживалъ его къ себѣ нерасположенія, ибо съ чистымъ сердцемъ содѣйствую ему и знаю его благородное сердце, но что бумага его, можетъ быть онъ и самъ не разобралъ, обвиняетъ меня не только въ противодѣйствіи мѣрамъ правительства, но даже въ умышленныхъ неправильностяхъ и жестокости. Этотъ упрекъ я въ полномъ правѣ передать на лицо Смарагду, но воздерживаюсь именно потому, что постигаю я волю моего государя и направленіе правительства въ настоящемъ дѣлѣ. Давно уже замѣтилъ я, что онъ, Дьяковъ, мнѣ не довѣряетъ и вѣритъ больше окружающимъ его фанатикамъ и даже просто глупцамъ, которые далѣе носа своего ничего не постигаютъ,—однимъ словомъ, просилъ его отпустить меня въ отставку.

Дьяковъ еще убѣдительнѣе сталъ упрашивать меня, и, наконецъ, вынувъ мое прошеніе изъ кармана, сказалъ:

— «Позвольте, Иванъ Степановичъ, разорвать эту бумагу».

Эти слова обращены были ко мнѣ съ такимъ видомъ добродушія, что я не отвѣчалъ ни слова, взялъ просьбу изъ рукъ его и, разорвавъ, бросилъ на полъ. Дьяковъ бросился обнимать меня и уѣхалъ.

Вскорѣ послѣ этого происшествія я получилъ новое отношеніе

Смарагда; препровождая ко мнѣ письмо арендатора казеннаго имѣнія Станиславова, Соколова, онъ требовалъ отъ меня строжайшаго слѣдствія объ убитомъ священникѣ этого имѣнія, и съ укоризною замѣчалъ, что это происшествіе есть слѣдствіе послабленія мѣръ мѣстной полиціи. Г. Соколовъ въ началѣ письма къ преосвященному восклицаетъ: «Горе православію, а еще болѣе горе намъ православнымъ, когда и священнослужители церкви лежатъ на распутіи, пораженные ударами злыхъ отверженцевъ нашей церкви!»

Слогъ письма, а еще болѣе обращеніе Соколова не къ полиціи, какъ слѣдовало, а къ архіерею, поразили меня, и я, призвавъ правителя канцеляріи моей, не объясняя ему причины, спросилъ, кто такой Соколовъ, арендаторъ имѣнія Станиславова?

— «О! это тонкая штука, отвѣчалъ мнѣ тотъ;—онъ прежде служилъ совѣтникомъ въ казенной палатѣ, но давно вышелъ въ отставку; имѣніе Станиславова онъ взялъ въ аренду послѣ г. Будзки; эта передача много надѣлала шуму и много завела переписки. Будзко хотѣлъ обмануть Соколова и обѣщалъ ему дать, и кажется далъ, отступную сумму при торгахъ на имѣніе, но послѣ Соколовъ вошелъ съ особымъ прошеніемъ къ министру и выхлопоталъ, что имѣніе поручено въ аренду ему, а не Будзко.

Ту-же минутою я назначилъ слѣдователей: военно-уѣзднаго начальника Брикнера, чиновника Агатонова, городецкаго уѣзднаго стряпчаго и члена земской полиціи тамошняго суда. Брикнеру поставилъ на видъ особое вниманіе къ дѣлу, а отъ Смарагда просилъ назначенія депутата; онъ выслалъ двухъ.

Спустя нѣсколько дней, Брикнеръ представилъ мнѣ слѣдственное дѣло, по которому видно было, что сказанный священникъ вызванъ былъ къ одному корчмарю для крестинъ; довольно поздно вечеромъ отправился онъ домой и ему данъ былъ въ проводники крестьянинъ изъ деревни, но священникъ этого проводника, выѣхавши изъ деревни, отпустилъ. На другой день священникъ, на границѣ Полоцкаго уѣзда, въ которомъ имѣніе Станиславова, и Городецкаго, въ которомъ онъ былъ въ корчмѣ на крестинахъ, найденъ убитымъ, лошадь-же его, выпряженная изъ саней и обороченная къ оглоблямъ, усмотрѣна была не въ дальнемъ разстояніи въ кустахъ.

Первое извѣстіе о происшествіи получено было архіереемъ отъ Соколова и въ полоцкій земскій судъ дано уже знать отъ консисторіи. Собранныя показанія корчмара указаны выше, а Соколовъ отъ себя дополнилъ, что онъ узналъ о смерти священника отъ возвратившагося отлучнаго изъ Станиславова крестьянина, и немедленно самъ отправился онъ на мѣсто, гдѣ лично убѣдился въ истинѣ. Онъ

имѣть большое подозрѣніе, что священникъ убитъ кѣмъ-либо изъ имѣнія, арендуемаго Будзкою по близости Станиславова, ибо тамъ всегда укрывается множество бѣглыхъ чужихъ крестьянъ и даже солдатъ, о чемъ уже заведено нѣсколько дѣлъ по земскому суду по его-же, Соколова, указанію.

Далѣе, разсматривая дѣло по освидѣтельствованію мертваго тѣла, замѣтилъ я, что у священника оказались порубы на груди и на головѣ острымъ оружіемъ, но ни слова не сказано объ изліяніи крови при порубѣ. Это послѣднее обстоятельство меня сильно поразило. Я счелъ долгомъ обратить слѣдствіе къ пополненію и назначилъ къ освидѣтельствованію мертваго тѣла члена врачебной управы (Мейера). Брикнеръ, съ нарочною эстафетою, донесъ мнѣ, что ко вторичному переосвидѣтельству тѣла не соглашаются духовные депутаты, объясняя, что священникъ въ облаченіи преданъ уже землѣ и отрывать его было-бы святотатство.

Не останавливаясь этимъ, я въ тотъ-же день отнесся къ Смарагду и требовалъ буквального выполненія закона, ссылаясь на статьи онаго. Едва я успѣлъ отправить это отношеніе, другая эстафета привезла мнѣ новое отношеніе Брикнера, что корчмарь, у котораго крестилъ священникъ, сознался стряпчему, что священникъ умеръ на дорогѣ скоропостижно, но что узнавъ объ этомъ, онъ, корчмарь, перепугался, и опасаясь, чтобы не обвинили его въ отравленіи священника, ночью подговорилъ одного еврея; они отправились вдвоемъ къ тѣлу и тамъ порубили уже мертваго топоромъ, чтобы этимъ дать отводъ отъ себя.

Архіерей прислалъ мнѣ отвѣтъ, что онъ разрѣшилъ отрыть и разоблачить тѣло убитаго, а въ тотъ-же день я получилъ донесеніе, что городецкій стряпчій, бывъ два дня боленъ горячкою, отъ воспаленія померъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ опять все слѣдственное дѣло и въ то-же время предложеніе генераль-губернатора по окончаніи дѣла представить оное къ нему. Это предложеніе послѣдовало по особому настоянію Смарагда. Въ дѣлѣ я нашелъ новыя обстоятельства; когда стряпчій, которому сознался корчмарь, вернулся въ комиссію и когда получено было предложеніе мое о переосвидѣльствованіи тѣла членомъ врачебной управы, немедленно прибылъ въ комиссію Соколовъ и объявилъ, что корчмарь вѣроятно на себя поклепалъ по постороннимъ какимъ-либо угрозамъ, ибо въ самый день происшествія, онъ прежде всѣхъ явился къ нему, Соколову, и вотъ какое дѣлалъ ему показаніе, которое писано въ точности со словъ его,—причемъ подалъ записку. Въ этой запискѣ показаніе совершенно согласовалось съ первоначальнымъ отъ корчмаря. Далѣе Соколовъ

утверждалъ, что когда его извѣстили объ убитомъ священникѣ, онъ, не теряя ни минуты, поѣхалъ, на мѣстѣ видѣлъ кровь въ большомъ количествѣ, а теперь не понимаетъ, отчего это не показано въ первомъ свидѣтельствѣ. Можетъ быть, позабыли и не обратили на это вниманіе, а можетъ статья кровь уже была затерта проходящими мимо тѣла. Но корчмарь подтвердилъ опять свое послѣднее показаніе, съ нимъ вмѣстѣ и еврей сознался въ участіи.

По второму свидѣтельству показано было и евреемъ, что смерть священника послѣдовала отъ апоплексическаго удара, и далѣе сказано, что во внутренностяхъ при вскрытіи тѣла никакого виннаго запаха не оказалось. Въ самое то время, когда я разсматривалъ дѣло, доложили мнѣ, что пришелъ докторъ Мейеръ. Допустивъ его, изъ любопытства, я спросилъ, зачѣмъ онъ включилъ послѣднія слова. Онъ отвѣчалъ:

— «У насъ вышелъ споръ: когда я вскрылъ внутренности, такъ и повесло виномъ, я тотчасъ далъ это замѣтить. Два депутата и Агатовъ закричали на меня, что я говорю неправду, что запахъ этотъ происходитъ отъ гніенія тѣла; я настаивалъ на своемъ, но Брикнеръ убѣждалъ меня согласиться и показать просто, что священникъ умеръ отъ апоплексіи, ибо этого никто не могъ поставить къ обвиненію другаго лица, а депутаты настоятельно еще требовали, чтобы я вписалъ оговорку, что запаху отъ вина не было. Стряпчій же уже не присутствовалъ и черезъ день померъ.

Я опять обратилъ дѣло къ Брикнеру и велѣлъ спросить Соколова и корчмаря, не было-ли между ними стачекъ? Далѣе ничего не открылось или, лучше сказать, послѣднее обстоятельство померкло.

Дѣло поступило сперва въ уѣздный судъ, потомъ въ уголовную палату, а на рѣшительное заключеніе поступило къ Дьякову, и отъ него въ сенатъ.

Замѣчательно слѣдующее: арестанты болѣе года содержались подъ стражею; въ судѣ защитниками корчмаря усиленно были депутаты съ духовной стороны, и по разсмотрѣніи сенатомъ, корчмарь и еврей оставлены безъ дальнѣйшаго наказанія, а бѣднаго проводника наказали плетью и сослали въ Сибирь на поселеніе. Мнѣ кажется, ежели корчмаря и еврея не слѣдовало обвинять въ убійствѣ, то они, по крайней мѣрѣ, подлежали наказанію за святотатство, но я остаюсь въ сомнѣніи и даже твердо увѣренъ, что за нихъ были особы и сильные заступники, опасавшіеся, вѣроятно, какой-либо особой разгласки.

Увидѣвшись въ первый разъ съ Брикнеромъ, я полюбозытствовалъ услышать отъ него подтвержденіе разсказа Мейера; онъ слово въ слово объяснилъ мнѣ то-же и еще присовокупилъ:

— «Когда было получено отъ вашего пр—ва предписаніе переосвидѣтельствовать тѣло священника, духовные депутаты воспротивились, и пока послано было къ вамъ объ этомъ донесеніе, стряпчій попросилъ позволенія отлучиться въ городъ. Уѣхавъ, онъ проѣзжалъ корчму, отъ коей началось происшествіе, и зашедъ туда, онъ объявилъ корчмарю о сдѣланномъ мною замѣчаніи, причемъ сталъ убѣждать онаго сдѣлать справедливѣйшее показаніе; корчмарь не долго колебался, признался стряпчему въ томъ, какъ онъ съ евреемъ порубили мертвое тѣло, и стряпчій, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ городъ, возвратился въ комиссію, привезя съ собою и корчмаря; тогда нужно было видѣть, какой шумъ подняли депутаты и какіе дѣлали они упреки стряпчему, утверждая, что онъ выдумалъ новую исторію и научилъ корчмаря и еврея, что онъ непременно самъ пойдетъ въ Сибирь». Брикнеръ присовокупилъ:

— «Я даже сомнѣваюсь, что причинами болѣзни стряпчаго и его смерти не были-ли сдѣланныя ему угрозы».

И. С. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ дождь.

Дождь по листьямъ шелестить.
Зноеть томящійся садъ
Жажду теперь утолить;
Слаще цвѣтовъ аромать.

Другъ! не страшись. Погляди:
Грозь не боится цвѣты,
Чул, какъ эти дожди
Нужны для ихъ красоты.

Съ ними и я не боюсь:
Радость мы встрѣтимъ опять..
Можно-ль нашъ тѣсный союзъ
Жизненнымъ грозамъ порвать?

Счастье не полно безъ слезъ;
Небо сплѣтъ изъ-за тучъ —
Лишь-бы блистала среди грозъ
Солнышка радостный лучъ.

Красное село.
4 іюля 1888.

К. Р.

[Изъ книги «Новыя стихотворенія К. Р.» Спб. 1889 г.]

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

Письма къ нему А. О. Смирновой.

1844—1851 гг. ¹⁾.

У Троицы, 2-го октября 1846 г.

Господь Богъ милосердный привелъ меня сюда послѣ возобновленія сильныхъ припадковъ моей болѣзни. Страдала и страдаю, любезный другъ Николай Васильевичъ. Я здѣсь была тому назадъ 8 лѣтъ, совсѣмъ съ другими чувствами, теперь чувствую большое услажденіе у гроба Преподобнаго. Намѣстникъ меня принялъ очень милостиво, онъ духовенъ и любовенъ, исполненъ жалости помочь каждому. Душа радуется при встрѣчѣ съ такими людьми, какъ будто не такъ одиночно въ этомъ мірѣ. Онъ читалъ вашу книгу и многимъ очень доволенъ; радуется духу вашему и что вы не боялись говорить громко о томъ, чѣмъ наполнена душа ваша: «аще кто постыдится Мене, того Я...» и проч. Свѣтскіе люди не такъ васъ судили и говорили: «зачѣмъ ему намъ говорить о Богѣ?» Имъ, видно, за васъ совѣстно было. Лѣчилась гомеопатіею въ Москвѣ, мнѣ не хуже; на аллопатію не ставало уже силъ. Гдѣ вы и куда собираетесь? Когда въ Иерусалимъ? Пишите все въ Калугу. Прощайте, молитесь обо мнѣ, а я о васъ не забыла у гроба преподобнаго Чудотворца. Ваша отъ души.

Сбираюсь въ Питеръ, если Богу угодно; безъ Бога ни до порога.

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1888 г., томъ LIII, апрѣль, стр. 31—72; июнь, стр. 597—610; т. LIX, июль, стр. 49—62; т. LX, октябрь, стр. 125—147; изд. 1890, т. LXVI, июнь, стр. 639—656; т. LXVII, июль, стр. 195—212.

Калуга, октября 15-го 1846 г.

Ваше длинное письмо и ваши два коротенькія письма я получила одно за другимъ, любезный другъ мой. На длинное долго еще не буду въ состояніи отвѣчать; съ половины іюля я безирестанно хворала или, лучше сказать, была тяжело больна. Богъ одинъ знаетъ, что я выстрадала душевно и мысленно; физическихъ страданій не было, кромѣ почти трехмѣсячной бессонницы. Меня не оставляли добрые люди; при мнѣ были три старыя дѣвушки Бахметевы; онѣ мнѣ говорили: «выходить тебѣ, матушка, только слушай насъ, да молись». И въ самомъ дѣлѣ, внучили меня молиться, возили въ церковь, читали мнѣ вслухъ Евангеліе, молитвы, сочиненія Тихона Задонскаго, Иннокентія, и какъ сестры ходили за мной. Меня Господь не оставилъ въ самыя трудныя минуты, всегда молитва успокаивала меня и располагала къ новой молитвѣ. Теперь я уже хожу въ среду и въ пятницу къ обѣднѣ, и не чувствую скуки, которая прежде мною овладѣвала. Но довольно о себѣ.

Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ вы просите меня ѣхать въ Петербургъ ¹⁾. По первому же пути я сперва съѣзжу въ Воронежъ, по обѣщанію, а тамъ прямо въ Петербургъ. Впрочемъ, я увѣрена, любезный другъ мой, что все устроится безъ меня; такъ было и съ «Мертвыми Душами». Кажется, что письма ваши будутъ печататься: такъ сообщалъ мнѣ Аркадій, по приказанію Плетнева ²⁾. Я очень любопытна ихъ прочитатъ. Въ первомъ коротенькомъ письмѣ вы мнѣ говорите: «Если вамъ скучно въ Калугѣ, это знакъ, что душа ваша больна. Господь милостивъ: посылая одну болѣзнь, вылечиваетъ отъ другой». Мнѣ не скучно. Я люблю Калугу и губернский бытъ. Тутъ при многомъ дурномъ ярче выказываются хорошія стороны. Есть люди благочестивые и нѣтъ нестерпимаго петербургскаго чужороства, которое тамъ лучшихъ людей не оставляетъ... Я утромъ занимаюсь хозяйствомъ, читаю, т. е. мнѣ читаютъ, сама не въ состояніи, вышиваю по канвѣ, гуляю, дѣлаю визиты, а вечеромъ играю по 5 коп. мѣдью въ преферансъ или пикетъ. У насъ собираются до 20 человѣкъ запросто, съ работами дамы, барышни бѣгаютъ по залѣ, играютъ на клавикор-

¹⁾ О сборахъ А. О. Смирновой въ Петербургъ см. «Соч. и письма Гоголя», VI, 251—252.

²⁾ Объ участіи Арк. Ос. Россета въ изданіи «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» см. VI, 283, 311, 323, 324, 337, 357, 370, 389, 390. На 390 стр. читаемъ: «Россетъ правъ на счетъ письма къ его сестрѣ. Совершенно въ такомъ видѣ, какъ оно есть, ему неприлично быть въ печати».

дахъ и поютъ, а народъ слушаетъ. Если Богъ дастъ здоровье, то мнѣ останется только благодарить Его за превеликія Его милости.

Итакъ, вы въ Іерусалимѣ ¹⁾. Наконецъ, да благословить васъ Господь въ путь, не забудьте о мнѣ грѣшной у гроба Господа нашего Іисуса Христа. Помолитесь прежде пресвятой Его Матери, а я за васъ отслужу молебенъ съ акаѳистомъ у чудотворнаго образа Калужской Божіей Матери. Молюсь за васъ ежедневно, утромъ и вечеромъ, поминаю и за обѣдней. Скоро еще помяну... У меня былъ Исидоръ курскій, проѣздомъ въ Петербургъ, гдѣ онъ чередный. Мнѣ онъ очень понравился; говорилъ про Филарета кievскаго много интереснаго и кончилъ такъ: «это созрѣвшій гроздь, красотой ни съ чѣмъ несравненный». Прощайте, Христось съ вами. Обнимаю васъ; иду къ обѣднѣ. Среда и постъ! Н. М. все хлопочетъ; его любятъ, да нельзя и не любить, потому что всѣмъ дѣлаетъ добро, хотя взяточниковъ и выживаетъ.

Калуга, 10-го декабря 1846 г.

Вашу записочку изъ Флоренціи ²⁾ я нашла въ Калугѣ по возвращеніи изъ Воронежа. Я не въ Петербургѣ потому, что по обѣщанію должна была, при возвращеніи первыхъ силъ и установленіи пути, ѣхать къ Святителю. Вчера вечеромъ обдумывала, какъ совершить поѣздку въ Питеръ, потому что по всѣмъ признакамъ я беременна, и ухабы вредны въ этомъ положеніи; вчера же узнала, что Плетневъ писалъ Сергѣю Тимоѳею и отвѣчалъ на всѣ ихъ сомнѣнія и толки, что онъ будетъ все платить и выполнить вашу волю свято, и такимъ образомъ мнѣ совершенно не нужно ѣхать въ Петербургъ. За болѣзнію же были большія упущенія по нашимъ дѣламъ и по дѣламъ ввѣреннаго мнѣ дома Трудолюбія. Остановилась раздача хлѣба бѣднымъ и постройка домовъ безкровнымъ. Питеръ у насъ открылъ базаръ и духовный концертъ въ пользу этихъ несчастныхъ, которыми мнѣ давно пора заняться. Въ Воронежѣ я говѣла и за васъ отслужила молебенъ, любезный другъ,—молебенъ напутственный въ Іерусалимъ. Въ Москвѣ всѣ смущены вашимъ заключеніемъ къ «Ревизору» ³⁾, упрекаютъ васъ въ самолюбіи, въ увѣренности и

¹⁾ Гоголь былъ въ Іерусалимѣ только въ 1848 г., но собирался гораздо раньше; Смирнова имѣетъ здѣсь въ виду его слова: «Благословясь, поѣзжайте съ Богомъ со мной въ Іерусалимъ» (VI, 268).

²⁾ А. О. Смирнова имѣла здѣсь въ виду письмо Гоголя изъ Флоренціи отъ 8-го ноября 1846 г. (VI, 285).

³⁾ А. О. Смирнова говорятъ здѣсь о «Развизкѣ Ревизора».

самонадѣянности, въ незнаніи публички и проч.; въ особенности возражаютъ на портретъ. Не знаю, что вамъ сказать на этотъ счетъ: не знаю хорошо расположенія вашего. Есть такія эпохи въ жизни—едва ли это не рѣшительныя—въ которыя о свѣтскихъ толкахъ не думаешь. Молю Бога отъ души, чтобы Онъ васъ не оставилъ и напутствовалъ къ добру и спасенію. Прощайте, Христосъ съ вами.

Калуга, 11 генваря 1847.

Книга ваша вышла подь новый годъ, любезный другъ Николай Васильевичъ. И васъ поздравляю съ такимъ вступленіемъ, и Россію, которую вы подарили этимъ сокровищемъ. Странно! Но вы, все то, что вы писали доселѣ, ваши «Мертвыя Души» даже,—все поблѣднѣло какъ-то въ моихъ глазахъ, при прочтеніи вашего послѣдняго томика. У меня просвѣтлѣло на душѣ за васъ; хотя одна, Аркадій и Плетневъ не сомнѣвались въ милости Божіей къ вамъ, меня смущали толки и московское ополченіе (друзья!), которое долетало ко мнѣ черезъ Ивана Аксакова. Если же я устояла, то, вѣроятно, отъ того, что живу далеко, и болѣе отъ того, что тяжкій недугъ, страшная болѣзнь ума научали не сомнѣваться въ милости Божіей. Я вполне увѣрена, вопреки многимъ, что не оставитъ на дорогѣ заблужденій, односторонности и мелкаго формализма ¹⁾ Господь того, кто умѣетъ просить Его благодатнаго свѣта. Я это говорила Аксакову, говорила, разумѣется, съ свойственною мнѣ непримичною приткостію и совершенно съ нимъ разсталась ²⁾. Теперь вы оправданы; бѣдный Плетневъ, о которомъ сказано было, что онъ старый козакъ, и все готовъ печатать, даже и то, что на васъ налагаетъ печать стыда, т. е. сумасшествія (и какъ будто-бы сумасшествіе стыдъ, а не такой-же недугъ нашей страждущей за грѣхи природы и не есть наказаніе Божіе или испытаніе Его, какъ будто всякая болѣзнь не есть стыдъ.... Но это другая статья). Оправдана и я въ глазахъ москвичей, которые принимали за ужасную холодность къ вамъ и къ дѣлу общему мои слова слѣдующія: «если Гоголь не будетъ писать, видно, Богу такъ угодно, а за его душу я не боюсь, она будетъ спасена». Другихъ

¹⁾ Васъ упрекали въ католицизмъ и мелкомъ формализмѣ, потому что въ предисловіи назначены часы для дѣла и образъ, какъ дѣлать добро. Примѣч. А. О. Смирновой. На эти слова Гоголь отвѣчалъ: «Всякому хочется основать свою точку взгляда, затѣмъ, чтобы красно поговорить и самому порисоваться: отсюда католицизмъ, формализмъ и всякіе измы» (VI, 372).

²⁾ О размовкѣ съ Аксаковымъ Смирновой и Гоголя см. VI, 399.

словъ я не говорила, да и сказать не могла, потому что вѣрно, что силы и даются, и отнимаются по особенному предусмотрѣнiю Божію. Я по себѣ знаю въ своемъ маленькомъ кругу дѣйствій, что у меня не даромъ отнялась на время сила ума и даже воли; страданія мои были почти сверхъ силъ, а теперь уже чувствую, какъ это было нужно. Ваша книга меня примирила съ Аксаковымъ ¹⁾; мы читали вмѣстѣ, братъ, Левъ Арнольди, очень умный и благородный малый, Ив. Серг. (Аксаковъ) и я; случился тутъ еще мещовскій судья Клементьевъ, о которомъ, кажется, я писала къ вамъ, и умолялъ меня достать ему эту книжечку. Аксаковъ и Лева еще въ восторгѣ, просидѣли за ней цѣлую ночь. Перескажу вамъ ихъ первыя, вторыя и послѣднія впечатлѣнія.

Ну, душа моя, крѣпко обнимаю васъ и поздравляю съ милостію Божію. Отъ Надежды Николаевны Шереметевоы получила письмо; она просила передать, что узнаю о васъ, и говорить, что бѣгала къ Иверской не разъ, когда узнала, какіе толки носились по Москвѣ, велерѣчивой и опрометчивой. Теперь вотъ что я сдѣлаю въ своей Калугѣ. Купцу Антипину велѣла привезти 20 экз. сюда. 10 беру въ домъ, а 10 останутся въ лавкѣ у него. Еленевъ (студентъ московск. универс.); совѣтникъ губ. правленія, взялъ одинъ; другой—лихвенскій предв. Яковлевъ; третій—чиновникъ особ. пор. Экаревъ, мой сотрудникъ по дѣлу благотворительности; четвертый—Нелединскій, сынъ Юрія Алекс., бывший развратнѣйшимъ человѣкомъ въ жизни и искренне обратившійся въ прошломъ году черезъ Самарина старика, который далъ ему толкованіе Иннокентія на молитву Ефрема Сирина; пятый—генераль Темерязевъ, отставленный отъ должности ген.-губ. астраханскаго; шестой—помѣщикъ Чириковъ, хорошій человѣкъ, но, по несчастію, пьетъ. Четыре постараюсь пустить въ купечество и духовенство. Одну непременно пошлю Бриліантову, старшему члену духовному. Онъ умный, но черствый человѣкъ; на-дняхъ въ одинъ день онъ схоронилъ жену и взрослую замужнюю дочь, отъ которой двое дѣтей осталось съ нетрезвымъ отцомъ, священникомъ-же. А съ десятью экземплярами вотъ что намѣрена сдѣлать. По поводу базара и другихъ оборотовъ въ пользу бѣдныхъ, даже и маскарада, у меня были переписки съ уѣздными предводителями, которые единодушно показали много услужливости. Теперь приходится ихъ благодарить письменно, при каждомъ письмѣ приложу книгу съ надписью: «въ знакъ благодарности; подарокъ

¹⁾ Иваномъ Сергѣевичемъ.

вамъ и семьѣ вашей», и присовокуплю просьбу написать мнѣ впечатлѣнія ихъ при прочтеніи, равно и тѣхъ, которымъ дадутъ ее прочесть. Все вамъ перешлю въ оригиналѣ, равно какъ и передамъ все, что услышу. Писать вамъ можно отсюда много, только записывать ежедневно, но при болѣзни и безднѣ занятій, въ особенности при непорядочной жизни, это не всегда возможно. А непорядокъ не отъ меня зависитъ, а множества побочныхъ обстоятельствъ, выше которыхъ я не могу стать ¹⁾).

Калуга, 18 февраля 1847 г.

Давненько нѣтъ отъ васъ писемъ, любезный другъ Николай Васильевичъ. Стороною я узнала, что вы въ любезномъ нашемъ Римѣ и, вѣроятно, говѣли на первой недѣлѣ? На-дняхъ узнала отъ Аксакова, что вы писали къ Сергѣю Тимофеевичу и просили его написать, какое впечатлѣніе производятъ ваши письма, и сами опасаетесь, что публика еще не созрѣла для такого рода книгъ. Нашли-же вы къ кому адресоваться ²⁾. Все его общество сами изъ числа тѣхъ людей, которые не созрѣли для вашей книги и едва-ли когда созрѣютъ, потому что считаютъ себя выше всѣхъ истинъ Хр., которыя въ ихъ глазахъ *des lieux communs*.

Вы спрашиваете, созрѣло-ли общество, т. е. чувствуетъ-ли оно потребность въ утѣшеніи духовномъ и, мнѣ кажется, вашъ вопросъ ошибочный. Гдѣ и когда общества были готовы и принять, и оцѣнить всякое произведеніе истинно высокое и выходящее изъ колеи посредственности? Гдѣ и когда не оспаривали, не осмѣивали и не унижали то, чего цѣль было одно добро, безъ желанія нравиться, прельстить или забавить общество! Всегда и вездѣ мы видѣли, что общество стояло ниже тѣхъ людей, которые посылались какъ переловые, а не менѣе того этимъ людямъ слѣдовало дѣйствовать словомъ и дѣломъ по убѣжденію. Да и теперь у насъ, мы слушаемъ и читаемъ Иннокентія и Филарета, хотя, конечно, не созрѣли ни до высокаго богословія послѣдняго, ни до духовнаго развитія Иннокентія. Читаютъ ихъ немногіе и, конечно, не Аксаковъ и не пишущая и не критикующая братія, но читаютъ ихъ тѣ, надъ которыми они смѣются, и читаютъ съ благодарностью и думаютъ во столько, во сколько имъ дано думать.

Скажу вамъ, что здѣсь въ духовенствѣ разошлась ваша книга;

¹⁾ Отвѣты на это письмо см. «Соч. и письма Гоголя» VI, 344—348, 371—374.

²⁾ Рѣчь идетъ о письмѣ Гоголя къ С. Т. Аксакову, отъ 20 января (новаго стиля) 1847 г. (см. «Соч. и письма Гоголя», VI т., стр. 324—326). В. III.

нашъ пріятель Петръ Степановичъ Аложинскій очень ею доволенъ и сказалъ мнѣ: «онъ пророчески говорить». А Петръ Степановичъ очень умный и дѣльный попь, лѣтъ 55-ти. Онъ говоритъ: «да зачѣмъ Гоголю смущаться тѣмъ, что многіе его будутъ бранить, или вовсе не поймутъ его; онъ долженъ быть убѣжденъ, что стойтъ на пути истины, если руководствуется Богомъ и любовью къ ближнему, и потому не долженъ смущаться всѣмъ крикомъ друзей».

Критика Бѣлинскаго самая пустая, и легко понятно—почему. Ему хотѣлось васъ бранить за направленіе, а направленіе онъ не осмѣлился обругать, да и цензура не пропустила бы тогда его статьи ¹⁾. Всѣ другія статьи просто глупы. Отзывы-же письменные вашихъ друзей — просто не христіанскіе, недоброжелательные, и въ ихъ глазахъ вы просто сумасшедшій. Я съ Аксаковыми поссорилась по этому поводу, исключая старушки Ольги Семеновны. Они вѣчно порицали Петербургъ, балы и всю пустоту свѣтскую, потому что по обстоятельствуамъ были внѣ этой пустоты, а сами изъ литературы, социализма и всѣхъ современныхъ вопросовъ сдѣлали пустоцвѣтъ и пустозвоніе. Жуковскаго осмѣивали; кивали уже головой, говоря о Пушкинѣ, однимъ словомъ, ставили себя выше всего, не сдѣлавши ровно ничего. Кромѣ того, что васъ стараются уличить въ разстройство ума, говорятъ еще, что вы католикъ, формалистъ, какъ будто можете обойтись что-либо безъ законной формы, и какъ будто въ нашей церкви не было своего формальщика; говорятъ, что вашу книгу могутъ только прельщаться плачливыя ханжи, какова Новосильцева въ Москвѣ, и скотный дворъ О. Н. Глинки. Я себя считаю теперь на скотномъ дворѣ и въ числѣ ханжей и, признаюсь, очень рада, что не обрѣтаюсь въ числѣ Аксаковыхъ, живущихъ по невѣдомому мнѣ закону любви, какъ и весь славянскій міръ. Ненависть къ власти, къ общественнымъ привилегіямъ, къ высокому рожденію и богатству—таковая-то отвлеченная страсть къ идеальному русскому, таящемуся въ бородѣ,—вотъ начало этихъ господъ. Не коммунизмъ-же это со всѣми своими гадостями, т. е. коммунизмъ Жоржъ Занда.

¹⁾ А. О. ошибалась: Бѣлинскій былъ недоволенъ не однимъ направлениемъ Гоголя; В. Г. Б. писалъ ему: «Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ простыхъ смертныхъ, могла быть только плодомъ или гордости, или слабоумія, и въ обоихъ случаяхъ ведетъ къ лицемерію и ханжеству». «Вы знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человекъ, роль котораго вы неудачно привяли въ своей фантастической вынѣ, и это не потому, чтобы вы не были мыслящій человекъ, а потому, что привыкли смотрѣть на Россію изъ прекраснаго далека». В. III.

Умоляю васъ, любезный другъ, не смущаться ихъ словами, не вѣрить имъ и предать себя совершенно Богу и идти послушно за Нимъ впередъ, хотя многимъ покажется, что вы идете назадъ.

Смерть (поэта) Языкова васъ, вѣроятно, огорчила; странно, что онъ хотѣлъ, чтобы ему сдѣлали цыганскія поминки: послѣ духовнаго обряда, самъ назначилъ повару, какой изготовить обѣдъ и какія вина подавать. Эта поэтическая шалость мнѣ показалась глупою и неуиѣстною для человѣка, который умеръ не исполнивши долгъ христіанскій; въ Москвѣ всѣхъ это тѣшило, а друзья его пили всю ночь, читая его стихи. Но мнѣ это просто гадко; человѣку слабому и больному много вздора приходится на умъ, но здоровые друзья не всегда должны исполнять его волю. Признаюсь вамъ, мнѣ очень надоѣдаютъ люди эксцентрическіе, которые никакъ не могутъ увѣриться, что все въ жизни просто для человѣка вѣрующаго и повинующагося безусловно волѣ Божіей.

Безирестанный запросъ о томъ, примиряется-ли художество, вообще искусство и общественный порядокъ съ Евангеліемъ, наводятъ на меня нестерпимое нетерпѣніе. Этими вопросами промышляетъ здѣсь (И. С.) Аксаковъ, которому Богъ удѣлилъ мѣсто товарища предсѣдателя уголовной палаты. Шутка-ли всякій день рѣшать судьбу или жизнь человѣка въ 25 л.; а онъ одинъ рѣшаетъ, потому что предсѣдатель и всѣ прочіе, по торжественной своей глупости, ничего не знаютъ. Впрочемъ, кромѣ его никто у насъ въ Калугѣ не помышляетъ объ этихъ вопросахъ.

Всѣ заняты минутнымъ интересомъ, неслужащіе и дворяне-помѣщики жалуются, разоряются, а служащіе, если не наживаются, то живутъ хорошо и плотно мѣстечками. Вообще всѣ говорятъ, что теперь мѣста не то, что въ старину, вѣроятно отъ того, что болѣе служащихъ,— другому приписать нельзя скудость доходовъ неправильныхъ. Вотъ вамъ разговоръ довольно любопытный. Я и братъ Левъ Арнольди, старшій секретарь губернскаго правленія:

— «Лѣва, ты берешь взятки?»

«Не умѣю».

— «А развѣ надобно умѣть это дѣло?»

«А какъ-же — это талантъ. Во-1-хъ, уже какъ-бы по духу смекнули, что я не беру, и никто мнѣ не предлагалъ».

— «А сколько ты могъ-бы брать?»

«Тысячъ 7,000 асс. въ нашей губерніи, а есть хорошія, гдѣ берутъ до 15,000 старшіе секретари».

— «Да ты что-жъ не берешь, я бы брала и давала бѣднымъ, или бы составила сумму и предъявила-бы ее государю».

«Не умѣю; возьму такъ, что меня тотчасъ сгубятъ они-же и за этотъ-же фактъ меня самъ государь накажетъ».

Разговоръ любопытный, фамильный и, вѣроятно, ежедневный въ Россіи. Вообще человѣкъ, который не беретъ, если въ высококомъ мѣстѣ, не поддержанъ лично милостями государя; если въ маленькомъ чинѣ, не имѣетъ состоянія,—считается дуракомъ и его никто въ грошъ не ставитъ въ чиновномъ людѣ. Онъ имъ всегда чуждъ и даже они его не терпятъ, очень недоувѣрчивы къ нему. Тому живой примѣръ мешовскій судья, который долженъ будетъ оставить даже мѣсто. Впрочемъ, служащіе по выборамъ менѣе подвергаются ненависти за безкорыстіе, потому что дворяне все-таки его поддерживаютъ. Не смотря на весь этотъ страшный порядокъ дѣлъ, на параллельную организацію взяточнаго дѣла съ ходомъ дѣла, я убѣждена, что надобно служить всякому честному человѣку, бороться со зломъ, пока силъ станетъ,—и никого не сгонять съ мѣста. Это одинъ способъ принести свою лепту въ Россіи.

Надобно стать уже на слишкомъ высокой степени духовнаго развитія мужчинѣ, чтобы заняться единственно управленіемъ имѣнія, не помышляя о своихъ выгодахъ. Тутъ каждый мужчина способенъ увлечься и болѣе запутать дѣла свои, и начинаетъ спекуляціи, строить фабрики, заводы, входитъ въ винокурение и проч.; а извѣстно, что все это вздоръ и пагуба для имѣній. Я убѣждена, что кромѣ хлѣбопашества, еще нельзя, до поры до времени, ничего заводить въ Россіи, а на такую скуку и однообразность способны еще однѣ женщины. И точно, женщины весьма рѣдко разстраиваютъ свое имѣніе, если остаются хозяйками. Вслѣдствіе чего хозяйничаю я, пока мой губернаторъ губернаторствуетъ, т. е. воюетъ противъ взяточниковъ. Обыкновенно вотъ его наказъ при опредѣленіи чиновника: «Вотъ вамъ мѣсто, м. г., вы отсюда можете дойти до стряпчаго или совѣтника. О васъ хорошо пока относятся; знайте, что при первой взяткѣ вы пойдете подъ судъ, потому на мѣстѣ всякій способенъ уклоняться». Онъ такъ занятъ, что рѣшительно не можетъ заняться имѣніемъ и потому мало по малу все перешло въ мое вѣдомство, и я по утрамъ сижу съ надворною описью или отчетами. Къ собственному удивленію моему, не только не скучаю этимъ дѣломъ, но даже скучаю, когда его нѣтъ.

Теперь пришло приказаніе отъ государя подать вѣдомость о всѣхъ пустопорожныхъ земляхъ во всей Имперіи, приказаніе самое неопредѣлительное, такъ что навѣрное не знаютъ, какія это пустопорожныя земли — болота-ли, кустарники-ли, или просто необработанныя поля. Сносились съ министерствомъ, откуда написали: извольте справиться

съ такую-то статью Св. зак. А тамъ сказано такъ глухо, что теперь всякъ себѣ и дѣлаеть по своему соображенію. Это повелѣніе породило пропасть толковъ и опасеній между помѣщиками. Въ одномъ уѣздѣ Харьковской губ. рѣшили такъ перепуганные помѣщики: «это вотъ что, дескать: всѣхъ владѣльцевъ, у которыхъ менѣе 20 душъ, будутъ переселять въ Сибирь». Это напоминаетъ разговоръ двухъ дамъ: «это вотъ что: Чичиковъ хочетъ увезти губернаторскую дочку».... Прощайте, любезный другъ, обнимаю васъ крѣико, молюсь за васъ всякій день и прошу писать хоть нѣсколько строкъ.

Калуга, 22-го марта 1847 года ¹⁾.

Христосъ Воскресе! любезный Николай Васильевичъ. Сегодня утромъ получила ваше письмо, отъ 28-го февраля, изъ Неаполя; вы не даете мнѣ адреса и я все пишу въ Римъ, въ посольство ²⁾. Тамъ уже два моихъ письма васъ ждутъ, послѣ появленія вашей переписки, кромѣ того, которое вы получили. Здоровье мое плохо.... Въ концѣ мая ожидаю родовъ своихъ и тутъ рѣшится, чего мнѣ ждать отъ будущности. Я уже разъ было совсѣмъ отправилась на тотъ свѣтъ и была въ совершенномъ безпамятствѣ. Не знаю, что теперь Богъ дастъ.

(Калуга), 25-го марта (1847 г.).

День отъ дня не легче, любезный Николай Васильевичъ,—писать, читать рѣшительно не могу; временами слабость мыслей невыразима. Хотѣлось-бы вамъ услужить, но не могу. Вчера мы говорили съ братомъ, что вамъ-бы непремѣнно нужно пріѣхать хотя на шесть мѣсяцевъ—пожить въ губернскомъ городѣ ³⁾, что именно ничего нѣтъ лучше, какъ быть въ короткихъ сношеніяхъ съ губернаторшей. Живя въ домѣ, вы увидѣли-бы весь ходъ машины и весь-бы міръ этотъ открылся вамъ во всей широтѣ и наготѣ... Даже три мѣсяца достаточны. Теперь мнѣ уже самой многое не является въ тѣхъ разительныхъ чертахъ, какъ вначалѣ, когда весь этотъ бытъ былъ новъ. Странно довольно, что лѣтъ 50 тому назадъ общій ходъ дѣлъ былъ хуже, т. е. рѣзче были безпорядки, но были люди строгой, высокой нравствен-

¹⁾ Огвѣтъ на это письмо см. въ «Соч. Гоголя», т. VI, 397.

²⁾ См. VI, 372 (письмо отъ 20-го апрѣля 1847 г.): «Вамъ кто-то навралъ, что я въ Римѣ, тогда какъ до сихъ поръ изъ Неаполя никуда ноги не заносилъ».

³⁾ Гоголь, въ свою очередь, приглашалъ Смирнову въ Остенде, куда самъ надѣялся пріѣхать (См. VI, 397, 398). В. III.

ности, или люди очень умные и вообще болѣе русскіе; а теперь какъ-то все обмельчало и оскудѣло. Меня увѣряютъ, что это оскудѣніе, нравственное особенно, сдѣлалось замѣтно послѣ войны 1812 года,—говорилъ мнѣ это одинъ очень умный священникъ, здѣсь въ Калугѣ,—то, что прежде многіе говорили.

Описать вамъ отдѣльныя лица ¹⁾ я теперь не могу, потому что при болѣзненномъ состояніи тѣла исчезла веселость ума, которая водилась; притомъ смѣшная и рѣзкая сторона лицъ изглаживается, когда ихъ видишь часто, остается только нѣчто противное на душѣ отъ прикосновенія съ ними. Есть странныя нравственныя явленія, но въ подробности я не буду ихъ описывать.

Алексѣй Алексѣевичъ Т***, главный врачъ Хлюстинской больницы, женился недавно въ Петербургѣ на воспитанницѣ воспитательнаго дома, хорошей, доброй, бѣдной и молоденькой дѣвушкѣ. Всѣ его хвалятъ, любить и въ больницѣ имъ очень довольны всѣ. Человѣкъ онъ очень иска- тельный, всякій праздникъ явится непременно ко мнѣ въ бѣломъ гал- стухѣ, съ огромнымъ бантомъ, въ шведскихъ перчаткахъ, руку прижи- маетъ къ сердцу и говоритъ, низко кланаясь: «Ваше превосходительство, не смѣлъ, ей Богу, не смѣлъ васъ беспокоить, пріѣхалъ узнать о здоровьи, но люди доложили». Отъ меня ѣдетъ ко всѣмъ властямъ, и говоритъ о нравственности много и хорошо, жену обожаетъ, о семейномъ счастьи говоритъ самымъ трогательнымъ образомъ, и въ самомъ дѣлѣ хоро- шій мужъ, отецъ и хозяинъ; добръ очень до людей. Показалось мнѣ странно, что у него Гамбсова мебель вся въ разбросъ по тѣснымъ комнатамъ его казенной квартиры и карета на плоскихъ рессорахъ, низенькая. Я спросила инспектора врачебной управы, откуда такія богатства? Онъ мнѣ отвѣчалъ съ удивленіемъ: «Да развѣ вы не знаете, что онъ былъ 20 лѣтъ на содержаніи у старухи С—виной, когда былъ врачомъ въ Боровскѣ; за свою вѣрную службу получилъ капиталъ; она умерла, онъ и зажилъ». Я сказала: «Да вѣдь это все-таки подлость». «Конечно, сказалъ Быховскій (хохолъ, очень умный и прекрасный человѣкъ),—но Т—кій прекрасный человѣкъ, не смотря на 20-ти-лѣт- нюю подлость». Какъ это вмѣстѣ все соединяется?!

Вотъ еще фактъ любопытный. Хфилиппъ Ивановичъ Х***, но впро- чемъ онъ теперь оберъ-прокуроръ въ 7-мъ департаментѣ въ Москвѣ, и Калуга въ 7-мъ департаментѣ. Сидитъ онъ тамъ съ сенаторомъ Бѣгиче- вымъ, а Бѣгичевъ ревизовалъ нашу губернію, когда Хфилиппъ Ивановичъ.

¹⁾ Объ этомъ Гоголь просилъ въ письмѣ отъ 22-го февр. 1847 г. (VI, 347). Съ сходною просьбою онъ обращался также къ А. С. Данилевскому. (См VI, 360).

былъ предсѣдателемъ гражданской палаты, и представилъ его въ весьма черныхъ краскахъ, а съ тѣхъ поръ время ушло и Х*** сидитъ у него на спинѣ и будетъ ему дѣлать непріятности, на что онъ мастеръ, и нашему губернатору будетъ наклеивать носы, какъ говорить въ провинціяхъ. Стоило послѣ того посылать сенатора ревизовать палату, и какого мнѣнія Панинъ ¹⁾ о честности. Результатъ такого назначенія пагубенъ для губерніи, потому что это укрѣпляетъ людей въ той мысли, что надобно быть пройдохой, и что въ самомъ дѣлѣ честные и прямые люди умираютъ съ голоду въ мелкихъ чинахъ, или, если имѣютъ состояніе, какъ напримѣръ Николай Михайловичъ, то оставляютъ службу, вслѣдствіе непріятностей отъ министра, которому представлять васъ мошенники начальники департаментовъ, какъ безпокойнаго человѣка, неуживчиваго и гонящаго самыхъ дѣльных чиновниковъ. А дѣлецъ всегда воръ и бестія въ губерніи...

Женщины молодого поколѣнія, т. е. тѣ, которыя говорятъ по французски, вообще дрянъ. Читаютъ романы Сю, Дюма въ переводахъ и набираютъ самыхъ глупыхъ мыслей. Цѣлый день рыскаютъ одна къ другой, играютъ въ преферансъ съ утра. Есть очень бѣдныя, которыя на счету лвиць, потому что не дурны собой; эти дуры не занимаются хозяйствомъ, ни дѣтьми, ни работой, а туда-же читаютъ надъ окошечкомъ низенькаго деревяннаго домика и выжидаютъ какого-нибудь льва. Упрямство у нихъ удивительное; онѣ убѣждены, что вся премудрость черпается въ фельетонахъ, и многія мнѣ отвѣчали: «неужели мы вамъ повѣримъ, что лучше читать проповѣди, нежели романы французскіе, а куда въ свѣтъ уйдешь съ проповѣдями! Для разговора нужно знать «Mystères de Paris» и «Вѣчнаго жида». Вообще утрачивается отъ этого искусство наливкокъ, солений и варений, и всѣ занятія прошлаго женскаго поколѣнія. Посты многія изъ этихъ дамъ еще соблюдаютъ, но не знаю, по какой связи въ мысляхъ; ни отъ одной толку не добьешься на этотъ счетъ. А знаете-ли, что было въ Москвѣ великимъ постомъ? Въ пользу бѣдныхъ выдумали катанье по городу и глсиды съ горъ съ факелами. Народъ толпится по улицамъ и вокругъ горъ, и говоритъ: «хорошо придумали господа: баринъ сядетъ, да къ себѣ барыню посадить на колѣни, а тамъ ужинаютъ,—вотъ ихъ и постъ». Князь Голицынъ, Сергѣй Михайловичъ, писалъ объ этомъ генераль-губернатору; но такъ какъ его супруга предсѣдательница общества благо-

¹⁾ Викторъ Никитичъ Панинъ, министръ юстиціи; см. о немъ воспоминанія въ «Русской Старинѣ» 1887 г., XI и XII, и въ «Русскомъ Архивѣ», 1887 г., XII.

творительности, то письмо князя Сергѣя Михайловича осталось безъ вниманія. Говорятъ, что преосв. Филаретъ тоже просилъ кн. Щербатова отмѣнить эти катанья, которыя Константинъ Сергѣевичъ (Аксаковъ) называетъ «богоугоднымъ коверканьемъ». Вспомните, что Тихонъ Задонскій тому 70 лѣтъ, въ Воронежѣ, на масляницѣ, остановилъ безчинствующій народъ однимъ словомъ. А преосв. Филарета не послушался высшій кругъ, безчинствующій изъ ложныхъ понятій о благотворительности и просвѣщеніи! На что-де намъ, людямъ просвѣщеннымъ, постъ и соблюденіе церковныхъ постановленій! И все искупается словами: «въ пользу бѣдныхъ». Вотъ пагубный примѣръ для губерній!

Постъ дѣло весьма важное не для отдѣльныхъ лицъ, но какъ гражданское обузданіе для низшаго народа; извѣстно, что откупщики пируютъ всѣ по постамямъ.

Письмо это я пишу недѣлю, потому что въ промежуткѣ нашла на меня такая слабость, что не было возможности продолжать, и теперь кое-какъ дописываю. Не взыщите, что все сбито, безъ связи и порядка. Связь есть въ сущности, потому что все это примыкаетъ къ тому, что вижу и слышу ежедневно.

Отчего вся гадость и безнравственность меня болѣе здѣсь поражаетъ, нежели въ Петербургѣ? Вѣдь люди не лучше-же тамъ? впрочемъ, мнѣ кажется, что лучше; можетъ быть, я и ошибаюсь.

А. О. Смирнова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ

Письмо къ М. Н. Загоскину.

Милостивый Государь Михаилъ Николаевичъ Братъ вчерашняго Австрійскаго Императора Щепина возъимилъ сильное желаніе быть принятымъ въ театральную шволу. Препоручаю Его Высочество Вашему покровительству.

Сегодня или завтра ѣду въ П.-Б. на нѣсколько дней.—Надѣюсь при своемъ возвращеніи нати Васъ и все семейство Ваше въ добромъ здоровіи.—Весъ Вашъ А. Пушкинъ.

14 іюля.

Москва.

На оборотѣ: «Его Высочородію Милостивому Государю Михайлу Николаевичу Загоскину».

Сообщ. В. А. Кордтъ.

Примѣчаніе. Письмо передаемъ буква въ букву. Пушкинъ написалъ его именно такъ, какъ оно здѣсь приведено. Почеркъ такой крупный и разборчивый, что ошибаться нельзя. Дѣло идетъ вѣроятно объ одномъ любителѣ сцены, игравшемъ на спектаклѣ роль императора австрійскаго. М. Н. Загоскинъ—славный романистъ—былъ директоромъ Императорскихъ Московскихъ театровъ.

В. К.

СЛУЧАЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ въ 1848 г.

Разсказъ бывшаго гвард. офицера.

I.

1848 года декабря 6-го дня — тезоименитство е. и. вел. государя Николая Павловича, большой выходъ при дворѣ въ Зимнемъ дворцѣ ¹⁾).

Декабря 7-го дня я былъ наряженъ, по зарѣчному положенію, на главную гауптвахту II-го отдѣленія карауловъ Петропавловской крѣпости за старшаго. Въ это время постоянного моста Исакиевскаго, гдѣ нынѣ Николаевскій, не было. Троицкій и вообще мосты на плашкоутахъ были разведены для свободнаго прохода ладожскаго льда.

Будучи утомленъ вчерашними танцами, до которыхъ я большой былъ охотникъ, не успѣлъ хорошенько отдохнуть, и потому послѣ вечерней зари, сидя въ караульныхъ большихъ креслахъ, во всей формѣ, каска на столѣ, спалъ я такъ крѣпко, что полѣнился, и то въ первый разъ, чего прежде себѣ не позволялъ, обойти казематы, арестантовъ не повѣрилъ, а поручилъ старшему унтеръ-офицеру.

По смѣнѣ караула, 8-го декабря, въ полдень, я благополучно возвратился въ офицерскій флигель, оставался у себя въ комнатѣ на

¹⁾ Впослѣдствіи передалъ мнѣ нашъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка полковой адъютантъ, капитанъ Николай Николаевичъ Пузановъ, такую новость, которая хотя кого поворобила-бы, а я въ то время не зналъ и не подозрѣвалъ, да оно было и въ лучшемъ, что во время большаго выхода начальникъ штаба шефа жандармовъ, генер.-лейтенантъ Леонтій Васильевичъ Дуббельтъ, спросилъ нашего гвардейскаго корпуса начальника штаба, генер.-лейтенанта Павла Александровича Витовтова: «Что-же не присылаете гренадерскаго полка поручика Жеденова?»

отдыхъ, готовясь 9-го числа ѣхать съ поздравленіемъ имянинницъ и потанцовать, но человекъкъ предполагаетъ—Богъ располагаетъ.

Воздушные мои замки улетучились разомъ. Въ 8 час. пополудни изъ полковой канцеляріи получаю повѣстку слѣдующаго содержанія: «Явиться въ главный штабъ гвардейскаго корпуса въ 7¹/₂ часовъ утра, 9-го декабря, прибыть къ начальнику штаба, на квартиру его превосходительства».

Не прошло десяти минутъ, старшій писарь Севастлицкій прибѣгаетъ ко мнѣ въ квартиру и быстро говоритъ: «в. б.! его превосходительство полковой командиръ требуетъ васъ немедленно пожаловать по дѣламъ службы».

Мнѣ тотчасъ промелькнуло въ мысляхъ, что за моимъ карауломъ 7-го декабря въ Петропавловской крѣпости на главной гауптвахтѣ не бѣжалъ-ли изъ каземата какой арестантъ.

Являюсь къ командиру полка, генералу Саллосу.

— «Для чего васъ требуетъ начальникъ штаба? Не нашалили-ли чего?»

— «Не бѣжалъ-ли арестантъ?» отвѣчаю.

Я объяснилъ причину моего предположеннаго недоразумѣнія.

— «Какъ такъ быть неосторожнымъ. Отъ начальника штаба тотчасъ ко мнѣ явиться, и передать, что было».

Вечеру всѣ мои письма, полученные отъ матушки и другихъ лицъ, почтовую бумагу, я положилъ подъ тюфякъ. Легъ спать съ мыслью: что-то завтра будетъ? зачѣмъ потребовалъ меня начальникъ штаба? въ чемъ провинился?—не мало былъ удивленъ повѣсткою.

Рано утромъ, напившись чаю, тщательно выбрился, приказалъ кучеру Маркелу Давыдову приготовить сани къ 7-ми часамъ утра, и въ половинѣ восьмаго, перекрестясь, поѣхалъ, «по дѣламъ службы», въ полной парадной формѣ, въ гвардейскій штабъ, на квартиру начальника штаба, генер.-лейтенанта Витовтова. Отыскалъ дежурнаго писаря, приказалъ немедленно о себѣ доложить его пр—ству. За дверью слышу: «сейчасъ».

Вхожу въ кабинетъ. Генералъ былъ въ гвардейскомъ саперномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, безъ эполетъ. Представляюсь.

— «Вѣчно въ полкахъ за цѣлый часъ повѣщаютъ являться», съ гнѣвомъ проговорилъ онъ; затѣмъ: «но... но...» генералъ Витовтовъ приостановился, собираясь съ мыслями что-то сказать. Тишина невозмутимая... Я былъ весь вниманіе. Витовтовъ тихо проговорилъ:

— «Васъ требуетъ къ себѣ его с—ство графъ Орловъ. Если что случится съ вами, я васъ прошу меня увѣдомить, хотя на клочкѣ

простой бумаги, о приключившемся съ вами несчастіи, и что могу, буду хлопотать о васъ у его высочества» ¹⁾).

Отвѣшиваю его пр—ству глубочайшій поклонъ.

— «Немедленно явитесь къ его сіятельству гр. Орлову. Знаете-ли, гдѣ живетъ графъ?» Не дождавшись моего отвѣта, продолжаетъ: «Скажите, что вы присланы отъ меня. Графъ живетъ у Краснаго моста, въ собственномъ домѣ. Поѣзжайте».

Ѣду къ графу Орлову, къ главному подъѣзду одно-этажнаго графскаго дома (теперь здѣсь ресторанъ Contant). Въ дверяхъ передней встрѣтилъ меня съ грозною миною камердинеръ его сіятельства; отойдя нѣсколько въ сторону, осмотрѣлъ меня съ изумленіемъ, не двигаясь съ мѣста, не снимая съ меня моей шинели. Не дожидаясь исполненія его обязанности,—кромѣ его никого не было,—я преспокойно сбросилъ съ себя шинель на диванъ. Не успѣлъ снять калошъ, какъ показался начальникъ штаба корпуса жандармовъ, Л. В. Дуббельтъ, въ общегенеральской формѣ, въ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ. Быстро подойдя ко мнѣ, спросилъ:

— «Вы Жеденовъ, поручикъ л.-гв. гренадерскаго полка?»

— «Точно такъ, в. пр—ство».

Повелъ меня въ столовую графскаго дома.

— «Побудьте здѣсь».

Самъ пошелъ во внутренніе апартаменты графа.

Оставшись одинъ, я окинулъ взоромъ обширную, съ большимъ по срединѣ круглымъ столомъ, столовую, и замѣтилъ преклонныхъ лѣтъ у окна смиренно стоявшаго старца. Впослѣдствіи я узналъ, что это бывшій домашній учитель графа, жившій у его сіятельства на покой. Между тѣмъ, камердинеръ-щеголь, въ большихъ сапогахъ съ кистями, во фракѣ, раза два, искоса поглядывая, прошелся мимо меня. Десяти минутъ не прошло, приходитъ генераль Дуббельтъ и говорить:

— «Графу пока не время, такъ пріѣзжайте черезъ часъ».

Куда и къ кому такъ рано на время ѣхать?

— «Пошелъ, говорю кучеру, — въ Большую Коломну, къ Савинскимъ».

Ранній мой пріѣздъ (8 час. утра) потревожилъ стариковъ. Засталъ ихъ въ столовой за чаемъ.

— «Что такъ рано, спрашиваютъ меня,—и куда во всей парадной формѣ?»

¹⁾ Его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами.

— «Меня требуетъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ».

Испугъ показался на добрыхъ лицахъ моихъ дорогихъ стариковъ.

— «Не напраказничаль-ли чего?»

— «Нѣтъ; самъ не знаю для чего. Я къ вамъ прѣхалъ просить васъ, Александра Ивановна и Егоръ Михайловичъ, о томъ, что если черезъ три дня не возвращусь, то прошу собрать все мое имущество и продать его. Матушку мою повѣстить по почтѣ, если что услышите, и о чемъ бы это ни было, но только прошу, ради Бога, объ одномъ, не прямо къ ней, а къ родному моему брату, Петру Николаевичу, письмомъ предупредительнымъ, чтобы не испугать больную слѣпую мать мою».

Самъ я при этомъ горько заплакалъ...

Старики Савинскіе любили меня, какъ добраго роднаго сына, соболѣзновали обо мнѣ, погоревали со мною и благословили меня. Выпилъ стаканъ чаю, немного согрѣлся. Душа не на мѣстѣ, такъ и клочочеть. Мрачныя мысли тѣснились въ головѣ.

Часъ отъѣзда насталъ. Со слезами простился съ стариками; провожая меня въ неизвѣстный путь, старики благословили меня. Много благодаренъ я былъ за искреннее ихъ участіе ¹⁾.

Вторично прѣзжаю въ домъ графа Орлова, откуда не суждено было мнѣ возвратиться домой, какъ я предполагалъ, и пуститься съ визитами къ имянинницамъ и быть на вечерѣ у Анны Александровны Туманской. На умѣ были свѣтскія удовольствія, объ угрожавшей и меня ожидавшей опасности мало помышлялъ, а былъ ко всему равнодушенъ.

На этотъ разъ въ передней не долго пробылъ. Графъ Орловъ потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ. Входя изъ прихожей направо, комната весьма небольшая. Генералъ Дуббельтъ былъ уже тамъ, по лѣвую сторону графа, сидѣвшаго за письменнымъ столомъ, въ креслахъ, въ сюртукѣ лейбъ-гвардіи коннаго полка, безъ эполетъ, съ серьезною фізіономіею, прямо противъ дверей, въ которыхъ, между косяками, я остановился. Совершивъ форменный его с—шту поклонъ, я тутъ же застылъ, вытянувшись въ струнку, въ ожиданіи приказаній. Лѣвѣе графа А. Ѳ.—генералъ Дуббельтъ, и еще лѣвѣе—начальникъ тайной полиціи, съ двумя звѣздами, въ мундирномъ фракѣ ²⁾.

¹⁾ Въ это время слѣдили, куда и къ кому поѣду и у кого буду. Обстоятельство это узналъ уже послѣ, отъ нашего полковаго адъютанта, капитана Николая Николаевича Пузанова, и еще онъ сообщилъ, что полковой аренапъ приговорилъ меня къ изгнанію, по рѣшенію дѣла, изъ полка. Каково?! Строгіе судьи сами не вѣдали и не знали, за что меня осудили уже на изгнаніе.

²⁾ Де-Сангленъ.

Ж.

Если это былъ Яковъ Ив. де-Сангленъ, то, конечно, тотъ самый, обширныя и интересныя записки котораго, 1776—1831 гг., напечатаны въ «Русской

Вопросы были деликатныя, утонченныя. Графъ: «Кто вы? гдѣ воспитывались и гдѣ кончили курсъ наукъ?»

Объяснялъ ровно, покойно, по пунктамъ, безъ замѣшательства. Жду новыхъ.

На вопросъ графа: «не знаю-ли такихъ-то, предъявляя для прочтенія списокъ многихъ лицъ, мнѣ совершенно незнакомыхъ, и одну невзрачную фамилію Чеснокова,—часто ли выдаюсь?»—Отвѣчаю отрицательно.

Вдругъ графъ отъ себя указалъ вправо.

— «Не знакомы-ли вы съ этимъ господиномъ?»

— «Не имѣю чести быть знакомымъ».

— «Взгляните хорошенько».

Вглядываюсь и вижу, что этотъ господинъ былъ на вечерѣ 4-го декабря въ домѣ Петра Степановича Износкова, моего троюроднаго брата; его жена Варвара Андреевна была имянинница, танцовали, и я, какъ распорядитель танцевъ, приглашалъ кавалеровъ, въ томъ числѣ и сего господина, принять участіе въ танцахъ; другихъ разговоровъ съ нимъ не было. Вотъ мое съ симъ господиномъ знакомство, ваше сіятельство. Никогда, нигдѣ не встрѣчалъ, не былъ съ нимъ никогда знакомъ, слышалъ отъ гг. Износковыхъ, что сей господинъ въ юности былъ вхожъ въ домъ тестя г. Износкова; когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, явился снова къ нимъ и былъ приглашенъ на вечеръ къ г. Износкову на танцы. Болѣе нигдѣ не встрѣчалъ; лично съ нимъ не знакомъ.

На что неизвѣстный мнѣ этотъ доносчикъ-клеветникъ возразилъ:

— «Помилуйте, да мы съ вами въ пассажѣ, въ кондитерской, нерѣдко видѣлись, весело проводили время; да не одинъ разъ, а нѣсколько разъ. Мы съ вами давно знакомы».

Клеветникъ всячески старался меня обвинять, но всякій разъ получалъ сильный отпоръ. Господинъ со звѣздами какъ будто-бы въ мысляхъ говорилъ: «Это что-то не то», и быстро качалъ головою.

Наглость клеветника дошла до того, что доносчикъ въ глазахъ графа увѣрялъ заподлинно, что фамилія моя не Жеденовъ, а Всесвятскій, съ которымъ онъ, клеветникъ, развѣзжалъ по кондитерскимъ.

На это со всею откровенностью я отвѣтилъ графу: «Фамилія моя

Старинъ изд. 1862 и 1883 гг., томы XXXVI, XXXVII и XL. О немъ же см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 351. Судя по послѣдней замѣткѣ, Я. И. де-Сангленъ уже не былъ въ 1848-мъ году во главѣ тайной полиціи въ С.-Петербургѣ, онъ былъ давно «на покой» въ Москвѣ, въ отставкѣ.

не Всесвятскій, а Жеденовъ. Подъ чужимъ именемъ никогда и никуда не разъѣзжалъ. Состоянія у меня такого нѣтъ, чтобы посѣщать кондитерскія, имѣя всего жалованья триста, да изъ дому триста, что составляетъ шестьсотъ рублей, которые не ахти какое богатство, да и времени нѣтъ проводить въ праздности свободное время отъ службы, что кромѣ службы я имѣю хорошій кругъ знакомыхъ, гдѣ люблю на вечерахъ танцовать, соединять пріятное съ полезнымъ, нисколько не обременяя кармана, котораго едва доставало на самую скромную мою жизнь. Въ карты не люблю играть, и не играю, словомъ—взводимое на меня неизвѣстнымъ мнѣ господиномъ обвиненіе есть сущая клевета. Съ этимъ господиномъ я никогда не былъ знакомъ, встрѣтить же его разъ въ домѣ общаго знакомаго—не значить быть съ нимъ знакомымъ».

Строгий, вопросительный взглядъ генерала Дуббельта на клеветника заставилъ его замолчать и прекратить объясненіе.

Явная пагость, безсовѣстная настойчивость доносчика въ ложномъ показаніи моего съ нимъ знакомства, вынудили меня, я не выдержалъ, собрался съ силами, и не безъ душевной тревоги просилъ молвить слово у его сіятельства.

— «Говорите».

— «Ваше сіятельство! простите въ смѣлости утруждать васъ покорнѣйшею моею просьбою: желалъ-бы знать вину мою и въ чемъ меня обвиняютъ?»

Во все время моего допроса графомъ Орловымъ, кромѣ генерала Дуббельта, былъ еще, какъ выше было мною упомянуто, начальникъ тайной полиціи, гражданскій генераль съ двумя звѣздами. Его превосходительство покачивалъ головою, прикладывая указательнымъ правой руки пальцемъ изрѣдка ко лбу своему—и ни слова не произносилъ.

О фамиліи клеветника и начальника тайной полиціи Де-Санглена(?) я не интересовался—Богъ съ ними! Мнѣ было не до того. Въ эту минуту любопытство было неумѣстно.

Послѣдняя рѣчь графа выразилась повелительно:

— «Когда хотите знать, началъ графъ приподнявшись съ кресла,—за что и въ чемъ васъ обвиняютъ, то вы, генераль (обращаясь къ Дуббельту), допросите его. Возьмите (указывая на меня) съ собою и вопросные пункты предложите».

Я молча поклонился, молча вышелъ въ переднюю, молча надѣлъ самъ шинель, калоши; молча сѣлъ съ генераломъ Дуббельтомъ въ вазенную карету и молча доѣхали къ подъѣзду III-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи.

Санямъ своимъ приказалъ я слѣдовать за нами, полагая, что послѣ

отвѣтовъ на предложенные пункты, меня отпустить, и былъ въ полной увѣренности въ этомъ. Вышло, однако, не такъ.

II.

Въ прихожей III-го отдѣленія сняли съ меня шинель, калоши весьма вѣжливо, и повели раба Божьяго въ канцелярію.

Помѣстился я въ одной изъ многихъ комнатъ и сталъ ждать своей участи.

Генераль Дуббельтъ потребовалъ меня къ себѣ, допрашивалъ меня о знакомствѣ съ лицами, упоминаемыми въ показанномъ мнѣ реестрѣ, на особомъ листѣ, гдѣ были фамиліи мнѣ вовсе незнакомыя и въ первый разъ слышанныя.

Я отвѣчалъ отрицательно и повторилъ то, что было мною сказано графу Орлову. Какъ же мнѣ сказать, что знаю, когда слышалъ фамиліи въ первый разъ, и изъ нихъ ни съ кѣмъ не былъ знакомъ!

Очная ставка обнаружила обманъ клеветника. Вслѣдъ за этимъ клеветникъ-негодяй получилъ при мнѣ-же приличное вознагражденіе; подойдя къ доносчику неожиданно, генераль Дуббельтъ закатилъ ему пощечину. Негодяй пошатнулся, поблѣднѣлъ, затрасся.

— «Ну, думаю про себя, можетъ и меня та же участь ожидаетъ, все можетъ быть». Готовлюсь защищаться. Кровь сильно бросилась въ голову... за себя вспылчивому трудно отвѣчать. Все, что было тяжкаго въ душѣ, вскипѣло за напраслину, все мое негодованіе, все, все мое тяжелое горе вылилось наружу, душа восплакалась горько. Боже! не оставь меня!

Послѣ этого генераль Дуббельтъ обратился къ чиновнику:

— «Михаилъ Максимовичъ ¹⁾! возьмите Жеденова и предложите вопросы».

Михаилъ Максимовичъ съ утонченною вѣжливостію пригласилъ меня къ своему столу въ общей канцеляріи. Предложилъ мнѣ стулъ: «садитесь», говоритъ. Предъявилъ тетрадь большого формата съ вопросными пунктами, довольно крупно и ясно написанными.

На письменные вопросы отвѣты были письменные. Всѣ пункты изложилъ такъ, какъ отвѣчалъ графу Орлову. Но на послѣдній пунктъ, когда я его прочелъ, я ужаснулся; у меня руки опустились, перо выпало, слезы полились градомъ... быстро вскочилъ, мысленно обра-

¹⁾ То былъ, какъ я потомъ узналъ, Михаилъ Максимовичъ Поповъ, уроженецъ Пензенской губерніи, благороднѣйшій, добрѣйшій душа. Н. Н. Ж.—въ.

тился къ образу св. Николая Чудотворца: помоги св. угодникъ, заступишь, не дай погибнуть!...

— «Что съ вами? спросилъ Михайлъ Максимовичъ, — помочь вамъ?»

— «Боже! въ чемъ меня обвиняють! Воспитанный въ страхѣ Божіемъ, съ благословеніемъ родителей служить вѣрою и правдою царю, желалъ я быть полезнымъ сыномъ отечеству; храня и чтя искренно святость присяги и вѣрноподданничества, могъ-ли я когда-нибудь посягать мыслями на священнѣйшую и Богомъ помазанную главу государя императора. Какъ могли считать меня злодѣемъ и членомъ общества безумныхъ, отъявленныхъ, закоснѣлыхъ негодяевъ!»

Тревожное состояніе моей души, невинность моего возгласа, ясно показало Михайлу Максимовичу, что на меня взведена страшная клевета и что я чуждъ всего того, что относилось до высочайшей священной особы государя императора.

Отвѣты мои были кратки, ясны. Когда написалъ допросные пункты, показалъ д. ст. сов. Михайлу Максимовичу Попову, но его и—ство передалъ ихъ тотчасъ-же генералу Дуббельту, который вошелъ въ канцелярію. Я, прислонясь къ одному изъ оконныхъ простѣнковъ, ждалъ своей участи, думая, не отпустить-ли меня? Подходить ко мнѣ генералъ Дуббельтъ и говорить мягко:

— «Дѣло еще не кончено. Намъ должно навести всѣ справки, и когда вы окажетесь чисты, непогрѣшимы, тогда васъ освободятъ. Ждать вамъ долго, и въ канцеляріи оставаться не приходится; потрудитесь пойти въ особую назначенную вамъ комнату, и тамъ ожидайте конца».

Я подъ арестомъ! Гдѣ-же?—въ домѣ III-го отдѣленія!

Было 4 часа по-полудни.

За что? На долго-ли?—было извѣстно одному Богу! Въ первый разъ какъ служу подъ арестомъ, и подъ какимъ еще? Уликъ, чтобы меня такъ арестовать, никакихъ нѣтъ, да и не можетъ и быть, ихъ положительно нѣтъ,—меня, между тѣмъ, считаютъ государственнымъ преступникомъ.

Скрѣпя сердце, пошелъ я вслѣдъ за генераломъ Дуббельтомъ; проходя канцелярію, вижу служащаго, моего знакомаго, бывшаго инженера путей сообщенія Ивана Ивановича Клица, въ чинѣ гражданскомъ коллежскаго ассесора; кланяюсь, какъ хорошему знакомому, тотъ не узнаетъ, отворачивается (женатъ на дочери доктора изъ г. Курска, Чекаревскаго). Все мнѣ показалось странно. Прохожу швейцарскую, мимоходомъ прошу одного изъ служителей приказать моему кучеру ѣхать домой въ Петровскія казармы. Поднимаюсь на двѣнадцать ступенекъ выше, возлѣ которыхъ въ корридорѣ, освѣщен-

ный лампою, налѣво дверь, возлѣ которой, во всей боевой формѣ, красовался гордо, строго жандармскій часовой. Отворивъ дверь, генераль Дуббельтъ сказалъ:

— «Вотъ ваша комната.»

Я вошелъ. Дверь притворилась, замкнулась. Мѣрными, звучными отъ шпоръ шагами часовой давалъ о себѣ знать, что присмотръ за мною грубокъ. Часовой былъ съ обнаженною саблею.

Остался одинъ среди комнаты. Я осмотрѣлся, вижу форменную гостиную, меблированную изящно, рояль. Въ углу, какъ будто забытая, смиренно выглядываетъ простенькая кровать съ канифаснымъ чистымъ бѣлымъ халатомъ. Шпагу, мундиръ снялъ; каску съ султаномъ бережно положилъ на столъ и облекся въ приготовленный мнѣ костюмъ. Только-что успѣлъ надѣть халатъ, является чиновникъ—смотритель секретныхъ арестантовъ, съ краснымъ воротникомъ, въ сюртукѣ, на всѣ пуговицы застегнутый, коллежскій ассесоръ,—такимъ выглядеть,—фамилии не знаю, ни имени, ни его отчества, хотя-бы спросилъ, мнѣ-бы не отвѣтили. Молча, со строгимъ на устахъ красно-рѣчивымъ молчаніемъ, нагибаясь, ставитъ для узника необходимую принадлежность и тихо удаляется, захвативши съ собою мою шпагу и каску. Посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Снова въ одиночествѣ. Было 6 ч. пополудни, аппетита не ощущалъ. Многія мысли туманили голову. Мундиръ, брюки положены на диванъ въ карманѣ пятьдесятъ копѣекъ, единственный наличный мой капиталъ. Чѣмъ-же питаться буду? Кого послать за обѣдомъ? Грустно, тяжело стало на душѣ, взгрустнулось сильно... Весь день на пищѣ св. Антонія.

Судьба выручаетъ, благодѣтель Меркурій обѣдъ посылаетъ.

Въ 7 часовъ пополудни отворяются двери, является жандармъ, унтеръ-офицеръ съ обѣдомъ въ судгахъ, съ рюмкою сладкой водки. Водку выпилъ, обѣдалъ плохо; на всѣ мои вопросы получилъ отъ унтеръ-офицера молчокъ. Болѣе его не спрашивалъ.

Судки отнесъ. Появился снова съ приказаніемъ:

— Леонтіи Васильевичъ ¹⁾ приказалъ васъ спросить: не прикажете-ли сигаръ, книгъ, журналовъ?

— Поблагодари его пр—во за милость; потрудись доложить, что отъ сигаръ, книгъ не отказываюсь, и для питья прошу краснаго «Медоку» съ водою.

Унтеръ-офицеръ удалился.

Въ Михайловскомъ инженерномъ замкѣ пробили вечернюю зорю—

¹⁾ Генераль Дуббельтъ.

окна моей комнаты 2-го этажа противъ замка—было хорошо слышно. Я прочелъ «Отче нашъ». Чувства мои менѣе волновались.

Унтеръ-офицеръ приносить пачку сигаръ Геллера, двѣ книги «Отечественныхъ Записокъ»; на окно ставитъ графинъ воды и, откупоривши бутылку «Медоку», тотчасъ молча удалился.

Снова окружень мертвою, безмолвною тишиною. Мрачно на душѣ, убійственно, тяжело! Чтеніе не доставило надлежащаго развлечения; сложилъ книги. Мысли были далеко, у матушки: увижусь-ли я съ нею, моею дорогою, бездѣнною матерью? Любовь къ матери проявилась съ необыкновенною душевною силою, сердце такъ и рвалось къ ней! Кто болѣе моего любить мать родную? Куда судьба меня занесетъ? На душѣ камень. Выпилъ стаканъ воды съ краснымъ виномъ, хотѣлъ было курить,—желанія нѣтъ! Хожу бессмысленно, сную изъ угла въ уголь тихими шагами; на дворѣ темно, шаги часоваго все слышнѣе, громче... Подхожу къ дверямъ, стараюсь отворить, заперто... стучусь, кричу: «отопри!»

«Не приказано», отвѣчаетъ за дверь часовой.

— «Мнѣ нужно, очень нужно, пошли смотрителя».

Смотритель является, объясняю причину моего требованія, и за мною, въ бѣломъ канифасномъ халатѣ, шелъ часовой съ обнаженною саблею. Открывалъ шествіе самъ смотритель секретныхъ узниковъ, указалъ за ширмами кресло. Шелъ обратно съ такою-же торжественною церемоніею, молча; дверь притворили, замокъ громко щелкнулъ и я взаперти снова! Чего не передумалъ, чего не перебралъ мыслями! Была-бы какая вина, такъ и быть, а то безъ всякой вины виновать за что? — самъ не знаю. Господь не допуститъ невинному страдать.

Вечернюю зорю давно пробили, мнѣ было ясно слышно; окна моей новой квартиры выходили противъ Михайловскаго замка, какъ мною выше упомянуто.

Во время молитвы дверь узника отворилась, вошелъ генералъ Дуббельтъ, съ вопросомъ (какое вниманіе къ заключенному, какая забота!):

— «Не желаете-ли вы писать домой, бумаги вамъ пришлю; не печатайте, чтобы я могъ прочесть, что напишете. Приготовьте записку въ полкъ, прислать вамъ сюртукъ, бѣлье, — пошлю въ казармы съ жандармомъ».

Стало быть арестъ мой надолго! Все не легче мнѣ, все тяжелѣе! Неизвѣстность томительна, изнурительна.

Написать на ключѣхъ бумаги записку товарищу Мишѣ Трамбецкому, незапечатанную, прошу его прислать мнѣ сюртукъ, брюки,

бѣлье. Въ полночь привезли по запискѣ моей что требовалось. Время наступило ко сну. Помолвившись съ усердіемъ, погасилъ свѣчу. Долго не могъ заснуть. Думъ никакихъ, очнуться отъ мысли не могу—за что держать взаперти подъ арестомъ?

Такъ провелъ первый день моего тяжелого не заслуженнаго ареста.

Не могу умолчать, что посылка за бѣльемъ и платьемъ жандарма въ Петровскія казармы произвела на трусливаго генерала Саллоса (грека) страхъ. Въ то же время, въ полночь, пріѣхалъ дежурный штабъ-офицеръ, полковникъ Николай Петровичъ Синельниковъ, въ казармы, въ офицерскій флигель, переполошилъ сожителя моего по квартирѣ, моего однопольчанина, прапорщика Коноплянскаго, такъ какъ квартира полагалась двоимъ, по казарменнымъ уже заведеннымъ порядкамъ, за исключеніемъ ротнаго командира, которому назначалась одному. Всѣ вещи, мнѣ принадлежавшія: шкатулка папороваго дерева, за четырьмя печатами, и всѣ бумаги, въ томъ числѣ «записки мои», письма и даже чистую почтовую бумагу, взятыя изъ подъ тюфяка,—другаго мѣста у меня не было, куда можно было положить,—арестовали; полковникъ Синельниковъ привезъ все это въ канцелярію III-го отдѣленія ¹⁾.

Декабря 10-го числа (1848 г.), часовъ около десяти утра, позвали меня въ канцелярію, къ тому столу, гдѣ производилось мое дѣло, къ Михаилу Максимовичу Попову. Его пр—ство показалъ мнѣ мою шкатулку папороваго дерева (корельской березы), запечатанную четырьмя печатами полковаго командира, генерала Саллоса, и дежурнаго штабъ-офицера, полковника Синельникова, и всѣ бумаги, что были подъ моимъ тюфякомъ, записки, которыя я вель, письма отъ матери. Взглянувши на нихъ, Михаилъ Максимовичъ спросилъ:

— «Чья это рука?»

«Матери моей».

¹⁾ Достоинно особеннаго замѣчанія то, что когда государь императоръ (впоследствии я узналъ) прочиталъ мои отвѣты на предложенные пункты, соизволилъ выразить свое монаршее удовольствіе, похваливъ мой почеркъ. Кстати, не могу оставить безъ вниманія того, что въ самый день моего ареста писала мнѣ матушка: «я тебя видѣла во снѣ: проходя по обыкновенію къ зеленымъ воротамъ, мимо ямы, гдѣ на зиму дворовые сохраняютъ картофель, вижу ее отарытою; не мало удивилась, подхожу, на днѣ ея ты стоишь, во всей парадной формѣ. Спрашиваю тебя: кто тебя посадилъ? ты отвѣчалъ. . .».

Бываютъ всякіе случаи. Сродство душъ необъяснимое. Матушка, проснувшись, встревожилась, тотчасъ написала, спрашиваетъ: «что съ тобою дѣлается,—я не знаю». Въ день потученія этого письма я былъ освобожденъ. Воля милѣе всего на свѣтѣ.

Н. Н. Ж.

Матушка моя писала древнимъ шрифтомъ.

Все снова уложили въ узелокъ, кромѣ старинныхъ стиховъ, временъ императрицы Екатерины II, «Рожденіе секретаря»¹⁾, довольно соблазнительныхъ, что было тутъ-же уничтожено, съ замѣчаніемъ и наставленіемъ: подобныхъ стиховъ «не совѣтуемъ держать». Стихи передалъ мнѣ, въ бытность мою въ отпуску, двоюродный дядя Петръ Васильевичъ Кривскій, когда онъ былъ сержантомъ гвардіи.

Стихи писаны на взяточничество—не успѣлъ родиться «Секретарь», какъ уже и руку протянулъ къ тому, кто его создалъ: что-же, молъ, за труды?

Объ остальномъ заключили, что nepозволительнаго ничего нѣтъ.

Послѣ допроса меня отпустили. При возвращеніи во временную мою келью, конвоировалъ меня жандармскій унтеръ-офицеръ; между прочимъ раздумывалъ, когда арестъ можетъ кончиться?

Хотѣлъ заняться чтеніемъ—ни охоты, ни желанія нѣтъ, ничто не занимаетъ. До чтенія-ли, когда въ перспективѣ предстоитъ неизвѣстный дальній путь, но куда?—начальство рѣшить. Да могло-ли въ эту минуту что-нибудь меня занять?

Объ одномъ убивалась душа моя,—это то, что если узнаетъ мать моя, старушка, то не перенесетъ неожиданнаго горя; одинъ слухъ объ арестѣ потревожитъ, разрушитъ слабое ея здоровье. А какъ матушкѣ написать гдѣ я и что со мною? И что мнѣ можетъ предостоять, какой путь, куда?—ничего не вѣдаю; что могу предположить? хорошее—едва-ли.

Подали утренній чай, съ сухарями; выпилъ два стакана. Такъ время прошло до часу. Переодѣлся въ смиренный бѣлый канифасный плафрокъ; понуря голову, сную по комнатѣ.

Слышу необыкновенный шумъ, который моментально превратился въ тишину невозмутимую.

Входитъ генералъ Дуббельтъ.

— «Одѣньтесь въ мундиръ скорѣе и приходите къ графу».

Что-бы это значило? чѣмъ порадуетъ Господь? Надѣлъ мундиръ, безъ шпаги, каски.

Выхожу на площадку къ лѣстницѣ, иду по ступенькамъ весьма медленно, и на первой площадкѣ повернулъ направо. Внизу бросилась мнѣ въ глаза военная глазѣющая публика, съ жадностью смотрѣвшая на меня, арестанта-гвардейца, съ большимъ удивленіемъ, молча, поднявши головы вопросительно, какъ будто спрашивая: «что ты надѣлалъ?»

¹⁾ Былъ напечатанъ въ новѣйшее время въ «Русской Старинѣ».

Сохранивъ полное спокойствіе духа, твердо шелъ къ судьбѣ моей,— чѣмъ рѣшится?

Графъ Орловъ находился въ особой для пріѣзда его сіятельства комнатѣ въ домѣ III-го отдѣленія, въ родѣ кабинета, превосходно меблированной.

Отворяю дверь. Графъ Орловъ о чемъ-то бесѣдовалъ съ генераломъ Дуббельтомъ. Поклонился я вѣжливо и сталъ въ почтительномъ отдаленіи.

— «Меня прислалъ государь императоръ, такъ началъ графъ,— успокоить васъ и сказать: какъ вы чистыми, неприкосновенными вошли, точно также и выйдете такимъ. Въ васъ принимаетъ участіе великій князь ¹⁾ и его высочество ²⁾).

Сказавши, обнялъ меня, я же съ высокимъ благоговѣніемъ поцѣловалъ Андреевскую его сіятельства звѣзду и низко поклонился.

Съ несказанною душевною радостью вошелъ къ себѣ въ комнату, возблагодарилъ Всевышняго съ горячею къ Его неисчерпаемой небесной цѣлительной благодати любовію. Тяжесть, какъ гора, обременявшая меня, свалилась съ души моей. Вздохнулъ свободно. Что все это значить? Не сонъ-ли? Столько крутыхъ, разнородныхъ передрягъ въ самое короткое время! Будь я въ арміи, то навѣрно погибъ-бы безвозвратно.

Пополудни, въ 10-ть часовъ, позванъ къ генералу Дуббельту, въ канцелярію.

Посланный унтеръ-офицеръ съ веселою улыбкою сказалъ:

— «Леонтій Васильевичъ васъ требуетъ, пожалуйста».

Надѣваю сюртукъ; являюсь. Застаю Дуббельта одного, сидящаго за письменнымъ столомъ, держащаго въ рукѣ письмо.

-- «Я сейчасъ получилъ письмо отъ Государя, Его Величество желаетъ васъ видѣть».

Какъ стоялъ, такъ и грохнулся на колѣни, душевная радость озарила меня и мое сердце необъяснимою теплотою, слезы восторга неволью пробились, неожиданность успокоила, удивила, поразила меня; притворяться не могъ, да и не умѣю.

— «Успокойтесь. Завтра одѣньтесь въ парадную форму. Мы съ вами, въ 8 часовъ утра, поѣдемъ къ графу—поблагодарить его».

Восторженно шелъ къ себѣ. Дверь за мною не замыкалась, часо-

¹⁾ Михаилъ Павловичъ, главнокомандующій корпусами гвардейскимъ и гренадерскимъ.

²⁾ Настѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, командиръ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Ж.

ваго нѣтъ, исчезъ, и признака нѣтъ ареста. Куда что дѣлось?—чистая метаморфоза.

Господь благословилъ дожидаться радости.

Стало быть, дѣло мое кончилось благополучно, и я снова явлюсь къ братьямъ-сослуживцамъ.

Безъ вниманія не могу оставить и того обстоятельства, что обо мнѣ товарищъ-сослуживецъ, хорошій мой пріятель, штабсъ-капитанъ Николай Константиновичъ Мельниковъ, въ особенности хлопоталъ у начальства и просилъ, чтобы меня сытнѣе кормили (подъ арестомъ); а я удивлялся—откуда что является! Спасибо ему за его обо мнѣ заботу—свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

Не отлагая ни минуты, было слишкомъ 11-ть часовъ пополудни, спѣшу послать жандарма въ Петровскія казармы, опять къ Мишѣ Трамбедкому, записку, съ другою просьбою: прислать мнѣ шарфъ и чистыя перчатки.

Съ вечера брадобрѣю приказалъ явиться ко мнѣ въ 7 час. утра. Миша прислалъ второпяхъ, вмѣсто чистыхъ, грязныя перчатки. Что дѣлать? Ну ихъ мыть, чистить въ мыльной водѣ, растагивать сырыя на пальцы, потомъ осторожно снялъ, чтобы не помять; провозился до часу ночи. Спалъ спокойно. Съ вечера все приготовилъ.

III.

Въ 8 часовъ утра (11-го декабря 1848 года) былъ готовъ, одѣтъ въ полную парадную форму. Генераль Дуббельтъ въ канцелярію пріѣхалъ въ 7 часовъ. Леонтій Васильевичъ меня вызвалъ:

— «Поѣдьте къ графу».

Садимся въ карету, разговариваемъ между собою, какъ знакомые.

— «Видите, какъ скоро и успѣшно дѣло ваше кончилось. Негодѣй, оклеветавшій васъ, наказанъ».

На эту тему продолжалась бесѣда до подъѣзда графскаго дома.

Куда дѣвался клеветникъ, мнѣ неизвѣстно, и что съ нимъ сдѣлалось—мнѣ также неизвѣстно.

Въ этотъ разъ камердинеръ графа показалъ всю свою вѣжливость, снялъ съ меня шинель и, какъ замѣтно, не безъ удовольствія.

Снова пріемъ въ кабинетъ, но тонъ измѣнился на ласковый, дружескій. Вмѣсто вы, слово ты, и къ лучшему.

— «Поздравляю тебя, мой другъ, дѣло твое кончилось, слава Богу, благополучно. Очень радъ».

Кланяюсь съ подобающею его сіятельству честью и благодарностью.

— «Пріѣзжай во дворецъ къ 12-ти часамъ. У Салтыковскаго подъѣзда жди меня».

— «Слушаю, в. с—ство».

Генераль Дуббельтъ отвезъ меня въ каретѣ въ III-е отдѣленіе обратно.

Начались сборы и мои приготовленія къ представленію его величеству государю императору. Глазамъ не вѣрилось; я былъ весь восторгъ, радость; честь великая, небывалая оберъ-офицеру бѣдному, не имѣющему рѣшительно никакой протекціи.

Въ назначенный часъ вышелъ изъ III-го отдѣленія, перекрестился на всѣ четыре стороны, иду пѣшкомъ. Свѣжимъ пахнуло воздухомъ, немного прошелся, размялъ ноги, отъ непривычки просидѣвъ трое сутокъ. Я вѣдь никогда не ѣзжу—все хожу. Нанимаю извозчика. Деревенскій возница предлагаетъ за гривенникъ въ Зимній дворецъ. Не торгуясь, ѣду трусцой къ самому Салтыковскому подъѣзду; у парадныхъ дверей останавливаюсь. Кромѣ гривенника, былъ полтинникъ, расплатился. Швейцаръ, взглянувши въ окно, быстро предупредилъ меня, отворивъ настежъ обѣ половины двери.

— «Пожалуйте!» Онъ зналъ о моемъ приходѣ.

Вхожу въ обширныя теплыя сѣни. Швейцаръ тотчасъ снялъ съ меня шинель.

Въ ожиданіи пріѣзда графа (Орлова), ходилъ по корридолу, гдѣ неожиданно увидѣлъ придворную даму; она выѣзжала, была въ собольевой шубѣ, очень недурна собою, высокаго роста, и должно быть хорошо сложена. Съ особеннымъ любопытствомъ взглянулъ на нее, она на меня. Ей подали карету,—уѣхала. Я не зналъ, кто такая дама, швейцаръ сказалъ: «Фрейлина Наталья Аркадьевна Нелидова».

Смотрю на часы, половина двѣнадцатаго. Слышу поспѣшныя шаги; ба! полковой командиръ Саллосъ, торопыга. Объясняетъ, какъ должно мнѣ приложиться къ царской рукѣ и гдѣ поцѣловать. Суета изъ суеть, нашъ полковой командиръ, пострѣлъ—вездѣ поспѣлъ; и кто его проситъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, и безъ него знаютъ—такія мысли пробѣжали. Ровно въ полдень, какъ начали бить часы двѣнадцать, пріѣхалъ графъ Орловъ. Я встрѣтилъ его сіятельство у подъѣзда.

— «Пойдемъ къ государю».

Пошли, поднимаясь постепенно по громаднымъ лѣстницамъ, тихо, медленно. Графъ на видъ тучный, тяжело ему, даже и я началъ чувствовать тяжесть, такъ сказать, давленіе воздуха; шель одною сту-

пенькою ниже. Тишина невозмутимая. Курьеры, офицеры дежурные— всѣ на вытяжку, отвѣщаютъ поясные поклоны, въ томъ числѣ и мнѣ, чему не мало былъ удивленъ. Подойдя нѣсколько къ кабинету его величества, графъ сказалъ:

— «Подожди здѣсь».

Комната, гдѣ я дождался, была небольшая, называемая малымъ инженернымъ кабинетомъ его величества; убрана вся планами, шкафами съ моделями кораблей и разныхъ земляныхъ фортификаціонныхъ построекъ.

Въ глубокой задумчивости, полный душевнаго восторга радостнаго сердца, глаза мои отъ умиленія ежеминутно покрывались неудержимо слезами. . никакъ не могъ удержать... душа переполнилась радостью священной.

Въ эту торжественную для меня минуту его высочество наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ изволилъ шествовать чрезъ инженерный кабинетъ, къ докладу государю императору. Съ великою, высокою вѣрноподданническою любовью поклонился, преклонивъ лѣвое колѣно. Его высочество не соизволилъ меня допустить преклонить колѣно и поцѣловать его, цесаревича, руку, а обнялъ отечески, троекратно поцѣловалъ, сказавши:

— «Государь наилучшаго о васъ мнѣнія, успокойтесь».

Изволилъ протянуть свою правую руку, которую я горячо поцѣловалъ, отвѣчалъ слезами истиннаго душевнаго наслажденія.

Затѣмъ, какъ будто нечаянно, пожаловалъ и подошелъ ко мнѣ министръ двора, свѣтлѣйшій князь Петръ Михайловичъ Волконскій; спрашивалъ меня объ отцѣ моемъ, гдѣ онъ служилъ и живы-ли родители?

Отвѣчалъ, что отецъ мой служилъ въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку, былъ старшимъ по фронтовой части въ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи у цесаревича великаго князя Константина Павловича адъютантомъ.

Министръ былъ въ мундирѣ золотой роты, въ обыкновенной простой формѣ, такъ какъ онъ именуется капитаномъ этой роты. Его свѣтлость прошелъ далѣе.

Не прошло пяти минутъ, какъ гофъ-фурьеръ подходитъ съ приказомъ словеснымъ:

— «Пожалуйте къ государю».

Слова магически потрясли меня. Слѣдую; прохожу еще двѣ комнаты небольшія. Предъ входомъ въ гостинную я приостановился, давая знать гофъ-фурьеру, чтобы отворилъ мнѣ дверь, и онъ исполнилъ свою обязанность, отворилъ одностворчатую, самъ-же я мысленно

перекрестился, съ спокойствіемъ въ душѣ, съ Божіею помощію переступилъ порогъ и, сдѣлавъ два шага впередъ, имѣлъ великое, отрадное счастье представиться лично предъ свѣтлыя царскія очи.

Его императорское величество изволилъ быть въ сюртукѣ гренадерскаго полка, безъ эполетъ; у окна стоялъ по лѣвую сторону государя его сіятельство графъ Орловъ и я грѣшный.

Поклонился ниже пояса, съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія, самъ вытянулся въ струнку, смотрю спокойно въ очи царицы.

— «Я тебя желалъ видѣть, успокоить, утѣшить, обласкать».

Сказавши это, соизволилъ сдѣлать его величество шагъ впередъ. Царь протягиваетъ державную свою руку правую, бросаюсь на колѣни, цѣлую пламенно монаршую руку, обнимаю обѣими руками.

— «Что ты дѣлаешь? Ко мнѣ, показывая на грудь,—и прямо въ губы, слышишь-ли?»

Я обнялъ царя, и получилъ взаимное троекратное цѣлованіе царя государя.

— «Служи такъ, какъ служилъ, все будетъ хорошо. Благословляю тебя (изволилъ осѣнить крестнымъ знаменіемъ). Ступай къ великому князю и скажи, чтобы онъ тебя расцѣловалъ».

Слова государя императора, для меня незабвенныя, останутся въ памяти моей навсегда.

Съ послѣднимъ словомъ его величества, поклонился глубоко, сдѣлалъ по формѣ налѣво кругомъ, не спѣша вышелъ. Слеза меня сильно прошибла, никакъ не удержишь... Торжественна была счастливая минута высочайшаго пріема для меня, бѣднаго, неизвѣстнаго поручика. Промыслъ Божій видимо хранилъ меня; теплыя ко Господу силъ молитвы матери моей извлекли изъ глубины бездны несчастія, которому подвергли меня неблагонамѣренныя, злыя люди — Богъ съ ними!

Спѣшилъ не опоздать къ великому князю Михаилу Павловичу. Возвращаясь, по представленіи государю императору, къ Салтыковскому подѣзду, сбился въ лабиринтъ комнатъ и очутился на половинѣ ея императорскаго величества государыни императрицы Александры Феодоровны, меня никто не останавливалъ, ни одинъ изъ фельдъегерей-офицеровъ ни слова не сказалъ, не поправилъ мою ошибку, пока не увидѣлъ дежурной фрейлины, которая объяснила какъ мнѣ направить стопы къ Салтыковскому подѣзду, и въ силу объясненія придворной дамы, по первымъ попавшимся лѣстницамъ очутился въ большомъ корридорѣ, на половинѣ его императорскаго высочества наследника цесаревича Александра Николаевича, гдѣ встрѣчаю графа Орлова.

— «Ты куда спѣшишь?» спросилъ графъ.

«Спѣшу, по высочайшему повелѣнію его величества государя императора, къ его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу».

— «По этой лѣстницѣ, вправо, внизъ, на Салтыковскій подъѣздъ».

Отвѣсивъ почтительный поклонъ, сдѣлалъ въ полъ-оборота вправо, иду спѣшно по направленію, указанному графомъ.

Между прочимъ, быстро разнесся слухъ о томъ, что лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ Жеденовъ спѣшитъ къ главнокомандующему, великому князю Михаилу Павловичу, по высочайшему государя императора повелѣнію.

Полковой командиръ, подбѣжавъ ко мнѣ, шепнулъ: «я тебя довезу, у тебя лошадей нѣтъ. Пора,—не опоздать».

Лошади мчались побужденіемъ возницы вскачь. Подѣхали къ главному подъѣзду Михайловскаго дворца. Въ приѣмной никого. Иду по корридору, встрѣчаю дежурнаго его высочества адъютанта, объясняю ему все желаніе. Адъютантъ немедленно пошелъ доложить великому князю. Въ эту минуту только что вышелъ изъ кабинета его высочества Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ ¹⁾, займаясь, просилъ не робѣть, но спокойно передать повелѣніе государя.

Рѣчь шла въ штыковой залѣ, у дверей кабинета его высочества. Дверь отворяю, иду смѣло къ его высочеству.

Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ въ сюртукѣ съ эполетами лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, опершись о письменный столъ, стоя. Въ кабинетѣ изъ адъютантовъ никого не было. Только что вошелъ, его высочество соизволилъ поцѣловать меня въ голову, сказавъ:

— «Теперь я вижу, что молитва за Богомъ и служба за царемъ никогда не пропадаютъ. Я знаю, что шалуны у меня есть, негодевъ—нѣтъ».

Его высочество изволилъ спросить меня:

— «Не нуждаешься-ли ты въ чемъ?»

Изволилъ приказать приготовить записку и ее представить.

— «Ваше императорское высочество! Его величество государь императоръ приказать соизволилъ доложить вашему императорскому высочеству, чтобы вы изволили меня разцѣловать».

Обнимая меня, изволилъ произнести:

— «Изволь, мой другъ, изволь, дружокъ, обвинемъ какъ братья».

Глубоко отозвались въ душѣ моей слова его высочества, слезы

¹⁾ Начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній.

были лучшимъ моимъ отвѣтомъ. Его высочество не допустилъ руку поцѣловать. Великій князь изволилъ повторить:

— «Не забудь приготовить записку,—что ты хочешь?»

«Ваше императорское высочество, я имѣю престарѣлую мать, соблаговолите не оставить извѣстить ее, что сынъ ея не запятналъ присяги вѣрнопопданничества. Письмо в. и. в. утѣшить, успокоить старушку мать мою».

— «Не нуждаешься-ли въ чемъ?»

«Благодарю Бога! я доволенъ и малымъ пособіемъ отъ матери».

Откланялся я. Въ приемной штыковой залѣ меня встрѣтили веселыя лица. Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, первый поздравилъ меня съ благополучнымъ исходомъ дѣла. Было 3 часа пополудни.

Не рѣшился я изъ дворца его высочества ѣхать въ казармы. Прежде пришелъ въ канцелярію III отдѣленія, гдѣ мнѣ объявили, что «вы совершенно свободны; возьмите ваши вещи, шкатулку и письма».

Знакомый мой, Иванъ Ивановичъ Клица, казначей, рѣшился говорить со мною безъ опасенія, добавивъ: «не надо-ли вамъ денегъ? Сколько прикажете?..»

— «Три рубля серебромъ», смиренно отвѣчалъ я.

Мнѣ выдали, и изумились, что прошу сущую бездѣлку. Впоследствии узналъ я, что если-бы и тысячу рублей потребовалъ-бы Жеденовъ, то выдали-бы ему безъ росписки и не потребовали-бы ихъ возврата.

Черезъ три дня деньги, занятыя мною въ III-мъ отдѣленіи, три рубля, возвратилъ.

IV.

Собравши вещи, уложивъ въ извозничьи сани, возвращаюсь на родину, такъ сказать, въ петербургскія казармы, къ добрымъ моимъ товарищамъ. По пути зашелъ въ домикъ Петра I, къ Спасу Нерукотворенному, пламенно Ему помолился, душою благодарилъ Господа нашего Иисуса Христа за избавленіе,—отогрѣлась моя душа.

При входѣ въ мою комнату несказанно обрадовался. Вещи положилъ обратно, гдѣ были. За мною вслѣдъ прибѣгаетъ хорошій и добрый мой товарищъ и пріятель капитанъ Иванъ Гавриловичъ Чекаревъ 1-й. Бросились другъ другу на шею, крѣпко обнялись, отъ радости прослезились, оба долго не могли промолвить слова, чувства у обоихъ были сильно взволнованы: одинъ видитъ возвращеніе това-

рища, другой избѣгаетъ злой участи. Я сѣлъ на кровать, усталый, онъ—на стулъ возлѣ меня. Все передалъ въ подробности Ивану Гавриловичу; онъ за меня восхищался, выслушивалъ мои отвѣты и дивился тому, что я не предъявлялъ никакихъ требованій. Просилъ его содѣйствія написать благодарственное письмо къ великому князю.

— «Помогу, какъ могу напишу».

Иванъ Гавриловичъ сообщилъ мнѣ, что у полковника Алексѣя Алексѣевича Одинцова шла рѣчь обо мнѣ, во время моего ареста, что когда онъ кончится, предложить обществомъ оставить полкъ. Судьи полка заранѣе это рѣшили. Могли-ли они знать, чѣмъ кончится? Да знали-ли судьи доподлинно—за что я былъ арестованъ? Судьи сильно обманулись въ своихъ предположеніяхъ!

Конецъ невиннаго моего ареста уничтожилъ предположеніе строгихъ судей; напротивъ, всѣ радовались блестящему моему освобожденію.

Зашелъ къ баталіонному командиру, полковнику Алексѣю Алексѣевичу Одинцову, онъ то-же самое подтвердилъ, на что я отвѣтилъ, что я и самъ-бы не остался въ полку.

Пробылъ день у Савинскихъ, добрыхъ стариковъ; съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили они меня. Обѣдалъ у нихъ. Въ сумерки вернулся домой. Въ 8 часовъ вечера въ мундирѣ поѣхалъ на вечеръ къ Марьѣ Петровнѣ Мягкой, послушать пѣніе дочери ея, Надежды Михайловны, гдѣ нашель товарища-друга моего, поручика Казимира Осиповича Кононовича; онъ мнѣ говоритъ:

— «Поѣзжай сейчасъ къ Якову Ивановичу Ростовцеву, онъ за тобою прислалъ чиновника».

Тотчасъ поспѣшилъ на Васильевскій островъ. Не успѣлъ сказать мою фамилію дежурному писарю, какъ онъ стремглавъ полетѣлъ доложить обо мнѣ. Вхожу изъ пріемной въ кабинетъ Якова Ивановича. Его пр—ство встрѣчаетъ меня съ улыбкою привѣтливо, протягиваетъ мнѣ руку, предлагаетъ стулъ у письменнаго стола. Я сѣлъ. Приглашеніе—то-же приказаніе.

— «Его высочество приказалъ выдать вамъ тысячу рублей ассигнаціями. Вотъ они. Напишите расписку въ полученіи. Зная труды офицеровъ, онъ васъ награждаетъ».

Расписку написалъ крупнымъ шрифтомъ, тутъ-же вручилъ Якову Ивановичу.

— «Напишите еще другую».

Сдѣлалъ. Потомъ просилъ я его пр—ство принесть мою душевную благодарность его высочеству за милостивое вниманіе и награду.

Генералъ Ростовцевъ спросилъ какъ зовутъ мою мать, гдѣ живетъ?

Я отвѣтилъ, что матушку мою зовутъ Елисаветою Акимовною Жеденовою, мѣстожительство ея Курской губерніи, Дмитріевскаго, что на рѣкѣ Сванѣ, уѣзда, въ сельцѣ Городище, представилъ адресъ его пр—ству.

Его пр—ство проводилъ меня весьма ласково, даже до дверей; я былъ удивленъ такимъ свѣтскимъ вниманіемъ, но это было одно лишь своего рода тщеславіе, при угодливости другимъ, не потерять своего достоинства. Мало-же знаю свѣтъ, если сразу не сообразилъ, что это есть одинъ изъ основныхъ законовъ его жизни.

Дѣйствительно деньги эти тысяча рублей ассигнаціями много мнѣ помогли. Первымъ дѣломъ—заложеныя съ репетиромъ золотыя часы выкупилъ и далъ себѣ слово больше ихъ не закладывать.

Просьба моя о матери моей, успокоить ее письмомъ великаго князя, была награждена высокимъ ходатайствомъ его высочества Михаила Павловича у государя императора. Его величество повелѣтъ соизволилъ поручить военному министру, его сіятельству князю Александру Ивановичу Чернышеву, написать письмо къ моей матери.

Привожу его здѣсь:

«Министерство военное. Канцелярія министерства. Отдѣленіе I-е. Въ С.-Петербургѣ. 20 декабря 1848 года. № 14,238.

«Милостивая государыня Елизавета Акимовна!

«Государь императоръ, извѣстясь, что вы беспокоитесь о томъ, заслуживаетъ-ли сынъ вашъ, лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка поручикъ Николай Жеденовъ, одобрительнаго отзыва начальства, высочайше повелѣтъ соизволилъ сообщить вамъ, милостивая государыня, что сынъ вашъ служить, какъ истинно благородный русскій и достойный гвардейскій офицеръ. Въ то-же время его величество, имѣя въ виду бывшій въ текущемъ году неурожай въ обитаемой вами Курской губерніи, всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать вамъ три тысячи рублей серебромъ на могущія быть нужды по вашему имѣнію.

«Поставляя себѣ въ пріятнѣйшую обязанность монаршую волю сію сообщить вамъ, милостивая государыня, имѣю честь препроводить всемилостивѣйше пожалованныя вамъ три тысячи рублей серебромъ, о полученіи коихъ покорнѣйше прошу меня увѣдомить.

«Примите увѣреніе въ моеиъ совершенномъ почтеніи и преданности. Князь А. Чернышевъ».

Подлинный документъ весьма важенъ для меня и служить величайшимъ, рѣдкимъ, небывалымъ свидѣтельствомъ въ царствованіе императора Николая I; хранится у меня, какъ зеница ока.

Между тѣмъ, на пятый день моего освобожденія, начальникъ штаба, генераль Витовтовъ, призвалъ меня къ себѣ, и, показавъ «копію» письма къ моей матери военнаго министра, князя Чернышева, сказалъ:

— «Надобно вамъ поблагодарить его высочество за его милостивое ходатайство и высокое покровительство. Приготовьте письмо и доставьте ко мнѣ».

«Слушаю, ваше превосходительство».

Въ это время получена мною изъ штаба повѣстка поздно: явиться къ его высочеству наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу; къ означенному часу опоздалъ. Швейцаръ было не допустилъ меня, сказавши: «пріемъ конченъ».

Не исполнить приказа его высочества — преступленіе непростительное. На замѣчаніе швейцара отвѣтилъ: «приказъ хотя поздно полученъ, но я долженъ свято его выполнить». Въ пріемной никого, въ билліардной нахожу дежурнаго адъютанта князя Барятинскаго меньшого; объясняю ему, что прибылъ по особенному приказанію его высочества наслѣдника цесаревича.

Его высочество изволилъ занимать должность командира 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Слышу голосъ изъ кабинета: «позвать».

Вхожу. Его высочество спрашиваетъ:

— «Какъ васъ принялъ государь?»

«Высочайшая милость государя императора благотворна, а счастливейшій въ мірѣ человѣкъ»... У самого неудержимо навертываются слезы, приостановить никакъ не могу, такъ и льются.

— «Очень радъ за васъ, что все кончилось благополучно, — благословляю васъ».

Его высочество изволилъ осѣнить меня крестнымъ знаменіемъ.

Съ чувствомъ высокой признательности имѣлъ счастье откланяться его высочеству.

По выходѣ отъ пріема въ не назначенный часъ, швейцаръ былъ изумленъ. Исправилъ свою ошибку, поспѣшивъ подать мнѣ шинель, что было удивительно, какъ и то, что швейцаръ мнѣ поклонился.

Пріемъ его высочества радостно передалъ друзьямъ моимъ.

Не мало было мнѣ труда, какъ написать къ великому князю Михаилу Павловичу письмо. Въ черновомъ, какъ умѣлъ, такъ и выразилъ мысли благодарности; Иванъ Гавриловичъ Чекомаревъ, спасибо ему, выручилъ изъ затруднительнаго положенія: гдѣ исправилъ, гдѣ дополнилъ.

Имѣя въ виду представить письмо чрезъ посредство начальника штаба генерала Витовтова, я отмѣтилъ его слѣдующимъ числомъ, е. 15-е декабря.

Этого числа, 14-го декабря, въ 7 часовъ пополудни, показываю полковому командиру «копію» съ письма: «вотъ письмо къ его высочеству».

Его пр—ство генераль Саллосъ (грекъ) нашель, что мое письмо наполнено одними лишь чувствами благодарности, не въ его, изво-лите видѣть, вкусѣ.

— «Я на вашемъ мѣстѣ просилъ-бы денегъ, денегъ и денегъ, просилъ-бы тридцать тысячъ рублѣй (эхъ какъ махнулъ!), а то что?—одни чувства благодарности. Денегъ, денегъ просите, а то письмо, что въ немъ пользы?»

На что я отвѣтилъ:

— «Ни за что на свѣтѣ не соглашусь утруждать его высочество о деньгахъ; я не нахожу это требованіе достойнымъ благороднаго гвардейскаго офицера».

Передаю весь разговоръ другу моему Ивану Гавриловичу Чекареву; онъ удивился жадному сребролюбцу-греку, пожалъ плечами.

Гадко, отвратительно даже вспомнить всю нелѣпость, несообразность словъ генерала Саллоса.

Письмо переписалъ четко. Въ восемь съ половиною часовъ утра, 15-го декабря, вручилъ запечатанный конвертъ его пр—ству Витовтову; когда я представилъ копію съ письма, и когда генераль прочель, то выразилъ свое удовольствіе.

— «Слава Богу! Вы написали очень хорошо. Сегодня-же отвезу и передамъ ваше письмо его высочеству».

Я слышалъ, что великій князь Михаилъ Павловичъ письмомъ своимъ остался очень доволенъ.

Просьба моя была услышана. Письмо съ тремя тысячами рублѣй отъ военнаго министра князя Чернышева отослано, 20-го числа декабря 1848 года, къ матери моей, за № 14,238.

Великій князь Михаилъ Павловичъ предписалъ полковому командиру дать мнѣ десять дней отдыха, никуда не наряжать, о чемъ было отдано въ приказѣ по полку.

V.

Присовокуплю. Разъ на вечерѣ у полковника Набалова, за ужиномъ, одинъ солидный господинъ, незнакомый мнѣ, довольно серьезно спросилъ меня:

— «Не знаете-ли вы лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка поручика Жеденова?»

Я отвѣтилъ, что это мой товарищъ по службѣ, однополчанинъ.

Хозяинъ на меня взглянулъ. Отвѣтъ мой показалъ, что я не расположенъ былъ передавать мое недюжинное происшествіе. Солидный гость мою-же исторію разсказалъ довольно подробно; всѣ слушали, и никто, изъ уваженія ко мнѣ, не напомнилъ тому солидному гостю, что тотъ офицеръ, которому гость разсказывалъ все это происшествіе, есть именно тотъ самый, съ которымъ и былъ необыкновенный случай. Солидный гость не подозрѣвалъ этого, такъ и остался въ этомъ невѣдѣніи, что разсказывалъ будто другому, а не настоящему господину офицеру.

Всѣ мои знакомые были мнѣ рады, моему счастливому освобожденію изъ-подъ строгаго ареста. Дамы также принимали участіе въ ходатайствѣ о моей участи.

Такъ, одна благодѣтельница, камеръ-юнгфера дѣвица Наталья Львовна Бекетова, хорошая знакомая, такъ какъ я былъ вхожъ въ домъ ея почтенной старушки матушки Анны Петровны Бекетовой, замолвила лично государынѣ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ обо мнѣ грѣшномъ слово.

— «Нашъ-то хорошій знакомый, молодой человѣкъ, лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка поручикъ Жеденовъ, тамап (такъ постоянно относились и именовали самыя близкія приближенныя ея величества государыню императрицу), подъ строгимъ арестомъ, помогите».

Это было въ Зимнемъ дворцѣ. Въ эту-то минуту входитъ царь. Государыня къ нему съ просьбою.

— «Говори матушка».

— «Знакомый молодой человѣкъ Natalie, поручикъ Жеденовъ, подъ арестомъ у Дуббельта, участь его плачевна, освободи!»

— «Надо прежде разузнать, провѣрить».

Не разговоръ-ли и былъ причиною (это моя догадка), что я очастливленъ личною аудіенціею у государя императора, такъ какъ его величество желалъ меня видѣть.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать, что день 9-го декабря 1848 г. для меня былъ роковой, въ который едва не рушились всѣ мои надежды и все благополучіе моей жизни.

Клевета никогда не будетъ выше истины благородной, честной, высокой!

Подполковникъ Николай Николаевичъ Жеденовъ.

Пензенской губ., Мокшанскій уѣздъ,
с. Лунино.

ОСИПЪ ИВАНОВИЧЪ СЕНКОВСКІЙ

(Баронъ Брамбеусъ)

въ воспоминаніяхъ Е. Н. Ахматовой.

Окончаніе.

III ¹⁾.

Я занемогла и долго не писала къ Осипу Ивановичу. Мое продолжительное молчаніе вызвало съ его стороны слѣдующее письмо:

Суббота, 17-го апрѣля 1843 г.

«Я послалъ вамъ въ началѣ мѣсяца нѣсколько книгъ: это были послѣднія новости книжныхъ лавокъ и болѣе ничего не было и нѣтъ до сихъ поръ. Романъ Болъвера первый томъ—единственная новая англійская книга; второй я пришлю вамъ, когда здѣсь получатъ его. Это—подражаніе манеръ Вальтера Скотта, но довольно сухое и не обѣщающее усилить свою занимательность. «L'Hôtel Lambert» очень милая вещь, но изъ нея ничего нельзя сдѣлать, потому что этотъ романъ перепечатанъ уже здѣсь въ Петербургѣ. Нынче здѣсь очень читаютъ «Les Mystères de Paris», которыхъ я послалъ вамъ только три тома, потому что болѣе не получено. Я знаю уже ихъ шесть: этотъ романъ печатается третій годъ въ фельетонѣ «Du Journal des Débats», и, признаюсь, утомилъ меня; но вамъ на свѣжее любопытство онъ можетъ показаться занимательнымъ. Я постараюсь снабдить васъ новыми книгами на лѣто, на мѣсяцы вашего сельскаго уединенія.

Не получая отъ васъ ни одной строчки уже болѣе мѣсяца, не знаю чему приписать ваше молчаніе. Боюсь, что я самъ пишу къ

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1889 г., т. LXII, май, стр. 273—312.

вамъ въ послѣдній разъ. Между друзьями незнакомыми переписка должна или быть регулярна или прекратиться: я такъ понимаю это дѣло. Если писать другъ къ другу только тогда, какъ случится надобность, то надобность можетъ и не случиться! Въ подобныхъ случаяхъ одна только привычка можетъ замѣнить личное знакомство, и какъ вы, кажется, не хотите налагать на себя привычки писать ко мнѣ регулярно, то я вижу себя въ опасности лишиться величайшаго моего наслажденія—писать къ вамъ. Это совершенно естественно: не зная васъ, я всегда буду бояться писать не впопадъ, и самъ никогда не рѣшусь припоминать о себѣ вашей памяти; а отвѣчать на случайныя письма не общаю съ большою исправностью, потому что случайность всегда подвержена забвеніямъ. Не огорчайтесь этимъ, милая и умная Лизавета Николаевна, совершенная откровенность одна можетъ учредить между нами взаимную нужду другъ въ другѣ. У васъ столько ума и тонкости, что вы это понимаете сами какъ нельзя лучше. Ваше молчаніе теперь очень беспокоитъ меня. Когда пройдетъ безпокойство, слишкомъ долго не удовлетворенное, наступитъ—вы знаете что!—равнодушіе! Тогда и удовольствіе, котораго мы ожидали столько времени напрасно, перестаетъ быть для насъ удовольствіемъ. Мы принимаемъ его холодно, какъ опоздаващаго гостя. Я счелъ нужнымъ со всею искренностью изобразить вамъ возможный результатъ слишкомъ долгихъ промежутковъ между вашими письмами, для того, чтобы вы не обвиняли меня, будто я перемѣнился. Во всякомъ случаѣ, если вы еще не перемѣнились со времени первыхъ вашихъ писемъ, то это письмо доставитъ вамъ много удовольствія, потому что оно—скажете вы въ душѣ—носить на себѣ явный отпечатокъ досады. С.»

Слѣдующее письмо было написано до полученія моего отвѣта на предыдущее.

7-го мая 1843 г.

«Ваше письмо, добрый и милый другъ мой, очень обрадовало меня. Благодарю васъ за трудъ, который вы принимаете—бесѣдовать со мною. Не сомнѣвайтесь, что ваши прелестныя бесѣды составляютъ мое живѣйшее удовольствіе. Никогда не сомнѣвайтесь! То, что вы мнѣ пишете о вашей холодной наружности, уже было мнѣ извѣстно: я это замѣтилъ по письмамъ вашимъ, но, не имѣя привычки судить о людяхъ по наружности ихъ лица, приемовъ или выражений, я не относилъ и не отношу замѣчанія моего ни къ вашему сердцу, ни къ основанію вашего характера. Я всегда былъ увѣренъ, что сердце и душа ваши должны быть теплы, согрѣты огнемъ прекраснаго, потому что всѣ чувства ваши благородны. О вашемъ намѣреніи никогда

не выходить замужъ и не любить я хочу написать вамъ въ другой разъ, когда у меня будетъ болѣе времени. Теперь скажу вамъ только, что подобное намѣреніе въ ваши лѣта кажется мнѣ преждевременнымъ. Никогда не должно отвѣчать за будущность и составлять для нея непреложныя системы. Случай можетъ внушить вамъ другія желанія и другія понятія.

Я никакъ не понялъ причины, для которой вы требуете, чтобы я уничтожилъ предпоследнее письмо ваше: оно очень мило; я прочиталъ его снова и удивлялся очень, за что вы на него такъ нападаете. Оно ничуть не уступаетъ въ холодности послѣдному, и если вы боитесь, что въ немъ можетъ быть заключалось болѣе жару, нежели какъ это согласно съ наружностью вашего характера, то можете быть совершенно спокойны. Я вамъ скажу еще одну черту вашего характера: вы немножко капризны, или, правильнѣе, свое нравны въ своемъ расположеніи духа; почти каждое письмо ваше писано въ другомъ расположеніи. Но какъ бы то ни было, каждое принесло мнѣ много душевнаго наслажденія,—даже самое холодное изъ всѣхъ, послѣднее,—потому что я очень дорожу вашею дружбою. Послѣднее было для меня тѣмъ пріятнѣе, что продолжительное молчаніе ваше показалось мнѣ предвѣстникомъ прекращенія нашей переписки. Я чрезвычайно сожалѣю, что недостатокъ въ свободномъ времени препятствуетъ мнѣ въ эту минуту предаться увлеченію бесѣды съ вами. Я вскорѣ вознагражу себя за это лишеніе: я нахожу столько удовольствія писать другу, котораго не знаю и котораго подарилъ мнѣ случай, надѣясь, что, можетъ статься, этотъ другъ будетъ лучше всѣхъ прочихъ и одинъ мнѣ останется, когда всѣ другіе забудутъ обо мнѣ! Прощайте до будущей очереди. Не забывайте обо мнѣ. С. ».

10-го іюня 1843 г.

«Я только-что получилъ милое письмо ваше, мой добрый другъ, и не могу вамъ высказать, сколько оно обрадовало меня, особенно извѣстіемъ, что вы уже не печальны, что вы снова веселы и счастливы. Вы справедливы: мысль о томъ, что у меня есть вѣрный и привязанный другъ на другомъ концѣ свѣта, что его доброе сердце бьется иногда для меня, что моя привязанность къ нему наполняетъ его душу радостью, счастьемъ и можетъ когда-нибудь служить ему утѣшеніемъ,—эта мысль производитъ надо мною такое очаровательное дѣйствіе, такъ могущественно обворожила меня, что я счастливъ ею въ самыя горькія минуты грусти, что я нахожу въ ней услажденіе при всякой встрѣчѣ со злобою, съ коварствомъ, съ эгоизмомъ людей,

съ обманомъ ожиданій, съ разстройствомъ надеждъ. Въ эти тягостныя минуты, особенно, являетесь вы мнѣ въ образѣ таинственнаго ангела-утѣшителя, котораго я одинъ вижу душою и сердцемъ передъ собою и о существованіи котораго никто вокругъ меня не догадывается. Вы такъ умны и такъ самолюбивы,—вы сами говорили мнѣ, что вы чрезвычайно самолюбивы,—такъ умны, говорю, и такъ самолюбивы, что и вашъ умъ, и ваше самолюбіе давно уже сказали вамъ, что я долженъ любить васъ очень глубоко и сильно, какъ любить только идеаль, и что вы уже заняли первое и лучшее мѣсто въ моемъ сердцѣ и въ моемъ воображеніи. Зачѣмъ-же добровольно уменьшаете въ глазахъ своихъ, или своихъ письмахъ, важность свою для меня и для моего счастья? Зачѣмъ говорите, что я навѣрное состою нерѣдко въ подобныхъ сношеніяхъ съ особами, которыхъ лично не знаю, и что для меня это дѣло привычное? Если вы написали эти слова для того, чтобы я увѣрилъ васъ въ противномъ и чтобы подобное увѣреніе принесло вамъ удовольствіе, то я очень признателенъ вамъ: они тогда чрезвычайно пріятны мнѣ, и я нахожу душевное удовольствіе сказать вамъ, что ни съ кѣмъ въ свѣтѣ не имѣю подобныхъ сношеній, не имѣлъ, не буду имѣть. Вы одна составляете предметъ самой глубокой и самой святой моей привязанности; у васъ нѣтъ и не будетъ соперницы. Прочтите все, что я писалъ къ вамъ, и когда пишете ко мнѣ, вполне полагайтесь на друга, котораго вы умѣли пріобрѣсть себѣ. Но если вы это написали по своей недовѣрчивости и мнительности, въ которыхъ однажды обвиняли вы передо мною свой характеръ, если эти слова составляютъ выраженіе привычной склонности вашего ума къ подозрѣнію, то вамъ стоитъ только принять въ соображеніе, что я даю великое доказательство моего къ вамъ уваженія; согласитесь, что мнѣ, человѣку опытному, человѣку испытавшему столько измѣнъ, столько разочарованій и поставленному въ такое положеніе, гдѣ каждое мое слово должно быть взвѣшено, каждый поступокъ разсчитанъ съ величайшею осторожностью, чтобы, на худой конецъ, хоть не явиться смѣшнымъ въ глазахъ людей, готовыхъ растерзать мое имя и мое снокоиствіе,—мнѣ нужно чрезвычайно высоко уважать васъ, имѣть безпредѣльное довѣріе къ вашему сердцу и характеру, чтобы отдать въ сохраненіе вамъ, незнакомой особѣ, окруженной незнакомыми лицами, мои завѣтнѣйшія мысли, тайны, печали, жалобы, чувствованія,—то, чего я никому въ свѣтѣ не говорю и не сообщаю; чтобы такъ дѣтски вѣрить всего себя, все свое душевное я молодой женщинѣ, узнанной мною только сердцемъ, издали, а не опытомъ и временемъ; чтобы такъ измѣнить своей опытной мудрости для мечты, для дальней и туманной мечты.

Сообразите это: самолюбіе ваше можетъ быть совершенно довольно. Самый преданный любовникъ не могъ бы сдѣлать для васъ больше моего и едва-ли сдѣлалъ-бы столько. Я совершенно въ вашихъ рукахъ, я предалъ себя вамъ, и не на словахъ, а на бумагѣ,—вамъ, которой не знаю, между тѣмъ, какъ эта несчастная извѣстность, которою окружено мое имя, возлагаетъ на меня,—на всякаго чело-вѣка въ моемъ положеніи,—долгъ точно такой-же осторожности, какой требуетъ самая нѣжная женская репутація для своего охраненія. Положеніе въ обществѣ мужчины, пользующагося заслуженною или незаслуженною извѣстностью, и положеніе дѣвушки—чрезвычайно похоже другъ на друга: скромность, осторожность, притворство, тайна, приличіе—вотъ единственные средства спасенія для нихъ обоихъ противъ злобы, низости и легкомысленности толпы. Для такого мужчины предстоить еще одна опасность, которой нѣтъ для дѣвушки или женщины; онъ долженъ остерегаться не только своихъ современниковъ, но своихъ потомковъ: это ко мнѣ, слава Богу, не относится или, по крайней мѣрѣ, не должно-бы относиться. Но когда подумаешь, что безжалостное потомство отрываетъ и передаетъ печати всѣ лоскутки бумагъ Тредьяковскаго и по нимъ судить объ его характерѣ, его частной жизни, по нимъ насмѣхается надъ его прахомъ въ могилѣ, по нимъ клеймитъ его память, его имя,—то, право, и мнѣ почти стоило-бы немножко оглядываться вокругъ. Можетъ быть, вы никогда о томъ и не подумали, что письма, которыя отъ меня получаете, болѣе чѣмъ простыя письма, что каждое изъ нихъ—документъ противъ меня, и это не пожертвованіе, если вы не станете никому показывать ихъ, это только награда мнѣ за мою ребяческую откровенность съ вами. Друга вашего я люблю, потому что онъ вашъ другъ; и ему можете показывать нѣкоторыя изъ моихъ писемъ, если это дѣлаетъ вамъ удовольствіе, но вѣдь вы видите, что я часто пишу къ вамъ такія вещи, которыя только Богу, вамъ и мнѣ должны быть извѣстны. С.»

Сорокъ шесть лѣтъ я хранила эти письма, какъ святыню, но думаю, что теперь уже настало время, когда и другіе могутъ прочесть страницы, въ которыхъ съ такою полнотою высказываются задушевные мысли чело-вѣка, мало понятаго и много оклеветаннаго при жизни.

Къ сожалѣнію, у меня сохранились не всѣ письма Осипа Ивановича. Восемь лѣтъ тому назадъ, въ минуты страшнаго душевнаго отчаянія, когда я лишилась не только всего, чѣмъ дорожила, но и потеряла вѣру во все, я сожгла много бумагъ и писемъ безъ всякаго выбора, хватая, что попадалось подъ руку. Я побросала въ огонь

уже нѣсколько пачекъ, но вдругъ мнѣ захотѣлось взглянуть хоть на одно письмо. И тотчасъ все прошедшее возстало передо мной. Какъ ни горько было мое настоящее, прошедшее было свѣтло и отрадно, и въ моей душѣ промелькнуло сожалѣніе и сомнѣніе въ правѣ-ли я скрыть отъ свѣта столько благородныхъ порывовъ, столько прекрасныхъ мыслей, и всѣ еще уцѣлѣвшія, къ счастью самыя важныя, письма О. И. Сенковскаго и другихъ моихъ друзей были сохранены.

Въ двухъ послѣднихъ письмахъ О. И. Сенковскаго есть выраженія, которыя требуютъ поясненія. Думаю, что женщина, достигшая такого преклоннаго возраста, какъ я, имѣетъ право критически отнестись къ своей жизни и говорить о себѣ съ полною откровенностью въ очеркѣ, посвященномъ памяти человѣка, съ которымъ ее связывало чувство глубокой и преданной дружбы, основанной на взаимномъ уваженіи. Недовѣрчивость и подозрительность, о которыхъ Сенковскій говорить, относились ко мнѣ самой, а не къ другимъ. Мнѣ всегда казалось, что мои друзья слишкомъ снисходительны ко мнѣ. Особенно это недоверіе къ себѣ было естественно въ моихъ отношеніяхъ къ такому человѣку, какъ Сенковскій, но подозрѣвать другихъ я не была склонна. Напротивъ, мнѣ всегда было совѣстно предполагать въ людяхъ дурное намѣреніе, я всегда старалась отыскать въ нихъ хорошія стороны, и моимъ всегдашнимъ правиломъ въ жизни было — немногого требовать отъ людей и давать болѣе, въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи, чѣмъ получать самой. Это, пожалуй, тоже эгоизмъ своего рода, но онъ имѣетъ то преимущество передъ другимъ эгоизмомъ, что вреденъ больше для себя, чѣмъ для другихъ. Страданія, на склонѣ моей жизни сломившія даже такой закоренѣлый оптимизмъ, какъ мой, только подтвердили мое убѣжденіе, что однимъ изъ первыхъ правилъ въ жизни должна быть снисходительность къ слабостямъ людскимъ, потому что человѣкъ есть не что иное, какъ игральное судъбы, то есть случая, воспитанія и, главное, своего физическаго сложенія. Можно-ли негодовать на тѣхъ, кто по болѣшей части такъ же неповиненъ въ своей порочности, какъ цвѣтокъ въ своемъ благоуханіи.

Я этимъ не хочу сказать, что вполне отрицаю свободу воли; я только думаю не съ философской точки зрѣнія, потому что я въ философіи ровно ничего не смыслю, а на основаніи собственныхъ ощущеній и наблюденій — что свободой воли могутъ располагать не всѣ. Не говоря уже о томъ, что свобода воли стѣсняется чисто внѣшними причинами, я думаю, что природа не всѣмъ равно ее дала. Человѣкъ безхарактерный, то есть съ слабою волею отъ природы, всегда будетъ рабомъ своимъ страстей, и мнѣ кажется, что при всемъ своемъ стараніи онъ никогда не пріобрѣтетъ сильной воли, если не

родился съ нею, точно такъ, какъ человѣкъ глупый не въ состояніи приобрести ума. Правда, что животная сторона въ человѣкѣ зачастую одерживаетъ верхъ отъ дурнаго воспитанія и среды, подавляющихъ силу воли, но если даже ничто не подавляетъ воли, человѣкъ врядъ-ли располагаетъ свободой воли всегда и во всемъ. Минутное и иногда безотчетное побужденіе заставитъ его поступить не такъ, какъ бы онъ хотѣлъ. Оглядываясь на свою жизнь, сознавая свои ошибки, я думаю, многіе придутъ къ такому убѣжденію, что при данныхъ обстоятельствахъ, въ данныя минуты, они не могли иначе поступить. Графъ Л. Н. Толстой убѣждаетъ людей подчинять разуму свою животную натуру, но мало-ли есть людей, у которыхъ для этого не только силы воли, но и настоящаго разума-то нѣтъ. Конечно, именно для такихъ людей и потребны указанія великихъ мыслителей; не имѣя своего разума, пусть они идутъ, какъ панургово стадо, по указаніямъ разума другихъ, но великіе мыслители опять дѣлаютъ часто громадную ошибку—они забываютъ, что имѣютъ дѣло не съ такими исключительными натурами, какъ у нихъ самихъ, и предлагаютъ правила, недоступныя для большинства. Напримѣръ, графъ Л. Н. Толстой говоритъ, что сознаніе неизбежности страданій и смерти должно дать человѣку силы на отреченіе отъ своей собственной личности, на пожертвованіе ея общему благу, и что надо любить одинаково не только своихъ близкихъ, но и чужихъ—повторяю то, что прочла въ газетахъ о рефератѣ графа Толстого въ психологическомъ обществѣ въ Москвѣ—но вѣдь человѣчество состоитъ все изъ отдѣльныхъ личностей, и если каждый будетъ приносить въ жертву свою личность, то кто же будетъ пользоваться этими жертвами? Притомъ, отречься отъ своей личности могутъ только натуры исключительныя и въ исключительныхъ случаяхъ, увлекаясь какою-нибудь великою идеею и для какой-нибудь прямо намѣченной цѣли, а понятіе объ общемъ благѣ довольно неопредѣленно. Если-бы еще человѣкъ, рѣшающійся пожертвовать собою для общаго блага—допустивъ, что онъ пойметъ, въ чемъ оно состоитъ—могъ быть увѣренъ въ результатахъ своей жертвы, тогда, можетъ быть, нашлось бы болѣе желающихъ, но кто можетъ быть увѣренъ, что для послѣдующихъ поколѣній его жертва будетъ нужна? Человѣку, даже искренно желающему сдѣлать другимъ пользу, свойственно желать счастья и самому себѣ, а исполненіе долга и личное счастье не одно и то-же. Любить-же постороннихъ, какъ своихъ близкихъ, невозможно. Какіе родители, напримѣръ, въ состояніи любить чужого ребенка такъ, какъ своего? И конечно его счастье и благосостояніе доставятъ имъ болѣе радости, чѣмъ счастье и благосостояніе другихъ. Мнѣ кажется, что любовь къ своимъ, то есть дѣтямъ, роднымъ, друзьямъ, вообще близ-

кимъ намъ людямъ—есть величайшее благо, дарованное намъ природою, и никогда любовь ко всему человѣчеству не можетъ вложить въ душу и сердце такого теплаго и отраднаго чувства, какъ любовь къ близкимъ и дѣтямъ. Бѣдствіе, постигающее вдругъ сотни и даже тысячи людей—пожаръ, наводненіе, землетрясеніе—приводитъ въ ужасъ, возбуждаетъ состраданіе, но никогда не затронетъ такъ сердца, какъ смерть одного дорогаго существа.

Мнѣ кажется, что если-бы люди, имѣющіе вліяніе на другихъ своимъ могучимъ словомъ, болѣе принимали въ соображеніе слабости человѣческой природы и имѣли въ виду, что большинство состоитъ изъ людей, неспособныхъ на большія жертвы, но доброжелательныхъ по природѣ, а только не додумавшихся до того, чѣмъ они могутъ, не нарушая своего собственнаго счастья, облегчить несчастіе другихъ, и сердца такихъ-то недогадливыхъ людей «жгли своимъ глаголомъ», не требуя отъ нихъ слишкомъ большихъ жертвъ,—пользы было-бы больше. Хорошо было-бы и то, если-бы люди не злоупотребляли своимъ счастьемъ, удѣляли другимъ отъ его избытка и не оставались вполне равнодушными къ несчастію другихъ. Для людей эгоистичныхъ это тоже жертвы, но онѣ болѣе доступны для большинства.

Другое выраженіе, повторенное О. И. Сенковскимъ изъ моего письма, тоже требуетъ поясненія. Я не имѣла никакой предвзятой мысли противъ замужества, но не дѣлала изъ него цѣли жизни, какъ большинство дѣвушекъ въ тѣ давно прошедшія времена. Сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ остаться старою дѣвою считалось неприличнымъ. Я не раздѣляла этого предразсудка, и въ моей повѣсти «Блистательная партія» высказала свой взглядъ. Не раздѣляла же я взгляда моихъ сверстницъ потому, что для меня, какъ любимицы семьи и общества и пристрастной къ умственнымъ занятіямъ, жизнь была такъ радостна и полна, что ничто не побуждало меня желать во что бы то ни стало перемѣнить эту жизнь.

Но два раза до начала моей переписки съ О. И. Сенковскимъ,—первый разъ мнѣ было только шестнадцать лѣтъ, второй двадцать,—я встрѣчала человѣка, съ которымъ прошла-бы охотно рука объ руку жизненный путь; и въ расположеніи обоихъ этихъ людей я не имѣла причины сомнѣваться, хотя до окончательнаго объясненія не дошло; но женщина, даже очень молодая, врядъ-ли ошибется въ предположеніи такого рода—первый уѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, и въ Астрахань не вернулся, а другой, почти наканунѣ ожидаемаго мною объясненія, занемогъ, и послѣ продолжительной болѣзни умеръ.

Отъѣздъ перваго возбудилъ во мнѣ нѣкоторое разочарованіе, не оставившее, однако, глубокихъ слѣдовъ, а смерть другаго, хотя, конечно,

подѣйствовала на меня довольно сильно, но не до такой степени, какъ ожидала я. Уже гораздо позже я поняла, что это были привязанности не сердечныя, а головныя, затронувшія скорѣе мое воображеніе, нежели чувство.

Послѣ этихъ несбывшихся ожиданій я перестала думать о замужествѣ, опять-таки просто потому, что мнѣ не нравился никто. Конечно, у всякой дѣвушки, не уродливой и не особенно безобразной, всегда найдутся поклонники и женихи, они были и у меня, но я допускала замужество только по любви, а тѣ, которые предлагали мнѣ руку и сердце, ни по своему развитію, ни по своему образованію, не могли прельстить меня. Предавшись своей любви къ литературѣ, найдя неожиданную возможность удовлетворить эту любовь, не встрѣчая около себя никого, кто могъ-бы заставить меня забыть челоуѣка, смерть котораго, если не привела меня въ отчаяніе, то, конечно, не могла способствовать желанію къмъ попало замѣнить его, я имѣла полное основаніе откровенно признаваться своему далекому другу, что рѣшилась не думать ни о замужествѣ, ни о любви.

IV.

Моя занятія дѣлами по имѣнію «Черепаха».—Болѣзнь глазъ.—Послѣднія письма ко мнѣ въ Астрахань отъ О. И. Сенковского.

Литературная переписка не мѣшала мнѣ заниматься другимъ дѣломъ. Я давно уже помогала моей матери, переписывалась съ присутственными мѣстами—у насъ много было разныхъ дѣлъ и по опекаѣ, до совершеннолѣтія моихъ братьевъ, и по размежеванію земель, между прочимъ, одно дѣло въ сенатѣ тянулось болѣе пятидесяти лѣтъ, началось при моемъ дѣдѣ и кончилось уже послѣ переселенія моего въ Петербургъ.

Наша «Черепаха» досталась моему отцу съ долгами, и эти долги, обремененные большими процентами, очень тревожили мою мать. Мнѣ и пришло въ голову перезаложить имѣніе въ государственномъ банкѣ, гдѣ съ процентами, сравнительно очень небольшими, уплачивался и капиталъ. Объ этомъ моемъ планѣ Осипъ Ивановичъ написалъ мнѣ очень милое письмо.

29-го августа 1843 г.

«Vous êtes vraiment admirable, ma charmante amie! Comment, vous lisez les loix, vous confrontez les articles des Codes, vous examinez les dépêches judiciaires, vous faites des plans de finances et des

opérations de banque? Allons donc, ne me trompez pas, vous devez avoir quarante cinq ans, vous devez porter un gros bonnet et des lunettes bleues. C'est-à-dire, que vous êtes la femme de trente ans de M. de Balzac, qui est ici, à Pétersbourg, en ce moment. A cette occasion je dois vous dire, que toutes les femmes, en son honneur, ont aujourd'hui trente ans: il y a bien quelques provinciales qui en ont seulement vingt-cinq; mais ce sont des femmes sans avenir, elles n'auront jamais trente ans, il faut les abandonner à leur triste sort, à leur interminable minorité d'âge. N'êtes-vous pas de leur nombre? Ce serait malheureux! Ehl bien, avouez que vous êtes la femme de trente ans, car il m'est difficile de croire qu'une personne de vingt deux ait l'esprit développé à ce point. Je comprends aujourd'hui vos affaires, j'ai examiné vos papiers à la Banque, et je rends pleine justice à votre plan de finances: c'est une combinaison de haute sagesse, j'en suis d'autant plus content, qu'elle me prouve, que le ciel m'a donné en vous pour amie une personne tout-à-fait supérieure, une femme d'infiniment d'esprit et de tact».

[Переводъ]. Вы по истинѣ изумительны, мой очаровательный другъ! Какъ! Вы читаете законы, разсматриваете юридическія бумаги, составляете финансовыя планы и банковскія операціи? Полноте, не обманывайте меня, вамъ должно быть сорокъ пять лѣтъ, вы вѣрно носите огромный чепецъ и синія очки. То есть вы тридцати-лѣтняя женщина Бальзака, который здѣсь въ Петербургѣ въ настоящую минуту. По этому случаю я долженъ вамъ сказать, что всѣмъ женщинамъ въ честь его теперь тридцать лѣтъ; есть кое-какія провинціальки, которымъ только двадцать пять, но это женщины безъ будущности, имъ никогда не будетъ тридцати лѣтъ, ихъ надо предоставить ихъ печальной участи, ихъ нескончаемому несовершеннолѣтію. Не находите-ли и вы въ ихъ числѣ? Это было-бы несчастіемъ! Ну, признайтесь-же, что вы тридцати-лѣтняя женщина, потому что мнѣ трудно повѣрить, чтобы двадцатидвухъ-лѣтняя женщина имѣла умъ развитой до такой степени. Я понимаю теперь ваши дѣла, я разсмотрѣлъ ваши бумаги въ банкѣ, и отдаю полную справедливость вашему финансовому плану: это премудрая комбинація; я тѣмъ болѣе доволенъ, что она доказываетъ мнѣ, что небо послало мнѣ въ моему другѣ особу необыкновенную, женщину съ чрезвычайнымъ умомъ и тактомъ.

Далѣе слѣдуютъ подробности о нашемъ дѣлѣ въ банкѣ, не интересные для читателей. Письмо кончалось словами:

«Но вы сами законница; вы знаете, что нужно дѣлать, и сообразитесь съ обстоятельствами. На мою готовность сдѣлать для васъ все съ величайшимъ удовольствіемъ—можете полагаться, должны полагаться, я—совершенно вашъ. Безъ оговорокъ и безъ извиненій! Приказывайте правомъ друга, какъ сестра брату».

Послѣ этого письма началась переписка о болѣзни моихъ глазъ.

Въ нашей библиотекѣ былъ лечебникъ Бюергава, и я вычитала тамъ, что темныя пятна, съ нѣкоторыхъ поръ летавшія у меня передъ глазами, — первый признакъ темной воды. Въ Астрахани въ то время окулиста не было. Нашъ домашній докторъ находилъ опасными мои пятна, и я просила О. И. Сенковскаго прислать мнѣ адресъ лучшаго окулиста, къ которому я могла-бы обратиться письменно. Осипъ Ивановичъ отвѣтилъ мнѣ, что нашъ докторъ долженъ составить описаніе моей болѣзни, а онъ покажетъ это описаніе Николаю Ивановичу Пирогову. Описаніе было сдѣлано. Н. И. Пироговъ нашелъ его недостаточнымъ и отвѣтилъ, что заочно ничего нельзя сказать. Состояніе моихъ глазъ очень пугало мою мать и моя поѣздка въ Петербургъ была рѣшена. Осипъ Ивановичъ написалъ мнѣ по этому поводу предоброе и премилое письмо, которое вполнѣ выказываетъ его душевную доброту.

[Переводъ съ французскаго]: «Я опять возвращаюсь къ вашимъ глазамъ, мой очаровательный другъ. Мысль видѣть васъ когда-нибудь занимаетъ меня больше всего, это самая дорогая и самая сладостная изъ моихъ надеждъ, и она-то заставила меня сказать въ моемъ послѣднемъ письмѣ, что поѣздка въ Москву и Петербургъ будетъ, можетъ быть, необходима для вашего лѣченія. Но потомъ я разсудилъ, потому что я безпрестанно думаю о васъ, милый и добрый другъ: я такъ васъ люблю, что не могу не предпочитать вашу пользу самому величайшему изъ моихъ удовольствій, самой обольстительной изъ моихъ счастливыхъ минутъ, и думаю, что если потребуется прибѣгнуть къ радикальному лѣченію, то тогда вамъ лучше ѣхать въ Италію или во Францію. Это также и дешевле. Издержки совсѣмъ незначительны. Вы легко можете доѣхать изъ Астрахани въ Таганрогъ, или въ Керчь, даже на своихъ лошадяхъ. Въ одной изъ этихъ гаваней, особенно въ Керчи, вы всегда найдете суда, отправляющіяся въ Триестъ, Венецію, Неаполь, Ливорно, Геную, или Марсель. За нѣсколько сотъ рублей вы можете доѣхать въ Ливорно или Марсель; оттуда вы можете еще съ меньшими издержками доѣхать до Болоньи или Парижа и найти тамъ самую лучшую и искусную помощь, какую только можно найти въ Европѣ. Это путешествіе вамъ будетъ и пріятнѣе, и полезнѣе, чѣмъ въ Москву, Кіевъ и даже Петербургъ, города дорогие и скучные. Если-бы не было судовъ, прямо отправляющихся изъ Таганрога или Керчи въ Ливорно, Геную, Триестъ, Венецію или Марсель, то всегда есть суда, отправляющіяся въ Константинополь, и тамъ вы найдете хорошо устроенные рейсы пароходовъ; каждыя двѣ недѣли очень хорошій пароходъ перевозитъ изъ Константинополя путешественниковъ въ Среди-

земное море; онъ останавливается въ Дарданеллахъ, въ Афинахъ, Корфу, Неаполѣ, Ливорно и Генуѣ, а оттуда идетъ въ Марсель. Вы можете сойти, гдѣ захотите, напримѣръ, въ Неаполѣ, Ливорно или Марсели. Если не найдете всѣхъ средствъ къ излѣченію въ Неаполѣ, вы поѣдете въ Ливорно, а оттуда въ Болонью, самый ученый городъ въ Италіи, если-же нѣтъ, если прямо предпочтете отправиться въ Марсель, вы сядете въ дилижансъ и черезъ четыре дня вы будете въ Парижѣ. Я думаю, что весь проѣздъ изъ Константинополя въ Марсель стоитъ на пароходѣ только 350 франковъ. За тѣ-же деньги, которыя вы истратили-бы на поѣздку въ Москву, вы посѣтите большую часть большихъ городовъ Италіи и Франціи. Подумайте объ этомъ. Я жду описанія вашей болѣзни, и если дѣйствительно есть неотлагаемая необходимость и опасность, вы понимаете, что я не дамъ погибнуть вашимъ глазамъ. Я найду вамъ средство спасти ихъ. Вы скажете мнѣ откровенно, какими ресурсами можете располагать, и я охотно дополню ихъ. Я хочу, чтобы вы знали, что встрѣтили на этомъ свѣтѣ истиннаго друга, который достоинъ всей вашей дружбы и который вполне преданъ вамъ. Это можетъ быть единственное воспоминаніе, которое я хочу оставить въ этомъ мірѣ послѣ себя. Я желаю вложить это воспоминаніе въ ваше сердце, мой обожаемый другъ, и оставить этотъ міръ съ убѣжденіемъ, что я еще не умеръ на землѣ, потому что буду продолжать жить въ прекраснѣйшей душѣ—въ вашей. Прощайте, не забывайте того, кто преданъ вамъ всѣмъ сердцемъ.

О. С. ».

Но меня нисколько не интересовало путешествіе за границу; могла-ли я пропустить такой удобный случай познакомиться съ человекомъ, котораго я считала своимъ благодѣтелемъ, очутиться въ центрѣ литературной дѣятельности, какъ воображала я. Развѣ не было благодѣніемъ со стороны Осипа Ивановича доставить мнѣ возможность предаваться любимымъ занятіямъ и, такъ сказать, открыть мнѣ новый кругозоръ. Что случилось-бы съ моею страстью къ литературѣ, если-бы этотъ человекъ, по несравненной добротѣ своей, не подаль мнѣ руку помощи? Сколько сильныхъ дарованій можетъ быть погибли, по недостатку такой помощи, а мои слабыя, ничтожныя способности не пропали даромъ по милости его.

Этимъ письмомъ я заканчиваю переписку Осипа Ивановича со мною до личнаго знакомства. Тѣ немногія письма, которыя я получила отъ него до отъѣзда въ Петербургъ, касались исключительно болѣзни моихъ глазъ. Если-бы даже они и сохранились, то не представляли никакого интереса для постороннихъ читателей, и объ уничтоженіи ихъ нечего жалѣть.

V.

Поѣздка въ Петербургъ.—Мое личное знакомство съ О. И. Сенковскимъ.—
Оцѣнка его дѣятельности А. В. Дружининимъ.—Объясненіе литературнаго
одиночества Сенковского.

Я не имѣла надобности прибѣгать къ матеріальной помощи, предлагаемой мнѣ О. И. Сенковскимъ, и весною 1845 г. поѣхала въ Петербургъ, въ безрессорномъ тарантасѣ, съ челоѣкомъ и горничною, на почтовыхъ. Въ то время не было ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ; путь первыхъ станцій отъ Астрахани шелъ по пескамъ, лошади могли подвигаться только шагомъ, потому что буквально вязли по колѣна въ глубокомъ пескѣ. Я ѣхала день и ночь, и провела въ дорогѣ до Москвы одиннадцать сутокъ. Въ Москвѣ я продала свой тарантасъ и пріѣхала въ Петербургъ въ почтовой каретѣ. Для меня было приготовлено уже помѣщеніе въ глазной лѣчебницѣ, въ Моховой, гдѣ главнымъ врачомъ тогда былъ г. Лерхе. У меня тамъ была особая комната, гдѣ я и оставалась во все время моего пребыванія въ Петербургѣ, годъ и три мѣсяца.

Чтобы покончить разомъ съ болѣзнью моихъ глазъ, я скажу, что глаза мои до сихъ поръ находятся все въ томъ же положеніи; темныя пятна не исчезли и оказались не вредными для зрѣнія. Ихъ приписали слабости моей нервной системы, назначили мнѣ морскія купанья, и лѣта 1845 и 1846 гг. я провела въ Ревелѣ.

Мое личное знакомство съ О. И. Сенковскимъ еще болѣе скрѣпило ту преданную дружбу, которую, конечно, онъ заслужилъ съ моей стороны вполне. Въ то время онъ былъ уже не молодъ и не хорошъ собою, но его обращеніе, разговоръ и даже голосъ производили какое-то обаяніе не только на женщинъ, но при ближайшемъ знакомствѣ—и на мужчинъ. Не думаю, чтобы въ Россіи въ то время много было людей съ такимъ громаднымъ умомъ, съ такимъ многостороннимъ образованіемъ, съ такою обширною начитанностью. И все это соединялось съ дѣтскою добротою, съ прекраснымъ, ровнымъ характеромъ, съ отсутствіемъ всякаго эгоизма, съ полною готовностью оказать услугу, помощь всѣмъ, кто нуждался въ нихъ.

Считаю не по силамъ моимъ судить объ его литературной дѣятельности, но думаю, что ему не отдали надлежащей справедливости до сихъ поръ. Всегда только нападали на его слабыя стороны, а о хорошихъ не упоминали совсѣмъ. Между тѣмъ, какъ справедливо сказалъ А. В. Дружининъ въ своей статьѣ объ Осипѣ Ивановичѣ, въ апрѣльской книгѣ «Библиотеки для Чтенія», 1858 года,

благородная и благотворная сторона его трудовъ съ избыткомъ выкупала всё несовершенство другой стороны. Жена Осипа Ивановича въ своихъ воспоминаніяхъ впала въ другую крайность, и написала одинъ сплошной и сентиментальный панегирикъ, дающій весьма слабое и даже ошибочное понятіе объ этой замѣчательной личности. Она менѣе чѣмъ кто-нибудь понимала внутренній міръ человѣка, на котораго смотрѣла сквозь призму тщеславія, но на котораго имѣла громадное вліяніе особенностями своего характера и своимъ недюжиннымъ умомъ.

Самый справедливый отзывъ объ Осипѣ Ивановичѣ, какъ о журналистѣ, такъ и о человѣкѣ, сдѣланъ А. В. Дружининымъ въ упомянутой мною статьѣ. Позволяю себѣ сдѣлать нѣсколько выписокъ, съ которыми я вполне согласна:

«Во всей современной ему (Сенковскому) русской литературѣ не находилось человѣка, который въ качествахъ, необходимыхъ для журналиста, могъ-бы соперничать съ основателемъ «Библиотеки для Чтенія». По высокому, солидному, многостороннему образованію, Сенковский могъ назваться первымъ изъ первыхъ литераторовъ своего времени. Кромѣ языковъ древнихъ и восточныхъ, онъ зналъ въ совершенствѣ языки: русскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и польскій; кромѣ глубокихъ свѣдѣній по отрасли наукъ, которымъ преимущественно посвятилъ онъ свои занятія въ молодости (восточные языки и восточная литература), онъ имѣлъ обширныя познанія въ наукахъ естественныхъ и политическихъ. Читая безпрестанно и владѣя удивительною памятью, Осипъ Ивановичъ, когда еще его здоровье допускало «излишество труда», слѣдилъ за всѣми не только первостепенными, но и второстепенными и третьестепенными явленіями современной науки и словесности. Онъ могъ бесѣдовать съ первокласснымъ медикомъ и удивлять его своими познаніями въ области медицинскихъ наукъ; первостепенные европейскіе виртуозы отдавали справедливость его парадоксальнымъ, но глубокимъ взглядамъ на сокровенные законы ихъ искусства; экономистъ, разговаривая съ Осипомъ Ивановичемъ, видѣлъ, что ему знакомы труды всѣхъ европейскихъ, особенно англійскихъ, писателей по части политической экономіи. Понятно, что при обладаніи такими средствами, Сенковский могъ вести и велъ свое періодическое изданіе несравненно лучше, чѣмъ его сверстники вели свои журналы».

Далѣе въ той же статьѣ Дружининъ говоритъ:

«Трудно объяснить съ достовѣрностью причины того литературнаго одиночества, котораго постоянно держался Сенковский и которое по временамъ вводило его въ странныя и безвыходныя положенія, но намъ кажется, что въ одиночествѣ этомъ не было ничего преднамѣреннаго или исходящаго изъ пренебреженія къ другимъ литераторамъ. Мы знали Осипа Ивановича около десяти лѣтъ, и во всѣ эти десять лѣтъ не подсмотрѣли въ его характерѣ никакой неуживчивой особенности, не подслушали въ его разговорахъ о литературѣ чего-нибудь очень враждебнаго новому ея направленію. Нѣкоторые изъ современныхъ писателей, незнакомые ему лично и даже предубѣжденные противъ его

литературной дѣятельности (напримѣръ И. С. Тургеневъ), были любимыми авторами покойника, и всякую ихъ хорошую вещь онъ привѣтствовалъ съ полнымъ радушіемъ. Когда ему приходилось сходиться съ какимъ-нибудь литераторомъ, составившимъ себѣ извѣстность за послѣдніе годы, О. И. всегда оказывался и привѣтливомъ, и сообщительнымъ. Но въ его характерѣ, и это мы знаемъ навѣрное, преобладающею особенностью всегда было то, что англичане называютъ *shyness*, то есть, отчасти врожденная, отчасти развитая обстоятельствами трудность къ сближенію съ другими людьми. Искать въ комъ-нибудь, подлаживаться къ другому человѣку онъ не могъ бы ни за что въ свѣтѣ, но если обстоятельства сами сводили его съ существомъ достойнымъ признанія, онъ его держался постоянно, и въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ иногда бывалъ очарователенъ. Мы помнимъ ночныя бесѣды и немногочисленныя собранія, посреди которыхъ покойный Сенковский любилъ давать волю своему остроумію, а остроуміе это въ изустныхъ бесѣдахъ по временамъ далеко оставляло за собой то замѣчательное остроуміе, какимъ восхищались равностные поклонники печатнаго барона Брамбеуса. Смѣло можно сказать, что воспоминаніе о подобныхъ разговорахъ принадлежатъ къ числу драгоценнѣйшихъ воспоминаній нашей молодости. И сколько разъ приходила намъ въ то время печальная мысль: «и этотъ высокообразованный человѣкъ, съ его свѣтлымъ умомъ, съ его яснымъ взглядомъ на вещи, съ его терпимостью и пониманіемъ жизни, человѣкъ, столько сдѣлавшій для русской словесности, гаснетъ посреди полного одиночества, имъ же вызваннаго, имъ же подготовленнаго! Память о годахъ, когда онъ все дѣлалъ одинъ и могъ самъ быть своимъ первымъ помощникомъ, вредила Сенковскому очень много. Въ молодости ему было весело не нуждаться ни въ комъ, держать себя въ сторонѣ отъ молодаго поколѣнія, на сверстниковъ своихъ глядѣть съ ироніею, отчасти ими заслуженною. Но съ годами пришли недуги и усталость, а зданіе, поддерживаемое столько лѣтъ одною, хотя очень сильною рукою, рухнуло съ трескомъ, чуть эта рука должна была опуститься».

Привожу еще нѣсколько выписокъ изъ разныхъ мѣстъ статьи.

«Осипъ Ивановичъ никогда не обманывался на счетъ значенія своего журнала и своей критики: требованія публики, несмысленный успѣхъ его краткихъ и блистательныхъ рецензій, заставляли его заниматься литературною лѣтописью съ особеннымъ тщаніемъ; но въ годы сильнѣйшаго ея успѣха остроумный рецензентъ не обманывалъ себя по части ея значенія. Сенковский зналъ лучше всѣхъ своихъ противниковъ, что судьба не создала его критикомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, зналъ и то, что лучшія страницы его литературной лѣтописи не содержать въ себѣ ничего особенно плодотворнаго для современной ему русской словесности. Онъ не преувеличивалъ своей роли какъ цѣлителя изящныхъ произведеній. Онъ не силился возвести въ какую-нибудь теорію свое гоненіе на плохихъ поэтовъ, свой походъ противъ сихъ и оныхъ, свои мѣткія шутки противъ сбрумажныхъ изданій и раздирательной литературы. Читатель требовалъ остроты и шутокъ, читатель встрѣчалъ каждую рецензію Сенковского выраженіемъ восторженнаго одобренія—и Сенковский былъ не прочь шутить съ читателемъ, иногда даже шутить надъ читателемъ.

«Онъ желалъ всякихъ успѣховъ русской наукѣ и русской поэзіи, вѣрилъ, что современемъ успѣхи эти придутъ самъ собой, но взглядъ Сенковского на русскую литературу мы можемъ выразить такими словами: «намъ надо учиться и учиться, а не кричать о нашихъ необыкновенныхъ успѣхахъ. Мы еще дѣти,

мы еще ученики. Наука наша ушла весьма недалеко. Перечитайте всѣ русскіе романы и повѣсти, имѣвшіе успѣхъ за послѣдніе три года, а послѣ нихъ пробѣгите хоть «Пиквикскій клубъ» Диккенса, тутъ вы поймете разницу въ трудѣ учениковъ и трудѣ мастера. Послѣ нашихъ ученыхъ книгъ и журнальныхъ статей возьмите на удачу одну статью изъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія», статью безъ подписи, прочитайте ее—и тогда судите сами о нашей учености. Нашимъ журналистамъ и критикамъ такое сравненіе не придетъ въ голову, они не читаютъ ничего, а изъ иностранныхъ языковъ знаютъ лишь французскій, да и то плохо. Чѣмъ учиться у старшихъ народовъ, гораздо легче восхищаться своими доморощенными мудрецами. Это замашка всѣхъ начинающихъ, можетъ быть она имѣетъ свою полезную сторону, потому что ученикамъ нужна бодрость. Только нехорошо, если они уже слишкомъ бодры, до того бодры, что учение считаютъ дѣломъ для себя ненужнымъ».

Далѣе Дружининъ говоритъ очень вѣрно, что если-бы рѣдкія свойства натуры Сенковскаго были вдобавокъ согрѣты элементомъ поэтической воспримчивости, изъ него вышелъ-бы юмористъ самаго высшаго разбора.

Но поэтической стороны не было въ этомъ многостороннемъ дѣятелѣ. Не изъ лицепріятія или дурнаго помысла Осипъ Ивановичъ просмотрѣлъ огромное значеніе Гоголя въ русской литературѣ, онъ просмотрѣлъ его совершенно искренно, онъ прошелъ мимо Гоголя такъ, какъ человѣкъ, одаренный тысячею талантовъ, но худо разумѣющій живопись, проходитъ мимо фанъ-Остада или ванъ-деръ-Нера въ чьей-нибудь картинной галлерей. Сенковскій не имѣлъ качествъ, нужныхъ для критики поэтическихъ произведеній, въ этомъ отношеніи роль его была не велика и не значительна, но онъ имѣлъ другую важную роль, выполненную безукоризненно и принесшую нашей словесности большую пользу. Онъ честно исполнилъ задачу, которая сказывалась въ его словахъ: «Мы еще ученики передъ Европою, намъ надо учиться и учиться». На этихъ словахъ зиждется главное значеніе его журнала, значеніе популярнѣйшаго и превосходнѣйшаго иностраннаго обозрѣнія, какое когда-нибудь имѣла русская публика. Уже одна программа «Библіотеки для Чтенія», программа, вся созданная О. И., въ совершенствѣ показывала, до какой степени редакторъ новаго изданія разумѣлъ умственные потребности русскаго читателя. Сенковскій былъ основателемъ того энциклопедическаго направленія, котораго до сихъ поръ неуклонно держатся всѣ наши лучшіе журналы и котораго они будутъ держаться до той поры, пока уровень нашего общаго образованія не сравняется съ иностраннымъ. Плата за статьи сдѣлалась необходимымъ условіемъ журнальнаго труда, произволь сталъ невозможнымъ по этой части, обширный классъ писателей, обезпеченный въ своемъ интересѣ, увеличилъ свою дѣятельность, и все журнальное дѣло навсегда получило тотъ правильный и опредѣленный характеръ, отъ котораго малѣйшія отклоненія теперь стали невозможностью».

Мнѣ кажется, что эти заслуги, которыя врядъ-ли кто станетъ отрицать, были немаловажны, и я позволила себѣ эти выписки изъ статьи, теперь уже забытой, потому, что ничего вѣрнѣе и лучше этого не счѣмю я сказать о дѣятельности О. И. Сенковскаго, но не могу не прибавить, что, по моему крайнему разумѣнію, настоящимъ его призваніемъ была публицистика—именно тотъ родъ литературной дѣятельности, который для Россіи тогда не существовалъ. Онъ самъ это прекрасно понималъ, и какъ только съ новымъ царствованіемъ начали свободно переводить духъ послѣ цензурныхъ стѣсненій, Осипъ Ивановичъ задумалъ планъ большой политической газеты, но это было уже въ послѣдніе мѣсяцы его жизни и я въ свое время объ этомъ упомяну.

Въ той статьѣ, изъ которой я сдѣлала выписки, Дружининъ удивляется литературному одиночеству Сенковскаго.

Это литературное одиночество, которое такъ вредно отразилось и на дѣятельности Осипа Ивановича и которое мѣшало при жизни понять его какъ слѣдуетъ, а послѣ смерти отдать ему должную справедливость, онъ самъ отчасти объяснилъ въ своемъ четвертомъ письмѣ ко мнѣ, а я постараюсь дополнить объясненіе, насколько могла уяснить себѣ и другія причины во время моей короткости съ нимъ и съ его женой.

Онъ держалъ себя далеко отъ Булгарина и ему подобныхъ, потому что ненавидѣлъ литературныя дразги, никогда не позволялъ себѣ вступать въ перебранку, никогда не отвѣчалъ на нападки въ печати, считая это недостойнымъ порядочнаго журналиста, и высказалъ свой взглядъ въ превосходной статьѣ въ одной изъ книжекъ «Библиотеки для Чтенія», къ сожалѣнію, не припомню въ которомъ году, по поводу полемики «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ», зашедшей слишкомъ далеко. Его громадный умъ, заставлявшій многихъ казаться какими-то пигмеями въ сравненіи съ нимъ, его безпощадная иронія, блестящій успѣхъ первыхъ годовъ «Библиотеки для Чтенія» не могли не надѣлать ему завистниковъ и враговъ.

Но литературное одиночество О. И. Сенковскаго имѣло еще другую, болѣе важную, причину. Осипъ Ивановичъ, по своему крайне мягкому и привѣтливому характеру, очень могъ-бы, помимо завистниковъ и клеветниковъ, составить себѣ кружокъ изъ новыхъ талантовъ, и неоспоримо имѣлъ въ себѣ всѣ необходимыя качества, чтобы привязывать и привлекать къ себѣ людей. Если-бы Н. И. Пироговъ окончилъ свои «Записки», онъ навѣрно сказалъ-бы многое объ О. И. Сенковскомъ, съ которымъ находилъ удовольствіе вести безконечныя бесѣды

о медичинѣ, забывая, что его собесѣдникъ не специалистъ. Когда во второй прїѣздъ свой въ Петербургъ я приняла дѣятельное участіе въ «Библиотекѣ для Чтенія», Осипъ Ивановичъ сблизился очень охотно съ нѣкоторыми молодыми писателями черезъ меня. И Александръ Васильевичъ Дружининъ и Викторъ Павловичъ Гаевскій были очарованы его привѣтливостью, радушіемъ, не говоря объ его умѣ. Но было уже слишкомъ поздно, онъ устарѣлъ, утомился, его домашняя жизнь была очень тяжела.

Я храню глубокую признательность къ А. А. Сенковской за ея неизмѣнное расположеніе ко мнѣ, за то радушіе, съ какимъ она приняла меня, прїѣзжую издалека, но такъ какъ ея характеръ имѣлъ громадное вліяніе на настроеніе ума и образъ жизни ея мужа, я не считаю себя въ правѣ умолчать о томъ, что касается дорогаго мнѣ лица. Въ правдивыхъ «Воспоминаніяхъ» отзывы даже о близкихъ людяхъ должны быть безпристрастны, воспоминанія не некрологъ, гдѣ обязательно должны воспѣваться только похвалы. Притомъ, Адель Александровна сама рассказала въ своихъ «Воспоминаніяхъ» исторію свою и своего мужа, во многомъ далекую отъ истины, а я въ своихъ «Воспоминаніяхъ» считаю своею обязанностью эту истину возстановить. Начать съ того, что Адель Александровна никогда не знала самой важной тайны въ жизни ея мужа, а именно, что онъ женился на ней изъ любви къ другой. Онъ любилъ не Адель Александровну, а ея подругу, которая, зная любовь Адели Александровны къ нему и сама не любя его, пожелала этого брака, чтобы составить счастье Адели Александровны, съ которою была очень дружна. Осипъ Ивановичъ не только исполнилъ желаніе любимой женщины, но далъ ей слово, что Адель Александровна будетъ считать себя самою счастливою на свѣтѣ женою. Этому обѣщанію онъ никогда не измѣнялъ. Адель Александровна унесла съ собою въ могилу увѣренность, что не только счастливѣе ея не было жены на свѣтѣ, но что она и любима была такъ, какъ никто. Разъ взявъ на себя роль обожающаго свою жену мужа, Осипъ Ивановичъ не имѣлъ настолько твердости характера, чтобы сбросить съ себя эту роль, когда впоследствии она пришлась для него слишкомъ тяжела.

Первое время онъ увлекся ею, потому что Адель Александровна, какъ она сама признавалась мнѣ, была страстно влюблена въ него и умѣла льстить его тщеславію, восхищаясь имъ, но когда та, которая пожелала этого брака, вскорѣ умерла, Осипъ Ивановичъ самъ опасно занемогъ и чуть не умеръ, такъ велика была его привязанность къ женщинѣ, которой онъ необдуманно принесъ жертву, испортившую

его жизнь. Отсюда начинается его лихорадочная дѣятельность по устройству разныхъ квартиръ, дачъ и проч., о чемъ говоритъ его жена въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Онъ просто тяготился домашнею жизнью и желалъ какъ можно менѣе времени проводить съ своей женою, но, исполняя данное слово, тѣшилъ ее всячески, изобрѣтая всякія развлечения, что она принимала за любовь.

Будь у Адели Александровны другой характеръ и другой складъ ума, она не только приобрѣла-бы любовь мужа, но и его литературная дѣятельность приняла-бы иной видъ. Но Адель Александровна, дочь банкира Раля, извѣстнаго своимъ гостепріимствомъ къ пріѣзжавшимъ изъ чужихъ краевъ артистамъ, которые даже жили въ его домѣ и на его счетъ, была иностранка по своему воспитанію и по складу своего ума. Русскою литературою она совсѣмъ не интересовалась, а когда, уже въ пожилыхъ лѣтахъ, вздумала писать повѣсти, то писала ихъ на французскомъ языкѣ. Главною ея страстью была музыка, и въ домѣ Осипа Ивановича музыка, а не литература играла главную роль. Осипъ Ивановичъ былъ уступчивъ, мягокъ и податливъ, и черезъ это Адель Александровна привыкла преимущественно думать о себѣ. Она не только не скрывала этого, она этимъ гордилась, и на основаніи непрерывныхъ угожденій мужа считала себя въ правѣ такъ поступать.

Сойдясъ съ Сенковскими коротко и видя, какъ безжалостно приносится въ жертву спокойствіе Осипа Ивановича изъ за-пустыхъ прихотей и капризовъ, признаюсь, я осуждала его въ душѣ, приписывая его несчастную семейную жизнь, раздраемую запальчивыми придирками изъ за-разнаго вздора непростительной слабости съ его стороны, но потомъ я удостовѣрилась, что бывають такіе характеры, съ которыми подѣлать ничего нельзя. Адель Александровна забрала себѣ въ голову нелѣпое убѣжденіе, положительно мѣшавшее Осипу Ивановичу заниматься настоящимъ дѣломъ, что у ея мужа нѣтъ большаго счастья, какъ все терпѣть, все переносить, только-бы ей было хорошо.

Вглядываясь пристальнѣе въ эту странную семейную жизнь, конечно отчасти и по его винѣ, я не могла не сознаться, что Осипъ Ивановичъ не могъ иначе поступать. Какъ человѣкъ занятой, онъ дорожилъ домашнимъ спокойствіемъ, а его можно было купить только самымъ внимательнымъ угожденіемъ, самою нелѣпою лестью, а иначе на его несчастную голову обрушивался цѣлый ураганъ. Не будь у него срочной журнальной работы, онъ, можетъ быть, лучше умѣлъ-бы поставить себя въ домашнемъ быту; но ему было дорого время и онъ его покупалъ тѣми способами, которые были доступнѣе другихъ. Притомъ, его никогда не покидала мысль о счастіи жены. Съ безпри-

мѣрнымъ самоотверженіемъ онъ постоянно заботился о томъ, чтобы ей всегда и во всемъ было хорошо. Онъ помнилъ, что она была дочь богатаго банкира, привыкла къ роскоши, и хотя не получила отъ отца приданаго, потому что баронъ Раль уже раззорился, когда Адель Александровна выходила замужъ, Осипъ Ивановичъ исполнялъ ея малѣйшія прихоти, не жалѣя для этого ни денегъ, ни стараній, ни заботъ. Какъ онъ могъ думать о сближеніи съ литераторами, когда его жена, передъ которою все преклонялось въ домѣ, начиная съ него самого, была исключительно настроена на музыкальный ладъ. Она ровно ничего не понимала въ русской литературѣ, не читала ничего по русски кромѣ «Библиот. для Чт.» и сочиненій своего мужа, и безусловно восхищалась тѣмъ и другимъ. Будь на ея мѣстѣ женщина съ такимъ-же умомъ и съ такимъ вліяніемъ на мужа, но съ меньшимъ тщеславіемъ и изъ русскаго семейства, «Библиот. для Чт.» не постигла-бы такая участь, и Осипъ Ивановичъ имѣлъ-бы кругъ преданныхъ ему друзей. Она сама хвалилась мнѣ, что Осипъ Ивановичъ безъ ея разрѣшенія не можетъ никого пригласить къ себѣ, и что когда на дачу къ нимъ лѣтомъ долженъ былъ пріѣхать знаменитый виолончелистъ Серве, приглашенный по ея желанію, она, вставъ въ то утро не въ духъ, объявила мужу, что если Серве пріѣдетъ, то она выгонитъ его. Опасаясь скандала, потому что Адель Александровна была вполне способна сдержатъ свое слово, Осипъ Ивановичъ долженъ былъ чуть не на колѣняхъ упрашивать ее. Для человѣка, который не хочетъ разойтись съ женой, а напротивъ заботится объ ея счастіи, ничего болѣе не оставалось какъ потакать ей во всемъ. Имѣя дѣло съ такимъ необузданнымъ характеромъ, не стѣснявшимъ себя ни въ чемъ, Осипъ Ивановичъ могъ принимать у себя только тѣхъ, кого хотѣла принять его жена, да и то, какъ видно, не всегда. Могъ-ли онъ думать о сближеніи съ литераторами, когда въ русской литературѣ одни его сочиненія интересовали его жену? Она спохватилась, когда «Библиот. для Чт.» пришла въ упадокъ, но было уже поздно, и ея усилія ни къ чему не привели. Софья Ивановна Снеессорева, сотрудница «Библиот. для Чт.» и впоследствии моего «Собранія Романовъ», другъ Адели Александровны и мой, писала ко мнѣ изъ заграницы въ 1852 году:

«Адель Александровна сама намѣрена заботиться о «Библиот. для Чт.» и даже съѣздитъ въ Москву, чтобы познакомиться съ графиней Е. В. Саласъ и графиней Е. П. Ростопчиной. Она часто говоритъ о васъ и кажется никогда не чувствовала такъ вашихъ достоинствъ, какъ теперь».

Къ сожалѣнію, заботиться «Библиот. для Чт.» было уже поздно, объ этомъ надо было подуматъ ранѣе, «достоинства» же мои, конечно, заключа-

лись только въ моей преданности къ интересамъ «Библ. для Чт.», къ Осипу Ивановичу, и могу сказать по чистой совѣсти—и къ его женѣ. Онъ поставилъ цѣлью своей жизни заботиться объ ея счастьи, и я старалась всѣми силами помогать ему.

Только музыка, занимавшая Адель Александровну до самой смерти, служила Осипу Ивановичу спасеніемъ, онъ въ это время отдыхалъ. Странно то, что, не имѣя къ музыкѣ ни малѣйшихъ способностей, Адель Александровна проводила за роялемъ цѣлые дни. Она вполне совнала свою неспособность, и это стоило ей многихъ горькихъ слезъ, а между тѣмъ, по цѣлымъ часамъ разучивала какую-нибудь пьесу, которую всякая малолѣтняя ученица сыграла-бы лучше ея. Трудно объяснить эту несчастную страсть въ женщинѣ безспорно умной и понимавшей въ музыкѣ толкъ. Я играла на фортепiano такъ-же плохо, какъ и она, но я умѣла держать тактъ, это была моя единственная способность въ музыкѣ и Адель Александровна дорожила ею,—сама она не могла играть и четверти часа, не сбившись съ такта,—и потому любила играть со мной въ четыре руки. Я полагаю, что врядъ-ли когда великолѣпный инструментъ Эрара оглашалъ залу такими нелѣпыми звуками, какіе соединенныя усилія Адели Александровны и мои извлекали изъ него. Кромѣ музыки, Адель Александровна ничѣмъ не занималась, по крайней мѣрѣ въ то время, какъ я познакомилась съ нею, я не видала у нея въ рукахъ ни одной книги, никакой женской работы; она вставала въ 5 часовъ утра и ложилась въ 8 вечера, не выѣзжала никуда, не принимала почти никого, кромѣ своихъ родныхъ, и выходила только для здоровья погулять на полчаса. Весь день она проводила за фортепiano, а въ промежуткахъ отдыха мужъ долженъ былъ занимать ее. Я удивлялась, какъ у Осипа Ивановича доставало терпѣнія переносить такую жизнь. Правда, онъ превращалъ ночь въ день и, проработавъ часто до утра, ложился, когда вставала его жена. Но все-же для скуки и тоски оставалось времени довольно, не считая вспышекъ гнѣва, неприятно разнообразившихъ эту убійственно однообразную жизнь.

Но во всѣхъ вспышкахъ, придиркахъ, ссорахъ ревность не играла ни малѣйшей роли; Адель Александровна была такъ тщеславна и самолюбива и такъ увѣрена въ своихъ собственныхъ достоинствахъ, что не могла допустить мысли, чтобы какая-нибудь женщина могла сравняться съ нею. Она знала очень хорошо всѣхъ обожательницъ своего мужа,—а ихъ было много,—и ни одна не возбуждала въ ней ревности, а, напротивъ, ихъ обожаніе нравилось ей.

Когда Осипъ Ивановичъ, уже на склонѣ своихъ лѣтъ, уѣхалъ

съ одною изъ этихъ обожательницъ за границу, — а Адель Александровна сама уговорила ихъ сдѣлать эту поѣздку, разумѣется, въ качествѣ друзей,—она съ гордостью показывала своимъ знакомымъ письмо мужа, гдѣ на четырехъ страницахъ ничего не было написано, кромѣ словъ: «je t'aime», повторенныхъ безчисленное множество разъ. Ей ничего не было нужно, кромѣ этихъ увѣреній, а все другое, относившееся къ спокойствію и здоровью мужа, нисколько не интересовало ее. Трудно-бы найти другой такой оригинальный и эксцентрическій характеръ, въ основаніи котораго лежалъ самый утонченный эгоизмъ. Но она постоянно твердила, что считаетъ себя самою счастливою женою на свѣтѣ, и не только говорила, но и думала такъ. Дѣйствительно, трудно было найти мужа болѣе внимательнаго, болѣе баловавшаго свою жену. Адель Александровна пользовалась всеми благами жизни, не имѣя ни малѣйшихъ заботъ. Она не занималась даже хозяйствомъ и сама рассказывала мнѣ, что на ихъ знаменитыхъ вечерахъ, которыхъ я уже не застала, не только всѣ хлопоты по устройству и хозяйственнымъ распоряженіямъ лежали на ея мужѣ, по что она и занималась только съ тѣми изъ гостей, которые ее интересовали.

— Je choisissais ceux, qui me plaisaient et le reste était sur les bras de mon mari, хвалилась она.

Такъ и жила она всю жизнь въ свое полное удовольствіе, избалованная угожденіями мужа, старавшагося постоянно сдержатъ данное слово, что его жена будетъ считать себя самою счастливою на свѣтѣ женою. Сколько разъ я была свидѣтельницею, что это увѣреніе, послѣ двадцати-лѣтняго супружества, сказанное въ минуты хорошаго расположенія духа, радовало и успокаивало его.

Одинаково любя и музыку, и литературу, Осипъ Ивановичъ, въ угоду женѣ, окружилъ себя музыкантами, изобрѣталъ инструменты, занимаясь литературой, какъ диллетантъ. Даже восторги Адель Александровны ко всему, что писалъ Осипъ Ивановичъ, по моему, только сбивали его съ толку, потому что, не падая ни въ чемъ спокойствія своего мужа, не пожертвовавъ для него никогда ни малѣйшею своею прихотью, и не только своею, но и своихъ музыкальныхъ друзей, въ угоду которымъ удобства Осипа Ивановича, какъ хозяина дома, считались ни во что, Адель Александровна постоянно льстила его самолюбію, восхищалась каждою его строчкою и воспѣвала ему восторженные похвалы. Для нея мужъ былъ первый геній на свѣтѣ, а она—его обожаемая жена.

VI.

Мои отношенія къ А. А. Сенковской. — Мое знакомство съ Н. И. Пироговымъ. — Моя дружба съ его первою женою. — Возвращеніе въ Астрахань.

По прїѣздѣ моемъ въ Петербургъ, я сразу приобрѣла расположеніе А. А. Сенковской, безъ всякихъ усилій съ моей стороны. Сама избалованная ласками родныхъ и не имѣя въ характерѣ ни малѣйшей склонности къ искательству и лести, я затрудняюсь объяснить ея пристрастіе ко мнѣ. Развѣ только мой серьезный и спокойный характеръ, составлявшій полнѣйшій контрастъ съ ея необузданною запальчивостью, дѣйствовалъ на нее успокоительно. Она сама любила повторять:

— «Поговорить съ Лизой все равно, что принять ложку успокоительнаго лекарства».

Во все время нашей короткости, у меня не было съ нею буквально ни малѣйшаго неудовольствія. Этимъ могутъ похвалиться не многіе изъ ея друзей. Она любила бесѣдовать со мною, и моя дружба съ ея мужемъ и моя преданность къ нему и къ «Библ. для Чт.» восхищали ее. Могу сказать съ полною увѣренностью, что она не только любила, но и уважала меня.

Въ доказательство ея расположенія ко мнѣ, привожу ея три записки, единственныя, полученныя мною. Она писать писемъ не любила и даже ея письма къ мужу состояли всегда изъ нѣсколькихъ строкъ.

[Переводъ съ французскаго]. «Моя добрая Лиза, я читаю вашу повѣсть и нахожу ее прелестною (charmant). Благодарю за удовольствіе, которое вы мнѣ доставляете».

«Ты ангельчикъ». (Vous êtes un petit ange).

«Мой ангель Лиза, я ѣду завтра въ Ревель, и до отъѣзда хочу написать вамъ нѣсколько строкъ. Вы знаете уже заранѣе, въ чемъ онѣ будутъ состоять, что я люблю васъ отъ всего сердца и что такъ будетъ всегда, пока я жива. До свиданія, мой ангель, дѣлю васъ отъ всего сердца».

Глубоко благодарная Адели Александровнѣ за ея расположеніе ко мнѣ, я не могла, однако, не представить полной характеристики этой жены знаменитаго человѣка, имѣвшей на него громадное вліяніе. Къ этому меня обязывало чувство строгой справедливости, безъ которой никакія «Воспоминанія» не могутъ имѣть для читателей цѣны. Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что такъ неудачно сложившаяся

домашняя жизнь, толкнувшая Осипа Ивановича не въ тотъ кругъ, который могъ быть ему полезенъ, отвлекавшая его вниманіе отъ литературы къ музыкѣ, побуждавшая его къ лихорадочной и торопливой дѣятельности, чтобы хотя въ часы занятій купить себѣ свободу и покой, и то цѣною всевозможныхъ уступокъ,—была одною изъ главныхъ причинъ, что его способности приняты не надлежащее направленіе, и литературное и ученое поприще, начатое такъ блистательно, не удовлетворило даже его друзей.

Говоря о Сенковскомъ, я не могу умолчать о моемъ знакомствѣ или, вѣрнѣе, дружбѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ и его первую женю, Екатериною Дмитріевною, рожденною Березиною. Они оба неразрывно связаны въ моихъ воспоминаніяхъ съ этимъ періодомъ въ моей жизни. Я пріѣхала въ Петербургъ лечить мои глаза, по совѣту Н. И. Пирогова, которому, какъ я уже упоминала, О. И. показывалъ описаніе болѣзни моихъ глазъ. Въ той глазной лечебницѣ, гдѣ я помѣстилась, на женской половинѣ былъ Василій Ивановичъ Фребелусъ, впоследствии извѣстный окулистъ. Но я постоянно пользовалась совѣтами Н. И. Пирогова, которымъ слѣдовалъ В. И. Фребелусъ, бывши его ученикомъ.

Когда по пріѣздѣ моемъ въ Ревель, гдѣ лѣто проводилъ и Н. И. Пироговъ, я пришла къ нему, по его предписанію, сообщить о дѣйствіи на меня морскихъ ваннъ, Николай Ивановичъ тотчасъ познакомилъ меня съ своею женою. Эта милая и прелестная женщина, первая жена Н. И. Пирогова, Екатерина Дмитріевна, рожденная Березина, очень привязалась ко мнѣ, и я полюбила ее всею душою. Она была олицетвореніемъ кротости и очень хороша собой. Николай Ивановичъ впоследствии перемѣнилъ свой взглядъ на женщинъ, но въ то время, когда я познакомилась съ нимъ и съ его первую женою, взгляды его на обязанности жены были вѣсколько оригинальны. Онъ желалъ, чтобы жена его не бывала на балахъ и даже въ театрѣ, чтеніе романовъ и короткое знакомство съ кѣмъ-бы то ни было онъ тоже запрещалъ. У Екатерины Дмитріевны характеръ былъ очень уступчивый и кроткій, она не тяготилась такою жизнью, но очень была рада, когда получила разрѣшеніе читать для меня вслухъ французскіе и русскіе романы, такъ какъ мнѣ самой чтеніе было запрещено.

Я проводила съ Екатериною Дмитріевною цѣлые дни всю слѣдующую зиму и никогда никого изъ постороннихъ не видала у нея. Она читала, я слушала, но въ тѣ дни, когда меня не было, она оставалась совсѣмъ одна. Николай Ивановичъ, конечно, по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома, а его родныхъ, которые хотя жили въ одномъ домѣ,

но были совсѣмъ другаго склада и воспитанія, я у Екатерины Дмитриевны во все время моего пребыванія въ Петербургѣ не видала никогда.

Впослѣдствіи, во время моей вторичной поѣздки въ Петербургъ, когда я еще чаще имѣла возможность пользоваться бесѣдой Н. И. Пирогова, я нашла въ немъ большую нравственную переимѣну, которую приписываю преждевременной смерти его первой жены.

Во все время пребыванія моего въ Петербургѣ, литература отодвинулась для меня на задній планъ. Доктора запретили мнѣ читать и писать. У Сенковскихъ я не видала никого, кромѣ ея родныхъ. Хотя музыкальные вечера давно прекратились, но музыка все-таки составляла главный предметъ разговора. Адель Александровна съ утра до ночи играла на фортепіано, а Осипъ Ивановичъ былъ занятъ изобрѣтенными имъ инструментами, которыхъ я описывать не стану, потому что о нихъ было уже достаточно говорено. Толки о музыкѣ и непрерывное бряканіе на фортепіано порядкомъ пріѣлисы мнѣ. Нельзя было не разочароваться, когда, послѣ переписки съ Осипомъ Ивановичемъ, воображая попасть въ самый центръ журнальной дѣятельности, я нашла, что въ домѣ Сенковскихъ не литература, а музыка занимаетъ первое мѣсто. Я не видала ни у Осипа Ивановича, ни у Адели Александровны ни одного русскаго журнала, кромѣ «В. для Чт.», и была виѣ себя отъ удивленія, узнавъ, что Осипъ Ивановичъ даже не знаетъ, чтó эти журналы пишутъ о немъ. Только въ немъ самомъ я не разочаровалась. Онъ говорилъ такъ-же увлекательно, какъ и писалъ; потомъ я имѣла полную возможность опѣнить необыкновенную доброту его сердца, изъ множества мелкихъ подробностей его домашней жизни, его отзывчивость на нужды другихъ, его деликатность, его заботы о женѣ, такъ мало понимавшей его характеръ, хотя гордившейся его талантомъ, что хотя я не сдѣлала никакихъ литературныхъ знакомствъ, не видала ни одного литератора, я съ большимъ сожалѣніемъ покидала Петербургъ. Для моей дѣятельной натуры, хотя осужденной на временное бездѣйствіе, жизнь въ большомъ городѣ показалась очень привлекательной. Не смотря на мою любовь къ уединенію, а можетъ быть именно потому, меня прельщало многолюдство, потому что нигдѣ нельзя чувствовать себя независимѣе, какъ среди массы незнакомыхъ лицъ, а между тѣмъ пріятно видѣть вокругъ себя движеніе и шумъ. Увозила я также съ собою глубокое сожалѣніе о непріглядной жизни челоуѣка, съ которымъ меня связывало чувство глубокой признательности и уваженіе къ благороднымъ качествамъ его сердца и души. Но разлука съ Петербургомъ смягчалась радостью возвращенія въ горячо люби-

мую мною семью. Матушка безъ меня скучала, братъ Михаилъ вернулся изъ казанскаго университета, блистательно окончивъ курсъ, — оеъ вышелъ съ золотою медалью, — всѣ съ нетерпѣніемъ ждали меня.

VII.

Цѣлый рядъ разныхъ бѣдствій. — Домашнія неприятности. — Смерть Е. Д. Проковой. — Разлука съ кузиной. — Смерть моего младшаго брата. — Пожаръ. — Нѣсколько писемъ О. И. Сенковского.

1846—1848 гг.

Вернувшись въ Астрахань, я скоро начала скучать. Познакомившись съ жизнью большаго города, трудно мириться съ провинціальною тишиною, тѣмъ болѣе, что въ астраханскомъ обществѣ произошли большія переменны. Прежняго военнаго губернатора Ивана Семеновича Тимирязева уже не было, а онъ и его супруга, Софья Федоровна, рожденная Вадковская, оживляли астраханское общество и придавали ему столичный лоскъ; разѣхались также многіе изъ нашихъ хорошихъ знакомыхъ, и эти переменны не украсили Астрахани въ моихъ глазахъ. Время, проведенное мною на «Черепакѣ», отъ сентября 1846 г. по сентябрь 1848 г., до вторичной моей поѣздки въ Петербургъ, представляетъ непрерывный рядъ неприятностей, огорченій и большихъ несчастій для меня. Домашнее спокойствіе, къ которому я такъ привыкла въ нашемъ семейномъ кругу, было нарушено самымъ безпощаднымъ образомъ ревностью, придирчивостью и капризами одной изъ моихъ пріятельницъ, которой матушка, желая сдѣлать мнѣ удовольствіе, предложила поселиться у насъ, пока не устроится ея дѣла. Жизнь въ одномъ домѣ — пробный камень дружбы. Самые лучшіе друзья, друзья многихъ лѣтъ могутъ поссориться и разойтись, не проживъ вмѣстѣ и нѣсколькихъ недѣль. Чтобы жить вмѣстѣ мирно — не роднымъ, выросшимъ въ одномъ домѣ — надо имѣть, во-первыхъ, не мелочной характеръ, во-вторыхъ, большую снисходительность другъ къ другу, въ-третьихъ, прямой, а не кривой взглядъ.

Поселившись въ одномъ домѣ со мною, моя пріятельница, называвшая себя моимъ другомъ, считала себя въ правѣ требовать къ себѣ исключительнаго вниманія, обижаться на мою привязанность къ братьямъ и кузинѣ, мучить меня ревностью и подозрѣвать въ каждомъ моемъ словѣ намѣреніе оскорбить ее.

О моихъ любимыхъ занятіяхъ, переводахъ и задуманной мною повѣсти — нечего было и помышлять. Я пришла въ такое нервное со-

стояніе, что боялась сказать лишнее слово, повернуть голову не въ ту сторону; надо мною учредилось нѣчто въ родѣ инквизиціи, словомъ, моя жизнь превратилась въ настоящій адъ.

Во время этихъ терзаній меня постигло совершенно неожиданное огорченіе—смерть многолюбимой мною Екатерины Дмитріевны Пироговой, супруги профессора Н. И. Пирогова. Она была цвѣтущаго здоровья, что называется кровь съ молокомъ, настоящая жена для хирурга, которому пріятно послѣ страдальческихъ лицъ своихъ больныхъ найти у себя дома свѣжее, румяное личико, дышавшее здоровою красотою. Ударъ былъ тѣмъ неожиданнѣе для меня, что Екатерина Дмитріевна незадолго до своей смерти сообщала мнѣ удовлетворительныя свѣдѣнія о своемъ здоровьѣ — она ждала своихъ вторыхъ родовъ — и вдругъ я получила отъ О. И. Сенковскаго извѣстіе, что хотя ея роды окончились благополучно, она черезъ нѣсколько дней сошла съ ума.

Не успѣла еще я опомниться отъ этого прискорбнаго извѣстія, какъ получила отъ Осипа Ивановича слѣдующее письмо:

26-го января 1847 г.

[Переводъ съ французскаго]. «Я не думалъ, что мнѣ такъ скоро, придется сообщать вамъ происшествіе, которое такъ сильно поразило насъ и которое вы узнаете съ такимъ огорченіемъ. Прошлую субботу я написалъ вамъ нѣсколько словъ о печальномъ состояніи г-жи Пироговой, то есть, написалъ ихъ въ пятницу ночью, чтобы мое письмо могло быть отдано на почту въ субботу утромъ, до моего пробужденія. Когда это письмо отправлялось въ субботу въ Астрахань, бѣдной Пироговой уже не было на свѣтѣ. Она умерла своропостижно. Я ѣздилъ къ Пироговымъ каждый день. Въ пятницу, въ двѣнадцать часовъ, я встрѣтилъ у нихъ Зейдлица, ихъ главнаго доктора, и, какъ вамъ извѣстно, также и моего (у меня такъ болятъ глаза, что я почти не вижу что пишу, каждую минуту ошибаюсь, какъ вы видите, и часто долженъ зачеркивать слова). Зейдлицъ былъ доволенъ состояніемъ больной: онъ сказалъ, что теперь идетъ хорошо, нечего опасаться за жизнь больной. Да и Богъ, прибавилъ онъ, чтобы то-же самое можно было сказать объ ея разсудкѣ; кажется, она останется помѣшанной—по крайней мѣрѣ надолго. Самъ Пироговъ льстилъ себя обманчивою надеждою. Я ушелъ спокойный и вечеромъ написалъ вамъ мое послѣднее письмо. Въ субботу у насъ были гости, почти цѣлый день; я могъ выдохнуть только въ девять часовъ вечера, когда всѣ наши гости разошлись и Адель легла спать. Я пріѣзжаю къ Пироговымъ, поспѣшно и безъ

всякихъ опасеній поднимаюсъ на лѣстницу, и первое, что бросилось мнѣ въ глаза, когда я протянулъ руку къ звонку, это крышка гроба, бѣлая, серебристая, съ чернымъ крестомъ. Вы можете вообразить какое впечатлѣніе это сдѣлало на меня. Я едва вѣрилъ глазамъ. Я былъ растревоженъ и чрезвычайно взволнованъ, ожидая, пока мнѣ отворятъ дверь. Наконецъ, я вхожу; дверь залы отворена настежь и изъ передней уже виденъ гробъ, окруженный зажженными свѣчами, и молодая покойница. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и приблизился къ катафалку, молча, ничего не спрашивая у слугъ обоого пола, которые печально расхаживали въ передней и въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ. У покойницы было очаровательное выраженіе кротости и спокойствія, точно будто она уснула отъ утомленія; она очень похудѣла, но это дѣлало ея лицо еще интереснѣе—она была дѣйствительно хорошенькая—еще лучше, чѣмъ въ то время, когда у нея былъ розовый цвѣтъ лица и полныя ангельскія щечки. Я не могъ удержаться отъ слезъ: это неожиданное зрѣлище меня совсѣмъ перевернуло. Жевщина, незнакомая мнѣ, подошла къ гробу поправить цвѣты, я спросилъ ее и она сказала мнѣ, что очаровательный другъ, котораго вы лишились вмѣстѣ съ нами, умеръ вчера въ половинѣ втораго, то есть черезъ часъ послѣ того, какъ я ушелъ, успокоенный предсказаніями Зейдлица о приближеніи выздоровленія и увѣреніями, что нѣтъ никакой опасности для жизни. То, что доктора, самые знаменитые и самые искусные приняли за начало выздоровленія, было послѣднимъ проблескомъ жизни, которая вдругъ вспыхнула и засіяла на нѣсколько минутъ, чтобы вскорѣ угаснуть навсегда. Это мнимое возвращеніе къ здоровью продолжалось нѣсколько часовъ, обмануло всѣхъ, включая и сыновъ Эскулапа; они примѣтили настоящую опасность только когда вдругъ лицо больной покрылось смертнымъ потомъ и внезапная сыпь показала параличъ кожи и смерть. Нашъ очаровательный другъ угасъ какъ свѣча, еще бросающая свѣтъ въ то самое мгновеніе, какъ перестаетъ горѣть. Я спросилъ—гдѣ Пироговъ, мнѣ отвѣтили, что онъ въ своемъ кабинетѣ, этажемъ выше. Я пошелъ къ нему; онъ лежалъ больной, совсѣмъ убитый, плакалъ, его окружала куча докторовъ, которые показались мнѣ въ этой комнатѣ, слабо освѣщенной, когортой діаволовъ, явившихся за душою грѣшника. Я провелъ остатокъ вечера съ нимъ. Я хотѣлъ писать къ вамъ въ среду, но это былъ именно день похоронъ и я самъ былъ нездоровъ; ничья смерть такъ не огорчала меня, я самъ чуть не занемогъ, у меня сдѣлалось чрезвычайно сильное и болѣзненное біеніе сердца, съ полнымъ разстройствомъ нервовъ и его послѣдствіями, мигренями, бессонницей, спазмами и проч. Сегодня мнѣ немного лучше, но все еще я не совсѣмъ здоровъ.

Напишите сердечное письмецо бѣдному Пирогову, онъ безутѣшенъ, это доставить большое удовольствіе ему и мнѣ, письмецо, исполненное теплой дружбы, признательности и преданности ему и памяти очаровательной женщины, которой онъ лишился и которая такъ искренно любила васъ».

Вторымъ огорченіемъ была для меня разлука съ кузиной Фелицитаной Николаевной, нашей дорогой Фелицей—которая вышла замужъ и уѣхала съ мужемъ на Кавказъ. Мнѣ суждено было увидѣться съ нею ровно черезъ тридцать лѣтъ. Въ январѣ 1848 года мы ее проводили, а въ апрѣлѣ скончался мой младшій братъ Ѳеодоръ Николаевичъ, только въ предыдущемъ году кончившій курсъ въ казанскомъ университетѣ, двадцати одного года, красивый собою, прекраснаго характера, умница.

Какъ я ни любила своихъ родныхъ, но лишившись брата, я въ первый разъ почувствовала всю силу родственной любви. Сила эта, если не парализована какими-нибудь особенными обстоятельствами, прочіе силы всякаго другаго чувства, конечно кромѣ одного, самаго прочнаго и сильнаго—материнской любви. Мнѣ казалось, что у меня отрубили одинъ изъ моихъ членовъ, но какъ ни велика была моя печаль, я инстинктивно чувствовала, что она не можетъ сравниться съ горестью матери, и мое сердце страдало и за себя, и за мою убитую горемъ мать.

И послѣ этого нашимъ бѣдствіямъ не предвидѣлось конца. Лѣтомъ того-же года въ Астрахани появилась сильная холера; мы потеряли много крестьянъ въ деревнѣ и знакомыхъ въ городѣ, и все завершилось большимъ пожаромъ, отъ котораго сгорѣла вся паша деревня и нашъ домъ. Наше небольшое, но, какъ казалось, обезпеченное состояніе вдругъ разстроилось, и тогда было рѣшено наше переселеніе изъ Астрахани въ Петербургъ. Еще до пожара, я собиралась навѣстить моего далекаго друга и везла въ «Б. для Чт.» мою первую повѣсть, которую, послѣ отъѣзда моей мучительницы, мнѣ удалось написать.

Въ два года моей разлуки съ О. И. Сенковскимъ, переписка наша продолжалась, но, кромѣ письма о смерти Е. Д. Пироговой, не представляетъ интереса для читателей. Приведу только нѣсколько отрывковъ, показывающихъ, какъ велика была доброта этого человѣка, его готовность оказать услугу и его неизмѣнное расположеніе ко мнѣ. Дѣло идетъ о наслѣдствѣ, полученномъ нами:

«Исполнитель завѣщанія, Николай Петровичъ Соловцовъ ¹⁾, отка-

¹⁾ Родной племянникъ завѣщателя Игнатія Ивановича Соловцова, брата матери моего отца, умершій въ 1887 г., артиллерійскимъ генералъ-лейтенантомъ, въ отставкѣ.

зался отъ этой должности по нездоровью и обязанностямъ службы наружно—а собственно по той причинѣ, что за раздѣлъ наслѣдства въ судѣ просили съ него по 1,000 руб. серебромъ съ cadaго наслѣдника. Какъ онъ этого за cadaго изъ наслѣдниковъ не могъ общать и въ дѣла такого рода не хотѣлъ пускаться, то ему и не оставалось ничего болѣе, какъ отказаться отъ званія исполнителя.

«Пока онъ былъ исполнителемъ и хлопоталъ, судъ отнесся въ оба банка и въ ломбардъ (у меня уже есть числа и нумера этихъ бумагъ) о томъ, чтобы они выслали въ этотъ судъ капиталы съ процентами для учиненія раздѣла. Но послѣ того никто не ходатайствовалъ и банки съ ломбардомъ вмѣстѣ донинѣ не дали никакого отвѣта.

«Вотъ положеніе дѣла. Теперь надо поѣхать въ банки и ломбардъ и хлопотать, чтобы капиталы съ процентами были переданы въ судъ. Я это сдѣлаю—я посмотрю самъ, чтобы удовлетвореніе послѣдовало скоро, но на это надо, по крайней мѣрѣ, около двухъ мѣсяцевъ времени, при всей поспѣшности и банковъ, и ломбарда, и суда. Что касается до разбойничьяго требованія по 1,000 р. сер. съ наслѣдника, то ужъ, увѣряю васъ, что съ меня они не посмѣютъ спросить и горькой рѣдки.

«Будьте всѣ совершенно спокойны. Если эти господа станутъ явно плутовать, я поѣду къ министру финансовъ и къ министру юстиціи и дѣло рѣшится мгновенно.

«Въ банкахъ и ломбардѣ я еще не былъ—надо было сперва узнать въ точности официальное положеніе дѣла и секретныя его обстоятельства; я употребилъ на это людей вѣрныхъ и искусныхъ и въ три дня узналъ всю подноготную.

«Лишь только здоровье Адели Александровны позволить мнѣ отлучиться изъ дому на нѣсколько часовъ сряду, я въ тотъ-же день поѣду хлопотать по вашему дѣлу. Она еще очень страдаетъ, но опасность миновала и боли уменьшились. Ей уже нѣсколько лучше. Доктора еще ѣздятъ къ намъ каждый день, но есть надежда, что въ концѣ недѣли она будетъ въ состояніи разговаривать съ посторонними и, по крайней мѣрѣ, слушать чтеніе. До сихъ поръ я одинъ долженъ былъ и оставаться съ нею, и наблюдать за всѣмъ. Она ни съ кѣмъ не могла говорить, никого видѣть, и еще дня два тому назадъ находилась въ ужаснѣйшемъ положеніи, безъ сна, безъ пищи, безъ силъ, безъ возможности прилечь и безъ способности сдѣлать малѣйшее даже движеніе. Дорхенъ, Варвара и я находились при ней безотлучно, чтобы ее поддерживать, перевязывать, лелѣять. Не бывъ свидѣтелемъ, нельзя себѣ представить такого страшнаго состоянія,

такихъ жестокихъ мученій и такой продолжительности постоянной, пронзительной боли. Я уже около двадцати дней не выхожу изъ дому. Сегодня въ первый разъ я могъ выйти прогуляться.

«Прощайте, добрая Лиза. Благодарю васъ за подарокъ, который вы прислали Адели; онъ ей очень понравился. Мы очень часто говорили съ ней о васъ. Прощайте, мой добрый другъ. Сенковскій».

7-го апрѣля.

«Другъ Лиза, поблагодарите меня: я всю ночь и все утро проработалъ для васъ, дѣлая расчетъ вашему наслѣдству, который по разности банковъ, билетовъ и процентовъ весьма сложенъ и затруднителенъ. Я взялъ этотъ трудъ на себя, для облегченія бѣднаго секретаря суда, мучившагося цѣлую недѣлю безъ успѣха: все у него общая сумма не выходила согласно съ долями, разложенными на разные банки. Сжался надъ нимъ и для ускоренія вашего дѣла, я вызвался расчесть самъ, и сегодня поутру отправилъ къ нему табель долей и распредѣленіе ихъ по банкамъ. С.»

Къ сожалѣнію, у меня не сохранилось тѣхъ писемъ Осипа Ивановича, которыя онъ мнѣ писалъ послѣ смерти моего брата и пожара. Въ этихъ письмахъ опять ярко выказывалась его добрѣйшая душа. У меня осталось нѣсколько тысячъ изъ полученнаго наслѣдства и я надѣялась жить работой и процентами съ моего маленькаго капитала безъ нужды. Матушка охотно меня отпускала, она видѣла, что здоровье мое пошатнулось отъ всѣхъ этихъ непріятностей, пережѣна не могла не принести пользы. При томъ, она надѣялась скоро увидѣться со мной, братъ тоже собирался, устроивъ дѣла насколько возможно, переѣхать на службу въ Петербургъ.

Въ сентябрѣ 1848 г. я во второй разъ оставила Астрахань и «Черешаху», и на этотъ разъ уже навсегда.

VIII.

Мой образъ жизни въ Петербургѣ съ 1848 по 1851 годъ. — Мои повѣсти. — Цензура.

Въ Петербургѣ для меня началась совсѣмъ новая жизнь. Я вдругъ очутилась окруженною тѣми запятіями, въ которыхъ заключалось главное мое счастье. Я переводила, читала вслухъ Осипу Ивановичу корректуры, когда нездоровье—онъ часто недомогалъ—не позволяло ему читать самому.

Въ концѣ 1848 г. появилась моя первая повѣсть подъ псевдо-

нимомъ «Лейла»: «Замосковная лѣтопись». Я должна сказать, что тамъ цѣлыя страницы написаны не мною; сюжетъ, характеры и происшествія не были измѣнены, но вставлены были разсужденія, которыми я не совсѣмъ была довольна, но мирилась съ этимъ, потому что не хотѣла огорчать Осипа Ивановича и притомъ не была увѣрена въ себѣ.

То-же самое было и съ другими моими повѣстями. Онѣ всѣ перемѣшаны вставками Осипа Ивановича, кромя «Блистательной партіи», «Второй жены», «Помѣщицы» и «Современнаго разсказа». Эти всѣ цѣликомъ мои.

Поправками такого рода Осипъ Ивановичъ сдѣлалъ себѣ много враговъ. Но удержаться отъ поправокъ было выше его силъ. Какъ взялся онъ сдѣлать расчетъ вмѣсто секретаря въ банкѣ, не умѣвшаго справиться съ своимъ дѣломъ, такъ онъ исправлялъ литературныя статьи. Конечно, этого нельзя одобрить, но онъ-ли одинъ такъ поступалъ? Мнѣ говорилъ Дружининъ, что онъ и Некрасовъ часто измѣняли и сокращали статьи въ «Современникѣ». Можетъ-ли хотя одинъ изъ нынѣшнихъ редакторовъ сказать по совѣсти, что онъ никогда не измѣнялъ и не сокращалъ чужихъ трудовъ, а если самъ не дѣлалъ этого, то не требовалъ измѣненій, сокращеній и прибавленій? Чужая мысль роила въ головѣ Сенковскаго сотни его мыслей, и онъ забывалъ, что статья писана не имъ. Не смотря на негодованіе Погодина, когда Сенковскій передѣлалъ по-своему его статью,—за которую заплатилъ сполна, хотя съ его прибавками она вышла въ полтора раза больше,—черезъ пятнадцать лѣтъ, выпустивъ въ свѣтъ полное собраніе своихъ сочиненій, онъ напечаталъ эту статью такъ, какъ Сенковскій ее измѣнилъ.

Образъ жизни Сенковскихъ послѣ болѣзни Адели Александровны, о которой мнѣ писалъ Осипъ Ивановичъ въ Астрахань, сдѣлался еще уединеннѣе. Я нашла все такое-же отсутствіе литературныхъ сношеній, слышала все тѣ-же безконечныя толки о музыкѣ. Осипъ Ивановичъ сталъ часто уѣзжать въ Москву; его здоровье тоже значительно ослабѣло и перемѣна мѣста, послѣ убійственной скуки въ домѣ, дѣйствовала на него благотѣльно; въ Москвѣ у него было много добрыхъ знакомыхъ, которыхъ онъ любилъ. Но все это не могло не отражаться на журналѣ, который терялъ въ глазахъ публики отъ сравненія съ двумя другими журналами, въ которыхъ сосредоточивались лучшія литературныя силы.

Надо прибавить къ этому ожесточенныя цензурныя преслѣдованія послѣ переворота во Франціи 1848 года. Для каждаго журнала было назначено по два цензора, а зачастую что пропускалъ одинъ, то запрещалъ другой. Книги задерживались цензорами, опаздывали вы-

ходомъ, а это происходило передъ самою подпискою, что, конечно, не способствовало къ улучшенію дѣлъ журнала, редакторъ котораго заботился болѣе всего о томъ, чтобы, для сохраненія спокойствія въ домѣ, потакать всѣмъ причудамъ своей жены. Я готова была возненавидѣть музыку, которую всегда страстно любила,—столько вреда принесла она человѣку, который отдалъ ей въ жертву самымъ бесполезнымъ образомъ то, что должно-бы стоять на первомъ планѣ для него.

То время, какъ я принимала дѣятельное участіе въ «Библ. для Читенія», съ конца 1848 г. до конца 1851 г., было самое тяжелое въ цензурномъ отношеніи. Невозможно себѣ представить всѣхъ придирокъ и притѣсненій, которыя выносила тогдашняя журналистика. Было много и смѣшнаго. Осипъ Ивановичъ перевелъ изъ одного англійскаго журнала небольшой разсказъ какого-то путешественника, который, спасаясь отъ медвѣды въ американскомъ лѣсу, влѣзъ на дерево и вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ большою обезьяною съ палкой. Статью эту цензоръ не пропустилъ. Осипъ Ивановичъ поѣхалъ самъ узнать причину. Оказалось, что статья эта была принята за сочиненіе Осипа Ивановича; дерево, путешественникъ и медвѣдь, по мнѣнію цензора, изображали Австрію, Венгрію и Россію, а большая обезьяна съ палкой—такое лицо, которое цензоръ даже и назвать не смѣлъ. Осипъ Ивановичъ долженъ былъ представить въ цензурный комитетъ оригиналъ переведенной статьи и тогда она была дозволена.

Въ одной изъ моихъ повѣстей, цѣлая сцена, гдѣ одинъ молодой человѣкъ вызвалъ другаго на дуэль, была зачеркнута цензоромъ. Черезъ это все послѣдующее теряло всякій смыслъ. Я ѣздила къ цензору объясняться. Онъ сослался на то, что дуэль у насъ запрещена. Пришлось передѣлать много сценъ. А вторая моя «Замосковная лѣтопись» совсѣмъ изуродована, потому что отъ меня потребовали вмѣсто русскаго аристократа ввести иностранца. Конечно, мнѣ не слѣдовало соглашаться и портить повѣсть, безъ того уже слабую, этими смѣшными лицами. Но такъ трудно было тогда придумывать цензурные сюжеты, что поневолѣ приходилось уродовать свои произведенія,—а «писать все-таки надо», повторялъ мнѣ А. В. Дружининъ.

Не могу не разсказать при этомъ забавный случай съ одною повѣстью въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Я не помню теперь ея содержанія, но рѣчь шла о Руссо и Дюбарри. Можно себѣ представить ужасъ г. Очкина, издававшаго тогда «С.-Петербургскія Вѣдомости», когда цензоръ придѣлалъ къ повѣсти свой собственный конецъ—обвинчалъ Руссо съ Дюбарри. — «Нравственность этого требуетъ, ужъ очень обращеніе было вольно», пояснилъ онъ.

Разумѣется, повѣсть не была помѣщена.

Это напоминаетъ мнѣ другой подобный случай съ какою-то комедіею или водевилемъ, гдѣ за одною вдовою волочился какой-то лове-ласъ. Цензоръ заставилъ его сказать «въ сторону», то есть, обра-щааясь къ зрителямъ, во время нѣжныхъ объясненій со вдовою: «а я все-таки намѣренъ на ней жениться».

Въ «Путешествіи въ Іерусалимъ», не помню чѣмъ, авторъ замѣ-тилъ, что смоковницы возлѣ города топи и имѣютъ жалкій видъ. Цензоръ зачеркнулъ эти слова и написалъ сбоку: «А можетъ быть, подъ однимъ изъ этихъ деревьевъ отдыхалъ Спаситель».

Въ одномъ англійскомъ романѣ пирующихъ и раскутившихся пасторовъ надо было превратить въ лѣсничихъ! Я не говорю уже о русскихъ авторахъ, у которыхъ сердце обливалось кровью, когда уродовали ихъ статьи, а сколько прекрасныхъ иностранныхъ и самыхъ невинныхъ сочиненій было испорчено нелѣпными передѣлками, въ которыхъ никакого смысла доискаться было нельзя. Послѣ революціи въ Парижѣ 1848 г., было воспрещено безусловно переводить всѣ новые иностранные романы, не исключительно французскіе, и тогда наши журналы могли давать только то, что вышло до 1848 г. Въ русскихъ романахъ и повѣстяхъ было запрещено поздравлять имя-ниницу съ ангеломъ и называть любимую женщину «мой ангелъ».

А. В. Дружининъ находилъ большое удовольствіе ставить без-престанно въ своихъ повѣстяхъ «мой ангелъ», чтобы дать цензору лишній трудъ вычеркивать эти слова.

Я иногда выручала статьи «Библ. для Чт.», запрещенныя или иско-верканныя цензоромъ,—между прочимъ, я выручила одну изъ повѣс-тей А. В. Дружинина, — отправляясь съ жалобою къ предсѣдателю цензурнаго комитета М. Н. Мусинъ-Пушкину, который не забылъ, что открывалъ со мною балъ у астраханскаго военнаго губернатора, когда, въ качествѣ попечителя казанскаго учебнаго округа, приѣз-жалъ ревизовать астраханскую гимназію. М. Н. Мусинъ-Пушкинъ почти всегда удовлетворялъ мои жалобы, но я прибѣгала къ нему только въ крайнихъ случаяхъ. Цензурныя правила были тогда очень строги, я-же была не охотница просить; да и трудно было растолко-вывать цензорскія нелѣпости, когда ихъ было несмѣтное число, да еще тому, кто мало былъ способенъ ихъ разобрать.

IX.

Остальныя письма О. И. Сенковского.

Чтобы покончить съ письмами О. И. Сенковского, помѣщу нѣсколько его коротенькихъ, но довольно характерныхъ записокъ, писанныхъ въ разное время съ 1848-го по 1851 годъ. Живя въ одномъ городѣ съ 1850 г., даже въ одномъ домѣ, хотя въ разныхъ квартирахъ, и выдаясь почти ежедневно, переписываться надобности не представлялось.

Я перевела для «Библиотеки для Чт.» пословицу Мюссе: «Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée (дверь должна быть или отворена или заперта). Но прежде чѣмъ переводъ появился въ «Библ. для Чт.», онъ вышелъ отдѣльною книгою; я написала Осипу Ивановичу, что не лучше-ли моего перевода въ «Б. для Чт.», не помѣщать; онъ отвѣтилъ:

«Mon amie, s'il y a quelqu'un qui vient de publier ce Proverbe—plaignez son sort; tant pis pour lui. C'est une raison de plus de donner une bonne traduction au moment où une méchante vient de paraître—il est tué, anéanti, il est rendu ridicule—et qui ira chercher sa traduction qu'il faut acheter, quand en même temps on lui donne pour rien dans un journal une charmante traduction comme la vôtre. Vous êtes enfant avec vos craintes».

(Другъ мой, если кто-то издастъ пословицу, пожалѣйте объ его участи; тѣмъ хуже для него. Тѣмъ болѣе причины дать хорошій переводъ въ ту минуту, какъ явился плохой,—онъ убитъ, уничтоженъ, сдѣланъ смѣшнымъ—и кто-же станетъ покупать переводъ, когда въ то-же время ему даютъ даромъ въ журналѣ такой прелестный переводъ, какъ вашъ. Вы ребенокъ съ вашими опасеніями).

Письмо изъ Павловска.

[Переводъ съ французскаго]. «Милая Лиза, очаровательный другъ, здравствуйте. Адель плакала вчера, говоря о васъ и о вашей деликатной, удивительной дружбѣ, съ самою глубокою любовью. Вы ея утѣшеніе. И въ самомъ дѣлѣ, невозможно не обождать васъ, повѣрьте. Вы особа восхитительная, по сердцу, душѣ, разсудку и уму. Я забылъ, говоря вчера съ вами, что сегодня воскресенье. Слѣдовательно, я не могу быть сегодня въ городѣ. Я долженъ остаться съ Аделью, которая очень печальна и даже нездорова. До завтра, милая Лиза и другъ. Цѣлую ваши руки. Вашъ дѣдушка. С.»

[Переводъ съ французскаго]. «Милая Лиза, мы васъ обнимаемъ, я васъ обнимаю и кланяюсь вамъ, всѣ васъ обнимаютъ и обожаютъ. Увѣдомьте насъ о себѣ. О. С.

Если моды у васъ, пришлите».

Изъ всѣхъ моихъ писемъ къ О. И. Сенковскому сохранилась только слѣдующая записка и то потому, что была мнѣ возвращена; привожу ее потому, что Осипъ Ивановичъ на этой же запискѣ отвѣтилъ мнѣ.

«Другъ мой, я терпѣть не могу ожидать напрасно. Зачѣмъ не сказать мнѣ навѣрно—когда вы придете. Мнѣ все равно, хоть позже приходите, но скажите навѣрно, я займусь другимъ дѣломъ».

«А!!!

«Терпѣть не можете?

Сейчасъ, сейчасъ!»

«Повѣсть прелестна, мила, умна. Очень хорошо. Цѣлую вашу ручку, сударыня, за нее. С.».

Изъ Москвы. Вторникъ.

«Другъ Лиза, я не получаю отъ васъ ни слова. Что это? Или вы такъ усердно работаете? Пишите-же ко мнѣ что-нибудь. Это молчаніе ужасно обезпокоиваетъ меня. Присылайте поскорѣе и свою очаровательную «Мачиху»; лишь только я обратно отправлю ее къ вамъ, тотчасъ и самъ пушусь въ путь и, приѣхавши, поблагодарю васъ очень, очень за все: за вашу милую дружбу, за вашъ чудесный умъ, за вашъ прелестный талантъ. Мнѣ гораздо лучше, я не страдаю почти вовсе, и можетъ быть приѣду къ вамъ порядочно здоровымъ. Прощайте, я всегда вашъ, душевно къ вамъ привязанный. С.».

Изъ Москвы. Среда.

«Два эти дня я отдыхалъ, мнѣ несравненно лучше—я хожу, ѣмъ, пью, сплю, говорю, какъ здоровый человѣкъ. Продолжится-ли это? Опухоль лица проходитъ. Дай Богъ, дай Богъ! Но не надо радоваться напередъ. Сегодня я займусь вашими статейками, и полагаю, что часть ихъ отправлю завтра. Прощайте, милѣйшая изъ милѣйшихъ и умнѣйшая изъ умнѣйшихъ, благодѣтельница, всеработающая, всечитающая. Только не работайте черезъ силы, умоляю васъ. Зачѣмъ я отъ васъ до сихъ поръ не изволилъ получить ни одной строчки, по дружбѣ вашей ко мнѣ? Прощайте. С.».

Изъ Москвы. Суббота.

«Благодарю, мой добрый другъ, за вашу милую и добрую записочку. Вы, я надѣюсь, получили уже все, что слѣдуетъ по почтѣ. Я пошлю еще въ понедѣльникъ маленькія муз. извѣстія. Въ журналахъ почти ничего нѣтъ. Повѣсть ваша—чудо; она здѣсь производитъ фуроръ, всѣ читаютъ ее и всѣ говорятъ о ней съ восхищеніемъ. Я увѣренъ, что вторая часть восхититъ всѣхъ еще болѣе. Но, другъ мой, надо, чтобы онѣ обѣ ревновали, каждая за своего: это и забавнѣе, и любопытнѣе, и представляетъ настоящую драматическую перипетію; такъ должно быть непременно; вы мнѣ говорили, что такъ будетъ, а послѣ оказалось, что З. не кокетничала и Л. не ревновала ее. Надо было держаться перваго плана и я думаю, что вы не исполнили его отъ усталости; вы полѣнились развить дѣло на обѣ стороны и развили только въ одну сторону. Я думаю, вы одобрите меня за то, что я заставилъ васъ исполнить первую мысль свою, которая была въ высшей степени чудесна. Моя милая хозяйка, между прочими, въ восторгѣ отъ этой повѣсти, и весь домъ вмѣстѣ съ нею. Для этого здѣсь есть еще особенная причина, кромѣ внутренняго достоинства повѣсти. Въ домѣ есть дѣвица, красавица лѣтъ двадцати воспитанница покойницы, институтка, и моя хозяйка говоритъ, что Лиза—это вѣрная картина ея, до того вѣрная, что разговоры, ссоры, примиренія какъ будто отъ слова до слова списаны съ того, что происходитъ между ними. Хозяйка моя мнѣ говорила вчера: «Это непостижимо! Мачиха—это я, а Лиза точь въ точь Марья Николаевна наша, которая теперь сердится на меня и на васъ ужасно, полагая, что я вамъ пересказывала все, что происходило между нами, а вы пересказали «Лейлѣ», и что вся повѣсть эта на нее лично написана. Прощайте, мой умный другъ. Я такъ много думаю о васъ, о вашемъ счастьи, о вашемъ веселіи. С.»

Изъ Москвы. Среда.

«Милый и прелестный другъ, Лиза. Благодарю васъ чрезвычайно за чудесную повѣсть. Вторая часть нравится здѣсь не менѣе первой, но женщины находятъ, что она уже слишкомъ унижаетъ вашъ преподобный полъ, гоняясь такъ усердно за такимъ болваномъ, неучемъ, грубіяномъ, не умѣющимъ жить и не достойнымъ ни ея самой, ни любви ея, и что она слишкомъ уже навязывается на него. Это замѣчаніе немножко справедливо, и я старался въ концѣ возвратитъ ей нѣсколько достоинства, уничтожить лишнюю сентиментальность. Я самъ находилъ это, читая вторую часть, и смягчалъ во многомъ ея

безпредѣльную преданность такому ослу: но видно еще много осталось, когда это поражаетъ другихъ. Какую же цѣну стануть мужчины придавать вашей женской любви, когда вы такъ сорите ею безъ оглядки и безъ достоинства передъ такими болванами. Я говорю это для того, чтобы дать вамъ отчетъ въ измѣненіяхъ письма Зинаиды къ Константину и показать ихъ причину. Не нужно столько говорить о деньгахъ, и вообще тутъ много вездѣ денежныхъ расчетовъ. О деньгахъ надо теперь вскользь, слегка—уже объ этомъ было много въ первой части. Объ этомъ лучше всего общими словами. Въ письмѣ же она должна отказать ему, по причинѣ его несносныхъ глупостей, а не извиняться передъ нимъ и не сентиментальничать съ такимъ осломъ. Это—человѣкъ дурно воспитанный. Что его жалѣть. Также характеръ его не выдержанъ до конца, онъ послѣ примиренія долженъ опять явиться подозрѣвающимъ и она должна дать ему отставку за подозрительность, а не по причинѣ денегъ; это было низко съ ея стороны. Цѣль повѣсти — урокъ подозрительному мужчинѣ, а не денежные расчеты. Вы, душа моя, очень спѣшили, мнѣ кажется. Часть, относящаяся къ жениху Лизы, и ея рѣшеніе—не довольно были развиты. Лиза должна сама взять жениха и взять съ тѣмъ, чтобы отомстить Адриану.

«Но все это только мелочи, неисправности редакціи, а главное—сама повѣсть, ея идея, весь ходъ ея—прелесть. Благодарю васъ сердечно за эту повѣсть. Вы—писательница первой руки, умница, чудо. Но, другъ мой, читайте, ради Бога, корректуру внимательнѣе. Во второй части множество жестокихъ опечатокъ, искажающихъ смыслъ. Напримѣръ, вмѣсто непреложныхъ доказательствъ, поставлено ложныхъ доказательствъ, и много подобнаго. Прощайте, мой безцѣнный другъ, я все еще въ деревнѣ и сначала дня три у меня была лихорадка. Поэтому я немножко опоздалъ. Теперь я опять здоровъ. С.»

Въ обоихъ письмахъ шла рѣчь о моей повѣсти «Мачиха», печатавшейся въ «Библ. для Чт.», въ 1851 году.

[Переводъ съ французскаго]. «Ваша повѣсть дѣлаетъ здѣсь много шуму. Я самъ былъ принужденъ слушать, какъ ее читали въ трехъ домахъ, потому что ее читали вездѣ и не одинъ разъ—всѣмъ и каждому. Адель писала мнѣ также изъ Петербурга, что въ мое отсутствіе ей служить утѣшеніемъ, что повѣсть милой Лизы прекрасна (charmant), прекрасна вполне».

«Къ моему великому удивленію, я здоровъ, такъ здоровъ, что, очевидно, толстѣю. Я не очень этому радуюсь, потому что болѣзнь можетъ вдругъ вернуться и уничтожить все это, а, однако, какъ

пріятно не страдать! Обнимаю васъ очень искренно, мой очаровательный другъ, моя добрая Лиза, моя восхитительная Шехеразада. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте меня. Поклонитесь вашимъ ¹⁾ отъ меня и пишите чаще ко мнѣ. О. С.).

Вотъ всѣ письма О. И. Сенковского, сохранившіяся у меня.

Х.

Нѣсколько словъ въ оправданіе покровительства О. И. Сенковского. — Мои субботы. — Посѣщенія Н. И. Пирогова. — Поѣздка за границу. — Вѣсти объ О. И. Сенковскомъ.

1848—1853.

С. В. Максимовъ, въ своей статьѣ «Левъ Александровичъ Мей» («Русская Мысль», іюль 1887 г.), говоритъ, что повѣсти А. А. Сенковской и мои печатались въ «Библіотекѣ для Чтенія», потому что мы обѣ находились подъ особымъ покровительствомъ Осипа Ивановича и что повѣсти эти были невыгодными и неудобными приобрѣтеніями для журнала, навлекавшими на него справедливыя нападки критики. Это не совсѣмъ вѣрно. Осипъ Ивановичъ не только не оказывалъ покровительства повѣстямъ своей жены, но даже пришелъ въ отчаяніе, что ей пришлось въ голову писать. Ея первая повѣсть была преподнесена Осипу Ивановичу какъ сюрпризъ.

Что-же касается моихъ повѣстей, то никто болѣе меня не сознаетъ, что въ настоящее время онѣ навѣрно не читались-бы никѣмъ, но въ то менѣе требовательное время онѣ имѣли нѣкоторый успѣхъ, какъ это можно видѣть изъ писемъ ко мнѣ Осипа Ивановича изъ Москвы. И въ нынѣшнее время не всѣ повѣсти имѣютъ первостепенное значеніе и большая часть изъ нихъ тоже будетъ забыта по прошествіи сорока лѣтъ. Какъ ни слабы были мои повѣсти и для тогдашняго времени, во всѣхъ журналахъ можно было найти повѣсти такія-же слабыя, какъ и мои. Нападки критики относились не ко мнѣ одной. И въ прошлое, и въ настоящее время трудно встрѣтить въ критическихъ обзорахъ одиѣ похвалы. Я, напротивъ, нахожу, что нѣкоторые отзывы въ двухъ тогдашнихъ лучшихъ журналахъ, «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ» были гораздо снисходительнѣе, чѣмъ мои повѣсти заслуживали. А. А. Краевскій, подъ покровительствомъ

¹⁾ Моей матери и моему брату, которые съ 1850 г. жили въ Петербургѣ со мною. Е. А.

котораго я не состояла—я тогда даже не знала его лично—и которому я черезъ нашего общаго знакомаго передала мою признательность за отзывъ о моей «Мачихѣ», самъ предложилъ мнѣ написать повѣсть для его журнала. Я была тогда за границей и прислала оттуда «Блистательную партію». Она была набрана въ «Отечественныхъ Запискахъ», но въ корректурахъ запрещена цензурою цѣликомъ, не прошла потомъ и въ «Библіотекѣ для Чтенія» и уже гораздо позже напечатана въ «Сынѣ Отечества». Въ «Современникѣ» тоже было сказано объ одной изъ моихъ повѣстей, теперь не помню о которой, что она «показываетъ самостоятельный талантъ и умѣніе взяться за дѣло». У меня нѣтъ этого журнала подъ рукою и потому я не ручаюсь за точность выражений, но думаю, что мнѣ не совсѣмъ измѣнила память, которую въ былое время называли замѣчательною и которая не вполнѣ ослабѣла и теперь. Моя «Вторая жена» была написана для «Современника» и принята Панаевымъ, который самъ говорилъ мнѣ о ней съ похвалою, но когда я узнала, что по количеству статей, уже принятыхъ редакціею «Современника», очередь до моей повѣсти дойдетъ не скоро, я сама взяла ее обратно и отдала въ «Сынѣ Отечества», который имѣлъ тогда наибольшее число подписчиковъ изъ всѣхъ періодическихъ изданій.

Говорю все это не изъ пустого и теперь даже неумѣстнаго самолюбія, а просто для возстановленія истины и для оправданія чловѣка, который можетъ быть не совсѣмъ слѣпо покровительствовалъ мнѣ. Невыгоднымъ-же приобрѣтеніемъ для «Библіотеки для Чтенія» мои повѣсти быть не могли, потому что двѣ изъ нихъ (вторую и третью «Замосковную Лѣтопись») я отдала бесплатно, такъ какъ дѣла журнала тогда уже сильно пошатнулись, а когда для «Библіотеки для Чтенія» понадобились денежные средства, а ихъ нѣ откуда было взять, я отдала весь свой маленькій капиталъ. Словомъ, всѣми зависѣвшими отъ меня мѣрами я старалась оправдать покровительство, оказанное мнѣ О. И. Сенковскимъ при первомъ моемъ вступленіи на литературный путь. Чтобы сблизить Осипа Ивановича съ людьми противнаго лагеря и опровергнуть ошибочныя мнѣнія о немъ, я устроила у себя собранія по субботамъ, на которыхъ у меня мало по малу составилъ очень пріятный литературный кружокъ. О моихъ субботахъ А. В. Дружининъ говорилъ въ одной изъ своихъ повѣстей; на моихъ субботахъ постоянными посѣтителями были: О. И. Сенковскій, А. В. Никитенко, А. В. Дружининъ, В. П. Гаевскій, Г. П. Данилевскій, иногда Н. А. Некрасовъ и И. С. Тургеневъ, а впоследствии, по возвращеніи моемъ изъ заграницы, И. И. Панаевъ и А. А. Краевскій. Осипъ Ивановичъ очаровывалъ всѣхъ; я помню, какъ однажды, когда

онъ пришелъ позднѣе другихъ, тѣ, которые вели оживленный разговоръ съ другимъ журналистомъ, разомъ, какъ будто сговорившись, прервали свою бесѣду и составили кружокъ около Осипа Ивановича, которому во всѣхъ бесѣдахъ первое мѣсто какъ-бы принадлежало по праву, вслѣдствіе неподражаемаго умѣнія вести разговоръ.

Къ моему величайшему сожалѣнію, на этихъ собраніяхъ не участвовалъ другой мой знаменитый другъ, но когда начались мои субботы, Н. П. Пироговъ уже пересталъ посѣщать меня. Онъ тоже былъ интересный собесѣдникъ въ небольшомъ дружескомъ обществѣ, и особенно любилъ спорить съ Осипомъ Ивановичемъ о разныхъ медицинскихъ вопросахъ, но, разумѣется, какъ это всегда бываетъ, во всѣхъ спорахъ, каждый оставался при своемъ мнѣніи; но, какъ я уже говорила, Николай Ивановичъ забывалъ, что съ нимъ говорить не спеціалистъ.

Когда я пріѣхала вторично въ Петербургъ, Николай Ивановичъ очень часто посѣщалъ меня. Сначала онъ находилъ удовольствіе говорить со мною о своей прелестной, такъ безвременно погибшей женѣ, потомъ эти посѣщенія обратились въ привычку, и Николай Ивановичъ каждый вечеръ чувствовалъ потребность побесѣдовать со мною. Зная его нѣсколько деспотическій взглядъ на женщинъ, я сначала удивлялась его доброжелательнымъ отношеніямъ ко мнѣ, но мнѣ кажется, онъ убѣдился нагляднымъ примѣромъ, что самостоятельное положеніе, которое женщина пріобрѣтетъ себѣ честнымъ трудомъ, можетъ доставить ей уваженіе даже отъ тѣхъ, кто имѣлъ на женщинъ прежній, слишкомъ консервативный взглядъ.

Къ моему сожалѣнію, посѣщенія Николая Ивановича вскорѣ прекратились. Онъ думалъ уже тогда о своей женитьбѣ, но второй своей супруги еще не зналъ. Разставаясь со мною, онъ сказалъ мнѣ, что если выберетъ себѣ жену, то я первая узнаю объ этомъ. Прошло довольно много времени и я имѣла полное право думать, что Николай Ивановичъ совсѣмъ обо мнѣ забылъ. Вдругъ получаю отъ него записку, въ которой онъ напоминалъ о давномъ мнѣ словѣ, и въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ рассказать мнѣ подробно обстоятельства, предшествовавшія его второй женитьбѣ. Въ этотъ вечеръ я видѣла его въ послѣдній разъ.

Разстроенное здоровье принудило меня, въ концѣ 1851 г., уѣхать въ Италію, гдѣ я провела два года. Вѣсти, доходившія до меня изъ Петербурга, не радовали меня. Дѣла «Библ. для Чтенія» шли, или, лучше сказать, велись не такъ, какъ-бы я желала. Здоровье Осипа Ивановича не поправлялось, онъ писалъ мнѣ грустные письма, не сохранившіяся у меня. И другіе мои друзья сообщали мнѣ о немъ не радостныя вѣсти. А. В. Дружининъ писалъ мнѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ:

«Сегодня былъ у меня Сенковскій. Онъ хвораетъ; мнѣ кажется, ему просто скучно, потому что его домашняя обстановка очень печальна, а для нервнаго человѣка даже нестерпима».

С. И. Снеессорева писала мнѣ между прочимъ:

«Я имѣла съ Осипомъ Ивановичемъ интересный разговоръ. Изъявивъ ему радость, что онъ опять сталъ писать, я, какъ умѣла, объяснила ему, что безъ него въ русской литературѣ застой, что каждое его сочиненіе оживляетъ всѣхъ, что каждое его слово разбирается, расхватывается, хотя, разумѣется, и достается ему, тѣмъ не менѣе все одушевляется, все въ восторгѣ».

— «Да, отвѣчалъ онъ,—такъ думаютъ мои друзья».

«Стало быть, вся Россія вашъ другъ, потому что вездѣ было одинаковое впечатлѣніе».

— «Прежняя Россія, которая читала меня, она знала и любила меня, но нынѣшнее поколѣніе не знаетъ меня и не любитъ. Притомъ, я отвыкъ писать, а такъ долго не являясь передъ публикою, не хочется показаться съ посредственностью».

Въ этомъ же письмѣ С. И. Снеессорева пишетъ:

«Осипъ Ивановичъ ничего не знаетъ о повѣсти Адели Александровны, которую переводитъ Никитинъ».

Маня сочинительства, овладѣвшая Аделью Александровною, привела въ отчаяніе ея мужа. Повторилась опять странная комедія ихъ жизни. Адель Александровна воображала, что ея мужъ въ восторгѣ отъ ея таланта, а онъ проклиналъ судьбу, что долженъ просиживать ночи за исправленіемъ ея повѣстей,—преподнесенную сюрпризомъ повѣсть онъ передѣлалъ всю,—когда въ это время могъ-бы самъ написать что-нибудь дѣльное, но выказать сомнѣніе въ талантѣ этой самолюбивой женщины значило отравить себѣ жизнь, а если прежде борьба пришлось не по силамъ этому слабому и безконечно доброму мужу, то теперь онъ уже такъ утомился жизнью, что дорожилъ спокойствіемъ больше всего.

XI.

Возвращеніе мое въ Петербургъ. — Александръ и Наполеонъ. — Неудавшійся планъ.

1853 — 1858.

Дѣла «Библ. для Чтенія» не поправлялись. Я мысленно давно обрела ея паденію, и изъ Италіи совѣтовала Осипу Ивановичу устроиться иначе; но конечно издалека трудно было судить о положеніи дѣлъ журнала, и въ два года моего пребыванія въ Италіи «Библ. для Чтенія» какъ-бы перестала для меня существовать. Когда въ концѣ 1853 года я вернулась въ Петербургъ, Осипъ Ивановичъ самъ уже охладѣлъ къ «Библ. для Чтенія». Я опять принялась переводить и для этого журнала и для «Отечественныхъ Записокъ». Субботы мои возобновились. Осипъ Ивановичъ продолжалъ на нихъ бывать. Въ мое отсутствіе эти литературныя бесѣды, если не ошибаюсь, устраивались иногда у него, но по моему возвращенію мой литературный кружокъ вернулся ко мнѣ.

Здоровье Осипа Ивановича очень ослабѣло. Онъ хандрилъ. И могло-ли быть иначе, когда до конца своей жизни оставался при тѣхъ взглядахъ на свою дѣятельность, какіе высказалъ въ своемъ четвертомъ письмѣ ко мнѣ. Онъ по прежнему любилъ повѣрять мнѣ свои задушевные мысли, и кромѣ недовольства самимъ собою, его угнетала домашняя жизнь, «невыносимая для нервнаго человѣка», какъ справедливо высказался А. В. Дружининъ. Хотя характеръ Адели Александровны значительно укротился послѣдніе годы вслѣдствіе столкновенія съ другимъ такимъ-же неукротимымъ характеромъ, какъ у нея, Осипъ Ивановичъ все-таки привлекательною свою жизнь находить не могъ. Онъ какъ всегда заботился о счастіи и спокойствіи своей жены, но Адели Александровнѣ никогда не приходило въ голову, что ея мужъ имѣетъ такое-же право на счастье, какъ и она.

Въ послѣдній годъ жизни Осипа Ивановича я видѣла его не часто. Онъ почти не выходилъ изъ дому, и я, занятая своимъ «Собраніемъ романовъ», довольно рѣдко навѣщала его. Но мы по прежнему были увѣрены въ неизмѣнности нашей дружбы, и за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти онъ доказалъ мнѣ, что полагался на меня больше всѣхъ.

Въ одно утро я была удивлена посѣщеніемъ Адели Александровны, — она не бывала ни у кого, — которая пріѣхала за мною по просьбѣ Осипа Ивановича, желавшаго немедленно говорить со мною.

Можно представить себѣ мое удивленіе, когда Осипъ Ивановичъ, больной и слабый, но въ тотъ день чувствовавшій себя лучше, поручилъ мнѣ съѣздить къ А. А. Краевскому и предложить ему издавать вмѣстѣ съ нимъ большую политическую газету. Я не вѣрила ушамъ. Я помнила какъ «Отечественныя Записки» преслѣдовали не только «Библиотеку для Чтенія», но и самого Осипа Ивановича, и сказала ему прямо, что не желаю подвергать его унижительному отказу. Онъ добродушно засмѣялся.

— «Будьте спокойны, отказа не будетъ», сказалъ онъ.

Но я такъ мало знала закулисную сторону журнальнаго дѣла, что простодушно вѣрила въ искренность нападокъ «Отечественныхъ Записокъ» на Осипа Ивановича, и очень неохотно взялась за возложенное на меня порученіе. Но и велико-же было мое торжество, А. А. Краевскій пришелъ въ положительный восторгъ, хотѣлъ съ большими пожертвованіями отказаться отъ изданія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и отвѣтилъ мнѣ, что согласенъ на всѣ условія, какихъ ни пожелалъ-бы Осипъ Ивановичъ. Стало быть, великъ былъ талантъ Сенковского, когда даже литературный врагъ такъ его цѣнилъ! Планъ новой газеты былъ уже составленъ, свиданіе «Александра съ Наполеономъ», какъ выразился А. А. Краевскій, назначено у меня, но болѣзненное состояніе Осипа Ивановича все ухудшалось, и 4-го марта 1858 г. его не стало....

Въ заключеніе, прошу моихъ читателей помнить, что это не критическій и не біографическій очеркъ, а простой, безпристрастный и искренній рассказъ друга о человѣкѣ, который самъ сознавалъ, что не сдѣлалъ всего, что могъ сдѣлать, но который, въ тому-же, имѣлъ несчастье жить въ такое время, когда лучшія стороны его дарованія не могли найти простора.

Е. Н. Ахматова.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1857 г. ¹⁾.

Январь 1. Вторникъ. Между прочимъ былъ у Позена и просидѣлъ у него около часу. По его проекту объ освобожденіи крестьянъ назначенъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ самого государя. Члены комитета: графъ А. Ѳ. Орловъ, Я. И. Ростовцевъ, Брокъ, кн. П. П. Гагаринъ, князь В. А. Долгорукій, В. Ѳ. Адлербергъ.

29 декабря былъ обычный годичный актъ въ академіи наукъ. Я читалъ отчетъ. Собраніе было великолѣпно: лентами и звѣздами хоть мостъ мости. Министръ, увидѣвъ меня, убѣдительно просилъ къ нему зайти, говоря, что имѣетъ сообщить мнѣ нѣчто очень важное.

2. Среда. Любопытное свиданіе съ Авраамомъ Сергѣевичемъ (Норовымъ). Онъ желалъ видѣть меня, чтобы посоветоваться о томъ, какое направленіе дать дѣлу о разрядахъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы представить ему, въ какомъ печальномъ положеніи вообще находится министерство. Оно

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LIX, авг., 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—592; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—588; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653; томъ XLVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; июнь, стр. 611—638; июль, стр. 133—160.

въ безнадежномъ состояніи. При этомъ я замѣтилъ Аврааму Сергѣевичу, что на дняхъ у него вырвали изъ рукъ еще идею: объ отношеніяхъ семейнаго воспитанія къ общественному,—идею, которую такъ громко нынѣ провозгласилъ Ростовцевъ и которую теперь, можетъ быть, испортили, утрируя ее. А вѣдь годъ тому назадъ, министерство уже имѣло на свой проектъ согласіе государя, по поводу учрежденія женскихъ гимназій—но ничего не сдѣлало.

— «Помните», сказалъ я Аврааму Сергѣевичу, — «у меня было заготовлено отношеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, гдѣ этому дѣлу давали уже ходъ? Мое отношеніе было задержано, и вотъ что теперь для васъ изъ этого вышло».

Затѣмъ я выразилъ предположеніе, что министру необходимо, для восстановленія хоть сколько-нибудь своего кредита, взять на себя починъ въ предстоявшихъ еще по министерству дѣлахъ. Въ предметахъ недостатка нѣтъ. Онъ согласился и просилъ меня изложить мои мысли объ этомъ на бумагѣ, а главное приготовить проектъ о разрядахъ въ такомъ духѣ, какъ я предлагалъ прежде, то-есть, чтобы чины были замѣнены должностями.

Затѣмъ Авраамъ Сергѣевичъ—ужъ право не знаю зачѣмъ—опять коснулся моего опредѣленія, или, лучше сказать, неопредѣленія, въ члены главнаго правленія училищъ. Послѣдовали странныя, запутанныя объясненія—такія странныя и запутанныя, что мнѣ стало жаль его и я поспѣшилъ положить конецъ имъ и нашему свиданію. Рѣчь была и о Кисловскомъ. Авраамъ Сергѣевичъ выразилъ мнѣніе, что не худо было-бы мнѣ съ нимъ помириться. Я съ жаромъ отвергъ эту недостойную мысль: какъ будто Кисловскій могъ и долженъ былъ что-нибудь значить въ моей дѣятельности и въ моихъ отношеніяхъ съ министромъ.

Въ заключеніе министръ, по обыкновенію, обнялъ меня, увѣряя въ своей любви. Изъ этого, конечно, ничего не выйдетъ, но, по крайней мѣрѣ, я ему высказалъ все то, что, по совѣсти, считалъ необходимымъ высказать.

10. Четвергъ. Обѣдалъ у Позена. Онъ далъ мнѣ прочесть письма свои къ государю, сопровождавшія проекты о разныхъ отрасляхъ государственнаго правленія. Проекты эти составлены Позеномъ по требованію его величества. Проектъ о необходимости начертать программу и опредѣлить систему управленія отличается

многими свѣтлыми и основательными мыслями, хотя въ немъ есть и общія мѣста. Позенъ принимаетъ четыре основныя начала: православіе, самодержавіе, человѣчество и народность, но тремъ изъ этихъ идей даетъ другое значеніе, чѣмъ Уваровъ. Всего замѣчательнѣе его письма. Они написаны смѣло, умно и даже краснорѣчиво. Любопытно въ одномъ изъ нихъ то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что народъ ожидаетъ отъ государя улучшенія своего жребія послѣ войны, и что, въ случаѣ неудовлетворенія этихъ ожиданій, надо опасаться всеобщаго неудовольствія. Положеніе народа онъ просто называетъ невыносимымъ.

Комитетъ объ эмансипаціи ничего не рѣшилъ. Позенъ уѣзжаетъ во вторникъ.

13. Воскресенье. Былъ сегодня у директора канцеляріи военнаго министра Брискорна. На прошедшей недѣлѣ я представлялся военному министру, который приглашалъ меня для совѣщанія по поводу устройства образованія и судьбы военныхъ кантонистовъ: о нихъ на дняхъ состоялся высочайшій указъ. Тутъ же было мнѣ объявлено, что я назначенъ членомъ комитета, на который возложены эти дѣла, а вчера я получилъ о томъ и офиціальную бумагу отъ министра. Мой проектъ, представленный въ концѣ прошлаго года, говорятъ, очень ему понравился. Брискорнъ назначенъ предсѣдателемъ комитета, потому я и былъ у него сегодня. Онъ излагалъ свои мысли въ духѣ моего проекта. Мы поговорили о нашихъ будущихъ занятіяхъ и, кажется, согласились въ главномъ, а именно въ томъ, о чемъ я уже писалъ.

15. Вторникъ. Хотите-ли пріобрѣсти извѣстность? Ругайте какъ можно больше тѣхъ, которые уже достигли ея прежде васъ. Во-первыхъ, слушателямъ пріятно будетъ услышать, что вотъ такой-то вовсе не такой талантъ, не такой умъ, не такъ честенъ и благороденъ, какъ о немъ говорятъ. А во-вторыхъ, вы докажете собственнй умъ: ибо, по мнѣнію толпы, тотъ непременно долженъ быть очень уменъ и даровитъ, кто ни въ комъ не признаетъ ни ума, ни дарованія.

Умъ безъ честности похожъ на бритву безъ рукоятки: при всемъ желаніи нѣтъ возможности его употреблять, а если станешь употреблять, то обрѣжешься.

26. Суббота. Въ ту минуту, когда общество наше готово

совсѣмъ утонуть въ обычной апатіи и пустотѣ, когда толки о погодѣ, о придворныхъ новостяхъ, о томъ, что въ такомъ-то журналѣ обругавъ такой-то, и т. д.—когда все это начинается безмѣрно надоѣдать, благосклонная судьба обыкновенно посылаетъ нашей публикѣ на выручку какой-нибудь громкій особенный случай, преимущественно скандалъ, и вотъ публика выходитъ изъ летаргическаго сна, начинается шевелиться, поднимаетъ голову, слушаетъ, говоритъ, смѣется, пока это ей не надоѣдаетъ въ свою очередь и она, усталая, снова погружается въ пуховикъ своего умственнаго и сердечнаго бездѣйствія. Вотъ теперь такой случай прилетѣлъ къ намъ изъ Москвы: графъ N. N. подрался съ профессоромъ Ш*** или, лучше сказать, поколотилъ Ш., такъ что тотъ лежитъ въ постели больной. Сегодня въ академіи, въ университетѣ только объ этомъ и толкуютъ. Кто стоитъ за одного изъ бойцевъ, кто за другаго, но обстоятельства этого факта такъ перепутаны разными добавленіями, толкованіями, измѣненіями, вольными и невольными, что рѣшительно нельзя составить себѣ точнаго о немъ понятія. Знаешь только, что была драка, что подрались московскій графъ и московскій профессоръ и что подрались они по русски, то-есть, оплеухами, кулаками, пинками и прочими способами патріархальнаго допетровскаго быта.

На-дняхъ также много занимала публику, прикосновенную къ литературѣ, статья въ «Русской Бесѣдѣ», въ которой Г. обругалъ Грановскаго. Этотъ Г. былъ когда-то посланъ въ Лифляндію, за свою сомнительную дѣятельность въ которой, по возвращеніи, получилъ крестъ. Во время моего цензорства, онъ написалъ было статью—прямой доносъ на противную себѣ партію русскихъ литераторовъ. Словомъ, этотъ любезный господинъ съ успѣхомъ шелъ по слѣдамъ Булгарина. Теперь ему сильно не понравилась высокая и чистая репутація Грановскаго, и онъ задумалъ столкнуть его въ грязь.

— Трудно рѣшить сколько добра приноситъ образованіе, но то несомнѣнно, что оно необходимо.

Февраль 8. Пятница. Актъ въ университетѣ. Я читалъ отчетъ. Всеобщее, а со стороны многихъ—даже жаркое одобреніе. Я въ отчетѣ коснулся нѣкоторыхъ вещей, о которыхъ въ прежнихъ отчетахъ не говорилось, да и не могло говориться.

Между прочимъ, всѣмъ понравился мой отзывъ о Мусинѣ-Пушкинѣ.

Вечеромъ былъ у князя П. А. Вяземскаго, гдѣ нѣкто Львовъ читалъ свою драму: «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей».

Вчера былъ большой обѣдъ въ Римско-католической академіи по случаю утвержденія новаго ректора Якубилскаго. Тутъ, между прочимъ, встрѣтилъ Норова. За обѣдомъ я сидѣлъ отъ него довольно далеко. Увидѣвъ меня, онъ сталъ черезъ весь столъ громогласно изъявлять сожалѣніе, что давно меня не видитъ. Потомъ сказалъ, что у него пропасть важныхъ дѣлъ, о которыхъ ему надо со мной переговорить и т. д.—все во всеуслышаніе и очень некстати. Я уклонился отъ настоящаго отвѣта и произносилъ отрывочныя и ничего не значущія слова.

Дѣло о Ш. и графѣ ** рѣшено. Ш. посланъ на житье, въ Ярославль, а графу ** велѣно жить безвыѣздно въ своей деревнѣ.

11. Понедѣльникъ. Князь Щербатовъ читалъ мнѣ нѣкоторыя изъ своихъ предположеній объ улучшеніи гимназій и уѣздныхъ училищъ. Главная его идея: менѣе учебной и административной формалистики и больше сущности. Онъ представляетъ о томъ докладъ министру. Князь хлопочетъ также объ увеличеніи учительскихъ окладовъ. Разумѣется, въ министерствѣ обо всемъ этомъ и не подумаютъ и ничего не сдѣлаютъ—нѣсть бо тамъ ни ума, чтобы думать, ни воли, чтобы дѣлать.

Ребиндеръ, который недавно пріѣхалъ сюда на нѣсколько дней изъ Кіева, также читалъ мнѣ свои предположенія. Въ нихъ много прекраснаго. Я вполне раздѣляю его мысли объ усиленіи философскаго преподаванія и о возбужденіи вообще среди молодежи духовной дѣятельности. Объ этомъ онъ не только представилъ министру, (разумѣется совершенно бесполезно), но и лично государю, къ которому являлся на дняхъ.

12. Вторникъ. Князь Вяземскій, которому теперь поручено главное наблюденіе надъ цензурой, просилъ меня заняться проектомъ объ ея устройствѣ, ибо великій хаосъ въ ней. Я повторилъ ему то же, что сто разъ уже говорилъ и ему и министру, именно, что тутъ нужно прежде всего сдѣлать три вещи: а) дать инструкціи цензорамъ; б) освободить цензуру отъ разныхъ предписаній, особенно накопившихся съ 1848 года,

которыя, по ихъ крайней нераціональности и жесткости, не могутъ быть исполняемы, а между тѣмъ висятъ надъ цензорами, какъ Дамокловъ мечъ; с) уничтожить правило, обязующее цензоровъ сноситься съ каждымъ вѣдомствомъ, котораго касается литературное произведеніе по своему роду или содержанию. Князь поручилъ мнѣ пригласить одного изъ цензоровъ вмѣстѣ съ нимъ рассмотреть и обсудить всѣ эти обстоятельства и затѣмъ представить ихъ ему, князю. Я, впрочемъ, объявилъ князю, что не беру на себя роли законодателя, а совѣтую назначить комитетъ. Для предварительнаго обсужденія я избралъ себѣ въ помощники, за неимѣніемъ лучшаго, Фрейганга.

«Русскій Вѣстникъ» напечаталъ статью «Пугачевщина». Велѣно сдѣлать редактору и цензору строгій выговоръ.

— Желать чего-либо пылко, но достигатьжелаемаго со спокойнымъ мужествомъ и хладнокровнымъ постоянствомъ — есть признакъ сильной души.

17. Воскресенье. Вечеръ у князя ***. Здѣсь сказалъ нѣсколько словъ, которыхъ не слѣдовало говорить. Каюсь. Всѣ эти сердечныя волненія и недовольства происходятъ изъ одного источника—изъ важности, какую мы придаемъ людямъ и жизни. Слѣдуетъ-ли возносить ихъ такъ высоко, чтобы потомъ, видя ихъ низверженными въ грязь, сѣтовать, тревожиться, негодовать? Право, игра не стоитъ свѣчъ. Не важнѣе-ли всего то, чтобы меньше страдать.

— Серьезная точка зрѣнія на жизнь и людей самая опасная. Тутъ, Богъ знаетъ, въ какія коллизіи войдешь и съ судьбою и съ порядкомъ вещей и съ самимъ собою, между тѣмъ какъ дѣло, по выраженію Софокла, не стоитъ тѣни дыма.

23. Суббота. Читалъ сегодня, по просьбѣ студентовъ и съ согласія начальства, рѣчь студентамъ: «о цѣли и значеніи принятаго ими сборника и о литературныхъ средствахъ достигнуть этой цѣли». Присутствовали ректоръ и многіе изъ профессоровъ. Огромная зала (амфитеатромъ) была биткомъ набита. Были и посторонніе посѣтители. Прочитавъ до того лекцію, я чувствовалъ себя нѣсколько утомленнымъ, тѣмъ не менѣе импровизированная рѣчь моя, хотя я самъ и желалъ бы ее лучше, была принята очень хорошо. Раздались аплодисменты, крики bravo, топанье ногами и т. д. Товарищи-профессора тоже весьма

одобрили. Значить, дѣло можно считать удачнымъ. Цѣль моя была наэлектризовать юношей, возбудить въ нихъ благородное рвеніе къ предпринимаемому ими дѣлу, но вмѣстѣ и воздержатъ ихъ отъ непосильныхъ стремленій, во что бы то ни стало, къ авторской славѣ, и внушить имъ уваженіе къ общественному мнѣнію. Я при этомъ случаѣ припомнилъ имъ слова Талейрана, который сказалъ, что онъ знаетъ кого-то умнѣе себя и Наполеона: этотъ кто-то—всѣ.

24. Воскресенье. Засѣданіе комитета у графа Блудова по изданію сочиненій Жуковскаго. Читано было примѣчаніе графа къ поэмѣ «Агасееръ».

26. Вторникъ. Вчера было читано въ совѣтѣ университета прошеніе мое объ отпускѣ. Здоровье мое очень плохо. Силы до того надломлены, что если не принять теперь же надлежащихъ мѣръ къ ихъ восстановленію, онѣ, того и смотри, совсѣмъ сломятся.

Мартъ 1. Пятница. Вечеромъ былъ въ спектаклѣ театральной школы, какъ членъ театрального комитета. Пьесы игрались плохія, но нѣкоторыя изъ воспитанниковъ и воспитанницъ играли недурно, хотя въ игрѣ ихъ постоянно просвѣчиваетъ недостатокъ эстетическаго образованія. Вообще ихъ учатъ не важно. Главное вниманіе школы, повидимому, устремлено на танцы, и послѣдніе, въ самомъ дѣлѣ, удивительны.

2. Суббота. Былъ у Ростовцева. Непріятны мнѣ эти постоянные толки о Норовѣ, съ укорами ему самому и его управленію. Такъ и на этотъ разъ; все одно и то же: «неспособность къ дѣламъ, зависимость отъ подьячихъ въ такихъ случаяхъ, которыхъ они совсѣмъ не понимаютъ, или понимаютъ только съ подьяческой точки зрѣнія, двоедушіе» и проч.

Вся бѣда отъ того, что мы даемъ слишкомъ большую цѣну жизни и самимъ себѣ. Отъ этого мы созидаемъ множество неосуществимыхъ плановъ и сѣтуемъ объ ихъ неисполнимости, а на случайности жизни смотримъ безъ достаточнаго мужества.

3. Воскресенье. Новыя колебанія Авраама Сергѣевича. На дняхъ онъ сообщилъ князю Щербатову о сляніи педагогическаго института съ университетомъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. А сегодня, при случайной встрѣчѣ со мной, жалуясь на бѣдность университета, замѣтилъ, что о сляніи этомъ и рѣчи быть не можетъ, что заведенія не слѣдуетъ уничтожать и что государю это не понравилось-бы.

— «Но вѣдь», возразилъ я — «вы сами, Авраамъ Сергѣевичъ, были того мнѣнія, что университетъ приготовляетъ лучшихъ учителей, чѣмъ ихъ давалъ до сихъ поръ педагогическій институтъ; что закрытое заведеніе можетъ образовывать ученыхъ, а не учителей, которыхъ гораздо вѣрнѣе образуетъ университетъ, гдѣ на умы дѣйствуетъ не одна наука, но и жизнь».

— «Да, это неоспоримо», отвѣчалъ онъ.

— «Ну такъ на первомъ планѣ должна же быть польза», продолжалъ я, — «и если мы убѣждены въ ней, то и должны высказать свою мысль безъ уклончивости. Да и при томъ, кто же думаетъ объ уничтоженіи педагогическаго института? Дѣло идетъ не о закрытіи его, а о соединеніи съ университетомъ — соединеніи, которое усилитъ университетъ и улучшитъ самое образованіе учителей. А чтобы тутъ не было никакихъ даже сомнѣній, то назовите: «центральный педагогическій институтъ при с.-петербургскомъ университетѣ».

Эта идея плѣнила его. Онъ опять сталъ просить меня написать это. Конечно, все это одни слова.

20. Среда. Умъ есть не иное что, какъ орудіе, пригодное для жизни. Иной употребляетъ его, какъ сѣть для ловли благъ житейскихъ, другой, какъ кинжалъ для нанесенія ранъ, чтобы, обезсиливъ своего врага, исторгнуть у него то, въ чемъ нуждается или чего желаетъ; третій, какъ щитъ противъ нападеній; четвертый, какъ когти и зубы, которые выказываетъ по временамъ ради внушенія страха, и т. д. Бѣда, если умъ ни на что не годенъ, кромѣ тканья понятій, идей истиннаго и прекраснаго и тому подобной паутины, въ которую ничего нельзя ловить, даже и мухъ.

24. Воскресенье. Диспутъ въ университетѣ. А. Н. Пыпинъ защищалъ свою диссертацию на званіе магистра: «О русской повѣсти». Оппонировали я и Из. Ив. Срезневскій. Я взялъ за главное основаніе возраженій — противъ молодаго ученаго то, что не видно какія черты умственной, нравственной и эстетической жизни русскаго народа выражаются въ дополненіяхъ и передѣлкахъ повѣстей, зашедшихъ къ намъ изъ Византіи и съ запада. Но съ этой стороны только и можно было отчасти поражать диспутанта: все остальное было неопровержимо. А. Н. Пыпинъ защищался отлично. Было довольно много публики.

. Самая необходимая вещь для человѣка — самообладаніе. У животныхъ есть опекуны: природа. Она всѣмъ у нихъ распоряжается и хозяйничаетъ. Мы же получили отъ нея только орудія и средства: все остальное зависитъ отъ насъ. Оттого, чѣмъ больше дано намъ силъ, тѣмъ труднѣе ими управлять и распорядиться.

Тысяча вещей въ душѣ нашей дѣлаются безъ нашего вѣдома; мысли и впечатлѣнія роятся въ ней ежеминутно, и каждое изъ этихъ движеній влечетъ васъ то въ ту, то въ другую сторону. Но все это ничего не значитъ, если распорядительная сила хороша и если подъ ея контролемъ движенія эти не могутъ дойти до своихъ крайнихъ послѣдствій. Иногда случается даже и уступить какому-нибудь влеченію; но и тутъ пусть окончательно ничто не дѣлается безъ вашего вмѣшательства, безъ причины вамъ извѣстной, вами допускаемой.

27. Среда. У графа Блудова. Разговоръ о нашей администраціи и о Брокѣ, который требуетъ, чтобы ничто, касающееся финансовъ, не печаталось безъ его разрѣшенія, и открыто объявляетъ, что наши писатели приведутъ насъ къ революціи. Я замѣтилъ, что онъ ошибается, что революцію дѣлаютъ не писатели, а неспособные министры. Тутъ былъ еще, между прочимъ, Тютчевъ, который очень удачно острилъ надъ кое-кѣмъ изъ нашихъ администраторовъ.

30. Суббота. Засѣданіе театральнаго комитета. Министръ императорскаго двора, графъ Адлербергъ, прислалъ на наше разсмотрѣніе уставъ комитета. Мы читали этотъ проектъ вмѣстѣ съ замѣчаніями директора, которому не хочется допускать въ театральныя дѣла никакого посторонняго вмѣшательства. Министръ же хочетъ противнаго, но кажется ему недостаетъ настойчивости. Мы рѣшились дѣйствовать твердо и попытаться сломить беззаконія, которыя мѣшаютъ успѣшному развитію такого прекраснаго и полезнаго дѣла, какъ драматическое искусство.

Ни одно дѣло не совершается безъ пожертвованій: честность требуетъ пожертвованія выгодой, а выгода—пожертвованія честностью. Выбирайте любое.

Апрѣль 28. Воскресенье. Весь мѣсяцъ прошелъ въ сильныхъ приступахъ болѣзни и въ устройствѣ поѣздки за границу,

куда меня настойчиво посылають врачи. Послѣ разныхъ тревоженій, дѣло, кажется, уладилось ¹⁾).

Октябрь 12. Суббота. Визиты, попечителю и министру. Послѣднему долженъ былъ представиться послѣ своего возвращенія. Онъ встрѣтилъ меня съ обычными объятіями, старался выказать теплое участіе ко всему, что меня касается, но въ этомъ участіи недоставало главнаго — искренности, или я не сумѣлъ ее открыть.

Князь Щербатовъ хвалился, что онъ одержалъ побѣду надъ департаментомъ и Кисловскимъ. Онъ формально объявилъ министру, что не хочетъ имѣть никакого дѣла съ послѣднимъ, и потребовалъ, чтобы ни одно дѣло по спб. округу не рѣшалось безъ участія попечителя, для чего выразилъ желаніе присутствовать при докладахъ. Авраамъ Сергѣевичъ на все согласился.

15. Вторникъ. Вотъ какимъ событіемъ былъ я встрѣченъ по возвращеніи въ отечество. Въ Москвѣ нѣсколько студентовъ праздновали именины своего товарища. Между студентами было человѣкъ пять, шесть поляковъ. Вдругъ къ нимъ явился квартальный надзиратель, съ требованіемъ выдачи мошенника, который будто бы между ними находился. Молодые люди скромно замѣтили, что онъ, вѣроятно, ошибается, что между ними такого не имѣется, и просили его удалиться. Онъ ушелъ, но скоро вернулся, приведя съ собою человѣкъ двадцать полицейскихъ. Одни изъ нихъ сломали двери, другіе полѣзли въ окна; стали всѣхъ — — вязать, съ криками, что тутъ все измѣнники, ляхи. Произошла кровавая драка. Студенты были — — — — — отведены на сѣзжую. Четверо такъ пострадали, что опасаются за ихъ жизнь. Генераль-губернаторъ Закревскій далъ знать телеграммою государю въ Кіевъ, что «въ университетѣ бунтъ». Государь отвѣчалъ: «не вѣрю». Производится слѣдствіе. Теперь государь въ Москвѣ. Общій

¹⁾ Заграницей автору былъ предписанъ полный покой. Заботы о возстановленіи своего здоровья не позволяли ему съ обычною послѣдовательностію вести «Дневникъ». Объ этой побѣдѣ въ бумагахъ его сохранились лишь бѣглыя замѣтки, для памяти, которыя, по краткости своей, не представляютъ достаточнаго интереса, и потому мы опускаемъ ихъ и продолжаемъ печатаніе «Дневника» съ минуты возвращенія автора въ Петербургъ.

голосъ, что молодые люди въ этомъ дѣлѣ вели себя превосходно. Даже враги университета во всемъ виняють полицію. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждуть рѣшенія государя.

16. Среда. Вечеръ у Березина, гдѣ былъ радушно встрѣченъ многими изъ моихъ университетскихъ товарищей и литераторовъ. Тутъ, между прочимъ, былъ Кавелинъ, нынѣ наставникъ наслѣдника по юридическимъ наукамъ, и Бапстъ, назначенный также наставникомъ къ нему по политической экономіи.

Намъ не заимствовать надо у Европы, а учиться.

Надо умѣть хотѣть—хотѣть трудиться умно и честно.

21-го числа. Приступаю понемногу къ обычнымъ занятіямъ своимъ по службѣ и въ кабинетѣ, хотя здоровье все еще скрипитъ.

27-го числа. Получилъ отъ графа Адлерберга бумагу о назначеніи меня предсѣдателемъ театрального комитета.

Просматривалъ разные журналы, вышедшіе въ мое отсутствіе. Многія статьи въ нихъ, особенно въ «Современникѣ», поражаютъ крайнею смѣлостью и парадоксальностью своихъ стремленій.

Послѣ всего испытаннаго нашимъ обществомъ въ недавнемъ прошломъ, протестъ и оппозиція—явленія неизбѣжныя. Мало того, они необходимыя элементы общественной и государственной жизни, которая безъ нихъ теряетъ равновѣсіе, застываетъ и гложетъ. И потому, протестуйте господа—это ваше право и даже долгъ—но пусть протестъ вашъ покоится на прочныхъ началахъ разума и совершается не во имя вашихъ личныхъ, узкихъ міровоззрѣній и страстей, а во имя широкихъ общечеловѣческихъ идеаловъ правды и добра. Но не такъ думаютъ и поступаютъ наши современные протестанты. Ослѣпленные ненавистью къ недугамъ прошлаго, они въ немъ все безъ разбора бранятъ и клянутъ; ополчаются противъ всего, часто даже вопреки разуму и исторіи, и не замѣчаютъ, что у самихъ подъ ногами еще не сложилась почва, и что, въ своей нетерпимости они становятся представителями новаго и чуть-ли не еще вящаго деспотизма, чѣмъ прежній. Нѣтъ, господа, истина не такъ легко дается.

Мы, правда, идемъ по скату, и многіе могутъ думать, что тутъ уже ничего не значать благородныя усилія въ пользу

общественнаго добра и порядка. Это ошибочно; изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что человѣку честному надо сидѣть сложа руки, или предаваться крайностямъ.

Ноябрь 14. Четвергъ. Настоящій годъ богатъ у насъ гибельными происшествіями. Неслыханнымъ образомъ потонулъ восьмидесяти четырехъ-пушечный корабль со всѣми пассажирами и командой (всего 800 человѣкъ). Ему вельно было такъ скоро собраться въ путь, что онъ, видите-ли, не успѣлъ какъ слѣдуетъ расположить балластъ и прикрѣпить пушки, отчего онъ наклонился на одинъ бокъ, опрокинулся и пошелъ ко дну. Лѣтомъ два компанейскіе парохода — одинъ сѣлъ на мель на пути изъ Петергофа въ Петербургъ, а другой чуть не потонулъ гдѣ-то на пути изъ Штетина. На Каспійскомъ морѣ потонулъ фрегатъ со всѣми людьми. Въ пожарѣ около думы погибло, говорятъ, двѣнадцать человѣкъ. Потонулъ пароходъ на Невѣ, у Охты, шедшій изъ Шлиссельбурга — и потонулъ отъ того, что шкиперъ былъ пьянъ и не распорядился, когда стемнѣло, зажечь фонари, отчего наткнулся въ темнотѣ на другой пароходъ. Потонуло много пассажировъ, и въ томъ числѣ всѣми уважаемый пасторъ Морицъ. Но и изъ спасшихся, многіе умерли въ послѣдующіе дни, кто отъ ушибовъ, кто отъ простуды, кто отъ испуга.

Декабрь 6. Своровано — и гдѣ-же? между студентами! Студенты издають сборникъ, для чего у нихъ собраны деньги. Одинъ изъ молодыхъ редакторовъ захватилъ въ свои руки пятьсотъ рублей — отъ нихъ и слѣдъ пропалъ. Сегодня былъ у меня одинъ изъ профессоровъ и съ горестью разсказалъ мнѣ это. Кромѣ того, онъ передалъ еще нѣсколько другихъ случаевъ, гдѣ студенты вели себя вовсе нехорошо. Да, это дѣйствительно и горько, и обидно. Между тѣмъ, попечитель, князь Щербатовъ, смотритъ на все сквозь пальцы.

8-го числа. Умеръ Красовскій, предсѣдатель иностраннаго цензурнаго комитета, человѣкъ съ дикими понятіями, фанатикъ и вмѣстѣ лицемѣръ, всю жизнь, сколько могъ, гасившій просвѣщеніе. И. И. Давыдовъ вздумалъ написать ему панегирикъ (Красовскій былъ членомъ русской академіи). Я возсталъ противъ этого: «Что-же мы будемъ говорить объ истинныхъ заслугахъ и достоинствахъ послѣ восхваленій такимъ людямъ,

какъ Красовскій? Да и кто повѣритъ такимъ хваламъ? Пора бросить эти лицемѣрные чествованія доблестей, которыхъ не было и въ которыя менѣе всѣхъ вѣритъ тотъ, кто ихъ превозноситъ. Поговорка, что объ умершихъ не должно говорить худо, справедлива только въ отношеніи нашихъ личныхъ пріятелей и враговъ, но не въ отношеніи къ общественнымъ дѣятелямъ. Какъ египтяне, судившіе своихъ царей по смерти, мы должны безкорыстно и строго судить этихъ людей, если они, вмѣсто пользы, какую могли приносить, дѣлали вредъ; пусть это служитъ урокомъ живымъ.. И если мы не можемъ сказать всей правды, то не будемъ же, по крайней мѣрѣ, восхвалять». Одинъ (Я. К.) Гротъ меня поддержалъ. Плетневъ что-то пробормоталъ, прочіе молчали. И. И. Давыдовъ возразилъ, что «вѣдь А. И. Красовскій былъ тайный совѣтникъ», однако обѣщалъ смягчить свою хвалебную пѣснь.

9. Вторникъ. На-дняхъ обѣдалъ у графа Блудова. Онъ много говорилъ о Сперанскомъ и, между прочимъ, рассказалъ слѣдующее. Сперанскій былъ человѣкъ необыкновенный,—большой приверженецъ Наполеона и французской системы управленія, которую потомъ и у насъ ввелъ. Онъ, впоследствии, не любилъ императора Александра I, который платилъ ему тѣмъ-же и разъ, въ откровенномъ разговорѣ, сказалъ о Сперанскомъ одному изъ своихъ приближенныхъ: «Ты не знаешь, какой это трусъ и п—цъ». Однако, Сперанскій не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Его обвиняли въ двѣнадцатомъ году въ измѣнѣ, но это несправедливо, хотя императоръ Александръ этому вѣрилъ. По крайней мѣрѣ, онъ приводилъ въ доказательство виновности Сперанскаго частыя сношенія послѣдняго съ французскимъ посломъ. Карамзинъ защищалъ его въ этомъ передъ государемъ.

Еще, говорилъ графъ Блудовъ, Сперанскій былъ необыкновенно почтителенъ къ своей матери. Когда во дни его могущества она явилась къ нему повидаться,—мать его была простая деревенская попадья, одѣтая въ балахонъ и повязанная платкомъ,—онъ при встрѣчѣ съ ней, по старому русскому обычаю, упалъ передъ нею на колѣни и оказалъ ей всевозможные знаки сыновней любви и уваженія.

11-го числа. Засѣданіе въ академіи наукъ. Предсѣдательствовалъ президентъ. Были выборы въ почетные члены. Графъ

предложилъ очень много лицъ, большею частью все чуждыхъ академіи и наукъ. Сначала члены терпѣливо вляли бѣлые шары, но потомъ терпѣніе ихъ истощилось и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, потерпѣли достойные, въ пользу недостойныхъ. Такъ, напр., министръ внутреннихъ дѣлъ, Ланской, избранъ, а Тютчевъ и Мельниковъ (инженеръ) не выбраны. Графъ былъ недоволенъ и прекратилъ дальнѣйшіе выборы, изъ опасенія новыхъ пораженій.

14-го числа. Былъ на похоронахъ П. Г. Буткова, сенатора и члена академіи наукъ. Старикъ дотянулъ до восьмидесяти двухъ лѣтъ. Онъ былъ добрый и честный человекъ, а я лично питаю къ нему неизмѣнную признательность за помощь, которую онъ, въ былое время, оказалъ мнѣ—бѣдному, униженному юношѣ.

16. Понедѣльникъ. Князь Щербатовъ начинаетъ дѣйствовать очень странно. Онъ, между прочимъ, хочетъ уничтожить пансіоны при гимназіяхъ и стипендіи бѣднымъ студентамъ университета. Въ университетѣ дѣла идутъ дурно. Студенты остаются безъ нравственнаго руководства. Князь, очевидно, добивается популярности. Напр., студенты издають два рукописные журнала, которые, между прочимъ, наполняютъ всяческими ругательствами. Одинъ журналъ называется „Вѣстникъ свободныхъ мнѣній“, а другой, въ подражаніе Герцену, „Колоколь“. Попечитель это знаетъ и дозволяетъ. Но во избѣжаніе скандала, онъ объявилъ студентамъ, что самъ беретса быть ихъ цензоромъ и желаетъ, чтобы статьи предварительно показывались ему. Они и покажутъ ему пять, шесть статей невинныхъ, а затѣмъ прибавятъ къ нимъ нѣсколько и другихъ, которыя тоже пустятъ въ ходъ подъ покровительствомъ попечительской санкціи. Въмѣсто того, чтобы побуждать молодыхъ людей учиться, онъ поощряетъ ихъ быть журналистами и тратить время на пустяки, которые, въ концѣ концовъ, могутъ вредно отразиться на нихъ самихъ и имѣть пагубныя послѣдствія для всего сословія и заведенія.

18. Среда. Видѣлся съ государственнымъ статсъ-секретаремъ Бутковымъ. Вотъ какимъ онъ мнѣ повказался. Говорить онъ бойко и легко, и это, кажется, была одна изъ причинъ его быстрого возвышенія. Судить онъ очень либерально и, кажется, хочетъ такъ судить, чтобы казаться человѣкомъ времени, чело-

вѣкомъ просвѣщеннымъ, прогрессистомъ, потому что нынѣ на сторонѣ прогрессистовъ много умныхъ людей. Но сужденія его очень поверхностны: на нихъ очевидные слѣды слегка прочтеннаго или слышаннаго. Ничего глубокаго, основательнаго, государственнаго въ немъ не замѣтно. Это умъ бѣглый, по преимуществу легкій. Ему очень хочется казаться выше бюрократическаго порядка вещей, и потому онъ бранить бюрократію и защищаетъ принципъ сословной представительности. Но все это носить на себѣ печать незрѣлости и чего-то навѣяннаго, а не выросшаго изъ глубины собственныхъ убѣжденій и соображеній.

19. Четвергъ. Всеобщіе толки о такъ называемой эмансипаціи, приступъ къ которой всѣ прочли въ напечатанныхъ въ газетахъ семнадцатаго числа рескриптъ Назимову и въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ. Главное—приступъ сдѣланъ и назадъ идти нельзя.

22. Воскресенье. Въ публикѣ боятся послѣдствій рескрипта объ эмансипаціи—волненій между крестьянами. Многіе не рѣшаются лѣтомъ ѣхать къ себѣ въ деревню.

Никто не думаетъ, что освобожденіе крестьянъ будетъ имѣть благотѣльные послѣдствія для самого дворянства. А казалось-бы, что этого именно и слѣдовало-бы ожидать: оно должно дать ему болѣе политическаго значенія. Повелѣвая рабами, оно само было рабомъ... Но какъ скоро установится идея права между дворянствомъ и ему подвластными, то идея этого права непременно должна проникнуть и въ другія общественныя отношенія, должна получить повсемѣстное приложеніе. Сдѣлавъ этотъ шагъ, мы вступили на путь многихъ реформъ, значеніе которыхъ теперь нельзя съ полною вѣроятностью опредѣлить. Сила потока, въ который мы ринулись, увлечетъ насъ туда, куда мы не можемъ предвидѣть.

23. Понедѣльникъ. Въ номерѣ 270-мъ „С.-Петербург. Вѣдомостей“ напечаталъ я возраженіе противъ мысли Дала о вредѣ грамотности для нашего простаго народа. Мое возраженіе принято въ публикѣ очень хорошо. Слышу много изъявленій удовольствія и благодарностей.

24. Вторникъ. Наши журналы въ настоящее время почти исключительно наполняются описаніями разныхъ гадостей и сплетней нашего общественнаго быта. Я очень далекъ отъ того,

чтобы отвергать значеніе и пользу этого рода обличительной литературы, особенно въ данный моментъ. Но меня огорчаетъ крайняя исключительность такого направленія и слишкомъ тѣсная замкнутость ея въ узкой сферѣ интересовъ минуты. Она не только исключаетъ изъ своего круга, но и со злостью преслѣдуетъ все, что отзывается общечеловѣческими, возвышенными интересами, всякое стремленіе къ идеалу. Такое исключительное направленіе литературы, въ концѣ концовъ, не можетъ не быть вредно обществу, какъ все узкое, личное, зараженное нетерпимостью.

25. Среда. Графъ Блудовъ пригласилъ меня сегодня на открытіе надгробнаго памятника Жуковскому. Была отслужена панихида въ церкви и на могилѣ. Памятникъ сдѣланъ еще по указанію вдовы Жуковскаго изъ чернаго гранита, въ видѣ гробницы. По сторонамъ тексты изъ св. писанія. Онъ показался мнѣ массивнымъ и неуклюжимъ.

26. Четвергъ. Обѣдалъ у графа Блудова. Разговоръ о покойномъ государѣ. — „За нѣсколько часовъ до смерти его, рассказывалъ графъ, — ко мнѣ съ торопливостью подошли графъ Адлербергъ и князь Долгорукій и предложили мнѣ заняться сочиненіемъ манифеста о вступленіи на престолъ новаго государя.

— „Господа, отвѣчалъ я, — какъ можемъ мы говорить о манифестѣ, когда императоръ еще живъ. Время-ли думать объ этомъ? Нѣтъ! Я не буду писать манифеста, пока царствующій государь еще дышетъ“.

„Когда Николай Павловичъ скончался, меня позвали къ новому императору.

— „Скажите его величеству, отвѣчалъ я посланному — что я прежде пойду поклониться тѣлу государя, а потомъ, исполнивъ мой долгъ, я явлюсь къ нему“.

„Такъ я и сдѣлалъ. Государь принялъ меня очень благоклонно и съ глубокою горестью приказалъ мнѣ составить манифестъ“.

Много также говорилъ Блудовъ опять о Сперанскомъ. Сперанскій велъ дневникъ, находящійся теперь въ рукахъ Корфа, который занимается біографіею Сперанскаго. Дневникъ этотъ престранный. Онъ наполненъ такими пустяками и мелочами, что

заставляет предполагать, будто онъ писался съ намѣреніемъ скрыть настоящія мысли и наблюденія автора, на случай, если-бы бумаги его попали въ чужія руки.

29. Воскресенье. Актъ въ академіи наукъ. Два отчета: одинъ читалъ И. И. Давыдовъ, о дѣяніяхъ II отдѣленія, а другой—секретарь Веселовскій, о подвигахъ всей академіи. Иванъ Ивановичъ утомилъ слушателей своимъ акаеистомъ Иннокентію.

Послѣ акта академики собрались на обѣдъ въ шахматный клубъ, куда явились и президентъ, графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, и министр. Обѣдъ былъ хорошъ и, кажется, весель, какъ бывають всѣ наши оффиціальныя и полу-оффиціальныя обѣды. Тутъ всѣ дѣлаются большими друзьями и провозглашаютъ, вмѣстѣ съ тостами, самыя благія желанія и намѣренія. Я сказалъ моему сосѣду: „Какъ было-бы хорошо, если-бы вся жизнь человѣческая состояла изъ обѣда: сколько было-бы у насъ дружбы, добрыхъ начинаній, прекрасныхъ чувствъ. Вѣдь и здѣсь всего этого не мало, но жаль, что это переварится, вмѣстѣ съ съѣденнымъ обѣдомъ и тѣмъ все и кончится“. И. И. Давыдовъ сказалъ очень умный и приличный спичъ и—къ удивленію всѣхъ—безъ лести, хотя тутъ было-бы кому воскурить.

Послѣ обѣда я познакомился съ Беромъ, котораго давно уважалъ.

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВАСИЛІЙ ІВАНОВИЧЪ ТУМАНСКІЙ.

Изъ его бумагъ.

А. С. Пушкинъ.—А. А. Бестужевъ.—В. Н. Кюхельбекеръ.—П. И. Пестель.

По смерти Владиміра Ивановича Туманскаго, роднаго брата извѣстнаго поэта Василія Ивановича Туманскаго, намъ досталась часть бумагъ послѣдняго ¹⁾. Бумаги эти представляютъ бѣловныя и черновыя подлинники стихотвореній покойнаго поэта, но въ нихъ удалось намъ найти нѣсколько писемъ, которыя ниже и помѣщаются нами.

Два изъ нихъ (№№ 1-й и 2-й) писаны А. С. Пушкинымъ, который былъ въ большой дружбѣ съ В. И. Туманскимъ ²⁾.

Покойный Гербель, въ своей книгѣ: «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», Спб., 1880, изд. 2-е, стр. 322), сообщая біографію В. И. Туманскаго, между прочимъ, говоритъ: «Въ 1824 году, въ одну изъ поѣздокъ своихъ по службѣ въ Бессарабію, онъ познакомился и сошелся очень близко съ великимъ Пушкинымъ, съ которымъ съ тѣхъ поръ состоялъ постоянно въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, какъ это видно изъ уцѣлѣвшихъ писемъ къ нему великаго поэта, хранящихся въ семействѣ Туманскихъ»... Такимъ образомъ,

¹⁾ За доставленіе бумагъ приносимъ глубокую благодарность И. Л. Дейкуну.

²⁾ Пока сообщеніе г. С. Брайловскаго находилось въ архивѣ «Русской Старины», два приводимыхъ имъ здѣсь письма А. С. Пушкина явились въ сообщеніи графа Г. А. Милорадовича въ «Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» (апрѣль 1890 г.) и оттуда перенечатаны въ разныхъ газетахъ, между прочимъ, въ «Новостяхъ», 26 апрѣля 1890 г., № 113. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ сохранять эти же письма великаго поэта и на стр. «Русской Старины». Р е д.

печатаемыи нами два письма великаго поэта составляютъ только часть, быть можетъ самую незначительную, той переписки, какая велась между двумя поэтами по отъѣздѣ Пушкина изъ Одессы. До сихъ поръ въ печати, насколько намъ извѣстно, не появлялось ни одного письма Пушкина къ В. И. Туманскому (см. «Сборникъ Бартенева» и VII т. сочиненій Пушкина, изд. обществомъ для пособия нужд. литер. и ученыхъ); поэтому рѣшаемся познакомить публику съ доставшимися намъ письмами.

Въ нихъ находимъ нѣсколько любопытныхъ біографическихъ данныхъ о Пушкинѣ. Помимо намека на пріятелей, охотниковъ до толковъ, обращаетъ вниманіе упоминаніе о бурѣ. Тутъ, очевидно, разумѣется обстоятельство, ускорившее отъѣздъ великаго поэта изъ Одессы. Оно состояло въ нѣсколькихъ неосторожныхъ словахъ, написанныхъ поэтомъ въ одномъ изъ писемъ къ какому-то московскому другу. Слова эти были истолкованы въ иномъ смыслѣ и послужили причиною переѣзда Пушкина изъ Одессы въ село Михайловское. Переѣздъ этотъ совершенъ при необыкновенно суровой для нашего поэта обстановкѣ (см. Анненкова: «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху 1799—1826 гг.» Спб. 1874 г., стр. 261 и слѣд.). Кромѣ того, здѣсь находимъ упоминаніе о неудачной попыткѣ Пушкина освободиться изъ заключенія въ с. Михайловскомъ. Такъ какъ позволеніе ѣхать въ Псковъ поэтъ получилъ въ 1825 г., а планъ освободиться изъ заточенія разрушился въ октябрѣ того же года, то письмо Пушкина, въ которомъ онъ еще не знаетъ, удастся-ли планъ («...и кажется, только испортили мою участь»...) и которое помѣчено 13-мъ августа, должно быть отнесено къ августу 1825 года. Второе письмо поэта къ В. И. Туманскому относится, по всей вѣроятности, къ тому времени, когда Пушкинъ принялъ участіе въ изданіи Погодина «Московскій Вѣстникъ», по крайней мѣрѣ, мы не знаемъ лучшаго объясненія словамъ письма: «Подкрѣпи насъ прозою своею и утѣшь стихами...».

Что касается письма № 3-й, подъ которымъ находится подпись «Александръ», то намъ кажется, что оно принадлежитъ перу извѣстнаго романиста Александра Александровича Бестужева. Съ нимъ и другими литераторами В. И. Туманскій познакомился въ то время, когда проживалъ въ Петербургѣ и былъ избранъ въ члены Вольнаго общества россійской словесности. Просьба прислать что-либо на красное яичко, вѣроятно клонится къ тому, чтобы Туманскій прислалъ что-либо изъ своего литературнаго запаса въ издававшійся Бестужевымъ въ 1824 г. журналъ «Полярная Звѣзда». Этотъ А. А. Бестужевъ, за участіе въ дѣлѣ декабристовъ, былъ сосланъ въ солдаты на Кавказъ, гдѣ съ нимъ встрѣтился Пушкинъ. Письмо № 4-й писано,

вѣроятно, извѣстнымъ лицейскимъ товарищемъ А. С. Пушкина, Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ (1797—1846). Письмо, какъ видно изъ помѣты, писано задолго до 14-го декабря 1825 г., когда Кюхельбекеръ былъ осужденъ за участіе въ дѣлѣ декабристовъ на 20-ти-лѣтнюю каторгу. Впрочемъ, онъ вмѣсто каторги содержался въ Шлиссельбургской крѣпости, откуда, по высочайшему повелѣнію, 12-го октября 1829 г. переведенъ въ Динабургскую крѣпость. Два послѣдніе письма (№№ 5-й и 6-й) принадлежатъ перу извѣстныхъ декабристовъ. Письмо Пестеля писано на французскомъ языкѣ, поэтому мы прилагаемъ и переводъ его. Какъ извѣстно, онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими декабристами, главными виновниками бунта, былъ казненъ 13-го іюля 1826 г. Письмо писано, очевидно, въ 1825 г. или въ началѣ 1826, такъ какъ въ немъ высказывается надежда на прошеніе, слѣдовательно, Пестель еще не зналъ своей участи. Письмо Пестеля, кажется, было уже въ печати.

Сергѣй Врайловскій.

I ¹⁾.

13-го августа.

Буря, кажется, успокоилась; осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда. Милый мой Туманскій, у меня до тебя просьба, надѣюсь, что не откажешься оказать мнѣ истинное одолженіе. Вотъ въ чемъ дѣло: за нѣсколько дней передъ моимъ отъѣздомъ изъ Одессы, Савеловъ и я играли у Лучича; Лучичъ проигралъ мнѣ 900 р., изъ коихъ 300 заплатилъ мнѣ на другой-же день, а остальные 600 перевелъ на Савелова, который и согласился. При моемъ внезапномъ отъѣздѣ, я занялъ эти 600 р. у княгини Вяземской (съ согласіемъ-же Савелова), послѣ узнаю, что онъ отрекается отъ своего долгу. Деньги пропали, такъ и быть, но боюсь, чтобъ это не перетолковали мои пріатели, которыхъ у меня много, и всѣ охотники до толковъ. Расскажи это, просто *par manière de conversation*, Лучичу. Онъ человѣкъ честной и вѣрно не солжетъ въ дѣлѣ, касающемся до чести. Повторяю, что денегъ этихъ мнѣ не нужно, и что даже возиться съ Савеловымъ я не намѣренъ. Отпиши мнѣ отзывъ Лучича, вотъ и все.

Объ Одессѣ, кромѣ газетныхъ извѣстій, я ничего не знаю) напиши мнѣ что-нибудь. О себѣ скажу тебѣ, что я совершенно одинъ;

¹⁾ Сверху карандашомъ рукой, быть можетъ Туманскаго, написано: «Пушкина».

Царь позволилъ мнѣ ѣхать во Псковъ для операціи моего аневризма и Моэръ хотѣлъ ко мнѣ пріѣхать,—но я просилъ его не беспокоиться и думаю не тронусь изъ моей деревни. Друзья мои за меня хлопотали противъ воли моей, и кажется, только испортили мою участь. Что ты? Что твоя поэзія? Изрѣдка, и слишкомъ рѣдко, попадаютъ мнѣ твои стихи. Сдѣлай милость, не забывай своего таланта, боюсь, чтобъ проза жизни твоей не одолѣла поэзіи души. 'Дѣвушка вл. поэту—прелесть! сидя съ авторами ') одно не хорошо.

Не такъ-ли:

Со мной ведете-ль разговоры,
Вамъ замѣчательнѣй всего
Ошибки слога моего...
Безъ выраженья ваши взоры...

Кланяйся всѣмъ бывшимъ моимъ товарищамъ, свидѣтельствую свое почтеніе В. Д. и А. И. ²⁾). Прощай, мой милый.

Адресъ мой: въ Опочку, въ село Тригорское, ея высокородію Прасковѣ Александровнѣ Осиповой.

II.

Милый мой Туманскій! Ты вѣрно ко мнѣ писалъ, потому что вѣрно меня любишь по старому, но я не получалъ огъ тебя (ни) строчки. Ужь не почта-ли виновата?—справься и возьми свои мѣры. На всякій случай пиши на имя Погодина, къ книгопродавцу Ширлеву въ Москву. Кстати: надѣюсь на тебя, какъ на каменную стѣну. Погодинъ ни что иное, какъ имя, звукъ пустой—духъ же я, т. е.

¹⁾ Стихотвореніе «Дѣвушка—влюбленному поэту» написано В. И. Туманскимъ въ Одессѣ въ сентябрѣ 1824 г. Стихи, поправляемые А. С. Пушкинымъ, читаются въ подлинникѣ такъ:

Начну-ль бесѣдовать я съ вами,
Какъ будто сидя съ авторами,
Вамъ замѣчательнѣй всего
Ошибки слога моего.
Со мной ведете-ль разговоры,—
Безъ выраженья ваши взоры...

²⁾ Подъ Инициалами А. И., очевидно, разумѣется Александръ Ивановичъ Казначеевъ, правитель канцеляріи намѣстника Новороссійскаго края. Съ семействомъ Казначеева Пушкинъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. См. книгу П. В. Анненкова: «А. С. Пушкинъ». 253—256.

мы всё православные. Подкрѣпи насъ прозою своею и утѣшь стихами. Прощай, пришли «Одессу», мой отрывокъ.

А. П.

Нельзя-ли чего отъ Левшина? ¹⁾.

III.

1824 года 24 декабря.

Туманскому.

Юному поэту, обличенному въ похоти къ музамъ и подозрѣваемому въ обладаніи таланта кропать стихи, ползучій прозаикъ челомъ бьетъ!

Цензура положила эмбарго на твои стихотворные восторги, а я скажу, что хотя твоя послѣдняя пьеска очень мила, но не совѣтую тебѣ продолжать въ этомъ тонѣ большаго свѣта — это пахнетъ туалетною водою и должно въ послѣдствіи охладить сердце, а потомъ и слогъ. Mon cousin, будь ласковъ и пришли что-нибудь на красное яичко—махни-тко Державина! Мы поклонимся въ поясъ. О свѣтскихъ новостяхъ скажу тебѣ—что я танцевалъ съ В. августа во дворцѣ. 12 декабря она была мила, какъ ангель. Я не вылъзаю изъ бѣлыхъ панталонъ и изъ башмаковъ—это прескучно; тѣмъ скучнѣе, что не на кого вздыхать *attendu que la rime de Fiedl'n'y va pas...* я мучусь безстрастіемъ, но ты меня не узнаешь—такъ я потолстѣлъ съ горя. Теперь жду критикъ, которыя заждятъ на меня оговсюду; уже Блудовъ съ братією ополчается, а Москва тоже на заднія лапы встаетъ. Тѣмъ лучше—не будетъ бессонницы. Будь здоровъ, пиши ко мнѣ, но не вздоръ, а умно и благопристойно.

Прощай, mon très cher cousin. Замолви Пушкину за меня слово, онъ вѣрно меня разлюбилъ, что не прислалъ элегіи, у Воейкова напечатанной. Весь твой Александръ.

Спѣшу на перекладныхъ.

¹⁾ Оба письма, подъ заглавіемъ: «Два неизданныхъ письма А. С. Пушкина къ В. И. Туманскому» помѣщены графомъ Милорадовичемъ въ «Черниг. Губ. Вѣдомостяхъ» и изд. особымъ оттискомъ. Черниговъ 16 д. 1890 г., стр. 10.

IV.

Георгиевскъ, 18 ноября 1821 г.

Милый другъ Туманскій!

Ты видишь по этому второму письму моему, что я строже и со-вѣстиѣ намѣренъ исполнять свое обѣщаніе писать къ тебѣ, нежели могли мы то сдѣлать въ разсужденіи Старынкевича, Гудебскаго, господина Ахъ Готтъ, и проч., и проч.—Оно будетъ къ тебѣ доставлено Александромъ Ивановичемъ Якубовичемъ; ты его вѣрно знаешь по слуху; совѣтую тебѣ съ нимъ познакомиться: онъ человѣкъ исполненный чувства и благородства и пламенный любовникъ свободы. Онъ любить тебя заочно. Любезный другъ, что сказать тебѣ о моемъ положеніи? Оно много имѣетъ хорошаго, и довольно худаго. Начнемъ съ того, что я опять боленъ: но, Господу споспѣшествующу, надѣюсь вылѣчиться въ Тифлисѣ и быть осторожнѣе.

Писемъ я еще ни отъ кого не получалъ, кромѣ Яковлева. Но за то я увѣренъ, что въ Тифлисѣ ожидаетъ меня цѣлый пукъ и ужели въ этомъ пуку не будетъ цидулки отъ моего Туманскаго? Мѣста здѣсь волшебныя—Эльборусъ, Казбекъ etc. передъ моими глазами; но къ несчастію изъ города пельзы высунуть носа, чтобы не слышать о набѣгахъ господъ черкесовъ. Завтра мы перебираемся черезъ горы.

Мои занятія здѣсь еще собственно не начались, однако-же случилось мнѣ уже переписывать нѣкоторыя бумаги, отъ которыхъ волосъ дыбомъ: тотъ продаетъ людей, какъ скотовъ, по одиночкѣ, отводитъ имъ жиле въ погребяхъ, заковыываетъ въ желѣзо; та засѣкаетъ 12-ти-лѣтнюю дѣвочку,—спасибо Алексѣю Петровичу, онъ приберетъ ихъ къ рукамъ. Что касается до поэтическихъ вдохновеній—плохо, весьма плохо. Бродитъ кое-что въ головѣ, даже Байроновская поэма,—но все это не зрѣло и не цѣло. Что ты дѣлаешь, мой милый другъ? Дай Богъ или боги, чтобы всѣ они къ тебѣ были благосклоннѣе, чѣмъ ко мнѣ—и Аполлонъ, и Гигея (?—напис. неразборчиво); и Плутусъ, и Счастье! А пророс, долго-ли ты еще останешься въ Хохландіи? Пиши ко мнѣ, чтобы я, по крайней мѣрѣ, зналъ, куда адресовать свои цидулы и эпистолы. Получаешь-ли ты извѣстія отъ Альфонса? Не забудь, матушка, поклонъ доброму парижанину отъ меня! Прощай, любезный другъ! не забывай меня! Твой Вильгельмъ ¹⁾.

¹⁾ Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ.

V.

Письмо Якубовича къ отцу его.

1826. Юля дня. Сиб.

Батюшка! Въ послѣдній разъ мнѣ суждено говорить съ вами и я какъ откровенный солдатъ, обнаружу мою душу. Вы-бы могли требовать этого, какъ отецъ отъ сына, но я призналъ недостойнымъ носить имя это. Законы меня осудили; я погибъ, погибъ невозвратно. Надежда моя, вспорхнувши при переломѣ шпаги надъ полуразрушенною головою моею, опалила крылья на огнѣ, гдѣ горѣлъ знакъ, купленный презрѣніемъ къ жизни, и я достоинъ этой участи. Ахъ! для чего убійственный свинецъ на горахъ кавказскихъ не пресѣкъ моего бытія? Для чего я искалъ спасенія въ остріѣ моей сабли? Позоръ ужаснѣе смерти! Я былъ не столько въ душѣ преступникъ, сколько желалъ онымъ сдѣлаться. Самолюбіе подстрекало меня и сей порокъ ужаснѣйшій былъ причиною моей гибели. Батюшка! У васъ остался сынъ, предостерегите его моимъ печальнымъ примѣромъ; бѣдственная жизнь моя усладится мыслию, что я своимъ трупомъ заградилъ пропасть, ужасную для неопытныхъ. Еще одно желаніе, позабудьте на вѣки, что у васъ былъ несчастный сынъ, да не исполнится доброе сердце ваше горестію. Я справедливо наказанъ. Братъевъ, незабвенную сестру и почтеннѣйшаго Петра Ивановича мысленно привожу на память. О, чудо! слеза оросила изсохшее лицо мое.

Простите навсегда, любезные сердцу, я счастливъ воспоминаніемъ о васъ и нелицепріятною справедливостію государя.

VI.

Quel bonheur pour moi d'avoir vu encore quelques lignes, tracées par votre main, ma, bonne, ma bien chère Maman, et d'y avoir vu que vous m'accordez votre benediction, ce don le plus précieux et le plus cher à mon coeur. Dieu le sait mes bien chers et bons parens à quel point je vous ai aimés toute ma vie et comme ce sentiment remplissait mon âme en entier. Jugez-vous même d'après cela de tout mon desespoir pour le chagrin que je vous donne maintenant. Votre image ne me quitte pas un instant ni jour ni nuit et je ne saurais vous exprimer tout le terrible, tout le déchirant de vous causer tant de douleur..

Mon histoire actuelle est contenue dans ce peu de mots: j'ai aimé ma patrie avec passion, j'ai désiré son bonheur avec enthousiasme, j'ai cherché ce bonheur dans des projets qui m'ont fait manquer à ma vocation et qui m'ont jeté dans l'abîme, où je suis maintenant. J'aurais dû comprendre plutôt que c'est

à la Providence, à laquelle il faut s'en rapporter et ne pas vouloir prendre part à ce qui n'est pas au devoir positif pour la position dans laquelle l'Être Suprême nous a mis et ne pas vouloir sortir de sa sphère. Je le sentais déjà pendant l'année 1825, mais il était trop tard. Cependant si les regrets et la douleur, le repentir et le chagrin peuvent expier quelque chose, j'ose me flatter d'avoir expié mes erreurs. Je ne sais pas quel sera mon sort, si c'est la mort, je la recevrai avec joie. Je suis fatigué de la vie, mais quand je pense à vous, mes chers et bons parens, je voudrais que l'Empereur me fit grâce pour pouvoir vous consacrer toute ma vie, et à force de soins vous prouver toute la sincérité de mes sentimens pour vous. En tout cas, mes chers parens, vous serez ma dernière, comme vous avez été ma constante, pensée et mon dernier soupir sera encore un soupir d'amour pour vous. Vous savez, chers parens, avec quelle sincérité je vous ai toujours parlé de mes sentimens religieux. Vous savez que j'ai toujours eu une foi pleine et entière en Dieu, mais que ma croyance en Jésus Christ était plus faible. Eh bien: rejouissez vous à présent avec moi. Je l'ai trouvée cette croyance et la foi dans notre Sauveur est maintenant mon bonheur et ma consolation. Je vois la vie sous un autre aspect et la mort renferme de délicieuses espérances. Pouvais-je acheter ce bonheur trop cher?... Je vous aime tant, que je voudrais que vous puissiez même m'oublier entièrement car puisque j'ai votre bénédiction j'ai tout ce qu'il me faut. Si l'Être Suprême trouve bon que l'Empereur m'accorde ma grâce, je ferai tout pour repacer le passé—si non, je prendrai mon sort sans me plaindre ni murmurer. Que la volonté de Dieu soit faite. J'ai une reconnaissance infinie à l'Empereur pour le bonheur qu'il m'a permis de lire votre lettre. T. à v. Pestel.

(Переводъ). Какое счастье для меня было видѣть еще нѣсколько строкъ начертанныхъ вашею рукою, моя добрая и дорогая матушка, и узнать изъ нихъ, что вы шлете мнѣ свое благословеніе, этотъ самый драгоценный и дорогой для моего сердца даръ. Богъ знаетъ, мои дорогіе и добрые родители, какъ я васъ любилъ всю свою жизнь и какъ это чувство всецѣло наполняло мою душу. Судите-же по этому о моемъ отчаяніи при мысли объ огорченіи, которое я вамъ доставляю въ настоящее время. Вашъ образъ ни на минуту не покидаетъ меня ни днемъ, ни ночью, и я не умѣю вамъ выразить всего ужаснаго, раздражительнаго чувства при мысли о томъ горѣ, которое я вамъ причинилъ.

Вся суть моей исторіи заключается въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: я страстно любилъ свое отечество, съ энтузіазмомъ желалъ его счастья, искалъ осуществленія этого счастья въ проектахъ, которые заставили меня преступить свое предназначеніе (измѣнить своимъ обязанностямъ) и ввергли меня въ бѣдну, въ которой я нахожусь теперь. Я-бы долженъ былъ понять, что нужно вѣрится Провидѣнію и не принимать участія въ томъ, что не служитъ прямою обязанностию въ положеніи, въ которое поставилъ насъ Богъ (Верховное Существо), и не желать выйти изъ своей сферы. Я это чувствовалъ уже въ теченіи 1825 года, но было слишкомъ поздно. Но если сожалѣніе и печаль, раскаяніе и горе могутъ что-нибудь искупить, то я смѣю себя лѣстить надеждою, что я искупилъ свои заблужденія. Я не знаю, какая мнѣ предстоить судьба, если это смерть, то я приму ее съ радостью. Я усталъ жить, но когда подумаю о васъ, мои дорогіе и добрые родители, то хочу, чтобы импе-

раторъ помиловать меня, чтобы я могъ посвятить вамъ всю свою жизнь и посредствомъ заботъ своихъ доказать вамъ всю искренность своихъ чувствъ къ вамъ. Во всякомъ случаѣ, дорогіе мои родители, вы будете послѣднимъ, какъ были постояннымъ, предметомъ моихъ думъ, и мой послѣдній вздохъ будетъ въ то же время вздохомъ любви къ вамъ. Вы знаете, дорогіе родители, съ какою искренностью я вамъ всегда говорилъ о своихъ религіозныхъ чувствахъ. Вы знаете, что я всегда твердо вѣрилъ въ Бога, но что вѣра моя въ Иисуса Христа была слабѣе. Ну, такъ порадайтесь теперь со мною! Я нашелъ ее, эту вѣру, и вѣра моя въ нашего Спасителя служить мнѣ теперь счастьемъ и утѣшеніемъ. Я смотрю на жизнь съ другой точки зрѣнія, и смерть содержитъ въ себѣ сладостныя надежды. А такое счастье развѣ можно купить слишкомъ дорого?... Я такъ васъ люблю, что хотѣлъ-бы даже, чтобы вы могли меня совершенно забыть, потому что, нигдѣ ваше благословеніе, я имѣю все, что мнѣ нужно. Если Богъ (Верховное Существо) позволитъ, чтобы императоръ даровалъ мнѣ прощеніе, то я все сдѣлаю, чтобы загладить прошлое, если нѣтъ—то снесу свою судьбу безъ ропота и жалобъ. Да будетъ воля Божія! Я безконечно признателенъ императору за счастье, которое онъ доставилъ мнѣ позволеніемъ прочесть ваше письмо. Весь вашъ Пестель.

Собщ. 20 окт. 1889 г. С. Врайловскій.

Примѣчаніе. Пестель, Павелъ Ивановичъ, полковникъ, командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка, сынъ Ивана Борисовича Пестеля, почтъ-директора въ царствованіе императора Павла I.—Мать Пестеля—рожд. фонъ-Крохъ.

Павель Ивановичъ Пестель род. въ 1794 г., воспитывался въ Дрезденѣ, подъ руководствомъ просвѣщенной бабки; камерпажъ; по прибытіи въ Россію въ 1812 г., выдержалъ съ отличіемъ выпускной экзаменъ въ Пажескомъ корпусѣ; опредѣленъ прапорщикомъ въ л.-гв. Литовскій полкъ. Въ 1814 г. адъютантъ гр. Витгенштейна, дослужился до полковника; командовалъ Вятскимъ полкомъ, былъ комендантомъ въ Подоліи.

За участіе въ дѣятельности тайныхъ обществъ заключенъ въ 1825 г. въ Петропавловскую крѣпость;—† 13-го іюля 1826 г. въ С.-Петербургѣ.

Въ собраніи портретовъ русскихъ дѣятелей, въ редакціи «Русской Старины» имѣется два фотографическихкія кабинетныхкія снимка съ живописныхъ поясныхъ портретовъ Павла Ивановича Пестеля. На одномъ изъ нихъ Павелъ Ивановичъ, въ юныхъ лѣтахъ, оберъ-офицеръ, а на другомъ—уже въ полковничьихъ эполетахъ. Снимки сообщены изъ Смоленской губерніи кн. Друцкимъ Соколинскимъ.

Р е д.

АННА АЛЕКСѢВНА АНДРО,

рожденная Оленина.

Род. 11 авг. 1808 г., † 15 дек. 1888 г.

Когда мы обращаемся къ біографіямъ Гейне, Байрона, Мицкевича, Пушкина, Лермонтова и друг. великихъ поэтовъ — въ жизни каждаго изъ нихъ находимъ мы не мало страницъ, посвященныхъ тѣмъ женщинамъ, которымъ выпала доля быть вдохновительницами того или другаго поэта. Нашъ великій Пушкинъ былъ особенно отзывчивъ на впечатлѣнія женской красоты: Раевская, Кернъ, Вельяшева, Алябьева, А. О. Смирнова, Гончарова и друг. красавицы той эпохи вызвали много чудныхъ строкъ у великаго поэта. Одна изъ красавицъ пушкинской эпохи, которой мы обязаны не однимъ чуднымъ стихотвореніемъ великаго поэта, преклонявшася передъ ея красотю, на цѣлые полъ-вѣка пережила поэта, и скончалась лишь недавно, въ глубокой старости—мы говоримъ здѣсь объ Аннѣ Алексѣевнѣ Андро, рожд. Олениной, скончавшейся 15-го декабря 1888 г.

I.

Анна Алексѣвна Андро происходила изъ древней русской дворянской семьи Олениныхъ; отцомъ ея былъ извѣстный Алексѣй Николаевичъ, директоръ публичной бібліотеки и президентъ академіи художествъ, заслужившій себѣ незаблемую память въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ покровитель многихъ русскихъ талантовъ. Мать Анны Алексѣвны — Елизавета Марковна, была изъ дому Полторацкихъ, родная сестра извѣстному бібліофилу Полторацкому. Семья Олениныхъ состояла изъ пяти дѣтей: изъ нихъ три сына — Николай, Петръ и Алексѣй, и двѣ дочери—Варвара и Анна.

Анна Алексѣевна родилась 11-го августа 1808 г. ¹⁾.

Въ домѣ Олениныхъ, какъ связанныхъ узами родства со многими семьями изъ высшаго круга, какъ - то: Полторацкими, кн. Волконскими и друг., собирались многія изъ лицъ высшаго общества; кромѣ того, у Алексѣя Николаевича, какъ у директора библиотеки и президента академіи, собирались и литературные корифеи того времени, а также всѣ выдающіеся художники; у него бывали: Державинъ, В. Л. Пушкинъ, Жуковский, Батюшковъ, И. А. Крыловъ, Гнѣдичъ и друг. Всѣ они чувствовали себя въ домѣ преосвѣщеннаго Алексѣя Николаевича вовсе не стѣсненными, запросто обмѣнивались мыслями и впечатлѣніями, сообщали другъ другу литературныя и художественныя новости. Профессоръ, художникъ Ѳ. Г. Солнцевъ, въ своихъ Воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», съ особеннымъ чувствомъ воспоминаетъ домъ Олениныхъ, то общество, которое собиралось у просвѣщеннаго Алексѣя Николаевича, и умную, любезную мать семейства, Елизавету Марковну. Въ такой средѣ литераторовъ и художниковъ и выросла Анна Алексѣевна, ставшая еще дѣвочкою общею любимицею этого кружка. Въ домѣ Олениныхъ были особенно вхожи Крыловъ и Гнѣдичъ, оба баловавшіе «умную Анеточку», причѣмъ Гнѣдичъ потомъ съ гордостью заявилъ въ извѣстномъ стихотвореніи «Къ А. А. О.», что онъ ее «выносилъ на рукахъ», на что князь Сергѣй Голицынъ возразилъ, что «Анну Алексѣевну мы - де всѣ носимъ на рукахъ ²⁾». Гнѣдичъ, «выносившій Анну Алексѣевну на рукахъ», сохранилъ на всю жизнь впослѣдствіи самыя искреннія отношенія къ семейству Олениныхъ вообще и къ Аннѣ Алексѣевнѣ въ частности: всѣ стихотворенія Гнѣдича, относящіяся къ ней, проникнуты неизмѣнно искреннимъ, теплымъ чувствомъ. Ближайшими руководителями въ образованіи и воспитаніи Анны Алексѣевны были ея родители—Алексѣй Николаевичъ и Елизавета Марковна; по обычаю того времени, Анна Алексѣевна получила французское воспитаніе, но Алексѣй Николаевичъ вслѣдствіи старался поставить его и на родную почву, такъ, напримѣръ, всѣ

¹⁾ Изъ приведеннаго ниже въ извлеченіяхъ изъ бумагъ Анны Алексѣевны нежданнаго стихотворенія Гнѣдича выходитъ, будто Анна Алексѣевна родилась съ Гнѣдичемъ въ одинъ день, именно 3-го февраля; но это, очевидно, ошибка со стороны Гнѣдича, такъ какъ 3-го февраля былъ день рожденія не Анны Алексѣевны, а старшей сестры ея, Варвары Алексѣевны (родилась 3-го февраля 1802 г., скончалась 15-го сентября 1877 г.), бывшей въ замужествѣ за дѣйств. статск. совѣтн. Григоріемъ Никандровичемъ Оленинымъ.

²⁾ См. ниже въ извлеченіяхъ стихи кн. Голицына.

письма Алексѣя Николаевича къ дочери писаны всегда на русскомъ языкѣ; благодаря его-же просвѣщенному влиянію, Анна Алексѣевна сохранила на всю жизнь особенное пристрастіе къ изящнымъ искусствамъ и особенно къ поэзіи. Послѣ ея смерти осталось много переписанныхъ ею рукою стихотвореній различныхъ поэтовъ, а также собственныхъ ея опытовъ, въ видѣ рассказовъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Весело протекали юные годы Анны Алексѣевны въ блестящемъ кругу тѣхъ «лучшихъ людей», которые собирались въ домѣ Олениныхъ. Кружокъ этотъ состоялъ съ одной стороны изъ представителей высшей аристократіи, и писателей, художниковъ и музыкантовъ—съ другой; никакого раздвоенія въ этомъ кружкѣ не было; всѣ жили дружно, весело, душа въ душу; особенно весело проводилъ время оленинскій кружокъ въ Пріютинѣ—такъ называлась дача Елизаветы Марковны около Петербурга, за Охтой; дача эта отличалась прекраснымъ мѣстоположеніемъ: барскій домъ стоялъ здѣсь надъ самою рѣкою и прудомъ, оваймленными дремучими лѣсами ¹⁾. Здѣсь-то и веселилась молодежь оленинскаго кружка, ничѣмъ не стѣсняясь, съ чисто юношескимъ увлеченіемъ. Изъ забавъ была здѣсь особенно въ ходу игра въ шарды, которая въ даровитой семьѣ оленинскаго кружка являлась особенно интересною; по рассказамъ очевидцевъ, особенно уморителенъ былъ въ этой игрѣ Крыловъ, когда онъ изображалъ различныхъ героевъ своихъ басенъ... Между играми тутъ-же часто читали молодые писатели свои произведенія, а М. И. Глинка разыгрывалъ свои романы.

При такихъ условіяхъ и въ такой блестящей обстановкѣ выросла Анна Алексѣевна; не даромъ до послѣднихъ дней своей жизни она часто вспоминала эту чудную пору своей жизни. 17-ти лѣтъ Анна Алексѣевна была назначена фрейлиною къ императрицамъ: Маріи Теодоровнѣ и Елизаветѣ Алексѣевнѣ; при дворѣ она считалась одною изъ выдающихся красавицъ, выдвѣяясь, кромѣ того, блестящимъ и игривымъ умомъ и особенною любовью ко всему изящному; по этимъ «плѣнительнымъ грѣхамъ», какъ говорилъ Гнѣдичъ ²⁾, она и слави-

¹⁾ Кстати отмѣтимъ, что въ церкви с.-петербургской земледѣльческой колоніи малолѣтнихъ преступниковъ, за Пороховыми заводами, можно нынѣ видѣть отличный экземпляръ Евангелія, въ 6. листъ, въ дорогой оправѣ, нѣкогда подаренный И. А. Крыловымъ бывшему владѣльцу с. Пріютина—его другу А. Н. Оленину.

²⁾ См. послѣднее изданіе сочиненій Гнѣдича (Вольфа) I т., стр. 366, «Къ кающейся грѣшницѣ»,—въ этомъ изданіи не оговорено, что стихотвореніе это относится къ Аннѣ Алексѣевнѣ; въ бумагахъ Анны Алексѣевны это стихотвореніе было мною найдено въ одномъ изъ альбомовъ, причѣмъ оно переписано ея же рукою и озаглавлено: «Изъ письма», а подъ нимъ помѣта: «Одесса 1828».

лась при дворѣ. Къ этому періоду жизни Анны Алексѣвны относится и ея знакомство съ фрейлиною гр. Антониною Дмитріевною Блудовою, съ которою ее связывала тѣсная дружба до самой смерти Олениной. Къ тому-же времени слѣдуетъ отнести и болѣе близкое знакомство ея съ великимъ Пушкинымъ.

Пушкинъ былъ знакомъ съ Анною Алексѣвною еще раньше. Въ запискахъ своихъ о Пушкинѣ, напечатанныхъ въ «Библ. для Чт.» за 1859 г. и въ «Русской Старинѣ», изд. 1870 г. (томъ I, изд. I, стр. 258—272; изд. 2, стр. 227; изд. 3, стр. 230—243), Анна Петровна Кернъ рассказываетъ, какъ она однажды встрѣтила Пушкина на вечерѣ у Олениныхъ еще въ 1819 г. Пушкинъ тогда былъ только-что выпущенъ изъ лица. Изъ этихъ воспоминаній видно, что поэтъ на этомъ вечерѣ былъ совершенно увлеченъ А. П. Кернъ, о впечатлѣніи-же, произведенномъ Анною Алексѣвною на Пушкина, не говорится въ запискахъ ничего; впрочемъ, Анна Алексѣвна была тогда еще молоденькою дѣвочкою. Черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ вновь встрѣтился въ Петербургѣ съ Анною Алексѣвною, тогда уже слышшею одною изъ выдающихся красавицъ при дворѣ,—и тогда онъ увлекся ею не на шутку, хотя въ вышеуказанныхъ своихъ воспоминаніяхъ А. П. Кернъ увѣряетъ, что великій поэтъ никогда не питалъ серьезнаго чувства къ Аннѣ Алексѣвнѣ и что за глаза онъ будто даже смѣялся надъ нею. Конечно, вѣрить этому трудно, если не невозможно, хотя многіе изъ биографовъ Пушкина и комментаторовъ его всему разсказу А. П. Кернъ, безусловно пристрастному, повѣрили сполна. Чтобы убѣдиться въ противоположномъ, т. е. въ томъ, что Пушкинъ питалъ къ А. А. Олениной несомнѣнно серьезное чувство,—стоитъ лишь припомнить глубоко прочувствованное его стихотвореніе «Я васъ любилъ...», которое, какъ извѣстно, относится къ ней, да еще много другихъ пьесъ, относящихся къ А. А. Олениной, изъ которыхъ не одну А. П. Кернъ въ запискахъ относила къ себѣ¹⁾; прибавимъ къ тому-же, что менѣе всего можно подозревать Пушкина въ неискренности... Наконецъ, Ѳ. Г. Солнцевъ въ своихъ воспоминаніяхъ передаетъ, какъ фактъ, что Пушкинъ будто сваталъ Анну Алексѣвну, но браку такому воспротивилась Елизавета Марковна. Разсказъ профессора Ѳ. Г. Солнцева, лица весьма близкаго семейству Олениныхъ, вполне вѣренъ, хотя Анна Алексѣвна никогда при жизни не говорила о такомъ сватовствѣ Пушкина. Во всякомъ случаѣ, на осно-

Ниже приведено это стихотвореніе съ тѣми вариантами, которые встрѣчаются въ этомъ спискѣ.

¹⁾ Напр. «Примѣты», ст. «Б. д. Чт.» 1859 г., т. 4., стр. 138. А. У.

ваніи вышеизложенныхъ соображеній, мнѣніе А. П. Кернъ о характерѣ отношеній Пушкина къ А. А. Олениной совершенно опровергается, какъ высказанное очевидно пристрастно. Между тѣмъ, повторяемъ, многіе изъ біографовъ Пушкина отнесли къ запискамъ А. П. Кернъ безъ должной критики, а потому и не придавали серьезнаго значенія отношеніямъ поэта къ А. А. Олениной. Между тѣмъ, какъ серьезный тонъ стихотвореній Пушкина, относящихся къ А. А. Олениной, теплое чувство, которое въ нихъ проглядываетъ, несомнѣнно убѣждаютъ, что отношенія поэта къ А. А. Олениной основывались на чувствѣ серьезномъ.

Въ 1838 г. Анна Алексѣевна лишилась горячо любимой своей матери. Вскорѣ послѣ смерти Елизаветы Марковны, согласно ея послѣдней воли, Пріютно было продано въ чужія руки. Въ 1840 г. А. А. Оленина вышла замужъ за офицера лейбъ-гусарскаго е. и. в. полка Ѳедора Александровича Андро-де-Ланжерона. Послѣ смерти супруги Алексѣя Николаевича, Анна Алексѣевна находилась, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, при отцѣ, безотлучно до самой его смерти, т. е. съ 1838 (годъ смерти Елизаветы Марковны) до 1843 (годъ смерти Алексѣя Николаевича), и жила съ нимъ—лѣтомъ въ Павловскѣ, гдѣ Алексѣй Николаевичъ купилъ себѣ дачу, а зимою—въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской, въ собственномъ домѣ, принадлежащемъ нынѣ г. Грейгу (возлѣ дома мин. госуд. имущ.). Затѣмъ, вмѣстѣ съ мужемъ Анна Алексѣевна должна была покинуть Петербургъ и переѣхать въ Варшаву, гдѣ ея мужъ получилъ мѣсто адъютанта при Паскевичѣ. Переселившись въ Варшаву, Анна Алексѣевна оставалась въ этомъ городѣ уже до смерти своего мужа, который былъ въ теченіи 14 лѣтъ варшавскимъ президентомъ. Ѳедоръ Александровичъ Андро скончался 7 (19) іюля 1885 года, на 81 г. жизни; прахъ его былъ перевезенъ въ наслѣдственный замокъ Ланжероновъ, въ Nièvre, во Франціи, тамъ и похороненъ. Послѣ смерти мужа Анна Алексѣевна переѣхала въ имѣніе своего сына Ѳедора Ѳедоровича, въ м. Деражни, Ровенскаго уѣзда, Волынской губ., а оттуда, въ 1888 г.—въ имѣніе своей младшей дочери г-жи Уваровой, Новгородъ-Волынскаго уѣзда; близъ мѣстечка Корца, Срединные Деражни. Въ этомъ миломъ и уютномъ деревенскомъ уголкѣ доживала свои послѣдніе дни, уже дряхлую старушкою, Анна Алексѣевна, сохранивъ до самой смерти своей свѣжесть ума и свѣтлую память пережитаго прошлаго; покойная особенно любила часто гулять въ сосѣднемъ сосновомъ лѣсу,—здѣсь часто прохаживалась она, опираясь на костыль, вся погруженная въ свѣтлыя воспоминанія далекой, но незабвенной поры... Медленно угасала подъ бременемъ лѣтъ, средь чуждаго ей поколѣнія, Анна Алексѣевна,—

едва-ли ни послѣдняя представительница высшей женской среды пушкинской эпохи, пока наконецъ 15 декабря 1888 г. смерть не скосила ея, на 81 г. жизни.

Покойная, согласно собственному желанію, не разъ при жизни высказанному, похоронена въ сосѣднемъ женскомъ монастырѣ, въ м. Корцѣ, въ верстахъ 5 отъ Деражни. Могила ея находится у самой соборной стѣны на монастырскомъ кладбищѣ; надъ могилою воздвигнуть чугунный крестъ, на которомъ надпись гласить: «Анна Алексѣвна Андро, урожденная Оленина, род. 11 августа 1808, умерла 15 декабря 1888 г.». Бриллиантовый фрейлинскій шифръ покойной служить теперь украшеніемъ мѣстной иконы Божіей Матери.

Въ глуши маленькаго волынскаго мѣстечка упокоилась вѣчнымъ сномъ на 81 году старушка, выношенная и выросшая на рукахъ лучшихъ представителей золотого вѣка нашей литературы. Пока будутъ читаться чудныя строки, навѣяныя симпатичною личностью Анны Алексѣвны Пушкину и др. нашимъ поэтамъ, до тѣхъ поръ не должно быть забыто и ея имя!

II.

Пишущій эти строки имѣлъ счастье лично знать покойную Анну Алексѣвну уже старушкою, въ бытность ея въ Варшавѣ. Покойная въ бесѣдахъ охотно погружалась въ воспоминанія дорогаго ей прошлаго, которое она сохранила въ памяти съ мельчайшими подробностями. Не разъ думала покойная перенести свои воспоминанія на бумагу, — не разъ и бралась она за мемуары, но къ сожалѣнію, преклонныя лѣта, а отчасти и внѣшнія обстоятельства не позволили довести этихъ весьма интересныхъ записокъ до конца; да и то, что было написано, куда-то совершенно затерялось, — по крайней мѣрѣ пишущій эти строки между бумагами Анны Алексѣвны никакихъ записокъ не нашель. Было найдено одно письмо между бумагами покойной — письмо одного уважаемаго нашего литератора; въ этомъ письмѣ говорится о мемуарахъ Анны Алексѣвны, посланныхъ ему на разсмотрѣніе, причемъ относительно этихъ мемуаровъ тамъ сказано, что, судя по началу, они обѣщаютъ быть очень интересными... Желательно было-бы увидѣть въ печати хотя этотъ уцѣлѣвшій отрывокъ ихъ записокъ покойной А. А. Олениной, такъ какъ эти записки дали-бы много интереснаго изслѣдователю русской жизни первой половины нынѣшняго вѣка.

Покойная оставила семью, состоящую изъ трехъ дочерей и одного

сына. Старшая дочь, крестница императрицы Александры Ѳеодоровны—Александра Ѳеодоровна, была за мужемъ въ первый разъ за г. Гарбинскимъ, а нынѣ за г. Малковскимъ; Софія Ѳеодоровна вышла замужъ за барона Сталь-фонъ-Голштейнъ, а Антонина Ѳеодоровна—за Аполлона Аполлоновича Уварова, помѣщика Волынской губ. Наконецъ, сынъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Андро командуетъ (1889 г.) казачьимъ полкомъ на нашей западной границѣ.

Полагаю не безынтереснымъ привести здѣсь списокъ стихотвореній различныхъ нашихъ поэтовъ, относящихся къ Аннѣ Алексѣевнѣ:

- I. Пушкинъ: 1. Городъ пышный, городъ бѣдный. II т., стр. 31
 2. Ея глаза. II » » 32
 3. Ты и Вы II » » 38
 4. Примѣты. II » » 62
 5. Въ альбомъ (Что въ имени тебѣ). II » » 63
 6. Я васъ любилъ II » » 63
 7. Когда-бъ не смутное влеченье . II » » 145

Кромѣ того, имя Анни Алексѣевны упоминается еще въ стихотвореніяхъ:

1. А. Н. Вульфъ. II т., стр. 42
 2. To Dawe Esq. II » » 26
 Ссылки сдѣланы по изданію соч. Пушкина литературнаго фонда.

II. Николай Ивановичъ Гнѣдичъ:

1. Аветъ О Въ альбомъ I т., стр. 350
 2. Къ А. А. О. На полученіе вѣера I » » 354
 3. Къ А. А. О. Въ альбомъ. I » » 153
 4. Къ кающейся грѣшницѣ. I » » 366
 5. Отвѣтъ. Вы позволяете поэту молодому... Неизданное, найдено въ бумагахъ Анни Алекс.

6. 3-е февраля 1828 г. Неизданное, найдено въ бумагахъ Анни Алексѣевны Андро.

7. 4 февраля 1832 г. Неизданное, найдено въ бумагахъ Анни Алекс. (Три послѣднихъ еще неизданныхъ до сихъ поръ стихотворенія Гнѣдича помѣщены ниже).

Ссылки сдѣланы по изданію соч. Гнѣдича 1884 г.

III. Иванъ Ивановичъ Козловъ:

1. Къ Тирзѣ. II т., стр. 78
 2. Къ А. А. О. II » » 79
 3. Любви и жизни на разцвѣтѣ—неизданное, см. ниже, найдено въ бумагахъ Анни Алекс. Андро.

Ссылки сдѣланы по изданію стихотвореній Козлова 1840 г.

IV. М. Лобановъ.

1. Гвоздика. Аннѣ Алексѣевнѣ Олениной 1828. Автографъ между бумагами Анны Алексѣевны.

За дозволеніе воспользоваться оставшимися по смерти Анны Алексѣевны бумагами приносимъ здѣсь нашу искреннюю признательность Антонинѣ Ѳедоровнѣ Уваровой.

П. М. Устимовичъ.

I. Неизданныя стихотворенія Гнѣдича.

1. Аннѣ Алексѣевнѣ Олениной.

Февр. 4-го 1832 г.

Въ шуму сегодняшнихъ веселыхъ поздравленій,
Желаній дружескихъ, блестящихъ приношеній,
И сей смиренный вамъ привѣтъ
Васъ дружба старая принять усердно просить.
Быть можетъ, вамъ его въ послѣдній разъ приносить
Полуразрушенный поэтъ.
Его страданіе лишило

Всѣхъ благъ, которыя счастливаютъ нашъ сей свѣтъ;
Но сердце въ немъ весь пламень сохранило
Тѣхъ чувствъ, которыя такъ привлекаютъ насъ
Къ тому, что греками *καλος* именовалось;
Такъ въ немъ, пока оно въ груди моей осталось,
Въ немъ много кой чего останется для васъ.

Н. Гнѣдичъ.

Примѣчаніе. Автографъ этого стихотворенія находится въ бумагахъ Анны Алексѣевны. Написано стихотвореніе рукою Гнѣдича на четвертушкѣ бумаги, въ правомъ углу которой находится фабричное клеймо съ орломъ.

Прочувствованное стихотвореніе это написано Гнѣдичемъ ко дню ангела Анны Алексѣевны, т. е. къ 3-му февраля. Тихая грусть и сѣтованіе на одиночество поэта связываютъ въ этихъ стихахъ, какъ и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ Гнѣдича того времени, какъ напр. въ «Думѣ».

2. 3-го февраля 1828 г.

Изъ фрейлинъ лучшая Оленина Анета!
Я поздравляю васъ, поздравьте вы меня,
Мы оба родились теперешняго дня,
Какое счастье для вашего поэта!...
Рожденьемъ съ вами онъ не разнится и днемъ!

И хоть должны-бы насъ поразнить наши лѣта,
 Но разницы большой, по чести, нѣтъ ни въ чемъ
 Межъ мной и вами:
 Есть... не великая... будь сказано межъ нами,
 Какъ между розой и грибомъ.

Гнѣдичъ.

Примѣчаніе. Стихи эти переписаны рукою Анны Алексѣевны въ одномъ изъ альбомовъ. Стихотвореніе написано ко дню ангела Анны Алексѣевны, къ 3-му февраля, причѣмъ Гнѣдичъ принялъ по ошибкѣ день ея именинъ за день ея рожденія; Гнѣдичъ-же родился дѣйствительно 3-го февраля.

3. Отвѣтъ.

Вы позволяете поэту молодому
 Стихами съ вами говорить,
 Позвольте-же и мнѣ, больному и сѣдому
 Пѣвцу, вамъ правду объявить;
 Китайскій вѣрѣ миль, и вамъ поэтъ любезенъ;
 Но даръ его—едва-ли вамъ полезенъ,
 Къ чему онъ служить вамъ?..
 Иныя барышни къ былымъ ихъ красотахъ
 Манятъ зефировъ вѣрамаи;
 Зефиры къ вамъ летать охотно сами,
 Какъ пчелы на цвѣтѣхъ,
 Зефиры, знаютъ всѣ, въ прекрасномъ знатоки.

Н. Гнѣдичъ.

Примѣчаніе. Стихи эти переписаны въ томъ-же альбомѣ рукою Анны Алексѣевны. Начиная со стиха: «Китайскій вѣрѣ миль...» до конца,—это стихотвореніе напечатано въ послѣднемъ изданіи сочиненій Гнѣдича (1884 г.), но первые четыре стиха напечатаны не были.

Стихотвореніе это написано Гнѣдичемъ вотъ по какому поводу: одинъ изъ знакомыхъ Анны Алексѣевны, нѣкто Соломирскій, привезъ ей изъ Китая вѣрѣ, причѣмъ обратился къ ней по этому поводу съ плохими стихами. Гнѣдичъ, въ отвѣтъ на стихи Соломирскаго, и написалъ это стихотвореніе. Стихотвореніе Соломирскаго тутъ-же переписано рукою Анны Алексѣевны.

Изъ письма.

Когда-бъ всѣ грѣшницы подобны были вамъ
 И также каилися мило,
 Для многихъ преподобныхъ дамъ
 Отъ нихъ въ рай тѣсенько-бъ было.
 Я анаю, при дворѣ и вы негрѣшны,
 Я слышала, фрейлины васъ тяжело осуждаютъ,
 Что слышомъ милы вы, любезны и умны.
 Но фрейлины однѣ (причину, впрочемъ, знаютъ)
 Любезныхъ сихъ грѣховъ другъ дружкѣ не прощаютъ;

Не слушайте ихъ, я смѣло молвлю вамъ:
 Грѣшите каждый разъ, не ваясь іероу,
 Веселостью ума, любезностью своею,
 И будьте по такимъ плѣнительнымъ грѣхамъ
 Вы первой грѣшницей межъ петербургскихъ дамъ.

Одесса 1828 г.

Примѣчаніе. Стихи эти безъ подписи Гнѣдича переписаны рукою А. А. въ томъ-же альбомѣ. Стихотвореніе это написано Гнѣдичемъ въ Одессѣ, во время его поѣздки на югъ для поправленія здоровья въ 1828 г. Оно напечатано подъ заглавіемъ: «Къ кающейся грѣшницѣ», въ послѣднемъ изданіи соч. Гнѣдича, I т., стр. 361. Разрядка указываетъ на варианты, сравнительно съ текстомъ печатнымъ.

Въ томъ-же самомъ альбомѣ переписано рукою Анны Алексѣвны уже извѣстное въ печати стихотвореніе Гнѣдича: «И новый годъ, и альбомъ новый...» (Соч. Гнѣдича, т. I, стр. 145), при чемъ, вмѣсто заглавія, помѣта: «1827 г. генв. 3 дня»; вслѣдъ-же за этими стихами, оканчивающимися словами:

Но другомъ будьте вы васъ на рукахъ своихъ
 Носившаго поэта...

слѣдуетъ четверостишіе, переписанное тоже рукою Анны Алекс. и принадлежащее кн. Сергѣю Голицыну, вотъ оно:

Позвольте намъ, мамзель Анета,
 Просить, чтобъ вы насъ полюбили,
 Вѣдь не одинъ-же Гнѣдичъ, нѣтъ,
 Мы всѣ васъ на рукахъ носили.

Кн. Сергѣй Голицынъ.

Рукою Анны Алексѣвны въ томъ-же альбомѣ переписано еще и слѣдующее стихотвореніе, авторъ котораго не указанъ; вотъ оно:

Что вамъ я пѣлъ, какъ слѣдуетъ поэту,
 Вы это приняли, какъ барышнѣ должно;
 И оба правы мы—
 Я также льстець, обманщикъ,
 Какъ вы не умная, не милая Анета.
 Не въ томъ я каюсь, что въ альбомѣ сказала,
 А въ томъ, что какъ сказала я:
 Стижусь моихъ стиховъ,
 Когда читаю ваши!

Примѣчаніе. Судя по пятому стиху, эта пьеса также, вѣроятно, принадлежитъ перу Гнѣдича; по всей вѣроятности, это отвѣтъ Гнѣдича на укору Анны Ал. за комплименты, которые онъ ей расточалъ въ стихахъ: «И новый годъ и альбомъ новый..» Быть можетъ, это стихотвореніе переписано Анною Алексѣвною по памяти,—на это указываетъ нѣкоторая шероховатость стиха.

II. Неизданное стихотворение И. И. Козлова.

Въ томъ-же альбомѣ, гдѣ находятся вышеуказанныя стихотворенія Гнѣдича, переписаны рукою Анны Алекс. стихи: «Къ Тирзѣ», И. И. Козлова, съ помѣтою: «посвѣщено Аннѣ Алексѣевнѣ», а за нимъ слѣдующее неизданное стихотворение Козлова-же:

Любви и жизни на разцвѣтѣ,
 Вся прелесть радости земной
 Тебя плѣняетъ въ шумномъ свѣтѣ
 Своєю радужной мечтой.

Но если звукъ волненій страстныхъ
 И сердца горестный напѣвъ
 Встревожить здѣсь въ садахъ прекрасныхъ
 Блестящій хоръ веселыхъ дѣвъ,

Не сѣтуй,—но услышавъ пѣнье
 Разбитыхъ бурей пловцовъ,
 Благослови уединенье
 Своихъ пріютинскихъ лѣсовъ.

Ив. Козловъ.

8-го іюля 1828 г.

III. Экспромтъ И. А. Крылова.

Вотъ вамъ стихи!
 Не кушайте уши,
 А кушайте жаркое,
 Иль что-нибудь другое.
 Затѣмъ покорный вашъ слуга
 И гнусь предъ вами, какъ дуга.

Примѣчаніе. Переписано рукою Анны Алекс., въ томъ-же альбомѣ, съ обозначеніемъ: «Экспромтъ И. А. Крылова».

Далѣе тутъ-же переписано извѣстное стихотвореніе Пушкина: «Ея глаза», относящееся къ Аннѣ Алексѣевнѣ, причемъ стихи эти озаглавлены здѣсь: «Отвѣтъ» (на стихотвореніе вн. П. А. Вяземскаго «Черныя очи»),—а второй стихъ читается:

«Твоя Розетти егоза»

а внизу подъ текстомъ примѣчаніе: «смягчено», «придворныхъ витязей гроза»,—все это написано рукою Анны Алексѣевны.

На отдѣльномъ листикѣ почтовой бумаги, рукою А. А. переписано стихотвореніе Пушкина «Ты и вы», а внизу карандашомъ тою-же рукою приписано слѣдующее: «Анна Алексѣвна Оленина ошиблась, говоря Пушкину *ты*, и на другое воскресенье онъ привезъ эти стихи».

Стихи по случаю назначенія Анны Алексѣвны фрейлиною двора.

Раздавайтесь шумъ и клики,
Будетъ пиръ у насъ великій,
Грянемте ура! (bis)

Къ намъ Пріютина царевна
Ѣдетъ, Анна Алексѣвна,
Фрейлина двора! (bis)

Нѣмцы плачутъ, нѣмки стонутъ
И..... ') чуть не тонутъ
Въ пролитыхъ слезахъ! (bis)

Опершись на карабины,
Національныя дружины
Воютъ на часахъ! (bis)

На волынкахъ виртуозы
Разыграли ей сквозь слезы
Жалкій полонезъ! (bis)

И рисуясь вокругъ террасы,
Отставные гверельясы
Пляшутъ эккосезъ! (bis)

Но мы нѣмцевъ уничтожимъ,
Мы безъ нихъ поздравить можемъ
Фрейлины пріѣздъ! (bis)

Зажигайтесь-же букеты,
Разлетайтесь ракеты
Выше самыхъ звѣздъ! (bis)

Начинайся пиръ великій,
Раздавайтесь шумъ и клики,
Грянемте ура! (bis)

И да здравствуетъ царевна,
Наша Анна Алексѣвна,
Фрейлина двора! (bis)

Примѣчаніе. Стихи написаны на четвертушкѣ бумаги съ клеймомъ II₁ неавѣстною рукою, крупнымъ, не женскимъ почеркомъ; чье это стихотвореніе—неизвѣстно.

') Слово не разобрано.

Игра въ риемы.

Горить, горить, какъ свѣчка,
 Вашъ сѣро-бурый глазъ,
 Затоплентъ, какъ печка,
 Вашъ умъ, но знаю Азъ—
 Всему причиной Анна,
 Съ небесъ вамъ посланная манна.

А. Оленина.

Вамъ дана печка, а мнѣ картофель.
 Изжаривши картофель, я сѣлъ какъ разъ на стулъ
 И сталъ я ѣсть картофель, а свади Мефистофель
 Мнѣ въ ухо знаете-ли что надуль:
 Что слава въ мірѣ, какъ хлопущка,
 Надеждой.... будто безъ воды мука,
 И совѣсть, какъ несносная кукушка,—
 Избави отъ нея евангелистъ Лука.

А. Веневитиновъ.

Вы сущій льстецъ и лгунъ,
 А проситесь въ овечки,
 Про васъ кричатъ, что вы болтунъ,
 Вы-жъ забираетесь въ сердечки,
 И, поселившись тамъ, глаголете: авось
 Меня не выгонять, а вамъ рекутъ: небось.

А. Оленина.

Скажите-жъ, въ мірѣ что блаженство?
 Съ фортуной-ли трактать,
 Иль радостей всѣхъ совершенство?
 Не вѣрю въ счастье,—виновать,
 Гдѣ тѣнь его, тамъ съ нимъ обманъ нарочно.
 Потому и скорбь, и горести потому,
 Утѣхъ непостоянство только прочно,
 Вотъ что беруся я доказать перомъ.

А. Веневитиновъ.

«1836 г. апрѣль, среда. Въ Татищевомъ домѣ на Фонтанкѣ у Блудовыхъ».

Примѣчаніе. На четвертушкѣ бумаги все писано рукою Анны Алексѣевны.

Поздравительное стихотворение Алексѣю Николаевичу Оленину.

Ахъ, папенька,—одна-ли я,
 Какъ васъ привѣтствуютъ родные и друзья
 Какъ и всегда и рады такъ неместно,—
 Одна-ли буду я молчать?
 Нѣтъ, нѣтъ, и мнѣ уже извѣстно,
 Что дѣтямъ чувствъ не слѣдуетъ скрывать,
 А у меня отъ нихъ все сердце такъ и бьется....
 Чтобъ къ вамъ заговорить вотъ такъ оно и рвется....
 Но словъ я, папенька, не знаю, гдѣ сыскать—
 И! полно! что въ словахъ,—вѣдь я не сочиняю—
 Люблю васъ папенька! Вотъ что я только знаю
 И что хочу сказать!

«P. S.»

На оборотѣ листа написано:

«Анна Федоровна постарайтесь, чтобъ Анеточка это выучила наизусть, а я постараюсь, чтобъ она прочла хорошенько, какъ умненькая дѣвочка».

Примѣчаніе. Все писано рукою Елизаветы Марковны; упоминаемая здѣсь Анна Федоровна—это дѣвица, которая жила въ домѣ Олениныхъ, фамилія ея была Фурманъ; ей сильно симпатизировалъ, какъ извѣстно, Батюшковъ. Впослѣдствіи она вышла замужъ за г. Оома.

Объ Аннѣ Федоровнѣ Фурманъ см. въ біографіи К. Н. Батюшкова, превосходно написанной (нынѣ академикомъ) Л. Н. Майковымъ.

Шуточный договоръ между членами пріютинскаго кружка.

Лѣта отъ Рождества Христова 1834, ноября 7-го дня.

Мы нижепоименованные обѣщались и клялись г-жѣ статской со-вѣтницѣ Александрѣ княжѣ Андреевой дочери, женѣ Олениной, и ея супругу Алексѣю Алексѣвичу сыну Оленину, что буде мы еще будемъ обрѣтаться въ живыхъ, то непремѣнно и неизмѣнно чрезъ 19 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 8 дней, т. е. будущаго 1854 г. мая 15 дня, приѣдемъ или придемъ или инымъ образомъ прибудемъ въ мызу, такъ называемую Пріютино, или замокъ, если таковой будетъ построенъ, для учиненія разныхъ плясокъ и забавъ; а если, паче чаянія (чего впрочемъ Боже упаси), кто не въ силахъ будетъ въ оныхъ забавахъ и пляскахъ участвовать, то предоставляется онымъ лицамъ требовать приличнаго угощенія явствами и питіемъ, съ уговоромъ, особенно женскому полу, не быть.... въ чемъ и подписуемся на оборотѣ: Анна Блудова,

фрейлина Оленина, Д. Блудовъ за незнаніемъ грамоты руку приложилъ +, фрейлина А. Блудова, фрейлина Лидія Блудова, баронъ Всетенриксъ, графъ Ѳеодоръ Алопеусъ, Валеріанъ Савельевъ.

Сіе условіе въ домовой г. Оленина конторѣ явлено и въ книгу подъ № 11112-мъ записано. Ноября 8 дня 1834 г.

Конторщикъ Никифоръ Трусовъ.

Примѣчаніе. Договоръ этотъ написанъ на листѣ бумаги съ водянымъ бордюромъ и такимъ же вензелемъ «А. О.» и годомъ »1834».

Александра Андреевна Оленина, супруга Алексѣя Алексѣевича, рожденная княжна Долгорукая.

Подъ этимъ договоромъ собственноручныя подписи участвовавшихъ въ договорѣ; между ними подпись гр. Антонины Дмитриевны Блудовой графа Дмитрія Блудова и 8 сургучныхъ печатей съ гербами подписавшихся.

Письмо императора Александра Николаевича князю Паскевичу-Варшавскому.

Зная, любезный князь, ваши неизмѣнныя чувства къ нашему незабвенному государю и благодѣтелю, хочу передать вамъ еще его послѣднія слова къ своему отцу командиру. Вотъ они:

«Душевно благодарю князя Варшавскаго за его искреннюю привязанность и дружбу и за его геройскіе подвиги, коими возвеличилъ славу нашего оружія и поправилъ измѣну».

Слова эти весьма глубоко отзовутся въ вашемъ благородномъ сердцѣ; да будутъ они залогомъ и моихъ собственныхъ чувствъ къ вамъ, искренней привязанности и уваженія къ вашимъ заслугамъ царю и отечеству.

Да подкрѣпятъ насъ Богъ въ теперешнюю годину испытанія; обнимаю васъ; отъ глубины сердца васъ искренне любящій Александръ».

С.-Петербургъ.

19-го февраля 1855 г.

Примѣчаніе. Письмо это (извѣстное въ печати) сохранилось въ подлинникѣ въ бумагахъ Анны Алексѣевны; поступило оно къ ней, вѣроятно, случайно; мужъ ея, Ѳеодоръ Александровичъ Андро состоялъ личнымъ адъютантомъ при Паскевичѣ; Паскевичъ, быть можетъ, далъ ему для прочтенія это письмо, а оно у него осталось и затѣмъ по его смерти перешло къ Аннѣ Алексѣевнѣ Андро.

П. У.

Бѣглый взглядъ или быстрый вѣзоръ на Приютино ¹⁾ въ военномъ отношеніи.

1) Мѣстное положеніе.

Всему свѣту извѣстно, что Приютино лежитъ въ древней Ингерманландіи, а нынѣ Шлюшинскомъ уѣздѣ, при рѣкѣ Лубьѣ и обширномъ озерѣ, именуемомъ прудомъ и наполненнымъ карасями; подобное многоводное положеніе весьма способствуетъ развитію морскихъ силъ Приютина, о чемъ будетъ сказано ниже.

Мѣстное положеніе Приютина весьма выгодно въ военномъ отношеніи, ибо сама природа заботилась объ охраненіи границъ его отъ вторженія враговъ: широкій и глубокій прудъ составляетъ превосходное препятствіе съ запада, съ юга лежитъ дремучій лѣсъ (что за конюшнею и фруктовъ садомъ), не только непроходимый для непріятельскихъ войскъ и его артиллеріи, но даже столь опасный, что сами приютинцы (жители Приютина), собирая тамъ грибы и обдирая березы, должны надѣвать галоши и поднимать платье почти до колѣна; съ сѣвера и востока рѣка Лубья, быстрая и сердитая, со многими омутами, отдѣляетъ Приютино отъ земель Рябовскихъ, бывшихъ при покойномъ властелинѣ союзными, но сдѣлавшимися враждебными при вліяніи новой политики новаго претендента, называемаго *Garde-Choise*. Сіе обозрѣніе границъ уже показываетъ, что огражденное вокругъ естественными препятствіями Приютино и при малыхъ средствахъ можетъ быть неприступнымъ (?), но предусмотрительные властители сей земли имѣютъ важныя живыя силы въ помощь природѣ, что увидимъ ниже.

2) Военныя силы.

Удивительное и вмѣстѣ съ тѣмъ восхитительное разнообразіе господствуетъ въ составѣ военныхъ силъ Приютина; рассмотримъ все по порядку.

а) Сухопутное войско.

Постоянно содержимое на военномъ положеніи войско составляетъ Иванъ пастухъ, имѣющій всегда при себѣ ружье; въ случаѣ же опасности, всѣ приютинцы, хотя и мирно занимающіеся своими домашними работами, но въ душѣ воинственные и искусны въ битвѣ, — исправно вооруженные палками и инымъ смертоноснымъ оружіемъ, могутъ дать сильный отпоръ дерзкому, если онъ осмѣлится выстрѣлами пугать приютинцевъ (какъ это случилось въ 1835 г.) или похищать колеса

¹⁾ Приютино было имѣніе Олениныхъ у Петербурга, за Пороховыми заводами.

отъ кузницы (какъ это случилось въ 1834 г.), и отбить охоту къ подобнымъ незаконнымъ дѣйствіямъ.

b) Артиллерія.

Будучи самъ артиллеристомъ, я обратилъ особенное вниманіе при обзорѣннй сей части въ Пріютинѣ, и долженъ признаться, что кромѣ похвалы, ничего не могу сказать о семъ предметѣ. Артиллерія состоитъ изъ трехъ чугунныхъ орудій 7-золотниковаго калибра, на чугунныхъ же лафетахъ, столь оригинальныхъ и новыхъ (?) въ своемъ составѣ, что ихъ нельзя отнести ни къ одной изъ принятыхъ въ Европѣ системъ Грибовала, Вальера и Кангрева. Хотя должно признаться, что въ прошедшемъ 1835 г. при осмотрѣ сихъ орудій оказалось, что они покрыты довольно толстымъ слоемъ ржавчины (окись чугуна) и что у двухъ затравки заржавѣли и засосались, но опустивши сіи орудія съ лафетами въ котель со щелокомъ (сей вѣрный процессъ произвелъ поваръ Сенька) и пробивши затравки булавками съ помощью уксуса,— артиллерія снова пришла въ цвѣтущее состояніе.

c) Флотъ.

Морская сила состоитъ изъ ялика 2-хъ-весельнаго, могущаго поднять до 10 человекъ, въ томъ числѣ одного у руля и одного на носу; флотъ сей постоянно плаваетъ на водахъ пруда, ибо рѣка Лубья не судоходна, по причинѣ большихъ пороговъ около оранжереи. Сей флотъ плаваетъ подъ бѣлымъ флагомъ, въ среднемъ щитѣ коего изъ незабудокъ шифръ А. А. О.; всякій иной флагъ признается иностраннымъ. Обыкновенно яликъ употребляется для прогулокъ и ловли карасей, но въ минуту опасности, поставивъ на носу одно изъ выше-реченныхъ орудій, онъ можетъ выдержать морскую битву (чему и былъ примѣръ въ 1834 г., когда Мирза Эрафаръ на плотинѣ, что у острова Кроликовъ, хотѣлъ овладѣть пріютинскимъ флотомъ), тѣмъ болѣе, что пріютинцы не только отличные воины на сушѣ, но и отважные моряки.

d) Кавалерія.

По неимѣнію большихъ ровныхъ и открытыхъ пространствъ въ предѣлахъ Пріютина, кавалерія постоянно не содержится; есть, правда, Азинька и Бахусъ, и если ихъ осѣдлатъ и посадить на нихъ кого-нибудь, то составитъ довольно порядочный кавалерійскій отрядъ.

Итакъ, вы сами можете усмотрѣть, что въ помощь природѣ Пріютино можетъ тотчасъ же двинуть весьма соразмѣрныя военныя силы во всѣхъ родахъ.

3) Крѣпости.

Искусство также не мало способствовало усиленію Пріютина. На берегу пруда лежитъ подъ березою крѣпосца, называемая батареею,

расположенная съ большимъ искусствомъ, съ большими крутостями и широкими рвами,—она покровительствуетъ водѣ пруда и усиливаетъ дѣйствіе флота; крѣпосца сія разрушена и артиллерія хранится въ особомъ и крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ всякій любопытный можетъ и видѣть ее во всякое время. Также кузница, возвышенное мѣсто по ту сторону пруда, представляетъ превосходный передовой наблюдательный постъ.

Заключение.

Описавши въ подробности или, лучше сказать, бѣгло взглянувъ на Пріютино въ военномъ отношеніи, предоставляю моимъ читателямъ судить о силахъ и способахъ сей страны и средствахъ столь огромныхъ и ужасныхъ, что я съ своей стороны считаю Пріютино рѣшительно непобѣдимымъ,—тѣмъ болѣе, что на случай блокады магазины подъ вѣдѣніемъ генераль-криги-комиссара Алены Кирилловны наполнены огромными запасами, даже на нѣсколько дней.

«Артиллеристъ».

Примѣчаніе. Очеркъ этотъ найденъ между бумагами покойной Анны Алексѣвны. По сходству почерка можно предположить, что написанъ онъ Савельевымъ—человѣкомъ близкимъ къ семьѣ Олениныхъ.

Осетръ.

(басня).

Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю покорный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья.
Гласъ общій цѣну дастъ дѣламъ,
Изобличатся вѣроломства,
И на проклатіе вѣкамъ
Предается рабъ сей отъ потомства.

За высокими горами,
Межъ глубокихъ двухъ морей,
Быстрошумными волнами
Протекала рѣчка; въ ней
Рыбы разныя водились,
Жили дружно межъ собой,
Какъ умѣли веселились
Съ беззаботной головой;
Но когда же возмущали
Рыболовы тишину,

Всѣ мгновенно возставали
 На кровавую войну.
 Словомъ—вѣрны долгу были,
 Не падали силъ своихъ,
 Вѣрой, правдою служили
 И не вѣдали интригъ.
 Но вотъ задумалось Нептуну,
 Въ знакъ желанія добра,
 Выслать въ рѣчку Курауну
 Для правленья—осетра.
 Облеченный властью царской,
 Какъ прямой аристократъ,
 Пришелъ съ важностью боярской
 Въ царство дикое магнатъ.
 Всгдѣ за нимъ изъ океана,
 Изъ болотъ и изъ ручьевъ
 Налетѣли шарлатаны,
 Въ видѣ подленькихъ вьюновъ.
 Надо вамъ сказать, правитель,
 Какъ великій меценатъ,
 Былъ наукъ всѣхъ покровитель,
 Только часто невпопадъ.
 Онъ, желая улучшеній,
 Кто бы что ни предлагалъ,
 Безъ разумныхъ разсужденій
 Все съ восторгомъ принималъ.
 Чтобъ смягчить крутые нравы
 Простодушныхъ дикарей,
 Онъ придумывалъ забавы
 Океановъ и морей.
 Какъ тяжелого бояра
 Незабвенной старины,
 Его тѣшили фигляры
 И шуты, и пласуны.
 Врагъ порядка—онъ законовъ
 Дисциплины не терпѣлъ,
 На безчинство-жъ пустозвоновъ
 Съ наслажденіемъ смотрѣлъ.
 Въ нѣгѣ чувствами увялый
 Старецъ, выжившій изъ силъ,
 Бабы сплетни и скандалы
 До безумія любилъ.
 А дѣлами мимоходомъ
 Занимался,—такъ, шутя,
 Просто тѣшился народомъ,
 Какъ игрушкою дитя.
 Тотъ снискалъ его вниманье
 И награды получалъ
 Кто всѣ прихоти, желанья

Раболѣпно исполнялъ.
 Впрочемъ, вѣжливъ былъ владыка,
 Съ виду рѣдкой доброты:
 Всѣхъ отъ мала до велика,
 Подъ личиной простоты,
 Всѣхъ ласкалъ за панибрата,
 Популярностью слѣпихъ,
 Но подъ маской демократа
 Деспотически душилъ!
 А вьюны, бѣсенки чисто
 Проведуть хоть сатану,
 Не успѣютъ, какъ артисты,
 Тронуть слабую струну!
 Притащивши издалека
 Преогромное сверло,
 Занялись въ мгновенье ока
 (Все въ движеніе пришло),
 Принялись надъ берегами
 Въ камняхъ дырочки сверлить,
 Чтобъ подземными путями
 Рыбаковъ всѣхъ затопить.
 Тотъ лѣпныя украшенья
 Предлагаетъ въ камышахъ;
 Тотъ—тропичныя растенья
 Только что не на снѣгахъ.
 Подвижныя укрѣпленья
 И по камнямъ самолетъ.
 Появились агрономы,
 Тѣма ученыхъ мудрецовъ,
 Что съ наукой чуть знакомы,
 Партизаны всѣхъ сортовъ:
 Живописцы и актеры,
 Музыканты и танцоры,
 Униженно всѣ толпились
 У мишурнаго двора,
 Будто жалкіе родились
 Для потѣхи осетра.
 Не забыли то-жъ клеветы
 И словесности алтарь:
 Издавались двѣ газеты
 И претолстый календарь.
 Ихъ никто вѣдь не читаетъ,
 А бумагу лишь на вѣсъ
 Для обертокъ покупаютъ
 Къ довершенію чудесъ!
 Да вельможѣ что за дѣло,
 Лишь бы въ мірѣ водяномъ
 Слава дѣлъ его гремѣла,
 Хоть извилистымъ путемъ.

Хоть ерши и толковали,
Что въ проектахъ толку нѣтъ,
Что вьюны изображали
Только пuffy для газетъ;
Такъ что всё нововведенья
Безполезный лишь расходъ,
Просто краю раззоренье,
Не считая ужъ хлопоть.
Имъ изъ страха не внимали
Ослѣпленные умы,
И отъ смѣлыхъ убѣгали,
Какъ отъ гибельной чумы.
А вьюны, дѣла смекая,
Всюду пишутъ и кричатъ:
«Чудеса творить для края
Нашъ великій меценатъ!
Посмотрите—въ диву міра
Чудесами вся полна,
Будетъ новая Пальмира
Наша дѣлая страна!
Берега мы всё изроемъ
И торговлю оживимъ,
Груды золота отроемъ,
Свѣтъ богатствомъ удивимъ».
Но когда пойдутъ войною
Противъ жителей земли,
Тутъ вьюны, примкнувши къ строю,
Ловко вьются издали
И, съ триумфомъ возвращаясь,
Отъ тревоги на покой,
Смѣло врутъ, не заняясь,
О побѣдѣ небыллой:
«Мы враговъ всёхъ разогнали,
Навели повсюду страхъ,
Сѣти въ ключья мы порвали
И разсѣяли, какъ прахъ!»
И за эти серенады,
За прислуги безъ трудовъ,
Ливнемъ сыпались награды
На усердныхъ крикуновъ.
Кто-же правды придержался,
На обману указалъ,
Тотъ мятежникомъ считался
И въ немилость попадалъ.
Что-же вышло? Охлажда
Жизни полная страна,
Дисциплина ослажда,
Справедливость изгнана;
Рыбы ужъ не то, что были,

Всѣхъ кружила суета,
 Службу вѣрную смѣнили
 Лишь пронырство, клевета!
 Только слышишь, что подъ судъ
 Безъ разбора отдають,
 Истязаютъ, истребляютъ
 И изъ рѣчки выживаютъ!
 А спросите—да за что-жь?
 Такъ, здорово вотъ живешь!
 Не танцуешь по желанью
 Подъ любимую струну,—
 Или надобно изгнанье,
 Чтобъ мѣстечко дать въюну.
 Между тѣмъ,—судите сами,—
 Обитателей рѣки
 Ужь не удочкой, сѣтями
 Похищаютъ рыбаки;
 Да добро-бы на границѣ
 Отъ оплошностей какихъ,
 А то около столицы
 Нѣтъ прохода для своихъ.
 Долго бѣдныя страдали,
 Какъ опальные рабы,
 И смиренно возсылали
 Къ богу водъ свои молебны.
 Вотъ услышаны моленья
 Испытуемыхъ судьбой:
 Осетрину по прошенью
 Отпустили на покой.
 И когда пришлецъ убрался,
 Вслѣдъ ему со всѣхъ сторонъ
 Громъ проклятій раздавался.
 Сколько зла надѣлалъ онъ!
 Пуще-жь всѣхъ его дѣянья
 Порицають изъ всѣхъ силъ
 Тѣ, кому онъ безъ сознанья
 Больше всѣхъ благотворилъ.
 Такъ правитель знаменитый,
 Въмѣсто чайнныхъ похвалъ,
 Укоризнами покрытый,
 Меду правдивую стяжалъ.

Такъ ничтожны всѣ затѣи
 Къ усыпленію умовъ,
 И такъ шатки мавзолей
 Честолюбія рабовъ.
 Только тамъ все процвѣтаетъ,
 Къ совершенству все идетъ,
 Тамъ лишь власть благословляютъ,

Благоденствуетъ народъ,—
Гдѣ ярмо страстей не давитъ
Стережущихъ
Гдѣ народомъ правда правитъ
И недремлющій законъ.

Юля 24-го дня 1854 г.

Примѣчаніе. Стихотвореніе это найдено между бумагами Анны Алекс. Андро; переписано оно крупнымъ писарскимъ почеркомъ на восьмушкахъ листа; внизу помѣта: «24 юля 1854 г.». «Басня» эта написана, какъ это явствуетъ изъ ея содержанія, на кн. М. С. Воронцова, бывшаго намѣстникомъ Кавказа, и, сколько помнимъ, была уже напечатана въ одномъ изъ повременныхъ изданій, именно въ «Русскомъ Архивѣ»; печатаемъ однако «Осетра» вновь, въ виду значительной распространенности этого, довольно впрочемъ плохаго, стихотворенія.

П. У.

Предсмертное письмо Е. А. Олениной.

Приводимъ копію, какъ отмѣчено на ней: «съ собственноручнаго письма, писаннаго Е. М. Олениною передъ кончиною своею къ д. т. с. Оленину—вѣроятно въ іюнѣ 1838 г.».

«Тяжело мне единственный другъ мой огорчать тебѣ, не быть всю жизнь мою все мысли и желанія мои на угожденіе твое, но пришелъ часъ где готовясь предстать передъ Господа решилась открыть тебѣ желанія мои, дабы ты другъ мой сказать мне могъ, если я въ желаніяхъ моихъ, но не въ приказахъ—несправедлива.—По ежеминутнымъ моимъ страданіямъ кои ни тебѣ ни семейству моему не извѣстны, я чувствую что конецъ мой близокъ и по тому, не желая предстать передъ Господомъ съ ношею греховъ моихъ, желала-бы другъ мой сердечный знать мненія твое на щотъ распоряженія малаго имѣнія моего.

«Во первыхъ желаю, чтобъ после смерти моеѣ, ты другъ мой былъ распорядитель имѣнія моего, и по тому къ тебе адресуюсь въ исполненіи желанья моего.

«1) Желаю, чтобъ Борисцово и Ушаково принадлежало сыну моему Петру Алексѣвичу.

«2) Такъ какъ Пріютино будить после меня тебе другу моему тяжело видѣть, и напоминать меня, а между темъ при послѣднихъ минутахъ жизни моеѣ винится въ грѣхахъ моихъ, то должна признаться, что Пріютино по состоянію нашему намъ въ тягость — и по тому Алексѣю Алексѣвичу еще боліе его будетъ содержать въ тягость и по тому желаю после смерти моеѣ—чтобъ его продали».

Примѣчаніе. Письмо переписано писарскою рукою, съ отмѣткою Алексѣя Николаевича вверху: «копія». Нами сохранена ореографія письма. Эту послѣднюю волю своей супруги Ал. Ник. послалъ своей дочери, Аннѣ Алексѣевнѣ, при слѣдующей запискѣ:

Пріютно, 17-го іюля 1838 г.

Какъ участница въ имѣніи покойной твоей матери и безцѣнной моей Елизаветы Марковны, я препровождаю къ тебѣ копію съ своего ручнаго ея ко мнѣ письма, писаннаго не задолго до ея кончины и найденное между ея бумагами въ особомъ портфельѣ 13 сего іюля мѣсяца. Письмо это откроетъ тебѣ попеченіе покойницы объ общемъ нашемъ спокойствіи и благосостояніи.

Вѣрный тебѣ другъ и любящій отецъ Алексѣй Оленинъ.

Письма Алексѣя Николаевича Оленина къ дочери его Аннѣ Алексѣевнѣ.

I.

10-го іюля 1839 г.

Всѣ уѣхали и я остался одинъ въ высокихъ, широкихъ и душныхъ палатахъ. Тяжело одиночество, тяжело какъ все не въ ладъ идетъ,—а это моя участь. Надоѣло мнѣ все съ боя получать и вѣчно бороться съ судьбою. Я это очень хладнокровно говорю. Будучи увѣренъ, что чему быть, тому не миновать!

Будь только здорова. А. О.

Адресъ: «Аннѣ Алексѣевнѣ Олениной.

Дано изъ *moment de melancholie*—черной немочи».

Примѣчаніе. Писана записка на лоскутѣхъ бумаги, собственноручно Ал. Ник.

II.

Я сей часъ воротился съ осады Пскова и видѣлъ, какъ подорвана была стѣна этого города и сколько тутъ легло поляковъ и другихъ намъ враждующихъ народовъ,—однимъ словомъ, я видѣлъ подмалеванную картину Карла Брюллова, и перенесъ себя мысленно во Псковъ, гдѣ въ 1581 году происходило то, что на яву сегодня видѣлъ, въ мастерской Карла Брюллова—чудо да и полно!

Я послѣшаю по сему поводу къ тебѣ писать, ибо ему нужны пособія для отдѣлки его картины, а безъ милостиваго вниманія и повелѣнія его императорскаго высочества государя великаго князя Михаила Павловича трудно ему будетъ. Просьба же его состоитъ въ слѣдующемъ: въ прекрасномъ собственномъ арсеналѣ его высочества находится многое оружіе, которое можетъ служить образцами: шлемамъ, шишакамъ, латникамъ, мечамъ, бердышамъ и полному европейскому того времени вооруженію.

Не будетъ-ли его высочество столько милостивъ, чтобъ позволить мнѣ, по прежнимъ примѣрамъ, брать изъ арсенала его высочества, по выбору Карла Брюллова, для осады Пскова въ лицахъ то оружіе, которое по тогдашнему времени можетъ ему служить образцомъ, въ сохранности-же и цѣлости оныхъ я буду отвѣчать подписными росписками (?) и своей головой. Мнѣ сказывали, что его императорское выс. изволить ѣхать сегодня ночью въ Новгородъ, весьма-бы нужно было этого дѣла сегодня-же обдѣлать до отъѣзда. Я тебя завтра къ вечеру буду ожидать—между тѣмъ будь здорова и всѣ наши павловскіе. А. О.

Приложенную при семъ записку нельзя-ли доставить Алексѣю Павловичу Ушакову для скорѣйшаго доклада его высочеству.

III.

6-го іюня 1834 г.

Вотъ, мой другъ безцѣнный, первое наше письмо къ тебѣ (я говорю наше потому, что при немъ письмо къ тебѣ маменьки твоей) въ чужіе края! Думалъ-ли я, милый другъ Анюта, въ началѣ года, чтобъ я къ тебѣ сталъ писать въ чужіе края въ половинѣ того-же лѣта. Мы знаемъ, что эта поѣздка можетъ тебя избавить отъ большихъ страданій, испѣлать отъ несносной болѣзни, а разлука съ тобою все очень тяжела, какъ ни разсуждай—вотъ настоящее себялюбіе... egoisme... но что дѣлать? homo sum—человѣкъ бо есмь и какъ вспомню, что нѣтъ моей Анюты... такъ сердце и зашеметитъ, а отъ него, а отъ него занокуютъ (?) и пальцы у лѣвой, а послѣ у правой руки! Но полно объ этомъ говорить. Дай Богъ только скоро свидѣться по-добру по-здорову. Что-то ты теперь дѣлаешь—пріѣхала-ли ты къ Шварцамъ, въ Добберанъ или, по крайней мѣрѣ, въ Травемюнде или въ Любекъ? И пріѣхала-ли благополучно? Вотъ что насъ теперь занимаетъ! На первый случай я теперь подъ № 1 (всѣ письма мои будутъ подъ №№ по книжкѣ, что и тебѣ совѣтую завести), на первый случай, говорю я, пишу къ тебѣ въ Добберанъ *poste-restante*, а также въ Любекъ. Которое нибудъ изъ сихъ двухъ писемъ къ тебѣ дойдетъ. Мы всѣ, слава Богу, живы и здоровы, вчера мы обѣдали у Варюши, которая была очень мила; сегодня въ ночь я отправляюсь въ Пріютино. Милую мою Софью Борисовну благодарю и цѣлую заочно. Константинъ былъ у Г. И. и очень хорошо былъ принятъ. У насъ здѣсь ничего новаго нѣтъ, кромѣ того, что князь В. П. Кочубей пріѣхалъ вечеромъ въ Москву, а на другой день по утру не стало—*une goutte remontée*—вотъ какъ мы всѣ подъ Богомъ ходимъ; затѣмъ, да будетъ надъ тобой мое благословеніе—вѣрный тебѣ другъ и отецъ А. Оленинъ.

IV.

С.-Петербургъ, 13-го іюня 1834 г.

Настоящій нумеръ третій послая въ Любекъ *poste restante* — слѣдственно, это письмо добавленіе перваго, въ которомъ я сказывалъ тебѣ, какъ вашъ (?) пароходъ встрѣтился съ Александромъ подъ Борнгольмомъ въ 36 миляхъ отъ Любека. Какъ мы ожидали твоихъ писемъ и рѣшительнаго назначенія, куда именно къ вамъ писать и, наконецъ, обѣщаніе прислать тебѣ прелестный романъ Греча—«Черная женщина», чтобъ ты русскаго языка не забыла и, пріѣхавши, не говорила-бы *ich kann nicht verstehen—ich kann nicht bestimmt sagen*, чего нашъ великій Суворовъ на смерть не любилъ! Я здѣсь повторю тебѣ, что мы всѣ живы и здоровы. Александрина у насъ... Маша Петрова пріѣхала съ Лизой и съ упитаннымъ своимъ теленкомъ — съ Сергѣемъ Петровичемъ—она-же крѣпко выпѣла... Затѣмъ прощай, все это уже было сказано въ наибольшемъ № 3,—цѣлую заочно Софью Борисовну, Бориса и тебя.

Вѣрный тебѣ другъ и отецъ Ал. Оленинъ.

Адресъ:

A mademoiselle (Annete) d'Olenine Demoiselle d'honneur de S. M. L'Imperatrice de Russie. Аннѣ Алексѣвнѣ Олениной à Dobberan dans le duchs de Mecklenburg, *poste restante*.

Всѣ копія сообщенныхъ здѣсь, на стр. «Русской Старины» бумагъ, сняты съ дозволенія дочери покойной Анны Алексѣвны Андро—Антонины Феодоровны Уваровой, въ іюль 1889 г., въ деревнѣ Средняя Деражня, Новгородъ-Волынскаго уѣзда. Приносимъ глубочайшую благодарность Антонинѣ Феодоровнѣ за это сообщеніе.

Сообщ. П. М. Устимовичъ.

г. Луцкъ, Вол. губ.
16-го ноября 1889 г.

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ТЕОДОРОВНА ВЪ ЕЯ ПИСЬМАХЪ

къ Лафонъ и Пальменбахъ, рожд. баронессѣ Черкасовой,

1797—1802.

Представляя здѣсь двадцать восемь писемъ императрицы Маріи Теодоровны, необходимымъ считаю сообщить, что изъ нихъ 15 собственноручныхъ пожертвованы мною Смольному монастырю, гдѣ и хранятся въ архивѣ совѣта сего заведенія.

Остальныя же 13 достались мнѣ въ видѣ копій, списанныхъ моею бабушкою. Подлинники были у нея выпрошены разными почитателями и почитательницами государыни-благотворительницы.

Кстати замѣчу, что еще недавно, въ 1880-хъ годахъ, явились въ печати письма императрицы Маріи Теодоровны къ кн. С. М. Голицыну, къ Нелединскому-Мелецкому, Муханову и начальницѣ Московскаго Еватерининскаго института Пѣвцовой (всего слишкомъ 400 писемъ); изданы они были инья почетнымъ опекуномъ Нейдгартомъ, другія—почетнымъ опекуномъ кн. Шаховскимъ-Стрѣшневнымъ.

Баронъ **Э. А. Вюлеръ.**

№ 1.

St.-Petersbourg, ce 5 février 1797 ¹⁾.

En cédant au désir que vous m'avez témoigné, madame, d'avoir une aide, j'ai fixé mon choix sur madame de Palmbach; j'y ai été déterminée surtout par ce qu'étant votre élève, et ayant joui pendant douze ans de vos soins, je suis assurée de trouver en elle les mêmes principes et le même attachement pour notre Communauté. Si vous

¹⁾ Lettre adressée à Madame Sophie de Lafont, Dame d'Honneur.

Бар. **Э. А. В.**

approuvez mon choix, madame, je m'empresserai à le soumettre à la décision de l'Empereur, et munie de sa permission, je vous prierai alors d'en faire vous-même la proposition à madame de Palmbach: j'espère vous voir aujourd'hui, madame, et vous assurer de vive voix de mon amitié. Marie.

С.-Петербургъ, сего 5 февраля 1797 г. ¹⁾.

[Переводъ]. Уступая желанію, которое вы мнѣ выразили, имѣть помощницу, я остановила свой выборъ на г-жѣ Пальменбахъ; меня побудило къ этому особенно то, что она ваша воспитанница и пользовалась двѣнадцать лѣтъ вашими попеченіями, почему я увѣрена, что найду въ ней тѣ-же правила и ту-же привязанность къ нашему Смольному. Ежели вы одобрите мой выборъ, то я посѣлшу представить оный на утвержденіе императора, и получивъ его разрѣшеніе, попрошу васъ сдѣлать самой предложеніе объ этомъ г-жѣ Пальменбахъ; надѣюсь васъ видѣть сегодня и завѣрить васъ изустно въ моей дружбѣ.

Марія.

№ 2.

St.-Pétersbourg, ce 27 février 1797.

Vous avez désiré, madame, recevoir vos instructions sur les devoirs de votre place tracées par ma main, quoiqu'en vérité le zèle, que vous marquez n'en exigerait aucune autre que celle de suivre toujours la même impulsion; mais pour condescendre à vos désirs, je vais entrer dans les détails, que vous m'avez demandés. Les soins que notre bonne madame de Lafond a donnés et donne à la Communauté sont le modèle de ceux, que je vous demande. Je désire, madame, qu'en premier lieu vous donniez vos soins au partage des classes d'après le nouvel arrangement. Celui-là fait, il faudra s'occuper d'un choix bien sévère de toutes les dames de classe destinées à la classe blanche. En général, je ne saurais assez vous recommander cet article, il est le plus essentiel de tous; vous saurez, madame, que d'après mon nouvel arrangement, les Inspectrices doivent répondre de leurs dames de classe: voilà pourquoi j'exige que ce soient elles qui les proposent, pour qu'ensuite la responsabilité puisse être exigée d'elles; il en est de même pour les maîtres, qui doivent être proposés par Kirjack, qui doit répondre de leur conduite, de leurs moeurs et de leurs connaissances. Je désire, madame, que vous assistiez souvent en classe, que vous fassiez de même souvent la revue des dortoirs. Je désire recevoir chaque semaine le rapport de conduite de chaque classe; je veux que ce rapport soit partagé sous deux rubriques, l'une sera pour la conduite, l'autre pour l'application. Les maîtres marqueront, après

¹⁾ Письмо, адресовано статсъ-дамѣ Союзъ Ивановъ Даковъ. Бар. Ф. А. В.

chaque leçon, par un mot à côté du nom de chaque demoiselle, si elle a été appliquée ou non; les Inspectrices en feront de même pour la conduite. Ces listes me seront remises chaque Dimanche matin. Les dames de classe sont soumises aux Inspectrices, celles-là vous le sont, madame, et toutes le sont à notre bonne vieille maman. A la fin de chaque semaine, les dames de classe feront le rapport aux Inspectrices du déchet en linge, habits etc., etc., qui pourrait exister. Les Inspectrices vous le diront et vous en avertirez Mouravieff, qui a le soin général de l'économie de la maison. Je désire, madame, que vous alliez de temps en temps à l'infirmerie, tant des Nobles, que des Bourgeoises, aux classes desquelles vous voudrez bien assister aussi de temps en temps, comme aussi au dîner et souper des D-elles, où je voudrais que vous fissent quelquefois des apparitions, pour que l'attente de vous voir partout tienne toute la maison en ordre. Je vous recommande instamment, madame, d'accompagner chaque Dimanche nos élèves à l'église et de leur y faire observer le plus grand silence, le plus profond respect. Vous voudrez leur inculquer de bonne heure, que leur premier devoir est d'être bonnes chrétiennes; vous veillerez particulièrement à l'instruction de la religion et à ce que cette leçon se prenne surtout avec attention, respect et recueillement. Vous recommanderez aux Inspectrices de veiller à ce que chaque enfant fasse régulièrement matin et soir sa prière, non pas par la seule habitude, mais par ce sentiment intime, qu'on doit leur inculquer du devoir et du bonheur, que le chrétien trouve à épancher son âme à Dieu, et à Lui demander Son assistance. Si une Dame de classe ou une Inspectrice remarque qu'un enfant soit ou négligent ou paresseux à remplir ce devoir, c'est une faute à marquer dans le rapport, qui me sera présenté. Chaque Samedi, dans chaque classe on lira aux enfants le rapport, qui me sera fait le Dimanche, et vous joindrez ensuite, madame, à cette lecture des remontrances à celles qui l'auront mérité, et des témoignages de contentement à celles qui se seront bien conduites. Vous voyez, madame, que j'exige beaucoup de vous, mais par l'excellente opinion que vous m'avez inspirée, j'en attends encore davantage. Je vous aiderai, madame, en tout ce qui dépendra de moi, et je ferai consister ma plus grande satisfaction à concourir avec vous, à travailler au bien-être de nos charmants enfants. J'attends de vos nouvelles par m-me de Lafond et par vous, deux fois la semaine pendant mon absence, je vous répondrai avec exactitude et vous renouvellerai toujours avec plaisir l'assurance, que je suis votre affectionnée Marie ¹⁾.

¹⁾ Переводъ этого письма напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1890 г., т. LXV, мартъ, стр. 824—826.

№ 3.

Pawlowsk, ce 4 Mars 1797.

En vous remerciant, ma chère madame de Palmbach, de bonnes nouvelles, que vous me donnez de la chère Communauté, je vous prie de dire à la Tuchachewski, que je suis charmée de voir ses bonnes dispositions, et que je l'engage beaucoup à tâcher de quitter l'hôpital dès que sa santé le lui permettra. Pour finir toutes les difficultés sur la sortie de la Suchtelen, j'ai envoyé le paiement du restant de sa pension à m-r de Solmonof. Tous les détails, que vous me promettez me feront toujours le plus grand plaisir; mes amitiés à notre bonne vieille Maman, et à toutes nos chères élèves. Adieu, madame, ménagez votre santé, et ne vous fatiguez pas au-delà de vos forces, votre conservation est bien nécessaire et précieuse; comptez toujours sur les sentiments de votre affectionnée Marie.

Павловскъ, сего 4 марта 1797 г.

[Переводъ]. Благодаря вамъ, любезная г-жа Пальменбахъ, за добрыя вѣсти, сообщаемыя мнѣ вами о дорогомъ Смольномъ, прошу васъ сказать Тухачевской, что я весьма радуюсь, видя ея хорошія способности, и очень убѣждаю ее стараться покинуть больницу какъ только ея здоровье ей это позволитъ. Чтобы покончить со всѣми затрудненіями по поводу выхода дѣвницы Сухтеленъ, я выслала г-ну Соймонову остальную плату за ея содержаніе. Всѣ общаемыя мнѣ вами подробности будутъ доставлять мнѣ всегда величайшее удовольствіе; мой дружескій привѣтъ нашей доброй старой маменькѣ и всѣмъ нашимъ любезнымъ воспитанницамъ. Прощайте, берегите свое здоровье, и не утомляйтесь сверхъ силъ; сохраненіе васъ очень нужно и драгоценно; расчитывайте всегда на чувства вамъ доброжелательной Маріи.

№ 4.

Ce 6 Mars 1797 ¹⁾).

Je m'en remets entièrement aux Inspectrices et à vous, ma chère madame de Palmbach (de même qu'à madame de la Fond) pour le choix des Dames de classe. Chaque choix, qui aura passé par la forme prescrite sera approuvé par moi. Quant au nombre des maitres de musique, je m'en remets à vous, parceque le nombre de 4, qu'on m'a demandé, me paraît fort; mais c'est à vous à juger s'il est nécessaire. Grâce à Dieu, que nos malades vont mieux: je vous prie de dire à Acht qu'il marque toujours séparément sur la liste des malades celles, qui le sont plus sérieusement. J'envoie des poires à la Communauté;

¹⁾ Cette lettre ne s'est conservée qu'en copie.

je fais mes tendres compliments à mad. de la Fond, et vous embrasse toutes deux, vous recommandant bien instamment nos petites. Votre bien affectionnée Marie ¹⁾).

№ 5.

Ce 9 Mars, à une heure après minuit ²⁾).

Quoique bien fatiguée, mesdames, cependant je n'ai pas voulu partir demain sans vous dire encore une fois adieu et vous assurer de mon souvenir et amitié; j'approuve parfaitement, ma chère madame de Palmbach, votre projet de réunir les jours de fêtes nos élèves dans la salle et de les faire danser; cet exercice, pris modérément, ne peut que leur faire du bien et former leur maintien; je suis bien aise d'avoir réussi à faire plaisir à madame votre mère et vous fais mon compliment de sa convalescence. J'ai reçu de bonnes nouvelles de mademoiselle Nélidoff de sa première couchée, elle et ses compagnes se portent bien; je lui ai mandé, que vous la regrettez toutes, étant bien sûre du plaisir qu'elle éprouvera de se voir aimée de notre bonne maison. Je vous charge, mesdames, d'assurer toute la Communauté de mon souvenir; je serai bien charmée, quand je me retrouverai parmi vous et que je pourrai vous renouveler de bouche, mesdames, les assurances de ma sincère affection. Marie.

Mes compliments au bon Mouravieff.

Сего 9 марта, въ часъ пополуночи ³⁾).

[Переводъ]. Хотя крайне усталая, я не захотѣла, однако-же, уѣхать завтра, не простившись еще разъ съ вами и не увѣривши васъ въ моей памяти и дружбѣ; я одобряю совершенно, любезная г-жа Пальменбахъ, ваше намѣреніе собирать въ праздничные дни нашихъ воспитанницъ въ залѣ и заставлять ихъ танцовать; это упражненіе, предаваясь ему умѣренно, можетъ принести имъ только пользу и научить ихъ держать себя; я очень рада, что мнѣ удалось доставить удовольствіе вашей матушкѣ и поздравляю васъ съ ея выздоровленіемъ. Я получила хорошія извѣстія отъ дѣвicy Нелидовой съ ея перваго ночлега; она и ея подруги здоровы. Я извѣстила ее о томъ, что вы всѣ сожалѣете объ ея отсутствіи, будучи очень увѣрена въ удовольствіи, которое она испы-

¹⁾ Переводъ этого письма напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1890 г., мартъ, стр. 826.

²⁾ Cette lettre ne s'est conservée qu'en copie, faite par Madame de Palmbach elle-même; il est à supposer que l'original était écrit en entier de la main de l'Impératrice.

³⁾ Это письмо сохранилось только въ копіи, писанной самою г-жею Пальменбахъ; надо полагать, что подлинникъ былъ написанъ императрицею весь собственноручно.

Бар. О. А. В.

тасть, видя себя любимою въ нашемъ хорошемъ заведеніи. Поручаю вамъ, милостивыя государыни, передать всему Смольному, что я о немъ помню. Мнѣ будетъ очень пріятно, когда я увижу себя снова среди васъ и когда буду имѣть возможность возобновить вамъ изустно увѣренія въ моей искренней благосклонности.

Марія.

Поклонъ отъ меня доброму Муравьеву.

№ 6.

Je fais un peu la difficile, ma chère madame de Palmbach, pour l'équipage à accorder à Rosetti, parceque recevant 1000 r. de gages il peut fort bien s'en fournir, vu que les maîtres de mes enfants n'en reçoivent pas davantage et que l'on ne leur donne jamais l'équipage, que pour venir à la campagne; aussi je voudrais, que nous mettions nos nouveaux maîtres sur ce même pied. Je suis bien contente de ce que vous accompagnerez nos jeunes élèves à l'église, c'est un point fort important, sur lequel je vous conjure de porter toute votre attention, car sans une véritable dévotion la vie de l'homme sera toujours hérissée d'épines. Adieu, ma chère madame de Palmbach, j'embrasse madame de Lafont et suis votre bien affectionnée Marie.

Mes compliments à la chère Communauté.

[Переводъ]. Я нѣсколько противлюсь, любезная г-жа Пальменбахъ, тому, чтобы давать экипажъ г-ну Росетти, потому что, получая 1,000 р. жалованья, онъ имѣетъ вполне возможность нанимать себѣ таковой, въ виду того, что учителя моихъ дѣтей не получаютъ болѣе и что имъ никогда не дается экипажа, кромѣ какъ для поѣздокъ за городъ; поэтому, я хотѣла-бы, чтобы наши новые учителя состояли на томъ же самомъ положеніи. Я очень довольна тѣмъ, что вы будете сопровождать нашихъ юныхъ воспитанницъ въ церковь, это вопросъ весьма важный, на который я убѣдительно прошу васъ обращать все ваше вниманіе, ибо безъ истиннаго благочестія жизнь человѣка всегда будетъ усѣяна терніями. Прощайте, любезная г-жа Пальменбахъ, обнимаю г-жу Лафонъ и пребываю вамъ весьма доброжелательная.

Марія.

Мой поклонъ дорогому Смольному.

№ 7.

Waldai, ce 11 (22) Mars 1797.

Notre voyage est des plus heureux jusqu'à ce moment où nous avons les plus beaux chemins et un temps superbe. Tout en m'éloignant de vous je pense infiniment à ma chère communauté, à vous, ma chère madame de Palmbach et à notre bonne vieille maman. J'approuve très-fort vos arrangements pour les maîtres et vous ferez inscrire le

nom de chacun, qui manquera son heure. Quant aux maîtres de musique, quoique je trouve la somme de 800 R. un peu forte, il faudra bien passer par là s'ils sont bons. Bien mes amitiés à madame de la Fond et à tous nos bons enfants; je vous embrasse, ma chère madame de Paembach, et vous assure de l'amitié de votre bien affectionnée Marie.

Bien en hâte.

Вагдай, сего 11 (22) марта 1797 г.

[Переводъ]. Наше путешествіе изъ самыхъ благополучныхъ до сей минуты, пока мы пользуемся прекраснѣйшими дорогами и превосходною погодою, Удаляясь отъ васъ, я много думаю о моемъ дорогомъ Смольномъ, о васъ, любезная г-жа Пальменбахъ, и о нашей доброй, старой маменькѣ. Я чрезвычайно одобряю ваши распоряженія на счетъ учителей; приежайте также записывать фамилію каждаго, кто пропуститъ свой урокъ. Что касается до учителей музыки, хотя я и нахожу сумму 800 р. нѣсколько большою, но придется помниться съ этимъ, если они будутъ хороши. Мой дружественный привѣтъ г-жѣ Лафонъ и всѣмъ нашимъ добрымъ дѣтамъ; обнимаю васъ, любезная г-жа Пальменбахъ и увѣряю васъ въ дружбѣ вамъ весьма доброжелательной

Маріи.

Очень тороплюсь.

№ 8.

Pétrowsky ¹⁾, ce 20 Mars 1797 ²⁾.

Nous sommes heureusement arrivés ici, mesdames, et faisons des courses bien fréquentes à Moscou, qui nous plaît infiniment; cependant toutes ces distractions ne m'empêchent pas de penser souvent à ma chère Communauté, qui me tient bien au coeur; hier, en parcourant la maison des enfants trouvés qui renferme douze cents enfants, je me disais: que ne puis-je en faire autant à la Communauté et me voir entourée de mes charmants enfants; je suis enchantée des bonnes nouvelles, que vous me donnez de l'application de nos enfants, de leur émulation, et je vois, avec grand plaisir, que nos nouveaux arrangements font un bien réel à la maison; j'ai vu sur le rapport des malades qu'une de vos filles, ma chère madame de Palmbach, est indisposée; que lui manque-t-il? La Touchatschefskey est donc encore malade; l'est elle en effet, ou est-ce une continuation de ses anciens maux? La jolie petite Gégouline et la petite Louise ³⁾ ne me paraissent

¹⁾ Т. е. Петровскій дворецъ, не доѣзжая Москвы.

²⁾ Cette lettre ne s'est conservée qu'en copie tirée par madame de Palmbach elle-même. Il est à supposer que l'original était écrit en entier de la main de l'Impératrice.

³⁾ Принцесса Бяронъ, впоследствии графиня Вельгорская. Бар. О. А. В.

aussi pas revenues encore? Parlez m'en, je vous prie, dans vos lettres; embrassez de ma part la jolie petite bleue pour la consoler des larmes qu'elle a répandues, cet enfant est bien intéressant. Adieu, mesdames, nous sommes tous par voie et par chemin, qu'on n'a guère un instant à soi. Mes compliments à madame de Heyking ¹⁾, mes amitiés à tous nos enfants et aux Inspectrices. Nos voyageuses se portent très bien; je vous embrasse de tout mon coeur toutes deux. Marie.

Петровский дворецъ. Сего 20 марта 1797 г. ²⁾.

[Переводъ]. Мы благополучно прибыли сюда и совершаемъ очень частыя поѣздки въ Москву, которая намъ чрезвычайно нравится; однако-же, всѣ эти развлечения не мѣшаютъ мнѣ думать часто о моемъ дорогомъ Смольномъ, который очень близокъ моему сердцу; вчера, обозрѣвая Воспитательный Домъ, который вмѣщаетъ въ себѣ тысячу двѣсти дѣтей, я говорила себѣ: отчего я не могу также посѣтить Смольный и видѣть себя окруженною моими прелестными дѣтьми? Я въ восторгѣ отъ хорошихъ извѣстій, мнѣ вами сообщенныхъ, о прилежаніи нашихъ дѣтей, объ ихъ соревнованіи, и я вижу съ большимъ удовольствіемъ, что наши новыя распоряженія приносятъ заведенію дѣйствительную пользу; я узнала изъ донесеній о больныхъ, что одна изъ вашихъ дочерей, любезная г-жа Пальменбахъ, нездорова; чѣмъ она больна? А Тухачевская опять больна; дѣйствительно-ли это такъ, или это есть продолженіе ея прежнихъ недуговъ? Хорошенькая маленькая Жегулина и маленькая Луиза, мнѣ кажется, также еще не поправились? Увѣдомляйте меня о нихъ, прошу васъ, въ вашихъ письмахъ. Обнимите отъ меня хорошенькую маленькую голубую, чтобы утѣшить ее въ слезахъ, которыя она пролила; этотъ ребенокъ возбуждаетъ большое участіе. Прощайте, мы до того въ разъяздахъ, что не остается свободной минуты. Мой поклонъ г-жѣ Гейкингъ, мой дружескій привѣтъ всѣмъ нашимъ дѣтямъ и инспектрисамъ. Наши путешественницы совершенно здоровы; обнимаю васъ отъ всего моего сердца обѣихъ. Марія.

№ 9.

Apostille, ce 20 Mars.

Après avoir fermé ma lettre, je me rappelle d'une commission de notre cher Empereur, celle de demander quand les étendards seront prêts pour les gardes à cheval; il désirerait les recevoir encore ici: si cela est faisable, vous me feriez grand plaisir; je vous prie de faire mes compliments à mademoiselle Lwof et de la prier d'y donner tous ses soins. Adieu, ma chère madame de Palmbach, je vous embrasse de tout mon coeur et suis sincèrement votre bien affectionnée Marie.

¹⁾ Баронесса Гейкингъ, дочь г-жи де Лафонъ.

²⁾ Это письмо сохранилось только въ копія, писанной самою г-жею Пальменбахъ; надо полагать, что подлинникъ былъ написанъ императрицею весь собственноручно.

Приписка, сего 20 марта.

[Переводъ]. Запечатать мое письмо, я вспоминаю объ одномъ порученіи нашего дорогаго государя,—спросить когда штандарты будутъ готовы для конной гвардіи; онъ желалъ-бы получить ихъ еще здѣсь; если это возможно, то вы доставили-бы мнѣ большое удовольствіе; прошу васъ передать мой поклонъ дѣвицѣ Львовой и попросить ее приложить къ этому всѣ свои старанія. Прощайте, любезная г-жа Пальменбахъ, обнимаю васъ отъ всего сердца и пребываю искренно вамъ весьма благосклонная.

Марія.

№ 10.

Petrowsky, ce 23 Mars 1797 ¹⁾.

Je commence, mesdames, par vous avouer, que l'état dans lequel se trouve mon esprit me met hors d'état de vous écrire moi-même aujourd'hui et me force à me servir d'une main tierce. J'ai bien reçu tous les rapports que vous m'avez envoyés et suis fort contente de leur teneur. Il s'agit actuellement, mesdames, d'un service par lequel vous pouvez plus que jamais me convaincre de votre sincère attachement pour moi, en remplissant bien exactement tout ce que j'ai à vous dire. Je viens de recevoir la triste nouvelle de la mort de madame de Benkendorf. Quelqu'accablée de douleur, que je sois à cette perte, mes premiers soins se portent sur sa famille. Des deux filles qu'elle laisse, l'une vient de finir sa douzième année, l'autre son onzième année. Je crois ne pouvoir mieux faire que de les placer à la Communauté, et c'est à vos soins maternels, madame de Palmbach, que je les recommande surtout. Je vous prie donc de leur faire préparer préalablement et tout de suite une bonne chambre, où elles puissent être avec leur gouvernante, qui les accompagnera, femme de peu de monde, mais d'un mérite solide. Je souhaite, que mes deux jeunes pupilles puissent manger à votre table, ma chère madame de Lafont, et que la gouvernante de son côté soit entretenue, aussi bien que le sont les dames de classes. Dès que les deux enfants, à la douleur desquelles il faudra peut-être quelque temps, seront en état de prendre part à des leçons, je souhaite qu'elles participent à celles, qui se donnent dans les classes, musique, dessin, histoire, etc. et je les recommande sur ce point aux soins particuliers de monsieur Kyriack, qui trouvera en elles non seulement d'excellentes dispositions, mais aussi déjà beaucoup d'instruction faite d'avance. Je désire, que ces deux demoiselles restent

¹⁾ Cette lettre a été évidemment dictée. Les corrections faites par l'Impératrice et ce qu'elle a, en outre, tracé de sa main à la fin de cette lettre, est souligné dans la présente copie.

ainsi, à mes frais, jusqu'à mon retour, après lequel je prendrai peut-être d'autres arrangements, en les plaçant tout à fait, comme pensionnaires dans les classes, et en congédiant la gouvernante, à laquelle je ferai le sort que mérite son long attachement et zèle. Vous voudrez bien en attendant, mesdames, pourvoir à tout ce qui pourra être nécessaire, en faire tenir un compte à part, et me le présenter à mon retour. Je vous recommande bien instamment, mesdames, mes deux pauvres orphelines, qui m'intéressent avec toute la chaleur de l'amitié, que j'e portais à leur excellente défunte mère. Adieu, mesdames, je suis sûre que vous partagerez ma peine; mes amitiés à notre chère Communauté. Marie.

Je ne saurais déterminer au juste le moment de leur arrivée chez vous, mais je crois qu'il aura lieu d'ici dans la quinzaine ¹⁾.

№ 11.

Pétrowsky, ce 26 Mars 1797 ²⁾.

Mesdames de Lafont et de Palmbach. Vos rapports du 19 Mars m'ont fait un véritable plaisir. Je vois que tout est en ordre à la Communauté et que tout le monde concourt avec zèle à remplir mes vues et mes intentions. J'approuve fort la proposition que vous me faites d'habiller en bleu le second âge, faute de camelot gris, et je vous autorise à prendre vos arrangements en conséquence. Ce que vous avez encore de camelot gris pourra servir, comme vous le dites, aux bourgeoises et le premier âge des nobles sera naturellement en brun. En terminant cette lettre, je ne puis m'empêcher d'observer, que je suis très étonnée de trouver toujours mademoiselle Touchatschewsky sur la liste des malades; je vous demande des éclaircissements à cet égard et sur ce, je prie Dieu, qu'il vous ait, madame de Lafont et de Palmbach, en Sa sainte et digne garde. Marie.

Je vous embrasse toutes deux, mesdames, et vous assure de mon souvenir; il me tarde de revoir ma chère Communauté, à laquelle je viens de donner la plus grande preuve de mon affection, en y plaçant les filles de ma meilleure amie; je les recommande instamment

¹⁾ Переводъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1890 г., т. LXV, мартъ, стр. 827—829.

²⁾ Cette lettre ne s'est conservée qu'en copie faite par madame de Palmbach elle-même. Il est à supposer que l'original était écrit en entier de la main de l'Impératrice.
Бар. Ф. А. В.

à vos soins, mesdames, et vous embrasse toutes deux de tout mon coeur; mes amitiés à nos enfants.

Петровский дворецъ, сего 26 марта 1797 ¹⁾).

[Переводъ]. Г-жи Лафонъ и Пальменбахъ. Ваши донесенія отъ 19 марта доставили мнѣ истинное удовольствіе. Я вижу, что все находится въ порядкѣ въ Смольномъ и что всё содѣйствуютъ съ усердіемъ исполненію моихъ взглядовъ и моихъ намѣреній. Я очень одобряю предложеніе, которое вы мнѣ дѣлаете—одѣтъ второй возрастъ, за недостаткомъ сѣраго камлота, въ голубой, и разрѣшаю вамъ сдѣлать распоряженія сообразно этому. Остатокъ сѣраго камлота—можетъ послужить, какъ вы это говорите, на мѣщанской половинѣ, а первый возрастъ дворянской будетъ, конечно, въ коричневомъ. Оканчивая это письмо, я не могу удержаться, чтобы не замѣтить, что весьма удивлена, находя всегда дѣвицу Тухачевскую въ спискѣ больныхъ; я спрашиваю у васъ разъясненій на этотъ счетъ и затѣмъ, молю Бога, да соблюдаетъ онъ васъ, г-жи Лафонъ и Пальменбахъ, во своей святой и честной охранѣ.

Марія.

Обнимаю васъ обѣихъ и увѣряю васъ въ моей памяти; не могу дождаться, когда увижу мой дорогой Смольный, которому я только-что явила самое большое доказательство моей благосклонности, помѣстивъ въ оный дочерей моего лучшаго друга; я поручаю ихъ настоятельно вашимъ попеченіямъ и обнимаю васъ обѣихъ отъ всего моего сердца; мой дружескій привѣтъ нашимъ дѣтямъ.

№ 12.

Moscou, ce 30 Mars 1797, à 11 heures du soir ²⁾).

Enfin nous voici établis dans la grande et belle ville de Moscou depuis avant-hier au soir; je suis bien assurée, mesdames, que vos vœux nous y accompagnent; le souvenir de la chère Communauté m'y suit partout; je suis enchantée de vous savoir toutes bien portantes; on dit qu'il règne à Pétersbourg de fièvres scarlatines assez dangereuses pour les enfants; j'espère, que notre bon Acht prendra des précautions pour qu'elles ne pénètrent pas chez vous. Adieu, mesdames, je vous embrasse toutes deux et vous charge de mes tendres amitiés pour nos bons enfants; dites leur que je suis bien contente de savoir qu'elles s'appliquent; tenez-moi compte de ma lettre d'aujourd'hui, que je vous écris quoiqu'assez fatiguée de tous ces jours, mais j'aime

¹⁾ Это письмо сохранилось лишь въ копіи, писанной самою г-жею Пальменбахъ. Надо полагать, что подлинникъ былъ написанъ императрицею весь собственноручно.

²⁾ Cette lettre ne s'est conservée qu'en copie faite par madame de Palm-bach, elle-même. Il est à supposer que l'original était écrit en entier de la main de l'Impératrice.

à vous renouveler les assurances de mon amitié, avec laquelle je suis et serai toujours votre affectionnée amie Marie.

Москва, сего 30 марта 1797, въ 11 часовъ вечера ¹⁾.

[Переводъ]. Наконецъ мы перешли на жительство въ обширную и прекрасную Москву, съ третьяго дня вечеромъ; я вполнѣ увѣрена, что ваши благожеланія сопровождаютъ насъ въ ней; воспоминаніе о дорогомъ Смольномъ за мною здѣсь слѣдуетъ повсюду; я въ восторгѣ, узнавъ, что вы все здоровы; говорятъ, что въ Петербургѣ свирѣпствуютъ scarlatinныя лихорадки, довольно опасныя для дѣтей; я надѣюсь, что нашъ добрый Ахтъ приметъ предосторожности для того, чтобы онѣ не проникли къ вамъ. Прощайте, обнимаю васъ обѣихъ и поручаю вамъ передать мой нѣжный сердечный привѣтъ нашимъ добрымъ дѣтямъ; скажите имъ, что я весьма довольна тѣмъ, что онѣ прилежны. Въишите мнѣ въ заслугу мое сегодняшнее письмо, которое я вамъ пишу, хотя довольно устала отъ всѣхъ этихъ дней; но мнѣ всегда пріятно вамъ возобновлять увѣренія въ моей дружбѣ, съ которою я пребываю и пребуду всегда вамъ доброжелательный другъ.

Марія.

№ 13.

Moscou, ce 2 Avril 1797 ²⁾.

Mesdames de Lafont et de Palmbach, Occupée de mes dévotions ³⁾ je me sers d'une main étrangère pour vous accuser la réception de vos rapports du 26 Mars dernier. J'ai été fort satisfaite de leur contenu. Pour ce qui regarde les étendards des gardes à cheval, je vous prie de dire à mademoiselle Lwoff, que je lui saurai un gré infini de leur prompt achèvement et que je lui recommande très particulièrement cette affaire. Mes compliments à toutes nos intéressantes élèves. J'attends avec impatience le moment, où j'aurai le plaisir de les revoir et de vous assurer de bouche, que je suis et serai toujours votre très affectionnée Marie.

Je vous embrasse toutes les deux.

Москва, сего 2 апрѣля 1797 ⁴⁾.

[Переводъ]. Г-жи Лафонъ и Пальменбахъ. Занятая говѣніемъ, я пользуюсь услугами посторонней руки, чтобы увѣдомить васъ о полученіи ва-

¹⁾ Это письмо сохранилось лишь въ копіи, писанной самою г-жею Пальменбахъ. Надо полагать, что подлинникъ былъ написанъ императрицею всею собственноручно.

²⁾ Cette lettre ne s'est conservée qu'en copie faite par madame de Palmbach elle même.

³⁾ Обычное говѣніе царственныхъ особъ предъ ихъ священнымъ коронованіемъ.

⁴⁾ Это письмо сохранилось лишь въ копіи, писанной самою г-жею Пальменбахъ.

Бар. О. А. В.

шихъ донесеній отъ 26 минувшаго марта. Я была весьма довольна ихъ содержаніемъ. Что касается до штандартовъ для конной гвардіи, прошу васъ сказать дѣвицѣ Львовой, что я ей буду безконечно благодарна за скорое окончаніе ихъ и что я ей особенно препоручаю это дѣло. Мой поклонъ всѣмъ нашимъ привлекательнымъ воспитанницамъ. Я жду съ нетерпѣніемъ той минуты, когда буду имѣть удовольствіе снова увидѣть ихъ и увѣрить васъ изустно въ томъ, что я пребываю и пребуду всегда вамъ совершенно доброжелательная.

Обнимаю васъ обѣихъ.

Марія.

№ 14.

Moscou, ce 10 Avril 1797 ¹⁾.

Mesdames de Lafont et de Palmbach, Vos rapports du 30 Mars me sont parvenus exactement. Je suis très satisfaite de tout ce que vous me dites à l'égard de la Communauté et des desdemoiselles Benckendorf. Je ne pouvais assurément pas vous donner une plus grande preuve de mon estime et de ma confiance, qu'en laissant à vos soins l'éducation de deux jeunes personnes qui me sont infiniment chères, et dont la mère fut ma meilleure amie. Persuadée que vous partagerez ma tendresse pour elles, je me fais un plaisir de vous assurer de la reconnaissance, que j'en éprouverai, et sur ce, je prie Dieu qu'il vous ait, mesdames de Lafont et de Palmbach, en Sa sainte et digne garde. Marie.

Je vous embrasse toutes deux et fais mes amitiés à la chère Communauté qu'il me tarde bien de revoir.

Москва, сего 10 апрѣля 1797 ²⁾.

[Переводъ]. Г-жи Лафонъ и Пальменбахъ. Ваши донесенія отъ 30 марта дошли ко мнѣ исправно. Я очень удовлетворена всѣмъ, что вы мнѣ говорите относительно Смольнаго и дѣвицъ Бенкендорфъ. Я, конечно, не могла дать вамъ большаго доказательства моего уваженія и довѣрія, какъ предоставивъ вашимъ попеченіямъ воспитаніе двухъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя мнѣ безконечно дороги и мать которыхъ была моимъ лучшимъ другомъ. Убѣжденная въ томъ, что вы раздѣлите мою нѣжность къ нимъ, я доставляю себѣ удовольствіе увѣрить васъ въ признательности, которую я за это буду испытывать, и за симъ молю Бога, да соблюдаетъ Онъ васъ, г-жи Лафонъ и Пальменбахъ, во своей святой и честной охранѣ.

Марія.

Обнимаю васъ обѣихъ и дружески привѣтствую дорогой Смольный, свиданія съ которымъ ожидаю съ большимъ нетерпѣніемъ.

¹⁾ Cette lettre ne s'est conservée qu'en copie faite par madame de Palmbach elle-même. Il est à supposer que l'original était écrit en entier de la main de l'Impératrice.

²⁾ Это письмо сохранилось лишь въ копіи, писанной самою г-жею Пальменбахъ. Надо полагать, что подлинникъ былъ написанъ императрицею въ собственноручно.

№ 15.

Moscou, ce 17 Avril 1797.

La perte bien sensible, que vous venez de faire, ma chère madame de Palmbach ¹⁾, est sentie et partagée par mon cœur, qui a bien apprécié votre aimable procédé de m'avoir rendu compte de la Communauté, malgré votre douleur; puissent dorénavant des événements heureux apporter quelque consolation à votre âme; soyez persuadée de mon tendre intérêt, que je vous marquerai toujours. Je vous envoie ci joint, ma chère madame de Palmbach, 200 rbls pour l'ancien prêtre de la Communauté, que vous lui donnerez en mon nom. L'Archevêque a promis de le placer à Sophie ²⁾, en attendant mieux. C'est tout ce que j'ai le temps de vous dire au moment que nous allons faire une course aux environs de Moscou. Adieu, je vous embrasse. Marie.

Москва, сего 17 апрѣля 1797.

[Переводъ]. Крайне чувствительная утрата, которую вы только-что понесли, любезная г-жа Пальменбахъ, ощущается моимъ сердцемъ, которое очень оцѣнило вашу любезный поступокъ, что вы представили мнѣ отчетъ о Смольномъ, не смотря на вашу скорбь. Да возмогутъ отнынѣ счастливыя событія принести нѣкоторое утѣшеніе вашей душѣ; будьте убѣждены въ моемъ нѣжномъ участіи, которое я вамъ всегда буду оказывать. Посылаю вамъ при семъ, любезная г-жа Пальменбахъ, 200 руб. для бывшаго священника въ Смольномъ, каковыя вы ему отдадите отъ моего имени. Архіерей обѣщаль помѣстятъ его въ Софію, въ ожиданіи лучшаго. Вотъ все, что я имѣю время вамъ сказать въ ту минуту, какъ мы собираемся совершить поѣздку въ окрестности Москвы. Прощайте, я васъ обнимаю. Марія.

№ 16.

Moscou, ce 24 Avril 1797 ³⁾.

Mesdames de Lafont et de Palmbach, J'ai reçu les rapports, que vous m'avez dernièrement adressés, et je suis bien aise de voir que

¹⁾ Если не ошибаюсь, именно въ это время скончалась въ Дерптѣ мать г-жи Пальменбахъ. Она жила тамъ открыто въ своемъ домѣ, гдѣ теперь издана помѣщается гимназія, и оставила больше долговъ, чѣмъ состоянія. Но за роскошныя ея празднества ливляндское рыцарство величало ее, какъ дочь Бирона, принцессой.

²⁾ Царское село.

³⁾ Cette lettre ne s'est conservée qu'en copie faite par madame de Palmbach elle-même. Il est à supposer que l'original était écrit en entier de la main de l'Impératrice. Вар. Е. А. В.

tout va bien à la Communauté. Nous sommes tellement par voie et par chemin, que je n'ai que le temps de vous assurer que je suis toujours votre bien affectonnée Marie.

P. S. Les étendards viennent d'arriver, ils son charmants, et j'en remercie infiniment mademoiselle Lwoff Je vous embrasse toutes deux et fais mes amitiés à nos enfants.

Москва, сего 24 апрѣля 1797 ¹⁾).

[Переводъ]. Г-жи Лафонъ и Пальменбахъ. Я получила донесенія, которыя вы мнѣ недавно прислали, и очень рада видѣть, что все идетъ хорошо въ Смольномъ. Мы такъ много разъѣжаемъ, что я имѣю только время увѣрить васъ въ томъ, что я пребываю всегда вамъ весьма доброжелательная. Марія.

P. S. Штандарты только-что прибыли; они прелестны и я за нихъ безконечно благодарю дѣвцу Львову. Обнимаю васъ обѣихъ и душевно привѣтствую нашихъ дѣтей.

№ 17.

Moscon, ce 28 Avril 1797 ²⁾).

Mesdames de Lafont et de Palmbach, l'Empereur a été fort content des étendards que vous m'avez envoyés. Il m'en a demandé encore cinq sur le même fond orange et vous pouvez demander l'étoffe nécessaire pour cela à la garde-robe de l'Empereur, où les ordres ont été déjà donnés en conséquence. J'approuve fort la proposition que vous me faites dans vos derniers rapports relativement à la machine à pompe, qui se trouve à la Communauté. On peut la faire réparer et payer à Poidebard le prix convenu. Pressée par mille occupations, je finis ma lettre, comme toutes les précédentes, par l'assurance des sentiments d'estime et de bienveillance, avec lesquels je suis votre bien affectonnée Marie.

Je vous embrasse et fais mes amitiés à nos enfants.

Москва, сего 28 апрѣля 1797 ³⁾).

[Переводъ]. Г-жи Лафонъ и Пальменбахъ, государь былъ очень доволенъ штандартами, которые вы мнѣ прислали. Онъ меня просилъ о такихъ еще пяти,

¹⁾ Это письмо сохранилось лишь въ копи, писанной самою г-жею Пальменбахъ. Надо полагать, что подлинникъ былъ написанъ императрицею весь собственноручно.

²⁾ Cette lettre ne s'est conservée qu'en copie tirée par madame de Palmbach elle-même; il est à supposer que l'original était écrit en entier de la main de l'Impératrice.

³⁾ Это письмо сохранилось лишь въ копи, писанной самою г-жею Пальменбахъ. Надо полагать, что подлинникъ былъ написанъ императрицею весь собственноручно.

на томъ же оранжевомъ полѣ, и вы можете потребовать ткань, нужную для этого, въ гардеробной императора, куда приказанія уже были отданы согласно сему. Я совершенно одобряю предложеніе, которое вы мнѣ дѣлаете въ вашихъ послѣднихъ донесеніяхъ, относительно водокачальной машины, которая находится въ Смольномъ. Можно приказать ее исправить и заплатить Пуадбарду условленную цѣну. Тѣсняемая тысячею занятій, я оканчиваю свое письмо, какъ всѣ предыдущія, увѣреніемъ въ чувствахъ уваженія и благоволенія, съ которыми пребываю вамъ вполне доброжелательная. Марія.

Я васъ обнимаю и дружески привѣтствую нашихъ дѣтей.

№ 18.

Moscou, le 1 Mai 1797 ¹⁾.

Mesdames de Lafont et de Palmbach, Je n'ai rien pour le moment à vous mander. Je suis si fort occupée des préparatifs de mon voyage pour Pétersbourg, que je n'ai que le temps de vous assurer de mon affection et du plaisir que j'aurai de vous revoir, de même que nos aimables élèves, auxquelles je vous prie de dire mille choses de la part de votre bien affectionnée Marie.

Je vous embrasse.

Москва, 1-го мая 1797 ²⁾.

[Переводъ]. Г-жи Лафонъ и Пальменбахъ, я ничего не имѣю въ настоящее время вамъ сообщать. Я такъ сильно занята приготовлениями въ моему путешествію въ Петербургъ, что имѣю только время увѣрить васъ въ моей ириязни и въ удовольствіи, которое мнѣ предстоитъ—свидѣться съ вами и съ нашими любезными воспитанницами, которымъ я васъ прошу передать тысячу привѣтствій со стороны вамъ весьма доброжелательной. Марія.

Обнимаю васъ.

№ 19 ³⁾.

Je suis heureusement arrivée hier à minuit, mesdames, et viendrai souvent vous voir la semaine prochaine. C'est tout ce que j'ai le temps de vous dire aujourd'hui. Adieu, mes amitiés aux enfants. Marie.

¹⁾ Cette lettre a été dictée, il n'y a que la signature et le Je vous embrasse qui soient de la main de l'Impératrice.

²⁾ Это письмо было продиктовано, только подпись и слова: «Обнимаю васъ», написаны рукою императрицы.

³⁾ Ce billet et la lettre qui suit ne se sont conservés qu'en copies, faites par madame de Palmbach elle-même. Il est à supposer qu'en original ils étaient écrits de la main de l'Impératrice et comme adressés à mesdames de Lafont et de Palmbach, auront été déposés aux archives de la Communauté.

Bar. E. A. B.

[Переводъ]. Я благополучно прибыла вчера, въ полночь, и буду часто васъ навѣщать на будущей недѣлѣ; это все, что и имѣю время вамъ сказать сегодня. Прощайте; мой дружескій привѣтъ дѣтямъ ¹⁾.
Марія.

№ 20.

Ce 10 May 1797.

Je suis bien sensible, mesdames, à tout ce que vous me dites d'obligeant sur mon arrivée; s'il m'est humainement possible, je viendrai Mercredi chez vous, mais je vous avertirai la veille; je me fais une fête de vous revoir et nos bons enfants.

Je vous prie, ma bonne madame de Palmbach, de faire mes compliments à madame de Bock et de lui marquer toute ma sensibilité de ce qu'elle a accompagné elles-même mes pauvres orphelins; il faut les laisser chez elles jusqu'au jour que je viendrais à la Communauté; la pauvre mère a désiré qu'elle me les remette elle-même; il faut obéir à sa dernière volonté; ainsi, le jour que je viendrai chez vous, vous l'en ferez avertir, elle les amènera et restera avec elles dans l'appartement de notre chère Nélidoff, où je viendrai les voir; je veux les voir seules sans témoins, je crains ce moment, il déchirera une plaie dont la superficie seule peut se cicatrizer, mais elle restera toujours profonde; ensuite je vous remettrai les enfants et je suis sûre qu'elles seront heureuses. Adieu, mes chères dames, le bon Mouravieff vous remettra une étoffe de Moscou, comme souvenir de votre bonne amie Marie.

Сего 10 мая 1797.

[Переводъ]. Я очень тронута всѣми вашими любезными заявленіями мнѣ по поводу моего пріѣзда; если мнѣ будетъ сколько нибудь возможно, я пріѣду въ среду къ вамъ, но я васъ предупреждаю наканунѣ; заранѣе радуюсь свиданію съ вами и съ нашими добрыми дѣтьми.

Я васъ прошу, моя добрая г-жа Пальменбахъ, передать мой поклонъ г-жѣ Бокъ и высказать ей, что я глубоко тронута тѣмъ, что она сама сопровождала моихъ бѣдныхъ сиротъ; надобно ихъ оставить у себя 10 дня, въ который я пріѣду въ Смольный; бѣдная мать желала, чтобы она мнѣ ихъ передала сама, — нужно повиноваться ея послѣдней волѣ. Итакъ, въ тотъ день, когда я пріѣду къ вамъ, вы распорядитесь извѣстить ее объ этомъ, она приведетъ ихъ и останется съ ними въ квартирѣ нашей дорогой Нелидовой, гдѣ я посѣщу ихъ.

¹⁾ Эта записка и слѣдующее письмо сохранились лишь въ копіяхъ, писанныхъ г-жею Пальменбахъ. Надо полагать, что въ подлинникахъ они были написаны рукою императрицы и какъ адресованныя г-жамъ Лавсонъ и Пальменбахъ; были сданы на храненіе въ архивъ Смольнаго монастыря. Бар. О. А. В.

Я хочу ихъ видѣть однѣхъ, безъ свидѣтелей; я боюсь этой минуты, она вскроетъ рану, одна поверхность которой можетъ затянуться, но она останется всегда глубокою; потому я вамъ передамъ дѣтей и я увѣрена, что онѣ будутъ счастливы. Прощайте, моя дорогая дама; добрый Муравьевъ вручитъ вамъ матерію изъ Москвы, какъ воспоминаніе вашего добраго друга Марія.

№ 21.

Pawlosky, ce 16 Mai 1797.

J'aurais voulu pouvoir vous exprimer, ma chère madame de Palmbach, tout le contentement que mon coeur a ressenti, en me revoyant à ma chère Communauté, et en la retrouvant telle que l'ai vue Mercredi; c'est à vos soins que je dois la satisfaction que j'ai éprouvée, aussi bien assurément ma reconnaissance vous est-elle acquise; j'embrasse madame de la Fond et fais mes amitiés à nos jolis enfants. Adieu, j'espère que vous êtes convaincue de tous les sentiments d'estime que vous méritez si bien. Marie.

Павловскъ, сего 16 мая 1797.

[Переводъ]. Я желала-бы быть въ состояніи выразить вамъ, любезная г-жа Пальменбахъ, все удовольствіе, которое чувствовало мое сердце, когда я увидѣла себя опять въ моемъ дорогомъ Смольномъ и нашла его такимъ, какимъ я видѣла его въ среду. Это вашимъ попеченіямъ обязана я утѣшеніемъ, которое я испытала, чѣмъ вы подлинно стязали мою признательность; обнимаю г-жу Лафонъ и сердечно привѣтствую нашихъ хорошенькихъ дѣтей. Прощайте, я надѣюсь, что вы убѣждены во всѣхъ чувствахъ уваженія, которыя вы столь много заслуживаете. Марія.

№ 22.

Pawlosky, ce 23 May 1797.

Je réponds avec plaisir, ma chère madame de Palmbach, à toutes les questions que vous me faites sur nos chères petites orphelines, que j'embrasse en idée. Selon la note de Mouravieff approuvée par moi et qui fixe leur entretien à près de 2,000 rbls, le linge est compris; quant aux visites, elles ne sauraient en recevoir que de leurs plus proches parents; il est très naturel que les frères viennent les voir le Dimanche; mais excepté eux, elles ne sauraient recevoir chez elles que des parents les plus proches, et je ne sais pas si elles en ont à Pétersbourg; mais comme leur bonne mère et leur père ont des amis à Pétersbourg et qu'ils se peut qu'ils désirent voir les enfants de temps en temps et rarement, je désire que ces visites n'aient

lieu que chez vous, madame, où vous permettrez alors que les petites se rendent. Achetez leur, je vous en prie, un petit pianoforté d'étude, je le paierai. J'ai envoyé à Mouravieff hier mille rbls pour la moitié de la pension, les autres mille rbls seront payés en Juin. J'ai les meilleures nouvelles de notre cher Empereur et j'espère avoir le bonheur de le revoir Mardi ou Mercredi, ce qui me rend bien heureuse. Adieu, ma chère madame de Palmbach, je vous embrasse et fais mes amitiés à madame de la Fond et à nos jolies élèves. Marie.

Павловскъ, сего 23 мая 1797.

[Переводъ]. Я отвѣчаю съ удовольствіемъ, любезная г-жа Пальменбахъ, на всѣ вопросы, съ которыми вы во мнѣ обращаетесь относительно нашихъ дорогихъ маленькихъ сиротъ, которыхъ я обнимаю мысленно. Согласно выпискѣ Муравьева, одобренной мною и которая опредѣляетъ ихъ содержаніе приблизительно до 2,000 рубл., бѣлье вклучено; что касается посѣщеній, онѣ не могутъ принимать таковыхъ кромѣ какъ отъ своихъ ближайшихъ родственниковъ; весьма естественно, чтобы братья ихъ навѣщали по воскресеньямъ, но исключая ихъ, онѣ не могутъ принимать у себя иначе какъ ближайшихъ родственниковъ, и я не знаю, имѣютъ-ли онѣ таковыхъ въ Петербургѣ; но такъ какъ ихъ добрая мать и ихъ отецъ имѣютъ друзей въ Петербургѣ и такъ какъ возможно, чтобы они пожелали видѣть дѣтей отъ времени до времени, то я желаю, чтобы эти посѣщенія происходили только у васъ, куда вы будете позволять тогда малюткамъ приходиться. Купите имъ, пожалуйста, маленькое фортепiano для упражненія, а за него заплачу. Я послала Муравьеву вчера тысячу рублей за половину содержанія, другая тысяча рубл. будетъ уплочена въ іюнь. Я имѣю самыя лучшія извѣстія отъ нашего дорогаго государя и надѣюсь имѣть счастье свидѣться съ нимъ во вторникъ или въ среду, что меня чрезвычайно радуетъ. Прощайте, любезная г-жа Пальменбахъ, обнимаю васъ и посылаю мои дружескія привѣтствія г-жѣ Лафонъ и нашимъ хорошенькимъ воспитанницамъ. Марія.

№ 23.

Gatchina, ce 1 Juin 1797.

Je viens d'apprendre dans ce moment, ma chère madame de Palmbach, l'état critique où se trouve notre bonne vieille Maman et j'en suis très inquiète; je vous envoie donc ce courrier pour vous prier de m'en donner au plutôt des nouvelles; j'espère que monsieur Rogertson lui donnera ses soins. Dites à notre bonne Maman que j'adresse au ciel des prières ardentes pour son rétablissement, j'espère que le bon Dieu me la conservera. Adieu, ma chère madame de Palmbach, répondez-moi au plus vite, je vous embrasse de tout mon coeur. Marie.

Гатчина, сего 1 іюня 1797.

[Переводъ]. Я только-что узнала въ эту минуту, любезная г-жа Пальменбахъ, объ опасномъ положеніи, въ которомъ находитесь наша добрая, старая

маменька, и я объ этомъ оченьбеспокоюсь; итакъ, я посылаю вамъ этого нарочнаго, чтобы просить васъ мнѣ о ней доставить поскорѣ извѣстія; надѣюсь, что г. Роджертсонъ окажетъ ей свои попеченія. Скажите нашей доброй маменькѣ, что я возсылаю небу пламенныя молитвы объ ея выздоровленіи, и надѣюсь, что Вселгій Богъ сохранитъ мнѣ ее. Прощайте, любезная г-жа Пальменбахъ, отвѣчайте мнѣ какъ можно скорѣ; обнимаю васъ отъ всего сердца. Марія.

№ 24.

Pawlosky, ce 5 Juin.

Notre cher Empereur a permis, ma bonne madame de Palmbach que les demoiselles sorties de la Communauté et prises à la Cour passent au Palais Taurique, où sont les Demoiselles d'honneur, mais il faut attendre encore quelques jours pour donner le temps de préparer les appartements; je voue laisse la maîtresse, ma chère madame de Palmbach, d'ajouter encore un maître de langue française comme vous l'avez désiré. Quant aux deux petites Courlandaises, elles entreront dans le nombre de 4 ou 5 des demoiselles nobles des nouvelles parvenues; si le nombre des aspirantes excède ce nombre, elles seront tirées au sort entre elles. Mouravieff vous dira l'arrangement que j'ai fait pour la réception. La santé de notre bonne vieille Maman m'inquiète beaucoup. Adieu, ma chère madame de Palmbach, vous gagnez journellement des droits à ma reconnaissance et à mon amitié. Marie.

Je vous recommande nos chères petites orphelines.

Павловскъ, сего 5 іюня.

[Переводъ]. Нашъ дорогой государь разрѣшилъ, моя добрая г-жа Пальменбахъ, чтобы дѣвцы, вышедшія изъ Смольнаго и вятыя ко двору, переѣхали въ Таврическій дворець, гдѣ находятся фрейлины; но нужно обождать еще нѣсколько дней, чтобы дать время приготовить покои. Я предоставляю на вашу волю, любезная г-жа Пальменбахъ, прибавить еще одного учителя французскаго языка, какъ вы того желали. Что касается до двухъ маленькиихъ курляндокъ, то онѣ войдутъ въ число 4 или 5 благородныхъ дѣвицъ изъ вновь поступившихъ; если число соискательницъ превыситъ это число, то онѣ будутъ избраны по жребію между ними. Муравьевъ вамъ передастъ распоряженіе, которое я сдѣлала относительно пріема. Здоровье нашей доброй, старой маменьки меня сильно беспокоитъ. Прощайте, любезная г-жа Пальменбахъ, вы приобретаете ежедневно права на мою признательность и на мою дружбу. Марія.

Я вамъ особенно поручаю нашихъ дорогихъ маленькиихъ сиротъ.

№ 25.

Pawlosky, ce 7 Juin 1797.

Je me réjouis chaque fois que je reçois des nouvelles de ma chère Communauté que j'affectionne si tendrement et que j'aime encore davan-

tage depuis qu'elle est confiée à vos soins. En peu de jours nos 8 demoiselles pourront quitter la Communauté; je suis bien charmée de vous savoir déjà habitante de la Communauté, votre présence y est nécessaire, surtout vu l'état de faiblesse de notre bonne vieille. Adieu, ma chère madame de Palmbach, je vous embrasse de tout mon coeur. Marie.

Павловскъ, сего 7 іюня 1797.

[Переводъ]. Я радуюсь каждый разъ, какъ получаю извѣстія о моемъ дорогомъ Смольномъ, къ которому я привязана такъ нѣжно и которій люблю еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ ввѣренъ вашимъ попеченіямъ. Въ короткое время нашимъ 8 дѣвцамъ можно будетъ покинуть Смольный. Я чрезвычайно рада узнать, что вы уже обихаживаете Смольнаго; ваше прісутствіе тамъ весьма нужно, въ особенности въ виду состоянія слабости нашей доброй старушки. Прощайте, любезная г-жа Пальменбахъ, я обнимаю васъ отъ всего сердца. Марія.

№ 26.

Peterhof, ce 4 Juillet ¹⁾.

Ma chère madame de Palmbach, nous venons d'apprendre la mort de la princesse de Biron, nous savons qu'elle a laissé des filles, et dans ce moment ces pauvres orphelines peuvent rester sans soins; je vous charge donc, madame, de vous rendre incontinent dans la maison de la défunte, et de tout arranger pour que les petites orphelines nous soient amenées à l'instant; notre cher Empereur, par l'ordre duquel j'écris à m-r de Wassillef, pour qu'il déclare à la famille, que l'Empereur daigne prendre soin des jeunes princesses et qu'il me les confie pour les mettre à la Communauté. Il payera la pension de ces jeunes dames. Elles sont donc sous notre protection immédiate et je les confie, madame, à vos soins et à ceux de la bonne Communauté, persuadée que leur malheur vous les rendra à toutes plus intéressantes. Vous me marquerez l'âge des enfants; au cas que la cadette soit trop jeune encore pour pouvoir entrer en classe, il faudra la placer séparément; toujours notre bonne Lvof en aura soin. Adieu, madame, portez-vous bien, je suis sincèrement votre bien affectonnée Marie ²⁾.

¹⁾ Cette dernière lettre doit être de l'année 1800, puisqu' c'est dans le courant de cette année que les Princesses Biron furent placées à la Communauté.

Бар. О. А. В.

²⁾ Переводъ этого письма напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1890 г., т. LXV, мартъ, стр. 830—831.

№ 27.

St-Pétersbourg, ce 15 Avril.

Je suis fâchée de voir, ma chère madame de Palmbach, que votre mauvaise santé vous oblige de quitter la Communauté. J'ai mis votre lettre sous les yeux de l'Empereur, mon très-cher fils, qui, ayant égard aux motifs que vous énoncez, accède à votre désir de retraite et y donne son consentement. La Colonelle d'Adlerberg est nommée Supérieure et c'est à elle que vous me ferez le plaisir de remettre la Communauté. Je joins ici la copie de l'Ukase, que l'Empereur vient de donner, par lequel vous verrez, ma chère madame de Palmbach, qu'il s'est fait plaisir de vous temoigner ses bontés par le don, qu'il vous fait 6 années de suite, de la paye de l'arrende à la Couronne, qui se monte annuellement à 3,000 rixthalers ¹⁾; je joins ici un témoignage de mon souvenir, et vous prie d'être persuadée que j'aurai toujours grand plaisir à vous obliger et à vous prouver l'intérêt réel que je prends à vous, étant constamment votre bien affectionnée Marie ²⁾.

№ 28.

Ce 8 May 1802.

Je m'empresse de répondre à votre lettre, ma chère madame de Palmbach, pour vous assurer que je prendrai constamment un intérêt réel à vous et vos aimables enfants, auxquels je fais mes compliments. Je fais des vœux sincères pour le rétablissement de votre santé et suis votre bien affectionnée Marie.

Сего 8 мая 1802.

[Переводъ]. Спѣшу отвѣчать на ваше письмо, любезная г-жа Пальменбахъ, чтобы завѣрить васъ въ томъ, что я буду постоянно принимать истинное участие въ васъ и въ вашихъ любезныхъ дѣтяхъ, которымъ посылаю поклонъ. Выражаю искреннія желанія о возстановленіи вашего здоровья и пребываю вамъ весьма доброжелательная. Марія.

¹⁾ Тогда аренды жаловались натурой, съ обязательствомъ вносить въ казну извѣстную часть дохода съ имѣнія, пожалованнаго во временное пользованіе. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ это замѣнено денежнымъ производствомъ по чину. Такимъ образомъ Е. А. Пальменбахъ пользовалась въ Курляндской губерніи мызами Альшвангенъ, Баланденъ и Екгофъ. Бар. Ф. А. В.

²⁾ Переводъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1890 г., томъ LXV, мартъ, стр. 831—832.

Приложенія.

I.

Аттестатъ, выданный изъ Смольнаго монастыря, на пергаментѣ, Александрѣ Евстафьевнѣ Пальменбахъ, второй дочери тогдашней начальницы сего института, бывшей впослѣдствіи въ замужествѣ за дѣйствит. тайн. совѣтникомъ, сенаторомъ барономъ А. Я. Бюлеръ.

Совѣтъ императорскаго общества благородныхъ дѣвицъ
симъ свидѣтельствуеть

Пребывшая въ семь обществѣ на двенадцатилѣтнемъ воспитаніи благородная дѣвица Александра Австафьевна Палменбахъ, какъ въ поведеніи приличномъ благовоспитаннымъ, и въ приобретеніи знаній, наукъ и руководѣній соотвѣтственныхъ ея полу, съ касающимися до нужнаго домоводства упражненіями, своимъ вниманіемъ и прилѣжаніемъ достигла до отлѣннаго успѣха, и прилагаемымъ о томъ попеченіемъ во время своего пребыванія достойно воспользовалася: въ разсужденіи чего и удостоена при публичномъ собраніи бывшемъ 1800-го года февраля 10 числа, всемилостивѣйше назначеннаго отъ ея императорскаго величества, знака отлѣнны (отличія?) въ обществѣ, изображаемаго золотымъ вензеловымъ имянемъ ея величества, съ дозволеніемъ на всегда оной носить на бѣлой лѣнтѣ съ одною золотою полоскою въ память приобретеннаго чрезъ воспитаніе ею достоинства. Что собственноручнымъ совѣта общества благородныхъ дѣвицъ г. начальницы и членовъ подыписаніемъ утверждается, и съ приложеніемъ большія сего общества печати при ономъ же совѣтѣ сіе дано въ Санктпетербургѣ.

(М. П.).

(Подп.).

Елисаветъ Палмѣнбахъ.

Михайла Соймоновъ.

Баронъ Алексѣй Васильевъ ¹⁾.

Александръ Храповицкій.

Секретарь совѣта Алексѣй Шеларевичъ.

¹⁾ Впослѣдствіи министръ финансовъ.

II.

Поѣщаемъ здѣсь текстъ пригласительныхъ билетовъ, которые разосланы были Совѣтомъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ на юбилей онаго разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ внукамъ бывшей начальницы Е. А. Пальменбахъ: генералъ-лейтенанту Л. П. Батюшкову и бар. О. А. Бюлеру. На этомъ билетѣ обозначено, что три императрицы подъ-рядъ руководили симъ заведеніемъ, каждая по 32 года.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІА ФЕОДОРОВНА. 1796.	32 ГОДА.	ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА. 1828.	
НА ПАМЯТЬ			
32 ГОДА.	СТОЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ		32 ГОДА.
СМОЛЬНАГО МОНАСТЫРЯ			
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. 1784.	5 мая 1864 года.	ИМПЕРАТРИЦА МАРІА АЛЕКСАНДРОВНА. 1860.	

Сообщ. бар. О. А. Бюлеръ.

ПРОТОІЕРЕЙ Д. В. РАЗУМОВСКІЙ.

Род. 1823 г., † 2-го января 1889 г.

Заслуги, оказанныя покойнымъ профессоромъ московской консерваторіи, протоіереемъ Дмитріемъ Васильевичемъ Разумовскимъ, по исторіи нашей православной духовной музыки, доставили ему весьма почтенную извѣстность, какъ ученаго и писателя по этому предмету. Наибольше подробный некрологъ покойнаго, могущій быть одновременно библиографическимъ указателемъ сочиненій по исторіи нашей духовной музыки, помѣщенъ Д. С. въ журналѣ «Церковныя Вѣдомости», отъ 28-го января 1889 г., № 5.

Кромѣ того, покойный о. Д. В. Разумовскій принималъ участіе въ трудахъ I-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ, которому сдѣлалъ, между прочимъ, сообщенія по исторіи нашихъ отечественныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

Печатаемое ниже письмо его является отвѣтомъ на вопросы мои, откуда онъ заимствовалъ матеріалъ для статей своихъ по этому послѣднему предмету въ трудахъ I-го археологическаго съѣзда, и что вообще ему извѣстно по исторіи нашихъ отечественныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

Мих. Пѣтуховъ.

«3-го мая 1887 г.

«М. г. Михаилъ Онисифоровичъ! Свѣдѣнія о музыкальныхъ инструментахъ, изложенныя въ рефератѣ I-го археологическаго съѣзда, заимствованы частью изъ наблюденій надъ такими инструментами, которые доселѣ еще не утратили своего архаическаго построенія и общаго употребленія, таковы напримѣръ: жилейка у пастуховъ, волынка у юго-западныхъ славянъ и въ Россіи на югѣ; частью изъ изображеній инструментовъ на сохранившихся картинахъ, такова, напримѣръ, картина, напечатанная въ «Кіевской Старинѣ» и взятая съ гратуилторной рѣчи кіевскихъ студеевъ; частью изъ наблюденій надъ остовами музыкальныхъ инструментовъ, собранныхъ казанскимъ университетомъ для IV-го археологическаго съѣзда. Современные

музыкальные инструменты разных обитателей въ Россіи можно видѣть въ этнографическомъ собраніи Румянцевскаго музея.

«Гусли въ оперѣ «Русланъ и Людмила», безъ сомнѣнія, сдѣланы единственно на основаніи воображенія. Въ Россію принесены гусли изъ Греціи: тамъ ихъ родина, а не въ Россіи. Да и въ самой Греціи гусли имѣли много измѣненій.

«Согласенъ, что изученіе сырыхъ матеріаловъ инструментальной музыки нынѣ не легко. Да оно имѣетъ только одно чисто археологическое значеніе и къ музыкальному искусству въ нынѣшнемъ его составѣ не можетъ прибавить ни одной замѣчательной черты. Въ 1674 г. для царской потѣхи играли въ сурну и въ суренки и на фіоляхъ (viola?) и въ страменты. Нынѣ всѣ эти историческія записи — отжившій предметъ, легко доставшійся русскимъ отъ нѣмцевъ и съ такою же легкостью утраченный.

«Съ истиннымъ почитаніемъ и пр. Протоіерей Дим. Разумовскій».

Примѣчаніе. Вотъ нѣкоторые труды профессора Д. В. Разумовскаго въ области изученія церковнаго пѣнія: 1) «Церковное пѣніе въ Россіи», три выпуска, изд. М. 1867 г.; 2) «Богослужбное пѣніе православной греко-россійской церкви»; 3) въ «Трудахъ перваго археологическаго съѣзда» — (т. 2) рефераты Д. В. въ засѣданіяхъ этого съѣзда; 4) «Государевы пѣвчіе дьяки» — монографія напечатана въ журналѣ изд. гр. Салліаса: «Полярная Звѣзда», изд. 1881 г.; 5) «Кругъ древняго церковнаго пѣнія знаменнаго распѣва», въ 3-хъ томахъ, изд. «Общества любителей древней письменности» 1884 г.; 6) «Стихиры творенія царя Іоанна-Деспота Россійскаго», изд. «Общ. любит. древн. письм.», подъ редакціей Д. В. Разумовскаго. См. вышеуказанную статью-некрологъ въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» 1839 г., № 5, стр. 118—121, статья Д. С.: «Протоіерей Д. В. Разумовскій.—Некрологъ».

Ред.

ГЕНЕРАЛЫ УШАКОВЪ И САБАШИНСКІЙ.

Къ «Запискамъ» В. И. Дена.

В. И. Денъ, въ майской книгѣ «Русской Старины», изд. 1890 г., томъ LXVI, крѣпко порицаетъ генерала Ушакова, приписываетъ ему бездѣйствіе власти, беззаботность и дѣлаетъ его даже трусомъ при взятіи крѣпости Тульчи, а Сабашинскаго называетъ человѣкомъ безъ всякаго образованія.

Оба они были моими начальниками въ первые годы моего служебнаго поприща: Ушаковъ полковымъ, а Сабашинскій баталіоннымъ командирами Галицкаго егерскаго полка, и я зналъ ихъ до самой кончины.

Александръ Клеонаковичъ Ушаковъ былъ офицеромъ генеральнаго штаба, или, какъ въ старину называли, сперва «колонно-вожатымъ», а потомъ «свитскимъ офицеромъ». Былъ человѣкомъ вполне образованнымъ, умнымъ, добрымъ и горячо любимымъ цѣлымъ полкомъ, начиналъ отъ рядоваго до штабъ-офицера включительно. Женатый на княжнѣ Скандербекъ-Кастриотъ, Вѣрѣ Григорьевнѣ, онъ съ женою замѣняли каждому изъ насъ отца и мать, умѣли облагородить общество офицеровъ и сдѣлать его лучшимъ въ дивизіи. Полкъ всегда былъ въ отличномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, состояніи и считался у начальства въ первомъ номерѣ. Не скоро потомъ Галицкій полкъ дождался такого благороднаго и честнаго командира, какимъ былъ Ушаковъ. По крайней мѣрѣ, первый послѣдовавшій за нимъ командиръ Р**, а впослѣдствіи З**, рѣзко дали намъ почувствовать потерю Александра Клеонаковича. Дѣятельность Р** и З** была направлена преимущественно къ собственному прибытку, что, впрочемъ, въ тѣ времена не считалось предосудительнымъ, потому что полки давались «для поправленія обстоятельствъ», какъ оброчныя статьи.

В. И. Денъ говоритъ, что «распоряженія и дѣятельность генералъ-лейтенанта Ушакова по завѣдыванію военнымъ отдѣломъ въ городѣ Радомѣ, во время мятежа 1863—1864 гг., были настолько неудовлетворительны, что его поспѣшили произвести въ генералы отъ инфантеріи и дать его дивизію генералу Бельгарду», прибавлю:

съ назначеніемъ предсѣдателемъ генераль-аудиторіата, нынѣ главнаго военнаго суда, и замѣчу, что насколько я знаю служебную карьеру Ушакова, могу свидѣтельствовать, что онъ, какъ бывшій всегда на лучшемъ счету, прогрессивно и быстро шель впередъ. Такъ, съ производствомъ въ генераль-маіоры, по сдачѣ Галицкаго егерскаго полка, онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 2-го армейскаго корпуса, потомъ получилъ 7-ю пѣхотную дивизію и, наконецъ, занялъ постъ предсѣдателя генераль-аудиторіата.

Когда во время мятежа 1863 года начальники квартировавшихъ въ Царствѣ Польскомъ дивизій, были назначены военными начальниками отдѣловъ, я, по званію старшаго адъютанта главнаго штаба 1-й арміи и вице-директора особой канцеляріи по дѣламъ военнаго положенія, имѣлъ въ рукахъ отчеты о дѣйствіяхъ всѣхъ начальниковъ отдѣловъ. По отчетамъ этимъ высшее начальство находило, что генераль Ушаковъ дѣйствовалъ отнюдь не хуже другихъ, примѣнялъ, со всею строгостью, военные законы къ истиннымъ виновникамъ мятежа и относился болѣе гуманно къ менѣ виновнымъ.

Адамъ Осиповичъ Сабашинскій (названный только буквою С*), по мнѣнію В. И. Дена, «храбрый офицеръ, но совершенно необразованный».

Сабашинскій, какъ сказано выше, былъ моимъ баталіоннымъ командиромъ. Если В. И. Денъ считаетъ его человѣкомъ необразованнымъ потому, что онъ не говорилъ по-французски, то онъ, конечно, правъ. Но Сабашинскій былъ свѣтлою и разумною личностью, съ честностью и безкорыстіемъ Аристиды. Онъ былъ вполне развитой человѣкъ, начитанный, и съ нимъ можно было бесѣдовать о чемъ угодно. Храбръ онъ былъ беззавѣтно, доказательствомъ чему служили Георгій на шеѣ и всѣ ордена не иначе, какъ съ мечами и бантами. Солдаты его любили. Мы, офицеры, обожали его, а начальство любило и отличало. Онъ былъ защитникомъ нашимъ противъ самодурства Ушаковскихъ преемниковъ, и каждый изъ насъ рвался въ его баталіонъ. Впослѣдствіи получилъ онъ въ командованіе Селенгинскій пѣхотный полкъ и съ нимъ отличался въ сраженіяхъ, особенно-же подъ Севастополемъ, гдѣ воздвигъ и извѣстный редутъ, названный именемъ славнаго его полка.

Селенгинцы до сихъ поръ считаютъ золотою эпохою полка время командованія имъ Адама Осиповича. Онъ кончилъ свою карьеру комендантомъ въ городѣ Керчи, въ чинѣ генераль-лейтенанта, гдѣ

и умерь. Но чтобы онъ былъ воздерженъ въ напиткахъ, въ чемъ его укоряетъ В. И. Денъ, объ этомъ исторія поспорить еще съ г. Деномъ.

Насколько мнѣ извѣстно, общество офицеровъ Смоленскаго (герцога Веллингтона) полка, который Денъ принялъ отъ князя Эрнстова, считалось въ нашемъ главномъ штабѣ лучшимъ изъ всей арміи, между тѣмъ, В. И. Денъ рисуетъ его въ очень мрачныхъ краскахъ. Онъ говоритъ:

«Знакомаясь съ офицерами, я приходилъ въ уныніе, потому что засталъ совершенно безграмотнаго казначея, вмѣсто адъютанта—писаря, котораго ни за что не согласился-бы держать въ своей канцеляріи, будучи баталіоннымъ адъютантомъ л.-гв. Сапернаго баталіона. Неуваженіе къ начальству пошатнуло дисциплину. Нѣкоторые штабъ-офицеры напивались до пьяна, а прапорщики, что называется, до чортиковъ, и все это никого не поражало; это считалось въ порядкѣ вещей». Далѣе: «Я впоследствии заставилъ выйти изъ полка 28 офицеровъ».

Вотъ онъ образованный, гуманный полковой командиръ, покровитель и отецъ четырехъ-тысячной семьи! 28 офицеровъ удалить изъ полка, лишитъ ихъ куска хлѣба и, быть можетъ, испортитъ служебную карьеру навсегда, вмѣсто того, чтобы, если офицеры дѣйствительно были дурны, стараться образумить молодыхъ людей, исправить ихъ, облагородить и сдѣлать полезными слугами царю и отечеству—развѣ это великодушно?!.. Лучше-бы онъ, Владиміръ Ивановичъ Денъ, имѣлъ меньше образованія, да болѣе теплоты сердечной!

Впрочемъ, не мудрено, что Владиміръ Ивановичъ Денъ возставилъ противъ себя такое прекрасное общество офицеровъ, какое было въ полку герцога Веллингтона. Самъ-же онъ говоритъ «При каждомъ приказаніи моемъ, квартирмейстеръ и казначей смотрѣли на меня съ какимъ-то недоумѣніемъ, выражающимъ, по моему мнѣнію, два вопроса: «что онъ, просто глупъ или сумасшедшій?»

Не думаю, однако, чтобы такое рѣзкое сужденіе сложилось въ умахъ этихъ офицеровъ.

Что полковой командиръ могъ видѣть въ бою офицеровъ, хватившихъ передъ дѣломъ, «для храбрости», немножко слишкомъ—въ этомъ спорить и прекословить не буду.

Между тѣмъ, странно читать, что В. И. Денъ, по принятіи Смоленскаго полка, очутился въ какомъ-то изолированномъ положеніи: и начальники дивизіи, и бригадные, и полковые командиры оказались такою шушерою, что съ ними-де не стоило и водить знакомства, одинъ только авторъ оказывается свѣтлою, умною и честною личностью; только себя онъ и показываетъ въ радужномъ ореолѣ, а всѣхъ прочихъ затушевываетъ широкою кистью.

Вотъ его слова:

«Я былъ пораженъ общеою деморализаціею и мнѣ казалось, что я попалъ въ среду, гдѣ не дѣлается различія между добромъ и зломъ».

«Генераль Ушаковъ устраивалъ у бригадныхъ и полковыхъ командировъ по очереди одуряющія вечеринки».

«Я долженъ былъ играть въ ненавистный ералашъ въ невыносимомъ для меня обществѣ полковыхъ командировъ».

«Я удалился настолько отъ общества А. К. Ушакова, бригадныхъ и полковыхъ командировъ, что вскорѣ составилъ себѣ репутацію мизантропа».

Да не сами-ли они удалились отъ такого идеальнаго человѣка, чувствуя себя во всѣхъ отношеніяхъ ниже его, и перестали приглашать его въ свое общество?

Другой бригадный командиръ, Бялый, бывшій командиръ Якутскаго пѣхотнаго полка, хотя также, по словамъ В. И. Дена, «былъ человѣкомъ совершенно необразованнымъ» (вѣроятно, также потому, что не говорилъ по французски), былъ, однако, человѣкомъ разумнымъ, храбрымъ и честнымъ, словомъ—прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Командиръ Могилевскаго полка, полковникъ Вознесенскій, былъ офицеромъ генеральнаго штаба, извѣстенъ какъ умный, честный и прекрасно образованный человѣкъ. Командиръ Витебскаго полка, полковникъ Оленичъ, считался однимъ изъ лучшихъ полковыхъ командировъ въ арміи, о чемъ свидѣтельствуетъ также самъ Денъ, Объ одномъ только командирѣ Полоцкаго полка, полковникѣ О***, не могу ничего сказать, потому что не знаю о комъ идетъ рѣчь, хотя и самъ Денъ называетъ его «умнымъ и храбрымъ офицеромъ, воспитанникомъ варшавскихъ піаровъ» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, «считавшимъ ввѣренный ему полкъ фольваркомъ, даннымъ ему въ аренду».

Обязанность современниковъ-очевидцевъ — представлять извѣстныхъ имъ дѣателей общественныхъ въ истинномъ ихъ свѣтѣ, что мы и исполняемъ настоящею замѣткою, не касаясь прочихъ, затушеванныхъ авторомъ лицъ.

Теобальдъ.

Вильно.

12-го мая 1890 г.

Николай Николаевичъ Жеденовъ.

Род. 1817 г., † 3-го апрѣля 1889 г.

Выше, въ этой книгѣ «Русской Старины» (т. LXVII, августъ, стр. 293—316), мы напечатали весьма характерный разсказъ бывшаго гвардейскаго офицера временъ императора Николая Павловича, подполковника Николая Николаевича Жеденова.

Разсказъ этотъ сообщенъ намъ самимъ его составителемъ въ мартѣ 1889 г., изъ Пензенской губерніи, Мокшанскаго уѣзда, села Лунина, при весьма обязательномъ письмѣ къ ред. «Русской Старины», за нѣсколько лишь дней до смерти Николая Николаевича Жеденова.

Н. Н. Жеденовъ скончался 3-го апрѣля 1889 года.

Вотъ нѣсколько данныхъ изъ послужнаго о немъ списка, любезно сообщенныхъ, по нашей просьбѣ, сыномъ покойнаго—С. Н. Жеденовымъ.

Николай Жеденовъ былъ сынъ Николая Львовича, родившагося въ 1778 г., бывшаго капрала л.-гв. Преображенскаго полка, поручика л.-гв. Гусарскаго полка и, наконецъ, въ бытность въ отставкѣ, служившаго по выборамъ дворянства исправникомъ. Умеръ Николай Львовичъ въ 1836 году.

Сынъ его, Николай, дѣйствующее лицо въ разсказѣ, нами выше напечатанномъ, родился въ 1817 г., въ Курской губерніи, получилъ домашнее образованіе и въ 1833 г. поступилъ въ слб. университетъ по философско-юридическому факультету, откуда выпущенъ, съ правомъ XIV класса, въ 1836 г.; тогда-же онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Въ октябрѣ 1838 г. Н. Н. Жеденовъ поступилъ въ л.-гв. Гренадерскій полкъ подпрапорщикомъ; въ 1840 г. прикомандированъ къ образцовому пѣхотному полку; въ 1841 г. произведенъ въ прапорщики л.-гв. Гренадерскаго полка; 1-го января 1848 г. штабсъ-капитанъ того-же полка; 1-го февраля 1852 года уволился майоромъ. Въ 1853 г. вновь поступилъ на службу въ армію и оставилъ ее въ 1858 г.; служилъ затѣмъ по выборамъ отъ дворянства въ Пензенской губерніи, а въ 1871 г. избранъ мировымъ судьей въ

Мокшанскомъ уѣздѣ, на каковомъ посту оставался до 1-го мая 1874 г. Имѣлъ орденъ Владимира 3-й ст. и медаль за Венгерскій походъ.

Н. Н. Жеденовъ скончался 3-го апрѣля 1889 года.

Григорій Максимовичъ Ляпуновъ,

бывшій воспитанникъ Дворянскаго полка,

† 25-го марта 1890 г.

«Русская Старина» сообщила много данныхъ о бывшемъ Дворянскомъ полку и его питомцахъ. Вотъ нѣсколько свѣдѣній объ отцѣ моемъ, одномъ изъ старѣйшихъ по выпуску бывшихъ воспитанниковъ этого учрежденія.

25-го марта 1890 года, 92 лѣтъ отъ роду скончался Г. М. Ляпуновъ, кончившій курсъ наукъ въ Дворянскомъ полку и вышедшій изъ него въ 1820 году.

Онъ умеръ въ чинѣ генералъ-маіора, въ отставкѣ, (былъ слѣпъ въ теченіи 10 послѣднихъ лѣтъ). — Григорій Максимовичъ Ляпуновъ — дворянинъ Владимирской губерніи, родился въ 1789 году. Въ 1812 году, онъ былъ въ владимірской гимназіи; въ виду нашествія Наполеона, всѣхъ воспитанниковъ гимназіи перевезли въ другое мѣсто и занятія прекратились. Въ 1814 г. Ляпуновъ поступилъ въ Дворянскій полкъ и былъ выпущенъ въ 1820 году изъ него прапорщикомъ въ Белевскій егерскій полкъ; затѣмъ прослужа недолго переведенъ въ Рязанскій мушкетерскій полкъ (шефомъ котораго былъ тогда Иванъ Никитовичъ Скобелевъ), гдѣ и служилъ безъ перерыва 30 лѣтъ, до 1864 года, затѣмъ въ чинѣ полковника, бывши въ образцовомъ пѣхотномъ полку, Г. М. Ляпуновъ получилъ въ командованіе Кавказкую резервную полубригаду, состоявшую тогда изъ 3-хъ баталіоновъ линейныхъ: Кавказскаго, Грузинскаго и Черноморскаго, комплектовавшихся рекрутами соответственные баталіоны расположенные на Кавказѣ; любопытно, что вмѣсто ружей учили тогда на палкахъ, ружья были только по числу старослужащихъ и то кремневые. Въ 1856 году баталіоны были двинуты въ Закавказье и къ полубригадѣ добавлено было еще 2 баталіона: Грузинскій и Эриванскій, 16 резервный); такимъ образомъ составила полная бригада.

Въ 1857 году бригада получила наименованіе: «Кавказской резервной гренадерской бригады» и въ томъ-же году двинута на Кавказъ, при чемъ каждый баталіонъ составилъ отдѣльную самостоятельную часть, подъ командою отдѣльныхъ командировъ. Отецъ мой свою бригаду блистательно сдалъ и получилъ за то орденъ Владимира 3 ст.; затѣмъ произведенный въ генералы, Г. М. Ляпуновъ уволенъ въ 1864 г. въ отставку, въ коей и былъ до дня своей смерти, т. е. 25 марта 1890 года.

Подполковникъ Ляпуновъ.

Г. Кутаисъ.
18 апрѣля 1890 г.

ПѢСНЯ НѢКОТОРАГО МОРЕХОДЦА,

изъясняющаго любовь свою тѣми словами и мыслями, какими по привычкѣ къ мореплаванію воображеніе его наполнено.

[1809 г.]

Помѣщаемое ниже стихотвореніе, приписываемое Александру Семеновичу Шишкову, сохранилось въ спискѣ начала XIX-го вѣка, въ бумагахъ моего дѣда, сенатора Николая Яковлевича Трегубова (род. 1756 г., † 1845 г.).

Настоящій списокъ этой „Пѣсни нѣкотораго мореходца“ представляетъ довольно существенные варианты противъ того же стихотворенія, помѣщеннаго въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г., т. XL, стр. 154—156.

А. В. Телесницкій.

Какъ молнія плывущихъ зракъ
Средь темной ослѣпляетъ ночи,
Краса твоя подобно такъ,
Сверкнувъ, мнѣ затмила очи:
Смущенъ и изумленъ я сталъ,
Узрѣвъ толь ангела прекрасна;
Не такъ опасенъ мачтамъ шквалъ,
Какъ ты казалась мнѣ опасна.

Исчезъ тогда штнль чувствъ моихъ,
Престрашна буря въ нихъ возстала;
Ты-жъ изъ очей своихъ драгихъ
Брандсугели въ меня метала:
Тогда въ смятеніи моемъ,
Зря грозну прелесть предъ собою,
Не могъ я управлять рулемъ,
И флагъ спустилъ передъ тобою.

Съ тѣхъ поръ тебѣ отдавшись въ плѣнъ,
Твоей я волѣ повинуюсь,
Къ тебѣ душевно прикрѣпленъ,
Я за тобою буксируюсь;

Съ тѣхъ поръ нактоусть твой нль домъ,
Тебя которой сокрываетъ,
Съ такою силой, какъ мальшромъ,
Меня отвсюду привлекаетъ.

Мнѣ въ морѣ утѣшеня нѣтъ,
Ведѣ я безъ тебя тоскую,
И часто мысленно, мой свѣтъ,
Къ тебѣ я нынѣ лавирую.
Наполненъ всегда мечтой,
Тебя въ убранствѣ зрю богатомъ,
То яхтой иногда златой,
То легкимъ, чистенькимъ фрегатомъ.

Тогда я мною тебя догнать,
Надеждою себя ласкаю,
Спѣшу и марсели отдать
И брамсели я распускаю;
Когда-же парусовъ нельзя
При штормѣ много вестъ жестокомъ,
Любовью трюмъ мой нагрузя,
Иду, лечу къ тебѣ подъ фокожъ.

Или, коль незавѣстенъ мнѣ
Пунетъ мѣста твоего, драгая,
По близности я въ той странѣ,
Лежу на дрейфѣ, ожидая:
Лишь ты отколь предпримешь путь,
Конструкцію твою драгую
Узрю, хоть въ горизонтѣ будь,
И въ мигъ тебя запеленгую.

Тогда, не медля ни часа,
Къ тебѣ я курсъ свой направляю,
Брасоплю, ставлю паруса,
Сержусь, кричу, повелѣваю,
Въ кильватеръ за тобой пускаюсь,
Узловъ по десяти бѣгу;
Но вдругъ отъ мыслей пробуждаюсь
И, ахъ! стою на берегу.

Истолкованіе морскихъ терминовъ, упоминаемыхъ въ пѣснѣ.

Шквалъ — внезапный вихрь, могущій сломить мачты, когда не успѣютъ въ скорости подобрать парусовъ.

Штиль—тишина, когда нѣтъ никакого вѣтра.

Брандскугели—адра, начиненныя горящимъ веществомъ.

Флагъ спустить—побѣжденное судно, въ знакъ, что отдается въ плѣнъ, опускаетъ свой флагъ.

Буксировать—значить, когда гребное судно, привязавшись веревкою къ другому судну, тянетъ его за собою.

Нактоусъ—ящикъ, гдѣ стоятъ компасы. Сіе слово происходитъ отъ нѣмецкаго *nacht haus* (ночной домъ).

Мальштромъ — извѣстная у Нордвезскихъ береговъ пучина, водоворотъ, къ которому весьма сильное теченіе бываетъ.

Лавировать — при противномъ вѣтрѣ изъ стороны въ сторону ходить, подвигаясь чрезъ то понемногу впередъ.

Марсель—парусъ на срединѣ; а **брамсель**—парусъ вверху мачты.

Штормъ—буря.

Фокъ — нижній парусъ на той мачтѣ, которая стоитъ въ носу корабля; при крѣпкомъ, благополучномъ вѣтрѣ обыкновенно распускаютъ одинъ сей парусъ, а прочіе всѣ закрѣпляютъ, для того, что мачты не въ силахъ выдерживать таковой великой напоръ отъ вѣтра.

Трюмъ—внутренность корабля, куда кладется чугуновой и песчаной грузъ, чтобы корабль до нѣкоторой извѣстной высоты сѣлъ въ воду.

Пунктъ мѣста—корабль, плавая по морю, ведетъ счисленіе своему пути и мѣсто свое назначаетъ на картѣ точкою.

Конструкція — образъ построенія корабля. Часто по конструкціи издалека узнаютъ какой корабль: французской-ли, английской-ли, или другой какой націи.

Зацеленговать—значить по компасу замѣтить какой-нибудь предметъ, въ которую сторону онъ отъ насъ видѣнъ.

Курсъ—путь, куда корабль идетъ.

Брасопить паруса—значить ставить ихъ вкось корабля, чтобы вѣтръ, хотя и съ боку дулъ, но могъ-бы ихъ надувать.

Въ кильватеръ идти—значить, когда одинъ корабль, идучи позади другаго, прямо въ корму къ нему идетъ.

Узелъ — мѣра, содержащая въ себѣ нѣсколько сажень. Обыкновенно шчисляютъ сколько такихъ мѣръ корабль пробѣжитъ въ минуту.

[1809 г.]

А. С. Шишковъ.

АРХИВЪ КНЯЗЯ О. А. КУРАКИНА.

Историческій сборникъ.

Спб. 1890 г., въ 6. 8 д., стр. 380. Книга первая. Историческіе труды, дневникъ, записки и переписка князя Бориса Ивановича Куракина, [род. 1676, ум. 1727 г.]. Цѣна книги на веленев. бумагѣ 3 руб., на простой—2 руб. съ пересылкою. За экземпляръ въ хорошемъ переплетѣ припачивается 1 руб. 25 копѣекъ.

Князь Федоръ Алексѣевичъ Куракинъ, владѣлецъ села Надеждина, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи, хранитъ въ старинномъ и прекрасномъ домѣ своего имѣнія весьма обширный фамильный архивъ, въ которомъ находится много драгоценныхъ для отечественной исторіи матеріаловъ.

Желая подѣлиться съ изслѣдователями и любителями родной исторіи сокровищами своего архива, князь Θ. А. Куракинъ, при весьма дѣятельномъ сотрудничествѣ В. Н. Смольянинова, С. И. Кедрова и г. Лебедева, — всѣ трое педагоги и археографы въ г. Саратовѣ, — приступилъ къ разсмотрѣнію и описанію своего архива. Результатомъ двухъ-лѣтняго труда было описаніе бумагъ эпохи Петра Великаго (до 76 томовъ рукописей) и снятіе копій со многихъ изъ нихъ. Выбранныя бумаги, въ копіяхъ вмѣстѣ съ подлинниками, доставлены были въ Петербургъ, въ ред. «Русской Старины». Здѣсь пишущій эти строки, согласно предложенію кн. Θ. А. Куракина, принявъ на себя главное наблюденіе надъ составленіемъ и печатаніемъ его «Архива», приступилъ къ изданію этого сборника.

Первая книга вышла въ свѣтъ. Она вмѣщаетъ въ себѣ слѣдующіе, прямо скажемъ, драгоценныя матеріалы для исторіи Петра Великаго: письма Петра Великаго къ его свояку, славному дипломату его времени, князю Борису Ивановичу Куракину, всего шестьдесятъ одно письмо, за время съ 1711-го по 1724 годъ; письма эти напечатаны съ подлинниковъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ академика А. Θ. Бычкова. Затѣмъ, подъ нашимъ, общимъ съ преподавателемъ Археологическаго института графомъ Н. С. Ланскимъ, наблюденіемъ, напечатаны: «Гисторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, 1682—1694 гг.», соч. кн. В. И. Куракина, написанное имъ въ Гагъ и Парижѣ, въ 1723—1727 гг.; трудъ въ высокой степени интересный, заключающій въ себѣ новыя черты для обрисовки времени Петра I и многихъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей. «Дневникъ и путевыя замѣтки кн. В. И. Куракина, въ 1705—1708 гг.», «Жизнь того-же князя, имъ самимъ описанная, за время съ 1676 по 1709 г.», его же «Записки о Русско-Шведской войнѣ», 1701—1709 гг., и нѣкоторые другіе документы, какъ и предыдущіе, составляющіе собственно-ручные труды князя Бориса Ивановича Куракина.

Къ книгѣ приложены: родословіе фамиліи кн. Куракиныхъ, портретъ князя В. И. Куракина — отличный фототипическій снимокъ съ превосходнаго, гравированнаго въ концѣ XVII ст. портрета кн. В. И. Куракина, писаннаго съ натуры Кнеллер¹⁾ (снимокъ исполненъ у В. Е. Блассена въ Спб.), равно у него-же сдѣланные два снимка съ подлинныхъ рукописей кн. В. И. Куракина, наконецъ гербъ фамиліи кн. Куракиныхъ.

Книга «Архивъ кн. Θ. А. Куракина» вышла въ 500 экз., изъ нихъ 250 отпечатаны на веленовой бумагѣ.

Желающіе получить первую книгу благоволятъ обращаться съ заявленіями о томъ въ книжный складъ «Русской Старины» (Спб., Большая Подъячская, д. № 7). Книги доставляются въ С.-Петербургъ на домъ, а гг. иногороднымъ — по почтѣ, съ наложеннымъ платежомъ.

Вторая книга «Архива кн. Θ. А. Куракина» готовится къ печати.

Мих. Семевиій.

15-го іюля 1890 г.

Спб.

¹⁾ См. объ этой гравюрѣ въ «Словарѣ» Д. А. Ровинскаго изд. 1837 г. т. II, 1153.

THE LIFE OF

WILLIAM PATER

ВИЛЬГЕЛЬМЪ КАРЛОВИЧЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ

РОД. 1797 УМЕРЪ 1846.

Николай Михайловичъ Карамзинъ у графа Н. П. Румянцова

въ 1824 г.

3-го сентября 1827 г., Александръ Ивановичъ Тургеневъ писалъ своему брату, Николаю Ивановичу, изъ Лейпцига, между прочимъ, слѣдующее: «Я нашелъ въ здѣшнихъ *Blätter für literarische Unterhaltung*, которые издаеть Брокгаузъ, № 144 сего года, статью объ обѣдѣ у канцлера графа Румянцова, однимъ вѣмцемъ (мнѣ сказали—Буссе) написанную, гдѣ путешествующій нѣмецъ передалъ весь разговоръ за обѣдомъ у канцлера—Карамзина, Клингера и самого канцлера. Карамзинъ—весь живой, и мнѣніе о томъ, какъ должно писать національную исторію, о Юмѣ я слыхалъ отъ него нѣсколько разъ. Нѣмецъ прекрасно сохранилъ весь смыслъ словъ его и жаръ души. Я пошлю этотъ листокъ въ Москву. За симъ обѣдомъ вѣрно былъ и я» («Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу». Лейпцигъ, 1872, стр. 105, 106). Журнала, на который ссылается А. И. Тургеневъ, не нашлось ни въ одной изъ петербургскихъ библіотекъ, по крайней мѣрѣ, за 1827 годъ. Но, благодаря любезному содѣйствію одного лица, бывшаго недавно за границей, мнѣ удалось получить копію со статьи, указанной Тургеневымъ. Она дѣйствительно оказалась очень интересною, почему и предлагаю ее на страницахъ «Русской Старины» въ русскомъ переводѣ. Будущій біографъ Карамзина, безъ сомнѣнія, обратитъ на нее вниманіе. Большую цѣну придаетъ ей авторитетная похвала Тургенева, съ которымъ Карамзинъ велъ постоянныя бесѣды, устныя и письменныя, о своемъ великомъ историческомъ трудѣ.

Буссе, авторъ разсказа, вѣроятно, тотъ самый, который еще въ 1819 году издалъ въ Лейпцигѣ книгу: «*Fürst Wladimir und dessen Tafelrunde. Alt-russische Heldenlieder*»; упоминаемый имъ графъ Б.,

безъ сомнѣнія,—графъ Брей, баварскій посланникъ; съ нимъ знакомъ былъ Карамзинъ и считалъ его «человѣкомъ съ умомъ» («Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. С.-Петербургъ. 1886, стр. 225»).

Л. Н. Майковъ.

Литературный симпозионъ.

Изъ замѣтокъ путешественника, лѣто 1824 года.

Рекомендація бывшаго ...скаго посланника доставила мнѣ, въ первые дни моего пребыванія въ Петербургѣ, доступъ къ знаменитому, какъ въ политическомъ, такъ и въ литературномъ мѣрѣ, государственному канцлеру графу Румянцову. Нѣсколько дней спустя послѣ моего перваго посѣщенія, при чемъ мною переданы были письмо и визитная карточка, я получилъ отъ него приглашеніе къ обѣденному столу.

Я явился въ назначенный часъ и, пройдя цѣлый рядъ великолѣпно убранныхъ покоевъ, былъ введенъ въ кабинетъ, гдѣ за столомъ, заваленнымъ книгами, сидѣлъ графъ одинъ; волосы его были завиты и напудрены. Такъ какъ онъ глухъ, то сопровождавшій меня камердинеръ передалъ ему, какъ только я вошелъ, листъ бумаги, на которомъ было написано мое имя. Взглянувъ на бумагу, онъ встрѣтилъ меня ласково и пригласилъ сѣсть рядомъ съ собою.

— «Графъ Б***, сказалъ онъ, — далъ мнѣ новое доказательство своей дружбы, доставивъ мнѣ возможность познакомиться съ вами. За это я ему очень благодаренъ. Что-же касается васъ самихъ, то васъ мало можетъ интересовать личное знакомство съ глухимъ человѣкомъ. Впрочемъ, быть можетъ, гости, которыхъ я ожидаю, вознаградятъ васъ за ту скуку, которую я на васъ наведу. Но à propos, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, который, можетъ быть, вы найдете нескромнымъ, но который, по моему мнѣнію, кажется необходимымъ. Вы писатель? Графъ Б***, который въ своемъ письмѣ упоминаетъ о вашихъ путешествіяхъ, о вашемъ пребываніи при различныхъ дворахъ, ничего мнѣ объ этомъ не пишетъ».

Съ полнѣйшимъ сознаніемъ я отвѣтилъ ему громкимъ «нѣтъ», такъ ясно, какъ только могъ я выговорить это и на французскомъ языкѣ односложное слово.

— «Значитъ, нѣтъ?» повторилъ графъ, сомнѣваясь въ томъ, вѣрно-ли онъ слышалъ.

Я покачалъ отрицательно головой.

— «Ну, все равно, началъ онъ,—хоть я того мнѣнія, что если-бы вы были писателемъ, то у насъ было-бы больше хорошихъ книгъ. Позвольте мнѣ теперь рассказать вамъ маленькое происшествіе, о которомъ я только-что вспомнилъ и которое побудило меня сдѣлать вамъ этотъ вопросъ. Во время нашествія французовъ, въ 1812 году, въ Петербургъ пріѣхала госпожа Сталь. Ее сопровождалъ знаменитый ея соотечественникъ А. В. Шлегель, котораго я, конечно, зналъ, какъ выдающагося писателя, но мелкія литературныя непріязни котораго мнѣ были совершенно незнакомы, что, впрочемъ, простительно старому служацѣ и дипломату. Въ то-же самое время здѣсь находился Коцебу, съ драматическими произведеніями котораго я былъ также нѣсколько знакомъ по тѣмъ переводамъ его пьесъ, какіе даются на нашей сценѣ. Госпожа Сталь удостоила меня своимъ посѣщеніемъ къ обѣду; я-же, думая поступить вполне тактично, пригласилъ въ тотъ-же самый день къ обѣду и ея сопутника, такъ какъ предполагалъ доставить ему возможность пріятно побесѣдовать за обѣдомъ съ господиномъ Коцебу, котораго я равнымъ образомъ пригласилъ на тотъ-же обѣдъ. Впослѣдствіи мои болѣе свѣдущіе друзья объяснили мнѣ, какой литературный промахъ сдѣлалъ я этимъ приглашеніемъ. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ, такой промахъ надо извинить человеку, давно уже переставшему слѣдить за поэзіей, а тѣмъ болѣе не читавшему никогда нѣмецкихъ поэтовъ. Если-бы дѣло касалось исторіи, то такая ошибка была-бы для меня невозможна. Впрочемъ, по-нѣмецки я читаю много и охотно, и на моемъ столѣ вы увидите не мало нѣмецкихъ книгъ. Да вотъ, кстати, книга, которою я много занимался и съ которою я съ давнихъ поръ не расстаюсь». При этихъ словахъ, онъ подавъ мнѣ «Исторію среднихъ вѣковъ» Рюса. «Но, продолжалъ онъ,—позвольте вамъ объяснить мораль моего рассказа: я сдѣлалъ вамъ вопросъ о томъ, писатель-ли вы, или нѣтъ, для того, чтобы не быть опять причиной неудачно встрѣчи. Вопросъ мой вызванъ тѣмъ, что сегодня, кромѣ нашего историка Карамзина, я ожидаю еще вашего знаменитаго соотечественника-писателя, генерала Клингера.

Въ томъ тонѣ, которымъ канцлеръ рассказалъ это маленькое происшествіе, и въ его стараніи поддерживать бесѣду (а при его глухотѣ не легко было вести съ нимъ разговоръ) было столько добродушія и веселаго расположенія духа, что рассказъ этотъ былъ для меня и трогателенъ, и занимателенъ. На его слова я успѣшилъ какъ можно громче отвѣтить, что не только считаю за великое удовольствіе и счастье встрѣтиться съ Клингеромъ, но что не знаю или не могу себѣ представить ни одного нѣмецкаго писателя, который

на моемъ мѣстѣ могъ-бы быть другаго мнѣнія. Графъ, казалось, разслышалъ мои слова; по крайней мѣрѣ, онъ привѣтливо кивнулъ мнѣ головой. Въ эту самую минуту двери отворились, и въ комнату вошелъ человѣкъ въ генеральскомъ мундирѣ, съ двумя звѣздами на груди. То былъ Клингеръ. Не успѣлъ канцлеръ представить меня ему, какъ вошелъ и Карамзинъ; за нимъ слѣдовали еще двое другихъ, менѣе значительныхъ гостей. Когда разговоръ сдѣлался болѣе или менѣе общимъ, Клингеръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— «Вы посѣщаете нашъ сѣверъ въ качествѣ путешественника?»

— «Да, отвѣтилъ я,—познакомившись съ южною и западною Европою, я почувствовалъ желаніе посѣтить сѣверъ. Нынче нѣмцы путешествуютъ не меньше англичанъ».

— «Мои соотечественники, сказалъ на это Клингеръ,—прекрасно поступаютъ, много путешествуя; ученымъ нѣмецъ можетъ сдѣлаться у себя на родинѣ, умнымъ-же—только за границею».

— «Радуюсь за себя, сказалъ я улыбаясь,—что слышу подобное замѣчаніе за нѣмецкою границею; конечно, прибавилъ я послѣ нѣкотораго молчанія,—кто дѣлаетъ честь своему народу, тотъ имѣетъ право даже строго судить о немъ».

— «Какъ живетъ нашимъ добрымъ нѣмцамъ на родинѣ?» спросилъ Клингеръ, какъ-бы не разслышавъ моихъ послѣднихъ словъ.

— «Да что-же, отвѣчала я,—одни предписываютъ законы, другіе ихъ исполняютъ; одни пишутъ, другіе читаютъ; одни сѣютъ, другіе пожинаютъ».

— «Прекрасно, сказалъ онъ,—но вы пропустили еще одну важную антитезу: развѣ тамъ не покупаютъ и не продаютъ?»

Я только-что хотѣлъ сказать ему кое-что о таможенныхъ, о пошлинахъ, о торговомъ правѣ, но двери отворились, и человѣкъ доложилъ, что кушанье подано.

За обѣдомъ я сидѣлъ возлѣ Карамзина. Послѣ нѣсколькихъ общихъ словъ завязалась между нами бесѣда объ его историческомъ трудѣ. Я сказалъ ему, что прочелъ его съ большимъ интересомъ въ переводѣ Гауеншильда.

— «Многіе иностранцы, сказалъ онъ на это,—нѣмцы, французы, даже англичане, имѣли любезность высказывать мнѣ почти то-же самое, и я принималъ это болѣею частью за вѣжливость, какую принято говорить автору. Конечно, я не считаю свою исторію дурною книгою; я посвятилъ ей лучшіе годы своей жизни, не избѣгалъ ни труда, ни жертвъ, чтобы довести ее до возможнаго совершенства; но я писалъ ее для русскихъ, для своихъ соотечественниковъ; имъ я рассказывалъ о судьбѣ ихъ государей, ихъ предковъ, съ тою жи-

востью и обстоятельностью, которая только ихъ однихъ могла увлечь и приковать ихъ вниманіе. Иностранцамъ живость эта можетъ показаться преувеличенною, а подробности слишкомъ обширными...

— «Если выраженіе чувства вѣрно, сказала я,—то оно никогда не покажется слишкомъ восторженнымъ, и если въ выборѣ подробностей соблюдено чувство мѣры, то такое изложеніе никому не покажется слишкомъ обремененнымъ фактами».

— «Благодарю васъ, отвѣчалъ Карамзинъ,—за ваши обязательныя слова. Мой способъ писать возникъ изъ того представленія, которое я имѣю о приемахъ историка. Изъ всѣхъ литературныхъ произведеній народа изложеніе исторіи его судьбы болѣе всего должно вызвать его интересъ и менѣе всего можетъ имѣть общій, не строго національный характеръ. Историкъ долженъ ликовать и горевать со своимъ народомъ. Онъ не долженъ, руководимый пристрастіемъ, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять въ своемъ изложеніи бѣдствія; онъ долженъ быть прежде всего правдивъ; но онъ можетъ, даже долженъ все непріятное, все позорное въ исторіи своего народа передавать съ грустью, а о томъ, что приноситъ честь, о побѣдахъ, о цвѣтущемъ состояніи, говорить съ радостью и энтузіазмомъ. Только такимъ образомъ можетъ онъ сдѣлаться національнымъ бытописателемъ, чѣмъ, прежде всего, долженъ быть историкъ. «Исторія Англіи» Юма, хотя писана въ такъ-называемомъ философскомъ духѣ, но такъ холодно, что ее точно также хорошо могъ-бы написать какой-нибудь ученый испанецъ. Только тогда рассказъ Юма становится теплѣе, когда онъ передаетъ намъ о шотландскихъ междоусобіяхъ; но именно тогда-то онъ становится пристрастнымъ къ Шотландіи и обнаруживаетъ свой провинціальный патріотизмъ. А пристрастіе къ Шотландіи въ сочиненіи, которое называется «Исторіей Англіи», становится чѣмъ-то инымъ. У нѣмцевъ, продолжалъ Карамзинъ, — сколько мнѣ извѣстно, есть только два историка, которые писали такъ, какъ я себѣ представляю національнаго бытописателя: одинъ — это Іоганнъ Мюллеръ; но онъ написалъ только исторію маленькаго нѣмецкаго государства; второй—это Гагернъ, но и этотъ послѣдній, не говоря о нѣкоторыхъ другихъ недостаткахъ, поставилъ себѣ ограниченную цѣль. Въ содержательномъ трудѣ Мезера изложеніе фактовъ подчинено побочнымъ цѣлямъ; другимъ-же историкамъ, имена которыхъ я могъ-бы назвать, и которые не ограничиваются одними монографіями, не хватаетъ увлекательнаго изложенія и того одушевленія, которое я считаю обязательнымъ. Поэтому мнѣ кажется, что вы, при всемъ богатствѣ вашей литературы, не имѣете такого историка, который

изобразилъ-бы великую и всемірно-историческую судьбу вашего народа въ достойномъ трудѣ, соответствующемъ величію предмета и проникнутомъ патріотическимъ настроеніемъ ¹⁾. Впрочемъ, изъ того, что я сказалъ, вы легко можете заключить, къ чему я стремился въ моей «Исторіи»; но именно этотъ-то національный характеръ всего менѣе увлекаетъ иностранцевъ».

Этотъ приговоръ прославленнаго автора своему собственному произведенію я выслушалъ съ полнымъ вниманіемъ; только-что я собирался присоединиться къ его мнѣнію относительно того, какъ слѣдуетъ писать исторію своего народа, какъ графъ Румянцовъ прервалъ нашу дальнѣйшую бесѣду, обратившись къ моему сосѣду:

— «Николай Михайловичъ, сказалъ онъ,—я сегодня прочелъ въ одномъ старомъ, въпрочемъ, уже напечатанномъ, донесеніи нашего посольства одинъ курьезный случай, которымъ я съ вами подѣлюсь, если только вы общаете мнѣ воспользоваться имъ въ вашей «Исторіи» (хотя-бы только въ примѣчаніяхъ къ ней), когда дойдете до этой эпохи. Вотъ въ чемъ дѣло: царь Борисъ Годуновъ отправилъ посланника въ Венецію, а также къ другимъ итальянскимъ дворамъ. Во время своего путешествія, посланникъ этотъ пріѣзжаетъ, между прочимъ, во Флоренцію. Великій герцогъ даетъ повелѣніе показать ему картины, статуи и другія произведенія искусства; какъ разъ въ это время въ великогерцогскомъ звѣринцѣ страусъ снесъ яйцо; оно было поднесено, какъ рѣдкость, посланнику, въ знакъ вниманія великаго герцога. Посланникъ, къ сожалѣнію, не понялъ настоящаго значенія подарка; тѣмъ не менѣе, онъ пожелалъ почтить герцогское поднесеніе. Онъ очень наивно доложилъ великому герцогу, что полученное имъ большое яйцо онъ приказалъ разбить и изъ содержимаго сдѣлать себѣ яичницу, которую не преминулъ тотчасъ-же съѣсть за его здоровье, о чемъ онъ и доносить его высочеству».

По поводу этого курьеза, рассказаннаго съ веселымъ юморомъ, Карамзинъ замѣтилъ, что этотъ случай ему не безызвѣстенъ; только, по его мнѣнію, посланникъ былъ присланъ не отъ Бориса Годунова, а отъ другаго царя ²⁾.

¹⁾ Карамзинъ говорилъ это въ 1824 году, и потому ему была неизвѣстна «Исторія нѣмецкаго народа» Лудена, первая часть которой появилась лишь въ 1825 году. Авторъ.

²⁾ Карамзинъ былъ правъ: случай, о которомъ разсказалъ графъ Румянцовъ, относится ко времени царя Алексѣя Михайловича, къ посольству В. Б. Лихачева (см. Описаніе посольства, отправленнаго въ 1659 году отъ царя Алексѣя Михайловича къ Фердинанду II, великому герцогу Тосканскому. М. 1840, стр. 10).

— «Конечно, прибавилъ онъ,—въ тѣ времена наши уполномоченные при иностранныхъ дворахъ выказывали иногда недостаточное знакомство съ условными формами придворной жизни, а тѣмъ болѣе не умѣли отнестись къ рѣдкостямъ въ области естественной исторіи; тѣмъ не менѣе, ознакомленіе съ современными документами просто поражаетъ насъ тѣмъ чутьемъ и тою остротою ума, съ какими они проникали въ отношенія, совершенно имъ чуждыя, поражаетъ, съ какою предусмотрительностью вели они переговоры, съ какимъ вѣрнымъ сужденіемъ старались они употребить на пользу Россіи все, что видѣли внѣ ея предѣловъ».

У Карамзина очень громкій и полнозвучный голосъ; канцлеръ видимо его понималъ, кивнулъ ему утвердительно головою, рассказалъ еще многое другое и изящною манерою изложенія сьумѣлъ сдѣлать свою рѣчь чрезвычайно увлекательною. Канцлеръ говоритъ по-французски съ рѣдкимъ совершенствомъ, но такъ какъ его глухота затрудняетъ разговоръ съ нимъ, то онъ много говоритъ самъ и охотно рассказываетъ; вслѣдствіе того, сосѣди его за столомъ могутъ только играть, слушая его занимательную рѣчь.

Послѣ обѣда общество скоро разошлось. Сперва поднялся Клингеръ; съ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на удаляющуюся величавую старческую, но все еще не согбенную годами фигуру его. Изъ его голубыхъ глазъ свѣтитъ пронизательный и въ то-же время ласковый взглядъ; около его губъ часто играетъ тонкая, немного насмѣшливая улыбка, которая тѣмъ не менѣе, кажется, хочетъ жить со всѣми въ мирѣ. Вскорѣ послѣ него ушелъ и Карамзинъ. У него тоже величественный, энергическій видъ, прекрасныя черты лица, свободныя, непринужденныя манеры. Я остался послѣднимъ, съ графомъ вдвоемъ.

— «Если вамъ моя бесѣда нравится, сказалъ этотъ привѣтливый человѣкъ, — то общайте мнѣ не отказываться ни отъ одного моего приглашенія; тогда я буду имѣть возможность часто видѣть васъ у себя». Я выразилъ ему свою сердечную признательность. Когда я поднялся, графъ прибавилъ: «Я намѣренъ идти въ мою бібліотеку; быть можетъ, вы не откажетесь мнѣ сопутствовать».

Мы поднялись въ верхній этажъ канцлерскаго дворца, гдѣ цѣлый рядъ свѣтлыхъ, гостепримныхъ комнатъ былъ заставленъ книгами—отъ 30 до 40 тысячъ. Тутъ хранятся великолѣпныя сочиненія, громадныя изданія Дидо, эти гигантскіе памятники типографскаго искусства, подарокъ императора Наполеона, а также и многія другія рѣдкія книги. Всего интереснѣе собраніе рукописей. Хотя между ними мало древнихъ манускриптовъ, да и тѣ, какіе есть, болѣею частью

не имѣють значенія, но графъ не щадилъ ни труда, ни издержекъ, чтобы добывать копии съ древнихъ рукописей изъ архивовъ, монастырей и частныхъ книгохранилищъ. Его богатство, его положеніе, его отношенія къ иностраннымъ дворамъ и посольствамъ облегчали ему многое, что другимъ было-бы невозможно или крайне трудно. Въ подборѣ собираемыхъ памятниковъ графъ ограничивается только русскою исторіей, и потому въ его библиотекѣ отдѣлъ этотъ полнѣе другихъ. Онъ обладаетъ копіями съ интереснѣйшихъ старинныхъ государственныхъ актовъ, почерпнутыми изъ архивовъ Кеннгсберга, Варшавы и Стокгольма; многочисленными списками древнихъ грамотъ, надписей, метрикъ и т. п., которыя разсѣяны по церквамъ, монастырямъ и частнымъ имѣніямъ; точными описаніями и рисунками древнихъ памятниковъ, оружій или орудій, найденныхъ въ различныхъ мѣстахъ и разсѣянныхъ, а можетъ быть, небрежно сохраняемыхъ. Очень было-бы желательно, чтобы всѣ эти коллекціи, которыя, благодаря исключительному рвенію государственнаго канцлера и счастливымъ обстоятельствамъ, могли быть сохранены, не разсѣялись опять и не погибли-бы! Впрочемъ, надзоръ за рукописями ввѣренъ заслуженному и свѣдущему человѣку, который, подъ своимъ псевдонимомъ Востокова, извѣстенъ и за границу.

Когда я собрался уходить, графъ повторилъ свое приглашеніе, и я радуюсь, что получилъ доступъ къ графскимъ обѣдамъ. Много выдающихся писателей собирается у него. Я увижу тамъ Шторха, Круга, Аделунга, Френа, Шуберта и еще многихъ другихъ замѣчательныхъ моихъ соотечественниковъ.

Сообщ. Л. Н. Майковъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ НОВИКОВЪ

въ его перепискѣ съ кн. Н. Н. Трубецкимъ

въ 1816 г.

Помѣщаемыя ниже два письма Новикова къ князю Н. Н. Трубецкому и одно письмо послѣдняго къ Новикову печатаются по копіямъ, находящимся въ сборникѣ моей библіотеки № 401. Изъ перваго и третьяго письма напечатаны были незначительныя отрывки въ извѣстномъ сборникѣ: «Письма С. И. Г.» (изд. 2-е, Москва, 1836 г. ч. II, стр. 285—298), причѣмъ нѣкоторыя мѣста, касающіяся масонства, были издателемъ измѣнены. Письмо кн. Трубецкаго, служащее отвѣтомъ на первое письмо Н. Ив. Новикова и вызвавшее въ свою очередь третье письмо, не было напечатано.

Н. С. Тихонравовъ.

I

Н. И. Новиковъ—кн. Н. Н. Трубецкому.

1816 г. марта 30.

Чувствительнѣйше и покорнѣйше благодарю васъ и милостивую государыню княгиню Варвару Александровну за поздравленіе съ прошедшимъ торжественнымъ праздникомъ для всего христіанскаго рода—воспоминанія дня воплощенія Бога Слова для спасенія всѣхъ тѣхъ, которые въ Него вѣрують и святое ученіе Его и вѣрныхъ учениковъ Его исполняютъ.

Письмо ваше тѣмъ болѣе меня утѣшило, что вы еще оба помните насъ, хотя и прискорбно мнѣ было видѣть, что вы нездоровы и, говоря языкомъ христіанскимъ, несете тяжелые кресты. Но мы, помнится мнѣ, и не вступали на широкій, розами устланый путь, но на тѣсный, и общались по немъ со крестомъ своимъ протѣ-

ниться въ узкія врата, такъ чего-же намъ много и ожидать, какъ не различныхъ крестовъ? Но, ахъ! почтенный другъ, лишь-бы мы несли хотя огненный, но очистительный крестъ, а не наказательный! Возлюбленный нашъ Господь Иисусъ Христосъ сказалъ намъ: «Аще кто захочетъ по Мнѣ итти, тотъ да отвержется себя и возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ». Итакъ, ежели мы хотимъ быть Его учениками, то должны нести кресты, которые милосердіе Его на насъ возлагаетъ. Я не вѣрю нынѣшнему модному мнѣнію о всеобщемъ спасеніи даже и падшихъ ангеловъ, и почитаю оное заблудительнымъ и ложнымъ, ибо цѣлое св. писаніе сему противурѣчить. Все основаніе сего мнѣнія утверждается на словахъ Христа Спасителя нашего, сказанныхъ: «Я имѣю и иныхъ овецъ, которыхъ надлежитъ мнѣ спасти, которыя не суть отъ двора сего, и тогда будетъ едино стадо и единъ пастырь». Но весьма явно, что сія св. слова не тотъ имѣютъ смыслъ, который заблуждающіе въ нихъ влагаютъ. Очень ясно, что Христосъ Спаситель говорилъ сія слова къ іудеямъ, которые составляли особый избранный народъ; а подъ словами: «Я имѣю и иныхъ овецъ», Христосъ Спаситель предсказывалъ о язычникахъ, которые не принадлежали тогда къ избранному народу,—что и изъ нихъ вѣрующіе будутъ присоединены къ вѣрующимъ изъ евреевъ и составятъ тогда едино стадо, и Христосъ Спаситель будетъ единъ пастырь. Много-бы можно было привести свидѣтельство въ опроверженіе сего ложнаго мнѣнія, но для васъ, почтенный другъ, я почитаю ихъ излишними. Мода, погубительница и опустошительница добрыхъ нравовъ, вползла даже и въ нынѣшнее христіанское ученіе. Нынѣ въ превеликой модѣ стали и христіанскія книги, или такъ называемыя христіанскими книгами, но, однако-жь, не Арндтовы и подобныхъ ему писанія, но тѣхъ, которые услаждаютъ нашъ слухъ; нынѣ въ превеликой модѣ Штилингъ, и вскружилъ многимъ головы, даже и дамамъ. Всѣ дѣлаются проповѣдниками и проповѣдницами, учителями и учительницами, забывши слова святаго апостола, который ясно сказалъ: «какъ будутъ проповѣдывать, ежели не будутъ посланы?» А другой святой апостоль увѣщеваетъ и проситъ, чтобъ не многіе дѣлались учителями, потому что тѣмъ большее осужденіе получаютъ. А у насъ нынѣ едва-ли не болѣе сдѣлалось учителей, нежели сколько есть учениковъ. Учить легче, то есть: говорить легче, нежели учиться и исполнять. Въ наше время подлинно, что со страхомъ печатаны были христіанскія книги, нынѣ же печатаются свободно и такія книги, о которыхъ мы и подумать не осмѣлились-бы, а мы все-таки еще мартинистами остаемся. Остается только сказать: О міръ, міръ! О мода! о мода!

Что касается до меня, до моего состоянія и обстоятельствъ, то

я получаю безпрестанно новые кресты; силы мои изнурились и изну-
ряются подъ тяжкимъ бременемъ сихъ крестовъ: я такъ одряхлѣлъ,
что вы-бы теперь меня и не узнали. Но не хочу распространяться
въ описаніи оныхъ, дабы своимъ бременемъ не тяготить другихъ, а
только скажу, что я единожды навсегда предалъ себя въ волю Бо-
жію, которая «хочетъ всёмъ спастися и въ разумъ истины пріити»,
какъ говорить святой апостоль. Итакъ, за все да будетъ хвала
и благодареніе Господу Богу и Спасителю нашему! Аминь.

Поздравляю васъ и милостивую государыню Варвару Александровну
съ рожденною вашею правнукою; итакъ, вы и я сдѣлались прадѣдами,
но вы перецеголяли тѣмъ, что вы прадѣдъ по прямой линіи, а я по се-
стриной. Сколько-же должно-бы было намъ возростъ въ наукѣ,
которой мы нѣкогда учиться начали и всеторжественно
выучиться обѣщались самому нашему Учителю и Его под-
мастерьямъ? Оглянемся назадъ, пробѣжимъ се разстояніе мысленно:
сколько мы исполнили изъ того, что обѣщали? Горе ученику лѣнивому,
его будутъ сѣчь розгою. Горе рабу лукавому и лѣнивому, закопавшему
талантъ въ землю, который господинъ далъ ему для торговли: не
помидуютъ и его. Итакъ, постараемся поправить и вознаградить
потерянное время хотя въ остальные дни, кои намъ милостивый
Господинъ нашъ продлитъ благоизволитъ!!! Аминь!

Было время, когда было у насъ сотни учениковъ, искренно желавшихъ
учиться; но мы не умѣли учить и не знали, какъ и чему учить; гово-
рили все безъ разбору, что приходило въ мысль или что начитали
въ книгахъ, не вѣдая прямо и того, добрыя сіи книги были, или
худыя, правильныя, или неправильныя, кратко сказать: что прихо-
дло въ нашу память, то все стекало съ языка, отчего и произо-
шло нынѣ видимое безмѣрное множество ложныхъ понятій и заблу-
дительныхъ мнѣній, слѣпливаемыхъ съ нѣсколькими правильными
сказаніями. Не должно-ли и намъ подумать о словахъ возлюблен-
наго Христа Спасителя нашего, которыя онъ сказалъ святому апо-
столу Петру: «Симоне, Симоне, се сатана просилъ, дабы сѣялъ
васъ яко пшеницу, но Я молился о тебѣ, да не оскудѣетъ
вѣра твоя, и ты нѣкогда обратившись утверди братію твою». Станемъ-же,
почтенный другъ, день и ночь плакать, молиться и просить,
дабы се милосердное изреченіе исполнилось и на насъ! Аминь!

Нынѣ-же, когда милосердый Господинъ нашъ, насыщающій пре-
богатою трапезою вѣрныхъ своихъ учениковъ и послѣдователей, бла-
гоизволил и намъ, яко псамъ, бросить крошку отъ пребогатыя сея
трапезы, отъ которой умъ и сердце наше освѣтились и мы возчув-
ствовали правильнѣйшія понятія о высококомъ ученіи святыхъ учени-

ковъ Его и сдѣлались въ нѣкоторой мѣрѣ какъ-бы способными и сильными учить и вести другихъ ко учению,—но, ахъ! къ сожалѣнію, нѣтъ охотниковъ слушать. О, болтовство, болтовство, сколькихъ ты погубило и ввело въ заблужденіе! Скажемъ съ Макаріемъ: «Братіе, поплачемъ о грѣхахъ нашихъ!»

Теперь обращаюсь къ вамъ, Варвара Александровна; всепокорнѣйше благодарю васъ за поздравленіе ¹⁾..... и всеусерднѣйше поздравляемъ съ торжественнымъ праздникомъ Воскресенія Христа Спасителя нашего, моля и прося Его, да сподобитъ онъ васъ и насъ имѣть часть въ первомъ воскресеніи мертвыхъ тамъ въ вѣчность, а здѣсь да облегчитъ скорби, болѣзни и кресты, на васъ вложенные, или да даруетъ вамъ силы и крѣпость къ постоянному, терпѣливому и покорному несенію оныхъ.

Кажется мнѣ, что я никогда не пересталъ-бы писать и оканчивать письмо мое и исписалъ-бы хотя цѣлую дестъ—такъ велико и искренно желаніе мое; но всему есть мѣра: все то, что потечетъ черезъ край, есть лишнее. Ежели полюбится вамъ объимъ письмо мое, такъ увѣдомьте: я продолжать буду переписку сію, сколько силы и тѣсныя мои обстоятельства позволяютъ. А ежели не полюбится, такъ замолчите, тогда и я замолчу. Неужели и намъ вести переписку о городскихъ новостяхъ? Но въ такомъ случаѣ я попросилъ-бы васъ объихъ, чтобы письмо сіе прочитатъ въ другой и третьей разъ, тогда вы навѣрное узнаете, что перомъ симъ водила искренняя и сердечная любовь и вѣрное дружество. Я заключу письмо мое искреннимъ сердечнымъ моленіемъ и прошеніемъ, да ниспослетъ на васъ и на все семейство ваше милосердый Господь и Спаситель нашъ милосердіе и благословеніе Свое, да укрѣпитъ васъ и ниспослетъ вамъ временныя и вѣчныя блага и да даруетъ вамъ здравіе, спокойствіе и утѣшеніе. Сего желаетъ вамъ объимъ вашъ искренній и вѣрный другъ Н. Новиковъ.

¹⁾ Точками означенъ пропускъ нѣсколькихъ строкъ въ самой рукописи, по которой печатаются настоящія письма.

II.

Кн. Н. Н. Трубецкой — Н. И. Новикову.

Кострома, апрѣля 24 1816 года.

Прости мнѣ, мой другъ Николай Ивановичъ, что я къ тебѣ тотчасъ не отвѣчалъ на дружеское твое письмо отъ 30 марта, да и теперь отвѣчаю только въ нѣсколькихъ словахъ; вотъ мое оправданіе: и я, и жена такъ состарѣлись, что дня такого нѣтъ, чтобы мы были здоровы. Вотъ и теперь жена нѣсколько дней такъ мучится, болѣзнь въ зубахъ и въ ухѣ, и такъ сильно, что ни дня, ни ночи покою не имѣетъ; каково же мнѣ, при моихъ болѣзняхъ и моихъ горестяхъ, видѣть ее страждущую? — это оставляю тебѣ самому на сужденіе.

Сверхъ того, я такъ разстроень французами, что, — Богъ самъ видитъ, что я не лгу, — что я бываю часто и очень часто въ такомъ положеніи, что не знаю, будетъ-ли мнѣ на другой день чѣмъ прокормить себя, семью и людей, — словомъ, мой другъ, я за 70 лѣтъ пришелъ въ точное, и безъ прибавки, нищенское состояніе, и всѣ тяжести и горести нищеты на себѣ ощущаю.

Этого еще мало: я убитъ дѣлами моего внука, князя Ю. П., который былъ по службѣ сначала на весьма выгодной ногѣ, нынѣ, за дѣла, неприличныя офицеру, какъ то въ приказѣ написано, исключень изъ гвардіи тѣмъ-же чиномъ въ драгунскій Нарвскій полкъ. Но и сего еще не довольно: онъ понадѣлалъ такіа дѣла, что ежели не сжалятся государь на молодость его, то онъ долженъ будетъ по законамъ лишиться не только чиновъ, но и дворянства; въ дополненіи всего, онъ женился безъ всякаго позволенія на какой-то польской дворянкѣ, которая такъ-же нища, какъ онъ.

Вотъ положеніе и оправданіе предъ тобою друга твоего: вздохни о немъ какъ самъ, такъ попроси и почтеннаго моего Семена Ивановича ¹⁾, — воздохните въ вѣрѣ и въ духѣ оба къ Спасителю нашему и Господу Иисусу Христу, да Онъ по милосердію Своему извлечетъ насъ изъ пропасти, въ которой мы находимся, и да укрѣпитъ насъ въ вѣрѣ и не допустить возроптать на тѣ кресты, которые мы самопроизвольно на себя навлекли, и да избавитъ Онъ насъ по Его святой волѣ отъ совершенной гибели и отчаянія. Пожалуйста, помолитесь въ духѣ истиннѣ за истиннаго и велицеждѣрнаго друга

¹⁾ С. И. Гамалѣю, который жилъ въ 1816 году у Новикова.

вашего, котораго единое и все упованіе есть на милосердіе нашего Бога и Спасителя Іисуса Христа, а не на что иное, какъ-бы оно ни казалось мнѣ свято и выгодно. Онъ единый есть все мое упованіе. И хотя я писалъ къ государю и, описывая ихъ нищету, просилъ помощи, но и тутъ безъ Спасителя ничего не ожидаю, да и не хочу получить: Ему одному предаль судьбу обѣихъ — мою и всего моего семейства.

На все твое письмо не въ силахъ отвѣчать, а скажу только, что намъ заблужденіе другихъ челоувѣковъ оплакивать внутренно и взывать Спасителю должно съ любовію о присоединеніи ихъ къ истинному стаду, а не судити ихъ, ибо ежели они только не отвергають вочеловѣченія Іисуса Христа, то они, по словамъ писанія, не могутъ быть врагами Христа, и слѣдовательно, можетъ быть, и близки къ моленію и къ воззванію къ Нему въ духѣ и истинѣ и къ присоединенію ихъ къ духовной Его церкви; словомъ, оставимъ ихъ безъ сужденія, а станемъ только о нихъ молиться въ духѣ со слезами и вѣрою.

Что-же принадлежитъ до спасенія падшихъ ангеловъ, то я не дерзаю предписывать мѣру милосердія Всемогущаго Бога и не смѣю судить, что тогда будетъ, когда совершится сказанное въ писаніи, что и самъ Сынъ покорится Отцу, ибо сіе есть уже то время, въ которое намъ не должно дерзать проникать: ибо сіе было-бы испытывать, подобно Луциферу, неисповѣдимое для твари всемогущество, милосердіе и цѣль всего, еже есть въ вѣчности, предоставленное Всемогущимъ и Непостижимымъ Богомъ въ Его власть.

Словомъ, да исполнится во всемъ Его святая воля и дасть намъ, здѣсь живущимъ, достигнуть до поклоненія Ему въ духѣ и истинѣ, а тамъ, въ новомъ Іерусалимѣ, Апокалип. гл. 21, ст. 22, да познаемъ всю истину слова, мнѣ сказаннаго однимъ деревенскимъ попомъ, и простымъ: «Церковь-де, батюшка, не въ бревнахъ, а въ ребрахъ». Это меня поразило, и для того это слово я передаю тебѣ.

Но полно; право, силъ нѣтъ писать; впредь, коли Богъ дасть, то болѣе на письмо твое отвѣчать стану; другъ твой объемлетъ тебя и Семена Ивановича въ духѣ и любви Іисуса Христа!

Прости мнѣ, коли я что совралъ въ этомъ письмѣ: право, голова отъ горести не свободна.

III.

Н. И. Новиковъ — кн. Н. Н. Трубецкому.

Изъ села Тихвинскаго, іюля 9 1816 года.

Покорѣйше благодарю васъ, почтенный, другъ князь Николай Никитичъ, за письмо ваше отъ 24-го апрѣля. Напрасно вы извиняетесь въ медленности отвѣта на мое письмо; я самъ еще виноватѣе предъ вами — отвѣчаю такъ поздно на ваше письмо, и оправданіе мое сходно съ вашимъ: я также все сіе время очень нездоровъ; самъ писать не могу по причинѣ дрожанія руки. Вѣра ¹⁾ моя также нездорова: всю зиму кашляла, всю весну и лѣто не перестаетъ кашлять. Она съ Натальею Ильинишною ²⁾ ѣздила въ Москву къ Матвѣю Яковлевичу ³⁾ и прожила тамъ слишкомъ двѣ недѣли. Сверхъ сего, хозяйственныя и долговыя обстоятельства крайне меня тяготятъ, а наконецъ, 30 іюня, Господу Богу было угодно посѣтить меня еще новымъ крестомъ: громовый ударъ сдѣлался въ ригу, и ее и оба овина, и что близко было, то все превращено въ пепель. Ежели привести въ прежнее состояніе ригу, — что необходимо нужно, — то по нынѣшней дороговизнѣ всѣхъ вещей должно употребить до 3,000 рублей; а ихъ вѣтъ и взять негдѣ. Но я вѣрю, что та рука, которая наказала, и помилуетъ; я благодарю за сіе новое ко мнѣ милосердіе Божіе, ибо сказано: «егоже Господь любитъ, того наказуетъ». Но довольно о семь: на что тяготить васъ моими обстоятельствами? — у васъ и своихъ довольно.

Касательно болѣзни княгини Варвары Александровны, то я сердечно и искренное принимаю въ ней участіе, также и въ скорбь вашей. Я надѣюсь, что милосердіе Господне прекратило уже ея страданія отъ сей мучительной болѣзни; но ежели-бы случилось впредь, то ежели есть у васъ солнечная тинктура (*auri solaris*), то употреблять ее: держать хлопчатую бумагу, намочивъ сею тинктурою, вкладывать въ скважину больного зуба, сколько можно глубже, ибо боль состоитъ не въ кости, но въ нервѣ, который внутри зуба; и ежели что попадетъ въ зубъ, воздухъ, или что кислое, или сладкое, и коснется сего нерва, то сіе и производитъ всю болѣзнь; но когда отымается у сего нерва чувствительность, или, лучше сказать, онъ умерщвляется,

¹⁾ Дочь Н. И. Новикова.

²⁾ Вдова профессора И. Г. Шварца, жившая у Новикова.

³⁾ М. Я. Мудровъ — извѣстный московскій врачъ.

то и болѣзнь тотчасъ перестаетъ, а солнечная тинктура сіе производитъ. Сверхъ сего, весьма полезно полоскать зубы больные, и всякой день; когда сырая и вѣтрѣная погода — раза два или три въ день. А полосканіе сіе сами можете сдѣлать: взявъ французской водки или нашей кизлярской полштофа, натереть свѣжаго хрѣну на теркѣ и натертаго взять горсть, положить въ французскую водку въ цѣломъ штофѣ, чтобы половина оставалась пустою, заткнуть пробкою, поставить на солнцѣ, держать 10 или 12 дней, а потомъ употребить, какъ выше сказано; въ случаѣ-же, ежели-бы не было солнца, то можно столько-же дней продержать и на теплой печи. И то и другое лѣкарство — испытанныя.

Вздохнемъ, почтенный другъ, и пожалѣемъ о тѣхъ лѣчебныхъ сокровищахъ, кои намъ были даны, коихъ мы сохранить не умѣли, но потеряли, и коихъ нынѣ-же уже получить не можемъ. Что-же касается до состоянія и недостатковъ, въ которые вы въ такой глубокой старости пришли, тутъ ничего иного сказать нельзя, какъ только привести въ напamатованіе слова Христа Спасителя нашего: «Безъ воли Отца вашего небеснаго и волосъ съ главы вашей не спадеть». Слѣдовательно, съ вами и со мною дѣлается все по волѣ Его пресвятой, которая хочетъ всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истинный прийти. Но какъ можемъ достигнуть къ истинному Разуму, ежели не чрезъ самопознаніе, котораго не иначе можемъ достигать, какъ чрезъ одно только строгое и безпристрастное сужденіе своихъ поступковъ съ того времени, когда мы удостоились познать истину и ея ученіе, и когда рѣшились мы во всю жизнь нашу непрестанно слѣдовать сему ученію? Сіе изслѣдованіе непременно приведетъ насъ къ познанію цѣли всѣхъ крестовъ, на насъ ниспосылаемыхъ, т. е. къ истинному раскаянію и самому покаянію и болѣзнованію о проступкахъ или грѣхахъ нашихъ, а можетъ быть, и совершенному нарушенію обязательства, котораго никакая человѣческая мощъ разрушить не можетъ и которое мы свободновольно учинили. Вотъ, любезный и почтенный другъ, истинное и вѣрное лѣкарство, которое я предлагаю вамъ, себѣ и всякому подобному намъ. Да коснется сіе замѣчаніе наивнутреннѣйшаго основанія сердець нашихъ! Желалъ-бы я о семъ болѣе и болѣе распространиться, но не дерзаю преступать преграды.

Касательно-же до бѣдности и недостатковъ, то и я не въ лучшемъ положеніи вахожусь. О крестѣ, который на васъ низпосланъ чрезъ поступки и поведеніе внука вашего, сказать ничего не можно, кромѣ желанія: да помилуетъ его милосердый Господь Богъ нашъ, подвигнувъ сердце государя императора на милосердіе! Вы, почтенный другъ,

еще повторяете слово оправданіе. По мнѣнію моему, слово оправданіе должно противустать слову обвиненіе: да удалится отъ насъ всякое обвиненіе ближняго, а наипаче Б. ¹⁾ нашего! Но въ моемъ понятіи видѣть вещь въ собственномъ ея видѣ и называть каждую своимъ именемъ— не есть обвиненіе, ибо винить другаго, а себя оправдывать, есть въ нѣкоторомъ смыслѣ слѣпота и означаетъ худые успѣхи въ самопознаніи. Ежели мы достигли-бы въ состояніе истиннаго смиренія, тогда въ другомъ видѣли-бы мы только доброе, а худое только въ себѣ самомъ; но врагъ нашъ столь хитръ и лукавъ, что хотя и не закрываетъ отъ насъ проступковъ нашихъ маловажныхъ и допускаетъ видѣть оныя, болѣзновать объ нихъ, раскаяваться и признавать ихъ собственною нашею виною,—и все сіе дѣлаетъ для того только, чтобъ не допустить насъ познать истинныя преступленія наши, которыя онъ со всею своею дьявольскою хитростію отъ насъ закрываетъ.

Но мы должны просить помощи, въ горячей молитвѣ, у нашего Спасителя, чтобы Онъ благоволилъ открыть глаза наши на главнѣйшіе наши грѣхи и преступленія. Что-же касается до желаемой вами молитвы за васъ, то я могу увѣрить васъ, что ежедневно она приносится каждое утро и вечеръ тѣми, коихъ вы наименовали, по силамъ ихъ. Однако-жъ кажется мнѣ, что ежели мы не состоимъ въ одномъ духѣ, то и молитва рѣдко бываетъ услышана: магнитъ привлекаетъ желѣзо, а другихъ металловъ не влечетъ къ себѣ. Но я не могу на сей разъ далѣе говорить о семъ, и оставляю вамъ, себѣ и всякому находить подлинный центръ нашего преступленія, и объ немъ-то просить, раскаяваться и стараться исправить. Вы легко разумѣть можете, на что я цѣлю, да и не полезно, чтобы намъ указывали другіе то, что мы сами найти должны. Я даже страшусь вырвавшегося у васъ выраженія—ропота: мнѣ кажется, что и одно произнесеніе сего несчастнаго слова есть уже ропотъ. Мы и знать сего слова не должны: какъ можетъ дерзнуть тварь роптать на Творца своего? Да удалится сіе несчастное выраженіе отъ насъ! Я даже съ трепетомъ и ужасомъ отвращаюсь отъ мысли объ ономъ. А слово отчаяніе мы и знать не должны, а потому и говорить объ ономъ не желаю. Станемъ, почтенный другъ, общими силами стараться изслѣдовать, не раздѣлились-ли мы въ томъ духѣ, въ которомъ общались жить и умереть: сей-ли духъ и нынѣ насъ одушевляетъ? И

¹⁾ Т. е. брата по масонству.

ежели это такъ, то я вѣрю отъ всего сердца моего, что молитва наша вѣрно будетъ услышана, и скоро, скоро, и весьма скоро, восполѣдуетъ помилованіе. Но ежели мы будемъ оправдывать грѣхъ нашъ, извинять его и прикрывать, то онъ будетъ еще сильнѣйшимъ дѣлаться, и кажется, что не можетъ послѣдовать и избавленіе отъ онаго. Сердечно радуюсь тому, что вы, почтенный другъ, все упованіе ваше возлагаете на единого Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа. Но признаюсь, что другой половины сей фразы я не понимаю; вы написали: «а не на что иное, какъ бы оно ни казалось мнѣ свято и выгодно». Я совсѣмъ не могу догадаться, что сіе значить. По моему мнѣнію, что свято, то должно быть во Христѣ, изъ Христа и чрезъ Христа, и гдѣ истинно свято, тамъ и Христосъ, ибо мы и въ церквахъ поемъ: «Единъ святъ Господь Иисусъ Христосъ!» И потому кажется мнѣ, что гдѣ святость, тамъ храмъ Его, тамъ тѣло Его, котораго Онъ Самъ есть глава. На что намъ искать и пролагать новые пути, когда мы толико были счастливы, что предъ многими милліонами человѣковъ возведены были на истинный путь? Онъ есть одинъ, другова нѣтъ. Но я перестану о семъ говорить, ибо вы лучше меня знать о семъ должны. На мнѣніе ваше о спасеніи падшихъ ангеловъ, такъ, какъ вы выразили оное въ письмѣ вашемъ, я согласиться не могу, имѣя въ словѣ Божіемъ ясное и полное опредѣленіе участи ихъ; приведенный вами текстъ, кажется мнѣ, сюда не принадлежитъ. Но даже изъясненіе онаго, также и сравненіе съ испытаніемъ Луцифера видится мнѣ неосновательнымъ или и ошибочнымъ. Сказано: «рожденное отъ духа есть духъ», а святой Павелъ еще открытѣе говоритъ: «Духъ бо испытуетъ все, даже и глубины Божія»; слѣдовательно, ежели только мы рождены отъ духа, то не запрещается намъ испытывать тайны божественныя. Да кажется мнѣ, что и ученіе истинное ведетъ къ сему испытанію и познаванію. Касательно-же до судьбы падшихъ ангеловъ, и не возродившихся человѣковъ, и не раскаявшихся грѣшниковъ никакой тайны нѣтъ; но сіе ясно открыто по всему священному писанію, и самъ Христосъ Спаситель нашъ нѣкогда сказалъ и скажетъ: «Идите отъ Меня вси проклятые во огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его». Какой-же бы захотѣли мы искать тайны въ семъ опредѣленіи? Свѣтлѣе солнечнаго свѣта сіяютъ слова сіи: уготованный и прочъ; слѣдовательно, судьба ихъ рѣшена и намъ открыта. Да и сказанная Христомъ Спасителемъ нашимъ притча о богатомъ и Лазарѣ опредѣлительно вразумляетъ, что по причинѣ утвержденной пропасти между божественнымъ небомъ и адомъ никто не можетъ переходить изъ онаго въ небо; даже сказано, что и изъ неба никто не можетъ приходиться въ адъ. На что сего яснѣе?

Мнѣ удивительно, почтенный другъ, что вы такъ уважили слова деревенскаго священника, сказанныя вамъ: «Церковь-де, батюшка, не въ бревнахъ, но въ ребрахъ». Это выраженіе употребляется такъ называемыми раскольниками, слѣдующими ученію богемскихъ братьевъ, которое въ Россію принесено, вѣроятно, Кульманомъ. Они чрезъ сіе простое выраженіе означаютъ подъ бревнами наружную церковь, а чрезъ ребры намекаютъ на внутреннюю церковь, и мнѣ сіе выраженіе давно, давно было извѣстно. На что намъ заимствовать отъ сихъ простыхъ людей? Свѣтлѣ солнца сіяютъ слова: «Вы есте храмъ Божій и духъ Божій живетъ въ васъ»; также: «Царствіе Божіе внутрь васъ есть» и проч., и проч. При солнечномъ свѣтѣ кто-бы захотѣлъ зажигать свѣчу, дабы свѣтлѣ было? Можетъ быть, мы не созрѣли еще къ тому, чтобы царство Божіе открылось въ насъ и мы-бы ясно разумѣли слово Божіе и покорились вѣдѣнію духа Божія; но по неизглаголанному милосердію Господню къ намъ, мы приведены были уже къ духу, который соразмѣрнѣе съ духомъ нашимъ, т. е. ко духу О. ¹⁾ и къ ученію онаго, безъ коего, или не слѣдуя оному, трудно увидѣть свѣтъ, величайшій изъ всѣхъ свѣтовъ.

Бывъ стѣсненъ нѣкоторыми обстоятельствами, пишу я не совсѣмъ открыто, но меня утѣшаетъ то, что я пишу къ такому, который меня будетъ ясно разумѣть. Вы, почтенный другъ, легко усмотрите, что всѣ мои старанія, замѣчанія, напечатанія и желанія вертятся около одного центра и простираются изъ истинной сердечной любви.

О, ежели-бы сіи намѣренія достигли своей цѣли!

Сообщ. Н. С. Тихонравовъ.

¹⁾ Т. е. ордена масонскаго. Въ «Письмахъ С. И. Г.» это мѣсто напечатано въ измѣненномъ видѣ: «Но по неизглаголанному милосердію Божію къ намъ, мы приведены уже были къ духу истиннаго христіанства и къ ученію онаго».

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Не сѣрые гуси въ полѣ гогочуть,
 Не сѣрые орлы въ поднебесьи клекочуть,
 То гребенскіе казаки предъ царемъ стоятъ,
 Предъ грознымъ царемъ Иванъ Васильевичемъ.
 Они самому царю-надежѣ говорятъ:
 — «Ой, ты батюшка нашъ, православный царь,
 Чѣмъ ты насъ подаришь, чѣмъ пожадуешь?»
 — «Подарю я вамъ, казаченьки, да пожалую
 Рѣкой вольною Терекомъ-Гориничемъ,
 Отъ самаго Гребня до синяго моря,
 До синяго моря, до Каспійскаго».

Полно намъ, ребятушки, пить-гулять,
 Полно бражничать;
 Не пора-ли намъ, ребятушки, успокоиться,
 Во свои дворы направиться?
 Да давайте мы, ребятушки, думу думать—
 Думу крѣпкую:
 Да кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть,
 Атаманомъ быть, есауломъ слыть?
 Атаманомъ быть—Ермаку-казаку,
 Есауломъ слыть—Тимосеевичу.
 Мы состроимъ-ка, ребятушки, крѣпку лодочку,
 Чтобъ держать разѣздъ по синему морю.

На рѣкѣ, на рѣчкѣ, братцы,
 Было на Камышинѣ,
 Собирались-сѣзжались
 Люди вольные,
 Что донскіе, гребенскіе казаки
 Со яицкими.
 Атаманомъ былъ у нихъ
 Ермакъ душа,
 По прозвищу—Тимосеевичъ.
 Вотъ онъ рѣчь говорить,
 Какъ въ трубу трубить:
 — «Вы думайте, ребятушки,
 Да подумайте,
 Да меня, Ермака-казака,
 Да послушайте.
 Вотъ приходитъ у насъ, братцы,
 Лѣто теплое,
 Наступаетъ-то у насъ
 Зимушка холодная.
 Да мы гдѣ-же эту зимушку
 Зимовать будемъ?
 На Ликъ-городъ идти—
 Переходъ великъ,
 На Казань-городъ идти—
 Тамъ самъ царь стоитъ,
 Тамъ самъ Грозный царь
 Иванъ Васильевичъ,
 А на Тихомъ Дону быть—
 Намъ ворами слыть».

31-го декабря 1874 г.

Сообщ. г. Морозъ.

ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРЪЖНЫЙ.

Род. въ 1780 г., † 21 іюня 1825 г.

Очеркъ третій ¹⁾).

Въ настоящее время, когда тщательно собираются свѣдѣнія о всѣхъ сколько-нибудь выдающихся писателяхъ, едва-ли мыслимо, чтобы смерть котораго-либо изъ нихъ прошла незамѣченною, какъ это случилось съ Нарѣжнымъ. И здѣсь, сказалась его печальная литературная судьба: не смотря на всѣ поиски, мы не встрѣтили въ современныхъ журналахъ и газетахъ ни одного, хотя-бы самаго краткаго некролога Нарѣжнаго, съ обычными, принятыми въ этомъ случаѣ официальными данными о жизни и заслугахъ умершаго. Только въ 75 № «Сѣверной Пчелы» 1825 г., іюня 23 (вторникъ), напечатано краткое извѣстіе;

«На сихъ дняхъ скончались здѣсь, въ Петербургѣ, два литератора—членъ имп. россійск. академіи Павелъ Юрьевичъ Львовъ и надворный совѣтникъ Василій Трофимовичъ Нарѣжный ²⁾).

Естественно, что при такомъ равнодушіи современниковъ къ умершему романисту и забвеніи, которому вскорѣ подверглись его произведенія, со стороны большинства читающей публики, мало по малу,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., томъ LVIII, май, стр. 341—366; т. LIX, іюль, стр. 117—148; августъ, стр. 249—270. Портретъ Василя Трофимовича Нарѣжнаго приложенъ къ «Русской Старинѣ» изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 225.

²⁾ Въ томъ-же 1825 году, въ «Отечественныхъ Запискахъ», помѣщенъ подробный некрологъ П. Ю. Львова, но почему-то тогдашній редакторъ П. И. Свиньинъ не счелъ нужнымъ упомянуть въ своемъ журналѣ о Нарѣжномъ, хотя со стороны литературнаго значенія не можетъ быть сравненія между обими писателями. Н. В.

въ теченіи 65 лѣтъ, исчезъ весь матеріалъ для характеристики его личности и жизнеописанія. Бумагъ Нарѣжнаго не оказалось въ рукописномъ отдѣленіи спб. публичной бібліотеки; неизвѣстно даже, сохранились-ли у частныхъ лицъ какія-либо письма, которыя вообще относительно достовѣрности имѣютъ еще большую цѣну для всякой біографіи, нежели личныя воспоминанія.

Единственныя біографическія свѣдѣнія о В. Т. Нарѣжномъ, сообщенныя его сыномъ, помѣщены въ «Исторической Хрестоматіи» А. Д. Галахова (1). Къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти слишкомъ кратки и отрывочны; хотя, съ другой стороны, подробности, передаваемыя близкими родственниками, не всегда отличаются точностью, потому что они, подъ вліяніемъ родственнаго чувства, позволяютъ себѣ подчасъ намѣренное умалчиваніе и противорѣчіе въ собственныхъ показаніяхъ, забывая, что крупные таланты не нуждаются въ подобной заботливости объ ихъ репутаци. Но какъ-бы ни были скудны свѣдѣнія о жизни В. Т. Нарѣжнаго, это обстоятельство не имѣетъ рѣшающаго значенія при оцѣнкѣ его произведеній, потому что, во всякомъ случаѣ, по вѣрному замѣчанію кн. П. А. Вяземскаго, «главное въ писателѣ—его сочиненія».

Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе невниманія современниковъ и потомства къ первому, по времени, русскому романисту, намъ пришлось не только шагъ за шагомъ собирать фактическія данныя о жизни Нарѣжнаго, но отыскивать и забытыя произведенія, не вошедшія въ собраніе его «Романовъ и повѣстей», изд. въ 1835 — 1836 гг.; а при этихъ условіяхъ труда неизбѣжно должны оказались извѣстные пробѣлы.

I.

Василій Трофимовичъ Нарѣжный, сынъ польскаго шляхтича ¹⁾, родился въ 1780 году, въ мѣстечкѣ Устивицы, тогдашней Миргородской сотни Гадячскаго повѣта ²⁾, гдѣ его отецъ, Трофимъ

¹⁾ Копіи бумагъ отца В. Т. Нарѣжнаго, хранящихся въ архивѣ полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія подъ № 124, получены нами отъ товарища предсѣдателя полтавскаго окружнаго суда П. П. Филипенко, за что приносимъ ему глубочайшую благодарность. Въ бумагахъ этихъ, которыя будутъ приложены въ концѣ статьи, фамилія означена Нарѣжный, но мы оставимъ правописаніе фамиліи, принятое самимъ романистомъ, черезъ ѣ, а именно Нарѣжный.

²⁾ Повѣтъ заключалъ извѣстное число селеній и сотенъ. Повѣты были уничтожены въ 1760 году, вмѣстѣ съ другими учрежденіями, бывшими при поль-

Ивановичъ Нарѣжный (см. прилож. I), владѣлъ пахатною и сѣнокосною землею, отчасти имъ самимъ приобрѣтенною, а частью унаслѣдованною отъ предковъ. Послѣдніе, повидимому, принадлежали къ той шляхтѣ, «въ маломъ весьма количествѣ» оставшейся въ Гадячѣ послѣ изгнанія поляковъ, которая, по свидѣтельству А. Шафонскаго, «будучи сама принуждена казачье на себя принять званіе, не смѣла тогда о своемъ правѣ отзываться, а должна была подвергнуть себя подъ судъ и расправу военныхъ казачьихъ начальниковъ, т. е. гетмана, полковниковъ и сотниковъ, тѣмъ болѣе, что въ это время, военное на полки и сотни раздѣленіе распространено на все гражданское и земское правленіе»... (2).

Неизвѣстно, распространялось-ли на шляхтичей съ принятіемъ казачьаго званія обязательство служить въ войскѣ, и Т. И. Нарѣжный несъ военную службу въ силу-ли необходимости, или къ этому побудилъ его какія-нибудь личныя соображенія. Но во всякомъ случаѣ, въ 1786 году, Т. И. Нарѣжный, согласно поданной имъ челобитной, былъ уволенъ изъ черниговскаго карабинернаго полка ¹⁾, гдѣ онъ числился вахмистромъ, съ обязательствомъ «остаться вѣчно въ россійскомъ подданствѣ», и награжденъ чиномъ корнета (см. прил. II). Въ томъ-же году онъ подалъ «доношеніе» въ дворянское собраніе кievскаго намѣстничества о выдачѣ ему дворянскаго патента, на основаніи грамоты Петра Великаго 1721 года, предоставлявшей дворянство «всѣмъ оберъ-офицерамъ, ихъ дѣтямъ и потомкамъ». Доношеніе Т. И. Нарѣжнаго было читано въ упомянутомъ дворянскомъ собраніи 24 октября, и рѣшено выдать ему свидѣтельство о дворянствѣ впредь до изготовленія грамоты (см. прилож. III); но это рѣшеніе было впоследствии отмѣнено (см. прилож. IV).

Полученіе дворянства и чинъ корнета не могли внести никакихъ существенныхъ измѣненій въ бытъ семьи Т. И. Нарѣжнаго, который по выходѣ въ отставку, не имѣя крѣпостныхъ людей, или въ маломъ

скомъ владѣніи, а затѣмъ вновь возстановлены въ 1763 г. гетманомъ К. Г. Разумовскимъ. Гадячъ, какъ и нѣкоторые другіе города, созданные изъ мѣстечекъ и селеній, не разъ переходилъ, до окончательнаго образованія малороссійскихъ губерній, то къ кievскому, то къ черниговскому намѣстничествамъ.

Н. В.

¹⁾ Въ 1782 году, съ учрежденіемъ трехъ губерній или намѣстничествъ, Кievскаго, Черниговскаго и Новгородско - Сѣверскаго, казачьіе полки были раздѣлены на двѣ части; изъ нихъ одни подчинены кievскому намѣстничеству, другіе—черниговскому, а въ 1785 г. обращены въ 18 карабинерныхъ регулярныхъ полковъ и причислены къ дивизіи гр. Румянцева-Задунайскаго, который за годъ передъ тѣмъ былъ назначенъ главнокомандующимъ украинской арміи.

числѣ, долженъ былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, какъ и другіе малоземельные шляхтичи, проживающіе въ Гадячскомъ повѣтѣ, опять приняты за полевые работы. Шляхетскія претензіи и чванство, при скудныхъ средствахъ, суровомъ крестьянскомъ трудѣ и отсутствіи образованія, прекрасно очерчены В. Т. Нарѣжнымъ въ первой напечатанной части «Россійскаго Жильблaza», при описаніи нравовъ мелкопомѣстныхъ князей села Фалалѣвки. Тѣми-же типичными чертами изображаетъ онъ шляхтича, мимоходомъ выступающаго въ «Бурсакѣ» (ч. I, стр. 143—145, изд. 1835—1836 гг.). Завидя издали проѣзжихъ путниковъ, онъ бросаетъ свой плугъ и воловъ, смущенный тѣмъ, что его застали за полевой работою:

«Минуто спуста, пишеть авторъ,—послѣдовало превращеніе. Изъ за телѣги показался... мужнина въ синемъ поношенномъ жупанѣ; длинная сабля волокла за нимъ. Довольно издали онъ снялъ шапку, поклонился съ ласковою улыбкою и вскричалъ: «Добро пожаловать, господа кавалеры! Сердечно жалѣю, что замокъ мой не близко отсюда, а время настаетъ полдничать. Во время полуденнаго зноя я немного уснулъ, а бедѣльники мои подданные воспользовались симъ случаемъ и разбрелись до одного. Впрочемъ, господа, если вы чувствуете позывъ на ѣду, то милости просимъ къ моей бричкѣ. Тамъ найдете вы свиное сало, мяче и вкуснѣе всякаго масла, довольно число прензанныхъ луковицъ, величиною съ рослую рѣпу, и хлѣбъ, какого лучше не ѣсть и самъ гетманъ»... Но путники отказались отъ угощенія; и когда одинъ изъ нихъ опустил нѣсколько золотыхъ въ шапку шляхтича, то этотъ не уронилъ своего достоинства и, поклонясь учтиво, сказалъ: «Инъ прощайте, господа кавалеры! Деньги-же сіи я отдамъ первому прохожему, который пособитъ мнѣ свѣтъ на иноходца. То-то добрый конь! Ни у кого изъ сосѣднихъ дворянъ нѣтъ подобнаго.» Онъ положилъ деньги въ карманъ и съ великою важною пошелъ къ своей бричкѣ»...

Здѣсь-то, среди бѣдныхъ шляхтичей, жившихъ «мирно и братски съ крестьянами своими и чужими» («Рос. Жильбл.», ч. I, стр. 21), будущій романистъ еще ребенкомъ освоился съ понятіями, бытомъ и нуждами простаго некультурнаго человѣка; узналъ его съ темныхъ и свѣтлыхъ сторонъ. Только такимъ знакомствомъ, которое никогда не достигается искусственно, хотя-бы путемъ самаго внимательнаго изученія, можно объяснить то вѣрное, вполне реальное изображеніе народной жизни, которымъ отличаются произведенія В. Т. Нарѣжнаго.

Съ другой стороны, обстановка, окружавшая его съ дѣтства, дала ему наглядное и непосредственное знакомство съ Малороссіею гетманскихъ временъ. Въ концѣ XVIII вѣка, Украина носила еще слѣды борьбы поляковъ съ казаками; водвореніе русскаго господства, съ частыми перемѣнами, нерѣдко касавшимися коренныхъ учреждений, еще болѣе усиливало общее броженіе. Старое продолжало существо-

вать рука объ руку съ новымъ. Въ то время, какъ съ учрежденіемъ въ 1782 г. трехъ малороссійскихъ намѣстничествъ съ ихъ уѣздами, помимо наплыва великорусскаго элемента, болѣе достаточные или ловкіе представители бывшаго казацкаго правленія получили казенныя мѣста, нарядились въ сюртуки, камзолы и мундиры, завели шляпы и шпаги, запустили косы,—ихъ товарищи по прежнему расхаживали въ черкескахъ и шапкахъ, съ подбритымъ чубомъ и турецкою саблею, привѣшенною къ персидскому поясу. Простые казаки, ихъ жены и дочери оставались вѣрны одеждѣ своихъ предковъ. Нарѣжному не приходилось, какъ впоследствии Гоголю, собирать свѣдѣнія о старыхъ обычаяхъ или выписывать образцы народныхъ одеждъ. Онъ видѣлъ и зналъ ихъ съ дѣтства, видѣлъ старинныя казацкія хаты съ ихъ тогдашнимъ убранствомъ, широкіе рѣшетчатые дворы сотниковъ и дома ихъ, раздѣленные на-двое, съ сквозными сѣнями и просторнымъ покоемъ, гдѣ въ старину производились судъ и пиры (3). Еще живы были представители Запорожской Сѣчи, уничтоженной въ 1775 году, а также внуки и правнуки участниковъ войнъ Хмельницкаго. Разказы ихъ о казацкихъ подвигахъ и послѣднихъ гетманахъ, слышанные въ дѣтствѣ, должны были глубоко врѣзаться въ памяти Нарѣжнаго и не могли быть забыты имъ подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, ни даже продолжительной чиновничьей службы на далекомъ сѣверѣ. Онъ самъ видѣлъ мѣста повѣствуемыхъ событій и въ его воображеніи создались готовыя картины; ему оставалось только группировать ихъ.

Этому основательному знакомству съ историческою и бытовою Малороссіею, о которомъ свидѣлствуютъ его произведенія, В. Т. Нарѣжный, вѣроятно, обязанъ своимъ мнимымъ малороссійскимъ происхожденіемъ. Если не ошибаемся, послѣднее было впервые приписано ему «Сѣверною Пчелою» 1825 г., № 94, въ рецензіи его романа «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ», и съ тѣхъ поръ окончательно признано за нимъ. Между тѣмъ, неизвѣстно даже, была-ли малороссіянкую мать романиста, потому что въ прилагаемомъ семейномъ спискѣ упомянуто только, что она была дворянскаго происхожденія ¹⁾).

¹⁾ Въ краткой біографіи, помѣщенной въ «Исторической Хрестоматіи» А. Д. Галахова, сказано, что В. Т. Нарѣжный до 11-лѣтняго возраста воспитывался подъ руководствомъ своего дяди Андріевскаго-Нарѣжнаго. Если предположить, на основаніи этого извѣстія, что мать романиста была урожденная Андріевская-Нарѣжная или вѣрнѣе Андріевская,—судя по тому, что въ архивѣ полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія хранятся дѣла о дворянствѣ Андріевскихъ, а фамиліи Андріевскихъ-Нарѣжныхъ не оказа ось вовсе,—

II.

Обращаясь къ первоначальному обученію В. Нарѣжнаго, необходимо замѣтить, что онъ несомнѣнно долженъ былъ получить нѣкоторую научную подготовку до своего поступленія въ московскую дворянскую гимназію, судя по тому, что могъ въ шесть лѣтъ пройти довольно значительный гимназическій курсъ и «былъ произведенъ въ студенты». Но здѣсь является вопросъ: гдѣ собственно обучался онъ до 12-лѣтняго возраста? Въ тѣ времена, въ Малороссіи только богатые держали дома учителей, остальные воспитывали своихъ дѣтей въ первоначальныхъ школахъ, учрежденныхъ при монастыряхъ и церквахъ, а затѣмъ въ семинаріяхъ. При послѣднихъ, «на вклады щедрыхъ обывателей», устроены были для бѣдныхъ иногородныхъ учениковъ просторныя хаты, называвшіяся «бурсами», съ печью и широкими скамьями по стѣнамъ. Жизнь и нравы тогдашнихъ малороссійскихъ бурсаковъ такъ живо и наглядно изображены въ извѣстномъ романѣ Нарѣжнаго «Бурсакъ», что этому разсказу необходимо придать автобіографическое значеніе. Встрѣченное нами, въ упомянутой книгѣ Шафонскаго (стр. 280—284), описаніе черниговской бурсы и семинаріи 1786 года подтверждаетъ эту догадку. Вообще, это описаніе настолько близко подходитъ къ описанію бурсы въ романѣ Нарѣжнаго, что даетъ намъ право предположить, что самъ романистъ находился нѣкоторое время въ черниговской бурсѣ, и, наравнѣ съ другими учениками, посѣщаль школы или классы черниговской семинаріи (бывшаго латинскаго коллегіума ¹⁾). Подтвержденіемъ этой догадки служить то, что и отецъ Нарѣжнаго, до 1786 года, служилъ въ черниговскомъ карабинерскомъ полку.

«За тридцать и двадцать лѣтъ, пишетъ Шафонскій въ 1786 году, — всѣ дворянскія дѣти обучались въ сихъ школахъ, а нынѣ однихъ только недоста-

то изъ этого нельзя выводить какихъ-либо заключеній относительно малороссійскаго происхожденія Анастасіи Нарѣжной.

¹⁾ Черниговская семинарія или коллегіумъ устроена въ 1700 г., раньше всѣхъ другихъ малороссійскихъ семинарій, черниговскимъ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ, изъ стараго училища, переведеннаго въ Черниговъ, въ XVII в., изъ Новгорода-Сѣверскаго, гдѣ оно существовало сначала въ видѣ іезуитской коллегіи, потомъ православной школы. Курсъ черниговскаго коллегіума устроенъ былъ по образцу кіевской академіи, съ полнымъ господствомъ латинскаго языка; при этомъ коллегіумъ, какъ всѣ малороссійскія духовныя школы, былъ заведеніемъ открытымъ для всѣхъ и не имѣлъ церковнаго назначенія (4). Въ XVII в., коллегіумъ находился при черниговскомъ кафедральномъ Борисоглебскомъ монастырѣ, а въ 1780-хъ годахъ окончательно переименованъ въ семинарію.

точных дворянъ дѣти и то самымъ малымъ числомъ въ сіе училище входятъ. Теперь всѣхъ учениковъ 269..... Что принадлежитъ до самаго ученія, образа порядка или метода его, то оный самый затруднительный, для учащихся отягчительный, время теряющій и бесполезный. Онъ занятъ отъ польскихъ духовныхъ, но еще хуже того юношество, провождая цѣлый день въ латинскомъ языкѣ, и потерявъ столько времени, болѣе ничего не научались.... Касательно до настоящихъ наукъ, то о нихъ не только ученики, но и сами учителя и понятія не имѣютъ....

«Сколь само ученіе слабое и ограниченное, столь содержаніе учителей и учениковъ бѣдно и скудно... Бѣдные студенты живутъ въ особомъ, къ школамъ принадлежащемъ домѣ, который бурса называется, гдѣ отъ архіерея давались дрова, въ недѣлю нѣсколько разъ печеный ржаной хлѣбъ и на кашу крупа; однакожь сія дача столь мала, что если-бы не было народнаго подаванія, то бы они съ голода и холода помирать должны. Когда послѣ полудня изъ классовъ учащихся по своимъ квартирамъ распустятъ, то обыкновенно студенты, жившіе въ бурсѣ или бурсаки, къ сожалѣнію и общему стыду, ходятъ по всему городу подъ окошками духовныя пѣсни поютъ и за то отъ жителей денежное и съѣстное подаваніе получаютъ. Собравъ сію милостыню, спѣшать въ бурсу, чтобы выучить заданные въ классахъ уроки и къ другому дню себя приготовить. Нѣкоторые жители сверхъ сего дневнаго подаванія снабждаютъ ихъ одѣяніемъ...

«Есть еще особый способъ испрашивать подаваніе, нѣсколько ученостію покрытый. Обыкновенно приостанавливается ученіе на іюль и августъ мѣсяцы и на оныя ученики распускаются въ свои дома. Сіе время называется вакаціи. Бѣдные студенты ходятъ въ оное время по всей малой Россіи, говорятъ въ домахъ латинскія, польскія и русскія рѣчи, а за то получаютъ нѣкоторое награжденіе»...

Не подлежитъ сомнѣнію, что эта характеристика можетъ быть примѣнена въ общихъ чертахъ къ любой малороссійской бурсѣ того времени, хотя бы переяславской, описанной И. Тимковскимъ (въ упомянутой статьѣ стр. 21); но въ подробностяхъ каждая изъ нихъ должна была представлять извѣстныя мѣстныя особенности, и только въ этомъ отношеніи мы придаемъ значеніе полному тождеству характеристики Шафонскаго съ описаніемъ Нарѣжнаго. Едва-ли также можно считать простою случайностью или ошибкою въ «Бурсакѣ» помѣщеніе Переяславля на Деснѣ, тѣмъ болѣе, что географія этой мѣстности была хорошо знакома Нарѣжному; и вообще въ его сочиненіяхъ нѣтъ подобныхъ погрѣшностей. Затѣмъ, въ «Бурсакѣ» описанъ древній женскій монастырь XVII в., вѣроятно черниговскій Пятницкій, при готической церкви Параскевы, еще существовавшій въ 1780-хъ годахъ, между тѣмъ, какъ въ самомъ Переяславлѣ ни въ это время, ни прежде, насколько намъ извѣстно, не было ни одного женскаго монастыря.

Мы привели здѣсь тѣ доводы, на основаніи которыхъ рѣшились высказать наши предположенія о первоначальномъ воспитаніи В. Т.

Нарѣжнаго; но не думаемъ отставать ихъ, потому что только подлинныя документы могутъ подтвердить или опровергнуть сказанное нами ¹⁾.

Аналогія, проведенная однимъ изъ позднѣйшихъ рецензентовъ между «Очерками бурсы» Помяловскаго и описаніемъ бурсы Нарѣжнаго, кажется намъ вполне вѣрною (5); она несомнѣнно существуетъ, не смотря на различіе литературныхъ приѣмовъ обоихъ писателей и самого тона разсказа. Аналогія эта, главнымъ образомъ, можетъ быть объяснена тѣмъ, что тотъ и другой описывали ту-же бурсу, хотя въ различные періоды времени и на разныхъ концахъ Россіи, и передавали свои личныя, непосредственно пережитыя ими впечатлѣнія.

Но здѣсь мы оставляемъ шаткую почву предположеній и переходимъ къ положительнымъ даннымъ. Въ краткой біографіи, помѣщенной въ «Исторической Хрестоматіи» А. Д. Галахова, сказано, что «въ 1792 году В. Т. Нарѣжный былъ отданъ въ дворянскую гимназію при московскомъ университетѣ», что подтверждается и официальными документами, которые напечатаны въ концѣ нашего очерка ²⁾.

Дворянская гимназія на ряду съ другою, разночинскою, были

¹⁾ Нахожденіе документовъ, въ настоящемъ случаѣ, будетъ счастливою случайностью, потому что при перекройкѣ малороссійскихъ губерній официальныя бумаги подверглись сортировкѣ и были пересылаемы изъ однихъ городовъ въ другіе; а нѣкоторыя изъ нихъ и, помимо этого, погибли безвозвратно. Такъ, по свѣдѣніямъ, обязательно собраннымъ для насъ въ Кіевѣ многоуважаемымъ Д. Г. Лебединцемъ, старый архивъ кіевской академіи сгорѣлъ въ 1811 году при общемъ подольскомъ пожарѣ. Затѣмъ, по словамъ очевидцевъ, весной 1854 года, во время переславскаго пожара, «горѣли бібліотека и архивъ переславской семинаріи» и погубило много документовъ. Что же касается архива черниговской семинаріи, то по наведеннымъ для насъ справкамъ, списки учениковъ черниговской семинаріи, въ которой обучались бурсаки, сохранились только, начиная отъ 1794 года и при этомъ, одного «пятическаго» класса; болѣе полныя списки существуютъ отъ 1796, 1797 и дальше. Но такъ какъ В. Т. Нарѣжный уже въ 1792 году поступилъ въ московскую дворянскую гимназію, то имени его не оказалось въ нѣбующихся спискахъ.

Н. В.

Достоверность послѣдняго извѣстія подтверждается свѣдѣніями, сообщенными по нашей просьбѣ въ редакцію «Русской Старины» преосвященнымъ Веніаминномъ, епископомъ черниговскимъ, за что приносимъ его преосвященству глубокую признательность.

Ред.

²⁾ Документы эти, доставленные въ редакцію «Русской Старины» вдово сына В. Т. Нарѣжнаго, Анною Тихоновною, а въ особенности формулярный списокъ о службѣ романиста въ разныхъ учрежденіяхъ,—служили для насъ въ хронологическомъ отношеніи руководною нитью при составленіи настоящаго очерка.

Н. В.

основаны одновременно при московскомъ университетѣ: въ первой учились дѣти потомственныхъ и личныхъ дворянъ, во второй—дѣти разночинцевъ, кромѣ крѣпостныхъ, которые не иначе могли быть допущены въ гимназію и университетъ, какъ, получивъ увольнительное свидѣтельство отъ своихъ помѣщиковъ (6). Сначала обѣ гимназіи были совершенно отдѣлены одна отъ другой; даже учителя и классы были разные, такъ какъ, по статьѣ 39, «Проекта объ учрежденіи московскаго университета», различіе это уничтожалось только по окончаніи гимназическаго курса. «...Какъ выдуть изъ гимназіи, сказано въ статьѣ проекта,—и будутъ студентами у вышнихъ наукъ, такими быть вмѣстѣ, какъ дворянамъ, такъ и разночинцамъ, чтобъ тѣмъ болѣе дать поощреніе къ прилежному ученію».

Но при увеличеніи числа гимназистовъ (7), раздѣленіе дворянъ и разночинцевъ относительно ученія оказалось неудобнымъ; почему ученики обѣихъ гимназій стали учиться одновременно въ однихъ и тѣхъ-же классахъ, а вскорѣ и за одними столами, такъ что составилась какъ-бы одна гимназія съ двумя отдѣленіями.

Между тѣмъ, внѣшнія различія удерживались долѣе, и существовали во всей силѣ во время поступленія В. Нарѣжнаго въ гимназію; но уже при немъ, а именно въ концѣ 1796 года, были уничтожены Павломъ I (кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ). Такъ, напримѣръ, казеннокоштные; которыхъ полагалось до пятидесяти въ той и другой гимназіи, жили въ разныхъ покояхъ: воспитанники дворянскаго происхожденія на особой дворянской половинѣ, а разночинцы на другой, хотя обѣдали въ общей столовой залѣ. При этомъ столы накрывались на разныхъ сторонахъ залы; столовая посуда на дворянскихъ столахъ подавалась англійскаго фаянса и ложки серебряныя, а на разночинскихъ столахъ посуда и ложки употреблялись оловянные; была даже разница въ кушаньяхъ. Кромѣ того, на такъ называемомъ прилежномъ столѣ, подавалось кушанье дворянское, съ прибавленіемъ сладкаго, пирожнаго ¹⁾; между тѣмъ какъ лѣнивый столъ не покрывался ничѣмъ, посуда была деревянная, кушанье самое простое (хлѣбъ черный, квасъ и соль); попадавшіе за этотъ столъ, какъ дворяне, такъ и разночинцы, должны были ѣсть стоя.

¹⁾ За прилежнымъ столомъ сидѣли по одному человѣку изъ каждой камеры неизмѣнно въ теченіи мѣсяца, (въ главномъ университетскомъ зданіи на дворянской половинѣ было семь камеръ или длинныхъ залъ, и восемь на разночинской половинѣ). Въ первое число каждаго мѣсяца, передъ началомъ обѣда, дежурный студентъ въ столовой громко прочитывалъ списокъ новыхъ прилежныхъ учениковъ, и прежніе должны были уступать имъ свои мѣста.

Самое рѣзкое различіе «штатныхъ» воспитанниковъ отъ разночинцевъ заключалось въ одеждѣ, которая была хотя и одинаковаго покроя, но разнаго цвѣта: при этомъ тѣ и другіе, равнымъ образомъ, заплетали себѣ косички, подвивали пукли и, смотря по времени года, носили сапоги или башмаки съ пряжками.

Что касается гимназическаго ученія, то главною цѣлью его было приготовленіе будущихъ студентовъ университета; поэтому и здѣсь, и тамъ «изучались почти одни и тѣ-же предметы, только въ университетѣ пространно, въ гимназіяхъ—сокращенно». Въ высшихъ гимназическихъ классахъ, по предметамъ русской и древней словесности, занимались профессора и адъюнкты; въ среднихъ и низшихъ—учили бакалавры и студенты университета. Гимназіи помѣщались въ одномъ зданіи съ университетомъ, состояли подъ начальствомъ одного и того-же директора; инспекторомъ гимназіи былъ который-либо изъ ординарныхъ профессоровъ; изъ лучшихъ студентовъ избирались «цензоры» для наблюденія за поведеніемъ учениковъ гимназіи; они-же помогали послѣднимъ въ приготовленіи уроковъ.

Въ каждой гимназіи было по четыре школы; въ каждой школѣ по три класса. «Первая школа была руссiйская; въ ней три класса соотвѣтствовали тремъ ступенямъ: грамматикѣ и чистотѣ слога, стихотворству и краснорѣчію; здѣсь-же былъ введенъ и славянскій языкъ. Вторая школа была латинская; въ ней соблюдалась постепенность отъ первыхъ основаній латинскаго языка до чтенія самыхъ трудныхъ писателей ¹⁾. Третья школа—первыхъ основаній наукъ: въ низшемъ классѣ обучали ариѳметикѣ, въ среднемъ—геометріи и географіи, въ высшемъ—сокращенной философіи. Четвертая школа—знатнѣйшихъ европейскихъ языковъ; въ ней ученіе предлагалось съ тою-же постепенностью; при этомъ введено было и признано за нужное изученіе греческаго языка»... (Шевыревъ, стр. 15).

Вообще, на ряду съ классическими языками, въ гимназіяхъ было обращено особенное вниманіе на изученіе новѣйшихъ европейскихъ языковъ, «по мысли» извѣстнаго учредителя московскаго университета И. И. Шувалова, который хотѣлъ дать будущимъ студентамъ необходимое средство «для изученія наукъ въ ихъ современномъ состояніи». Благодаря этому, языки, по свидѣтельству проф. Шевырева (стр. 44), шли настолько успѣшно между казеннокоштными студентами, что они могли помогать иностранцамъ въ гимназическомъ обученіи; съ другой стороны, это-же знаніе давало имъ заработокъ,

¹⁾ Въ гимназической библиотекѣ, обильно снабженной книгами, находились всѣ латинскіе классики въ изданіи Целларія; авторы, объясняемые въ классахъ, имѣлись въ количествѣ 20 экземпляровъ. Н. В.

состоявшій въ переводѣ книгъ «на вольную продажу» и для журналовъ, чѣмъ, повидимому, поддерживалъ себя В. Т. Нарѣжный во времена студенчества.

Срокъ ученія въ гимназіяхъ не былъ опредѣленъ; каждый могъ учиться столько времени, сколько дозволяли ему средства, обстоятельства и дарованія. «Талантливый, говоритъ проф. Страховъ (стр. 8),—могъ въ четыре года или въ пять лѣтъ достигнуть степени студента, между тѣмъ, какъ не весьма даровитый въ это время едва могъ выбраться изъ среднихъ гимназическихъ классовъ въ высшіе»... В. Нарѣжный, какъ видно изъ выданнаго ему университетскаго аттестата (см. прил. V), оказалъ средніе успѣхи и, пробывъ шесть лѣтъ въ гимназіи, былъ «произведенъ въ студенты» въ 1798 году.

Въ настоящее время, въ виду тѣсной связи, какая существовала между тогдашнею гимназіею и университетомъ, довольно трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ В. Т. Нарѣжный обязанъ былъ своимъ образованіемъ гимназіи и что собственно далъ ему въ этомъ отношеніи университетъ, тѣмъ болѣе, что онъ пробылъ въ послѣднемъ всего два года. Насколько была плодотворна эта связь и цѣльность плана преподаванія, видно по тому значительному количеству выдающихся общественныхъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, какихъ дала первая по времени московская гимназія во время своего 57-лѣтняго существованія, совмѣстно съ университетомъ. Блестящіе результаты этого воспитанія сказались и на В. Нарѣжномъ. Произведенія его показываютъ въ немъ безусловно образованнаго человѣка, знакомаго не только съ классическою, но и западно-европейскою литературою, а равно значительную по тому времени степень умственнаго развитія, благодаря которому, не смотря на полную отчужденность отъ тогдашней русской интеллигенціи, онъ сохранилъ до конца своей литературной дѣятельности уваженіе къ наукѣ и потребность высшей духовной жизни. Едва-ли будетъ правильно приписывать это исключительно способностямъ и прирожденному таланту В. Т. Нарѣжнаго; для развитія того и другаго необходимы извѣстныя благопріятныя условія, а насколько намъ удалось прослѣдить жизнь перваго, по времени, русскаго романиста, обстоятельства благопріятствовали ему только со стороны воспитанія.

III.

Московскій университетъ въ тѣ времена, сравнительно съ нынѣшними порядками, представлялъ, какъ и тогдашняя гимназія, нѣкоторыя особенности относительно учебнаго плана и даже всей обстановки и обычаевъ. Такъ, напримѣръ, всѣ сколько-нибудь важные моменты въ жизни университета, сопровождались особенною торжественностью, составлявшею отличительную черту общественныхъ нравовъ XVIII вѣка. На университетскихъ актахъ постоянно присутствовало высшее духовенство, знать, извѣстные литераторы и все тогдашнее образованное московское общество; при этомъ читались хвалебныя оды и стихи, произносились рѣчи не только профессорами и студентами, но даже учениками гимназій.

Съ такою-же торжественностью совершалось «производство въ студенты» учениковъ, окончившихъ гимназическій курсъ, особенно со времени кураторства Мелиссино (1771 † 1795), который «любилъ всякіе обряды». Въ этихъ случаяхъ одинъ изъ будущихъ студентовъ обращался «съ латинскою просительною рѣчью» къ директору университета; директоръ обращался съ такою-же рѣчью къ куратору. Этотъ произносилъ на латинскомъ языкѣ похвалу ректору, профессорамъ и учащимся, и самъ изъ рукъ своихъ раздавалъ шпаги ученикамъ, получавшимъ званіе студентовъ, которые, въ свою очередь, читали благодарственные рѣчи и стихи... Актъ всегда заключался привѣтствіемъ посѣтителемъ отъ инспектора' обѣихъ гимназій (8).

Но съ званіемъ студента не было тогда связано право на слушаніе лекцій. Не смотря на контроль университета надъ гимназическимъ преподаваніемъ и на то, что въ высшихъ классахъ читали профессора и адъюнкты, общій уровень знаній учениковъ обѣихъ гимназій считался недостаточнымъ, и только лучшіе изъ нихъ могли по экзамену поступать прямо въ университетъ. Остальнымъ давали извѣстный срокъ на подготовку, послѣ чего, по выполненіи условій, изложенныхъ въ тогдашнемъ «Студенческомъ уставѣ», они получали доступъ къ слушанію лекцій. Условія эти заключались въ слѣдующемъ: 1) знаніе свободныхъ наукъ и возможность по латынѣ свободно и вразумительно извясняться словомъ и письмомъ; 2) достовѣрное свидѣтельство въ правѣ на законную свободу и исключеніе изъ подушнаго оклада; 3) свидѣтельство о благонавіи. «Все это слѣдовало доказать въ открытомъ засѣданіи конференціи, въ присутствіи директора университета», и все это было, несомнѣнно, выполнено В. Нарѣжнымъ, который не принадлежалъ къ числу лучшихъ учениковъ

гимназій. Изъ его аттестата видно, что онъ только черезъ годъ послѣ «производства въ студенты», поступилъ въ университетъ, а именно въ 1799 году.

Тогдашній университетскій курсъ былъ также четырехъ-годичный, но распределение предметовъ опять-таки представляло извѣстныя отличія. Согласно «Студенческому уставу», каждый поступившій въ университетъ обязанъ былъ на первомъ году пройти общій подготовительный курсъ, такъ называемый «словесныхъ наукъ», который состоялъ въ знаніи латинскаго, греческаго и русскаго языковъ (присовокупя къ онымъ нѣмецкій или французскій), исторіи, географіи, древностей, митологіи (мнеологіи), чистой математики, физики и логики. Затѣмъ уже студенту представлялось выбрать одинъ изъ трехъ факультетовъ (философскій, юридическій и медицинскій), съ обязательствомъ пробыть въ немъ не менѣе трехъ лѣтъ.

В. Нарѣжнѣй, по окончаніи курса «словесныхъ наукъ», поступилъ на философскій факультетъ, представлявшій тогда соединеніе наукъ философскихъ, историческихъ съ математическими и частью естественными. Въ прилагаемомъ аттестатѣ Нарѣжнаго не означены нѣкоторые предметы философскаго факультета и сказано только, что онъ обучался: 1) логикѣ и метафизикѣ, 2) энциклопедіи всѣхъ наукъ, 3) всемірной исторіи и географіи, 4) чистой и 5) смѣшанной математикѣ, и 6) опытной физикѣ. Это объясняется тѣмъ, что онъ пробылъ въ университетѣ не болѣе двухъ лѣтъ, а именно съ осени 1799 г. по 10 октября 1801, и слѣдовательно, по окончаніи курса «словесныхъ наукъ» всего годъ слушалъ лекціи на философскомъ факультетѣ.

Изъ тогдашнихъ преподавателей философскаго факультета самое видное мѣсто занимаютъ А. А. Антонскій-Прокоповичъ и П. П. Страховъ (9). Антонскій-Прокоповичъ, извѣстный своей плодотворною педагогическо-литературною и общественною дѣятельностью, имя котораго тѣсно связано съ существованіемъ московскаго «благороднаго пансіона», занималъ кафедру энциклопедіи и натуральной исторіи, и впервые началъ читать эти предметы на русскомъ языкѣ. Разбирая историческое развитіе естественной исторіи отъ глубокой древности до XVIII вѣка и указывая на ея историческое значеніе, онъ умѣлъ заинтересовать слушателей и пріохотить ихъ къ занятіямъ. На ряду съ нимъ стоитъ, менѣе извѣстный въ настоящее время, но еще болѣе даровитый и блестящій профессоръ опытной физики П. П. Страховъ, который, при широкомъ образованіи и знаніяхъ, съ первой-же лекціи поразилъ своихъ слушателей новымъ талантливымъ изложеніемъ предмета и искусствомъ въ произведеніи опытовъ, и до

конца пользовался такою популярностью, что по свидѣтельству очевидца И. Тимковскаго (10), его обширная аудиторія постоянно наполнялась студентами всѣхъ факультетовъ и многочисленными посѣтителями. Благодаря своей прекрасной дикціи, громкому голосу и представительной наружности, Страховъ былъ первымъ ораторомъ университета, и въ торжественныхъ случаяхъ говорилъ рѣчи даже за другихъ профессоровъ философскаго факультета, какъ напр. Чеботарева (профес. русской словесности и русской исторіи), Панкевича («смѣшанной» математики) и Брянцева (логики и физики). При этомъ П. П. Страховъ пользовался общимъ уваженіемъ профессоровъ и студентовъ за свою неподкупную честность.

Что касается вліянія Прокоповича-Антонскаго, Страхова и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ на тогдашнихъ студентовъ, то оно только до извѣстной степени могло коснуться В. Т. Нарѣжнаго, въ виду кратковременнаго пребыванія его въ университетѣ. Единственный изъ профессоровъ, съ которымъ онъ могъ имѣть болѣе близкія и продолжительныя сношенія, былъ П. А. Сохацкій, инспекторъ греческихъ и латинскихъ классовъ обѣихъ гимназій, а съ 1791 года (по смерти профессора Барсова) преподаватель греческой и латинской словесности въ университетѣ и редакторъ двухъ журналовъ, гдѣ Нарѣжный помѣщалъ свои юношескіе литературные опыты. Проф. Сохацкій, поклонникъ классицизма и эпической поэзіи, не сочувствовалъ возникавшей романтической модѣ, и горячо возставалъ противъ мрачнаго колорита и туманности, которые тогда начали проникать въ нашу литературу,—и могъ въ этомъ отношеніи повліять на начинающаго писателя. Но съ другой стороны, если Нарѣжный въ своихъ первыхъ произведеніяхъ заплатилъ извѣстную дань классицизму и, вообще, оставался чуждъ романтизма (кромѣ одной повѣсти, о которой будетъ сказано ниже), то это можетъ быть настолько-же объяснено его личными литературными симпатіями и вкусомъ.

Причины преждевременнаго выхода Нарѣжнаго изъ университета неизвѣстны, и, вѣроятно, зависѣли отъ какихъ-либо семейныхъ обстоятельствъ, такъ какъ, по всѣмъ даннымъ, увольненіе Нарѣжнаго изъ университета, согласно поданному прошенію, въ октябрѣ 1801 г., едва-ли соответствовало его собственнымъ желаніямъ. Занятія его шли вполне успѣшно, судя по выданному ему аттестату; равнымъ образомъ трудно предположить, чтобы причина заключалась съ его стороны, въ недовольствѣ условіями университетской жизни, такъ какъ по свидѣтельству тогдашнихъ студентовъ, окончившихъ курсъ нѣсколькими годами раньше Нарѣжнаго, а именно И. Тимковскаго и П. Полуценскаго (11),—условія эти были самыя благопріятныя.

Кураторами и директорами университета постоянно избирались лучшие и образованнѣйшіе люди того времени, которые своимъ вліяніемъ поддерживали гуманныя отношенія преподавателей къ ихъ слушателямъ, способствовали возникновенію литературныхъ студенческихъ обществъ, а также журналовъ и изданій, гдѣ студенты могли помѣщать свои литературные труды. Начало такихъ періодическихъ изданій относится къ 1760-мъ годамъ съ этихъ поръ они слѣдовали почти непрерывно одни за другими и много способствовали умственному развитію студентовъ, которые при этомъ могли пользоваться библіотекою, обильно снабженною книгами на разныхъ языкахъ. Послѣдняя помѣщалась въ камерахъ разночинской гимназіи; въ нее поступало по экземпляру всѣхъ книгъ, какія печатала университетская типографія; кромѣ того, получались вѣдомости и журналы, выходившіе при университетѣ. Студенты сходились сюда для чтенія и бесѣды о прочитанномъ.

Частная жизнь студентовъ не была стѣснена никакими особенными, даже внѣшними, формальностями. Не смотря на неоднократное пожалованіе форменнаго университетскаго мундира, еще въ 1797 и 1800 гг., студенты въ одеждѣ не придерживались опредѣленной формы; и даже не всѣ имѣли свой университетскій мундирь: «каждый одѣтъ былъ какъ могъ и какъ хотѣлъ», и поэтому многіе, по свидѣтельству современниковъ, являлись на улицахъ въ довольно фантастическихъ костюмахъ. Казеннокоштные студенты жили въ университетѣ или внѣ его на жалованьѣ, получаемомъ отъ казны въ размѣрѣ 100 р., на которые должны были содержать себя; недостатокъ денегъ на одежду, книги и проч. пополнялся посылками изъ дому и собственнымъ трудомъ, въ видѣ уроковъ и, главное, переводовъ, о которыхъ упомянуто выше. Въ то-же время университетскія празднества, акты, публичные лекціи, а также театральныя представленія, маскарады, танцевальныя и музыкальныя вечера, которые устраивались въ стѣнахъ университета, непосредственно сближали студентовъ съ остальнымъ образованнымъ обществомъ, и служили для нихъ отдыхомъ отъ умственныхъ занятій.

Таковы были условія жизни московскихъ студентовъ конца прошлаго вѣка, и едва-ли кто-нибудь изъ нихъ могъ вообще тяготиться ими, а тѣмъ болѣе Нарѣжный, не избалованный съ дѣтства и не знавшій другаго, лучшаго существованія.

IV.

Къ временамъ студенчества В. Нарѣжнаго относятся его первыя литературныя произведенія, напечатанныя въ журналахъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени», 1798 г. (изд. при университетѣ подъ редакціею Сохацкаго и Подшивалова), а затѣмъ въ «Ипзокрепѣ или Утѣхахъ Любословія», 1799 и 1800 гг., которая составляла продолженіе перваго изданія, при тѣхъ-же сотрудникахъ, но подъ редакціею одного Сохацкаго ¹⁾.

Сравнительно значительное количество статей В. Т. Нарѣжнаго, помѣщенныхъ въ обоихъ названныхъ журналахъ, кажется намъ вполне объяснимымъ, потому что и въ этихъ первыхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ авторъ какъ-бы пробуетъ свои силы, видны проблески несомнѣннаго таланта. Подобно многимъ начинающимъ и впоследствии извѣстнымъ писателямъ, онъ еще не можетъ остановиться на одномъ опредѣленномъ родѣ поэзіи или прозы, и упорно выбираетъ литературную форму, наименѣе сродную его таланту. Но такія неудачныя попытки едва-ли можно назвать напрасною тратою силъ, а скорѣе извѣстною и необходимою стадіею развитія таланта, гдѣ бессознательное недовольство написаннымъ побуждаетъ автора къ дальнѣйшему усовершенствованію и постепенно выводитъ на настоящій путь. Не прошелъ безслѣдно для развитія таланта Нарѣжнаго первый трехлѣтній періодъ его юношеской литературной дѣятельности, хотя въ это время онъ почти исключительно придерживается стихотворной и драматической формы или пишетъ фантастическіе рассказы, не имѣющіе ничего общаго съ тѣмъ вѣрнымъ реальнымъ изображеніемъ дѣйствительности, которое мы встрѣчаемъ въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ.

Первый литературный трудъ В. Т. Нарѣжнаго, напечатанный въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени», 1798 года, состоитъ въ прозаическомъ переводѣ съ нѣмецкаго поэтическаго сказанія «Сотвореніе розы». Къ сожалѣнію, по обычаю многихъ тогдашнихъ переводчиковъ, имя иностраннаго автора не указано имъ; поэтому мы не можемъ судить о степени вѣрности съ подлин-

¹⁾ При разборѣ произведеній В. Т. Нарѣжнаго, мы ограничимся указаніемъ журналовъ и годовъ напечатанія, потому что подробный хронологическій перечень сочиненій романиста, какъ помѣщенныхъ въ журналахъ, такъ и вышедшихъ отдѣльными изданіями, помѣщается нами въ приложеніи къ настоящему очерку.

никомъ; но, вообще, не смотря на устарѣлыя выраженія, переводъ читается легко, и процессъ передачи чужихъ мыслей и фразъ совершенно незамѣтенъ, а это возможно только при основательномъ знаніи языка, на которомъ написанъ подлинникъ. Такое знаніе не составляло рѣдкости при вниманіи, какое было обращено въ тогдашнемъ воспитаніи на иностранные языки, и Нарѣжный имѣлъ полную возможность изучить нѣмецкій языкъ, которымъ занимался въ гимназіи и университетѣ.

То-же можно сказать и о другомъ переводѣ В. Т. Нарѣжнаго, который сдѣланъ стихами съ латинскаго, а именно «Къ Аристію», изъ Горация (ода 22, кн. I). Что-же касается самостоятельныхъ стихотвореній В. Нарѣжнаго, помѣщенныхъ въ томъ-же изданіи, то въ нихъ преобладаетъ торжественный тонъ «пѣснопѣвцевъ» того времени, которые, за немногими исключениями, нерѣдко приносили въ жертву искусственному пафосу поэтическіе создаваемые ими образы и художественныя картины.

Въ этомъ-же тоиѣ написана вся поэма В. Нарѣжнаго «Брега Алты», которая начинается слѣдующими вступительными стихами:

«Взошедъ пресвѣтлый Царь небесъ
И ризою своей багряной
Покрывъ поля и дальній лѣсъ,
И Алты брегъ злато-песчаный.
Взошелъ и, робко путь свершая,
Багряный пурпуръ разливая,
Открылъ полки російскихъ силъ—
Недавно здѣсь Владиміръ грозно
Враговъ кичливыхъ полкъ разилъ»....

Далѣе, авторъ отъ воспоминанія подвиговъ Владиміра святаго переходитъ къ описанію убійствъ Святополка, печально поразившихъ Россію, а также характера свирѣпаго князя, и при этомъ все болѣе и болѣе впадаетъ въ рабское подражаніе Державину, который пользовался большимъ авторитетомъ у тогдашней молодежи:

.... «Россія мракомъ облеченна,
Отъ взоровъ сѣя скорбь и страхъ,
Печально грустью откровенна,
Съ блестящею слезой въ очахъ,
На верхъ днѣпровскихъ горъ склонилась,
Со стономъ, воплемъ такъ рекла:
«Увы, вѣнецъ мой меркнетъ свѣтлый,
«Падетъ мой твердый нынѣ тронъ!
«Ужель, ужель мнѣ пастъ, Предвѣчный
«Теперь Ты положилъ законъ?»

Вѣщала—слезъ рѣка текла
 Изъ глазъ безсмертьемъ одаренныхъ,
 И пала на волнахъ смущенныхъ
 Владыки росскихъ южныхъ водъ.
 Смутился Днѣпръ, возсталъ, завылъ,
 И вой его веадѣ промчался . . .

.
 Такъ Святополкъ, исполненъ злобы,
 Какъ вихрь летаетъ по полямъ;
 Предъ нимъ находятъ Россы гробы.
 Возрить—и молнии блещутъ тамъ;
 Онъ ступить—поле, брегъ стенаетъ,
 Мечомъ махнетъ—и всѣхъ сражаетъ,
 Речеть—и грозный громъ гремитъ,
 Подвигнется—вкругъ кровь кипитъ...» и проч.

Вторая поэма В. Т. Нарѣжнаго, а именно «Освобожденная Москва», напечатанная въ томъ-же 1798 г., написана подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ трагедіи М. М. Хераскова «Освобожденная Москва», которая была поставлена на сценѣ 18-го января 1798 года. Вся разница въ сюжетѣ обоихъ произведеній заключается въ томъ, что трагедія Хераскова взята изъ смутнаго времени, а поэма Нарѣжнаго относится къ нашествію Тамерлана при Василии I, о чемъ заявляетъ самъ авторъ въ примѣчаніи къ своей поэмѣ, съ обычною добросовѣстностью писателей XVIII вѣка (13): «Много разъ, пишетъ онъ, бывала Москва подъ игомъ иноплеменныхъ, много пострадала отъ Литвы и Польши, но правосудіе Божіе спасало державный градъ русскаго царства,—спасало рукою Пожарскаго и другихъ героевъ, которыхъ священныя тѣни недавно воззваны изъ жилищъ райскихъ гласомъ нашего пѣснопѣвца. Но здѣсь была Москва подъ властію злѣйшаго врага, неукротимаго вожда войскъ татарскихъ, и благость Божія спасла ее чудеснымъ образомъ».

Поэма «Освобожденная Москва» во многомъ напоминаетъ «Брега Алты», и также богата гиперболами. Авторъ начинаетъ съ описанія ночи и стана татаръ, которыхъ онъ называетъ агарянами:

. . . Повсюду огонь въ кострахъ горящій,
 Среди разставленныхъ шатровъ
 Ругался (?) тьмѣ ночной. Послѣдній
 Насталъ день рока,—Тамерланъ,
 Россійской кровью окропленный,
 Взошедъ въ татарскій черный станъ,
 Вѣщаль: «Агаряне внемлите,
 Насталъ геройскій часъ, Москва
 Не хочетъ быть вольна, спѣшите,
 Да въ прахъ падетъ градовъ глава!

Мы стѣны разоримъ, чертоги
 Наполнимъ кровью; огонь и дымъ
 Пошлемъ, гдѣ обитають боги,
 И кто мы—всюду возвѣстимъ.
 Топимъ волковъ, за мной идущей,
 Я трупы росски предаю;
 Россійской кровью, адѣсь текущей,
 Я хищныхъ врановъ упою;
 И слава наша надъ звѣздами
 Заутра воспаритъ крылами . . .

Далѣе слѣдуетъ плачь опечаленной Москвы, очень схожій съ плачемъ Россіи въ предыдущей поэмѣ, и такимъ образомъ, авторъ безсознательно копируетъ самого себя, что, какъ извѣстно, случается иногда и съ болѣе опытными писателями. Поэтому мы приведемъ только,—какъ нѣчто болѣе своеобразное,—явленіе въ облакахъ гѣни Даніила, сына Александра Невскаго, для утѣшенія горестной Москвы, которая:

. . . Зрять—среди холмовъ небесныхъ дальнихъ
 Сіянье нѣкое скользить . . .
 На раменахъ порфира блещеть,
 Вѣнецъ монаршій на главѣ;
 Лучи златые скипетръ мешеть,
 Хоругвь багряная въ рукѣ.
 Течеть—и воздухъ разсѣкая,
 Онъ сталъ предъ горестной Москвой;
 Со благостью къ ней взоръ склоняя,
 Вѣщаль: «Москва, утѣшься мной!
 Я внялъ твои мученья, стоны,
 И въ ликѣ праведныхъ скоробѣль,
 Утѣшься! се врагу препоны,
 Что смерти твоя хотѣлъ!...
 Хоругвь сія тебѣ вручаетъ
 Побѣду вѣрну надъ врагомъ,
 Падеть кичливый, возстенаеть,
 Въ рукѣ его погаснетъ громъ,
 Померкнетъ слава знаменита!
 Я Даніилъ—твоя защита!...
 Вѣщаль, на облакахъ багряныхъ
 Возсѣвъ, направилъ быстръ полетъ,
 Улыбка на устахъ румяныхъ
 Одушевила росскій свѣтъ . . .

«Обагрятая» луна приводитъ въ трепетъ сердца татаръ, которые, по выраженію автора поэмы, «предчувствуютъ небесъ войну»; слѣдуетъ описаніе битвы и бѣгства самого Тамерлана за разсѣянными

татарскими полками. Поэма кончается обращеніемъ къ Москвѣ и восхваленіемъ Всевышняго въ духѣ одъ того времени.

Характеръ оды, преобладающій въ обѣихъ приведенныхъ поэмахъ, проглядываетъ и въ единственномъ лирическомъ стихотвореніи В. Нарѣжнаго, «Къ другу моему», что нарушаетъ цѣльность общаго впечатлѣнія, какъ видно изъ слѣдующаго:

Когда небесныхъ вождь планетъ
Лучемъ пурпурнымъ кроетъ горы,
Орелъ простретъ на твердь полетъ,
Разсѣкая тучъ соборы,
Парить,—стенаетъ зыбь подъ нимъ,
Колелеть твердь крыломъ своимъ.

* * *

Малиновеа на вѣтви нѣжной
Хранить въ груди своей покой,
Свою пѣсню прелестной
Ликъ солнцевъ славить золотой,
Спокойно зрять орлинъ полетъ
И утра красоту поетъ и проч.

* * *

Оставь полеты ты орляны,
И арфу перестрой свою,
Воспой поля, луга, долины,
И арфу нѣжную твою
Склони пѣть юность, красоты,
Любови цѣпи и цвѣты....

Что касается четвертаго и послѣдняго стихотворенія В. Нарѣжнаго «Пѣснь Владиміру кіевскихъ бояновъ», то оно настолько искусственно и лишено всякой поэзіи, что мы считаемъ лишнимъ приводить его, хотя-бы въ видѣ небольшихъ выдержекъ, и коснемся только выбора сюжета, который относится къ древней русской исторіи, какъ и сюжетъ двухъ поэмъ В. Нарѣжнаго, о которыхъ сказано выше. Интересъ къ отечественной исторіи могъ быть тогда возбужденъ въ Нарѣжномъ, помимо профессорскихъ лекцій, знакомствомъ съ нѣкоторыми печатными источниками, которые должны были найдены въ университетской библіотекѣ ¹⁾. Подтверженіемъ этой до-

¹⁾ Такъ, напр., уже были изданы восемь томовъ русской лѣтописи при имп. акад. наукъ (1767—1792 гг.); шесть томовъ «Записокъ касательно Россійской исторіи» (1787—1794), гдѣ матеріаломъ послужили отчасти выписки изъ лѣтописей, сдѣланныя московскими профессорами Чеботаревымъ и Барсовымъ, и наконецъ, «Сводъ бытій російскихъ» проф. Барсова, напечатанный послѣ его смерти Карамзинымъ въ VII ч. «Московского Журнала» 1792 г., не говоря о хронографахъ, еще довольно распространенныхъ въ XVIII в.

гядки служить и первое самобытное произведение В. Т. Нарѣжнаго, написанное прозою, а именно, историческій разсказъ «Рогвольдъ» (помѣщенный, какъ и его стихотворенія, въ журналъ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1798 г.), который, очевидно, взятъ изъ лѣтописи, хотя видоизмѣненный и сильно украшенный фантазіею 18-лѣтняго автора.

Разсказъ «Рогвольдъ», написанный частью въ повѣствовательной, частью въ разговорной формѣ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, представляетъ въ частностяхъ такіе несомнѣнные признаки таланта, что мы рѣшаемся привести его, хотя въ значительно сокращенномъ видѣ:

«Ночь была свѣтлая. Майская луна величественно освѣщала лазоревое небо; Полоцкъ находился въ глубокомъ покоѣ; войско Владимірово въ безмолвіи возлежало на обширныхъ поляхъ его.

«Однимъ князь Владиміръ, обладавшій тогда пространнымъ сѣверомъ, исполненъ мрачныхъ мыслей, простеръ по полю козенныя стопы свои.... Тогда представилась въ мысли его вся несправедливость его поступковъ, представилась горестъ, стenanіе и самая смерть Рогвольдовой фамиліи и паденіе цѣлаго царства Полоцкаго. Мечталось ему, что тѣни пораженныхъ готовы были излѣти на него всю свою ярость; что кровь ихъ, превращалась въ пламенную рѣку, готова окружить Владиміра. Таковыя мечтанія смущали душу сѣвернаго героя.... Синіе ночные туманы сокрывали Полоцкъ отъ глазъ его, и онъ непримѣтно очутился на берегу рѣки.

«Онъ простеръ вдоль свои взоры, и черная огромная гробница представилась глазамъ его.... Но сколь велико было его удивленіе, когда при ней увидѣлъ онъ сѣдаго старца, блѣднаго, какъ осенняя луна, тощаго, какъ изсохшій тростникъ.....

«Владиміръ (въ смятеніи останавливаясь): «Кто ты, ночное видѣніе? Старецъ-ли подлинно, или враждебный духъ, ноющій при гробницахъ въ часъ полуночи и въ семъ образѣ возмнившій устрашить меня?...»

Старецъ оказывается полоцкимъ княземъ Рогвольдомъ, котораго считали погибшимъ на полѣ битвы; онъ разсказываетъ Владиміру исторію постигшихъ его бѣдствій: потерю княженія, гибель сыновей и нареченнаго зятя, насильственный бракъ Рогвѣды, и объясняетъ, что поселился у гробницы, воздвигнутой ему и его сыновьямъ, чтобы найти случай для мести. «Воинъ благородный, добавляетъ онъ,—доставь, если ты можешь, доставь случай побывать въ станѣ моего убійцы и его видѣть. Тамъ я поражу его, вырву изъ груди невѣрной его сердце, и кровію его окроплю гробницы сыновъ моихъ. Пусть умру я—я умру поражая; пусть окаменѣетъ языкъ мой—онъ окаменѣетъ, произнося проклятія.....»

Владиміръ задаетъ ему вопросъ: узнаетъ-ли онъ своего врага при встрѣчѣ?

«Рогвольдъ. Я помню, какъ на полѣ роковомъ онъ убѣгалъ отъ копы моего, какъ убѣгаетъ змѣя когтей орлиныхъ. Помню,—и никогда не забуду!—смуглое, продолговатое лицо, черные, и въ часъ битвы сверкающіе сластолюбіемъ, глаза его, орлиный носъ, широкая израненная грудь, орлиная шея....»

Владиміръ скидаетъ шлемъ, становится противъ луны и спрашиваетъ: узналъ-ли его Рогвольдъ, и почему не поражаетъ Владимира, супруга Рогнѣды и своего сына?

Тронутый Рогвольдъ молить боговъ, чтобы они разрѣшили его отъ клятвы и не требовали отъ него мщенія; Владимиръ, съ своей стороны, даетъ обѣщаніе возратить ему дочь и возстановить царство полоцкое.

Въ журналѣ «Иппокрена или Угѣхи Любословія» слѣдующаго 1799 г. помѣщено пять произведеній В. Нарѣжнаго, и въ числѣ ихъ три басни, довольно своеобразныя по мысли и самому изложенію. Мы приводимъ для примѣра одну изъ нихъ:

С Н Ъ Ж И Н К А.

Насталъ пасмурный октябрь, и снѣжныя тучи вздумали оковать льдомъ маленькія лужи. Когда они занимались этимъ дѣломъ, то одна снѣжинка, по-крупнѣе обыкновенной, сказала сама въ себѣ: «Куда, право, какъ глупа я, что выдумала заниматься такими пустяками! Я одна полечу на глубочайшее мѣсто Москвы рѣки и силою моего мороза покрою его льдами». Сказано и сдѣлано. Она полетѣла, опустилась на волны—и вдругъ съ ужасомъ вскричала: «Ахъ, что со мною дѣлается? Я теряюсь, части мои таютъ, я умираю!» Черезъ секунду она прибавила рѣкѣ одну только каплю воды.

Снѣжинки въ мыслящемъ мѣрѣ, бойтесь участи безразсудной сестры вашей.

Что касается двухъ остальныхъ статей В. Нарѣжнаго, помѣщенныхъ въ «Иппокренѣ» 1799 года, то онѣ принадлежать къ наименѣе удачнымъ произведеніямъ этого періода его литературной дѣятельности.

Въ разсказѣ «Мстѣщіе евреи», авторъ задался мыслью изобразить фанатизмъ евреевъ и ихъ слѣпую ненависть къ христіанамъ, и чтобы придать нѣкоторое правдоподобіе своему повѣствованію, дѣлаетъ оговорку въ примѣчаніи, что слышалъ «этотъ анекдотъ» отъ какого-то старика и, вдобавокъ, очевидца. Но разсказъ все-таки остается «невѣроятнымъ», и невольно является вопросъ: почему Нарѣжный, имѣвшій возможность узнать съ дѣтства бытъ и характеръ евреевъ въ Малороссіи, вздумалъ представить ихъ въ такомъ мрачномъ свѣтѣ и приписать имъ, по его собственному выраженію, «жестокость и звѣрство нравовъ»? Но въ этомъ онъ, повидимому, платилъ дань тогдашней

теоріи словесности, принятой и въ университетскомъ преподаваніи, по которой только «возвышенное» и «необычайное» считалось достойнымъ пера писателя.

Героємъ разсказа «Мстящіе евреи» является старый Іосія, фанатически преданный вѣрѣ отцовъ своихъ; онъ топчетъ ногами крестъ, надѣтый на него въ насмѣшку бѣднымъ ремесленникомъ, и за это избить народомъ, выходявшимъ изъ церкви. Нанесенная ему обида глубоко запала въ его душу; онъ заставляеть своего сына Іезекіиля умертвить оскорбившаго его ремесленника; молодой еврей исполняетъ волю отца и приноситъ окровавленный кинжалъ. Іосія не довольствуется этимъ и требуетъ отъ сына, чтобы онъ убилъ дочь ремесленника, но юноша, тронутый красотой дѣвушки, влюбляется въ нее, а она убѣждаетъ его принять христіанство. Но объ этомъ узнаеть старый еврей Гамалеиль, другъ Іосіа, и приводитъ послѣдняго въ церковь въ моментъ крещенія Іезекіиля; отецъ убиваетъ своего сына, Гамалеиль—молодую дѣвушку. Является народъ, созданный убѣжавшимъ священникомъ; евреи безъ сопротивленія идутъ въ тюрьму, а потомъ на казнь.

...«Христіане, говорить въ заключеніе авторъ, видѣли кровь ихъ, но не слышали ни одного вздоха; видѣли смерть ихъ, и—ахъ! немногіе пролили слезу соболѣзнованія».

Другое еще болѣе слабое произведеніе В. Т. Нарѣжнаго въ драматической формѣ носить названіе «Римская ревность» и написано въ псевдо-классическомъ духѣ; здѣсь въ двухъ сценахъ, крайне натянутыхъ и исполненныхъ ходульнаго геройства, изображенъ подвигъ Муція Сцеволы, совершенный имъ изъ соревнованія къ славіи Горация Коклеса.

Затѣмъ, въ журналѣ «Иппокрена или Утѣхи Любословія» 1800 года (ч. VII, стр. 161—272) помѣщена трагедія В. Т. Нарѣжнаго, подъ названіемъ «Кровавая ночь или конечное паденіе дома Кадмова», сюжетомъ которой служитъ роковая судьба Эдипа и его дѣтей. Пьеса эта написана пятистопнымъ ямбомъ, во вкусѣ древнихъ греческихъ трагедій, съ хорами, но при этомъ раздѣлена на четыре сцены. Изъ нихъ первыя три представляютъ отчасти самобытную обработку греческаго преданія, на ряду съ мотивами, заимствованными изъ Эсхиловой трагедіи «Семеро передъ Ўивами», и двухъ трагедій Софокла: «Царь Эдипъ» и «Эдипъ въ Колонѣ», между тѣмъ, какъ конецъ третьей и вся четвертая сцена по содержанію могутъ быть названы подражаніемъ извѣстной трагедіи Софокла «Антигона» (14). Такимъ образомъ, сюжетъ «Кровавой ночи» Нарѣжнаго является болѣе сложнымъ, нежели которой-либо изъ названныхъ трагедій, и

въ ней вообще больше паэоса и эффектовъ; тѣмъ не менѣе, она носить въ цѣломъ одинъ и тотъ-же характеръ и весь тонъ замѣчательно выдержанъ, что прямо говоритъ въ пользу таланта юнаго автора, если онъ только не воспользовался какою-либо иностранною или даже греческою передѣлкою трагедій Эсхила и Софокла.

Что касается главныхъ дѣйствующихъ лицъ, то героическій характеръ великодушной Антигоны, жертвующей жизнью, чтобы отдать послѣдній долгъ умершему брату Полинику, настолько напоминаетъ Антигону въ трагедіи Софокла, названной ея именемъ, что послѣдняя несомнѣнно служила образцомъ для Нарѣжнаго. То-же можно сказать и относительно Креона, который за свое упорство такъ-же, какъ и у Софокла, платится потерю единственнаго сына и супруги. Но ничтожный Этеоклъ «Кровавой ночи» имѣетъ мало общаго съ Этеокломъ Эсхиловой трагедіи «Семеро передъ Фивами», который по своимъ душевнымъ свойствамъ представляетъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ и сильныхъ характеровъ античной сцены. Между тѣмъ, съ другой стороны, блѣдный образъ Полиника, который проходитъ какъ-бы мимоходомъ въ Софокловой трагедіи «Эдипъ въ Колонѣ», рельефно выступаетъ въ трагедіи Нарѣжнаго, какъ-бы заново созданный имъ и написанный живыми красками его фантазіи. Затѣмъ, въ «Кровавой ночи», въ числѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, выведенъ старый рабъ Поливъ, который нѣкогда спасъ Эдипа, брошеннаго въ лѣсу послѣ рожденія, тогда какъ въ трагедіи Софокла «Царь Эдипъ» не разъ упомянутъ коринѣскій царь Поливъ, пріемный отецъ Эдипа (14).

Мы привели здѣсь въ короткихъ словахъ наши заключенія относительно этой первой трагедіи Нарѣжнаго, такъ какъ не считаемъ возможнымъ долѣе распространяться о ней. Простая передача содержания «Кровавой ночи», въ сравненіи съ содержаніемъ названныхъ трагедій, была-бы слишкомъ утомительна для читателей, а съ другой стороны, безсвязныя выдержки изъ трагедіи, написанной стихами и занимающей болѣе ста страницъ, не дали-бы понятія о цѣломъ. Быть можетъ современемъ будетъ издано полное собраніе сочиненій нашего перваго, по времени, романиста, которыя имѣютъ безусловное литературно-историческое значеніе, и тогда это юношеское произведеніе его займетъ между ними не послѣднее мѣсто.

V.

10 октября 1801 года, В. Т. Нарѣжный, какъ сказано въ его аттестатѣ, «по прошенію отъ университета уволенъ съ обязаніемъ дабы онъ въ праздности не былъ, а явился къ опредѣленію въ службу, куда слѣдуетъ» (см. прил. V). Эта оговорка объясняется тѣмъ, что Нарѣжный уже, съ 3 октября значился на службѣ «у письменныхъ дѣлъ» при будущемъ правителѣ Грузіи Коваленскомъ, который по случаю своего назначенія вербовалъ для себя многочисленный штатъ чиновниковъ. Весьма возможно, что самъ Коваленскій обратился въ московскій университетъ съ приглашеніемъ желающихъ послѣдовать за нимъ на Кавказъ, тѣмъ болѣе, что такіе приглашенія были тогда въ обычаѣ, и студенты вообще охотно принимались на службу въ разныя правительственныя учрежденія.

По всемъ даннымъ, Нарѣжный прибылъ въ Тифлисъ за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія «верховнаго грузинскаго правительства», вмѣстѣ съ другими чиновниками, его будущими сослуживцами, которые были набраны случайно, «безъ всякаго разбора», и на первыхъ-же порахъ должны были произвести на него такое-же неблагоприятное впечатлѣніе, какое произвели многіе изъ нихъ на мѣстныхъ жителей своимъ неприличнымъ поведеніемъ. Также нерадостны были для Нарѣжнаго слышанные имъ отзывы объ его будущемъ начальникѣ Коваленскомъ, который, еще недавно исполняя должность уполномоченнаго министра при дворѣ послѣдняго грузинскаго царя Георгія XII, возбуждалъ противъ себя общее недовольство въ Тифлисѣ своею безтактностью, пренебреженіемъ къ мѣстнымъ обычаямъ, алчностью, властолюбіемъ и проницательствомъ, вслѣдствіе чего и былъ отставленъ отъ мѣста императоромъ Павломъ I, въ августѣ 1800 г.

Между тѣмъ, генералъ Лазаревъ, предсѣдатель «временнаго правленія» въ Тифлисѣ, желая дать занятіе вновь прибывшимъ чиновникамъ, рѣшился впредь до объявленія манифеста «о присоединеніи Грузіи къ Россіи» открыть гражданскіе суды въ Гори, Кизияхъ (Сигнахѣ) и Телавѣ. Неизвѣстно, былъ-ли тогда причисленъ Нарѣжный къ канцеляріи «временнаго правленія» или къ одному изъ упомянутыхъ судовъ, но, во всякомъ случаѣ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ до прибытія Коваленскаго въ Тифлисъ онъ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ состояніемъ разоренной страны, крайнимъ невѣжествомъ господствующаго класса и общею безурядицею, оставлявшею широкое поле для всевозможныхъ злоупотребленій. Если въ это время Нарѣжный тяготился условіями своей новой жизни, всемъ виднымъ

и слышаннымъ, то съ открытіемъ «верховнаго грузинскаго правительства» и полученіемъ опредѣленной должности въ Тифлисѣ (занимаемой имъ въ теченіи одного года съ 18 мая 1802 по 14 мая 1803) для него наступила пора еще бблшихъ испытаній, которыя онъ изобразилъ въ своемъ романѣ «Черный годъ или горскіе князья».

Не смѣтруя на грубую первобытную форму и всѣ недостатки, это своеобразное произведеніе В. Т. Нарѣжнаго представляетъ для насъ интересъ, какъ нашъ первый самобытный сатирическій романъ, въ нынѣшнемъ значеніи слова. Хотя авторъ, повидямому, употребилъ всѣ усилія, чтобы замаскировать сатиру, но, тѣмъ не менѣе, его романъ, при вѣрномъ изображеніи быта и нравовъ мелкихъ горскихъ князей, даетъ наглядное понятіе о положеніи края, общемъ невѣжествѣ, издавна существовавшихъ злоупотребленіяхъ, безправіи и еще худшихъ порядкахъ, наступившихъ въ первые мѣсяцы русскаго владычества на Кавказѣ, вслѣдствіе обратнаго выполненія гуманныхъ предначертаній императора Александра I.

Но здѣсь мы необходимо должны сдѣлать отступленіе, потому что смыслъ романа Нарѣжнаго «Черный годъ или горскіе князья» только тогда будетъ понятенъ для насъ, если мы, на основаніи официальныхъ данныхъ и трудовъ, написанныхъ по достовѣрнымъ источникамъ и подлиннымъ документамъ (15), представимъ себѣ въ общихъ чертахъ положеніе Грузіи наканунѣ ея присоединенія къ Россіи и при открытіи «верховнаго грузинскаго правительства». Только при этомъ условіи мы считаемъ возможнымъ разборъ сатирическаго романа Нарѣжнаго, потому что получимъ матеріалъ для сравненія и будемъ въ состояніи указать аналогію между дѣйствительными событіями, происходившими въ Грузіи, и тѣми, которыя изображены въ романѣ, а также увидимъ, въ какой степени впечатлѣнія, пережитыя самимъ романистомъ, отразились на его произведеніи.

Удѣльно-феодалная Грузія, вслѣдствіе долгаго господства крѣпостнаго права и всякаго безправія, дошла при своихъ послѣднихъ царяхъ до полнаго внутренняго разложенія и анархіи. Каждый изъ многочисленныхъ царевичей распоряжался также безконтрольно въ своемъ удѣлѣ, какъ князья и дворяне въ своихъ владѣніяхъ, и безнаказанно разорялъ крестьянъ для своей наживы. Помѣстья и земли переходили изъ рукъ въ руки, потому что право поземельной собственности не существовало даже у высшаго класса. Правосудіе было словесное; всѣ должности наследственныя и безъ жалованья; поэтому, каждый кормился отъ получаемыхъ доходовъ, т. е. самовольно назначаемыхъ поборовъ, и грабилъ сколько могъ. Власть царя была безспльна

противъ злоупотребленій, хотя и считалась неограниченною, потому что его повелѣнія, въ большинствѣ случаевъ, плохо или вовсе не исполнялись. Малочисленное грузинское войско не могло служить поддержкою царской власти: пѣхота, набираемая изъ поселянъ, подобно войску князя Кайтука, въ сатирическомъ романѣ Нарѣжнаго, за немногими исключеніями, была вооружена палками и дубинами; только въ конницѣ, куда поступали лица привилегированнаго сословія, встрѣчались хорошіе и храбрые наѣзники. Также ненадежно было наемное войско, составленное изъ лезгинъ, которые своими безчинствами еще болѣе увеличивали общую безурядицу.

Къ довершенію бѣдствій, Грузія подвергалась частымъ нападеніямъ окружавшихъ ее горскихъ народовъ, которые производили опустошенія своими набѣгами и ежегодно уводили значительное число плѣнныхъ. Затѣмъ постоянно предстояла опасность нашествія со стороны сильныхъ сосѣдей, Персіи и Турціи, противъ которыхъ не могло бороться ослабѣвшее государство, сохранившее только тѣнь прежняго величія.

Хотя въ Грузіи издавна существовалъ обычай, что престолъ переходилъ къ старшему сыну, но такъ какъ относительно этого не было никакого законоположенія, то каждая перемѣна правленія служила поводомъ для всевозможныхъ происковъ со стороны другихъ царевичей, царицъ и ихъ приверженцевъ. То-же повторилось въ началѣ 1798 года, при вступленіи на престолъ царя Георгія XII, правленіе котораго началось при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Страна еще не успѣла оправиться послѣ послѣдняго персидскаго вторженія 1795 года. Тифлисъ представлялъ груды развалинъ; только двѣ улицы оставались свободны для проѣзда, и то по обѣимъ сторонамъ были разрушенные дома; жители, бѣжавшіе отъ непріятеля, разсѣялись въ разныя стороны, такъ что, по выраженію самого Георгія, «подданные и царь другъ друга сыскать не могли». Участь тѣхъ, которые возвратились въ свои раззоренныя селенія, была незавиднѣе уведенныхъ въ плѣнъ: хотя они вновь занялись земледѣіемъ, но слѣды опустошенія были всюду; ограбленныя жилища, уничтоженныя поля были причиною, что хлѣба едва хватало для мѣстнаго населенія.

Обѣдненіе было всеобщее и настолько-же коснулось господствующаго сословія, какъ и низшихъ классовъ народа; Грузія, болѣе чѣмъ когда-нибудь, грозила опасность пасть жертвою внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Быть можетъ, спасеніе было еще возможно для нея, но слабый и болѣзненный Георгій XII видѣлъ единственный исходъ въ посторонней помощи. Послѣ многихъ колебаній, онъ обратился къ императору Павлу I съ просьбою: а) о принятіи Грузіи подѣ

покровительство Россіи; б) объ утвержденіи грузинскаго престола за нимъ и его сыномъ и наслѣдникомъ Давидомъ, и с) о присылкѣ въ Тифлисъ російскихъ солдатъ съ оружіемъ и со всею принадлежностью.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ въ напрасномъ ожиданіи какихъ-либо извѣстій изъ Петербурга, и только 23 февраля 1799 г., въ отвѣтъ на просьбы царя и его уполномоченныхъ, повелѣно было приготовить егерскій полкъ Лазарева къ выступленію въ Грузію; въ то-же время, для удобства свшшеній, статскій совѣтникъ Коваленскій назначень былъ уполномоченнымъ министромъ при дворѣ грузинскаго царя. При этомъ, помимо разныхъ частныхъ инструкцій, Коваленскому сдѣлано было внушеніе, что его «собственное поведеніе и всей его миссіи должно было клониться къ приобрѣтенію довѣренности и любви грузинскаго народа и къ доказательству расположенія къ нему русскаго правительства». Но никакія внушенія и инструкціи не могли быть обязательными для человѣка, который, при врожденной безтактности, руководился только своими личными корыстными и властолюбивыми цѣлями. Еще на пути изъ Россіи въ Грузію, весною 1799 г., какъ видно изъ актовъ, собранныхъ покойнымъ Ад. П. Берже и изданныхъ кавказскою археографическою комиссіею (т. II), Коваленскій, «переѣзжая горы Кавказскія, встрѣтившись съ послами отъ грузинскаго царя, въ Россію отправленными, не сохранилъ пристойности, и повелительнымъ образомъ имъ приказалъ возвратиться, а къ царю Георгію написалъ, что если пословъ своихъ его величество у себя не удержитъ до его прибытія, то онъ самъ вернется въ Россію и войскамъ то-же учинить повелить. Царь оробѣлъ и огорченіе въ сердцѣ его запечатлѣлось».. Не менѣе этого министръ удивилъ всѣхъ своимъ поведеніемъ по прибытіи въ Тифлисъ: царь ежедневно посылалъ къ нему навѣдываться о здоровьѣ, пзъявляя этимъ, что желаетъ принять его; но Коваленскій давалъ одинъ отвѣтъ, что «здоровъ». Наконецъ, разсудилъ онъ явиться къ царю, но предварительно послалъ сказать, чтобы для него изготовлены были кресла, затѣмъ вошелъ въ аудіенць-залу въ шубѣ, теплыхъ сапогахъ и въ дорожной шапкѣ. При этомъ, не довольствуясь тѣмъ, что «кресла, для него изготовленные, стояли на приличномъ мѣстѣ, придвинулъ онъ ихъ предъ самого царя и сѣлъ на оныя такъ, чтобы касаться ногами своими ногъ царскихъ. Въ разговорѣ съ царемъ умѣренность соблюдалъ весьма мало, напоминалъ ему часто о себѣ, что онъ лицо государя. По окончаніи аудіенціи, былъ онъ у царицы, супруги царской, въ томъ-же нарядѣ... Стоя противъ ея величества и по-смотрѣвъ на часы, сказалъ, что, по обыкновенію російскому, полдень называется адмиральскимъ часомъ, и что время пить водку; царица велѣла подать водки и аудіенція этимъ кончилась...»

Также безтактно было поведение Коваленскаго относительно Лазарева, начальника русскаго отряда въ Тифлисъ, который, по своему открытому и честному характеру, составлялъ полную противоположность съ нимъ. Въмѣсто того, чтобы оказать возможное содѣйствіе въ продовольствіи войскъ, которое было крайне затруднительно, въ виду общаго обѣдненія страны и безурядицы, русскій уполномоченный министръ сразу всталъ во враждебныя отношенія съ Лазаревымъ, наговаривалъ на него царю, хлопоталъ только объ увеличеніи собственныхъ доходовъ и расширеніи власти, заявлялъ претензіи, что ему не отдаются воинскія почести и пр. Лазаревъ писалъ о происходившемъ въ Моздокъ, инспектору кавказской дивизіи, генералу Кноррингу, и настаивалъ на необходимости его прибытія въ Тифлисъ; но этотъ, подобно астраханскому хану Самсутдину въ романѣ Нарѣжнаго, не двигался съ мѣста и, не разобравъ дѣла, принявъ сторону Коваленскаго, не смотря на явныя и несогласимыя противорѣчія въ его донесеніяхъ.

12 декабря 1799 г. совершилась церемонія передачи присланныхъ изъ Петербурга знаковъ царскаго достоинства Георгію XII, при многочисленномъ стеченіи народа. Коваленскій, быть можетъ, вслѣдствіе почета, который въ это время былъ оказанъ ему, какъ русскому министру, ничѣмъ не нарушилъ происходившаго торжества, но затѣмъ опять вернулся къ прежнему способу дѣйствій.

При всякомъ удобномъ случаѣ онъ оскорблялъ царя Георгія и его приближенныхъ своимъ высокомѣремъ, пренебреженіемъ къ извѣстнымъ обычаямъ, заводилъ ссоры со всѣми, возстановлялъ однихъ противъ другихъ. Въ то-же время Коваленскій старался, съ помощью взятокъ, склонить царьцу и нѣкоторыхъ изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ убѣдить Георгія «ходатайствовать передъ русскимъ императоромъ объ оставленіи его (Коваленскаго) министромъ въ Тифлисъ, съ заявленіемъ, что никого другаго на этомъ мѣстѣ царь не желаетъ. Къ тому-же склонялъ онъ и армянъ льстивыми обѣщаніями...» Такимъ образомъ, въ короткое время, Коваленскій настолько раздражилъ грузинскаго царя своимъ поведеніемъ и заслужилъ общее нерасположеніе, что слухи объ этомъ дошли до Петербурга, и 3 августа 1800 года послѣдовалъ высочайшій рескриптъ «объ отозваніи статскаго совѣтника Коваленскаго изъ Тифлиса, со всѣми чиновниками, при немъ находящимися».

Любопытно, что по этому поводу русскій уполномоченный министръ при грузинскомъ дворѣ, подобно «мудрому» визиру Шамагулу, изображенному въ романѣ Нарѣжнаго «Черный годъ или горскіе князья», имѣлъ смѣлость называть свой неприличный образъ

дѣйствій политикою и приписывать свои неудачи постороннимъ причинамъ ¹⁾.

Въ это время въ Петербургѣ уже находились послы, тайно отправленные царемъ Георгіемъ, который, въ виду своей неизлечимой болѣзни, рѣшился просить императора Павла I «о принятіи Грузіи въ подданство Россіи». Переговоры и на этотъ разъ тянулись нѣсколько мѣсяцевъ, и только 22 декабря 1800 г. былъ подписанъ въ Петербургѣ манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, а шестью днями позже скончался въ Тифлисѣ царь Георгій, не дождавшись вѣсти объ исполненіи своего завѣтнаго желанія.

Послѣ его смерти тотчасъ-же начались въ Грузіи смуты, возбуждаемыя сыновьями и братьями Георгія XII, между тѣмъ какъ сынъ и наслѣдникъ его, Давидъ, успѣшилъ захватить престолъ въ свои руки. Лазаревъ, не получая никакихъ инструкцій, не могъ воспрепятствовать этому, хотя царевичъ Давидъ, занявъ престолъ, велъ себя какъ молодой князь Кайтукъ, поставленный въ тѣ-же условія въ романѣ Нарѣжнаго «Черный годъ или горскіе князья». Онъ окружилъ себя людьми, «которые, по отзыву Лазарева (въ письмѣ отъ 2 марта 1801 г.), никакого вниманія не заслуживали, и видя, что правленіе ихъ не долго будетъ, старались всячески развращать его и набивать карманы; онъ-же немного невоздержанъ въ питьѣ, то они и находятъ удобный случай его заводить»...

При такомъ положеніи дѣлъ можно было ожидать новыхъ и еще большихъ беспорядковъ, и Лазаревъ, нѣсколькими днями позже (отъ 12 марта), писалъ Кноррингу: «Весьма нужно, чтобы рѣшительное воспослѣдовало положеніе, дабы уже всѣ знали, чему держаться, а безъ сего все еще между страхомъ и надеждой. Кто поумнѣе, тѣ понимаютъ, но притворяются непонимающими; кто-же простѣе, тѣ совсѣмъ не понимаютъ, сколько я имъ ни толкую»...

Но послѣдовавшая въ это время кончина императора Павла I и водареніе Александра I еще болѣе замедлили рѣшеніе вопроса объ окончательномъ присоединеніи Грузіи; только въ маѣ сдѣлано было распоряженіе объ удаленіи царевича Давида и назначеніи временнаго правительства, подъ предѣдательствомъ Лазарева.

Наконецъ, 12 сентября 1801 года, подписанъ былъ манифестъ, по которому уничтожалось грузинское царство и повелѣно учредить

¹⁾ Коваленскій, получивъ извѣстіе о своей отставкѣ, писалъ Лошкареву, отъ 12 августа 1800 года, что «въ Грузію необходимо послать войска для утвержденія внѣшнихъ сношеній, которыя учредятся дѣятельнѣе, когда будутъ войска, нежели при одной политикѣ, тамъ, гдѣ она безъ штыка не уважается».

такъ называемое «Верховное грузинское правительство». Главнo-командующимъ въ Грузіи и на кавказской линіи назначенъ уже извѣстный въ Тифлисѣ генераль-лейтенантъ Кноррингъ, которому поручено было «устроить на прочномъ основаніи благоденствіе Грузіи и во всемъ сообразоваться съ нравами, обычаями и умоначертаніями грузинскаго народа», а гражданскимъ правителемъ назначенъ дѣйств. ст. сов. Коваленскій, бывший министръ при дворѣ послѣдняго грузинскаго царя Георгія XII. Но тотъ и другой медлили своимъ пріѣздомъ, такъ что многочисленный штатъ чиновниковъ новаго правителя Грузіи, къ которому принадлежалъ В. Нарѣжный, прибылъ въ Тифлисъ, какъ упомянуто выше, нѣсколькими мѣсяцами раньше его.

Такимъ образомъ, Нарѣжному пришлось увидѣть Грузію въ послѣдніе моменты ея самобытнаго существованія, съ ея полуазіятскими порядками и безправіемъ. Онъ познакомился съ мѣстными обычаями, узналъ бытъ и нравы мелкихъ владѣтельныхъ князей, которые послужили основой его романа «Черный годъ или горскіе князья» и прикрытіемъ сатиры, настолько-же направленной противъ старыхъ, какъ и новыхъ, еще большихъ, злоупотребленій, введенныхъ съ открытіемъ «Верховнаго грузинскаго правительства». Въ это время въ Тифлисѣ уже были извѣстны въ общихъ чертахъ условія, на какихъ Грузія присоединилась къ Россіи, и такъ какъ они не соответствовали общимъ ожиданіямъ, то возбудили много толковъ среди мѣстнаго населенія, которые несомнѣнно были извѣстны Нарѣжному и заставили его глубже вдуматься во все видѣнное и слышанное. Передъ нимъ открылся широкій реальный міръ, съ новыми для него сложными задачами, и заставилъ его отрѣшиться отъ поэзіи, отвлеченныхъ фантастическихъ образовъ и блужданія отъ одной формы къ другой, которымъ отличаются его первые юношескіе опыты.

Наступилъ 1802 годъ. Все оставалось въ томъ-же неопредѣленномъ положеніи, и только 9 апрѣля, на страстной недѣлѣ, Кноррингъ, въ сопровожденіи Коваленскаго и многочисленной свиты, торжественно вступилъ въ Тифлисъ, а черезъ три дня въ церквахъ былъ прочитанъ манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи. Но при этомъ всѣхъ поразилъ способъ приведенія покорнаго народа къ присягѣ: Кноррингъ велѣлъ окружить Сіонскій соборъ войсками, аки штурмомъ, по выраженію одного изъ очевидцевъ, и арестовалъ нѣкоторыхъ князей, которые спѣшили выйти изъ церкви, чтобы избѣжать насильственной присяги (16).

Поведеніе главнокомандующаго привело въ уныніе грузинъ, не ожидавшихъ ничего подобнаго, и въ народѣ начался ропотъ. Но рѣшительныя мѣры слѣдовали одиѣ за другими: у царицы Марьи, вдовы

Георгія XII, отобранны были царскія регаліи, присланныя императоромъ Павломъ I; затѣмъ, при раздачѣ орденовъ особамъ царскаго дома, одному изъ царевичей слѣдовало получить орденъ св. Анны, но грамота, по ошибкѣ, была написана на орденъ св. Александра Невскаго, и Кноррингъ безцеремонно вытребовалъ назадъ эту грамоту, чѣмъ глубоко оскорбилъ царевича, и проч.

Тѣмъ не менѣе, въ теченіи апрѣля и въ первыхъ числахъ мая, вся Грузія присягнула русскому императору, а 7 мая комендантъ Тифлиса, съ барабаннымъ боемъ и музыкою объявлялъ на открытыхъ мѣстахъ и площадяхъ города о предстоящемъ открытіи «Верховнаго грузинскаго правительства», которое послѣдовало на слѣдующій день съ особенною торжественностью. По окончаніи церемоніи, Кноррингъ уѣхалъ въ Георгіевскъ, а въ Тифлисѣ остались Коваленскій и Лазаревъ, которому теперь предстояла второстепенная роль, между тѣмъ какъ лица грузинскаго царскаго дома навсегда устранялись отъ правленія.

Вновь учрежденное «Верховное грузинское правительство» было теперь главнымъ судебнымъ и законодательнымъ мѣстомъ въ странѣ; оно состояло изъ совѣтниковъ экспедицій, подъ предсѣдательствомъ правителя Грузіи, Коваленскаго. Вторую инстанцію составляли четыре экспедиціи, дѣйствовавшія на основаніи общихъ губернскихъ учреждений: а) дѣлъ исполнительныхъ, б) казенныхъ и экономическихъ, в) уголовныхъ и г) гражданскихъ дѣлъ.

Одновременно съ учрежденіемъ верховнаго грузинскаго правительства въ Тифлисѣ, остальная Грузія была раздѣлена на пять уѣздовъ, изъ которыхъ три въ Карталинні: Горійскій, Лорійскій и Душетскій, и два въ Кахетіи: Телавскій и Сигнахскій. Въ каждомъ уѣздѣ, помимо коменданта, казначея, полиціймейстера и проч., учреждены уѣздный судъ и управа земской полиціи, съ капитанъ-исправникомъ во главѣ и двумя засѣдателями (съ правомъ тогдашнихъ уѣздныхъ и нижнихъ судовъ въ Россіи). Всѣ эти присутственныя мѣста были открыты въ городахъ означенныхъ уѣздовъ, исключая Лори, которое въ тѣ времена еще не было заселено, и поэтому рѣшено назначенныя туда присутственныя мѣста учредить въ Тифлисѣ ¹⁾.

¹⁾ Свѣдѣніе это получено нами изъ Тифлиса, гдѣ въ городской публичной бібліотекѣ, въ числѣ другихъ документовъ, находится письмо генерала Кнорринга къ Коваленскому, отъ 11 мая 1802 года, за № 9, съ предписаніемъ объ открытіи уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Такъ какъ Лори мѣсто не заселенное и должно состоять подъ управленіемъ моуравовъ, и потому открыть присутственныя мѣста, назначенныя въ Лори, въ Тифлисѣ». Н. Б.

Такимъ образомъ, Нарѣжный, получивъ мѣсто секретаря лорійской управы земской полиціи, остался въ Тифлисѣ и могъ шагъ за шагомъ слѣдить за водвореніемъ новыхъ порядковъ и дѣятельностью правителя Грузіи.

На первыхъ-же порахъ сказалось неудобство примѣненія въ Грузіи совершенно чуждыхъ для нея русскихъ учрежденій, которое было тѣмъ ощутительнѣе, что при открытіи ихъ не было принято никакихъ мѣръ, чтобы познакомить мѣстное населеніе съ новыми порядками. Всѣ были въ полномъ невѣдѣніи относительно предѣловъ власти и обязанностей земскихъ чиновниковъ, комендантовъ и другихъ должностныхъ лицъ, а правитель Грузіи своими инструкціями и объясненіями еще болѣе увеличивалъ происходившія недоразумѣнія. Въ то-же время недостатокъ лицъ, знающихъ одновременно русскій и грузинскій языкъ, не замедлил отразиться на ходѣ дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ: проситель и чиновникъ не понимали другъ друга; оффиціальныя бумаги, переведенныя съ одного языка на другой, состояли болѣею частью изъ бессмысленнаго набора словъ, и грузины, выходя изъ судовъ, не знали подчасъ, въ чью пользу рѣшено то или другое дѣло.

Къ этому неизбѣжному и неумышленному злу и безпорядкамъ вскорѣ присоединились и другаго рода злоупотребленія. Корень ихъ, главнымъ образомъ, заключался въ правѣ, предоставленномъ Кноррингу и Коваленскому «измѣнять по своему усмотрѣнію правила и инструкціи, на основаніи которыхъ должны были дѣйствовать мѣстныя управленія», хотя это было сдѣлано правительствомъ съ благою цѣлью не стѣснять означенныхъ лицъ буквальнымъ исполненіемъ данныхъ предписаній.

Съ отъѣздомъ главнокомандующаго, Коваленскій остался полновластнымъ правителемъ Грузіи и поспѣшилъ раздать всѣ видныя и выгодныя должности своимъ родственникамъ или людямъ, которые могли быть послушными орудіями его цѣлей. На томъ-же основаніи происходило обязательное, въ силу манифеста, назначеніе грузинскихъ князей и дворянъ въ составъ управленія. При этихъ условіяхъ злоупотребленія и безпорядки были неизбѣжны, и они начались со дня открытія «Верховнаго грузинскаго правительства».

Самъ Коваленскій почти никогда не бывалъ въ присутствіи; его примѣру слѣдовали и совѣтники экспедицій; всѣ дѣла поступали въ домашнюю канцелярію правителя, что давало ему полную возможность эксплуатировать вновь присоединенную страну въ свою пользу и по собственному усмотрѣнію. Домъ правителя былъ центромъ, откуда рассылались повелѣнія по всей Грузіи, распоряженія объ арестахъ, кон-

фискаціи имущества, «обвѣщенія» жителямъ Карталиніи и Кахетин о сборѣ податей. Хотя, по манифесту 12 сентября 1801 года, «всѣ вносимыя подати, за покрытіемъ издержекъ на содержаніе правленія, слѣдовало употреблять въ пользу жителей, на возстановленіе раззоренныхъ городовъ и селеній», но въ дѣйствительности собираемыя подати шли только на содержаніе правленія или, точнѣе, самого правителя, его родственниковъ и другихъ сообщниковъ.

Между тѣмъ, остальные гражданскіе чиновники по нѣскольку мѣсяцевъ не получали жалованья, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, не имѣя приличной одежды и обуви, перестали являться на службу. Въ томъ-же положеніи были и канцелярскіе служители, хотя на ихъ содержаніе назначена была особая сумма; между ними были, повидому, и такіе, которые значились только на бумагѣ, судя по тому, что въ уголовной экспедиціи, во все правленіе Коваленскаго, не было вахмистра и сторожа, вслѣдствіе чего не мелись и не топились комнаты.

Никто не заботился о приведеніи въ извѣстность доходовъ страны; въ казенной экспедиціи, со дня ея открытія, ни разу не производилась повѣрка денежныхъ суммъ. Казна хранилась безъ караула, на квартирѣ Бегтабекова, богатаго тифлискаго купца, выбраннаго въ казначей самимъ Коваленскимъ, что значительно упрощало для послѣдняго пользованіе казенными деньгами. Не довольствуясь этимъ, правитель Грузіи вошелъ въ сдѣлку съ тѣмъ-же Бегтабековымъ для искусственнаго пониженія цѣнности червонцевъ, которыми производилось жалованье войскамъ, затруднивъ размѣнъ ихъ на серебро, вслѣдствіе чего необходимые товары и жизненные припасы сразу поднялись въ цѣнѣ, что особенно тяжело отразилось на русскихъ солдатахъ.

Такимъ образомъ, Коваленскій въ данномъ случаѣ, подобно визирую Шамагулу въ первой части сатирическаго романа Нарѣжнаго, выказалъ себя не менѣе ловкимъ финансистомъ, какъ нѣкогда политикомъ при дворѣ грузинскаго царя Георгія XII. Другая крупная его спекуляція заключалась въ томъ, что онъ вознамѣрился скупить по дешевой цѣнѣ всю шерсть въ Грузіи, чтобы сбыть ее съ выгодой на суконную фабрику, которая въ это время строилась въ Тифлисѣ, и приобрѣлъ такимъ образомъ до 15,000 пудовъ и т. д.

Естественно, что произволъ и злоупотребленія, которыя позволялъ себѣ Коваленскій, служили примѣромъ и поводомъ для такого-же произвола и злоупотребленій со стороны остальныхъ высшихъ и низшихъ чиновниковъ. Они, въ свою очередь, позволяли себѣ всякіе, хотя и болѣе мелкіе поборы и всевозможныя притѣсненія жителямъ:

при случаѣ, увозили женщинъ и дѣвушекъ изъ селеній; по своимъ прихотямъ брали подводы и лошадей, не платя прогоновъ, и пр. Правила, изложенныя въ инструкціи управѣ земской полиціи, бѣльшею частью оставались безъ выполненія. Такъ, напримѣръ, не смотря на постановленіе о производствѣ слѣдствія на мѣстѣ происшествія, бывали примѣры, что жителей хватали по одному подозрѣнію и отправляли въ Тифлисъ съ связанными руками и веревками на шеѣ. Между прочимъ, два брата изъ грузинскихъ дворянъ подали жалобы, что секретарь Душетскаго нижняго суда обидѣлъ ихъ «не токмо ругательствами, но и побоями».

Грузинамъ приходилось молча переносить все; жалобы ихъ оставались безъ послѣдствій, «ибо куда ни обращались они—ездѣ находили или родственниковъ Коваленскаго, или его приверженцевъ, коими онъ наполнилъ Верховное правительство».

Хотя надъ Коваленскимъ былъ учрежденъ высшій контроль, въ лицѣ начальника кавказской линіи и главнокомандующаго Кнорринга, но этотъ, проживая въ Кизлярѣ и Моздокѣ, относился безразлично къ тому, что дѣлалось въ Тифлисѣ, и ограничиваясь письменными сношеніями, не заботился о томъ, насколько выполнялись его резолюціи. При этомъ послѣднія не всегда были примѣнимы на практикѣ, какъ видно, между прочимъ, изъ случая, приводимаго Ад. П. Берже.

Лазаревъ, пользуясь пріѣздомъ Кнорринга въ Тифлисъ, обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: «Какъ многіе чиновники имѣютъ мѣста, единственно для собственнаго пропитанія имъ служащія, и берутъ со вѣрренныхъ имъ частей деньги и вещи безъ всякаго чловѣчества, отчего всѣ жители Грузіи весьма претерпѣваютъ, то, дабы жители, а равно чиновники, никакихъ нуждъ не претерпѣвали, то какъ поступить въ семъ случаѣ?» Кноррингъ далъ на это такой отвѣтъ: «Чиновникамъ пользоваться содержаніемъ по прежнему, но не допускать злоупотребленій»... (17).

Такимъ образомъ, Кноррингъ, по равнодушію или непониманію возложенной на него задачи, если является не прямымъ участникомъ происходившихъ злоупотребленій, то, во всякомъ случаѣ, онъ въ значительной мѣрѣ способствовалъ имъ, вслѣдствіе своего бездѣйствія и безграничнаго довѣрія къ Коваленскому и его соумышленникамъ.

При этихъ условіяхъ, ни одно изъ повелѣній императора Александра I не было выполнено, и естественно, что грузины, не понимая настоящей причины своихъ новыхъ бѣдствій, стали относиться съ явнымъ недоброжелательствомъ къ русскому правительству. Въ разныхъ мѣстахъ начались волненія, которыми цесаревичи не замедлили воспользоваться для своихъ цѣлей; въ то же время сосѣдніе

горскіе народы возобновили свои набѣги на беззащитныя селенія. Особенно сильныя беспорядки происходили въ Кахетіи и приняли характеръ открытаго неповиновенія властямъ.

Лазаревъ, узнавъ объ этомъ, пріѣхалъ къ Коваленскому, чтобы посоветоваться съ нимъ относительно мѣръ къ умиротворенію края, но Коваленскій и въ данномъ случаѣ остался вѣрнъ себѣ:

— «Опасаться нечего, возразилъ правитель Грузіи;—если-бы и въ самомъ дѣлѣ мятежъ возникъ, то, по моему мнѣнію, нельзя имѣть удобнѣйшаго случая къ полученію награды, за усмиреніе быть могущихъ. Потому желательно, чтобы что-нибудь случилось»... (18).

Между тѣмъ, вѣсти о происходившемъ въ Грузіи достигли Петербурга. Императоръ Александръ I призналъ необходимымъ немедленно отозвать отъ управленія краемъ генерала Кнорринга, смѣнить Коваленскаго и назначить главнокомандующимъ на Кавказѣ кн. Циціанова, человѣка съ сильнымъ характеромъ и испытанной честности, съ правомъ поступить съ бывшимъ правителемъ Грузіи по своему усмотрѣнію. Но кн. Циціановъ встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе со стороны Коваленскаго, который намѣренно тянулъ дѣло, и всѣ требованія кн. Циціанова оставлялъ безъ отвѣта, «предоставляя ему самому разобраться въ хаосѣ бездѣйствія и злоупотребленій «Верховнаго грузинскаго правительства».

В. Нарѣжный не дождался конца этой борьбы и послѣдовавшаго затѣмъ суда надъ Коваленскимъ и, получивъ увольненіе отъ службы, 14 мая 1803 года, выѣхалъ изъ Тифлиса. Такъ кончился тяжелый для него годъ службы на Кавказѣ, изображенный имъ въ его сатирическомъ романѣ «Черный годъ или горскіе князья»... (19).

VI.

Романъ Нарѣжнаго «Черный годъ или горскіе князья», по общему характеру и сложной любовной завязкѣ, принадлежитъ къ упомянутому нами (во второмъ очеркѣ) разряду романовъ съ приключеніями, по множеству всякихъ невѣроятныхъ похожденій, съ вставными случайными правоченіями и съ благополучною неправдоподобною развязкою. Но въ то-же время романъ Нарѣжнаго рѣзко отличается отъ этого рода русскихъ романическихъ произведеній XVIII вѣка тенденціозностью, неизбѣжною въ сатиру, а также вѣрнымъ изображеніемъ мѣстности, нравовъ и обычаевъ описываемой страны. Хотя авторъ въ этомъ отношеніи позволяетъ себѣ подчасъ разныя фантазіи въ духѣ времени, но, во всякомъ случаѣ, этногра-

Фическій элементъ романа тѣмъ болѣе имѣеть значенія, что всѣ слова, названія и обычаи, непонятныя для русской публики, объяснены въ примѣчаніяхъ. Мы коснемся преимущественно сатирической части «Чернаго года», которая тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что это, насколько намъ извѣстно, первая попытка самобытнаго сатирическаго романа въ нашей литературѣ.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ романѣ «Черный годъ или горскіе князья» является молодой осетинскій князь Кайтукъ, отъ лица котораго ведется весь рассказъ. Авторъ изобразилъ въ немъ типъ кавказскаго владѣтельнаго князя, простодушнаго и невѣжественнаго, но гордаго своимъ высокимъ происхожденіемъ, «обширными владѣніями, имѣвшими около двадцати стадій въ окружности, подданными, которыхъ было не менѣе ста домовъ, имуществомъ, состоящимъ изъ горскихъ лошадей, рогатаго скота и двухъ верблюдовъ».

Верховный жрецъ мѣстныхъ боговъ, Маркубъ, предсказалъ при рожденіи князя Кайтука, что двадцать пятый годъ его жизни будетъ для него чернымъ годомъ, во время котораго его постигнутъ разныя бѣдствія. Дѣйствительно, на второй-же день своего двадцатипятилѣтія князь Кайтукъ лишился отца и вступилъ на престолъ; но онъ не считалъ второе событіе особенно бѣдственнымъ для себя, и поэтому отнесся презрительно къ предостереженіямъ верховнаго жреца, который, напомнивъ ему о «черномъ годѣ», предлагалъ средства искупленія.

Также высокомерно принялъ князь Кайтукъ посла великаго тибетскаго Далай-ламы, уважаемаго во всей Азій, который явился къ нему съ требованіемъ ежегодной дани для своего владыки, обѣщая, что въ этомъ случаѣ безсмертный Далай-лама дозволитъ ему «дѣлать что угодно, не опасаясь мщенія ни отъ боговъ, ни отъ челоуковъ: смѣло отнимать у подданныхъ дочерей, грабить свѣтлѣйшихъ князей, присвоивать себѣ ихъ владѣнія» и пр., и грозилъ, въ случаѣ непослушанія, вѣчнымъ проклятіемъ. Но вмѣсто установленнаго обычаями почетнаго приѣма посла и подарковъ, князь Кайтукъ, не помня себя отъ гнѣва, соскочилъ съ высокихъ козелъ, покрытыхъ пестрымъ ковромъ, которыя служили ему престоломъ и, «отвѣсивъ дюжину ударовъ въ спину посла, велѣлъ стражѣ проводить его плетми до границы осетинскихъ владѣній». Верховный жрецъ, сурово смотрѣвшій на эту сцену, сталъ было доказывать незаконіе подобнаго поступка съ посломъ «перваго жреца въ подсолнечной», но князь Кайтукъ приказалъ вытолкать его въ шею...

Здѣсь авторъ, повидимому, рисуеть первые моменты водворенія

русскаго господства въ Грузіи, которые были ознаменованы, какъ мы видѣли выше, такимъ-же полнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ мѣстнымъ обычаямъ и понятіямъ народа, въ видѣ насильственной присяги, арестовъ и безцеремоннаго обращенія съ лицами царскаго грузинскаго дома.

Послѣ упомянутыхъ подвиговъ, князь Кайтукъ, подобно правителю Грузіи, Коваленскому, тотчасъ-же приступилъ къ назначенію сановниковъ и устройству «великокняжескаго двора своего».

«Онъ началъ съ того, что, въ подражаніе великолѣпному астраханскому хану Самсутдину, одного изъ вельможъ двора своего нарекъ визиремъ или верховнымъ министромъ, другаго сардаромъ — военачальникомъ, третьяго назиромъ—казнохранителемъ. Первый отправлялъ дѣла внутреннія и заграничныя, второй предводительствовалъ войскомъ, третій заведывалъ государственными доходами и расходами».

Каждое утро князь Кайтукъ посѣщалъ чертогъ совѣта, гдѣ его ожидали означенные совѣтники съ знатнѣйшими подданными. Съ его появленіемъ начиналось приготовленіе шашлыка и вкушеніе просяной водки, что, очевидно, служить опять-таки пародіею на домашній способъ веденія дѣлъ Коваленскимъ, который, вѣроятно, никогда не измѣнялъ адмиральскому часу, судя по тому, что на первой-же аудіенціи у грузинской царицы, какъ мы указывали выше, въ определенное время потребовалъ себѣ водки. Во всякомъ случаѣ, въ романѣ Нарѣжнаго, всѣ засѣданія совѣта князя Кайтука начинаются завтракомъ и сопровождаются обильными изліянiями водки, которая оказываетъ самое благотворное дѣйствіе при рѣшеніи дѣлъ.

Визирь Шамагулъ занимаетъ первое мѣсто въ совѣтѣ и, въ качествѣ ловкаго политика, является наставникомъ своего повелителя, «въ высокому искусствѣ управлять мудро подвластными народами». Хотя авторъ нигдѣ не придерживается фотографической точности и, рисуя общій характеръ тогдашняго управленія Грузіи, попеременно выводитъ на сцену князя Кайтука и визиря Шамагула, но въ лицѣ послѣдняго преимущественно изображенъ самъ Коваленскій. Визирь Шамагулъ живо напоминаетъ правителя Грузіи своимъ пренебреженіемъ къ мѣстнымъ обычаямъ, нововведеніями, имѣвшими цѣлью умноженіе казны княжеской, и особенно изобрѣтательностью въ данномъ направленіи, между тѣмъ, какъ князь Кайтукъ только послушное орудіе въ рукахъ визиря.

Во всѣхъ затрудненіяхъ молодой князь обращается къ визирю Шамагулу, который, находя, что «въ важныхъ случаяхъ медленность пагубна», неизмѣнно произноситъ быстрое рѣшеніе. Такъ, напримѣръ,

верховный жрецъ, вслѣдствіе нанесенной ему обиды, велѣлъ запретить храмъ, въ которомъ должно было совершаться поклоненіе богамъ; знакомъ наложеннаго запрещенія служила нагайка, положенная у порога. Въ первую минуту князь Кайтукъ, видя уныніе собравшейся толпы, пришелъ въ замѣшательство, но тутъ-же, по совѣту визиря, приказалъ выломать двери храма, самъ облачился въ одежду верховнаго жреца и вмѣсто него отправилъ служеніе въ честь боговъ Макука и Кукама.

По окончаніи церемоніи, князь Кайтукъ, въ оправданіе принятой имъ мѣры, поручилъ своему визирю объявить народу въ тонѣ упомнутыхъ «обвѣщеній» Коваленскаго, что «вѣра, имъ принимаемая, клонится ни къ чему иному, какъ только къ возвеличенію во всей подсолнечной славнаго имени осетинцевъ, подъ правленіемъ его благоденствующихъ; ко вразумленію народовъ сосѣднихъ, къ увѣренію народовъ отдаленныхъ, что съ симъ поступкомъ нераздѣльно соединены честь, слава и счастье его народовъ, и пр. (ч. I, стр. 28—29).

Въ тотъ-же вечеръ, во время пиршества, когда всѣ гораздо были веселы, князь спросилъ своихъ совѣтниковъ: какимъ-бы образомъ предъ взоромъ потомства увѣковѣчить память незабвеннаго дня сего? Всѣ принялись усердно думать, но, по обыкновенію, отвѣтилъ одинъ визирь Шамагуль, и заявилъ, что такъ какъ нагайка, лежавшая у дверей храма, была главною причиною случившагося, то не благоугодно-ли будетъ князю «учредить, по примѣру нѣкоторыхъ владѣтелей, особенный орденъ, и наименовать оный орденомъ нагайки... Симъ, добавилъ онъ,—приобрѣтешь ты почтеніе отъ потомства, яко первый изобрѣтатель такого общепользнаго заведенія и передашь въ сохраненіе ему свое имя».

Это предложеніе привело въ такой восторгъ князя Кайтука, что онъ, назвавъ визиря «величайшимъ изъ политиковъ во всѣхъ ущельяхъ Кавказа», объявилъ, что на цѣлыхъ три дня увольняетъ его отъ присутствія въ совѣтѣ. Здѣсь, повидимому, заключается намекъ Верховное на грузинское правительство, гдѣ члены совѣта, слѣдуя примѣру Коваленскаго, подъ разными предлогами, избавляли себя отъ необходимости присутствовать на засѣданіяхъ.

Затѣмъ авторъ изображаетъ въ каррикатурномъ видѣ княжескій судъ надъ молодымъ горцемъ Науромъ, гдѣ половина пени вносится въ казну князя, «въ вознагражденіе той скуки, какую ему довелось терпѣть при разборѣ дѣла». Тѣмъ не менѣе, князь Кайтукъ убѣжденъ, что все идетъ прекрасно, и заявляетъ, что «весь народъ доволенъ его судами, а вельможи не могутъ нахвалиться его угощеніями».

Но скорѣе его душевный покой нарушенъ: онъ влюбляется

въ прекрасную Сафиру, дочь сосѣдняго князя Мирзабека, и узнаеть, къ своему величайшему огорченію, что она помолвлена за молодаго князя Кубаша; но визирь Шамагуль, считая, что «для истиннаго политика нѣтъ ничего невозможнаго», совѣтуетъ своему повелителю захватить обманомъ нареченнаго жениха Сафиры и засадить въ землянку. Планъ этотъ выполненъ настолько успѣшно, что таинственное исчезновеніе князя Кубаша не возбудило ничьихъ подозрѣній ¹⁾). Князь Кайтукъ хотѣлъ воспользоваться удаленіемъ соперника, чтобы возобновить сватовство; но визирь убѣдилъ его повременить съ этимъ дѣломъ, пока не поспѣютъ орденскія нагайки, говоря, что онъ тогда самъ отправится къ князю, вручить ему знаки ордена и поднять вопросъ о бракѣ.

Наконецъ, изъ Моздока, (мѣстопробываніе главнокомандующаго Кнорринга), явился посланный «съ прекраснѣйшими въ свѣтѣ нагайками». По этому случаю собрался Верховный совѣтъ и были прочтены статьи вновь учреждаемаго ордена, сочиненныя визиремъ. Князю Кайтуку особенно понравилась 11-я статья устава, по которой всякій кавалеръ, получившій знаки ордена, долженъ былъ внести въ княжескую казну десять юзлукъ ²⁾, и тутъ же велѣлъ прибавить 12-ю статью, что «князь властенъ жаловать одного и того же чело-вѣка кавалеромъ столько разъ, сколько государственная польза того потребуеть»...

На слѣдующее утро «звуки трубъ и бубновъ» возвѣстили начало великаго торжества открытія ордена нагайки, которое должно было произойти на косогорѣ передъ дворцомъ, въ присутствіи всего народа. Торжество это въ романѣ, по общему характеру, служить, повидимому, пародією на церемонію открытія верховнаго грузинскаго правительства, насколько можно судить по современнымъ описаніямъ.

По прибытіи князя и его совѣтниковъ, визирь прочелъ во всеуслышаніе уставъ ордена, съ прибавленіемъ 13-й статьи, придуманной имъ ночью, «во время бессонницы», гдѣ изложены были преимущества кавалеровъ ордена передъ не-кавалерами, которыя несомнѣнно представляютъ пародію на незаконныя привиллегіи, которыми поль-

¹⁾ Случай этотъ, вѣроятно, приведенъ Нарѣжнымъ въ виду безцеремонныхъ поступковъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ чиновниковъ, которые открыто увозили изъ селеній женщинъ и дѣвушекъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ акты кавказской археологической комиссіи (т. II). При этихъ условіяхъ, могли быть примѣры насильственнаго удаленія безпокойнаго соперника, о которыхъ могъ слышать Нарѣжній.

Н. В.

²⁾ Юзлукъ, по объясненію автора, «персидская монета, равная нашему рублю мѣдью».

зовались родственники и приверженцы Коваленскаго, къ ущербу остальных жителей. При этомъ, въ романѣ «не-кавалерамъ вмѣнялось въ обязанность переносить безропотно всякія несправедливости и притѣсненія отъ кавалеровъ ордена, подъ страхомъ пени; но по уплатѣ «двойнаго противъ устава количества юзлуковъ, они могли исходатайствовать и себѣ отъ князя орденъ, и тогда свободно пользоваться общими правами».....

Затѣмъ князь приступилъ къ собственноручной раздачѣ орденскихъ нагаекъ. Одинъ визирь съ веселымъ лицомъ выгнувъ спину и, принявъ дюжину ударовъ, которые по уставу были обязательны для каждаго дѣйствительнаго члена ордена, внесъ положенныя деньги. Остальные молча послѣдовали его примѣру, хотя съ видимымъ неудовольствіемъ. Но страженачальникъ Баширъ оказалъ открытое сопротивление, говоря, что не имѣетъ охоты «платить десять юзлуковъ за бездѣлицу, которая съ доставкой обошлась не болѣе одного.» Князь Кайтукъ, разгнѣванный подобной дерзостью со стороны подданнаго, объявилъ, что если страженачальникъ «не хочетъ добровольно имѣть честь быть кавалеромъ и дать въ казну десять юзлуковъ, то онъ считаетъ обязанностью насильно почтить его этимъ отличіемъ»,—и тутъ-же отдалъ приказъ пригнать изъ его сараевъ пять самыхъ жирныхъ барановъ. Затѣмъ началось пиршество, которое продолжалось до глубокой ночи.

Прошло довольно много времени послѣ этого событія, «неслыханнаго на горахъ кавказскихъ», и князь Кайтукъ отправилъ пословъ съ орденскими нагайками къ двумъ сосѣднимъ князьямъ Мирзабеку (отцу Сафиры) и Кунаку (отцу пропавшаго князя Кубаша). Но вмѣсто благодарности за оказанную имъ честь, «непросвѣщенные» князья, принявъ за личное оскорбленіе посылку орденской нагайки, не только употребили ее какъ орудіе для наказанія, но еще приказали выпроводить обоихъ пословъ за границу своихъ владѣній.

Князь Кайтукъ пришелъ въ бѣшенство отъ такого неожиданнаго исхода своего посольства и поклялся, что «это не пройдетъ даромъ бездѣльникамъ и что онъ подумаетъ на досугѣ о способѣ отомщенія». Но такъ какъ онъ самъ не могъ «придумать ничего путнаго», то на слѣдующее утро, явившись въ совѣтъ, предложилъ своимъ вельможамъ рѣшеніе вопроса. Мнѣнія ихъ раздѣлились: одинъ визирь Шамагуль доказывалъ необходимость кровопролитной войны, разсчитывая, что его дѣло визирское и онъ долженъ воевать политически, т. е. языкомъ; остальные совѣтники были противъ войны, «смекнувъ, вѣроятно, что пріятнѣе ѣсть пашлыкъ и запивать водкою, чѣмъ напрасно проливать кровь свою и чужую». На ихъ сторонѣ былъ храбрый военачальникъ Бектемиръ, который, при своемъ мирномъ

характерѣ. ненавидѣлъ войну, и заявилъ, что по его мнѣнію, нужно послѣдовать примѣру просвѣщенныхъ народовъ, у которыхъ, «если выйдетъ распря, то прежде объявленія войны половина, почитающая себя обиженною, сносится съ другою и требуетъ возможнаго удовлетворенія»...

Предложеніе это было съ радостью принято княземъ, но оказалось бесполезнымъ, потому что вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе, что князь Кунакъ «началъ имѣть подозрѣніе на князя Кайтука въ погубленіи сына его Кубаша», а потому приготовился отомстить за эту обиду и уже собралъ до пятидесяти человекъ вооруженныхъ ратниковъ».

Совѣтники оторопѣли при такой неожиданной новости и смиренно ожидали рѣшенія князя, который «по довольномъ размышленіи, надувалъ для важности щеки и, представя себя охриплымъ, сказалъ: «Для меня столь-же опасенъ Кунакъ, какъ моя цѣпная собака... Но вотъ обстоятельство, заставившее меня позадуматься: воинъ объявилъ, что у Кунака всѣ ратники вооружены исправно, а наши почти всѣ, кромѣ орденскихъ нагаекъ, ничего не имѣютъ... А гдѣ возьмемъ оружіе? У меня въ казніѣ крайнее оскудѣніе, ибо я поновилъ храмъ боговъ, княжескій дворецъ и жреческое облаченіе. Посудите, чего все это стоило, не говоря уже о вседневномъ домашнемъ расходѣ»...

Положеніе было довольно затруднительное, но обычная изобрѣтательность не измѣнила визирю и въ данномъ случаѣ. Онъ успѣвшиль успокоить князя общаніемъ «умножить казну его седмерицею», и, оставшись наединѣ съ нимъ, изложилъ свой планъ: «Изволь выслушать, сказалъ визирь,—съ каждаго кавалера получаешь ты по уставу десять юзлуковъ, а у тебя остается еще въ запасѣ тридцать нагаекъ. Завтра произведемъ столько-же новыхъ рыцарей, а старыхъ лишимъ ордена, дабы черезъ два часа опять раздавать оныя и получать подать..... Такъ судить визирь Шамагуль, такъ должна судить здравая политика и такъ она всегда судила» (ч. I, стр. 118).

На слѣдующій день мудрый визирь приступилъ къ осуществленію своего плана. При этомъ нѣкоторыхъ насильно посвящали въ рыцари, и за неплатежъ брали козловъ и барановъ, а страженачальникъ за свое упорство, сверхъ того, получилъ дюжинъ пять ударовъ въ спину. «Въ народѣ родился ропотъ; но князь Кайтукъ мало о томъ заботился, особливо видя, что княжеская его казна гораздо растолстѣла».

Затѣмъ слѣдовали неудачи: князь Кунакъ согласился дать перемиріе только на три дня, а войны, посланные для закупки и кражи оружія, вернулись съ пустыми руками.

Князь Кайтукъ былъ сильно опечаленъ этимъ, но, по совѣту

визиря, велѣлъ немедленно собраться всѣмъ, которые способны носить оружіе, объявилъ имъ о предстоящей войнѣ и, отдавъ приказъ взаимнѣ оружія вооружиться дубинами, обѣщалъ послѣ побѣды дать имъ дозволеніе «три часа грабить княжество Кунака, дѣлать кому заблагоразсудится насилія, а старыхъ и молодыхъ брать въ плѣнъ». Надежда на поживу такъ воодушевила воиновъ, что они бросились домой за топорами, и минутъ черезъ десять явились изъ сосѣдней буковой рощи «съ страшными дубинами, храбро ими помахивали и пріятный свистъ въ воздухѣ раздавался. Князь Кайтукъ улыбался, смотря на ихъ мужество ¹⁾»...

Затѣмъ слѣдуетъ въ романѣ описаніе приготовленій къ битвѣ и полного пораженія осетинскаго войска, которое разсѣялось въ разныя стороны; храбрый военачальникъ Бектемиръ и мудрый визирь Шамагулъ едва-ли не первые обратились въ бѣгство. Князь Кайтукъ «тщетно пытался воротить ихъ воплемъ своимъ, и остался одинъ съ своимъ отчаяніемъ». Ему ничего не оставалось, какъ послѣдовать примѣру своихъ «ретивыхъ воителей»: онъ бросился бѣжать безъ оглядки и, наконецъ, упавъ на землю отъ изнеможенія, пробылъ въ этомъ положеніи всю ночь и часть утра...

Этимъ, собственно, кончается первая, наиболѣе рельефная и законченная часть романа «Черный годъ или горскіе князья», гдѣ аналогія между правленіемъ князя Кайтука и такимъ-же кратковременнымъ правленіемъ Коваленскаго кажется намъ достаточно очевидною.

¹⁾ Здѣсь авторъ, очевидно, изображаетъ бывшее грузинское войско, составленное изъ поселянъ, о которомъ ген. Лазаревъ даетъ слѣдующій отзывъ въ своемъ письмѣ къ Кноррингу отъ 4 августа 1800 года: «На грузинъ надѣяться нечего, у нихъ на 10 человекъ два ружья, а прочіе вооружены кизилевыми обожженными палками, да и къ тому-же присовокупить должно, что здѣсь внутренній безпорядокъ»... «Ист. войны и вл. рус.» Н. Ѳ. Дубровина, III, стр. 306. Н. А. В.

VII.

Остальные три части романа «Черный годъ или горскіе князья» имѣютъ болѣе общій характеръ и посвящены описанію дальнѣйшихъ походовъ князя Кайтука и его бывшихъ совѣтниковъ, Шамагула и Бектемира, въ несуществующемъ астраханскомъ ханствѣ, гдѣ весь внутренній строй и правленіе представляютъ порядки той-же Грузіи и сосѣднихъ съ нею государствъ. Но и здѣсь, не смотря на грубую, подчасъ утрированную каррикатуру, разныя приключенія, утомительныя для нынѣшняго читателя, отвыкшаго отъ этого рода романическихъ произведеній, встрѣчаются прекрасныя описанія, мѣтко очерченныя характеры, гдѣ выступаетъ сатирическій талантъ автора и своеобразный свойственный ему юморъ.

Князь Кайтукъ, какъ герой романа, является вездѣ дѣйствующимъ лицомъ; но ему теперь отведена второстепенная роль и на сцену выступаетъ «веледѣпный» астраханскій ханъ Самсутдинъ, который, по своей неподвижности, бездѣйствію и равнодушію къ дѣламъ управляемаго государства, въ общихъ чертахъ настолько напоминаетъ главнокомандующаго Кнорринга, что едва-ли можно сомнѣваться въ ихъ тождествѣ. Отношенія хана къ окружавшимъ его вельможамъ тѣ-же, что и главнокомандующаго къ Коваленскому и другимъ членамъ «Верховнаго грузинскаго правительства»; онъ также всецѣло представляетъ своимъ приближеннымъ эксплуатировать разоренную страну для ихъ своекорыстныхъ цѣлей, и, подобно Кноррингу, пассивно изъясняетъ свое согласіе, въ большинствѣ случаяхъ не вникнувъ въ сущность дѣла и не замѣчая противорѣчій въ заявленныхъ мнѣніяхъ. Ханъ Самсутдинъ облеченъ такою-же неограниченною властью, какъ и Кноррингъ, но по своему апатичному характеру, равнымъ образомъ, не пользуется ею и только представляетъ собою послушное орудіе въ рукахъ любимцевъ, которымъ оказываетъ безусловное довѣріе.

Тѣмъ не менѣе, наивный осетинскій князь Кайтукъ, послѣ бѣгства изъ собственнаго княжества и разныхъ походовъ въ Кабардѣ, предпринимаетъ далекое путешествіе въ Астрахань, въ надеждѣ, что «кроткій и могущественный» ханъ Самсутдинъ дастъ ему денегъ и войска, чтобы завоевать обратно утраченныя имъ владѣнія. Но эта надежда, какъ видно изъ дальнѣйшаго хода романа, оказывается такою-же обманчивою, какъ надежды грузинскихъ царевичей и другихъ лицъ, притѣсняемыхъ Коваленскимъ, которые не разъ обращались къ заступничеству главнокомандующаго Кнорринга.

Князь Кайтукъ, во время пути, останавливается для отдыха въ

Моздокъ, областномъ городѣ астраханскаго ханства, и впервые получаетъ понятіе о ханскихъ намѣстникахъ, величаемыхъ «мурзами». Татаринъ, къ которому онъ обратился за объясненіями, даетъ такой отвѣтъ: «Мурза есть начальникъ какого-нибудь улуса, и за вѣрную службу астраханскому хану получаетъ въ непосредственное управленіе какой-нибудь городъ, съ принадлежащею ему округою. Доходы, правда, должны принадлежать хану; но мурзы обыкновенно такъ благоразумны, что умѣютъ съ нимъ дѣлиться, и, увѣривъ его въ безпримѣрномъ своемъ безкорыстїи, получаютъ въ награду, время стѣ времени, дорогія сабли, вооруженія, золотыя и серебряныя цѣпи. Власть каждаго такого мурзы почти неограниченна, а особливо моздокскаго, ибо онъ отдаленнѣе кизлярскаго и наурскаго отъ Астрахани...» (ч. II, стр. 14).

Далѣе авторъ приводитъ наглядный примѣръ злоупотребленій въ судахъ, которыя онъ могъ достаточно видѣть въ Грузїи. Князь Кайтукъ и въ этомъ случаѣ является дѣйствующимъ лицомъ: онъ узнаетъ случайно, что его бывшіе совѣтники, Шамагулъ и Бектемиръ, заключены въ моздокской городской тюрьмѣ, влѣдствіе жалобы, поданной на нихъ евреемъ Еліасомъ, и что мѣстный мурза Габидуль уже приговорилъ ихъ къ тѣлесному наказанію. Князь Кайтукъ спѣшитъ на выручку своихъ друзей, врывается безъ доклада въ жилище мурзы и, не обращая вниманія на его гнѣвъ, начинаетъ излагать свою просьбу:

«Великодушный судья! сказалъ онъ,—по высокому повелѣнію твоему, содержатся здѣсь въ тюрьмѣ два осетинца, крайніе мои прїатели... Извѣстно мнѣ, что твое великолѣпіе осудилъ ихъ кое за что,—ибо настоящая вина мнѣ неизвѣстна,—на палочные удары по подошвамъ, и усугубило число ударовъ за двадцать юзлуковъ жидовскихъ! Внемли, судія безпристрастный, даруй свободу друзьямъ моимъ—и я предлагаю тебѣ столько-жъ. Но чтобы и жидъ Еліасъ помнилъ сіе происшествіе, то я удвою число юзлуковъ, прося тебя повелѣть отсчитать по пятамъ его добрую сотню ударовъ».

Послѣ этой «разительной» рѣчи, князь Кайтукъ вынулъ сорокъ юзлуковъ и со смиреніемъ смотрѣлъ въ землю. Мурза, принявшій въ началѣ словъ просителя грозный видъ, при концѣ ихъ осклабился и, подобно матери, съ нѣжностью смотрящей на провинившееся дитя свое, взглянулъ на отверстую руку и, обратясь къ стоявшему возлѣ него муллѣ, спросилъ:

«Ты какъ думаешь, угодникъ пророка?»

— «Надобно признаться, отвѣтилъ сей, съ таинственною важностью,—что чужестранецъ говорить неглупо... Но изъ сорока сихъ

юзлуковъ, половину ты возьмешь себѣ, а другую отдашь на заштопаніе дыряваго занавѣса въ нашей мечети.»

«Такъ, сказалъ мурза, протянувъ руку къ просителю, въ которую этотъ съ почтительнымъ поклономъ положилъ юзлуки свои, — такъ! завѣса требуетъ починки, но думаю, что для заштопанья дыры, какова-бы ни была она, довольно въ наше дешевое время и пяти юзлуковъ».

При этихъ словахъ онъ отсчиталъ муллѣ означенную сумму и, подавая своему писцу еще два юзлука, сказалъ:

— «Сейчасъ приготовь повелѣнія: одно объ освобожденіи двухъ осетинцевъ изъ темницы, а другое о преданіи истязавію жйда Еліаса; онъ и подлинно великій богохульникъ!»

Скоро повелѣнія были готовы; мурза приложилъ къ нимъ перстнемъ своимъ печать и, подавъ одно просителю, сказалъ:

«Покажи эту бумагу тюремному приставу, и друзья твои на волѣ. Алла да управить стопы твои...» (ч. II, стр. 25—29).

Далѣе, въ романѣ описана сходная съ этою сцена вымогательства со стороны тюремнаго пристава, который только послѣ полученія достаточнаго количества юзлуковъ соглашается выполнить повелѣніе мурзы и освободить заключенныхъ горцевъ. Князь Кайтукъ, во избѣжаніе новыхъ приключеній, спѣшитъ вывести своихъ друзей за стѣны города, и они втроемъ пускаются въ путь, въ убѣжденіи, что съ прибытіемъ въ Астрахань «наступитъ конецъ ихъ бѣдствіямъ».

Въ Кизлярѣ предприимчивый Шамагулъ едва не подвергся ослѣпленію, но при своей обычной находчивости вывернулся изъ бѣды, объявивъ, окружавшимъ его магометанамъ о своемъ намѣреніи перейти въ ихъ вѣру. Это заявленіе съ радостью принято благочестивымъ кизлярскимъ мурзою, который отдаетъ приказъ отвести приличное помѣщеніе будущему мусульманину и его спутникамъ, и доставлять бесплатно изъ лавокъ все, что они потребуютъ. Но съ прибытіемъ имама, который долженъ былъ наставить язычника въ правилахъ новой вѣры, все измѣнилось. Шамагулъ оставилъ своихъ друзей и, «набравшись съ избыткомъ просвѣщенія», провозглашенъ муфтіемъ въ главной мечети, а затѣмъ отправился ко двору астраханскаго хана, въ сопровожденіи мурзы и многолюдной свиты.

Князь Кайтукъ глубоко возмущенъ измѣною своего бывшаго vizира, но, уступая убѣжденіямъ Бектемира, соглашается продолжать путь.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Астрахани они встрѣчаютъ Сафиру, которую вели, въ качествѣ невольницы, въ столицу ханства, гдѣ она должна была украсить собою гаремъ «величѣннаго» хана

Самсутдина. Князь Кайтукъ, какъ герой романа, храбро выступаетъ на защиту своей возлюбленной, не смотря на численное превосходство непріятели, отсѣкаетъ ухо у ханскаго посланнаго Гассана, но тутъ-же падаетъ раненый и лишается чувствъ. Наконецъ, онъ приходитъ въ себя и видитъ при свѣтѣ тусклой лампы, что его заключили въ узкую темницу, съ низкими каменными сводами.

Недѣли двѣ спустя, когда раны его настолько зажили, что онъ могъ держаться на ногахъ, къ нему въ темницу вошли шесть воиновъ, съ длинными бердышами, и предводитель ихъ объявилъ, что поведетъ преступника въ палату совѣта, такъ какъ дѣло его показалось настолько «замысловатымъ», что будетъ разбираться въ присутствіи хана и его совѣтниковъ.

Затѣмъ, въ романѣ слѣдуетъ подробное описаніе верховнаго астраханскаго судилища, гдѣ князь Кайтукъ въ числѣ судей увидѣлъ своего бывшаго визиря Шамагула, облеченнаго въ священное званіе великаго муфтія, который на совѣтѣ ханскомъ является такимъ-же мудрымъ политикомъ, какъ въ былыя времена, и находитъ еще болѣе широкое примѣненіе для своихъ природныхъ дарованій. Что касается хана Самсутдина, то онъ остается вѣрнѣе тому характеру, какой, повидимому, хотѣлъ придать ему авторъ: ханъ, присутствуя въ совѣтѣ, выказываетъ полное безучастіе къ тому, что происходитъ вокругъ него, торопится окончить засѣданіе и велитъ исполнить приговоръ, который еще не былъ произнесенъ, въ виду разногласія въ заявленныхъ мнѣніяхъ. Съ такимъ-же безучастіемъ, какъ мы указывали выше, относился Кноррингъ къ дѣламъ управляемой имъ Грузіи, такъ что, по всѣмъ даннымъ, въ большинствѣ случаевъ, онъ велъ себя также пассивно, какъ и ханъ Самсутдинъ, потому что при другихъ условіяхъ трудно допустить, чтобы Коваленскій могъ въ такой степени пользоваться его именемъ для разныхъ злоупотребленій.

Но авторъ, быть можетъ, съ цѣлью большаго прикрытія сатиры, изобразилъ хана Самсутдина, въ видѣ неограниченнаго азіятскаго властелина, изнѣженнаго, неподвижнаго и неумѣреннаго въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Въ этомъ отношеніи для хана не существуетъ никакихъ преградъ; онъ позволяетъ себѣ всякія сумасбродства, «кими, по замѣчанію автора, питаются души праздна, изможденна, не находящія себѣ пищи, и, такъ сказать, умирающія съ голоду, бывъ закупорены еъ жирныхъ тулукахъ тѣлесныхъ...» Наружность хана Самсутдина соотвѣтствовала его внутреннимъ качествамъ: князь Кайтукъ, войдя въ палату совѣта, увидѣлъ противъ дверей на диванѣ «огромное, толстое, темнолицее чудовище, съ мутными, опухшими глазами». Это былъ веледѣльный астраханскій ханъ. Онъ

куриль кальянъ, холодными глазами смотрѣлъ во все стороны и, казалось, ничего не видѣлъ.

Когда ввели преступника, ханъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой объяснилъ, что «обязался великому пророку не принимать каждый день пищи и питья, пока не окажется кому-либо изъ своихъ подданныхъ правосудіа», а такъ какъ онъ уже чувствуетъ порядочный позывъ на ѣду и желаетъ съ чистою совѣстью приступить къ трапезѣ, то предлагаетъ изложить дѣло «вкратцѣ».

Дѣло объ отсѣченіи Гассанова уха было тотчасъ-же доложено, и ханъ, закативъ подъ вѣки глаза свои, со вздохомъ произнесъ:

— «Разберите дѣло до-пряма, объявите мнѣ назначеніе ваше, и я, вдохновенный пророкомъ, произнесу приговоръ правосудіа, столько мнѣ любезнаго!»

Но въ совѣтѣ произошло разногласіе: сардаръ Ишмуратъ заявилъ, что «тутъ много думать нечего!», что слѣдуетъ «задорнаго язычника наверху главной мечети повѣсить вверхъ ногами и колотить по подошвамъ до тѣхъ поръ, пока не околѣетъ!» Визирь Батырша возсталъ противъ этого рѣшенія и сказалъ, что по его мнѣнію, слѣдовало-бы «нечестивца сего на большомъ астраханскомъ майданѣ (площади) посадить живаго на колъ, или, закупоря въ кожаный мѣшокъ, пустить въ море»...

Ханъ, въ свою очередь, задумался, «устремя къ потолку мутныя очи свои; потомъ, обратясь величественно къ собранію, протяжно прошипѣлъ: сіе выполнить!»

Тутъ поднялся онъ съ дивана и, опираясь на визиря и сардара, вышелъ изъ палаты совѣта.

Послѣ удаленія хана, старый назиръ Туймакъ, пасмурно взглянувъ на собраніе, поднялъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ исполнить въ точности повелѣніе ханское и въ чемъ заключается сіе?

— «Повѣсить узника на мечети и забить до смерти палками; далѣе, посадить живаго на колъ, наконецъ, также живаго, закупорить въ мѣшокъ и кинуть въ море!.. Вопросаю весь высокопросвѣщенный совѣтъ, добавилъ онъ,—какъ все это привести въ дѣйствіе съ однимъ человѣкомъ?..»

Совѣтъ долго хранилъ глубокое молчаніе, вслѣдствіе чего Гассанъ, изъ ненависти къ врагу своему, рѣшилъ заявить собранію о придуманномъ имъ рѣшеніи, по которому къ преступнику можно было-бы примѣнить все три казни: бить палками до полусмерти, легонько посадить на колъ, а затѣмъ уже бросить въ море, и что для этого нужно только найти искусныхъ исполнителей...

Высокопочтенные мужи въ знакъ согласія мотали головами и одинъ

изъ нихъ произнесъ, что «въ такомъ затруднительномъ дѣлѣ послугить догадливѣе едва-ли можно, и остается мнѣніе Гассана привести въ исполненіе». Но тутъ вмѣшался великій муфтій Шамагуль и совѣтовалъ повременить съ выполненіемъ казни, говоря, что «легко станется и теперь, какъ случалось прежде, что ханъ и вельможи къ завтрашнему дню совсѣмъ забудутъ о сегодняшнемъ рѣшеніи и дадутъ новое, исполненіе коего не будетъ столько затруднительнымъ».

Все собраніе опять-таки единогласно подтвердило рѣшеніе мудраго Шамагула, послѣ чего князя Кайтука повели обратно въ темницу. Здѣсь ежедневно навѣщаетъ его великій муфтій Шамагуль, который, не забывая собственныхъ выгодъ, пускаетъ въ ходъ всю изворотливость своего ума, чтобы возвратитъ свободу своему бывшему повелителю и успокоитъ его относительно участи Сафиры.

Случай къ этому скоро представился: ханъ Самсутдинъ, во время вечерняго пиршества, оставшись наединѣ со своими приближенными, обратился къ ихъ помощи и совѣту, по поводу прекрасной горской невольницы, съ которою «онъ видѣлся каждый свободный часъ и не могъ склонитъ на соотвѣтствіе страстной любви своей».

Визирь и сардаръ совѣтовали употребитъ насиліе, но муфтій Шамагуль былъ того мнѣнія, что можно достигнуть цѣли инымъ способомъ. Онъ заявилъ, что, если ему и его товарищамъ, визирю и сардару, дозволено будетъ во всякое время видѣть прекрасную язычницу и бесѣдовать съ нею, то въ три мѣсяца они сѣмъ обратитъ ее въ православіе и расположитъ ея сердце въ пользу хана.

Мутныя очи ханскія прояснились, и на поблеклыхъ ланитахъ его показались багровыя пятна...

— «Теперь ясно вижу, сказалъ онъ,—что политика есть преполезная наука, и знаніе оной считаю необходимымъ для всякаго властелина и великихъ двора его.. Если я къ объявленному муфтіемъ времени достигну желаемаго, то обильныя щедроты мои разольются передъ вами! Сквозь пальцы буду смотрѣть, если домъ муфтія походить будетъ на европейскую гостинницу; если войны мои, за неимѣніемъ враговъ отечества, будутъ грабить своихъ соотчичей и часть добычи поднесутъ сардару, если ограбленные предстанутъ къ визирю съ просьбою о правосудіи и поступятъ ему послѣдками имущества, оставшагося имъ послѣ нашествія моихъ воиновъ. Клянусь устоять въ ханскомъ словѣ моемъ, ибо — вы болѣе другихъ о семъ свѣдомы—люблю порядокъ и правосудіе...» (ч. III, стр. 146).

Совѣтники ханскіе широко воспользовались оказанною имъ милостію, и муфтій Шамагуль, въ бесѣдѣ съ княземъ Кайтукомъ, не замедлилъ похвастаться своимъ спасительнымъ для народа союзомъ съ визиремъ и сардаремъ.

«Живемъ мы весьма дружески, объяснилъ Шамагулъ,—и одинъ другому прямо ни въ чемъ не мѣшаемъ. Я господствую въ мечети и за каждый выходъ получаю добрые гостинцы, въ коихъ муллы и имамы имѣютъ весьма мало участія, и если я подольше пробуду у нихъ муфтіемъ, то они и подлинно отъ сухождѣнія просвѣтятся и сподобятся видѣть пророка лицомъ къ лицу. Сардаръ спокойно пригребаетъ къ себѣ жалованье военно-служащихъ, платя имъ вмѣсто юзлуковъ апросами, а если кто-либо возропщетъ, тотъ возопіетъ голо-систѣе, чѣмъ вопіали подданные твои при пожалованіи ихъ кавалерами ордена нагайки. Визирь, уподобляя себя пастырю овецъ, властною рукою обстригаетъ весь народъ, а съ упорствующихъ сдираетъ и кожи. Покушались было нѣкоторые, не знавшіе нисколько политики, предстать къ хану съ жалобами на горькую участь свою, но такая дерзость обыкновенно бывала въ примѣръ другимъ сурово наказываема, и сіи безумцы объявляемы были въ народѣ возмутителями»... (ч. III, стр. 158—159).

Между тѣмъ, произошло неожиданное событіе, которое нарушило общее спокойствіе: Юмангула, законная жена Самсутдина, подстрекаемая второю женою ханскою, Гальбустаню, тайно выѣхала изъ дворца и оставила супругу бранное письмо, въ которомъ извѣщала его, что отправляется къ своему отцу, казанскому хану, и что этотъ не замедлитъ потребовать у Самсутдина отчета въ его поведеніи ¹⁾.

По прочтеніи письма Юмангулы въ полномъ собраніи совѣта, ханъ обратился къ своимъ вельможамъ съ вопросомъ, «что предпринять въ настоящемъ бѣдственномъ положеніи?»

Въ совѣтѣ произошло разногласіе, потому что каждый хотѣлъ соблюсти свои личныя выгоды. Визирь Батырша былъ того мнѣнія, что ханъ, согласно законамъ страны, долженъ раздать своихъ невольницъ избраннымъ друзьямъ, снабдивъ каждую приданнымъ, и что тогда онъ можетъ по прежнему «владычествовать надъ подданными въ мирѣ и благоденствіи». Сардаръ Ишмуратъ отвѣтилъ, что только «для виду» можно отправить посла къ казанскому хану, съ требованіемъ немедленнаго возвращенія дочери; а затѣмъ сталъ доказывать необходимость кровопролитной войны, такъ какъ, подобно Коваленскому, рассчитывалъ, что походъ дастъ ему возможность выказать свои воинскія дарованія и получить награду.

¹⁾ Равнымъ образомъ, въ послѣдніе годы существованія Грузіи и при водвореніи русскаго владычества, матери и жены царевичей являются главными зачинщицами происходившихъ смутъ и междоусобныхъ войнъ. Н. В.

Когда дошла очередь до муфтія Шамагула, то онъ заявилъ, что находятъ оба мнѣнія одинаково согласными «съ пользою повелителя и подданныхъ», а что касается посла, то онъ совѣтуетъ отправить въ Казань храбраго горца, заключеннаго въ тюрьмѣ, какъ человѣка совершенно къ тому пригоднаго.

Слова муфтія были признаны «самыми разумными», и ханъ тотчасъ-же сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе.

Князь Кайтукъ пришелъ въ ужасъ, когда услышалъ о предстоящемъ ему путешествіи, зная, что въ подобныхъ случаяхъ посоль подвергается неминуемой опасности. Но муфтіи успокоилъ его, говоря, что главная цѣль будетъ достигнута и его выпустятъ изъ тюрьмы, а, что никто не мѣшаетъ ему доѣхать до границы, пробывать тамъ сколько вздумается и вернуться съ объявленіемъ войны... «Вельможи хотятъ войны, добавилъ въ назиданіе муфтіи,— и пусть будетъ по ихнему».

Князь Кайтукъ въ точности исполнилъ совѣтъ своего мудраго друга, и война была немедленно объявлена.

Далѣе, въ той-же четвертой части романа, слѣдуетъ подробное описаніе безпорядочной орды, представлявшей собою астраханское войско, и самаго похода, который сопровождается насиліемъ и грабежемъ и служить вѣрнымъ изображеніемъ тогдашняго способа войны, у кавказскихъ народовъ. Ханъ Самсутдинъ неохотно выступилъ въ походъ и даже заявилъ о своемъ желаніи вернуться въ Астрахань, но долженъ былъ уступить настойчивымъ требованіямъ своихъ приближенныхъ, которые считали его присутствие въ войскѣ необходимымъ.

Князь Кайтукъ, предводительствуя толпою оборванцевъ, надѣялся совершить чудеса храбрости, но при встрѣчѣ съ непріателемъ, какъ только посыпались казанскія стрѣлы и покрыли небо, «воины его бросились направо и налево, подробно огромной кучѣ ниспавшихъ древесныхъ листьевъ, поднятыхъ вихремъ, или стаѣ испуганныхъ воровъ, и скрылись за холмами»... Князь Кайтукъ, оставшись одинъ, повернулъ коня и пустился во всю прыть, чтобы присоединиться къ остальному астраханскому войску, стоявшему пока въ бездѣйствіи.

Здѣсь его приняли съ почетомъ и поздравляли «съ неизмѣрною храбростью, оказанною имъ въ виду обоихъ воинствъ;» но въ то время, какъ онъ «съ улыбкою раскланивался на обѣ стороны», къ нему подѣхалъ муфтіи Шамагулъ и велѣлъ слѣдовать за собой. Когда они достигли ближайшаго лѣска, гдѣ никто не могъ подслушать ихъ разговора, муфтіи вручилъ ему свой перстень съ порученіемъ слѣшать въ Астрахань, забрать собранныя имъ сокровища и отвезти ихъ въ

въ Моздокъ. Князь Кайтукъ немедленно пустился въ путь. До самаго солнечнаго заката онъ не встрѣтилъ ни одного живаго существа и видѣлъ только опустошенныя поля и улусы: все пространство, по которому прошло храброе астраханское воинство, представляло унылую, безлюдную пустыню. Съ наступленіемъ ночи, на него напала ватага голодныхъ татаръ, ограбленныхъ ханскими полками, которые, видя въ лицѣ его одного изъ воиновъ Самсутдина, раздѣли его донага и съ хохотомъ убѣждали идти любую дорогою.

Но это происшествіе не имѣло дурныхъ послѣдствій: князь Кайтукъ добылъ себѣ платье въ долгъ и съ помощью врученнаго ему перстня благополучно вывезъ изъ Астрахани сокровища Шамагула, что пришлось совершить ему въ день своего рожденія, и онъ вспомнилъ, къ величайшей своей радости, что для него прошелъ «черный годъ», въ который онъ испыталъ столько бѣдствій.

Дѣйствительно, съ этихъ поръ все удается ему, вслѣдствіе чего конецъ романа принимаетъ сгласочный характеръ. Въ Моздокѣ князь Кайтукъ встрѣчаетъ Бектемира и Сафиру, которые были заранѣе отправлены туда догадливымъ Шамагуломъ; вскорѣ присоединяется къ нимъ и самъ Шамагулъ съ толпою астраханскихъ выходцевъ, которые добровольно послѣдсвали за нимъ. Всѣ сокровища Шамагула къ услугамъ князя Кайтука; онъ покупаетъ оружіе и одежду для прибывшихъ астраханцевъ, и съ этимъ готовымъ войскомъ возвращается на родину; сосѣдніе горскіе князья Мирзабекъ и Кунакъ уступаютъ ему безъ бою осетинское княжество, которымъ они владѣли послѣ его бѣгства. Бывшіе подданные съ радостью встрѣчаютъ своего прежняго князя; онъ строитъ себѣ новый блистательный дворецъ, становится добрымъ и мудрымъ государемъ, и женится на Сафирѣ.

Этимъ кончается романъ «Черный годъ или горскіе князья», который въ дѣлѣ или въ наброскахъ былъ, вѣроятно, написанъ В. Нарѣжнымъ во время его пребыванія на Кавказѣ или вскорѣ послѣ этого, судя по живости отдѣльныхъ сценъ и характеристикъ, множеству мѣстныхъ выраженій и этнографическихъ подробностей, которыя не могли дѣльми годами удержаться въ его памяти при непрерывной литературной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, Нарѣжный, изъ боязни-ли превратныхъ толкованій его сатиры, или преслѣдованій со стороны Коваленскаго и его покровителей, не рѣшился печатать своего романа, который вышелъ лишь послѣ смерти автора, а именно въ 1829 году.

Подобное замедленіе, невыгодное для всякаго литературнаго произведенія, особенно дурно отразилось на судьбѣ сатирическаго романа

Нарѣжнаго. Прошло болѣе четверти столѣтія со времени его пребыванія на Кавказѣ; все измѣнилось въ Грузіи; жалобы мѣстнаго населенія прекратились, и далекая, малозвѣстная страна потеряла всякое значеніе для русской публики, занятой другими интересами и пережившей цѣлую политическую эпоху съ нашествіемъ Наполеона. Подвиги Коваленскаго и его общниковъ въ Тифлисѣ были окончательно забыты въ остальной Россіи; о нихъ помнили только мѣстные жители; между тѣмъ, какъ официальные документы, — эти вѣные и краснорѣчивые свидѣтели всякой государственной дѣятельности, — лежали нетронутые въ архивахъ. Естественно, что при этихъ условіяхъ сатирическій романъ В. Т. Нарѣжнаго, по выходѣ его въ свѣтъ въ 1829 году, остался непризнаннымъ и непонятымъ. Неизвѣстный рецензентъ «Атенея» произнесъ надъ нимъ безапелляціонный приговоръ, назвавъ его «худшимъ изъ романовъ» Нарѣжнаго, хотя и признавъ въ немъ «чисто сатирическую основу». Самый герой романа князь Кайтукъ произвелъ на него впечатлѣніе арлекина, который «посмѣшивъ публику со своего распisanнаго балкона, отправляется во свояси, а за нимъ вся труппа» (20).

Со времени появленія этого отзыва въ «Атенеѣ» 1829 года прошло болѣе шестидесяти лѣтъ, и устарѣвшій сатирическій романъ «Черный годъ или горскіе князья», оставаясь такимъ-же непонятымъ, еще менѣе могъ удовлетворить литературнымъ требованіямъ русской публики. Но все это, какъ намъ кажется, не исключаетъ возможности хотя-бы поздней оцѣнки этого замѣчательнаго по своему времени произведенія В. Т. Нарѣжнаго.

Н. А. Вѣловская.

Продолженіе слѣдуетъ).

Примѣчанія.

1) «Историческая Хрестоматія» А. Галахова, т. II, стр. 292—293. Спб. 1877 г.

2) Черниговскаго наміѣстничества топографическое описаніе и пр. соч. А. Шафонскимъ, въ Черниговѣ 1786 года, изд. М. Судіенко, въ Кіевѣ, 1851 г., стр. 63. См. также А. Лазаревскій «Описаніе старой Малороссіи» и пр. Кіевъ 1888 г. Выпускъ I. Предисловіе, стр. II.

3) См. воспоминанія о Малороссіи конца XVIII вѣка, въ статьѣ И. Тимковскаго: «Мое опредѣленіе на службу». «Москвитинъ», т. V, 1852 г., ч. I, стр. 1—26.

4) «Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года». Соч. П. Знаменскаго, Казань, 1881 г., стр. 20.

5) «Отечественныя записки» 1862 г., т. CXLV, ноябрь, отд. «Новыя книги», безъ подписи автора, стр. 68—73.

6) «Краткая исторія академической гимназій, бывшей при имп. моск. университетѣ», проф. Страхова, въ «Сборникѣ учено-литерат. статей профессоровъ и преподавателей моск. унив., изд. по случаю его 100-лѣтняго юбилея-Москва, 1855 г. См. также «Исторія имп. моск. университета», написанная проф. С. Шевыревымъ въ тому-же юбилею. Москва, 1855.

7) Число учениковъ обѣихъ гимназій значительно превышало число студентовъ, какъ видно изъ таблицы 1787 г. (за пять лѣтъ до поступленія Нарѣжнаго въ гимназію), помѣщенной въ книгѣ «Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губерніи съ ихъ уѣздами и пр. 1787 г.». Печ. въ Москвѣ, стр. 30—31.

8) «Исторія имп. моск. университета», проф. С. Шевырева, стр. 195.

9) «Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей имп. моск. университета» со дня учрежденія 12 января 1755 года и пр. Москва, 1855, два тома.

10) «Москвитининъ» 1851 г., часть III, статья И. Тимковскаго, стр. 20.

11) На ихъ записки ссылается проф. С. П. Шевыревъ въ своей «Исторіи моск. универс.», стр. 270.

12) Первымъ періодическимъ изданіемъ при университетѣ, въ которомъ участвовали и студенты, было: «Полезное Увеселеніе», которое выходило въ 1760, 1761 и 1762 гг. Издателемъ его былъ М. М. Херасковъ.

13) См. журналъ «Пріятное и полезное препровожденіе времени», 1798, ч. XIX, стр. 33.

14) «Geschichte des griechischen und römischen Drama's» von J. L. Klein, I. B. Leipzig. 1874 s. 221—236, 321—357, 382—395.— «Les Tragédies d'Eschyle», trad. en franç. par. Ad. Bouillet. Paris, 1865.— «Les Tragédies de Sophocle», trad. en franç. par. M. Bella-guet. Paris, 1879.

15) Акты, собранные кавказскою археологическою комиссією, т. II, Тифлисъ, 1868 г.

16) а) «Исторія войны и владычества русских на Кавказѣ», Н. О. Дубровина. СПб. 1886, т. III.—б) «Присоединеніе Грузіи къ Россіи, 1799—1831 гт.» Историч. изслѣдов. Ад. П. Берже въ «Русской Старинѣ», 1880 г., книги V, VI и VII.—с) «Тифлисскій Вѣстникъ» 1873 года, ст. «Безпорядки въ Грузіи», №№ 72—74, 76, 77 и 79.

17) См. «Исторія войны и влад. русск. на Кавказѣ», Н. О. Дубровина, т. III, стр. 444, а также «Тифлисскій Вѣстникъ» 1873, № 74.

18) Ст. Ад. П. Берже «Присоединеніе Грузіи къ Россіи» «Р. Стар.» 1880, кн. VII, стр. 369.

19) «Исторія войны и пр. на Кавказѣ» Н. О. Дубровина, т. III, стр. 515.

20) «Черный годъ или горскіе князья», соч. В. Нарѣжнаго, въ четырехъ частяхъ. Москва, 1829 г.

21) «Атены» 1829, ч. IV, стр. 318—320.

П р и л о ж е н і я.

I.

Послужной списокъ дворянина Трофима Нарѣжнаго, въ повѣтѣ Гадацкомъ жительствующаго.

1798 года, апрѣля 28 числа.

Трофимъ Нарѣжный, 52-хъ лѣтъ.

Женатъ на дочери дворянской Анастасіи, 49 лѣтъ.

Дѣтей имѣеть сыновъ двухъ: Василій, 18 лѣтъ, въ императорскомъ московскомъ университетѣ обучается; Феофана, 4-хъ лѣтъ, дочь Параскевію, 16-ти лѣтъ.

Людей за собою не имѣю, а имѣніемъ недвижимымъ я по предкамъ, а собою для дневнаго пропитанія пріобрѣтеннымъ пахотною и сѣносною землею владѣю. Другихъ-же угодій никакихъ неимѣется.

Въ повѣтѣ живу, въ мѣстечкѣ Устивицѣ.

Чиною корнетъ.

Нахожусь въ отставкѣ.

Грамоту получилъ изъ Кіевской дворянской комисіи 1786 года, октября 24 дня, за подписомъ губернскаго предводителя дворянства Степана Тарновскаго и шести уѣздныхъ депутатовъ: кіевскаго—коллежскій ассесоръ Василій Покистепскій, остерскаго—секундъ-маіоръ Петръ Човановичъ, пирятинскаго—секундъ-маіоръ Левъ Гербаневскій, золотоношскаго—привать-маіоръ Николай Поцано, миргородскаго—секундъ-маіоръ Антонъ Кириченко-Остромовъ, хорольскаго—титularyный свѣтликъ Демянъ Твердовскій, дворянскій секретарь Степанъ Силванскій. На имя корнета Трофима Нарѣжнаго и родъ его во вторую ея часть внесенъ.

Къ сему формулярному списку корнетъ Трофимъ Нарѣжный подписался.

Ревѣдовалъ, и что грамота на имя корнета Трофима Нарѣжнаго имѣется, только что безъ номера, должнаго на оной быть, въ томъ завѣряю. Маршалъ Василій Чарнышъ.

II.

По указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны самодержицы Всероссийской и прочая, и прочая, и прочая.

Объявитель сего изъ польскаго шляхетства Трофимъ Ивановъ, сынъ Нарѣжной, бывшій въ службѣ Ея И. В. въ Черниговскомъ Карабинерномъ полку вахмистромъ, а нынѣ, по поданной отъ него челобитной, за имѣющимися у него болѣзнями, далѣе воинской службы продолжать не могущій, изъ оной на собственное его пропитаніе по обязательству его остаться вѣчно въ російскомъ подданствѣ, съ награжденіемъ корнетомъ мною уволенъ и по выключкѣ изъ полку отпущенъ въ домъ его Кіевскаго намѣстничества, Миргородскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Устивицѣ состоящій. Которому до присылки изъ Государственной военной коллегіи, по сдѣланному отъ меня во оную представленію, надлежащаго объ отставкѣ указа, и на корнетскій чинъ, во свидѣтельство вышенисаннаго и свободнаго ради въ домѣ прожитія, а въ пути пропуска, сей шапортъ за подписомъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати, данъ въ Малороссіи въ селѣ Вишенкахъ. Мая 15 дня 1786 года (на подлинномъ тако). Ея И. В. всемил—шей Государыни моея генераль-фельдмаршалъ главнокомандующій кавалеріею и второю дивизіею Кіевской Черняговской и Новгородско-сѣверской генераль-губернаторъ, полковъ лейбъ-гвардіи коннаго подполковникъ, кирасирскаго военнаго ордена полковникъ орденовъ всѣхъ російскихъ императорскихъ королевскаго прусскаго Чернаго Орла и голштинскаго святыхъ Анны кавалеръ Графъ Румянцевъ-Задунайскій.

Съ подлиннымъ свидѣтельствовавъ значковый (?) товарищъ Даниилъ Коломійцовъ.

Дворянства секретарь Иванъ Туманскій.

№ 879.

III.

1786 года октября 24 числа. По указу Ея И. В., Кіевскаго намѣстничества дворянское собраніе слушавъ доношеніе корнета Трофима Нарезнаго и приложенной при ономъ пашпортъ отъ его сіятельства господина генераль-фельдмаршала, сенатора и многихъ орденовъ кавалера, графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго, сего года маія 15 числа ему данной, — опредѣлило: какъ съ онаго явствуесть, что проситель Нарезный, за имѣющимися въ него болѣзнями отъ воинской службѣ его сіятельствомъ съ награжденіемъ корнетскаго чина уволенъ. Въ высочайшей же Ея И. В. грамотѣ, на вольности и преимущества дворянству жалованной, въ 78 пунктѣ предписано во вторую часть родословной книги вносить роды военного дворянства по алфавиту. О коихъ въ имянномъ указѣ блаженной и вѣчно достойной памяти государя императора Петра Перваго 1721 года генваря 16 числа узаконено сими словами: всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянства оныя и ихъ дѣти и ихъ потомки суть дворяне и надлежитъ имъ дать патенты на дворянство, для того, сообразуясь оному высочайшей грамоты 78 пункту, внести помянутаго просителя Нарезнаго въ родословную дворянскую кіевскаго намѣстничества книгу во вторую часть и изготовить грамоту при выдачѣ которой имѣеть онъ внести въ дворянскую сумму то число денегъ, которое отъ дворянскаго собранія опредѣлено будетъ, а пока оная грамота изготовлена будетъ дать ему, Нарезному, свидѣтельство въ томъ, что онъ дѣйствительно собраніемъ дворянства признанъ дворяниномъ. (Подлинный подписали:) Губернскій предводитель дворянства Василій Капнистъ. Депутатъ уѣзда Кіевскаго Дмитрій Волявагъ. Депутатъ Остерскаго уѣзда Петръ Купчинскій. Депутатъ Козелецкаго уѣзда Василій Танскій. Депутатъ уѣзда Хорольскаго Алексѣй Кодионецъ. Депутатъ уѣзда Золотоношскаго Николай Попевичъ. Въ должности секретаря Павелъ Роменскій.

IV.

Выписка изъ журнала, учиненнаго въ комисіи, высочайше учрежденной для повѣрки дѣйствій Полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія.

Іюня 10 дня 1842 года.

Слушали: Дѣло изъ кіевскаго въ полтавское дворянское депутатское собраніе поступившее и въ описи по Гадяцкому уѣзду подъ № 213 показанное, изъ коего значитса, что состоявшій въ подушномъ окладѣ отставный корнетъ Трофимъ Ивановъ сынъ Нарѣжный, доказывая благородное свое происхожденіе, при довошеніи 1784 года октября 8 дня въ кіевское дворянское депутатское собраніе въ засвидѣтельствованной копіи представилъ пашпортъ отъ г. генераль-фельдмаршала и кавалера графа Румянцева'-Задунайскаго ему, Трофиму Нарѣжному, 1786 года маія 15 дня за № 879 данный въ томъ, что онъ Нарѣжный служилъ въ Черниговскомъ Карабинерномъ полку вахмистромъ, а, всходство просьбы его, за болѣзнію, уволенъ отъ оной съ награжденіемъ чиномъ корнета.

По сему пашпорту кіевское дворянское депутатское собраніе учиненнымъ 1786 года октября 24 дня, за подписомъ губернскаго предводителя и пяти уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ, опредѣленіемъ, въ силу высочайшей грамоты 78 статьи, заключило: внести доказателя Нарѣжнаго во 2-ю часть дворянской родословной книги; въ спискѣ-же отъ него, Нарѣжнаго, въ 1798 году къ дѣлу сему доставленномъ прописано его семейство и владѣемое имъ недвижимое имѣніе, жительствоеть въ Гадяцкомъ повѣтѣ. Грамоту получилъ въ 1792 году, которой при дѣлѣ нѣтъ и свѣдѣній по коиимъ можно бы рассмотретьъ правильно ли внесены прошеніе и документы въ законныя книги и регистры, а равно и книгъ на выдачу грамотъ не доставлено.

Опредѣлили: какъ доказатель Трофимъ Нарѣжный чинъ корнета получилъ при отставкѣ отъ службы, что относится не до потомственнаго, а до личнаго дворянства, то ревизіонная комиссія означеннаго опредѣленія кіевскаго дворянскаго депутатскаго собранія правильнымъ и съ законами согласнымъ признать не можетъ, полагаетъ, всходство указа правительствующаго сената 30 мая 1834 года 2 отдѣленія 10 статьи 2 пункта, отставнаго корнета Трофима Нарѣжнаго съ его дѣтьми внести въ списокъ немѣющихся права быть записанными въ дворянскую родословную книгу и, съ приложеніемъ пашпорта, опредѣленія и выписки изъ журнала сего отослать оныя во временное присутствіе герольдіи правительствующаго сената въ установленное на то время, а копіи со всего того передать тогда-же въ полтавское дворянское депутатское собраніе.

Подлинный журналъ за подписомъ гг. предсѣдателя, членовъ комисіи и скрѣпою секретаря.

V.

Аттестатъ.

По указу его императорскаго величества, изъ императорскаго московскаго университета студенту изъ дворянъ, Василью Нарѣжному, корнета Трофима Нарѣжнаго сыну, въ томъ, что онъ сентября 4 дня 1792 года записанъ въ дворянскую московскаго университета гимназію, въ которой обучался: латинскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи и математикѣ; въ 1798 году произведенъ въ студенты, а въ 1799 году переведенъ въ университетъ, гдѣ обучался: 1) логикѣ и метафизикѣ, 2) энциклопедіи всѣхъ наукъ, 3) всемірной исторіи и географіи, 4) чистой, и 5) смѣшенной математикѣ, и 6) опытной физикѣ, съ похвальнымъ прилежаніемъ и успѣхомъ, поступаая добпорядочно; за что въ 1800 году получилъ въ награжденіе серебряную медаль. Почему, въ силу высочайше апробованнаго въ 1755 году генваря 12 о университетѣ прозкта, и правительствующаго сената того же 1775 генваря 24, и 1756 годовъ маія 17 чиселъ указовъ, достоинъ награжденія оберъ-офицерскаго чина. Нынѣ же, по прошенію его, отъ университета съ симъ уволенъ, съ обязаніемъ, дабы онъ въ праздности не былъ, а явился къ опредѣленію въ службу, куда слѣдуетъ. Данъ въ Москвѣ, за подписаніемъ тайнаго совѣтника, университета директора и кавалера, октября 10-го дня 1801 года.

Иванъ Тургеневъ.

№ 1199. У сего аттестата его императорскаго величества московскаго университета печать.

ВАСИЛІЙ КИРИЛЛОВИЧЪ ТРЕТЬЯКОВСКІИ.

Надгробная надпись надъ Васильемъ Третьяковскимъ, погребенномъ на кладбищѣ на Васильевскомъ Островѣ, въ С.-Петербургѣ, близъ деревянной церкви, на южной сторонѣ, у крыльца.

1768 года.

Августа 6-го дня.

Богомъ сотворенный,
 Въ Бога вѣровавшій,
 Богу поклонявшійся,
 На Бога Трисвятаго уповавшій,
 Къ Богу Отцу и Сыну и Святому Духу отшедшій,
 О Господѣ Единомъ животворящемъ,
 Чающій воскресенія мертвыхъ
 И жизни будущаго вѣка.
 Стихъ научившій вновь стопой прежде вѣхъ въ Россіи,
 Мертвъ уже есмь и погребенъ въ земны нѣдра сн,
 Я былъ Третьяковскій трудолюбивый филологъ,
 Какъ то увѣряеть съ мѣрой и безъ мѣры слогъ;
 Почести лишить меня страсть коль ни кипѣла,
 Но воздать мнѣ закъ вѣнка правда преуспѣла.
 Богъ да упокоить душу грѣшну, помолись
 Всякъ сего читатель, помни долгъ и удались.
 Гостинница міръ есть,
 А жиянь путь къ Дому вестъ,
 Прибыть,
 Побыть,
 Отбыть,
 Во мзду иль должно вмѣстѣ
 Той бы сподобится мнѣ, сей-же пзбавиться вѣчно!
 Аминь.

ОРЕСТЬ ФЕДОРОВИЧЪ МИЛЛЕРЪ

1833—1889.

10 июля въ Гапсалѣ происходило, какъ пишутъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», чествованіе памяти профессора Ореста Федоровича Миллера, который родился въ Гапсалѣ, 4 августа 1833 года. Поводомъ послужило осуществленіе идеи, возникшей вскорѣ-же послѣ внезапной кончины О. Ф., среди лицъ, съѣхавшихся въ прошломъ году на лечебный сезонъ въ г. Гапсалѣ, — идеи увѣковѣченія его памяти прибитіемъ коммеморативной доски съ соотвѣтственною надписью къ домику, гдѣ родился покойный. Эти лица, въ числѣ которыхъ назовемъ профессоровъ петербургскаго университета о. М. И. Горчакова и В. И. Сергѣевича, изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семева, лѣтомъ 1889 года обратились въ гапсальскую городскую думу съ предложеніемъ, въ которомъ просили ее сдѣлать постановленіе о дозволеніи имъ прибить къ дому, въ которомъ родился О. Ф. Миллеръ, доску съ надписью. Въ засѣданіи своемъ 1 августа 1889 г., гапсальская дума, выслушавъ заявленіе гласнаго Рудольфа Гернета о томъ, что «внесенное въ городскую думу настоящее предложеніе, безъ сомнѣнія, послужитъ къ чести города, такъ какъ въ немъ навсегда почтена будетъ память заслуженнаго ученаго, профессора и слависта Ореста Федоровича Миллера», единогласно приняла указанное предложеніе. Согласно съ этимъ постановленіемъ, въ Петербургѣ была заказана доска изъ бѣлаго мрамора, съ вызолоченною на ней вѣрзанными буквами надписью, гласящею:

«Въ семь домѣ 4 авг. 1833 г. родился
Орестъ Федоровичъ Миллеръ,
спб. университета профессоръ, 1863—1887,
изслѣдователь русск. литературы,
славистъ и патріотъ,
† въ Спб. 1 июня 1889 г.

Постанов. гапсальской городской думы
1 авг. 1889 года».

Торжество 10 июля 1890 г. началось съ заупокойной литургіи, совершенной пребывающимъ въ Гапсалѣ профессоромъ о. М. И. Горчаковымъ, въ сослуженіи съ мѣстнымъ православнымъ священникомъ о. Лейсманомъ и въ присутствіи представителей городского управленія и многихъ лицъ, съѣхавшихся въ Гапсаль на лѣтній сезонъ. Въ часъ дня желавшіе почтить память О. Ф. Миллера приглашены были собраться въ зданіе городской думы, откуда коммеморативная доска была, въ торжественномъ шествіи, несена къ скромному домику на углу Большой Морской улицы и Дѣвичьяго переулка, нѣкогда принадлежавшему родителямъ покойнаго (теперь этотъ домикъ принадлежитъ г. Пфейферъ). По прибитіи доски, профессоръ о. М. И. Горчаковъ обратился къ присутствовавшимъ съ слѣдующими словами:

— «Эта доска долгія, вѣчныя времена долженствуетъ напоминать гражданамъ и посѣтителямъ Гапсаля, а равно и обитателямъ всего края, имя О. Ф. Миллера, какъ ученаго, всю свою жизнь посвятившаго научнымъ разъясненіямъ идеаловъ великаго русскаго народа, къ которому, по историческимъ судьбамъ, приобщилась здѣшняя мѣстность. Въ этомъ домѣ явился Орестъ Федоровичъ на свѣтъ Божій. Въ теченіи всей своей жизни онъ помнилъ и выражалъ благотѣльное значеніе началъ русской государственной, гражданской и общественной жизни для своей родины и для всѣхъ частей Россіи. Имя Ореста Миллера всегда будетъ символомъ и звѣномъ нравственной связи, духовнаго общенія и непоколебимаго единенія здѣшняго края съ общимъ отечествомъ многочисленныхъ племенъ и народовъ русской земли—Россійскою Имперією подъ сѣнію мощной державы Августѣйшаго Монарха. Оресту Федоровичу Миллеру вѣчная память».

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВСКІЙ,

его жиань въ Саратовѣ.

До сихъ поръ въ Саратовѣ живы лица, которыя помнятъ Н. Г. Чернышевскаго съ самаго дѣтства; особенно много подробностей изъ его жизни рассказываетъ его родственникъ, отставной учитель саратовскаго духовнаго училища, 70-лѣтній старецъ, Иванъ Васильевичъ Виноградовъ, на глазахъ котораго протекла вся саратовская жизнь Николая Гавриловича.

Такъ какъ въ «Русской Старинѣ» помѣщены были воспоминанія бывшаго товарища Николая Гавриловича, протоіерея Александра Ивановича Розанова, и затѣмъ въ томъ-же журналѣ поправка къ нимъ А. Н. Пыпина, передающія нѣкоторыя подробности жизни Николая Гавриловича; кромѣ того, во многихъ газетахъ и журналахъ 1889 и 1890 гг. помѣщено много и притомъ не вполне вѣрныхъ данныхъ изъ жизни этого писателя, — то я, воспользовавшись рассказами саратовскихъ старожиловъ, считаю необходимымъ, въ дополненіе и исправленіе этихъ статей и замѣтокъ, подробнѣе коснуться многихъ обстоятельствъ жизни Николая Гавриловича въ Саратовѣ. Таковымъ сообщеніемъ на страницахъ уважаемой «Русской Старины», столь заботливо сохраняющей матеріалы къ біографіямъ отечественныхъ писателей, я надѣюсь уяснить и исправить многое изъ того, что до сихъ поръ сообщено о Николаѣ Гавриловичѣ Чернышевскомъ.

I.

Въ 1820-хъ годахъ въ городѣ Саратовѣ, умеръ протоіерей Сергіевской церкви, Голубевъ. Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзевъ, саратовскій губернаторъ, обратился къ пензенскому архіерею, къ вѣдомству котораго принадлежалъ Саратовъ (архіерейской каедры въ Саратовѣ тогда еще не было), съ просьбою назначить въ священники въ Сергіевскую церковь такого семинариста, который могъ-бы учить его дѣтей и женился-бы на дочери умершаго священника. Преосвященный, желая угодить губернатору, съ которымъ онъ былъ друженъ, отрекомендовалъ на это мѣсто Гавріила Ивановича Чернышевскаго, личность замѣчательную и вполне достойную.

Гавріиль Ивановичъ Чернышевскій былъ сынъ дьякона. Мать его, вдова, не имѣя возможности не только воспитать, но и кормить сына, привела его въ грязныхъ лаптяхъ къ тамбовскому архіерею и, поклонившись, по обычаю того времени, преосвященному въ ноги, со слезами на глазахъ, высказала ему свое горе и просила его принять участіе въ сынѣ. Осмотрѣвши мальчика, преосвященный велѣлъ своему лакею обрѣзать грязные мохры онучь, отчего мальчикъ расплакался. Изъ жалости преосвященный велѣлъ принять его, безграмотнаго, на казенный счетъ въ тамбовское духовное училище.

Учился Г. И. хорошо, и переведенъ былъ въ 1803 г. въ пензенскую семинарію. По окончаніи курса, онъ опредѣленъ 17 апрѣля 1812 г., какъ «лучшій ученикъ», учителемъ малаго греческаго языка въ пензенскую семинарію; въ 1814 г. назначенъ былъ сеніоромъ и бібліотекаремъ, и въ 1816 г. — учителемъ піитическаго класса.

Предложеніе архіерея было лестное для Гавріила Ивановича: саратовская Сергіевская церковь считалась аристократическою и за невѣстою было хорошее приданое. Хотя Гавріиль Ивановичъ былъ человѣкъ не корыстолюбивый, но онъ вовсе не имѣлъ средствъ, чтобы посвятиться во священники, на что въ то время требовалось не мало расходовъ, и потому согласился на предло-

женіе архіерея; нѣсколько смущало Гавріила Ивановича только одно обстоятельство—невѣстѣ было 14 лѣтъ; но тогда не рѣдкость была подобная женитьба. Такъ какъ въ судьбѣ семейства Голубевыхъ принималъ участіе самъ губернаторъ, то онъ былъ вмѣстѣ съ своею супругою на свадьбѣ у Гавріила Ивановича. Почетные гости убѣдились не только въ природномъ умѣ и научныхъ познаніяхъ Гавріила Ивановича, но и въ знаніи имъ французскаго языка. Дѣло было такъ. Во время свадебнаго угощенія супруга губернатора сказала своему мужу по-французски о томъ, что чего-то не было подано на столъ. Гавріилъ Ивановичъ, понявши рѣчь супруги губернатора, велѣлъ немедленно подать недостающее. Изъ этого они заключили о знакомствѣ Гавріила Ивановича съ французскимъ языкомъ, который онъ изучилъ въ семинаріи, и затѣмъ разговорились съ нимъ.

Въ то время въ Саратовѣ священники были или малограмотные, едва умѣвшіе читать и писать, или не кончившіе курса семинаріи. Съ посвященіемъ Гавріила Ивановича во священники, въ 1817 г., ученыхъ священниковъ (какъ тогда называли кончившихъ курсъ семинаріи) стало три: Н. Г. Скопинъ, Ѳ. С. Вязовскій и Г. И. Чернышевскій.

Гавріилъ Ивановичъ вполне оправдалъ выборъ преосвященнаго, и ему стали даваться другія должности: въ 1819 г. онъ назначенъ «увѣщателемъ подсудимыхъ» по саратовскимъ присутственнымъ мѣстамъ; въ 1820 г., 20 января—учителемъ высшаго отдѣленія саратовскаго уѣзднаго духовнаго училища, а въ 1822 г. опредѣленъ инспекторомъ его.

Гавріилъ Ивановичъ жилъ въ домѣ тестя, гдѣ съ нимъ жила и теща, съ другою своею дочерью Александрою Егоровною, которая вышла въ послѣдствіи замужъ за офицера Котляревскаго, а по смерти его—за другаго мужа, чиновника Н. Д. Пыпина. Отъ Котляревскаго у Александры Егоровны была дочь, Любовь Николаевна, имѣвшая, какъ увидимъ, большое вліяніе на Николая Гавриловича и вышедшая замужъ за И. Г. Терсинскаго, управлявшаго контролемъ при святѣйшемъ синодѣ, а отъ Пыпина было нѣсколько человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ извѣстный ученый и писатель Александръ Николаевичъ Пыпинъ. Такимъ образомъ, въ одномъ домѣ жило два семейства, Пыпины и Чернышевскіе, до тѣхъ поръ, пока у

Пыпиныхъ не увеличилась семья, которая тогда перешла во флигель на томъ-же дворѣ.

II.

12 іюля 1828 года у Чернышевскихъ родился сынъ Николай, который былъ единственнымъ ихъ сыномъ. Радость для обоихъ семействъ была полная; его холили, нѣжили и осыпали всевозможными ласками и попеченіями. Среда, въ которой онъ росъ, какъ нельзя болѣе благопріятствовала его развитію и хорошему воспитанію. Оба семейства жили скромно: хотя гости и посѣщали ихъ, но пооекъ не бывало; не было между ними ни ссоръ, ни неудовольствій. Всѣ члены обоихъ семействъ подчинялись, уважали и слушались Гавріила Ивановича, какъ старшаго; его слово—законъ; онъ не скажетъ дурнаго, не сдѣлаетъ предосудительнаго, въ нуждѣ-же Гавріилъ Ивановичъ даже помогаль семейству Пыпиныхъ. Умный ребенокъ Николай, подъ вліяніемъ такой жизни, жилъ счастливо; кромѣ того, онъ видѣлъ, что никто не былъ безъ дѣла: дядя и въ особенности отецъ цѣлый день и даже вечеръ проводятъ въ занятіяхъ, или пишутъ, или читаютъ; тетка и мать обшивали дѣтей сами, сами-же хозяйничали; двоюродная сестра, Любовь Николаевна, то играла на фортепіано, то шила, то вязала, то читала.

Кромѣ отца и матери, болѣзненной женщины, Николай Гавриловичъ особенно привязанъ былъ къ Любови Николаевнѣ. Страстная любительница чтенія, она читала и для себя, и для него, рассказывала ему, играла съ нимъ, и этимъ увлекала его. Онъ слушалъ ее со вниманіемъ и часто спрашивалъ ее о многомъ. Гавріилъ Ивановичъ приписывалъ ея вліянію страсть Николая Гавриловича къ чтенію, а равно выработку хорошаго слога. «Удивительно, какъ Коля чисто по-русски передаетъ мысль грековъ!» восхищался часто Гавріилъ Ивановичъ, когда Николай Гавриловичъ переводилъ греческій текстъ на русскій языкъ,—«этимъ онъ обязанъ Любѣ, она много рассказывала ему и много читала». Прислушивался мальчикъ и ко всему тому, что говорятъ въ семействѣ, поражалъ своею смѣтливостью и проявлялъ свои способности не по лѣтамъ.

Разсказываютъ, когда Н. Г. было около семи лѣтъ, кто-то, будучи въ гостяхъ у Чернышевскихъ, сказалъ ему:

«Теперь всѣ женятся: женился и Б., женился и В.; когда же ты, Коля, женишься?»

— «Моей невѣсты нѣтъ еще на свѣтѣ, а моя теща въ дѣвкахъ сидитъ», проговорилъ на это Н. Г.

Дѣти—большіе подражатели и стараются перенять у взрослыхъ и дѣлать то, что они дѣлаютъ; въ Николаѣ Гавриловичѣ, какъ въ очень даровитомъ и умномъ мальчикѣ, эта черта была особенно развита; ему самому захотѣлось читать книжки, и онъ скоро выучился и сталъ читать; увлекала его Любовь Николаевна игрою на фортепіано, такъ что и Николай Гавриловичъ тоже выучился играть на немъ. Ученіе его шло въ перемежку съ играми.

Въ 1840-хъ и 1850-хъ годахъ торговая дѣятельность на берегу Волги, около Саратова, была въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Большинство судовъ приставало къ берегу въ Затонѣ и противъ стараго собора, около котораго находится гостинный дворъ, теперь залущенный, а тогда вмѣщавшій въ себѣ почти всю саратовскую торговлю; арбузная пристань находилась около женскаго монастыря, а лѣсная—за Бѣлоглиннымъ оврагомъ, въ который, а равно и въ Глѣбучевъ оврагъ, заходила тогда въ полую воду волжская вода, представляя удобное мѣсто для стоянки судовъ; волжскій-же берегъ около церкви Сергія, черезъ кварталъ отъ которой на Большой Сергіевской улицѣ находится домъ Чернышевскихъ, сохранившійся въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ дѣтство Николая Гавриловича, былъ совершенно пустой, незанятый ничѣмъ; паромныхъ пристаней, которыми теперь уставлена вся эта мѣстность, не было, потому что не существовало еще пассажирскаго пароходства. Сергіевская улица, какъ и всѣ саратовскія улицы, была не мощеная и вся она поросла травой, такъ какъ ѣзды по ней было мало. Не носилась тогда надъ Саратовомъ цѣлыми облаками та убійственная пыль, какая бываетъ теперь лѣтомъ. Вслѣдствіе чего воздухъ, увлажжаемый Волгою, былъ свѣжій, здоровый.

Въ такой-то мѣстности росъ и развивался Николай Гавриловичъ.

Хотя Николай Гавриловичъ казался всегда серьезнымъ, но

онъ былъ бойкій мальчикъ, предававшійся играмъ съ увлеченіемъ и страстностью, и былъ почти всегда начинщикомъ игръ. Одинъ онъ не любилъ играть, и потому всегда отыскивалъ себѣ товарищей для игры. Въ томъ кварталѣ, гдѣ стоитъ домъ Чернышевскихъ, было много мальчиковъ, дѣтей чиновниковъ и дворянъ; особенно много ихъ было на дворѣ, находившемся рядомъ съ домомъ Чернышевскихъ и прозванномъ Малою Азією; тамъ, между прочимъ, строили себѣ дома небогатые чиновники.

Когда Николай Гавриловичъ захочетъ поиграть, что бывало послѣ обѣда или вечеромъ, то онъ всегда находилъ въ Малой Азіи или около нея товарищей для игры.

Какія игры были въ то время и какъ игралъ Николай Гавриловичъ, объ этомъ мы можемъ судить по рассказамъ товарища его дѣтскихъ игръ В. Д. Чеснокова, со словъ котораго и передаемъ.

«Дѣтомъ мы гоняли точки, а Николай Гавриловичъ, кромѣ того, пускалъ свой волчекъ-ревунъ, который заставлялъ насъ держать, но запускать его никому не давалъ: непременно самъ запуститъ. Игра въ лапту и запусканіе бумажнаго змѣя тоже доставляли не мало удовольствія намъ. Игра въ козны, любимѣйшая дѣтская игра, особенно забавляла насъ. Чѣмъ больше мальчиковъ принимали въ ней участіе, тѣмъ лучше и веселѣе для насъ было, и потому, когда насъ соберется мало, то приглашали нашихъ дворовыхъ мальчиковъ или сосѣднихъ дѣтей, иначе Николай Гавриловичъ не любилъ играть: тогда больше козновъ стояло на кону. «Николай Гавриловичъ былъ ловкій игрокъ: чугунная бабка, которою онъ мѣтко бросалъ, всегда дѣлала большое опустошеніе въ рядахъ козновъ.»

«Николай Гавриловичъ игралъ не только со взрослыми мальчиками, но любилъ, чтобы въ его играхъ участвовали и маленькія дѣти, и всегда найдетъ какую-нибудь причину, вслѣдствіе которой мальчикъ долженъ принять участіе въ его игрѣ. Идетъ онъ, бывало, будучи уже въ семинаріи, по улицѣ съ мѣшкомъ козновъ на плечахъ, къ В. Д. Чеснокову и, увидѣвъ около воротъ Малой Азіи мальчика Тищенко, кричитъ ему: «Идите играть!»—«Я не хочу», отвѣчаетъ тотъ ему.—«Нѣтъ, нѣтъ, вы должны играть: вчера вы выиграли у меня 25 козновъ, и должны непременно отыгратъся, а то съ вашей сто-

роны нечестно будетъ пользоваться выигранными кознами». Мальчикъ послѣ того поневолѣ шель играть, а Николай Гавриловичъ, имѣвшій у себя постоянно много козновъ, въ концѣ игры опять предоставлялъ возможность маленькимъ выиграть у него козны, къ большому ихъ удовольствію. Но съ дѣвочками онъ неохотно игралъ, бѣльшею частью отказывался отъ игры съ ними, и тогда озадачивалъ ихъ цвѣтистыми фразами. «Что вы не бѣгаете съ нами?» обращаются разъ къ нему дѣвочки. — «Съ пѣтомъ юности вытекаютъ силы жизни», отвѣчаетъ онъ серьезно».

«Начитавшись о жизни грековъ и римлянъ, Николай Гавриловичъ еще въ дѣтствѣ (14 лѣтъ) сознавалъ важное значеніе гимнастическихъ упражненій для укрѣпленія организма (о чемъ онъ неоднократно говорилъ товарищамъ дѣтскихъ игръ), и занимался ими, хотя и потихоньку отъ своихъ родителей, которые, вѣроятно, запрещали ему подобныя занятія. На своемъ заднемъ дворѣ онъ вмѣстѣ съ другими мальчиками вырылъ яму, черезъ которую и прыгали на призы. Кто перепрыгнетъ яму, тотъ получаетъ призъ: яблоки, орѣхи, деньги и проч. Обыкновенно перепрыгивалъ яму Николай Гавриловичъ, но онъ самъ, какъ старшій изъ насъ, не бралъ призовъ, предоставляя ихъ другимъ мальчикамъ, или-же дѣлился съ ними. Другія наши гимнастическія упражненія были: перепрыгиваніе черезъ разные предметы, взлѣзаніе на столбъ, на деревья, метаніе камня изъ праща, бѣганіе взапуски, въ перегонку и друг.»

«Зимнія удовольствія прельщали насъ больше лѣтнихъ».

«О конькахъ мы не имѣли понятія, но на салазкахъ катались. Дворъ Чернышевскихъ неудобенъ для катанія: онъ представляетъ изъ себя покатость къ Волгѣ съ нѣсколькими уступами и оканчивается заборомъ. Поэтому Николай Гавриловичъ бѣльшею частью приходилъ кататься къ намъ, раза четыре въ недѣлю; нашъ дворъ былъ съ незначительною ровною покатостью. Мы катались подолгу, особенно Николай Гавриловичъ, котораго, бывало, съ большимъ трудомъ можно заставить идти въ комнаты: мерзнетъ, а самъ катается».

«Когда мы подросли, то Николай Гавриловичъ придумалъ катаніе на дровняхъ, которое происходило въ отсутствіе нашихъ родителей, безъ ихъ позволенія, по ночамъ. Когда наши родители уѣдутъ въ гости, мы отправляемъ нашего крѣпостнаго

Ваську за Николаемъ Гавриловичемъ, или онъ самъ приходилъ къ намъ, перелѣзая черезъ заборъ, такъ какъ ворота Чернышевскихъ запирались на ночь, когда его родители ложились спать, и когда «не слышно шуму городского», мы (насъ всегда бывало отъ 5 до 8 и до 10 мальчиковъ) скатывали съ дровней бочку, въ которой возили съ Волги воду, запрягались въ дровни и взвозили ихъ или на Гимназическую улицу, или-же, чаще всего, на Бабушкинъ взвозъ до дома Васяткина (теперь домъ Рецейштейна). Иногда-же взвозили на себѣ на Бабушкинъ взвозъ и бочку съ водою, поливая нѣкоторыя мѣста улицы, чтобы лучше было кататься, что сердило нашихъ дворовыхъ».

«Бабушкинъ взвозъ, по причинѣ большой покатости къ Волгѣ, представлялъ очень хорошее мѣсто для нашего катанія; кромѣ того, по немъ ночью тогда рѣдко кто ѣздилъ, и мы поэтому спокойно могли предаваться нашимъ развлечениямъ. Бабушкинъ взвозъ, состоявшій изъ трехъ кварталовъ съ плохонькими домишками въ то время, имѣлъ въ послѣднемъ кварталѣ около Волги бугоръ, который въ наше дѣтство былъ скрытъ только по краямъ для проѣзда на Волгу; середина-же его, не скрытая, оканчивалась со стороны Волги крутымъ спускомъ. Около дома Васяткина мы усаживались на дровни. Гимназистъ Шапошниковъ, я, мой братъ и Николай Гавриловичъ, какъ большіе мальчики, стояли напередѣ дровней и управляли движеніемъ ихъ, маленькіе-же или уцѣплялись за насъ, или-же за дровни. Когда мы отговаривали Николая Гавриловича не брать маленькихъ кататься, то онъ настаивалъ на своемъ и бралъ ихъ. «Отчего-же имъ не доставить удовольствія?» говорилъ онъ, — «пусть ихъ катаются». Иногда-же мы пускали дровни, и когда онѣ катились, то бросались на нихъ и садились. Любитель большихъ и сильныхъ ощущеній, Николай Гавриловичъ старался направить дровни на ухабы и шибни, которыми въ зимнее время бывалъ усѣянъ Бабушкинъ взвозъ. Чѣмъ больше толчковъ получали наши дровни, тѣмъ намъ было веселѣе; иногда мы ушибались или падали, или-же дровни противъ нашего желанія не туда направлялись и наталкивались на тумбочки, отчего мы упали съ дровней или перелетали черезъ головы другихъ; но это нисколько не останавливало насъ въ нашемъ развлеченіи и побуждало быть только осторожнѣе и осмотрительнѣе. Для насъ, напротивъ, катаніе не

было-бы удовольствіемъ безъ приключеній. Подкатываясь къ послѣдному кварталу Бабушкина взвоза, Николай Гавриловичъ старался направить сани на бугоръ, чтобы съ него можно было скатиться на Волгу, гдѣ находилось нѣсколько прорубей, и проскочить черезъ прорубь, конечную цѣль нашего катанія. Трудно было взвозить дровни въ гору до дома Васяткина, но мы не унывали, запрягались въ дровни, отклоняя отъ этого маленькихъ, и почти бѣгомъ съ нѣсколькими роздыхами, взвозили дровни на гору, чтобы опять спуститься съ нея на Волгу. Сколько смѣху, шуму и говору было при катаніи! Намъ только удивлялись, какъ мы не сломаемъ нашихъ головъ при такомъ бѣшеномъ катаньѣ».

«Во многихъ мѣстахъ Саратова, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ то время бывали кулачные бои, на которыхъ присутствовали, а иногда и участвовали наши дворовые, и о которыхъ они съ увлеченіемъ рассказывали намъ. Обыкновенно мы дрались между собою, чтобы попробовать наши силы или согрѣться, когда озябнемъ, но подстрекаемые дворовыми, затѣвали и сами нѣчто въ родѣ кулачныхъ боевъ. Николай Гавриловичъ пересиливалъ насъ, какъ младшихъ, но старшій мой братъ очень часто его поколачивалъ. Это тоже забавляло насъ. Когда-же мы подросли, то увлеченные рассказами дворовыхъ о кулачныхъ бояхъ, безъ позволенія родителей, ходили на ближайшее отъ насъ мѣсто кулачныхъ боевъ — Валовую улицу. Тамъ, около кабачка, прозваннаго «Капернаумъ», одна стѣна семинаристовъ, во главѣ съ кулачнымъ бойцомъ семинаристомъ Федоромъ Соболевскимъ, вступала въ бой съ другою стѣною тулупниковъ, и нерѣдко побѣждала ихъ. Мы съ удовольствіемъ смотрѣли на эти бои, оцѣнивая бойцовъ по достоинству, но никогда не участвовали въ нихъ».

«Такъ-то мы тогда пользовались удовольствіями! Не въ душевныхъ комнатахъ, на елкахъ или танцевальныхъ вечерахъ, какъ теперь родители тѣшатъ своихъ дѣтей, а на лонѣ природы», заключилъ свой рассказъ В. Д. Чесноковъ.

Физическія развлечения и гимнастическія упражненія на свѣжемъ воздухѣ очень укрѣпили организмъ Николая Гавриловича и развили его силы. Рассказываютъ, что въ семинаріи онъ почти не разставался съ книгою даже во время перемѣнъ. Когда

шалуны-товарищи начнутъ беспокоить его и отрывать отъ занятій, то онъ выскочитъ изъ за партъ, бросится на учениковъ и прогонитъ ихъ всѣхъ, причемъ многимъ порядочно намнетъ бока. Въ саратовской гимназіи онъ также былъ извѣстенъ за сильнаго. Во время перемѣны иногда учителя испытывали другъ друга, кто сильнѣе, и тягались на палкахъ. Николай Гавриловичъ большею частью перетягивалъ даже сильнаго, громаднаго роста своего товарища, Евлампія Ивановича Ломтева, учителя исторіи.

Но вотъ наступилъ такой періодъ въ жизни Николая Гавриловича, когда надо было отдавать его въ училище, что для духовенства было обязательно. Теперь страннымъ покажется, когда читаешь рапорты благочинныхъ того времени, въ которыхъ они извинялись передъ училищнымъ начальствомъ въ томъ, что они (благочинные) не могутъ представить своихъ дѣтей въ училище за многочисленностью дѣлъ, лежащихъ на нихъ. Но Гавриилъ Ивановичъ не считалъ необходимымъ включать своего сына въ училище.

Въ то время Гавриилъ Ивановичъ пользовался большимъ уваженіемъ и въ обществѣ, и у духовнаго начальства: онъ былъ уже протоіереемъ (съ 1825 г.), членомъ духовнаго правленія (съ 1826 г.) и благочиннымъ (съ 1828 г.). На двѣ послѣднія должности Гавриилъ Ивановичъ былъ выбранъ самимъ духовенствомъ. Выборное начало въ саратовскомъ духовенствѣ практиковалось еще до открытія епископской каѳедры въ Саратовѣ ¹⁾. Пензенскій архіерей, къ вѣдомству котораго принадлежалъ Саратовъ, предписалъ саратовскому духовенству произвести выборы въ члены духовнаго правленія. Половину шаровъ получилъ Гавриилъ Ивановичъ Чернышевскій, а другую—Вязовскій, и преосвященный утвердилъ ихъ обоихъ въ должностяхъ, хотя нуженъ былъ только одинъ членъ правленія ²⁾. Когда же по предписанію преосвященнаго произведена была баллотировка на должность благочиннаго, то большинствомъ шаровъ выбранъ

¹⁾ Впослѣдствіи оно опять введено епископомъ Іоанникиемъ — нынѣ московскій митрополитъ.

²⁾ Къ сожалѣнію, мы не можемъ этого подкрѣпить документальною справокою, такъ какъ архивныя дѣла саратовской семинаріи того времени истреблены.

былъ на эту должность Гавріиль Ивановичъ. Такія высокія и почетныя должности даны были ему совершенно справедливо, безъ всякихъ искательствъ и покровительствъ съ чьей-либо стороны. Гавріиль Ивановичъ былъ незаурядная личность: онъ выдавался изъ среды духовенства и своимъ умомъ, и своимъ образованіемъ, и высокими нравственными качествами. По словамъ знаменитаго историка Н. И. Костомарова, хорошаго знакомаго Чернышевскихъ, жившаго въ Саратовѣ съ 1848 по 1858 г., «отецъ его (Н. Г.) и мать были замѣчательно умные и хорошіе люди» ¹⁾.

Испытавъ на себѣ всю тяжесть суровой школьной жизни и зная ее, какъ инспекторъ духовнаго училища (онъ оставилъ эту должность въ 1830 г., вслѣдствіе множества лежащихъ на немъ обязанностей), Гавріиль Ивановичъ разсудилъ, что незачѣмъ отдавать сына въ училище, гдѣ все дѣло обученія почти ограничивалось задаваніемъ и спрашиваніемъ уроковъ и наказаніемъ неисправныхъ учениковъ; кромѣ того, Гавріиль Ивановичъ опасался, чтобы Николай Гавриловичъ не испортился тамъ среди дѣтей, не отличавшихся хорошою нравственностью; между тѣмъ, тогда было въ обычаѣ только записывать дѣтей въ училищныя вѣдомости, которыя отсылались въ семинарское правленіе и казанскую духовную академію и въ которыхъ ученики, обучавшіеся въ домахъ родителей, отмѣчались такъ: «находится въ домовомъ образованіи», и Гавріиль Ивановичъ, подобно другимъ, счелъ необходимымъ записать сына въ училищныя вѣдомости, на что имѣлъ основательную причину. Въ то время бывали распоряженія правительства брать дѣтей духовнаго званія, исключенныхъ изъ учебныхъ заведеній за дурное поведеніе, или нигдѣ не учившихся, или вышедшихъ изъ семинаріи и нигдѣ не нашедшихъ себѣ мѣста, въ солдаты, или-же, особенно неспособныхъ къ военной службѣ, ссылатъ на поселеніе въ малонаселенный тогда Новоузенскій уѣздъ (Самарской губ., тогда Саратовской), въ которомъ есть нѣсколько селъ съ крестьянами, потомками ссыльныхъ, дѣтей лицъ духовнаго званія. Гавріиль Ивановичъ видѣлъ на своемъ вѣку немало примѣровъ, какъ

¹⁾ «Русская Мысль», № 6, 1885 года Автобіографія Н. И. Костомарова, 24 стр.

забирали въ солдаты подобныхъ дѣтей, почему и принялъ предосторожность—записалъ сына въ училищныя вѣдомости. Какъ благочинный, Гавріилъ Ивановичъ имѣлъ власть надъ ректоромъ саратовскаго духовнаго училища и вмѣстѣ съ тѣмъ приходскимъ священникомъ Михаило-Архангельской церкви, Амальевымъ. Достаточно было одного слова Амальеву или кому-нибудь изъ учителей, чтобы Николай Гавриловичъ былъ записанъ въ вѣдомостяхъ слѣдующаго класса.

III.

Благодаря своему отцу, Николай Гавриловичъ получилъ образование и воспитаніе совершенно своеобразное.

О многихъ обстоятельствахъ жизни Николая Гавриловича въ Саратовѣ рассказываютъ много ошибочнаго. Такъ, между прочимъ, о. А. И. Розановъ, со словъ другихъ, сообщилъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1889 г., нѣсколько не вполне вѣрныхъ подробностей о жизни Н. Г. Говоря, напр., о воспитаніи, о. А. И. Розановъ увѣряетъ, что Николая Гавриловича готовили къ поступленію въ семинарію учителя семинаріи и гимназіи, что совершенно несправедливо и что уже опровергъ А. Н. Пыпинъ, извѣстный писатель и родственникъ Николая Гавриловича.

Но рассказы о томъ, что съ Николаемъ Гавриловичемъ занимались учителя, имѣютъ нѣкоторое, хотя и шаткое, основаніе. Какъ прежде, такъ и теперь, на лицѣ дѣловыхъ начальство имѣетъ обыкновение навязывать много обязанностей. Такъ было поступлено и съ Гавріиломъ Ивановичемъ, и потому онъ былъ занятъ цѣлый день своими служебными обязанностями. На немъ, приходскомъ священникѣ Сергіевской церкви, лежала обязанность исправлять всѣ церковныя требы; какъ членъ консисторіи, онъ все утро занимался въ этомъ учрежденіи. Ему, какъ благочинному городскихъ церквей; тоже было много работы, особенно въ то время, когда благочинный долженъ былъ разсылать писанные указы въ каждую церковь, такъ что благочинные теперь не дѣлаютъ и десятой доли того, что прежде дѣлали; между тѣмъ, не только указы для разсылки по церквамъ, которыхъ въ Саратовѣ было до 30, но каждую записочку и повѣстку Гавріилъ Ивановичъ писалъ самъ.

Наконецъ, Гавріиль Ивановичъ былъ самымъ дѣятельнымъ борцомъ за православіе, а при архіереѣ Іаковѣ, строгомъ ревнителѣ православія, кромѣ того, достойнымъ сотрудникомъ и точнымъ исполнителемъ начертаній этого преосвященнаго по дѣламъ раскола и управленію епархіею.

Не смотря на такія сложныя и разнообразныя обязанности, лежавшія на Гавр. Ив., онъ былъ крайне исполнительнъ и аккуратенъ. Въ то время каждый царскій празникъ (ихъ было въ году до 65) справлялся особо, даже въ будни, а не откладывался до слѣдующаго воскресенья, какъ теперь, и духовенство всѣхъ церквей обязательно должно было являться въ соборъ и служить съ преосвященнымъ молебень; о. Гавріиль Ивановичъ имѣя возможность не присутствовать на молебнѣ безнаказанно, какъ благочинный, который всегда можетъ найти оправданіе, никогда не пропускалъ ни одного молебна.

На похоронахъ Г. И. Чернышевскаго, преосвященный Евфимій, въ прощальной рѣчи, обратившись къ духовенству и охарактеризовавъ Гавріила Ивановича, какъ высоконравственную личность, выставилъ, между прочимъ, особенно рельефно его неутомимую дѣятельность, какъ образецъ, которому священники должны слѣдовать ¹⁾).

Многіе думали, что при такихъ разнообразныхъ занятіяхъ Гавріилу Ивановичу совершенно некогда заниматься съ своимъ сыномъ; кромѣ того, каждый священникъ знаетъ по себѣ, какъ трудно готовить дѣтей прямо въ семинарію, такъ какъ можно забыть все то, что проходило въ духовномъ училищѣ; даже сколько-нибудь сносно подготовить дѣтей къ поступленію въ духовное училище не каждый священникъ и теперь можетъ, такъ что принуждены открыть пригготовительные классы при духовныхъ училищахъ. Но Гавріиль Ивановичъ въ этомъ, какъ и во многомъ, составлялъ исключеніе: онъ свободно читалъ греческихъ и латинскихъ классиковъ, также зналъ хорошо математику, исторію, французскій языкъ и проч. Любовь къ чтенію и самообразованію онъ сохранилъ всю жизнь, а владѣя замѣчательною памятью, онъ не забывалъ того, что зналъ раньше.

¹⁾ «Многому хотѣлъ и я поучиться у тебя, какъ опытнаго пастыря, но Богъ привелъ хоронить тебя», закончилъ рѣчь свою преосвященный Евфимій. Преосвященный Евфимій поступилъ въ Саратовъ въ 1860 году, а въ 1861 г., 23 октября, скончался Г. И. Чернышевскій.

Отецъ Николая Гавриловича, по словамъ Н. И. Костомарова ¹⁾, «восполнялъ недостатокъ образованія чтеніемъ и природнымъ умомъ».

Гавріилъ Ивановичъ былъ очень скромнъ, онъ не только не хвалился своими познаніями, но не выказывалъ ихъ; поэтому, многіе знакомые и не подозрѣвали, что онъ знаетъ основательно классиковъ. Вращаясь въ учительскомъ кругу, онъ ни разу не совѣтовался ни съ кѣмъ о томъ, какъ и чему учить сына; ему, какъ бывшему инспектору и учителю духовнаго училища, было извѣстно, что проходится въ духовномъ училищѣ. Все это вмѣстѣ взятое и заставляло предполагать лицъ, не знавшихъ Гавріила Ивановича, что не онъ подготовилъ Николая Гавриловича къ семинаріи; между тѣмъ, Николай Гавриловичъ обязанъ своимъ образованіемъ единственно своему отцу.

Въ то время считали нужнымъ какъ можно больше морить дѣтей за книгами. Какъ только мальчикъ выучится читать, то его заставляли цѣлый день учиться; но Гавріилъ Ивановичъ и въ этомъ не слѣдовалъ примѣру другихъ. Онъ показывалъ и объяснялъ сыну урывками, между дѣломъ, но непременно выберетъ время или объяснить ему что-нибудь, или рассказать, или сказать, что сдѣлать. Умный мальчикъ быстро соображалъ и хорошо понималъ, усвоивая скоро, такъ что отцу не надо было цѣлый день заставлять его сидѣть за книгою. Что отецъ задастъ выучить или рассказать, или написать, то Николай Гавриловичъ скоро сдѣлаетъ, и затѣмъ или читаетъ книгу, или играетъ на свѣжемъ воздухѣ. Вообще ученіе далось ему, онъ учился играючи.

Евгенія Егоровна, мать Николая Гавриловича, очень недовольна была тѣмъ, что ея сынъ не учится въ училищѣ, о чемъ часто говорила своимъ родственникамъ.

Интересную подробность передаетъ И. Н. Виноградовъ.

«А гдѣ Коля?» спрашиваю я мать Николая Гавриловича, зашедши разъ къ Чернышевскимъ.

— «На дворѣ или на улицѣ играетъ, отвѣчаетъ она;—сколько разъ говорила отцу, чтобы онъ отдалъ его въ училище. Что

¹⁾ Автобіографія Н. И. Костомарова.

баловаться ему дома? Нѣтъ, и слушать не хочетъ; только и говоритъ, что Коля знаетъ больше, чѣмъ всѣ ученики втораго класса. У васъ вѣдь въ училищѣ учатся до обѣда и послѣ обѣда, а онъ уроки, что задасть ему отецъ, недолго учить: больше читаетъ или играетъ. Когда ему учить Колю? Пришелъ Гавріилъ Ивановичъ нынче изъ церкви, сталъ пить чай и говорить съ Колей; такъ съ полчаса поговорилъ съ нимъ, велѣлъ ему написать по-гречески и ушелъ въ консисторію, а Коля сѣлъ за книгу, очень скоро написалъ и ушелъ играть. Посмотрите-ка, что онъ написалъ тутъ».

«И Евгенія Егоровна подала со стола мнѣ тетрадку. На ней было написано спряженіе, не помню, какого-то греческаго глагола, съ труднымъ производствомъ по временамъ относительно измѣненія гласныхъ буквъ. Работа была исполнена вѣрно, только въ прошедшемъ совершенномъ измѣнена была не такая буква. Въ это время вернулся изъ консисторіи Гавріилъ Ивановичъ «Что, какъ проспиргалъ сынъ?» обратился онъ ко мнѣ, увидѣвъ у меня въ рукахъ тетрадку Николая Гавриловича. Я сказалъ ему. Гавріилъ Ивановичъ, просмотрѣвъ работу, молча положилъ ее на столъ и завелъ рѣчь о другомъ. Онъ былъ человѣкъ сдержанный, и лишняго слова бывало не скажетъ».

Такъ какъ греческій и латинскій языки составляли основу семинарскаго образованія, то отецъ рано сталъ заниматься съ сыномъ этими языками и, какъ человѣкъ, основательно знавшій древніе языки, умѣлъ пріохотить и сына къ изученію ихъ. Несомнѣнно, Николай Гавриловичъ еще до поступленія въ семинарію могъ переводить нѣкоторыхъ классиковъ. Вообще, знаніе классическихъ языковъ пріобрѣтено имъ при помощи отца. Прочіе предметы не представляли для Николая Гавриловича большихъ трудностей при обученіи.

Все свободное отъ обязательныхъ занятій время, котораго у него оставалось много, Николай Гавриловичъ употреблялъ, кромѣ игръ, на чтеніе книгъ. У отца его, какъ любителя чтенія, была значительная по тому времени библіотека, состоявшая преимущественно изъ книгъ духовнаго содержанія. Онъ выписывалъ и единственные въ то время духовные журналы: «Христіанское чтеніе» и «Воскресное чтеніе», въ которыхъ было много статей историческаго содержанія, а изъ газетъ—«Московскія

Вѣдомости», которыя были для него насущною потребностью и которыя Николай Гавриловичъ съ 10-лѣтняго возраста уже усердно читалъ. Свѣтскихъ книгъ было тоже достаточно; Гаврииль Ивановичъ пріобрѣталъ даже цѣнныя книги, каковы: «Исторія», соч. аббата Милота, въ 12 частяхъ, и «Исторія римскаго народа», Роллена, въ переводѣ Тредьяковскаго, «Исторія» Карамзина и друг. Насколько цѣнна была библіотека Гавриила Ивановича, можно судить по тому, что на нѣкоторыя книги его библіотеки обращалъ вниманіе нашъ знаменитый историкъ Н. И. Костомаровъ. Кромѣ того, Николай Гавриловичъ пользовался книгами изъ библіотеки сосѣдей-помѣщиковъ, съ дѣтьми которыхъ онъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Вообще, онъ бралъ книги, гдѣ только можно, и читалъ ихъ съ жадностью, нерѣдко выписывая изъ нихъ въ тетрадки, которыхъ у него было много. Къ сожалѣнію, опытнаго руководителя въ выборѣ книгъ онъ не нашелъ въ своемъ отцѣ. Николай Гавриловичъ читалъ безъ разбора все, что только попадало ему въ руки. До какой степени въ Николаѣ Гавриловичѣ, еще мальчикѣ, была развита страсть къ чтенію, можно заключить изъ того, что онъ даже сидя за обѣдомъ или за ужиномъ, не разставался съ книгою и читалъ ее, что очень сердило его бабушку, которая выражала на это свое неудовольствіе. «Онъ и не ѣстъ, заболѣеть, пожалуй», говорила бабушка. «Захочетъ будетъ ѣсть, заступался за сына-любимца отецъ;—а если онъ читаетъ, а не ѣстъ, значить ѣсть не хочетъ». Эту привычку Николай Гавриловичъ сохранилъ до самой смерти: во время обѣда онъ обыкновенно читалъ газеты и журналы.

Длинные осенніе и зимніе вечера, когда нельзя играть, или когда надоѣдаютъ игры, онъ, или одинъ, или вмѣстѣ съ товарищами, проводилъ время въ чтеніи, разсказахъ и разговорахъ. Прочитанный разсказъ о сраженіи или о какомъ-нибудь греческомъ и римскомъ героѣ возбуждалъ въ немъ желаніе быть героемъ и помечтать объ этомъ съ товарищами; разсматриваніе картинъ подавало Николаю Гавриловичу поводъ разсказать ихъ содержаніе. Брюсовъ календарь служилъ предметомъ удивленія, а иногда и насмѣшекъ, если его предсказаніе относительно погоды не сбывалось. «Эдакъ и мы съ тобой можемъ написать,

что тогда-то будетъ ясная погода, а тогда-то дождливая: Брюсъ вѣдь не подкрѣпляетъ своихъ мнѣній доказательствами», говорилъ онъ своему товарищу.

Чѣмъ болѣе онъ подрасталъ, тѣмъ болѣе интересовали его книги и тѣмъ болѣе онъ увлекался ими самъ и, при удобномъ случаѣ, умѣлъ заинтересовать въ нихъ и другихъ. У Николая Гавриловича была книга: «Исторія римскаго народа», Роллена, въ переводѣ Тредьяковскаго, которая поражала его плохимъ слогомъ. Цѣлые вечера проводилъ онъ съ своимъ товарищемъ въ томъ, что говорилъ самъ и заставлялъ говорить его, какъ-бы лучше выразиться. Когда-же онъ, выучившись французскому языку, досталъ подлинникъ этой книги на французскомъ языкѣ, то сличалъ его въ продолженіи почти цѣлой зимы по вечерамъ съ переводомъ Тредьяковскаго, въ чемъ часто участвовалъ его товарищъ В. Д. Чесноковъ. Указывая недостатки перевода Тредьяковскаго и находя слогъ его безобразнымъ, Николай Гавриловичъ, для доказательства того, какъ правильнѣе перевести извѣстное мѣсто на русскій языкъ, излагалъ грамматическія правила.

Хотя Николай Гавриловичъ былъ большой любитель всякихъ игръ, но онъ не только никогда не отвлекалъ мальчиковъ, жившихъ въ сосѣдствѣ, отъ занятій уроками для игры съ нимъ, но даже самъ, не смотря даже на то, что ему хотѣлось играть, оставлялъ игры и всякія удовольствія, если нужно было помочь кому-нибудь въ учебныхъ занятіяхъ, былъ-ли онъ дома, или въ гостяхъ. Вообще всякая просьба, обращенная къ нему относительно объясненія уроковъ, которыхъ гимназисты-сосѣди не понимали, исполнялась имъ безпрекословно и съ любовью.

Пользуясь любезностью лица, передавшаго намъ объ этомъ ¹⁾, мы воспроизводимъ съ его словъ рассказъ о Николаѣ Гавриловичѣ.

— «Идучи изъ гимназіи вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ А. Н. Пыпинымъ (тогда ученикомъ втораго класса гимназіи), я разговорился съ нимъ о томъ, какъ трудно мнѣ усваивать уроки, особенно не даются мнѣ языки. А. Н. посовѣтовалъ мнѣ приходить къ его двоюродному брату, семинаристу, который съ удовольствіемъ поможетъ мнѣ въ приготовленіи къ классамъ.

¹⁾ Чиновникъ г. Тпщенкс, жившій недалеко отъ Чернышевскихъ.

На это я возразилъ: «Онъ сынъ протопопа, какъ-же войду къ нему? Онъ, пожалуй, выгонитъ меня». Но А. Н. успокоилъ меня: «Нѣтъ, не выгонитъ: онъ простой. Ты только приходи ко мнѣ, а я скажу ему, зачѣмъ ты пришелъ» (Пыпины и Чернышевскіе жили на одномъ дворѣ). Я послѣдовалъ совѣту А. Н., и съ тѣхъ поръ Николай Гавриловичъ очень часто помогалъ мнѣ, а равно и А. Н. Пыпину, готовить уроки. Иногда Николай Гавриловичъ, придя къ намъ въ домъ, заставлялъ меня за уроками. Бывало, скажешь ему: «Николай Гавриловичъ, переведите мнѣ».

— «Я вижу тебѣ хочется играть. Ну, ступай, малецъ, играй, я переведу тебѣ», отвѣтитъ онъ.

«Я съ радостью отправляюсь играть, а Николай Гавриловичъ напишетъ мнѣ французскій переводъ, за который учитель поставитъ 5. Когда-же нельзя, по случаю ненастной погоды, играть на дворѣ, то Николай Гавриловичъ примется объяснять мнѣ уроки, и дѣлаетъ это такъ понятно, что я скоро усваивалъ. «Ну, понялъ наконецъ!» скажетъ онъ: «нужно только хорошенько выкинуть въ урокъ, и тогда все поймешь».

Будучи бойкимъ, рѣзвымъ и разговорчивымъ съ своими сверстниками, знакомыми ему, Николай Гавриловичъ отличался особенною застѣнчивостью въ чужихъ домахъ, особенно мало ему знакомыхъ. Когда Николай Гавриловичъ сталъ подростать, то Евгенія Егоровна и тетка его Александра Егоровна стали брать съ собою въ гости Николая Гавриловича, противъ его желанія. Николай Гавриловичъ обыкновенно сидитъ въ углу бйрюкомъ и не скажетъ ни одного слова,—его очень стѣсняло чужое для него общество.

— «Разъ, рассказывала одна моя знакомая,—приѣхали къ намъ въ гости Евгенія Егоровна, Александра Егоровна и Николай Гавриловичъ, которому тогда было около 15 лѣтъ. Мать и тетка сошли съ тарантаса, но Николай Гавриловичъ ни за что не хотѣлъ войти къ намъ въ комнаты, какъ мы ни упрашивали его. Во все время визита онъ просидѣлъ въ своемъ тарантасѣ, не слѣзая съ него».

IV.

Съ домашнею самостоятельною подготовкою Николай Гавриловичъ былъ принятъ въ 1842 г. въ саратовскую семинарію, которая была тогда переполнена учащимися, такъ что каждый изъ трехъ классовъ семинаріи съ двухъ-годичнымъ курсомъ имѣлъ параллельные классы. Основные и параллельные классы назывались половинами. Первый классъ семинаріи назывался въ официальныхъ бумагахъ низшимъ отдѣленіемъ, или риторикою въ разговорномъ языкѣ; второй классъ—среднимъ отдѣленіемъ, или философіею, и третій классъ — высшимъ отдѣленіемъ, или богословіемъ. Николай Гавриловичъ былъ включенъ въ низшее отдѣленіе, или риторику (во вторую половину).

Не смотря на то, что отецъ самъ представилъ Николая Гавриловича инспектору саратовской семинаріи архимандриту Тихону, который властвовалъ въ семинаріи, съ просьбою обратить на сына его вниманіе, мать Николая Гавриловича тоже сдѣлала визитъ съ тою-же цѣлью честолюбивому Тихону, чѣмъ польстила его самолюбію, и изрѣдка справлялась у него объ успѣхахъ и поведеніи Николая Гавриловича. Въ этомъ отношеніи Тихонъ всегда ставилъ въ примѣръ другимъ отца и мать Николая Гавриловича.

— «Коля Чернышевскій единственный сынъ у родителей и такой, можно сказать, свѣтило, а и то отецъ и мать, почтенные и уважаемые люди, приходили ко мнѣ и просили не оставить ихъ сына безъ вниманія», говорилъ Тихонъ неоднократно въ гостяхъ въ пику родителямъ лѣнливыхъ учениковъ, объ успѣхахъ и поведеніи которыхъ родители, живущіе въ Саратовѣ, не считали нужнымъ справляться у него.

Въ саратовской семинаріи, въ первое десятилѣтіе ея существованія, было замѣтно нѣкоторое умственное оживленіе, толчокъ къ которому былъ данъ преосвященнымъ Іаковомъ, правившимъ саратовскою епархіею съ 19 марта 1832 по 15 января 1847 г., за что онъ долженъ занять видное и самое почетное мѣсто въ исторіи просвѣщенія Саратовскаго края, въ

то время очень обширнаго. Не говоря уже объ устройствѣ во многихъ селахъ церквей, онъ проявилъ неутомимую дѣятельность и въ научномъ отношеніи. Онъ заставлялъ работать духовенство, которое присылало ему замѣтки и статьи географическаго, статистическаго, этнографическаго и историческаго содержанія. Эти работы, по исправленіи и дополненіи, преосвященный отсылалъ или въ ученыя общества (въ одесское общество исторіи и древностей, русское географическое общество), или передавалъ первому по времени мѣстному историку Андрею Филипповичу Леопольдову, который, какъ видно изъ сохранившихся въ семинарской библиотекѣ рукописей, много воспользовался ими, а нѣкоторыя статьи даже цѣликомъ напечаталъ, безъ означенія ихъ заимствованія, въ своихъ сочиненіяхъ: «Статистическое описаніе Саратовской губерніи», двѣ части, печатано по Высочайшему повелѣнію, Спб. 1839 г., и «Историческій очеркъ Саратовскаго края», Москва 1848 г.

Особенно побуждалъ преосвященный Іаковъ къ археологической дѣятельности преподавателя исторіи мѣстной семинаріи Гордѣя Семеновича Саблукова, извѣстнаго оріенталиста, нумизмата и археолога. Уроженецъ г. Оренбурга, Саблуковъ, вращаясь среди татаръ, зналъ хорошо татарскій языкъ. Когда же преосвященный Іаковъ ввелъ въ саратовской семинаріи преподаваніе татарскаго языка съ цѣлью обращенія татаръ, живущихъ цѣлыми селами въ Саратовской губерніи, въ православіе, то Саблуковъ, занявши должность преподавателя этого языка, сталъ изучать его, а равно и арабскій языкъ, научно, при посредствѣ муллы и одного офицера-персіанина, сосланнаго за что-то съ Кавказа въ Саратовъ, и занимался нумизматикою, читая надписи на монетахъ, найденныхъ на Увекѣ или въ Сараѣ, столицѣ Золотой орды. Побуждаемый преосвященнымъ Іаковомъ, производилъ раскопки и разслѣдованія развалинъ Сарая, столицы Золотой орды, около г. Царева (Астраханской губерніи, а тогда Саратовской), протоіерей г. Царева Шиловскій. Во время лѣтнихъ каникулъ ѣздилъ въ г. Царевъ и Саблуковъ, для совмѣстной работы съ Шиловскимъ. Найденныя при раскопкахъ вещи Шиловскій пересылалъ при донесеніи въ Саратовъ, архіерею, который или отсылалъ ихъ въ ученыя общества, или оставлялъ у себя, или отдавалъ ихъ для храненія въ семинарскую библиотеку, гдѣ трудился надъ ними Саблуковъ.

Въ 1842 г., въ «Ученыхъ запискахъ», издаваемыхъ при императорскомъ казанскомъ университетѣ (2-я книжка), напечатаны двѣ статьи: «Состояніе православной Россійской церкви въ царствѣ Кипчакской или Золотой орды» и «Исслѣдованіе о мѣстѣ Сарая, столицы Кипчакской орды», сообщенныя, какъ сказано, преосвященнымъ Іаковомъ, епископомъ саратовскимъ и царьцынскимъ. Хотя онѣ были и безъ подписи ихъ автора и затѣмъ появились отдѣльными брошюрами за подписью Іакова, но, по рассказамъ саратовскихъ старожиловъ, писалъ ихъ Г. С. Саблуковъ, человекъ, тогда еще неизвѣстный въ ученomъ мѣрѣ. Нумизматическія работы Г. С. Саблукова, относящіяся къ Увеку и къ Сарая, столицѣ Золотой орды, кажется, не были напечатаны. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у Саблукова видѣли много рукописей, которыя занимали цѣлый уголъ его кабинета. На вопросъ одного знакомаго: почему Г. С. не издаетъ своихъ рукописей? онъ отвѣтилъ: «Я на своемъ вѣку много рылся и возился съ монетами; пусть послѣ меня хоть пороются въ моихъ бумагахъ».

Еще въ 1846 г. Г. С. Саблуковъ, какъ сообщаетъ Петръ Алексѣевичъ Пономаревъ, членъ казанскаго археологическаго общества, въ своей статьѣ: «На развалинахъ Укека, близъ Саратова» («Древняя и Новая Россія», 1879 г.), «написалъ капитальную статью объ Укекѣ», но она долго лежала у него въ рукописи, и только по просьбѣ г. Пономарева, была отдана въ 1878 г. Саблуковымъ ему для передачи казанскому археологическому обществу, которое напечатало ее въ журналѣ: «Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ, 1879 г.».

По порученію преосвященнаго Іакова, Г. И., какъ очевидецъ и участникъ, составилъ «Историческое описаніе обращенія Иргизскаго монастыря въ единовѣрческій», а въ 1856 г. написалъ «Церковно-историческое и статистическое описаніе саратовской епархіи». Оба эти сочиненія не были напечатаны.

Умственное движеніе, охватившее семинарію и духовенство, несомнѣнно отразилось и на Н. Г.

Поступивши въ семинарію, Николай Гавриловичъ, согласно уставу, по которому ученикъ обязательно долженъ изучить одинъ какой-нибудь живой языкъ, изъявилъ желаніе изучать два языка:

французскій, изученіе котораго началъ еще до поступленія въ семинарію, и татарскій. Обыкновенно семинаристы брались за изученіе татарскаго языка не съ миссіонерскою цѣлью, а просто изъ угожденія преподавателю, для котораго важно было имѣть больше учащихся, чтобы поддержать себя во мнѣніи начальства; но, вѣроятно, Николай Гавриловичъ былъ увлеченъ археологическими и лингвистическими занятіями Саблукова ¹⁾, о которыхъ онъ рассказывалъ, бывая, какъ гость, въ семействѣ Чернышевскихъ, и потому рьяно принялся за изученіе татарскаго языка и усвоилъ его очень основательно въ продолженіи своего пребыванія въ семинаріи, къ великой досадѣ Евгеніи Егоровны, которая говорила, что Николаю Гавриловичу незачѣмъ учиться татарскому языку, такъ какъ на немъ нѣтъ научныхъ книгъ. Въ свидѣтельствѣ, выданномъ Николаю Гавриловичу изъ семинарскаго правленія при выходѣ его изъ семинаріи, въ числѣ изучаемыхъ имъ предметовъ значился и татарскій языкъ. Гордѣй Семеновичъ любилъ Николая Гавриловича за прилежаніе, и какъ только увидитъ кого-нибудь изъ родственниковъ Николая Гавриловича, то проситъ передать ему какое-нибудь татарское слово; но кромѣ класса, Г. С. не занимался съ Николаемъ Гавриловичемъ; впрочемъ, бывая въ качествѣ знакомаго у Чернышевскихъ, Саблуковъ, самъ увлеченный татарскимъ языкомъ, нерѣдко вступалъ въ разговоръ съ Николаемъ Гавриловичемъ относительно этого языка и даже объяснялъ ему что-нибудь.

Н. Г. занимался и арабскимъ языкомъ; посѣщалъ также уроки еврейскаго языка, знаніе котораго было необязательно для учениковъ семинаріи.

Въ семинаріи Николай Гавриловичъ былъ крайне застѣнчивый, тихій и смиренный; онъ казался вялымъ и ни съ кѣмъ не рѣ-

¹⁾ Сочиненія Г. С. Саблукова: 1) Коранъ—законодательная книга магометанскаго вѣроученія. Казань, 1878 г. Ц. 2 р. 25 к. 2) Приложенія къ переводу корана; вып. 1-й. К. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к. 3) Свѣдѣнія о коранѣ—законодательной книгѣ магометанскаго вѣроученія. К. 1881 г. Ц. 2 р. 4) Сличеніе магометанскаго ученія объ именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ. К. 1873 г. Ц. 2 р. 5) Саблуковъ, Г., и Кургановъ, О. Забѣтка по вопросу о византийской противомусульманской литературѣ. К. 1879 г. Ц. 25 к. Изъ каталога книгъ А. А. Дубровина въ Казани.

шался заговорить первымъ. Его товарища называли его между собою дворянчикомъ, такъ какъ онъ и одѣтъ былъ лучше другихъ, и былъ сынъ извѣстнаго протоіерея, котораго уважало не только семинарское начальство, но даже архіереи, къ которымъ онъ имѣлъ болѣе доступа, чѣмъ прочее духовенство, а учителя считали за честь бывать у него въ домѣ; кромѣ того, Николай Гавриловичъ очень часто ѣздилъ въ семинарію на лошади, что въ то время въ Саратовѣ считалось аристократизмомъ; поэтому, чуть-ли не цѣлый годъ чуждались его и не рѣшались вступать въ разговоръ съ нимъ. Изъ всей семинаріи Николай Гавриловичъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ только съ однимъ ученикомъ, М. Левицкимъ, который, какъ лучшей ученикъ, сидѣлъ съ нимъ рядомъ: Николай Гавриловичъ—первымъ на первой скамейкѣ, а М. Левицкій—вторымъ. Онъ былъ талантливая личность. Его живая натура не могла помириться съ тѣми схоластическими приемами, которые тогда царили въ семинаріи; поэтому, онъ рѣдко былъ согласенъ во мнѣніяхъ какъ съ учениками, такъ и съ учителями, и спорилъ съ тѣми и другими. Алексѣй Тимоѣевичъ Петровскій, преподаватель закона Божія, которому Левицкій часто возражалъ, постоянно говорилъ ему:

«Ты, Левицкій, настоящій лютеранинъ: твои возраженія не въ православномъ духѣ».

А то разсердится на него и скажетъ ему:

«Ты, Левицкій, споришь не за тѣмъ, чтобы узнать истину, а за тѣмъ, чтобы вывѣдать мой познанія; своими возраженіями хочешь показать мою несостоятельность, поймать меня на словѣ и сконфузить передъ цѣлымъ классомъ».

Этимъ Петровскій и ограничивался. Такіе отвѣты, очевидно-никого не удовлетворяли, оставляя въ сомнѣніи относительно цѣлостныхъ истинъ православной вѣры. Имѣя хорошій даръ слова, Левицкій увлекалъ своихъ товарищей разказами, особенно о раскольникахъ. Во время управленія епархіею преосвященнаго Іакова, раскольники подвергались преслѣдованіямъ. Цѣлыми толпами пригоняли ихъ въ Саратовъ для увѣщанія, и здѣсь они подвергались разнымъ мытарствамъ: по цѣлымъ недѣлямъ они ходили въ консисторію, чтобы имъ назначили увѣщателя, по назначеніи котораго ходили къ нему. Увѣщатели обращались съ ними

грубо, вмѣсто увѣщанія и бесѣдъ съ ними, тоже держали у себя по цѣлымъ недѣлямъ. иногда въ самую страдную пору, желая этимъ вынудить ихъ обращеніе въ православіе, а нѣкоторые употребляли ихъ для своихъ работъ. Нерѣдко препровождали ихъ для увѣщанія къ кому-нибудь изъ учителей семинаріи, которые всѣ тогда жили въ самомъ зданіи. Человѣкъ по тридцати сидѣли раскольники на дворѣ семинаріи, дожидаясь увѣщателя. Когда учитель-увѣщатель выходилъ изъ своей квартиры, то раскольники подходили къ нему, прося отпустить ихъ домой и жалуясь на свое бѣдственное состояніе. На вопросъ увѣщателя: обратятся-ли они въ православіе? раскольники обыкновенно отвѣчали:

«Въ какой вѣрѣ жили наши отцы и прадѣды, въ такой и мы будемъ жить. Пощади, кормилецъ!»

— «Ну, васъ къ чорту!» говорилъ увѣщатель, и уходилъ.

Однажды, разсерженные долгимъ пребываніемъ въ Саратовѣ, раскольники, подошедшіе къ увѣщателю послѣ другихъ, устроили ему комическую сцену.

«Вы обратитесь?» адресовался къ нимъ увѣщатель, не считая нужнымъ прибавить слова: въ православіе.

— «Что не оборотится, коли хошь, мы и оборотимся», грубо и дерзко отвѣтили раскольники, отвернулись отъ него и ушли.

Семинаристы, а особенно Левицкій, во время гулянія по двору, отъ нечего дѣлать, часто разговаривали съ ними и выслушивали ихъ жалобы на свою судьбу. Левицкій любилъ побесѣдовать съ раскольниками, и увлекалъ ихъ своими рассказами, такъ что раскольники говорили ему: «Ежели-бы такіе ласковые, да разговорчивые наши увѣщатели были, то мы, можетъ, и обратились въ православіе».

Нравились Николаю Гавриловичу споры и рассказы Левицкаго, и онъ тоже говорилъ и спорилъ съ нимъ. Но знакомство Николая Гавриловича съ М. Левицкимъ ограничивалось только стѣнами семинаріи, и какъ Николай Гавриловичъ ни просилъ его къ себѣ въ гости, Левицкій, бѣдный, неотесанный бурсакъ, не рѣшился идти къ нему, отговариваясь тѣмъ, что и одежда у него плохая, и онъ не умѣетъ обращаться въ обществѣ, въ особенности въ домѣ такого высокопоставленнаго лица, какимъ былъ Гавріилъ Ивановичъ. Вообще посѣщеніе Н. Г. стѣсняло

его товарищей, и если нѣкоторые изъ нихъ и рѣшались, по его просьбѣ, зайти къ нему то это случалось очень рѣдко, и они долго у него не засиживались. Между тѣмъ, Н. Г. хотѣлъ сблизиться съ лучшими учениками и быть съ ними въ дружественныхъ отношеніяхъ. Жизнь семинаристовъ того времени была груба; но Н. Г. не обращалъ на это никакого вниманія: для него дороги были бесѣды съ умными товарищами. Желая закончить о чемъ-нибудь разговоръ, Н. Г. иногда заходилъ съ товарищами: Левицкимъ, Тихомировымъ, Волковскимъ и Орловымъ, любившими выпить, даже въ кабакъ, въ которомъ, не смотря на непривычную для него обстановку, велъ съ ними дружественную бесѣду, отказываясь отъ водки, которою усердно угощали товарищи. Не найдя себѣ друга между семинаристами, Н. Г., по словамъ Н. Ф. Хованскаго, автора книги: «Очерки по исторіи г. Саратова», «будучи всего на 4 года старше А. Н. Пыпина, своего двоюроднаго брата, сдѣлался его другомъ, руководителемъ и воспитателемъ. Онъ передавалъ своему другу все, что зналъ, а зналъ онъ не мало» (152 стр.).

Освоившись съ семинаріею, Николай Гавриловичъ сталъ посмѣлѣе. Учителя семинаріи требовали, чтобы ученики подавали сочиненія не болѣе полулиста объемомъ. Исполняя приказаніе учителя, Николай Гавриловичъ писалъ на полулистѣ, но только убористо и мелко, такъ что его сочиненіе, или, какъ тогда называли, задачка, равнялось нѣсколькимъ листамъ. Когда-же одинъ изъ учителей заявилъ ему на это свое неудовольствіе, то онъ отвѣтилъ:

— «Я не могу иначе написать. Если для васъ обременительно читать мою задачку, то прошу васъ не читать».

А такъ какъ Николай Гавриловичъ былъ сынъ заслуженнаго протоіерея, то учитель, вѣроятно, не желалъ своимъ отказомъ въ приѣмѣ сочиненія Николая Гавриловича сдѣлать неудовольствіе его отцу, и принялъ отъ него сочиненіе.

Однажды, будучи въ риторическомъ классѣ (низшемъ отдѣленіи), Николай Гавриловичъ удивилъ всю семинарію тѣмъ, что сталъ опровергать какую-то мысль, высказанную ученикомъ, при преосвященномъ Іаковѣ, пріѣхавшемъ въ семинарію. Смѣлость необычайная для того времени! Передъ архіереемъ трепетали не только ученики, но даже учителя и семинарское начальство.

Николай Гавриловичъ три раза возражалъ при архіереѣ, который осаживалъ его. «Молчи, садись!» говорилъ преосвященный, но наконецъ осердился и сказалъ: «Садись! тебя не спрашиваютъ».

Семинарія не могла удовлетворить любознательности Николая Гавриловича: онъ зналъ больше, чѣмъ требовалось программю.

Въ риторикѣ положено переводить Лактанція. Большинство учениковъ было съ слабою подготовкою по латинскому языку, такъ что Лактанція съ трудомъ переводили, и Воскресенскій, преподаватель словесности и латинскаго языка (впослѣдствіи предсѣдатель саратовской гражданской палаты), знатокъ своего дѣла, обладавшій большими свѣдѣніями, принужденъ былъ замѣнить Лактанція латинскою хрестоматією, которая была учебникомъ въ духовномъ училищѣ и которая болѣе доступна для пониманія. Во время объясненія или перевода Лактанція многіе ученики, которыхъ въ классѣ было до семидесяти, не слушали, что говорятъ, или неприлично держали себя. Большинство преподавателей съ подобными учениками раздѣльвались по своему.— били ихъ.

Воскресенскій, какъ вспыльчивый человекъ, проявлялъ на такихъ ученикахъ свой гнѣвъ энергичнѣе и сильнѣе другихъ: онъ билъ учениковъ и книгами, и кулаками, трепалъ ихъ за волосы и за уши; въ порывѣ сильнаго гнѣва на одного ученика за какую-то очень грубую и дерзкую шалость, онъ даже столкнулъ его съ лѣстницы, такъ что ученикъ получилъ сильные ушибы. Какъ преподаватель, онъ былъ лучшій, и его до сихъ поръ помнятъ съ хорошей стороны; о его-же кулачной расправѣ съ учениками многіе даже забыли: она тогда была въ порядкѣ вещей, обыкновеннымъ явленіемъ, такъ что тогда и не обижались на него, тѣмъ болѣе, что побитыхъ онъ призывалъ къ себѣ и поилъ ихъ чаемъ, что для учениковъ считалось большою честью; кромѣ того, всѣ знали его доброту: бѣднымъ ученикамъ онъ помогалъ и совѣтами, и деньгами и, одеждою; наконецъ, онъ былъ незлобивъ и великодушенъ. Ученикъ Димитревскій, разсердившись за что-то на Воскресенскаго, прозваннаго учениками зодкою ¹⁾, написалъ стихотвореніе, которое стало ходить по семинаріи. Насколько помнятъ, оно было слѣдующее:

¹⁾ Зодка, по объясненію [рассказчика, значитъ молодецъ.

Зодъ зодчайшіѣ,
 Шельма величайшіѣ!
 Волга матушка глубока,
 Отъ тебя вѣдь не далеко: ¹⁾,
 Намъ меньшого стоить труда
 Оттащить тебя туда.

Узнавши объ авторѣ этого стихотворенія, Воскресенскій не только не наказалъ его, но даже похвалилъ, перевелъ въ свою половину, взялъ подъ свое покровительство, какъ ученика, умѣющаго писать стихи, такъ что Димитревскій шелъ у Воскресенскаго въ числѣ первыхъ.

Побуждаемые энергическими мѣрами, ученики поневолѣ брали книги въ руки и обращались нерѣдко къ другимъ, лучшимъ ученикамъ, за совѣтами, какъ переводить. Съ подобными просьбами они нерѣдко адресовались и къ Николаю Гавриловичу, который обыкновенно чѣмъ-нибудь занимался; даже во время перемѣнъ почти никогда не видѣли его, подобно другимъ ученикамъ, гуляющимъ по двору или по корридору.

Передъ нимъ на столѣ лежало нѣсколько тетрадокъ. Однѣ были записки преподавателей, замѣняющія учебники, — печатныхъ учебниковъ тогда почти не было, и потому преподаватели давали каждый по своему предмету списывать свои записки, — въ другія тетрадки Николай Гавриловичъ писалъ какія-нибудь замѣтки или дѣлалъ выписки изъ книгъ. Въ семинаріи онъ болѣею частью выписывалъ въ тетрадки изъ лексикона Кронненберга цѣлыя фразы изъ Овидія и другихъ писателей съ трудно переводимыми фразами.

Когда-же товарищи, бывало, обратятся къ нему за разъясненіемъ какой-нибудь фразы, или самъ онъ услышитъ, что не такъ переводятъ, или дѣлаютъ невѣрные объясненія при переводѣ, то онъ бросалъ свои занятія и принимался переводить, объясняя переводъ грамматическими правилами. Тогда онъ погружался весь въ свои объясненія, и всѣ его слушали. Владѣя огромною памятью, онъ иногда прочитывалъ цѣлыя главы Лактанція наизусть, для объясненія какого-нибудь мѣста, или для того, чтобы

¹⁾ Воскресенскій жилъ во флигелѣ, на дворѣ семинаріи, отъ которой недалеко протекаетъ Волга.

сказать, что подобные обороты рѣчи находятся и въ другихъ мѣстахъ книги. «Вы говорите, что Лактанцій труденъ для перевода, возражалъ Николай Гавриловичъ ученикамъ, — что же вы скажете о Цицеронѣ, когда будете его переводить? Онъ дѣйствительно труденъ», и Николай Гавриловичъ прочитывалъ наизусть цѣлую страницу изъ Цицерона и послѣ того переводилъ ее тоже наизусть, а потомъ объяснялъ, въ чемъ состоитъ трудность перевода Цицерона. Приходъ учителя на урокъ прерывалъ объясненія.

Въ риторикѣ и философіи не было особыхъ уроковъ по священному писанію, которое, впрочемъ, вскорѣ стало изучаться какъ самостоятельный предметъ. На учителя словесности, Воскресенскаго, возлагалась обязанность прочесть какую-нибудь книгу изъ библіи, или двѣ книги; обыкновенно Воскресенскій въ первую половину учебнаго года читалъ книгу бытія безъ всякихъ объясненій, развѣ изрѣдка объяснить что-нибудь. Николай Гавриловичъ, начитавшись книгъ духовнаго содержанія и, вѣроятно, подготовившись дома, подъ руководствомъ отца, умѣлъ объяснять многія мѣста священной книги, чѣмъ и приводилъ въ изумленіе учениковъ.

Но за то на урокахъ математики, предмета ничтожнаго, по мнѣнію начальства и учениковъ, и потому презираемаго всѣми, шелъ невообразимый хаосъ, и тутъ уже ученики брали верхъ надъ учителемъ. Обѣ половины каждаго класса соединялись вмѣстѣ, такъ что на урокѣ математики было около 150 учениковъ — цѣлая аудиторія! Учитель математики М. И. Смирновъ, воспитавшій нѣсколько поколѣній священниковъ, былъ человекъ смирный, деликатный, добрый и незлобивый; къ довершенію его несчастія, онъ былъ близорукой. Пользуясь его добротою и снисходительностью, а главное, не уважая преподаваемые имъ предметы, большинство учениковъ и къ нему относилось съ неуваженіемъ: не слушало ни его объясненій, ни отвѣтовъ другихъ учениковъ; каждый дѣлалъ, что хотѣлъ: кто читалъ, кто разговаривалъ, кто спалъ, кто дрался, а кто игралъ въ карты.

Безсердечные шалуны продѣлывали надъ нимъ какія-либо шуточки, иногда очень жестокія.

М. И. Смирновъ ограничивался тѣмъ, что говорилъ: «Тише!.. тише!..» Но его слова заглушались крикомъ.

Только меньшинство занималось математикою, которую М. И. зналъ и преподавалъ хорошо. Николай Гавриловичъ, не стѣсняясь, повидимому, шумомъ, слушалъ со вниманіемъ объясненія учителя; но шалуны иногда и его отвлекали отъ занятія. Тогда онъ, будучи всегда тихимъ и скромнымъ, съ сердцемъ останавливалъ ихъ, выведенный изъ терпѣнія ихъ нахальствомъ и наглостью.

Преподаватели семинаріи обыкновенно читали по два и даже по три предмета; иногда они назначались на такіе предметы, въ которыхъ имѣли самыя ограниченныя познанія. Учитель Синайскій былъ большимъ знатокомъ греческаго языка, такъ что онъ даже составилъ греческіе словари ¹⁾, которые и до сихъ поръ имѣютъ цѣнность; кромѣ семинаріи, онъ, какъ прекрасный преподаватель греческаго языка, былъ учителемъ въ мужской гимназіи, но долженъ былъ заниматься съ учениками философіею, которая нисколько не интересовала его и о которой онъ имѣлъ настолько слабыя понятія, что Смирновъ-Платоновъ, профессоръ казанской духовной академіи, ревизовавшій саратовскую семинарію, нашелъ его преподаваніе философіи неудовлетворительнымъ и просилъ преосвященнаго Іакова поручить философію учителю Павлу Никитичу Смирнову (впослѣдствіи законоучитель мужской гимназіи и затѣмъ института), а Синайскому—преподаваніе гражданской исторіи, которой онъ не зналъ. Его уроки исторіи шли вяло; сидѣть въ классѣ брала тоска. Но вотъ Синайскій заставляеть отвѣчать урокъ Николая Гавриловича, и классъ измѣняется совершенно: ученики оживляются, всѣ рады послушать Николая Гавриловича, который рассказываетъ урокъ такъ хорошо и съ такими подробностями, которыхъ въ учебникѣ не было.

Ученики удивлялись его начитанности; многимъ хотѣлось-бы почитать то, что говорилъ Николай Гавриловичъ, но не знали, откуда онъ беретъ.

¹⁾ Синайскій. Греческо-русскій словарь, въ 2-хъ частяхъ, изд. 3-е, совершенно переделанное и значительно дополненное. М. 1879 г. Ц. 3 р. Синайскій. Русско-греческій словарь, изд. 2-е, исправленное и дополненное. М. 1867 г. Ц. 2 р. 50 к. Изъ каталога В. В. Думнова, подъ фирмою братьевъ Салаевыхъ, въ Москвѣ.

Учитель Синайскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и секретаремъ семинарскаго правленія. Когда у него было много дѣла въ правленіи, то онъ или опаздывалъ по часу и болѣе (урокъ продолжался 2 часа), а иногда вовсе не приходилъ, или же являлся къ самому концу урока. Зная это, Николай Гавриловичъ уходилъ въ первую половину низшаго отдѣленія, гдѣ читалъ исторію преподаватель Г. С. Саблуковъ, который хотя не отличался краснорѣчіемъ и не обладалъ хорошимъ даромъ слова, но исторію зналъ хорошо.

Вообще Николай Гавриловичъ рѣзко выдѣлялся изъ среды всѣхъ учениковъ и своими познаніями, и своимъ поведеніемъ. Въ 1843 г. онъ аттестованъ былъ такъ: «способностей отличныхъ, прилежанія ревностнаго, успѣховъ отличныхъ, поведенія весьма скромнаго». Учителя были отъ него въ восторгѣ, особенно учитель словесности, который входилъ съ рапортомъ въ семинарское правленіе, донося ему о сочиненіяхъ Чернышевскаго, какъ о замѣчательныхъ и образцовыхъ. Семинарское правленіе, въ лицѣ своихъ членовъ, было недовольно тѣмъ, что приходилось доносить о сочиненіяхъ Николая Гавриловича архіерею, который велѣлъ всѣ представленныя ему сочиненія, какъ выдающіяся, хранить въ библиотекѣ семинаріи. На всѣ претензіи членовъ правленія, не желавшихъ вести переписку, учитель словесности говорилъ многимъ: «Такъ развивать тему сочиненій могутъ только профессора академіи. Какъ-же мнѣ не доносить о нихъ?» ¹⁾ М. И. Смирновъ, библиотечаръ саратовской семинаріи, въ продолженіе многихъ лѣтъ часто жаловался: «Ученическія

¹⁾ Считаю нужнымъ обратить вниманіе на то, что никто изъ товарищей Николая Гавриловича не знаетъ о рассказанномъ мною здѣсь фактѣ. Ученики семинаріи и не могли знать объ этомъ, такъ какъ это дѣлалось помимо ихъ. Но это могло быть. Въ книгѣ: Жизнь преосвященнаго Іакова архіепископа нижегор. и арзам., изд. второе, Спб. 1856 г., сост. А. М., сказано: «Посѣщая самъ саратовскую семинарію, Іаковъ побуждалъ учениковъ къ занятіямъ, указывая на ихъ пользу и прилежаніе. Для большаго побужденія учениковъ къ сочиненіямъ, имъ положено было около 300 руб. сер. въ приказъ обществ. призрѣнія, съ тою цѣлью, чтобы потребное изъ этой суммы количество денегъ употреблено было на отпечатаніе лучшаго ученическаго сочиненія» (стр. 32). Отдавая распоряженіе хранить ученическія сочиненія Чернышевскаго въ библиотекѣ, преосвященный, вѣроятно, имѣлъ нахѣреніе когда-нибудь ихъ отпечатать.

сочиненія Чернышевскаго только валяются въ библиотекѣ безъ всякой надобности. Что дѣлать съ ними—самъ не знаю. Зачѣмъ они тутъ?» Но онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ хранить ихъ, какъ и все, находящееся у него въ библиотекѣ. Въ настоящее время сочиненій Чернышевскаго нѣтъ въ библиотекѣ семинаріи и въ ея архивѣ ¹⁾).

V.

Николай Гавриловичъ мечталъ изъ семинаріи поѣхать въ духовную академію и кончить тамъ курсъ со степенью бакалавра, но по совѣту одного родственника рѣшился поступить въ университетъ. Прошенія объ исключеніи изъ семинаріи можно было подавать только два раза въ годъ: передъ Рождествомъ и передъ лѣтними каникулами; во всякое-же другое время года такія прошенія не принимались. Николай Гавриловичъ подалъ прошеніе въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1844 г., и въ томъ-же году былъ исключенъ. Такимъ образомъ Николай Гавриловичъ пробылъ въ семинаріи два съ половиною года; въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, или риторикѣ (1-мъ классѣ), онъ былъ въ 1842—1843 и 1843—44 учебныхъ годахъ, и въ среднемъ отдѣленіи, или философіи (2-мъ классѣ)— съ сентября по декабрь 1844 г.

¹⁾ Досадно, что не только ученическія сочиненія Николая Гавриловича пропали изъ библиотеки, но даже цѣлыя коллекціи археологическихъ вещей, найденныхъ на Увекѣ, около Саратова, и въ произведенныхъ по мысли преосвященнаго Іакова раскопкахъ разваливъ Сарая, столицы Золотой орды, около г. Царева, Астраханской губерніи, и сданныхъ для храненія, по приказанію архіеревь Іакова и Аванасія, этихъ замѣчательныхъ археологовъ, въ семинарскую библиотечку,—въ настоящее время если не совсѣмъ исчезли, то находятся, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ жалкомъ состояніи. Такимъ образомъ, многолѣтніе труды мѣстныхъ археологовъ: преосвященныхъ Іакова и Аванасія, Г. С. Саблукова, протоіерея г. Царева Шиловскаго и друг., еще до сихъ поръ совершенно неоцѣненныхъ,—пропали совсѣмъ для науки, благодаря только тому, что послѣ нихъ не было сочувствовавшихъ археологіи лицъ. Но было время, когда археологическія вещи были цѣннымъ украшеніемъ комнатъ, занятыхъ библиотечкою, и если семинарію посѣщало какое-нибудь важное лицо, то преосвященный Іаковъ съ гордостью вводилъ его въ библиотечку, гдѣ, трудолюбивый археологъ Г. С. Саблуковъ, по археологическимъ вещамъ, особенно по древнимъ монетамъ, давалъ объясненія.

Инспекторъ семинаріи Тихонъ, встрѣтивши Евгенію Егоровну у кого-то въ гостяхъ, спросилъ ее:

«Что вы вздумали взять вашего сына изъ семинаріи? Развѣ вы не расположены къ духовному званію?»

На это мать Николая Гавриловича отвѣтила ему:

— «Сами знаете, какъ унижено духовное званіе: мы съ мужемъ и порѣшили отдать его въ университетъ».

«Напрасно вы лишаете духовенство такого свѣтила», сказалъ ей инспекторъ.

Можетъ быть, въ числѣ причинъ, которыя заставили Гавріила Ивановича перевести Николая Гавриловича въ университетъ, было и слѣдующее обстоятельство въ жизни отца. 18 ноября 1843 г., Гавріиль Ивановичъ «былъ уволенъ отъ присутствованія въ саратовской духовной консисторіи за неправильную записку незаконнорожденнаго сына маіора Протопопова, Якова, родившагося черезъ мѣсяцъ послѣ брака; при семь увольненіи, предоставлено ему отъ епархіальнаго архіерея занимать при церковномъ богослуженіи то-же мѣсто, какое онъ занималъ будучи членомъ консисторіи ¹⁾).

Такъ сурово поступлено съ нимъ, честнѣйшимъ человѣкомъ, неспособнымъ на неблаговидные поступки, благодаря проискамъ одного саратовца, Рыжкина, который, подстрекаемый своими родственниками, повредилъ своимъ вліяніемъ въ святѣйшемъ синодѣ по дѣлу Протопопова, въ чемъ впослѣдствіи самъ признался и просилъ у Гавріила Ивановича прощенія. Больно и тяжело было Г. И. переносить незаслуженное наказаніе ²⁾).

По выходѣ изъ семинаріи Николай Гавриловичъ сталъ готовиться къ поступленію въ университетъ, тогда-же онъ изучилъ нѣмецкій языкъ. Во многихъ аристократическихъ домахъ давалъ уроки на фортепіано колониствъ Богданъ Христіановичъ Грефъ, который готовился къ поступленію въ университетъ. Уроки русскаго языка онъ бралъ у учителя М. И. Смирнова,

¹⁾ Изъ послужнаго списка Гавр. Иванов. Чернышевскаго.

²⁾ Разказываютъ, что Гавр. Иван. заплакалъ, когда прочиталъ предписаніе святѣйшаго синода о своемъ увольненіи, и затѣмъ ушелъ изъ консисторіи. Нѣкоторые чиновники, особенно секретарь консисторіи, рады были его увольненію: Гавр. Иван. очень часто не соглашался съ секретаремъ и другими относительно многихъ дѣлъ, за которыя секретаремъ были получены взятки и которыя онъ намѣревался рѣшить несправедливо.

а латинскаго языка—у Николая Гавриловича, за что обоемъ помогаль изучать нѣмецкій языкъ. Вообще Николай Гавриловичъ много помогъ Грефу, плохо знавшему русскій языкъ, приготовиться въ университетъ, по окончаніи курса въ котормъ онъ служилъ контролеромъ въ саратовской конторѣ иностранныхъ поселенцевъ.

Евгенія Егоровна, любившая своего сына, сама отвезла его въ 1846 г. въ Спб., чтобы включить его въ университетъ, и устроила его на квартирѣ, чему Николай Гавриловичъ былъ очень радъ и за что благодарилъ мать. Вступительный экзаменъ въ университетѣ сошелъ хорошо: по всѣмъ предметамъ Николай Гавриловичъ получилъ 5, только изъ географіи—3. «И въдѣ географическія карты висѣли у меня на стѣнѣ, а на нѣкоторые вопросы изъ географіи не могъ отвѣтить», говорилъ онъ своимъ знакомымъ.

Въ письмахъ изъ университета Николай Гавриловичъ очень часто благодарилъ отца и мать за то, что они дали ему возможность учиться въ университетѣ. Преосвященный Іаковъ, покровитель всѣхъ лучшихъ учениковъ, при свиданіи съ Гавриломъ Ивановичемъ постоянно освѣдомлялся о томъ, что пишетъ ему Николай Гавриловичъ и какъ идутъ его занятія.

Тяжело было Гаврилу Ивановичу содержать сына въ университетѣ. Новый соборъ, построенный въ память избавленія Россіи отъ нашествія галловъ, привлекъ къ себѣ многихъ прихожанъ Сергіевской церкви своимъ просторомъ, а съ 1828 г., когда въ Саратовѣ была открыта епископская кафедра, и архіерейскимъ богослуженіемъ; кромѣ того, въ Сергіевской церкви пересталъ пѣть хоръ пѣвчихъ помѣщика Угрюмова, и такимъ образомъ доходы Гаврила Ивановича уменьшились, а расходы увеличились,—нужно содержать въ Спб. сына; между тѣмъ, Гавриилъ Ивановичъ привыкъ жить съ нѣкоторымъ комфортомъ и помогаль своимъ родственникамъ. Это-то и заставило Николая Гавриловича, по совѣту съ отцемъ, просить университетское начальство о стипендіи. Университетское начальство потребовало отъ саратовской консисторіи удостовѣреніе, что Гавриилъ Ивановичъ не имѣетъ настолько средствъ, чтобы содержать сына въ университетѣ. Преосвященный Іаковъ, не спросивши Гавриила Ивановича объ его матеріальныхъ средствахъ и зная, что

онъ и благочинный, и приходскій священникъ, написалъ отвѣтъ въ неблагопріятномъ смыслѣ, о чемъ сказалъ Гавріилу Ивановичу только тогда, когда отвѣтъ уже былъ посланъ. Услыхавши объ этомъ, Гавріилъ Ивановичъ, считавшій стипендію большимъ подспорьемъ для себя въ содержаніи сына, невольно прослезился, а преосвященный Іаковъ изъ разспросовъ убѣдился, какъ были незначительны церковные доходы Гавріила Ивановича, составлявшіе единственный источникъ его содержанія.

Не зная о студенческой жизни Николая Гавриловича въ Петербургѣ, мы пропускаемъ нѣсколько лѣтъ; товарищи его по университету, быть можетъ, пополняютъ этотъ пробѣлъ.

Ф. Д.

Саратовъ.
10 марта 1890 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письмо въ редакцію.

Въ № 4 «Русскаго Архива», изд. 1890 г., появилась статья г. Палимсестова о Н. Г. Чернышевскомъ. И. У. Палимсестовъ былъ учителемъ саратовскаго духовнаго училища, затѣмъ, кажется въ 1843 г., поступилъ въ Горигорѣцкую земледѣльческую школу, по окончаніи курса въ которой онъ былъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ сельскаго хозяйства въ саратовской семинаріи, и въ концѣ сороковыхъ годовъ перешелъ на службу въ Одессу, а оттуда, выслуживши пенсію, переѣхалъ на житье въ Москву. Онъ могъ знать Чернышевскихъ только тогда, когда Николай Гавриловичъ учился въ семинаріи, но и то лишь вскользь; поэтому большая часть статьи, составленная со словъ лицъ, не стоявшихъ близко къ семейству Чернышевскихъ, состоитъ изъ завѣреній и предположеній, которыя, какъ говоритъ самъ г. Палимсестовъ въ одномъ мѣстѣ, «основаны на одномъ воображеніи» и которыя онъ дѣлаетъ съ двойкою цѣлью:

доказать, какъ изъ Николая Гавриловича готовился падшій ангелъ, и обълить саратовскую семинарію, въ чемъ она вовсе не нуждается.

Авторъ находитъ въ характерѣ Николая Гавриловича несообщительность, но это неправда. Когда Николай Гавриловичъ учился въ семинаріи, то онъ занимался уже самостоятельно и весь былъ погруженъ въ умственные занятія, и если онъ говорилъ съ товарищами, то о чемъ-нибудь дѣльномъ или серьезномъ, и не съ каждымъ, а съ такимъ, который чѣмъ-нибудь нравился ему; о пустякахъ ни онъ, ни отецъ его не любили говорить. Но это-то нежеланіе Николая Гавриловича болтать всякій вздоръ съ каждымъ ученикомъ и принято авторомъ за его несообщительность.

Хотя авторъ совершенно не знакомъ съ домашнею жизнью Николая Гавриловича, но онъ считаетъ возможнымъ говорить объ его воспитаніи и совершенно выдумываетъ факты. Исправляю его невѣрности.

Сергіевская церковь до преобразованія приходоу при графѣ Д. А. Толстомъ была не одно-штатная, а двухъ-штатная; въ ней священниками были Гавріиль Ивановичъ Чернышевскій и Сяѣжницкій.

Николай Гавриловичъ посѣщалъ храмъ такъ, какъ и другіе его сверстники, дѣти сосѣдей-помѣщиковъ. Предположеніе-же автора, что «частое посѣщеніе храма послужило къ развитію въ дѣтскихъ лѣтахъ Николая Гавриловича замкнутости его въ самомъ себѣ и робкой застѣнчивости, а непониманіе того, что читается и поется въ церкви, оставило въ дѣтской душѣ слѣды холодности къ церкви»,—есть чистѣйшій абсурдъ. «Это частое пребываніе въ церкви, говоритъ авторъ,—не послужило-ли къ устраненію рѣзвости, столь свойственной этому возрасту». Очевидно, Палимсестовъ увѣренъ, что Николай Гавриловичъ въ дѣтскіе годы не былъ рѣзвымъ, и старается объяснить это; но напрасно онъ это дѣлаетъ: Николай Гавриловичъ въ пору дѣтства былъ очень рѣзвый и бойкій мальчикъ среди своихъ сверстниковъ, которые живы и теперъ, о чемъ я выше рассказалъ.

Замкнутость Николая Гавриловича въ самомъ себѣ авторъ объясняетъ домашнею обстановкою: «отецъ былъ занятъ служебными обязанностями, а мать была существо болѣзненное и, какъ

слышно, страдала меланхолією, и потому Николай Гавриловичъ видѣлъ людское общество, можно сказать, издали». Изъ этого можно сдѣлать заключеніе, что Николай Гавриловичъ жилъ только въ обществѣ отца, постоянно занятаго своими дѣлами, и матери, болѣзненной женщины; но это неправда. Мать его была, дѣйствительно, болѣзненная женщина, но не страдала меланхолією, а была отъ природы нервная въ высшей степени, и потому часто лежала въ постелѣ. Въ домѣ Чернышевскихъ постоянно жили другіе родственники ¹⁾, такъ что онъ росъ въ большомъ обществѣ; кромѣ того, у него было много сверстниковъ—дѣтей помѣщиковъ и чиновниковъ, съ которыми онъ часто игралъ.

Предположеніе автора, что братъ его, «Федоръ Ивановичъ Палимсестовъ былъ едва-ли ни единственнымъ близкимъ товарищемъ Николая Гавриловича по семинаріи», тоже ни на чемъ не основано. Изъ всѣхъ учениковъ семинаріи Николай Гавриловичъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ только къ Левицкому и въ хорошихъ—къ Мансвѣтову, но положительно извѣстно, что въ семинаріи у него не было «закадычнаго» друга; можетъ быть, Николай Гавриловичъ говорилъ съ Федоромъ Палимсестовымъ, какъ и съ многими дѣльными или хорошими учениками, и «заходилъ къ нему, какъ говоритъ авторъ,—послѣ классовъ», но это не даетъ ему права заключить о близости его къ Николаю Гавриловичу.

Извѣстно, что со всѣми близкими товарищами своего дѣтства Николай Гавриловичъ поддерживалъ дружескія отношенія не только тогда, когда онъ былъ учителемъ, но и до конца жизни. Федоръ Ивановичъ Палимсестовъ во время учительства Николая Гавриловича въ Саратовѣ тоже служилъ смотрителемъ саратовской губернской типографіи, и затѣмъ—акцизнымъ чиновникомъ, но они не бывали другъ у друга, хотя и были попытки со стороны Палимсестова быть въ дружескихъ отношеніяхъ къ Николаю Гавриловичу. Причина этого та, что Федоръ Палимсестовъ былъ тогда «крайній либераль», такъ что вся сцена, которую онъ теперь приписываетъ мнимому своему знакомому, должна быть отнесена къ нему... Н. Г. не любилъ такихъ либераловъ.

¹⁾ Бабушка, дядя, тетка, двоюродные братья и сестры и проч.

Г. Палимсестовъ не зналъ Николая Гавриловича и никогда, очевидно, не говорилъ съ нимъ. Это незнаніе Николая Гавриловича и уличаетъ автора въ измышленности всего разсказа. Г. Палимсестовъ изобразилъ Николая Гавриловича человѣкомъ, нисколько не уважавшимъ отца своего, и предполагаетъ, что Николай Гавриловичъ «тяготился кровомъ своего набожнаго отца, преданнаго священнымъ завѣтамъ родной старины». Говорить такъ о Н. Г. можетъ только человѣкъ, не знавшій его. Н. Г. былъ къ отцу въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; объ этомъ-же свидѣтельствуесть и Н. И. Костомаровъ ¹⁾, хорошій знакомый Чернышевскихъ, жившій въ Саратовѣ съ 1848 по 1858 г. Кому-же послѣ такихъ противоположныхъ отзывовъ объ отношеніяхъ Николая Гавриловича къ отцу повѣрять, И. У. Палимсестову, который не бывалъ у Чернышевскихъ и не жилъ въ Саратовѣ, кажется, съ 1849 г., или Н. И. Костомарову, который зналъ Чернышевскихъ не по наслышкѣ, какъ г. Палимсестовъ, а бывалъ у нихъ въ домѣ, видѣлъ отношенія отца къ сыну и былъ съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ,—объ этомъ предоставляю судить другимъ.

Хотя авторъ, какъ сказано выше, и не жилъ въ Саратовѣ съ 1849 г., но онъ считаетъ нужнымъ говорить о той душевной скорби отца, которую будто вызывалъ сынъ своею литературною дѣятельностью; но это выдумка, прикрытая риторикою во вкусѣ старыхъ временъ; ничего этого не было и не могло быть. Даже цензора пропускали въ печать произведенія Чернышевскаго, не находя въ нихъ ничего опаснаго и вреднаго. Чернышевскій, какъ свидѣтельствуесть авторъ книги «Наши государственные и общественные дѣятели», «искусно обходилъ цензуру. Статьи весьма умѣренныя, но говорившія объ осуществленіи практическихъ и полезныхъ желаній, не пропускались цензурою, тогда какъ проповѣдь самыхъ радикальныхъ воззрѣній теоретическихъ, ловко и талантливо проведенная, находила одобреніе въ той-же цензурѣ».

Послѣдніе годы жизни своей протоіерей Г. И. Чернышевскій дѣйствительно «походилъ на живаго мертвеца», страдая болѣзнию сердца. Но чтобы причиною болѣзненнаго состоянія отца

¹⁾ «Русская Мысль», 1885 года, книга VI, стр. 24. Автобіографія Н. И. Костомарова.

была «скорбь о заблужденіяхъ сына», то это или выдуманно самимъ г. Палимсестовымъ, или написано со словъ лицъ, не знавшихъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла (въ Саратовѣ старожилы передаютъ многія обстоятельства жизни Чернышевскихъ совершенно невѣрно, такъ что надо провѣрять факты, рассказываемые лицами, недалеко стоявшими къ Чернышевскимъ).

Хотя А. Н. Пыпинъ и опровергъ рассказъ о томъ, что отецъ Н. Г. умеръ, читая письмо объ арестѣ сына ¹⁾, но г. Палимсестовъ опять рассказываетъ объ этомъ. Считаю необходимымъ сказать, что Гавріилъ Ивановичъ уже потому не могъ «скорбѣть о заблужденіяхъ сына», что, вѣроятно, о нихъ и не зналъ.

За недѣлю до смерти Гавріилъ Ивановичъ пригласилъ для исповѣди своего духовника Ивана Ивановича Позднева ²⁾, которому послѣ исповѣди высказалъ: «Моя совѣсть была неспокойна, теперь я спокоенъ и за себя, и за сына, который человѣкъ вѣрующій».

Вообще статья И. У. Палимсестова безъ надлежащей провѣрки не можетъ служить матеріаломъ для будущаго біографа Н. Г. Чернышевскаго.

Ф. В. Духовниковъ.

Саратовъ.
23 мая 1890 года.

¹⁾ Гавріилъ Ивановичъ Чернышевскій умеръ въ 1861 году, а Н. Г. Чернышевскій арестованъ въ 1862 году.

²⁾ Протоіерей саратовскаго женскаго монастыря и членъ саратовской духовной консисторіи.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ КАРЛОВИЧЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ,

къ его портрету.

Личность Вильгельма Карловича Кюхельбекера хорошо известна читателямъ „Русской Старины“.

Товарищъ по воспитанію А. С. Пушкина въ лицей, поэтъ, писатель, журналистъ и, наконецъ, участникъ въ событіяхъ декабрьской смуты 1825 года, Кюхельбекеръ являлся на страницахъ нашего изданія въ своемъ литературномъ дневникѣ, каковой онъ велъ въ долготннее заключеніе въ крѣпостяхъ, а также во многихъ письмахъ къ нему и отъ него, и, наконецъ, въ своихъ стихотвореніяхъ.

Весьма своеобразный и не лишенный значенія для русской литературы 1820—1838 годовъ, дневникъ его будетъ еще печататься на страницахъ нашего изданія. При настоящей-же книгѣ, посвященной почти пѣликомъ отечественной словесности и подвижникамъ ея, мы приложили неизданный доселѣ портретъ поэта и писателя В. К. Кюхельбекера, какъ человека горячо любившаго литературу и много для нея потрудившагося.

Ред.

Москва.

Осипъ Ивановичъ Сенковскій

[баронъ брамбеусъ].

Исправляю замѣченныя опечатки въ письмахъ ко мнѣ О. И. Сенковского, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“, изд. 1890 г., т. LXVII, августъ:

Стр. 331, строка 11 снизу, напечатано: пѣлителя изящныхъ искусствъ.
Читай: пѣлителя.

Стр. 336, строка 8 снизу, напечатано: изъ заграницы.

Читай: Заграницу.

Стр. 339, строка 12 снизу, напечатано: Ты ангельчикъ.

Читай: Вы ангельчикъ.

Страница 340, строка 19 снизу, напечатано: бывши его ученикомъ.

Читай: бывший.

Е. Ахматова.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПЪСНИ.

Ой, ты, батюшка нашъ, батюшка,
 Быстрый Терекъ-Горничъ,
 Про тебя лежитъ слава добрая,
 Слава добрая, рѣчь хорошая.
 Ты прорылъ-прокопалъ
 Горы крутыя, лѣса темные;
 Ты упалъ, Терекъ-Горничъ,
 Во синее море, во Каспійское.
 И на устьѣ выкатилъ ты
 Бѣлъ горючъ камень.
 Тутъ шли-прошли гребенскіе казаки
 Съ батальицы,
 Что съ той-то со батальицы
 Со турецкой.
 Не дошедши они до бѣлаго камушка.
 Становилися,
 Становились они дуванъ дуванити;
 Что на каждого досталося
 По пяти сотъ рублей,
 Атаманушкѣ съ есаулами
 По тысячѣ.
 Одного-то добраго молодца
 Обдували:
 Досталась ему, доброму молодцу,
 Красная дѣвица,
 Какъ уборъ-то, приборъ на красной дѣвицѣ
 Во пятьсотъ рублей,
 Русая коса—во всю тысячу,
 А самой-то красной дѣвицѣ
 Цѣны нѣтути.

Тысяча семьсотъ девятого года,
 Того было мѣсяца іюли
 И тѣхъ было чиселъ двадцатыхъ,
 Хвалился собака—король шведскій,
 Хвалился собака, похвалялся,
 Со мною силою собирался.
 Онъ пустился на Россіюшку,
 Что подъ славный городъ, подъ Полтаву.
 Подкупалъ онъ казака Мазепу,
 Но Мазепа ему не попрочилъ
 И повелъ его не путемъ, не дорогою,
 А повелъ его топами, водами,

Да быстрыми рѣками.
 Вотъ дошли они до рѣчки Ворсклы,
 Стали рѣчку переправляться;
 Переправясь быстру рѣчку, становились,
 Шанцы, батареи высыпали,
 Да отъѣзжіе бикеты становили.
 Тамъ далече-далеко, въ чистомъ полѣ,
 Тамъ лежала новая дороженька,
 Да никто по ней, по дороженькѣ,
 Ни пройдетъ, ни проѣдетъ.
 И по ней-то шель-прошелъ бояринъ,
 Что Борисъ Петровичъ Шереметьевъ,
 Со своими московскими полками,
 Со своими донскими казаками.
 На подмогу взялъ охотничка,
 Разудалаго полковнича (?)
 Съ гребенскими казаками.
 Тамъ поймали они шведскаго маіора,
 Поймали—связали,
 Связали—спросили:
 — «Скажи, маіоръ, не утайся,
 Всею правдою откройся,
 Сколько съ вами пришло силы?»
 — «Пришло силы сорокъ тысячъ».
 Не громы громкіе гремѣли,
 Не свѣтлыя молніи свѣтили,
 То гремѣли пушки ломовыя,
 То блистала ручной огонь,
 Долетали ядерицы чугуныя.
 Отъ того-то король шведскій ужаснулся,
 Отъ города отъ Полтавы откачнулся.

Что на славной рѣчкѣ
 Было на Кашумовѣ,
 Тамъ стали-были казаки-други
 Съ Дону Некрасовцы.
 Служили они, казаки-други,
 Вѣрой-правдою
 И за то-же ихъ православный царь
 Любилъ-жаловалъ,
 Золотой казны много даровалъ.
 А теперь на нихъ православный царь
 Распрогнѣвался,
 Хочетъ имъ казакамъ-другамъ,
 Та бороды брить;
 Да и хочетъ ихъ православный царь
 Казнить—вѣшати.
 Не золотая трубочка вострубила,

Не серебряная свирѣлочка изговорила,
 Изговорилъ рѣчь атаманушка:
 — «Мы пойдѣте-ка, братцы,
 За Дунай-рѣку,
 Мы пойдѣмъ-ка со всей святостью.
 Мы безъ святости пойдѣмъ—
 Пути-дороги не найдемъ,
 А какъ святость мы возьмемъ,
 Мы какъ по мосту пройдемъ».

Что во матушкѣ было Россіюшкѣ,
 Рѣ Россіюшкѣ было—въ каменной Москвѣ,
 Среди города было, среди стараго,
 Среди стараго было, Кремля-города,
 Что на широкой было на площади,
 Собрался тамъ стрѣлецкій кругъ,
 На зарѣ было, на зорюшкѣ,
 На зарѣ было на утренней.
 Не ясенъ соколъ въ пролетъ летить,
 То стрѣлецкій атаманъ во кругъ идетъ,
 Онъ идетъ-то, идетъ, не шелохнется,
 Только черныя кудри развиваются.
 Подошедши въ кругу стрѣлецкому,
 Онъ снялъ шапочку,
 Онъ снялъ шапочку и поклонъ отдалъ,
 Онъ поклонъ отдалъ, рѣчь возговорилъ:
 — «А ну кто-же изъ насъ, изъ стрѣльцовъ,
 Къ самому царю пойдетъ,
 Что съ повинною, что съ покорною?
 Ужъ я самъ пойду къ самому царю
 И съ повинною, и съ инокорною;
 Я скажу ему, самому царю:
 Не вели насъ, православный царь,
 Казнить—вѣшати,
 А вели мнѣ слово молвити,
 Прикажи намъ лучше городъ взять,
 Безъ свинцу твоего и безъ пороху».

А Р Х И В Ы В Ъ Д А Н І И.

Законъ 30 марта (н. ст.) 1889 г.

Мало по малу, во всѣхъ европейскихъ государствахъ пришли къ сознанію важнаго значенія хорошо организованныхъ архивовъ, и приняли цѣлый рядъ работъ для постановки архивнаго дѣла согласно новѣйшимъ требованіямъ науки.

30 марта 1889 г., маленькая Данія опередила многія большія европейскія державы, издавъ новый законъ объ архивахъ. По этому закону, въ Даніи учрежденъ государственный архивъ, состоящій изъ главнаго архива въ Копенгагенѣ и трехъ провинціальныхъ архивовъ. Изъ послѣднихъ, одинъ—для Зеландіи, Лааанда, Фальстера и Борнгольма—будеть устроенъ въ самомъ Копенгагенѣ или около него; другой—для Фюнена—въ Одензѣ, и третій—для Ютландіи—въ Виборгѣ.

Главный архивъ образовывается изъ существовавшихъ королевскаго тайнаго и королевскаго архивовъ, и изъ архивовъ всѣхъ центральныхъ административныхъ учреждений; въ послѣднемъ случаѣ съ условіемъ, чтобы время, по которое дѣла будутъ сданы въ главный архивъ, было опредѣлено самими учреждениями.

Провинціальные архивы состояются изъ дѣлъ провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ, а также изъ общественныхъ и фамильныхъ архивовъ. Кромѣ того, въ нихъ-же будутъ собираться ежедневные и еженедѣльные органы провинціальной печати, сохранявшіеся до сихъ поръ въ университетѣ, въ Копенгагенѣ. Университетская бібліотека передаетъ туда всѣ журналы и газеты, собранные по 1-е марта 1889 г., за исключеніемъ изданій столицы, которыя остаются по прежнему въ университетѣ.

Во главѣ государственнаго архива поставленъ государственный архивасть. Въ главномъ архивѣ по штату положено 2 архивиста и

4 секретаря. При каждомъ изъ трехъ провинціальныхъ архивовъ — одинъ архивистъ. Государственному архивисту назначено содержаніе 4,800 кронъ, съ прибавкою черезъ каждыя пять лѣтъ по 400 кронъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы общая сумма не превысила 6,000 кронъ въ годъ. Архивисту главнаго архива полагается 3,200 кронъ, прибавка черезъ пять лѣтъ 400 кр., причеиъ все содержаніе не должно превышать 4,400 кр. Секретарь—2,000 кр., добавленія на тѣхъ-же основаніяхъ по 300 кр., предѣльная сумма 2,900 кр. Провинціальный архивистъ получаетъ такое-же жалованье, какъ секретарь главнаго архива, но вмѣстѣ еще казенную квартиру.

Новый законъ вошелъ въ силу для главнаго архива съ 1 апрѣля (н. ст.) 1889 года. Для провинціальныхъ—время не опредѣлено; оно находится въ зависимости отъ средствъ, необходимыхъ для постройки архивныхъ зданій. (Das Gesetz vom 30 März 1889 über die Staats-Archive in Dänemark. Dr. L. von Rockinger. Въ Archiv. Zeitschr., новая серія, т. I.)

Графъ Н. С. Ланской.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1858 г. ¹⁾.

Январь 1. Среда. Получилъ изъ военнаго министерства проектъ положенія объ учебныхъ заведеніяхъ и программы, съ просьбою рассмотреть ихъ въ два дня и написать свое мнѣніе.

2. Четвергъ. Занимался проектомъ и программами. Завтра отправляю все съ своимъ заключеніемъ.

3. Пятница. Между прочимъ, были у меня Панаевъ (И. И.) и молодой (Влад. Ив.) Ламанскій, даровитый молодой человекъ, приготовляющийся занять у насъ въ университетѣ кафедру славянскихъ нарѣчій.

Панаевъ рассказывалъ про свое свиданіе съ (К. В.) Чевкин-нымъ, главноуправляющимъ путями сообщеній. Сей государственный мужъ доказывалъ ему, что нынѣшнее направленіе литературы, заключающееся въ преслѣдованіи всяческихъ крадствъ, вредно. Недавно въ какой-то статьѣ задѣты были по этой части путейскіе чиновники. Вообще, многимъ изъ нынѣшнихъ главныхъ начальствъ не нравится литературное бичеваніе мерзостей, совер-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323 — 334; декабрь, стр. 727 — 758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35 — 53; февраль, стр. 371 — 406; мартъ, стр. 629—653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; июнь, стр. 611—638; т. LXVII, июль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—337.

шающихся въ ихъ вѣдомствахъ. Они находятъ, что это поселяетъ неуваженіе къ правительству. Гласность и усиленіе общественнаго мнѣнія въ дѣлахъ общественныхъ они находятъ вреднымъ, особенно графъ (В. Н.) Панинъ. Но они ошибаются: тутъ нѣтъ ничего общаго съ уваженіемъ или неуваженіемъ къ правительству. Послѣднее само тяготится разными административными злоупотребленіями, и въ гласности и въ общественномъ мнѣніи должно-бы видѣть самую дѣятельную помощь противъ зла, съ которымъ хочетъ бороться.

На-дняхъ министръ сильно накричалъ на цензора Бекетова за то, что тотъ, по напечатаніи рескрипта объ освобожденіи, пропустилъ въ „Сынѣ Отечества“ извлеченіе о постановленіяхъ для остзейскихъ крестьянъ. Это случилось въ отсутствіе князя Щербатова. Но когда князь вернулся, онъ настоялъ, чтобы Бекетовъ не былъ отрѣшенъ отъ должности, какъ грозилъ министръ. Все это была работа Кисловскаго, который отрѣшеніемъ Бекетова думалъ сдѣлать непріятное князю. Но послѣдній поступилъ очень рѣшительно, что называется, прижалъ министра и не далъ на этотъ разъ тайному подъячему духу восторжествовать надъ справедливостью.

5. Воскресенье. Вечеръ у князя Щербатова. Мнѣ было передано отъ его имени, что онъ очень жалѣетъ, что давно меня не видѣлъ. Было объясненіе. „Мнѣ кажется, сказалъ князь,— что вы сердитесь на меня“. Я не скрылъ, что нѣкоторые слова и поступки, ему приписываемые, вызываютъ мое недоумѣніе. Князь многое опровергъ, а другое объяснилъ преувеличеніями своихъ недоброжелателей. Мы дали слово другъ другу впередъ въ такихъ случаяхъ откровенно объясняться.

Затѣмъ, князь горько жаловался на хаосъ, царствующій въ нашемъ министерствѣ. Кисловскій вездѣ на первомъ планѣ.

6. Понедѣльникъ. У графа Блудова. Тамъ былъ также попечитель московскаго университета [Евгр. Петр.] Ковалевскій. Разговоръ о статьѣ въ Москвѣ: „Публика и народъ“, за пропускъ которой чуть не былъ отрѣшенъ цензоръ Гиляровъ; о томъ, какъ князь Щербатовъ отстоялъ Бекетова; о современной литературѣ и литераторахъ. Графъ выражалъ сожалѣніе, что современные писатели, повидимому, совсѣмъ знать не хотятъ, что выражать свои мысли въ словѣ есть искусство, и пишутъ, какъ попало. Попе-

читель жаловался на борьбу въ московскомъ университетѣ между славянофилами и западниками. Борьба доходитъ до того, что противники даже не стѣсняются другъ другу гадить. Это особенно отражается на лицахъ, ищущихъ степеней и каедръ. Западники отвергаютъ даже людей способныхъ, но не принадлежащихъ къ ихъ партіи. Славянофилы мстятъ имъ тѣмъ-же.

Говорили еще о московскомъ обѣдѣ, по поводу высочайшаго рескрипта о свободѣ, о множествѣ произнесенныхъ на немъ рѣчей, изъ которыхъ не одобряли рѣчи Погодина; о графинѣ Ростопчиной, которая сдѣлалась страшною консерваторею.

Графъ Блудовъ и Ковалевскій вспоминали о графѣ Канкринѣ. По мнѣнію перваго, это былъ лучшій министръ финансовъ въ Россіи. Онъ былъ, по словамъ Блудова, ума обширнаго и очень находчивъ въ финансовыхъ операціяхъ. Между прочимъ, кто-то припомнилъ и его слова: „я министръ финансовъ не Россіи, а русскаго императора“. — „Но это, замѣтилъ Блудовъ,—ему не мѣшало любить и знать Россію. Вотъ по какому случаю императоръ Александръ I приблизилъ Канкринъ къ себѣ:

— „Послѣ Баутценскаго сраженія, армія наша, тѣснямая непріателемъ, оставалась безъ всякаго продовольствія. Канкринъ былъ тогда интендантомъ.

„Государь призываетъ его къ себѣ и говоритъ ему: „Мы въ тяжеломъ положеніи. Если ты найдешь способъ вывести армію изъ затрудненія и доставить ей продовольствіе, я награжу тебя такъ, какъ ты не ожидаешь“.

„Канкринъ нашелъ этотъ способъ, и съ тѣхъ поръ карьера его была упрочена“.

11. Суббота. Засѣданіе театральнаго комитета. Ни одной порядочной пьесы, хотя мы на этотъ разъ разсматривали ихъ пять.

Волненіе рабочихъ крестьянъ по дорогѣ отъ Луги до Острова. Въ Смоленской губерніи, говорятъ, убили нѣсколько помѣщиковъ.

13. Понедѣльникъ. Вечеромъ былъ приглашенъ на совѣщаніе по устройству „Общества литературнаго фонда для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ и ихъ семействамъ“. Собраніе наше состояло изъ: Краевскаго, Кавелина, Галахова, Дружинина, Анненкова, Дудышкина и меня. Мнѣ поручили написать проектъ устава.

Безконечные толки о свободѣ крестьянъ. Правду сказать,

есть о чемъ потолковать. Тутъ затронуты самыя существенныя интересы общества, многія симпатіи и антипатіи, до сихъ поръ таившіяся въ умахъ. Но, Боже мой, сколько же и нелѣпостей въ этихъ толкахъ! Сквозь разныя, болѣе или менѣе пристрастныя сужденія, однако, явственно проглядываетъ духъ двухъ враждебныхъ партій—желающей освобожденія и нежелающей его. Къ первой принадлежатъ всѣ такъ называемыя мыслящіе, или притворяющіеся мыслящими, умы: литераторы, ученые и т. д. Ко второй—всѣ тѣ, матеріальные интересы которыхъ замѣшаны въ эту громадную игру, слѣдовательно, большая часть помѣщиковъ, душевладѣльцевъ. Между лицами, принадлежащими къ послѣдней партіи, различаются два оттѣнка: одни находятъ мѣру освобожденія несправедливою въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она предложена правительствомъ; другіе находятъ ее безусловно вредною, или, по крайней мѣрѣ, преждевременною. Конечно, они имѣютъ основаніе опасаться. Тутъ дѣло идетъ объ ихъ благосостояніи. Вопросъ касается ихъ поземельной собственности, отъ которой они не хотятъ отказаться. А инымъ просто не по сердцу уничтоженіе ихъ барства—и эти чуть-ли не сильнѣе всѣхъ кричать.

Кавелинъ, котораго, встати сказать, нельзя не любить и не уважать, въ своихъ страстныхъ увлеченіяхъ, однако, доходитъ часто до крайностей. Теперь, напримѣръ, онъ вопіетъ противъ дворянства, какъ противъ вреднѣйшаго изъ золъ на землѣ. Какъ будто зло въ самомъ дворянскомъ сословіи, а не въ особенностяхъ его положенія у насъ.

15. Среда. Умеръ членъ II отдѣленія академіи наукъ, Коркуновъ. Онъ недѣли двѣ хворалъ тифомъ. Это былъ человѣкъ честнѣйшій изъ честныхъ, ума не обширнаго, маленькихъ знаній во множествѣ.

16. Четвергъ. Меня избрали секретаремъ II отдѣленія, на мѣсто Коркунова, который состоялъ также и въ этомъ званіи.

Обѣдалъ у графа Блудова. Тамъ были: [Пав. Вас.] Анненковъ, издатель Пушкина, и Ковалевскій, директоръ азіатскаго департамента. Разговоръ о литературѣ, которой очень хочется говорить о главномъ современномъ вопросѣ—о свободѣ или, такъ называемой, эмансипаціи, и о цензурѣ, которой очень не хочется этого дозволить. Графиня читала стихи Аксакова въ честь

освобожденія. Стихи эти не пропущены, не смотря на то, что въ нихъ принимаетъ большое участіе великій князь Константинъ Николаевичъ.

Быль у меня Львовъ, авторъ комедіи: „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“, и принесъ мнѣ билетъ на завтрашнее представленіе. Я пьесы еще не видалъ. Ее запретили въ Москвѣ и здѣсь велѣно давать ее рѣже. Публика отъ нея въ восторгѣ. Власти осыпаютъ автора похвалами, а между тѣмъ, произведеніе его гонится со сцены. Кажется, и слава, и гоненіе преувеличены. Пьеса несомнѣнно имѣетъ достоинства. Но одни восхищаются, а другіе возмущаются всего больше словами: „правдою нельзя нажитья на службѣ“.

17. Пятница. Засѣданіе въ комитетѣ по устройству кантонистскихъ школъ. Члены—все сіяющіе и звѣздоносные генералы въ мундирахъ. Я, во фрагѣ, казался между ними вороною, залетѣвшею въ стаю павлиновъ. Были жаркія пренія о нѣкоторыхъ параграфахъ устава. Засѣданіе затянулось съ двѣнадцати часовъ до трехъ.

Вечеромъ—въ театрѣ на представленіи пьесы: „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“. Нѣкоторыя мѣста въ ней производятъ сильное впечатлѣніе. Въ ней много современной истины, и это главная причина ея успѣха. Игра актеровъ очень хороша, особенно: Мартынова, Зубарева, Максимова и Линской.

18. Суббота. Радикальныя реформы рѣдко не вредны. Задуманныя съ лучшими намѣреніями, онѣ почти никогда не достигаютъ своей цѣли, потому что имъ не достаетъ почвы. Почва будущаго, во имя котораго онѣ предпринимаются, состоитъ изъ настоящаго и прошедшаго. Вещи, оторванныя отъ того и другаго, не идутъ, а мчатся въ беспорядкѣ, волнуются, блуждаютъ, запутываются и производятъ хаосъ, изъ котораго трудно бываетъ вырваться.

У Валерьяна Никитича Вельбрехта собралось нѣсколько человѣкъ бывшихъ студентовъ спб. университета, разныхъ выпусковъ, для совѣщаній о празднованіи дня открытія его. Меня избрали предсѣдателемъ этого собранія, въ которомъ и была составлена программа обѣда. Я и князь Щербатовъ назначены предсѣдателями — хозяевами праздника, и мнѣ-же поручено

написать рѣчь къ первому заздравному тосту въ честь государя. День назначенъ на 16-е февраля.

Говорятъ, министръ народнаго просвѣщенія потерпѣлъ сильное поражение въ засѣданіи совѣта министровъ въ прошедшій четвергъ, гдѣ онъ докладывалъ. Начало доклада, повидимому, было хорошее. Министръ прочиталъ записку о необходимости дѣйствовать по цензурѣ въ смягчительномъ духѣ. Записку эту писалъ князь Вяземскій, съ помощью ***. Противъ Норова возсталъ врагъ мысли, всякаго гражданскаго, умственнаго и нравственнаго усовершенствованія, графъ Панинъ. Онъ не лишень ума, а главное умѣетъ говорить. Бѣдный Норовъ началъ было защищать дѣло просвѣщенія и литературы, но защита его, говорятъ, вышла хуже нападокъ. Панинъ, разумѣется, восторжествовалъ и цензурѣ велѣно быть строже.

21. Вторникъ. Панинъ, Брокъ и Чевкинъ, кажется, помѣшались на томъ, что всѣ революціи на свѣтѣ бывають отъ литературы. Они не хотятъ понять, что литература только эхо образовавшихся въ обществѣ понятій и убѣжденій; что если она обращаетъ вниманіе правительства на какіе-нибудь административные безпорядки, то тѣмъ оказываетъ услугу ему самому; что надо отличать нападки на законы отъ нападокъ на неисполненіе послѣднихъ, и что нападки этого рода только возвышаютъ достоинство закона и законодательной власти.

22. Среда. У графа Блудова. Все та-же пѣсня о хаосѣ въ дѣлахъ по министерству народнаго просвѣщенія и разговоръ о несообразности въ дѣйствіяхъ цензуры.

25. Суббота. Два комитета вечеромъ: одинъ театральнй, другой по военному вѣдомству. Въ послѣдній я получилъ приглашеніе съ надписью: „весьма нужное“. Надо было отправиться туда. Засѣданіе продолжалось до полуночи у генерала Даненберга. Сильно возставалъ противъ всѣхъ воспитательныхъ учреждений военнаго министерства Булгаковъ. Онъ полагаетъ, что все образованіе должно быть сосредоточено въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и сильно нападалъ на преобладаніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ такъ называемой ружистики — съ чѣмъ соглашались и прочіе генералы. Была высказана мысль относительно общаго образованія: въ министерствѣ народнаго просвѣщенія должно-бы существовать обще-совѣщательное собра-

ніе изъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ, подъ предсѣдательствомъ министра. Тамъ разсматривались-бы всѣ проекты и соображенія о спеціальному образованіи, какое нужно каждому вѣдомству. Образование должно быть общимъ національнымъ и государственнымъ: одно для народа, другое для разныхъ спеціальныхъ потребностей государства.

Еще слово о Булгаковѣ: это человѣкъ умный, даровитый, либеральный, владѣющій даромъ слова.

26. Воскресенье. Есть прогрессъ сломя голову и прогрессъ постепенный. Если-бы надо было себя сформулировать одною изъ тѣхъ категорій, на какія принято подраздѣлять политическія мнѣнія въ Европѣ, я-бы назвалъ себя умѣреннымъ прогрессистомъ. Я худо вѣрю въ тѣ ученія, которыя обѣщаютъ обществу безпредѣльное счастье и усовершенствованіе, но вѣрю въ необходимость для человѣчества развитія, на всякой степени котораго для него воздвигается извѣстная мѣра благъ съ неизбѣжною примѣсью извѣстныхъ золъ; вѣрю, что не идти путемъ этого развитія—значитъ противиться закону природы и подвергаться произвольно такимъ опасностямъ и бѣдствіямъ, которыхъ избѣжать есть долгъ разумнаго существа. Какъ природа испытываетъ перемѣны времени года и съ каждою перемѣною производитъ новыя существа и новыя явленія, не выходя изъ общей сферы, опредѣляющей ея дѣятельность, такъ и человѣчество не можетъ оставаться неподвижнымъ и должно раскрывать въ исторической послѣдовательности тѣ силы, какія составляютъ его содержаніе.

27. Понедѣльникъ. Вотъ что случилось: бывшимъ студентамъ с.-петербургскаго университета запрещено собраться вмѣстѣ въ память его основанія и вмѣстѣ пообѣдать. Причина тому, какъ говорится, покрыта мракомъ неизвѣстности. Сегодня я былъ у Вельбрехта: никто ничего не знаетъ. Всѣ участники предполагаемаго праздника — а ихъ могло быть человѣкъ до пяти-сотъ—чувствуютъ себя оскорбленными. Между тѣмъ, москвичи, казанцы и харьковцы преспокойно отпраздновали себѣ свои дни. Князь Васильчиковъ полагаетъ, что можно будетъ просить, что это еще перемѣнится. Но я не знаю, желательно-ли это: неприятое впечатлѣніе произведено и праздникъ былъ-бы холоденъ и лишень одушевленія.

29. Среда. Сегодня у графа Блудова было много говорено о графѣ Панинѣ, который пылаетъ такою ненавистью къ просвѣщенію и литературѣ, что безпрестанно предлагаетъ какія-нибудь новыя, стѣснительныя цензурныя мѣры. Напримѣръ: чтобы побудить цензоровъ къ вящей строгости, онъ предлагаетъ за всякое упущеніе немедленно подвергать ихъ взысканію, а потомъ уже изслѣдовать, точно-ли дѣло стоило такого взысканія. Не значить-ли это разсуждать прямо на выворотъ? Это особенно прилично министру правосудія. Боже мой, какъ посмотришь, къ какимъ странностямъ приводитъ слѣпая ненависть къ истинѣ и разуму!

31. Пятница. Оказывается, что запрещеніе нашего обѣда есть мѣра общая, которая клонится къ тому, чтобы впередъ не было праздниковъ въ честь университетовъ, или въ честь какихъ-бы то ни было общественныхъ явленій. Въ Москвѣ Кокоревъ хотѣлъ устроить какой-то огромный обѣдъ въ честь эмансипаціи. Графъ Закревскій увидѣлъ въ этомъ нехорошее и въ такомъ видѣ представилъ сюда, вслѣдствіе чего послѣдовало запрещеніе и кокоревского, и нашего обѣдовъ.

Теперь у меня на рукахъ два проекта уставовъ — одинъ театральнаго комитета, а другой „Литературнаго фонда для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“.

Февраль 5. Среда. Во Франціи творятся скверныя дѣла. Враги Наполеона должны быть довольны: онъ начинаетъ дѣлать ошибки. Путь, на который онъ вступилъ, тотъ самый, который привелъ къ гибели его дядю. Это путь военнаго деспотизма и ослѣпленія своимъ могуществомъ.

Люди ни дурны, ни хороши, а точно таковы, какими имъ надлежитъ быть по условіямъ ихъ природы и жизни. Ни сѣтовать, ни негодовать тутъ не о чемъ, а надо только остерегаться. Непріятности слѣдуютъ всегда за излишнею довѣрчивостью. Кто сѣлъ въ крапиву — не жалуется, что обжегся.

6. Четвергъ. Первое засѣданіе комитета, учрежденнаго для пересмотра стараго и составленія новаго цензурнаго устава. Прежде прочитана была записка князя (П. А.) Вяземскаго, о состояніи направленія нынѣшней литературы, представленная министромъ народнаго просвѣщенія государю. Записка оправдываетъ литературу отъ взводимыхъ на нее обвиненій. Она состав-

лена умно и изложена изящно. Вообще записка эта дѣлаетъ честь князю Вяземскому по свѣтлымъ идеямъ въ пользу мысли и просвѣщенія, которыя онъ счумѣлъ вложить въ нее. Онъ опровергаетъ ею мнѣніе многихъ, будто онъ сдѣлался простымъ аристократомъ-царедворцемъ, особенно Герцена, который безпощадно казнить его въ каждомъ номерѣ „Колокола“. Любопытны также замѣчанія государя на эту записку. Нѣкоторыя мѣста въ ней онъ одобряетъ, къ другимъ относится какъ будто недовѣрчиво, и въ замѣчаніяхъ его тогда проглядываетъ какъ-бы нерасположеніе къ литературѣ и сомнѣніе въ ея благонамѣренности. Вообще онъ считаетъ необходимымъ бдительное цензурное наблюденіе за нею.

16. Воскресенье. Вся эта недѣля была для меня полна самой тяжелой и скорой работы. Я написалъ два проекта уставовъ: театральнаго комитета и „Литературно-ученаго фонда“. Первый уже разсмотрѣнъ и одобренъ комитетомъ, второй будетъ разсматриваться на этой недѣлѣ. Сверхъ того, идутъ засѣданія комитета для пересмотра цензурнаго устава. Много толковъ, много измѣненій; все это составляетъ хаосъ, который надо привести въ стройный видъ и ясное выраженіе. Князь Вяземскій въ данномъ случаѣ умно и благородно смотритъ на вещи, но за этотъ послѣдній трудъ не берется. Въ послѣднее засѣданіе комитета о цензурѣ князь предложилъ возложить на меня составленіе и редакцію проекта измѣненій и дополненій къ цензурному уставу, а равно и тѣхъ листовъ, которые должны быть внесены въ государственный совѣтъ, гдѣ нашъ проектъ, безъ сомнѣнія, будутъ сильно оспаривать.

20. Четвергъ. Собраніе „Литературнаго фонда“. Я читалъ проектъ устава. Предложено нѣсколько измѣненій,

24. Понедѣльникъ. Засѣданіе комитета для пересмотра цензурнаго устава. Читалъ, обработанный мною весь первый отдѣлъ, гдѣ изложены основныя начала цензуры. Я написалъ нѣсколько новыхъ параграфовъ, съ цѣлью дать литературѣ побольше простора въ сужденіяхъ о дѣлахъ общественныхъ. На этотъ разъ принято все, за исключеніемъ одного параграфа.

Все это только начало труда, будетъ пропасть работы; къ чему она опять приведетъ—не знаю. Горько становится, когда подумаю, сколько разъ уже моя работа въ этомъ направленіи

пропадала даромъ! Съ Авраамомъ Сергѣевичемъ (Норовымъ) уже казалось такъ налажено—но удобная минута была пропущена, и вотъ опять все съизнова начинай. А все не хочется отстать, и всякій разъ возлагаешь надежды на столь знаменательное въ нашей русской жизни—авось.

Переписанъ и подписанъ членами проесть' устава о театральномъ комитетѣ.

Вчера князь Щербатовъ читалъ мнѣ свой уставъ университета. Сомнительный успѣхъ, ибо тутъ требуются деньги и новыя права.

25. Вторникъ. Вечеромъ—на спектакль въ театральной школѣ. Сяѣткова очень хорошо выполнила сцену Марины у фонтана изъ „Бориса Годунова“. Въ ней положительный талантъ, да и наружность у нея прелестная, но выйдетъ-ли чтò изъ всѣхъ этихъ задатковъ быть отличною артисткою—другой вопросъ. Ей, какъ и всѣмъ нашимъ артистамъ, недостаетъ общаго образованія и школы.

26. Среда. На-дняхъ былъ у меня митавскій губернаторъ П. А. Валуевъ. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ моего добраго пріятеля К. И. Рудницкаго, изъ Риги, съ которымъ и онъ друженъ. Валуеву очень понравилась моя „Мадонна“ и мой споръ съ Далемъ о грамотности, и онъ пожелалъ со мною познакомиться. Вчера я отдалъ ему визитъ.

У жизни много цѣпей. Отъ иныхъ надо умѣть свободиться, другія—носить съ терпѣніемъ и мужествомъ. Хуже всего, когда мы въ тѣмъ, которыя сковываютъ жизнь, прибавляемъ отъ себя новыя.

Величайшее благо, до какого можетъ достигнуть человѣкъ усиліями ума и воли, есть независимость духа, не нуждающаяся ни въ случайныхъ дарахъ счастья, ни въ какой другой благо-склонности людей, кромѣ той, за которую онъ можетъ заплатить наличными услугами и трудомъ.

28. Пятница. Ѣздилъ поутру къ Панаеву, директору канцеляріи министра императорскаго двора, объясняться по дѣламъ театральнаго комитета. Проектъ устава долженъ быть представленъ на-дняхъ министру.

Вечеромъ получилъ горестную вѣсть: М. М. Тимаевъ, мой старый другъ, благороднѣйшій изъ людей, какихъ я зналъ, вне-

запно умеръ. Поутру былъ здоровъ, спокоенъ, говорилъ съ женою о предстоящей свадьбѣ своего сына и удалился въ другую комнату. Черезъ минуту вошелъ къ нему слуга и нашелъ его мертвымъ. Ему было шестьдесятъ одинъ годъ.

Мартъ 2. Воскресенье. Вчера былъ на огромномъ раутѣ у графа Д. Н. Блудова. Звѣздъ и еринолиновъ—безъ конца. Я все время проговорилъ съ Остроградскимъ, а потомъ и съ В. П. Титовымъ.

Рѣшительный приговоръ вовсе не служитъ доказательствомъ знанія, а часто служитъ только доказательствомъ притязаній на знаніе.

4. Вторникъ. Отослалъ къ графу Адлербергу проектъ устава театральнаго комитета при моемъ донесеніи.

Вечеромъ въ театрѣ. Здѣсь услышалъ о смерти (О. И.) Сенковскаго. Онъ уже давно страдалъ несвареніемъ желудка.

7. Пятница. Былъ у графа (В. Θ.) Адлерберга. Разговоръ объ уставѣ театральнаго комитета. Графъ объявилъ, что доволенъ имъ и благодарилъ за него. Спрашивалъ моего мнѣнія о пользѣ комитета. Я отвѣчалъ, что польза его преимущественно отрицательная: препятствіе загромождать сцену плохими пьесами. Но тутъ есть также и положительная польза, а именно, что писатели, особенно молодые, будутъ находить ободреніе въ мысли, что судьба ихъ сочиненій отнынѣ станетъ рѣшаться не произволомъ, часто невѣжественнымъ, а судомъ литературнымъ и, по возможности, справедливымъ.

Графъ замѣтилъ, что у насъ теперь мало драматическихъ талантовъ, потомъ перешелъ къ цензурѣ, заговорилъ о трудности ее направить и замѣтилъ, что у насъ въ литературѣ господствуютъ не совсѣмъ хорошія стремленія. Я возразилъ, что положительно дурнаго или вреднаго въ ней ничего нѣтъ, а что если нѣкоторые изъ молодыхъ писателей иногда и увлекаются черезчуръ горячими мыслями, то это не можетъ имѣть вообще рѣшающаго вліянія на умы, такъ какъ они всегда найдутъ противодѣйствіе въ произведеніяхъ людей болѣе зрѣлыхъ и съ болѣе установившимся образомъ мыслей.

Графъ указалъ на шаткость у насъ общественнаго мнѣнія. „Иногда, сказалъ онъ,—рѣзко нападаютъ на какое-нибудь высшее лицо—оно удалено, и вотъ его начинаютъ возносить“. Затѣмъ

графъ просилъ указать ему нѣсколько кандидатовъ на мѣста членовъ театральнаго комитета.

10. Понедѣльникъ. До сихъ поръ еще не отмѣтилъ случай, доставившій мнѣ и развлеченіе, и нѣкоторое удовольствіе: обѣдъ бывшихъ студентовъ с.-петербургскаго университета, состоявшійся еще 16-го февраля. Это не былъ большой, парадный обѣдъ, который намъ запретили, а простая дружеская трапеза, на которую собралось человекъ до тридцати въ квартирѣ Вельбрехта. Обѣдъ былъ очень оживленъ. Въ теченіи его и на мою долю выпало маленькое торжество. Въ честь мою былъ выпитъ тостъ и сказано нѣсколько словъ, отъ которыхъ у меня стало тепло на душѣ. Спасибо, господа!

Затѣмъ послѣдовали другіе тосты, пѣніе и на первомъ планѣ всемірный студенческій гимнъ: *Gaudeamus igitur*, и проч. Въ числѣ пѣвцовъ особенно отличались князь Васильчиковъ и братья Уваровы.

16. Воскресенье. У графа Блудова. Важная новость: Норовъ подалъ въ отставку и просьба его принята.

17. Понедѣльникъ. Совѣтъ университета, въ которомъ попечитель предложилъ на разсмотрѣніе составленный имъ проектъ новаго университетскаго устава; тутъ всѣ уже знали объ отставкѣ Норова. Говорятъ, на мѣсто его назначается Ковалевскій, попечитель московскій. Всеобщее мнѣніе: хуже того, что было, быть не можетъ. Бѣдный Авраамъ Сергѣевичъ, вотъ въ чему его привели всѣ его шатанія!

18. Вторникъ. Князь Вяземскій сказалъ мнѣ сегодня, что онъ тоже подалъ въ отставку и получилъ ее. Жаль. Онъ немного дѣлалъ и немного могъ сдѣлать, но онъ человекъ благородный, посвященный и умный.

19. Среда. Сейчасъ получилъ извѣстіе отъ Петра Петровича (Гатаринова), что Норовъ подалъ въ отставку и получилъ ее.

Вчера пронесся слухъ, что Брокъ также уволенъ и на мѣсто его назначенъ Княжевичъ. Вотъ сколько перемѣнъ! Что-то дадутъ онѣ намъ?

Мѣсто Норова занялъ Евграфъ Петровичъ Ковалевскій.

Говорятъ, государь, рѣшая отставку Норова, сказалъ: „Это

почтенный человекъ по своему сердцу, по благонамѣренности, я душевно люблю его и уважаю—но онъ не способенъ быть министромъ, и я долше оставить его на этомъ мѣстѣ не могу“.

23. Свѣтлое Христово Воскресеніе. Заутреню слушала въ театральной церкви.

24. Понедѣльникъ. Читала разборъ Герценомъ „Исторіи 14-го декабря“, Корфа. Герценъ слышомъ строго судить о Ростовцевѣ.

. Я тогда хорошо зналъ Ростовцева и хорошо помню всѣ обстоятельства дѣла и моральное настроеніе самого Ростовцева. Онъ былъ тогда очень молодъ и врядъ-ли въ состояніи дѣйствовать по такимъ утонченнымъ соображеніямъ своекорыстія и подлости, какія доступны человеку, умудренному опытомъ и жизнью. Роль историческаго лица могла ему улыбаться, но можно съ достовѣрностью сказать, что онъ не предвидѣлъ всѣхъ послѣдствій своего шага. Онъ предварилъ заговорщиковъ, что намѣренъ донести на нихъ, и донесши, сообщилъ имъ о томъ. Тутъ забота о самосохраненіи, но врядъ-ли какіе-либо дальнѣйшіе расчеты. Иное дѣло послѣ, когда у него въ глазахъ мелькнули флигель-адъютантскіе аксельбанты (тотчасъ послѣ 14-го декабря). Тутъ уже могъ развиваться въ его головѣ цѣлый планъ блестящей будущности, хотя онъ тогда-же увѣрялъ меня, что флигель-адъютантство было-бы для него большимъ горемъ.

Утромъ былъ, между прочимъ, у Позена. Къ нему безпрестанно пріѣзжали разные сановники. Тутъ много было говорено о крестьянскомъ вопросѣ.

Апрѣль 4. Пятница. Норовъ пріѣзжалъ въ академію прощаться. Говорили рѣчи: Остроградскій и Броссе—приличныя, И. И. Давыдовъ—исполненную лести. Какъ! Лести развѣнчанной власти? Да, но Норовъ, уходя, просилъ новаго министра наградить Давыдова синею лентою, а Кисловскаго—красною.

7. Вторникъ. Былъ у новаго министра. Рѣчь о цензурѣ. Государь сильно озабоченъ ею. Въ немъ поколебали расположеніе къ литературѣ и склонили его не въ пользу ея. Теперь онъ требуетъ со стороны цензуры ограниченій, хотя и не желаетъ стѣснять мысль. Какъ это согласить? Министръ сказалъ, что онъ надѣется на меня.

— „Это дѣло, сказалъ онъ, — падаетъ на двухъ людей: на васъ и на меня. Разумѣется, ни вы, ни я не можемъ дѣйствовать въ стѣснительномъ духѣ“.

Я замѣтилъ ему, что частныя ошибки и увлеченія отдѣльныхъ писателей нельзя ставить въ вину всей литературѣ и считать ихъ за ея общее направленіе.

Министръ согласился со мною. Какъ-бы то ни было, а государь требуетъ отъ министра рѣшенія цензурной задачи, а министръ ожидаетъ этого отъ меня. А дѣло въ томъ, что, не смотря на ожиданія однихъ и на заботы другихъ, вещи все-таки пойдутъ въ концу, какъ угодно Творцу. Ясно одно: стѣсненіями не направишь и не сдержишь умовъ, очнувшихся отъ вѣковой дремоты. Это силы нестройныя, не отрезвляемыя ни преданіями, ни вѣрованіями, стремящіяся дѣйствовать безъ твердыхъ убѣжденій, безъ сознательной цѣли — и потому разнузданныя. Соответственное противодѣйствіе онѣ могли-бы встрѣтить только въ той-же литературѣ, которая, предоставленная самой себѣ, конечно, не замедлила-бы изъ своей-же среды выдвинуть противъ нихъ нужныхъ борцовъ и обуздателей.

10. Четвергъ. Вечеромъ докладъ министру по комитету цензурнаго устава. Мы занимались около двухъ часовъ и оба порядочно устали. Да, трудно, очень трудно обезпечить свободу мысли. Мы хотимъ улучшеній и думаемъ, что можемъ достигнуть ихъ безъ помощи общественнаго мнѣнія, посредствомъ той-же бюрократіи, которая такъ погрязла въ крадствѣ. А между тѣмъ, правительству, очевидно, полезнѣе и безопаснѣе союзъ съ печатью, чѣмъ война съ нею. Если наложить на печать путы, она начнетъ дѣйствовать скрытыми путями и сдѣлается недоступною никакому контролю. Никакая сила не въ состояніи услѣдить за тайно подвизающеюся мыслью, раздраженною и принужденною быть лукавою. Вѣдь мы не знаемъ еще, чѣмъ кончится страшная система полицейскаго преслѣдованія мысли и слова во Франціи. Но и тамъ все-таки опредѣленная система, а у насъ хотять позволить и не позволить, стѣснить и не стѣснить.

Сегодня министръ поднялъ мысль объ отвѣтственности журнальныхъ редакторовъ. Онъ думаетъ, что это единственный способъ спасти что-нибудь существенное въ пользу нашей литературы.

18. Пятница. Вслѣдствіе моей телеграфической депеши, сегодня изъ Кіева явился ко мнѣ Н. Р. Ребиндеръ. Онъ пріѣхалъ объяснить съ новымъ министромъ и подать въ отставку тотчасъ, если ему покажется, что на него смотрять несо-всѣмъ благосклонно. Чтò будешь дѣлать съ этимъ благороднымъ, умнымъ, просвѣщеннымъ, но нетерпѣливымъ и раздражительнымъ человѣкомъ. Отъ перваго случая, который не по немъ, онъ становится на дыбы, прячется въ себя и начинаетъ желчныя филиппики противъ всей вселенной. Я старался его успокоить и направить на болѣе мирныя и кроткія размышленія. Онъ ко мнѣ заѣхалъ прямо съ желѣзной дороги.

Былъ у министра. Онъ спѣшилъ въ засѣданіе главнаго правленія училищъ, но все-же не отпустилъ меня безъ толковъ о цензурѣ. Чтò могъ сказать я новаго, помимо повторенія одного и того-же, а именно, что литературѣ необходимо дать болѣе простора; что въ другомъ духѣ нынче и думать нельзя писать устава; что этого требуетъ и справедливость, и политическое благо-разуміе; что если этого не сдѣлать, то пойдетъ въ ходъ писанная литература, слѣдить за которою нѣтъ никакой возможности.

Въ заключеніе министръ еще разъ просилъ меня поусерднѣе заняться цензурнымъ уставомъ, и прибавилъ, что онъ и государю докладывалъ, что дѣло это лежитъ на мнѣ. Государь на это замѣтилъ, что онъ меня знаетъ, и приказалъ поспѣшить уставомъ.

— «Нельзя-ли черезъ мѣсяцъ кончить это?» спросилъ его величество.

Министръ отвѣчалъ, что трудность и важность дѣла не позволяютъ слишкомъ спѣшить, но что будутъ употреблены всѣ мѣры къ его скорѣйшему и успѣшнѣйшему омончанію.

20. Воскресенье. Вечеромъ у графа Блудова, который пригласилъ меня, Давыдова и Веселовскаго на совѣщаніе о надписи на медали, выбиваемой въ честь покойнаго государя. Разговоръ о крестьянскомъ дѣлѣ. Въ 1830 году было уже готово положеніе, заключавшее въ себѣ первый и важный шагъ къ освобожденію, какъ-то: воспрещеніе брать крестьянъ въ дворовые люди, вообще личная свобода. Но Мордвиновъ отсовѣтовалъ императору Николаю обнародовать это постановленіе до возвращенія государя изъ путешествія: онъ собирался тогда

въ Вильну. Это дѣло послѣ затанулось; между тѣмъ, вспыхнула революція во Франціи, а тамъ—въ Польшѣ, и объ освобожденіи крестьянъ уже не было и рѣчи до 1847 года.

Право, нельзя не любить графа Блудова. Какъ онъ свѣжъ умомъ и сердцемъ, не смотря на свои за семьдесятъ лѣтъ! А какая доброта! Чтò нужды, что онъ немножко кокетничаетъ своимъ умомъ и краснорѣчіемъ. Слава Богу, что есть чѣмъ кокетничать.

О Мухановѣ, назначенномъ въ товарищи нашему министру, говорятъ: это человѣкъ не глупый, свѣтски образованный, очень пріятный въ обществѣ. Къ нему весьма благосклонна молодая императрица.

Выговоръ князю Щербатову за пропускъ статьи Кавелина: „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Современника“. Статья противорѣчитъ съ мѣрами освобожденія въ рескриптѣ, почему ее и не пропустилъ цензоръ министерства внутреннихъ дѣлъ. Не смотря на это, князь Щербатовъ позволилъ ее печатать, за что и сдѣланъ ему выговоръ.

Кавелина и Бабста партія (извѣстная) называетъ красными, желая этимъ нагадить В. П. Титову и забрать (дѣло воспитанія наслѣдника Николая Александровича) въ свои руки:

Новый министръ финансовъ, (А. М.) Княжевичъ, испросилъ у государя разрѣшеніе, чтобы позволено было писать и печатать о финансахъ все безпрепятственно, кромѣ опроверженій или возраженій на состоявшіяся уже мѣры и постановленія правительства. Онъ велѣлъ также сдѣлать выговоръ двумъ директорамъ, Ключеву и еще кому-то, за дурное и грубое обращеніе съ чиновниками. Первое умно, второе гуманно, то есть еще разъ умно.

21. Понедѣльникъ. Обѣдалъ у Ребиндера. Послѣ обѣда пришелъ Струговщиковъ. Разумѣется, разговоръ о современныхъ дѣлахъ. Струговщиковъ лѣзетъ изъ себя за Коворева. Журналисты его обругали: Панаевъ и „Сѣверная Пчела“.

Утро провелъ за цензурнымъ уставомъ.

Ошибки и заблужденія тѣмъ и сильны, что въ нихъ всегда есть своя доля истины.

26. Суббота. Напечатаніе статьи Кавелина въ „Современникѣ“ имѣло слѣдующія печальныя послѣдствія: Князю Щерба-

тову сдѣланъ высочайшій выговоръ со внесеніемъ въ послужной списокъ; В. П. Титовъ подалъ въ отставку отъ должности воспитателя наслѣдника; Кавелинъ уволенъ отъ должности преподавателя. Титовъ, говорятъ, потому подалъ въ отставку, что ему изъявлено высочайшее неудовольствіе за выборъ такихъ наставниковъ, какъ Кавелинъ. Впрочемъ, не это главная причина: мѣсяца три тому назадъ напечатано въ Лейпцигѣ, на русскомъ языкѣ, письмо М. П. Погодина къ В. П. Титову, съ совѣтами, какъ воспитывать наслѣдника. Письмо очень рѣзкое. Тогда уже В. П. Титовъ началъ колебаться. Партія, желающая воспитывать наслѣдника въ духѣ прежняго времени, воспользовалась этимъ и нанесла теперь рѣшительный ударъ Титову. Но вообще, во всемъ этомъ дѣйствуетъ другая партія, болѣе общая и сильная, партія, враждебная такъ называемому прогрессу, не желающая ни освобожденія крестьянъ, ни развитія науки, ни гласности, словомъ—никакихъ улучшеній, о которыхъ, послѣ смерти Николая Павловича, такъ сильно начало хлопотать общественное мнѣніе. Главами этой партіи считаются: князь Орловъ, князь Василій Долгорукой и графъ Панинъ. Это, повидимому, и справедливо.

Вечеромъ позвалъ меня министръ къ себѣ. Рѣчь опять о цензурѣ и цензурномъ уставѣ. Возвратясь къ себѣ, я поѣхалъ вмѣстѣ съ Н. Р. Ребиндеромъ къ Языкову. Тамъ встрѣтилъ Рѣдкина и Панаева. Языковъ далъ мнѣ прочесть письмо Погодина. Оно заключаетъ въ себѣ нѣсколько общихъ мѣстъ о воспитаніи вообще, и нѣсколько смѣлыхъ, но несбыточныхъ фантазій о воспитаніи наслѣдника въ особенности. Но главное, тонъ его и нѣкоторыя выраженія, чрезвычайно рѣзкія, какія Погодинъ любитъ раскидывать по бумагѣ безъ оглядки. Величайшею неосторожностью — чтобы не сказать болѣе — было пустить это письмо по рукамъ и довести его до печати. Могли Погодинъ предполагать, что оно произведетъ полезное дѣйствіе на тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находится воспитаніе наслѣдника. Это ругательства, а не совѣты, а извѣстно, что ругательства раздражаютъ только, а не просвѣщаютъ. Удивительны эти господа! Они вопіютъ объ общественной пользѣ, а не хотятъ дѣйствовать такъ, чтобы она была достигнута. Многие считаютъ это храбростью. Но врядъ-ли оно заслуживаетъ этого названія: во время Николая Павловича не много было такихъ храбрецовъ

и такой храбрости. Неужели дѣло только въ томъ, чтобы выразить свои личныя чувствованія, свое негодованіе и пр. Хотите пользы, такъ не дѣлайте вреда. Дѣятель общественный есть лицо отвѣтственное: онъ отвѣчаетъ не только за свои идеи, но и за удобопримѣняемость ихъ. Не трудно возбуждать страсти, но труднѣе ихъ направлять. Эти господа готовы забрызгать васъ грязью съ головы до ногъ, утопить васъ, сжечь, если вы осмѣлитесь имѣть мнѣніе, несогласное съ ихъ мнѣніемъ. Они хотятъ свободы мнѣній своихъ, но не чужихъ.

28. Понедѣльникъ. Сильный холодъ. Всего три градуса тепла. Такъ и пахнетъ снѣгомъ.

Опять на меня навалилась куча дѣлъ: цензурный уставъ, записка о проектѣ учебныхъ заведеній по военному министерству.

Ребиндеръ уѣхалъ вчера. Мы дружески съ нимъ простились въ субботу еще, въ каретѣ, возвращаясь отъ Языкова. Онъ завезъ меня домой.

Вечеръ у законоучителя университетскаго Янышева (Ивана Леонтьевича). Это очень умный и образованный священникъ и прекраснаго сердца. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ заграницею, священникомъ при нашей висбаденской церкви, и успѣлъ сдружиться съ наукою и съ европейскою образованностью. Его православіе есть высокое и святое христіанское вѣрованіе. Вообще наши заграничные священники дѣлаютъ намъ честь. Я знаю трехъ или четырехъ, и всѣ они люди просвѣщенные и достойные уваженія. Я провелъ вечеръ у Янышева въ пріятной бесѣдѣ вмѣстѣ съ моими благородными учениками (О. Θ.) Миллеромъ и Дашковымъ. Но выйдя отъ него, мы встрѣтили проливной дождь и страшный вѣтеръ; ни одного извозчика, — пришлось идти пѣшкомъ отъ Калинкина моста. Я возвратился домой почти въ часъ ночи.

Говорили, между прочимъ, объ отличительной чертѣ нравственнаго христіанскаго идеала — о любви. Я сказалъ, что любовь не есть добродѣтель, а талантъ и блаженство. Ее нельзя вмѣнять въ заслугу и нельзя достигнуть преднамѣренно.

30. Среда. Занятіе въ совѣтѣ. Разсматривался проектъ устава университета. Куторга 2-й выходилъ изъ себя, доказывая, что исторію нынче нельзя писать, не усвоивъ себѣ древнихъ критикъ, и что ни одинъ новѣйшій историкъ ничего не значитъ въ сравненіи съ Фукидидомъ. Ему говорили, я и другіе, что новѣй-

шій историкъ долженъ знать и изучать древнихъ историковъ, но что писать исторію можно и даже должно не по ихъ воззрѣніямъ и анализу. Онъ стоялъ упорно на своемъ и требовалъ, чтобы въ распредѣленіи факультетскихъ предметовъ по историческому разряду греческая филологія считалась предметомъ не дополнительнымъ, а обязательнымъ. Совѣтъ почти единогласно рѣшилъ противное, съ чѣмъ согласился и попечитель, предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ.

Я назначенъ членомъ комиссіи для окончательнаго разсмотрѣнія университетскаго устава.

Май 4. Воскресенье. Прочиталъ я вышедшіе въ свѣтъ три тома „Исторіи Петра Великаго“, Устрялова, доведенной до начала сѣверной войны, и убѣдился, что „Исторіи Петра Великаго“ у насъ все еще нѣтъ. Автору были открыты государственные архивы; онъ собралъ много матеріаловъ, сгруппировалъ ихъ и привелъ въ извѣстный порядокъ,—а исторіи все-таки не написалъ. Чтобы понять Петра Великаго, его реформу и необходимость ея для Россіи, надобно было прежде всего дать полную картину положенія Россіи въ концѣ XVII столѣтія, а не изображать одни стрѣлцкіе бунты, какъ это сдѣлалъ Устряловъ. Бунты эти составляютъ одно изъ проявленій состоянія вещей въ Россіи, но далеко не все. Тутъ было великое броженіе разнородныхъ стихій — азіатскіе варварскіе нравы съ чертами русскаго добродушія и простоты; грубое и глубокое невѣжество, смущенное вторженіемъ иноземныхъ понятій; темные и безсознательные порывы къ чему-то лучшему; литература и искусство, каковы-бы они ни были; законодательство и администрація, сложившіяся не въ силу здравыхъ понятій о государственной безопасности и благоденствіи, а образовавшіяся въ видѣ накипей, выбрасываемыхъ изнутри на поверхность народной жизни случайными событіями и нуждами; церковь въ борьбѣ съ расколомъ и проч. Все это въ концѣ XVII столѣтія составляло нашу нестройную, полу-дикую, мятежную и тревожную общественность, съ уже явными на ней признаками на неизбѣжный переворотъ. Устряловъ этого не понялъ и не выразилъ. Онъ начинаетъ съ ссылки на извѣстное сочиненіе Карамзина (мимоходомъ сказать, краснорѣчивое, но слабое по мысли и изслѣдованіямъ) „О старой и новой Россіи“, и дѣлаетъ бѣглый очеркъ государственнаго

состоянія Россіи, которое, судя по Устрялову, было очень хорошо: „цари не были деспотами; передъ закономъ всѣ были равны; законы и управленія премуудрые; мужи совѣта, бояре, украшенные сѣдинами, судили и рядили, дѣлали и говорили одну правду, думали только объ общественномъ благѣ и никого не угнетали“. Между тѣмъ, во всемъ была неурядица; вездѣ невѣжество; никакой промышленности; политическое безсиліе, доходившее до того, что мы еще платили дань татарамъ и не разъ трепетали отъ нихъ въ Москвѣ. Какъ-же согласить одно съ другимъ? Вы ожидаете, что авторъ самъ себѣ задастъ этотъ вопросъ и постарается рѣшить его. Ничуть не бывало. Соединивъ эти два несовмѣстимыя положенія вещей, онъ преспокойно отправляется въ свой историческій путь и начинаетъ заниматься стрѣльцами и Софіею, а читателя предоставляетъ собственнымъ выводамъ и заключеніямъ. Слогъ тоже не удовлетворителенъ. Въ немъ явное подражаніе карамзинской манерѣ, отчего выходитъ старинная пухлая риторика, чистенько прибранная, но нестерпимая въ наше время. Притомъ, ни одной яркой характеристики, ни одного живаго образа. Все гладко и плоско, не исключая и самого Петра, который и въ ребячествѣ, и въ юношескомъ возрастѣ является безъ образа и фізіономіи, тогда какъ въ приложеніяхъ множество матеріала, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ.

7. Среда. Вчера былъ у меня генераль Даненбергъ. Кажется, это почтенный и добрый человѣкъ. У него хорошіе виды по части военной администраціи, напримѣръ, чтобы стоящихъ на очереди въ рекруты мальчиковъ съ 14-ти лѣтъ опредѣлять въ училища, гдѣ-бы они подготовлялись къ будущему своему званію и получали нѣкоторое общее образованіе. Срокъ службы для нихъ онъ полагаетъ десять лѣтъ.

8. Четвергъ. Вчера цѣлый день занимался несносною запискою по комитету объ учрежденіи учебныхъ заведеній въ военномъ министерствѣ. Тутъ было пропасть мозголомной работы. Записка можетъ пойти къ государю. Сегодня кончилъ ее и прочиталъ генералу Даненбергу, который очень ее одобрилъ. Мы съ нимъ сошлись во многихъ взглядахъ.

Вечеромъ до девяти часовъ въ комитетѣ, разсматривающемъ проектъ университетскаго устава. Это трудъ, кажется, какъ и многіе другіе подобнаго рода, на вѣтеръ. Такія улучшенія уни-

верситета, какія мы предполагаемъ—чистая утопія. У насъ нѣтъ еще твердаго убѣжденія въ томъ, что наукѣ нужны и просторъ, и средства, и уваженіе ея интересовъ. Напрасно обрадовались нѣкоторые, что вотъ, дескать, теперь настоящее торжество науки: мы далеки еще отъ этого торжества. Оно наступитъ тогда, когда будутъ оказывать ей почести не на словахъ, а въ сердцахъ; когда ее не будутъ считать только потребностью государства, а потребностью человѣческой природы.

Въ десятомъ часу вечера я поѣхалъ къ графу Блудову. Бѣдный и благородный старецъ въ продолженіи мѣсяца видимо измѣнился; онъ приближается къ закату. Онъ ѣдетъ въ Виши, по приказанію врачей и настоятельному желанію государя. Дай Богъ еще пожить ему нѣсколько лѣтъ. Это человѣкъ съ сердцемъ, съ просвѣщеннымъ умомъ, съ жаркою, непритворною любовью ко всему прекрасному и благому. Я считаю для себя за дорогой даръ судьбы мое сближеніе съ нимъ въ продолженіи послѣднихъ трехъ, или около трехъ лѣтъ. Не было недѣли, чтобы я разъ, а иногда два, не обѣдалъ у него и не проводилъ вечера. Онъ любилъ бесѣдовать со мной о литературѣ и разныхъ современныхъ общественныхъ вопросахъ. Умъ его сохранилъ все сіяніе лучшаго періода жизни, а сердце его—теплоту. Память его удивительна: онъ помнитъ не только все крупное, замѣчательное изъ того, что читалъ, что видѣлъ, изучалъ и слышалъ, но и мельчайшія подробности, имена, числа. Послѣ каждой моей съ нимъ бесѣды я уносилъ съ собою какое-нибудь новое свѣдѣніе, умъ освѣженный и сердце, примиренное съ человѣкомъ. А мы можемъ скоро его лишиться: онъ примѣтно угасаетъ. Кто-же намъ замѣнитъ его? Увы! Опять повторяю: это былъ въ настоящее время чуть-ли ни единственный человѣкъ изъ высокопоставленныхъ лицъ, въ душѣ котораго находили себѣ надежное убѣжище всякая свѣтлая мысль, всякій высшій общественный интересъ; который понималъ и умомъ, и сердцемъ самые нѣжные и тонкіе оттѣнки всего лучшаго въ жизни, въ наукѣ, въ человѣческомъ сердцѣ.

— „Мы еще увидимся до отъѣзда моего, сказалъ онъ мнѣ съ обыкновеннымъ своимъ добродушіемъ; — я ѣду еще черезъ недѣлю“.

На вечерѣ сегодня было много дамъ въ необъятныхъ своихъ

кринолинахъ. Кочетова и Грюнбергъ пропѣли очень мило нѣсколько вещицъ. Я разговаривалъ съ (П. К.) Щебальскимъ, который прѣхалъ сюда на нѣсколько дней изъ Москвы; съ Ѳ. И. Тютчевымъ— о цензурѣ; съ княземъ Вяземскимъ, съ И. Д. Деляновымъ, Ковалевскимъ и съ И. И. Давыдовымъ.

9. Пятница. Мы переѣхали на дачу, въ Павловскъ. Пора! Зеленъ уже пробилась на деревьяхъ; тепло. Впрочемъ, я ошибся: сегодня стало уже холоднѣе, а тамъ, пожалуй, по законамъ петербургскаго климата, и до снѣга не далеко.

Вечеромъ, между прочимъ, были (А. Н.) Майковъ и (П. К.) Щебальскій, авторъ „Царевны Софіи“.

Три вещи преимущественно занимаютъ мыслящихъ людей нашего времени въ Россіи: освобожденіе крестьянъ, или такъ называемый крестьянскій вопросъ, печатная гласность и публичное судопроизводство. Нельзя не признаться, что это три самыя насущныя потребности общества, которое не хочетъ и не можетъ уже возвратиться къ николаевскому времени. Правительство колеблется, ультра-консерваторы пятятъ все назадъ. Правительство напрасно колеблется: изъ всѣхъ системъ самая худшая—не держаться никакой системы, думать, что авось все уладится само собою. Ультра-консерваторы дурно дѣлаютъ, что хотятъ невозможнаго: ибо невозможно идти назадъ. Если они хотятъ только затянуть дѣло, то и это неосновательно. Что они этимъ выиграютъ, или что выиграетъ общество? Но объ обществѣ они не думаютъ. Это эгоисты, которымъ хотѣлось-бы, если-бы они могли, остановить самое солнце въ его теченіи, единственно потому, что оно не имъ однимъ свѣтитъ.

Въ настоящую минуту эта партія сильна; она низвергла В. П. Титова..... Она дѣйствуетъ запретительно на печать. Она затягиваетъ рѣшеніе вопроса крестьянскаго.

Великій князь Константинъ Николаевичъ пользуется репутацией защитника и главы партіи всѣхъ мыслящихъ людей— главы такъ называемаго прогресса.

14. Среда. Собрался было вечеромъ ѣхать въ комитетъ о разсмотрѣннн университетскаго устава; совсѣмъ одѣлся, но почувствовалъ себя дурно.

17. Суббота. Мнѣ лучше. Поутру былъ у князя Щербатова. Неутѣшительный разговоръ о современныхъ дѣлахъ. Въ

главномъ правленіи училищъ генераль-губернаторъ напалъ на несчастные листки, которыхъ развелось нынѣ множество, и которые продаются на улицахъ по пяти копѣекъ. Это его пугаетъ. Между тѣмъ, въ этихъ листкахъ нѣтъ ничего ни умнаго, ни опаснаго; имъ строго воспрещено печатать что-нибудь относящееся къ общественнымъ вопросамъ. Это пустая болтовня для утѣхи гостинодворцевъ, грамотныхъ дворниковъ и пр. Одинъ господинъ литераторъ и мнѣ говорилъ, что ихъ слѣдовало-бы запретить.— „Зачѣмъ?“ отвѣчалъ я. Конечно, это вздоръ, но онъ приучаетъ грамотныхъ людей къ чтенію; все-таки это лучше кабака и харчевни. Между тѣмъ, отъ вздорнаго они, мало по малу, перейдутъ и къ дѣльному. Вѣдь и хлѣбъ вырастаетъ изъ навоза. Да и что это за система—все запрещать! Къ чему только протянетъ руку русскій человѣкъ самымъ невиннымъ образомъ, тотчасъ и бить его по рукамъ. Вѣдь и въ старину издавались-же для народа лубочныя картины съ разными разсказами и сказками! Но наши великіе администраторы во всемъ видятъ опасность.

20. Вторникъ. Съ субботы на дачѣ и занимаюсь цензурнымъ уставомъ.

22. Четвергъ. Привезли сегодня изъ города множество разныхъ призывовъ въ комитеты, въ томъ числѣ и отъ министра приглашеніе явиться къ нему; письма и пр. Словомъ, въ эти дни, которые я провожу здѣсь (въ Павловскѣ), накопилось множество дѣлъ, требующихъ моего присутствія въ городѣ. А между тѣмъ, я борюсь съ врагомъ упорнымъ и коварнымъ—моимъ недугомъ.

Къ обѣду пріѣхалъ М. Н. Любоцинскій и привезъ разныя непріятныя извѣстія, о томъ, что по предложенію Панина дѣлать Россію на военныя генераль-губернаторства; что въ уѣздахъ учреждаются военныя начальства; что на печать страшно налагають, и пр. Словомъ, изъ мнимыхъ бѣдъ, которыя повсюду видятъ наши толкатели назадъ, они навлекають на насъ и на себя много не мнимаго зла.

24. Суббота. Утро. Прекрасный день, по крайней мѣрѣ съ начала. Но „впредь утро похвали, какъ вечеръ ужъ наступить“.

Маркъ Николаевичъ Любоцинскій пишетъ, что онъ былъ у министра и передалъ ему о моей болѣзни. Министръ сказалъ, что государь очень спѣшитъ цензурнымъ уставомъ.

Вечеромъ прїѣхалъ ко мнѣ чиновникъ изъ военнаго министерства съ извѣстіемъ, что записка моя представлена была военнымъ министромъ государю, при объясненіи, что онъ совершенно согласенъ со мной. Государь написалъ, что онъ вполне раздѣляетъ представленное ему мнѣніе. О мнѣніяхъ Васильчикова и Булгакова его величество выразился очень неблагоклонно, особенно о послѣднемъ.

• Занимался весь день уставомъ. Во вторникъ думаю отвезти министру.

25. Воскресенье. Прїѣхалъ изъ города (О. Θ.) Миллеръ. Былъ С. И. Барановскій, ѣдущій въ Парижъ заказывать по своему проекту вагонъ для желѣзной дороги, который долженъ двигаться не парами, а воздухомъ. Ему какая-то компанія дала для этого десять тысячъ рублей серебромъ.

Работалъ надъ уставомъ. Голова свѣжа, только къ вечеру стала немного тяжела. Ходить много не могу. День свѣтлый и теплый.

26. Понедѣльникъ. Былъ у министра. Государь сильно спѣшитъ цензурнымъ уставомъ, полагая, что онъ всяческая по цензурѣ устроить и вся таковая будетъ управлять. Мы, какъ говорится, на попятный дворъ. Это замѣтно и относительно печати, и относительно многого другаго. Жаль, очень жаль. Много еще будетъ испытано ненужныхъ бѣдствій.

28. Среда. На дачѣ. Прекрасные дни. Май—прелесть, отлично ведетъ себя. Роскошная зелень, благоуханіе цвѣтущихъ великолѣпно яблонь и сиреней, пѣніе соловья, солнце, теплота — все это вмѣстѣ составляетъ настоящую роскошную, не петербургскую весну. А у меня все-таки болитъ голова.

29. Четвергъ. Въ городѣ. Засѣданіе въ академіи и разныя другія дѣла. На Невскомъ проспектѣ и на Исаакіевской площади большая суматоха—приготовленія къ завтрашнему дню, къ освященію Исаакіевского собора. Передъ отъѣздомъ моимъ на дачу въ семь часовъ вечера, я получилъ отъ церемоніальной экспедиціи два билета на входъ въ церковь и одинъ кучерской на проѣздъ къ собору. Но воспользоваться ими я не могу. Церемонія начнется завтра въ десять часовъ утра, а ѣхать туда, чтобы попасть въ рядъ каретъ, надобно въ девять; а изъ Павловска поѣздъ желѣзной дороги идетъ въ четверть девятаго. А карета? Ея не достанешь теперь за пятьдесятъ рублей.

31. Суббота. Въ городѣ, въ засѣданіи академіи.

Въ Исаакіевскомъ соборѣ въ день освященія было очень мало публики. Билеты разосланы были только четырехъ-класснымъ.

Запрещено употреблять въ печати слово прогрессъ. Въ самомъ дѣлѣ, это бессмысленное слово въ приложеніи къ XIX-му вѣку, который утописты превозносятъ до небесъ, обѣщая, что онъ родитъ чудеса прогресса. Хорошъ прогрессъ, когда Европа, среди политическихъ страшныхъ бурь, черезъ потоки крови, добралась, наконецъ, до Наполеона III, который тридцать семь милліоновъ образованнаго, прогрессивнаго и, какъ говорится, великаго народа отдалъ подъ надзоръ полиціи. И у насъ тоже хорошъ прогрессъ своего рода, когда даже запрещается употреблять это слово.

У насъ поворотъ назадъ становится очевиднымъ изъ нѣкоторыхъ мѣръ, напримѣръ: изъ военнаго управленія, которому предается Россія, по примѣру Франціи, изъ цензурныхъ стѣсненій и пр.

Іюнь 1. Воскресенье. Вечеромъ въ вокзалѣ встрѣтилъ О. И. Тютчева. Весьма интересный разговоръ о нынѣшнемъ состояніи дѣлъ.

5. Четвергъ. Въ городѣ. Представилъ министру перебѣлennыя тетради цензурнаго устава. Положено, чтобы пояснительная записка и все прочее было готово къ возвращенію государя изъ Архангельска, куда ѣдетъ онъ 12-го и черезъ 18 или 19 дней будетъ обратно.

Я говорилъ съ министромъ много о цензурѣ и предложилъ ему мысль, что прежде, нежели нашъ уставъ пойдетъ въ государственный совѣтъ, представить его при пояснительной запискѣ государю. Въ этой-то запискѣ теперь вся сила. Министръ одобрилъ всѣ мои предположенія.

7. Суббота. Обѣдалъ въ ресторанѣ Донона вмѣстѣ съ нѣсколькими литераторами — Тургеневымъ, Некрасовымъ, Панаевымъ, Чернышевскимъ и пр. Тутъ былъ также недавно пріѣхавшій изъ заграницы художникъ Ивановъ. Много было говорено, но ничего особенно умнаго, и ничего особенно глупаго. Пили немного. Языковъ, по обыкновенію, былъ полонъ юмора.

9. Понедѣльникъ. Новый обѣдъ у Донона—прощальный

князю Щербатову, который подалъ въ отставку. Я пригото-вилъ было, по желанію нѣкоторыхъ изъ собесѣдниковъ, неболь-шой спичъ, но князь просилъ, для предупрежденія всякихъ толковъ, не читать его, а взять его на память себѣ. Обѣдъ былъ грустенъ.

12. Четвергъ. Навѣстилъ меня Скрипицынъ, недавно прїѣхавшій изъ заграницы, гдѣ онъ провелъ два года. Онъ нигдѣ не служить. Рассказывалъ мнѣ о свиданіи своемъ съ Муравьевымъ, министромъ государственныхъ имуществъ. По словамъ его, у Муравьева очень хорошія намѣренія. Онъ увѣрялъ, что крестьянскаго дѣла поворотить назадъ нельзя.

Но что за человекъ самъ Скрипицынъ? Я знакомъ съ нимъ лѣтъ пятнадцать и порядочно его знаю. Онъ сильно тѣс-нилъ католиковъ, когда былъ директоромъ департамента ино-странныхъ исповѣданій; онъ заклятый врагъ нѣмцевъ, не потому, что они нѣмцы, а потому, что дѣлаютъ изъ себя преданныхъ слугъ лица, а не Россіи. Онъ поборникъ чистаго русскаго эле-мента. Скрипицынъ уменъ, но мало или легко образованъ, какъ почти всѣ наши умные люди. Умъ его подвиженъ и скоръ, но не обширенъ и не глубокъ. Это умъ скорыхъ мѣръ и интриги. Схватившись за какую-нибудь идею, онъ развиваетъ ее быстро, дѣлаетъ изъ нея сѣтъ, накидываетъ ее на вещи и лица и тянетъ ее изо всѣхъ силъ, не вида, что она рвется, и что тогда изъ прорѣхъ ея вываливаются эти вещи и лица, сперва захвачен-ныя, повидимому, довольно удачно. Онъ кокетничаетъ своимъ умомъ. Ему, собственно говоря, нѣтъ дѣла до успѣха своихъ замысловъ, лишь-бы ему дали время и возможность принять нуж-ную, по его мнѣнію, умственную позу. Недоброжелатели Скри-пицына, мнѣ кажется, совершенно несправедливо ославили его человекомъ нечестнымъ и злымъ. Онъ далеко не такой безза-стѣнчивый и готовый на все для своего возвышенія честолю-бецъ, какъ Войцеховичъ, ни такой дѣлецъ-пріобрѣтатель, какъ Позень. Онъ человекъ идеи, и это даетъ ему большой перевѣсъ надъ тѣми умными и способными людьми нашего чиновничьяго міра, которые смотрѣли или смотрятъ въ министры, считая каждое министерство своимъ дѣломъ.

16. Понедѣльникъ. Ѣздилъ поутру въ городъ, былъ въ редакціи, отдалъ въ академію записку о пьесахъ, поступив-

шихъ на соисканіе Уваровской преміи. Одна пьеса: „Столѣтіе въ лицахъ“, комедія, другая — драма: „Донось при Петрѣ I“; обѣ ничтожныя вещи.

22. Воскресенье. Къ обѣду пріѣхали люди мнѣ пріятные: М. Н. Любоцинскій, Ив. Ив. Домонтовичъ, К. И. Рудницкій и двоюродный братъ его, возвратившійся изъ заграницы, Марковскій, который жилъ тамъ почти все время по выпускѣ изъ университета. Всѣ они изъ тѣхъ людей, которые не напрасно учились и сохранили въ себѣ все благородное и прекрасное, что дается высшею наукою.

Я немного ожилъ въ обществѣ этихъ добрыхъ людей.

23. Понедѣльникъ. Въ городѣ. Конференція въ римско-католической академіи.

24. Вторникъ. Вечеромъ пошелъ на бенефисъ Штрауса; слушалъ, между прочимъ, маленькихъ скрипачей Ратчекъ; ихъ два брата и сестра, которая играла также на скрипкѣ. Выдрессированы они очень хорошо. Но неужели это искусство, гдѣ исполнители ни умомъ, ни сердцемъ не въ состояніи достигнуть до мысли, которую должны выразить. Это чистая механика, основанная на физическихъ средствахъ—на слухѣ и на трудѣ, безъ сомнѣнія, безсознательномъ и принудительномъ.

Я не дождался конца бенефиса и заѣхалъ по дорогѣ въ С., у котораго и просидѣлъ съ часъ.

Утромъ заѣзжала Марья Павловна Сумарокова съ визитомъ. Она говорила, между прочимъ, о воспитателѣ наслѣдника Гриммъ, съ которымъ хорошо знакома. Она увѣряла, что Гриммъ совершенно непричастенъ къ увольненію В. П. Титова и К. Д. Кавелина. О послѣднемъ Гриммъ даже говорилъ государю въ весьма хорошемъ смыслѣ, но его величество рѣшительно объявилъ, что онъ не хочетъ, чтобы Кавелинъ преподавалъ наслѣднику.

26. Четвергъ. Въ городѣ. Засѣданіе въ академіи, послѣднее передъ каникулами.

Іюль 2. Среда. Былъ сегодня у министра. Онъ меня благодарилъ за проектъ цензурнаго устава и отпустилъ на двѣ недѣли. По пріѣздѣ моемъ положено пустить дѣло въ ходъ при моей пояснительной запискѣ, которую кончу у брата въ Корчевѣ. Итакъ, я ѣду; изъ Корчевы, если станетъ желанія и рѣшимости, проѣду въ Москву.

Лѣто превосходное; ни одного неблагопріятнаго дня. Было нѣсколько небольшихъ теплыхъ и отрадныхъ дождей.

5. Суббота. Корчева, Тверской губерніи. Вчера, въ двѣнадцать часовъ дня, выѣхали мы изъ Петербурга, по московской желѣзной дорогѣ, и сегодня, въ половинѣ девятаго утра, пріѣхали въ Корчеву. Взявъ отъ желѣзной дороги въ сторону, мы въ какомъ-то допотопномъ экипажѣ тряслись по гнуснѣйшей дорогѣ, извивавшейся по самой печальной мѣстности. Это обширная болотистая и лѣсистая пустыня, гдѣ только изрѣдка мелькаютъ жалкія деревушки. Даже Волга не краситъ ее. А что касается до самой Корчевы, то это пародія на городъ. Мнѣ даже жутко стало отъ мысли, что я здѣсь проведу нѣсколько времени; но скоро нашель утѣшеніе въ семьѣ, гдѣ пріютился.

8. Вторникъ. Эта бѣдная Корчева скучна, какъ могила. Она бѣдна, грязна, безтолкова. Но, конечно, если поискать хорошенько, то и въ ней найдешь отрадныя исключенія. Вотъ и я наткнулся на одно изъ нихъ, въ лицѣ здѣшняго штатнаго смотрителя училищъ. Онъ очень порядочный и развитой человѣкъ; написалъ два руководства къ преподаванію геометріи и ариметики. Я взялъ ихъ у него, чтобы показать въ Петербургѣ специалистамъ: нельзя-ли дать имъ ходъ и тѣмъ помочь бѣдному, трудолюбивому человѣку.

Но положеніе Корчевы, тѣмъ не менѣе, остается крайне непригляднымъ. Около—ни рошцъ, ни полей. Волга лежитъ въ грязи и, смотря на нее, удивляешься, какъ такая почтенная рѣка, матушка и кормилица многихъ губерній, рѣшается пролагать себѣ путь по этому гнусному болоту. Прилично-ли такой знаменитой рѣкѣ вѣдаться съ такими скучными берегами, да еще держать у себя на плечѣ эту Корчеву, съ ея кабаками и пьянымъ народомъ.

10. Четвергъ. Ѣздилъ въ деревню Устья, помѣщица которой претипичная барыня. Она побывала за границей, вывезла отсюда необъятныхъ размѣровъ кринолинъ, страсть къ мотовству, рѣзкость сужденій о Наполеонѣ III, о Парижѣ, о Швейцаріи, объ эмансипаціи—и презрѣніе ко всему своему родному. Кромѣ того, у нея погребъ отлично снабженъ шампанскимъ, и она не щадитъ его.

Вечеромъ пили чай въ заустѣломъ саду помѣщика Гурьева,

доживающаго въ Москвѣ остальные двѣ тысячи душъ огромнаго имѣнія.

Вообще въ провинціи видишь и слышишь мало утѣшительнаго. Плутни, злоупотребленія въ дѣлахъ правосудія и администраціи здѣсь еще въ полной силѣ. Въ простомъ народѣ особенно непріятно поражаетъ повальное пьянство.

14. Понедѣльникъ. Сегодня послѣдній день въ Корчевѣ. Послѣдніе дни прошли однообразно, но пріятно. Мы сдѣлали нѣсколько дальнихъ прогулокъ, которыя въ значительной степени примирили меня съ здѣшнею мѣстностью. Мы ѣздили за Волгу, въ лѣсъ, на опушкѣ котораго, въ виду роскошной нивы, пили чай на травѣ. Не знаю, всегда-ли здѣсь такъ, но въ нынѣшнемъ году нивы поражаютъ обѣщаніями богатѣйшихъ жатвъ, а поля покрыты густою, сочною травою, очевидно, вскормленною и взлѣблянною Волгою. Тѣмъ досаднѣе на Корчеву, которая не сумѣла свить себѣ здѣсь болѣе опрятнаго гнѣзда.

Во время сегодняшней прогулки насъ застигла сильная гроза. Она внезапно налетѣла вмѣстѣ съ страшною бурей, которая у насъ на глазахъ повалила дерево. Къ счастью, мы въ это время проѣзжали маленькую деревушку, гдѣ могли укрыться отъ ливня и переждать грозу.

16. Среда. Я—дома. Вчера я прочелъ книгу, которая навела меня на грустныя размышленія.

Какъ безограндно становится, когда вспомнишь, какъ мало еще сдѣлались люди христіанами, какъ мало примѣняютъ они христіанство въ жизни. Книга, о которой я говорю, озаглавлена: „О сельскомъ духовенствѣ въ Россіи“. Ее писалъ глубокій знатокъ этого предмета, очевидно, священникъ, а напечатана она за границею. Ужаснѣйшая картина положенія нашего духовенства! Говорятъ, эту книгу представляли митрополиту и другимъ духовнымъ властямъ. Они разгнѣвались и назвали все это клеветою. Одинъ Бажановъ былъ другаго мнѣнія ¹⁾).

31. Четвергъ. Сегодня въ городѣ на такъ называемой студентской сходкѣ, гдѣ студенты толкуютъ о своемъ сборникѣ и

¹⁾ Авторъ книги «О сельскомъ духовенствѣ»—священникъ въ городѣ Калазинѣ, Тверской губ., о. Іоаннъ Степановичъ Белюстинъ, умеръ тамъ-же въ 1890 г. Книга была издана въ 1858 г. за границею, какъ говорятъ, М. П. Погоднымъ, и надѣлала большаго шума у насъ въ Россіи. Ред.

объ оказаніи пособія своимъ товарищамъ. Дѣло хорошее, особенно послѣднее, но, къ сожалѣнію, молодые люди упускаютъ изъ виду главные предметы своихъ собраній и пускаются въ разсужденія о предметахъ, для вѣрнаго сужденія о которыхъ имъ слѣдуетъ еще серьезно поучиться и подумать.

Завтра совѣтъ университета—надо ночевать въ городѣ. 4-го августа начинаются пріемные экзамены. Значить—конецъ антракту. Одѣвайся опять въ доспѣхи и готовься къ борьбѣ съ людьми и событіями.

Августъ 2. Суббота. Засѣданіе въ академіи наукъ. Вечеромъ поѣхалъ на Каменный островъ, къ А. М. Княжевичу, котораго не видалъ еще со времени назначенія его министромъ финансовъ. Мы долго гуляли съ нимъ на Елагиномъ островѣ; напившись у него чаю, въ одиннадцать часовъ я возвратился домой.

4. Понедѣльникъ. Пріемные экзамены въ университетѣ. Остался ночевать въ городѣ.

5. Экзамены. Огромный приливъ желающихъ поступить въ университетъ. Большинство приготовлено дурно — не развито, мало знаній. Много поляковъ, нѣмцевъ, иностранцевъ; эти еще лучше, такъ-же, какъ и тѣ, которые учились въ гимназіяхъ. Но юноши домашняго приготовленія — это сѣрое полотно, вытканное перстами маменекъ подъ надзоромъ мудрыхъ папенокъ. Но я, кромѣ самыхъ негодныхъ, никому не затворилъ дверей въ университетъ: при маломъ знакомствѣ съ наукою у насъ, и то недурно, что будетъ побольше людей, которымъ она хоть сколько-нибудь западетъ въ умъ. Все-таки четыре года они будутъ слышать человѣческія рѣчи. Вѣдь они не провели-бы ихъ полезнаѣ, не пошли-бы учиться ремесламъ, а полѣзли-бы въ чиновники, въ офицеры.

Большая часть идетъ по камеральному отдѣленію; изъ 250 человѣкъ одинъ нашелся охотникъ по историко-филологическому факультету.

7. Получилъ отъ министра императорскаго двора графа Адлерберга отношеніе, что государю императору, по его докладу, угодно назначить меня членомъ комиссіи о преобразованіи управленія театровъ.

8. Сегодня, кажется, конецъ краснымъ и прекраснымъ

днямъ. Сумрачное и холодное утро. Облака строго осенняго цвѣта.

12. Первое засѣданіе въ комиссіи о преобразованіи театровъ. Читаны историческіе документы прежняго управленія. Страшные дефициты, плутовство, и тщетныя усилія правительства отвратить и то, и другое.

13. Петръ Петровичъ Татариновъ при смерти, отъ холеры. Сегодня я былъ у него; онъ и не думаетъ умирать, а между тѣмъ, лицо и голосъ его уже отмѣчены страшными гробовыми признаками.

14. Сегодня былъ въ городѣ, въ засѣданіи академіи и въ театральной комиссіи, и возвратился домой въ половинѣ пятаго. Только-что ступилъ я на дебаркадеръ въ Павловскѣ, какъ раздался чей-то голосъ: „Павловскъ горитъ!“ Но тутъ меня встрѣтили домашніе и постыжили успокоить, что пожаръ не на нашей сторонѣ, а въ Конюшенной и Госпитальной улицахъ. Проѣхать нельзя было мимо этихъ улицъ и мы отправились пѣшкомъ по парку. Я все-таки заглянулъ на пожаръ: да, это огромный пожаръ. Цѣлые два квартала горятъ.

Я пообѣдалъ и опять пошелъ на пожаръ; онъ еще продолжался. Къ восьми часамъ вечера его, наконецъ, потушили.

Татариновъ умеръ.

Сгорѣло шестнадцать домовъ.

15. Былъ утромъ на панихидѣ у бѣдняги Татарина. Ему было, однако, семьдесятъ лѣтъ. Но всѣ привычки его не показывали вовсе этого.

Дни совершенно іюньскіе, даже съ іюньскими вечерами и утрами. Но дымъ отъ горящихъ кругомъ лѣсовъ и торфа наполняетъ воздухъ страшнымъ смрадомъ и мглою. Дождя—ни капли.

19. Въ Петербургѣ страшное происшествіе. Въ окрестностяхъ Петербурга, верстахъ въ пяти отъ Выборгской стороны, на Пороховыхъ заводахъ, взорвало до 1.800 пудовъ пороха. Можно себѣ представить, что изъ этого произошло. Многіе дома на Выборгской сторонѣ, на Черной рѣчкѣ и во многихъ ближайшихъ къ Невѣ мѣстахъ были потрясены, какъ отъ удара землетрясенія; въ домахъ разбиты окна, а на самыхъ заводахъ, говорятъ, послѣдовало страшное разрушеніе. Убитыхъ или разорванныхъ на части людей, по умѣреннымъ извѣстіямъ, до сорока;

раненыхъ около того. Взрывъ послѣдовалъ въ восемь часовъ утра; я былъ еще въ Павловскѣ и не слышалъ ничего; но въ Петербургѣ, въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ города, его чувствовали, болѣе или менѣе. Вообще нынѣшнее лѣто у насъ много бѣдъ: вездѣ пожаръ лѣсовъ и, что ужаснѣе всего, пожаръ торфа, отчего погибли многія деревни. На московской желѣзной дорогѣ сгорѣла станція и на нѣсколько верстъ сгорѣла деревянная настилка самой дороги, такъ что принуждены были остановить поѣзда. Вотъ уже почти мѣсяцъ, какъ мы въ Павловскѣ буквально тонемъ въ густыхъ облакахъ дыма отъ горящаго вокругъ торфа. Солнце и луна показываются на горизонтѣ въ видѣ раскаленныхъ шаровъ, безъ лучей. Право, не комета-ли ужъ насъ затрогиваетъ? Мы не видѣли ее еще за тучами дыма. Между тѣмъ, погода прекраснѣйшая.

20. Въ Петербургѣ. Дополнительные приѣмные экзамены въ университетѣ.

25. Въ городѣ. Засѣданіе въ совѣтѣ университета. П. грубо оборвалъ профессора Н. за то, что тотъ выразилъ свое мнѣніе по поводу одного, впрочемъ неважнаго, дѣла. Но какъ у него громозвучный голосъ, то онъ выразилъ его этимъ голосомъ, впрочемъ, безъ всякой кому-либо обиды. П. кривнулъ на него: „Что вы такъ кричите? Неужели вы этого не понимаете“... и пр. Это вызвало изъ устъ профессора Н. отвѣтъ благородный, умный, твердый, которымъ онъ уничтожилъ П. и заставилъ его замолчать.

Никто въ Россіи не выноситъ своего величія. Это грустно, но несомнѣнно.

30. Что касается до крестьянскаго дѣла, то только тупые или безнадежно злые люди могутъ сомнѣваться въ необходимости такъ называемой эмансипаціи.

Сейчасъ опять съ пожара. Едва успѣлъ потухнуть первый какъ вотъ и второй; онъ вспыхнулъ рядомъ съ первымъ, только немного повыше, и завладѣлъ цѣлымъ кварталомъ.

Шестнадцать домовъ въ пламени.

У меня обѣдало нѣсколько моихъ знакомыхъ, по случаю моихъ именинъ. Теперь они всѣ разбрелись, и вотъ мы одни смотримъ на величавое зарево. Девять часовъ вечера. Говорятъ, что поджигаютъ. Нашли гдѣ-то въ другомъ кварталѣ цѣлый комъ

горючихъ веществъ, но успѣли не дать имъ воспламениться. Но то не подлежитъ сомнѣнiю, что во время пожарной суматохи, солдаты здѣшняго образцоваго полка, призванные для помощи, производятъ страшныя (шалости). Можетъ быть они хотятъ быть и въ этомъ дѣлѣ образцовыми....

Сентябрь 2. Вторникъ. Переѣхали съ дачи.

3. Среда. Читалъ сегодня попечителю И. Д. Делянову мою записку о цензурѣ и цензурномъ уставѣ, предназначенную для государя.

10. Среда. Вечеромъ у (И. А.) Гончарова слушалъ новый романъ его: „Обломовъ“. Много тонкаго анализа сердца. Прекрасный языкъ. Превосходно понятый и обрисованный характеръ женщины съ ея любовью. Но много такого еще, что можетъ быть объяснено только въ цѣломъ. Вообще, въ этомъ произведенiи, кромѣ неоспоримаго таланта, поэтическаго одушевленiя, много ума и тщательной, умной обработки. Оно совершенно другаго направленiя, чѣмъ всѣ наши нынѣшнiе романы и повѣсти. Со мною вмѣстѣ были слушателями его: Краевскiй, который и купилъ его для „Отечественныхъ Записокъ“, Дудышкинъ и (В. Н.) Майковъ, издатель дѣтскаго журнала („Подснежникъ“). Положено читать продолженiе въ субботу.

15. Понедѣльникъ. Фейербахъ и многiе другiе умствователи отвергаютъ разумную Божественную Личность. Но если существуетъ моя личность, почему-же не быть другой совершеннѣйшей личности? Я не понимаю, какъ она можетъ быть, но также не понимаю, какъ она можетъ не быть.

16. Вторникъ. Нынѣшнiе крайнiе либералы со своимъ повальнымъ отрицанiемъ и деспотизмомъ просто страшны. Они въ сущности тѣ-же деспоты, только навыворотъ: въ нихъ тотъ-же эгоизмъ и та-же нетерпимость, какъ и въ ультра-консерваторахъ. На самомъ дѣлѣ, какой свободы являются они поборниками? Повѣрьте имъ на слово и возьмѣйте въ вашу очередь желанiе быть свободными. Начните со свободы самой великой, самой законной, самой вождѣленной для человѣка, безъ которой всякая другая неимѣетъ смысла—со свободы мнѣнiй. Посмотрите, какой ужасъ изъ этого произойдетъ, какъ они на васъ накинута за малѣйшее разногласiе, какой анаемѣ предадутъ, доказывая, что вся свобода въ безусловномъ и слѣпомъ повиновенiи имъ и ихъ

доктринѣ. Благодарю за такую свободу! Я могу еще стерпѣть, если квартальный станетъ слѣдить за мной на улицѣ, надоѣдать мнѣ напоминаніемъ, что тутъ нельзя ступить, или надо ступить такъ, а не такъ; но рѣшительно не могу допустить, чтобы кто-либо вторгался въ мою внутреннюю жизнь и распоряжался тамъ по своему. Насильно навязываемое благо не есть благо. Самая ужасная и несносная тиранія та, которая посягаетъ на вашу сокровенную мысль, на святыню вашихъ вѣрованій. По либеральному кодексу нынѣшнихъ крайнихъ либераловъ, надо быть съ ними за одно до того, что у васъ, наконецъ, не останется своего ни мысли, ни чувства за душой. Нѣтъ! свободу создаетъ сама сила вещей, а не чей-нибудь произволь: основанная на увлеченіи она шатка и ненадежна. Только та свобода и прочна, и богата благими послѣдствіями, которую выработала исторія, которой никто не навязывалъ людямъ, которая явилась не въ видѣ отвлеченной доктрины, а какъ плодъ дѣйствительнаго кровнаго труда, а не искусственнаго возбужденія.

Студенты бурлятъ и накликаютъ на университетъ бѣду. Произошла какая-то стычка съ полиціей. Оберъ-полиціймейстеръ жаловался попечителю на неприличное поведеніе студентовъ. Произошелъ взаимный обмѣнъ рѣзкостей. Эхъ, господа студенты, не бережете вы ни университетъ, ни науку!

18. Четвергъ. Въ первый разъ видѣлъ сегодня комету во всемъ ея блескѣ. Хвостъ ея чуть не задѣваетъ Медвѣдицу.

21. Воскресенье. Сегодня говорилъ со студентомъ Боголюбовымъ, который имѣетъ вліяніе на своихъ товарищей. Старался внушить ему, чтобы онъ дѣйствовалъ на нихъ въ примирительномъ духѣ, склонялъ ихъ къ тому, чтобы они вели себя скромнѣе, больше думали о наукѣ и не давали врагамъ университета поводовъ вредить ему въ глазахъ государя и общества.

25. Четвергъ. Дѣло о студентахъ производитъ много шума. Жаль. Это заставляетъ молодыхъ людей придавать себѣ слишкомъ много значенія, все больше и больше отвлекаетъ ихъ отъ науки, которая должна одна всевластно царствовать въ стѣнахъ университета.

28. Воскресенье. Кажется, мы немного выиграли съ перемѣною министра. Евграфъ Пегровичъ (Ковалевскій) тоже отличный человѣкъ, но въ министерствѣ по прежнему ничего не дѣ-

лается. Судьба науки и образования по прежнему остаются въ рукахъ Г. К. и Б. На-дняхъ былъ у меня предсѣдатель комитета иностранной цензуры, Федоръ Ивановичъ Тютчевъ, и жаловался, что министръ на словахъ рѣшитъ одно, а на бумагѣ другое. Да, это опять норовщина.

Сегодня я отправляюсь къ министру: что-то онъ мнѣ скажетъ? Онъ какъ будто совсѣмъ забылъ о цензурѣ и о цензурномъ уставѣ. А вѣдь сколько разъ онъ мнѣ твердилъ о вопіющей необходимости устава и даже подстрекалъ меня именемъ государя. А вотъ теперь прошли іюль, августъ и сентябрь, мой проектъ готовъ, но о цензурѣ какъ будто всѣ позабыли.

Только-что отъ министра. Евграфъ Петровичъ превзошелъ мои ожиданія. Я засталъ его въ томъ-же кабинетѣ, гдѣ такъ часто видѣлъ Норова, въ тѣхъ-же самыхъ креслахъ. Зловѣщее предзнаменованіе! Начали мы съ нимъ говорить и — о, ужасъ! Это Норовъ, онъ самъ, онъ весь со всею своею шаткостью, безхарактерностью, неспособностью къ какой-либо мѣрѣ, выходящей изъ канцелярской рутины, и, наконецъ, съ отрицаніемъ того, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ онъ утверждалъ торжественно и горячо. Въмѣсто имъ-же самимъ съ жаромъ принятой мысли, объяснить государю состояніе цензуры и необходимость рѣшеній, выработанныхъ цензурнымъ комитетомъ, онъ пускаетъ теперь нашъ проектъ на истязаніе главнаго управленія цензуры, къ большинству членовъ котораго, онъ, по собственнымъ словамъ, не имѣетъ никакого довѣрія.

Вотъ и конецъ моимъ трудамъ и надеждамъ! Я вышелъ отъ него съ огорченіемъ и съ досадою, наслушавшись вдоволь о томъ, какъ трудно нынѣ вести дѣло цензуры, и тому подобныхъ вещей, какія обыкновенно говорятся людьми слабыми и не приспособленными къ энергической дѣятельности.

Октябрь 1. Среда. Утромъ былъ у графа Блудова, въ первый разъ по возвращеніи его изъ заграницы. Онъ, кажется, мало поздоровѣлъ. Проклятыя семьдесятъ семь лѣтъ на плечахъ! Впрочемъ, онъ такъ-же любезенъ, разговорчивъ и добръ, какъ прежде, какъ всегда. Спросилъ меня о цензурѣ и изъявилъ желаніе прочесть мою записку, о которой уже слышалъ отъ Ѳ. И. Тютчева. Это хорошо. Можетъ быть онъ поддержитъ дѣло. Ковалевскій не можетъ не уважить его голоса.

Октябрь 5. Воскресенье. Утромъ былъ у Ѳ. И. Тютчева, съ цѣлью вмѣстѣ съ нимъ обсудить: нельзя-ли двинуть какъ-нибудь цензурное дѣло?

Ѳедоръ Ивановичъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, о проектѣ, присланномъ сюда изъ Берлина нашимъ посланникомъ, барономъ Будбергомъ, который предлагаетъ, по примѣру Франціи, учредить на блюдательно-послѣдовательную цензуру.

„Хорошо! а нынѣшняя предупредительная останется?“ спросилъ я.

— „Въ томъ-то и дѣло!“ отвѣчала Тютчевъ.

Былъ уже по высочайшему повелѣнію назначенъ для разсмотрѣнія проекта и комитетъ изъ князя Горчакова, князя Вас. Долгорукова, Т***, нашего министра и Тютчева. Послѣдній сильно протестовалъ противъ этой двойственности цензуры — „предупредительной и послѣдовательной“. Нашъ министръ съ нимъ соглашался.

— „Но надобно-же, замѣтилъ князь Василій Андреевичъ Долгорукій, — что нибудь сдѣлать, чтобы успокоить государя, котораго сильно озабочиваетъ цензура“.

Вечеромъ былъ у А. М. Княжевича ¹⁾, министра финансовъ. Александръ Максимовичъ очень друженъ съ нашимъ министромъ и мнѣ хотѣлось склонить его, чтобы онъ подѣйствовалъ на своего друга и подвигъ послѣдняго прямо объясниться съ государемъ по дѣлу цензуры, безъ чего никакого успѣха нельзя ожидать. Онъ взялся прочесть мою записку.

6. Понедѣльникъ. Послалъ Княжевичу объяснительную записку.

У графа Блудова. Онъ меня на этотъ разъ порадовалъ своею бодростью и свѣжестью, не смотря на то, что третьяго дня былъ встревоженъ пожаромъ, происшедшимъ рядомъ съ нимъ. Мы очень пріятно проговорили съ нимъ все послѣ-обѣда, до девяти часовъ. Рѣчь касалась и цензуры. Онъ пожелалъ прочесть мою записку. „Министръ, говоритъ онъ, хочетъ представить ее на разсмотрѣніе прямо государю“. Впрочемъ, я, съ моей стороны, сдѣлалъ все, что могъ, и мою обязанность считаю кон-

¹⁾ Родственникъ жены автора «Дневника».

ченною, о чемъ сказалъ и министру въ письмѣ, отсылая ему мою записку.

Графиня Антонина Дмитриевна Блудова привезла мнѣ заграничный гостинецъ: прекрасную фотографію одной изъ Каульбаховыхъ фресокъ въ Берлинѣ.

Скандалъ въ здѣшней духовной академіи. Студенты, недовольные своимъ инспекторомъ, монахомъ Викториномъ, пожаловались на него митрополиту, грозя, что если имъ не будетъ оказана справедливость, то они обратятся за защитою къ свѣтскимъ властямъ. Говорятъ, они, между прочимъ, очень рѣзко высказались объ общемъ состояніи у насъ академическаго и семинарскаго воспитанія. Это приписываютъ вліянію напечатанной въ Лейпцигѣ книги: „О русскомъ сельскомъ духовенствѣ“.

Но духовныя власти мало заботятся (1858 г.) объ улучшеніяхъ по своей части и предпочитаютъ повровительствовать памфлетамъ въ родѣ слѣдующихъ: „Предостереженіе отъ увлеченія духомъ настоящаго времени“ и „Современныя идеи православныя ли?“ Въ другихъ брошюрахъ проповѣдуется крайне аскетическія правила общественныхъ нравовъ и поведенія, предаются анаемѣ концерты, живыя картины и благотворительныя балы, и т. д.

8. Среда. Отослалъ свою пояснительную записку графу Дмитрію Николаевичу Блудову.

У насъ нынѣ настоящее царство хаоса. Хаосъ во всемъ: въ администраціи, въ нравственныхъ началахъ, въ убѣжденіяхъ; хаосъ въ головахъ тѣхъ, которые думаютъ управлять общественнымъ мнѣніемъ.

Путру обычное засѣданіе въ академіи наукъ. Приступаемъ къ исправленію словаря, который намѣрены печатать новымъ изданіемъ. Каждое почти слово разбирается въ засѣданіи. Работа общааетъ быть нескончаемою, но отдѣленію хочется сдѣлать что-нибудь осязательное, ибо, правду сказать, занятія наши болѣею частью фиктивныя. Одинъ изъ членовъ внесетъ какой-нибудь лоскутъ старой церковно-славянской рукописи, отрывокъ какого-нибудь требника и т. п., а мы сидимъ, утѣнувъ лица въ браны свои и глубокомысленно слушаемъ замѣчанія о юсѣ большомъ или маломъ, а когда это покажется намъ недостаточнымъ, беремся за чтеніе словъ областного словаря, давно рассмотрѣннаго уже Востоковымъ; переговоримъ о всѣхъ текущихъ го-

родскихъ новостяхъ и расходимся съ спокойною совѣстью. Впрочемъ, иначе и быть не можетъ: одни изъ академиковъ уже почтенные старцы, для которыхъ всякій трудъ непосилентъ, а немногіе другіе, могущіе трудиться, до такой степени завалены другими казенными работами, что объ академіи имъ некогда и думать.

11. Суббота. Вечеромъ у князя Щербатова, который заѣхалъ въ Петербургъ изъ деревни на пути за границу. Онъ рассказывалъ о нѣкоторыхъ случаяхъ волненія между крестьянами. Въ однихъ мѣстахъ крестьяне отказывались по прежнему работать, въ другихъ—не хотѣли платить управляющему оброка, а гдѣ такъ чуть не поколотили исправника и становыхъ. Но большинство этихъ случаевъ у помѣщиковъ, у которыхъ крестьяне на барщинѣ.

12. Воскресенье. У министра. Онъ совершенно одобряетъ мою пояснительную записку и соглашается со всѣми моими идеями. Для государственнаго совѣта надо будетъ ее нѣсколько сократить. Вообще было много говорено о цензурѣ и о проектѣ составить особенное бюро, которое-бы не административно, а нравственно занималось направлениемъ литературы. Я замѣтилъ, что это чистая мечта. Министръ того-же мнѣнія, но говорить, что нѣкоторые этого желаютъ.

Ковалевскій опять благодарилъ меня за записку и за труды мои по цензурѣ, но надежды мои на успѣхъ дѣла въ томъ направленіи, какое я желалъ ему дать, тѣмъ не менѣе, подорваны.

13. Понедѣльникъ. Читалъ „Щербатова и Радищева“, изданныхъ въ Лондонѣ Герценомъ. Щербатовъ озлобленъ противъ Екатерины. Допустивъ, что ее у насъ черезчуръ прославляли, ее все-таки, кажется, не слѣдуетъ порицать такъ, какъ кн. Щербатовъ и Герценъ. Пусть, по ихъ мнѣнію, въ ея лучшихъ государственныхъ мѣрахъ было много искусственнаго, много внушеннаго желаніемъ поддѣлаться подъ ходячія идеи времени, послѣдствія которыхъ она не предвидѣла, много тщеславнаго, но, тѣмъ не менѣе, нельзя-же отрицать въ ея характерѣ гуманности, а въ ея умѣ такта и возвышенности. Не смотря на фаворитизмъ, Россія все-таки многимъ ей обязана; она обязана ей внесеніемъ въ нравы, въ законодательство и управленіе члвччныхъ началъ, которыя не остались безплодными.

Радищевъ—человѣкъ умный и съ характеромъ, не смотря на бездну пустословія въ его сочиненіи и на желаніе блистать краснорѣчіемъ. Селивановскій въ своихъ запискахъ говорить, что книгу Радищева типографщики не хотѣли печатать, не смотря на то, что оберъ-полиціймейстеръ, тогдашній цензоръ, позволилъ ее,—конечно, не прочитавъ. Радищевъ тогда завелъ типографію у себя въ деревнѣ, напечаталъ тамъ свою книгу и разбросалъ ее по дорогамъ, на постоянныхъ дворахъ и т. д. Онъ-же говорить, что Радищевъ написалъ ее вслѣдствіе какихъ-то неприятностей по службѣ. Естественно, книга должна была подвергнуться сама и подвергнута преслѣдованію своего автора. Это было въ разгаръ французской революціи, и мудрено-ли, что Екатерина II, уже старуха, испугалась такихъ сочиненій, какъ „Вадимъ“ Княжнина ¹⁾ и книга Радищева.

21. Вторникъ. Дѣло мое о цензурѣ принимаетъ совершенно бюрократическій характеръ. Теперь какой-то чиновникъ дѣлаетъ изъ моей работы выписки, записки и еще невѣсть что; къ этому прибавляются еще какія-то выписки и проч. и проч. Словомъ, мой добросовѣстный и, какъ увѣрили меня люди, читавшіе его и знающіе, трудъ не совсѣмъ глупый, трудъ многихъ мѣсяцевъ—потерянъ.

Обѣдалъ у графа Блудова. Онъ рассказывалъ много любопытнаго о принцессѣ Таракановой. У него въ рукахъ было все дѣло о ней, и онъ составлялъ изъ него записку для государя. Въ моихъ бумагахъ есть извлеченіе о судьбѣ этой женщины изъ дѣлъ государственнаго архива. Разсказъ Блудова и мои свѣдѣнія тождественны. У меня, однако, недостаетъ конца. Тараканова умерла не отъ наводненія въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, какъ говоритъ преданіе, а отъ чахотки, зародышъ которой привезла съ собой изъ Италіи. Екатерина II объявила, что даруетъ ей свободу и пенсіонъ, если она откажется отъ своихъ мечтаній. Тараканова просила нѣсколько времени на размышленіе и въ теченіи этого времени скончалась. Она не дочь Елисаветы, а была орудіемъ польскихъ конфедератовъ, которые,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., томъ III, апрѣль, стр. 723—781, «Вадимъ», трагедія Я. Б. Княжнина; указъ о сожженіи этой трагедіи въ «Русской Старинѣ», т. IV, стр. 91—92. Ред.

въ виду недавней исторіи Пугачева, хотѣли ее употребить для такихъ-же цѣлей. У Елисаветы, впрочемъ, дѣйствительно была дочь: ее постригли въ монахини, и она умерла въ одномъ изъ московскихъ женскихъ монастырей.

Графиня Антонина Дмитриевна Блудова только-что къ обѣду возвратилась изъ Царскаго-Села, гдѣ была у государыни. Къ намъ присоединился еще (Егоръ Петровичъ) Ковалевскій, братъ министра. Графиня рассказывала подробности своего посѣщенія царской фамилии.

22. Среда. Былъ у попечителя. Говорили о предполагаемыхъ публичныхъ лекціяхъ въ университетѣ въ пользу неимущихъ студентовъ. Четыре профессора согласились читать лекціи: Стасюлевичъ, Ценковскій, Горловъ и я. Попечитель это одобряетъ.

Это, наконецъ, оказалось справедливымъ, что въ Царскомъ-Селѣ, при передѣлкѣ комнатъ, въ одной изъ нихъ, между поломъ и сводомъ, на которомъ полъ этотъ настланъ, найденъ скелетъ женщины. Кто она, живая или мертвая сюда заложена, кѣмъ и когда—неизвѣстно. Все на ней и сама она истлѣло. Остались однѣ кости и брилліантовая серьга, которая вдѣта была въ одно ухо, когда ухо еще существовало. Все это рассказалъ мнѣ графъ Блудовъ.

29. Среда. Удивительно, что льготы, какими мы нынѣ пользуемся, важные вопросы, какіе выступили на нашу общественную сцену, не породили между нами ни благородныхъ характеровъ, ни людей съ сильною волею, устремленною на добро, а только привели въ движеніе множество маленькихъ страстей, мелкихъ самолюбій, ничтожныхъ и эгоистическихъ стремленій.

А. Н. очень хорошій человѣкъ, только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Боюсь, что эти предѣлы не простираются далѣе его я. Онъ всегда съ большимъ удовольствіемъ толкуетъ о нравственныхъ истинахъ, о честности, о высокомъ и прекрасномъ, и вы охотно сочтете его очень хорошимъ человѣкомъ, если не будете слишкомъ взыскательны и не потребуете, чтобы онъ это доказалъ на дѣлѣ.

30. Четвергъ. Говорятъ, Герценъ, въ 25-мъ номерѣ „Колокола“, раздражается ругательствами на разныхъ лицъ, не исключая и очень высокопоставленныхъ. Право-же это не умно.

Герценъ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не какъ человѣкъ, желающій споспѣшествовать благой цѣли и избирающій лучшія для того средства, а какъ фанатикъ, одержимый бѣсомъ извѣстнаго ученія, которому любо наеричаться вдоволь. Жаль, онъ могъ бы быть очень полезенъ. Теперь-же, благодаря его излишествахъ, къ нему начинаютъ быть равнодушными тѣ, которые его боялись, и перестаютъ уважать тѣ, которые считали его однимъ изъ полезнѣйшихъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, такъ что онъ можетъ мало по малу совсѣмъ утратить свое вліяніе въ Россіи.

Въ „Колоколѣ“, между прочимъ, помѣщены еще какія-то официальные бумаги, и теперь идетъ розыскъ о томъ, какъ онѣ ему достались.

Ноябрь 2. Воскресенье. Предсѣдатель нашего драматическаго комитета при театрѣ, Жихаревъ, сильно проштрафился. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ всѣмъ членамъ комитета, въ награду за ихъ труды, были присланы бриллиантовые перстни черезъ Жихарева, какъ предсѣдателя. Мы и получили ихъ тогда-же, то есть въ іюнѣ или въ іюлѣ,—всѣ, кромѣ (А. В.) Дружинина, который былъ въ деревнѣ. Его перстень оставался на храненіи у Ж. Въ сентябрѣ пріѣхалъ Дружининъ, а перстня ему нѣтъ какъ нѣтъ. С. П. Ж., очевидно, вспомнилъ свои старыя служебныя привычки и присвоилъ его себѣ. Перстень проданъ или въ закладѣ. Ж.—ву уже не разъ напоминали, что пора отдать высочайшую награду кому слѣдуетъ. Онъ постоянно обѣщаетъ исполнить это завтра, но Дружининъ до сихъ поръ только въ газетахъ видѣлъ себя награжденнымъ. Всѣ члены комитета хотятъ написать Ж. адресъ, съ заявленіемъ, что не желаютъ засѣдать съ нимъ въ комитетѣ.

3. Понедѣльникъ. Засѣданіе въ совѣтѣ университета. Восточный факультетъ поступилъ очень неприлично съ своимъ деканомъ Казембекомъ. Онъ въ сентябрѣ присудилъ ему читать арабскую словесность, вмѣсто заболѣвшаго Таитова, а въ октябрѣ отдалъ этотъ предметъ другому, въ совѣтѣ-же отрекся, что такъ поступилъ. Между тѣмъ, по справкѣ оказалось, что все было, какъ сказано выше, и протоколъ подписавъ членами, какъ слѣдуетъ. Вышло нѣчто непристойное и смѣшное. Совѣтъ высказался въ пользу Казембека, который уличилъ во лжи больше всѣхъ возстававшаго противъ него М.

Въ совѣтѣ прочитанъ проектъ о публичныхъ лекціяхъ при университетѣ, предпринятыхъ въ пользу неимущихъ студентовъ Стасюлевичемъ, Горловымъ, Ценковскимъ и мною. Я прочиталъ и программу моихъ лекцій, которая и была тутъ-же одобрена совѣтомъ. Предметомъ моихъ лекцій будетъ Державинъ.

8. Суббота. Сегодня въ театральномъ комитетѣ я, отъ имени членовъ и по ихъ просьбѣ, написалъ письмо Ж., съ просьбою покончить (разумѣется, удовлетворительно) съ перстнемъ Дружинина. Всѣ члены-литераторы подписали письмо. Въ немъ мы, между прочимъ, намеаемъ, что послѣ такого скандала не можемъ оставаться съ нимъ въ комитетѣ.

На этой недѣлѣ я обѣдалъ у графа Д. Н. Блудова. Былъ, между прочимъ, разговоръ о Герценѣ и его „Колоколѣ“. Государь крайне огорченъ и недоволенъ его послѣдними выходками. Хотѣли литографировать какую-то записку по крестьянскому комитету, чтобы членамъ удобнѣе было ее читать. Государь этого не велѣлъ, сказавъ, что „только литографируй, а тамъ она и появится въ „Колоколѣ“.

Правительство хочетъ имѣть въ литературѣ свой органъ, который долженъ быть ввѣренъ нѣсколькимъ литераторамъ. Объ этомъ разсуждали у графа Блудова. Графъ сказалъ, что насчитываетъ у насъ три рода литераторовъ: одни—злонамѣренные и упорные въ своихъ крайнихъ желаніяхъ, другіе—не имѣющіе никакихъ желаній, кромѣ желанія набить себѣ карманъ, и третьи—люди благородные и даровитые, которые могутъ дѣйствовать только по убѣжденію. Этихъ правительство не иначе можетъ привлечь на свою сторону, какъ сдѣлавъ ихъ участниками своихъ благихъ видовъ. Разумѣется, оно и можетъ ожидать пользы только отъ послѣднихъ. Графъ далеко не увѣренъ въ успѣхъ замышляемой мѣры, но не противится попыткѣ въ видѣ опыта.

10. Понедѣльникъ. Въ театрѣ, на представленіи „Отелло“. Мулатъ или, какъ назвали его въ афишѣ, африканецъ Олбриджъ, пріѣхавшій сюда на нѣсколько дней, игралъ Отелло на англійскомъ языкѣ, съ нѣмецкими актерами. Я не говорю и не понимаю по-англійски, но хорошо знаю пьесу, и потому поѣхалъ въ театръ—и не жалѣю. Этотъ Олбриджъ большой артистъ. Трудно идти дальше въ выраженіи сильныхъ и глубокихъ

страстей. Въ третьемъ актѣ, въ сценѣ съ Яго, онъ до того страшень, что людямъ слабонервнымъ трудно его выносить, а въ сценѣ отчаянія въ послѣднемъ актѣ васъ душать слезы.

Игра его безъ всякой аффектаціи. Это чистѣйшая природа, съ ея грозными вулканическими потрясеніями. Все у него просто и благородно—и голосъ чудесный. Я долго не могъ заснуть въ эту ночь, а во снѣ все мерещился мнѣ этотъ Отелло, со своею тигровою яростью, со своими потрясающими сердце воплями, со своею безпредѣльною скорбью въ послѣднемъ актѣ.

Ольриджъ будетъ еще играть Ричарда, Шейлока и Лира.

13. Четвергъ. Письмо къ Ж. имѣло успѣхъ, Перстень возвращень кому слѣдуетъ; онъ былъ заложенъ и выкупленъ.

Ростовцевъ напечаталъ извлеченіе изъ своихъ писемъ изъ заграницы къ государю императору о крестьянскомъ вопросѣ. Толку не доберешься въ толкахъ объ этой брошюрѣ. Мнѣ до сихъ поръ еще не удалось ее поймать: она напечатана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Одни говорятъ, что это сочиненіе кадета, другіе находятъ въ немъ смыслъ и хорошія мысли.

16. Воскресенье. Замѣчательная статья въ „Отечественныхъ Запискахъ“: „Стенька Разинъ“, Костомарова. Ужасное, невѣжественное состояніе до-петровской Россіи изображено у Костомарова очень ярко и правдиво. У него все факты, не то что у Жеребцова, автора фантастической исторіи цивилизаціи въ Россіи, гдѣ онъ голословно восхваляетъ все, что было до Петра, и объявляетъ, что Петръ испортилъ Россію и уничтожилъ въ ней всѣ зародыши великой самобытной цивилизаціи.

19. Среда. У графа Блудова. Тамъ былъ и министръ народнаго просвѣщенія. Разговоръ за обѣдомъ все время вращался около печати и цензуры. Министръ жаловался на „Русскій Вѣстникъ“, за напечатаніе думскаго протокола о Безобразовѣ, который теперь хочетъ по этому поводу затѣять процессъ.

Дѣло въ томъ, что Безобразовъ, извѣстный противникъ освобожденія крестьянъ, отказывался принять отъ думы грамоту на званіе городского обывателя, говоря, что „онъ принадлежитъ къ древнему московскому дворянству и не хочетъ состоять въ числѣ людей средняго рода“. Это подлинныя слова его. Онъ даже жаловался генераль-губернатору Игнатьеву на то, что дума посылала ему грамоту, а генераль-губернаторъ препроводилъ

его жалобу къ надлежащему исполненію въ думу. Дума выставила всѣ законы, по которымъ она была въ правѣ сдѣлать то, что она сдѣлала; Безобразовъ и Игнатъевъ очутились въ непріятномъ положеніи. Рѣшеніе свое (протоколь) дума напечатала для разсылки членамъ, но оно ходило по городу и, путешествуя изъ рукъ въ руки, дошло до Москвы, гдѣ Катковъ и тиснулъ его цѣликомъ въ своемъ журналѣ.

„Искра“ напечатала въ объявленіи виньетку, которую III отдѣленіе истолковало по своему и объявило злонамѣренною, хотя ее можно истолковать десять разъ иначе. Требовали объясненія у издателя [Нив. Ал.] Степанова. Дѣло доходило до государя, но оставлено безъ послѣдствій, за недостаткомъ ясныхъ доказательствъ въ возмутительности виньетки.

Оберъ-прокуроръ св. синода относился къ нашему министру съ заявленіемъ, что русская литература посягаетъ на еѣру. Онъ набралъ кучу отрывочныхъ фразъ и на этомъ основалъ свое обвиненіе. Министръ отвѣчалъ, что изъ оборванныхъ фразъ и стиховъ нельзя вывести никакого заключенія.

Въ „Le Nord“ напечатано что-то нехорошее про двухъ новыхъ сенаторовъ, Л. и Г. Графъ Панинъ почему-то вообразилъ себѣ, что это нехорошее сообщено въ иностранную газету непременно чиновникомъ министерства финансовъ, вслѣдствіе чего и просилъ Княжевича разыскать, какой это чиновникъ.

Кстати, о Панинѣ. Графъ Блудовъ разсказывалъ, что по случаю напечатанія какой-то статьи, которая не понравилась министру юстиціи, послѣдній предлагалъ строго наказать цензора, ее пропустившаго. А когда ему замѣтили, что надо-же прежде потребовать отъ цензора объясненія, ибо онъ можетъ быть и правъ, Панинъ отвѣчалъ: „Нѣтъ! Его прежде наказать, а послѣ потребовать объясненія или оправданія“.

Герценъ напечаталъ въ „Колоколѣ“ письмо къ государю . . . Тутъ, говорятъ, жестоко достается Гриму. Письмо, впрочемъ, я слышалъ, отличается хорошимъ тономъ и очень умно. Оно произвело сильное впечатлѣніе при дворѣ.

22. Суббота. Въ Москвѣ перессорились профессора: Ешевскій, Соловьевъ и Леонтьевъ, и одни изъ нихъ надѣлали гадостей другимъ. Студенты, чтобы не отстать, въ свою очередь, надѣлали гадостей профессору Варнеку, объявивъ, что не хо-

тять слушать его лекцій, ибо онъ „нехорошій и отсталый профессор“. Между тѣмъ, Варнекъ, по увѣренію специалистовъ (онъ занимается зоологіею), принадлежитъ къ числу нашихъ лучшихъ ученыхъ. Впрочемъ, слѣдствіе, произведенное въ Москвѣ самимъ министромъ, показало, что и Варнекъ былъ неправъ: онъ дѣйствительно грубо обращался съ студентами и тѣмъ самымъ вызвалъ съ ихъ стороны враждебную себѣ демонстрацію. А университетское юношество наше и безъ того вездѣ волнуется и пѣнится. Причины тому, мнѣ вѣжется, слѣдующія: льготы послѣдняго времени какъ-бы врасплохъ застали наше общество. У многихъ отъ непривычной свободы закружилась голова; а тѣмъ больше у молодыхъ людей, и безъ того не слишкомъ склонныхъ къ умѣренности. Человѣкъ, внезапно выведенный изъ тьмы на свѣтъ и изъ спертой атмосферы на чистый воздухъ, всегда бываетъ сначала опеломленъ и какъ будто опьяненъ. Съ другой стороны, большинство начальствующихъ лицъ еще воспитанники стараго режима, и они представляютъ изъ себя классическіе образцы неспособности примѣняться къ новымъ обстоятельствамъ. Третья причина университетскихъ неурядицъ, наконецъ, кроется въ самой организаціи университетовъ, лишившей сословіе профессоровъ всякаго нравственнаго вліянія надъ юношами съ тѣхъ поръ, какъ наблюденіе за ихъ поступками перешло въ руки инспектора, съ его помощниками. Молодые люди смотрятъ на него, какъ на квартальнаго надзирателя, и онъ, по самому положенію своему, не можетъ имѣть среди нихъ никакого нравственнаго авторитета.

Вообще у насъ во всемъ великое нестроеніе и неурядица. Русское общество похоже нынѣ на большое озеро, въ глубинѣ котораго дѣйствуютъ подземные огни, а на поверхности безпрестанно вскакиваютъ пузыри, лопаются и опять вскакиваютъ. Кипѣніе это само по себѣ не представляло-бы ничего необычайнаго, тутъ нѣтъ еще большой бѣды. Но бѣда въ совершенномъ отсутствіи всякаго организующаго начала, въ отсутствіи характеровъ и высшихъ нравственныхъ убѣжденій. И вотъ еще бѣда: нѣтъ ни одной вчерашней мысли, какъ-бы она ни была основательна, которая-бы уже сегодня не казалась старою. Жаръ, съ которымъ вчера принимали такую-то мѣру, сегодня уже остылъ. Каждый день что-нибудь начинается, а на другой—только-что

начатое бросается недоконченнымъ, и не потому, чтобы замѣнъ находилось лучшее, а въ силу какого-то неудержимаго, слѣпаго стремленія впередъ—но куда? Какая-то невидимая сила, какъ бѣсъ, гонить насъ, кружить, выбрасываетъ изъ колеи. Всякій тянетъ въ свою сторону, бьется не о томъ, чтобы было удобнѣе и лучше, а о томъ, чтобы вещи существовали какъ ему хочется. У насъ столько-же партій, сколько самолюбій. Иной хлопочетъ вовсе не изъ за того, чтобы поддержать какое-нибудь начало, а изъ за того, чтобы сказать: „это я, господа, это мое.“ Если же кому-нибудь удастся выразить и пустить въ ходъ здравую, хорошую мысль, онъ уже земли подъ собой не слышитъ; онъ важничаетъ, зазнается, и то, что было у него хорошаго, испаряется въ чаду претензій и высовомѣрія. Ему уже непременно хочется, чтобы въ мѣръ существовала одна его мысль, и онъ, встать и не кстать, всюду тычетъ ее.

23. Воскресенье. Былъ у попечителя на совѣщаніи по случаю студентскихъ проказъ. Да, юношество пѣнится, но, къ сожалѣнію, не всегда какъ шампанское, а подъ часъ какъ настоящій откупной сиводай. Вотъ теперь поссорились два студента и одинъ вызвалъ другаго на дуэль. Вызванный, говорятъ, отказался отъ дуэли, а за свою обиду взялъ деньги. Товарищи возопили, что это подло, и потребовали отъ послѣдняго, чтобы онъ непременно дрался. Начальство узнало, розняло пѣтуховъ и посадило ихъ въ карцеръ.

Пока мы объ этомъ судили, да радили съ попечителемъ и инспекторомъ, пріѣхалъ товарищъ министра юстиціи Замятинъ; его сынъ попалъ въ секунданты. Разумѣется, мы рѣшили всѣми мѣрами воспрепятствовать дуэли, а студента, взявшаго деньги, если это окажется справедливымъ, выключить изъ университета.

Заѣзжалъ къ Александру Максимовичу (Княжевичу): онъ сегодня именинникъ. Боже мой, сколько къ нему набрело чиновниковъ! И какія все умильныя, сладкія лица! Отъ нихъ такъ и вѣетъ благонамѣренностью, усердіемъ, преданностью!

28. Пятница. Обѣдалъ у графа Д. Н. Блудова. Никого не было, кромѣ известной пѣвицы, дѣвицы Грюнбергъ. Разговоръ о современной литературѣ. Графъ находитъ нелѣпымъ литературный протестъ, напечатанный въ „С.-Петербур. Вѣдомостяхъ“ въ

защиту жидовъ, обруганныхъ „Иллюстраціею“. Затѣмъ графъ удивлялся великому множеству появляющихся у насъ новыхъ журналовъ и недоумѣвалъ, кто будетъ ихъ наполнять и кто будетъ ихъ читать? Еще жаловался онъ на нѣкоторые журналы, позволяющіе себѣ такія вольности, что ихъ трудно становится защищать.

Министръ нашъ поѣхалъ въ Москву; тамъ, говорятъ, опять произошло что-то въ университетѣ.

30. Воскресенье. „Всякій народъ, говоритъ Лютеръ,—имѣетъ своего дьявола“. Дьяволъ русскаго народа есть разногласіе во всемъ, что касается общественныхъ интересовъ, страсть все относить къ себѣ, мѣрять собою. Это и мелкое самолюбіе, кажется, общій порокъ славянскихъ племенъ; оно-то и мѣшаетъ развитію у насъ духа ассоціаціи. Мы стоимъ на томъ, что лучше повиноваться чужому произволу, чѣмъ уступить въ чемъ-либо своему собрату.

Декабрь 5. Четвергъ. Вотъ какъ я попался. Въ субботу на прошлой недѣлѣ задумалъ я сплутовать и наказанъ за то. Время мое до того расхищено текущими занятіями по службѣ въ университетѣ, въ академіи, по разнымъ комитетамъ и пр., что мнѣ рѣшительно некогда написать академической отчетъ (по II отдѣленію) къ 29-му декабря. Всѣ утра мои уходятъ на это, вечера также, а по ночамъ работать боюсь, чтобы не раздражить моего стараго заклятаго врага. Вотъ я и умудрился: написалъ въ субботу кому слѣдуетъ записку, что въ университетѣ быть не могу, „по болѣзни“. Что-же вышло? Къ вечеру въ тотъ-же день я дѣйствительно заболѣлъ.

6. Пятница. Говорятъ, государь въ совѣтѣ министровъ изъяснилъ свое неудовольствіе за сопротивленіе, которое онъ встрѣчаетъ въ комитетѣ по дѣлу объ освобожденіи крестьянъ. Онъ прямо указалъ на Муравьева и Буткова, которые во время своихъ поѣздокъ лѣтомъ по Россіи вездѣ распускали слухи, что проектъ освобожденія существуетъ только для вида: поговорятъ-де, да тѣмъ и кончится. Но странное-же дѣло! Государь видитъ въ нѣкоторыхъ лицахъ прямое противодѣйствіе своимъ великодушнымъ намѣреніямъ, а между тѣмъ лица эти крѣпко сидятъ на своихъ мѣстахъ.

Меншиковъ, извѣстный государственный остроумецъ, который всѣ свои правительственныя способности выразилъ въ нѣ-

сколькихъ, болѣе или менѣе удачныхъ, каламбурахъ и остро-
тахъ, на-дняхъ пустилъ въ ходъ новую остроуту по Москвѣ, гдѣ
онъ теперь залегъ на покой, подобно вельможамъ вѣка Екате-
рины II. Въ Москву пріѣхалъ [М. А.] Корфъ.

„Ну, что новаго у васъ?“ спросилъ его Меншиковъ.

— „Новаго ничего нѣтъ, кромѣ множества новыхъ комите-
товъ, отвѣчалъ Корфъ, — и во всякому изъ этихъ комитетовъ
пріобщаютъ Якова Ивановича Ростовцева“.

„Вы Якова Ивановича-то пріобщаете, замѣтилъ Менши-
ковъ, — да жаль, что не исповѣдуете его“.

7. Суббота. Катковъ, въ двадцатомъ номерѣ своего жур-
нала, напечаталъ рядомъ три статьи, которыя надѣлали много
шума: знаменитый думскій протоколъ о Безобразовѣ, „О поли-
ціи внѣ полиціи“, Громеки, и чью-то ребяческую выходку про-
тивъ нашихъ университетовъ. Особенно на шумѣли двѣ первыя
статьи и, къ сожалѣнію, даже дали оружіе въ руки врагамъ
всего добраго въ литературѣ. „Русскій Вѣстникъ“ навлекъ
на себя опалу, а цензора подвергъ взыскаіію. Говорятъ, будто
(Н. Ѳ.) Крузе уже отрѣшенъ отъ должности.

9. Понедѣльникъ. Вотъ ни за что пропало десять дней! А
теперь бѣги, скачи скорѣй, скорѣй! Много-ли дней остается до
праздниковъ, до новаго года? А работы, работы...

Сегодня докторъ позволилъ мнѣ выйти и я отправился въ
театральную комиссію. Дѣло на этотъ разъ шло о балетной
труппѣ. Намъ предстоитъ сократить ее. Въ ней огромное число
лицъ—222, тогда какъ въ парижской не болѣе 150, а въ бер-
линской всего 70 съ чѣмъ-то. Содержаніе нашей труппы стоитъ
114 тысячъ рублей серебромъ въ годъ, кромѣ монтировки бале-
товъ.

12. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи. Читалъ годичный
отчетъ вчернѣ. Одобренъ.

Теперь до января слѣдующія дѣла: 1) окончательная отдѣлка
отчета; 2) дѣло по комиссіи о разсмотрѣніи руководства къ гео-
графіи Шульгина, которое большею частью падаетъ на меня,
какъ на предсѣдателя; 3) приготовленіе публичныхъ левцій;
4) записка объ аудиторскомъ училищѣ; 5) проектъ о пенсіонахъ
артистамъ театровъ. А сколько засѣданій въ комитетахъ, изъ
которыхъ многіе не высидиваютъ и воробынаго яйца. И такъ

вся жизнь. Ну, вотъ когда спохватился: немножко поздно! Да жизнь-то что?—говоря словами Хемницерова метафизика. Смѣхъ, право. Однако, не до смѣха. Вотъ 17 января я и эмерить уже. Хоть-бы кончить посерьезнѣе.

17. Вторникъ. Сцена въ университетѣ. Сегодня въ сборную залу явилась ко мнѣ депутація студентовъ, съ просьбою подписать бумагу, въ которой они обращаются къ попечителю за защитою отъ полиціи и солдатъ: у нихъ съ ними третьяго дня произошла стычка на пожарѣ. Бумага гласитъ, что дѣло было таеъ: студенты бросились спасать имущество своихъ товарищей въ горящемъ домѣ; солдаты, составлявшіе около пожара цѣпь, не только не пустили ихъ туда, но, отталкивая, еще били ихъ прикладами, къ чему особенно поощрялъ солдатъ офицеръ, командовавший цѣпью: „Бей этихъ канальевъ!“ неоднократно повторялъ онъ.

Подписать бумагу, я, конечно, не могъ, но обѣщался поговорить съ ректоромъ! Студенты въ страшномъ волненіи. Но хорошъ ректоръ. Въмѣсто того, чтобы успокоить студентовъ и ихъ направить, онъ-то и послалъ ихъ къ профессорамъ, а самъ спрятался.

18. Наряжено слѣдствіе по дѣлу о студентахъ.

22. Воскресенье. Былъ у попечителя. Онъ въ большихъ хлопотахъ по поводу студентскихъ дѣлъ. Я предложилъ ему слѣдующую мѣру: составить изъ ректора и трехъ или четырехъ ассистентовъ-профессоровъ маленькую консулту для ближайшаго сношенія со студентами. Находясь въ непосредственныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ ними, они, поддерживаемые авторитетомъ университета, гораздо лучше, чѣмъ инспекторъ, немѣющій на нихъ никакого моральнаго вліянія, смогутъ предупредить всякія нехорошія поползновенія. Попечитель обѣщаль переговорить объ этомъ съ министромъ.

Есть проектъ пореодѣть студентовъ въ обыкновенное общее платье, чтобы они были наравнѣ со всѣми подчинены общей полиціи. Конечно, это облегчитъ университетъ. Но, съ другой стороны, это уже совершенно предасть этихъ бѣдныхъ юношей во власть нашей грубой полиціи (1858 г.).

24. Вторникъ. Обѣдалъ у графа Блудова. Были Плетневъ и Тютчевъ. Разговоръ о знаменитомъ, только-что состоявшемся,

учрежденіи для сдерживанія писателей, которые, по мнѣнію Чевкина, Панина и другихъ, готовятъ въ Россіи революцію. Теперь вздумали создать комитетъ, который-бы любовно, патриархально и разумно направлялъ литературу нашу, особенно журналистовъ, на путь истинный. Онъ будетъ входить въ непосредственныя съ ними сношенія и дѣйствовать мѣрами кроткаго назиданія, не вступая ни въ какія цензурныя права.

„А если литераторы ихъ не послушаютъ?“ спросилъ я у графа.

— „Ну, такъ ничего“.

„Если ничего, замѣтилъ я, — такъ и комитетъ ничего“.

Хорошо! Это, видите-ли, нѣчто въ родѣ французскаго *bureau de presse*, переделаннаго на русскій ладъ. Удивительная вещь!...

Графъ Блудовъ, разумѣется, противъ этого безтолковаго учрежденія, которое непременно должно или превратиться въ негласный бутурлинскій комитетъ, процвѣтавшій въ концѣ 1840-хъ годовъ, или въ самое смѣшное ничто.

Но кто-же члены этого „троемужія“, какъ называетъ его Тютчевъ? Это всего любопытнѣе. Если-бы нарочно постарались отыскать самыхъ неспособныхъ для этой роли людей, то лучше не нашли-бы. Они будутъ направлять литераторовъ, совѣтовать имъ, разсуждать съ ними о важнѣйшихъ вопросахъ, нравственныхъ, политическихъ, литературныхъ, — они, которые никогда ни о чемъ не разсуждали, ничего не читали и не читаютъ! Смѣхъ и горе!

Министръ сильно противился всему этому, и передъ отъѣдомъ его въ Москву было рѣшено, что комитета не будетъ. Въ Москвѣ онъ пробылъ дней шесть и, возвратясь, засталъ дѣло уже состоявшимся. Все это продѣлано министромъ иностранныхъ дѣлъ княземъ Горчаковымъ.

Любопытно, какъ попалъ сюда ***. Онъ былъ сперва отвергнутъ... Ему ужасно хотѣлось, однако, стать въ числѣ трехъ великихъ хранителей цѣломудрія русской мысли и онъ придумалъ слѣдующій остроумный аргументъ:— „Такъ какъ, говорилъ онъ,—я не пользуюсь популярностью, то позвольте мнѣ быть членомъ новаго комитета, чтобы я имѣлъ случай пріобрѣсти ее“. Превосходный предлогъ! Такъ какъ меня терпѣть не могутъ, то мнѣ и при-

лично дѣлать дѣло, на которое должны быть избраны лица просвѣщенные и наиболѣе пользующіяся довѣріемъ и расположеніемъ общества.

Графъ Дмитрій Николаевичъ съ самымъ лестнымъ одобреніемъ отзывался мнѣ о моей цензурной запискѣ, что выразилъ и оффиціально. Онъ горячо благодарилъ меня за нее. „Это, отвѣчалъ я,—по крайней мѣрѣ, останется мнѣ утѣшеніемъ въ неудачѣ“.— „Не говорите этого, возразилъ онъ,—хорошія вещи не пропадаютъ безплодно“.

Отъ графа я поѣхалъ въ драматическій комитетъ, гдѣ мы одобрили пьесу [Нив. Иван.] Куликова.

Ковалевскій намѣревается подать въ отставку. Объ этомъ онъ уже говорилъ.

25. Среда. Собраніе въ университетѣ профессоровъ, которые будутъ читать публичныя лекціи. Предсѣдательствовалъ попечитель. Ценковскій отказался, потому что ему много труда отъ публичныхъ чтеній въ пассажѣ. Наши лекціи откроются послѣ 15-го января, по вечерамъ, отъ половины восьмага часа. Каждая будетъ продолжаться часъ. Я взялъ для себя четверги. Каждый прочтетъ по своему предмету три лекціи. Я со Стасюлевичемъ, впрочемъ, рѣшаемся и на четыре, если предметъ не истощится и въ публикѣ будетъ видно желаніе насъ слушать.

28. Суббота. Былъ у И. С. Тургенева. Онъ написалъ новый романъ совершенно въ художественномъ направленіи. Вотъ это хорошо! Пора перестать дѣлать изъ литературы только дѣловыя записки о казусныхъ происшествіяхъ и считать ее исключительно исправительнымъ бичемъ.

Тургеневъ рассказалъ мнѣ про свой обѣдъ у князя Орлова. Князь тоже находитъ новоучрежденное литературное „троемужіе“ неразумнымъ. Но добивавшіеся этой мѣры, по словамъ его, имѣли другіе виды. Они хотѣли присвоить себѣ контрольную власть надъ всѣми министерствами, а литература служила такъ, предлогомъ. Это былъ въ особенности планъ А..... Отличные виды, отличные люди, все отлично! О, бѣдная русская земля!..

Дѣло „троемужія“, впрочемъ, очень просто: оно превратится въ негласный комитетъ. Сегодня былъ у меня одинъ изъ кончившихъ въ нынѣшнемъ году курсъ студентовъ, котораго М..... приглашаетъ къ себѣ въ сотрудники, т. е. въ агенты по этому

комитету. Онъ предлагаетъ ему читать журналы и доносить комитету о томъ, что найдетъ въ нихъ дурнаго. Молодой человекъ былъ сильно озадаченъ этимъ приглашеніемъ и пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ. Я открылъ ему темную сторону предложенной ему роли, и онъ ушелъ отъ меня, повидимому, убѣжденнымъ и утвердившимся въ идеѣ чести.

Въ университетѣ вывѣшено повелѣніе, воспреещающее студентамъ апплодировать профессорамъ на лекціяхъ и вообще изъявлять свое одобреніе или неодобреніе.

30. Понедѣльникъ. Ахтъ въ академіи наукъ. Я прочиталъ мой отчетъ. Онъ былъ коротокъ и прочитанъ живо, и потому заслужилъ всеобщее одобреніе.

Министръ сказалъ мнѣ сегодня, что ему стыдно смотрѣть на меня. Онъ представлялъ меня къ наградѣ за работы по цензурному законодательству и получилъ отказъ. Министръ до того простеръ свое ходатайство обо мнѣ, что просилъ вмѣнить это въ личную ему награду—и все-таки получилъ отказъ. Евграфъ Петровичъ [Ковалевскій] горячо выразилъ мнѣ свое недовольство и сожалѣніе. Я не менѣе горячо поблагодарилъ его за доброе ко мнѣ отношеніе и постышилъ его успокоить. Все, что случилось, вполне естественно. Какая тутъ награда за труды, относящіяся къ наукѣ и литературѣ? Я работалъ много и добросовѣстно, но работалъ исключительно для идеи; тутъ и рѣчи быть не можетъ о наградѣ. Вотъ, если-бы идея эта осуществилась и пошла въ ходъ, да принесла-бы желаемые плоды... Но все это мечты, мечты и мечты, даже безъ всякой сладости!...

31. Вторникъ. Конецъ 1858 году.

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТЕПАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ШЕВЫРЕВЪ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1890 г., томъ LXVII, августъ, стр. 364—365, академикъ А. В. Никитенко въ своемъ дневникѣ упоминаетъ, между прочимъ, объ одномъ весьма грустномъ эпизодѣ изъ жизни заслуженнаго профессора московскаго университета Степана Петровича Шевырева (1857 г.) человѣка, несомнѣнно оказавшаго наукѣ вообще, и отечественной словесности въ особенности, большія заслуги. Эпизодъ этотъ въ свое время надѣлалъ много шуму и, конечно, свелъ въ преждевременную могилу С. П. Шевырева. Представляемъ о помянутомъ эпизодѣ столкновеніи С. П. Шевырева съ гр. N. N. (оба давно покойные), рассказъ самого пострадавшаго ученаго и профессора.

Ред.

I.

Записка С. П. Шевырева.

25-го января 1857 г. Москва.

14-го января 1857 года, вечеромъ, мы сидѣли въ засѣданіи совѣта московскаго художественнаго общества, въ домѣ А. Д. Черткова, подъ его вице-президентствомъ, за однимъ столомъ: я—по правую сторону вице-президента, графъ N. N.—на другомъ концѣ стола, на углу, Н. Г. Рюминъ—между имъ и А. Д. Чертковымъ, письмоводитель—напротивъ вице-президента. Засѣданіе, послѣ чаю уже, началось чтеніемъ письма отъ преподавателя Рамазанова.

Коснувшись злоупотребленій, бывшихъ въ управленіи желѣзныхъ дорогъ, графъ вскрикнулъ: «А! грабить,—это по-русски!»

«Отчего-же по-русски, графъ? Злоупотребленія бываютъ и у другихъ просвѣщенныхъ народовъ», замѣтилъ я.

— «Ужъ не защищайте! Все русское мерзко! Имя русское стало скверно!» закричалъ графъ.

«Прискорбно слышать, какъ русскій графъ такъ открыто поносить имя русскаго человѣка», сказалъ я.

Графъ вспыхнулъ и, вскочивъ съ своего стула, перебѣжалъ на другой, возлѣ меня. Я пригласилъ продолжать засѣданіе.. Меня не

подкрѣпили... Графъ началъ мнѣ говорить, что я защищаю все мерзкое, низкое, подлое.

«Не мерзкое защищаю я, графъ, а русское, и васъ самихъ, какъ русскаго, противъ васъ-же. Въ Англии ни одинъ англичанинъ, не только аристократъ, даже самый простой Джонъ-Буль не скажетъ, что все англійское мерзко; а между тѣмъ, есть люди, которые видятъ пороки въ своемъ отечествѣ и стараются искоренить ихъ».

Графъ продолжалъ свое, все горячась болѣе и болѣе, и увѣряя, что я защищаю все гнусное.

«Да какое-же право имѣете вы говорить мнѣ это? Или потому только, что вы графъ? Я самъ дворянинъ потомственный, но есть разница между нами: вамъ дорогъ вашъ графскій титулъ, мнѣ — дороже честь русскаго имени. Думаю, что чувство личной чести въ благородномъ человѣкѣ связано съ чувствомъ народнаго достоинства, чего, видно, вы не признаете».

Графъ, оскорбляясь этими словами, сталъ меня вызывать на дуэль: — «Ну, такъ мы будемъ драться!»

«Графъ, вы публично, въ засѣданіи, вызываете меня на дуэль. Драться мнѣ не подъ лѣта. Я отецъ семейства: у меня жена и дѣти. Къ тому-же, скажу вамъ искренно, что я никогда не стрѣлялъ и стрѣлять не умѣю, а направить пистолетъ въ человѣка съ тѣмъ, чтобы убить его за личную обиду, противно моимъ правиламъ. Я-же васъ не обидѣлъ, я защищалъ только честь русскаго имени».

— «А, такъ вы вотъ какъ понимаете честь! Вы боитесь драться! Вы трусите!» и проч.

Я снова пригласилъ возвратиться къ дѣламъ засѣданія. Вице-президентъ также сказалъ слово, но оно было безсильно. Графъ все продолжалъ придирается ко мнѣ и говорить дерзости.

«Вы хотите вывести меня изъ терпѣнія, графъ; хотите, чтобы я сказалъ вамъ дурака. Я не скажу этого».

— «Такъ я-же вамъ скажу, что вы дуракъ», закричалъ графъ.

«Да чѣмъ-же это кончится? До чего, наконецъ, забывши всѣ приличія, прострете вы ваши дерзости?», сказалъ я, вставши со стула и отходя отъ графа, потому что видѣлъ въ глазахъ его выраженіе самой неистовой злобы.

Графъ поднялъ кулаки и пошелъ на меня. Я схватилъ стулъ для защиты и, поднимая его, сказалъ:

«Графъ не подходите ко мнѣ, я могу васъ ударить стуломъ».

Тогда только вице-президентъ обнаружилъ свое присутствіе тѣмъ, что взялъ меня за руку и, поставивъ стулъ на мѣсто, лишилъ меня обороны. Графъ, увидавъ меня обезоруженнаго, какъ коршунъ бросился

на меня. Я отбѣжалъ отъ него и наткнулся на чай, который несли. Онъ, воспользовавшись этимъ, нанесъ мнѣ ударъ въ спину. Оборотясь я ударилъ его по щекамъ и сказалъ ему:

«.....я иъ».

Тогда съ неистовствомъ онъ бросился на меня, нанесъ мнѣ ударъ надъ вискомъ и въ бокъ подъ мышку въ то время, какъ я стоялъ, закрывъ голову руками. Я ухватился за бильярдъ, стоявшій возлѣ, чтобы не упасть и закричалъ: «разбой!»

Вбѣжала толпа людей. Тогда графъ оставилъ кулаки.

Неистовое поведеніе и поступки графа N. N. я не могу ничѣмъ инымъ объяснить, какъ нетрезвымъ его состояніемъ, которое бываетъ съ перваго раза не замѣтно въ людяхъ такого крѣпкаго сложенія; но послѣ, когда я припомнилъ всѣ обстоятельства вечера, оно объяснилось мнѣ изъ одного неприличнаго отвѣта, которое не говорится въ благовоспитанномъ обществѣ и которое графъ N. N. произнесъ еще до начала засѣданія и спора, говоря объ отношеніи дворянъ къ крѣпостнымъ крестьянамъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Петровъ Шевыревъ.

II.

С. П. Шевыревъ—къ Ю. Н. Бартеневу.

25-го января 1857 г. Москва.

Примите мою душевную благодарность, добрѣйшій и душевно уважаемый Юрій Никитичъ, за ваше вчерашнее посѣщеніе и бесѣду. Они всегда будутъ мнѣ понятны. Вы желали имѣть вѣрную реляцію событія, вотъ она, написанная по совѣсти (см. выше стр. 627—629). Я желалъ-бы, чтобы правда дѣла, во всей наготѣ ея, была извѣстна московскому обществу.

Исторія неприятна, но она имѣла много пріятныхъ для меня послѣдствій и обнаружила, что гораздо болѣе добра, нежели зла, въ нашемъ московскомъ обществѣ, что добрыхъ людей у насъ много, что имя русское славится и знаменуетъ себя прекрасно.

Не прошло часа послѣ событія, какъ у моей постели сидѣлъ добрый вѣстникъ отъ графа Арсенія Андреевича (Закревскаго), Павелъ Н. Замятинъ. Графъ, узнавъ о событіи отъ А. Д. Черткова, прислалъ П. Н. успокоить меня и спросить о моемъ здоровьѣ. На другой день, отъ графа (Закревскаго) П. Н. также былъ у меня, съ тѣмъ-же порученіемъ. Н. Г. Рюминъ также посѣтилъ меня и узнавалъ

обо мнѣ. Въ прошедшее воскресенье попечитель университета Евграфъ Петровичъ Ковалескій почти часъ провелъ у меня въ домѣ, исполненный ко мнѣ вниманія и участія. Всѣ знаменитости нашего медицинскаго факультета С. И. Иноземцевъ, А. И. Поль, А. И. Оверъ, О. В. Варвинскій, А. О. Армфельдъ, другъ за другомъ меня навѣстили. Дамы посѣщали меня больнаго въ спальнѣ, у моей постели. Говорить-ли объ участіи друзей? Голоса отовсюду, исполненные участія, неслись ко мнѣ.

И вы меня посѣтили, и такъ отрадно бесѣдовали со мною.

Въ Москвѣ, къ сожалѣнію, говорятъ, что я будто-бы сына подстрекаю къ мщенію и что сынъ намѣренъ отмстить за меня. Я сегодня получилъ отрадное письмо отъ сына. Если я самъ, по христіанскимъ правиламъ, противникъ дуэли, то конечно передалъ эти правила сыну. Мой юноша растетъ силами внутренними для служенія отечеству: пошлю-ли его на такое скверное дѣло, какъ дуэль, когда я самъ готовъ отъ души простить обиду, мнѣ нанесенную. Да и зачѣмъ-же сыну моему мстить за меня, когда я защищалъ имя русское? Тутъ лучшее мщеніе въ приговорѣ общественнаго суда. Надѣюсь, что въ московскомъ обществѣ нашемъ имя русское свято, и что за меня столько-же мстителей, сколько добрыхъ русскихъ въ нашемъ отечествѣ. Зачѣмъ-же приносить мнѣ въ жертву милого, юнаго сына?... Нѣтъ, я принялъ всѣ мѣры, чтобы сынъ мой остался спокоенъ и продолжалъ свои занятія науками. Онъ исполнитъ мою просьбу и приказаніе.

Видно, нѣкоторымъ событіямъ надобно случиться, чтобы выяснились мысли людей, чтобы сказывались ярче добро и зло, чтобы потрясались внутреннія струны души... О, какая музыка! Съ одной стороны чудная гармонія, съ другой—разладица. Но гармонія торжествуетъ и нравственная сторона возвышается. Да, пускай я страдаю, лишь-бы эта сторона возвышалась и торжествовала, и лишь-бы славилось имя русское!

Примите, ваше превосходительство, чувства искренняго уваженія отъ преданнаго вамъ С. Шевырева.

Сообщ. 3-го янв. 1879 г. Н. И. Павовъ.

ГРАФЪ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

Воспоминанія Евгенія Скайлера.

Eugene Schuyler, въ «Scribneris Magazine».

I.

Двадцать лѣтъ тому назадъ существовалъ еще въ Москвѣ салонъ князя и княгини Одоевскихъ и былъ однимъ изъ русскихъ литературныхъ центровъ. Были еще другіе дома, въ которыхъ литераторы собирались группами и партіями. У Каткова, на примѣръ, по субботамъ, вечеромъ, мы были увѣрены найти остроумнаго и ѣдкаго Леонтьева, профессора Любимова, сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника», нѣкоторыхъ профессоровъ недавно открытаго лицея и случайно проѣзжаго иностранца, то съ сѣвера, то съ юга, симпатизирующаго Москвѣ, какъ отличающейся отъ петербургской литературной и политической школы. Катковъ, столь твердый въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, очаровательно говорилъ о литературныхъ предметахъ, въ которыхъ онъ допускалъ болѣе разницы въ мнѣніяхъ. Онъ былъ такой большой труженикъ, особенно ночью, что только по субботамъ послѣ полдня и вечеромъ можно было его видѣть, такъ какъ «Вѣдомости» по понедѣльникамъ не выходили. Супруга его, княжна изъ скромной кавказской семьи, была пріятная женщина, а домъ былъ наполненъ дѣтьми, съ которыми, — я говорю о себѣ, — я былъ большимъ другомъ. Я никогда не забуду моихъ случайныхъ обѣдовъ и вечеровъ въ этомъ семействѣ.

Въ домѣ журналиста Аксакова, соперника Каткова и ярого славнофила, можно было встрѣтить Милютина, князя Черкаскаго и другихъ изъ ихъ среды, а также его тестя, поэта Тютчева, когда онъ

случайно бывалъ въ Москвѣ; но слабое здоровье г-жи Аксаковой не допускало никакихъ регулярныхъ пріемовъ.

У Бартенева, издателя «Русскаго Архива», человѣка замѣчательно свѣдущаго по части библиографіи и исторіи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми профессорами университета, можно было встрѣтить студентовъ и интересныхъ людей.

Но салонъ кн. Одоевскаго былъ самымъ обширнымъ мѣстомъ свиданія съ литераторами.

Кн. Владиміръ ѳедоровичъ Одоевскій былъ единственный оставшійся въ живыхъ членъ благороднѣйшей вѣтви потомковъ Рюрика, и вслѣдствіе этого былъ первый дворянинъ въ Россіи. Онъ началъ свою общественную службу, какъ камергеръ двора, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, занималъ мѣсто директора публичной бібліотеки въ Петербургѣ и гофмейстера двора умной и ученой великой княгини Елены Павловны; впослѣдствіи онъ окончательно поселился въ Москвѣ, какъ предсѣдатель одного изъ департаментовъ сената — русскаго апелляціоннаго суда. Въ литературномъ отношеніи — одинъ изъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ изъ пушкинской эпохи; въ юности имъ написано много короткихъ разсказовъ, съ философскимъ и идеальнымъ оттѣнкомъ. Нѣкоторые изъ сихъ разсказовъ, какъ «Послѣдній квартетъ Бетховена» и «Фуга Баха», большого достоинства. Произведенія его въ послѣдніе годы стали рѣже, но высоко цѣнны. Онъ былъ человѣкъ многосторонній: придворный, юристъ, музыкантъ, писатель и ученый. Едва-ли была какая-либо отрасль знанія, въ которой мнѣніе его не было цѣнимо, и мнѣніе это было не только основано на книгахъ, но и на разсужденіи. Въ большой бібліотекѣ его, съ рѣдкими сочиненіями, едва-ли былъ одинъ томъ безъ его отмѣтки карандашемъ. Въ отношеніи научнаго знанія музыки и музыкальной акустики онъ имѣлъ, вѣроятно, менѣе чѣмъ кто-либо соперниковъ, и въ послѣдніе годы онъ все свое досужее время посвящалъ музыкальнымъ упражненіямъ, изученію и композиціи. Не смотря на то, что онъ былъ первый аристократъ въ Россіи, онъ, можетъ быть, былъ величайшій демократъ. Въ его знаменитомъ и любопытномъ кабинетѣ, въ которомъ всѣ русскіе писатели, отъ Пушкина до графа Толстаго, такъ часто бесѣдовали, гдѣ сидѣли Глинка и Берліозъ, и всѣ музыканты, и въ самомъ дѣлѣ всѣ замѣчательные люди Россіи, гдѣ бывали императоры и великіе князья, — всѣ были равны и совершенно дома. Съ самымъ мелкимъ чиновникомъ обходились одинаково, какъ съ министромъ или съ посломъ. Пріемъ былъ одинаково добродушный для всѣхъ, съ одинаковымъ желаніемъ обязать и услужить. Княгиня Ольга была также очаро-

вательна, какъ ея мужъ, хотя въ различномъ направленіи. Братъ ея, графъ Ланской, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, былъ однимъ изъ главныхъ двигателей въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Семейство ея до сихъ поръ сохраняетъ либеральныя идеи; одинъ изъ ея племянниковъ, г. Галкинъ-Враскій, извѣстенъ по дѣлу судебной реформы въ Россіи. Г. Кеннокъ часто имѣлъ случай упоминать о немъ съ похвалою.

Въ этотъ гостепріимный домъ я былъ представленъ въ первый пріѣздъ мой въ Москву, осенью 1867 г., Тургеневымъ, съ которымъ я только-что познакомился лично въ Баденъ-Баденѣ. Я былъ молодыми годами и еще моложе характеромъ и темпераментомъ, и съ самаго начала на меня смотрѣли не столько какъ на пріятнаго гостя, какъ на избалованное дитя дома. Я обѣдалъ тамъ регулярно разъ въ недѣлю, и меня ждали по пятницамъ вечеромъ, и князь, имѣвшій вкусъ къ гастрономіи и издавшій нѣкогда поваренную книгу, имѣлъ обыкновеніе посылать за мною всякій разъ, когда хотѣлъ испробовать новое блюдо или когда ждалъ интересныхъ гостей. Онъ жилъ въ старомъ домѣ на Смоленскомъ бульварѣ, который, кажется, спасся отъ пожара 1812 г., съ флигелями, выходящими полукругомъ по обѣ стороны улицы и построенными въ старомъ московскомъ стилѣ, съ большимъ дворомъ передъ домомъ и садомъ позади, гдѣ пробовали сажать рѣдкія овощи и растенія, такъ какъ князь столько-же былъ свѣдущъ въ ботаникѣ и поварскомъ искусствѣ, какъ въ музыкѣ. Въ томъ-же домѣ, въ нижнемъ этажѣ, жилъ извѣстный библіофилъ Соболевскій, коего библіотека, послѣ его смерти, была почти вся разсѣяна между Европою и Америкою, и который былъ *habitué* въ домѣ князя. По пятницамъ, вечеромъ, дамы обыкновенно собирались въ одной изъ двухъ гостинныхъ у княгини, которая разливала чай, если не было какой-нибудь молодой барышни, чтобы замѣнить ее; мужчины пока, раньше или позже, отправлялись въ кабинетъ князя курить и разговаривать. Когда бывалъ какой-нибудь большой пѣвецъ или музыкантъ, какъ г-жа Александрова, примадонна русской оперы, являвшаяся всегда, когда была свободна, мы проходили въ смежный обширный залъ, наполненный книгами, между гостинною и кабинетомъ, гдѣ находились два фортепіано, органъ и коллекція музыкальных инструментовъ. Тамъ я встрѣтилъ Берліоза и другихъ иностранныхъ музыкантовъ, и однажды слышалъ русскаго композитора Сѣрова, который исполнялъ *voix humaine* изъ одной изъ своихъ новыхъ оперъ. Князь изобрѣлъ маленькое фортепіано съ клавишами для низкихъ и высокихъ звуковъ, звучащихъ какъ скрипка. Его иногда пробовали и результатъ былъ, что оно рѣзало уши на весь остальной вечеръ,

сравнительно съ условными звуками обыкновеннаго фортепіано. Рассказывать обо всемъ, что происходило тамъ, было-бы дать простое описаніе русскаго общества лучшаго пошиба, такъ какъ все, что было хорошаго въ Петербургѣ, случайно находилось въ Москвѣ, и всѣ по-сѣщали княгиню, чтобы видѣть ее или встрѣтить всѣ знаменитости между русскими художниками и литераторами.

Здѣсь я однажды, вечеромъ, встрѣтилъ графа Льва Толстаго, стараго знакомаго князя и которій, сверхъ того, былъ друженъ съ многими московскими дамами, большими пріятельницами княгини, и которыя въ это время доставляли ему матеріалы для его романа «Война и Мирь», который онъ тогда медленно писалъ. Я былъ весьма увлеченъ имъ, и въ концѣ вечера сказалъ княгинѣ, что-бы она пригласила меня для того, чтобы его видѣть. Она отвѣчала смѣясь:

— «Это ни къ чему не поведетъ, потому что изъ него ничего не сдѣлаете: онъ очень дикъ и нелюдимъ (*très farouche et très sauvage*).

Я не былъ утрашенъ замѣчаніемъ княгини, и на слѣдующій день отправился къ гр. Толстому, котораго нашель окруженнымъ книгами и бумагами, въ маленькой квартирѣ, уступленной ему пріятелемъ. Далеко не медвѣдь, онъ мнѣ, напротивъ, показался чрезвычайно любезнымъ. Знакомство наше продолжалось до того, что онъ вдругъ предложилъ мнѣ сдѣлать путешествіе на юго-востокъ отъ Оренбурга къ границѣ Азіи, и онъ не только снабдилъ меня письмами къ различнымъ его родственникамъ и друзьямъ, съ которыми мнѣ будетъ пріятно встрѣтиться, но къ тому-же убѣдительно пригласилъ меня пріѣхать въ его деревню осенью и оставаться тамъ сколько мнѣ будетъ угодно и насколько я перенесу его привычки.

При наступленіи осени приглашеніе было повторено.

II.

Такимъ образомъ, въ субботу, 3-го октября 1868 г., я выѣхалъ изъ Москвы въ 5 часовъ вечера, съ единственно удобнымъ поѣздомъ недавно открытой южной желѣзной дороги, и, миновавъ Тулу, — русскій Бирмингамъ и Шеффилдъ, — проѣхавъ около 120 миль на югъ отъ Москвы, прибылъ въ Ясную Поляну около 2 часовъ ночи. Во время пути я былъ очень радъ познакомиться съ г. Н. Макаровымъ, составителемъ лучшаго русско-французскаго лексикона, который, по простой русской привычкѣ, рассказалъ мнѣ о всѣхъ своихъ дѣлахъ и всю исторію своей жизни. Русскіе во время путешествія становятся очень словоохотливы, и такъ какъ они такъ-же любопытны, какъ шот-

ландцы,—они также искренни и сообщительны о своихъ собственныхъ дѣлахъ, даже самыхъ интимныхъ, до такой степени, что намъ трудно вообразить. Прекрасный день въ Москвѣ окончился неприятнымъ проливнымъ дождемъ. Карета графа ожидала на станціи Ясенки, но дождь лилъ такъ сильно и было такъ темно, что намъ нужно было полныхъ полтора часа, чтобы проѣхать четыре мили, отдѣлявшія насъ отъ дома въ Ясной Полянѣ. Наконецъ, мы подѣхали къ большой каменной колоннѣ и объѣхали аллею. Слуга ждалъ меня въ домѣ и, черезъ разные проходы, похожіе на лабиринтъ, проводилъ меня въ мою комнату, гдѣ я нашелъ накрытый столъ и очень былъ радъ поѣсть и согрѣться чаемъ. Мнѣ сказали, что уже очень поздно и что я не долженъ являться ранѣе 11 часовъ, обыкновеннаго времени для утренняго кофе. Данная мнѣ комната была на другомъ углу нижняго этажа. Чтобы идти къ графу, мнѣ надо было проходить черезъ его кабинетъ; но, какъ и вышелъ на другой день, я былъ близъ лѣстницы, и могъ свободно пройти въ гостинную и столовую. Въ одномъ углу стоялъ стеклянный шкафъ (кіотъ), наполненный священными картинами, образами, или, какъ здѣсь называютъ, иконами стараго стиля, очевидно писанными до начала раскола и покрытыми богатыми драгоценными камнями; кромѣ того, съ крестами, четками и мощами, такъ что любопытство мое было сильно возбуждено. Я послѣ узналъ, что это была комната г-жи Юшковой, тетки графа, которая пеклась о немъ съ самаго юнаго возраста его и которая продолжала жить съ нимъ.

На другое утро, въ 11 часовъ, я явился въ гостинную и познакомился съ различными членами семейства. Графиня Софья Андреевна, очаровательная, высокая, стройная и красивая женщина, около 24 лѣтъ, дочь нѣмца, московскаго доктора Борса, который въ то время занималъ должность главнаго военно-медицинскаго инспектора въ Тулѣ; трое дѣтей—Сергѣй, или Сереженька, милый, красивый мальчикъ 5 лѣтъ; маленькая дѣвочка, съ большими глазами, какъ у матери, которую звали Таня, уменьшительное Татьяны, и маленькій мальчикъ Илья, или Ильюшка, и старая англичанка, гувернантка. Графъ носилъ сѣрую блузу со складками и поясомъ, не совершенно охотничью жакетку, но похожую на крестьянскую сорочку, и которая служила ему обычнымъ костюмомъ въ деревнѣ. Разговоръ въ семействѣ велся обыкновенно на англійскомъ языкѣ, во всякомъ случаѣ въ присутствіи дѣтей. Дѣти имѣли кофе и хлѣбъ съ масломъ, вмѣстѣ съ нами и послѣ. Графъ и я курили, разговаривали и играли часъ или около двухъ на фортепіано, и это бывало всегда, когда дождь не позволялъ выходить изъ дому. Погода вдругъ разъяснилась, какъ по волшебству, и мы могли выѣзжать и осматривать помѣстье.

Ясная Поляна, коей середина есть собственно открытое или чистое поле, занимает около 250 акровъ (125 десятинъ), изъ коихъ большая часть всегда была обрабатываема; но такъ какъ почва не была плодородна и казалась бѣдною, въ сравненіи съ богатымъ черноземомъ, начинающимся въ 4-хъ миляхъ на югъ, и такъ какъ недавно открытая желѣзная дорога уменьшила цѣны на хлѣба, привозимые изъ гораздо лучшихъ странъ, и заработная плата въ этой мѣстности была слишкомъ велика, чтобы употреблять крестьянъ, какъ возчиковъ или погонщиковъ, то графъ Толстой пересталъ садить пшеницу и рожь и насадилъ во всемъ помѣстьи березовыхъ деревьевъ. Это, по его расчету, черезъ 20 лѣтъ будетъ приносить большой и вѣрный доходъ, если рубка для дровъ будетъ производиться тщательно, по французской системѣ, и такимъ образомъ онъ оставитъ дѣтямъ помѣстье болѣе производительное, чѣмъ оно досталось ему самому по наслѣдству. Домъ стоялъ на маленькой горѣ, въ концѣ прекрасной аллеи березовыхъ и липовыхъ деревьевъ. Позади дворовъ и конюшень начинались лѣса, поля и растенія. Оранжерея была построена внизу за годъ или два до того времени, и съ тѣхъ поръ цвѣточный садъ былъ оставленъ. Старый господскій домъ, который въ старину былъ прекраснымъ строеніемъ, угрожалъ такимъ разрушеніемъ, что онъ незадолго передъ тѣмъ былъ сломанъ и семейство жило въ одномъ изъ отдѣльныхъ флигелей. Всѣ большіе дома въ Россіи, какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, прежде строились съ двумя или тремя отдѣльными флигелями, которые всегда оказывались полезными и удобными тогда, когда цѣлое семейство, съ полдюжиною прислуги, пріѣзжало въ гости на три мѣсяца.

Въ 5 часовъ мы вернулись къ обѣду, послѣ котораго была музыка и общій разговоръ до 10 часу, когда поданъ былъ легкій ужинъ, безъ дѣтей; послѣ графъ пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ и мы проговорили до часу или двухъ.

Слѣдующій день былъ проведенъ такимъ-же образомъ. Невозможно описать такое ежедневное препровожденіе недѣли, коей прелесть заключается въ обществѣ, въ прекрасной октябрьской погодѣ, приглаголюющей на всякаго рода экскурсіи, и въ разговорѣ.

Хотя Толстой тогда былъ занятъ послѣднею частью «Войны и Мира», онъ могъ лишь малое время посвящать писанію. Большою страстью автора былъ тогда, какъ и прежде всегда, спортъ. Каждое утро я находилъ его вставшимъ на разсвѣтѣ, а иногда и ранѣе, не смотря на то, въ какое время онъ легъ въ прошедшую ночь; онъ уходилъ на охоту за дичью въ лѣса, съ ружьемъ и собаками. Тогда былъ самый сезонъ охоты, но сильный дождь прогналъ на время

тетеревоѣ, которыхъ обыкновенно было очень много въ недалекомъ разстояніи отъ дома, гдѣ нѣкогда былъ паркъ. Этой страсти къ спорту мы обязаны не только всею исторіею «Казаковъ», но и нѣкоторыми другими повѣстями, также лучшими страницами «Войны и Мира» и «Анны Карениной», такъ какъ охоты и военныя скачки описаны Толстымъ такія, которыя онъ видѣлъ и въ которыхъ участвовалъ. Сопровождавши его разъ или два, я могъ видѣть сильный реализмъ этого спорта, и теперь это имѣетъ для меня особую прелесть, какъ воспоминаніе о посѣщеніи Ясной Поляны. Имѣя врожденную ненависть къ огнестрѣльному оружію и никогда не живши въ странѣ, гдѣ дичь въ такомъ изобиліи или гдѣ охота за нею обязательна, какъ въ Англіи, я никогда не бывалъ въ лѣсахъ съ ружьемъ въ рукѣ; я былъ убѣжденъ, что дѣлаю это въ первый и послѣдній разъ,—не потому, чтобы это мнѣ не нравилось, но потому, что подобнаго случая мнѣ никогда болѣе не представится.

Я никогда не могу забыть перваго моего выхода. День былъ жаркій и прекрасный, подобный тому, въ который я теперь пишу на Ривіерѣ. Мы поѣхали за 12 миль въ открытый лѣсъ, гдѣ надѣялись стрѣлять зайцевъ. Тамъ къ намъ присоединился нашъ ближайшій сосѣдъ г. Бибиковъ, котораго мы видѣли почти каждый день. Можетъ быть потому, что Толстой былъ такая замѣчательная личность, я сохранилъ малое воспоминаніе о Бибиковѣ, кромѣ того, что онъ былъ пріятный и гостепріимный помѣщикъ, имѣвшій хорошій домъ и пріятное семейство. Я даже смутно помню, какой онъ былъ на видъ. Каждая партія приводила одну или двухъ собакъ, которыхъ обязанность была пугать зайцевъ и гнать ихъ вдоль дороги до лѣсу, такъ, чтобы они пробѣжали мимо насъ, сидѣвшихъ или стоявшихъ на значительномъ разстояніи, въ маленькихъ засадахъ, видимо приготовленныхъ для этого; для этого обыкновенно брали пень или полѣно, поставленные такъ, чтобы служить сидѣніемъ или мѣстомъ наблюденія. Мои экскурсіи въ лѣса до тѣхъ поръ были единственно ботаническія и, за исключеніемъ любопытной птицы или насѣкомаго, я наблюдалъ только за деревьями, кустарниками и за почвою, отыскивая рѣдкія растенія, мохъ и грибы. Для меня было ново сидѣть смирно и напирать уши и глаза, прислушиваться къ различнымъ шумамъ въ лѣсу, различать, падаютъ-ли вѣтки или листья,—тогда именно падали листья,—но ни одинъ изъ нихъ, даже кленовыя и дубовыя, не имѣли такого яркаго цвѣта, какъ у насъ,—различать шумъ, производимый птицами, размышлять о происхожденіи неизвѣстныхъ звуковъ и прислушиваться къ движеніямъ зайцевъ. Я провелъ тогда—возвращаясь къ минувшему—одинъ изъ пріятнѣйшихъ полчасовъ

моей жизни. Напряженіе ума, ожиданіе, казалось, развивали во мнѣ новое чувство. Одинокій, хотя вблизи отъ голосовъ моихъ товарищей, я не зналъ, гдѣ они находятся, такъ какъ мое мѣсто было обозначено прежде другихъ. Наконецъ, я услыхалъ бѣгущихъ по дорогѣ собакъ и не могъ ошибиться въ приближеніи зайца. Онъ добѣжалъ до прогалины и остановился, какъ вкопанный, смотря на меня съ любопытствомъ. Я также смотрѣлъ на него съ удивленіемъ; я былъ такъ нервенъ и возбужденъ, что совсѣмъ забылъ, что у меня ружье и что я былъ поставленъ для того, чтобы его застрѣлить. Когда мы такъ вдоволь насмотрѣлись другъ на друга, онъ, не спѣша, удалился. Прошло еще полчаса ожиданія, въ теченіи котораго я слышалъ нѣсколько выстрѣловъ направо и налево. Вновь явился заяцъ, вѣроятно, тотъ же, который сѣлъ противъ меня, какъ будто разсматривая, что я дѣлаю. Въ этотъ разъ я уже обдуманно прицѣлился въ него и ранилъ его въ заднюю лапу. Мнѣ стало жаль его, когда я увидалъ, какъ онъ, прыгая, пробирается въ хворостникъ, и совсѣмъ забылъ, что въ моемъ ружьѣ другой стволъ. Когда мы позднѣе сошлись и сличили наши подвиги, оказалось, что вообще я не такъ дурно дѣйствовалъ, потому что убить былъ только одинъ заяцъ, однимъ изъ Бибиковыхъ. Толстой видѣлъ зайца, который убѣжалъ въ ту минуту, какъ онъ заряжалъ свое ружье. Разсказъ о моихъ подвигахъ возбудилъ между охотниками всеобщій смѣхъ, но вечеромъ Толстой сказалъ нѣсколько словъ, изъ коихъ явствовало, что онъ цѣнитъ ихъ поэтическую сторону.

На другой день мы опять отправились на заячью охоту. Толстой и двое Бибиковыхъ были верхомъ и вооружены весьма длинными, гибкими, но тяжелыми арапниками; собаки слѣдовали за ними на сворѣ. Мы-же всѣ, т. е. дамы и дѣти Бибиковского семейства, графиня, Сережа и я, ѣхали въ линейкѣ,—длинномъ и низкомъ русскомъ экипажѣ, употребляемомъ въ деревнѣ, весьма похожимъ на удлиненные ирландскіе экипажи для прогулки, которые вмѣщаютъ отъ 8 до 10 человекъ, сидящихъ спина о спину. Когда мы подъѣхали къ болотистой мѣстности, насъ разставили на маленькомъ возвышеніи, откуда видъ распространялся во всѣ направленія и гдѣ лакеи должны были приготовить намъ завтракъ. Всадники, съ своими спущенными со своры собаками, разсѣялись въ разныя стороны. Собаки были дрессированы гнать зайцевъ по направленію охотниковъ, которые, какъ скоро они къ нимъ приближались, ловко ихъ убивали однимъ ударомъ арапника, которымъ они были или задушены или имъ перебивали ребра. Можно было сломить себѣ шею, скакавши по горамъ, рывинамъ и ямамъ. Охота эта одинаково привлекательна для зрителей, какъ для дѣятельныхъ участниковъ.

Такой особенный родъ спорта свойственъ можетъ быть странѣ; другіе роды охоты могутъ существовать во всякой деревнѣ въ такую погоду. Гораздо болѣе мнѣ доставляли прелести вечерніе разговоры послѣ ужина, которые длились иногда долго за ночь.

III.

Однажды вечеромъ, во время моего пребыванія, Толстой рассказывалъ мнѣ многое о своей прежней жизни, но то, что я скажу нынѣ, не повторить того, что онъ говорилъ, и я дополняю нѣкоторыя подробности изъ другихъ источниковъ.

Онъ родился 28 августа (9 сентября) 1828 года, въ Ясной Полянѣ, младшій изъ четырехъ сыновей. Изъ братьевъ его, Николай жилъ до 1862 г.; говорятъ, онъ имѣлъ прекрасный характеръ, былъ большимъ охотничьимъ другомъ Тургенева, его сосѣда по имѣнію, и нѣсколько лѣтъ служилъ въ арміи на Кавказѣ. Онъ очень хорошо рассказывалъ охотничьи исторіи, и записалъ нѣкоторыя изъ нихъ, которыя были напечатаны; но, какъ Тургеневъ говоритъ, «его руки были столь-же жестки, какъ у рабочаго, и онъ испытывалъ большое физическое затрудненіе въ писаніи». Онъ, нѣкоторымъ образомъ, могъ служить оригиналомъ для Николая Левина въ «Аннѣ Карениной», равно и для нѣкоторыхъ деталей. Сестра его, Марія, была замужемъ за другимъ Толстымъ. По словамъ Тургенева, она была въ высшей степени пріятная и симпатичная женщина. Онъ-же опять (въ 1856 г.) пишетъ: «Болѣзнь ея меня печалить. Если есть на землѣ женщина, заслуживающая быть счастливою, то это она, но именно на такія натуры судьба налагаетъ свою тяжелую руку».

Мать Толстаго умерла въ 1830 г., когда ему было едва два года, и послѣ ея кончины попеченіе о дѣтяхъ приняла на себя ихъ тетка, графиня Остенъ-Сакенъ, сестра ея отца. Около времени переселенія семейства въ Москву, въ 1837 г., умеръ отецъ. Левъ, его братъ Дмитрій и сестра Марія были отправлены назадъ въ деревню, а Николай остался въ Москвѣ съ теткою Остенъ-Сакенъ и слушалъ лекціи въ университетѣ. Три года спустя, графиня Остенъ-Сакенъ умерла, и младшія дѣти перешли на попеченіе сестры ея, другой ихъ тетки, Юшковой, жившей въ Казани. Она посвятила себя графу Льву и его семейству до конца своей долговременной жизни, и Толстой въ первой главѣ своей «Исповѣди» приводитъ забавный примѣръ ея желаній ему благоденствія. Тогда Дмитрій перешелъ въ казанскій

университетъ и отличился своимъ религіознымъ рвеніемъ, что сдѣлало его посмѣшищемъ остальнаго семейства ¹⁾.

¹⁾ Разсказъ о ранней жизни гр. Льва Толстаго въ его «Исповѣди» очень интересенъ, но мы должны вспомнить, что онъ былъ писанъ подъ вліяніемъ весьма строгаго религіознаго направленія.

«Я былъ крещенъ и воспитанъ въ православной христіанской вѣрѣ. Меня учили ей и съ дѣтства, и во все время моего отрочества и юности. Но когда я 18 лѣтъ вышелъ со втораго курса университета, я не вѣрилъ уже ни во что изъ того, чему меня учили. Судя по нѣкоторымъ воспоминаніямъ, я никогда и не вѣрилъ серьезно, а имѣлъ только довѣріе къ тому, что исповѣдывали передо мной большіе; но довѣріе это было шатко. Помню, что когда мнѣ было лѣтъ одиннадцать, одинъ мальчикъ, давно умершій, Володинька М., учащійся въ гимназій, приѣхавъ къ намъ на воскресенье, какъ послѣднюю новинку, объявилъ намъ открытіе, сдѣланное въ гимназій. Открытіе состояло въ томъ, что Бога нѣтъ и что все, чему насъ учатъ, однѣ выдумки. Это было въ 1838 г. Помню, какъ старшіе братья заинтересовались этою новостью, позвали и меня на совѣтъ, и мы всѣ, помню, очень оживились и приняли это извѣстіе какъ что-то очень занимательное и весьма возможное.

«Помню еще, что когда старшій братъ мой Дмитрій, будучи въ университетѣ, вдругъ, съ свойственною его натурѣ страстностью, предался вѣрѣ и сталъ ходить ко всѣмъ службамъ, постытсья, вести чистую и нравственную жизнь, то мы всѣ, и даже старшіе, не переставая, поднимали его на смѣхъ и прозвали почему-то Ноемъ. Помню, Мусинъ-Пушкунъ, бывшій тогда попечителемъ казанскаго университета, звавшій насъ къ себѣ танцовать, насмѣшливо уговаривалъ отказывающагося брата тѣмъ, что Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ. Я сочувствовалъ тогда этимъ шуткамъ старшихъ и выводилъ изъ нихъ заключеніе о томъ, что учить катехизисъ надо, ходить въ церковь надо, но слишкомъ серьезно принимать этого не слѣдуетъ. Помню еще, что я очень молодымъ читалъ Вольтера и насмѣшки его не только не возмущали, но очень веселили меня. Отпаденіе мое отъ вѣры произошло во мнѣ такъ-же, какъ оно происходило и происходитъ теперь въ людяхъ нашего склада образованія.

«Сообщенное мнѣ съ дѣтства вѣроученіе исчезло во мнѣ такъ-же, какъ и въ другихъ, съ тою только разницею, что такъ какъ я съ 15 лѣтъ сталъ читать философскія сочиненія, то мое отреченіе отъ вѣроученія очень рано стало сознательнымъ. Я съ 16 лѣтъ пересталъ становиться на молитву, и пересталъ, по собственному побужденію, ходить въ церковь и говѣть. Я не вѣрилъ въ то, что мнѣ сообщено съ дѣтства, но я вѣрилъ во что-то.

«Когда-нибудь я разкажу исторію моей жизни, и трогательную, и поучительную въ эти десять лѣтъ моей молодости. Думаю, что многіе и многіе испытали то-же. Я всею душою желалъ быть хорошимъ; но я былъ молодъ, у меня были страсти, а я былъ одинъ, совершенно одинъ, когда искалъ хорошаго. Всякій разъ, когда я пытался высказывать то, что составляло самыя задушевные мои желанія, то, что я хочу быть нравственно хорошимъ,—я встрѣчалъ презрѣніе и насмѣшки, а какъ только я предавался гадкимъ страстямъ, меня хвалили и поощряли.

«Честолюбіе, властолюбіе, корыстолюбіе, гордость, гнѣвъ, месть—все это уважалось.

Графъ Левъ самъ поступилъ въ университетъ въ 1843 г., пятнадцати лѣтъ отъ роду, и провелъ одинъ годъ на факультетѣ восточныхъ языковъ и два года на юридическомъ. Но вдругъ, окваченный желаніемъ быть полезнымъ своимъ крестьянамъ, онъ вышелъ изъ университета и поселился въ своемъ помѣстьѣ Ясная Поляна. Опыты его тамъ, а также его идеи прогресса, были внушены ему, какъ онъ описываетъ въ своемъ разсказѣ «Утро помѣщика». Въ 1851 г. онъ посѣтилъ своего брата, служившаго на Кавказѣ, и это посѣщеніе совершенно измѣнило теченіе его жизни. Подъ впечатлѣніемъ мѣстности и простыхъ обычаевъ, а можетъ быть, и подъ влияніемъ другихъ соображеній, онъ пожелалъ тамъ остаться, а такъ какъ тогда Кавказъ не былъ мѣстомъ для статскихъ, онъ поступилъ въ военную службу юнкеромъ въ 4-ю батарею 20-й артиллерійской бригады. Въ то время юнкеръ былъ нѣчто среднее между солдатомъ и офицеромъ, чинъ, съ которымъ дворяне обыкновенно поступали въ армію, и который, налагая на нихъ обязанности солдата, позволялъ вращаться съ офицерами. Стоянка его была въ Старо-Литовскѣ, на Терекѣ, и тамъ онъ прожилъ три года, до начала войны съ Турціею. Новое окружающее его возбудило перемѣну въ его натурѣ, и Толстой началъ писать. «Дѣтство» было окончено въ 1852 г., «Отрочество»—въ

«Отдаваясь этимъ страстямъ, я становился похожъ на большаго, и я чувствовалъ, что мною довольны. Добрая тетюшка моя, чистѣйшее существо, съ которою я жилъ, всегда говорила мнѣ, что она ничего не желала-бы такъ для меня, какъ того, чтобы я имѣлъ связь съ замужнею женщиною: «Rien ne forme un jeune homme, comme une liaison avec une femme comme il faut»; еще другаго счастья она желала мнѣ—того, чтобы я былъ адъютантомъ, и лучше всего у государя; и самаго большаго счастья—того, чтобы я женился на очень богатой дѣвушкѣ и чтобы у меня, вслѣдствіе этой женитьбы, было какъ можно больше рабовъ.

«Безъ ужаса, омерзенія и боли сердечной не могу вспомнить объ этихъ годахъ. Я убивалъ людей на войнѣ, вызывалъ на дуэли, чтобы убить, проигрывалъ въ карты, продавалъ труды мужиковъ, казнилъ ихъ, блудилъ и обманывалъ. Ложь, воровство, любодѣянія всѣхъ родовъ, пьянство, насиліе, убійство... Не было преступленія, котораго-бы я не совершилъ, и за все это меня хвалили, считали и считаютъ мои сверстники сравнительно нравственнымъ человѣкомъ.

«Такъ я жилъ десять лѣтъ. Въ это время я сталъ писать—изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости. Въ писаніяхъ своихъ я дѣлалъ то-же самое, что и въ жизни. Для того, чтобы имѣть славу и деньги, для которыхъ я писалъ, надо было скрывать хорошее и высказывать дурное. Я такъ и дѣлалъ. Сколько разъ я ухитрялся скрывать въ планахъ своихъ, подъ видомъ равнодушія и даже легкой насмѣшливости, тѣ мои стремленія къ добру, которыя составляли смыслъ моей жизни. И я достигалъ этого: меня хвалили».

1854 г., «Набѣгъ» и «Утро помѣщика» написаны также въ 1852 г. Интересно, что въ самомъ началѣ уже находятся зародыши тѣхъ трехъ различныхъ направленій, которымъ онъ слѣдовалъ, сплетенныхъ въ его послѣднихъ и лучшихъ сочиненіяхъ, а также зародышъ его недавняго философско-религіознаго фазиса. Основы были положены для нѣкоторыхъ другихъ короткихъ очерковъ, и особенно въ разсказѣ «Казачи», и въ нѣкоторыхъ случаяхъ предположенія были передаваемы на бумагу.

Когда началась восточная война, Толстой просился на дѣйствительную службу, и былъ прикомандированъ къ штабу князя Михаила Горчакова, главнокомандующаго русскою арміею на Дунаѣ; а когда театръ войны былъ перенесенъ въ Крымъ, онъ получилъ командованіе горною батареею, и имѣлъ случай оказать хорошія услуги въ сраженіи при Черной, 4-го (16-го) августа 1855 г.. Это сраженіе, которое было такъ несчастно для Россіи, было послѣдствіемъ ряда ошибокъ, начавшихся съ того, что представитель военнаго министерства, баронъ Вревскій, требовалъ подобнаго рода военныхъ дѣйствій, совершенно забывъ, что военные топографы должны были нанести на карты извѣстные рытвины и овраги, что довазало-бы ихъ важность. Пренія военнаго совѣта и происшедшее въ сраженіи было очень хорошо обрисовано въ сатирической пѣснѣ, которая служитъ прекрасною иллюстраціею народнаго духа русскихъ, способныхъ шутить и смѣяться въ самые трудные моменты, что и поддерживаетъ ихъ духъ. Пѣснь эта была очень популярна въ Крыму и въ короткое время распространена въ рукописи по всей Россіи. Голосъ арміи приписывалъ ее Льву Толстому, но, конечно, въ этомъ нельзя было сознаться. По крайней мѣрѣ, онъ былъ однимъ изъ авторовъ нѣкоторыхъ новыхъ стиховъ, которые случайно были прибавляемы на офицерскихъ ужинахъ, когда самъ Левъ Толстой аккомпанировалъ пѣніе на фортепіано ¹⁾).

Во время кампаній, Толстой началъ «Юность», которая была окончена лишь два года спустя; написалъ другой очеркъ Кавказа: «Рубка лѣса» и «Три очерка Севастополя». Эти послѣдніе приобрѣли автору большое вниманіе на родинѣ. Первые два были читаны съ сочувствіемъ во дворцѣ, и императоръ Николай (?), который даже во время войны думалъ объ умственной славѣ своей страны, приказалъ «слѣдить за жизнью этого молодаго человѣка». Это выраженіе, которое употреблялъ Толстой, говоря объ этомъ. Послѣдствіемъ этого было,

¹⁾ См. эту пѣсню въ «Русской Старинѣ», изд. 1884 года, томъ ХLI, стр. 455—457.

что, въ крайней его досадѣ, онъ былъ удаленъ съ этого вреднаго пути и сосланъ, я полагаю, въ Симферополь на остальное короткое время осады.

По заключеніи мира, Толстой былъ уволенъ изъ арміи и пріѣхалъ въ Петербургъ 26 лѣтъ отъ роду и съ большимъ обаяніемъ общества въ такому молодому писателю. Здѣсь онъ былъ тотчасъ принятъ самымъ ласковымъ образомъ главнымъ литературнымъ кружкомъ столицы — Тургеневымъ, Гончаровымъ, Григоровичемъ, Дружининимъ и Островскимъ, и всѣ они, при случаѣ, сняли фотографическую группу ¹⁾.

Толстой, наконецъ, утомился петербургскою жизнью и возвратился въ Ясную Поляну. Столичная жизнь не согласовалась съ его идеалами о предметахъ существованія. Онъ былъ молодъ, упоренъ въ своихъ собственныхъ мнѣніяхъ и былъ наклоненъ отступить отъ принятыхъ правилъ литературнаго дѣла. Но, вопреки его упорству и странностямъ, онъ былъ уважаемъ и любимъ всѣми, кто его встрѣчалъ. Такъ какъ братья его умерли отъ чахотки и онъ казался весьма деликатнымъ и ведущимъ весьма распутную жизнь, то опасались за его здоровье. Тургеневу, какъ ближайшему, сравнительно, сосѣду его

¹⁾ Группа эта воспроизведена фототипически, съ фотографіи С. Л. Левицкаго, при «Русской Старинѣ», изд. 1880 г., т. XXVII, апрѣль, стр. 681.

«Двадцати шести лѣтъ я пріѣхалъ послѣ войны въ Петербургъ и сошелся съ писателями. Меня приняли, рассказываетъ гр. Л. Н. Толстой, — какъ своего, льстили мнѣ. И не успѣлъ я оглянуться, какъ сословные писательскіе взгляды на жизнь тѣхъ людей, съ которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мнѣ всѣ мои прежнія попытки сдѣлаться лучше. Взгляды эти подъ распущенность моей жизни подставили теорію, которая ее оправдывала. Взглядъ на жизнь этихъ людей, моихъ товарищей по писанію, состоялъ въ томъ, что жизнь вообще идетъ развиваясь, и что въ этомъ развитіи главное участіе принимаемъ мы, люди мысли, а изъ людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы—художники, поэты. Наше призваніе—учить людей. Для того-же, чтобы не представлялся тотъ естественный вопросъ самому себѣ: «что я знаю, и чему мнѣ учить?»—въ теоріи этой было выяснено, что этого и не нужно знать, а что художникъ и поэтъ бессознательно учатъ. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, а потому мнѣ очень естественно было усвоить эту теорію. Я—художникъ, поэтъ—писалъ, училъ, самъ не зная чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, пошженіе, женщины, общество, у меня была слава. Стало быть, то, чему я училъ, было очень хорошо. Вѣра эта въ значеніе поэзіи и въ развитіе жизни—была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея. Быть жрецомъ ея было очень выгодно и пріятно. И я довольно долго жилъ въ этой вѣрѣ, не сомнѣваясь въ ея истинности... Мы всѣ были тогда убѣждены, что намъ нужно говорить и говорить, писать, печатать, какъ можно скорѣе, какъ можно больше, что все это нужно для блага человечества» («Исповѣдь»).

по имѣнію, смотря по разстояніямъ въ Россіи, поручено было наблюдать за нимъ. Изъ русскихъ литераторовъ, Тургеневъ, можетъ быть, былъ самымъ горячимъ его другомъ, хотя былъ постояннымъ предметомъ его насмѣшекъ; вообще разговоръ Толстаго былъ иногда раздражающій. О результатахъ усилій Тургенева удерживать Толстаго а буду говорить ниже.

Толстой, пока жилъ въ деревнѣ, продолжалъ писать и высказывалъ свойственныя ему идеи только въ умѣренномъ объемѣ. Въ слѣдующемъ 1857 году онъ въ первый разъ поѣхалъ за границу. Онъ былъ очарованъ Германіею, долго оставался во Франціи и доѣхалъ до Рима. Въ Парижѣ онъ ходилъ смотрѣть на казнь гильотиною, которая произвела на него сильное впечатлѣніе. Онъ разсказалъ мнѣ всю исторію въ такихъ живыхъ краскахъ, что я былъ убѣжденъ, что онъ сдѣлаетъ ее предметомъ повѣсти, и я не могъ не поблагодарить его впослѣдствіи, когда онъ замѣчательно описалъ казнь Тропмана. Но до сихъ поръ это доставило только одну или двѣ фразы въ «Исповѣди».

Заграничное путешествіе его дало поводъ къ двумъ или тремъ разсказамъ, но вскорѣ онъ пересталъ писать, посвятивъ себя образованію крестьянъ въ своемъ помѣстьи; въ 1860 г. онъ сдѣлалъ другое путешествіе на западъ. Онъ женился въ 1862 г., и съ того времени, и еще полныя десять лѣтъ спустя, я зналъ его посвятившимъ себя наслажденіямъ семейной жизни и продолженію литературныхъ трудовъ, не упуская, впрочемъ, случаевъ къ благотворительности.

Графъ говорилъ, что фамилія его происходитъ отъ датчанина Дика, который, пріѣхавъ въ Россію, перевелъ свое имя на соотвѣтствующее Толстой (толстый). Преданіе, однако, найденное генеалогистами, производитъ родъ его отъ нѣмца Индрига, который прибылъ въ Черниговъ въ 1353 г., съ двумя сыновьями и около 3,000 послѣдователей, которые тотчасъ-же приняли православную вѣру, а Индригъ былъ переименованъ въ Леонтія. Лишь въ четвертомъ поколѣніи, одинъ, Андрей, получилъ прозваніе Толстаго, вслѣдствіе его фигуры. Всѣ Толстые, которые были графы, происходили отъ графа Петра Андреевича Толстаго, извѣстнаго дипломата и государственнаго мужа временъ Петра и Екатерины I, который неблагопріятно отличился плѣненіемъ въ Неаполѣ сына Петра, царевича Алексѣя. За его заслуги онъ былъ возведенъ, въ 1724 г., въ графское достоинство, когда этотъ титулъ былъ дарованъ въ 4-й разъ. Такимъ образомъ, нынѣшній (1888 г.) министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дмитрій Андреевичъ, и покойный графъ Алексѣй Константиновичъ, поэтъ и авторъ «Князя Серебрянаго», были дальними родственниками графа

Льва; но надо возвратиться къ сыну или внуку перваго графа, чтобы найти общаго предка. Многіе изъ семейства, какъ графы, такъ и не титулованные, отличились на военномъ, дипломатическомъ, государственномъ, литературномъ и художественномъ поприщѣ, а также и при дворѣ. Каждый изъ трехъ императоровъ Александровъ имѣлъ другомъ графа Толстаго. Двоюродный братъ дѣда литератора, графъ Петръ Андреевичъ, служилъ съ отличіемъ, подъ начальствомъ Суворова, дослужившись до чина полковника и имѣвши Георгіевскій крестъ за штурмъ Праги; онъ былъ русскимъ комиссаромъ при арміи эрцгерцога Карла, командующимъ русскою арміею въ сѣверной Германіи въ 1805 г. и посломъ въ Парижѣ въ 1807 и 1808 гг., когда Наполеонъ просилъ его отозванія, потому что онъ посѣщаль общество С.-Жерменскаго предмѣстья. Въ 1812 г. онъ командовалъ милиціею въ Москвѣ и организовалъ народную оборону, въ 1813 г. командовалъ корпусомъ въ арміи Беннигсена, въ дѣйствіяхъ противъ Дрездена и Гамбурга, въ 1823 г. онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ военнаго департамента, а въ 1831 г. онъ командовалъ резервами противъ польскихъ мятежниковъ. Онъ описанъ Долгорукимъ, который не щедръ на комплименты, какъ «человѣкъ превосходнаго благородства души, непоколебимой твердости, примѣрнаго безкорыстія, горячо любящій свое отечество, вѣрный въ дружбѣ, достопочтенный безъ тѣни отступленія, почитаемый всѣми, и который въ продолженіи всѣхъ 75 лѣтъ службы былъ рыцаремъ безъ страха и упрека (*chevalier sans peur et sans reproche*)». Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ достойнымъ прототипомъ стараго князя Николая Болконскаго, отца князя Андрея, въ «Войнѣ и Мирѣ».

Графъ Остерманъ-Толстой, можетъ быть, служилъ героемъ одного приключенія въ байроновскомъ «Донъ-Жуанѣ», такъ какъ онъ былъ тѣмъ красивымъ молодымъ поручикомъ, который привезъ Екаринѣ II извѣстіе о паденіи Измаила. Онъ быстро возвысился при дворѣ, получивъ въ наслѣдство огромное состояніе его дѣдовъ по матери, Ивана и Ѳедора Остермановъ, и ему разрѣшено было присоединить это имя къ своему. Хотя въ немилости, въ царствованія императоровъ Павла и Александра I, онъ, однако, принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ 1812 г., и выигралъ сраженіе при Кульмѣ (насколько позволено даже Толстому выиграть сраженіе), которымъ въ первый разъ успѣхъ обратился противъ Наполеона. Впослѣдствіи онъ жилъ за границую, взялъ Фальмерейра въ трехъ-лѣтнее путешествіе на востокъ и умеръ въ Женевѣ.

Отецъ писателя, Николай Ильичъ, имѣлъ чинъ не выше подполковника; дядя-же его, Ѳедоръ Андреевичъ, сенаторъ и тайный со-

вѣтникъ, умершій въ 1849 г., 91 года, былъ знаменитый библіофилъ, коего великолѣпное собраніе славянскихъ рукописей находится нынѣ въ публичной библіотекѣ въ Петербургѣ; двоюродный братъ его, графъ Ѳеодоръ Петровичъ, былъ скульпторъ и хорошій медальеръ, и умеръ въ 1873 г. ¹⁾, вице-президентомъ и профессоромъ академіи художествъ.

Мать писателя была урожденная княжна Марія Волконская, дочь генерала екатерининскихъ временъ и прямого потомка св. Михаила, князя Черниговскаго, который былъ замученъ монголами въ 1246 г., за отказъ совершить языческое богослуженіе, и былъ русскою церковью причисленъ къ лику святыхъ. Такимъ образомъ, и съ материнской стороны графъ Левъ Толстой потомокъ Рюрика. Между другими его предками мы находимъ членовъ княжескихъ домовъ: Трубецкихъ, Горчаковыхъ, Щетининыхъ и Троекуровыхъ, не упоминая о различныхъ родственныхъ связяхъ съ многими русскими высшими фамиліями.

Я такъ подробно распространился о фамиліи Толстыхъ частью, можетъ быть, потому, что самъ наклоненъ къ генеалогіи, а главное потому, что Толстой есть рѣдкое исключеніе въ русской литературѣ, какъ писатель-членъ общества, которое онъ умѣетъ описывать, и потому что исторія его фамиліи составляетъ контрастъ съ его религіозными и социальными мнѣніями. Подобные контрасты не рѣдки въ Россіи.

IV.

Такъ какъ мы вечера и часть утра проводили въ кабинетѣ графа, наполненномъ книгами, разговоръ, естественно, касался литературы. Въ промежуткахъ, я помогаль ему приводить въ порядокъ его библіотеку, большую часть которой занимали старыя французскія книги, доставшіяся ему послѣ отца или дѣда; но въ ней находились также лучшія произведенія литературы Англіи, Франціи, Германіи и Италіи, не говоря о русскихъ книгахъ и завидномъ собраніи сочиненій о Наполеонѣ и его времени, которыми онъ пользовался для «Войны и Мира». Изъ сихъ послѣднихъ мнѣ удалось впоследствии получить нѣкоторыя; за другія еще я ему завидую. Къ несчастію, я не сохранилъ болѣе части моихъ замѣтокъ о нашихъ литературныхъ раз-

¹⁾ Интересныя записки его напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1873 года, т. VII, стр. 24, 123 и 517. Некрологъ его см. тамъ-же, стр. 731—732.

говорахъ. Нѣкоторыя вещи, однако, произвели на меня сильное впечатлѣніе.

Толстой былъ весьма высокаго мнѣнія объ англійскихъ повѣстяхъ, не только въ художественномъ отношеніи, но въ особенности за ихъ натурализмъ—слово, бывшее тогда въ большомъ ходу.

«Во французской литературѣ, говорилъ онъ, — я цѣню выше всего романы Александра Дюма и Поль-де-Кока».

На это я смотрѣлъ съ изумленіемъ, такъ какъ я въ то время былъ строго проникнутъ господствующею тогда школою.

— «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ;—не говорите мнѣ ничего о той безсмыслицѣ, что Поль-де-Кокъ безнравственъ. Онъ, по англійскимъ понятіямъ, нѣсколько неприличенъ. Онъ болѣе или менѣе то, что французы называютъ *leste* и *gaulois*, но никогда не безнравственъ. Чтò бы онъ ни говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ и вопреки его маленькимъ вольнымъ шуткамъ,—направленіе его совершенно нравственное. Онъ—французскій Диккенсъ. Характеры его всѣ заимствованы изъ жизни и также совершенны. Когда я былъ въ Парижѣ, я обыкновенно проводилъ половину дней въ омнибусахъ, забавляясь просто наблюденіемъ народа; и могу васъ увѣрить, что cadaго изъ пассажировъ я находилъ въ одномъ изъ романовъ Поль-де-Кока. А что касается до Дюма, каждый изъ романистовъ долженъ знать его сердцемъ. Интриги у него чудесныя, не говоря ничего объ отдѣлкѣ: я могу его читать и перечитывать, но завязки и интриги составляютъ его главную цѣль».

О Бальзакѣ Толстой не столько заботился. Изъ другихъ писателей я нынѣ могу вспомнить только Шопенгауера, которымъ онъ въ то время очень восхищался и коего нѣмецкій стиль онъ особенно цѣнилъ.

Мы говорили о современныхъ русскихъ писателяхъ и, естественнымъ образомъ, разговоръ палъ и на его собственныя сочиненія, о которыхъ онъ отзывался съ большою откровенностью. «Война и Миръ», которое тогда печаталось, сдѣлалось предметомъ долгой бесѣды; но объ этомъ я могу передать только заключеніе и то не въ столькихъ словахъ, какъ онъ выражался.

«Война и Миръ» было первоначально опубликовано въ шести частяхъ, начиная съ 1863 г., и не въ катковскомъ »Русскомъ Вѣстникѣ», какъ всегда. Четыре части были распроданы въ большомъ количествѣ экземпляровъ и всѣми прочтены. Онѣ доводили исторію до Бородинскаго сраженія. Последнія части вышли только годъ или около того спустя. Появились нѣкоторыя враждебныя критики, на которыя Толстой возражалъ въ бартеневскомъ историческомъ жур-

налѣ «Русскій Архивъ», и именно около того-же времени онъ въ такомъ-же смыслѣ говорилъ мнѣ о сочиненіи.

Надо замѣтить, что до написанія «Войны и Мира» Толстой началъ повѣсть, озаглавленную: «Декабристъ», на тему о покушеніи и возмущеніи 14-го (26-го) декабря 1825 г. (при вступленіи на престолъ императора Николая), въ которомъ принимали участіе столько русскихъ дворянъ, включая и нѣкоторыхъ изъ его родственниковъ и фамильныхъ связей. Въ это время, прежде развитія губительнаго нигилизма, частью обязаннаго возвращенію нѣкоторыхъ участниковъ, помилованныхъ императоромъ Александромъ, послѣ болѣе 30-лѣтняго пребыванія въ Сибири, исторія этого возмущенія весьма занимала русскую публику. Но, пытаясь вновь возвратиться къ жизни періодъ декабристовъ, Толстой не могъ не обратиться назадъ, къ предыдущему періоду, къ прошедшему декабристовъ. Онъ постепенно болѣе и болѣе углублялся въ причины явленія, которыя онъ хотѣлъ описать, въ семейную жизнь, воспитаніе, социальныя условія избранныхъ имъ характеровъ. Наконецъ, онъ остановился на Наполеоновскихъ войнахъ и написалъ то, что намъ всѣмъ извѣстно.

Идея «Декабристовъ» не была потеряна изъ виду, и читатель, вспоминая послѣднія главы «Войны и Мира», въ которыхъ описана домашняя жизнь Петра и Наташи, увидитъ, если онъ знакомъ съ русскою исторіею, какъ искусно подготовлена почва для другаго эпического романа подобнаго рода. *Deis aliter visum*. До 1878 г. Толстой дважды принимался за осуществленіе проекта, и начальныя главы были переписаны, но потомъ оставлены. Въ первомъ спискѣ Петръ и семейство его являются въ Москву, по возвращеніи изъ долгаго изгнанія въ Сибири.

1) Что такое «Война и Миръ»? Это не романъ, еще менѣе поэма, еще менѣе историческая хроника. «Война и Миръ» есть то, что хотѣлъ и могъ выразить авторъ въ той формѣ, въ которой оно выразилось. Такое заявленіе о пренебреженіи автора къ условнымъ формамъ прозаическаго художественнаго произведенія могло-бы показаться самонадѣянностью, ежели-бы оно было умышленно и ежели-бы оно не имѣло примѣровъ. Исторія русской литературы со времени Пушкина не только представляетъ много примѣровъ такого отступленія отъ европейской формы, но не даетъ даже ни одного примѣра противнаго. Начиная отъ «Мертвыхъ Душъ» Гоголя и до «Мертваго Дома» Достоевскаго, въ новомъ періодѣ русской литературы, нѣтъ ни одного художественнаго прозаическаго произведенія, немного выходящаго изъ посредственности, которое-бы вполне укладывалось въ форму романа, поэмы или повѣсти.

2) Характеръ времени, какъ мнѣ выражали нѣкоторые читатели при появленіи въ печати первой части, недостаточно опредѣленъ въ моемъ сочиненіи. На этотъ упрекъ я имѣю возразить слѣдующее. Я знаю, въ чемъ состоитъ

тотъ характеръ времени, котораго не находятъ въ моемъ романѣ,—это ужасы крѣпостнаго права, закладываніе женъ въ стѣны, сѣченіе взрослыхъ сыновей, Салтычиха и т. п.; и этотъ характеръ того времени, который живетъ въ нашемъ представленіи—я не считаю вѣрнымъ и не желалъ выразить. Изучая письма, дневники, преданія, я не находилъ всѣхъ ужасовъ этого буйства въ болѣе высокой степени, чѣмъ нахожу ихъ теперь или когда-либо. Въ тѣ времена также любили, завидовали, искали истины, добродѣтели, увлекались страстями; та-же была сложная, умственно-нравственная жизнь, даже иногда болѣе утонченная, чѣмъ теперь въ высшемъ сословіи. Ежели въ понятіи нашемъ составилось мнѣніе о характерѣ своевольства и грубой силы того времени, то только оттого, что въ преданіяхъ, запискахъ, повѣстяхъ и романахъ до насъ наиболѣе дошли выступающіе случаи насилія и буйства. Заключать о томъ, что преобладающій характеръ того времени было буйство, такъ-же несправедливо, какъ несправедливо заключилъ-бы человѣкъ, изъ за горы видящій однѣ макушки деревьевъ, что въ мѣстности этой ничего нѣтъ, кромѣ деревьевъ. Есть характеръ того времени (какъ и характеръ каждой эпохи), вытекающій изъ болѣе отчужденности высшего круга отъ другихъ сословій, изъ царствовавшей философіи, изъ особенностей воспитанія, изъ привычки употреблять французскій языкъ и т. п. И этотъ характеръ я старался, сколько умѣлъ, выразить.

3) Имена дѣйствующихъ лицъ, Болконскій, Друбецкой, Билибинъ, Курагинъ и др., напоминаютъ извѣстныя русскія имена. Сопоставляя дѣйствующія не-историческія лица съ другими историческими лицами, я чувствовалъ неловкость для уха заставлять говорить графа Ростопчина съ кн. Пронскимъ, съ Стрѣльскимъ или съ какими-нибудь другими князьями или графами вымышленной, двойной или одинокой фамиліи. Болконскій или Друбецкой, хотя не суть ни Волконскій ни Трубецкой, звучатъ чѣмъ-то знакомымъ и естественнымъ въ русскомъ аристократическомъ кругу. Я не умѣлъ придумать для всѣхъ лицъ именъ, которыя мнѣ показались-бы не фальшивыми для уха, какъ Безухій и Ростовъ, и не умѣлъ обойти эту трудность иначе, какъ взявъ на удачу самыя знакомыя русскому уху фамиліи и переимѣнивъ въ нихъ нѣкоторыя буквы. Я-бы очень сожалѣлъ, ежели-бы сходство вымышленныхъ именъ съ дѣйствительными, могло-бы кому-нибудь дать мысль, что я хотѣлъ описать то или другое дѣйствительное лицо; въ особенности потому, что та литературная дѣятельность, которая состоитъ въ описываніи дѣйствительно существующихъ или существовавшихъ лицъ, не имѣетъ ничего общаго съ тою, которою я занимался.

М. Д. Ахросимова и Денисовъ, вотъ исключительно лица, которымъ невольно и необдуманно я далъ имена, близко подходящія къ двумъ особенно характернымъ и милымъ дѣйствительнымъ лицамъ тогдашняго общества. Это была моя ошибка, вытекшая изъ особенной характерности этихъ двухъ лицъ, но ошибка моя въ этомъ отношеніи ограничилась одною постановкою этихъ двухъ лицъ, и читатели, вѣроятно, согласятся, что ничего похожаго съ дѣйствительностью не происходило съ этими лицами. Всѣ-же остальные лица совершенно вымышленныя и не имѣютъ даже для меня опредѣленныхъ первообразовъ въ преданіи или дѣйствительности.

Вопреки этому объясненію, друзья семейства графа настаиваютъ на томъ, что въ княгинѣ Маріи Болконской онъ описалъ идеальный портретъ родной его матери; а можетъ быть и то, что сходство

именъ (княжна Марія Волконская) такъ разыграло ихъ воображеніе, что они видѣли и сходство характеровъ. Вѣрное описаніе эпохи должно истекать изъ изученія записокъ, старыхъ писемъ и личныхъ разсказовъ такъ-же добросовѣстно, какъ это дѣлаетъ каждый историкъ съ своими матеріалами. Тогда еще жили въ Москвѣ многіе старики, которые помнили о сожженіи Москвы, и самъ Толстой въ своихъ молодыхъ годахъ долженъ былъ знать многихъ, принимавшихъ, по крайней мѣрѣ, хотя нѣкоторое участіе въ событіяхъ, составляющихъ основу его исторіи. Княгиня Одоевская говорила мнѣ, что нѣкоторыя дамы, и особенно дѣвица П., дальняя родственница Толстаго и общій всѣхъ насъ другъ, была очень полезна къ отысканію старыхъ москвичей и записыванію ихъ исторіи и анекдотовъ. Въ самомъ дѣлѣ, общество такъ мало измѣнилось въ Москвѣ и въ деревняхъ до самаго времени крымской войны, что если-бы Толстой описывалъ только то, что самъ видѣлъ, то описаніе его было-бы вѣрно и въ отношеніи предыдущаго періода; но въ этомъ не доставало-бы духа времени, которымъ были воодушевлены люди 1812 года.

Указаніе источниковъ не болѣе уменьшаетъ достоинство романиста, какъ и историка. Иногда легко видѣть, какимъ вліяніямъ подчинился авторъ «Войны и Мира». Исторія и вліяніе масонства въ Россіи были именно въ то время новымъ предметомъ изысканій, когда преграды къ изученію исторіи и критикѣ постепенно ослабѣвали. Читеніе цѣлой серіи статей въ «Русскомъ Вѣстникѣ» о масонствѣ во времена Еватерины, и книги Лонгинова «О Новиковѣ», сдѣлало Петра массономъ, и въ послѣдствіи указанія были найдены въ большомъ собраніи масонскихъ книгъ, эмблемъ и всякаго сора въ публичномъ музеѣ въ Москвѣ, который содержитъ въ себѣ большую часть архивовъ и принадлежностей русскихъ масонскихъ ложъ, когда онѣ были закрыты и бумаги отобраны.

Одинъ случай въ послѣдней части романа, нерѣшительность жены Петра, графини Елены, въ выборѣ другаго мужа, основанъ на происшедшемъ въ Петербургѣ, въ то время, какъ романъ дописывался. За нѣкою г-жею А., также еще не разведенною съ мужемъ, горячо ухаживали два поклонника...

Виконтъ де-Вогюэ, въ своемъ интересномъ и цѣнномъ сочиненіи: «Le Roman Russe», кажется, подразумѣваетъ, что описанія сраженій у Толстаго суть подражанія разсказу о Ватерлооской битвѣ Стендалевой «Chartreuse de Ragne», идея котораго, какъ, наоборотъ, говоритъ Сентъ-Бэвъ, заимствована изъ англійскаго сочиненія: «The Memoirs of a Soldier», записки солдата 71-го полка, который участвовалъ въ сраженіи при Витторіи, ничего объ ономъ не понимая; такъ-же

какъ Фабрисъ, участвовавшій въ Ватерлооскомъ сраженіи, въ послѣдствіи спрашивалъ себя, дѣйствительно-ли онъ былъ въ сраженіи и дрался. «La Chartreuse de Parme», со всѣми ея достоинствами, служить лучшимъ примѣромъ, насколько не слѣдовало-бы писать историческихъ повѣстей. Толстой въ воображеніи своемъ принялъ истинные характеры въ историческихъ происшествіяхъ. Стендаль сдѣлалъ отчасти то-же самое въ Ватерлоо и Миланѣ, но послѣ всѣхъ этихъ вымысловъ, и что хуже всего, настоящія имена поставлены на самыхъ вымышленныхъ мѣстахъ. Парма въ его разсказѣ ни въ какомъ отношеніи, ни въ историческомъ, ни въ топографическомъ, не похожа на настоящую Парму, какъ-бы она не походила болѣе на Модену.

Не говоря объ этомъ, но болѣе вообще объ его пользованіи исторією, гр. Л. Толстой говорилъ, что:

Историкъ и художникъ, описывая историческую эпоху, имѣютъ два совершенно различные предмета. Какъ историкъ будетъ не правъ, ежели онъ будетъ пытаться представить историческое лицо во всей его цѣльности, во всей сложности отношеній ко всѣмъ сторонамъ жизни, такъ и художникъ не исполнитъ своего дѣла, представляя лицо всегда въ его значеніи историческомъ. Кутузовъ не всегда съ зрительною трубкою, указывая на враговъ, ѣхалъ на бѣлой лошади. Ростопчинъ не всегда съ факеломъ зажигалъ Вороневскій домъ (онъ даже никогда этого не дѣлалъ), и императрица Марія Феодоровна не всегда стояла въ горностаевой мантии, опершись рукою на сводъ законовъ,—а такими ихъ представляетъ себѣ народное воображеніе.

Нечего говорить уже о томъ, что при каждомъ сраженіи оба непріятеля почти всегда описываютъ сраженіе совершенно противоположно одинъ другому; въ каждомъ описаніи сраженія есть необходимость лжи, вытекающая изъ потребности въ нѣсколькихъ словахъ описывать дѣйствія тысячъ людей раскинутыхъ на нѣсколькихъ верстахъ, находящихся въ самомъ сильномъ нравственномъ раздраженіи, подъ влияніемъ страха, позора и смерти.

Въ описаніяхъ сраженій пишется обыкновенно, что такіа-то войска были направлены въ атаку на такой-то пунктъ, и потомъ велѣно отступать, и т. д., какъ-бы предполагая, что та самая дисциплина, которая покоряетъ десятки тысячъ людей волѣ одного на плацу, будетъ имѣть то-же дѣйствіе тамъ, гдѣ идетъ дѣло жизни и смерти. Всякій, кто былъ на войнѣ, знаетъ, насколько это несправедливо ¹⁾; а между тѣмъ, на этомъ предположеніи основаны реляціи, и на нихъ—военныя описанія. Обѣздите всѣ войска тотчасъ послѣ сраженія, даже на другой, третій день, до тѣхъ поръ, пока не написаны реляціи, и спрашивайте у всѣхъ солдатъ, у старшихъ и низшихъ начальниковъ, о томъ, какъ было дѣло,—вамъ будутъ разсказывать то, что испытали и видѣли всѣ эти люди, и въ васъ образуется величественное, сложное, до безконечности

¹⁾ Послѣ напечатанія моей первой части и описанія Шенграбенскаго сраженія, мнѣ были переданы слова Николая Николаевича Муравьева-Карскаго объ этомъ описаніи сраженія, слова, подтвердившія мнѣ мое убѣжденіе. Ник. Никол. Муравьевъ, главнокомандующій, отозвался, что онъ никогда не читалъ болѣе вѣрнаго описанія сраженія, и что онъ своимъ опытомъ убѣдился въ томъ, какъ невозможно исполненіе распоряженій главнокомандующаго во время сраженія.

разнообразное и тяжелое, не ясное впечатлѣніе; и ни отъ кого, еще менѣе отъ главнокомандующаго, вы не узнаете, какъ было все дѣло. Но черезъ два-три дня начинаютъ подавать реляціи, говоруну начинаютъ рассказывать, какъ было то, чего они не впдали; наконецъ, составляется общее донесеніе, и по этому донесенію составляется общее мнѣніе арміи. Каждому облегчительно промѣнять свои сомнѣнія и вопросы на это живое, но ясное и всегда лестное представленіе. Черезъ мѣсяцъ и два спрашивайте человѣка, участвовавшаго въ сраженіи,—ужь вы не чувствуете въ его рассказѣ того сыраго жизненнаго матеріала, который былъ прежде, а онъ рассказываетъ по реляціи. Такъ рассказывали мнѣ про Бородинское сраженіе многіе живые, умные участники этого дѣла. Всѣ рассказывали одно и то-же, и всѣ по невѣрному описанію Михайловскаго-Данилевскаго, по Глинкѣ и др.; даже подробности, которыя рассказывали они, не смотря на то, что рассказчики находились на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга—однѣ и тѣ-же.

Послѣ потери Севастополя, начальникъ артиллеріи Брыжановскій прислалъ мнѣ донесенія артиллерійскихъ офицеровъ со всѣхъ бастіонѣвъ и просилъ, чтобы я составилъ изъ этихъ болѣе чѣмъ 20 донесеній — одно. Я жалѣю, что не списалъ этихъ донесеній. Это былъ лучший образецъ той наивной, необходимой, военной лжи, изъ которой составляются описанія. Я полагаю, что многіе изъ тѣхъ товарищей моихъ, которые составляли тогда эти донесенія, прочтя эти строки, посмѣются воспоминанію о томъ, какъ они по приказанію начальства писали то, чего не могли знать. Всѣ испытавшіе войну знаютъ, какъ способны русскіе дѣлать свое дѣло на войнѣ, и какъ мало способны къ тому, чтобы его описывать съ необходимою въ этомъ дѣлѣ хвастливою ложью. Всѣ знаютъ, что въ нашихъ арміяхъ должность эту, составленія реляцій и донесеній, исполняютъ болѣею частью наши инородцы.

Но кромѣ неизбежности неправды въ изложеніи историческихъ событій, у историковъ той эпохи, которая занимала меня, я встрѣчалъ (вѣроятно вслѣдствіе привычки группировать событія, выражать ихъ кратко и соображаться съ трагическимъ тономъ событій) особенный складъ высшей рѣчи, въ которой часто ложь и извращеніе переходятъ не только на событія, но и на пониманіе значенія событій. Часто, изучая два главныхъ историческихъ произведенія этой эпохи, Тьера и Михайловскаго-Данилевскаго, я приходилъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ могли быть печатаемы и читаемы эти книги. Не говори уже объ изложеніи однихъ и тѣхъ-же событій самымъ серьезнымъ, значительнымъ тономъ, съ ссылками на матеріалы и диаметрально противоположно одинъ другому, я встрѣчалъ въ этихъ историкахъ такія описанія, что не знаешь, смѣяться-ли, или плакать, когда вспомнишь, что объ эти книги—единственные памятники той эпохи и имѣютъ миллионы читателей. Приведу только одинъ примѣръ изъ книги знаменитаго историка Тьера. Рассказавъ, какъ Наполеонъ привезъ съ собой фальшивыхъ ассигнацій, онъ говоритъ: «Relevant l'emploi de ces moyens par un acte de bienfaisance digne de lui et de l'armée française, il fit distribuer des secours aux incendiés. Mais les vivres étant trop précieux pour être donnés longtems à des étrangers, la plupart ennemis, Napoléon aimait mieux leur fournir de l'argent, et il leur fit distribuer des roubles papier» ¹⁾.

¹⁾ Воамѣщая употребленіе этихъ средствъ дѣломъ благотворительности, достойнымъ его и французской арміи, онъ приказалъ оказывать пособіе пого-

Если-бы Тьеръ вполне понималъ то, что онъ говорилъ, то онъ не высказался-бы въ такомъ видѣ о подобномъ безнравственномъ дѣйствіи.

Это подало поводъ къ длиннымъ преніямъ о французской оккупаци и о пожарѣ Москвы, о которыхъ Толстой всегда высказывался въ одинаковыхъ болѣе строгихъ выраженіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя впоследствии употребилъ въ своемъ романѣ, приписывая пожаръ единственно случайности. Онъ показалъ мнѣ большую бібліотеку, состоящую изъ избранныхъ имъ для его изслѣдованій книгъ, и указалъ на нѣкоторыя интересныя записки и памфлеты, весьма рѣдкіе и мало извѣстные. О Ростовчинѣ онъ говорилъ съ большимъ презрѣніемъ. Ростовчинъ всегда отрицалъ, чтобы онъ имѣлъ участіе въ пожарѣ Москвы до тѣхъ поръ, когда нашелъ нужнымъ оправдать себя. Французы приписывали пожаръ ему, и впоследствии, во время пребыванія его во Франціи, послѣ реставраціи, это считалось славнымъ актомъ патриотизма. Сперва онъ принялъ это съ скромностью, а послѣ безстыдно хвастался этимъ. Легенда образовалась живо, частью благодаря шовинизму французскихъ историковъ, частью благодаря вліянію Сегюръ (одинъ изъ нихъ былъ женатъ на его дочери) и ихъ многочисленныхъ родственниковъ и послѣдователей.

Графъ Л. Толстой настаивалъ на точности и особенно на добросовѣстности въ дѣлѣ исторіи и говорилъ:

Вездѣ, гдѣ въ моемъ романѣ говорятъ и дѣйствуютъ историческія лица, я не выдумывалъ, а пользовался матеріалами.

Отъ этого разговоръ перешелъ на дѣятельность историческихъ личностей и происшествій; все это впоследствии такъ подробно сказано имъ въ эпилогѣ «Войны и Мира», что нѣтъ надобности повторять это здѣсь.

Въ прежнихъ его повѣстяхъ Л. Толстой всегда соединялъ живыя реалистическія описанія мѣстъ и лицъ съ нравственными и метафизическими разсужденіями о характерахъ, такъ что читатель натурально говорилъ себѣ: «Вотъ настоящая личность. Вотъ настоящій опытъ. Авторъ долженъ былъ пережить этотъ фазисъ, чтобы такъ хорошо описать его». Толстой, смѣясь, но со всею серьезностью отрицалъ малѣйшій автобіографическій характеръ въ его трехъ очеркахъ: «Дѣтство», «Отрочество» и «Юность», которые въ недавнихъ переводахъ названы «Souvenirs à mes mémoires». Дѣйствительно, ни

рѣвшимъ. Но такъ какъ съѣстные припасы были слишкомъ дороги, и не представлялось долге возможности снабжать ими людей чужихъ, и по большей части непріязненныхъ, то Наполеонъ предпочелъ одѣлять ихъ деньгами, и для того были имъ выдаваемы бумажные рубли.

приключенія, приводимыя въ книгѣ, не соотвѣтствуютъ фактамъ изъ жизни Толстаго, ни нравственное и умственное развитіе Иртеньева не согласуется съ тѣмъ, что Толстой въ послѣдствіи говоритъ о себѣ въ своей «Исповѣди». Нынѣ, когда Толстой сдѣлался личностью въ религиозномъ мірѣ, повѣсти его и рассказы сдѣлались предметомъ тщательнаго изученія многихъ, искавшихъ въ нихъ нѣчто болѣе, чѣмъ ихъ художественное достоинство, и хотя въ нихъ и были слѣды идей изъ жизни, которыя такъ сильно развиты въ его мистическихъ сочиненіяхъ, имъ придавали характеръ автобіографическій. Такъ, находили Толстаго въ его «Казакахъ», въ «Войнѣ и Мирѣ» и въ «Аннѣ Карениной»—въ характерахъ Оленина, Петра и Левина. Было-бы странно, если-бы онъ не былъ въ нихъ представленъ въ томъ объемѣ, какъ онъ его замыслилъ. Но между изображеніемъ малой частицы изъ жизни автора, не только въ этихъ характерахъ, но и во всѣхъ, описанныхъ имъ, и автобіографіею—существуетъ большая разница. Эта постоянная наклонность видѣть личность автора въ его герояхъ, будь этотъ авторъ Байронъ или Толстой, кажется мнѣ искаженіемъ факта или искаженіемъ критики. Въ «Дѣтствѣ», «Отрочествѣ» и «Юности» описанія русскихъ семействъ такъ тщательно и хорошо обрисованы, что вѣрность ихъ тотчасъ узнается каждымъ русскимъ этого класса общества и каждымъ иностранцемъ, который имѣлъ счастье быть дружнымъ съ русскими семействами, въ коихъ много дѣтей. Перечитывая книгу 20 лѣтъ спустя, нѣкоторыя вещи поражаютъ меня нынѣ, какъ особенности русской жизни, которыя тогда казались мнѣ столь естественными и прошли незамѣченными. Напримѣръ, Николай Иртеньевъ, 15 лѣтъ, садящійся въ сани, чтобы ѣхать на вторую исповѣдь, и говорящій, что онъ въ первый разъ въ жизни находится на улицѣ одинъ, безъ дядьки или кого-либо изъ его семейства; педагоги (παιδαγωγοί), спящіе въ его комнатѣ, отвозящіе его въ школу и увозящіе его домой и слѣдящіе за каждымъ его движеніемъ—это такъ обыкновенно въ жизни cadaго благовоспитаннаго русскаго мальчика (такъ-же, какъ и во всякихъ другихъ странахъ), что иностранецъ, даже американецъ, какъ скоро ознакомится съ русскою жизнью, забываетъ всѣ ея странности. Въ характерахъ этой книги Толстой, съ помощью собственныхъ воспоминаній и живаго воображенія, просто пытался поставить себя на мѣсто мальчиковъ, съ тѣми идеями, которыя онъ считалъ имъ тогда присущими. Мальчикъ, который ближе всего походилъ на Толстаго, не Иртеньевъ, но князь Неклюдовъ, который является съ нѣкоторыми свойственными автору видами въ нѣкоторыхъ разказахъ о Кавказѣ, въ «Утрѣ помѣщика» и въ «Люцернѣ». Когда онъ писалъ эти сочиненія, авторъ былъ въ борьбѣ съ нѣкто-

рыми изъ большихъ задачъ человѣческой жизни, и создалъ Оленина, Петра и Левина съ одинаковыми его воззрѣніями, не имѣя вовсе намѣренія дать имъ частицу своей личности. Во время моего посѣщенія, наприимѣръ, Толстой былъ все еще занятъ изученіемъ масонства и прилежно читалъ мистическія сочиненія Новикова и другихъ, съ единственною цѣлью начать психологическую исторію первыхъ временъ столѣтія, не имѣя вовсе намѣренія отыскать высшей пользы этихъ мнѣній для человѣчества. Онъ просто вычитывалъ — если хотите, доискивался—характеръ Петра, и не должно представлять себѣ участіе Петра въ масонствѣ, какъ опытъ или умственный процессъ Толстаго.

«Казакъ», какъ увѣрялъ меня Толстой, насколько завязка ихъ касается, была истинная исторія и была рассказана ему однажды нѣкимъ офицеромъ, ночью, когда они вмѣстѣ путешествовали, и даже не на Кавказѣ, а на сѣверѣ Россіи. То, что онъ написалъ, было, впрочемъ, только первая часть и онъ все надѣялся когда-нибудь дописать остальную. Вообще, можетъ быть, это и лучше; какъ отрывокъ, оно въ этомъ видѣ превосходно, — это идиллія, а не полная исторія.

Я говорилъ Толстому о первомъ моемъ знакомствѣ съ Тургеневымъ въ Баденъ-Баденѣ, за годъ передъ тѣмъ, который совѣтовалъ мнѣ, если я желаю сдѣлать нѣчто болѣе, перевести «Кзаковъ», которыхъ онъ считалъ прелестнѣйшимъ и совершеннѣйшимъ произведеніемъ русской литературы. Я просилъ Толстаго дать мнѣ позволеніе на переводъ, которое и было охотно дано, но я сперва попробовалъ перевести одинъ изъ «Очерковъ Севастополя», такъ что я началъ «Кзаковъ», когда перемѣнилъ свой постъ, и разныя обязанности отложили окончаніе моего перевода на цѣлмя десять лѣтъ.

Евгеній Скайлеръ.

Перев. и сообщ. А. Э. Г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Какъ у насъ было на батюшѣ,
 На тихомъ на Дону,
 Что на тихомъ Дону, на Ивановичѣ,
 Что во славномъ во Черкасѣ
 Было во городѣ.
 Какъ съ вечера у насъ
 Есаулъ Гребенской
 Кличъ закликивалъ:
 — «Ужъ вы, други мои—донскіе казаки,
 Вы не пейте-ка дорогова вина,
 Дорогова вина, пойлица некупленнаго;
 Поутру-то у насъ, у казаченьковъ,
 Будетъ весь повальный кругъ,
 Что всѣхъ-то казаченьковъ
 Сорокъ тысячъ будетъ,
 Кромѣ старыхъ-стародавнихъ,
 Кромѣ малыхъ-малолѣтнихъ».

Во кругу стоятъ золотой бунчукъ
 Во кругу стоитъ атаманушка,
 Передъ нимъ стоитъ войсковой писарь,
 Въ рукахъ держитъ три указа Государевы,
 Онъ читалъ указушки скорописные,
 Чтобы выслатъ Стеньку Разина
 Во каменну Москву.
 А до этого Стенька Разинъ
 Въ кругъ не хаживалъ,
 А теперь у насъ во кругу стоитъ,
 Во кругу стоитъ онъ и рѣчь говорить:
 — «Что не царскія это грамоты,
 А боярскіе это вымыслы».
 И сказавши такъ, онъ вышелъ изъ круга.

Сбиралася бесѣдушья смиренная,
 Во бесѣдушкѣ сидѣли люди добрые,
 Они рѣчи говорили все хорошія.
 Какъ и рѣчь-то зашла
 Про матушку кременну Москву:
 «Отчего кременна Москва загорѣлася?»
 — Загорѣлася кременна Москва
 Не отъ князей, бояръ, не отъ большихъ господъ;
 Загорѣлася кременна Москва отъ молодой вдовы,
 Приходила молода вдова въ пороховой выходъ,
 Заронила молода вдова со свѣчи искру,
 Вотъ отъ искры-то кременна Москва загорѣлася.

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА.

Матеріалы къ ея біографіи.

Род. 1790 г., † 1863 г.

Много было говорено въ печати и обществѣ о кавалеристъ-дѣвицѣ Дуровой. Много ходило въ свое время и комментаріевъ о ея боевой жизни... Все это теперь начало забываться, и только первый періодъ жизни Дуровой — ея воспитаніе и боевая жизнь, благодаря печати, остались для потомства.... Что-же касается послѣдняго періода жизни Дуровой, послѣднихъ дней ея жизни, объ этомъ, кромѣ искажающихъ истину слуховъ, современникамъ ничего не осталось; въ печати не сказано даже о времени и мѣстѣ кончины этой замѣчательной личности, не говоря уже о предшествовавшихъ этому событію обстоятельствахъ. Цѣль настоящаго краткаго очерка—поднять нѣсколько завѣсу, скрывавшую отъ насъ послѣднее пребываніе на землѣ Надежды Андреевны Дуровой. Имѣя въ непосредственномъ распоряженіи нѣсколько писемъ Дуровой, ея фотографическую карточку, снятую за нѣсколько дней до ея смерти, и другія данныя, я надѣюсь хотя отчасти исполнить эту задачу.

Е. Л.

I.

Въ началѣ 1840 годовъ, изъ города Сарануля переѣхалъ на жительство въ городъ Елабугу, Вятской губерніи, состоящій въ отставкѣ штабъ-ротмистръ Александръ Андреевичъ Александровъ.

Въ виду того, что Н. А. Дурова до послѣднихъ минутъ своей жизни терпѣть не могла, когда ее называли настоящимъ женскимъ именемъ, я вездѣ буду называть ее именемъ, даннымъ ей, вѣрнѣе утвержденнымъ, въ 1807 г. императоромъ Александромъ I.

Никому не были извѣстны причины такой перемѣны мѣстожителства штабсъ-ротмистра Александрова, но каждый зналъ, что этотъ штабсъ-ротмистръ есть только псевдонимъ того «гусара-дѣвки», на котораго почти каждый день приходили въ г. Сарапулъ смотрѣть окрестные жители всѣхъ сосѣднихъ селеній, не говоря уже объ обывателяхъ самаго города, не дававшихъ минуты покоя георгиевскому кавалеру изъ женщинъ. Многие были того мнѣнія, что Александровъ, послѣ смерти отца (мать умерла ранѣе), потому рѣшилъ оставить мѣсто своей родины, чтобы навсегда изгладить изъ своего сердца и самую память о своемъ женскомъ происхожденіи. Какъ бы то ни было, но здѣсь, въ Елабугѣ, его не такъ безпокоили, хотя въ первые дни пріѣзда не обошлось, конечно, безъ толпы любопытныхъ.

Въ это время постъ городничаго въ городѣ Елабугѣ занималъ вѣкто Эдуардъ Осиповичъ Ерличъ, нѣмецъ, человѣкъ добрый, общительный.

Это было первое лицо въ городѣ, съ которымъ штабсъ-ротмистръ Александровъ долженъ былъ познакомиться. Къ его счастью, городничій оказался человѣкомъ болѣе чѣмъ любезнымъ, и къ услугамъ прибывшаго предложилъ было часть своей квартиры. Но Александровъ, не желая стѣснять кого-либо, отклонилъ это предложеніе и нанялъ себѣ домъ на той-же улицѣ, гдѣ жилъ и городничій.

Единственнымъ слугою, камердинеромъ, у штабсъ-ротмистра Александрова былъ отставной служака-ветеранъ Степанъ (фамиліи его никто не помнитъ), ходившій за своимъ баринкомъ, какъ нянька за малымъ ребенкомъ. Степанъ былъ мастеръ на всѣ руки: онъ былъ и дворникъ, и поварь, могъ быть, когда требовалось, и важнымъ камердинеромъ, былъ отличнымъ вѣстовымъ. Однимъ словомъ, смотря по обстоятельствамъ, могъ исполнять какую угодно должность въ домѣ своего нетребовательнаго барина. Ну, за то послѣдній и любилъ-же своего Степана!..

Въ зимнее, вообще холодное время, штабсъ-ротмистръ носилъ бурку, а лѣтомъ—«разлетаюку», сѣрую офицерскую шинель, безъ рукавовъ, и всегда въ офицерскомъ скюртукѣ, безъ эполетъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ.

Въ силу своего уживчиваго, мягкаго характера, Александровъ скоро акклиматизировался на новомъ мѣстѣ своего жителства. Первые официальные отношенія между нимъ и городничимъ Ерличемъ быстро перемѣнились на болѣе короткія, дружественныя, такъ что черезъ недѣлю съ небольшимъ штабсъ-ротмистръ сталъ уже почти ежедневнымъ посѣтителемъ семейства гостепріимнаго городничаго.

Скоро жители города Елабуга убѣдились, что бравый штабсъ-

ротмистръ обладаетъ сердцемъ добрымъ и отзывчивымъ. Отсюда елабужане пришли къ убѣжденію, что они поступили-бы довольно глупо, если-бы не воспользовались возникшими пріятельскими отношеніями штабсъ-ротмистра къ городничему и не стали-бы эксплуатировать ихъ въ свою пользу. Въ виду этихъ открытій, обыватели города Елабуги всё свои дряги и кляузы, распри, просьбы, мелкія нужды немедленно перенесли на Александрова, совсѣмъ и не подозрѣвавшего, что на него надвигается туча просьбъ.

Нашествіе не замедлило открыться... Всякій обиженный и необиженный, правый и неправый повалилъ къ штабсъ-ротмистру, надѣясь найти у него защиту и удовлетвореніе своихъ требованій. Александровъ не успѣлъ оглянуться, какъ былъ заваленъ подобными просьбами. Не имѣя силъ отказать кому-либо, онъ невольно сталъ адвокатомъ отъ лица почти всѣхъ жителей не только самаго города Елабуги, но и окрестныхъ селеній.

Городничій свачала отъ души смѣялся на такое посредничество штабсъ-ротмистра, но когда увидѣлъ, что «просители» становятся все многочисленнѣе и многочисленнѣе, дѣлаясь при этомъ все нахальнѣе, видя, наконецъ, что Александровъ просто жертва ихъ безсовѣстной эксплуатаціи,—добрый старикъ Ерличъ сталъ эти ходатайства обходить, думая тѣмъ нѣсколько охладить рвеніе просителей. Но это мало помогло дѣлу, и штабсъ-ротмистръ Александровъ продолжалъ съ твердостью выслушивать и докладывать «добрѣйшему Эдуарду Осиповичу» многочисленныя просьбы своихъ клиентовъ.

Бывало, старикъ городничій сидитъ у себя за столомъ и работаетъ. Нужно замѣтить, что Ерличъ терпѣть не могъ, если въ это время кто-либо мѣшалъ ему, прерывая его занятія,—но вотъ Степанъ является съ запиской отъ своего барина. Старикъ морщится. «Ну, такъ и есть — опять просьба!», ворчитъ онъ, читая принесенную записку.

«Хорошо; скажи, что будетъ исполнено!» говорить онъ, обращаясь къ камердинеру штабсъ-ротмистра.

Степанъ, послѣ такой привычной, хорошо знакомой ему фразы городничаго, всегда отвѣчалъ:

— «Слушаюсь, ваше скобродіе!» и такъ быстро исчезалъ изъ комнаты, что просто становилось непонятнымъ, какъ это онъ дѣлалъ при своей почти саженой фигурѣ.

Записки, присылаемыя штабсъ-ротмистромъ Александровымъ, были почти всегда одного содержанія и заключали въ себѣ однѣ просьбы и просьбы за своихъ клиентовъ. Какъ образчикъ, привожу нѣсколько изъ нихъ.

1.

«Эдуардъ Осиповичъ! Будьте милостивы къ моему «protegé», позвольте ему съ братомъ строить домъ, или, по крайности, хоть службы, въ ожиданіи какой-то данной. Они хотѣли-бы воспользо-ваться осеннимъ временемъ, чтобы хоть что-нибудь заготовить къ будущей веснѣ. Искренно преданный вамъ слуга вашъ
«Александровъ».

2.

«Вотъ эта бабочка проситъ и плачетъ, что будто-бы ея мужу подкинули шлею какую-то. Будьте къ ней милостивы, Эдуардъ Осиповичъ. Слуга вашъ Александровъ».

3.

«Эдуардъ Осиповичъ! Не сдѣлаете-ли вы милость для этой солдатки—дать ей какую-то квартиру? Она называетъ ее «денежною», ей Богу, я не понимаю, что это значить, а только прошу васъ, если можно, дать ей эту квартиру. Devoué Alexandroff».

А тамъ далѣе обыватели города Елабуги узнали и другую слабость штабсъ-ротмистра, любовь его къ... животнымъ — кошкамъ и собакамъ.

Это новое, важное для уличныхъ мальчишекъ и старыхъ дѣвъ, открытіе произвело настоящую сенсацію. Сначала этому многіе не хотѣли вѣрить, но потомъ, когда всѣ во-очію убѣдились въ существованіи у штабсъ-ротмистра цѣлаго звѣринца такихъ животныхъ, эти многіе скептики должны были замолчать и сознаться, что природа великая вещь и ее по своему не передѣлаешь, и что дѣвица въ 40—50 лѣтъ становится старою дѣвою...

Благодаря сказанному обстоятельству, квартира штабсъ-ротмистра Александрова вскорѣ получила видъ настоящаго собачьяго и кошачьяго пріюта. Не смотря на появившееся въ комнатахъ довольно непріятное для чувства обонянія ощущеніе и непріязненный привѣтъ прирѣваемыхъ бѣднымъ и беззащитнымъ животнымъ со стороны Степана, штабсъ-ротмистръ не думалъ измѣнять своихъ отношеній къ этимъ созданіямъ... Надо отдать полную справедливость усердію маленькихъ обитателей города Елабуги, такъ дѣятельно работавшихъ въ этомъ направленіи. Благодаря этой «дѣятельности» уличныхъ со рванцовъ, числительный составъ обитателей гарема штабсъ-ротмистра

увеличивался все болѣе и болѣе. Но это обстоятельство нисколько не смущало Александра, и онъ только улыбался на двусмысленныя замѣчанія своихъ знакомыхъ. Степанъ былъ страшно недоволенъ такою странною «охотою» своего барина, и всѣми силами старался противодѣйствовать ей. На замѣчаніе своего барина, что «блаженъ иже и скоты милуетъ», Степанъ молчалъ, и только, уходя, всегда ворчалъ (но такъ, чтобы баринъ слышалъ): «блаженъ... но если эти «скоты» покоя не даютъ...» Выходя изъ такого заключенія, Степанъ частенько докладывалъ своему барину, что такой-то собаки нѣтъ, или такая-то кошка пропала.

«Куда-же они дѣвались?» съ недоумѣніемъ спрашивалъ его штабсъ-ротмистръ.

— «Не могу знать, ваше скобродіе», невозмутимо, не моргнувъ ни однимъ глазомъ, отвѣчалъ вѣрный слуга.

Въ противовѣсъ Степану дѣйствовала партія уличныхъ мальчишекъ, щедро снабжавшихъ Александра маленькими животными. Эти шалуны изводили вѣрнаго слугу штабсъ-ротмистра, что называется, «до зеленаго змія». Дѣло въ томъ, что мальчишки изъ слабости «барина» къ маленькимъ животнымъ изобрѣли своего рода промыселъ. Какъ только узнаютъ, что у того-то появилось въ свѣтъ новое семейство кошекъ или собакъ, маленькіе «изобрѣтатели» немедленно являются туда, берутъ этихъ беззащитныхъ созданій себѣ (хозяева, конечно, рады были всегда отдѣлаться отъ такого приращенія своихъ домашнихъ животныхъ) и тащатъ ихъ мимо оконъ штабсъ-ротмистра, избравъ для своей экскурсіи моментъ, когда вѣрнаго оруженосца Александра не было дома. Передъ самыми окнами маленькое животное начинаетъ немилосердно пищать... Это они его щипками заставляютъ пѣть эти раздрающія душу мелодіи!

«Вы что тутъ дѣлаете, бездѣльники?» кричитъ бывало изъ окна штабсъ-ротмистръ.

— «Да вотъ, ваше благородіе (даже и мальчишки не смѣли иначе звать Дурову), хотимъ топить въ рѣкѣ котенка».

«Ахъ вы, мерзкіе мальчишки, сердитесь штабсъ-ротмистръ, — давайте его сюда».

Тогда маленькое четвероногое существо немедленно переходило во владѣніе Александра, а въ рукахъ маленькихъ «палачей» появлялась мелкая серебряная монета.

Такимъ-то образомъ, скромно и тихо текла жизнь штабсъ-ротмистра Александра въ городѣ Елабугѣ.

Въ свободное время, по вечерамъ, у городничаго собирался кружокъ его близкихъ знакомыхъ; въ числѣ послѣднихъ былъ, конечно,

и штабсь-ротмистрь Александровъ. Городничій всегда отъ души принималъ штабсь-ротмистра и былъ радъ провести съ нимъ свободное время. Но, не смотря на такія сердечныя отношенія, штабсь-ротмистрь частенько ссорился съ городничимъ, и ссорился довольно серьезно. Что-же было причиною такихъ размолвокъ между ними? Причина была самая простая.

Городничій, не смотря на свою врожденную доброту и желаніе быть любезнымъ въ отношеніи штабсь-ротмистра Александра, часто выходилъ изъ себя, получая отъ послѣдняго чуть-ли ни каждый день записки съ просьбою за своихъ кліентовъ, чѣмъ тотъ просто не давалъ покоя доброму старику. Въ такія минуты городничій прибѣгалъ къ жестокому средству. Это средство всегда избавляло его недѣли на три отъ удовольствія разсматривать различныя клеюзы и дразги... Въ сущности, названное средство не было жестокимъ. Обыкновенно городничій встрѣчалъ штабсь-ротмистра словами: «А, здравствуйте, многоуважаемый Александръ Андреевичь!.. Прошу покорно...»; въ эти же минуты онъ говорилъ: «А, все почтеніе, Надежда Андреевна, какъ поживаете?» Затѣмъ, какъ-бы спохватившись, прибавлялъ: «ахъ, извините пожалуйста; а я было принялъ васъ за одну свою знакомую...»

Послѣ такого привѣтствія, лицо штабсь-ротмистра обыкновенно сначала покрывалось густымъ румянцемъ, а затѣмъ дѣлалось страшно блѣднымъ. Черезъ минуту «штабсь-ротмистрь» вставалъ и... уходилъ.

Недѣли черезъ двѣ-три городничій и штабсь-ротмистрь мирились и снова начинали жить по прежнему до новой фразы: «а, здравствуйте, Надежда Андреевна!..»

Такъ проводилъ время въ городѣ Елабугѣ штабсь-ротмистрь Александровъ. Этотъ образъ жизни онъ сохранилъ до конца своей жизни. Много пережилъ «штабсь-ротмистрь», много онъ видѣлъ на своемъ вѣку... 1807-й, 1812-й годы, далѣе война за освобожденіе народовъ—все это, какъ сонъ, прошло предъ глазами уже умирающаго героя. Пережилъ онъ и великій день 19 февраля 1861 года; встрѣтилъ новыхъ лицъ, увидѣлъ новые порядки, учрежденія... Но недолго онъ видѣлъ зарю новой жизни: въ 1863 г. бѣднаго «штабсь-ротмистра не стало... Съ его смертію окончилъ свое существованіе и «пріютъ животныхъ», безслѣдно исчезъ и его вѣрный слуга Степанъ... Только одно воспоминаніе оставилъ по себѣ этотъ замѣчательный человѣкъ.

Передъ концомъ своей жизни, Надежда Андреевна Дурова просила похоронить ее подъ именемъ Александра, но священникъ не нашель возможнымъ исполнить это завѣщаніе умирающаго, и такимъ

образомъ имя штабсъ-ротмистра Александра Андреевича Александрова исчезло вмѣстѣ съ тѣмъ, кто его носилъ честно и свято до послѣднихъ минутъ своей жизни!..

Дурова умерла, какъ я сказала, въ 1863 г., 74 лѣтъ отъ роду, и похоронена была на городскомъ кладбищѣ (смотри фотографіи) подъ скромнымъ памятникомъ, высѣченнымъ изъ одного камня и имѣвшимъ видъ четырехъ-конечнаго креста.

Въ 1888 г., сынъ городничаго Ерличъ, поручикъ І. Е., въ бытность свою на мѣстѣ родины своего отца, посѣтилъ могилу Дуровой, но памятника уже не было; даже самое мѣсто могилы было размыто дождемъ и заросло густымъ репейникомъ и травою. Плита провалилась, но затѣмъ, однако, она была, по показанію г. Ушкова, открыта и положена на мѣсто ¹⁾.

Зайдя какъ-то къ своему товарищу, вышеупомянутому поручику Ерличъ, я разговорился съ нимъ о замѣчательныхъ личностяхъ конца прошлаго и начала настоящаго столѣтій. Здѣсь, между прочимъ, Ерличъ разсказалъ и о знакомствѣ своего отца съ Н. А. Дуровою, о жизни послѣдней въ городѣ Елабугѣ, однимъ словомъ, то, что приведено мною выше. Затѣмъ, порывшись въ ящикѣ стола, онъ нашель нѣсколько подлинныхъ записочекъ Дуровой, ея фотографическую карточку, фотографію городского кладбища и копию съ послужнаго списка. Все это онъ отдалъ въ полное мое распоряженіе. Разсказъ поручика Ерличъ дополнила своими замѣчаніями вдова, madame Ерличъ, лично знавшая Дурову. Что-же касается второй фотографіи—внѣшняго вида кладбища—я долженъ сказать, что эта фотографія принадлежитъ капитану Г. А. Е., предложившему, если будетъ найдено нужнымъ, для напечатанія ея при настоящемъ очеркѣ. Слѣдствіемъ этой-то нашей бесѣды и было появленіе на бумагѣ нашего краткаго очерка.

Е. Е. Лашмановъ.

¹⁾ Нимѣ, какъ слышала редакція «Русской Старины», по доброму почину Петра Капитоновича Ушкова, гражданина города Елабуги, возникло намѣреніе поставить на могилѣ Дуровой памятникъ, вполне достойный этой замѣчательной личности. Скульпторъ П. П. Забѣло заказалъ бюстъ этой замѣчательной женщины.—Портретъ Дуровой—гравюра Матюшина будетъ приложенъ къ LXVIII-му тому «Русской Старины» Ред.

Приложенія.

Послужной списокъ штабсъ-ротмистра Александра (Надежды Андреевны Дуровой).

По указу его величества императора Александра Павловича, самодержца Всероссийскаго, и прочая, и прочая, и прочая.

Изъ инспекторскаго департамента главнаго штаба его императорскаго величества, уволенному отъ воинской службы, штабсъ-ротмистру Александру Александрову, имѣющему отъ роду 24 года, который изъ россійскихъ дворянъ, за отцомъ его крестьянъ мужеска пола 5 душъ, принятъ въ службу въ Мариупольскій гусарскій полкъ корнетомъ 1807-го года декабря 31-го, переведенъ въ Литовскій уланскій 1811-го года апрѣля 1-го. Поручикомъ 1812 года августа 29-го. Былъ въ походахъ: 1807-го года въ Пруссіи противу французскихъ войскъ; въ сраженіяхъ: подъ мѣстечкомъ Гутштатомъ, при преслѣдованіи непріятели до рѣки Посаржи и въ сраженіи подъ Гельсбергомъ, гдѣ за отличіе награжденъ знакомъ военнаго ордена; 1812 г. противу оныхъ-же войскъ въ россійскихъ предѣлахъ, въ разныхъ дѣйствительныхъ сраженіяхъ: іюня 27-го подъ мѣстечкомъ Миромъ, іюля 2-го—подъ мѣстечкомъ Романовымъ, 16-го и 17-го—подъ деревнею Дашковою; августа 4-го и 5-го—подъ городомъ Смоленскомъ, 15-го—при деревнѣ Лушкахъ, 20-го—подъ городомъ Ежацкою пристанью 20-го—подъ Колоцкимъ монастыремъ, 24-го—при селѣ Бородинѣ, гдѣ получилъ отъ ядра контузію въ ногу, откуда отправленъ былъ для излеченія; потомъ прибылъ съ резервнымъ эскадрономъ 1813, съ которымъ, находясь въ герцогствѣ Варшавскомъ, при блокадѣ крѣпости Модлина, августа съ 10 по 20 октября, равно при блокадѣ-жъ городовъ Гамбурга и Гарбурга. Находился въ отпуску съ 9-го по 15-е марта 1812 г. и на срокъ явился. Въ штрафахъ не бывалъ, а прошлаго 1816 года марта 9-го дня, по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, за болѣзнію уволенъ отъ службы штабсъ-ротмистромъ. Во свидѣтельство чего ему сей его императорскаго величества указъ данъ въ Санктпетербургѣ. Апрѣля 24 дня 1817 года. Подлинный подписалъ: вице-директоръ генераль-маіоръ (фамилія не разобрана). Начальникъ отдѣленія, пятаго класса Киселевъ. У подлиннаго указа инспекторскаго департамента главнаго штаба его императорскаго величества 5 отдѣленія печать.

Письма и записочки Дуровой.

I. Эдуардъ Осиповичъ! Будьте, ради Бога, милостивы къ Григорью. Нельзя ли его оставить дома по болѣзни. Его требуютъ въ Бетьки (названіе одной деревни), но вѣдь и здѣсь, кажется, можно бы спросить о чемъ слѣдуетъ. Преданный Александровъ.

II. Эдуардъ Осиповичъ! Не сдѣлаете-ли вы милость для этой солдатки, дать ей какую-то квартиру? Она называетъ ее «денежною». Ей Богу, я не понимаю, что это значить, а только прошу васъ, если можно, дать ей эту квартиру. Devoué Alexandroff.

III. Вотъ эта бабочка просить и плачетъ, что будто-бы ея мужу подкинули шлею какую-то. Будьте къ ней милостивы, Эдуардъ Осиповичъ. Слуга вашъ Александровъ.

IV. Эдуардъ Осиповичъ! Будьте милостивы къ моему protégé. Позвольте ему съ братомъ строить домъ, или, по крайности, хоть службы, въ ожиданіи какой-то данной. Они хотѣли-бы воспользоваться осеннимъ временемъ, чтобы хоть что-нибудь заготовить къ будущей веснѣ. Искренно преданный вамъ слуга вашъ Александровъ.

V. Эдуардъ Осиповичъ! Пріѣзжайте ко мнѣ минутъ на пять. Случилось обстоятельство, въ которомъ мнѣ нуженъ совѣтъ вашъ, какъ городничаго. Преданный слуга Александровъ.

VI. Mon aimable Louise! Пришли мои деньги. Раздумалъ послать за финиками. Говорятъ, Будыгинъ самый недобросовѣстный человѣкъ. Ему нельзя довѣрить ничего. Tout à vous Александровъ.

Февраль 1889 года, Нижній-Новгородъ.

Сообщ. Э. Э. Лашмановъ.

Письма Александра Сергѣевича Пушкина къ Александру Андреевичу Александрову и Василию Андреевичу Дурову, въ г. Елабугу ¹⁾.

1.

16 іюня 1835 г.

Милостивый государь, Василій Андреевичъ. Искренне обрадовался я, получа письмо ваше, напомнившее мнѣ старое, любезное знакомство, и спѣшу вамъ отвѣчать. Если авторъ записокъ согласится поручить ихъ мнѣ, то съ охотою берусь хлопотать объ ихъ изданіи. Если думаетъ онъ ихъ продать въ рукописи, то пусть назначитъ самъ имъ цѣну. Если книгопродавцы не согласятся, то, вѣроятно, я ихъ куплю. За успѣхъ, кажется, можно ручаться. Судьба автора такъ любопытна, такъ извѣстна и такъ таинственна, что разрѣшеніе загадки должно произвести сильное, общее впечатлѣніе. Что касается до слога, то чѣмъ онъ проще, тѣмъ будетъ лучше. Главное: истина, искренность. Предметъ самъ по себѣ такъ занимателенъ, что никакихъ украшеній не требуетъ. Они даже повредили-бы ему.

Поздравляю васъ съ новымъ образомъ жизни; жалѣю, что изъ ста тысячъ способовъ достать 100,000 рублей ни одинъ еще вами съ успѣхомъ, кажется, не употребленъ. Но деньги дѣло наживное. Главное, были-бы мы живы.

Прощайте, съ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью, имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

¹⁾ Печатаемъ съ подлинниковъ, находящихся въ ред. «Русской Старины»: письма эти уже бывали въ печати.

2.

19 января 1836 г.

Милостивый государь, Александръ Андреевичъ. По послѣднему письму вашему, отъ 6-го января, чрезвычайно меня встревожило. Рукописи вашей я не получилъ, и вотъ какую подозрѣваю на то причину. Уѣхавъ въ деревню на 3 мѣсяца, я пробылъ въ ней только 3 недѣли, и принужденъ былъ наскоро воротиться въ Петербургъ. Вѣроятно, ваша рукопись послана въ Псковъ. Сдѣлайте милость, не гнѣвайтесь на меня. Сейчасъ ѣду хлопотать; задержки постараюсь вознаграждать.

Я было совсѣмъ отчаявался получить записки, столь нетерпѣливо мною ожидаемыя. Слава Богу, что теперь попалъ на слѣдъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть вашимъ усерднѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

3.

Спб. 17 марта 1836 г.

Милостивый государь, Василій Андреевичъ. Очень благодарю васъ за присылку записокъ и за довѣренность, вами мнѣ оказанную. Вотъ мои предположенія: 1) Я издаю журналъ; во второй книжкѣ онаго (т. е. въ юлѣ мѣсяцѣ) напечатаю я Записки о 12 годѣ (всѣ или часть ихъ) и тотчасъ перешлю вамъ деньги по 200 рублей за листъ печатный. 2) Дождавшись другихъ записокъ брата вашего, я думаю соединить съ ними и Записки о 12 годѣ; такимъ образомъ, книжка будетъ толще и, слѣдственно, дороже.

Полныя записки, вѣроятно, пойдутъ успѣшно послѣ того, какъ я о нихъ протрублю въ своемъ журналѣ. Я готовъ ихъ и купить, и напечатать въ пользу автора, какъ ему будетъ угодно и выгоднѣе. Во всякомъ случаѣ будьте увѣрены, что приложу всевозможное стараніе объ успѣхѣ общаго дѣла.

Братецъ вашъ пишетъ, что лѣтомъ будетъ въ Петербургѣ. Ожидаю его съ нетерпѣніемъ. Прощайте, будьте счастливы, и дай Богъ вамъ разбогатѣть съ легкой ручки храбраго Александра, которую ручку прошу за меня поцеловать.

Весь вашъ Александръ Пушкинъ.

Сейчасъ прочелъ переписанныя записки: прелесть! живо, оригинально, слогъ прекрасный. Успѣхъ несомнителенъ. 27 марта.

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ¹⁾.

VI.

Наводненіе въ Дриссѣ. — Распорядительность мѣстныхъ властей. — Бѣдствіе, причиненное наводненіемъ въ Динабургѣ. — Пожалованіе миѣ аренды. — Дѣло о городецкомъ исправникѣ. — Дѣло о крестьянинѣ гр. Платтеръ. — Вопросъ о титулованіи архіерея. — Выговоръ, полученный Смарагдомъ. — Требованіе архіерея объ удаленіи Ульяновскаго. — Новая просьба объ отставкѣ. — Перемѣщеніе Смарагда. — Ремезовъ.

1837 г.

Въ 1837 году, во вторникъ на святой недѣлѣ, я получилъ донесеніе съ эстафетою отъ дриссенскаго городничаго, что рѣка Двина во время весенняго разлитія своего внезапно затопила половину города, такъ что жители затопленныхъ домовъ лишились скота, живности и всѣхъ сдѣланныхъ ими запасовъ, и что нужно принять скорыя и рѣшительныя мѣры для пропитанія несчастныхъ, иначе многіе должны будутъ умереть съ голода.

Полагая, что весенній разливъ бываетъ каждагодно, я обратился къ распросамъ о прежнихъ случаяхъ, и получилъ въ отвѣтъ, что въ Дриссѣ подобнаго никогда не встрѣчалось, ибо въ настоящій разъ и въ Витебскѣ Двина поднялась гораздо выше обыкновеннаго, но что

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 207—244; т. X, стр. 633—666; т. XI, стр. 411—450; изд. 1875 г., т. XIII, стр. 554—580; изд. 1876 г., т. XVI, стр. 627—648; т. XVII, стр. 127—144, 251—266, 771—786; изд. 1878 г., т. XXII, стр. 401—423; т. XXIII, стр. 33—54; изд. 1890 г., т. LXVII¹ июль, стр. 63—132, августъ, стр. 225—277.

ежели несчастіе постигло Дриссу, то должно гораздо большаго ожидать въ Динабургѣ, гдѣ ежегодно, безъ исключенія, часть форштадта бываетъ подъ водою. Узнавъ, что въ этотъ день выѣзжаетъ въ Дриссенскій уѣздъ, въ имѣніе свое, предводитель Шадурскій, я рѣшился самъ выждать донесенія изъ Динабурга, а его просилъ, заѣхавъ въ Дриссу, на мой счетъ раздать нѣкоторую сумму наиболѣе пострадавшимъ и нуждающимся.

Донесеніе изъ Динабурга не замедлило, и на другой день я былъ извѣщенъ тамошнимъ городничимъ, что на этотъ разъ несчастіе въ городѣ усугубилось не столько отъ необыкновеннаго возвышенія воды, какъ отъ неожиданности случая, ибо въ истекшемъ году, черезъ форштадтъ по берегу рѣки настлано полотно для шоссе, которое собою образовало возвышенную дамбу и должно было совершенно предохранять форштадтъ отъ наводненія. Но какъ это полотно было еще не вполне окончено, а насыпи щебнемъ на ономъ вовсе не было, то Двина около форштадта, самую дамбу съузивъ русло свое, накопила огромную массу льда въ этомъ пунктѣ. Потомъ съ силою прорвало въ нѣсколькихъ мѣстахъ проведенное шоссе и вдругъ, когда жители почитали себя на первый годъ совершенно избавленными отъ наводненія, водою залило весь форштадтъ, а напоромъ льда не только повредило, но даже разрушило нѣсколько домовъ, а одинъ снесло съ мѣста и передвинуло болѣе нежели на сто саженой во внутрь города. При этомъ случаѣ у многихъ обывателей пропало все имущество, а главная потеря заключается въ унесеніи лѣса, приготовляемаго для разныхъ построекъ, и дровъ для топлива.

Подумавъ нѣсколько и сообразивъ, что поѣхавъ на мѣсто съ пустыми руками, я принесу не много пользы, ибо только увижу то, о чемъ имѣю (донесеніе) у себя на бумагѣ, и не имѣя въ моемъ распоряженіи никакихъ денежныхъ суммъ, я пригласилъ къ себѣ вице-губернатора (теперь—1845 г.—предсѣдатель казенной палаты) Гжелинскаго, просилъ его совѣта и пособія, т. е. спросилъ, можетъ-ли онъ, не подвергая себя отвѣтственности, изъ казначейства, на собственный мой страхъ, отпустить какую-либо значительную денежную сумму? Пересмотрѣвъ всѣ вѣдомости, мы согласились, чтобы я далъ палатѣ предложеніе отпустить въ прямое мое распоряженіе строительный капиталъ, съ нѣсколькими рублями болѣе 20 тыс. руб. Принявъ эту сумму, я въ тотъ-же день поѣхалъ прежде, черезъ Полоцкъ, въ Дриссу.

Остановясь на ночь въ Полоцкѣ, я сталъ подробнѣе разспрашивать о слухахъ о постигшемъ Дриссу несчастіи; слухи эти сообразовались съ донесеніемъ. Я приказалъ полиціймейстеру на другой день утромъ закупить 150 четвертей муки и 20 четвертей врупъ, нанять лодку и

спустить внизъ по Двинѣ до Дриссы,—издержка простиралась до 1,800 рублей,—и самъ пустился рано утромъ далѣе, передовымъ отправа жандарма.

На городской чертѣ, до Дриссы версты за двѣ еще отъ заставы, встрѣтилъ меня тамошній городничій на дрожкахъ; я пересѣлъ самъ къ нему и сталъ разспрашивать его о подробностяхъ. Онъ рассказывалъ мнѣ, изображая все въ самомъ горестномъ положеніи и утверждая, что болѣе половины скота, городу принадлежащаго, погибло въ волнахъ. Изъ людей-же утонулъ только одинъ кузнецъ, но и то по своей неосторожности, ибо въ самый разливъ на доскѣ хотѣлъ переправиться черезъ рѣку Дриссу, по близости устья оной съ Двиною, и увесенъ въ Двину. Мы подъѣхали къ заставѣ и я приказалъ ѣхать туда, гдѣ болѣе городъ потерпѣлъ, и сдѣлалъ это очень встати. Я сейчасъ замѣтилъ рѣшительно въ каждомъ домѣ и козу, и курицу, и, наконецъ, тамъ, гдѣ прежде была, и корову; однимъ словомъ, ни скота, ни живности нисколько не погибло, а въ домахъ, гдѣ были полы, подняло оныя, размыло печи и выбило много стеколъ. Указавъ все это городничему, строго замѣтилъ я ему ложность его донесенія и спросилъ: пріѣзжалъ-ли въ Дриссу Шадурскій? Онъ отвѣчалъ, что самъ Шадурскій не пріѣзжалъ, а прислалъ управителя своего, который и роздалъ бѣднѣйшимъ 2,000 руб. ассигнаціями.

Приказавъ немедленно составить и подать мнѣ списокъ, кому были выданы деньги, я приказалъ тутъ-же городничему, подъ личною моею отвѣтственностью, всю эту сумму собрать отъ тѣхъ, кто получилъ деньги, а взамѣнъ этого передать имъ муку и крупу, которая, по моему распоряженію, доставатся въ городъ. Какъ я рассчитывалъ, такъ и случилось, и деньги, хотя не вполне, но соразмѣрно сдѣланной закупкѣ, собраны, и двѣ тысячи рублей возвращены Шадурскому.

Чтобы лучше объяснить разность усердія чиновниковъ, по выборамъ служившихъ, или по назначенію отъ казны, съ похвалою здѣсь подтверждаю, что хотя при настоящемъ разѣ Двина затопила болъшую часть прибрежной дороги, по которой размыло и снесло мосты, но я, при всей поспѣшности моего выѣзда, видѣлъ уже полную заботливость объ исправленіи поврежденнаго, а главное, что коммуникація почтовая вся уже перемѣщена была выше, съ удобностью, такъ что я и часа нигдѣ не былъ задержанъ.

Въ Динабургѣ я повторилъ мою продѣлку, но тутъ разстройство я нашелъ гораздо серьезнѣе. Нѣсколько домовъ порядочно пострадали, повреждены были значительно, такъ что у трехъ или четырехъ выбитъ былъ и разбитъ фундаментъ, много размыто половъ и печей, и по-выбито стеколъ. Когда-же я прибылъ на квартиру, городничій подалъ

мнѣ вѣдомость о потеряхъ, простиравшуюся болѣе 120 тысячъ рублей. Я вторично съ нимъ отправился для соображенія потерь по городу, и на мѣстѣ указалъ ему неосновательность его свѣдѣній; затѣмъ составилъ я особую комиссію, включивъ въ нее моего собственного чиновника, и далъ отъ себя инструкцію, по которой составленный счетъ съ чѣмъ-то перешелъ за 16 тысячъ рублей и былъ очень близокъ къ истинѣ. Болѣе пострадавшимъ я тутъ-же роздалъ около 2.500 руб. и отправился обратно въ Витебскъ, откуда послалъ обстоятельное донесеніе генераль-губернатору и прямо министру; въ частномъ письмѣ къ послѣднему я объяснилъ рѣшимость мою на счетъ денежныхъ издержекъ и просилъ его снисходительнаго вниманія, дабы онѣ не пали лично на меня. Недѣли черезъ двѣ министръ выслалъ не только издержанную мною сумму, но и ту, которую я просилъ въ пособіе обоимъ городамъ, по личному моему обзору.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1837 г., понуждаемый однимъ изъ кредиторовъ моихъ, я просилъ государя о пособіи. Отдамъ полную справедливость Дьякову: получивъ для представленія письмо мое, онъ спросилъ меня: «что хотите, чтобы я просилъ для васъ, аренду или капиталъ?» Я объявилъ желаніе мое на первую, и 2-го мая государь пожаловалъ мнѣ на 12 лѣтъ аренду, ежегодно по 1,200 рублей серебромъ.

За то, съ другой стороны, мы глядѣли съ Дьяковымъ на дѣла свои совершенно различно. Однажды, въ разговорѣ со мною о соединеніи уніатъ, онъ объявилъ самъ, что «кн. Хованскій и Шрейдеръ именно смѣнены по отношеніямъ къ этому предмету и что государь хотѣлъ въ то-же время смѣнить и Смарагда, а на мѣсто его дать Павла изъ Варшавы» (слова Дьякова). Но со всѣмъ тѣмъ, онъ самъ продолжалъ дѣйствовать по системѣ Хованскаго, т. е. каждое требованіе, каждое отношеніе архіерея, безъ разсмотрѣнія правильности и нужды, спѣшилъ удовлетворять безпрекословно.

Напримѣръ, сторожъ соборной церкви Витебска, изъ казенныхъ крестьянъ, былъ захваченъ корчемнымъ виномъ надсмотрщиками. Объ этомъ завелось слѣдствіе; протоіерей Ремезовъ жаловался архіерею, что слѣдствіе производится безъ депутата съ духовной стороны; тотъ отнесся къ Дьякову, а онъ потребовалъ отъ губернскаго правленія объясненія о нетребованіи депутата, прописывая буквально статью закона, гдѣ сказано, что когда слѣдствіе производится о церковно-служителяхъ, то слѣдуетъ быть при томъ депутату отъ духовенства. Губернское правленіе отвѣчало съ прописаніемъ полныхъ статей изъ закона, одной, что по дѣламъ въ выпискахъ изъ законовъ не должно никогда сокращать самыхъ статей, а выписывать ихъ вполнѣ, а другой, той же статьи, которой половина только въ отношеніи отъ Дьякова

была включена, и гдѣ во второй половинѣ именно поименовано, кого слѣдуетъ считать за церковно-служителей, и гдѣ не только сторожей, но даже и старость церковныхъ изъ свѣтскаго званія не показано.

Въ другомъ случаѣ, по распоряженію еще кн. Хованскаго, но по требованію Смарагда, отрѣшенъ былъ отъ должности городецкій исправникъ, о которомъ около двухъ лѣтъ шло уже слѣдствіе, что онъ однажды во время крестнаго хода въ городѣ, по близости онаго, не снялъ шапки, и что онъ уже не одинъ разъ замѣченъ въ пренебрежительномъ отношеніи къ обрядамъ православной церкви и своимъ обхожденіемъ подаетъ примѣръ къ соблазну. Это дѣло такъ странно въ своемъ ходѣ, что, конечно, любопытно-бы было каждому прочесть его вполнѣ. Но здѣсь приведу нѣсколько замѣтокъ. Крестный ходъ былъ около присутственныхъ мѣстъ, гдѣ временно помѣщалась церковь. Исправникъ въ шапкѣ стоялъ у воротъ своей квартиры; по многой перепискѣ измѣрялось разстояніе—всего около 70 сажений. Этого не довольно; священникъ показаль, что однажды великимъ постомъ, когда было много причастниковъ, исправникъ, бывши въ церкви, безпрестанно смѣялся и разговаривалъ съ посторонними лицами. Исправникъ оправдывался и показаль свидѣтелей; тѣ подь присягою, человекъ съ тридцать, подтвердили его показаніе; спрошенъ былъ священникъ о выставленіи свидѣтелей съ его стороны, онъ отозвался, что священнодѣйствуя, онъ не можетъ развлекаться, и не помнитъ, кто былъ при этомъ случаѣ; но подтверждаетъ дѣйствительность своего доноса подь словомъ священническаго сана.

Это дѣло Дьяковъ передалъ въ губернское правленіе, на разсмотрѣніе онаго; тутъ нечего было колебаться, и правленіе объявило свое мнѣніе: исправника допустить опять къ должности и удовлетворить за время нахожденія подь слѣдствіемъ жалованіемъ. Дьяковъ опять обратилъ дѣло въ губернское правленіе, для дополненія онаго, ибо священническое показаніе заслуживало вѣроятія, а притомъ, чѣмъ занятъ былъ столько исправникъ, что онъ показаль въ своихъ отвѣтахъ, что онъ не видѣлъ крестнаго хода? Этотъ запросъ я привожу здѣсь не шуточно.

Третье дѣло началось тоже при Хованскомъ и Шрейдерѣ. Лепельскій протоіерей Порошинскій донесъ архіерею, что въ имѣніи графини Платтеръ, мѣстечкѣ Ушачи, одинъ крестьянинъ (весьма зажиточный), по присоединеніи его изъ уни, не только самъ не былъ ни разу на исповѣди, но еще другихъ подстреваетъ къ тому-же. По этому доносу наряжено было слѣдствіе, несчастный засажень въ тюрьму; земская полиція потребовала депутата съ духовной стороны. Полоцкая консисторія командировала доносителя Порошинскаго. Дѣло поступило

на разсмотрѣніе въ судъ; кн. Хованскій далъ предписаніе требовать и туда депутата; консисторія опять назначила Порошинскаго-же. Судъ вошелъ въ губернское правленіе съ представленіемъ, а оно снеслось съ полоцкою консисторією и просило о перемѣнѣ депутата. Это все было до меня еще, но ко мнѣ отнесся архіерей еще, прямо жалуюсь на пристрастіе лепельскаго суда, который отвергаетъ отличнаго по заслугамъ священника, и просилъ меня это дѣло принять въ особенное вниманіе и разсмотрѣніе, и ежели губернское правленіе и я не можемъ сами измѣнить перваго рѣшенія, то представить все дѣло на разсмотрѣніе къ высшему начальству. Съ перваго взгляда я видѣлъ уже дѣло ясно, но собственно изъ уваженія къ архіерею потребовалъ подробнаго дополнительнаго поясненія отъ лепельскаго суда, съ прописаніемъ статей изъ закона. Смарагдъ, узнавши это, жаловался Дьякову на замедленіе, обвиняя гражданское управленіе въ томъ, что арестантъ за перепискою содержится болѣе года подъ стражею. Разумѣется, Дьяковъ предложилъ немедленно кончить переписку, разъяснить вопросъ и дать ему объясненіе; предложеніе было особенно въ строгомъ смыслѣ; по полученіи отзыва лепельскаго суда, губернскому правленію не осталось ничего болѣе, какъ, изложивъ весь ходъ дѣла Дьякову, просить его разрѣшенія; онъ послалъ въ сенатъ и, какъ послѣ оказалось, даже съ обвиненіемъ и меня въ числѣ членовъ губернскаго правленія.

Въ перепискѣ моей съ Смарагдомъ первоначально я держался формы писемъ, но послѣ выхода его, о которой говорено уже, сталъ держаться форменности отношенія, титулуя его преосвященствомъ. Однажды въ губернскомъ правленіи поднесенъ былъ мнѣ изготовленный журналъ, въ которомъ объяснялось, что полоцкая консисторія (замѣтить должно, что она обыкновенно писала въ губернское правленіе грубо и всегда ставя свое названіе выше правленія) препровождаетъ въ правленіе прошеніе одной женщины. За ошибку въ архіерейскомъ титулѣ (вмѣсто виленскаго, было написано витебскій), требуетъ прошеніе это возвратить просительницѣ и взыскать за два листа гербовой бумаги деньги, а далѣе присовокупляла, что епархіальное начальство не однажды усматривало, что не только частныя лица, но даже и нѣкоторые изъ служащихъ, желая въ постороннихъ глазахъ уронить высокое званіе начальника паствы, титулуютъ его несообразно съ саномъ, а потому, препровождая форму, какъ слѣдуетъ писать титулъ архіерея, требуетъ разсылки оной по присутственнымъ мѣстамъ и распубликованія по губерніи. Въ формѣ титулъ показанъ: «его высокопреосвященству высокопреосвященному Смарагду, архіепископу полоцкому и виленскому, и кавалеру». Журналъ былъ изготов-

лень и подписанъ уже другими членами въ смыслѣ полного удовлетворенія этого требованія. Такъ уже привыкли всѣ присутственныя мѣста и лица слѣпо исполнять все, что хотѣлъ Смарагдъ.

Прежде всего, я замѣтилъ совѣтникамъ, что въ законѣ въ титулѣ указываютъ одно только высочайшее имя; далѣе, что каждое присутственное мѣсто неправильно поданное въ него прошеніе просителю должно возвращать прямо отъ себя, съ надписью, а не обременять этимъ другое присутственное мѣсто, и, наконецъ, я не знаю, почему полоцкій архіепископъ имѣетъ право титуловаться высокопреосвященнымъ, ибо это величаніе принадлежитъ одному митрополиту.

Совѣтникъ Скларенко тутъ же подтвердилъ справедливость моего замѣчанія и добавилъ, что любопытноѣ всего, что въ томъ-же пакетѣ, въ которомъ прислано это требованіе изъ консисторіи, есть другое отношеніе, а при немъ копія съ указа синодскаго на имя архіерея, гдѣ нѣсколько разъ повторено слово «преосвященный» и «ваше преосвященство», въ чемъ мы всѣ тутъ-же удостовѣрились. Я приказалъ измѣнить журналъ, отвѣчать консисторіи, что прошеніе будетъ возвращено собственно во избѣжаніе лишней переписки, а впередъ, по смыслу статьи закона, съ прописаніемъ оной, правленіе просить не присылать подобныхъ актовъ, тѣмъ болѣе, что губернское правленіе не дерзаетъ даже и примѣнять замѣчанія консисторскихъ ошибокъ въ титулѣ и статьѣ закона (прописавъ оную); касательно-же распубликованія формы титула, то (опять прописавъ статьи) губернское правленіе распубликовываетъ только высочайшіе указы и указы изъ сената, а не угодно-ли будетъ епархіальному начальству свою претензію представить на разсмотрѣніе святѣйшему синоду.

Около этого-же времени послѣдовала развязка и по запискѣ, поданной лично Дьякову при первой его поѣздкѣ въ Петербургъ. Гр. Протасовъ писалъ къ Дьякову, а тотъ ко мнѣ, что по разсмотрѣніи записки и дополнительныхъ къ оной фактовъ, Синодъ призналъ, что Смарагдъ дѣйствительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ перешелъ границу своихъ правъ и обязанностей. Это поставлено ему строго на видъ, оставя, однако-же, два дѣла еще на дальнѣйшее обсужденіе; но какъ Смарагдъ, въ данныхъ отъ него объясненіяхъ, оправдываетъ себя, что его къ ошибкамъ завлекло, конечно, излишнее его усердіе и ревность къ побѣдамъ православной церкви, то Синодъ просить, какъ генераль-губернатора, такъ и начальника губерніи, принять это оправданіе къ своему снисхожденію.

Казалось-бы, что этотъ урокъ долженъ былъ подѣйствовать на Смарагда, но онъ взялъ только другое направленіе. Въ маѣ мѣсяцѣ (1837 года) Дьяковъ собирался опять ѣхать въ Петербургъ; за

нѣсколько дней до его выѣзда, Гжелинскій препроводилъ ко мнѣ прямое къ нему отношеніе Смарагда, съ требованіемъ особыхъ мѣръ къ отстраненію Ульяновскаго, арендатора Езерейскаго старостства, и его повѣренныхъ, какъ явныхъ противодѣйствователей православію. Гжелинскій въ своемъ ко мнѣ представленіи писалъ, что какъ это обстоятельство выше его собственныхъ правъ, то онъ почелъ обязанностью письмо Смарагда въ оригиналѣ передать мнѣ, но копію съ него, по важности содержанія, онъ почелъ долгомъ представить генераль-губернатору. Однимъ словомъ, не довѣряя мнѣ, онъ подставлялъ меня въ настоящемъ разѣ подъ особое наблюденіе.

Разсмотрѣвъ бумагу Смарагда и огорчась поступкомъ Гжелинскаго, я счелъ долгомъ особо отъ себя представить Дьякову, что я рѣшительно не хочу оставаться въ губерніи; архіерей, не довольствуясь колкою перепискою со мною, видимо, стремится къ разрушенію согласія между мною и другими служащими чиновниками.

Жалоба Смарагда заключалась въ слѣдующемъ: однажды архимандритъ, объѣзжая для осмотра церквей, прибылъ въ одно казенное имѣніе; администраторъ Ульяновскій не встрѣтилъ его съ подобающимъ приличіемъ; 1 августа, когда архимандритъ приказалъ прихожанамъ быть у освѣщенія воды, тотъ послалъ всѣхъ къ работамъ. Въ другомъ имѣніи, также администратора Ульяновскаго, онъ отказывается крестьянъ высылать къ исповѣди къ православному священнику, и (самъ Смарагдъ пишетъ) хотя крестьяне на первой недѣлѣ поста были въ церкви, но тогда священникъ былъ нездоровъ лихорадкою и принять къ исповѣди крестьянъ не могъ. Этотъ священникъ уличенъ впоследствии въ стачкѣ съ администраторомъ въ своихъ показаніяхъ за нетрезвое поведеніе, какъ онъ уже давно аттестовалъ о немъ по списку, отстраненъ отъ прихода и ему воспрещено руюположеніе къ благословенію; далѣе, въ другихъ имѣніяхъ на разные церковно-праздничные дни жалуюсь о воспрещеніи крестьянамъ ходить въ церковь, за работами, Смарагдъ просилъ Гжелинскаго, администраторовъ-католиковъ немедленно всѣхъ устранить и объ Ульяновскомъ сдѣлать особое представленіе.

Сдѣлавъ мои замѣчанія противъ cadaго пункта бумаги и особенно противъ выставленныхъ праздниковъ, которые даже и по календарю считаются рабочими днями, я совершенно опровергнулъ всѣ придирки и въ особенности указалъ на пьянаго священника, отъ котораго вышелъ первый доносъ. Въ этомъ донесеніи моемъ Дьякову я прямо и официально объявилъ, что дѣло восприсоединенія униатовъ признаю совершенно соответствующимъ политикѣ и нравственности, но что твердо отвергаю тотъ ходъ и тѣ мѣры, которымъ слѣдуетъ

Смарагдъ, и какъ по этому непрестанно возникаетъ между нами разногласіе, просилъ убѣдительно Дьякова употребить всѣ его средства развести насъ. Когда я еще лично сталъ просить объ этомъ Дьякова, онъ мнѣ далъ слово, непременно государю объяснить мое положеніе.

Недѣли черезъ двѣ Смарагдъ перемѣщенъ въ Могилевъ, но мои распри съ духовенствомъ еще не окончились.

По Витебской губерніи образованъ былъ комитетъ для приѣма и передачи строеній, бывшихъ въ вѣдомствѣ католическаго духовенства. Предсѣдателемъ комитета—губернаторъ, членами: архіерей, директоръ гимназіи и обыкновенный членъ строительной комиссіи. Еще при Шрейдерѣ Смарагдъ выпросилъ, чтобы, вмѣсто личнаго его присутствія, засѣдать въ комитетѣ, по его довѣрію, священнику. Присутствовалъ Стефановичъ. Комитетъ дѣлами занимался медленно, да какъ могло быть иначе: съ одной стороны Стефановичъ, а съ другой—директоръ Рикманъ, каждый и каждое строеніе тянули на свою сторону; Рикманъ прямо спорилъ, а Стефановичъ не подписывалъ ни одного журнала безъ того, чтобы предварительно не послать копія для прочтенія Смарагду, а потому, ежели иногда и слаживалось какое-нибудь рѣшеніе, Смарагдъ разрушалъ оное, и Рикманъ опять оспаривалъ.

Однажды, стоя въ саду на террасѣ губернаторскаго дома, замѣтилъ я, что насупротивъ занимаются какимъ-то дѣломъ кварталный и причетники церкви. Я подозвалъ перваго къ себѣ и спросилъ, что они дѣлаютъ?

— «Передаемъ по-іезуитское строеніе соборянамъ», отвѣчалъ онъ.

Еще прежде я слышалъ, что въ іезуитскомъ костелѣ отличной живописи образа, и при этомъ случаѣ мнѣ вздумалось взглянуть на нихъ.

— «Спросите, продолжалъ я,—у него ключъ отъ церкви и прикажите отпереть для меня оную».

Квартальный тотъ-же часъ воротился съ донесеніемъ, что ключъ у Ремезова. Я приказалъ сходить къ нему и отворить церковь. Черезъ четверть часа посланный вернулся съ отвѣтомъ, что Ремезовъ занятъ дѣлами и ключа не далъ. Я повторилъ приказаніе отворить церковь и объявилъ, что для этого не нужно самого Ремезова. Прошло еще четверть часа и тотъ-же посланный донесъ мнѣ, что Ремезовъ вторично ключа не далъ, а велѣлъ объявить мнѣ, что я могу церковь осмотрѣть и завтра, въ 10 часовъ поутру, гдѣ онъ будетъ самъ въ эту пору. Полагаю, что cadaго удивить таковой отзывъ, слѣдовательно, не мудрено, что онъ даже поразилъ меня. Но пока я еще разговаривалъ съ кварталнымъ, увидалъ я, что Ремезовъ

ѣдетъ на дрожкахъ съ полиціймейстеромъ Глинкою къ церкви. Глинка подбѣжалъ ко мнѣ и объявилъ, что церковь отпирается, что онъ, Глинка, узнавъ отъ квартальнаго объ отъѣвѣ Ремезова, самъ поспѣшилъ къ нему и убѣдилъ его исполнить мое приказаніе.

По неосторожности, не взирая на то, что кровь уже закипѣла во мнѣ, я пошелъ къ церкви. Ремезовъ въ корридорѣ вертѣлся еще у замка и я привѣтствовалъ его словами:

«Что это вздумалось вамъ ослушиваться губернатора?»

Онъ-же, не оборачиваясь ко мнѣ, возразилъ:

— «У каждого есть свое начальство и я занятъ распоряженіями моего собственнаго, не разорваться-же мнѣ на-двое».

Замѣтивъ неприличіе этого объясненія, строго, громко, но вѣжливо, я высказалъ Ремезову, что давно уже вижу стремленіе его, Ремезова, вывести меня изъ терпѣнія, и главною виною этому признаю архіерея. Настоящій случай мнѣ развязываетъ руки и я, вернувшись домой, съ эстафетою отправлю мое донесеніе прямо государю, какъ о необыкновенномъ случаѣ оказанной мнѣ дерзости. Съ этимъ я и ушелъ домой.

Въ церкви, кромѣ меня, Ремезова и Глинки, случился священникъ Лоріонцевичъ.

Какъ ни мало пространство отъ церкви до дома, но жаръ во мнѣ уже простылъ и я тотчасъ сталъ думать: донесу государю—Ремезовъ погибшій человекъ, но за что-же пострадаютъ жена и дочь его; послѣдняя образованная въ высшемъ кругу и милая дѣвица. Оставить-же безъ вниманія поступокъ дерзкаго попа считалъ невозможнымъ и рѣшилъ написать къ оберъ-прокурору синода Протасову.

Въ письмѣ моемъ происшествіе я описалъ кратко и дополнилъ только, что Ремезовъ замѣченъ уже мною неоднократно умышенно мнѣ пресѣкающимъ священникомъ, а потому и просилъ за настоящій поступокъ образумить его взыскаіемъ и заставить быть уважительнымъ къ начальству.

По нахожденію Дьякова въ Петербургѣ, къ нему я описалъ все подробно, но въ заключеніе сказалъ, что не желая Ремезову зла, я удовольствовался краткою жалобою на него оберъ-прокурору (и приложилъ копію) и просилъ поддержать мою жалобу словеснымъ дополненіемъ.

Ремезовъ бросился къ правителю дѣлъ, Глушкову, и вмѣстѣ съ нимъ особо написали какой-то вздоръ Дьякову, а сверхъ того, къ Смарагду Ремезовъ послалъ формальную на меня жалобу на двухъ листахъ.

Черезъ нѣсколько дней возвратился Дьяковъ и первое слово его, которымъ онъ встрѣтилъ меня, было:

«Скажите, пожалуйста, что у васъ за исторія вышла съ Ремезовымъ?»

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и отвѣчалъ:

— Вы вѣрно шутите, в. пр—во, или не получили моего донесенія?»

«Нѣтъ, я получилъ вашу бумагу, отвѣчалъ Дьяковъ, — но зачѣмъ вы писали прямо къ Протасову; неужели вы полагали, что Протасовъ такъ и бросится къ выполненію; онъ ко мнѣ-же передалъ ваше письмо».

— «Сожалѣю болѣе о васъ и о Протасовѣ, нежели о себѣ. Ну, тотъ, по крайней мѣрѣ, меня лично не знаетъ и можетъ ошибаться, а вы за что мѣняете меня, губернатора, на дерзваго попа?»

Дьяковъ вступился за Ремезова, утверждая, что онъ пользуется общимъ уваженіемъ, а къ тому-же онъ—священнослужитель и духовникъ его.

— «Что онъ церковнослужитель, въ томъ я согласенъ; но чтобы онъ, какъ священникъ, заслуживалъ уваженія,—на это я никакъ не соглашусь. Онъ даже божественную литургію отправляетъ иногда безъ проскомидіи, даже и въ вашемъ присутствіи».

«Я церковной службы не знаю, возразилъ Дьяковъ, — а потому ни защищать его, ни спорить болѣе съ вами не стану».

Черезъ нѣсколько дней Дьяковъ прислалъ ко мнѣ переданную ему отъ Протасова на меня просьбу Ремезова, полную лжи и неправды, и просилъ отъ меня объясненія. Я обратилъ ему эту просьбу назадъ и отвѣчалъ, что послѣ моего донесенія о происшествіи я не имѣю ничего прибавить болѣе, а съ прошенія я даже не оставилъ у себя къ дѣламъ копии, ибо признаю постыднымъ имѣть ее у себя въ канцеляріи.

Ремезову черезъ консисторію и въ оной сдѣлали строгій выговоръ.

ГЛАВА VII.

О служащихъ по выборамъ.—Губернскіе архивы.—Полиція.—Жалобы на духовенство.—Возобновленіе молеень.—Жалобы старообрядцевъ.—Пожаръ въ Полоцкѣ. — Комитетъ, учрежденный для помощи погорѣльцамъ. — Посѣщеніе Смарагда.—Его смиреніе.—Высочайшее пособіе погорѣльцамъ.—Распоряженія Дьякова.—Объясненіе съ нимъ по поводу Скляреники.—Проектъ объ устройствѣ ярмарокъ. — Противодѣйствіе со стороны мѣстнаго еврейскаго купечества.—Переписка, возбужденная запискою Кульнева.

1837 г.

Скоро послѣ святой недѣли, я поѣхалъ обозрѣвать официально уѣздныя присутственныя мѣста и управленія, прежде въ Полоцкѣ, потомъ въ Себежъ, въ Люцинъ, въ Рѣжицу, въ Динабургъ и на возвратномъ пути—въ Лепель. Нашелъ почти вездѣ чиновниковъ, служащихъ по выбору дворянства, людей достаточно образованныхъ, свѣжихъ лѣтами и дѣйствовавшихъ съ особеннымъ усердіемъ. Конечно, встрѣчались и исключенія изъ этого, но такъ рѣдко, что не заслуживало-бы и замѣчать онаго. Жалобъ нигдѣ почти на дѣйствія этихъ чиновниковъ не встрѣчалось, а главное запущеніе, замѣченное мною, было разстройство, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже вовсе не существованіе, архивовъ, отвѣтственность за которые, конечно, болѣе падаетъ на постоянныхъ блюстителей внутренняго порядка мѣста, на секретарей, слѣдовательно, опять-таки на чиновниковъ, служащихъ отъ казны. Но всюду показавъ возможность, если не вполнѣ составить архивы всѣмъ дѣламъ прошедшаго времени, то, по крайней мѣрѣ, образовавъ оныя, дать имъ основательный ходъ на будущее,—къ удовольствію моему, въ послѣдующую ревизію нашелъ я и это упущеніе много мною изглаженнымъ.

Но за то городская полиція вездѣ существовала, такъ сказать, по промыслу Божию, ибо кромѣ Динабурга, гдѣ сумма денежная на содержаніе полиціи отпускалась изъ казначейства на счетъ откупа, въ другихъ мѣстахъ таковая должна была уплачиваться съ городскихъ доходовъ, которые рѣшительно даже и въ Полоцкѣ, не мало-торговомъ городѣ, никогда не собирались вполнѣ, и вездѣ уже была огромная недоимка. Въ Полоцкѣ, полиціймейстера Садонова, и въ Себежѣ, городничаго Гардера, я нашелъ еще расторопными и дѣйствовавшими съ видимымъ усердіемъ. Но признаюсь откровенно, что боялся ихъ даже спрашивать, какими средствами успѣвали они быть хотя нѣсколько исправными въ ихъ управленія, ибо безъ особыхъ побочныхъ натяжекъ на счетъ обывателей не было возможности

къ удовлетворенію этого. О чистотѣ воздуха въ городѣ и опрятности на улицахъ и помышлять было нечего. Конечно, къ моему прїѣзду, какъ къ проѣзду государя и генераль-губернатора, главныя улицы по тракту освѣжались и чистились, но, видимо, только на одни подобнаго рода случаи. Прибавлю здѣсь замѣчаніе, что по Витебской губерніи, кромѣ Велижа и перваго прїѣзда въ Полоцкъ, мнѣ не встрѣчалось ни разу видѣть у себя духовенства, а при посѣщеніи мною храмовъ Божьихъ, я замѣчалъ всюду священниковъ этой губерніи, видимо пренебрегавшихъ свѣтскую власть и почти въ каждомъ изъ городовъ, на путяхъ нашихъ стоявшихъ. подавались мнѣ жалобы на утѣсненіе крестьянъ духовенствомъ. Но этихъ жалобъ я не могъ и не долженъ былъ принимать въ особое уваженіе, по случаю настоящей надобности окончательнаго присоединенія униатовъ къ нашей церкви.

На полковника Макарова, Динабургскаго и Рѣжицкаго уѣзда раскольники непрестанно подавали и присылали просьбы, что онъ закрываегъ у нихъ издревле построенныя часовни, отбираетъ колокола; но всѣ подобнаго рода жалобы возникали уже не впервые, а по заведеннымъ дѣламъ видно было ясно, что до назначенія особаго епархіальнаго начальства въ Витебскую губернію, т. е. года за три или за четыре до моего прїѣзда въ оную, земская полиція слабо наблюдала за выполненіемъ закона, которымъ воспрещались возобновленіе и поправка существующихъ уже старообрядческихъ часовень. Съ прибытіемъ-же архіерея въ Полоцкъ, сосѣднее съ раскольничьими селеніями духовенство открывало или старалось доказать, что поправка часовень производится уже по изданіи воспретительнаго на этотъ предметъ закона, и каждое донесеніе объ этомъ строго принималось къ обслѣдованію. Большею частью обвиняемые опровергали доносъ относительно времени поправокъ, да и обновленія оныхъ, но духовенство упорствовало въ своемъ, и этого рода дѣла всегда были темны. Мнѣ кажется, ежели-бы за всѣмъ тѣмъ, что было до учрежденія епархіи, не такъ строго слѣдить, а наблюдать за ближайшимъ ходомъ обстоятельствъ, много-бы устранилось и переписки, и хлопотъ, и утѣсненія. Въ невыполненіи закона издавна болѣе всего надлежало винить земскую полицію, дававшую потачку и, конечно, не безъ интереса своего, нежели осѣдлыхъ обывателей.

Едва и успѣлъ вернуться въ Витебскъ и далъ отъ себя назначеніе о прибытіи моемъ на другую половину губерніи, въ Суражъ, Велижъ, Невель и Городецъ, я получилъ эстафету изъ Полоцка, что тамъ произошелъ пожаръ, истребившій болѣе 200 домовъ, лучшую часть города. Это извѣстіе я получилъ на другой день начала пожара,

въ 10 часовъ утра; въ 6 часовъ вечера я былъ уже въ Полоцкѣ. Пламя погубило уже строенія, но на пепелищахъ во многихъ мѣстахъ еще вспыхивало, и въ мою бытность сгорѣлъ еще одинъ домъ. Я обошелъ лично все пространство, обнимавшее несчастный случай; тамъ, гдѣ счелъ нужнымъ, привазалъ поставить особые караулы отъ обывателей и полиціи. При такомъ огромномъ несчастіи, конечно, никакая сила, никакія распоряженія не могли совершенно отвратить онаго, а потому ни шумѣть, ни взыскивать съ кого-либо за дѣйствія мнѣ не приходилось.

Съ 10 часовъ вечера до трехъ утра я занимался размышленіемъ и распоряженіями, какими средствами искать можно было пособить погорѣвшимъ. Прежде всего предположилъ я открыть на мѣстѣ и по губерніи подписку на сборъ денегъ и припасовъ для прокормленія бѣднѣйшихъ. Подписавъ отъ себя 400 рубл. ассигн., утромъ пригласилъ я на пожертваніе, черезъ полиціймейстера, генерала Хвощинскаго, подписавшагося на 100 руб., и архіерея, давшаго 50 руб ассигн.; къ этому началу, до обѣда отъ обывателей присоединилось еще до 1.200 рубл. Предвидя это, я предположилъ составить особый комитетъ для направленія и раздачи пособій; ближе всѣхъ изъ подчиненныхъ мнѣ лицъ, конечно, былъ военно-уѣздный начальникъ Агатоновъ, и я нисколько не сомнѣвался въ его честности; но какъ въ числѣ пострадавшихъ могли быть лица, принадлежавшія и кадетскому корпусу и духовенству, я расчелъ приличнѣйшимъ просить Павла Кесаревича Хвощинскаго принять учреждаемый мною комитетъ подъ его собственное наблюденіе и направленіе, на что онъ немедленно согласился. Подъ нимъ распорядителемъ упросилъ я быть состоявшаго теперь въ вѣдѣніи его, а нѣкогда бывшаго мнѣ по службѣ товарищемъ и постоянно моего друга полковника Доликова, котораго я вполне зналъ, какъ самаго безкорыстнѣйшаго и благороднѣйшей души человѣка, могущаго понять и оцѣнить мои мысли.

Упросивъ, такимъ образомъ, два совершенно стороннія отъ меня, по службѣ, лица къ главному участию въ комитетѣ, я не счелъ приличнымъ приглашать Агатонова, опасаясь, чтобы это не было сочтено за недовѣрчивость мою къ нимъ, а потому собственно миновалъ его; но полиціймейстера Садонова долженъ былъ включить, какъ лицо, долженствовавшее доставлять комитету необходимыя и ближайшія о всѣхъ свѣдѣнія.

Кромѣ этихъ лицъ, въ комитетъ я назначилъ городскаго голову и одного гласнаго отъ христіанскаго общества и трехъ кагаловыхъ—отъ еврейскаго. Для удовлетворенія потерпѣвшихъ, я поручилъ комитету прежде всего озаботиться, чтобы бѣдные всѣ были размѣщены на

одинъ мѣсяць, въ видѣ постоя, безъ платы, по домамъ, уцѣлѣвшимъ отъ пожара. Затѣмъ, чтобы раздача пособія производилась не деньгами, но покупаемыми припасами, мукою, крупю и печенымъ хлѣбомъ, покупаемыми непременно у евреевъ, по той причинѣ, что ни одинъ христіанинъ не будетъ пренебрегать таковыми припасами, напротивъ-же, евреи имѣютъ предубѣжденіе къ отвращенію того, что изготовляется христіанами.

Еще въ Симбирскѣ Государь за обѣдомъ изволилъ мнѣ сказать:

— «Смотри, Жиркевичъ, твоя участь будетъ жить въ Полоцкѣ. Мы давно уже имѣемъ въ виду перемѣщеніе туда изъ Витебска, но генераль-губернаторы какъ-то этого не хотятъ и отстаиваютъ; со всѣмъ тѣмъ я считаю, что тебѣ придется непременно туда переѣхать».

Это навело теперь меня на мысль, что на обгорѣлыхъ мѣстахъ постройки должны производиться съ особою осторожностью и осмотрительностью, и я безъ разрѣшенія моего воспретилъ даже и временныя построенія. Тамъ, гдѣ прежде были подвижныя лавочки, указалъ я устраивать ихъ въ приличнѣйшемъ размѣщеніи, но поставилъ на видъ полиціймейстера дозволеніе на это давать по одной лишь необходимости, стараясь, чтобы подвижныхъ лавокъ было какъ можно менѣе, ибо мнѣ хотѣлось непременно выбрать удобныя городскія лавки и обывателей заставить волею или неволею нанимать оныя въ прибыль городу. Немедленно написалъ я ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ, городничимъ, о разсылкѣ главнымъ помѣщикамъ по губерніи, письменно прося ихъ о дѣятельнѣйшемъ участіи въ сборѣ пособій и о высылкѣ оныхъ безъ задержки на имя учрежденнаго мною комитета. Утромъ, собравъ мѣстное купечество, лично убѣдилъ оное на подписку и внесеніе суммы; еще съ вечера посылалъ я полиціймейстера отъ себя спросить о здоровьѣ Смарагда (уже извѣщеннаго о переводѣ его въ Могилевъ) и о томъ, не обезпokoилъ-ли его особенно пожаръ, который коснулся до стѣнъ монастырскаго строенія, и спросить, дозволить-ли онъ мнѣ видѣть его. Смарагдъ далъ отвѣтъ:

— «Я боленъ, перепуганъ, а губернаторъ во всемъ господинъ, что угодно, такъ пусть и дѣлаетъ».

Сочтя это за отказъ и нежеланіе со мною видѣться, я рѣшился уже не заходить къ нему, но поутру жандармскій штабъ-офицеръ, подполковникъ Пѣвцовъ, придя ко мнѣ, объявилъ, что Смарагдъ чрезвычайно разстроенъ и огорченъ, и пѣняетъ, что я его не посѣтилъ. Я тотъ-же часъ взялъ шляпу и отправился къ нему. Онъ меня принималъ съ сильнѣйшимъ чувствомъ благодарности, можно сказать даже покорности, просилъ извиненія, что не можетъ мнѣ по болѣзни заплатить визита, но при отъѣздѣ черезъ Витебскъ будетъ у меня

лично, для изъявленія своего искреннѣйшаго раскаянія за разногласіе со мною въ дѣйствіяхъ.

— «Здѣсь я не прошу прощенія у вашего пр—ва, говорилъ онъ,— здѣсь не мѣсто, а въ Витебскѣ принесу мою повинную. Я монахъ, глушь, свѣтскаго не понимаю, а ваше пр—во великодушны, добры и не будете поминать меня лихомъ».

Послѣ обѣда я отправился обратно въ Витебскъ.

Получивъ первоначально донесеніе о пожарѣ еще до выѣзда моего съ мѣста, я отправилъ съ эскафетою донесеніе государю и Дьякову, бывшему еще въ С.-Петербургѣ. Хотя въ рапортѣ полиціймейстера не было ничего упомянуто, что пожаръ не коснулся корпуса, но я, сообразя направленіе пламени отъ начала до другаго конца, въ моемъ донесеніи къ государю успокоивалъ его на этотъ счетъ, и въ заключеніе сказалъ, что сей-же часъ лично отправляюсь въ Полоцкъ.

Теперь-же, возвратясь въ Витебскъ и въ этотъ-же день, по случаю обыкновеннаго у меня по пятницамъ сборища общества, собравъ еще болѣе 1,000 руб. на погорѣвшихъ,— я въ подробномъ донесеніи государю изобразилъ все, что видѣлъ самъ лично и какія приняты мною окончательныя на цѣлый мѣсяць и не будутъ терпѣть нужды, но что дальнѣйшую ихъ участь предаю его благотворной десницѣ. Причемъ просилъ, сообразно извѣстному уже мнѣ предположенію о перемѣщеніи современемъ губерніи въ Полоцкъ, оказать городу особое значительнѣйшее пособіе, какъ къ постройкѣ обывателями домовъ, такъ и къ выстройкѣ городскихъ общественныхъ лавокъ; для чего я полагалъ достаточнымъ дать въ ссуду безъ процентовъ 50 тысячъ рублей ассигнаціями, и для послѣдняго предмета, собственно городу, столько-же, безъ процентовъ, на 10 лѣтъ. Сверхъ того, просилъ я дозволенія подписку въ теченіи года распространить по всей Россіи, въ особенности-же обратиться къ купечеству, въ это время собравшемуся на нижегородскую ярмарку.

Черезъ день я отправился для ревизіи городовъ, какъ сказано уже, прежде всего въ Суражъ. Сообразивъ и расчитавъ, когда государь получитъ мое первое донесеніе, я былъ увѣренъ, что онъ прикажетъ Дьякову немедленно лично ѣхать въ Полоцкъ, а ужъ не было и малѣйшаго сомнѣнія, чтобы вмѣстѣ съ этимъ не пожаловалъ государь несчастнымъ первое денежное пособіе, и я приблизительно расчитывалъ на 50 тысячъ руб. На другой день утромъ, въ Суражѣ, я разговаривалъ о моемъ соображеніи съ предводителемъ, который, какъ и я, квартировалъ въ гостинницѣ, устроенной на почтовой станціи; мнѣ докладываютъ: «чиновникъ генераль-губернатора изъ С.-Петербурга».

— «Ну вотъ, видите, замѣтилъ я предводителю,—какъ вѣрны и точны мои расчеты». И дѣйствительно, чиновникъ Несмѣловъ объявилъ мнѣ, что черезъ часъ будетъ самъ Дьяковъ и везетъ 50 тысячъ рублей.

Дьяковъ, котораго я встрѣтилъ на крыльцѣ гостинницы съ рапортомъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

«Вы, вѣрно, не ждали меня?»

— «Напротивъ, ваше пр—во; вотъ г. предводитель, который удостоивъ васъ, что непременно и именно сегодня ждалъ васъ, и для этого нарочно на нѣсколько лишнихъ часовъ остался въ Суражѣ и даже зналъ, что вы везете въ карманѣ вашемъ».

Поговоривъ нѣсколько времени наиболѣе о нуждѣ, Дьяковъ уѣхалъ въ Витебскъ, а я пустился въ Велижъ, оттуда далѣе въ Невель и Городокъ, и черезъ четыре дня я уже возвратился назадъ въ Витебскъ, куда въ этотъ-же день вернулся изъ Полоцка, гдѣ онъ былъ, и Дьяковъ.

— «Благодарю васъ, Иванъ Степановичъ, за всѣ ваши распоряженія по Полоцку, которыя я одобряю; но я счелъ нужнымъ членомъ въ комитетъ присоединить Агатонова, сказалъ мнѣ Дьяковъ,—я не знаю, почему вы его не помѣстили туда?»

Я объяснилъ деликатный поводъ, меня остановившій въ этомъ, на что Дьяковъ не отвѣчалъ ни слова.

— «Завтра я донесу обо всемъ государю, прибавилъ онъ;—но здѣсь опять у насъ встрѣтится небольшое разногласіе; вы назначили собрать пособіе не только по губерніи, но даже по цѣлой Россіи, это какъ будто сомнѣніе въ милостяхъ государя; вотъ видите, государь самъ озаботился и со мною послалъ отъ себя пособіе, а потому я прошу чтобы подписовъ никакихъ болѣе не собирать».

— «Напрасно вы такъ расчитываете, ваше пр—во возразилъ я,—сколько ни набралось-бы пособія, оно никогда не будетъ лишнее; вы, конечно, не имѣли времени въ Петербургѣ получить втораго моего донесенія, я въ немъ донесъ государю о подпискахъ по губерніи и о предполагаемой подпискѣ по всей Россіи, и просилъ для города 100 тысячъ рублей. Увѣрю васъ, государь одобритъ и уважитъ мое представленіе».

«Сомнѣваюсь», отвѣчалъ Дьяковъ; но ровно на другой-же день и сто тысячъ, и утвержденеіе моего представленія получено уже было изъ Петербурга.

Продолжая объ этомъ предметѣ разговоръ со мною, Дьяковъ спросилъ:

«Какъ вы думаете, Иванъ Степановичъ, роздать пожалованныя уже государемъ 50 тысячъ рублей?»

— «Я полагаю, замѣтилъ я,—что вы эти деньги на мѣстѣ уже раздали, ибо, какъ кажется, это была мысль государя, когда онъ васъ такъ скоро и внезапно послалъ изъ С.-Петербурга».

Дьяковъ сконфузился, и продолжалъ:

«Безъ васъ я не хотѣлъ ничѣмъ распорядиться, тѣмъ болѣе что вы всему уже дали начало, а главное, что сами на мѣстѣ все подробно и обстоятельно видѣли».

— «Это правда, отвѣчалъ я,—что я все видѣлъ на мѣстѣ, но мнѣ кажется, ежели 50 тыс. рублей, которые на мѣстѣ-же можно было раздать несчастнымъ, туда теперь отправлять черезъ почту, надо будетъ заплатить процентныхъ 250 рублей, а это капиталъ, на который порядочную избу для погорѣлаго можно выстроить, а потому позвольте мнѣ и довѣрьте эти 50 тысячъ рублей; я самъ лично отвезу ихъ въ Полоцкъ и передамъ въ комитетъ. Это уже будетъ дѣломъ самого комитета, кому и сколько именно дать безвозвратнаго пособия».

Дьяковъ согласился на это, и я опять поѣхалъ въ Полоцкъ. Тутъ я услышалъ, что Дьяковъ въ бытность свою такъ за пожаръ разбилъ полиціймейстера, голову, кагалныхъ, словомъ—каждаго, кто только попался ему на встрѣчу; кричалъ, что я балую ихъ всѣхъ, и утруждаю государя напрасно объ излишнихъ пособіяхъ, что они больше не должны ожидать ничего. Потомъ приказалъ всѣмъ, кто на мѣстѣ получилъ отъ меня какое-либо предписаніе, принести и показать ему оное. Затѣмъ каждому далъ новое отъ себя предписаніе, гдѣ подтверждалъ вполнѣ то, что отъ меня уже предписано было, а Агатонову далъ особое предписаніе присутствовать въ комитетѣ и наблюдать за распоряженіями онаго, и даже имѣлъ неосторожность предложить это или поставить на видъ комитету, чѣмъ сильно огорчился Хвоцинскій, и когда онъ лично объяснялся со мною объ этомъ, я насилу могъ убѣдить его остаться предсѣдателемъ комитета. Я забылъ сказать выше, что Дьяковъ одинъ разъ уже возвращался изъ Петербурга и опять туда поѣхалъ для устройства своихъ домашнихъ дѣлъ. При первомъ возвращеніи его было у меня съ нимъ объясненіе на счетъ Ремезова, и разговоръ объ этомъ предметѣ у насъ былъ весьма крупный и громкій, такъ что я послѣ спохватился, что посторонніе чиновники, бывшіе въ ближнемъ покоѣ, отдѣленномъ только отъ кабинета Дьякова корридормомъ, могли слышать наши объясненія. Огорчась его замѣчаніемъ, что онъ все знаетъ, что дѣлается въ губерніи, и даже знаетъ, что говорятъ и гдѣ о немъ самомъ, Дьяковъ, я сказалъ ему, что онъ вѣроятно даже гораздо болѣе знаетъ, нежели и это, и конечно знаетъ даже, что думаютъ о немъ. Но я знаю одно, что по губерніи нѣтъ чиновника, хоть мало дѣльнаго и расторопнаго, ко-

торый-бы не былъ положительно запятнанъ въ его мнѣнїи черезъ его приближенныхъ, и что онъ рѣшительно никому въ губернїи не довѣряетъ.

«Укажите мнѣ хотя одного чиновника, замѣтилъ Дьяковъ, — котораго вы разумѣли-бы въ этомъ понятїи».

— «Я не говорю уже о себѣ, но вотъ возьмемъ въ примѣръ хоть совѣтника губернскаго правленїя, Скларенку, отвѣчалъ я.—Когда я прїѣхалъ въ губернїю, вы просили меня рекомендовать вамъ правителя дѣлъ для вашей канцеларїи и предварили меня, что министръ Блудовъ выставляетъ вамъ Скларенку, какъ способнаго на это мѣсто, но потомъ прибавили, что вы со стороны однако-же слышали, что Скларенко взяточникъ. Тогда я промолчалъ объ этомъ, но почелъ долгомъ особенно наблюдать за Скларенкою. Потомъ, вернувшись въ первый разъ изъ С.-Петербурга, вы повторили мнѣ, что Блудовъ вамъ вторично рекомендовалъ Скларенку, но что вы ссыскали какого-то Драгомыжскаго, и снова повторили, что Скларенко взяточникъ. Я еще разъ промолчалъ».

«Ну, я и теперь то-же говорю, сказалъ вспылчиво Дьяковъ, — Скларенко взяточникъ, и первой руки взяточникъ».

— «Нѣтъ уже, ваше пр—во, возразилъ я, —восемь мѣсяцевъ я наблюдаю внимательно и строго за этимъ чиновникомъ; если вы его числите по сіе время первымъ номеромъ, спустите его ниже, а меня поставьте на его мѣсто».

Послѣ этого очень скоро разговоръ у насъ прекратился; я вышелъ, и тутъ уже замѣтилъ, какъ близко были отъ насъ могшіе слышать разговоръ нашъ; въ числѣ прочихъ чиновниковъ былъ и Скларенко; черезъ полчаса, едва я возвратился домой, пришелъ ко мнѣ прямо отъ Дьякова Скларенко и благодарилъ меня за мое къ нему вниманїе, ибо Дьяковъ, отпустя другихъ чиновниковъ послѣ прїема, позвалъ его въ кабинетъ и тамъ, объясня ему то хорошее и выгодное мнѣнїе, которое будто я внушилъ ему, просилъ его занять мѣсто правителя его канцеларїи, на что онъ, однако-же, не далъ слова своего, безъ предваренїя меня объ этомъ. Не знаю, ей Богу, какъ назвать этотъ поступокъ Дьякова, слабостью или благородствомъ души; конечно, собственныя мои чувства влекутъ меня скорѣе къ послѣднему заключенїю.

Скоро послѣ пожара Полоцка, черезъ Дьякова я получилъ вопросъ, нельзя-ли воспользоваться настоящимъ случаемъ, и при томъ значительномъ пособїи улучшить городъ въ постройкахъ и изнутри города вывести евреевъ на другїя мѣста. Замѣтивъ въ моемъ отвѣвѣ, что какъ въ городѣ выгорѣла лучшая часть онаго и почти всѣ каменные строенїя, принадлежавшія богатымъ евреямъ, то безъ особой несправедливости нельзя ихъ лишить просто права на владѣнїе по-

горѣлыми мѣстами, а я считалъ-бы возможнымъ: 1) На прежнихъ мѣстахъ давать дозволеніе строить новыя дома прежнимъ хозяевамъ не иначе, какъ по улучшеннымъ фасадамъ, и безъ малѣйшаго пособія отъ казны или насчетъ собранной подписной суммы. 2) У тѣхъ, которые безъ пособія не въ состояніи будутъ предпринять постройки (назначивъ срокъ постройки), мѣста скупить въ казну, по оцѣнкѣ обыкновеннымъ порядкомъ, и потомъ эти мѣста отдать подъ новыя казенныя устройства или хотя частнымъ лицамъ, по христіанскаго исповѣданія, по тѣмъ-же цѣнамъ, по которымъ приобретутся эти мѣста въ казну, съ допущеніемъ пособія христіанамъ. 3) Перепродажу и раздѣлъ домовъ въ кварталѣ отъ евреевъ евреямъ воспретить и кварталъ собственно сдѣлать христіанскимъ. 4) Строжайше воспретить евреямъ въ домахъ отдавать участки подъ лавки для торга, съ дозволеніемъ и самимъ хозяевамъ занимать для торга только одинъ покой въ домѣ, дабы этимъ заставить ихъ строить особыя лавки, въ общемъ планѣ съ городскими или нанимать городскія собственно. 5) Для Полоцка учредить двѣ ярмарки срочныя, одну, со 2 февраля на двѣ недѣли—зимнюю, а другую, съ 10 іюля на три недѣлю—лѣтнюю, и собственно для этихъ ярмарокъ выстроить на счетъ пожалованной городу ссуды лавки, частью только казенныя, а съ ними по плану-же позволить пристраивать и частныя, что украсило-бы городъ и дало-бы оному средства къ содержанію въ лучшемъ видѣ городской полиціи. Эти сроки я призналъ потому удобнѣйшими, что въ первыхъ числахъ февраля кончается ярмарка въ м. Любвицахъ, Могилевской губерніи, отъ Полоцка всего верстъ 150, не болѣе, и откуда уже купцы разѣзжаются окончательно. Въ февралѣ удобность пути дала-бы возможность торгъ ихъ провезти до Полоцка и безъ распутицы еще возвращаться домой. Вторая-же ярмарка была-бы въ промежутокъ ярмарки Освейской, начинающейся 29 іюня, и Белешковецкой, которой начало 16 іюля. Купцы съ одной переѣзжаютъ на другую именно черезъ Полоцкъ, слѣдовательно, новая ярмарка была-бы имъ по пути.

При этомъ я имѣлъ въ виду, кромѣ сношеній моихъ съ начальниками сосѣднихъ губерній, лично съѣздить на ярмарки Любвицкую, Белешковецкую и Освейскую и убѣдить торгующихъ купцовъ посѣщать Полоцкія ярмарки, гдѣ прежде устроить всѣ удобства и необходимыя для общества развлечения, и я увѣренъ, что совершенно успѣлъ-бы въ этомъ. Но другіе не поняли мою мысль, полагая, что достаточно будетъ оповѣстить только черезъ газеты, что ярмарки разрѣшаются; да и самыя лавки выстроены только на одну пожалованную ссуду собственно для обывателей, тогда какъ вся торговля въ Полоцкѣ въ упадкѣ, слѣдовательно, остаются лавки или праздными, или отдаются

только-что не даромъ, слѣдовательно, пользу приносятъ городу совершенно ничтожную; а еще лучше всего, что будто-бы за неявку ни кого на указанные сроки въ Полоцкъ на ярмарки, сроки сіи отмѣнены и назначена новая ярмарка на 23 мая, т. е. на день св. Евфросиньи, покровительницы Полоцка. 25 мая время всегдашней распутицы, и по близости нигдѣ, ни прежде, ни послѣ, на короткіе сроки ярмарокъ не бываетъ; кто-же нарочно поѣдетъ на эту ярмарку?

Какъ справедливо было замѣчаніе государя, что генераль-губернаторы не желаютъ перемѣщенія губернскаго управленія изъ Витебска въ Полоцкъ! Дьяковъ, передавая мнѣ прописанный выше запросъ, въ своемъ предложеніи ко мнѣ умолчалъ вовсе, что министръ поставилъ ему на видъ имѣть въ предметѣ будущее возможное измѣненіе, и уже черезъ два мѣсяца министръ случайно прислалъ мнѣ копію съ своего отношенія къ Дьякову.

Мѣстное-же еврейское купечество всячески хлопочетъ не допускать ярмарокъ. Два или три капиталиста, всѣми путями, въ канцеляріи генераль-губернатора и даже выше, устраняютъ эту опасность ихъ монополии, а оттого не только для Полоцка, но и для всей губерніи, въ центрѣ которой лежитъ Полоцкъ, цѣны на всѣ предметы, случайно поднявшись выше, никогда уже не понижаются, а держатся все въ одной соразмѣрности, до новаго еще возвышенія, а потому и мои предположенія всѣ остались въ небреженіи.

Прошло уже мѣсяцевъ восемь, какъ я получилъ отъ Дьякова записку Кульнева на счетъ губерніи, въ которой онъ рѣшительно и злостно все ругалъ, безъ исключенія, помѣщиковъ, чиновниковъ и остальныхъ обывателей. Въ интервалѣ этого времени я былъ два раза въ Рѣжицѣ, и всегда предваряя заблаговременно о моемъ туда прибытіи, слѣдовательно, Кульневъ, живущій въ двухъ верстахъ отъ Рѣжицы, оба раза зналъ, что я буду у него въ сосѣдствѣ; когда я получилъ его записку отъ Дьякова, я писалъ къ нему нарочно и просилъ его лично со мною познакомиться; онъ пренебрегъ это предложеніе, а между тѣмъ, двѣ или три просьбы отъ него, дополнительно къ подаваемымъ имъ предмѣстнику моему, достаточно ознакомили меня съ его правилами въ тяжбахъ, а собранныя мною изустно свѣдѣнія еще лучше это дополнили. Теперь Дьяковъ потребовалъ отъ меня мнѣнія моего на записку, замѣтивъ, что я имѣлъ достаточно времени для моихъ соображеній. Само собою разумѣется, что съ клеветою вмѣстѣ перемѣшивалась и правда, и я, разбирая записку, на каждый пунктъ оной дѣлалъ положительное заключеніе. Между прочимъ, долгомъ счелъ взять подъ защиту мою служащихъ по выборамъ чиновниковъ, готовность всѣхъ сословій уплачивать подати и

спокойствіе обывателей, нигдѣ не нарушимое безъ особаго сторонняго возбужденія.

Всѣ эти заключенія я сдѣлалъ съ твердостью, ибо повѣрилъ ихъ на мѣстѣ и собственнымъ обзоромъ, и въ этомъ видѣ сдѣлавъ донесеніе мое, возвратилъ записку. Дьяковъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ удивляется моему образу сужденія, что онъ самъ знаетъ многихъ чиновниковъ нерадивыхъ и неисполнительныхъ по ихъ части, что недоимка не убавляется, а спокойствіе по губерніи очень часто нарушается, и онъ долженъ принимать особыя мѣры къ восстановленію спокойствія между обывателями; что Кульневъ—чисто русскій дворянинъ и братъ знаменитаго Кульнева, павшаго на полѣ битвы за отечество; а любопытнѣе всего, Дьяковъ въ заключеніе излагалъ, что отъ государя ему предоставлено заботиться о благосостояніи губерніи и онъ ожидаетъ, что въ этомъ отношеніи я буду ревностнымъ ему сотрудникомъ.

Удивленный незаслуженному мною замѣчанію, я почелъ долгомъ на этотъ разъ дать отъ себя оправдательный отзывъ. Подробно описавъ стараніе мое познакомиться съ Кульневымъ и его отъ онаго отклоненіе, упоманулъ о кляузническихъ его просьбахъ и объ изустно собранныхъ мною о немъ свѣдѣніяхъ, и заключилъ, что русская пословица весьма можетъ оправдаться на семействѣ Кульнева, что семья можетъ быть и не безъ уroda. Далѣе, показаніемъ чиселъ доказалъ, что недоимка, ежели видимо не уменьшается, то по крайности и не увеличивается, и что къ уменьшенію оной должно ожидать окончанія льготнаго срока; что чиновники, служащіе по выборамъ, служатъ наиболѣе и хорошо; кромѣ личнаго моего въ томъ удостовѣренія, я доказывалъ тѣмъ, что нѣтъ другой губерніи, въ которой я встрѣчалъ оныхъ, столь много украшенныхъ знаками отличія еще при прежнемъ управленіи губерніи, а мнѣ остается поддержать это моимъ собственнымъ засвидѣтельствомъ. Ежели и мнѣ приходилось въ губерніи возстановливать гдѣ спокойствіе, то самое скорое водвореніе онаго служило уже доказательствомъ, что сторонніе случаи, а не характеръ жителей, были виною безпорядковъ; наконецъ, добавилъ, что отвѣтственность за благосостояніе губерніи въ равной мѣрѣ возлагается и на меня столько-же, какъ и на него, генераль-губернатора. Бывъ усерднымъ исполнителемъ и въ частныхъ его распоряженіяхъ, мнѣ не нужно утверждать, что ежели онъ укажетъ мнѣ что-либо особое и для благоустройства губерніи, онъ будетъ имѣть во мнѣ одинаково постояннаго сотрудника и исполнителя его распоряженій. Дьяковъ—попечитель о благосостояніи губерніи! Эта мысль мнѣ показалась столь новою, что я опомниться скоро не былъ въ состояніи.

ГЛАВА VIII.

Проѣздъ императора Николая Павловича черезъ Динабургъ. — Назначеніе въ комитетъ для устройства государственныхъ крестьянъ. — Поѣздка въ Петербургъ. — Бесѣда съ Киселевымъ о состояніи Витебской губерніи. — Разговоръ съ Меркуловымъ. — Представленіе, сдѣланное Дьяковымъ въ сенатъ. — Вліяніе Дьяковой на мужа. — Устройство дѣтскаго пріюта. — Учрежденіе должности становыхъ приставовъ. — Польскіе эмиссары. — Арестъ Канарскаго. — Архитекторъ Бетини. — Выходка Цѣхановецкой. — Какъ отнесся къ этому Дьяковъ. — Монаршее благоволеніе. — Выходъ въ отставку.

1837—1838 гг.

Около этого времени государь долженъ былъ проѣзжать черезъ Динабургъ за границу; я предупредилъ губернскаго предводителя Шадурскаго, что, по моему мнѣнію, онъ не худо сдѣлалъ-бы, ежели-бы самъ былъ въ проѣздъ государя черезъ Динабургъ; такъ какъ Шадурскій колебался, хотѣлъ просить разрѣшенія у Дьякова, я сказалъ ему, что напрасно, Дьяковъ не согласится, но утвердительно обнадеживалъ, что государю не можетъ быть непріятно, что подданные высокослужащіе жаждутъ видѣть его особу, но совѣтовалъ при вопросѣ о причинѣ прибытія въ Динабургъ отозваться случайностью и своею надобностью.

Я здѣсь говорю объ этомъ, чтобы показать, какъ велико было противъ губерніи предубѣжденіе, — каждый опасался попасться Государю на глаза въ оной. Самъ я поѣхалъ по пути удостовѣриться, все-ли изготовлено къ успокоенію проѣзда его величества, и сдѣлалъ это очень кстати: меня беспокоило очень, что весеннимъ разливомъ на пути между Люценомъ и Рѣжицею снесенъ былъ одинъ капитальный мостъ, который невозможно было успѣть выстроить окончательно ко времени проѣзда.

На границѣ Рѣжицкаго уѣзда встрѣтилъ меня исправникъ, и на вопросъ мой, готовъ-ли и хорошо-ли наведенъ мостъ, оторопѣвши, отвѣчалъ, что мостъ еще не совсѣмъ готовъ и онъ не можетъ назвать оный вполне прочнымъ. Я поторопился сдѣлать ему строгое замѣчаніе. Подѣхавъ къ мосту, я вышелъ изъ коляски, но сколь велико было удивленіе мое, когда я временную постройку увидѣлъ красивою а обойдя со всѣхъ сторонъ увѣрился и въ прочности оной; не оставиваясь объявить мое мнѣніе, я сталъ извиняться, что напрасно бранилъ прежде, но исправникъ признался мнѣ, что они всѣ столько

уже напуганы строгостью моего вниманія, что онъ опасался вмѣсто удовольствія встрѣтить гнѣвъ мой на него.

Въ Люценѣ городничему я указалъ на ростъ травы на главной улицѣ, которую приказалъ при себѣ-же очистить и усыпать дорожки краснымъ пескомъ. Государь, проходя пѣшкомъ черезъ городъ, особенно изволилъ замѣтить это, какъ порядокъ. Объѣхавъ всѣ пункты, осмотрѣвъ лошадей и сбрую, я поспѣшилъ въ Витебскъ успокоить Дьякова, и какъ ему до Динабурга приходилось ѣхать не тою дорогою, по коей долженъ былъ лежать путь для государя, то я указалъ ему нѣкоторые пункты на его дорогѣ сравнительными съ тѣми, которые я нашелъ слабѣйшими на пути государя.

Государь, пріѣхавши въ Динабургъ, по выходѣ изъ коляски, привѣтствовалъ Дьякова словами:

— «Я не узнаю Витебской губерніи. На дорогѣ я видѣлъ всюду порядокъ, разговаривалъ съ нѣсколькими чиновниками—все порядочный народъ», и затѣмъ, взглянувъ на Шадурскаго, бывшаго тутъ-же, спросилъ у Дьякова: «кто это и зачѣмъ онъ здѣсь?»

Шадурскому поклонился съ особенною привѣтливостью.

Войдя въ покои, спросилъ Дьякова:

— «Звать мнѣ твоего предводителя къ обѣду?»

— «Какъ вамъ угодно, государь», отвѣчалъ Дьяковъ.

«Что мнѣ угодно, то я знаю, замѣтилъ государь,—я спрашиваю твоей мысли?»

— «Это будетъ счастье и для губерніи, и для Шадурскаго», нашелся Дьяковъ, и Шадурскій приглашенъ былъ къ обѣденному столу государя.

Послѣ этого проѣзда была у меня окончательная переписка съ Дьяковымъ о запискѣ Кульнева, и когда я упомянулъ въ первомъ отзывѣ моемъ, что самъ государь изволилъ одобрить чиновниковъ губерніи, Дьяковъ во второй бумагѣ своей замѣтилъ, что я не долженъ былъ ссылаться на его слова, и будто-бы одобрительное замѣчаніе государя можетъ быть выставлено въ примѣръ только тогда, когда оно было изложено письменно, а не на словахъ. Я-же возразилъ, что оно для меня свято даже и въ милостивомъ наклоненіи головы.

Въ первыхъ числахъ августа Дьяковъ извѣстилъ меня, что я буду обязанъ къ 1-му сентября отправиться въ С.-Петербургъ, для участія въ разсмотрѣніи проектовъ объ управленіи государственными имуществами; вмѣстѣ со мною туда были вызваны еще губернаторы: московскій — Небольсинъ, псковскій — Пещуровъ, курскій —

Муравьевъ, тамбовскій — Гаммалея, с.-петербургскій — Жемчужниковъ, кievскій — Переверзевъ и бѣлостокскій — Гонаропуло (этотъ послѣдній не прибылъ). Изъ насъ составилъ особый комитетъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ генерала П. Д. Киселева.

Не относится къ цѣли настоящихъ моихъ записокъ обстоятельное описаніе нашихъ занятій по комитету, но два случая идутъ къ соображенію. Когда я явился Киселеву, который принялъ меня съ необыкновенною вѣжливостью и привѣтствіемъ, онъ сталъ спрашивать меня о положеніи губерніи и въ особенности казенныхъ крестьянъ въ оной; на счетъ послѣднихъ я отозвался съ сожалѣніемъ, но касательно общности губерніи я замѣтилъ ему, что о губерніи идетъ только слава, будто она хуже и неисправнѣе другихъ, но я нашелъ, что тутъ больше существуетъ предубѣжденіе, нежели истина. Сравнивая губернію Симбирскую и Витебскую, изобильнѣйшую и скуднѣйшую изъ всей Россіи, первой принадлежитъ право собственнаго оной благосостоянія, но въ послѣдней я нашелъ гораздо больше внутренняго порядка и въ особенности нашелъ, что служба по выборамъ дворянства тутъ еще не успѣла испортиться, какъ въ первой.

Киселевъ, порывшись въ бумагахъ, вынулъ записку безъ подписи и, передавъ мнѣ, сказалъ:

«Не угодно-ли вамъ будетъ прочесть оную. Я недавно получилъ ее черезъ почту; здѣсь вы найдете большую разность съ тѣмъ, что вы теперъ мнѣ говорили».

— «Вы знаете генераль, сказалъ я ему,—это сочинилъ записку?»
«Нѣтъ».

— «Ну, а я уже читалъ ее и знаю ея излагателя; могу увѣрить васъ, что этотъ человекъ не имѣлъ ни средствъ, ни понятій объятъ сущность дѣла».

И дѣйствительно, подобная записка была и въ канцеляріи моей, сочиненіе одного письмоводителя канцеляріи Дьякова:

«Ну, я вижу, ваше пр—во, возразилъ Киселевъ,—что вы на вашу губернію въ розовыя очки смотрите».

Потомъ, мѣсяца черезъ полтора, Киселевъ пріѣхалъ къ намъ въ комитетъ и занимался съ нами отъ 9 часовъ утра до 4-хъ. Прежде всѣхъ онъ обратился ко мнѣ.

«Вчера въ государственномъ совѣтѣ читалъ записку вашу по проектамъ кн. Хованскаго, ну, теперь и я соглашаюсь съ вами, что Витебская губернія вовсе не такъ неисправна, какъ о ней судили до этихъ поръ».

Потомъ обратился къ другимъ губернаторамъ:

«Я-бы искренно желалъ, господа, чтобы всѣ начальники губерній доставили правительству такія соображенія и доказательства, какія представлены генераломъ. Онъ цифрами объяснилъ то, чего никто изъ насъ не усматривалъ, т. е., что губерніи въ исправности, платежи податей не только не отстали отъ другихъ губерній, но едва-ли сыщутся подобно ей исправныя».

Въ кругу нашемъ были лица, которыя имѣли или могли имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о Витебской губерніи: Пенцуровъ и Гаммалей, бывшіе въ оной губернаторами, Муравьевъ—вице-губернаторомъ, а Переверзевъ—правителемъ дѣлъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Заверевского.

При обсужденіи проектовъ по управленію казенными имуществами западныхъ губерній насъ было двое, я и Переверзевъ. Отдавая почетъ его опытности, я ему нисколько не пререкалъ въ его замѣчаніяхъ, и при предположеніи, чтобы имѣнія оставались по прежнему на арендномъ основаніи, самъ еще поддерживалъ эту мысль, ибо мнѣ казалось тогда, что это прямой и вѣрнѣйшій способъ опредѣлительно получать съ нихъ доходъ въ казну. Въ одномъ случаѣ я изложилъ только собственную мою мысль, что арендаторамъ должно быть предоставлено безусловное право наказанія за лѣность и нерадѣніе крестьянъ, безъ жестокости, но гласно и съ запискою каждый разъ о подобномъ случаѣ въ особую книгу, дабы по оной можно было судить и о крестьянахъ, и о строгостяхъ арендатора. Но какъ главная цѣль учрежденія особаго управленія государственными имуществами клонилась, такъ сказать, къ эмансипаціи крестьянъ, т. е. къ дарованію имъ правъ личной собственности и собственной расправы—мысль моя оставлена безъ вниманія.

Въ настоящую бытность мою въ С.-Петербургѣ, кромѣ Киселева, подробно о губерніи имѣли со мною разговоры Блудовъ и Клейнмихель, и я замѣтилъ, что они предубѣждены противъ меня, будто я иду противъ присоединенія униатовъ; я рѣшительно объявлялъ каждому изъ нихъ, что я не только не одобряю мѣры, принятыя вначалѣ, а теперь уже думаю, что труднѣе выполнить то, что можно было совершить однимъ ударомъ, именно: подчинить униатовъ синоду, а по времени замолчать о папѣ. Мнѣ противопоставляли толки и сужденія иностранныхъ правительствъ, а я указывалъ на дѣйствія Екатерины II и Иосифа II, отнявшихъ имущества у духовенства.

Съ Блудовымъ говорилъ я еще подробнѣе; утвердительно обнадеживая его, что при общемъ присоединеніи упорствующими распоряженіямъ правительства окажутся только нѣсколько ксендзовъ, но и тѣхъ можно, не обижая, успокоить пенсіями при удаленіи. Здѣсь

прибавлю, что мысль льготъ при обращеніи для униатовъ у Блудова была гораздо обширнѣе, нежели мною предлагаемая. Въ послѣдующемъ году положено уже было начало моему предположенію, т. е. униатское духовенство подчинилось не прямо синоду, но отдано въ завѣдываніе оберъ-прокурора онаго (1838 г.), а черезъ годъ (1839 г.), по выходѣ уже моемъ въ отставку, послѣдовало и общее присоединеніе...

Какъ были различны мнѣнія мое и Дьякова въ отношеніи этого дѣла, можно еще привести одинъ примѣръ. Я говорилъ уже о представленіи имъ въ сенатъ дѣла о депутатѣ духовномъ, отвергаемомъ лепельскимъ судомъ при сужденіи ушачскаго крестьянина, но я не зналъ, въ какомъ видѣ это дѣло было представлено. Однажды у пріятеля моего, фонъ-Дервиза, встрѣтился я съ сенаторомъ Меркуловымъ, нѣкогда бывшемъ костромскимъ губернскимъ предводителемъ; онъ просилъ фонъ-Дервиза познакомить меня съ нимъ. Сдѣлавъ мнѣ небольшое привѣтствіе, онъ отвелъ меня въ сторону.

«Извините меня, почтеннѣйшій генераль, что съ первой минуты знакомства съ вами я хочу поговорить съ вами объ одномъ серьезномъ для васъ дѣлѣ, разсматриваемомъ въ сенатѣ. На васъ представилъ генераль-губернаторъ Дьяковъ, что вы противодѣйствуете присоединенію униатовъ въ православіе, поддерживая въ судебныхъ мѣстахъ противящихся оному?».

— «Это очень мудрено для меня, отвѣчалъ я,—мы, кажется, съ Дьяковымъ не ссорились, жили въ ладу, и я очень желалъ-бы знать, по какому случаю онъ могъ сдѣлать противъ меня представленіе?»

«По дѣлу крестьянина гр. Платера изъ м. Ушачи».

— «Ну что-же Дьяковъ писалъ?»

«Онъ утверждаетъ, что полоцкая консисторія правильно по этому дѣлу назначила отъ себя депутата, а вы его хотите и домогаетесь устранить, и у насъ уже готовится журналъ поднести это дѣло въ докладъ государю съ невыгодною для васъ, именно—сдѣлать вамъ за это выговоръ».

— «Я помню очень обстоятельства дѣла, замѣтилъ я,—и скажу вашему пр—ву, что я не только смѣлъ, но даже иногда дерзокъ бываю. Ежели мнѣ сдѣлають выговоръ, я буду просить какъ милости у государя, чтобы меня судили».

«Ну, не пеняйте на меня, добрый И. С., я хотѣлъ васъ предостеречь. Я не знаю, что имѣетъ противъ васъ сенаторъ Бибииковъ, но онъ ужасно какъ глумится по этому дѣлу, и расхваливаетъ Смарагда и бранитъ васъ».

Черезъ нѣсколько дней я получилъ изъ Витебска частное письмо,

за подписью всѣхъ совѣтниковъ губернскаго правленія, которые прислали мнѣ сдѣланный правленію въ самомъ строгомъ тонѣ запросъ изъ сената и отвѣтъ правленія, и я совершенно успокоился. Значить, Меркуловъ настоялъ, чтобы дѣло болѣе разъяснилось, и вмѣсто выговора сенатъ не только взялъ мою сторону, но даже строго воспретилъ участіе духовныхъ депутатовъ въ судебныхъ инстанціяхъ при подобныхъ случаяхъ и поставилъ въ обязанность правленію наблюдать за этимъ, а Дьякову сдѣлано было замѣчаніе за необстоятельное изложеніе имъ въ сенатѣ дѣла.

Изъ Петербурга я возвратился въ Витебскъ въ половинѣ января 1838 года. Въ мое отсутствіе съ Дьяковымъ случились первые припадки ипохондрій. Еще при первомъ моемъ съ нимъ знакомствѣ я замѣтилъ, что онъ подчиненъ совершенно вліянію жены своей, но теперь она уже рѣшительно стала управлять всѣми его дѣйствіями, а на меня всегда глядѣла непріязненно. Да, признаюсь, я и самъ платилъ ей взаимностью. Получивъ орденъ Екатерины, она вздумала устроить въ Витебскѣ, на счетъ другихъ, разумѣется, благотворительное заведеніе для призрѣнія дѣтей, подъ названіемъ «Дѣтскаго пріюта» (тогда еще не было общаго устава для подобнаго рода заведеній) и, пригласивъ къ участію новаго губернскаго предводителя гр. Борха и нѣсколько постороннихъ лицъ, меня обошла и даже не удостоила ни свѣдѣнія объ этомъ, ни вопроса. Однажды мнѣ подали въ губернскомъ правленіи для подписи журналъ, съ прописаніемъ въ ономъ записки генераль-губернаторской канцеляріи о произведенной публикаціи на пожертвованіе для пріюта, и въ запискѣ говорилось, что онымъ управляетъ особый совѣтъ, подъ покровительствомъ г-жи Дьяковой.

Я обратился къ Дьякову съ вопросомъ: какое это заведеніе, частное или казенное, и черезъ кого образовался и утвердился совѣтъ, завѣдывающій онымъ, ибо я, начальникъ губерніи, ничего о немъ не знаю.

Дьяковъ извинился упущеніемъ канцеляріи своей, что она меня не извѣстила объ его согласіи на учрежденіе пріюта, и просилъ меня и жену мою принять въ ономъ участіе.

Я послалъ 100 рублей ассигнаціями и вмѣстѣ прошеніе объ отставкѣ. Въ тотъ-же день получилъ отзывъ, что моя просьба пущена въ ходъ; но поздно вечеромъ произошелъ пожаръ въ генераль-губернаторскомъ домѣ, куда я поѣхалъ, и тамъ ночью, въ продолженіи шести часовъ, у меня было обширное объясненіе съ Дьяковымъ, кончившееся новымъ между нами примиреніемъ. Онъ сознавался въ

своей неосмотрительности, обвинялъ бабы сплетни въ виновности частныхъ между нами размолвокъ, и убѣдилъ меня продолжать съ нимъ службу, утверждая, что это онъ дѣлаетъ не собственно для себя, но для блага губерніи. Я послѣ этого слегъ въ постель больной и нѣсколько дней не въ силахъ былъ даже заниматься дѣлами.

Пока я былъ въ Петербургѣ, вышелъ новый уставъ объ обязанностяхъ начальниковъ губерніи и земской полиціи; при послѣдней учреждалась новая должность становыхъ приставовъ. Блудовъ прислалъ мнѣ прочесть этотъ уставъ и спрашивалъ откровенныхъ отъ меня замѣчаній. Я ему напрямикъ сказалъ, что оба предположенія долго не удержатся, ибо основаны на теоріи больше, а не на практикѣ. Въ мое отсутствіе Г—нскій распоряжался назначеніемъ становыхъ приставовъ, и такъ честно и безкорыстно, что едва я вернулся въ Витебскъ, какъ получилъ отъ Дьякова письмо къ нему, писанное Блудовымъ, въ которомъ онъ объяснялъ, что всѣ становые пристава назначены за деньги, и даже опредѣлилъ цѣну по 600 рубл. съ каждаго за мѣсто. Дьяковъ просилъ меня раскрыть это дѣло.

Стыдясь заводить формальную переписку объ этомъ предметѣ, я вызвалъ къ себѣ всѣхъ военно-уѣздныхъ начальниковъ и поручилъ имъ словесно приложить стараніе попасть на нить, по которой можно было-бы обстоятельно добраться до истины. Всѣ четверо потомъ писали ко мнѣ секретно, что молва подтверждаетъ извѣстіе, но ни одинъ не представилъ такого факта, на который можно было-бы твердо опереться для слѣдствія. Я представилъ о затрудненіи Дьякову, и онъ принялъ рѣшительную мѣру. Всѣхъ 36 становыхъ приставовъ предложилъ устранить, а мнѣ лично предоставилъ опредѣлить новыхъ. Таковой рѣшимости отъ Дьякова я вовсе не ждалъ и опасался за него, чтобы сенатъ не подвергъ его отвѣтственности, но, напротивъ, министръ поддержалъ это рѣшеніе съ своей стороны.

Я пригласилъ къ себѣ гр. Борха, и объявивъ ему предложеніе Дьякова, просилъ тутъ-же пересмотрѣть со мною списокъ представленныхъ во время выборовъ отъ дворянства кандидатовъ. Всѣхъ, кого онъ зналъ лично и одобрилъ, я опредѣлилъ въ должность; тѣхъ, о коихъ отозвался дурно, исключилъ вовсе изъ числа претендентовъ, а о тѣхъ, о которыхъ онъ отзывался незнаніемъ ихъ лично, я завелъ особая справки, но принялъ себѣ навсегда правило не опредѣлять въ должность такихъ, которые по спискамъ видѣлись часто измѣнявшими свою службу. Моимъ распоряженіемъ и назначеніемъ и гр. Борхъ, и губернія остались вполне довольны.

Дьяковъ опять уѣзжалъ за границу; передъ отъѣздомъ жена его просила мою заведеніе, ея устроенное, принять въ свое управленіе.

Находя, что послѣ того начала, которое она-же, Дьякова, положила дѣлу, въ частныя ея распоряженія не приличествовало моей женѣ вмѣшиваться, я ей отсовѣтовалъ это, и мы разстались съ Дьяковымъ друзьями, а съ его женою въ явное опять разладѣ.

Въ это время было получено большое число секретныхъ свѣдѣній о польскихъ эмиссарахъ, пробравшихся въ Россію для подготовки къ возмущенію въ западныхъ губерніяхъ, и даже сообщенъ былъ знакъ наружный, долженствовавшій быть признакомъ участія, именно—эмблема вѣры, надежды и любви. Зорко вникая во все, что могло вести къ открытію злоумышленниковъ, я имѣлъ случай въ Лепелѣ отыскать пуговицы съ связанною эмблемою, изготовленныя въ Лондонѣ, и отправилъ ихъ гр. Бенкендорфу, но какъ особы, на которыхъ замѣчались такковыя пуговицы, всѣ оказывались самыми ничтожными и даже отличающіеся простотою люди, то я рѣшительно никого за это не беспокоилъ, и откровенно объ этомъ написалъ графу. Однажды, однако-же, пришелъ было въ большую тревогу.

Полковникъ Потаповъ, секретно разслѣдывавшій въ Лепелѣ о пуговицахъ, донесъ мнѣ, что тамъ захваченъ подозрительный чело-вѣкъ, по описанію, совершенно сходный съ эмиссаромъ Канарскимъ, и еще страннѣе, что онъ самъ называлъ себя фамиліею, тоже состоявшею въ списокъ объ эмиссарахъ. Я немедленно отправилъ жандармовъ привезти его въ Витебскъ, но по прибытіи удостовѣрился съ перваго взгляда, что онъ и фамилію, и примѣты приобрѣлъ суетно... Но въ то время, когда его везли въ Витебскъ, между обывателями дворянскаго разряда очень замѣтно было волненіе и множество бросились ему на встрѣчу. Всѣ такковыя любопытствующіе взяты были мною въ особое замѣчаніе.

Канарскій, между тѣмъ, былъ захваченъ дѣйствительно въ Вильнѣ, и я отъ тамошняго губернатора имѣлъ отношеніе отыскать одного дворянина (не упомяну фамилію), у котораго нѣкоторое время скрывался Канарскій и имѣлъ съ нимъ особыя связи. Надобно-же было, чтобы въ это время я получилъ донесеніе отъ земской полиціи, что именно такой-же фамиліи дворянинъ на-дняхъ зарѣзался въ имѣніи помѣщика Гудимъ-Левковича. Я назначилъ строгое и аккуратное слѣдствіе, по которому оказалось, что дворянинъ жилъ у Левковича уже много годовъ и прежде былъ учителемъ въ Витебскѣ, бѣдный, скромный чело-вѣкъ, вовсе не имѣвшій ни съ кѣмъ даже и случайной связи; слѣдовательно, ходъ дѣла открылъ его безвиннымъ въ участіи по возмущенію. Я не беспокоилъ Гудимъ-Левковича, но Дьяковъ, возвратясь изъ заграницы, на другой-же день рѣзко потребовалъ отъ меня по этому предмету объясненія и сдѣлалъ мнѣ

даже неприличное замѣчаніе. Пока мы переписывались, отъ виленскаго губернатора я получилъ извѣстіе, что отыскиваемое лицо имъ уже найдено и судится вмѣстѣ съ Канарскимъ. Несправедливость Дьякова меня чувствительно тронула.

За упущеніе по должности и за явно корыстолюбивыя дѣйствія я арестовалъ архитектора Бетини, во время отсутствія Дьякова. Бетини пожаловался на меня гр. Толлю; завязалась переписка, по которой Толль, придерживаясь моей стороны, передалъ, однако-же, это обстоятельство на разсмотрѣніе Дьякову; тотъ принялъ сторону Бетини и, выйдя изъ своихъ правъ, предложилъ строительной комиссіи объявить ему, что я поступилъ неправильно. Это было второе обстоятельство, затронувшее мои чувства.

Наконецъ, въ домѣ Дьякова оставалась мать жены его, больная старуха, и у нея гостила дочь помѣщика Цѣхановецкаго, лѣтъ 18-ти, бойкая, умная и чистая польская патриотка. Однажды, въ публикѣ, гласно она дозволила себѣ рѣзкую рѣчь относительно государя; за это ей и ея семейству я отказалъ посѣщеніе моего дома. Самъ отецъ ея принималъ это съ чувствомъ и къ сердцу, какъ слѣдуетъ благородно мыслящему. Дьяковъ, возвратясь изъ заграницы, явно взялъ сторону Цѣхановецкихъ, мнѣ даже не сдѣлалъ визита, а ему и семейству его далъ публичный обѣдъ. Это послѣднѣе обстоятельство еще болѣе другихъ меня тронуло.

Къ тому же, ежедневно получая отъ Дьякова нумеровъ по пяти предложеній на свое имя и такое-же число въ губернское правленіе, я находилъ каждый разъ, по крайней мѣрѣ, по четыре, въ которыхъ поставлялось мнѣ что-либо на видъ, какъ упущеніе, и всегда почти несправедливо. Я рѣшился уже не возражать на это; но со всѣмъ тѣмъ не могъ воздержаться, когда Дьяковъ поставилъ мнѣ на видъ безуспѣшное взыскаііе по губерніи недоимокъ, коихъ въ послѣднюю половину года моего управленія губерніею взыскано было около $\frac{1}{10}$ части, около 600 тыс. руб. Я отвѣчалъ, что правительство вѣроятно не такъ будетъ судить объ этомъ предметѣ, и ровно черезъ недѣлю за взыскаііе недоимокъ получилъ особенное монаршее благоволеніе.

1-го сентября (1838 г.) я подалъ въ отставку.

Я былъ увѣренъ, что государь обратитъ вниманіе свое на меня, и не ошибся въ этомъ. Гр. Бенкендорфъ извѣстилъ Дьякова, что государю угодно удержать меня на службѣ и передавалъ это ему, прося его содѣйствія. Дьяковъ, слышавъ еще прежде отъ меня, что если я подамъ опять въ отставку, рѣшительно уже не возьму просьбы своей назадъ, написалъ къ Бенкендорфу, что онъ четыре раза меня

уже останавливалъ, но мой безпокойный характеръ не ручается, чтобы я долго еще могъ продолжать службу; что я рѣшительно не могу быть ни у кого въ подчиненности и никакого начальства надъ собою сносить не могу, а потому онъ, Дьяковъ, почитаетъ даже вреднымъ для службы новое для меня убѣжденіе. Однимъ словомъ, вмѣсто благодарности, Дьяковъ убилъ однимъ ударомъ и службу мою, и приобретенное мною личное ко мнѣ благоволеніе государя.

Судьба привела меня послѣ этого жить въ Витебской губерніи, и, какъ частное лицо, я имѣлъ случаи еще сдѣлать многія замѣтки, которыя не дошли-бы до меня никогда въ званіи начальника губерніи.

Не прошло полугода, уніаты общеою массою присоединены въ православіе; мысль моя-же, а награды достались Дьякову и окружающимъ его.

И. Жиркевичъ.

Отъ редакціи. Послѣдующія страницы собственноручныхъ записокъ И. С. Жиркевича заключаютъ въ себѣ его разсужденія о разныхъ причинахъ плохого въ экономическомъ отношеніи состояніи Витебской губерніи за время съ 1836 по 1847 годъ, причеиъ указаны различныя средства къ поднятію экономическаго положенія этого края. Предположенія эти, иногда весьма разумныя, относятся, по времени, къ крѣпостному періоду въ бытѣ нашего отечества, и теперь, полъ-вѣка спустя, когда весь внутренній строй нашего отечества, а въ немъ и Витебская губернія, подвергся благимъ реформамъ Александра-Освободителя, многія предложенія и указанія бывшаго въ 1836—1838 г. въ Витебскѣ губернаторомъ И. С. Жиркевича потеряли интересъ и значеніе. Тѣмъ не менѣе, хотя послѣдняя часть, очевидно составляющая одну изъ двухъ черновыхъ обширной записки, которую кому-либо изъ людей, у власти стоявшихъ, подавалъ или посылалъ бывший начальникъ Витебской губерніи, заключаетъ не мало повтореній изъ фактовъ, пережитыхъ Жиркевичемъ,—она представляетъ нѣкоторыя событія и характеристики съ любопытными прибавленіями къ его мемуарамъ. Эти черты, какъ дополняющія вышеприведенный текстъ записокъ И. С. Жиркевича, мы приведемъ здѣсь въ отрывкахъ, соединивъ въ одну главу.

И. С. Жиркевичъ скончался въ Полоцкѣ въ 1848 г. отъ холеры.

Ред.

IX ¹⁾.

Отвѣвъ государя Николая о Смарагдѣ.—Камергеръ Скрипицынъ и вопросъ объ уніи.—Епископъ Исидоръ.—Епископъ Василій Лужицкій.—Неурожай 1844 и 1845 гг.—Голодъ.—Мѣры къ снабженію продовольствіемъ.—Семявинъ.—Заботы о казенныхъ крестьянахъ.—Исправленіе дорогъ.—Заключеніе.

Дьяковъ, соглашаясь совершенно съ моими замѣчаніями, при разговорѣ сказалъ мнѣ, что государь Николай Павловичъ при опредѣленіи его въ генераль-губернаторы именно указалъ ему, что важнѣйшіе безпорядки Витебской губерніи относятся прямо къ обращенію униатовъ; что Хованскій и Шрейдеръ не умѣли взяться за это дѣло, а Смарагдъ дѣйствуетъ какъ невѣжда; что онъ первыхъ двухъ немедленно смѣнилъ, но архіерея до времени оставляетъ на мѣстѣ, чтобы не остановить присоединенія, которое необходимо, рѣшительно должно совершиться, ибо этого требуетъ политика и спокойствіе государства, но что ему угодно, дабы имя его не вмѣшивалось отнюдь въ обстоятельства.

— «Ежели мы увидимъ, прибавлялъ государь,—что иначе со Смарагдомъ нельзя управиться, я и его переведу отъ тебя, а тебѣ дамъ знакомаго тебѣ Павла изъ Варшавы».

Я здѣсь привожу въ точности слова Дьякова.

..... Между тѣмъ пріѣзжалъ въ Витебскъ чиновникъ отъ оберъ-прокурора синода, камергеръ Скрипицынъ, который, явясь ко мнѣ, спрашивалъ словесно моего мнѣнія, не признаю-ли я удобною мѣру, которую намѣрено принять правительство въ отношеніи къ остающимся униатамъ: церкви ихъ и духовенство предполагаютъ подчинить въ полное вѣдѣніе канцеляріи оберъ-прокурора. Я отвѣчалъ положительно, что не только эта мѣра, но и общее присоединеніе униатовъ не встрѣтятъ и не встрѣтило-бы никогда препятствія, если-бы вмѣсто теперешнихъ мѣръ начали дѣйствовать прямо на духовенство. Я увѣренъ, что упорныхъ священниковъ едва-ли сыщется въ общемъ числѣ десятка два, которыхъ можно политически, не оскорбляя, перевести въ другія губерніи, но тамъ, не давая имъ мѣстъ, замѣнить оныя пожизненнымъ пенсіономъ; тогда все присоединеніе послѣдуетъ безъ малѣйшаго замѣшательства.....

¹⁾ Какъ видно изъ помѣтки автора записокъ, глава эта писана въ 1847 г., въ Полоцкѣ.

....Скажу еще слова два о Смарагдѣ: заносчивость его и самонадѣяность простиралась до такой степени, что онъ на гражданскихъ чиновниковъ и на владѣльцевъ имѣній всегда смотрѣлъ съ пренебреженіемъ, и въ собственномъ ихъ даже присутствіи оказывалъ имъ явное презрѣніе. Не одинъ разъ за столомъ у кн. Хованскаго, при значительнѣйшихъ дворянахъ и сановникахъ, онъ выражался, называя ихъ злыми католиками, гнусными польскими вырожденцами, — и не нашлось ни одного лица къ возраженію противъ этой наглости....

....Смарагда перевели въ другую губернію, тамъ онъ сталъ дѣйствовать иначе и снисходительнѣе, и привлекъ къ себѣ расположеніе владѣльцевъ имѣній; въ Витебскъ на его мѣсто поступилъ могилевскій викарный епископъ Исидоръ, человекъ кроткій, благонравный и честный архипастыр¹⁾. Со мною онъ тотчасъ сошелся и понял и намѣренія мои, и дѣйствія, и ежели по неизвѣстности къ свѣтской жизни иногда входилъ въ ошибочное сужденіе о дѣлахъ, по объясненіи о томъ легко усматривалъ ошибку и измѣнял свои мысли и направленіе. Черезъ два года и его перевели въ Могилевъ; обыватели витебскіе съ душевною скорбію и со слезами провожали отъѣздъ преосвященнаго Исидора въ Могилевъ; народъ встрѣтилъ его съ предубѣжденіемъ въ его пользу и хотѣлъ даже отпречь у него подъ экипажемъ лошадей и везти на себѣ до собора, — такъ много слышалъ о немъ похвалы.

Въ Витебской губерніи, духъ самовластиа, закравшись единожды въ духовенство, не скоро и безъ усилій едва-ли когда истребится. Теперешній (1847 г.) архіерей Василій (Лужицкій), перешедшій къ православной церкви изъ униатовъ, скоро, очень скоро, забылъ то униженное и горькое положеніе, въ которомъ онъ былъ относительно къ Смарагду; онъ тоже хочетъ представлять и представляетъ изъ себя владыку; духовенство подъ нимъ вообще ставитъ себя въ первый рядъ государственнаго управленія, вовсе не постигая того, что ежели наружно и отдаются оному уваженіе и почести, но это нисколько не должно касаться до свѣтскихъ отношеній, а въ одномъ только духовномъ направленіи. Теперь ни одинъ священникъ съ владѣльцемъ имѣнія не говоритъ иначе, какъ съ подчиненнымъ себѣ, а изъ чернаго класса народа каждаго онъ считаетъ совершеннымъ для себя работъ. Крайне удивляло меня, когда я пріѣхалъ въ Витебскъ, печатное объявленіе новаго архіерея, въ видѣ приказа, чтобы при назначенномъ имъ

¹⁾ Епископъ витебскій въ 1838 г., преосвященный Исидоръ нынѣ, въ 1890 г., высокопреосвященный митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, всѣми высочайшимъ архипастыр¹⁾.

крестномъ ходѣ всѣ прихожане, собираясь предварительно въ приходскихъ церквахъ своихъ, непремѣнно присутствовали при общемъ ходѣ; чтобы всѣ елужаціе чиновники были при томъ непремѣнно. Очень часто теперь (1847 г.) возникаютъ прихотливыя притязанія мѣстнаго духовенства, чтобы чиновники собирались именно въ такую-то, а не въ другую какую церковь, въ табельные дни, для слушанія молебствія, не взирая ни на отдаленіе, ни на тягость, которая по мѣстности можетъ быть для этого служащимъ. Епархіальный начальникъ объ этомъ настоятельно пишетъ свои требованія къ гражданскому начальству, а оно слѣпо ихъ выполняетъ. У прихожанъ отымается (1847 г.) воля не только приписываться по собственному желанію къ приходамъ, но даже препятствуютъ имъ имѣть такихъ духовниковъ, которыхъ они сами себѣ предназначаютъ. Я не постигаю, какая польза можетъ быть отъ такого принужденія, но самовластіе духовенства было и будетъ всегда во вредъ обществу, и по моему мнѣнію, необходимо должно положить оному преграду (1847 г.)....

....Въ 1844 году, еще лѣтомъ, начались толки и сужденія о плохомъ урожаѣ хлѣба по губерніи; генераль-губернаторъ Дьяковъ и губернаторъ Клементьевъ, осмѣивая пророчество, утверждали, что это обыкновенная уловка витебскихъ помѣщиковъ просить о льготахъ и пособіяхъ. Съ сентября начали поступать объ этомъ отъ предводителей и земской полиціи форменныя донесенія, но господа главноначальствующие не только не давали этимъ извѣстіямъ вѣры, но даже ни мало не озаботились отъ себя хотя поверхностно удостовѣриться въ справедливости; наконецъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, крестьяне одного помѣщика послали гр. Орлову жалобу, что они умираютъ съ голоду, а помѣщикъ не только собственный, но даже и ихъ хлѣбъ обращаетъ на винокурню. Изъ Петербурга былъ присланъ особый жандармскій штабъ-офицеръ, изслѣдовать жалобу. Первый онъ, а потомъ уже губернскаго предводитель, прямо отъ себя къ министру донесеніями, произвели тревогу. вмѣсто того, чтобы обратитъ вниманіе тотчасъ и предварительно принять какія нужно мѣры, если справедливо донесеніе, чѣмъ-бы выигрывалось время къ пособію,—въ началѣ февраля (1844 г.) отправился въ Витебскъ, черезъ Псковскую губернію, въ коей тоже открылась нужда, товарищъ министра Сенявинъ; онъ повезъ съ собою кучу денегъ и чиновниковъ. Не знаю, что онъ дѣлалъ во Псковѣ, но, пріѣхавъ въ Витебскъ, онъ приступилъ немедленно собирать нуждающихся и лично выдавать имъ пособіе; должно замѣтить, что по городу Витебску нужда была еще вовсе нечувствительна, ибо цѣна хлѣба на рынкахъ не превышала 1 р. 20 к. или 1 р. 30 к. за пудъ муки ржаной, но едва почувяли присутствіе благодѣтеля, и внутренніе, и

внѣшніе поселяне кинулись на покормку; горожане бросились по квартальнымъ и частнымъ надзирателямъ полиціи собирать записки о бѣдности. Записка просящему стоила иногда 25, 20, 15 и даже 10 копѣекъ серебромъ, а онъ получалъ за это 2, 3, 5 и 10 рублей, а внѣшніе болѣе отставные или безсрочно-отпускные солдаты наводнили городъ; цѣны на муку поднялись вдругъ, и черезъ недѣлю дошли едва не до 3-хъ рублей за пудъ.

Замѣтить должно, что ежели-бы не только въ декабрѣ, но даже и въ февралѣ уже обращено было вниманіе на Бѣльскіе промыслы, на московскую и калужскую торговлю хлѣбомъ,—весною, въ маѣ мѣсяцѣ, рожь могла продаваться съ небольшимъ за 10 рублей четверть на ассигнаціи, но внезапно произведенное потрясеніе разлилось и туда, и тамъ цѣны тотъ-же часъ стали подниматься, но въ Витебской губерніи собственно торгующихъ хлѣбомъ купцовъ нѣтъ, а въ городахъ этимъ занимаются перекупщики, и коль скоро однажды цѣна гдѣ подымется, то она уже держится не мѣсяцы, а годы, и умышленно поддерживается главными спекуляторами.

Затѣмъ начались толки, какъ и чѣмъ пособить помѣщикамъ,—разумѣется деньгами. Но сужать на слово не приходилось, а имѣнія болѣе $\frac{9}{10}$ числа оныхъ по губерніи заложены уже въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Рѣшили роздать прежде небольшой запасный капиталъ, предназначенный именно на этотъ предметъ, а потомъ разрѣшить въ заложенныхъ имѣніяхъ(?). Если-бы это было разрѣшено въ равной силѣ на всѣхъ, тутъ, по крайней мѣрѣ, не давалось-бы повода къ ропоту, но положили образовать уѣздные комитеты подъ руководствомъ предводителей, или, приличнѣе выразиться, ихъ письмоводителей, для разсмотрѣнія нуждъ просящихъ пособие и въ соразмѣрности опредѣлять количество пособія. Разумѣется, если кто изъ просящихъ имѣлъ болѣе вѣса по дворянству, тотъ и получилъ болѣе, а слабѣйшему доставались послѣднія крохи, но и это еще не бѣда, если-бы хлѣбъ можно было достать сходно на мѣстѣ.

Я утверждалъ и теперь утверждаю, что вѣрнѣйшее пособие было-бы, если-бы высшее управленіе прежде всего устремилось на пунктъ начального заготовленія хлѣба; тамъ, безъ подряда и контрактовъ, но прямо изъ первыхъ рукъ, купило-бы хлѣба до 200, 300 или даже до 500 тысячъ четвертей; сплавомъ оный двинуло по Двинѣ, и вмѣсто денегъ предложило-бы хлѣбъ по обоедшейся казнѣ цѣнѣ,—тогда это было-бы чистое благотвореніе и пособие, и въ послѣдующій годъ не было-бы голода; но даже если уже рѣшено было давать пособие деньгами, то можно-же было сообразить, что кто богаче, тотъ скорѣе можетъ сыскать сторонній кредитъ, нежели бѣдный. Почему было не

ограничить количествомъ душъ имущества кому давать помощь; тутъ никто не могъ-бы жаловаться. Можно было-бы богатымъ предоставить путь просить особенно пособіе, бѣднымъ дать безъ процентовъ или съ должайшею разсрочкою, а богатымъ—на обыкновенныхъ условіяхъ.

Что-же вышло изъ настоящаго распоряженія? Денегъ разбросано множество, съ надеждою (но, увѣряю, тщетною) къ возврату. Хлѣба не куплено, ибо купить было негдѣ, и поселяне не только чтобы утолить голодъ свой, но оставили и послѣдующій годъ поля свои безъ засѣвовъ. Базалось-бы, какъ хотя опыту не научить къ лучшему порядку!

Въ 1845 году опять оказался неурожай, что не только предвидѣть, но даже неперемѣнно полагать слѣдовало, а между тѣмъ, и въ чужихъ краяхъ оказался голодъ. Требованія черезъ Ригу хлѣба за границу подняли цѣну онаго до несоразмѣрности. Тогда уже казна распорядилась подрядомъ заготовить большое количество хлѣба и часть онаго сплавилла по Двинѣ, но позже всѣхъ частныхъ каравановъ и безъ малѣйшаго о томъ по губерніи оглашенія, такъ что мы, живущіе на берегу рѣки и тамъ, гдѣ была складка хлѣба, услышали послѣ, что казенный хлѣбъ продавался по точной рыночной цѣнѣ, а ежели и съ нѣкоторымъ пониженіемъ, то единственно въ руки перекупщиковъ.

Это отчего случилось? Вотъ причина: не губернское начальство, а министерство стало уже заботиться о дальнѣйшемъ ходѣ послѣдствій неурожая; повсюду разослало своихъ чиновниковъ; тѣ на мѣстахъ и по перепискѣ еще въ іюнѣ 1845 г. утвердительно удостовѣрились, что опять долженъ быть неурожай; за границую, особенно въ Пруссіи, цѣны были умѣренныя; тогда министерство сдѣлало распоряженіе купить прусской ржи четвертей до 500 тысячъ и чрезъ Ригу поднять ее на легкихъ судахъ вверхъ по Двинѣ и предложить нуждающимся витебскимъ помѣщикамъ, сперва для покупки, а потомъ хотя въ суду по цѣнамъ, во что обошелся казнѣ хлѣбъ.

Операция сама по себѣ обошлась дорого, а на бѣду съ конца іюля пошли дожди, хлѣбъ въ худо покрытыхъ лодкахъ подмокъ и испортился, деньги, розданныя въ суду, истратились на другіе предметы, и хлѣбъ этотъ просто прогулялся по Двинѣ. Тутъ уже стали думать не о пособіи и благотворительности, а чтобы поправить сдѣланную ошибку, только о выручкѣ издержки,—и вотъ истинная причина безгласности о спущенномъ въ 1846 году хлѣбѣ и о продажѣ онаго по рыночной цѣнѣ.

Главное управленіе государственными имуществами нѣсколько благовременнѣе стало принимать мѣры для обезпеченія своихъ крестьянъ, но тутъ формы, многосложность, а болѣе корысть уничтожаютъ цѣль

благотворенія. Подрядчики подняли цѣну сперва на хлѣбъ, а потомъ на подвозъ онаго, и мѣстные чиновники помогли злоупотребленіямъ; мнѣ въ точности извѣстно, ибо я слышалъ прямо отъ самого блюстителя за торгомъ и распорядителя въ передачѣ крестьянамъ хлѣба, что первоначально присланный хлѣбъ изъ Смоленской губерніи въ Витебскую черезъ Порѣчье, на пути своемъ освидѣтельствованный мѣстнымъ управляющимъ палатою и вице-директоромъ департамента, на пристань доставленъ подмѣшаннымъ и частью негоднымъ даже въ пищу, и когда я спросилъ, какъ-же онъ не забраковалъ этого хлѣба? онъ мнѣ отвѣчалъ:

— «Да что-же вы хотите, чтобы меня отдали подъ судъ? Скажутъ, что я доношу на моихъ начальниковъ, и пожалуй еще на мой счетъ отнесутъ простой подводъ прибывшихъ для накладки хлѣба изъ деревень».

О другихъ зимнихъ транспортахъ, перевозимыхъ съ Днѣпра, онъ-же мнѣ говорилъ, что до трехъ, а изъ иныхъ имѣній до четырехъ разъ поднимались подводы, и въ самую жестокую распутицу, доходя до мѣста, откуда назначался отпускъ, тамъ не находили хлѣба, и сами возвращались голодные, переморя болѣе нежели половину своихъ и безъ того тощихъ влячъ совершенно. Вотъ и при самомъ благовидномъ намѣреніи какъ усиливается зло отъ сложнаго устройства въ управленіи; не лучше-ли, если-бы администраторъ, котораго я предложилъ выше, бывши самъ хозяиномъ, самъ распорядился, откуда и какъ подвести подмогу своимъ крестьянамъ; имѣя судоходные пункты въ своемъ собственномъ участкѣ, онъ на немъ могъ-бы сдѣлать основной складъ своего запаса, къ оному подсылать подводы не вдругъ, а по частямъ и избѣгая по возможности дурныхъ путей.

Главное управленіе, извѣстясь о непоимѣрной убыли въ лошадахъ у крестьянъ, выслало значительную сумму денегъ для покупки оныхъ. Тутъ нѣтъ надобности распространяться, какія и какими средствами покупались лошади и какъ ихъ раздавали крестьянамъ; въ моей запискѣ къ министру я сдѣлалъ намекъ на то, о чемъ публично и гласно говорено было повсюду; чего-же можно ожидать при новой довѣренности на пособіе крестьянамъ чрезъ мѣстныхъ начальниковъ?

Наконецъ, вотъ нѣсколько словъ и насчетъ содержанія дорогъ по губерніи въ исправности. Сложите подать съ душъ, взимаемую за право вольной продажи вина, положите оную на самое вино; этимъ облегчится крестьянинъ чувствительно. Поправку и исправное содержаніе дорогъ возложите на ближайшія къ пунктамъ дороги селенія въ такой соразмѣрности, чтобы это не было тяжкимъ лишь для нихъ бременемъ (что, впрочемъ, они теперь по необходимости

тоже выполняютъ, но безъ всякаго возмездія). Остальныя селенія обложите новымъ посильнымъ налогомъ и зачтите этотъ налогъ, въ равной мѣрѣ по числу душъ, на тѣ селенія, которыя будутъ заняты постоянно исправленіемъ дорогъ. Въ случаѣ голода и неурожая, займите особеннымъ устройствомъ дорогъ большое число нуждающихся крестьянъ, съ платою имъ на кредитъ губерніи во ожиданіи послѣдующихъ благодатныхъ урожаевъ. Уплатить губернія этотъ кредитъ—хорошо, не заплатитъ—обратите своевременно въ льготу; это будетъ и благотвореніе, и принесетъ болѣе пользы, нежели строгій учетъ однѣхъ недоимокъ, которыя, ежегодно умножаясь, все-таки доводятъ до такого-же конца, что приходится ихъ складывать со счетовъ.

Однимъ словомъ, хотите благоденствія губерніи, дружно и не жалѣя пожертвуйте капиталами по всѣмъ статьямъ вдругъ, довѣрьте въ этомъ ежели не начальнику губерніи, то генераль-губернатору, и ежели тотъ, оставя мелочные предметы, употребитъ серьезно свои занятія на дѣло и благо общія, то—повѣрьте—губернія, по мѣстности своей занимающая выгодный пунктъ въ государствѣ, не только подыметься, но будетъ процвѣтать и сторицею вознаградитъ положенныя на нее издержки.

Воля русскаго царя такъ мощна,—повелитъ изъ Витебской губерніи сдѣлать садъ, и будетъ садъ изъ нея! Монументъ Петра I стоитъ на болотѣ и не колыхнется ни разу.

Полоцкъ, 26 апрѣля 1847 года.

Ив. Ст. Жиркевичъ.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчиваемъ печатаніемъ «Записки И. С. Жиркевича»; приводимъ нѣсколько строкъ изъ предисловія къ нимъ о послѣднихъ годахъ жизни этого достойнѣйшаго человѣка, честнаго и усерднаго служака времени Николая I-го; вотъ что, между прочимъ, сказано въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ IX (стр. 211—212):

«По выходѣ своемъ изъ службы, въ 1838 г., Иванъ Степановичъ поселился съ семействомъ въ Полоцкѣ, и прожилъ девять лѣтъ самымъ скромнымъ образомъ, за неимѣніемъ средствъ. Умеръ онъ отъ холеры въ 1848 году. Жена его, Александра Ивановна, рожденная Лаптева, неразлучная его спутница, не могла его пережить, и не прошло шести недѣль, какъ она, въ свою очередь, сошла въ могилу. Иванъ Степановичъ оставилъ послѣ себя двухъ дочерей, Н. Ив. Глушкову и Зинаиду Ив. Ганъ, и сына Владиміра Ивановича, дружескому вниманію котораго мы обязаны сообщеніемъ нѣнѣ печатаемыхъ записокъ¹⁾. «Безпокойный, строптивый, неуживчивый человѣкъ», такъ отзывался

¹⁾ Владиміръ Ивановичъ, послѣ многолѣтней службы на посту лѣсничаго въ Западной Россіи, вышелъ въ отставку. Сынъ его, родной внукъ Ивана Сте-

объ И. С. Жиркевичъ его ближайшій начальникъ, безхарактерный генер. Дьяковъ; и не ему, этому заурядному въ то время генералу, было понять, что неуживчивость и строптивость Жиркевича вытекали изъ чистѣйшаго источника, именно—изъ неподкупной, фанатической честности, изъ преданности и любви къ царю и отечеству. Этими свойствами характера покойнаго запечатлѣны его записки».... Вообще Иванъ Степановичъ одинъ изъ ярко типичныхъ представителей энергичныхъ, весьма смѣтливыхъ и способныхъ, честныхъ и горячихъ служака Николаевского времени. Если-бы такіе именно служаки не составляли-бы, поль-вѣка тому назадъ, довольно рѣдкаго исключенія въ Россіи, въ ея чиновныхъ и высшихъ служилыхъ сферахъ, то исходъ грозы, разразившейся надъ нашимъ отечествомъ въ 1853—1855 гг., былъ-бы, конечно, другой. Къ сожалѣнію, Жиркевичей было весьма немного, и императоръ Николай, любившій и цѣнившій Ивана Степановича, понималъ это, но не въ силахъ былъ побороть казнокрадство, ложь и апатію. Для этого былъ нуженъ другой режимъ—п онъ насталъ съ освобожденіемъ крѣпостной Россіи и съ ея возрожденіемъ по манію царя-преобразователя Александра II... Теперь Жиркевичей—много въ рядахъ военныхъ и гражданскихъ дѣятелей, много ихъ и въ средѣ земскихъ служака, а будетъ и того больше, если гласность, правда, судъ и просвѣщеніе будутъ и шире, и глубже разливаться и упрочиваться на святой Руси...

Ред.

пановича, Александръ Владиміровичъ, кончивъ курсъ въ военно-юридической академіи, служить въ западныхъ губерніяхъ по военно-судной части.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1890 г.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

ЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

- I. Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789—^{стр.}
1848 гг. Гл. XXV—XXVII. Часть IV, гл. I—IX.
Сообщ. И. С. Жиркевичъ. 63—132, 225—277, 667—706
- II. Записки Михаила Николаевича Кирѣева. Род. 1789,
† 1865 г. Гл. I—VIII. Сообщ. А. А. Кирѣевъ.
1—62
- III. Дневникъ Александра Васильевича Никитенко, 1856—
1858 гг. Сообщ. А. В. Никитенко . . . 133—160,
361—377, 575—626
- IV. Записки сенатора Вл. Нв. Дена, 1856—1864 гг.
Гл. XV—XVII. Сообщ. В. И. Денъ 161—194
Генералы Ушаковъ и Сабашинскій. Замѣтка къ запискамъ В. И.
Дена. Сообщ. Геобальдъ. 439—442

Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка, рассказы, матеріалы, замѣтки.

	стр.
I. Надежда Андреевна Дурова. Матеріалы къ ея біографіи. Род. 1790 г., † 1863 г. Сообщ. Э. Э. Лашмановъ	657—666
II. Императрица Марія Ѳеодоровна въ ея письмахъ къ Лафонъ и Пальменбахъ, 1797—1802 гг. Сообщ. бар. Э. А. Бюлеръ	413—436
III. Протоіерей Д. В. Разумовскій. Род. 1823 года, † 1889 г. Сообщ. М. Пѣтуховъ.	437—438
IV. Сенатскій указъ о кн. Долгорукомъ, 1824 г. Сообщ. Г. С.	213—215
V. Описаніе устройства эшафота и позорнаго столба около 1831 г. Ред.	219
VI. Юрій Александровичъ Головкинъ, 1834 г. Сообщ. А. Барсуковъ.	222—223
VII. Случай въ Петербургѣ въ 1848 г. Рассказъ бывшаго гв. офицера. Сообщ. Н. Н. Жеденовъ.	293—316
VIII. Николай Николаевичъ Жеденовъ. Род. 1817 года, † 1889 г. Ред.	443—444
IX. Петръ Владиміровичъ Алабинъ. 1890 г. Ред.	216
X. Надгробная курьезная надпись. Сообщ. П. Васильевъ	218

Исторія русской литературы.

I. Пѣсня пѣкотораго мореходца 1809 г., А. С. Шашкова. Сообщ. А. В. Телесницкій	445—447.
II. Историческія пѣсни. Изъ бумагъ полк. ген. шт. Н. И. Барковского. Сообщ. Морозъ	468, 570 и 656

- стр.
- III. Василий Трофимович Нарѣжный. Род. 1780 года,
† 1825 г. Сообщ. Н. Бѣлозерская 469—527
- IV. Николай Иванович Новиковъ въ его перепискѣ съ
кн. Н. Н. Трубецкимъ, въ 1816 г. Сообщ. Н. С. Ти-
хонравовъ. 457—467
- V. Николай Михайловичъ Карамзинъ у гр. Н. П. Румян-
цова въ 1824 г. Сообщ. Л. Н. Майковъ. 449—456
- VI. Степанъ Петровичъ Шевыревъ. Сообщ. Н. И. Пановъ.
627—630
- VII. Осипъ Ивановичъ Сенковскій (Баронъ Брамбеусъ). Вос-
поминанія Е. Н. Ахматовой 317—360
- VIII. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Письмо къ М. Н.
Загоскину. Сообщ. В. А. Кордтъ 292
- IX. Василий Ивановичъ Туманскій. Изъ его бумагъ. Сообщ.
С. Брайловскій 378—386
- X. Анна Алексѣевна Андро, рожденная Оленина. Сообщ.
П. М. Устимовичъ 387—412
- XI. Николай Платоновичъ Огаревъ. Его стихотворенія. 224
- XII. Николай Васильевичъ Гоголь. Письма къ нему А. О.
Смирновой. 1846—1847 гг. Сообщ. В. И. Шенрокъ
195—212, 279—291
- XIII. Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Изъ его жизни
въ Саратовѣ. Сообщ. Ф. В. Духовниковъ. 531—574
- XVI. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой въ воспоминаніяхъ
Е. Скайлера. Перев. съ англ. и сообщ. А. Ф. Г. 631—655
- XV. К. К. Р—въ. Стихотвореніе его 278
- XVI. Аванасій Прокофьевичъ Щаповъ. Стихотвореніе его.
1861 г. Сообщ. П. Васильевъ 217—218
- XVII. М. А. П. Стихотвореніе: «Павловцу». 1890 г. 216

- XVIII. Архивъ князя Ѡ. А. Куракина. Историческій сборникъ. Спб. 1890 г., въ б. 8 д., стр. 380. Книга первая. Историческіе труды, дневникъ, записки и переписка князя Бориса Ив. Куракина. Сообщ. Мих. Ив. Семеvскій.

447—448

Портреты.

- I. Портретъ исторіографа, сенатора, князя Михаила Михайловича Щербатова, † 1790 г. Гравироваль съ живописнаго подлинника, принадлежащаго Императорской публичной библіотекѣ въ Спб., художникъ В. В. Маттэ.

(См. стр. 1).

- II. Портретъ президента Императорской академіи художествъ, археолога, Алексеѣя Николаевича Оленина († 1842 г.). Воспроизвелъ для «Русской Старины», по фотогравюрѣ, исполненной въ Парижѣ съ гравюры на мѣди профессора Н. И. Уткина, профессоръ Н. П. Пожалостинъ, въ 1876.

(См. стр. 225).

- III. Портретъ поэта и писателя Вильгельма Карловича Кюхельбекера. Гравироваль художникъ И. И. Матюшинъ.

(См. стр. 249).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Энциклопедическій словарь, подъ редакціей профессора И. Е. Андреевскаго. Томъ первый. Изд. гг. Брокгауза и Ефрона. Спб. 1890 г., въ два столбца, со многими полиптипажами и картами. (На оберткѣ VII книги „Русской Старины“ изд. 1890 г.)
2. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кievской дружиной Руси. Изслѣдованіе Е. В. Барсова. Т. III. Лексикологія

- «слова А—М». Москва 1890 г. (Изъ «Чтеній Московск. Общ. Ист. и Древн.»). Въ б. 8 д., стр. VIII+537. (Тамъ-же).
3. Гусли—русскій народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. Ал. С. Фаминцына. Спб. 1890 г. Въ б. 8 д., стран. 132+8. Изд. «Иму. Общ. Любит. Древн. Писъм.» (Тамъ-же).
 4. Памятная книжка московскаго архива министерства юстиціи. (Въ особ. прил. 6 чертеж., изображ. зданіе архива, съ объяснен. къ нимъ). М. 1890 г. Въ б. 8 д. (Тамъ-же).
 5. Общій морской списокъ. Спб. 1890 г. Въ 8 д. Части III, IV и V. Царствованіе Екатерины II. Отъ буквы А до буквы Θ. Составилъ Θ. Θ. Веселаго. (Тамъ-же).
 6. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ 1889 г., изд. подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. Москва, въ б. 8 д., четыре книги. (На оберткѣ VIII книги «Русской Старины» изд. 1890 г.).
 7. Акты Московскаго государства, изд. императ. акад. наукъ, подъ ред. Н. А. Попова, члена-корресп. акад. Т. I. Разрядный приказъ. — Московскій столъ. 1571—1634. Спб. 1890 г., б. 8 д. Стран. XLIV+767. (Тамъ-же).
 8. Очеркъ исторіи города Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи. С. Θ. Огородникова. Спб. 1890 г., 8 д., стран. 327. (Тамъ-же).
 9. Былое врачебной Россіи. Л. Θ. Змѣевъ. Съ двумя портретами (Соколовъ и Я. Чистовичъ). Спб. 1890 г., 8 д. (Тамъ-же).
 10. Къ исторіи крестьянскихъ движеній въ Россіи. «Волненія помѣщичьихъ крестьянъ Кіевской губ. въ 1855 г.» М. Н. Яенскаго. Кіевъ, 1890 г., 8 д., стран. 54. (Тамъ-же).
 11. Е. Н. Щепкина. — Старинные помѣщики на службѣ и дома. Изъ семейной хроники (1578 — 1762). Спб. 1890 г., въ 8 д., стр. 224. (Тамъ-же).
 12. Родословная Селифонтовыхъ и Румянцовыхъ—«для друзей»—составл. Н. Н. Селифонтовымъ. [См. № 68 по родословной]. Спб. 1890 г., въ 8 д., стр. 59. (На оберткѣ IX-й книги «Русской Старины» изд. 1890 г.).

13. Словарь библіофила, т. е. словъ, касающихся книжнаго и печатнаго дѣла. Е. И. Аркадьева: Москва, 1890 г., въ 8 д., стр. 88. (Тамъ-же).
14. «Помощь самообразованію». Сборникъ публичныхъ лекцій, популярно-научныхъ статей и литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, издаваемый и редактируемый врачомъ А. О. Тельнихинымъ. Саратовъ, выпускъ второй, 1890 г., 8 д., стр. 262. (Тамъ-же).
15. Замѣтки Ф. П. Минюшскаго на книгу «Annuaire de de la noblesse de Russie, publié par Roman Ivanovitch Ermerin». Спб. 1889 г. Напечатаны въ Новочеркасскѣ, 1889 г. 8 д., стр. 20. (Тамъ-же).
16. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. По неизданнымъ источникамъ составилъ генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ князь Щербатовъ. Томъ второй, съ 8 картинами и планами. Августъ 1826—октябрь 1827 г. Спб., 1890 г., въ 6. 8 д., стр. 331+278. (Тамъ-же).

3 0000 108 520 291

